№ 2
февраль
2026 г.

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

LAW and MANAGEMENT

scientific and legal journal

Ежемесячный аналитический научно-правовой журнал, посвященный актуальным вопросам гражданского, административного права,судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, а также правовому мониторингу гражданского законодательства в России и мире

Monthly analytical scientific and legal journal on topical issues of civil, administrative law, judicial power, law enforcement and human rights activities, as well as legal monitoring of civil legislation in Russia and the world

Председатель редакционного совета:
доктор юридических наук, профессор
Василий Васильевич Гущин
Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор
Светлана Анатольевна Иванова
Заместитель главного редактора:
доктор юридических наук, доцент
Марат Селирович Шайхуллин
Заместитель главного редактора по научному развитию:
Руслан Гандалоев
кандидат политических наук, доцент
Корректор:
Вера Ивановна Козлова
Компьютерная верстка и дизайн:
Марина Владимировна Горячева

Chairman of the Editorial Board:
doctor of law sciences, professor
Vasily Vasilievich Gushchin
Editor-in-Chief:
doctor of law sciences, professor
Svetlana Anatolyevna Ivanova
Deputy Editor-in-Chief:
doctor of law sciences, associate professor
Marat Selyovich Shaikhullin
Deputy Editor-in-Chief for Scientific Development:
Ruslan Gandaloev
candidate of Political Science, Associate Professor
Corrector:
Vera Ivanovna Kozlova
Computer layout and design:
Marina Vladimirovna Goryacheva

Учредитель и издатель:
Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-84981, ПИ № ФС77-46150 от 12 августа 2011 г.)
Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Адрес редакции (для писем): 111397,
г. Москва, Зеленый проспект, 22-302.
Home page: www.law.law-books.ru
E-mail: mail@law-books.ru

Founder and Publisher:
Publishing house «YURKOMPANI»

Registered with the Federal Supervision Service in communications, information technology and mass communications (EL Media Registration Certificate No. FS 77-84981, PN FS77-46150 dated August 12, 2011)
Included in the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and registered with the Scientific Electronic library e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Editorial address (for letters): 111397, Moscow,Green Avenue, 22-302.
Home page: www.law.law-books.ru
E-mail: mail@law-books.ru

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Право и управление» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

When using published materials, the link to the magazine “Right and Control” is mandatory. Materials published in the journal can be placed in electronic legal databases and reference systems. All manuscripts sent are subject to mandatory review. The author of the manuscript is informed of the decision. The editorial opinion may not coincide with the opinion of the author.

Индекс подписки в каталоге «Пресса России» и «Библиотечном каталоге»: 46148

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **В.В. Гущин** – доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин
Российской государственной академии интеллектуальной собственности

Заместитель Председателя: **Р.М. Мырзалимов** - доктор юридических наук,
советник Председателя Верховного Суда Кыргызской Республики,
профессор кафедры административного права юридического факультета
Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына

Е.В. Богданов - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

А.В. Барков - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

А.П. Галоганов - доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.П. Камышанский - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Российского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

В.В. Комарова - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Российской Федерации Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В.В. Сангаджиев - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Ткачев - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

О.В. Химичева - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя

Л.А. Тхабисимова - доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея

EDITORIAL BOARD

Chairman: **V.V. Gushchin** - Doctor of Law, Professor, Department of Copyright, Related Rights and Private Law Disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property

Deputy Chairman: **R.M. Myrzalimov** - Doctor of Law, Advisor to the Chairman of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic, Professor, Department of Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University

E.V. Bogdanov - Scientific Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

A.V. Barkov - Doctor of Law, Professor, Department of Civil Law, Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia

A.P. Haloganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

V.P. Kamyshansky - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law of the Kuban State Agrarian University, Head of the Department of Civil Law and Process of the Institute of International Law, Economics, Humanities and Management named after K.V. Russian, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

V.V. Komarova - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)

V.V. Sangadzhiev - Academic Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the RUDN Law Institute

V.N. Tkachev - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

O.V. Khimicheva - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikotya

L.A. Tkhabisimova - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Consti ¬ Tutsionnaya and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political and Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.А. Иванова - председатель, главный редактор, доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН.

М.С. Шайхуллин - первый заместитель главного редактора, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем прав

Научная специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Е.Г. Багреева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

А.И. Глушков - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Л.Ю. Грудцына - доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН

И.В. Дойников - доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Р.А. Каламкарян - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

А.Н. Левушкин - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

Т.А. Сошникова - доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Г.Г. Шинкарецкая - доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

М.Д. Давитадзе - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Открытого гуманитарно-экономического университета

М.М. Дикажев - доктор юридических наук, доцент, профессор Ингушского государственного университета

Ю.В. Николаева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

Г.Б. Прончев - кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра химической физики им. Н.Н. Семенова Российской академии наук, действительный член Российской академии естественных наук, Россия, г. Москва

В.Е. Усанов - доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова

Е.Н. Щербак - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного гуманитарного университета

Н.Д. Эриашвили - доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

Э.Г. Юзиханова - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России

EDITORIAL BOARD

S.A. Ivanova - Chairman, Editor-in-Chief, Doctor of Law, Professor,
Deputy First Vice-Rector for Academic and Methodological Work,
Professor of the Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, expert of the Russian Academy of Sciences.

M.S. Shaikhullin - First Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Rights Problems

Scientific specialty: 5.1.3. Private law (civil) sciences

E.G. Bagreeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation"

A.I. Glushkov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Law, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University

L.Yu. Grudtsyna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Academy of Intellectual Property," Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)," Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

I.V. Doinikov - Doctor of Law, Professor, Moscow City University of Management, Moscow Government

A.A. Dorskaya - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

R.A. Kalamkaryan - Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the International Legal Research Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of International Law of the Peoples' Friendship University of Russia

A.N. Levushkin - Doctor of Law, Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice

T.A. Soshnikova - Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Procedure and Social Branches of Law, Moscow University of the Humanities

D.P. Strigunova - Doctor of Law, Associate Professor, Department of International and Integration Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

G.G. Shinkaretskaya - Doctor of Law, Chief Researcher of the International Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Scientific specialty: 5.1.4. Criminal Law Sciences

M.D. Davitadze - Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics the International Law Faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo Branch, Head of the Department of Criminal Law and Process of the Open Humanitarian and Economic University

M.M. Dikazhev - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Ingush State University

Yu.V. Nikolaeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation

G.B. Pronchev - Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Senior Researcher, Federal Research Center of Chemical Physics named after N.N. Semenov of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Russia, Moscow

V.E. Usanov - Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University Economics named after G.V. Plekhanov

E.N. Shcherbak - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Financial Law, Russian State University for the Humanities

N.D. Eriashvili - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology

E.G. Yuzikhanova - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Preliminary Investigation, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Содержание:

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Бадаева М.И. * Проблема соотношения родительской власти и прав ребенка сквозь призму Конвенции о правах ребенка 1989 г. 17

Пузарин Р.О. * Преступления против личных конституционных прав и свобод человека и гражданина: классификация и профилактические меры 24

Плахов А.В., Мосина Е.И., Стеблецова Н.Н. * Защита прав детей как функция государства и гражданского общества 29

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Литвинов Д.А. * Концессионные соглашения в оборонно-промышленном комплексе: проблемы и перспективы 36

Садвакасов А.Р. * Криминализация отказа и уклонения от заключения контракта (договора) по государственному оборонному заказу: проблемы теории и практики 40

Злобин М.Н., Медведева Т.В., Фасахова Р.К. * Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия идеологии терроризма и экстремизма в Российской Федерации 44

Воробей С.Н. * О совершенствовании процессуального механизма применения мер государственной защиты в отношении участников уголовного судопроизводства 49

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Берман Н.Д., Гагина И.О. * Правовая природа и особенности договора фрахтования на автомобильном транспорте 54

Шимкина А.Н. * Сальдирование в контексте понимания сделки по закону о банкротстве 61

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ И ИНЫЕ ВЕЩНЫЕ ПРАВА

Мыслинская К.А. * Проблемы и перспективы совершенствования правового регулирования реновации . . 69

ПРАВО И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Медведева И.Н. * К вопросу об особенностях осуществления межведомственного взаимодействия в сфере пробации между субъектами пробации 73

Ковалев О.Г. * К вопросу привлечения к ответственности условно осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях 76

Дмитриев Д.С. * Сравнительно-правовой анализ регулирования CBDC в Китае и в США 81

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

Кутруев О.А. * Особенности защиты неимущественных прав участников корпораций 87

Ступницкий А.Е., Костюченко М.А. * Особенности правового статуса номинального руководителя юридического лица 90

Кутруев О.А. * Способы защиты корпоративных прав в российском гражданском праве 98

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аргунов В.В., Акимов Г.Б. * Этика и дисциплина в нотариате – превыше всего? 101

Новицкая Л.Ю. * К вопросу о проблемах развития крестьянских (фермерских) хозяйств в Российской Федерации: правовой аспект 111

Белявский С.В. * Реорганизация и ликвидация товарищества на вере (коммандитного товарищества) . . 118

Канцер Ю.А., Логвинова С.М. * Оспаривание сделок должника как механизм защиты прав и законных интересов кредиторов по делам о банкротстве 122

Василенко Д.А., Белоусов А.Л. * Проблемы регулирования строительной отрасли в современных условиях 133

Ислюков Д.В. * Актуальные тенденции правового регулирования дистанционного способа продажи товаров 138

ДОГОВОРНОЕ ПРАВО

Захаров К.А. * Перспективы применения смарт-контракта как непоименованного способа обеспечения исполнения подрядного обязательства 144

Быстров И.Ю. * Действия в чужом интересе без поручения: проблемы правоприменения и разграничения со смежными институтами 147

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО

Ковалев О.Г. * Профессиональное образование и профессиональное обучение осужденных к лишению свободы: правовой и психологический анализ 153

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Печерская А.Ю., Стученкова О.С. * Традиционные объекты интеллектуальной собственности и digital art: вызовы защиты прав в цифровом пространстве 159

Миронов Д.В. * Проблемы защиты прав авторов и правообладателей баз данных и пути их решения 164

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Силкин В.П. * Влияние коррупции на экономику 170

Орынбеков А.С. * Филиалы иностранных банков в банковской системе Российской Федерации: от запрета к ограниченному допуску 175

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Блинкова Е.В., Багиров Р.Я. * Законный и договорной режимы имущественных отношений супругов . . . 179

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Пешков М.А. * Цифровое правосудие: юстиция нового формата и эволюция правовой культуры 184

Лебедев И.В. * Значение обстоятельств, установленных вступившим в законную силу приговором, для приговора, постанавливаемого на основе вердикта коллегии присяжных заседателей 188

Антипина А.А. * Проблемы правового регулирования производства судебных портретных экспертиз по исследованию портретных изображений человека, подвергшихся возрастным изменениям с использованием редакционных программ: проблемы и перспективы решения идентификационных задач 195

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АДВОКАТУРА

Омелин В.Н. * Реализация оперативно-розыскной информации по делам оперативного учета в условиях необходимости соблюдения правил конспирации 199

Караваев Е.С., Таранин М.А., Ченчиковский А.Д. * Взаимодействие полиции и населения при обеспечении безопасности и порядка на массовых мероприятиях 204

Бажанов С.А., Бодяков В.Н. * О содержании термина «раскрытие преступлений» в деятельности органов внутренних дел 209

Омелин В.Н. * К вопросу о назначении (цели) оперативно-розыскной деятельности 213

Маслов С.Н., Щербакова И.В. * Актуальные вопросы формирования имиджа сотрудника полиции в России как важной составляющей его профессиональной деятельности 217

Быкова Е.А., Метлицкая И.А., Мгерян Д.М. * Юридические основы формирования информационно-психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в условиях современных информационных угроз 221

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Виго С.В., Качурова Е.С. * К вопросу определения виктимологической характеристики несовершеннолетних жертв преступлений 227

Кунц Е.В. * Некоторые аспекты правовой подготовки освобождаемых 231

Кашкина Е.В. * Психология межличностных отношений в среде осужденных 235

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Колесник Н.В. * Соотношение международного права и национального законодательства в контексте антитеррористических мер 242

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Шестак В.А., Загурский Я.Д. * Практические аспекты использования беспилотных летательных аппаратов в ходе осмотра места происшествия 246

Трухин Н.Н. * Биологический терроризм: особенности данного явления и меры противодействия 250

Вознюк Д.Н. * Уголовная ответственность за кражу из нефтепровода и незаконный оборот нефти по законодательству России и Казахстана: сравнительно-правовой взгляд 253

Пузарин Р.О. * Криминологическая характеристика и предупреждение преступления, предусмотренного 138.1 УК РФ 257

Архипов С.Н., Чернов С.А. * Тактико-правовые риски применения оружия в условиях ограниченной видимости/скученности: уголовно-правовая оценка последствий 262

Болт Ю.А. * Способы совершения преступлений, связанных с обращением лекарственных средств и медицинских изделий 267

Олещенко И.А. * Международно-правовые основы противодействия преступным сообществам 271
Посашков А.С., Рудов Д.Н., Пшеничных С.Н. * Цифровые следы в доказывании преступлений экономической направленности 277
Пинкевич Т.В., Небогатикова Е.И. * Этноанклавизация как причина причинного комплекса преступности натурализованных граждан 283
Марков Р.С., Чепрасова Ю.В., Золотарева А.В., Мубаракова А.А. * Особенности квалификации преступлений против чести и достоинства представителя власти в условиях цифровой коммуникации 289
Писаревская Е.А., Дворжицкая М.А. * «Вооруженное» хулиганство (ч. 2 ст. 213 УК РФ): регламентация в уголовном законодательстве и проблемы правоприменения 296
Нимировский В.В., Нимировская Ю.К. * Экологические преступления: уголовно-правовой анализ 302

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Радченко Е.П., Бажанов С.А. * К вопросу о возобновление практики использования труда осужденных коммерческими организациями 305
Фиалковская Е.В. * Совершенствование профессионализма сотрудников уголовно-исполнительной системы 309
Бажанов С.А., Бодяков В.Н. * Психологические рекомендации по использованию моделей мотиваций для эффективного исполнения сотрудниками исправительных учреждений должностных обязанностей 313
Полякова Я.Н. * Теоретический анализ научных подходов по изучению эмоциональных состояний личности сотрудников УИС, заступающих на службу с оружием 318
Кунц Е.В. * К вопросу о нарушении режима осужденными женщинами 324
Зорина Н.С. * Психологические причины отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных 328
Ковалев О.Г. * Актуальные вопросы освобождения от отбывания наказания в связи болезнью 331
Воропаев Н.А. * Соотношение моральных норм с принципом назначения наказаний по совокупности приговоров методом частичного сложения 337

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Асатуров Э.Р., Ефимов А.А., Юшкевич В.С. * Принципы административной деятельности полиции: социально-правовые, организационные, тактические 340
Глухов С.В., Лазарев А.В., Мартынюк С.Н. * Конституционные гарантии и ограничения: анализ практики применения ст. 20.3.3 КоАП РФ 344
Родченкова О.А., Краснопольский А.В., Расторгуев А.Ю. * Понятие и основные черты административной деятельности полиции 349
Бондарев А.С., Викторов А.Ю., Нагорный А.П. * Производство по делам об административных правонарушениях: современные вызовы и практика применения 353
Ряпухина И.А., Сопига В.А., Шанько В.В. * Контроль и надзор за соблюдением прав человека в административной деятельности полиции 359
Тищенко Ю.Ю. * Профилактика деятельности сотрудников, заступающих на службу с оружием 364
Марков А.В., Струков В.А., Архипова О.А. * Виды, структура, особенности содержания и применения законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях 369
Харченко Б.В. * Процессуальная форма в административном праве Российской Федерации и ответственность за её нарушения 373
Темиркаяева Л.Н., Ушакина Ю.С., Яблонский К.А. * Правовые основы деятельности органов внутренних дел при проведении массовых мероприятий: административные меры и правоприменение 378
Жикривецкая Ю.В., Кубиясова А.М. * Понятие административного права, его предмет, методы и источники 384
Мельникова А.С., Шарлова М.Н. * Розыск и выявление лиц, находящихся под административным надзором, сотрудниками патрульно-постовой службы полиции 388
Крыжевская Н.Н., Яковлев А.А. * Правовая основа, стадии, субъекты производства по применению мер административного предупреждения 392

ДИСКУССИЯ

Печников Г.А., Смольяков П.П., Тимченко П.А. * Диалектика К. Маркса о различии уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений 396
Архипов С.Н., Климов И.А. * Ненадлежащая подготовка/допуск к оружию как фактор причинения вреда: квалификация и вопросы ответственности должностных лиц 402
Силкин В.П. * Культура речи как необходимое условие профессиональной деятельности юриста 406

Бодяков В.Н., Лукашенко Д.В. * Осознание вины как показатель сформированности самосознания . . . 411
Акимова Р.А., Хасбулатова Б.М. * Основные тенденции развития маркетинговой деятельности на предприятиях торговли Республики Дагестан и оценка ее эффективности 415
Полякова Я.Н. * Организация и методика исследования межличностных отношений в среде осужденных 420
Катунина Н.П., Гайдаш А.И., Хроменков С.М., Алёшин Е.А. * Новые горизонты управления в физическом воспитании 425

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

Астахов И.П., Довгань Е.А., Родителева Я.Н. * Цифровая трансформация МВД России в уголовно-правовом контексте: использование искусственного интеллекта для обеспечения безопасности дорожного движения и общественного порядка 431
Сидоров С.С. * Правовое регулирование сбора и обработки bigdata: сопоставление опыта национального законодательства отдельных стран 437
Васиян Р.И. * Правовое регулирование и пути развития электронных платёжных систем в Российской Федерации 443
Земцова А.О. * Бюджетирование в сети: анализ частотности и тематики поисковых запросов 451
Пьяных Е.П., Капустина А.А. * Использование цифровых технологий для повышения эффективности адаптации кадров МВД 458
Давыдов Е.В., Сноговская Ю.О. * Этические и правовые аспекты применения ИИ в экспертной деятельности 462

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Майстренко Г.А. * Исторические аспекты криминализации деяний в России 466
Родителев Д.В. * Традиции государственного управления Киевской Руси: правовой аспект 476
Налётов М.А. * Правовое регулирование защиты права на вид (прозора) в позднеримском, византийском и древнерусском праве (VI–XVII вв.) 480
Сейтасанов А.С. * Личность Екатерины II как фактор развития государственно-правовых реформ: частноправовой аспект 485
Майстренко Г.А. * Историческое правовое регулирование института смертной казни в России 489
Алексанова Т.В. * Возможность выбора заявителем процессуальных форм защиты субъективных прав через призму эффективности гражданского судопроизводства 495

Contents:

HUMAN RIGHTS AND HUMAN RIGHTS ACTIVITIES

Badayeva M.I. * The problem of the relationship between parental authority and the rights of the child through the prism of the convention on the rights of the child 1989 17

Puzarin R.O. * Crimes against personal constitutional rights and freedoms of man and citizen: classification and preventive measures 24

Plakhov A.V., Mosina E.I., Stebletsova N.N. * Protecting children's rights is a function of the state and civil society 29

POLICY AND LAW

Litvinov D.A. * Concesion agreements in the military-industrial complex: problems and prospects 36

Sadvakasov A.R. * Criminalization of refusal and evasion of concluding a contract (agreement) under a state defense order: some problems of theory and practice 40

Zlobin M.N., Medvedeva T.V., Fasakhova R.K. * Criminal-legal and criminological aspects of countering the ideology of terrorism and extremism in the Russian Federation 44

Vorobei S.N. * On improving the procedural mechanism for applying state protection measures to participants in criminal proceedings 49

CIVIL LAW THEORY

Berman N.D., Gagina I.O. * Legal nature and charter contract features for road transport 54

Shimkina A.N. * Balancing in the context of understanding the transaction under the bankruptcy law 61

TITLE AND OTHER PROPERTY RIGHTS

Myslinskaya K.A. * Problems and prospects for improving the legal regulation of renovation 69

LAW AND ENFORCEMENT

Medvedeva I.N. * On the specifics of interagency cooperation in the field of probation between subjects of probation 73

Kovalev O.G. * On the issue of bringing to justice conditionally convicted persons registered with penal enforcement inspections 76

Dmitriev D.S. * Comparative legal analysis of CBDC regulation in China and the United States 81

CORPORATE LAW

Kutruev O.A. * Features of the protection of non-property rights of participants in corporations 87

Stupnitsky A.E., Kostyuchenko M.A. * Features of the legal status of the nominee head of a legal entity 90

Kutruev O.A. * Ways to protect corporate rights in russian civil law 98

CIVIL LAW ISSUES

Argunov V.V., Akimov G.B. * Ethics and discipline in notaries - above all? 101

Novitskaya L.Yu. * To the issue of the development of peasant (farmer) farms in the Russian Federation: legal aspect 111

Belyavsky S.V. * Reorganization and liquidation of a partnership on faith (limited partnership) 118

Kantser Yu.A., Logvinova S.M. * Contesting debtor's transactions as a mechanism for protecting the rights and legitimate interests of creditors in bankruptcy cases 122

Vasilenko D.A., Belousov A.L. * Problems of regulation of the construction industry in modern conditions 133

Islyukov D.V. * Current trends in legal regulation of remote sales of goods 138

CONTRACT LAW

Zakharov K.A. * Prospects for the application of smart contracts as an unspecified method of ensuring the fulfillment of contractual obligations 144

Bystrov I.Yu. * Actions in another person's interest without a written authority: problems of law enforcement and differentiation from related institutions 147

EDUCATION AND LAW

Kovalev O.G. * Vocational education and vocational training of persons sentenced to imprisonment: a legal and psychological analysis 153

INTELLECTUAL PROPERTY LAW
Pecherskaya A.Yu., Stuchenkova O.S. * Traditional intellectual property objects and digital art: challenges of rights protection in the digital environment 159
Mironov D.V. * Problems of protecting the rights of authors and database owners and their solutions 164

ECONOMICS AND LAW
Silkin V.P. * The impact of corruption on the economy 170
Orynbekov A.S. * Branches of foreign banks in the banking system of the Russian Federation: from prohibition to limited admission 175

FAMILY LAW
Blinkova E.V., Bagirov R.Ya. * Statutory and contractual regimes of spouses' property relations 179

JUDICIAL POWER AND PROCEEDINGS
Peshkov M.A. * Digital justice: a new format of justice and the evolution of legal culture 184
Lebedev I.V. * The significance of circumstances established by a final judgment for a sentence based on a jury verdict 188
Antipina A.A. * Problems of legal regulation of the production of forensic portrait examinations for the study of portrait images of a person who has undergone age-related changes using editorial programs: problems and prospects for solving identification problems 195

LAW ENFORCEMENT AND ADVOCACY
Omelin V.N. * Implementation of operational and search information in operational accounting cases in conditions of the need to observe the rules of conspiracy 199
Karavaev E.S., Taranin M.A., Chenchikovsky A.D. * Interaction between the police and the population in ensuring security and order at mass events 204
Bazhanov S.A., Bodyakov V.N. * On the content of the term "disclosure of crimes" in the activities of the internal affairs bodies 209
Omelin V.N. * To the issue of appointment (purpose) of operational-search activities 213
Maslov S.N., Shcherbakova I.V. * Current issues of forming the image of a police officer in Russia as an important component of his professional activity 217
Bykova E.A., Metlitskaya I.A., Mgeryan D.M. * Legal basis for the formation of information and psychological resilience of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation in the context of modern information threats 221

CRIMINAL LAW THEORY
Vigo S.V., Kachurova E.S. * On the definition of victimological characteristics of juvenile victims of crime 227
Kunts E.V. * Some aspects of legal training of released persons 231
Kashkina E.V. * Psychology of interpersonal relations among convicts 235

CONTROL THEORY
Kolesnik N.V. * The relationship between international law and national legislation in the context of anti-terrorism measures 242

CRIME AND PUNISHMENT
Shestak V.A., Zagursky Ja.D. * Practical aspects of using unmanned aerial vehicles during an accident scene inspection 246
Trukhin N.N. * Biological terrorism: features of this phenomenon and counteraction measures 250
Voznyuk D.N. * Criminal liability for theft from an oil pipeline and illegal oil trafficking under the laws of Russia and Kazakhstan: a comparative legal view 253
Puzarin R.O. * Criminological characteristics and prevention of the crime under article 138.1 of the criminal code of the Russian Federation 257
Arkhipov S.N., Chernov S.A. * Tactical and legal risks of using weapons in limited visibility/crowded conditions: criminal law assessment of consequences 262
Bolt Yu.A. * Methods of committing crimes related to the circulation of medicines and medical devices 267
Oleshchenko I.A. * International legal framework for combating criminal organizations 271
Posashkov A.S., Rudov D.N., Pshenichnykh S.N. * Digital traces in providing economic crimes 277
Pinkevich T.V., Nebogatikova E.I. * Ethno-enclavization as a cause of the criminal complex of naturalized citizens 283
Markov R.S., Cheprasova Yu.V., Zolotareva A.V., Mubarakova A.A. * Features of the legal qualification of offences against the honour and dignity of a representative of authority in the context of digital communication 289

Pisarevskaia E.A., Dvorzhitskaya M.A. * “Armed” hooliganism (part 2 of article 213 of the criminal code of the Russian Federation): regulation in criminal legislation and problems of law enforcement 296
Nimirovsky V.V., Nimirovskaya Yu.K. * Environmental crimes: criminal law analysis 302

CRIMINAL PROCEDURE
Radchenko E.P., Bazhanov S.A. * On the issue of the resumption of the practice of using the labor of convicts by commercial organizations 305
Fialkovskaya E.V. * Improving the professionalism of employees of the penal system 309
Bazhanov S.A., Bodyakov V.N. * Psychological recommendations on the use of motivation models for the effective performance of official duties by correctional officers 313
Polyakova Ya.N. * Theoretical analysis of scientific approaches to studying the emotional states of the personality of UIS employees entering the service with weapons 318
Kunts E.V. * On the issue of violations of the regulation by women convicted 324
Zorina N.S. * Psychological reasons for the deviant behavior of juvenile convicts 328
Kovalev O.G. * Current issues of release from serving a sentence due to illness 331
Voropaev N.A. * Correlation of moral norms with the principle of applying punishments in combination with other punishments. 337

ADMINISTRATIVE LAW
Asaturov E.R., Efimov A.A., Yushkevich V.S. * Principles of police administrative activity: socio-legal, organizational, tactical 340
Glukhov S.V., Lazarev A.V., Martynyuk S.N. * Constitutional guarantees and restrictions: analysis of the practical application of article 20.3.3 of the code of administrative offenses of the Russian Federation 344
Rodchenkova O.A., Krasnopolsky A.V., Rastorguev A.Yu. * The concept and main features of the administrative activity of the police 349
Bondarev A.S., Viktorov A.Yu., Nagorny A.P. * Proceedings on administrative offenses: modern challenges and practice of application 353
Ryapukhina I.A., Sopiga V.A., Shanko V.V. * Control and supervision of human rights in police administrative activities 359
Tishchenko Yu.Yu. * Prevention of activities of employees who take up service with weapons 364
Markov A.V., Strukov V.A., Arkhipova O. * Types, structure, content, and application of regional laws on administrative offenses 369
Kharchenko B.V. * Procedural form in administrative law of the Russian Federation and liability for its violations 373
Temirkayeva L.N., Ushakina Yu.S., Yablonsky K.A. * Legal basis for the activities of internal affairs bodies during mass events: administrative measures and law enforcement 378
Zhikrivetskaya Yu.V., Kubiyasova A.M. * The concept of administrative law, its subject, methods and sources 384
Melnikova A.S., Sharlova M.N. * Search and identification of persons under administrative supervision by police patrol and post service officers 388
Kryzhevskaya N.N., Yakovlev A.A. * Legal basis, stages, subjects of proceedings on the application of administrative warning measures 392

DISCUSSION
Pechnikov G.A., Smolyakov P.P., Timchenko P.A. * The dialectic of K.Marx on the difference in criminal law and criminal procedural relations 396
Arkhipov S.N., Klimov I.A. * Improper training/authorization to use weapons as a factor in causing harm: qualification and liability issues of officials 402
Silkin V.P. * The culture of speech as a necessary condition for the professional activity of a lawy 406
Bodyakov V.N., Lukashenko D.V. * Awareness of guilt as an indicator of self-awareness 411
Akimova R.A., Khasbulatova B.M. * Main trends in the development of marketing activities in trade enterprises of the Republic of Dagestan and assessment of their effectiveness 415
Polyakova Ya.N. * Organization and methodology of research of interpersonal relations among convicts 420
Katunina N.P., Gaidash A.I., Khromenkov S.M., Aleshin E.A. * New horizons of management in physical education 425

DIGITAL LAW
Astakhov I.P., Dovgan E.A., Roditeleva Ya.N. * Digital transformation of the ministry of internal affairs of Russia in the criminal law context: using artificial intelligence to ensuring road safety and public order 431

Sidorov S.S. * Legal regulation of big data collection and processing: comparison of national legislation in selected countries 437
Vasiyan R.I. * Legal regulation and development paths of electronic payment systems in the Russian Federation 443
Zemtsova A.O. * Online budgeting: search frequency and topic analysis 451
Pyanykh E., Kapustina A.A. * Use of digital technologies to increase the efficiency of adaptation of MIA personnel 458
Davydov E.V., Snogovskaya Yu.O. * Ethical and legal aspects of the use of AI in expert activities 462

HISTORICAL ARCHIVE

Maistrenko G.A. * Historical aspects of criminalization of acts in Russia 466
Roditelev D.V. * Traditions of state administration in Kievan Rus: the legal aspect 476
Naletov M.A. * Legal regulation of the right to a view (prospect) in late roman, byzantine, and old russian law (6th–17th centuries) 480
Seytasanov A. * The personality of Catherine II as a factor in the development of state and legal reforms: the private law aspect 485
Maistrenko G.A. * Historical legal regulation of the death penalty in Russia 489
Aleksanova T.V. * The applicant's ability to choose procedural forms of protection for subjective rights through the prism of the effectiveness of judicial protection in civil proceedings 495

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-17-23

БАДАЕВА Марита Ильдаровна,
адвокат, адвокатское бюро «Шварц и Партнеры»,
e-mail: mbadayeva@gmail.com

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКОЙ ВЛАСТИ И ПРАВ РЕБЕНКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНВЕНЦИИ О ПРАВАХ РЕБЕНКА 1989 г.

Аннотация. *В статье рассматривается одна из фундаментальных проблем семейного права – проблема понимания сущности и пределов родительской власти и ее соотношения с правами ребенка, с его личной автономией. Особое внимание автор обращает на проблему оспоримости родительской власти, задаваясь вопросом: допустимо ли рассмотрение в суде исков несовершеннолетних старше 14 лет против их родителей из ненадлежащего, по мнению ребенка, исполнения родителями их обязанностей по воспитанию? Автор предпринимает попытку проанализировать заданные вопросы сквозь призму положений основного международного договора в сфере прав ребенка – Конвенции о правах ребенка 1989 г. Автор приходит к выводу о том, что Конвенцией закреплен ряд прав, существо которых предполагает только самостоятельный способ их реализации, в связи с чем в Конвенции заложен принцип соразмерного уменьшения степени родительской власти по мере взросления ребенка. В результате исследования положений Конвенции о правах ребенка 1989 г. и доктринальных источников сделаны выводы о том, что в государствах различаются подходы относительно существа родительских прав, а именно того, чей интерес в первую очередь ими защищается – интерес ребенка в праве на получение родительской заботы или собственный интерес родителя в воспитании ребенка по своему усмотрению. Именно этот вопрос является определяющим при решении вопроса об оспоримости родительской власти.*

Ключевые слова: *гражданское процессуальное право, семейное право, родительская власть, автономия личности несовершеннолетних, Конвенция о правах ребенка 1989 г., конституционные права, автономия семьи.*

BADAYEVA Marita Ildarovna,
attorney, Schwartz & Partners Law Firm

THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP BETWEEN PARENTAL AUTHORITY AND THE RIGHTS OF THE CHILD THROUGH THE PRISM OF THE CONVENTION ON THE RIGHTS OF THE CHILD 1989

Annotation. *The article examines one of the fundamental problems of family law – the problem of understanding the essence and limits of parental authority and its relationship with the rights of the child, with his personal autonomy. The author pays special attention to the problem of the challenge of parental authority, asking the question: is it permissible to consider in court the claims of minors over the age of 14 against their parents because, in the opinion of the child, the parents improperly fulfilled their parenting duties? The author attempts to analyze the questions asked through the prism of the provisions of the main international treaty in the field of the rights of the child, the Convention on the Rights of the Child of 1989. The author comes to the conclusion that the Convention establishes a number of rights, the essence of which presupposes only an independent way to implement them, and therefore the Convention lays down the principle of a proportionate reduction in the degree of parental authority as the child grows up. As a result of the study of the provisions of the Convention on the Rights of the Child of 1989 Conclusions have been drawn from doctrinal sources that*

States have different approaches regarding the essence of parental rights, namely, whose interest is primarily protected by them – the child's interest in the right to receive parental care or the parent's own interest in raising the child at his discretion. It is this question that is crucial when deciding on the challenge of parental authority.

Key words: *civil procedure law, family law, parental authority, personal autonomy of minors, Convention on the Rights of the Child of 1989, constitutional rights, family autonomy.*

И. А. Покровский в начале прошлого века назвал «проблему личности в сфере семейственных отношений» одной из основных проблем гражданского права. Он считал интересы родителей и детей «коллидирующими», имея в виду противостояние родительской власти и самостоятельности личности несовершеннолетнего [4, 163].

На проблемность вопроса о существе родительской власти, содержании родительских прав и обязанностей, их соотношении с объективно возрастающей по мере взросления самостоятельностью ребенка указывали и другие ученые.

Так, Д. И. Мейер писал, что «воспитание – понятие такое общее, что юридическое содержание его теряется», задавался вопросом: «Как обсуждать обязательство приготовить дитя к какому-либо званию сообразно состоянию родителей? Вправе ли, например, родители, принадлежащие к сословию дворян…, приготовлять свое дитя к званию ремесленника, земледельца» [3, 762]?

Родительская власть – это правовой институт, существующий со времен римского права. Вот, как он описывался в русской дореволюционной правовой доктрине: «Родительская власть есть полное (конечно, в разумном согласно с нынешними понятиями смысле) подчинение детей указаниям родителей во всей их частной, а иногда и общественной жизни, с правом родителей, конечно, понуждать детей, иногда мерами довольно строгими, к следованию этим указаниям» [1, 513].

В современном законе термин «родительская власть» не закреплен – после 1917 г. он был заменен понятиями «прав и обязанностей» – однако сущностно это правовое явление, безусловно, сохранилось, поскольку без данного института невозможно было само воспитание как предполагающее определенную степень принуждения.

В качестве примеров законодательного отражения института родительской власти можно привести п. 31 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и ч. 2 ст. 22 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ. В приведенных нормах (1) родитель признается самостоятельным субъектом образовательных правоотношений с участием его ребенка (а не только законным представителем ребенка), (2) информация о состоянии здоровья ребенка старше 15 лет передается не только ему, но и его родителю (как и иным законным представителям). В последние годы заметна тенденция все более широкого социального признания родительской власти. Так, приведенное положение о передаче родителям подростков информации об их здоровье было введено в закон относительно недавно (в 2022 году), в то время как ранее врачебная тайна детей старше 15 лет была недоступна в том числе и родителям подростка. Нередко звучат в общественных обсуждениях предложения запретить детям пользоваться социальными сетями без согласия родителей. Перечень таких примеров можно продолжать.

Одним из проблемных вопросов семейного права был и остается вопрос о пределах родительской власти, о ее соотношении с правами ребенка (в первую очередь, правом на личную автономию) и, что особенно интересно, о ее оспоримости. Под последней мы понимаем возможность судебного оспаривания родительского воспитательного решения по иску ребенка.

Почвой для возникновения вопроса об оспоримости родительской власти являются в том числе положения ч. 4 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (от 14.11.2002 № 138-ФЗ) и п. 2 ст. 56 Семейного кодекса Российской Федерации (от 29.12.1995 № 223-ФЗ).

По тексту приведенных законоположений, если понимать их буквально, то или иное решение родителей по вопросу, касающемуся жизни ребенка, которое предположительно ограничивает права ребенка (речь не идет о явных злоупотреблениях, таких как физическое насилие и пр. правонарушения, являющиеся основанием для лишения или ограничения родительских прав), может быть оспорено ребенком старше 14 лет в суде.

Примерами таких решений могут быть выбор родителем в противоречии с мнением ребенка той или иной школы/секции и т. д. или, наоборот, отказ оплатить занятия ребенка в выбранном им кружке/секции и пр. (как предполагаемое нарушение права на образование и всестороннее развитие (п. 2 ст. 54 Семейного кодекса РФ), запрет выхода из дома, словесные наказа-

ния (как предполагаемое нарушение права ребенка на уважение достоинства личности), лишение карманных денег (как предполагаемое нарушение права ребенка на получение содержания от своих родителей) и др. подобные примеры.

В настоящей работе не ставится вопрос о том, как именно с точки зрения семейного права должны решаться подобные ситуации (например, обязан ли родитель предоставлять карманные деньги или насколько родитель связан мнением ребенка при выборе образовательной организации).

Исследуемая проблема состоит в том, подлежат ли в принципе подобные споры судебному рассмотрению, то есть оспорима ли родительская власть.

Указанный вопрос является комплексным, и для ответа на него необходимо произвести анализ множества правовых и доктринальных источников. Более того, вопрос лежит не только в плоскости юриспруденции: он требует междисциплинарного исследования в областях культурологии, истории и философии.

В настоящей статье мы предлагаем проанализировать в свете обозначенной проблемы ключевой международно-правовой документ, закрепляющий права ребенка, – Конвенцию о правах ребенка 1989 г. – и попытаться выяснить, как в ней решен вопрос о пределах родительской власти.

Международное сообщество неоднократно обращалось к вопросу закрепления прав ребенка на уровне международного договора. Вопрос о признании ребенка самостоятельным носителем прав – один из ключевых вопросов повестки международного права на протяжении двадцатого столетия.

Хотя на пути достижения этой цели было принято три универсальных международно-правовых документа, Конвенция о правах ребенка 1989 г. стоит в их ряду особняком.

Во-первых, она стала первым обязывающим страны-участницы документом. Принятые ранее Женевская декларация прав ребенка 1924 г. и Декларация прав ребенка 1959 г. (принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) являлись декларациями, в то время как Конвенция 1989 г. имеет статус международного договора.

Во-вторых, в ней впервые применительно к несовершеннолетним используется риторика прав. Вышеупомянутые Декларации 1924 г. и 1959 г. существуют в системе координат «принципов» и «гарантий». Так, в Женевской декларации закреплялись лишь общие принципы гуманного обращения с детьми, направленные на обеспечение их безопасности и благополучия.

Декларация 1959 г. уже использует словосочетание «права ребенка», однако речь в ней идет только о тех правах, реализовать которые можно лишь с помощью взрослых: так называемых «негативных» (на защиту от любых форм дискриминации, от всех форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации) и «позитивных» (на социальную защиту для достойного развития, на родительскую заботу, на образование и пр.).

Конвенция 1989 г. от ранее возникших документов отличается тем, что в ней впервые нашли отражение так называемые «права участия» [9, 123], то есть права, опосредующие возможность самостоятельного участия ребенка в жизни гражданского общества. К ним относят закрепленные в Конвенции права на свободное выражение взглядов по всем затрагивающим ребенка вопросам, их учет и придание им должного значения, свободу слова, мысли, совести и религии, ассоциаций и мирных собраний.

В классификации притязаний гражданина при описании его административно-правового статуса немецкий юрист Г. Еллинек относил такие права (за исключением специфического «детского» права, провозглашенного Ковенцией, на свободное выражение взглядов по всем затрагивающим ребенка вопросам) к группе «status activus» – притязания гражданина на участие в политической жизни, на формирование государственной воли.

С точки зрения концепции родительской власти закрепление в Конвенции подобных прав представляет сложность. С одной стороны, такие права по самому своему существу не могут и не должны реализовываться под чьим-либо руководством, и это вступает в конфликт с институтом родительского контроля: трудно представить себе реализацию подростком, к примеру, свободы ассоциаций, если родитель, не одобряющий цели такой ассоциации, вправе запретить ребенку в нее вступать. Иными словами, такие права характеризуются тем, что пользование ими возможно только целиком по собственному усмотрению. Вмешательство родителей с несовпадающими взглядами в данном случае не просто ограничивает, а, как правило, блокирует осуществление подобных прав.

В то же время данную правовую коллизию можно решить, если считать, что Конвенция, закрепляя данные права и свободы, связывает обязанностью считаться с ними лишь государства, но не родителей. Иными словами, если предположить, что такие права строго «вертикальны», не обладают так называемым «горизонтальным эффектом» (то есть не связывают частных лиц, а направлены только против публичного субъекта, который обязывается уважать данные права и несоразмерно их не ограничивать), то

столкновения с родительской властью не происходит. При таком варианте толкования Конвенции необходимо прийти к выводу о том, что родители вправе осуществлять свою власть в том числе и в ситуации, когда она препятствует реализации ребенком обсуждаемых «прав участия».

Такое понимание обсуждаемых норм отнюдь не лишено смысла: при данном варианте толкования он состоит в том, что страны-участницы обязуются предоставить своим несовершеннолетним гражданам конституционную гарантию конвенционных прав, то есть не ограничивать в их реализации по признаку возраста. Родительское же влияние, в том числе запрет, блокирующий реализацию «права участия», при этом не исключается.

Конвенция дает определенные основания придерживаться такого подхода.

Во-первых, в ней отсутствуют нормы, исключающие родительскую власть.

Во-вторых, Конвенция, напротив, устанавливает, что государства-участники уважают право родителей в том числе на управление и руководство ребенком при реализации им признанных Конвенцией прав (статья 5). При этом Конвенция не делает исключений, не выводит из-под действия такого «управления и руководства» какие-либо права.

В-третьих, в обсуждаемом международном договоре провозглашается, что родители несут основную ответственность за воспитание и образование ребенка (статья 18). Это положение также косвенно подтверждает признание Конвенцией власти родителей, бремя ответственности за воспитание в отсутствие права контролировать ребенка неисполнимо.

В то же время в Конвенции закреплено положение, отчасти размывающее высказанные аргументы: в вышеупомянутой ст. 5 указывается, что уважается право родителей «управлять и руководить ребенком...и делать это в соответствии с развивающимися способностями ребенка». В этой же смысловой канве находится ст. 14 Конвенции, закрепляющая право ребенка на свободу мысли, совести и религии и право родителя руководить ребенком при осуществлении данного права «методом, согласующимся с развивающимися способностями ребенка».

Оговорка «в соответствии с развивающимися способностями ребенка» может быть понята двояко. С одной стороны, речь может идти о том, что Конвенция не признает чрезмерную родительскую власть (а государства-участники, соответственно, не обязуются давать ей защиту), не соответствующую уровню зрелости ребенка, а ее проявления не защищены от государственного вмешательства. Косвенно это может свидетельствовать о том, что в Конвенции заложено положительное отношение к возможности оспорить в суде родительское решение, не соответствующее степени зрелости ребенка.

Это положение, однако, можно прочитать и иначе: указание на «соответствие с развивающимися способностями» может означать, что Конвенция защищает право родителя самостоятельно определять степень своей вовлеченности в жизнь ребенка, меру своего контроля над ним. Исходя из этой позиции, в данной норме заложена не обязанность родителя соизмерять проявление семейной власти с уровнем зрелости ребенка, а право на это. Иными словами, в этой оговорке Конвенция описывает родительскую власть (но не предписывает ей быть таковой) как изменяющееся во времени, нестатичное явление.

В одном из официальных комментариев Организации Объединенных Наций к Конвенции можно найти поддержку первого подхода. Так, его авторы считают, что надлежащее родительское руководство ребенком во всяком случае должно позволять ребенку осуществлять свои права [11]. Как видим, авторы комментария не разделяют сделанное нами выше предположение о том, что в Конвенции принципиально не отрицается возможность блокирования родительской волей реализации ребенком права из числа status activus.

Авторы комментария идут дальше и указывают, что Конвенция ограничивает методы воспитания теми, что соответствуют развивающейся компетенции ребенка. В комментарии приходят к выводу о том, что по мере взросления ребенка во взаимодействии родителя и ребенка все более должно проявляться равенство, а не подчиненность, а родительские приказы должны со временем быть заменены «напоминаниями и советами».

Даже если согласиться с позицией комментария (что мы считаем поспешным), он не отвечает на возникающий в связи с его тезисами вопрос: если Конвенция устанавливает некий образец воспитания, защищает ли она право на воспитание, если применяемые родителем методы не соответствуют такому «стандарту»? Может ли Конвенция быть прочитана как дающая возможность государствам-участникам вмешаться в воспитание, если оно не соотносится с «развивающимися способностями ребенка»?

Вопрос о возможности обращения в суд против собственного родителя, сформулированный в начале настоящей статьи, в Конвенции прямо не решается. В одном из официальных комментариев комитета ООН по правам ребенка высказана точка зрения, согласно которой конвенционные права должны подлежать судебной защите, а подписанты Конвенции обязаны создавать процедуры, приемлемые для детей и обеспечивающие доступ последних к правосудию [12].

Этот тезис, однако, едва ли можно считать аргументом в пользу возможности исков детей против родителей: скорее, речь идет о «генеральном» праве детей на судебную защиту, наличие которого еще не означает возможности оспаривать родительские решения, поскольку оспоримость таких решений – вопрос не права на судебную защиту, а вопрос того, могут ли родительские решения принципиально быть предметом судебного рассмотрения.

Несмотря на чрезвычайно широкое признание и одобрение Конвенции мировым сообществом, документ все еще не ратифицирован США. Это единственная страна ООН, не присоединившаяся к Конвенции.

Неприсоединение США к Конвенции трудно объяснимо и вызывает закономерные вопросы, попыткам ответить на которые зарубежные исследователи посвятили немало работ.

Одна из самых широко распространенных в литературе гипотез относительно неприсоединения США к Конвенции состоит в противоречии ст. 12 Конвенции подходам к восприятию ребенка в правовой системе США [10, 703]. Ст. 12 предоставляет ребенку, «способному сформулировать свои собственные взгляды, ... право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка».

Как указывают авторы, правопорядок США в силу слабости и недостаточной зрелости несовершеннолетних не признает за ними автономию личности, на защиту которой направлена ст. 12 Конвенции.

Родительская же власть, наоборот, защищается в США в качестве конституционной свободы, не подлежащей чрезмерному вмешательству государства [13]. В доктрине можно встретить ее оценку как одной из важнейших, наиболее строго охраняемых конституционных прав [7, 23].

Данный подход формулировался Верховным Судом США в нескольких прецедентах XX века, касающихся вопросов детского образования [14]. Суд в данных делах выразил позиции, согласно которым имеют конституционное значение права родителей по своему усмотрению управлять воспитанием и образованием детей, в том числе выбирать язык обучения [15], перевести ребенка на домашнее обучение [16], а также прекратить занятия ребенка в той или иной школе по религиозным мотивам родителя [17]. Верховный Суд США в данных делах подчеркивал, что «ребенок не творение государства» [18] и «фундаментальные интересы родителя в заботе о ребенке, опеке и контроле не исчезают от того, что он не является образцовым родителем» [19].

М. Гуггенхейм в этой связи указывает, что закрытость, защищенность семьи в целом и родительской власти в частности от излишнего вмешательства государства – ключевая общественная ценность. Автор считает, что невозможно отделить вопросы отношений семьи и государства от глобальных культурных и политико-философских вопросов. Родительские права, с его точки зрения, обеспечивают не только и не столько личные интересы родителей и детей, сколько служат на благо общественным интересам и ценностям.

Одно из объяснений такого подхода заключается в так называемой доктрине «предшествования» [8, 462], суть которой состоит в принятии того, что родительская власть (порожденная самой природой) предшествовала власти государственной, а семейная общественная структура – структуре государственной. Из этой посылки последователи доктрины приходят к выводу о том, что государство, будучи вторичным по отношению к семье образованием, не может вмешиваться в организацию семейных отношений без того чтобы не разрушить собственный «генетический код».

Интересно подчеркиваемое исследователями различие американского и европейского подходов к пониманию сути родительских прав. Так, в одной из работ [10, 706] указывается, что в Германии благополучие ребенка рассматривается как цель реализации родительских прав, в Англии и Уэльсе и вовсе заметна тенденция замены концепции родительских прав на концепцию родительских обязанностей. В правовой же доктрине США акценты расставлены иначе: право родителя управлять, контролировать ребенка считается обеспечивающим, прежде всего, собственный, родительский интерес в воспитании и обучении ребенка в соответствии со своими личными убеждениями, аутентично, без «подсказок» извне [6, 211]. В этом смысле возможность самостоятельно решать, что для ребенка лучше, вырастить из него взрослого, похожего на себя, заложить в его сознание собственные взгляды – часть того блага, к которому стремятся, становясь родителями. Говоря иначе, родительские права в американской доктрине не воспринимаются как служебный правовой конструкт, лишь обеспечивающий интересы ребенка – прежде всего, их рассматривают как инструмент обеспечения собственного родительского интереса в воспитании ребенка по своему усмотрению [6, 221].

Итак, восприятие родительских прав как конституционных, по мнению ранее упомянутых авторов, обусловливается следующим. Во-первых, родительские права выступают гарантией от

несоразмерного вмешательства государства в личную жизнь семьи. Иными словами, признавая за родителями право воспитывать детей по своему усмотрению, государство тем самым ограничивает себя в навязывании родителям того или иного образа воспитания детей. Во-вторых, родительские права, понятые как в том числе право воспитать детей по собственному усмотрению, защищают другую конституционную ценность – право на продолжение рода, поскольку последнее, очевидно, не ограничивается только возможностью произвести детей на свет, но включает в себя право передать им собственные взгляды и ценности, то есть «продолжить род» в социальном смысле.

Схожую позицию можно встретить в трудах русских ученых юристов. Так, В. А. Рясенцев обосновывал, что указание закона о целевом характере родительских прав (положение о том, что они реализуются исключительно в интересах детей) «не умаляет …и не лишает их самостоятельного значения» [5, 349]. В. А. Рясенцев подчеркивал необходимость разграничения действий родителя, осуществляемых им от имени ребенка, от тех, с помощью которых он реализует собственное, родительское, право. К последним автор относил в том числе действия по определению ребенка в «среднюю школу, музыкальное училище», приглашению к нему няни, преподавателя и т. д., поскольку «право на воспитание ребенка предполагает возможность выбора места и метода воспитания и обучения» [5, 349].

Эту идею разделял и Г. М. Свердлов: «родительское право охраняется социалистическим государством не только потому, что это на пользу детям, но и потому, что охраной родительского права обеспечиваются существеннейшие интересы отца и матери, обеспечивается полноценное и разносторонне развитие их личности» [2,57].

Проведенный анализ показал следующее.

Вопрос о соотношении родительской власти и прав ребенка в Конвенции о правах ребенка 1989 г. рассматривается сквозь призму постепенного сокращения объема родительской власти по мере взросления ребенка, роста его сознательности и личной компетенции. Одна из основных причин такого подхода состоит в том, что Конвенцией за ребенком закреплен ряд прав, существо которых исключает возможность их реализации под контролем родителей (в том числе свобода слова, мысли, совести и религии, свобода ассоциаций и мирных собраний). Вопрос о праве ребенка на иск против собственного родителя для цели преодоления родительской власти Конвенцией не решен (и, как представляется, не может быть решен, поскольку едва ли настолько сложный и острый вопрос может стать предметом консенсуса более чем 190 стран-участниц Конвенции).

Хотя в исторической перспективе заметна тенденция закрепления за детьми все большего объема прав (принятие Конвенции 1989 г. и подписание ее столь большим числом государства стало знаковым моментом на этом пути), в мировой практике подходы к пониманию сущности таких прав, а также сущности родительской власти, родительских прав и обязанностей различаются.

Анализ таких различий показал, что ключевой пункт, предопределяющий всю структуру правового регулирования отношений родителя и ребенка, отношение правопорядка к таким отношениям, – это вопрос о том, чей интерес первостепенно защищается родительскими правами: интерес ребенка в получении от родителей воспитания, образования и материального обеспечения или собственный интерес родителей в продолжении рода в широком смысле этого выражения, то есть в воспитании ребенка с чертами характера, взглядами и убеждениями, близкими родителю. Служебны ли родительские права по отношению к интересам несовершеннолетних или имеют самостоятельную ценность, независимую от обеспечения интересов ребенка? Действительно ли родительские права – это лишь средство реализации родительских обязанностей, или они имеют собственное содержание?

Чем четче мы видим в содержании родительских прав компонент самоценности, не зависящей от обеспечительной по отношению к интересам ребенка функции, тем более мы должны склониться в пользу неоспоримости родительской власти, то есть невозможности ее преодолеть иском ребенка против родителя. Напротив, заняв позицию о том, что родительские права существуют только для исполнения родительских обязанностей и что у родителей нет собственного интереса в осуществлении родительской власти, отличного от интересов ребенка, мы, по-видимому, не сможем категорически отрицать тезис о возможности судебного оспаривания родительских решений (или, как минимум, должны будем привести веские аргументы против него).

В данной работе нам следует остановиться на обозначенных выводах, поскольку вопрос о том, какой из указанных (или отличающийся от них) подходов относительно сущности родительских прав присущ российскому правопорядку, – предмет самостоятельного исследования, выходящий за пределы настоящей статьи.

Список литературы:

[1] Гражданское уложение. Книга вторая. Семейственное право. Проект Высочайше учре-

женной Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения. Том первый. Ст. 1 – 349. С объяснениями. – Санкт-Петербург, 1902. – 655 с.

[2] Г. Свердлов, Право на воспитание и судебные споры о детях. – Советское государство и право. - №5-6. – 1940. – с. 52-71.

[3] Мейер, Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Статут, 2021. – 846 с.

[4] Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – 6-е изд., стереот. – М.: Статут, 2013. – 351 с.

[5] Рясенцев В. А. Представительство и сделки в современном гражданском праве. – М.: Статут, 2006. – 603 с.

[6] Altman, S. Parental Control Rights. In Philosophical Foundations of Children's and Family Law.: Oxford University Press. 2018.

[7] Guggenheim, Martin. What's Wrong with Children's Rights, Harvard University Press, 2007.

[8] Hafen, Bruce C., and Jonathan O. Hafen. "Abandoning Children to Their Autonomy: The United Nations Convention on the Rights of the Child." Harvard International Law Journal, vol. 37, no. 2, Spring 1996.

[9] John Wall. Ethics in Light of Childhood. Georgetown University Press; 2010.

[10] Lee, Soo Jee. A Child's Voice vs. a Parent's Control: Resolving a Tension between the Convention on the Rights of the Child and U.S. Law. Columbia Law Review, vol. 117, no. 3, April 2017.

[11] UN Committee on the Rights of the Child (CRC), General comment No. 12 (2009): The right of the child to be heard, CRC/C/GC/12, 20 July 2009, available at: https://www.refworld.org/legal/general/crc/2009/en/70207 [accessed 02 February 2026]

[12] UN Committee on the Rights of the Child (CRC), General comment no. 5 (2003): General measures of implementation of the Convention on the Rights of the Child, 27 November 2003, CRC/GC/2003/5, available at: https://www.refworld.org/docid/4538834f11.html.

[13] Американская доктрина и практика до сих используют термин «parental authority» наряду с «parental rights».

[14] Например, «Мейер против штата Небраска», «Пирс против Общества Сестер», «Штат Висконсин против Йодера».

[15] Meyer v. Nebraska, 262 U.S. 390 (1923).

[16] Pierce v. Society of Sisters, 268 U.S. 510 (1925).

[17] Wisconsin v. Yoder, 406 U.S. 205 (1972).

[18] Pierce v. Society of Sisters, 268 U.S. 510 (1925).

[19] Santosky v. Kramer, 455 U.S. 745, 753 (1982).

References:

[1] Civil Code. Book two. Family law. Draft of the Highly Established Drafting Committee for the Drafting of the Civil Code. Volume one. Art. 1 – 349. With explanations. - St. Petersburg, 1902. - 655 s.

[2] G. Sverdlov, The right to upbringing and litigation about children. - Soviet state and law. - №5-6. – 1940. - p. 52-71.

[3] Meyer, D. I. Russian Civil Law/D. I. Meyer. - 4th ed., Rev. and add. - Moscow: Statute, 2021. - 846 p.

[4] Pokrovsky I. A. The main problems of civil law. - 6th ed., Stereot. - M.: Statute, 2013. - 351 s.

[5] Ryasentsev V. A. Representation and transactions in modern civil law. - M.: Statute, 2006. - 603 s.

[6] Altman, S. Parental Control Rights. In Philosophical Foundations of Children's and Family Law.: Oxford University Press. 2018.

[7] Guggenheim, Martin. What's Wrong with Children's Rights, Harvard University Press, 2007.

[8] Hafen, Bruce C., and Jonathan O. Hafen. "Abandoning Children to Their Autonomy: The United Nations Convention on the Rights of the Child." Harvard International Law Journal, vol. 37, no. 2, Spring 1996.

[9] John Wall. Ethics in Light of Childhood. Georgetown University Press; 2010.

[10] Lee, Soo Jee. A Child's Voice vs. a Parent's Control: Resolving a Tension between the Convention on the Rights of the Child and U.S. Law. Columbia Law Review, vol. 117, no. 3, April 2017.

[11] UN Committee on the Rights of the Child (CRC), General comment No. 12 (2009): The right of the child to be heard, CRC/C/GC/12, 20 July 2009, available at: https://www.refworld.org/legal/general/crc/2009/en/70207 [accessed 02 February 2026]

[12] UN Committee on the Rights of the Child (CRC), General comment no. 5 (2003): General measures of implementation of the Convention on the Rights of the Child, 27 November 2003, CRC/GC/2003/5, available at: https://www.refworld.org/docid/4538834f11.html.

[13] American doctrine and practice still use the term "parental authority" along with "parental rights."

[14] For example, "Meyer v. State of Nebraska," "Pierce v. Society of Sisters," "State of Wisconsin v. Yoder."

[15] Meyer v. Nebraska, 262 U.S. 390 (1923).

[16] Pierce v. Society of Sisters, 268 U.S. 510 (1925).

[17] Wisconsin v. Yoder, 406 U.S. 205 (1972).

[18] Pierce v. Society of Sisters, 268 U.S. 510 (1925).

[19] Santosky v. Kramer, 455 U.S. 745, 753 (1982).

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-24-28

ПУЗАРИН Роман Олегович,
аспирант кафедры Правоохранительная деятельность,
Пензенский государственный университет,
e-mail: puzarin@list.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНЫХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА: КЛАССИФИКАЦИЯ И ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ

Аннотация. *В статье исследуются преступления против личных конституционных прав и свобод человека и гражданина, ответственность за которые установлена главой 19 Уголовного кодекса Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена необходимостью четкой идентификации круга составов, посягающих именно на личные (гражданские) права, в условиях неоднородности входящих в данную главу деяний. Автором проведен комплексный анализ основных доктринальных подходов к классификации рассматриваемых преступлений, представленных в трудах Л.Г. Мачковского, А.В. Серебренниковой, А.И. Чучаева и авторского коллектива под редакцией Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога и А.И. Чучаева. На основе сравнительного анализа научных позиций обосновывается авторский взгляд на дискуссионные вопросы отнесения отдельных составов (статьи 136 и 140 УК РФ) к группе личных прав. Формулируется авторское определение преступлений против конституционных гражданских (личных) прав и свобод. Особое внимание уделяется системе мер профилактического воздействия, которая рассматривается на трех взаимосвязанных уровнях: общесоциальном (правовое воспитание, развитие цифровой этики, совершенствование законодательства), специально-криминологическом (контроль за оборотом специальных технических средств, профилактика нарушений в деятельности органов власти, оперативно-розыскная профилактика) и индивидуальном (работа с лицами, склонными к совершению данных деяний, виктимологическая профилактика). Делается вывод о необходимости комплексного подхода к предупреждению данных преступлений, сочетающего меры уголовной репрессии с системой сбалансированных профилактических мероприятий.*

Ключевые слова: *преступления против личности, конституционные права, личные права, классификация преступлений, глава 19 УК РФ, профилактика преступлений, дискриминация, частная жизнь, тайна переписки, неприкосновенность жилища.*

PUZARIN Roman Olegovich,
Postgraduate Student
of the Department of Law Enforcement,
Penza State University

CRIMES AGAINST PERSONAL CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN: CLASSIFICATION AND PREVENTIVE MEASURES

Annotation. *The article examines crimes against personal constitutional rights and freedoms of a person and a citizen, liability for which is established by Chapter 19 of the Criminal Code of the Russian Federation. The relevance of the topic is due to the need for clear identification of the range of acts infringing specifically on personal (civil) rights, given the heterogeneity of the acts included in this chapter. The author conducts a comprehensive analysis of the main doctrinal approaches to the classification of these crimes, presented in the works of L.G. Machkovsky, A.V. Serebrennikova, A.I. Chuchaev and the author's team edited by L.V. Inogamova-Khegay, A.I. Rarog and A.I. Chuchaev. Based on a comparative analysis of scientific positions, the author's view on debatable issues of attributing certain offenses (Articles 136 and 140 of the Criminal Code of the Russian Federation) to the group of personal rights is substantiated. The author's*

definition of crimes against constitutional civil (personal) rights and freedoms is formulated. Special attention is paid to the system of preventive measures, which is considered at three interrelated levels: general social (legal education, development of digital ethics, improvement of legislation), special criminological (control over the trafficking of special technical means, prevention of violations in the activities of authorities, operational investigative prevention) and individual (work with persons prone to committing these acts, victimological prevention). The conclusion is made about the need for an integrated approach to preventing these crimes, combining measures of criminal repression with a system of balanced preventive measures.

Key words: *crimes against the person, constitutional rights, personal rights, classification of crimes, Chapter 19 of the Criminal Code of the Russian Federation, crime prevention, discrimination, privacy, secrecy of correspondence, inviolability of the home.*

Принятая 12 декабря 1993 года Конституция Российской Федерации в главе 2 закрепила фундаментальные права и свободы человека и гражданина, определив тем самым правовой статус личности, её социальную значимость и гарантии защищённости. Реализуя конституционные предписания, глава 19 Уголовного кодекса РФ установила ответственность за посягательства на эти права и свободы. Охрана конституционных прав граждан выступает приоритетной задачей государства, свидетельствующей об уровне его развития, благополучии общества и степени общественного согласия. Напротив, несоблюдение указанных прав дестабилизирует общественное развитие и функционирование государства.

В юридической литературе сформулированы различные подходы к определению преступлений против конституционных прав и свобод. Так, под ними понимаются деяния, предусмотренные уголовным законом и непосредственно направленные на нарушение гарантированных Конституцией РФ прав любого человека и гражданина. В более широком смысле данные преступления определяются как общественно опасные деяния, посягающие на общественные отношения, складывающиеся по поводу реализации важнейших человеческих потребностей (в творчестве, безопасности, управлении, познании, уважении), право на обеспечение которых закреплено в Основном законе.

Классификация преступных деяний, объединённых в главе 19 Уголовного кодекса Российской Федерации, представляет существенный теоретический и практический интерес, что обусловлено неоднородностью входящих в неё составов, посягающих на различные виды общественных отношений. В связи с этим актуализируется потребность в чёткой идентификации круга составов, обеспечивающих уголовно-правовую охрану конституционных гражданских (личных) прав и свобод человека и гражданина, которые выступают непосредственным предметом настоящего исследования.

Как обоснованно указывается в доктрине уголовного права, видовым объектом преступлений, предусмотренных главой 19 УК РФ, являются конституционные права и свободы личности (за изъятием тех, которые охраняются иными нормами Особенной части Кодекса). Исходя из характера нарушаемого права, представляется логичным выделение трёх основных категорий составов.

В учебнике «Уголовное право. Особенная часть» под редакцией профессоров Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога и А.И. Чучаева представлена одна из наиболее обоснованных классификаций преступлений главы 19 УК РФ, построенная на различиях в видовом объекте посягательства. Авторский коллектив выделяет три основные группы составов:

- преступления, посягающие на гражданские (личные) права и свободы (ст. 136–139, 148 УК РФ);
- преступления против политических прав и свобод (ст. 140–142.1, 144, 149 УК РФ);
- преступления, нарушающие социально-экономические права и свободы (ст. 143, 145–147 УК РФ). [4]

Впоследствии А.И. Чучаев в своих научных трудах предложил уточнённый вариант классификации, дополнив первую группу составом, предусмотренным статьёй 140 УК РФ (отказ в предоставлении гражданину информации). С учётом данной корректировки система преступлений главы 19 УК РФ в авторской интерпретации приобретает следующий вид:

- преступления против гражданских (личных) прав и свобод (ст. 136–140, 148 УК РФ);
- преступления против политических прав и свобод (ст. 141–142.1, 144, 149 УК РФ);
- преступления против социально-экономических прав и свобод (ст. 143, 145–147 УК РФ). [3]

Доктор юридических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова А.В. Серебренникова предлагает собственную классификацию преступных посягательств, структурированную по трём основным группам в зависимости от объекта нарушения:

– Посягательства на личные права и свободы (ст. 137, 138, 138.1, 139, 140, 148 УК РФ);
– Посягательства на политические права и свободы (ст. 136, 141, 141.1, 142, 142.1, 149 УК РФ);
– Посягательства на социально-экономические права и свободы (ст. 143, 144, 145, 145.1, 146, 147 УК РФ). [2]

Учитывая особое место принципа равноправия в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина, Л.Г. Мачковский предлагает классификацию, в которой данный принцип выделяется в самостоятельную группу. Согласно его подходу, преступления главы 19 УК РФ подразделяются следующим образом:

– преступления против принципа равноправия (ст. 136 УК РФ);
– преступления против личных (гражданских) прав (ст. 137–140, 144, 148 УК РФ);
– преступления против политических прав (ст. 141–142.1, 149 УК РФ);
– преступления против социальных (социально-экономических) прав (ст. 143, 145–147 УК РФ). [1]

Вопрос классификации преступных посягательств на конституционные права и свободы, сосредоточенных в главе 19 УК РФ, традиционно относится к числу дискуссионных в уголовно-правовой доктрине. Обобщение существующих в науке подходов позволяет констатировать, что при всём многообразии авторских позиций все исследователи единодушно выделяют группу деяний, направленных против гражданских (личных) прав и свобод. Данное обстоятельство свидетельствует об объективном характере существования указанной группы составов.

Наиболее убедительной представляется позиция авторского коллектива под редакцией Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога и А.И. Чучаева, а также её уточнённый вариант, предложенный А.И. Чучаевым. Включение статьи 140 УК РФ («Отказ в предоставлении гражданину информации») в перечень преступлений против личных прав видится оправданным, поскольку конституционное право на информацию (ст. 24 Конституции РФ) по своей природе относится к личным правам, обеспечивающим автономию личности и индивидуальную свободу.

Поддерживая выделение Л.Г. Мачковским специфики статьи 136 УК РФ («Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина»), обусловленной универсальным характером принципа равноправия, следует отметить, что при реальном совершении данное преступление всегда нарушает конкретное право — личное, политическое либо социально-экономическое. В связи с этим искусственное обособление данного состава в самостоятельную группу представляется избыточным.

Подход А.В. Серебренниковой, относящей статью 136 УК РФ к политическим правам, вызывает возражения. Дискриминация может иметь место в любой сфере, включая сугубо личные отношения (например, по признаку пола или расы), что не позволяет однозначно квалифицировать данное деяние как политическое преступление.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующее определение: под преступлениями против конституционных гражданских (личных) прав и свобод человека и гражданина следует понимать виновно совершённые общественно опасные деяния, предусмотренные главой 19 УК РФ, непосредственно посягающие на гарантированные Конституцией РФ неотчуждаемые права и свободы, определяющие правовой статус личности, её автономию, неприкосновенность частной жизни и духовную свободу.

С учётом изложенного в группу преступлений против личных прав и свобод предлагается включить следующие составы:

– ст. 136 УК РФ (нарушение равенства прав и свобод), поскольку в большинстве случаев данное деяние посягает именно на личные права;
– ст. 137 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни);
– ст. 138 УК РФ (нарушение тайны переписки, телефонных переговоров и иных сообщений);
– ст. 138.1 УК РФ (незаконный оборот специальных технических средств для негласного получения информации);
– ст. 139 УК РФ (нарушение неприкосновенности жилища);
– ст. 140 УК РФ (отказ в предоставлении информации);
– ст. 148 УК РФ (нарушение права на свободу совести и вероисповеданий).

Выявление особенностей криминологической характеристики и уточнение классификации преступлений против личных прав и свобод создаёт необходимую основу для разработки эффективной системы их профилактики. Профилактическое воздействие на данную группу деяний должно носить комплексный характер и реализовываться на трёх взаимосвязанных уровнях: общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном.

1. Общесоциальные меры профилактики

Данный уровень профилактики носит опосредованный характер и связан с позитивным

развитием общества в целом, что способствует укреплению уважения к правам и свободам личности. К числу приоритетных направлений следует отнести:

Правовое воспитание и повышение правовой грамотности населения. Необходимо формирование устойчивого понимания ценности неприкосновенности частной жизни, тайны переписки и жилища. Это требует внедрения образовательных программ в школах и вузах, а также проведения широких информационных кампаний в средствах массовой информации и сети Интернет, разъясняющих не только права граждан, но и юридические последствия их нарушения.

Развитие цифровой этики и культуры. В условиях активного внедрения специальных технических средств (ст. 138.1 УК РФ) и роста объёма персональных данных в цифровом пространстве остро стоит вопрос формирования у граждан и организаций «цифровой гигиены». Это включает в себя ответственное отношение к сбору, хранению и распространению информации о других лицах.

Совершенствование законодательства в сфере оборота информации. Устранение правовых пробелов, регулирующих деятельность мессенджеров, социальных сетей и операторов персональных данных, позволит минимизировать возможности для нарушений неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ).

2. Специально-криминологические (криминалистические) меры

Данный уровень профилактики направлен на устранение конкретных причин и условий, способствующих совершению рассматриваемых преступлений, и предполагает активную деятельность правоохранительных и контролирующих органов.

Контроль за оборотом специальных технических средств. Учитывая повышенную общественную опасность деяния, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ, необходимо усиление лицензионных и разрешительных процедур в отношении устройств, предназначенных для негласного получения информации. Важным аспектом является выявление и блокировка интернет-ресурсов, осуществляющих их незаконную продажу.

Профилактика нарушений в деятельности органов власти. Преступления, предусмотренные ст. 140 УК РФ (отказ в предоставлении информации), часто связаны с бюрократическим произволом. Мерами профилактики здесь выступают развитие системы электронных услуг («Госуслуги»), минимизация личного контакта гражданина с чиновником и усиление ответственности должностных лиц за волокиту.

Оперативно-розыскная профилактика. Своевременное выявление фактов сбора и распространения сведений о частной жизни лиц (особенно публичных персон, несовершеннолетних или потерпевших от преступлений) позволяет пресечь деятельность «чёрных коллекторов» или «сталкеров» на стадии приготовления.

3. Меры индивидуальной профилактики и виктимологической профилактики

Данный уровень направлен на конкретных лиц, от которых можно ожидать совершения преступления, а также на потенциальных жертв.

Работа с лицами, склонными к совершению данных деяний. Сюда относится постановка на профилактический учёт лиц, ранее судимых за нарушение тайны переписки (ст. 138 УК РФ) или незаконное проникновение в жилище (ст. 139 УК РФ), и проведение с ними разъяснительных бесед.

Виктимологическая профилактика. Граждане должны знать способы защиты своих личных прав. Необходимо информировать население о правилах безопасного поведения в интернете (пароли, двухфакторная аутентификация), о праве не свидетельствовать против себя и близких, а также о законных способах фиксации нарушений их прав (например, незаконного проникновения в жилье).

Таким образом, эффективное противодействие преступлениям против личных конституционных прав и свобод невозможно исключительно мерами уголовной репрессии. Приоритет должен быть отдан системе сбалансированных профилактических мер, где общесоциальное развитие правосознания сочетается с жестким контролем за оборотом средств негласного получения информации и адресной работой с потенциальными правонарушителями.

Список литературы:

[1] Мачковский Л.Г. Уголовная ответственность за нарушение равноправия, личных, политических и социально-экономических прав. М. 2005. 468 с.

[2] Серебренникова А.В. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина по УК РФ: критерии классификации / А.В. Серебренникова // Новое слово в науке: перспективы развития: матер. IX Междунар. науч.-практ. конф. — Чебоксары, 2016. — С. 192–194.

[3] Уголовное право. Особенная часть: Учебник. Издание второе исправленное и дополненное / Под ред. доктора юридических наук, профессора Л.В. Иногамовой-Хегай, доктора юридических наук, профессора А.И. Рарога, доктора юридических наук, профессора А.И. Чучаева. — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРАМ, 2008. — 800 с.

[4] Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / под ред. А. И. Чучаева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2015. — 552 с.

References:

[1] Machkovsky L.G. Criminal liability for violation of equal rights, personal, political and socio-economic rights. M. 2005. 468 p.

[2] Serebrennikova A.V. Crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen under the Criminal Code of the Russian Federation: classification criteria/A.V. Serebrennikova//New word in science: development prospects: mater. IX International. scientific - practice. conf. - Cheboksary, 2016. - S. 192-194.

[3] Criminal law. Special part: Textbook. The second edition is corrected and supplemented/Ed. Doctor of Law, Professor L.V. Inogamova-Khegai, Doctor of Law, Professor A.I. Raroga, Doctor of Law, Professor A.I. Chuchaev. - M.: Law firm “CONTRACT”: INFRAM, 2008. - 800 s.

[4] Criminal law. Special part: textbook for bachelors/ed. A.I. Chuchaev. - 2nd ed., Revised and add. - Moscow: Prospect, 2015. - 552 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-29-35

ПЛАХОВ Артем Владимирович,
Среднерусский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и
государственной службы При Президенте Российской Федерации,
кандидат экономических наук, доцент кафедры
«Гражданское право и общеправовые дисциплины»,
e-mail: plahov_a@mail.ru

МОСИНА Екатерина Игоревна,
Среднерусский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и
государственной службы При Президенте Российской Федерации,
кандидат экономических наук, доцент кафедры
«Гражданское право и общеправовые дисциплины»,
e-mail: caterinamosina@yandex.ru

СТЕБЛЕЦОВА Надежда Николаевна,
Среднерусский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и
государственной службы При Президенте Российской Федерации,
магистрант, кандидат политических наук, доцент,
e-mail: stebl_n@mail.ru

ЗАЩИТА ПРАВ ДЕТЕЙ КАК ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности и порядок взаимодействия государства и гражданского общества как институты защиты прав и интересов детей. Освещаются нормативно-правовые положения, вопросы участия органов государственной власти и местного самоуправления, деятельность органов опеки и попечительства в профилактике социального сиротства, защиты прав детей власти и общественности. Авторы приходят к выводу о значимости института семьи как фундамента гражданского общества в социальной защите прав детей.*

Ключевые слова: *гражданское общество, семья, правовая защита детей, права, свободы.*

PLAKHOV Artem Vladimirovich,
Central Russian Institute of Management –
branch Russian Academy of National Economy and Public
Administration Under the President of the Russian Federation,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department
of Civil Law and General Legal Disciplines

MOSINA Ekaterina Igorevna,
Central Russian Institute of Management –
branch Russian Academy of National Economy and Public
Administration Under the President of the Russian Federation,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor Department
of Civil Law and General Legal Disciplines

STEBLETSOVA Nadezhda Nikolaevna,
Central Russian Institute of Management –
Branch of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation, Master's student,
PhD in Political Science, Associate Professor

PROTECTING CHILDREN'S RIGHTS IS A FUNCTION OF THE STATE AND CIVIL SOCIETY

Annotation. *The relevance of this study stems from the role of civil society and the state in protecting the rights of children in difficult life situations and socially dangerous situations, which largely determine the future of our country. This study analyzes the key legal provisions governing the promotion and protection of children's rights and freedoms, with the participation of all branches of government and the public. Attention is paid to the institution of the family as the foundation of civil society in the social protection of children's rights.*

Key words: *civil society, legal protection of children, rights, freedoms.*

Мониторинг законодательства, регулирующий права несовершеннолетних, в том числе их неимущественные права, свидетельствует о трудностях реализации прав несовершеннолетних, в том числе в сфере гражданского и семейного права. Анализ мониторингового исследования показывает, что нет единого, сложившегося подхода в юридической практике по защите интересов несовершеннолетних [3].

В соответствии с ч. 4 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим [1]. В проекте долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года [2] отмечено, что защита гражданского общества, его прав и свобод является основой развития государства. Защита детей – общая ответственность за будущее страны, но будущее закладывается в каждом ребенке, из физическом здоровье, психологическом, нравственном. Бабушки и дедушки, тети и дяди делят деньги, квартиры, дачи, материнский капитал, забывая при этом про стоящего рядом живого ребенка. В соответствии с этим задача гражданского общества помочь исполнить мечты, добиться успехов, защищать ребенка.

Особое внимание уделяется вопросам воспитания детей в духе семейных ценностей, проблемам, связанным со все большим усложнением правовых отношений в сфере гражданского права; безопасной среды для детей, защита права несовершеннолетних жить и воспитываться в семье, в том числе при усыновлении и приемных семьях.

В Российской Федерации главным законом, определяющим права детей, выступает федеральный закон № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», принятый в 1998 году. Его принятие в Государственной Думе состоялось 3 июля, одобрение Советом Федерации последовало 9 июля того же года. От внимания и заботы государства о будущих поколениях зависит благополучие общества в будущем. Еще в 1959 году ООН приняла Декларацию прав ребенка, в которой были заложены основы социальных и правовых норм, направленных на защиту и благосостояние детей. Необходимость защиты прав детей, будущих поколений человечества, привела к тому, что мировое сообщество приняло новый документ, который не ограничивался лишь декларативными заявлениями. В нем были зафиксированы юридически обязывающие меры по защите детских прав.

В соответствии со «Стратегией комплексной безопасности детей, объявленной Указом Президента Российской Федерации» [14] необходимо особое внимание уделять объективным и субъективным фактам благополучия детей, социальной ответственности, соблюдению их прав и свобод через институты государства и гражданского общества, которая окружает подрастающее поколение.

Гражданское общество без государства не способно защитить свои права ни в здравоохранении, нив образовании, ни в любой другой области [6, 7]. По состоянию механизма, обеспечивающего права и интересы несовершеннолетних детей, являющихся наиболее незащищенной категорией граждан из-за их физической, психологической и социальной незрелости, можно судить об уровне развитости общества и о его нравственном здоровье.

Ежедневно мы являемся свидетелями нарушения прав детей. К сожалению, опасным явлением остается детская беспризорность, влекущая за собой социальное отчуждение. Другой важной проблемой является отчаяние и конфликт родителей (законных представителей) с институтами государства. Вопрос ответственности за радикальное решение проблемы социального отчуждения усугубляется тем, что разрушение и социальное отчуждение детей происходит не извне, а изнутри семьи, разрушении семейных ценностей, что в свою очередь приводит к размыванию национального самосознания, а значит снижению правовой ответственности части населения страны. И без вмешательства институтов государства и гражданского общества, органич-

ной поддержки всех параметров несовершеннолетних в области государственно-правовой, социально-экономической, культурно-нравственного развития всей жизнедеятельности не обойтись.

Гражданское общество стремится защитить свои права в тесном взаимодействии с государством, которое осуществляет защиту гражданских прав через свои специализированные институты, в том числе Уполномоченного по правам ребенка, правоохранительную систему, суды, прокуратуру [6]. В приказе Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 13.12.2021 г. № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» [13] выделены направления деятельности органов прокуратуры по защите прав детей, подвергшихся жестокому обращению, оказавшихся в кризисной ситуации; забота о духовно-нравственном, культурно-историческом, семейном воспитании детей путем профилактики и пресечения подачи информации, наносящей вред их здоровью и духовному развитию; своевременное реагирование на нарушения жилищных и имущественных прав несовершеннолетних; деятельностью органов опеки и попечительства, учреждений в сфере образования; трудового законодательства и т.п. В этой связи важнейшей задачей становится укрепление этих институтов прав и свобод человека. Общественности необходимо шире участвовать в контроле за действиями правоохранительной системы, формировать ту правовую культуру, без которой российское общество не решит своих крупных задач. На современном этапе развития российского общества должное внимание уделяется проблеме защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Право каждого ребенка жить и воспитываться в семье, учиться и развиваться, расти без страха. Одной из платформ такой безопасности является приемная семья – институт гражданского общества, замещающий семью как таковую, обеспечивающий ребёнку, попавшему в трудную ситуацию, семейное воспитание, понимание детско-родительских отношений, создание безопасной комфортной психологической среды [13].

Следующей важной функцией государства является реализация принципов социальной защищенности, которая направлена на оказание поддержки социально-уязвимым категориям населения и повышения эффективности и восприимчивости к инновациям сектора социальных услуг [6, 7]. В каждом муниципальном районе данная работа организуется органами опеки и попечительства, выступающие стороной в договоре о приёмной семье. Большое внимание органы опеки и попечительства уделяют основам семейных форм воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, профилактике социального сиротства. В соответствии с этим реализация прав и свобод личности – один из факторов, влияющих на гражданскую инициативу, повышение ответственности участие в защите прав и свобод несовершеннолетних. В. Н. Лопатин отмечал, что основным способом защиты своих социальных, политических и экономических прав в рамках гражданского общества остается именно самозащита [8, 6, 7]. Несмотря на то, что согласно законам и Конституции Российской Федерации человек наделен правом осуществлять свои политические и иные права и свободы, однако ищет опору в институтах государства, осуществляющих данные полномочиями. В этом случае воспитание правовой грамотности и повышение гражданской и электоральной активности как детей, так и родителей является не просто навыком, а ключевым инструментом защиты прав ребенка, а также способность и возможность несовершеннолетнего самостоятельно обращаться за помощью и уверенно заявлять о своих интересах. Возраст несовершеннолетнего подростка можно охарактеризовать между взрослостью и детством. Право должно не только учитывать эту особенность подростков, но и защищать их от возможных нарушений прав и свобод со стороны более «сильных» взрослых.

Понятно, что противопоставлять гражданское общество и государство невозможно. Так в гражданском обществе создаются все условия для самореализации и автономии личности, исключающие любое вмешательство в жизнь индивида, позволяющие ему руководствоваться исключительно частными интересами, отраженные в законодательстве, а государство гарантирует их осуществление в повседневной жизни. Это связано с основным предназначением государства – обеспечить свободу и безопасность общества путем охраны общественного порядка и разрешения социальных конфликтов.

Еще одной гарантией осуществления прав и свобод человека является наличие различных форм и методов контроля гражданского общества над государственным аппаратом, в том числе привлечение представителей общественности к работе различных государственных коллегиальных органов. Сюда относится, например, включение

10 представителей общероссийских общественных объединений и правозащитных организаций в состав Высшей квалификационной коллегии. Многие представители институтов гражданского общества участвуют в общественных советах при министерствах и ведомствах, в том числе и правоохранительных органах. Практически все без исключения общественные объе-

динения в той или иной мере участвуют в общественном контроле в соответствующей сфере государственной деятельности. В связи с этим особо следует отметить роль неправительственных организаций, объединений. Здесь стоит обратить внимание на организацию работы и развитие правовых организаций и объединений, основу работы которых составляет помощь жителям не только своего региона, но каждому гражданину, обратившемуся за консультацией. Одним из направлений социальной и правовой защищенности будущего ребенка является помощь ему и его семье

Указанные аспекты по защите социально-экономических интересов населения, политических прав и свобод человека и гражданина – это лишь необходимая основа для будущей их реализации. Для современного человека и гражданина необходимо не только знать Конституцию РФ, Декларацию прав человека и правовой системы Российской Федерации, но уметь отстаивать свои права путем обращения в соответствующие органы, способным оказать квалифицированную бесплатную юридическую помощь гражданам и реально восстановить нарушенные права заявителей, и особенно тех, которые в силу тех или иных причин не могут сделать это самостоятельно. Исключительно важное значение имеет правовое воспитание, владение современной правовой информацией [6, 7]..

К гражданам, которые не могут сами обратиться в суд за защитой своих прав в силу возраста, в первую очередь относятся несовершеннолетние. Что касается детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, то в ст. 10 Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [10] институт прокуратуры, в целях защиты прав детей вправе обратиться в установленном порядке в соответствующие суды Российской Федерации за их защитой. Исходя из 2 ч. 1 ст. 64 Семейного кодекса РФ [9], согласно которому родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий возникают отказы судов первой инстанции в принятии заявлений (исков) в защиту прав несовершеннолетних. Однако суд не учитывает тот факт, что по причине юридической неграмотности, гражданской безответственности, личностных трудности родителей, таких, как нехватка финансовые проблемы или злоупотребление спиртными напитками, могут привести к тому, что права ребенка напротив, могут быть ущемлены [9, 10]. В частности, дети, оставшиеся без попечения родителей, достигшие совершеннолетия, зачастую оказываются неспособными отстаивать свои права в судебном порядке, а также установить факт их нарушения. При этом попечительство над детьми, достигшими совершеннолетия, считается прекращенным и они получат полную дееспособность, прокурор обращается в суд с ходатайством о защите их интересов. Это обусловлено задержкой психоэмоционального развития и недостаточного уровня социальной адаптации некоторых воспитанников детских домов, которые не обладают навыками для самостоятельной защиты своих интересов в суде. Фактически в той же защите могут также нуждаться и совершеннолетние после завершения обучения в учебных заведениях, а также в учреждениях всех видов профессионального образования, либо по окончании службы в рядах Вооруженных Сил РФ, либо после возвращения из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы.

По мнению некоторых авторов «...проблемным моментом, открывающим возможность нарушений прав и законных интересов ребенка, является неопределенность его процессуального статуса. В свою очередь должностные лица, в компетенцию которых входит защита прав несовершеннолетнего в исполнительном производстве, встречаются в рамках ее реализации с препятствиями как теоретического, так и практического характера. Их устранение будет способствовать повышению эффективности реализации решений, вынесенных судом, что позволит минимизировать возможные нарушения прав и интересов детей в ходе исполнительного производства» [5].

В этом плане эта проблема особенно актуальна на этапе преодоления последствий экономического кризиса, повлекшего за собой серьезные социально-экономические проблемы в реализации своих прав на труд, лечение, образование, получение других социальных благ.

Современный кризис и трудная жизненная ситуация – это проверка не только регионов на способность поддерживать и защищать в данный период граждан, проживающих на своей территории, но и активность и сплоченность гражданского общества перед трудностями, способность сообща противостоять им [6,7].

Выделяют категории детей, нуждающихся в особой поддержке: дети-сироты; дети инвалиды; дети, чьи родители имеют инвалидность, воспитанники детских домов, подростки, освобождающиеся из воспитательных колоний; дети-жертвы насилия; дети, чья жизнь объективно осложнена обстоятельствами, которые они не могут преодолеть самостоятельно или с помощью семьи.

В настоящее время в Орловской области кроме федеральных законов сформирована и является достаточно стабильной региональная законодательная база, направленная на укрепление института семьи и ее социально-экономического потенциала, защиту прав и интересов детей. Приняты законы Орловской области «Об образовании» [18], «О статусе многодетной семьи в Орловской области и мерах ее социальной поддержки» [15], «О ежемесячном пособии на ребенка» [17], «О гарантиях прав ребенка в Орловской области» [11], «О государственной системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Орловской области» [12], «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [16]. Но какими бы замечательными ни были законы, они не «работают» сами по себе – их реализуют люди, наше гражданское общество. И оттого, насколько профессионально, продуманно, «с душой» они к этому подходят, на наш взгляд, зависит очень многое.

Таким образом, институты гражданского общества занимают важное место в системе защиты социальных интересов населения, а также прав несовершеннолетних и малолетних граждан.

Среди ученых правоведов обоснованно утверждается, что в современной России реализации и защите прав несовершеннолетних значительное внимание относящихся к различным правовым отраслям законодательных актов, а также накоплена существенная информация теоретического и практического опыта в этой области. Эта работа охватывает самые различные направления общественной жизнедеятельности, как государственный, так и общественных институтов гражданского общества. Основной причиной отмечают недостаточную согласованность между различными отраслями права [4].

Взаимоотношения государства и гражданского общества являются важнейшим фактором общественного развития. Понимание сущности, характера отношений этих контрагентов означает обнаружение возможностей демократической трансформации общественной системы, ее способностей к самообновлению и развитию. Особую важность такого рода задача приобретает именно для России, когда и формирование новой государственности, и становление полноценного гражданского общества во многом зависят от успешного функционирования и взаимодействия этих субъектов социально-политического процесса.

Только консолидация гражданского общества, всех его неравнодушных представителей может помочь государству справиться с острой и скрытой проблемами сложного школьного возраста. Надо учить и самих несовершеннолетних граждан, и неблагополучных родителей отвечать за себя, заботиться о себе и своем будущем. Лишь в этом случае, по нашему мнению, реально возможно сочетание ответственности, планов на будущее и уверенность в завтрашнем дне.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 19.10.2025)

[2] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (дата обращения: 19.10.2025)

[3] Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2020 г. // Судебный департамент (cdep.ru) (дата обращения: 20.10.2025).

[4] Касимова В.С. Проблемные аспекты защиты прав несовершеннолетних в условиях развития современного общества // Вестник науки и творчества. 2019. № 3 (39). – С. 11.

[5] Соловьев В.Ю., Орлова А.В. Актуальные проблемы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в исполнительном производстве // Современное право. – 2021. - № 9. – С. 37.

[6] Стеблецова Н. Н. Гражданское общество: о некоторых механизмах и технологиях защиты прав и свобод человека. Права и свободы человека и гражданина: актуальные проблемы науки и практики. Сборник научных статей и докладов. X Международная научно-практическая конференция. Под общ.ред. Меркулова П.А., Щеголевой Н. А. – 2018. – С. 238-242

[7] Стеблецова Н. Н. Гражданское общество в региональном социально-политическом процессе современной России: приоритеты деятельности, тенденции развития : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02

[8] Лопатин В. Н. Проблемы реализации права человека по защите своих прав и свобод в современной России // Право и права человека в условиях глобализации. – 2006. – С. 104.

[9] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с

изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) [Электронный ресурс]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/2236d37faf59dafdc4b2bc53c6b05841fe616ee9/ (дата обращения: 19.10.2025)

[10] Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

[11] Закон Орловской области от 22 августа 2005 г. N 529-ОЗ «О гарантиях прав ребенка в Орловской области» [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/28500529/ (дата обращения: 19.10.2025)

[12] Закон Орловской области от 26.12.2014 № 1730-ОЗ «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Орловской области» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/5700201412290014

[13] Приказ Генпрокуратуры России от 13.12.2021 N 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» [Электронный ресурс]. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1256734/ (дата обращения: 19.10.2025)

[14] Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URLhttps://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406788976/ (дата обращения: 19.10.2025)

[15] Закон Орловской области от 25 декабря 2023 г. N 3024-ОЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 4 Закона Орловской области «О статусе многодетной семьи Орловской области и мерах ее социальной поддержки» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/hotlaw/orel/1677674/ (дата обращения: 19.10.2025)

[16] Федеральный закон от 24.06.1999 N 120-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // [Электронный ресурс]. http://pravo.gov.ru - 01.04.2025

[17] Федеральный закон от 19.05.1995 N 81-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6659/25110bf284e89644efcba097c2813f55d0adda0b/ (дата обращения: 19.10.2025)

[18] Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/doc/273_FZ-ob-obrazovanii/ (дата обращения: 19.10.2025)

References:

[1] Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) [Electronic resource]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 19.10.2025)

[2] Forecast of the long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030 (developed by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation) [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (дата обращения: 19.10.2025)

[3] Report on the work of the courts of general jurisdiction in the consideration of civil and administrative cases at first instance for 12 months of 2020// Judicial Department (cdep.ru) (date of appeal: 20.10.2025).

[4] Kasimova V.S. Problematic aspects of protecting the rights of minors in the development of modern society//Bulletin of Science and Creativity. 2019. № 3 (39). - S. 11.

[5] Soloviev V.Yu., Orlova A.V. Actual problems of protecting the rights and legitimate interests of minors in enforcement proceedings//Modern law. – 2021. - № 9. - S. 37.

[6] Stebletsova N. N. Civil society: on some mechanisms and technologies for the protection of human rights and freedoms. Rights and freedoms of man and citizen: current problems of science and practice. Collection of scientific articles and reports. X International Scientific and Practical Conference. Under general ed. Merkulova P.A., Shchegoleva N.A. - 2018. - S. 238-242

[7] N. N. Stebletsova Civil society in the regional socio-political process of modern Russia: priorities of activity, development trends: dissertation... Candidate of Political Science: 23.00.02

[8] Lopatin V.N. Problems of the implementation of human rights to protect their rights and freedoms in modern Russia//Law and human rights in the context of globalization. – 2006. - S. 104.

[9] Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 N 223-FZ (rev. from 23.11.2024, with rev. from 30.10.2025) (with rev. and additional, entry. effective 05.02.2025) [Electronic Resource]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/2236d37faf59dafdc4b2bc53c6b-05841fe616ee9/ (дата обращения: 19.10.2025)

[10] Federal Law No. 159-FZ of December 21, 1996 "On Additional Guarantees for Social Support for Orphans and Children Left Without Parental Care."

[11] Law of the Oryol region of August 22, 2005 N 529-OZ "On guarantees of the rights of the child in the Oryol region" [Electronic resource]. URL: https://base.garant.ru/28500529/ (accessed on: 19.10.2025)

[12] Law of the Oryol region of 26.12.2014 No. 1730-OZ “On the prevention of neglect and juvenile delinquency in the Oryol region” [Electronic resource]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/5700201412290014

[13] Order of the Prosecutor General’s Office of Russia of 13.12.2021 No. 744 “On the organization of prosecutorial supervision of the implementation of legislation on minors, observance of their rights and legitimate interests” [Electronic resource]. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1256734/ (accessed on: 19.10.2025)

[14] Decree of the President of the Russian Federation of May 17, 2023 No. 358 “On the Strategy for the Integrated Safety of Children in the Russian Federation for the Period up to 2030” [Electronic Resource]. URLhttps ://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/ 406788976/(accessed: 19.10.2025)

[15] Law of the Oryol Region dated December 25, 2023 N 3024-OZ “On Amendments to Articles 1 and 4 of the Law of the Oryol Region “On the Status of a Large Family of the Oryol Region and Measures of its Social Support” [Electronic Resource]. URL: https://www.garant.ru/hotlaw/orel/1677674/ (accessed on: 19.10.2025)

[16] Federal Law of 24.06.1999 N 120-FZ (ed. 01.04.2025) “ On the Basics of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency “//[Electronic Resource]. http://pravo.gov.ru - 01.04.2025

[17] Federal Law of 19.05.1995 N 81-FZ (as amended by 23.07.2025) “ On State Benefits for Citizens with Children” [Electronic Resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6659/25110bf284e89644efcba097c2813f-55d0adda0b/ (дата обращения: 19.10.2025)

[18] Federal Law of 29.12.2012 N 273-FZ (as amended by 31.07.2025) “ On Education in the Russian Federation” (amended and supplemented, entry effective 01.09.2025) [Electronic Resource]. URL: https://legalacts.ru/doc/273_FZ-ob-obrazovanii/ (дата обращения: 19.10.2025)

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-36-39

ЛИТВИНОВ Дмитрий Андреевич,
аспирант кафедры гражданского права,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
e-mail: exler_dl@mail.ru

Научный руководитель:
ТЕМНИКОВА Наталья Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
e-mail: mail@law-books.ru

КОНЦЕССИОННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ В ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *В статье рассматриваются возможные варианты применения концессионных соглашений в оборонно-промышленном комплексе. Автор рассматривает аргументы «за» и «против» внедрения механизмов государственно-частного партнерства в оборонно-промышленном комплексе, а также анализирует текущие проблемы, связанные с государственно-частным партнерством в оборонно-промышленном комплексе. Автор приходит к выводам, что перечень объектов, которые могут быть предметом оборонного концессионного соглашения, целесообразно расширить с целью повышения привлекательности у данного механизма государственно-частного партнерства у субъектов предпринимательства, а также повышения обороноспособности и безопасности государства.*

Ключевые слова: *концессионное соглашение, государственно-частное партнерство в оборонно-промышленном комплексе, оборонные концессионные соглашения, продукция военного назначения.*

LITVINOV Dmitriy Andreevich,
Postgraduate student of the Department of Civil Law,
Omsk State University named F.M. Dostoevsky

Scientific supervisor:
TEMNIKOVA Natalia Aleksandrovna,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law,
Omsk State University named F.M. Dostoevsky

CONCESION AGREEMENTS IN THE MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX: PROBLEMS AND PROSPECTS

Annotation. *The article discusses possible options for the application of concession agreements in the military-industrial complex. The author examines the arguments "for" and "against" the introduction of public-private partnership mechanisms in the military-industrial complex, and also analyzes the current problems associated with public-private partnership in the military-industrial complex. The author concludes that it is advisable to expand the list of facilities that may be the subject of a defense concession agreement in order to increase the attractiveness of this mechanism of public-private partnership among business entities, as well as to increase the defense capability and security of the state.*

Key words: *concession agreement, public-private partnership in the military-industrial complex, military concession agreements, military products.*

В настоящее время концессионные соглашения являются видом договора, сущность которого не изучена в полной мере. При этом, Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-

ФЗ «О концессионных соглашениях» уже скоро отпразднует свое 20-летие, что является лишним поводом для рассуждения о том, в полной ли мере выполняются цели и задачи, поставленные данным законом.

Согласно ст. 1 Федерального закона № 115-ФЗ, одной из его целей является обеспечение эффективного использования имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на условиях концессионных соглашений и повышение качества товаров, работ, услуг, предоставляемых потребителям.

Между тем, качество товаров, работ, услуг в оборонно-промышленном комплексе носит не просто основополагающий характер, но и оказывает влияние на развитие всего государства, поскольку, без наличия оборонно-промышленного комплекса, вряд ли можно было бы смело заявить о надежном поддержании своего суверенитета этим государством.

Б.Е. Шишков в этом смысле справедливо отмечает, что из-за введения западными странами санкций против России и вялого роста глобальной экономики, необходимо «упрощение процесса создания новых производств в ОПК, в том числе посредством использования механизмов ГЧП…» [1].

Более того, президент РФ В.В. Путин заявлял о важности «совершенствования механизмов частно-государственного партнерства в оборонной отрасли, распространения успешного опыта частных компаний, распространяющих узлы, детали для военной продукции» [2].

Само государство уже пыталось прилагать усилия для привлечения механизмов ГЧП в сферу, связанную с продукцией военного назначения. В частности, в качестве законопроекта уже был разработан Закон «о государственно-частном партнерстве в сфере военно-технического обеспечения обороны и безопасности страны». Военно-промышленная комиссия, в свою очередь, одобрила Концепцию применения механизмов государственно-частного партнерства в сфере оборонного-промышленного комплекса Российской Федерации, а Министерством промышленности и торговли РФ был составлен план по её реализации [3, с. 71].

В данном законопроекте под ГЧП в оборонной сфере предлагалось понимать «отношения публичного и частного партнеров, связанные с подготовкой, заключением, исполнением и прекращением соглашений о государственно-частном партнерстве или созданием и функционированием предприятий с совместным участием государственного и частного партнеров в сфере военно-технического обеспечения обороны и безопасности страны».

Несмотря на это, вышеуказанный законопроект так и не трансформировался в статус полноценного закона, но отдельные его положения нашли свое отражение в Федеральном законе от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федеральном законе от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях».

Так, в 2015 году в качестве объекта концессионного соглашения добавились строительные сооружения, предназначенные для складирования, хранения и ремонта имущества Вооруженных Сил РФ (подп. 15 п. 1 ст. 4 Федерального закона № 115-ФЗ). Подобной инициативой законодатель фактически легализовал возможность заключения «оборонных концессионных соглашений».

При этом, как отмечается рядом исследователей, законодатель не предусмотрел возможность включения в качестве объекта концессионного соглашения результатов интеллектуальной деятельности, используемых в продукции военного и двойного назначения, что является препятствием в использовании научного потенциала предприятий ОПК в целях диверсификации [4].

Для сравнения, французское законодательство уже давно знает такую форму государственно-частного партнерства, где в 2016 году появился специальный термин «концессионный договор об обороне или обеспечении безопасности». Данный договор предполагает в том числе возможность создания и коммерциализации объектов интеллектуальной собственности (например, финансирование технопарков, созданных с участием частных инвесторов). В России же объектом оборонного концессионного соглашения пока остаётся только недвижимое имущество, что существенно ограничивает возможности государственно-частного партнерства в оборонно-промышленном комплексе.

Для решения данной проблемы Б.Е. Шишков предлагает внести изменения в Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ, дополнив статью 4 новым объектом – результатами интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения [1]. В этом случае потенциальное предприятие сможет вступить в концессию с публичным партнером в форме контракта жизненного цикла, по которому обеспечение правовой охраны результатов научно-технической деятельности будет лежать на государственном заказчике, т.е. на концеденте, так как исключительные права на РИД, полученные концессионе-

ром за свой счет при исполнении концессионного соглашения, принадлежат концеденту (ст. 11 Федерального закона № 115-ФЗ).

Вместе с тем, следует признать, что практика внедрения оборонных концессионных соглашений уже насчитывает под собой приличное количество таких соглашений. Так, успешно реализуются проекты по образованию производственно-логистических комплексов (далее – ПЛК) на территориях различных субъектов РФ, а также по возведению комплексов двойного назначения, которые должны заменить собой около 530 существующих складов материальных средств. По мнению экспертов, заключение оборонных концессионных соглашений позволяет решить сразу несколько задач: снижение нагрузки на федеральный бюджет, создавая при этом логистическую инфраструктуру военного и двойного назначения; сокращение количества задач, выполняемых Министерством обороны самостоятельно; оперативное обеспечение Вооруженных сил материальными средствами за счет передачи непрофильных функций частному логистическому оператору [5, с. 40].

Правовая природа оборонного концессионного соглашения остаётся столь же неясной, сколько правовая природа любого концессионного соглашения. По мнению А.В. Баркова, правовая природа концессионного соглашения является комплексной, полиотраслевой, органично сочетающей частные и публичные правовые элементы [5, с. 41].

Однако указание на комплексную природу концессионного соглашения, на мой взгляд, лишь порождает ещё больше вопросов: например, в чем именно проявляется комплексность данного договора? Ведь само по себе участие в качестве одной из сторон договора публичного субъекта ещё не делает данный договор чем-то уникальным по сравнению с любым другим гражданско-правовым договором.

В качестве сравнения, рассмотрим контракты на поставку по государственному оборонному заказу, заключаемые в рамках Федерального закона от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе».

Согласно статье 3 Федерального закона № 275-ФЗ государственный контракт по государственному оборонному заказу (далее - государственный контракт) - договор, заключенный государственным заказчиком от имени Российской Федерации с головным исполнителем на поставки продукции по государственному оборонному заказу и предусматривающий обязательства сторон, их ответственность.

Статьей 2 Федерального закона № 275-ФЗ предусмотрено, что правовое регулирование отношений в сфере государственного оборонного заказа осуществляется в соответствии с Бюджетным кодексом РФ, Гражданским кодексом Российской Федерации, настоящим Федеральным законом, федеральными законами в области обороны и безопасности Российской Федерации, поставок продукции для обеспечения федеральных нужд, законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Как показывает практика и системное толкование законодательства о государственном оборонном заказе, данные контракты регулируются нормами ГК РФ о договоре поставки, и по своей природе являются договорами поставки постольку, поскольку отношения между государственным заказчиком и головным исполнителем по своей сути носят гражданско-правовой характер, хоть и направлены на удовлетворение публичного интереса, которым обладает государственный заказчик.

При этом, стоит отметить, что в российской правовой традиции, контракты, заключенные на поставку продукции по государственному оборонному заказу, за исключением содержащих инвестиционные условия и повышенную ответственность частного партнера контрактов жизненного цикла и специальных инвестиционных контрактов, не признаются формами государственно-частного партнерства.

В случае с концессионными соглашениями, судебная практика также следует по пути признания данных соглашений гражданско-правовыми договорами, схожих по своей природе с договором аренды, поскольку концессионер владеет и пользуется объектом соглашения, не приобретая права собственности на него. Основное отличие заключается в усложненной процедуре заключения концессионного соглашения, а также в наличии обязательных условий, регламентированных Федеральным законом № 115-ФЗ, направленных на ограничение принципа свободы договора, что само по себе не может являться аргументом в пользу «комплексности» данного соглашения.

Стоит отметить, что у оборонных концессионных соглашений, в отличие от других разновидностей, Правительством РФ не утверждена типовая форма такого соглашения, хотя само по себе наличие в предмете соглашения объекта, имеющего стратегическое значение для обеспечения обороноспособности и безопасности государства, предполагает повышенную заинтересованность концедента в лице Министерства обороны РФ в жесткой регламентации условий данного договора.

В связи с изложенным, видится целесообразным расширить перечень объектов, которые могут быть предметом оборонного концессионного соглашения, включив в него объекты интеллектуальной собственности (опытные образцы вооружения, военной и специальной техники), а также оборудование, предназначенное для обеспечения безопасности, включая его запасные части, компоненты или узлы. Представляется, что такое расширение не только позволит расширить практику применения концессионных соглашений и повысит привлекательность использования ГЧП для предприятий, но и повысит обороноспособность и безопасность государства за счет сотрудничества государства и предпринимательства.

Список литературы:

[1] Шишков Б.Е. Механизмы государственно-частного партнерства в оборонно-промышленном комплексе // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Механизмы ГЧП в оборонной сфере нуждаются в совершенствовании - Путин // RIAMO.RU - новостной информационно развлекательный ресурс. - URL: https://riamo.ru/news/obschestvo/mehanizmy-gchp-v-oboronnoj-sfere-nuzhdayutsya-v-sovershenstvovanii-putin-xl/ (дата обращения: 06.02.2026).

[3] Разумовский В.А. Об оценке актуальности проектов оборонно-промышленного комплекса на основе государственно-частного партнерства // Оборонный комплекс – научно-техническому прогрессу России. № 2 (126). 2015. С. 71-77.

[4] Фасио Т. Что мешает диверсификации ОПК? // Новый оборонный заказ. Стратегии. № 4 (75). 2022. URL: https://dfnc.ru/arhiv-zhurnalov/2022-4-75/chto-meshaet-diversifikatsii-opk/ (дата обращения 06.02.2026).

[5] Барков А.В. Об особенностях правового регулирования оборонных концессионных соглашений по законодательству России и Франции // Журнал прикладных исследований. 2020. С. 38-50.

References:

[1] Shishkov B.E. Mechanisms of public-private partnership in the military-industrial complex//SPS “ConsultantPlus.”

[2] PPP mechanisms in the defense sector need to be improved - Putin//RIAMO.RU - news infotainment resource. - URL: https://riamo.ru/news/obschestvo/mehanizmy-gchp-v-oboronnoj-sfere-nuzhdayutsya-v-sovershenstvovanii-putin-xl/ (дата обращения: 06.02.2026).

[3] Razumovsky V.A. On assessing the relevance of projects of the military-industrial complex based on public-private partnership//Defense complex - scientific and technological progress of Russia. № 2 (126). 2015. S. 71-77.

[4] Fasio T. What prevents the diversification of the defense industry ?//New defense order. Strategies. № 4 (75). 2022. URL: https://dfnc.ru/arhiv-zhurnalov/2022-4-75/chto-meshaet-diversifikatsii-opk/ (дата обращения 06.02.2026).

[5] Barkov A.V. On the peculiarities of legal regulation of defense concession agreements under the legislation of Russia and France//Journal of Applied Research. 2020. S. 38-50.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-40-43

САДВАКАСОВ Артур Русланович,
Заместитель прокурора Трусовского района г. Астрахани прокуратуры Астраханской области,
e-mail: sadvakasov30@yandex.ru

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ОТКАЗА И УКЛОНЕНИЯ ОТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ КОНТРАКТА (ДОГОВОРА) ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ ОБОРОННОМУ ЗАКАЗУ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. *В настоящей статье автором рассмотрены актуальные вопросы обоснованности криминализации деяний, связанных с повторным отказом либо уклонением лица от заключения государственного контракта (договора) по государственному оборонному заказу. С анализом судебной практики и научно-обоснованных позиций ряда авторов проанализированы элементы составов преступлений, предусмотренных статьями 2013 и 2856 УК РФ, сформулированы выводы относительно содержания их объективных и субъективных признаков, а также раскрыты проблемные аспекты правовой регламентации и реализации указанных уголовно-правовых запретов в правоприменительной практике.*

Ключевые слова: *государственный оборонный заказ, отказ, уклонение, государственный контракт, договор, служебное преступление.*

SADVAKASOV Artur Ruslanovich,
Prosecutor's office of the Astrakhan Region, deputy prosecutor of the Trusovsky district of the Astrakhan region (Astrakhan region)

CRIMINALIZATION OF REFUSAL AND EVASION OF CONCLUDING A CONTRACT (AGREEMENT) UNDER A STATE DEFENSE ORDER: SOME PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Annotation. *In this article, the author examines current issues regarding the validity of criminalization of offenses, including the limits of repeated refusal or evasion of a government contract (agreement) for state defense order. Based on an analysis of judicial practice and scientifically substantiated positions, several authors have analyzed the elements of the reforms provided for in Articles 2013 and 2856 of the Criminal Code of the Russian Federation, outlined their objective and subjective justifications, and identified problematic aspects of the rationale for regulating and implementing these criminal prohibitions in law enforcement practice*.

Key words: *state defense order, refusal, evasion, state contract, agreement, official crime.*

Введение

Распространение иностранных военных баз и зарубежного ядерного оружия, используемого подчас, как отмечал Президент РФ, не для борьбы со злом, а для расширения зон стратегического влияния и политического давления, на фоне применяемых по отношению к России санкций и вызванной необходимости в импортозамещении, обусловило принятие дополнительных мер к охране института государственного оборонного заказа, получившего в современных реалиях особую значимость и актуальность.

Произведя дифференциацию ответственности за злоупотребление полномочиями в сфере выполнения гособоронзаказа, а также приняв решение о необходимости криминализации нарушения условий контрактов и договоров в обозначенной сфере, законодатель не мог не предусмотреть случаи возможного отказа либо уклонения лиц от заключения таковых, а также следующие за этим потенциальные негативные последствия, представляющие реальную угрозу для национальных интересов Российской Федерации.

С осени 2022 года подобные деяния, ранее предусмотренные исключительно административным законодательством, стали уголовно наказуемыми в случаях их повторного совершения.

В науке уголовного права отмеченные нововведения обзорно освещались в работах А.Н. Каменевой, В.А. Коновалова, Н.А. Лопашенко, В.Н. Самсонова, А.А. Сенцова и П.С. Яни, однако, их комплексного исследования до настоящего времени не произведено, а некоторые из сформулированных тезисов представляются, несколько, спорными и нуждающимися в уточнении. При этом теоретическая проработка названных законодательных реформаций имеет не только научное, но и крайне важное практическое значение, поскольку позволит избежать ошибок в правоприменительной деятельности и, тем самым, обеспечить эффективность уголовно-правовых норм, а также дополнительную защиту как публичных, так и частных интересов.

Уголовно-правовые средства противодействия отказам и уклонениям от заключения контракта в рамках гособоронзаказа

В сентябре 2022 года уголовный закон дополнен статьей 2013 УК РФ, предусматривающей ответственность за отказ или уклонение лица от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа, при условии, что лицо ранее подвергнуто административному наказанию за аналогичное деяние. За повторный отказ либо уклонение от заключения контракта (договора) по гособоронзаказу должностным лицом уголовная ответственность с указанного времени предусмотрена по статье 2856 УК РФ. Диспозиции названных уголовно-правовых норм, имеющие административно-преюдициальный, бланкетный характер, базируются на частях 2 и 3 статьи 7.30.3 КоАП РФ.

Далее предлагается обратить внимание на то, что в статьях 2013 и 2856 УК РФ отсутствует указание на характеристики субъекта, отраженные в примечаниях к статьям 201 и 285 УК РФ. При этом представляется, что именно лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации либо должностное лицо, с присущими им признаками, правомочны принимать юридически значимые решения относительно заключения либо не заключения контракта (договора) в рамках государственного оборонного заказа. Обозначенное, на наш взгляд, больше обусловлено просчетами в юридической технике, нежели замыслом законодателя, и потому, как справедливо отмечено П.С Яни, требует от правоприменителя «телеологического толкования», основанного на интерпретации текста в зависимости от общей идеи, концепции [1, с. 14].

Следует также отразить, что к уголовной ответственности по статьям 2013 и 2856 УК РФ может быть привлечено лишь лицо, несущее по закону обязанность заключить государственный контракт либо договор по гособоронзаказу. Относительно данного условия А.Н. Каменева высказала мнение, что оно существенно уменьшает потенциально вероятный круг субъектов преступления, и «может перенести данные нормы в группу «мертворожденных» [2, с. 201]. По мнению автора, ограниченное число лиц, обязанных в соответствии с законодательством Российской Федерации заключать и выполнять контракты (договоры) подобного рода, связывается с невозможностью широкого применения анализируемых уголовно-правовых запретов.

На наш взгляд, однозначно согласиться с указанной позицией не представляется возможным. Установление всех предусмотренных уголовным законом признаков субъекта обозначенных преступлений, действительно, обуславливает сложности в правоприменении, требует выяснения и доказывания дополнительных обстоятельств совершенного деяния, в том числе касающихся правового статуса привлекаемого к ответственности лица с присущим ему кругом установленных прав и обязанностей. Вместе с тем исключение из диспозиции названных норм условия, предусматривающего обязанность для лица заключить договор или контракт по государственному оборонному заказу, не только не облегчит их использование в практической деятельности, но и создаст дополнительные предпосылки к неверному правоприменению с одновременным нарушением фундаментальных положений материальных норм гражданского законодательства, регламентирующих свободу заключения договора. Именно установление наличия либо отсутствия подобной обязанности позволяет верно определить субъекта противоправного деяния и исключить случаи необоснованного обвинения лиц, не несущих такой обязанности по закону.

Отмеченное находится в неразрывной связи с положениями части 1 статьи 421 ГК РФ, согласно которым понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена законом.

Так, статья 110 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», а также статья 6 Федерального закона от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном обо-

ронном заказе» однозначно определяют категории лиц и обстоятельства, при которых заключение контракта либо договора в рамках гособоронзаказа является обязательным, что требует лишь верного применения закона и свидетельствует об отсутствии необходимости его изменения в названной части.

Таким образом, при определении субъекта преступлений, предусмотренных статьями 2013 и 2856 УК РФ, правоприменителю надлежит выяснить наличие у лица не только общих и специальных признаков, отраженных в статье 19 УК РФ и примечаниях к статьям 201, 285 УК РФ, но и наличие у него соответствующей обязанности по заключению государственного контракта (договора) по гособоронзаказу, связанную с отнесением такого лица к категории единственного поставщика (исполнителя, подрядчика) либо занимающего доминирующее положение на товарном рынке, а также подтвердить факт его предшествующего привлечения к административной ответственности по части 2 или 3 статьи 7.30.3 КоАП РФ с учетом периода времени, в течении которого таковой считается подвергнутым административному наказанию.

Объективная сторона преступлений, предусмотренных статьями 2013 и 2856 УК РФ, выражается деянием, связанным с отказом или уклонением лица от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для его выполнения.

По мнению В.А. Волколуповой, В.Г. Волколупова и А.С. Сенцова исследуемые преступления могут быть совершены путем либо «чистого» бездействия (отказ), либо сочетанием действий с бездействием (уклонение) [3, 52].

Отмечая некоторые неточности в обозначенном авторами тезисе, полагаем необходимым указать, что отказ от заключения контракта (договора) по государственному оборонному заказу предусматривает, на наш взгляд, совершение лицом активных действий по выражению своего волеизъявления, связанного с отрицанием факта принятия на себя определенных обязательств. В свою очередь «уклонение» может быть представлено в форме бездействия, когда лицо посредством игнорирования направленного в его адрес соглашения, не принимает каких-либо мер к его заключению. Следует также отразить, что в правоприменительной деятельности в качестве отказа от заключения контракта либо договора по гособоронзаказу признается не только прямое отрицание факта принятия определенных обязательств, но и отсутствие достигнутого между сторонами согласия по отдельным существенным вопросам.

К примеру, Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 15.03.2021 № Ф05-24685/2020 по делу № А40-53108/2020 установлено, что акционерное общество «Научно-производственная корпорация «Конструкторское бюро машиностроения» (далее – Общество, АО «НПК «КБМ») включено в реестр единственных поставщиков российского вооружения, военной техники, и занимает доминирующее положение на рынке. Министерством обороны Российской Федерации в адрес Общества направлен для подписания проект государственного контракта на поставку переносных зенитных ракетных комплексов. АО «НПК «КБМ», в свою очередь, представило подписанный со своей стороны контракт, приложив к нему протокол разногласий с предложением заключить таковой по более высоким ценам.

В соответствии с положениями части 1 статьи 432 ГК РФ договор считается заключенным, если между сторонами достигнуто соглашение по всем существенным его условиям. Учитывая, что в данном случае соглашение относительно цены контракта не достигнуто, факт его подписания не свидетельствует о заключении сделки между участниками рассматриваемых правоотношений. Кроме того, фиксированная цена единицы изделия была установлена заключением Министерства обороны РФ и зарегистрирована ФАС России в установленном порядке.

В этой связи суд пришел к мотивированному выводу, что отказ общества от заключения государственного контракта по установленной цене образует состав вмененного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена частью 1 статьи 7.29.2 КоАП РФ [5].

Отметим, что вышеупомянутая статья 7.29.2 КоАП РФ действовала до 01.03.2025, то есть до законодательных реформаций по объединению всех административных правонарушений в сфере гособоронзаказа в статью 7.30.3 КоАП РФ, достаточная практика применения которой к настоящему времени не сформирована.

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных статьями 2013 и 2856 УК РФ, несмотря на отсутствие в диспозициях прямого указания на форму вины, на наш взгляд, может быть выражена исключительно в форме прямого либо косвенного умысла. Представляется, что лицо, ответственное за заключение контракта либо договора по оборонному заказу, не может не осознавать противоправный характер своих действий (бездействия) с учетом факта предшествующего его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние, а также самонадеянно рассчитывать на предотвращение общественно опасных последствий, что исключает возможность совершения анализируемых деяний по неосторожности.

Относительно объекта преступлений, предусмотренных исследуемыми статьями, надлежит

указать, что таковой характеризуется сложной аксиологической структурой, поскольку причинение вреда кумулятивным благам неизбежно создает угрозу причинения вреда базовому правовому благу [4, 110]. Так, оказывая негативное воздействие на состояние общества и государства, подрывая их нормальное функционирование, военно-технический потенциал, состояние защищенности и боеготовности, служащие, в том числе, обеспечению суверенитета Российской Федерации, ее территориальной целостности и безопасности, отказ либо уклонение лица от заключения контракта (договора) по государственному оборонному заказу одновременно посягают на интересы службы в коммерческих и иных организациях, а также на интересы власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Совершение подобных деяний безусловно сказывается на деловой репутации Обществ, а также на авторитете государственных и муниципальных органов в глазах общественности.

Заключение

В условиях ведения Специальной военной операции, когда Российской Федерации противостоят не только вооруженные силы Украины, но и многие другие зарубежные страны – члены НАТО, осуществляющие их финансирование, а также поставки вооружения и военной техники, подрыв нормального функционирования общественных отношений, складывающихся по поводу заключения контрактов и договоров в рамках казенных оборонных заказов может нанести существенный вред обороноспособности и экономике нашего государства.

Очевидно, что отступление от общих правил о свободе договора в данном случае обусловлено особой важностью охраняемых интересов, связанных, в том числе, с необходимостью обеспечения их защиты от военных угроз. На этом фоне криминализация деяний, выраженных в повторном отказе либо уклонении от заключения государственного контракта (договора) по гособоронзаказу, несмотря на сопутствующие споры о соблюдении баланса между частными и публичными интересами, представляется вынужденной и вполне обоснованной мерой.

При этом для эффективной реализации введенных уголовно правовых запретов в правоприменительной деятельности полагаем необходимым учитывать отмеченные рекомендации, а также продолжить научное исследование вопросов, касающихся уголовной ответственности за служебные преступления в сфере государственного оборонного заказа.

Список литературы:

[1] Яни П.С. Проблемы квалификации преступлений в сфере гособоронзаказа // Законность. 2023. № 10. С. 11-15.

[2] Каменева А.Н. Социальная обусловленность введения уголовной ответственности за отказ или уклонение лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения государственного контакта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа // Уголовно-правовые науки. 2023. № 17. С. 200-204.

[3] Сенцов А.А., Волколупова В.А., Волколупов В.Г. Проблемы дифференциации ответственности за преступления с административной преюдицией (на примере нормы, предусмотренной статьей 2013 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 50-54.

[4] Карабанова Е.Н. Особенности преступлений со сложной аксиологической структурой объекта // Журнал российского права. 2019. №3. С. 107-116.

[5] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.03.2021 №Ф05-24685/2020 по делу № А40-53108/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] Yani P.S. Problems of qualification of crimes in the field of state defense order//Legality. 2023. № 10. S. 11-15.

[2] A.N. Kameneva. Social condition of the introduction of criminal liability for the refusal or evasion of a person subjected to administrative punishment, from the conclusion of a state contact under a state defense order or an agreement necessary to fulfill a state defense order//Criminal Law Sciences. 2023. № 17. S. 200-204.

[3] Sentsov A.A., Volkolupova V.A., Volkolupov V.G. Problems of differentiation of responsibility for crimes with administrative prejudice (on the example of the norm provided for in Article 2013 of the Criminal Code of the Russian Federation)//Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4 (67). S. 50-54.

[4] E.N. Karabanova. Features of crimes with a complex axiological structure of the object//Journal of Russian Law. 2019. №3. S. 107-116.

[5] Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 15.03.2021 No. F05-24685/2020 in case No. A40-53108/2020//SPS «ConsultantPlus.»

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-44-48

ЗЛОБИН Михаил Николаевич,
старший преподаватель кафедры огневой и физической подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России, подполковник полиции,
e-mail: y137os@yandex.ru.

МЕДВЕДЕВА Татьяна Викторовна,
старший преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина,
e-mail: Taniavbel@yandex.ru.

ФАСАХОВА Рузалия Камильевна,
преподаватель кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции,
e-mail: fasakhovar@mail.ru.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье представлен комплексный уголовно-правовой и криминологический анализ противодействия идеологии терроризма и экстремизма в Российской Федерации. Исследуются нормы уголовного законодательства, формирующие систему ответственности за террористические и экстремистские преступления, статистические показатели и тенденции распространения указанных деяний. Значительное внимание уделяется анализу судебной практики, криминологическим характеристикам лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, и факторам радикализации в цифровой среде. Обосновывается необходимость интеграции уголовно-правовых, криминологических и профилактических мер. Материал ориентирован на преподавателей вузов МВД России, сотрудников полиции и субъектов законотворческой деятельности.*

Ключевые слова: *терроризм, экстремизм, идеология насилия, уголовное право, криминология, судебная практика, статистика преступности, национальная безопасность.*

ZLOBIN Mikhail Nikolaevich,
senior lecturer of the department of fire and physical training of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

MEDVEDEVA Tatyana Viktorovna,
Senior Lecturer of the Department of Management and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin

FASAKHOVA Ruzaliya Kamilevna,
Lecturer of the Department of Specialized Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Police Lieutenant Colonel

CRIMINAL-LEGAL AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF COUNTERING THE IDEOLOGY OF TERRORISM AND EXTREMISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article presents a comprehensive criminal law and criminological analysis of countering the ideology of terrorism and extremism in the Russian Federation. It examines the criminal law provisions that shape the system of liability for terrorist and extremist crimes, as well as statistical indicators and trends in the spread of these acts. Considerable attention is devoted to the analysis of judicial practice, the criminological characteristics of individuals who commit extremist crimes, and the factors of radicalization in the digital environment. The need to integrate criminal law, criminological, and preventive measures is substantiated. The material is intended for professors of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, police officers, and lawmakers.*

Key words: *terrorism, extremism, ideology of violence, criminal law, criminology, judicial practice, crime statistics, national security.*

Идеология терроризма и экстремизма в современных условиях выступает одной из наиболее опасных форм социальной девиации, подрывающей основы конституционного строя, общественной безопасности и межнационального согласия. Тем более, что в условиях цифровизации информационного пространства радикальные идеи приобретают трансграничный характер и распространяются с использованием сети Интернет, что существенно осложняет деятельность правоохранительных органов [1; 5].

Правовую основу противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации образуют Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, а также Федеральные законы № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [1–4], которые закрепляют системный характер государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности.

Центральное место в уголовно-правовом механизме противодействия терроризму занимает ответственность за преступления террористической направленности, предусмотренные главой 24 Уголовного кодекса Российской Федерации (Далее УК РФ), нормы которой охватывают как непосредственно насильственные посягательства, так и деяния, формирующие идеологическую и организационную основу террористической деятельности. Особое значение в этом контексте имеет статья 205.2 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма. Указанная норма ориентирована на пресечение распространения идеологии насилия на ранних стадиях, ещё до совершения конкретных террористических актов, что придаёт ей выраженный превентивный характер [2; 7]. В правоприменительной практике под публичными призывами понимаются высказывания, адресованные неопределённому кругу лиц, в том числе размещённые в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, социальных сетях и иных цифровых платформах. Публичное оправдание терроризма, в свою очередь, выражается в формировании положительной оценки террористической деятельности, одобрении используемых методов либо представлении террористических актов как социально допустимых или оправданных. Тем самым статья 205.2 УК РФ выполняет важную охранительную функцию, направленную на защиту общественной безопасности и предотвращение вовлечения новых лиц, прежде всего молодёжи, в террористическую деятельность, что подтверждается материалами судебной практики и разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации (Далее ВС РФ) [2; 7]..

Согласно данным Судебного департамента при ВС РФ, в 2024–2025 гг. отмечался устойчивый рост количества уголовных дел, возбужденных по статье 205.2 УК РФ, что, несомненно, свидетельствует об актуализации угроз, связанных с распространением террористической идеологии в современном обществе. При этом, необходимо отметить, что существенная часть выявленных преступлений была связана с размещением запрещённых материалов, публичных призывов и оправдательных высказываний в социальных сетях, мессенджерах и на иных интернет-платформах, что в свою очередь подтверждает доминирующую роль цифровой среды в трансляции радикальных идей [9]. Анализ судебных решений показывает, что суды при квалификации данных деяний уделяют первостепенное внимание признаку публичности, а также установлению умысла лица на доведение соответствующей информации до неопределённого круга лиц. При этом использование информационно-телекоммуникационных сетей нередко рассматривается судами как фактор, существенно повышающий общественную опасность содеянного, поскольку подобные действия обладают высокой скоростью распространения и потенциально неограниченным охватом аудитории. Указанные тенденции обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования уголовно-правовых и криминологических мер противодействия идеологии

терроризма, с акцентом на профилактику интернет-радикализации и повышение эффективности выявления противоправного контента на ранних этапах.

Экстремистская деятельность со своей стороны охватывает широкий круг противоправных деяний, направленных на подрыв основ конституционного строя, общественной безопасности и межнационального согласия, включая возбуждение социальной, национальной или религиозной ненависти и вражды, а также создание, руководство и участие в экстремистских сообществах. Уголовная ответственность за данные деяния предусмотрена, в частности, статьями 280 и 282.1 УК РФ, которые ориентированы на пресечение как идеологической, так и организационной составляющих экстремизма [2; 4; 8]. В правоприменительной практике особую сложность представляет установление границы между допустимым выражением мнений и противоправной экстремистской деятельностью, что обусловливает необходимость тщательного анализа содержания высказываний, их контекста, формы распространения и направленности на неопределённый круг лиц. Разъяснения высших судебных инстанций подчёркивают, что уголовная ответственность возможна лишь при наличии умысла на возбуждение ненависти либо вовлечение в экстремистскую деятельность, что способствует обеспечению баланса между защитой общественной безопасности и реализацией конституционных прав граждан [2; 8].

Криминологический анализ преступлений экстремистской направленности свидетельствует о том, что значительная их часть совершается лицами молодёжной возрастной группы, преимущественно в возрасте до 30 лет, что обусловлено особенностями социального поведения данной категории, уровнем правовой социализации и высокой вовлечённостью в цифровую коммуникационную среду. По данным правоохранительных органов и результатов научных исследований, более 60 % выявленных экстремистских преступлений совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, при этом ключевым каналом распространения радикальной идеологии остаются социальные сети, мессенджеры и закрытые онлайн-сообщества [9; 14]. То есть, мы видим, что цифровая среда способствует формированию устойчивых радикальных установок за счёт алгоритмической персонализации контента, эффекта «информационных пузырей» и снижения социального контроля, что существенно осложняет профилактическую деятельность. Указанные обстоятельства подтверждают необходимость усиления криминологического мониторинга интернет-пространства и разработки адресных профилактических программ, ориентированных на молодёжную аудиторию и направленных на формирование устойчивых антиэкстремистских ценностей..

В соответствии со статьёй 63 УК РФ совершение преступления по мотивам идеологической, политической, национальной или религиозной ненависти либо вражды признаётся обстоятельством, отягчающим наказание, что подчёркивает повышенную общественную опасность деяний, мотивированных идеологией насилия. Установление данного мотива в рамках уголовного судопроизводства представляет собой сложную доказательственную задачу и требует всестороннего анализа совокупности объективных и субъективных признаков деяния. При этом, отметим, что в правоприменительной практике для доказывания идеологического мотива широко используются результаты судебных лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз, анализ цифровых следов (переписки, публикаций, истории просмотров и подписок), а также показания свидетелей, характеризующие взгляды и поведение обвиняемого [2; 7; 8]. Судебные органы исходят из того, что сам по себе факт высказывания радикальных идей не всегда свидетельствует о наличии отягчающего мотива, однако их систематичность, контекст и связь с конкретными противоправными действиями могут служить достаточным основанием для соответствующей правовой оценки.

Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы закрепляет необходимость интеграции уголовно-правовых мер с профилактическими, образовательными и информационными программами, ориентированными прежде всего на молодёжную аудиторию как группу повышенного риска радикализации [5; 15]. При этом, необходимо отметить, что указанный документ исходит из признания ограниченности исключительно репрессивных механизмов и подчёркивает значение превентивной деятельности, направленной на формирование правовой культуры, критического мышления и устойчивых антиэкстремистских установок. В рамках реализации Комплексного плана особое внимание уделяется взаимодействию правоохранительных органов с образовательными организациями, институтами гражданского общества и средствами массовой информации, а также разработке адресных профилактических программ с учётом региональных и социально-демографических особенностей, поскольку такой подход позволяет рассматривать противодействие идеологии терроризма не только как задачу уголовного преследования, но и как элемент комплексной государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, в заключение, мы можем сказать, что уголовно-правовые и криминологические механизмы противодействия идеологии терроризма и экстремизма представляют собой комплексную систему, направленную на защиту общественной безопасности и национальных интересов, их дальнейшее развитие должно быть связано с совершенствованием законодательства, расширением криминологического мониторинга и усилением профилактической направленности государственной политики [6; 13].

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

[3] Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Текст Федерального закона опубликован в «Парламентской газете» от 10 марта 2006 г. № 32, в «Российской газете» от 10 марта 2006 г. № 48, в Собрании законодательства Российской Федерации от 13 марта 2006 г. № 11 ст. 1146

[4] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Текст Федерального закона опубликован в «Парламентской газете» от 30 июля 2002 г. № 142-143, в «Российской газете» от 30 июля 2002 г. № 138-139, в Собрании законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30 ст. 3031.

[5] Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024 - 2028 годы (утв. Президентом РФ В. Путиным 30 декабря 2023 г. № Пр-2610).

[6] Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 28 декабря 2024 г. № 0001202412280115. Собрание законодательства Российской Федерации, 30 декабря 2024 г. № 53 (часть I) ст. 8669.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 03.11.2016) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons _doc_LAW_125957/ (дата обращения: 05.02.2026).

[8] О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 28.06.2011 № 11 (с изм. и доп., действ.) // КонсультантПлюс : справ.-прав. система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения: 05.02.2026)..

[9] Сводные статистические сведения о состоянии судимости и деятельности судов : данные судебной статистики / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. — URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 05.02.2026)

[10] Шаповалова А. М., Булавкин А. А. Сотрудничество стран евразийского региона в сфере противодействия терроризму и экстремизму // Социально-гуманитарные знания. — 2018. — № 11. — С. 88–95.

[11] Романовский В. Г. Защита прав несовершеннолетних в цифровом пространстве в целях противодействия терроризму // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2021. — № 2 (30). — С. 118–124.

[12] Галахов С. С. К вопросу о субъектах противодействия экстремистской деятельности и их функциях // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2014. — № 3 (17).

[13] Зинурова Р. И. Нормативно-правовое регулирование противодействия экстремизму // Социально-гуманитарные знания. — 2012. — № 11. — С. 88–95.

[14] Стародубцева, М. А. Криминологические предикторы формирования идеологии терроризма в образовательных организациях / М. А. Стародубцева // Современный ученый. – 2023. – № 6. – С. 346-350.

[15] Методические рекомендации по профилактике экстремизма в молодёжной среде — URL: http://youthlib.mirea.ru/ru/resource/329 (дата обращения: 05.02.2026).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) [Electronic resource]//Access from the Garant reference legal system.

[2] Criminal Code of the Russian Federation: feder. law Ros. Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ [Electronic resource]//Access from the reference legal system “Guarantor.”

[3] Federal Law No. 35-FZ of March 6, 2006 “On Countering Terrorism.” The text of the Federal Law was published in Parlamentskaya Gazeta dated March 10, 2006 No. 32, in Rossiyskaya Gazeta dated March 10, 2006 No. 48, in the Collection of Legislation of the Russian Federation dated March 13, 2006 No. 11, Art. 1146

[4] Federal Law No. 114-FZ of 25 July 2002 “On Countering Extremist Activities.” The text of the Fed-

eral Law was published in Parlamentskaya Gazeta dated July 30, 2002 No. 142-143, in Rossiyskaya Gazeta dated July 30, 2002 No. 138-139, in the Collection of Legislation of the Russian Federation dated July 29, 2002 No. 30 Art. 3031.

[5] A comprehensive plan to counter the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2024-2028 (approved by President of the Russian Federation V. Putin December 30, 2023 No. Pr-2610).

[6] Decree of the President of the Russian Federation of December 28, 2024 No. 1124 "On approval of the Strategy for countering extremism in the Russian Federation" Official Internet portal of legal information (pravo.gov.ru) December 28, 2024 No. 0001202412280115. Collection of legislation of the Russian Federation, December 30, 2024 No. 53 (part I) Art. 8669.

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 9, 2012 No. 1 "On certain issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes" (ed. 03.11.2016) //ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons _ doc _ LAW _ 125957/(access date: 05.02.2026).

[8] On judicial practice in criminal cases of extremist crimes: decision of the Plenum of the Supreme Court of Russia. Federation dated 28.06.2011 No. 11 (rev. and additional, act.)//ConsultantPlus: ref. system. - URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_115712/ (access date: 05.02.2026)..

[9] Summary statistics on the status of criminal records and the activities of the courts: judicial statistics/Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. - URL: https://cdep.ru/?id=79 (accessed on: 05.02.2026)

[10] Shapovalova A. M., Bulavkin A. A. Cooperation of the countries of the Eurasian region in the field of countering terrorism and extremism//Social and humanitarian knowledge. — 2018. — № 11. - S. 88-95.

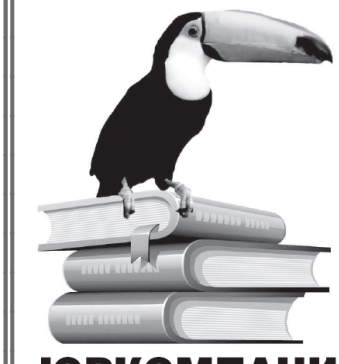
[11] Romanovsky V. G. Protection of the rights of minors in the digital space in order to counter terrorism//Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2021. — № 2 (30). - S. 118-124.

[12] Galakhov S. S. On the issue of subjects of countering extremist activities and their functions// Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2014. — № 3 (17).

[13] Zinurova R.I. Legal regulation of countering extremism//Social and humanitarian knowledge. — 2012. — № 11. - S. 88-95.

[14] Starodubtseva, M. A. Criminological predictors of the formation of the ideology of terrorism in educational organizations/M. A. Starodubtseva// Modern scientist. – 2023. – № 6. - S. 346-350.

[15] Methodological recommendations for the prevention of extremism in the youth environment - URL: http://youthlib.mirea.ru/ru/resource/329 (date of reference: 05.02.2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-49-53

ВОРОБЕЙ Светлана Николаевна,
Доцент кафедры уголовно-процессуального права имени П.А. Лупинской, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия, e-mail: s.d.vorobej@gmail.com

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ В ОТНОШЕНИИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. *Исследование действующего правового механизма применения в отношении участников уголовного судопроизводства мер безопасности, а также опыта зарубежных стран по данному направлению позволяет автору данной статьи обосновать вывод о необходимости уточнения алгоритма действий органов предварительного расследования об избрании данных мер после принятия заявления от потерпевшего (свидетеля) или их близких родственников, а также обосновывается необходимость закрепления на уровне федерального закона норм, которые бы обеспечили защиту участников уголовного судопроизводства в случае реальной угрозы жизни и здоровью их и их близких.*

Ключевые слова: *применение мер защиты, зарубежный опыт, участники уголовного процесса, сторона обвинения, реальная угроза жизни и здоровью потерпевшего (свидетеля), регламент рассмотрения заявления.*

VOROBEI Svetlana Nikolaevna,
Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law, named after P.A. Lupinskaya, Candidate of Law, Associate Professor, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Moscow, Russia

ON IMPROVING THE PROCEDURAL MECHANISM FOR APPLYING STATE PROTECTION MEASURES TO PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. *Based on the analysis of the criminal procedural mechanism for applying protective measures to participants in criminal proceedings and the study of foreign experience in this area, the author of the article states the importance of clarifying the procedure for the actions of the investigative body in terms of applying state protection (security) measures to participants in criminal proceedings, and also substantiates the need to enshrine at the federal level norms that would ensure the protection of participants in criminal proceedings in the event of a real threat to the life and health of them and their loved ones.*

Key words: *application of protective measures, foreign experience, participants in criminal proceedings, the prosecution, a real threat to the life and health of the victim (witness), clear regulations for considering the application.*

В Российской Федерации правовая база, регулирующая меры, направленные на государственную защиту участников уголовного процесса, включает два базовых федеральных закона: от 20 апреля 1995 года № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов [3] (далее – ФЗ № 45) и от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [2] (далее – ФЗ № 119).

В частности, чтобы обеспечить эффективную защиту судьи или сотрудника правоохранительного органа, принимающего участие в расследовании уголовного дела, в отношении него необходимо избрать ту или иную меру безопас-

ности, о которой говорится в ФЗ № 45. Так, для того чтобы себя защитить, судье может быть выдано оружие. Мерой обеспечения безопасности в данном случае также может служить охрана жилища или объектов собственности. Кроме того, в целях защиты судей или должностных лиц правоохранительных органов, их могут помещать временно в безопасные места. Мерой безопасности может быть избрано изменение внешности или смена места жительства. Также можно произвести замену документов [3].

Международный пакт о гражданских и политических правах содержит положение, по которому государство несет ответственность за обеспечение эффективной правовой защиты любого лица, если оно столкнулось с нарушением его прав и свобод [1].

Следует подчеркнуть, что по смыслу ч. 2 ст. 186 УК РФ, в случае если имеет место угроза насилия или противоправных действий, которую получил потерпевший или свидетель, а равно близкие данных лиц, следователь вправе использовать контроль и запись телефонных разговоров. В данном случае важно, чтобы об этом лицо, нуждающееся в защите, заявило самостоятельно, в письменном виде или чтобы суд данные действия следователя санкционировал.

Право на применение одновременно нескольких (стандартных или дополнительных) мер безопасности закреплено в п. 9 ч. 1, ч. 2 ст. 6 ФЗ № 119 [2]. Полагаем, чтобы обеспечить надлежащий уровень безопасности судей, сотрудников правоохранительных органов и их семей необходимо создать правовые предпосылки для реализации в отношении них мер безопасности, аналогичных по степени строгости тем, которые реализуются в отношении потерпевших (свидетелей) или их близких родственников. В этой связи для усиления защиты судей, сотрудников правоохранительных и надзорных органов предлагается пересмотреть содержание статьи 5 ФЗ № 45 с целью последующего расширения перечня мер безопасности, посредством включения в него контроля и записи телефонных переговоров, а также фото-, аудио- и видеофиксации, включая использование киносъемки. Введение таких мер направлено на обеспечение надежной защиты для указанных в ст. 1 настоящего Закона субъектов.

Согласимся с мнением Т.А. Шмаревой, которая указывает на то, что, несмотря на широкий круг мер государственной защиты участников уголовного судопроизводства, их практическая эффективность вызывает сомнение [10, с. 692].

Д.С. Ланшаков считает, что реальная государственная защита исчерпывается там, где начинается оценка реальности выдвигаемых угроз [9, с. 150].

Анализ судебно-следственной практики показал, что решения судов о пересмотре постановлений следователя по применению или отмене мер государственной защиты в отношении потерпевших и свидетелей нередко направлены на отмену вынесенного следователем постановления о применении мер безопасности. Это происходит, чаще всего, из-за того, что судьи по-разному интерпретируют реальность заявленной угрозы. Суды также отмечают несоблюдение следователями сроков отмены мер защиты, а также указывают на некорректный подход следственных органов к оценке существующей опасности для жизни и здоровья потерпевшего (свидетеля).

Так, в ходе расследования уголовного дела следователь не обнаружил сведений о реальной угрозе для жизни и здоровья обвиняемого Гавриленко Д.И., связанной с его процессуальным положением. Суд первой инстанции пришел к выводу о наличии в материалах дела достоверных и допустимых доказательств того, что угрозы, высказанные в адрес Гавриленко Д.И. его сокамерниками, действительно представляли опасность его жизни и здоровью. Выводы следователя, выдвинутые сотрудником Следственного отдела Октябрьского района Новосибирска, были опровергнуты предоставленными доказательствами. Наличие объективных данных свидетельствует о реальной опасности для Гавриленко Д.И., обусловленной его участием в уголовном процессе по рассматриваемому вопросу [5].

Также примером может служить то, что кассационный суд Российской Федерации, отменяя приговор суда первой инстанции, подчеркнул, что отсутствие свидетельских показаний погибшей Н., являющейся жертвой преступления, само по себе не может служить основанием для оправдания обвиняемого по статье 119 УК РФ. Суд акцентировал внимание на том, что чтобы угроза была квалифицирована как уголовно наказуемое деяние, необходимо не только доказать ее существование, но и установить умысел виновного на запугивание потерпевшего, а также наличие такой формы угрозы, которая могла бы вызвать у него обоснованный страх ее реализации. Для того, чтобы оценить все нюансы дела, в том числе выяснить, имели ли у потерпевшего веские основания для беспокойства за свою безопасность, требуется тщательное и комплексное изучение всех обстоятельств дела [6].

Еще в одном случае, Верховный Суд Российской Федерации отменил приговор, вынесенный Н. Шарипову. Судебная коллегия посчитала, что суд первой инстанции ошибочно квалифицировал обычные разговоры как угрозы, которые могли бы нанести вред жизни и здоровью. В кассационном постановлении подчеркивается, что, несмотря на то что суд первой инстанции анали-

зировал доказательства вины Шарипова, его оценка этих доказательств признана односторонней и неоднозначной [7].

Делая акцент на проблеме, связанной с оценкой реальности угрозы, высказываемой в адрес потерпевшего и на правовой регламентации мер государственной защиты участников уголовного судопроизводства, А.Ю. Епихин высказывает мнение, что существующие уголовно-процессуальные правила не в состоянии исчерпывающе разрешить эти проблемы. С точки зрения автора, сама концепция российского законодательства и закрепляемый им правовой механизм применения мер безопасности в уголовном судопроизводстве порождают различные риски, связанные с их реализацией [8]. Получается, решение «проблемной ситуации» автор видит в пересмотре норм УПК РФ.

Принимая во внимание оценочный характер «реальности» угрозы и отсутствие четких правовых критериев, по которым можно было бы оценить ее степень, полагаем необходимым включение в раздел III УПК РФ «Доказательства и доказывание» новой статьи 90.1 с закреплением в ней круга обстоятельств, указывающих на наличие и реальность угроз участникам уголовного судопроизводства и применение в отношении них мер безопасности (государственной защиты). Данную статью предлагается именовать «Обстоятельства, подлежащие доказыванию с целью применения мер безопасности к участникам уголовного процесса». Ее норма должна содержать следующее: «использование мер государственной защиты в отношении участника уголовного судопроизводства осуществляется при наличии следующих факторов: наступление события (угрозы), представляющее собой реальную опасность; характер и содержание этой опасности, а также установление обстоятельств, указывающих направленность данной угрозы на конкретное лицо в связи с тем, что оно является участником уголовного судопроизводства; цель высказанной угрозы и степень опасности этой угрозы, а также необходимость уточнения вида угрозы и способа ее выражения, а равно установление и других обстоятельств, которые подтверждают ее реальность и наличие».

В данном случае постановление следователя о запуске механизма государственной защиты участников уголовного процесса будет законным и обоснованным, поскольку будет основано на полном наборе фактических доказательств, которыми реальность этой угрозы будет подтверждена.

Полагаем, это создаст правовые предпосылки к тому, чтобы постановление следователя о применении механизма государственной защиты в отношении того или иного участника уголовного процесса полностью соответствовало закону и имело законные основания. Основанием для такого решения станет комплексный анализ всех имеющихся фактических данных, которые подтвердят существование реальной угрозы для участников уголовного процесса.

Кроме того, действующее законодательство страдает от недостатка четких правил, регламентирующих порядок использования мер государственной защиты для участников уголовного процесса.

Нормы, которая бы четко регулировала порядок и сроки рассмотрения заявления потерпевшего (свидетеля) о применении в отношении него и членов его семьи и близких родственников мер государственной защиты ни в УПК РФ, ни в Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» - нет.

Считаем, в данном вопросе полезным может стать опыт Республики Казахстан. Проведенный анализ показал, что в УПК республики Казахстан статья 79 устанавливает четырёхчасовой срок для того, чтобы следственные органы приняли заявление от потерпевшего или его близких родственников и назначили необходимые меры безопасности не позднее 24 часов [4]. Считаем, аналогичная норма должна получить закрепление в ст. 16 ФЗ № 119. Представляется, что, предусмотрев четкий алгоритм действий следственного органа на этом этапе, выбор мер безопасности и защита участников уголовного судопроизводства, о которых говорится в ст. 2 ФЗ № 119, станут более эффективными.

Также предлагается изменить название статьи на «Основания и порядок применения мер безопасности», а также включить в неё п. 2.1, изложив его в следующем виде: «в случае принятия следственным органом мер государственной защиты, закрепленных ФЗ № 119, надзирающий прокурор в течение суток, с соблюдением конфиденциальности данных, должен быть об этом уведомлен. Применение защитных мер может быть инициировано самим лицом, нуждающимся в защите, или с его официального письменного согласия. Если самостоятельно выразить согласие нельзя, то в этом случае решение о том, чтобы применить защитные меры, следует принимать, предварительно приняв заявление от лиц, которые состоят в близком родстве с подзащитным лицом, поскольку эти лица эмоционально близки. Альтернативным вариантом применения мер безопасности является письменная форма согласия данных лиц. Участие лица, не достигшего возраста 18 лет, может иметь место лишь в том слу-

чае, если будет иметь место письменная форма согласия родителей либо опекунов несовершеннолетнего. Если родители (опекун) не явились, то разрешение на применение мер безопасности выносится на основании предложений, поступивших из органов опеки и попечительства».

Таким образом, по результатам проведенного анализа, в качестве мер, направленных на совершенствование законодательства, регулирующего применение мер государственной защиты участников уголовного судопроизводства, предлагается использовать опыт, накопленный в этом направлении в Казахстане. Изучение уголовно-процессуального законодательства этой станы, в частности, ст. 79 УПК Казахстана, показало, что в ней закреплена четкая последовательность действий следователя и прописаны временные промежутки, которые отводятся для принятия заявления от потерпевшего и на принятие решения о применении к нему той или иной меры безопасности. Так, казахстанский законодатель отводит на принятие заявления от потерпевшего 4 часа, и еще 24 часа предусматривает на то, чтобы мера безопасности в отношении данного лица или его близких была избрана. Учитывая это, считаем, этот опыт необходимо заимствовать российскому законодателю. В связи с вышесказанным предлагается внести изменения, закрепив аналогичную норму в ст. 16 ФЗ № 119.

Также предлагаем внести корректировку в ч. 1 ст. 5 ФЗ № 45, предусмотреть в п. 8 этой статьи норму, которая позволит использовать для безопасности участников уголовного процесса контроль и запись телефонных и иных переговоров, фото-, аудио- и (или) видеозапись, киносъемку. Также рекомендуется ст. 5 ФЗ № 45 дополнить новой частью 2, где закрепить норму, позволяющую применять меры безопасности, как до начала, так и во время, и после того как будет окончено предварительное следствие, либо судебное разбирательство. Чтобы избранная мера безопасности соответствовала степени поступившей угрозы, необходимо скорректировать норму ст. 5 ФЗ № 45. Считаем, в ней должна быть закреплена часть 3, где будет говориться о возможности применения дополнительных мер безопасности, если это не противоречит с ФЗ № 45 либо другим нормам российского законодательства.

Данные рекомендации направлены на повышение эффективности правовых норм, регулирующих защиту законных прав представителей судейского корпуса и сотрудников органов предварительного расследования.

Исходя из анализа судебно-следственной практики по применению государственной защиты (мер безопасности), обосновывается вывод об отсутствии у правоприменителя единой позиции в оценке реальности угроз, высказываемых в адрес потерпевшего, а также на ошибки, допускаемые судами при оценке реальности таких угроз. В этой связи говорить об эффективном применении мер государственной защиты участников уголовного судопроизводства вряд ли возможно. Исправить ситуацию, как представляется, поможет включение в раздел III УПК РФ «Доказательства и доказывание» новой статьи 90.1 с закреплением в ней круга обстоятельств, указывающих на наличие и реальность угроз участникам уголовного судопроизводства.

Список литературы:

[1] «Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). URL: http://consultant.ru. (дата обращения: 07.02.2026).

[2] Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». URL: http://consultant.ru. (дата обращения: 07.02.2026).

[3] Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов». URL: http://consultant.ru. (дата обращения: 07.02.2026).

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V. URL: http://kodeksy-kz.com/ka/ugolovno-protsessualnyj_kodeks.htm. (дата обращения: 07.02.2026).

[5] Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.06.2022 № 88А-12780/2022 по делу № 2а-4897/2021 URL: http://consultant.ru. (дата обращения: 20.01.2026).

[6] Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17.01.2024 № 7У-10916/2023. URL: http://consultant.ru. (дата обращения: 20.01.2026).

[7] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 12.10.2011 № 35-О11-22. URL: http://consultant.ru. (дата обращения: 20.01.2026).

[8] Епихин А.Ю. Новеллы законодательства о государственной защите участников уголовного судопроизводства: комментарий и предложения // Деятельность органов внутренних дел по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите в современных условиях: вопросы теории и практики. 2020. № 4. С. 30-34.

[9] Ланшаков Д.С. Понятие и содержание системы мер безопасности участников уголовного судопроизводства // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 7. С. 150-151.

[10] Шмарева Т.А. Использование свидетельских показаний при доказывании по уголовным делам // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2019. № 5. С. 692-693.

References:

[1] "International Covenant on Civil and Political Rights (adopted by 16.12.1966 Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly). URL: http://consultant.ru. (accessed on: 07.02.2026).

[2] Federal Law No. 119-FZ of 20 August 2004 "On State Protection of Victims, Witnesses and Other Participants in Criminal Proceedings." URL: http://consultant.ru. (accessed on: 07.02.2026).

[3] Federal Law No. 45-FZ of April 20, 1995 "On State Protection of Judges, Law Enforcement and Regulatory Officials." URL: http://consultant.ru. (accessed on: 07.02.2026).

[4] Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan No. 231-V dated July 4, 2014. URL: http://kodeksy-kz.com/ka/ugolovno-protsessualnyj_kodeks.htm. (accessed on: 07.02.2026).

[5] Cassation ruling of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 30.06.2022 No. 88A-12780/2022 in case No. 2a-4897/2021 URL: http://consultant.ru. (accessed on: 20.01.2026).

[6] Cassation decision of the Second Cassation Court of General Jurisdiction of 17.01.2024 No. 7U-10916/2023. URL: http://consultant.ru. (accessed on: 20.01.2026).

[7] Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12.10.2011 No. 35-O11-22. URL: http://consultant.ru. (accessed on: 20.01.2026).

[8] Epikhin A.Yu. Short stories of legislation on state protection of participants in criminal proceedings: comments and suggestions//Activities of internal affairs bodies to ensure the safety of persons subject to state protection in modern conditions: questions of theory and practice. 2020. № 4. S. 30-34.

[9] D.S. Lanshakov. Concept and content of the system of security measures for participants in criminal proceedings//Gaps in Russian legislation. 2019. № 7. S. 150-151.

[10] Shmareva T.A. Use of testimony in evidence in criminal cases//Bulletin of Udmurt University. Economics and Law series. 2019. № 5. S. 692-693.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-54-60

БЕРМАН Нина Демидовна,
старший преподаватель Высшей школы транспортных систем и технологий,
ФГБОУ ВО Тихоокеанский государственный университет,
e-mail: 000650@togudv.ru

ГАГИНА Ирина Олеговна,
магистрант Высшей школы транспортных систем и технологий,
ФГБОУ ВО Тихоокеанский государственный университет.
e-mail: 2020104610@togudv.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА ФРАХТОВАНИЯ НА АВТОМОБИЛЬНОМ ТРАНСПОРТЕ

Аннотация. *Актуальность темы обусловлена стремительным ростом рынка перевозок, где договор фрахтования (чартера) занимает центральное место в организации как регулярных, так и разовых пассажирских и грузовых перевозок. В условиях интенсификации транспортных потоков, развития логистики и цифровизации услуг наблюдается значительное число правовых споров, связанных с некорректным определением правовой природы данного договора, смешением его со смежными договорными конструкциями (перевозки, аренды), а также с пробелами в законодательном регулировании. Проблема усугубляется сложностью применения общих норм Гражданского кодекса РФ и транспортных уставов к многообразию практических ситуаций фрахтования, что ведет к правовой неопределенности и повышает риски для участников оборота. Целью работы является комплексный анализ правовой природы договора фрахтования на автомобильном транспорте, выявление системных проблем в доктринальном понимании и правоприменительной практике, а также разработка практических рекомендаций по оптимизации договорных конструкций и минимизации сопутствующих правовых рисков.*

В результате исследования установлено, что ключевые проблемы связаны с двойственной природой договора, сочетающей элементы перевозки, аренды транспортного средства с экипажем и возмездного оказания услуг; неопределенностью в распределении ответственности за безопасность пассажиров (грузов) между фрахтовщиком и фрахтователем; а также с коллизиями при применении правил о публичном договоре и договоре присоединения.

Ключевые слова: *договор фрахтования, чартер, автомобильные перевозки, фрахтовщик, фрахтователь, аренда транспортного с экипажем, договор перевозки, правовая природа, транспортное законодательство, судебная практика.*

BERMAN Nina Demidovna,
Senior Lecturer, Higher School of Transport Systems and Technologies,
Pacific National University

GAGINA Irina Olegovna,
Master's Student, Higher School of Transport Systems and Technologies,
Pacific National University

LEGAL NATURE AND CHARTER CONTRACT FEATURES FOR ROAD TRANSPORT

Annotation. *The relevance of this topic is due to the rapid growth of the transportation market, where charter contracts occupy a central place in the organization of both regular and one-time passenger and freight transportation. With the intensification of transport flows, the development of logistics, and the digitalization of services, a significant number of legal disputes are observed related to the incorrect definition*

of the legal nature of this contract, its confusion with related contractual structures (transportation, lease), and gaps in legislative regulation. The problem is exacerbated by the complexity of applying the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation and transport regulations to the diversity of practical chartering situations, leading to legal uncertainty and increasing risks for participants. The aim of this study is to comprehensively analyze the legal nature of the chartering agreement for road transport, identify systemic problems in doctrinal understanding and law enforcement practice, and develop practical recommendations for optimizing contractual structures and minimizing associated legal risks.

The study found that the key problems are related to the dual nature of the contract, combining elements of transportation, lease of a vehicle with crew, and the provision of services for a fee; uncertainty in the distribution of responsibility for the safety of passengers (cargo) between the charterer and the charterer; As well as conflicts in the application of the rules on public contracts and contracts of adhesion.

Key words: *charter party, charter agreement, automobile transportation, charterer, charterer, lease of transport with crew, contract of carriage, legal nature, transport legislation, judicial practice.*

Введение

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена фундаментальной ролью договора фрахтования в современной системе автомобильных перевозок. В условиях роста мобильности населения, развития туристического бизнеса, логистики «последней мили» и электронной коммерции данный договорный институт является ключевым инструментом организации как регулярных (например, корпоративный транспорт, школьные перевозки), так и нерегулярных (туристические, разовые грузовые) перевозок. Однако динамичное развитие рынка опережает законодательную регламентацию, порождая значительные правовые коллизии. На практике распространены случаи некорректной квалификации отношений сторон, что ведет к неправильному применению норм об ответственности, страховом покрытии и разрешению споров. Дополнительную остроту проблеме придает усиление контроля со стороны Ространснадзора в сфере безопасности пассажирских перевозок и увеличение числа судебных разбирательств, связанных с причинением вреда при исполнении договора фрахтования. Таким образом анализ правовой природы данного договора и выработка практических рекомендаций представляют собой насущную научно-прикладную задачу.

Несмотря на общую теоретическую проработку транспортных обязательств, договор фрахтования на автомобильном транспорте остаётся малоизученным в сравнении с иными видами транспорта. Отдельные аспекты фрахтования на видах транспорта (прежде всего, воздушном и морском) освещаются в работах Г.В. Филимонова [1], А.П. Никитиной [2], Д.П. Стригуновой [3]. Однако применительно к автомобильному транспорту, несмотря на его массовость, комплексных исследований, посвященных именно цивилистической характеристике договора фрахтования, его отграничению от смежных конструкций и современным практическим проблемам, явно недостаточно. Динамично изменяющаяся судебная практика и специфика применения общих норм Главы 40 ГК РФ и Устава автомобильного транспорта требуют детального и актуализированного анализа.

Проблема исследования заключается в существующей теоретической неоднозначности и практической путанице при определении правовой природы договора фрахтования на автомобильном транспорте. Это порождает множество спорных ситуаций, связанных с распределением рисков, применением правил о публичности договора, ответственностью за вред, причиненный пассажирам или грузу, а также с налоговыми последствиями.

Целью исследования является комплексный анализ правовой природы договора фрахтования на автомобильном транспорте, выявление его квалифицирующих признаков, отграничение от смежных договоров (аренда, перевозка) и рассмотрение особенностей его правового регулирования.

Методологическая основа исследования базируется на комплексе общенаучных и частно-научных методов, обеспечивающих всесторонность и достоверность анализа правовых явлений.

Основная часть

Правовое регулирование перевозок автомобильным транспортом представляет собой многоуровневую систему, где общие положения Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) детализируются специальными нормами Федерального закона от 08.11.2007 № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» (УАТ) [1]. Центральное место в организации нерегулярных перевозок занимает договор фрахтования (чартер), определение которого дается в ст. 787 ГК РФ и ст. 18 УАТ.

Согласно ст. 787 ГК РФ, «по договору фрахтования (чартеру) одна сторона (фрахтовщик) обязуется предоставить другой стороне (фрахто-

вателю) за плату всю или часть вместимости одного или нескольких транспортных средств на один или несколько рейсов для перевозки грузов, пассажиров и багажа». Статья выделяет в качестве определяющего признака специфику объекта арендных отношений. В отличие от обычной аренды ТС, здесь объектом выступает не само транспортное средство как имущественный комплекс, а его вместимость (провозная способность), что позволяет провести чёткую границу между чартером и арендой. Как отмечается в комментариях к ГК РФ, исторически договор фрахтования сформировался в морском праве как договор имущественного найма (аренды) судна, однако со временем эволюционировал, приобретая черты перевозочного обязательства. Пункт 2 статьи 787 ГК РФ содержит важнейшую отсылочную норму «порядок заключения договора фрахтования, а также его форма устанавливаются транспортными уставами, кодексами и иными законами». Это положение реализует принцип дифференциации правового регулирования в зависимости от вида транспорта. Данное определение (ст. 787 ГК РФ) позволяет выделить следующие системообразующие признаки договора, определяющие его правовую природу.

Предметом договора является предоставление не услуги по перевозке «как процесса перемещения», а вместимости (мощности) транспортного средства на определенный срок (рейс). Это ключевое отличие от договора перевозки, где результат – доставка груза или пассажира в пункт назначения. Фрахтователь получает в свое распоряжение транспортные ресурсы, которые он может использовать для своих целей (перевозки своих сотрудников, клиентов, грузов).

В качестве сторон договора определяются: фрахтовщик, который является владельцем или оператором транспорта и имеет лицензию на осуществление деятельности, и фрахтователь, которым может быть как физическое, так и юридическое лицо. При этом пассажиры или грузоотправители, которые будут фактически перевозиться, в договоре не участвуют, являясь третьими лицами, в пользу которых заключен договор.

Договор заключается под конкретный рейс или рейсы, что отличает его от долгосрочной аренды. Регулирование УАТ (ст. 18 для грузов, ст. 27 для пассажиров) ориентировано на разовые или несистематические перевозки, что оформляется не сложными многостраничными чартер-партиями (как в море), а упрощенным документом – заказом-нарядом.

В судебной практике этот подход находит подтверждение, суды квалифицируют договор фрахтования на автомобильном транспорте именно как разновидность договора перевозки, а не аренды. Квалифицирующим признаком признается предоставление вместимости для доставки груза или пассажира в пункт назначения, а не передача функций владения автомобилем. На автомобильном транспорте договор фрахтования (чартер) является способом организации разовой перевозки, при котором перевозчик (фрахтовщик) сохраняет полный контроль над транспортным средством и экипажем, предоставляя контрагенту лишь право требовать выполнения рейса.

Проблема определения правовой природы договора фрахтования (чартера) относится к числу наиболее спорных в транспортной юриспруденции. Примечательно, что норма о фрахтовании закреплена именно в главе 40 ГК РФ, посвящённой перевозке. Нет единого подхода к квалификации данного договора, сложность обусловлена двойственной природой отношений: с одной стороны, фрахтователю предоставляется вместимость транспортного средства (элемент, сближающий с арендой), с другой – исключительно для целей перевозки, (цель, характерная для транспортных обязательств). В юридической литературе сложились три основных теоретических подхода.

Сторонники теории арендной природы договора фрахтования исходят из того, что договор фрахтования исторически происходит из института найма судна (морского чартера) и сохраняет ключевые элементы арендных отношений. Фрахтовщик предоставляет фрахтователю не просто услугу по перемещению, а выделяет часть своего имущества (вместимость) в исключительное пользование контрагента на время рейса. Фрахтователь получает возможность контролировать использование предоставленной вместимости, определять, какие грузы или пассажиры будут в ней размещены, и давать указания относительно маршрута (в пределах согласованного), что свидетельствует о наличии элементов владения и пользования, характерных для арендных правоотношений [4]. При фрахтовании на время фрахтовщик (арендодатель) принимает на себя обязательства передать транспортное средство во временное владение и пользование за установленную плату, а также самостоятельно обеспечить управление им и его техническую эксплуатацию. В силу особенностей наименования договора и участвующих в нём сторон возникает проблема разграничения фрахтования и аренды ТС с экипажем (ст. 632 ГК РФ), в обоих договорах транспортное средство не выбывает из обладания собственника (эксплуатирует его экипаж), ответственность за управление сохраняется за владельцем ТС, плата взимается за использование транспортного ресурса.

Сторонники теории перевозочной природы договора фрахтования исходят из системного

толкования гражданского законодательства и целевой направленности договора. Поскольку статья 787 ГК РФ, регулирующая договор фрахтования, помещена в главу 40 «Перевозка» (а не в главу 34 «Аренда»), это позволяет сделать вывод: законодатель намерен квалифицировать фрахтование как разновидность перевозочных отношений, а не арендных. При этом сама норма определяет фрахтование как соглашение, направленное на перемещение грузов, пассажиров и багажа. Главное отличие фрахтования от аренды заключается в целевой направленности договора. В случае аренды заказчик получает транспортное средство для широкого круга задач (эксплуатация как движимого имущества, перевозка собственных грузов, хранение и т. п.). В то же время фрахтование имеет строго определённую цель — обеспечение перевозки, то есть изменение территориального положения объекта. Предмет договора фрахтования носит производный от перевозки характер, предоставление вместимости транспортного средства имеет смысл исключительно в контексте организации перевозки, а потому конечной целью данного правоотношения является именно перемещение груза (пассажиров) в пространстве [5].

Сторонники организационно-посреднического подхода рассматривают договор фрахтования как самостоятельный договорный тип, сочетающий элементы как перевозки, так и аренды, но не сводимый полностью ни к одному из них. Договор фрахтования выполняет организационную функцию по отношению к последующим перевозочным отношениям. Фрахтователь, арендуя (бронируя) вместимость, создает предпосылки для перевозки неопределенного круга лиц или специфических грузов, но сами перевозочные отношения могут возникать уже с третьими лицами (пассажирами, грузоотправителями). На воздушном транспорте эта конструкция выражена наиболее отчетливо, поскольку арендатор (фрахтователь) в течение срока аренды сам заключает договоры воздушной перевозки с третьими лицами (пассажирами или грузоотправителями) и договор фрахтования выполняет обеспечительную функцию по отношению к последующим перевозочным отношениям [6, 7, 8]. На автомобильном транспорте организационная функция проявляется при перевозке по заказу, когда фрахтователь (заказчик) берёт на себя организацию перемещения группы лиц (будь то туристическая группа или сотрудники предприятия). При этом отсутствует необходимость заключения индивидуальных договоров перевозки с каждым пассажиром, т.к. правовые отношения формируются на базе единого договора фрахтования [9, 10]. В случае перевозки пассажиров по договору фрахтования (в частности, при заказных автобусных рейсах) правовая конструкция приобретает признаки договора в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ). Фрахтователь выступает заказчиком вместимости транспортного средства, тогда как пассажиры (являющиеся третьими лицами) получают право требовать доставки в пункт назначения. При этом пассажир, для перевозки которого заключён договор фрахтования, в соответствии с Уставом автомобильного транспорта признаётся полноценным пассажиром со всем комплексом предусмотренных прав.

Правовое регулирование зависит от вида транспорта: на морском и воздушном транспорте фрахтование тяготеет к арендной модели (тайм-чартер, бербоут-чартер), тогда как на автомобильном – к перевозочной. Это объясняется техническими и экономическими особенностями, поскольку автомобильный транспорт используется преимущественно для разовых, нерегулярных перевозок, где отсутствует необходимость в долгосрочном закреплении транспортных средств за фрахтователем. Автомобильный транспорт как наиболее массовый и доступный вид транспорта характеризуется многообразием форм использования конструкции фрахтования. УАТ РФ предусматривает три основные сферы применения договора фрахтования: перевозка пассажиров и багажа по заказу, перевозка легковым такси и перевозка грузов [11]. Каждый из указанных видов обладает существенной отраслевой спецификой, обусловленной характером перевозимого объекта, порядком заключения договора и особенностями оформления перевозочного процесса.

В правоприменительной практике существует проблема разграничения с регулярными перевозками и перевозками легковыми такси. Регулярные перевозки определяются утверждённым маршрутом, установленными остановками и фиксированным расписанием. Их публичность означает обязанность перевозчика обслуживать каждого пассажира. Перевозки по заказу, напротив, реализуются как разовые мероприятия без привязки к регулярному расписанию. Как отмечается в судебной практике, при осуществлении перевозок пассажиров и багажа по заказу требуется формирование списка пассажиров и посадка в транспортное средство осуществляется в соответствии с указанными списками, что исключает возможность произвольного изменения круга пассажиров. Регулярные перевозки и перевозки легковым такси являются публичными договорами (ст. 426 ГК РФ): перевозчик не вправе оказывать предпочтение одному лицу перед другим в отношении заключения договора. Перевозка по заказу таким свойством не обладает: фрахтовщик вправе согласовывать условия договора с каждым фрахтователем индивидуально [12].

Перечисленные договорные положения распространяются в полном объёме как на перевозки пассажиров по заказу, так и на услуги легкового такси. Это создает сложности в квалификации на практике, особенно в условиях развития цифровых платформ-агрегаторов, которые могут сочетать признаки различных видов перевозок [13].

Порядок оформления договора фрахтования ТС для перевозки грузов регламентируется статьёй 18 УАТ РФ. Данная конструкция применяется в случаях, когда классический договор перевозки груза (ст. 785 ГК РФ) по тем или иным причинам не может быть использован. Правоприменительная практика выделяет применение фрахтования для перевозки грузов сопровождаемых представителем стороны, отправляющей или получающей груз, и фрахтователь (сопровождающее лицо) самостоятельно обеспечивает сохранность груза в пути, производит его погрузку и выгрузку, а фрахтовщик предоставляет только транспортное средство и услуги по управлению им. Если осуществляется перевозка груза без учета товарно-материальных ценностей (ТМЦ), например вывоз снега, строительного мусора, грунта и иных сыпучих материалов, где отсутствует индивидуально-определенный груз, подлежащий сдаче грузополучателю по товарно-транспортной накладной. Фрахтователь оплачивает предоставленную вместимость транспортного средства (количество рейсов, объем кузова), а не перевозку конкретной партии груза. В случаях, когда организация или ИП перевозят собственные грузы (например, строительные материалы для ремонта собственного офиса, продукцию со склада на производство) и не нуждаются в услугах по экспедированию, договор фрахтования позволяет оформлять отношения с перевозчиком в упрощенном порядке.

В отличие от классической перевозки груза, где обязательным документом выступает транспортная накладная (в бумажной или электронной форме), при перевозке по договору фрахтования применяется упрощённый порядок оформления – вместо накладной используется заказ-наряд на предоставление транспортного средства (Постановление Правительства РФ от 21.12.2020 N 2200).

Несмотря на то что глава 40 ГК РФ объединяет договор перевозки груза и договор фрахтования как смежные институты, эти договоры имеют принципиальные отличия, требующие учёта при квалификации соответствующих правоотношений. Ключевое различие между рассматриваемыми договорами заключается в предмете обязательства.

В рамках договора перевозки груза (статья 785 ГК РФ) ключевым элементом выступает доставка вверенного груза. Перевозчик, принимая груз от отправителя (независимо от его индивидуализации или определения через родовые признаки), обязуется осуществить его доставку в место назначения и произвести выдачу уполномоченному лицу. Как справедливо отмечается в юридической литературе, договор перевозки груза направлен на перемещение материальных ценностей, которые передаются перевозчику во временное владение на время транспортировки. При этом «перевозчик несет ответственность за сохранность груза с момента его принятия до момента выдачи получателю» (ст. 796 ГК РФ). Груз вверяется перевозчику, что предполагает возникновение у последнего обязательств по обеспечению его сохранности.

Договор фрахтования (ст. 787 ГК РФ) имеет своим предметом предоставление вместимости транспортного средства. Фрахтовщик не принимает груз у фрахтователя, а предоставляет ему возможность использовать провозные способности транспортного средства для перевозки своих грузов или пассажиров. При этом фрахтователь самостоятельно осуществляет погрузку, размещение, крепление и выгрузку груза, а также несет ответственность за его сохранность, если иное не предусмотрено договором. Это фундаментальное различие (при перевозке груз находится во владении и под контролем перевозчика, а при фрахтовании под контролем фрахтователя или его представителя) определяет распределение ответственности за утрату или повреждение груза.

Различия в предмете договора предопределяют и различия в документальном оформлении отношений.

Договор перевозки груза оформляется транспортной накладной. Согласно части 1 статьи 8 УАТ «заключение договора перевозки груза подтверждается транспортной накладной, составленной грузоотправителем (если иное не предусмотрено договором)». В соответствии с частью 5 статьи 8 УАТ, договор фрахтования допускается оформлять посредством заказа-наряда на предоставление транспортного средства. При фрахтовании товарно-транспортная накладная не составляется, поскольку груз не вверяется перевозчику.

Еще одним критерием разграничения выступает целевая направленность и характер перевозок. Договор перевозки груза может использоваться как для разовых, так и для систематических (регулярных) перевозок. Законодательство не ограничивает применение транспортной накладной в зависимости от регулярности перевозок. Договор фрахтования по своей правовой природе ориентирован преимущественно на

нерегулярные (разовые) перевозки и заключается для выполнения одного или нескольких рейсов, что предполагает отсутствие систематического характера отношений. Применительно к перевозкам пассажиров этот критерий выражен наиболее отчетливо, поскольку перевозки по заказу (фрахтование) противопоставляются регулярным перевозкам, осуществляемым по расписанию. Для грузовых перевозок данный критерий также имеет значение, если стороны осуществляют систематическую перевозку грузов с принятием их перевозчиком, то более адекватной правовой формой будет договор перевозки (или долгосрочный договор об организации перевозок), а не разовые договоры фрахтования.

Наибольшую сложность в теории и практике вызывает разграничение договора фрахтования и договора аренды транспортного средства с экипажем (ст. 632 ГК РФ). Сходство двух договоров заключается в том, что в каждом из них предусмотрено предоставление транспортного средства с экипажем. Однако между ними существуют принципиальные различия. Как следует из содержания ст. 632 ГК РФ, «по договору аренды (фрахтования на время) транспортного средства с экипажем арендодатель предоставляет арендатору транспортное средство за плату во временное владение и пользование и оказывает своими силами услуги по управлению им и по его технической эксплуатации» [14]. Ключевым здесь является именно временное владение, арендатор получает возможность контролировать использование транспортного средства в течение всего срока аренды. Договор фрахтования (ст. 787 ГК РФ) предоставляет фрахтователю не правомочия владения и пользования транспортным средством, а право требовать выполнения конкретного рейса (рейсов) для перевозки. Фрахтователь не получает транспортное средство в свое владение, не может использовать его по своему усмотрению в перерывах между рейсами, не имеет права давать водителю указания, не связанные с выполнением согласованного рейса. Договор аренды транспортного средства с экипажем основан на принципе повременной оплаты, в то время как договор фрахтования предполагает оплату за конкретную услугу – перевозку (фрахт).

Одним из наиболее значимых изменений последних лет стало законодательное закрепление возможности заключения договора фрахтования в электронной форме. Федеральным законом от 06.03.2022 № 39-ФЗ в Устав автомобильного транспорта были внесены изменения, разрешающие электронный договор фрахтования, электронный заказ и электронную заявку. Формат электронного договора фрахтования утвержден приказом ФНС России от 13.02.2023 № ЕД-7-26/109@. Юридическое значение электронного договора фрахтования приравнивается к письменной форме и является надлежащим доказательством заключения договора, может использоваться для подтверждения расходов в налоговых органах, а также в качестве основания для предъявления претензий и исков.

Заключение

Договор фрахтования обладает сложной правовой природой, сочетающей элементы как аренды, так и перевозки. Однако согласно ГК РФ, целевая направленность договора и сложившаяся судебная практика свидетельствуют о преобладании перевозочной природы. Институт договора фрахтования на автомобильном транспорте показывает высокую адаптивность к современным экономическим условиям и технологическим изменениям, сохраняя при этом свою правовую идентичность как самостоятельный договорный тип, обеспечивающий организацию нерегулярных перевозок пассажиров и грузов.

Список литературы:

[1] Филимонов Г. В. Предмет договора фрахтования: теория и практика // Транспортное право. 2021. № 4. С. 29-32. DOI 10.18572/1812-3937-2021-4-29-32.

[2] Никитина А. П.,. Михайлова А. Д Организация морских перевозок по договору фрахтования морского судна // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71), № 3. С. 380-386.

[3] Стригунова Д. П. Правовое регулирование договора фрахтования // Современное право. 2012. № 11. С. 71-75.

[4] Ильин И. А., Москвичев А. Ю. Особенности договора аренды транспортных средств в Российской Федерации // Транспортное право. 2021. № 1. С. 25-28. DOI 10.18572/1812-3937-2021-1-25-28.

[5] Фаст О. Ф. Договор фрахтования и перевозка грузов автомобильным транспортом // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 1(90). С. 90-94.

[6] Ахметьянова З. А., Адиятулина Л. И. О правовой природе воздушного чартера // Транспортное право. 2020. № 1. С. 22-25.

[7] Маркевич Н. В. Гражданско-правовые договоры в области авиационных перевозок: понятие, признаки, классификация // Право и политика. 2020. № 7. С. 35-60. DOI 10.7256/2454-0706.2020.7.33150.

[8] Горяева И. Н. Сравнительная характеристика договора аренды, договора фрахтования и

договора лизинга воздушных судов // Российское право: образование, практика, наука. 2015. № 5(89). С. 40-45.

[9] Тощенко В. В. Место договора фрахтования легкового такси в системе договоров перевозки пассажиров автомобильным транспортом // Транспортное право. 2024. № 1. С. 18-21. DOI 10.18572/1812-3937-2024-1-18-21.

[10] Корнеев А. И. К вопросу об отличии договора фрахтования от договора перевозки // Достижения науки и образования. 2018. № 6(28). С. 84-85.

[11] Ханчукаева Л. А. К вопросу о правовой природе договора фрахтования (чартера) // Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 11. С. 109-115.

[12] Левушкин А. Н. Некоторые аспекты порядка заключения, исполнения и прекращения договоров перевозки автомобильным транспортом // Транспортное право. 2025. № 3. С. 5-11. DOI 10.18572/1812-3937-2025-3-5-11.

[13] Тощенко В. В. Договор об организации фрахтования легкового такси // Юриспруденция: вчера, сегодня, завтра: сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 сентября 2024 года. С. 88-93.

[14] Молчанов А. А. Постатейный комментарий ко второй части гражданского кодекса Российской Федерации: Научно-практический комментарий. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. 628 с.

References:

[1] Filimonov G.V. Subject of the charter contract: theory and practice//Transport law. 2021. № 4. S. 29-32. DOI 10.18572/1812-3937-2021-4-29-32.

[2] Nikitina A.P.,. Mikhailova A.D. Organization of sea transportation under a charter agreement for a sea vessel//Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2019. T. 5 (71), NO. 3. S. 380-386.

[3] Strigunova D.P. Legal regulation of the charter contract//Modern law. 2012. № 11. S. 71-75.

[4] Ilyin I. A., Moskvichev A. Yu. Peculiarities of the lease agreement for vehicles in the Russian Federation//Transport Law. 2021. № 1. S. 25-28. DOI 10.18572/1812-3937-2021-1-25-28.

[5] Fast O.F. Charter Agreement and Carriage of Goods by Road//Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2013. № 1(90). S. 90-94.

[6] Akhmetyanova Z. A., Adiyatulina L. I. On the legal nature of an air charter//Transport law. 2020. № 1. S. 22-25.

[7] Markevich N.V. Civil contracts in the field of air transportation: concept, characteristics, classification//Law and policy. 2020. № 7. S. 35-60. DOI 10.7256/2454-0706.2020.7.33150.

[8] Goryaeva I. N. Comparative characteristics of the lease agreement, charter agreement and aircraft lease agreement//Russian law: education, practice, science. 2015. № 5(89). S. 40-45.

[9] V.V. Toshchenko. Place of the contract for chartering a passenger taxi in the system of contracts for the carriage of passengers by road//Transport law. 2024. № 1. S. 18-21. DOI 10.18572/1812-3937-2024-1-18-21.

[10] Korneev A.I. On the difference between the charter contract and the contract of carriage// Achievements of science and education. 2018. № 6(28). S. 84-85.

[11] Khanchukaeva L. A. On the legal nature of the charter agreement//Sustainable development of science and education. 2018. № 11. S. 109-115.

[12] Levushkin A. N. Some aspects of the procedure for conclusion, execution and termination of contracts for transportation by road//Transport law. 2025. № 3. S. 5-11. DOI 10.18572/1812-3937-2025-3-5-11.

[13] Toshchenko V.V. Agreement on the organization of charter of a passenger taxi//Jurisprudence: yesterday, today, tomorrow: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Penza, September 25, 2024. S. 88-93.

[14] Molchanov A. A. Article-by-article commentary on the second part of the Civil Code of the Russian Federation: Scientific and practical commentary. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. 628 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-61-68

ШИМКИНА Алина Николаевна,
магистр юридического факультета
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), Москва, Россия,
e-mail: ashimkina15@gmail.com

САЛЬДИРОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПОНИМАНИЯ СДЕЛКИ ПО ЗАКОНУ О БАНКРОТСТВЕ

Аннотация. *В статье рассматривается институт сальдирования, дана его характеристика и сравнение с зачетом. В соответствии с позицией Верховного Суда Российской Федерации определение сальдо встречных предоставлений не является зачетом. Актуальность исследования связана с распространённой практикой оспаривания сделок в делах о банкротстве, разнообразной судебной практикой о сальдировании при рассмотрении обособленных споров в делах о банкротстве, а также с расширением сферы его применения. Анализируется понятие сделки по Закону о банкротстве, а также его соотношение с гражданско-правовым пониманием данного института. По Закону о банкротстве данное определение включает любые действия, которые негативно влияют на имущественную массу должника, что необходимо для восстановления баланса интересов сторон, а также в целях защиты кредиторов от недобросовестного поведения должника. Тем не менее, сальдирование не является сделкой и не подлежит оспариванию в связи с отсутствием получения предпочтения. Автор приходит к выводу, что определение сальдо встречных предоставлений не является сделкой в контексте оспаривания сделок по Закону о банкротстве, но в результате может негативно повлиять на размер конкурсной массы должника вследствие отсутствия законодательного определения и единообразия судебной практики. Более того, из-за неправильного применения данного института фактически блокируется применение правил об оспаривании сделок несостоятельного должника. Юридические действия, которые фактически являются «оспоримой сделкой» по Закону о банкротстве, признаются определением сальдо встречных предоставлений, что влечет уменьшение конкурсной массы должника.*

Ключевые слова: *банкротство, сальдирование, зачет, сделка, оспаривание сделок, встречные предоставления, несостоятельный должник, встречное предоставление, кредиторы, сделки с предпочтением.*

SHIMKINA Alina Nikolaevna,
Master of the Faculty of Law All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)
Moscow, Russian Federation

BALANCING IN THE CONTEXT OF UNDERSTANDING THE TRANSACTION UNDER THE BANKRUPTCY LAW

Annotation. *The article examines the institution of balancing, gives its characteristics and comparison with offsetting. In accordance with the position of the Supreme Court of the Russian Federation, the determination of the balance of counter-grants is not a set-off. The relevance of the study is related to the widespread practice of challenging transactions in bankruptcy cases, the diverse judicial practice of balancing when considering separate disputes in bankruptcy cases, as well as the expansion of its scope. The concept of a transaction under the Bankruptcy Law is analyzed, as well as its relationship to the civil law understanding of this institution. According to the Bankruptcy Law, this definition includes any actions that negatively affect the debtor's estate, which is necessary to restore the balance of interests of the parties, as well as to protect creditors from unfair behavior of the debtor. However, the balancing is not a transaction and is not subject to dispute due to the lack of preference. The author concludes that determining the balance of counter-grants is not a transaction in the context of challenging transactions under the Bankruptcy Act, but as a result may negatively affect the size of the debtor's bankruptcy estate due to the lack of a legislative definition and*

uniformity of judicial practice. Moreover, due to the incorrect application of this institution, the application of the rules on challenging the transactions of an insolvent debtor is actually blocked. Legal actions that are actually a "disputed transaction" under the Bankruptcy Law are recognized by determining the balance of counter-grants, which entails a decrease in the debtor's bankruptcy estate.

Key words: *bankruptcy, balancing, offsetting, transaction, contesting transactions, counter-grants, insolvent debtor, counter-provision, creditors, preference transactions.*

Введение

Понятие сделки по Федеральному закону от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) имеет большое значение в контексте оспаривания сделок несостоятельного должника. Несмотря на данное в ст. 153 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) определение, в соответствии с Законом о банкротстве вышеупомянутое понятие значительно отличается. В связи с появлением института сальдирования продолжают возникать вопросы касательно его правовой природы и его соотношения с зачетом.

Предметом настоящего исследования является институт сальдирования в контексте понимания сделки по Закону о банкротстве. Целью работы является изучение понятия «сделка» по Федеральному закону № 127-ФЗ и анализ роли сальдирования в процессе оспаривания сделок должника. При написании статьи были использованы такие методы исследования как формально-юридический, системный, исторический.

Основная часть

В соответствии со ст. 153 ГК РФ сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. В свою очередь в Законе о банкротстве напрямую не дается данное понятие. В соответствии со сложившимся подходом в судебной практике понятие сделки в контексте их оспаривания в делах о банкротстве понимается расширительно, то есть не соответствует определению, данному в ст. 153 ГК РФ.

Предметом оспаривания согласно ст. 61.1 Закона о банкротстве являются сделки, совершенные должником или другими лицами за счет должника.

В судебной практике помимо этого включаются действия, направленные на исполнение любых обязательств должника; совершенные третьими лицами сделки за счет должника; ненормативные правовые акты, оформляющие сделки по отчуждению имущества или прекращению имущественных прав должника и проч [9]. В п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 перечисляются действия, которые могут быть оспорены, а именно направленные на исполнение обязательств и обязанностей, возникающих в соответствии с гражданским, трудовым, семейным законодательством и другими отраслями законодательства РФ [10]. Карелина С.А. называет данные действия правовыми поступками (ранее совершенные действия должника) [1, с. 614].

Также согласно ст. 61.1 Закона о банкротстве предметом оспаривания являются действия, направленные на исполнение судебных актов, а также иных актов органов государственной власти. Речь идет о действиях как должника, так и публичных органов.

Вопрос определения понятия сделки важен в контексте допустимости оспаривания действий, которые не подпадают под дефиницию, указанную в ст. 153 ГК РФ. Обобщая судебную практику по данному вопросу, можно отметить, что оспариваться могут не только сделки (в контексте ст. 153 ГК РФ), но и любые юридические факты, которые негативно влияют на имущественную массу должника [11], т.е. влекут уменьшение конкурсной массы.

Следовательно, любые действия, которые негативно влияют на имущественную массу должника, могут быть оспорены по правилам Закона о банкротстве, вне зависимости от отрасли законодательства, на основании которой возникла обязанность, на исполнении которой они направлены, что необходимо для восстановления баланса интересов сторон, а также в целях защиты кредиторов от недобросовестного поведения должника.

В литературе предлагается определение оспоримой сделки в контексте Закона о банкротстве: любые юридические факты, совершение которых причинило негативные последствия имущественному состоянию должника [2, с. 123].

В Законе о банкротстве, а именно в статьях 61.2, 61.3, выделяются специальные основания для признания действий должника оспоримой сделкой: подозрительные сделки (неравноценное встречное исполнение, сделки, совершенные в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов), сделки с предпочтением. Наличие данных оснований не исключает применение общегражданских.

К понятию сделки по Закону о банкротстве также относят и односторонние действия, например, отказ от наследства, в случае если отказ был направлен на причинение вреда кредиторам [12].

Верховный Суд Российской Федерации (далее -ВС РФ) указал на необходимость анализа мотивов отказа от наследства, чтобы разграничить законные цели и злоупотребление правом. Данное положение важно тем, что фактические действия не всегда могут быть направлены на причинение вреда кредиторам, соответственно, формального подхода недостаточно для признания сделки недействительной.

Интерес представляет институт, который не закреплен в гражданском законодательстве и является исключительно последствием правоприменения. В судебной практике в 2014 году появился институт «сальдирования». Карапетов А.Г. считает его институтом sui generis [3]. Первоначально сальдирование понималось как соотнесение взаимных предоставлений сторон по одному договору и определение завершающей обязанности одной стороны в отношении другой, посредством которого происходит автоматическое прекращение договора [13]. Суть механизма в автоматическом прекращении взаимных встречных однородных обязательств путем определения итогового сальдо - без необходимости подачи заявления о зачете и волеизъявления одной из сторон [4].

Изначально Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (далее - ВАС РФ) распространял использование данного института в отношении договора выкупного лизинга, но не отмечал, что представляет собой подведение сальдо и является ли оно в действительности зачетом [5, с. 113-115], в 2018 году ВС РФ использует его уже в отношении договора подряда [14], а в 2019 году в отношении обязательств об уплате неустойки, в то время как в отношении должника уже началась процедура банкротства [5, с. 113-115].

По своей правовой природе сальдирование и зачет являются схожими институтами, но не тождественными в соответствии с позицией ВС РФ.

Во-первых, согласно ст. 410 ГК РФ для прекращения обязательства зачетом необходимо наличие встречных однородных требований, срок требования к исполнению зачета может как наступить, так и нет. Для определения сальдо достаточно соотнесения взаимных предоставлений по одному договору. На данный момент судебная практика расширяет сферы применения данного института, можно определить сальдо из соотношения предоставлений по разным экономически взаимосвязанным договорам [15]. Возможны также ситуации, когда стороны самостоятельно договариваются об объединении расчетов по нескольким невзаимосвязанным договорам [16].

Во-вторых, для осуществления зачета необходимо волеизъявление стороны, в то время как сальдо определяется автоматически. В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (далее - СКЭС ВС РФ) от 29.01.2018 № 304-ЭС17-14946 указывается, что «действия, направленные на установление сложившегося в пользу заказчика сальдо взаимных предоставлений». В соответствии с этим, можно сделать вывод, что сальдо возникает вне зависимости от осуществления от каких-либо действий, оно определяется автоматически [6, с. 39]. Из этого вытекает, что суд не определяет сальдо, он лишь констатирует факт осуществленного сальдирования, а также «разницу» между взаимными предоставлениями сторон. Для зачета обязательно наличие заявления стороны о прекращении обязательства путем зачета, в то время как сальдирование может не предполагать соглашения сторон, так как это логическое завершение совокупности экономически взаимосвязанных операций [17], более того, сальдирование допустимо, даже если договор прямо не предусматривает это условие, но оно следует из существа правоотношений [18].

Питаленко Д.Р. отмечает, что осуществление сальдирования не всегда складывается в пользу кредитора, а также в соответствии с его интересами. Конкурсный кредитор может быть не заинтересован в уменьшении своего права требования ввиду количества голосов, которыми он будет обладать на собрании кредиторов, что обеспечивает ему возможность контроля ведения процедуры банкротства. Но в связи с тем, что определение сальдо происходит автоматически, требование прекращается вне зависимости от желания кредитора, что приводит к тому, что реализация основополагающего принципа гражданского права, согласно которому участники оборота приобретают и осуществляют права своей волей и в своем интересе, просто блокируется [5, с. 119-120].

В-третьих, ст. 63 Закона о банкротстве запрещает зачет встречных требований после начала процедуры банкротства, если это нарушает очерёдность удовлетворения требований кредиторов. Кроме того, на основании статей 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве, зачет может быть признан недействительной сделкой [19]. Тем не менее, несмотря на внешнюю схожесть с зачетом, сальдирование не подлежит оспариванию. Это подтверждается позицией ВС РФ, а именно п. 16 Обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 г [20].

ВС РФ подчеркивает, что сальдирование не является сделкой, которая может быть оспорена

по правилам ст. 61.3 Закона о банкротстве, так как отсутствует получение предпочтения [21]. Например, в одном из определений отмечалось, что это по своей сути не зачет, а подтверждение наличия долга в пользу одной стороны, возникшего в день, который определен сторонами в качестве расчетного [22]. Также сальдирование не нарушает конкурсного равенства при условии, что не ущемляет интересы иных участников процедуры [23].

Фактически определение сальдо нельзя оспорить не потому что отсутствует получение предпочтения, а в связи с тем, что сальдирование не является ни сделкой, ни юридическим фактом [7, с. 63-65]. Соответственно, несмотря на то, что определение сальдо встречных предоставлений внешне напоминает зачет, оно таковым не является.

Исходя из вышеперечисленной характеристики данного института, можно сделать вывод, что сальдирование не входит в понятие сделки по смыслу Закона о банкротстве, в связи с тем, что сальдо – не сделка, не юридическое действие, а также в результате его определения отсутствует получение предпочтения.

Тем не менее, несмотря на вышеуказанное, можно так же отметить, что определение сальдо встречных предоставлений влияет на конкурсную массу, и не всегда положительно. В судебной практике бывают ошибки касательно его правовой природы, сферы применения. Например, дело № А40-161457/2021, где суды (вплоть до ВС РФ) ошибочно признали простые финансовые операции для выполнения обязательства по договору сальдированием, ссылаясь на п. 16 Обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 г. В данном случае два платежа, совершенные в течение года до возбуждения процедуры банкротства, были признаны как действия по установлению сальдо, которые были направлены на прекращение обязательств. Интересна позиция конкурсного управляющего, который отмечал, что в связи с отсутствием встречных обязательств между сторонами, платежи не могут быть признаны установлением сальдо встречных предоставлений. В данной ситуации сальдирование не может быть применено, так как это погашение существующей задолженности подрядчиком перед субподрядчиком.

Данная ситуация является примером неправильного толкования и применения вышеуказанного института, который повлек уменьшение конкурсной массы должника. Данные платежи должны оспариваться по правилам ст. 61.3 Закона о банкротстве, так как оказывается предпочтение определенному кредитору. При таком подходе любые перечисления денежных средств должником за ранее выполненные контрагентом работы являлись бы сальдированием и не могли бы квалифицироваться как совершенные с предпочтением, а следовательно, и оспорены [24].

Вышеупомянутый случай стал следствием отсутствия законодательного определения сальдирования, что поставило под угрозу соблюдение принципа равноправия кредиторов. Он показал, что позиция судов касательно данного института не является единообразной, а также сложность понимания его правовой природы и правил применения.

Более того, расширяется сфера применения сальдирования. С одной стороны, это приводит к финансовой эффективности взаимодействия сторон договора, так как данный институт позволяет эффективно выстраивать расчеты между должником и контрагентами, минимизировать объем активных платежей и снижать нагрузку на конкурсную массу [4]. Тем не менее необоснованное расширение сферы его применения может привести к нарушению баланса сторон, уязвимому положению добросовестных кредиторов. В приоритете защита интересов всех кредиторов в равной степени, а не интересы одного лица, что соответствует принципу равенства кредиторов.

Сальдирование - математическая операция, которая устанавливает разницу между встречными обязательствами сторон, возникшими из одного или экономически взаимосвязанных правоотношений. С точки зрения теории гражданского права, обязательства прекращаются из-за юридического факта – основания прекращения обязательств. В соответствии с п. 1 ст. 407 ГК РФ сальдирование не является основанием прекращения обязательств. Фактически сальдирование является зачетом, который уже в соответствии с гражданским законодательством является поименованным механизмом прекращения обязательств. Питаленко Д.Р. проводит интересную аналогию, что неслучайно в судебных решениях данный институт именуется как сальдо встречных предоставлений, а не обязательств [5, с. 120-121].

Карапетов А.Г. отмечает, что сальдирование – это реакция судебной практики на абсолютный запрет осуществления зачета в банкротстве, и фактически является либо зачетом, либо условием договора об автоматическом прекращении взаимных долгов [3]. Мураев Н.В. так же отмечает, что определение сальдо — это технические действия, но оно фактически само по себе – зачет [8, с. 43-45].

На мой взгляд, определение сальдо не является сделкой, юридическим фактом, в связи с

этим оно не подлежит оспариванию. И в результате сальдирования, действительно, не может оказываться предпочтения, так как это математическая операция, в результате которой определяется «разница» встречных предоставлений сторон. Оспариванию подлежит только сделка, в результате которой прекращаются обязательства, а не результат, который получился в результате определения сальдо. В соответствии с этим из-за сальдо не происходит выбытие из имущественной сферы должника какого-либо актива, осуществляется действие сверочного характера [25], это происходит в результате определенных юридических действий, вследствие чего конкретный кредитор получает предпочтение.

Позиция ВС РФ также сводится к тому, что посредством сальдирования не оказывается предпочтения конкретному кредитору, но на практике появляются случаи его неправильного применения, которые негативно влияют на положение кредиторов, ведут к уменьшению конкурсной массы, а также нарушает баланс интересов сторон, что не соответствует правовой природе и цели данного института. Фактически возникают случаи, при которых финансовые операции, которые должны оспариваться по правилам Закона о банкротстве, впоследствии не оспариваются в связи со сложившимся подходом к толкованию понятия сальдирования. Соответственно, необходимо правовое регулирование, которое разрешило бы все дискуссии и предотвратило бы дальнейшие ошибки на практике.

Следовательно, по своей правовой природе сальдирование не является сделкой по Закону о банкротстве, но юридические действия, которые фактически являются «оспоримой сделкой» по Закону о банкротстве, признаются определением сальдо встречных предоставлений. Выявляется некоторое противоречие между положениями актов судебной практики. В связи с чем необходимо законодательное определение сальдирования, которое станет основой для формирования единообразной судебной практики, установить критерии для признания договоров экономически взаимосвязанными и окончательно разграничить такие понятия как «сальдирование» и «зачет».

Заключение

Закон о банкротстве расширяет понятие сделки, представленное в ст. 153 ГК РФ, и включает: 1) сделки в гражданско-правовом понимании, совершенные должником; 2) сделки, совершенные третьими лицами, за счет должника; 3) действия должника, которые могут быть оспорены, а именно направленные на исполнение обязательств и обязанностей; 4) действия, направленные на исполнение судебных актов, а также актов публичных органов. В судебной практике допускается, что оспариваться могут не только сделки (в контексте ст. 153 ГК РФ), но и любые юридические факты, которые негативно влияют на имущественную массу должника, в том числе и односторонние действия должника.

Расширительное понимание сделки видится удачным в связи с тем, что оно учитывает сложившиеся экономические реалии, обеспечивает защиту интересов кредиторов от злоупотреблений со стороны недобросовестного должника.

Сальдирование - соотнесение взаимных предоставлений сторон договору и определение завершающей обязанности одной стороны в отношении другой, посредством которого происходит автоматическое прекращение договора. Данный институт не закреплен на законодательном уровне и является следствием судебной практики. По своей правовой природе сальдирование и зачет являются схожими институтами, но не тождественными в соответствии с позицией ВС РФ.

Сальдо не является сделкой, юридическим фактом, не влечет получения предпочтения кредитором, что позволяет сделать вывод: сальдирование не входит в понятие сделки по смыслу Закона о банкротстве. Тем не менее вследствие отсутствия законодательного определения и единообразия судебной практики, неправильного применения данного института фактически блокируется применение правил об оспаривании сделок несостоятельного должника. Юридические действия, которые фактически являются «оспоримой сделкой» по Закону о банкротстве, признаются определением сальдо встречных предоставлений, что влечет уменьшение конкурсной массы должника.

Соответственно, необходимо установить надлежащее правовое регулирование вышеупомянутого института во избежание дальнейших противоречий и формирования единообразной судебной практики.

Список литературы:

[1] Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Карелиной. Т. 2. М.: Статут, 2019. 848 с.

[2] Бегунова М.Е. Правовая природа сделок в понимании Закона о банкротстве и их соотношение с гражданско-правовым понятием // Актуальные вопросы современной науки и образования: Сб. ст. XIV Международной научно-практической конференции: В 2 ч. Пенза, 2021. С. 121-125.

[3] Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022. 1494 с. // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

[4] Бостанова Х. Тенденции развития института сальдирования в делах о банкротстве // Банковское обозрение. Приложение «FinLegal». 2025. № 1. // СПС «Консультант Плюс».

[5] Питаленко Д. Р. Разграничение зачета и теории сальдо: анализ судебной практики // Арбитражные споры. 2020. № 1. С. 113-125.

[6] Егоров А.В. Сальдирование и зачет: соотношение понятий для целей оспаривания при банкротстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 7. С. 36-65.

[7] Костко В. С. Сальдо в системе юридических фактов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 2. С. 61-82.

[8] Мураев Н.В. Проблемы определения понятия сальдирования в гражданском праве России // Вестник гражданского права. 2022. № 4. С. 7-46.

[9] «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021) // СПС «Консультант Плюс».

[10] Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «Консультант Плюс».

[11] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.09.2023 № 301-ЭС23-567 по делу № А43-19704/2021 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 23.04.2024 № Ф01-658/2024 по делу № А29-2378/2018 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 05.09.2024 № Ф07-9651/2024 по делу № А56-51666/2020 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.09.2024 № Ф05-27973/2021 по делу № А41-67205/2020// СПС «Консультант Плюс».

[12] Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) // СПС «Консультант Плюс».

[13] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.01.2018 № 304-ЭС17-14946 по делу № А46-6454/2015 // СПС «Консультант Плюс».

[14] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.01.2018 № 304-ЭС17-14946 по делу № А46-6454/2015 // СПС «Консультант Плюс».

[15] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.08.2023 № 307-ЭС23-4950 по делу № А56-59474/2019 // СПС «Консультант Плюс»; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.08.2023 № 307-ЭС23-4950 по делу № А56-59474/2019 // СПС «Консультант Плюс»; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.10.2024 № 305-ЭС24-9766 по делу № А40-158682/2022 // СПС «Консультант Плюс».

[16] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.10.2024 № 305-ЭС24-9766 по делу № А40-158682/2022 // СПС «Консультант Плюс»; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.08.2023 № 307-ЭС23-4950 по делу № А56-59474/2019 // СПС «Консультант Плюс».

[17] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 305-ЭС19-18890(2) по делу № А40-99919/2017 // СПС «Консультант Плюс».

[18] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.10.2020 №302-ЭС20-1275 по делу № А19-12341/2018 // СПС «Консультант Плюс».

[19] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «Консультант Плюс».

[20] «Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 г.» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023) // СПС «Консультант Плюс».

[21] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.10.2023 № 305-ЭС23-12650 по делу № А40-206177/2021 // СПС «Консультант Плюс»; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.01.2018 № 304-ЭС17-14946 по делу № А46-6454/2015 // СПС «Консультант Плюс»; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.08.2019 № 305-ЭС19-10075 по делу № А40-151644/2016 // СПС «Консультант Плюс»; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 02.09.2019 № 304-ЭС19-11744 по делу № А75-7774/2018 // СПС «Консультант Плюс»; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.04.2021 № 308-ЭС19-24043(2,3) по делу № А32-1291/2018 // СПС «Консультант Плюс».

[22] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Россий-

ской Федерации от 15.10.2020 № 302-ЭС20-1275 по делу № А19-12341/2018 // СПС «Консультант Плюс».

[23] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2024 № 305-ЭС24-12722 по делу № А40-97498/2021 // СПС «Консультант Плюс».

[24] ВС определит границы понятия «сальдирование» в банкротных спорах // PROбанкротство URL: https://probankrotstvo.ru/news/vs-opredelit-granicy-poniatiia-saldirovanie-v-bankrotnyx-sporax-9999 (дата обращения: 17.02.2026).

[25] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.08.2023 № Ф05-33196/2022 по делу № А40-28793/2020 // СПС «Консультант Плюс».

References:

[1] Insolvency: Training course. In 2 tons/Ed. Doctor of Legal Sciences, prof. S.A. Karelina. VOL. 2. M.: Statute, 2019. 848 pp.

[2] Begunova M.E. The legal nature of transactions in the understanding of the Bankruptcy Law and their relationship with the civil law concept//Current issues of modern science and education: Sat. Art. XIV International Scientific and Practical Conference: At 2 h. Penza, 2021. S. 121-125.

[3] Performance and termination of the obligation: commentary to articles 307-328 and 407-419 of the Civil Code of the Russian Federation/Rev. ed. A. G. Karapetov. M.: M-Logos, 2022. 1494 p .//Access from SPS "Consultant Plus."

[4] Bostanova H. Trends in the development of the institution of settlement in bankruptcy cases// Banking review. Application "FinLegal." 2025. No. 1 .//SPS "Consultant Plus."

[5] Pitalenko D.R. Distinction between offset and balance theory: analysis of judicial practice// Arbitration disputes. 2020. № 1. S. 113-125.

[6] Egorov A.V. Settlement and offset: correlation of concepts for the purpose of challenging in bankruptcy//Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2019. № 7. S. 36-65.

[7] Kostko V. S. Balance in the system of legal facts//Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2021. № 2. S. 61-82.

[8] Muraev N.V. Problems of defining the concept of settlement in the civil law of Russia//Bulletin of Civil Law. 2022. № 4. S. 7-46.

[9] "Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2021)" (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 10.11.2021) //SPS "Consultant Plus."

[10] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 23.12.2010 No. 63 (ed. 17.12.2024) " On Certain Issues Related to the Application of Chapter III. 1 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy) "// SPS" Consultant Plus. "

[11] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.09.2023 No. 301-ES23-567 in case No. A43-19704/2021//SPS "Consultant Plus"; Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated 23.04.2024 No. F01-658/2024 in case No. A29-2378/2018//SPS "Consultant Plus"; Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of 05.09.2024 No. F07-9651/2024 in case No. A56-51666/2020//SPS "Consultant Plus"; Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 17.09.2024 No. F05-27973/2021 in case No. A41-67205/2020//SPS "Consultant Plus."

[12] Review of judicial practice in bankruptcy cases of citizens (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 18.06.2025) //SPS "Consultant Plus."

[13] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.01.2018 No. 304-ES17-14946 in case No. A46-6454/2015//SPS "Consultant Plus."

[14] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.01.2018 No. 304-ES17-14946 in case No. A46-6454/2015//SPS "Consultant Plus."

[15] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.08.2023 No. 307-ES23-4950 in case No. A56-59474/2019//SPS "Consultant Plus"; Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.08.2023 No. 307-ES23-4950 in case No. A56-59474/2019//SPS "Consultant Plus"; Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.10.2024 No. 305-ES24-9766 in case No. A40-158682/2022//SPS "Consultant Plus."

[16] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.10.2024 No. 305-ES24-9766 in case No. A40-158682/2022//SPS "Consultant Plus"; Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.08.2023 No. 307-ES23-4950 in case No. A56-59474/2019//SPS "Consultant Plus."

[17] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 11.06.2020 No. 305-ES19-18890 (2) in case No. A40-99919/2017//SPS "Consultant Plus."

[18] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.10.2020 No. 302-ES20-1275 in case No. A19-12341/2018//SPS “Consultant Plus.”

[19] Federal Law No. 26.10.2002 dated 127-FZ (rev. dated 29.12.2025) “ On Insolvency (Bankruptcy) “//SPS “Consultant Plus. “

[20] “Review of Judicial Practice of Resolution of Insolvency (Bankruptcy) Disputes for 2022” (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 26.04.2023) //SPS “Consultant Plus.”

[21] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.10.2023 No. 305-EC23-12650 in case No. A40-206177/2021//SPS “Consultant Plus”; Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.01.2018 No. 304-ES17-14946 in case No. A46-6454/2015//SPS “Consultant Plus”; Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.08.2019 No. 305-ES19-10075 in case No. A40-151644/2016//SPS “Consultant Plus”; Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 02.09.2019 No. 304-ES19-11744 in case No. A75-7774/2018//SPS “Consultant Plus”; Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 08.04.2021 No. 308-ES19-24043 (2,3) in case No. A32-1291/2018//SPS Consultant Plus.

[22] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.10.2020 No. 302-ES20-1275 in case No. A19-12341/2018//SPS “Consultant Plus.”

[23] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.10.2024 No. 305-ES24-12722 in case No. A40-97498/2021//SPS “Consultant Plus.”

[24] The Sun will define the boundaries of the concept of “settlement” in bankruptcy disputes// PRObankruptcy URL: https://probankrotstvo.ru/news/vs-opredelit-granicy-poniatiia-sald-irovanie-v-bankrotnyx-sporax-9999 (circulation date: 17.02.2026).

[25] Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 18.08.2023 No. F05-33196/2022 in case No. A40-28793/2020//SPS «Consultant Plus.»

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ И ИНЫЕ ВЕЩНЫЕ ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-69-72

МЫСЛИНСКАЯ Ксения Андреевна,
студентка 3 курса магистратуры,
Института открытого образования,
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации,
e-mail: ksenia.myslinskaya@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕНОВАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена актуальным проблемам правового регулирования института реновации жилищного фонда в Российской Федерации. На основе анализа действующего законодательства, судебной практики и регионального опыта (на примере города Москвы) выявляются системные правовые коллизии. Автор исследует механизм принудительного включения домов в программу по решению большинства собственников, проблемы оспаривания нормативных актов и решений общих собраний, а также несоответствие новой инфраструктуры ожиданиям жителей. В статье предложены конкретные пути совершенствования законодательства, включая внесение изменений в Жилищный кодекс РФ для введения механизма альтернативного участия в реновации, разработку федеральных стандартов комфортности городской среды и создание инфраструктурных «дорожных карт». Цель работы – сформулировать научно обоснованные предложения по созданию правовой модели, обеспечивающей как эффективное обновление жилищного фонда, так и надежную защиту конституционных прав граждан.*

Ключевые слова: *реновация, жилищный фонд, правовое регулирование, неприкосновенность собственности, жилищные права, комплексное развитие территорий, Жилищный кодекс РФ, градостроительная политика.*

MYSLINSKAYA Ksenia Andreevna,
3rd year Master's degree student, Institute of Open Education,
Financial University under the Government of the Russian Federation

PROBLEMS AND PROSPECTS FOR IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF RENOVATION

Annotation. *The article is devoted to current problems of legal regulation of the housing stock renovation institution in the Russian Federation. Based on the analysis of current legislation, judicial practice and regional experience (using the example of Moscow), systemic legal conflicts have been identified related to the violation of the principle of inviolability of private property, insufficient protection of housing rights of citizens, and deterioration of living conditions after relocation. The author examines the mechanism for the forced inclusion of houses in the program by decision of the majority of owners, problems of challenging regulatory acts and decisions of general meetings, as well as the discrepancy between the new infrastructure and the expectations of residents. The article proposes specific ways to improve legislation, including amendments to the Housing Code of the Russian Federation to introduce a mechanism for alternative participation in renovation, the development of federal standards for the comfort of the urban environment and the creation of infrastructure «road maps». The purpose of the work is to formulate scientifically based proposals for creating a balanced legal model that ensures both effective renewal of the housing stock and reliable protection of the constitutional rights of citizens.*

Key words: *renovation, housing stock, legal regulation, inviolability of property, housing rights, integrated territorial development, Housing Code of the Russian Federation, urban planning policy.*

Введение

Преобразование застроенных территорий в рамках программ реновации представляет собой один из наиболее значимых и социально ориентированных аспектов современной жилищной и градостроительной политики Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена масштабом происходящих преобразований, затрагивающих права и законные интересы больших групп граждан, а также наличием существенных правовых коллизий, препятствующих гармоничному сочетанию публичных целей обновления городской среды с конституционными гарантиями защиты частной собственности и жилищных прав. При этом, несмотря на пристальное внимание исследователей к жилищной политике и градостроительному регулированию, вопросы выработки адекватных правовых механизмов, способных минимизировать социальные конфликты в ходе реновации, остаются дискуссионными. Исследователи обоснованно указывают на ряд нерешенных системных проблем, сопровождающих процесс реновации, далеко не все из которых решаются исключительно на нормативном уровне [3, с. 23].

Целью настоящей статьи является анализ ключевых проблемных аспектов правового регулирования института реновации, выявленных на основе изучения федерального и регионального законодательства, а также судебной практики, и разработка предложений по его совершенствованию.

Для достижения указанной цели были поставлены задачи по исследованию коллизии между принципом неприкосновенности собственности и коллективным волеизъявлением, оценке эффективности судебной защиты прав несогласных собственников, анализу качественных аспектов предоставляемого жилья и формированию концептуальных направлений модернизации нормативной базы.

Методы

Методологическую основу работы составили системный, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Системный метод позволил рассмотреть реновацию как комплексный правовой феномен, находящийся на пересечении жилищных, земельных и градостроительных отношений. Посредством формально-юридического метода осуществлен детальный анализ положений Конституции Российской Федерации, Жилищного кодекса Российской Федерации, Закона Российской Федерации «О статусе столицы Российской Федерации». Сравнительно-правовой метод был использован для сопоставления правовых конструкций, применяемых в столичном регионе, с общими федеральными нормами, а также для рассмотрения возможностей рецепции отдельных элементов зарубежного опыта.

Результаты

Проведенное исследование позволяет констатировать, что действующая правовая модель реновации, наиболее полно реализованная в городе Москве, содержит ряд внутренних противоречий, порождающих устойчивые проблемные ситуации. В первую очередь, вызывает правовые вопросы механизм легитимации включения многоквартирного дома в программу реновации. Из содержания статьи 7.3 Закона Российской Федерации «О статусе столицы Российской Федерации» следует, что основанием для возникновения обязанности каждого собственника заключить договор о переходе права собственности является решение, принятое на общем собрании большинством не менее двух третей голосов.

Подобная конструкция, при которой частноправовое волеизъявление большинства трансформируется в публично-правовое основание для ограничения права собственности меньшинства, порождает фундаментальную коллизию с принципом неприкосновенности собственности, закрепленным в статье 35 Конституции Российской Федерации. Указанная правовая неопределенность усугубляется сложившейся судебной практикой, в рамках которой попытки оспаривания нормативных актов, устанавливающих такой порядок, систематически отклоняются.

Показательным примером является решение Московского городского суда от 16 июня 2017 года по делу № 3а-849/2017, которым было отказано в удовлетворении заявления о признании недействующим постановления Правительства Москвы, регламентирующего учет мнения населения по проекту реновации. Впоследствии аналогичные заявления оставлялись без рассмотрения со ссылкой на позицию высших судебных инстанций о недопустимости повторного оспаривания одного и того же акта, что, как представляется, может создавать неоправданные препятствия для доступа к правосудию.

Наряду с этим, процедура судебного оспаривания решений общих собраний собственников, предусмотренная статьей 46 Жилищного кодекса Российской Федерации, также демонстрирует ограниченную эффективность. Судебный контроль, как правило, фокусируется на формальном соблюдении процедуры голосования, оставляя за рамками рассмотрения вопрос о материальной обоснованности и целесообразности сноса конкретного дома, а также о качественных характеристиках предоставляемого взамен жилого помещения.

Приведем пример: по иску о признании недействительными решений собрания, на котором меньшинство собственников попыталось оформить отказ от включения дома в программу, несмотря на предварительное положительное волеизъявление большинства, выраженное иным способом, было принято решение в пользу истцов. Суд удовлетворил иск, указав исключительно на нарушение кворума, не анализируя социально-экономические аргументы сторон. Такой подход органов судебной власти наглядно демонстрирует, что судебная защита становится доступной лишь при наличии очевидных процедурных нарушений, не затрагивая сути конфликта интересов.

Подтверждением изложенного также служит определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 2 сентября 2025 года по делу № 8Г-22845/2025, где спор о количестве комнат в предоставляемом помещении был разрешен только на основе анализа проектной документации, без учета фактически сложившегося порядка пользования.

Отдельного внимания заслуживает проблема обеспечения не количественного, а качественного соответствия условий проживания после переселения ранее сложившемуся уровню жизни. Действующие гарантии, закрепленные в статье 32.1 Жилищного кодекса Российской Федерации, сконцентрированы на параметрах площади и количества комнат. Между тем, переселение из исторически сформировавшейся малоэтажной застройки в современные многоэтажные жилые комплексы сопряжено с кардинальным изменением характеристик городской среды: плотности населения, транспортной нагрузки, обеспеченности объектами социальной инфраструктуры и рекреационными пространствами, на что справедливо указывает Н.Ю. Челышева [1, с. 10].

Также, как верно отмечает Н.Ю. Улицкая, запрос жителей районов реновации на создание в шаговой доступности детских садов, поликлиник и спортивных объектов далеко не всегда удовлетворяется синхронно со сдачей жилья, что порождает длительный период социальной дискомфортности [2, с. 35]. Подобная ситуация указывает на имеющийся разрыв между зафиксированными в нормативном акте правовыми гарантиями и фактическими условиями реализации права на благоприятную среду обитания.

Обсуждение

Обозначенный комплекс проблем указывает на необходимость глубокой концептуальной доработки правовых основ реновации, выходящей за рамки частных корректировок. Представляется обоснованным, что совершенствование регулирования должно развиваться по нескольким взаимосвязанным направлениям, ориентированным на внедрение большей гибкости, предсказуемости и социальной ориентированности процедур.

Первостепенное значение имеет поиск правовых средств для смягчения коллизии между коллективным решением и индивидуальным правом собственности. В качестве одного из потенциальных механизмов можно предложить внесение изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации, а именно – дополнение статьи 32.1 новой частью, предусматривающей возможность альтернативного участия для значительной доли несогласных собственников. Речь может идти о процедуре, в рамках которой при наличии волеизъявления против включения дома в программу со стороны, например, одной четверти всех собственников, уполномоченный орган обязан инициировать проведение независимой технической экспертизы.

Целью такой экспертизы должно стать установление возможности безопасной реконструкции или модернизации части здания, в которой расположены помещения указанных собственников, без осуществления полного сноса. В случае положительного заключения экспертов данным собственникам может быть предоставлено право сохранить свое жилье при условии заключения соглашения о проведении и финансировании необходимых работ за счет средств программы реновации.

Подобная модель, элементы которой наблюдаются в практике некоторых европейских стран [4, с. 577], позволила бы соблюсти принцип соразмерности вмешательства, предлагая менее радикальную альтернативу принудительному изъятию и тем самым усиливая легитимность всего процесса.

Наряду с этим, назрела потребность в выходе за рамки исключительно количественных критериев оценки равноценности предоставляемого жилья. Целесообразно разработать и закрепить на уровне федерального законодательства комплексные стандарты качества городской среды, обязательные для применения при реализации программ комплексного развития территорий. Данные стандарты должны включать не только параметры энергоэффективности и благоустройства, но и нормативы обеспеченности парковочными местами, объектами социальной инфраструктуры, показатели минимальной озелененности и предельно допустимой плотности застройки.

Закрепление подобных требований, например, в постановлении Правительства Российской Федерации, позволило бы трансформировать гарантии для граждан в плоскость обеспечения

реального качества жизни. Кроме того, для каждого реновируемого квартала должна в обязательном порядке утверждаться и публиковаться так называемая инфраструктурная дорожная карта – детальный график синхронного ввода в эксплуатацию всех запланированных объектов социального, транспортного и коммунального назначения, привязанный к этапам заселения новых домов.

Помимо этого, важным аспектом совершенствования является усиление элементов общественного участия и прозрачности на стадии планирования. Одним из необходимых решений, как представляется, должно стать формирование советов микрорайонов на стадии проектирования, в состав которых должны входить представители застройщика, администрации, муниципальных депутатов, представителей общественности из числа участников реновации. Подобные структуры могли бы осуществлять предварительное обсуждение проектов планировки и благоустройства, вносить предложения по учету местной специфики и осуществлять последующий общественный контроль за соблюдением утвержденных стандартов и сроков. Институционализация такого диалога способствовала бы формированию отношения к реновации не как к директивному мероприятию, а как к совместному проекту по созиданию комфортной среды проживания.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что современное правовое регулирование реновации жилищного фонда, при всех его несомненных достижениях в деле обновления городской инфраструктуры, характеризуется наличием системных правовых дефектов. Эти пробелы проявляются в недостаточной защищенности права частной собственности от ограничений, основанных на воле большинства, в формализме судебного контроля за решениями общих собраний, а также в узком, количественном понимании гарантий предоставления равнозначного жилья, игнорирующем качество формируемой городской среды.

Для преодоления указанных противоречий необходима целенаправленная работа законодателя по модернизации нормативной базы. Перспективными направлениями такой работы видятся: имплементация в Жилищный кодекс Российской Федерации гибкого механизма альтернативного участия, позволяющего учитывать интересы значительного меньшинства собственников; разработка и законодательное закрепление комплексных федеральных стандартов качества городской среды для территорий комплексного развития; а также нормативное оформление процедур углубленного общественного участия и инфраструктурного планирования на всех этапах реализации реновационных программ.

Реализация данных предложений могла бы способствовать формированию более справедливой и социально приемлемой правовой модели реновации, в большей степени соответствующей конституционным принципам защиты прав человека и гражданина.

Список литературы:

[1] Челышева Н.Ю. Проблемы защиты права частной собственности в условиях реализации мероприятий программы комплексного развития // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2024. № 4. С. 8-13.

[2] Улицкая Н.Ю., Толстова Т.В., Аширова Т.Г. Реновация жилья // Вектор экономики. 2018. № 4(22). С. 35-42.

[3] Пожидаев В.Е. История принятия и критика закона о реновации жилищного фонда в г. Москве // Право и политика. 2022. № 5. С. 21-27.

[4] Денисова Е.Л. Отечественный и зарубежный опыт правового экспериментирования в сфере реновации жилищного фонда // Юридическая техника. 2025. № 19. С. 576-580.

References:

[1] Chelysheva N.Yu. Problems of Protection of Private Property Rights in the Context of Implementation of Comprehensive Development Program Activities//Journal of Business and Corporate Law. 2024. № 4. S. 8-13.

[2] Ulitskaya N.Yu., Tolstova T.V., Ashirova T.G. Housing renovation//Economy vector. 2018. № 4(22). S. 35-42.

[3] Pozhidaev V.E. The history of the adoption and criticism of the law on the renovation of the housing stock in Moscow//Law and Politics. 2022. № 5. S. 21-27.

[4] Denisova E.L. Domestic and foreign experience in legal experimentation in the field of housing renovation//Legal technology. 2025. № 19. S. 576-580.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-73-75

МЕДВЕДЕВА Инна Николаевна,
научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России,
e-mail: medvedeva.i.n@fsin.gov.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ ПРОБАЦИИ МЕЖДУ СУБЪЕКТАМИ ПРОБАЦИИ

Аннотация. *В современном обществе важную роль играет своевременный обмен информацией между государственными органами, организациями и гражданами, в связи с чем нормативные правовые акты федерального, регионального и ведомственного уровней предписывают использовать в своей деятельности электронный документооборот, в том числе при осуществлении информационного взаимодействия в сфере пробации. В настоящей статье представлен анализ нормативных правовых актов, регламентирующих порядок межведомственного информационного взаимодействия в сфере пробации между государственными и муниципальными органами, участвующими в процедурах пробации*.

Ключевые слова: *пробация, порядок осуществления межведомственного взаимодействия, нормативно правовое регулирование.*

MEDVEDEVA Inna Nikolaevna,
Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE SPECIFICS OF INTERAGENCY COOPERATION IN THE FIELD OF PROBATION BETWEEN SUBJECTS OF PROBATION

Annotation. *In today's society, timely exchange of information between government agencies, organizations, and citizens plays an important role, which is why regulatory legal acts of federal, regional, and departmental levels prescribe the use of electronic document management in their activities, including in the implementation of information interaction in the field of probation. This article presents an analysis of regulatory legal acts regulating the procedure for interdepartmental information interaction in the field of probation between state and municipal bodies involved in probation procedures.*

Key words: *probation, the procedure for interdepartmental cooperation, and legal regulation.*

Оперативный обмен информацией между государственными органами, организациями и гражданами стал нормой для современного общества. Принятое в данном контексте постановление Правительства Российской Федерации от 24.07.2021 № 1264 рекомендует органам государственной власти как федерального, так и регионального уровня, а также организациям, осуществляющим публично значимые функции, использовать электронный документооборот при организации информационного взаимодействия. В связи с этим, по мнению специалистов, законодатель по понятным причинам определил в комментируемом законе электронную форму взаимодействия между субъектами пробации, посчитав, что ведение «бумажной» переписки не соответствует современным требованиям и подходам к обмену информацией [1].

В Положении о единой системе межведомственного электронного взаимодействия (далее – система взаимодействия), утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 08.09.2010 № 697 (далее – Положение), определено назначение и правила функционирования системы взаимодействия, а также принципы информационного обмена, осуществляе-

мого с ее применением между информационными системами участников взаимодействия (федеральные органы исполнительной власти, государственные внебюджетные фонды, исполнительные органы субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг, иные органов и организаций), в целях предоставления государственных и муниципальных услуг, документов (сведений), размещенных в государственных информационных системах и иных информационных системах, или исполнения государственных и муниципальных функций, а также в иных случаях, предусмотренных законодательством [2].

С принятием Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» потребовалось внесение изменений и принятие нормативных правовых актов, регламентирующих межведомственное информационное взаимодействие в сфере пробации между субъектами пробации с использованием системы взаимодействия.

В частности, приказом Минюста России от 29.11.2023 № 350 утвержден Порядок исполнения обязанностей и осуществления прав учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и уголовно-исполнительных инспекций в сфере пробации (далее – Порядок), в котором приведен механизм исполнения обязанностей и осуществления прав учреждениями, исполняющими наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, в сфере пенитенциарной пробации, уголовно-исполнительными инспекциями и их филиалами – в сфере исполнительной и постпенитенциарной пробации (далее – учреждения УИС). Согласно подпункта 2 пункта 27 Порядка учреждения УИС при применении пенитенциарной пробации имеют право запрашивать и получать в тридцатидневный срок с использованием системы взаимодействия от органов и организаций информацию, необходимую для реализации полномочий в сфере пенитенциарной пробации.

Помимо этого, обмен информацией между субъектами пробации в электронной форме с использованием системы взаимодействия может осуществляется в рамках двухсторонних соглашений о взаимодействии, в частности, подобный способ обмена информацией между учреждениями УИС и органами службы занятости населения, предусматривается пунктом 13 типового соглашения о взаимодействии учреждений УИС с органами службы занятости при осуществлении деятельности в сфере постпенитенциарной пробации, утвержденного приказом Минтруда от 27.10.2023 № 779н, разработанного и согласованного с ФСИН России в порядке, установленном пунктом 2 части 4 статьи 7 Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ.

Издано постановление Правительства Российской Федерации от 21.12.2024 № 1858, которым утверждены Перечень (далее – Перечень) видов информации, подлежащей включению в единый реестр лиц, в отношении которых применяется пробация (далее – единый реестр) и Правила ведения и использования единого реестра (далее – Правила), которые предусматривают при наличии технической возможности обмен информацией в электронной форме между органами и организациями, имеющими доступ к единому реестру лиц (Министерство внутренних дел Российской Федерации, Министерство обороны Российской Федерации, Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки, Федеральная налоговая служба, Федеральная служба по труду и занятости, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации, публично-правовая компания «Роскадастр», органы государственной власти субъектов Российской Федерации, учреждения и органы уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, следственные изоляторы органов федеральной службы безопасности, органы службы занятости, организации социального обслуживания, органы местного самоуправления, коммерческие и некоммерческие, в том числе религиозные, социально ориентированные некоммерческие организации, организации и общественные объединения, организации, осуществляющие образовательную деятельность, научные и медицинские организации) посредством системы взаимодействия. Например, о начале и окончании мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой (примечание 8 к Перечню), для обмена информацией, необходимой для проведения оценки индивидуальной нуждаемости нуждающихся лиц (пункт 6 Правил), для уточнения (подтверждения) должностными лицами УИС и следственных изоляторов ФСБ России персональных данных и иной информации, необходимой для проведения оценки индивидуальной нуждаемости нуждающихся лица (пункт 20 Правил). Кроме того, по запросу с использованием системы взаимодействия для целей ведения единого реестра его оператору предоставляются сведения, содержащиеся в государственной информационной системе «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере»[3].

Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 231 по совокупности целого ряда фактов, в том числе экономических, было решено использовать при создании и развитии государ-

ственной информационной системы «Единый реестр лиц, в отношении которых применяется пробация» (далее – ГИС «Пробация») единую цифровую платформу Российской Федерации «ГосТех» (далее – «ГосТех»). Вследствие чего создание ГИЦ «Пробация» как соответствующего сервиса «ГосТех» включено в план создания и развития государственных информационных систем «ГосТех» [1, с. 28].

Федеральная служба исполнения наказаний приступила к проведению мероприятий по созданию ГИС «Пробация» с изданием приказа ФСИН России от 13.03.2024 № 164, который предусматривал осуществление заинтересованными структурными подразделениями центрального аппарата ФСИН России мероприятий по подготовке технического задания и иной необходимой документации, направленных на создание ГИС «Пробация», с возложением контроля за своевременностью и полнотой исполнения требований приказа на заместителей директора ФСИН России (по вопросам пробации) и заместителя директора ФСИН России (по вопросам охраны и цифровой трансформации) в соответствии с распределением обязанностей между директором ФСИН России и его заместителями.

С 01.01.2025 в соответствии с распоряжение ФСИН России от 28.12.2024 № 197-р был введен в эксплуатацию Сервис № 123 ГИС «Единый реестр лиц, в отношении которых применяется пробация» (утверждено протоколом президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 02.08.2024 № 29пр.), который позволил субъектам пробации осуществлять работы, связанные с использованием данного сервиса, посредством федеральной государственной информационной системы «Единая система предоставления государственных и муниципальных услуг (сервисов)» (далее – единый портал).

30.05.2025 действие распоряжение ФСИН России от 28.12.2024 № 197-р было отменено распоряжение ФСИН России от 30.05.2025 № 84-р в связи с вводом в эксплуатацию в учреждениях УИС государственной информационной системы «Единый реестр лиц, в отношении которых применяется пробация» (подсистема «Витрина данных из Единого реестра лиц, в отношении которых применяется пробация») (далее – ГИС «Пробация» (подсистема «Витрина данных»)) с использованием единой цифровой платформы. Организация эксплуатации ГИС «Пробация» (подсистема «Витрина данных») регламентируется инструкцией, утвержденной приказом ФСИН России от 20.02.2026 № 73.

Таким образом, межведомственное информационное взаимодействие в сфере пробации между учреждениями УИС и другими государственными и муниципальными органами, участвующими в процедурах пробации, осуществляется с 01.01.2025 в электронной форме с 30.05.2025 посредством ГИС «Пробация» (подсистема «Витрина данных») с использованием единого портала.

Список литературы:

[1] Геращенко О.М. Институт пробации в Российской Федерации в контексте межведомственного взаимодействия / О. М. Геращенко, Н. Н. Капралова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2025. – № 2(273). – С. 22-29.

[2] Пешкова (Белогорцева) Х.В., Баранов И.В., Беляев М.А., Бондарева Э.С., Воробьев Н.И., Воробьева Л.В., Ротко С.В., Чернусь Н.Ю., Тимошенко Д.А. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». - Специально для системы ГАРАНТ, 2020 г.

[3] Анпилогова, Л. Г. Правовая основа пробации в Российской Федерации / Л. Г. Анпилогова // Петербургские пенитенциарные конференции : материалы комплекса международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15–16 мая 2025 года. – Санкт-Петербург: Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний», 2025. – С. 219-221. – EDN ULGVKP.

References:

[1] Gerashchenko O.M. Institute of Probation in the Russian Federation in the context of interdepartmental interaction/O.M. Gerashchenko, N. N. Kapralova//Vedomosti of the penal system. – 2025. – № 2(273). - S. 22-29.

[2] Peshkova (Belogortseva) H.V., Baranov I.V., Belyaev M.A., Bondareva E.S., Vorobiev N.I., Vorobyova L.V., Rotko S.V., Chernus N.Yu., Timoshenko D.A. Commentary to the Federal Law of July 27, 2010 No. 210-FZ “On Organization provision of state and municipal services.” - Special for GARANT system, 2020.

[3] Anpilogova, L. G. The legal basis of probation in the Russian Federation/L. G. Anpilogova//St. Petersburg Penitentiary Conferences: materials of the complex of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, May 15-16, 2025. - St. Petersburg: Federal State Educational Institution of Higher Education “St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service,” 2025. - S. 219-221. – EDN ULGVKP.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-76-80

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский
институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

К ВОПРОСУ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ УСЛОВНО ОСУЖДЕННЫХ, СОСТОЯЩИХ НА УЧЕТЕ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЯХ

Аннотация. *Целью исследования явились правовые и организационные вопросы привлечения к ответственности должностными лицами уголовно-исполнительных инспекций условно осужденных, состоящих на их учетах. Для ее реализации использовались принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации по вопросам привлечения к ответственности условно осужденных, повышения эффективности его исполнения уголовно-исполнительными инспекциями. Важной составной частью исполнения условного осуждения является механизм привлечения осужденных должностными лицами уголовно-исполнительных инспекций к ответственности за уклонение от условий его отбывания, неисполнение требований статьи 188 и 190 УИК РФ, систематических нарушений общественного порядка. Уголовно-исполнительный закон определил основные правовые дефиниции в рассматриваемой сфере уголовно-исполнительных правоотношений, отнеся к ним уклонение условно осужденного от исполнения возложенных на него судом обязанностей; неисполнение им конкретных требований, сформулированных законодателем в контексте осуществления контроля за поведением осужденных; систематическое нарушение условно осужденными общественного порядка.*

За совершение указанных действий (бездействия) условно осуждённым, начальник УИИ направляет в суд представления об отмене испытательного срока, либо условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда. Правовой механизм наступления ответственности для условно осужденных является действенным инструментом профилактики их возможных противоправных действий, нарушений порядка контроля за их поведением, оказания на них сотрудниками УИИ превентивного психолого-педагогического воздействия для достижения целей условного осуждения. Учитывая значимость наступления ответственности в отношении условно осужденных, серьезных правовых последствий, она является предметом ведомственного контроля вышестоящих органов УИС (ГУФСИН и УФСИН) субъектов федерации, ФСИН России. Органов прокуратуры, осуществляющих надзор за законностью исполнения уголовных наказаний, соблюдения прав и законных интересов осужденных.

Ключевые слова: *условное осуждение, привлечение к ответственности осужденных, уголовно-исполнительные инспекции, представление, уклонение, неисполнение, нарушение, сотрудники, испытательный срок.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE ISSUE OF BRINGING TO JUSTICE CONDITIONALLY CONVICTED PERSONS REGISTERED WITH PENAL ENFORCEMENT INSPECTIONS

Annotation. *The purpose of the study was the legal and organizational issues of bringing to justice probationers on their accounts by officials of penal enforcement inspections. To implement it, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were used. The legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific publications on the issues of bringing to justice conditionally convicted persons, and improving the effectiveness of their execution by penal enforcement inspections were analyzed. An important component of the execution of a suspended sentence is the mechanism for holding convicted persons accountable by officials of penal enforcement inspections for evading the conditions of their service, failure to comply with the requirements of Articles 188 and 190 of the Criminal Code of the Russian Federation, and systematic violations of public order. The Penal Enforcement Law defined the main legal definitions in the field of penal enforcement relations under consideration, attributing to them the evasion of a conditionally convicted person from fulfilling the duties assigned to him by the court.; failure to comply with specific requirements formulated by the legislator in the context of monitoring the behavior of convicts; systematic violation of public order by probationers. For the commission of these actions (inaction) by a conditionally convicted person, the head of the Criminal Investigation Department sends to the court submissions on the cancellation of the probation period or suspended sentence and the execution of the sentence imposed by the court verdict. The legal mechanism of responsibility for probationers is an effective tool for preventing their possible illegal actions, violations of the procedure for monitoring their behavior, and providing preventive psychological and pedagogical influence to them by the staff of the Criminal Investigation Department in order to achieve the goals of probation. Given the importance of liability in relation to probationers and serious legal consequences, it is the subject of departmental control by higher-level penal correction authorities (GUFSIN and UFSIN) of the constituent entities of the Russian Federation, the Federal Penitentiary Service of Russia. The Prosecutor's Office, which oversees the legality of the execution of criminal penalties and the observance of the rights and legitimate interests of convicted persons.*

Key words: *suspended sentence, bringing convicts to justice, penal enforcement inspections, representation, evasion, non-fulfillment, violation, employees, probation period.*

Введение. На эффективное исполнение уголовных наказаний и мер уголовного характера ориентируют законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, директивные документы Правительства Российской Федерации [1]. Не является исключением в данном контексте условное осуждение [2]. Его исполнение регламентировано статьями 187-190 Уголовно-исполнительного кодекса российской Федерации, Приказом Минюста России от 20.05.2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-исполнительного характера без изоляции от общества» [3].

Важной составной частью исполнения условного осуждения является механизм привлечения осужденных должностными лицами уголовно-исполнительных инспекций (далее УИИ) к ответственности за уклонение от условий его отбывания, неисполнение требований статьи 188 УИК РФ, систематических нарушений общественного порядка.

Таким образом уголовно-исполнительным законодательством сформулированы обстоятельства привлечения условно осужденных к ответственности, принятия мер по продлению испытательного срока, определенного решением суда, а также крайней меры – отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда.

В данной связи существует объективная потребность междисциплинарного рассмотрения правовых и организационных вопросов привлечения условно осужденных к ответственности, достижения при этом правового и психолого-педагогического эффекта, воспитательно-профилактического воздействия на личность осужденного.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых и организационных вопросов привлечения к ответственности должностными лицами уголовно-исполнительных инспекций условно осужденных, состоящих на их учетах использовались принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации по вопросам привлечения к ответственности условно осужденных, повышения эффективности его исполнения уголовно-исполнительными инспекциями.

Основные результаты. Теоретико-правовой анализ законодательных и ведомственных правовых актов Минюста и ФСИН России в области реализации ответственности условно осужденных показал, что в концентрированном виде они содержатся в статье 190 УИК РФ. Данная норма определила основные правовые дефиниции в рассматриваемой сфере уголовно-испол-

нительных правоотношений. Одно из них является уклонение условно осужденного от исполнения возложенных на него судом обязанностей [4, с. 223-228]. Оно выражается в уклонении от:

– возмещения вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда. В качестве форм уклонения от возмещения вреда законодатель выделяет сокрытие имущества и доходов; уклонение от работы; иные способы;
– нарушение осужденным общественного порядка, за которое он привлекался к административной ответственности;
– не возмещение вреда по неуважительным причинам.

Совершение указанных действий (бездействия) условно осужденными влечет за собой их предупреждение УИИ в письменной форме о возможности отмены условного осуждения [5].

Другой правовой дефиницией анализируемого механизма ответственности условно осужденных выступает неисполнение ими конкретных требований, сформулированных законодателем в части четвертой статьи 188 УИК РФ, регламентирующей порядок осуществления контроля за поведением осужденных. К ним относятся:

– отчет о поведении осужденных перед УИИ;
– исполнение возложенных на них судом обязанностей;
– возмещение вреда, причиненного преступлением в размере, определенном решением суда. При этом уголовно-исполнительный закон (в части второй статьи 190 УИК РФ) предусмотрел право потерпевших предоставлять информацию в УИИ об имеющейся у условно осужденного задолженности по исполнительным документам о возмещении вреда, причиненного преступлением. Данный подход, несомненно гарантирует право потерпевших на своевременное возмещение ущерба, повышает эффективность исполнения назначенного судом условного осуждения в установленный испытательный срок;
– явка по вызову в УИИ (при неявке без уважительных причин осужденный может быть подвергнут приводу) [6, с. 333-337].

В случае неисполнения условно осужденным указанных требований, начальник УИИ вносит в суд соответствующее представление о продлении ему испытательного срока [7].

Следующей правовой дефиницией, отраженной в анализируемой правовой норме, является систематическое нарушение общественного порядка. Под ним понимается совершение условно осужденным в течение одного года двух и более нарушений общественного порядка, за которые он привлекался к административной ответственности.

Также сюда закон отнес систематическое неисполнение обязанностей, проявляющееся в совершении запрещенных или невыполнении предписанных действий более двух раз в течение одного года либо продолжительное (более 30 дней) неисполнение обязанностей, возложенных на него судом. Например, скрывающимся от контроля УИИ признается условно осужденный, место нахождения которого не установлено в течение более 30 дней [8, с. 259-263]. Решается вопрос об объявлении его в розыск и проведении розыскных мероприятий [9, с.185-191]. С привлечением подразделений УИС и ОВД, наделенных правом осуществления оперативно-розыскной деятельности [10].

За совершение указанных действий (бездействия) условно осуждённым, начальник УИИ направляет в суд представление об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда [11].

Таким образом в рассмотренном случае для условно осужденных наступают самые жесткие правовые последствия, влекущие за собой исполнение реального наказания, назначенного судом (в том числе лишение свободы). В этом случае правовой механизм наступления ответственности для условно осужденных является действенным инструментом профилактики их возможных противоправных действий, нарушений порядка контроля за их поведением, оказания на них превентивного психолго-педагогического воздействия для достижения целе условного осуждения.

Учитывая значимость наступления ответственности в отношении условно осужденных, серьезных правовых последствий, она является предметом ведомственного контроля вышестоящих органов УИС (ГУФСИН и УФСИН) субъектов федерации, ФСИН России. Органов прокуратуры, осуществляющих надзор за законностью исполнения уголовных наказаний, соблюдения прав и законных интересов осужденных [12].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

– научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности».

– Межрегиональной научно-практической конференции «Исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы: исторические, теоретические, правовые и организационные аспекты» во Владимирском юридическом институте ФСИН России 7 декабря 2023 года. Доклад на тему «Организация исполнения наказаний без изоляции от общества в развитых зарубежных странах: опыт и перспективы использования в отечественной пенитенциарной практике»;
– Международной научно-практической конференции «Проблемы правового регулирования применения различных видов наказаний: уголовно-правовой, криминологический и уголовно-исполнительный аспекты», посвященной 145-летию создания уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и 30-летию со дня образования учебного заведения, состоявшейся в Самарском юридическом институте ФСИН России 11.01. 2024 г. Доклад на пленарном заседании на тему: «Современные подходы организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества: проблемы и перспективы».

Заключение. Важной составной частью исполнения условного осуждения является механизм привлечения осужденных должностными лицами уголовно-исполнительных инспекций к ответственности за уклонение от условий его отбывания, неисполнение требований статьи 188 и 190 УИК РФ, систематических нарушений общественного порядка.

Уголовно-исполнительный закон определил основные правовые дефиниции в рассматриваемой сфере уголовно-исполнительных правоотношений, отнеся к ним уклонение условно осужденного от исполнения возложенных на него судом обязанностей; неисполнение им конкретных требований, сформулированных законодателем в контексте осуществления контроля за поведением осужденных; систематическое нарушение условно осужденными общественного порядка.

За совершение указанных действий (бездействия) условно осуждённым, начальник УИИ направляет в суд представления об отмене испытательного срока, либо условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда.

Правовой механизм наступления ответственности для условно осужденных является действенным инструментом профилактики их возможных противоправных действий, нарушений порядка контроля за их поведением, оказания на них сотрудниками УИИ превентивного психолого-педагогического воздействия для достижения целей условного осуждения.

Учитывая значимость наступления ответственности в отношении условно осужденных, серьезных правовых последствий, она является предметом ведомственного контроля вышестоящих органов УИС (ГУФСИН и УФСИН) субъектов федерации, ФСИН России. Органов прокуратуры, осуществляющих надзор за законностью исполнения уголовных наказаний, соблюдения прав и законных интересов осужденных.

Список литературы:

[1] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // Consultant.ru (дата обращения 03.02.2026).

[2] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник // Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007. 374 с.

[3] Приказ Министерства юстиции РФ от 20.05.2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-исполнительного характера без изоляции от общества» // Garant.ru (дата обращения 03.02.2026).

[4] Ковалев О.Г. Совершенствование исполнения условного осуждения (организационно-правовые и психологические аспекты) // Право и управление. 2024. № 8. С. 223-228.

[5] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008 448 с.

[6] Ковалев О.Г. Современные правовые и организационные проблемы применения и исполнения условного осуждения // Право и управление. 2024. № 9. С. 333-337.

[7] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[8] Ковалев О.Г., Иконников Д.С. Правовые основы организации розыска осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания без изоляции от общества // Право и управление. 2024. № 8. С. 259-263.

[9] Ковалев О.Г. Организационно-правовые вопросы объявления розыска и осуществления оперативно-розыскной деятельности при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества // Право и управление. 2025. № 7. С. 185-191.

[10] Теория оперативно-розыскной деятельности / Горяинов К.К., Земскова А.В., Исиченко А.П., Климов И.А., Ковалев О.Г., Конов А.И., Нетреба В.А., Федоров А.В., Овчинский В.С., Синилов Г.К., Черников В.В. Краткий учебный курс / Сер. Краткие учебные курсы юридических наук. (2-е издание, переработанное). Москва, 2006. 385 с.

[11] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Серела Е.В., Казакова В.А.Москва, 2006. 148 с.

[12] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бессарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

References:

[1] Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r “On approval of the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030” // Consultant.ru (accessed 02/03/2026).

[2] Russian criminal Law. Special part: Textbook // Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007. 374 p.

[3] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 05/20/2009 No. 142 “On Approval of Instructions on the organization of the execution of punishments and measures of a penal nature without isolation from society” // Garant.ru (accessed 02/03/2026).

[4] Kovalev O.G. Improving the execution of conditional sentences (organizational, legal and psychological aspects) // Law and Management. 2024. No. 8. pp. 223-228.

[5] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008, 448 p.

[6] Kovalev O.G. Modern legal and organizational problems of the application and execution of probation // Law and management. 2024. No. 9. pp. 333-337.

[7] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article-by-article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[8] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S. The legal basis for organizing the search for convicts who evade serving their sentences without isolation from society // Law and management. 2024. No. 8. pp. 259-263.

[9] Kovalev O.G. Organizational and legal issues of declaring a wanted list and carrying out operational search activities in the execution of punishments not related to the isolation of convicts from society // Law and management. 2025. No. 7. pp. 185-191.

[10] Goryainov K.K., Zemskova A.V., Isichenko A.P., Klimov I.A., Kovalev O.G., Konov A.I., Netreba V.A., Fedorov A.V., Ovchinsky V.S., Sinilov G.K., Chernikov V.V. A short training course / Ser. Short training courses in law. (2nd edition, revised). Moscow, 2006. 385 p.

[11] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Serela E.V., Kazakova V.A.Moscow, 2006. 148 p.

[12] The prosecutor’s desk book in 2 parts Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G., Aberkhaev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanova N.V., Booth N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. and others. Practical guide / Ser. 9 Professional practice, (5th ed., trans. and add.) Moscow, 2018. 481 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-81-86

ДМИТРИЕВ Дмитрий Сергеевич,
Магистрант Юридического факультета Финансового Университета при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГУЛИРОВАНИЯ CBDC В КИТАЕ И В США

Аннотация. *Статья посвящена сравнительно-правовому анализу регулирования национальных цифровых валют (Central Bank Digital Currency) в Китайской Народной Республике и Соединённых Штатах Америки. Автором выделены особенности правового режима CBDC в двух разных правовых системах. Выявлены основные отличия формирования и развития национальных цифровых валют (CBDC). Автором разработаны критерии сравнения и сформулирован вывод о текущих правовых режимах CBDC и перспективах их внедрения.*

Ключевые слова: *CBDC, право, цифровая валюта, США, Китай, Цифровой юань, Центральный банк.*

DMITRIEV Dmitriy Sergeevich,
Master's student of Faculty of Law Financial University under the Government of the Russian Federation

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF CBDC REGULATION IN CHINA AND THE UNITED STATES

Annotation. *The article is devoted to the comparative legal analysis of the regulation of national digital currencies (Central Bank Digital Currency) in the People's Republic of China and the United States of America. The author highlights the features of the legal regime of CBDC in two different legal systems. The main differences in the formation and development of national digital currencies (CBDC) are considered. The author has developed criteria and formulated a conclusion about the current legal regimes for CBDC's and the prospects for their implementation.*

Key words: *CBDC, law, digital currency, USA, China, Digital Yuan, Central Bank.*

В наши дни мировая финансовая система сталкивается с новыми вызовами ввиду глобальных изменений. В эпоху цифровизации финансовые продукты активно интегрируются в IT сферу. Так, например, за последние годы криптовалюта прошла путь от «спекулятивного инструмента» до части мировой финансовой системы. По данным ежегодного отчета State of Crypto в 2024 году, в мире криптовалютой хоть раз пользовались примерно 716 миллионов человек, при этом число активных пользователей оценили примерно в 50 миллионов человек [3]. Все это привело к тому, что государства стали разрабатывать и внедрять свои цифровые инструменты. Central bank digital currency (далее – CBDC) – это цифровая валюта центральных банков, которая рассматривается в качестве третьей формой государственной валюты наряду с наличными и безналичными. На сегодняшний день более 130 стран начали разрабатывать свои CBDC. При этом только в трех странах (Багамские острова, Ямайка и Нигерия) полностью внедрены национальные цифровые валюты. Целью данной статьи является проведение сравнительного анализа регулирования CBDC в КНР и США, как примеров государств с разными экономическими и политическими системами.

CBDC в мировой практике

CBDC в мировой практике рассматриваются как цифровые национальные валюты. Её эмитентом является национальный центральный банк. Контроль за обращением также полностью осуществляется центральным банком. С правовой точки зрения, CBDC может выступать инструментом для осуществления денежно-кредитной политики государства, а также основой дальнейшей трансформации и развития финансовой системы государства, при разработке оптовой модели, с другой стороны, она может выступать формой законного платёжного средства, в случае выбора розничной модели CBDC. Следует

отметить, что некоторые национальные регуляторы, как например, Банк России планируют внедрить смешанную модель, которая может работать и как инструмент денежно-кредитной политики государства, и для осуществления денежных переводов для населения. Всё это говорит об отсутствии единого подхода к правовой квалификации CBDC, так как в настоящее время во многих государствах законодательное регулирование находится на стадии формировании. Часть правоведов [4] рассматривают цифровую валюту как разновидность наличных денег в «цифре», другие [5] как некий инструмент, который не относится к обычным денежным средствам. Из-за технологических особенностей создания подобного финансового инструмента он был подвергнут критике финансовым сообществом и населением, также создание подобного финансового инструмента ставит под угрозу существование нефиатной валюты (Биткоин (Bitcoin), Эфир (Ethereum), Tether и т. д.). При этом другая часть научного сообщества напротив, считает, что создание национальных цифровых валют позволяет защитить финансовую систему государства от теневой экономики, обеспечить рост налоговых поступлений в государство, обезопасить граждан от мошенничества [6]. Для того чтобы понять, как развиваются CBDC в разных правовых юрисдикциях, необходимо провести сравнительно-правовой анализ регулирования в Китае и США.

Регулирование CBDC в Китайской Народной Республике (КНР)

Разработка Китайской национальной цифровой валюты (E-CNY) по заявлению регулятора ведется с 2014 года. Проект осуществляется в рамках государственной стратегии развития цифровизации финансовой системы. Так, в 2019 году экс-глава Центробанка КНР Чжоу Сяочуань заявил, что: «проект будет задействован в двух основных направлениях:

– Электронные платежи в секторе розничной торговли;
– Трансграничные платежи между финансовыми учреждениями» [7].

В настоящее время тест цифрового юаня продолжается в 29 городах, например, в Пекине E-CNY можно оплатить поездки в общественном транспорте, продукты в некоторых торговых центрах и магазинах. Купить цифровой юань возможно только если вы живете или находитесь с туристическим визитом в одном из 29 городов. Большинство населения для онлайн оплаты по-прежнему использует такие сервисы как WeChat Pay или Alipay, но популярность национальной цифровой валюты начинает расти. В 2024 году объём транзакций E-CNY составлял около 7 трлн. Юаней [8].

Главную роль в этом проекте играет Народный банк Китая, так как по закону о Банковской системе, он обладает широким спектром полномочий в сфере денежного обращения, поэтому Китайская CBDC строится на полной централизации эмиссии и приоритета интересов государства над частными интересами. Так, с 2017 года в Китае были введены ограничения на операции с криптовалютой [9], по причине того, что регулятор в лице национального банка опасался развития серого рынка торговли и по итогу это может привести к массовому выводу капитала в другие юрисдикции. В 2021 году Банк Китая выпустил закон, который запрещает все операции с криптовалютой [10].

Правовой режим цифрового юаня закреплен в подзаконных нормативных актах и официальных разъяснениях Народного банка. В частности, в White Paper PBOC «Progress of Research & Development of E-CNY» цифровой юань прямо квалифицируется как законное платёжное средство (legal tender), входящее в состав денежной массы и приравненное по правовому режиму к наличным денежным средствам [11]. E-CNY входит и формирует систему национальной валюты наравне с наличными средствами. Постепенно в течение следующих 10 лет Китайские власти планируют снизить наличный оборот денежных средств до 1% и перевести все транзакции на цифровой юань. Все это позволяет государству контролировать расходы и доходы населения, противодействовать теневой экономике и незаконным финансовым операциям. Для дальнейшего развития в 2023 году в Wechat ввели поддержку цифрового юаня, а уже в 2024 году власти начали переводить зарплату бюджетников в E-CNY [12]. Так в период проведения зимних Олимпийских игр 2022 года в Пекине цифровой юань был интегрирован в платежную инфраструктуру. В свою очередь использование коммерческих платёжных сервисов WeChat Pay и Alipay было ограничено [13]. По мнению аналитиков [14], такие условия создаются для будущей борьбы с долларом, так как в настоящее время Китай является передовой страной в блокчейн-отрасли и в будущем это позволит «навязать» цифровой юань повсеместно.

По итогу можно сделать вывод о том, что государственные органы КНР сильно продвинулись в развитии национальной цифровой валюты и стремятся к её официальному повсеместному введению. Правовое регулирование финансовой системы Китая заключается в сохранении возможности полного контроля и отслеживания транзакций граждан и бизнеса, для обеспечения финансовой стабильности государства, контроля уклонения от уплаты налогов, а также для борьбы с теневой экономикой. Китай считается лидером

в развитии блокчейн технологий, опыт развития E-CNY показывает, что государственный контроль и поддержка инноваций позволяют развивать национальную финансовую систему в эпоху цифровизации.

Регулирование CBDC в Соединённых Штатах Америки (США)

В отличие от Китая, США в настоящее время не ведут разработку по внедрению цифрового доллара. В начале 2025 года Дональд Трамп и глава Федерального резервного системы США Джером Пауэлл заявили, что текущая администрация не намерена вести разработку национальной CBDC [15], по причине того, что по мнению Американских регуляторов и участников финансового рынка национальные цифровые валюты представляют риски для экономического развития, финансовой свободы и конфиденциальности. Президент Дональд Трамп по ходу предвыборной кампании обещал ввести запрет на создание национальной CBDC [16]. Американская модель развития характеризуется отсутствием единого мнения по вопросу необходимости внедрения национальной цифровой валюты, считая, что в рамках развития финансовой системы всегда должны учитываться конституционные права граждан.

Во время пандемии коронавирусной инфекции (Covid-19) комитет Сената США впервые публично провел слушание по вопросу развития цифрового доллара и его дальнейшего внедрения, в 2020 году сенаторы сделали вывод о том, что в будущем в связи с глобальным развитием данной технологии и нарастающей конкуренции со стороны Китая без внедрения CBDC, доллар не сможет сохранить статус главной международной валюты [17]. В том же 2020 году в марте Digital Dollar Project объявили о создании консультативной группы из 22 человек, бывших фин-тех сотрудников частных американских корпораций, которые заявили, что начнут работать над изучением и последующим внедрением цифрового доллара. В ответ на это ФРС заявил, что введение цифрового доллара ослабит банковскую систему США и усилит власть центрального банка страны.

Правовой режим цифрового доллара никак не закреплен, присутствует упоминание в частных фондах по разработке Digital Dollar, о том, что цифровая валюта будет рассматриваться исключительно как обязательство центрального банка. При этом аналитики считают, что, если наделить Центральный банк полномочием по эмиссии цифрового доллара, это сможет подорвать рынок финансов и криптовалют [18]. Главным аргументом против введения является усиление государственного контроля над частной финансовой жизнью граждан. Частный бизнес в США в настоящее время выпускает свои стейблкоины (криптовалютная монета, которая привязывается к какому-либо активу (например, Tether)).

Таким образом в настоящее время в США заморожены все проекты по разработке цифрового доллара, так как регуляторы, нынешняя администрация в лице Президента США и частный бизнес считают, что защита частной финансовой жизни превыше потенциальных преимуществ от введения Digital Dollar. В данном случае правовое регулирование в США в корне отличается от стратегии развития финансового рынка в Китае. При этом, стоит заметить, что по мнению издательства JPMorgan в будущем США может прийти к тому, что выпустит цифровой доллар, так как нет другой страны, которая могла бы потерять больше из-за пробивного потенциала цифровых валют, чем США [19]. Это связано в первую очередь с главенством доллара США. Выпуск мировой резервной валюты и обменного средства для международной торговли товарами, включая биржевые, и услугами несёт в себе громадные преимущества.

Сравнительно-правовой анализ формирования CBDC в Китае и США

Изучив два разных правовых подхода к формированию CBDC, мы можем прийти к выводу что развитие CBDC в том или ином регионе зависит от политического режима каждого государства, экономической ситуации, а также отношения среднего и крупного бизнеса к введению национальной цифровой валюты, так в таблице 1 автором представлены основные отличия формирования CBDC в Китае и США:

Таблица 1. Разница в подходах к созданию CBDC в США и Китае.

Критерий	Китай	США
Нормативная база	Подзаконные акты финансовых регуляторов и разъяснения	Правовой статус CBDC не закреплен ни в одном нормативном акте

Роль государства	Доминирующая, государство получает полный контроль над регулированием	Если Digital Dollar будет введен, то роль государства будет ограничена
Участие частного бизнеса	Участие только с разрешения государства	Главная роль частных компаний
Анонимность	Полный контроль финансовых операций	Осуществление финансовой приватности
Защита прав граждан	Приоритет интересов государства и его институтов	Приоритет сохранения индивидуальных свобод граждан
Текущий этап внедрения	Осуществляется практическая реализация внедрения E-CNY	Концептуальная стадия, в ближайшие 5 лет внедрения не ожидается

Источник: составлено автором.

Проведенный сравнительно-правовой анализ правового регулирования CBDC позволяет нам сделать вывод о том, что в Китае и в США принципиально разные модели развития и внедрения цифровой валюты, так в Китае в настоящее время Цифровой юань активно проходит стадии тестирования и внедрения в общественную жизнь, так к концу 2025 года цифровой юань активно использовали около 260 млн человек, что составляет примерно 20% от текущего населения КНР. Данный процент будет расти каждый год, так как государственный регулятор стремится к активному внедрению E-CNY. Правовое регулирование в Китае ориентировано на активное замещение наличных средств электронными деньгами, данный процесс сопровождается полным контролем финансовых операций и ограничениями частной жизни со стороны государства для дальнейшего развития финансовой стабильности Китая, а также для ведения борьбы с теневой экономикой.

США в свою очередь напротив, не введут разговоры о дальнейшем введении цифрового доллара, так как по мнению американских регуляторов в этом нет необходимости. Создание Digital Dollar может нарушить права граждан ввиду того, что при введение такой валюты увеличится расширение полномочий центрального банка, частный бизнес также считает, что данный механизм повлияет на конкуренцию в области финансового сектора. Именно поэтому, в настоящее время в США отсутствует нормативное регулирование CBDC.

Сравнительный анализ наглядно показывает отсутствие единого подхода правового регулирования CBDC. Путь к созданию государственной цифровой валюты зависит от конкретного государства, отношения частного бизнеса и населения. При этом, по мнению автора, рано или поздно все государства придут к тому, что начнут внедрять свои национальные цифровые валюты, так как без них будет невозможно конкурировать с экономиками других государств.

Список литературы:

[1] Хабриева Т.Я., Черногор Н. Н. Цифровые финансы и право: монография. – Москва: Норма, 2021 – С. 112-114 (дата обращения: 19.01.2026)

[2] Ефимова Л. Г. Правовая природа цифровых финансовых активов и цифровой валюты// Журнал российского права. – 2021. - №9. – С. 41–52 (дата обращения: 19.01.2026).

[3] A16z 2025 отчет: новый максимум рыночной капитализации в 4 триллиона, первый год глобального ончейнинга активов URL: https://www.bitget.com/ru/news/detail/12560605027359 (дата обращения 19.01.2026)

[4] Хабриева Т.Я., Черногор Н. Н. Цифровые финансы и право: монография. – Москва: Норма, 2021 – С. 112–114 (дата обращения: 19.01.2026).

[5] Ефимова Л. Г. Правовая природа цифровых финансовых активов и цифровой валюты// Журнал российского права. – 2021. - №9. – С. 41–52 (дата обращения: 19.01.2026).

[6] Ермилова С. Т. Оценка потенциала цифрового рубля для борьбы с теневой экономикой и финансовыми преступлениями через улучшение мониторинга и контроля финансовых операций // Аудиторские ведомости. 2024. №4. С.75-78 URL: https://library.cbr.ru/catalog/lib.article/983699/ (дата обращения: 19.01.2026).

[7] Безпалов В.В., Ремесленников А.Ю. Предпосылки и условия введения цифрового рубля на основе системы блокчейна как инструмента повышения экономической безопасности в финансовой сфере // Современные технологии управления. 2021. №1 (94). URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=45676740 (дата обращения: 19.01.2026).

[8] ЭКОНС «Цифровые валюты центральных банков: сложности внедрения. URL: https://econs.online/articles/finansy/tsifrovye-valyuty-tsentralnykh-bankov-slozhnosti-vnedreniya/ (дата обращения: 19.01.2026).

[9] PBOC and other authorities, “Announcement on Preventing Financial Risks from Initial Coin Offerings”, September 2017 关于防范代币发行融资风险的公) URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/poi3.302# (Дата обращения 19.01.2026)

[10] People’s Bank of China et al., “Notice on Further Preventing and Resolving the Risks of Speculation in Virtual Currency Trading”, 24 September 2021 (关于进一步防范和处置虚拟货币交易炒作风险的通知). URL: https://www.spp.gov.cn/spp/zdgz/202109/t20210924_530777.shtml (Дата обращения 19.01.2026)

[11] People’s Bank of China. Progress of Research & Development of E-CNY in China: White Paper. — Beijing, 2021. — URL: https://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/index.html (дата обращения: 19.01.2026).

[12] Beincrypto: «Как Китай создает цифровой юань: история проекта и его обзор» URL: https://ru.beincrypto.com/learn/kak-kitaj-kriptovalyutu-sozdaval-polnaya-istoriya/ (Дата обращения 19.01.2026)

[13] China to let visiting athletes and spectators use digital yuan at Beijing Winter Olympics // NFCW. — 13.01.2022. — URL: https://www.nfcw.com/whats-new-in-payments/china-to-let-visiting-athletes-and-spectators-use-digital-yuan-at-beijing-winter-olympics/ (дата обращения: 19.01.2026).

[14] Chen Y., Chen D. Who Will Rule Crypto? The China-US battle for Global Financial Leadership// The Diplomat, 22.07.2025 – URL: https://thediplomat.com/2025/07/who-will-rule-crypto-the-china-us-battle-for-global-finincial-leadership/ (дата обращения: 19.01.2026).

[15] РБК: «Трамп и Фрс отказались от цифрового доллара. При чем тут криптовалюты». URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/67aca8759a79477d033abf0d (Дата обращения 21.01.2026)

[16] РБК: «Трамп пообещал запретить цифровой доллар в случае победы на выборах». URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/65a8dda69a79476bda49410f (Дата обращения 21.01.2026)

[17] Trump’s digital dollar ban gives China, Europe’s CBDCs free rein // Reuters. — 28.01.2025. — URL: https://www.reuters.com/markets/currencies/trumps-digital-dollar-ban-gives-china-europes-cbdcs-free-rein-2025-01-28/ (дата обращения: 21.01.2026).

[18] N. Michel. Digital Dollar Dilemma: The Implications of a Central Bank Digital Currency on Financial Markets / Cato Institute. — 2023. — URL: https://www.cato.org/testimony/digital-dollar-dilemma-implications-central-bank-digital-currency-private-sector (дата обращения: 21.01.2026).

[19] CBDCs will end global US dollar dominance: JP Morgan / Finance Magnates. — 22.05.2020. — URL: https://www.financemagnates.com/cryptocurrency/news/cbdcs-will-end-global-us-dollar-dominance-jp-morgan/ (дата обращения: 23.01.2026).

References:

[1] Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Digital Finance and Law: Monograph. - Moscow: Norma, 2021 - pp. 112-114 (accessed: 19.01.2026)

[2] Efimova L. G. The legal nature of digital financial assets and digital currency//Journal of Russian Law. – 2021. - №9. - S. 41-52 (accessed on: 19.01.2026).

[3] A16z 2025 Report: New Market Cap of 4 Trillion, First Year of Global Asset Onchaning URL: https://www.bitget.com/ru/news/detail/12560605027359 (Accessed 19.01.2026)

[4] Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Digital Finance and Law: Monograph. - Moscow: Norma, 2021 - pp. 112-114 (accessed: 19.01.2026).

[5] Efimova L. G. The legal nature of digital financial assets and digital currency//Journal of Russian Law. – 2021. - №9. - S. 41-52 (accessed on: 19.01.2026).

[6] S. T. Ermilova. Assessment of the potential of the digital ruble to combat the shadow economy and financial crimes through improved monitoring and control of financial transactions//Audit reports. 2024. №4. S.75-78 URL: https://library.cbr.ru/catalog/lib.article/983699/ (accessed on: 19.01.2026).

[7] Bezpalov V.V., Craftsmen A.Yu. Prerequisites and conditions for the introduction of a digital ruble based on the blockchain system as a tool to increase economic security in the financial sector// Modern management technologies. 2021. №1 (94). URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=45676740 (access date: 19.01.2026).

[8] ECONS “Central Bank Digital Currencies: Implementation Challenges. URL: https://econs.online/articles/finansy/tsifrovye-valyuty-tsentralnykh-bankov-slozhnosti-vnedreniya/ (дата обращения: 19.01.2026).

[9] PBOC and other authorities, “Announcement on Preventing Financial Risks from Initial Coin

Offerings", September 2017 关于防范代币发行融资风险的公) URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/poi3.302# (Дата обращения 19.01.2026)

[10] People's Bank of China et al., "Notice on Further Preventing and Resolving the Risks of Speculation in Virtual Currency Trading", 24 September 2021 (关于进一步防范和处置虚拟货币交易炒作风险的通知). URL: https://www.spp.gov.cn/spp/zdgz/202109/t20210924_530777.shtml (Date Accessed 19.01.2026)

[11] People's Bank of China. Progress of Research & Development of E-CNY in China: White Paper. — Beijing, 2021. - URL: https://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/index.html (access date: 19.01.2026).

[12] Beincrypto: "How China Creates the Digital Yuan: Project History and Overview" URL: https://ru.beincrypto.com/learn/kak-kitaj-kriptovalyutu-sozdaval-polnaya-istoriya/ (Accessed on 19.01.2026)

[13] China to let visiting athletes and spectators use digital yuan at Beijing Winter Olympics // NFCW. — 13.01.2022. — URL: https://www.nfcw.com/whats-new-in-payments/china-to-let-visiting-athletes-and-spectators-use-digital-yuan-at-beijing-winter-olympics/ (дата обращения: 19.01.2026).

[14] Chen Y., Chen D. Who Will Rule Crypto? The China-US battle for Global Financial Leadership// The Diplomat, 22.07.2025 – URL: https://thediplomat.com/2025/07/who-will-rule-crypto-the-china-us-battle-for-global-finincial-leadership/ (дата обращения: 19.01.2026).

[15] RBC: "Trump and the Fed have abandoned the digital dollar. What do cryptocurrencies have to do with it." URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/67aca8759a79477d033abf0d (Date Accessed 21.01.2026)

[16] RBC: "Trump has promised to ban the digital dollar if he wins the election." URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/65a8dda69a79476bda49410f (Date Accessed 21.01.2026)

[17] Trump's digital dollar ban gives China, Europe's CBDCs free rein // Reuters. — 28.01.2025. — URL: https://www.reuters.com/markets/currencies/trumps-digital-dollar-ban-gives-china-europes-cbdcs-free-rein-2025-01-28/ (дата обращения: 21.01.2026).

[18] N. Michel. Digital Dollar Dilemma: The Implications of a Central Bank Digital Currency on Financial Markets / Cato Institute. — 2023. — URL: https://www.cato.org/testimony/digital-dollar-dilemma-implications-central-bank-digital-currency-private-sector (дата обращения: 21.01.2026).

[19] CBDCs will end global US dollar dominance: JP Morgan / Finance Magnates. — 22.05.2020. — URL: https://www.financemagnates.com/cryptocurrency/news/cbdcs-will-end-global-us-dollar-dominance-jp-morgan/ (дата обращения: 23.01.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-87-89

КУТРУЕВ О.А.,
Аспирант Университет управления «ТИСБИ»
г. Казань,
e-mail: Lawyer.kutruyev@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ УЧАСТНИКОВ КОРПОРАЦИЙ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности защиты неимущественных прав участников корпораций в системе российского гражданского права. Особое внимание уделяется проблемам утраты корпоративного статуса, использованию имущественных механизмов для восстановления неимущественных прав, а также специальным способам защиты, связанным с восстановлением учетных данных и реализацией управленческих прав. Обосновывается вывод о многоуровневом и комплексном характере защиты неимущественных прав участников корпораций, направленной на обеспечение баланса интересов и устойчивости корпоративных отношений.*

Ключевые слова: *неимущественные корпоративные права, участники корпораций, защита корпоративных прав, корпоративный статус, управленческие права.*

KUTRUEV O.A.,
Graduate student
of the University of Management "TISBI",
Kazan

FEATURES OF THE PROTECTION OF NON-PROPERTY RIGHTS OF PARTICIPANTS IN CORPORATIONS

Annotation. *The article discusses the features of the protection of non-property rights of participants in corporations in the system of Russian civil law. Particular attention is paid to the problems of loss of corporate status, the use of property mechanisms for the restoration of non-property rights, as well as special methods of protection related to the restoration of accounting data and the implementation of management rights. The conclusion about the multi-level and complex nature of the protection of non-property rights of participants in corporations, aimed at ensuring the balance of interests and stability of corporate relations, is substantiated.*

Key words: *moral corporate rights, members of corporations, protection of corporate rights, corporate status, management rights.*

Неимущественные права участников корпораций занимают особое место в системе корпоративных правоотношений, поскольку непосредственно связаны с личным участием субъекта в деятельности юридического лица, формированием его воли и реализацией управленческих полномочий. В отличие от имущественных прав, данные правомочия не поддаются прямой экономической оценке, однако их нарушение способно повлечь существенные негативные последствия как для конкретного участника, так и для корпорации в целом. В условиях усложнения корпоративных структур и роста числа внутрикорпоративных конфликтов вопросы защиты неимущественных прав приобретают повышенную теоретическую и практическую значимость.

Специфика защиты неимущественных прав участников корпораций во многом обусловлена особенностями их правового статуса, а также внутренними механизмами регулирования, закрепленными в локальных нормативных актах корпоративного образования. Именно на уровне уставов, внутренних регламентов и положений формируются конкретные процедуры реализации и ограничения соответствующих прав, что

оказывает непосредственное влияние на способы их правовой охраны. В этой связи эффективность защиты неимущественных прав участников нередко зависит не только от норм законодательства, но и от качества корпоративного нормотворчества.

Представляется обоснованной доктринальная позиция, согласно которой осуществление любого субъективного права имеет определенные пределы, выход за которые неизбежно затрагивает интересы иных участников правоотношений. Данная закономерность особенно ярко проявляется в корпоративной сфере, характеризующейся множественностью субъектов, каждый из которых стремится к достижению собственного положительного результата при реализации принадлежащих ему прав. В условиях пересечения управленческих и личных интересов нарушение баланса прав и обязанностей становится одним из ключевых факторов корпоративных конфликтов [1, с. 22].

Одним из наиболее распространенных видов посягательств на неимущественные права участников корпораций является утрата ими права участия в юридическом лице вопреки их воле, вызванная противоправными действиями других участников либо третьих лиц. Подобные нарушения затрагивают фундаментальные основы корпоративного статуса субъекта, лишая его возможности участвовать в управлении, выражать свою волю и влиять на деятельность корпорации, что требует применения специальных и зачастую комплексных мер правовой защиты.

Следует отметить, что защита неимущественных прав участников корпорации нередко осуществляется посредством имущественных механизмов. Так, например, возврат доли участия не может быть отнесен к самостоятельным способам защиты неимущественных прав, однако в корпоративных правоотношениях он выступает юридическим инструментом, обеспечивающим восстановление неимущественного статуса участника корпорации.

Возможность использования данного способа защиты обусловлена совокупностью юридически значимых обстоятельств. Прежде всего, с соответствующим требованием вправе обратиться только лицо, первоначально приобретшее долю участия на законных основаниях. На момент обращения в суд такое лицо либо полностью утрачивает долю в уставном капитале, либо его участие оказывается существенно ограниченным. При этом юридическое лицо, в отношении которого заявляется требование о восстановлении корпоративного контроля, должно продолжать существовать и сохранять правоспособность, а его организационно-правовая форма — предполагать наличие уставного капитала, разделенного на доли. Существенным условием является и то, что утрата доли произошла помимо воли участника и была вызвана противоправным поведением других участников корпоративных отношений либо третьих лиц, включая саму корпорацию или лицо, осуществляющее учет прав [2, с. 713].

Наряду с указанным механизмом законодательством предусмотрены и иные специальные способы защиты неимущественных прав участников корпораций, в частности связанные с восстановлением учетных данных. Так, в случаях утраты записей, подтверждающих права по бездокументарным ценным бумагам, применяется процедура восстановления сведений реестра акционеров. Данный способ защиты получил нормативное закрепление в гражданском законодательстве и направлен на устранение правовой неопределенности, возникающей вследствие утраты информации о правах участников.

Особенностью данного механизма является возложение на лицо, осуществляющее учет прав, обязанности по инициированию процедуры восстановления утраченных данных, включая публичное уведомление о произошедшем и обращение в судебные органы. Вместе с тем возможность защиты неимущественных прав не исключается и для самого правообладателя, который вправе самостоятельно требовать восстановления записей, подтверждающих его корпоративный статус. Таким образом, восстановление реестра выступает самостоятельным способом защиты, направленным на подтверждение и сохранение неимущественных прав участника корпорации.

Следует отметить, что на практике указанные способы защиты применяются сравнительно редко. Это объясняется тем, что стабильность корпоративных прав в значительной степени обеспечивается превентивными мерами, связанными с регулированием деятельности профессиональных участников рынка, в частности регистраторов. Обязательное лицензирование, установление повышенных требований к обеспечению сохранности информации и ответственности за утрату данных существенно снижают вероятность нарушений, требующих применения указанных механизмов защиты.

Рассмотренные способы защиты направлены прежде всего на восстановление и подтверждение неимущественного статуса участника корпорации. Вместе с тем не менее значимым элементом корпоративных правоотношений выступают управленческие неимущественные права, реализация которых обеспечивает реаль-

ное участие субъекта в деятельности юридического лица и требует применения особых механизмов правовой защиты.

Так, при анализе неимущественных прав участников корпораций необходимо учитывать, что право на участие в управлении носит сложный, многоэлементный характер. Оно включает совокупность отдельных правомочий, направленных на формирование и выражение воли участника, в том числе возможность инициировать проведение внеочередного общего собрания, вносить предложения в повестку дня и выдвигать кандидатов в органы управления. Реализация указанных правомочий составляет основу управленческого участия и обеспечивает влияние субъекта на деятельность корпорации.

В случае нарушения управленческих прав участники корпораций прибегают к судебным способам защиты, наиболее распространенными из которых являются признание недействительными решений общего собрания, понуждение к проведению общего собрания и требование о включении предложенных вопросов или кандидатур в повестку дня. Признание решения собрания недействительным выступает универсальным способом защиты, применяемым в рамках гражданского законодательства и направленным на устранение правовых последствий неправомерных управленческих решений.

При этом действующее регулирование исходит из презумпции оспоримости недействительных решений органов управления, что обусловливает необходимость доказывания существенности допущенных нарушений и их негативных последствий для участника. Возможность оспаривания решения связана с фактом участия в собрании и характером голосования, а также с наличием реального ущерба управленческим интересам, выражающегося, например, в ограничении участия в корпоративном управлении или утрате возможностей контроля.

Дополнительными специальными способами защиты управленческих прав являются требования о понуждении к включению вопросов в повестку дня или к созыву внеочередного общего собрания. Эти механизмы применяются в случаях, когда органы управления или уполномоченные лица уклоняются от выполнения возложенных на них обязанностей, что препятствует реализации участником его управленческих прав. Их использование возможно при соблюдении установленных законом условий, включая наличие права на инициирование соответствующих процедур и отнесение рассматриваемых вопросов к компетенции общего собрания.

Таким образом, защита неимущественных прав участников корпораций представляет собой сложный и многоаспектный правовой механизм, направленный на обеспечение реального участия субъектов в корпоративных отношениях и сохранение баланса интересов внутри юридического лица. Специфика данных прав обусловливает необходимость использования как специальных, так и опосредованных способов защиты, включая имущественные инструменты, обеспечивающие восстановление неимущественного статуса участника.

Список литературы:

[1] Тягай Е.Д. «Участие» в корпоративных организациях и «управление» ими: проблемы легального закрепления и дифференциации корпоративных отношений // Lex russica (Русский закон). - 2016. - № 11 (120). - С. 22-25.

[2] Цаболов Р.Э. Защита имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ // Вестник науки. - 2023. - №6 (63). - С.713-718.

References:

[1] Draw E.D. “Participation” in corporate organizations and “management” by them: problems of legal consolidation and differentiation of corporate relations//Lex russica (Russian law). - 2016. - № 11 (120). - S. 22-25.

[2] Tsabolov R.E. Protection of property rights and interests of participants in business entities// Bulletin of Science. - 2023. - №6 (63). - S.713-718.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-90-97

СТУПНИЦКИЙ Александр Евгеньевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры общетеоретических и
государственно-правовых дисциплин
Восточно-Сибирского филиала
Российского государственного университета
правосудия им. В. М. Лебедева»,
e-mail: czubary@rambler.ru

КОСТЮЧЕНКО Мария Андреевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
e-mail: finfamaly@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА НОМИНАЛЬНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Аннотация. *В статье проводится анализ понятия, классификации номинальных руководителей юридических лиц. Рассматриваются правовые категории «номинальный руководитель» и «подставное лицо». Особенности правового статуса, ответственности номинальных руководителей исследуются с гражданско-правовой, административно-правовой и уголовно-правовой точек зрения.*

Ключевые слова: *номинальный руководитель юридического лица, номинальный руководитель, подставное лицо, незаконное образование юридического лица, субсидиарная ответственность номинального руководителя.*

STUPNITSKY Alexander Evgenievich,
candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of General
Theoretical and State-Legal Disciplines East Siberian
Branch Russian State University of Justice of V.M. Lebedev

KOSTYUCHENKO Maria Andreevna,
candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF THE NOMINEE HEAD OF A LEGAL ENTITY

Annotation. *The article analyzes the concept, classification of nominal managers of legal entities. The legal categories “nominal leader” and “figurehead” are considered. Features of the legal status, responsibility of nominal managers are studied from a civil, administrative, legal and criminal legal point of view.*

Key words: *nominal head of a legal entity, nominal head, figurehead, illegal formation of a legal entity, subsidiary liability of a nominal head.*

Использование номинальных (подставных) лиц в качестве участников (учредителей), членов коллегиальных органов юридического лица (коллегиального органа управления, коллегиального исполнительного органа), единоличного исполнительного органа, обладающих управленческими полномочиями, до сих пор имеет широкое распространение (Далее по тексту для обозначения физических лиц, выступающих в качестве номинальных (подставных) лиц,

формально являющихся участниками, учредителями, членами коллегиальных органов юридического лица (коллегиального органа управления, коллегиального исполнительного органа), единоличного исполнительного органа будут использоваться термины «номинальный руководитель юридического лица», «номинальный руководитель»). В отдельных случаях количество юридических лиц, возглавляемых номинальными руководителями, достигает абсурдных значений. Так, по данным информационного ресурса «Руспрофайл» по состоянию на конец 2024 года максимальное количество юридических лиц, в которых руководителем значилось одно и то же физическое лицо составило 1749. Из них в качестве учредителя это физическое лицо состояло в 1148 компаниях [4].

Юридические лица с номинальными руководителями не только используются в криминальных схемах, направленных на причинение ущерба контрагентам, бюджету, создают условия для обхождения действующих административных и иных правил ведения экономической деятельности, но и способствуют снижению уровня ответственности реальных владельцев бизнеса, что отражается на качестве выполняемых работ, оказываемых услуг, производимых товаров, способствует их уклонению от имущественной ответственности. В свою очередь в отношении самих номинальных руководителей возникают повышенные потенциальные риски привлечения к уголовной, административной, гражданско-правовой ответственности.

Понятие «номинальный руководитель юридического лица» активно используется в теории и юридической практике, охватывающей различные сферы правоотношений. Тем не менее легальная дефиниция данного понятия в законодательстве отсутствует.

Уголовное законодательство содержит определение схожего по смыслу термина – «подставное лицо». Оно содержится в примечании к ст. 173.1 уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) [5]: «Под подставными лицами в настоящей статье, статьях 173.2 и 173.3 настоящего Кодекса понимаются лица, которые являются учредителями (участниками) юридического лица или органами управления юридического лица, индивидуальными предпринимателями и путем введения в заблуждение либо без ведома которых были внесены данные о них в единый государственный реестр юридических лиц либо единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей, лица, которые являются органами управления юридического лица, у которых отсутствует цель управления юридическим лицом, а также лица, которые являются индивидуальными предпринимателями, у которых отсутствует цель ведения предпринимательской деятельности». Очевидно, что данная дефиниция используется для целей правоприменения в уголовно-правовой сфере и в первую очередь для квалификации действий лиц по ст.ст. 173.1-173.3 УК РФ.

Для гражданско-правовой сферы вообще и в частности для сферы, связанной с банкротством, понятие номинального руководителя может быть сформулировано на основе положений п. 9 ст. 61.11 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [6]: номинальный руководитель – это лицо, которое при исполнении функций органов управления или учредителя (участника) юридического лица фактически не оказывало определяющего влияния на деятельность юридического лица.

Отметим также, что рассматриваемое понятие может быть определено и с использованием соответствующих судебных актов. Например, на основе положений п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»: номинальный руководитель – это руководитель, формально входящий в состав органов юридического лица, но не осуществляющий фактическое управление. В указанном пункте также на примерах уточняется, что понимать под неосуществлением фактического управления: полное передоверие управления другому лицу на основании доверенности, принятие ключевых решений по указанию или при наличии явно выраженного согласия третьего лица, не имеющего соответствующих формальных полномочий [7].

Не вдаваясь в детальный формальный анализ и критику содержания приведенных понятий, обратим внимание на следующие аспекты.

Общее понимание значения терминов «подставное лицо», «номинальный руководитель» приведенные формулировки дают. В целом их содержание схоже. Оба лица наделены (наделяются) с точки зрения закона полномочиями, связанными с управлением юридическим лицом, но эти полномочия не используют. Неиспользование данных полномочий может быть обусловлено различными причинами: незнанием (неосознанием) факта обладания соответствующим статусом (участник корпоративного юридического лица, единоличный исполнительный орган юридического лица и т. д.); сознательным самоустранением от выполнения управленческих функций. Последнее также может быть обусловлено различными причинами: денежным вознаграждением, личной договоренностью и т. д.

Вместе с тем между статусом подставного лица, чье понятие закрепляется в УК РФ и статусом номинального руководителя, определяемого для целей правоприменения в гражданско-правовой сфере, есть некоторые различия. Так при регламентации подставного лица законодатель делает акцент на самом факте образования юридического лица с подставным лицом или во введении такого лица в существующее юридическое лицо. Деятельности подставного лица (точнее ее фактическому отсутствию) по управлению юридическим лицом с определенной долей условности можно сказать отводится второстепенная роль. Установление факта неучастия в управлении юридическим лицом служит средством, облегчает доказывание незаконности образования юридического лица.

В свою очередь при регламентации номинального руководителя основной упор делается как раз на его роли в деятельности юридического лица. Реализация соответствующих правовых норм обусловлена не фактом создания юридического лица с номинальным руководителем, а его неучастием в управлении и наступлением соответствующих правовых последствий (причинение убытков юридическому лицу, банкротство юридического лица, причинение убытков контрагентам).

Таким образом следует заключить, что по своей сущности и содержанию оба термина совпадают. Различия носят в определенной мере формальный и целевой характер. Законодательное закрепление термина «подставное лицо» и его использование в УК РФ служат цели криминализации соответствующий деяний, в том числе обеспечивая юридическую технику при формулировании диспозиций ст.ст. 173.1-173.3. У термина «номинальный руководитель» отсутствует легальная дефиниция. Он получил распространение для целей реализации ответственности в гражданско-правовой сфере, обусловленной помимо прочих составляющих ситуацией, при которой полномочия по управлению юридическим лицом фактически выполняют не лица, формально наделенные такими полномочиями законом, учредительными документами.

Исходя из положений законодательства, юридической практики и практики использования номинальных руководителей возможно осуществить их классификацию.

По осознанности получения статуса номинального руководителя возможно выделить лиц, которые осознают факт номинального руководства ими юридическим лицом и лица, которые не осознают данного факта.

Первые занимают руководящие должности по различным причинам:

– за денежное вознаграждение;
– в силу межличностных отношений с фактическими руководителями юридического лица;
– будучи работниками юридического лица, уступают настойчивым просьбам действующих руководителей, участников юридического лица и т. д.

Ко второй категории следует отнести лиц, которые получили управленческие функции без их ведома (были использованы их утерянные, похищенные документы, удостоверяющие личность и т. д.) либо они были введены в заблуждение (подписывали, принимали участие в оформлении документов, предоставляющих управленческие полномочия, будучи введенными в заблуждение относительности наступающих правовых последствий в результате таких действий и т. д.).

По времени нахождения в статусе лица, наделенного управленческими полномочиями, представляется возможным выделить постоянных и временных номинальных руководителей.

Первые используются в течение относительно длительного промежутка времени, в которые фактические руководители реализуют деятельность юридического лица согласно поставленным ими целями. Вторые занимают соответствующие должности только на период совершения определенных правовых процедур (совершение сделки, проведение процедуры реорганизации юридического лица и т. д.).

По механизму реализации управленческих функций выделяются номинальные руководители, не принимающие участия в деятельности юридического лица (документы, содержащие управленческие решения подписывают за них третьи лица, либо им предоставляют эти документы исключительно для подписи), а также номинальные руководители, формально принимающие участие в деятельности юридического лица (они могут посещать свое рабочее место, присутствовать на собраниях органов управления, подписывать соответствующие документы, озвучивать управленческие решения, но все их действия определяются указаниями фактических руководителей юридического лица).

По виду юридических лиц возможно разделить номинальных руководителей на возглавляющих организации, созданные исключительно с противоправной целью (например, фирмы-однодневки) и возглавляющих компании, ведущие обычную хозяйственную деятельность (для таких юридических лиц целями использования номинальных руководителей может являться уклонение от гражданско-правовой ответственности фактических руководителей, сокрытие факта их взаимозависимости с представителями заказчика по государственным (муниципальным) контрактам, иными контрагентами и т. д.).

Важнейшим элементом правового статуса номинального руководителя является его ответственность.

Уголовная ответственность номинального руководителя предусмотрена ст. 173.1 и 173.2 УК РФ. В случае привлечения в качестве номинального руководителя (подставного лица) без ведома либо путем введения в заблуждение соответствующего лица привлечение его к уголовной ответственности исключается. Иная ситуация с третьей категорией подставных лиц, предусмотренной в примечании к ст. 173.1 УК РФ, то есть с лицами «которые являются органами управления юридического лица, у которых отсутствует цель управления юридическим лицом». В данном случае подразумеваются лица, осознанно согласившиеся выполнять роль номинального руководителя. Квалификация их действий по ст. 173.1 и ст. 173.2 УК РФ носит проблемный характер, порождает дискуссии в научной среде и неоднозначную судебную практику [1, 2, 3]. В зависимости от степени вовлеченности подставного лица в процесс незаконного образования юридического лица, содержания и характера выполняемых им действий имеет место практика квалификации противоправного деяния по самостоятельным составам, предусмотренным указанными статьями УК РФ либо по совокупности преступлений по ст. 173.1 и ч. 1 ст. 173.2 УК РФ [8].

Вместе с тем следует учитывать, что создание юридических лиц с номинальными руководителями нередко является не самоцелью, а средством для совершения иных преступлений, совершаемых в экономической сфере (например, предусмотренных ст.ст. 159, 172, 174, 174.1, 195, 196, 199 УК РФ и др.). При этом, если номинальный руководитель принимал участие в деятельности юридического лица, включая формальное выполнение управленческих функций, может быть поставлен вопрос о его привлечении к уголовной ответственности и по этим составам преступления. Практикующие юристы приводят примеры такой практики [9].

В подобных ситуациях может возникать риск привлечения к уголовной ответственности и за совершение преступлений, обусловленных реальным осуществлением деятельности юридического лица напрямую не связанной с постановкой цели на совершение преступления (например, предусмотренных ст.ст. 143, 145, 216, 238 УК РФ).

Кроме того, следует учитывать, что руководитель организации может привлекаться к ответственности, за совершение административных правонарушений, связанных с деятельностью юридического лица. Их совершение может быть продиктовано криминальной направленностью целей создания юридического лица, возглавляемого номинальным руководителем, что в свою очередь может обуславливать игнорирование требований административного и иного законодательства к деятельности юридического лица со стороны организаторов преступной схемы. С другой стороны, наличие номинального руководителя может создавать условия для снижения уровня ответственного отношения к установленным правилам деятельности юридических лиц, со стороны фактических руководителей компании, ведущей реальную хозяйственную деятельность. В качестве примеров таких правонарушений приведем:

- грубые нарушения требований к бухгалтерскому учету, в том числе к бухгалтерской (финансовой) отчетности (ст. 15.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ) [10];
- фиктивное или преднамеренное банкротство (ст. 14.12 КоАП РФ);
- нарушения законодательства о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (ст. 14.25 КоАП РФ);
- нарушение юридическим лицом обязанностей по установлению и представлению информации о своих бенефициарных владельцах (ст. 14.25.1 КоАП РФ);
- нарушения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права (ст. 5.27 КоАП РФ) и т. д.

Гражданско-правовая ответственность номинального руководителя основывается на положениях Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) [11], Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ «О банкротстве») и иных федеральных законов.

Пунктом 3 статьи 53 ГК РФ на лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, а также на членов коллегиальных органов юридического лица возлагается обязанность действовать в интересах представляемого ими юридического лица добросовестно и разумно.

В соответствии с п. 1 ст. 53.1 ГК РФ в случае если указанные лица при осуществлении своих прав и обязанностей действовали недобросовестно или неразумно, то на них возлагается обязанность по возмещению убытков, причиненных по их вине юридическому лицу.

Кроме того, в силу положений п. 3 ст. 53.1 ГК РФ лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе возможность давать указания лицу, которое в силу закона, иного правового акта или

учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, членам коллегиальных органов этого юридического лица также обязано действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно и несет ответственность за убытки, причиненные по его вине юридическому лицу.

Обратим также внимание, что в соответствии с п. 3 ст. 64.2 ГК РФ исключение недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ не препятствует привлечению к ответственности лиц, указанных в статье 53.1 ГК РФ.

В соответствии с п. 1 ст. 61.11 ФЗ «О банкротстве» если полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица, такое лицо несет субсидиарную ответственность по обязательствам должника. В свою очередь в соответствии с пунктом 8 указанной статьи, если полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия нескольких контролирующих должника лиц, такие лица несут субсидиарную ответственность солидарно.

Таким образом закладывается правовая основа привлечения к имущественной ответственности как фактических, так и номинальных руководителей юридического лица, которая находит свое развитие в иных нормативных правовых актах. Например, в соответствии с п. 3 ст. 3 Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [12] в случае несостоятельности (банкротства) общества по вине его участников или по вине других лиц, которые имеют право давать обязательные для общества указания либо иным образом имеют возможность определять его действия, на указанных участников или других лиц в случае недостаточности имущества общества может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам.

При этом важной особенностью рассматриваемого вида ответственности для номинальных руководителей являются следующие обстоятельства.

Если будет установлен факт полного устранения номинального руководителя от деятельности формально возглавляемого им юридического лица, то такой руководитель должен быть освобожден от уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с деятельностью этого юридического лица. Если же будет установлен факт нахождения в статусе руководителя юридического лица физического лица без его ведома или путем введения его в заблуждение, то такой номинальный руководитель будет освобожден от уголовной ответственности и по ст.ст. 173.1, 173.2 УК РФ.

Принципиально иная ситуация связана с гражданско-правовой ответственностью. В пункте 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» со ссылкой на п. 3 ст. 53 ГК РФ указано, что руководитель, формально входящий в состав органов юридического лица, но не осуществлявший фактическое управление, например, полностью передоверивший управление другому лицу на основании доверенности либо принимавший ключевые решения по указанию или при наличии явно выраженного согласия третьего лица, не имевшего соответствующих формальных полномочий (фактического руководителя), не утрачивает статус контролирующего лица, поскольку подобное поведение не означает потерю возможности оказания влияния на должника и не освобождает номинального руководителя от осуществления обязанностей по выбору представителя и контролю за его действиями (бездействием), а также по обеспечению надлежащей работы системы управления юридическим лицом. Исходя из этого делается вывод, что в этом случае, по общему правилу, номинальный и фактический руководители несут субсидиарную ответственность, предусмотренную ст.ст. 61.11 и 61.12 ФЗ «О банкротстве», а также ответственность, указанную в ст. 61.20 данного закона, солидарно.

То есть законодатель и судебные органы исходят из того, что номинальный характер обладания статусом руководителя не исключает формального наличия у лица соответствующих управленческих полномочий, обусловленных нормативным правовым актом, учредительным документом, которые он потенциально вправе реализовывать. Вкупе с обязанностью таких лиц действовать в интересах представляемого ими юридического лица добросовестно и разумно привлечение их к гражданско-правовой ответственности представляется вполне обоснованным. Как было отмечено в одном из судебных решений, номинальный руководитель не утрачивает статус контролирующего лица, поскольку подобное поведение не означает потерю возможности оказания влияния на должника и не освобождает номинального руководителя от осуществления обязанностей по выбору представителя и контролю за его действиями (бездействием), а также по обеспечению надлежащей системы управления юридическим лицом [13].

Аналогичный подход обнаруживается и в положениях п. 7 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридиче-

ского лица» [14], в соответствии с которым не является основанием для отказа в удовлетворении требования о взыскании с директора убытков сам по себе тот факт, что действие директора, повлекшее для юридического лица негативные последствия, в том числе совершение сделки, было одобрено решением коллегиальных органов юридического лица, а равно его учредителей (участников), либо директор действовал во исполнение указаний таких лиц, поскольку директор несет самостоятельную обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно [15].

В качестве положительного аспекта такого подхода к ответственности номинальных руководителей следует отметить, что в противном случае у лиц, являющихся одновременно и формальными и фактическими руководителями юридических лиц появлялась бы возможность уклонения от ответственности путем попытки доказывания факта номинальности своего руководства.

Тем не менее законодатель учел особенности статуса номинального руководителя, предусмотрев возможность освобождения его от соответствующей ответственности или снижения ее размера в рамках процедур банкротства юридического лица. В соответствии с п. 9 ст. 61.11 ФЗ «О банкротстве» арбитражный суд вправе уменьшить размер или полностью освободить от субсидиарной ответственности лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности, если это лицо докажет, что оно при исполнении функций органов управления или учредителя (участника) юридического лица фактически не оказывало определяющего влияния на деятельность юридического лица (осуществляло функции органа управления номинально), и если благодаря предоставленным этим лицом сведениям установлено фактически контролировавшее должника лицо, и (или) обнаружено скрывавшееся последним имущество должника и (или) контролирующего должника лица.

В судебной практике встречаются примеры, когда номинальный директор освобождался от субсидиарной ответственности в полном объеме [16].

В данном случае очевиден стимулирующий характер нормы, направленный на обеспечение установления реальных руководителей юридического лица и их имущества. В соответствии с п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» рассматривая вопрос об уменьшении размера субсидиарной ответственности номинального руководителя, суд учитывает, насколько его действия по раскрытию информации способствовали восстановлению нарушенных прав кредиторов и компенсации их имущественных потерь. В случае уменьшения размера субсидиарной ответственности номинального руководителя фактический руководитель несет субсидиарную ответственность в полном объеме. В той части, в которой ответственность номинального руководителя не была уменьшена, он отвечает солидарно с фактическим руководителем.

Таким образом можно сделать вывод, заключающийся в том, что правовой статус номинального руководителя юридического лица имеет сложный многосоставный характер, включающий гражданско-правовые, административно-правовые и уголовно-правовые элементы. При этом представляется возможным выделить общий подход при его определении в тех случаях, когда номинальный руководитель осознает факт занятия им соответствующего руководящего поста. По общему правилу номинальный руководитель не освобождается от выполнения возлагаемых на него законодательством обязанностей, что предопределяется формальным обладанием им руководящим статусом, что в свою очередь детерминирует возможность привлечения его к соответствующим видам юридической ответственности. В свою очередь неиспользование таким лицом своих полномочий следует расценивать как его личный подход к управлению юридическим лицом, обусловленный той или иной субъективной причиной.

Список литературы:

[1] Габов А. В. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица в российском уголовном праве / А. В. Габов //Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. – № 32. – С. 24–41.

[2] Устинова Т. Д. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица / Т. Д. Устинова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 12. – С. 130–136.

[3] Яни П. С. Образование юридического лица через подставных лиц / П. С. Яни // Законность. – 2014. – № 5. – С. 35–39.

[4] Штурма Я., Литомин И., Мишина В. Теория фикций: москвич возглавил почти две тысячи компаний. Как работает рынок номинальных директоров в России. URL: https://iz.ru/1785140/ana-sturma-ivan-litomin-valeria-misina/teoria-fikcii-moskvic-vozglavil-pocti-dve-tysaci-kompanii (дата обращения 02.02.2026).

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[6] О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

[7] О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

[8] Определение СК по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20 мая 2021 г. по делу № 7У-3088/2021[77-1678/2021] Электронный ресурс. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения 02.02.2026); Постановление Центрального районного суда г. Барнаула от 01 апреля 2022 г. по делу № 1-409/2022. URL: https://судебныерешения.рф/67922881 (дата обращения 02.02.2026); Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 11 мая 2018 г. по делу № 22-2737/208. URL: https://actofact.ru/case-66OS0000-22-2732-2018-2018-03-22-2-1/ (дата обращения 02.02.2026).

[9] Тылик П. Как номинальный директор может стать мошенником и какая ответственность ему грозит. URL: https://zakon.ru/blog/2024/08/19/kak_nominalnyj_direktor_mozhet_stat_moshennikom_i_kakaya_otvetstvennost_emu_grozit (дата обращения 02.02.2026).

[10] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[11] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[12] Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

[13] Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 ноября 2023 г. № 305-ЭС18-6680 (28-30) по делу № А40-200773/2016. Электронный ресурс. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения 03.02.2026).

[14] О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 // Солидарность. № 31. 28.08-04.09.2013.

[15] О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 10.

[16] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26 сентября 2014 г. № Ф05-10749/14 по делу № А40-142560/2012. Электронный ресурс. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения 03.02.2026).

References:

[1] Gabov A. V. Illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity in Russian criminal law/A. V. Gabov//Bulletin of Tomsk State University. Right. – 2019. – № 32. - S. 24-41.

[2] Ustinova T. D. Illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity/T. D. Ustinova//Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLA). – 2018. – № 12. - S. 130-136.

[3] Yani P. S. Formation of a legal entity through dummies/P. S. Yani//Legality. – 2014. – № 5. - S. 35-39.

[4] Sturma Ya., Litomin I., Mishina V. Fiction theory: a Muscovite headed almost two thousand companies. How the nominal director market works in Russia. URL: https://iz.ru/1785140/ana-sturma-ivan-litomin-valeria-misina/teoria-fikcii-moskvic-vozglavil-pocti-dve-tysaci-kompanii (дата обращения 02.02.2026).

[5] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[6] Insolvency (bankruptcy): Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 43. Art. 4190.

[7] On some issues related to bringing the debtor's controlling persons to justice in bankruptcy: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2017 No. 53//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. № 3.

[8] Determination of the Investigative Committee for Criminal Cases of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction dated May 20, 2021 in case No. 7U-3088/2021 [77-1678/2021] Electronic Resource. Access from ATP "Garant" (date of application 02.02.2026); Decision of the Central District Court of Barnaul dated April 01, 2022 in case No. 1-409/2022. URL: https://судебныерешения.рф/67922881 (date of contact 02.02.2026); Appeal ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Sverdlovsk Regional Court of May 11, 2018 in case No. 22-2737/208. URL: https://actofact.ru/case-66OS0000-22-2732-2018-2018-03-22-2-1/ (date of contact 02.02.2026).

[9] Tylik P. How a nominee director can become a fraud and what liability he faces. URL: https://zakon.ru/blog/2024/08/19/kak_nominalnyj_direktor_mozhet_stat_moshennikom_i_kakaya_otvetstvennost_emu_grozit (дата обращения 02.02.2026).

[10] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: Federal Law of December 30, 2001 No. 195-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). Art. 1.

[11] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ// Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

[12] On limited liability companies: Federal Law of February 8, 1998 No. 14-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 7. Art. 785.

[13] Determination of the Investigative Committee for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of November 27, 2023 No. 305-ES18-6680 (28-30) in case No. A40-200773/2016. Electronic resource. Access from ATP "Garant" (date of application 03.02.2026).

[14] On certain issues of indemnification by persons belonging to the bodies of a legal entity: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of July 30, 2013 No. 62//Solidarity. № 31. 28.08-04.09.2013.

[15] On certain issues of indemnification by persons belonging to the bodies of a legal entity: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of July 30, 2013 No. 62//Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2013. № 10.

[16] Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District dated September 26, 2014 No. F05-10749/14 in case No. A40-142560/2012. Electronic resource. Access from ATP "Garant" (date of application 03.02.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-98-100

КУТРУЕВ О.А.,
Аспирант,
Университет управления «ТИСБИ»
г. Казань,
e-mail: Lawyer.kutruyev@gmail.com

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. *В статье исследуются способы защиты корпоративных прав в системе российского гражданского права с учетом особенностей корпоративных правоотношений. Рассматриваются общегражданские и специальные механизмы защиты, применяемые при нарушении прав участников корпораций и самих юридических лиц. Анализируются материально-правовые и процессуально-правовые средства восстановления нарушенных прав, а также их значение для обеспечения стабильности корпоративного управления. Делается вывод о необходимости комплексного и дифференцированного подхода к применению защитных механизмов в корпоративной сфере.*

Ключевые слова: *корпоративные права, защита корпоративных прав, корпоративные правоотношения, гражданское право, способы защиты прав.*

KUTRUEV O.A.,
Graduate student,
University of Management "TISBI",
Kazan

WAYS TO PROTECT CORPORATE RIGHTS IN RUSSIAN CIVIL LAW

Annotation. *The article examines the ways of protecting corporate rights in the system of Russian civil law, taking into account the features of corporate legal relations. The article analyzes the substantive and procedural means of restoring the violated rights, as well as their importance for ensuring the stability of corporate governance. The conclusion is made about the need for a comprehensive and differentiated approach to the application of protective mechanisms in the corporate sphere.*

Key words: *corporate rights, protection of corporate rights, corporate legal relations, civil law, methods of protection of rights.*

Современное развитие корпоративных отношений сопровождается ростом числа ситуаций, в которых нарушаются права участников юридических лиц и самих корпораций. Усиление экономической конкуренции, усложнение корпоративных структур и расхождение интересов между участниками нередко становятся причиной обострения внутрикорпоративных противоречий. Во многих случаях источником конфликтов выступает утрата согласованного понимания целей и задач деятельности организации, что трансформирует взаимодействие участников из кооперативного в конфликтное.

В условиях подобных противоречий как активные действия отдельных участников, так и их пассивное поведение способны оказывать негативное влияние на функционирование юридического лица. Такие обстоятельства порождают цепочку правовых и экономических последствий, затрагивающих систему управления, финансовую устойчивость и деловую репутацию корпорации в целом. В результате возрастает значимость правовых механизмов, направленных на предотвращение нарушений корпоративных прав и восстановление нарушенного баланса интересов.

В связи с этим проблема защиты корпоративных прав приобретает особую актуальность. Эффективное участие юридического лица в гражданском обороте невозможно без наличия устойчивой системы правовых гарантий, обеспечивающих реализацию и охрану как прав самой корпорации, так и прав ее участников. Защита

корпоративных прав выступает необходимым условием стабильности корпоративного управления и доверия к институтам частного права, а также важнейшим элементом правовой безопасности предпринимательской деятельности.

Российское гражданское право исходит из приоритета охраны нарушенных и оспариваемых прав, закрепляя широкий спектр средств их защиты. В рамках корпоративных правоотношений данные средства приобретают особую специфику, обусловленную сложным субъектным составом, многоуровневой системой органов управления и тесной взаимосвязью имущественных и неимущественных интересов. Именно поэтому механизмы защиты корпоративных прав требуют комплексного подхода, сочетающего материально-правовые и процессуально-правовые инструменты.

С позиции материального права защита корпоративных прав направлена на обеспечение сохранности имущественных интересов, восстановление нарушенного положения и применение мер ответственности к лицам, допустившим противоправное поведение. Процессуально-правовой аспект, в свою очередь, связан с формированием четких и эффективных процедур реализации защитных средств, включая судебные и внесудебные формы разрешения корпоративных споров. Специфика корпоративных образований, в том числе особенности формирования уставного капитала и его изменения, предопределяет необходимость особого регулирования способов защиты в данной сфере.

Следует отметить, что в первую очередь защита корпоративных прав осуществляется с использованием общегражданских механизмов, применяемых для охраны любых субъективных прав вне зависимости от их отраслевой специфики. Данные способы защиты закреплены в ст. 12 ГК РФ [1]. Приведем примеры обозначенных способов защиты прав участников корпораций (*Рисунок 1*).

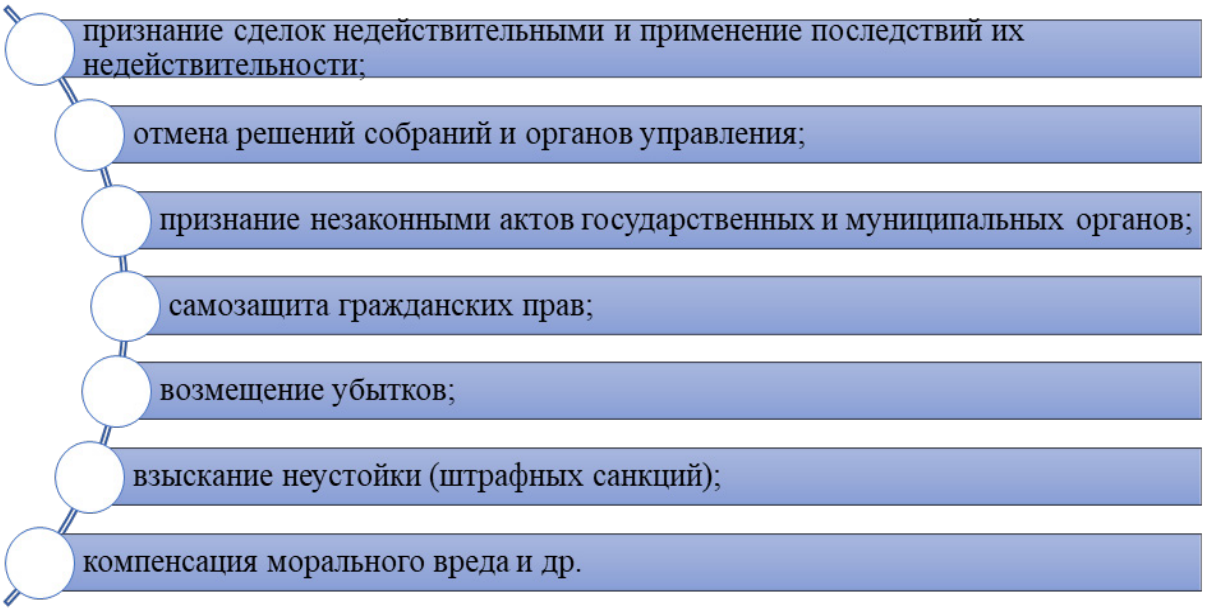

Рисунок 1. Общегражданские механизмы защиты, используемые для защиты прав участников корпораций

Наряду с общегражданскими способами защиты в гражданском праве применяются специальные правовые средства, ориентированные на разрешение конкретных видов нарушений. Их использование обусловлено особенностями отдельных категорий гражданских прав и характером посягательств на них. Подобные меры закрепляются, как правило, в нормах, регулирующих отдельные сферы гражданских правоотношений, и применяются в строго определенных случаях. В рамках корпоративных отношений такие инструменты приобретают самостоятельное значение, поскольку направлены на восстановление нарушенных корпоративных прав с учетом специфики структуры юридического лица, распределения полномочий и интересов его участников. Также приведем примеры обозначенных способов защиты прав участников корпораций (*Рисунок 2*).

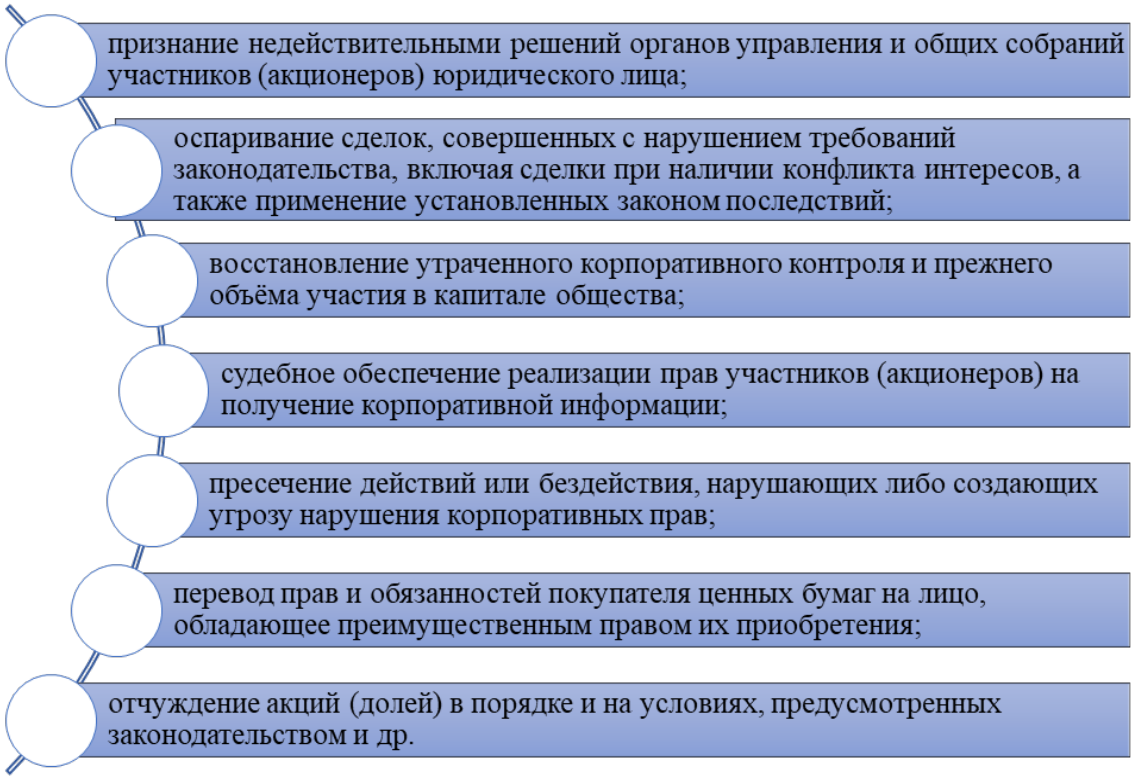

Рисунок 2. Специальные механизмы защиты, используемые для защиты прав участников корпораций

Практика защиты корпоративных прав характеризуется использованием широкого спектра правовых средств, в числе которых обращение в судебные органы, реализация механизмов административного воздействия, а также иные предусмотренные законодательством способы отстаивания интересов участников корпоративных отношений. Применение указанных инструментов направлено на восстановление нарушенного правового баланса в корпорации и обеспечение надлежащей охраны прав носителей корпоративных правомочий [2, с. 75].

Существенное значение при этом имеет корректный выбор конкретного способа защиты корпоративных прав, который должен осуществляться с учетом характера нарушенного права, субъекта правонарушения и последствий допущенного нарушения. Неправильное определение правового инструмента нередко приводит к затягиванию спора, отказу в удовлетворении требований либо формальному восстановлению права без достижения реального правового результата. В этой связи понимание особенностей и пределов применения каждого способа защиты выступает необходимым условием эффективного восстановления корпоративных прав и обеспечения устойчивости корпоративных правоотношений.

Таким образом, система защиты корпоративных прав ориентирована не только на предупреждение возможных нарушений, но и на восстановление нарушенных прав, а также на компенсацию причиненных убытков. Многообразие форм и способов защиты обусловлено различной природой корпоративных прав и характером правонарушений, что находит отражение в гражданском законодательстве Российской Федерации, предусматривающем дифференцированный подход к регулированию защитных механизмов.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51 ФЗ (в ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст.3301.

[2] Гомжина С.А. Защита прав акционеров в современных условиях // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2017. № 2 (27). С. 75-79.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation dated 30.11.1994 No. 51 FZ (as amended on 29.12.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Article 3301.

[2] Gomzhina S.A. Protection of Shareholders “Rights in Modern Conditions//Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy. 2017. № 2 (27). S. 75-79.

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-101-110

АРГУНОВ В.В.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса,
директор НОЦ «Центр нотариального права «Путь к закону»
Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
e-mail: argunov@mail.ru

АКИМОВ Г.Б.,
Юрист, экс-нотариус города Москвы,
Юридическое бюро «Говорит нотарь»,
e-mail: not_akimov@yandex.ru

ЭТИКА И ДИСЦИПЛИНА В НОТАРИАТЕ – ПРЕВЫШЕ ВСЕГО?

Аннотация. *Анализируется проблема формирования ценностей и этических норм в юридической деятельности. Предлагается взять положения доктрины об этике юриста, содержание её общей и особенной частей за основу разработки единого кодекса профессиональной этики юриста в Российской федерации. Существующие корпоративные кодексы профессиональных юридических сообществ, в том числе и Кодекс профессиональной этики нотариуса в Российской Федерации следует привести к общему знаменателю с этикой общеюридической, а также с положениями Конституции РФ и федерального законодательства о соблюдении прав личности как высшей ценности; с общими принципами юридической ответственности. В сравнении с кодексами судейского и адвокатского сообществ проанализированы недостатки Кодекса профессиональной этики нотариуса в Российской Федерации: порядок его принятия и утверждения; система закрепления этических и правовых норм и ответственности за их несоблюдение; порядок и сроки привлечения к дисциплинарной ответственности нотариусов и лиц, их замещающих.*

Ключевые слова: *юридическое образование; нотариат; реформа нотариата; этика в юридической деятельности; этико-правовые нормы судьи, адвоката, нотариуса; дисциплинарная ответственность нотариуса.*

ARGUNOV V.V.,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Civil Procedure,
Director of the REC "Center for Notarial Law "Path to the Law"
of the Faculty of Law of Moscow State University
named after M.V. Lomonosov

AKIMOV G.B.,
Lawyer, ex-notary of the city of Moscow,
Legal Bureau "Says Notar"

ETHICS AND DISCIPLINE IN NOTARIES - ABOVE ALL?

Annotation. *The problem of the formation of values and ethical standards in legal activities is analyzed. It is proposed to take the provisions of the doctrine on the ethics of a lawyer, the content of its general and special parts as the basis for the development of a unified code of professional ethics for a lawyer in the Russian Federation. The existing corporate codes of professional legal communities, including the Code of Professional Ethics of a Notary in the Russian Federation, should be brought to a common denominator with the ethics of general law, as well as with the provisions of the Constitution of the Russian Federation and*

federal legislation on the observance of individual rights as the highest value; with general principles of legal liability. In comparison with the codes of the judicial and legal communities, the shortcomings of the Code of Professional Ethics of a notary in the Russian Federation were analyzed: the procedure for its adoption and approval; a system for securing ethical and legal norms and responsibility for their non-compliance; procedure and terms for bringing notaries and persons replacing them to disciplinary responsibility.

Key words: *legal education; notary; notary reform; ethics in legal activities; ethical and legal norms of a judge, lawyer, notary; disciplinary liability of a notary public.*

Регулирование этического поведения юристов-профессионалов строится в отечественном правопорядке на двух основах: отсутствие единого ценностного стандарта и требований к исполнению профессиональных компетенций юриста как специалиста в целом; «цеховой» метод разработки, принятия и введения в действие актов, посвященных вопросам профессиональной этики, дисциплины в юридической деятельности и ответственности за ее нарушение. Обе основы – неудачны, а повсеместная практика принятия различного рода «корпоративных» кодексов профессиональной этики и привлечения людей к дисциплинарной ответственности за их несоблюдение, подтверждают это. Разберем вопрос на примере этики и дисциплины в нотариальном сообществе, в сравнении с адвокатским и судейским. Все три являются примерами классических профессиональных «каст». Фигуры судьи, нотариуса, адвоката представляют «эталон» профессиональных качеств юриста, на них ориентируется общество, а также политическая власть при формировании мнения о юристах, а также при разработке образовательных стандартов и этических правил поведения в сфере юриспруденции.

Под профессиональной этикой традиционно понимается совокупность нравственных представлений и установок, находящих свое проявление в поведении представителей определенной социальной группы общества — юристов, обусловленных их принадлежностью к данной профессии [14].

Юридическое образование как фактор правового воспитания и правовой социализации: влияние на корпоративную этику в юридическом сообществе. Известно, что профессиональная готовность к юридической деятельности определяется четырьмя базовыми компонентами: а) гностической готовностью; б) практической готовностью; в) психологической готовностью; г) нравственной готовностью [12]. Образование должно гармонично сочетать все компоненты.

Негативные тенденции стихийного развития процессов правовой социализации российских граждан необходимо преодолевать с помощью создания целостного механизма формирования системы аксиолантов правосознания. Главным условием правовой социализации должен стать сам человек при усилении его духовно-нравственного потенциала [4]. Задачи юридических факультетов должны состоять не только в том, чтобы дать знание законов, но и в том, чтобы сформировать профессиональные ценности [6].

В соответствии с ФЗ от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ч. 3 ст. 5), образование реализуется по федеральным государственным образовательным стандартам (далее - ФГОС), разрабатываемым и утверждаемым Минобрнауки России.

Сегодня подготовка юристов по уровню бакалавриата регулируется двумя ФГОС, подготовка в рамках специалитета регламентируют сразу четыре. Один стандарт разработан для магистратуры.

Согласно ч. 1,2 ст. 4 ФЗ от 10.11.2009 N 259-ФЗ «О Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете», указанные университеты реализуют программы на основе самостоятельно устанавливаемых образовательных стандартов. Они не должны быть ниже соответствующих федеральных государственных требований.

Из содержания стандартов видно, что при их разработке ориентация на профессии адвоката, нотариуса, свободного юриста специально не проводится, а приоритет отдается силовым и правоохранительным направлениям в органах государственной власти и местного самоуправления. Сам по себе «крен» в сторону сращивания юриста и государственного управленца можно объяснить социально-политической обстановкой в стране. Однако замыкаться на юристе как лице, реализующем исключительно властные полномочия на государственной должности – значит не учитывать историю и цели отечественного юридического образования, оставлять за бортом многочисленный слой юристов иных профессий.

Нестабильность в содержании образовательных стандартов, существующая последние пятнадцать лет, к сожалению, сохраняется. В целом неясно, зачем их так много для уровня бакалавриата и специалитета. Ведь достаточно трех – по одному на уровень высшего образования. Специализацию внутри профессии можно вводить и в рамках единого образовательного стандарта, курсовых потоков и спецкурсов.

Нелестные мнения высказываются по стандарту уровня магистратуры. Лицо, не имеющее к моменту поступления никакого представления о юриспруденции, может за два с половиной года обучения получить диплом магистра права [7]. Получается, что подобное «юридическое» образование даже хуже по качеству, чем бакалавриат и специалитет.

Соглашаясь в целом с высказанными мнениями, обратим внимание на проблему, нас интересующую: недостаток в стандартах общих целевых установок на формирование у студентов профессиональных ценностей (Сегодня речь лишь идет о формировании «ценностных, этических основ профессионально-служебной деятельности» (ОПК-1, ОПК-2), способности «соблюдать принципы этики юриста, в том числе в части антикоррупционных стандартов поведения» (ОПК-6, ОПК-7, ОПК-8) но не о ценностях права в целом. См.: Приказы Минобрнауки России от 28.08.2020 N 1131 (п.3.3. Стандарта специальности 40.05.02); от 13.08.2020г. N 1011 (п.3.3. Стандарта специальности 40.03.01); от 18.08.2020 N 1058 (п.3.3. Стандарта специальности 40.05.04); от 25.11.2020 N 1451 (п.3.3. Стандарта специальности 40.04.01). Опять сказывается ориентация исключительно на государственную службу).

Как следствие, - в учебных планах и рабочих программах дисциплин ВУЗов, как правило, не имеется общего курса, раскрывающего содержание и значение этики юриста вне зависимости от выполняемой в будущем работы и занимаемой должности. Редко встретишь общие программы по дисциплине «Профессиональная этика юриста», чаще встречается ее изучение применительно к каким-либо направлениям и профессии (обычно – в рамках уголовно-правового профиля). Такого рода дисциплины с точки зрения организации учебного процесса ставятся на первом курсе и закрепляются, как правило, за кафедрами уголовного процесса и криминалистики, реже – за кафедрами теории (истории) государства и права. Так сложилось исторически. Например, на юридическом факультете МГУ профессиональная этика юриста изучается в общем курсе «Введение в специальность», а также по уголовно-правовому направлению на уровне спецкурса по адвокатуре [5].

При таком подходе сложно говорить о выработке общих профессиональных и этических стандартов и в юридической деятельности [6]. Между тем, юристы должны обладать не только всеми необходимыми навыками и умениями, но и комплексом моральных ценностей, чтобы обеспечивать благополучное развитие нашей страны [7]. Профессия юриста ассоциирующаяся с охраной важнейших, конституционно значимых ценностей общества, государства, личности, одновременно и сама приобретает значение конституционной ценности. Давно отмечено, что тенденции по превращению юридического образования в узкоспециализированное обучение юридическим технологиям на основе прагматизма опасно. При таком подходе образование теряет нравственный контекст [2], а работа юриста даже на государственной должности воспринимается как форма предпринимательской деятельности [12].

Несмотря на признание системы образования в рамках Болонской платформы малоэффективной для России [15] каких-либо качественно новых образовательных стандартов в области юриспруденции ещё не разработано. О полноценном отказе от бакалавриата и магистратуры речи пока не идет, пилотный проект с введением базового, специализированного высшего образования и уровня аспирантуры продолжается [16]. Отрадно, что в качестве одного из императивов реформы наряду с цифровизацией заявлена гуманизация юридического образования как формирование ценностных ориентиров, «где технология дополняет, но не заменяет юриста» [17]. Для России в сфере права стратегически речь должна идти о восстановлении исходных социальных ценностей, извращенных поверхностным пониманием индивидуализма и капитализма [11].

Образование и практические требования профессиональной этики в сообществах адвокатов, нотариусов, судей.

Разрыв между системой подготовки юридических кадров, национальной правовой культурой, историческими традициями в области образования — причина многих сегодняшних проблем не только в системе юридического образования, но и деформаций нравственно-этических начал в каждой юридической профессии [2].

Безусловно, что ориентация профессиональной юридической деятельности на личность, защиту ее прав и свобод, составляющих высшую ценность российского конституционализма (ст. 2 Конституции РФ), предполагает и «человеко-ориентированное» понимание правил профессиональной этики юриста. Ни одно правило, закрепленное в кодексе профессиональной этики не может противоречить этому началу.

Однако сегодня, «юристы-технари», недополучившие в ВУЗе знаний, навыков умений в области духовно-нравственной, попадая в то или иное профессиональное сообщество в силу рабочей необходимости, сталкиваются с трудностями восприятия и познания многочисленных дополнительных требований профессиональной этики и дисциплины.

Попытки профессиональных юридических сообществ «восполнить» недостатки образования следует приветствовать. Но лишь при усло-

вии учета в регламентах профессиональных кодексов обще-профессиональной юридической этики, а также конституционных ценностей российской правовой культуры. Профессия юриста всегда ассоциировалась с высокой общей культурой и интеллигентностью [9].

Современные представления о профессиональной этике в юридической деятельности строятся на том, что выделяется её «общая» и «особенная» части. Так, И.И. Тазин пишет, что общая часть раскрывает основные этические категории в праве, вопросы происхождения морали, ее соотношения с религией и правом, историю этических учений. Особенная обеспечивает применение общих положений этики к отдельным сферам правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности. В структуру особенной части входят, среди прочего, этические основы отдельных юридических профессий [12].

Наличие общей части предполагает, что на федеральном уровне должны быть разработаны принципиальные положения о юридической этике, закреплены роль и задачи юриста в юридической деятельности, общие требования к его образу жизни и культуре поведения, а также определен орган, ответственный за проведение указанных положений в практику отдельных юридических профессий.

В юридических исследованиях уже обосновывалась необходимость приведения кодексов этики и служебного поведения юриста к общему знаменателю в контексте единой системы публичной власти [3]. Добавим, что это должно касаться не только юристов, находящихся на государственной и муниципальной службе, но и охватывать адвокатуру, нотариат, иную профессиональную юридическую деятельность.

При разработке общих положений следует исходить и из выработанных правовой наукой принципов в этой сфере [10], учитывать международные стандарты юридической этики, представленные в «Основных принципах, касающихся роли юристов», разработанных Восьмым Конгрессом ООН по Предотвращению Преступности и Перевоспитанию Правонарушителей [18], конституционные основы правового статуса личности, положения о правах человека как высшей ценности российского конституционализма.

На общих положениях этики юридической деятельности строятся этические нормы в отдельных юридических профессиях. Их специальные требования не могут полноценно работать в отсутствие общих ориентиров.

В этом смысле Кодекс профессиональной этики нотариуса в Российской Федерации, по нашему мнению, имеет ряд недостатков.

Первое, это непрозрачный механизм разработки и принятия текста Кодекса, порядок введения его в действие. Вероятно – это следствие исторических причин в развитии нотариата в России [13]. Как известно, Кодекс [19] принят Собранием представителей нотариальных палат субъектов Российской Федерации и утвержден заместителем министра юстиции Российской Федерации.

До последнего момента неясно – что из себя представляет рассматриваемый Кодекс как правовой акт. Какова его юридическая сила в иерархии источников права? Да и вообще, являются ли его положения правовыми нормами?

В литературе высказаны разные точки зрения относительно подобного рода «актов». Они напрямую зависят от понимания тех правил, которые в них закрепляются. Если таковые считаются нормами морали, то и кодексы этики признаются «моральными кодексами» профессии. Если нормы признаются корпоративными, то и кодексы считаются корпоративными актами. Достаточно серьезны позиции тех ученых, которые полагают, что нормы кодексов профессиональной этики имеют правовой характер, либо же это деонтологические нормы - особая разновидность социальных норм, некий подправовой, а не сугубо моральный институт [8]. Наиболее верные, думается два последних варианта.

Важно понимать, что природа правовых норм такова, что их создание и обнародование, а также участие в нормотворческом процессе уполномоченного государственного органа являются современными аксиомами генезиса позитивного права.

И здесь налицо необъяснимая разница между кодексами этики судей, адвокатов и нотариусов. Так, Кодекс судейской этики утвержден VIII Всероссийским съездом судей, как это предусматривают положения ст. 12.1 Закона РФ от 26.06.1992 N 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [20]. Аналогично, Кодекс адвокатской этики принят исключительно профессиональным сообществом - Первым всероссийским съездом адвокатов. Подобные полномочия съезда предусмотрены законом (абз. 2 ч.2 ст. 36 ФЗ от 31.05.2002 N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» [21]). Никакие другие субъекты, в том числе и государственные органы не утверждали и не разрабатывали их положения, не имея подобной компетенции.

Иная ситуация с Кодексом профессиональной этики нотариуса. Статьей 6.1. Основ законодательства РФ о нотариате в процедуре принятия Кодекса предусмотрено участие уполномоченного федерального органа юстиции. С какой целью законодатель предусмотрел, в отличие от

судейского и адвокатского сообществ, такое участие? Вероятно потому, что сами Основы, в отличие от вышеуказанных законов о статусе судей и адвокатской деятельности, никак не регулируют даже основы этики и дисциплины в нотариальном деле.

Т.е. Кодекс профессиональной этики нотариуса есть попытка (к сожалению, не совсем удачная) восполнить недостатки действующего федерального законодательства. Но не разумнее ли это было сделать в самом законодательстве, предусмотрев, по образу и подобию адвокатского и судейского сообщества соответствующие положения об этике и дисциплине в законе (в Основах законодательства РФ о нотариате)? Наиболее правильно было бы сделать это по варианту регламента основ судейской этики, т.к. нотариат по сравнению с адвокатурой все же более зарегулирован со стороны государства, обладает более широкими государственными полномочиями.

Однако практика принятия Кодекса пошла по иному пути. Не дав никакой конкретизации ч. 3 ст. 6.1 Основ законодательства РФ о нотариате в подзаконных актах, регулирующих деятельность федерального органа юстиции, предпринята попытка «согласовать» Кодекс вне какой-либо легально установленной процедуры и без полномочий.

Учитывая, что Минюст России не является субъектом разработки положений Кодекса, то на Кодексе проставлен гриф утверждения в соответствии с п. 40 Инструкции по делопроизводству в Министерстве юстиции Российской Федерации [22]. Исследуя Инструкцию, можно без труда увидеть ее противоречие со статьей 6.1 Основ. Исходя из п. 2 Инструкции мы видим, что её действие распространено только на аппарат Министерства и только для исполнения этим аппаратом устанавливаются требования к документам Министерства. Это следует и из пункта 40, где исчерпывающим образом дан перечень документов, которым с помощью грифа утверждения может придаваться юридическая сила. Ожидаемо, что среди них мы не найдем Кодекса профессиональной этики нотариуса.

Следуя правилам аутентичного толкования – никакого отношения к созданию Кодекса и введению его в действие Минюст России не имеет. Соответственно, не может нести и обязанности по обработке, хранению и использованию данного документа. В полномочия Минюста не входит утверждение такого документа.

Более того, в Решении Верховного Суда РФ по делу Акимова Г.Б. от 20.12.2020г. № АКПИ20-844 [23] указано, что Кодекс не является нормативным правовым актом, не обязателен для всех третьих лиц, кроме самого нотариального сообщества. Там же определено , что он есть корпоративный нормативный акт и сам Минюст России не принимал участия в его создании. Кодекс, наряду с актами законодательными, содержит юридические основания для разрешения внутренних локальных вопросов нотариата – вопросов этики нотариусов и профессиональной дисциплины. Поскольку Кодекс относится к нормативным актам нотариального сообщества, приказом Минюста России он не утверждался, то и Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации [24] на него не распространяются – пришел к выводу Верховный Суд РФ.

Из вышеуказанных фактов и предложенного толкования норм очевидно, что Кодекс не проходил антикоррупционной и, что еще важнее, правовой экспертизы, что является необходимым для создания нормативного правового акта согласно Постановления Правительства РФ № 1009 от 13.08.1997 г. В то же время, исходя из доктринального подхода, корпоративный нормативный акт (как и локальный) – это всегда правовой акт, устанавливающий нормы права в отдельных сферах существования человека, общества и государства.

Решением 2020 года, Верховный Суд, по сути, изменил свою ранее высказанную позицию о том, что Кодекс – правовой акт локального характера [25]. Но что же изменилось в сущности кроме того, что при таких условиях к нему нельзя применять нормы трудового права? Пусть Кодекс теперь – самостоятельный корпоративный нормативный акт, дополняющий и конкретизирующий положения федерального и регионального законодательства в области нотариата и нотариальной деятельности. Это не делает его неправовым актом, т.к. в нем содержатся деонтологические нормы. Он не может вступать в противоречие законодательством о нотариате, нотариальной деятельности и ухудшать положение нотариуса, установленное в нем, а также с иным законодательством, регулирующим правовой статус личности в Российской Федерации.

Даже при нетождественности корпоративных и деонтологических норм, нормы нотариальной этики есть правовые установления. Они могут появляться только в результате признания сложившихся правил поведения государством в результате правового санкционирования [26]. Нормы адвокатской, нотариальной, судейской этики имеют черты права. Деонтология, этико-правовые нормы общеобязательны [8], распространяются как на самих юристов, так и на третьих лиц, взаимодействующих с ними.

Исходя из вышеизложенного, обсуждаемый Кодекс, не являясь локальным нормативным пра-

вовым актом, но являясь актом деонтологическим, не может противоречить нормам федерального законодательства и вводить правила и понятия за его рамками, ухудшающие правовое положение юридических и физических лиц, включая нотариусов и лиц, их замещающих. Кодекс профессиональной этики нотариусов может вводить новые меры ответственности (в том числе дисциплинарной) только при условии, если они не противоречат общепринятым мерам ответственности в трудовом, гражданском, административном, уголовном праве.

Вопрос о форме утверждения Кодекса со стороны уполномоченного органа государственной власти, подлежит обсуждению. Здесь должны быть правильно расставлены акценты на проработку главнейшего, как нам представляется, вопроса: как может существовать система дисциплинарной ответственности нотариусов в отсутствие положений федерального закона об этом? Как это соотносится с Конституцией РФ? Однако, думается, даже при нынешнем положении ничто не мешает Федеральному органу надзора в сфере нотариата произвести работу по подготовке проекта Федерального закона для внесения изменений в Основы относительно рассмотренной проблемы.

Второе, это неясная система Кодекса. В нем часто не разделяются этические и правовые нормы, а также последствия их нарушения. Между тем, этические нормы, не являясь правовыми, не могут влечь юридическую ответственность (только моральную). С другой стороны, вводимые Кодексом правовые нормы должны лишь развивать и конкретизировать действующее законодательство о профессиональной дисциплине и юридической ответственности нотариусов, но не вводить новые, не предусмотренные Конституцией и законом ограничения.

В ходе подготовки проекта Кодекса было высказано немало критических замечаний, в том числе и по предмету контроля профессиональной деятельности нотариусов. Указывалось, что нарушения нотариусом требований любых отраслей законодательства не должны являться предметом регулирования Кодекса, поскольку они уже урегулированы законами РФ и ответственность за нарушение соответствующих норм должна быть предусмотрена законами РФ.

По мнению Г.Г. Черемных, в действующем законодательстве вопросы соблюдения этических норм имеют самостоятельное регулирование. Однако при всем разнообразии в подходах, обусловленных спецификой профессий, этические кодексы объединяет одно общее правило: нарушение норм этики не является самостоятельным основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности [13].

Помимо правил Кодекса, которые уже были предметом критики ученых, обратим внимание на п.4.4. и 6.4. Являются ли эти правила сугубо этическими? По-видимому, нет.

Что касается п. 4.4. (как и п.4.3.,4.6., 4.7., 4.9, 4.10 Кодекса) – то это, вероятно конкретизация норм ст. 6 Основ законодательства РФ о нотариате об ограничениях, накладываемых на лицо в связи с получением им статуса нотариуса. Однако п. 6.4. нельзя рассматривать как такую конкретизацию. Основы ничего не говорят о цензуре за публичными высказываниями нотариусов со стороны нотариальных палат. Как данный пункт соотносится с ч.1, 3-5 ст. 29 Конституции РФ?

Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал применительно к различным видам деятельности по отправлению публичных функций, что гражданин, добровольно избирая такой род занятий, соглашается с условиями и ограничениями, с которыми связан приобретаемый им правовой статус [27]. Вместе с тем, устанавливаемые законодателем ограничения прав и свобод, допустимы только в целях защиты конституционных ценностей на основе принципа юридического равенства и вытекающих из него критериев разумности, соразмерности (пропорциональности) и необходимости в правовом демократическом государстве и не должны искажать основное содержание конституционных прав и свобод и посягать на само их существо; вводя федеральным законом ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями, государство должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры (средства). Указанные требования - по их смыслу во взаимосвязи с предписаниями статьи 18 Конституции РФ - обращены не только к законодателю, но и к правоприменителям [28].

Кодекс – не федеральный закон! Между тем, его п. 6.4. в действующей редакции позволяет нотариальным палатам блокировать любые выступления нотариусов, априори причисляя их к «вопросам профессиональной деятельности». Неконкретность правил и слишком большая дискреция нотариальных палат в этом вопросе приводят к тому, что даже такие выступления нотариусов, как обсуждение реформы нотариата и нового законопроекта ФЗ «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» расцениваются как запрещенные к опубликованию. Обновленное понимание этого вопроса и соотнесении ограничений с Конституцией РФ есть у Верховного Суда РФ, что повторно отразилось в п. 6 Постановления Пленума № 33 от 09 декабря 2025 г [29].

Ясно, что п. 6.4., выглядя на первый взгляд безобидным, несет огромный потенциал в ограничении лиц, имеющих статус нотариуса их конституционных прав и свобод, гарантированных ч. 1, 3-5 ст. 29 Конституции РФ, статьей 6 Основ законодательства РФ о нотариате.

В Кодексе судейской этики есть замечательное правило на этот счет: «Положения Кодекса судейской этики, устанавливающие повышенные нравственно-этические требования к судье, обусловленные его статусом, не должны толковаться как ограничивающие гарантируемые Конституцией Российской Федерации его общегражданские права и свободы» (ч. 4 ст. 1). Нечто подобное есть и в Кодексе адвокатской этики (статья 2). Данное правило, как одно из фундаментальных, по нашему мнению, должно содержаться во всех кодексах этики юриста. Совершенно верно заметил Г.Г. Черемных в связи с этим: неправомерно привлекать к дисциплинарной ответственности за нарушения норм этики, поскольку нарушения этических норм не могут приравниваться к нарушениям профессиональных обязанностей; недопустимо введение юридической ответственности на подзаконном уровне, т.е. самим кодексом этики [13].

Третье, - это правила о дисциплинарных проступках и дисциплинарной ответственности нотариусов. Они настолько гипертрофированы, что о нотариусах можно подумать как об основных нарушителях моральных и этических норм среди всех юристов!

Если посмотреть на структуру Кодекса, то бОльшая его часть посвящена формулировкам составов дисциплинарных проступков и дисциплинарному производству. Главы 10, 11 и 12 по размерам превосходят все остальные главы Кодекса. Из 233 пунктов нотариальной дисциплине напрямую посвящены 132 пункта! И это без пунктов, устанавливающих правила поведения нотариуса в служебное и во внеслужебное время, по сути, также являющимися «неконкретизированными» составами дисциплинарных проступков (речь идет о главах 4, 9 Кодекса). Сами же требования к профессиональной этике нотариуса, регулирующие взаимоотношения нотариуса с коллегами, палатой, клиентами, органами государственной власти, содержатся в небольших по объему главах 5-8. При этом, мерам поощрения отведен только один (!) пункт в главе 13. Указанный Кодекс следовало бы назвать «Кодексом дисциплинарных проступков и дисциплинарного производства», а не кодексом профессиональной этики нотариуса!

Ничего подобного мы не встретим ни в Кодексе профессиональной этики адвоката, ни тем более в Кодексе судейской этики, который вообще не регулирует вопросы дисциплинарной ответственности судей (они урегулированы федеральным законодательством).

Но если бы дело было только в этом! В дисциплинарном производстве Кодекс предусматривает такой порядок и сроки привлечения к дисциплинарной ответственности, что складывается искаженное впечатление об уровне общественной опасности дисциплинарных проступков в нотариальной профессии, т.к. установленные правила в ряде случаев жестче законодательных норм о привлечении к уголовной и административной ответственности.

Обращаем внимание и на несоразмерность сроков, в течение которых действуют дисциплинарные взыскания (до 5 лет) и времени досрочного их снятия (через три месяца). Пункты 10.5-10.8 без какого-либо обоснования регулируют вопросы о сроках привлечения к дисциплинарной ответственности, сроках снятия дисциплинарных взысканий (и условий досрочного снятия взысканий Правлением нотариальной палаты). Все это требует дальнейшего и детального исследования.

Безусловно, вопрос о дисциплинарной ответственности нотариуса не может решаться в отрыве от определения правового статуса нотариуса как лица, оказывающего профессиональную юридическую помощь в российской правовой системе; места нотариата среди иных юридических профессий, самые близкие из которых – суд и адвокатура.

Нотариус – субъект права «sui generis», уникальность правового статуса которого диктуется правовой природой нотариальной деятельности.

Указанные соображения напрямую влияют на сущность дисциплины в нотариальном сообществе; установление перечня составов проступков, за которые нотариус может нести дисциплинарную ответственность; на правила привлечения нотариусов к дисциплинарной ответственности, в том числе не сроки и условия снятия дисциплинарных взысканий. Дисциплинарная ответственность и порядок привлечения к ней нотариусов могут иметь характеристики, не совпадающие с дисциплинарной ответственностью работников и государственных служащих, а также адвокатов и судей.

Допустим, правила о трудовой, служебной дисциплине и ответственности за ее неисполнение, невозможно применять к нотариусам даже по аналогии. А сроки действия дисциплинарных взысканий и сроки досрочного их снятия соотносятся со сроками проведения контрольных мероприятий в отношении нотариусов (один раз в четыре года), - поэтому они такие длительные. Но оправдывает ли это ограничение прав нотариусов больше, чем прав адвокатов и судей, а также иных юристов? Тем более актом, принятым без

соблюдения процедуры принятия и введения в действие подзаконных нормативных актов? По нашему мнению- нет! Устранение правовой неопределенности в порядке привлечения к дисциплинарной ответственности нотариусов, с риском умаления конституционных прав личности должно быть поставлено как очередная задача современной реформы нотариата [1].

В качестве заключения, полагаем, что во-первых, назрела необходимость обратить внимание на аксиологическую проблему в новых образовательных стандартах по юриспруденции, подготовить специальные программы, стандартизированные учебные пособия по профессиональной этике юриста, куда, наряду с общими понятиями, относящимися к нравственным категориям добра и зла, следует включить все этические требования, предъявляемые к юридической деятельности. Об этом когда-то мечтал А.Ф. Кони, все еще мечтают и современные юристы [9].

Во-вторых, корпоративные кодексы профессиональных юридических сообществ, в том числе и Кодекс профессиональной этики нотариуса в Российской Федерации следует привести «к общему знаменателю» с этикой общеюридической, а также с положениями Конституции РФ и федерального законодательства о соблюдении прав личности как высшей ценности, об общих принципах юридической ответственности. Речь идет о статьях 2, 19, 29, ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации; ч. 5,6,8 статьи 12.1 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»; ч. 3 ст. 193, ч. 1 ст. 194 Трудового кодекса РФ; ч. 1 ст. 78, ч. 3 ст. 86 Уголовного кодекса РФ. Кодекс необходимо признать как правовой акт, развивающий указанные положения федеральных законов. Только при таких условиях он будет укреплять профессиональную нотариальную дисциплину и основы конституционного правопорядка в России.

В-третьих, желательна разработка модельного «Кодекса этики российского юриста» с установлением правил разработки и принятия на его основе кодексов различных юридических сообществ; определение единого государственного органа, в компетенцию которого бы прямо входили полномочия на утверждение подобных кодексов со стороны власти. Не исключаем возможность разработки закона «О нравственных основах юридической деятельности в Российской Федерации», призванного объединить в себе ценности всех юристов России, закрепить принципы юридической этики (С учетом Основных принципов роли юристов, закрепленных на международном уровне) в ответственном и трудном деле, которому мы все служим вне зависимости от должностей и званий.

Список литературы:

[1] Аргунов В.В. Каким быть нотариату в России? Свободным, государственным, ведомственным? Версия – 2025// Закон. 2025. №7. С. 48-61;

[2] Бондарь Н.С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. М., 2014;

[3] Гриценко В.В. Нравственные основы государственной служебной деятельности в Российской Федерации: актуальные проблемы// Судебная власть и уголовный процесс. 2021. №4. С. 17-22;

[4] Гуляихин В.Н. Юридическое образование как фактор и средство правовой социализации российских граждан//Современное образование. 2010. №10. С. 59-70;

[5] Марьина Е.В. Профессиональная этика юриста: традиции и новации в отечественном правовом образовании// Судебная власть и уголовный процесс. 2021. №4. С. 24-31;

[6] Моисеева Е.Н. Реформирование рынка юридических услуг в России: социологический анализ//Закон. 2017. Ноябрь. С. 68-81;

[7] Неверов А.Я. О месте и роли юридического образования в образовательной системе Российской Федерации // Российская юстиция. 2024. N 6. С. 54-61;

[8] Орешин Е.В. Социальная природа норм профессиональной этики адвоката // Адвокатская практика. 2017. N 1. С. 32-37;

[9] Порубов А.Н. Нужна ли профессиональная этика юристу?/ Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2012. №1 (23). С. 200-203;

[10] Профессиональная этика: учебное пособие /под ред. О. Н. Коршуновой. СПБ., 2023;

[11] Синюков В.Н. Юридическое образование в контексте российской правовой культуры // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 31-45;

[12] Тазин И.И. Профессиональная этика юриста: учебное пособие. Томск, 2015;

[13] Черемных Г.Г. Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации, как и дисциплинарная ответственность нотариусов, нуждается в законодательном переосмыслении Нотариус. 2018. N 3. С. 17-25

[14] Ширяева С. В. Профессиональная этика юриста: учебное пособие. М., 2018. С. 30; Профессиональная этика: учебное пособие /под ред. О. Н. Коршуновой. СПБ., 2023. С. 55

[15] Сайт: https://tass.ru/info/17108043 (дата обращения - 10.02.2026); Как сказал Президент Российской Федерации В.В. Путин, «…для укрепления наших общих ценностей, национальной идентичности крайне важны система образова-

ния, отечественная культура…. Необходим синтез всего лучшего, что было в советской системе образования, и опыта последних десятилетий». См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 21 февраля 2023г. http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565 (дата обращения: 10.02.2026).

[16] Сайт: https://www.rbc.ru/life/news/697afbcd9a7947aec1bdad5d?ysclid=ml9sv07daw66119924; https://life.ru/p/1837169?ysclid=ml9sxj8gtf18444995 (дата обращения -10.02.2026)

[17] См.: Перспективы новой концепции юридического образования в России, разработанной по итогам сессии на XIII Международном Петербургском юридическом форуме// https://roscongress.org/materials/perspektivy-novoy-kontseptsii-yuridicheskogo-obrazovaniya-rossii/?ysclid=mlo3yha2iv578480060&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 10.02.2026).

[18] A/CONF.144/28/Rev.1,C.122–129; https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml?ysclid=mlgo4xxogx736990434 (дата обращения – 10.02.2026)

[19] Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (Принят решением Собрания представителей нотариальных палат субъектов Российской Федерации (протокол от 16 ноября 2015 г. N 33), с изменениями, принятыми решением Собрания представителей нотариальных палат субъектов Российской Федерации (протокол от 23.04.2019 N 40); утвержден Минюстом России 12.08.2019, 19.01.2016)//СПС «Консультант Плюс»

[20] Ведомости СНД и ВС РФ, 30.07.1992, N 30, ст. 1792

[21] СЗ РФ. 2002, N 23, ст. 2102

[22] Приказ Минюста России от 30.12.2011 N 460 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в Министерстве юстиции Российской Федерации» (в настоящее время утратила силу в связи с принятием новой Инструкции и утверждении её Приказом Минюста России от 26.12.2024 N 401)/ СПС «Консультант Плюс»

[23] Решение Верховного Суда РФ от 24.12.2020 N АКПИ20-844 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим Кодекса профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации» / СПС «Консультант Плюс»

[24] Утверждены Постановлением Правительства РФ № 1009 от 13.08.1997г. /СПС «Консультант Плюс»

[25] Определение Верховного Суда РФ от 26.03.2010 N 50-В09-9// СПС «Консультант Плюс»

[26] Такой механизм разработки и принятия указывают применительно к рассматриваемым Кодексам некоторые исследователи. См. Сатина Э.А. Основные аспекты правового санкционирования: Дис. канд. юрид. наук. Тамбов, 2001;

[27] Определения от 1 декабря 1999 года N 219-О, от 7 декабря 2001 года N 256-О, от 20 октября 2005 года N 378-О и от 5 марта 2009 года N 377-О-О //СПС «Консультант Плюс»

[28] Постановление Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2012 года N 34-П//СПС «Консультант Плюс»

[29] БВС РФ. 2026. №.1 //СПС «Консультант Плюс»

References:

[1] V.V. Argunov. What should a notary be like in Russia? Free, state, departmental? Version - 2025// Law. 2025. №7. S. 48-61;

[2] Bondar N.S. Russian legal education as a constitutional value: national traditions and cosmopolitan illusions. M., 2014;

[3] Gritsenko V.V. Moral foundations of state official activity in the Russian Federation: current problems//Judicial power and criminal process. 2021. №4. S. 17-22;

[4] Gulyaikhin V.N. Legal education as a factor and means of legal socialization of Russian citizens// Modern education. 2010. №10. S. 59-70;

[5] E.V. Maryina. Professional ethics of a lawyer: traditions and innovations in domestic legal education//Judicial power and criminal process. 2021. №4. S. 24-31;

[6] Moiseeva E.N. Reforming the legal services market in Russia: sociological analysis//Law. 2017. Nov. S. 68-81;

[7] Neverov A.Ya. On the place and role of legal education in the educational system of the Russian Federation//Russian Justice. 2024. N 6. S. 54-61;

[8] Oreshin E.V. The social nature of the norms of professional ethics of a lawyer//Lawyer practice. 2017. N 1. S. 32-37;

[9] Porubov A.N. Does a lawyer need professional ethics ?/Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. 2012. №1 (23). S. 200-203;

[10] Professional ethics: textbook/ed. O. N. Korshunova. SPB., 2023;

[11] Sinyukov V.N. Legal education in the context of Russian legal culture//Journal of Russian Law. 2009. № 7. S. 31-45;

[12] Tazin I.I. Professional ethics of a lawyer: a textbook. Tomsk, 2015;

[13] Cheremnykh G.G. The Code of Professional Ethics of Notaries in the Russian Federation, as well as the disciplinary responsibility of notaries, needs legislative rethinking Notary. 2018. N 3. S. 17-25

[14] Shiryaeva S. V. Professional ethics of a lawyer: a textbook. M., 2018. S. 30; Professional ethics: textbook/ed. O. N. Korshunova. SPB., 2023. S. 55

[15] Site: https://tass.ru/info/17108043 (accessed on 10.02.2026); As the President of the Russian Federation V.V. Putin said,... "to strengthen our common values, national identity, the education system, domestic culture are extremely important.... A synthesis of all the best that was in the Soviet education system and the experience of recent decades is needed." See: Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on February 21, 2023. http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565 (дата обращения: 10.02.2026).

[16] Сайт: https://www.rbc.ru/life/news/697af4bcd9a7947aec1bdad5d?ysclid=ml9sv07daw66119924; https://life.ru/p/1837169?ysclid=ml9sxj8gtf18444995 (accessed 10/02/2022)

[17] See: Prospects for a new concept of legal education in Russia, developed as a result of the session at the XIII International St. Petersburg Legal Forum// https://roscongress.org/materials/perspektivy-novoy-kontseptsii-yuridicheskogo-obrazovaniya-rossii/?ysclid=mlo3yha2iv578480060&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (date of appeal: 10.02.2026).

[18] A/CONF.144/28/Rev.1,C.122–129; https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml?ysclid=mlgo4xxogx736990434 (дата обращения – 10.02.2026)

[19] Code of Professional Ethics of Notaries in the Russian Federation (Adopted by the decision of the Meeting of Representatives of Notary Chambers of Constituent Entities of the Russian Federation (Minutes No. 33 dated November 16, 2015), as amended by the decision of the Meeting of Representatives of Notary Chambers of Constituent Entities of the Russian Federation (Minutes No. 40 dated 23.04.2019; approved by the Ministry of Justice of the Russian Federation 12.08.2019, 19.01.2016) // SPS "Consultant Plus"

[20] Statements of the SND and the Armed Forces of the Russian Federation, 30.07.1992, No. 30, Art. 1792

[21] NW OF THE RUSSIAN FEDERATION. 2002, No. 23, Art. 2102

[22] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 30.12.2011 No. 460 "On Approval of the Instruction on Office Work in the Ministry of Justice of the Russian Federation" (has now become invalid due to the adoption of the new Instruction and its approval by Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 26.12.2024 No. 401)/SPS "Consultant Plus"

[23] Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.12.2020 N AKPI20-844 "On refusal to satisfy the application for invalidation of the Code of Professional Ethics of Notaries in the Russian Federation "/SPS" Consultant Plus "

[24] Approved by Decree of the Government of the Russian Federation No. 1009 dated 13.08.1997/ SPS "Consultant Plus"

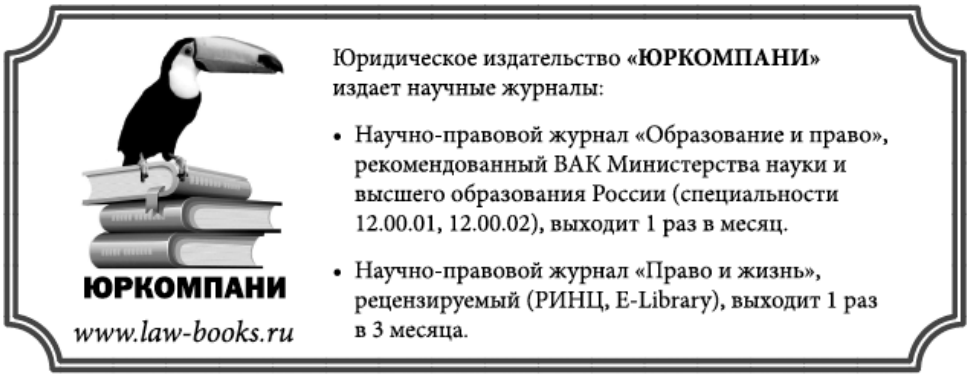
[25] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.03.2010 No. 50-B09-9//SPS "Consultant Plus"

[26] This mechanism of development and adoption is indicated by some researchers in relation to the Codes under consideration. See Satina E.A. Main aspects of legal authorization: Dis. cand. jurid. sciences. Tambov, 2001;

[27] Definitions dated 1 December 1999 N 219-O, dated 7 December 2001 N 256-O, dated 20 October 2005 N 378-O and dated 5 March 2009 N 377-O-O//ATP Consultant Plus

[28] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 27, 2012 N 34-P// SPS "Consultant Plus"

[29] BVS RF. 2026. No. .1//SPS "Consultant Plus"

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-111-117

НОВИЦКАЯ Людмила Юрьевна,
доцент, к.п.н., доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ (ФЕРМЕРСКИХ) ХОЗЯЙСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. *В настоящее время крестьянские (фермерские) хозяйства играют ключевую роль в развитии аграрного сектора экономики России. Они являются важным источником производства сельскохозяйственной продукции, обеспечивают продовольственную безопасность страны и способствуют устойчивому развитию сельских территорий. В условиях экономических санкций и необходимости импортозамещения, вопрос о правовом регулировании и поддержке крестьянских хозяйств приобретает особую актуальность. Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения правового статуса крестьянских (фермерских) хозяйств, выявления проблем и перспектив их развития в современных условиях. Это позволит разработать эффективные меры государственной поддержки и регулирования, направленные на развитие аграрного сектора и обеспечение продовольственной безопасности страны. Предмет исследования - особенности правовое регулирования деятельности крестьянско-фермерских хозяйств. В данном исследовании использовались следующие методы исследования: анализ статистических и нормативно-правовых документов для выявления состояния правового регулирования деятельности крестьянско-фермерских хозяйств; моделирование, позволяющее составить прогноз развития; обобщение, дающий возможность выявить проблемы, предложить пути их решения и сделать выводы. Цель – изучение теоретических основ правового регулирования деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств, определение основных проблем и вызовов их правового регулирования. Для решения проблемных вопросов в деятельности крестьянско-фермерских хозяйств автором сформулировано несколько решений - упростить процедуры получения субсидий и кредитов, разработать механизмы контроля за их использованием, совершенствовать систему налогообложения фермерских хозяйств, предоставлять им налоговые льготы в зависимости от результатов их деятельности. Установлено, что совершенствование механизмов контроля и надзора позволит обеспечить соблюдение законодательства фермерами и предотвратить нарушения, что способствует развитию добросовестной конкуренции и повышению качества продукции.*

Ключевые слова: *Крестьянское (фермерское) хозяйство, правовое регулирование, законодательство, предпринимательская деятельность.*

NOVITSKAYA Lyudmila Yurievna,
Associate Professor, Ph.D., Associate Professor, Department of Legal Regulation of Economic Activities, Financial University under the Government of the Russian Federation

TO THE ISSUE OF THE DEVELOPMENT OF PEASANT (FARMER) FARMS IN THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL ASPECT

Annotation. *Currently, peasant (farmer) farms play a key role in the development of the agricultural sector of the Russian economy. They are an important source of agricultural production, ensure the country's food security and contribute to the sustainable development of rural areas. In the context of economic sanctions and the need for import substitution, the issue of legal regulation and support for peasant farms is becoming especially relevant. The relevance of the topic is due to the need to study the legal status of peasant (farm) farms, identify problems and prospects for their development in modern conditions. This will make it*

possible to develop effective measures of state support and regulation aimed at developing the agricultural sector and ensuring the country's food security. The subject of research is the peculiarities of the legal regulation of the activities of peasant farms. In this study, the following research methods were used: analysis of statistical and regulatory documents to identify the state of legal regulation of the activities of peasant farms; modeling that allows you to make a forecast of development; a synthesis that makes it possible to identify problems, suggest ways to solve them and draw conclusions. The goal is to study the theoretical foundations of the legal regulation of the activities of peasant (farm) farms, to determine the main problems and challenges of their legal regulation. To solve problematic issues in the activities of peasant farms, the author formulated several solutions - to simplify the procedures for obtaining subsidies and loans, develop mechanisms for monitoring their use, improve the system of taxation of farms, and provide them with tax benefits depending on the results of their activities. It has been established that improving control and supervision mechanisms will ensure compliance with the law by farmers and prevent violations, which contributes to the development of fair competition and improved product quality.

Key words: *Peasant (farm) economy, legal regulation, legislation, entrepreneurial activity.*

Согласно действующему законодательству Российской Федерации, крестьянское (фермерское) хозяйство представляет собой объединение граждан, связанных родством и (или) свойством, имеющих в общей собственности имущество и совместно осуществляющих производственную и иную хозяйственную деятельность (производство, переработку, хранение, транспортировку и реализацию сельскохозяйственной продукции), основанную на их личном участии [8, с.45].

Основными признаками крестьянского хозяйства являются:

- совместная собственность на имущество;
- личное участие членов хозяйства в его деятельности;
- производство и реализация сельскохозяйственной продукции.

Таким образом, крестьянские (фермерские) хозяйства представляют собой особый вид предпринимательской деятельности, сочетающий в себе элементы семейного бизнеса и кооперации. Они играют важную роль в развитии сельского хозяйства и обеспечении продовольственной безопасности страны.

Важным аспектом является то, что крестьянские хозяйства могут функционировать как индивидуальные предприниматели или как юридические лица, в зависимости от организационно-правовой формы, выбранной их учредителями.

Деятельность крестьянских хозяйств регулируется рядом законодательных актов, включая Гражданский кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». Эти документы определяют права и обязанности участников хозяйства, порядок управления имуществом и производственной деятельностью, а также механизмы государственной поддержки и регулирования.

Государственная поддержка крестьянских хозяйств осуществляется в форме субсидий, налоговых льгот и иных мер, направленных на стимулирование развития аграрного сектора [9, 225]. Это способствует созданию благоприятных условий для устойчивого роста и повышения эффективности производства.

Таким образом, крестьянские (фермерские) хозяйства в России представляют собой важный элемент аграрной экономики, обеспечивая производство качественной сельскохозяйственной продукции и способствуя развитию сельских территорий.

Крестьянское хозяйство является одной из древнейших форм экономической деятельности, имеющей глубокие исторические корни в аграрной культуре России. В дореволюционный период крестьянские хозяйства играли ключевую роль в экономическом развитии страны.

В условиях крепостничества крестьянские хозяйства были ограничены в своей свободе и подвергались эксплуатации со стороны помещиков. Однако после отмены крепостного права в 1861 году начался процесс формирования свободного крестьянского землевладения.

Важным этапом в развитии крестьянских хозяйств стало проведение столыпинской реформы в начале XX века. Столыпинская реформа была направлена на создание условий для развития частного крестьянского землевладения и повышение эффективности сельскохозяйственного производства. Она включала в себя меры по передаче земли в частную собственность крестьян, созданию кооперативов и поддержке переселения крестьян на новые земли. В дореволюционный период происходил процесс формирования и развития крестьянских хозяйств как самостоятельных экономических субъектов.

После Октябрьской революции 1917 года произошли кардинальные изменения в социально-экономической системе России. Советская власть стремилась создать условия для коллективного ведения хозяйства и ликвидации частной собственности на землю.

В первые годы советской власти крестьянские хозяйства подвергались экспроприации и коллективизации. Коллективизация была направлена на объединение крестьянских хозяйств в колхозы и совхозы с целью повышения производительности труда и обеспечения продовольственной безопасности страны [5, С. 124].

Однако в процессе коллективизации были допущены серьёзные ошибки и перегибы, которые привели к снижению эффективности сельского хозяйства и ухудшению положения крестьянства.

С конца 1930-х годов советская власть начала осуществлять политику поддержки индивидуального крестьянского хозяйства. Были созданы условия для ведения личных подсобных хозяйств, которые стали важным источником продовольствия для населения.

Несмотря на некоторые изменения в политике, советское государство сохраняло контроль над сельским хозяйством и ограничивало возможности для самостоятельного ведения крестьянских хозяйств.

Современное правовое положение крестьянских (фермерских) хозяйств начало формироваться в конце 1980-х — начале 1990-х годов. В этот период происходили значительные социально-экономические изменения, связанные с переходом к рыночной экономике.

В Российской Федерации правовое регулирование деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств осуществляется на основе ряда нормативных правовых актов, которые определяют основные принципы и механизмы функционирования данной формы хозяйствования.

Основным законом, регулирующим деятельность крестьянских (фермерских) хозяйств в России, является Федеральный закон от 11 июня 2003 года № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». Данный закон определяет понятие крестьянского (фермерского) хозяйства, его основные цели и задачи, а также права и обязанности его членов. Кроме того, он устанавливает порядок создания, регистрации и ликвидации крестьянских (фермерских) хозяйств, а также регулирует отношения между членами хозяйства и другими лицами [1, с. 13].

Другим важным нормативным актом является Земельный кодекс Российской Федерации, который определяет порядок предоставления земельных участков для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства. Земельный кодекс устанавливает требования к земельным участкам, предоставляемым для этой цели, а также определяет права и обязанности землепользователей.

Налоговый кодекс Российской Федерации регулирует вопросы налогообложения крестьянских (фермерских) хозяйств, устанавливает специальные налоговые режимы для данной категории хозяйствующих субъектов, а также предусматривает льготы и преференции для стимулирования их развития.

Так, согласно статье 346.1 НК РФ, крестьянское (фермерское) хозяйство вправе перейти на применение специального налогового режима в виде единого сельскохозяйственного налога. Данный режим предусматривает освобождение от уплаты налога на доходы физических лиц (в части доходов, полученных от осуществления предпринимательской деятельности), налога на имущество физических лиц и единого социального налога (в отношении доходов, полученных от предпринимательской деятельности, и выплат, производимых физическим лицам в связи с ведением предпринимательской деятельности).

Кроме того, статья 346.5 НК РФ устанавливает перечень расходов, учитываемых при определении объекта налогообложения при применении данного специального налогового режима. В этот перечень входят расходы на приобретение основных средств и нематериальных активов, расходы на ремонт основных средств, арендные платежи, материальные расходы, расходы на оплату труда, проценты по кредитам и займам и другие виды расходов, непосредственно связанных с осуществлением сельскохозяйственной деятельности.

Помимо этого, НК РФ предусматривает ряд иных льгот и преференций для стимулирования развития крестьянских (фермерских) хозяйств. Например, в соответствии со статьёй 407 НК РФ, физические лица, являющиеся владельцами земельных участков, используемых для ведения личного подсобного хозяйства, садоводства и огородничества, освобождаются от уплаты налога на имущество физических лиц в отношении строений, сооружений, жилых и хозяйственных построек, расположенных на данных земельных участках. Это положение также может быть применимо к крестьянским (фермерским) хозяйствам, осуществляющим свою деятельность на земельных участках, предоставленных им в пользование или собственность.

Правовое регулирование деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств представляет собой сложную систему, которая включает в себя множество нормативных актов различного уровня, например, Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. N 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия». Данная программа определяет основные направления государственной политики в области развития сельского хозяйства, включая поддержку кре-

стьянских (фермерских) хозяйств. Она предусматривает меры по созданию благоприятных условий для развития малого и среднего предпринимательства в сельском хозяйстве, повышению конкурентоспособности отечественной сельскохозяйственной продукции на внутреннем и внешнем рынках, а также обеспечению продовольственной безопасности страны.

Государственная поддержка и стимулирование развития крестьянских (фермерских) хозяйств являются важными инструментами для обеспечения их устойчивого функционирования. В России существует ряд мер государственной поддержки, направленных на поддержку данной формы хозяйствования [6, с. 197].

Одним из основных направлений государственной поддержки является предоставление субсидий и грантов. Субсидии предоставляются крестьянским (фермерским) хозяйствам на возмещение части затрат на приобретение семян, удобрений, средств защиты растений, кормов, оборудования и других ресурсов. Гранты предоставляются на развитие инфраструктуры, строительство и модернизацию производственных объектов, приобретение техники и оборудования.

Ещё одним важным инструментом государственной поддержки является льготное кредитование [7, с.47]. Крестьянские (фермерские) хозяйства могут получить кредиты на льготных условиях для финансирования своей деятельности. Льготные кредиты предоставляются на срок до 5 лет с процентной ставкой, не превышающей 5% годовых.

Также государство осуществляет информационную поддержку крестьянских (фермерских) хозяйств. Создаются информационные ресурсы, содержащие информацию о мерах государственной поддержки, о новых технологиях и методах ведения хозяйства, о рынках сбыта продукции и т.д.

Важным направлением государственной поддержки является развитие кооперации и интеграции крестьянских (фермерских) хозяйств с другими субъектами агропромышленного комплекса. Кооперация и интеграция позволяют крестьянским (фермерским) хозяйствам расширить рынки сбыта своей продукции, снизить риски, повысить эффективность своей деятельности.

Наконец, государство осуществляет контроль за соблюдением прав и интересов крестьянских (фермерских) хозяйств, обеспечивает защиту их прав и законных интересов. Для этого создаются специализированные органы государственной власти, осуществляющие надзор за деятельностью крестьянских (фермерских) хозяйств, проводятся проверки соблюдения законодательства, принимаются меры по устранению нарушений [4, с. 45].

Крестьянские (фермерские) хозяйства являются значимым элементом аграрной экономики, обеспечивая продовольственную безопасность, создавая рабочие места и способствуя развитию сельских территорий. Однако их деятельность сталкивается с рядом правовых проблем, которые требуют внимательного изучения и анализа.

Одной из основных проблем, с которыми сталкиваются крестьянские (фермерские) хозяйства, является ограниченный доступ к земельным ресурсам. Это проявляется в различных формах:

- Отсутствие чёткого правового регулирования земельных отношений. В некоторых случаях земельные участки, на которых расположены крестьянские хозяйства, могут быть не оформлены должным образом или находиться в собственности государства или других лиц. Это создаёт неопределённость относительно прав на использование этих земель и приводит к конфликтам с местными властями или другими владельцами земельных участков.
- Сложности с оформлением прав собственности. Оформление прав собственности на земельные участки является сложным и длительным процессом, требующим большого количества документов и прохождения множества инстанций. Это затрудняет получение земельных участков крестьянскими хозяйствами и ограничивает их возможности для развития.

Для решения данных проблем необходимо разработать более чёткое и прозрачное правовое регулирование земельных отношений, упростить процедуру оформления прав собственности и снять ограничения на использование земельных участков, где это возможно.

Ещё одной проблемой, с которой сталкиваются крестьянские хозяйства, являются сложности с получением кредитов и финансовой поддержки [2, с. 126]. Это связано с несколькими факторами:

- Высокие процентные ставки. Банки и другие финансовые учреждения устанавливают высокие процентные ставки по кредитам для крестьянских хозяйств, что делает их недоступными для многих фермеров.
- Требования к обеспечению. Финансовые учреждения требуют предоставления обеспечения по кредитам, такого как залог имущества или поручительство третьих лиц. Для многих крестьянских хозяйств это может быть затруднительно.
- Неразвитость системы государственной поддержки. Государственная поддержка крестьянских хозяйств до сих пор является недостаточной или распределяется неравномерно между регионами.

Для преодоления этих сложностей необходимо продолжить развивать систему государственной поддержки крестьянских хозяйств, предоставлять льготные кредиты и финансовую помощь, а также стимулировать развитие альтернативных финансовых инструментов, таких как краудфандинг и лизинг.

Также государственная поддержка крестьянских хозяйств должна быть направлена на развитие сельского хозяйства и повышение его конкурентоспособности. Однако распределение этой поддержки между регионами распределяется неравномерно, что приводит к дисбалансу в развитии аграрного сектора.

Для достижения равномерного распределения государственной поддержки важно учитывать характеристики каждого региона, его потребности и возможности для создания условий, способствующих развитию крестьянских хозяйств в разных частях страны.

Наконец, ещё одной проблемой является недостаточная защита прав собственности и интеллектуальной собственности. Это приводит к утрате контроля над активами и доходами, а также к нарушению авторских прав и патентов.

Необходимо усилить меры по защите прав собственности и интеллектуальной собственности, особенно в отношении сельскохозяйственных технологий, сортов растений и пород животных. Это будет способствовать развитию инноваций и повышению конкурентоспособности крестьянских хозяйств.

Также к проблеме, с которыми сталкиваются фермеры, можно отнести несовершенство земельного законодательства. Это проявляется в сложности оформления земельных участков, что затрудняет использование земель для сельскохозяйственных целей. Кроме того, отсутствие чёткого регулирования земельных отношений приводит к конфликтам между фермерами и другими землепользователями. Для решения этой проблемы необходимо упростить процедуры оформления земельных участков и урегулирование земельных споров.

Другой важной проблемой является недостаток доступного кредитования для фермеров. Высокие процентные ставки и строгие требования банков делают кредиты недоступными для многих фермерских хозяйств. Для решения данной задачи требуется разработать меры государственной поддержки фермерского кредитования, такие как субсидирование процентных ставок или предоставление государственных гарантий. Также можно рассмотреть возможность создания специализированных кредитных организаций, ориентированных на работу с фермерскими хозяйствами.

Государственная поддержка и субсидии являются важным инструментом для развития фермерских хозяйств. Однако процедуры получения поддержки часто сложны и бюрократизированы, что затрудняет доступ к ней для многих фермеров. Для решения этой проблемы необходимо упростить процедуры подачи заявок на получение поддержки и сократить сроки рассмотрения заявок. Также необходимо обеспечить прозрачность и открытость процедур распределения субсидий, чтобы избежать коррупции и злоупотреблений.

Кроме того, необходимо расширить перечень видов государственной поддержки, доступных для фермеров. Например, можно предоставить субсидии на приобретение сельскохозяйственной техники, семян и удобрений, а также на обучение и повышение квалификации работников фермерских хозяйств.

Страхование является важным инструментом защиты от рисков, связанных с сельскохозяйственной деятельностью. Однако система страхования для фермеров развита недостаточно, что ограничивает возможности фермеров по защите своих интересов. Для достижения равномерного распределения государственной поддержки важно учитывать характеристики каждого региона, его потребности и возможности для создания условий, способствующих развитию крестьянских хозяйств в разных частях страны. Также необходимо повысить доступность страховых услуг для фермеров, снижая тарифы и упрощая процедуры оформления страховых полисов.

Защита прав собственности также является важной проблемой для фермеров. Отсутствие чётких правовых норм и механизмов защиты прав собственности может привести к спорам и конфликтам между фермерами и другими лицами [3, с.33]. Для решения этой проблемы необходимо усилить меры по защите прав собственности, совершенствуя законодательство и правоприменительную практику.

Кооперация и интеграция фермерских хозяйств являются важными механизмами повышения эффективности и конкурентоспособности. Однако в настоящее время эти механизмы развиты недостаточно. Для решения этой проблемы необходимо создать условия для развития кооперации и интеграции, предоставляя фермерам поддержку в создании кооперативов и интегрированных структур. Также необходимо разработать меры стимулирования кооперативного взаимодействия, такие как налоговые льготы и государственные субсидии.

Развитие кооперации и интеграции позволит фермерам совместно решать общие про-

блемы, обмениваться опытом и ресурсами, а также повышать свою конкурентоспособность на рынке.

Контроль и надзор за деятельностью фермерских хозяйств являются необходимыми мерами для обеспечения соблюдения законодательства и предотвращения нарушений. Однако существующие механизмы контроля и надзора часто неэффективны и бюрократичны. С целью урегулирования данной проблемы требуется оптимизировать процедуры мониторинга и проверки, направленные на повышение уровня прозрачности и упрощение доступа к ним со стороны фермерских хозяйств. Кроме того, целесообразно интегрировать передовые технологии и методики контроля, включая дистанционное зондирование и электронные системы учёта.

Совершенствование механизмов контроля и надзора позволит обеспечить соблюдение законодательства фермерами и предотвратить нарушения, что способствует развитию добросовестной конкуренции и повышению качества продукции.

Таким образом, оптимизация правового регулирования деятельности фермерских хозяйств является сложной задачей, требующей комплексного подхода. Решение проблем в области земельных отношений, кредитования, государственной поддержки, страхования, кооперации, интеграции и контроля позволит создать благоприятные условия для развития фермерских хозяйств и повышения их конкурентоспособности.

В рамках проведённого исследования были рассмотрены основные аспекты, связанные с правовым регулированием деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств. Были проанализированы существующие меры государственной поддержки и развития данной формы хозяйствования, а также выявлены проблемы и недостатки в действующем законодательстве.

Действующее законодательство предусматривает ряд мер по поддержке и развитию фермерских хозяйств, таких как предоставление субсидий, кредитов, налоговых льгот и т. д. Однако, несмотря на наличие этих мер, существуют проблемы и ограничения, которые препятствуют их эффективному использованию.

Одной из основных проблем является сложность и бюрократизация процедур получения государственной поддержки. Это приводит к тому, что многие фермеры не могут воспользоваться предоставленными им льготами и субсидиями. Кроме того, существует риск злоупотребления со стороны государственных органов и недобросовестных участников рынка, что также снижает эффективность государственной поддержки.

Для повышения эффективности государственной поддержки фермерских хозяйств необходимо внести ряд изменений в действующее законодательство. В частности, следует упростить процедуры получения субсидий и кредитов, а также разработать механизмы контроля за их использованием. Также необходимо совершенствовать систему налогообложения фермерских хозяйств и предоставлять им налоговые льготы в зависимости от результатов их деятельности.

Список литературы:

[1] Битмурат, Д.Х. О месте крестьянского (фермерского) хозяйства в системе гражданско-правового регулирования / Д. Х. Битмурат // Юридический мир. – 2023. – № 6. – С. 12-16.

[2] Ганиев, М.Р. Проблемы правового регулирования деятельности крестьянского (фермерского) хозяйства / М. Р. Г. Ганиев, М. Ш. Кадимова // Закон и право. – 2023. – № 3. – С. 125-127.

[3] Демин, Е.В. Нормативное регулирование правового статуса крестьянских (фермерских) хозяйств / Е. В. Демин // Юридическая наука. – 2022. – № 2. – С. 32-35.

[4] Зачупейко, М.А. Правовое регулирование создания и деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств: проблемы и пути их решения / М. А. Зачупейко // Государство и право : Материалы 61-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 17–26 апреля 2023 года. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2023. – С. 45-46.

[5] Ильенко, Д.А. К истории развития правового регулирования крестьянского (фермерского) хозяйства / Д. А. Ильенко, Н. Н. Симачкова // Наука и современность : Сборник статей студентов, магистрантов и аспирантов Уральского государственного аграрного университета по материалам круглого стола, Екатеринбург, 29 сентября 2021 года. – Екатеринбург: Уральский государственный аграрный университет, 2021. – С. 121-125.

[6] Кудашев, С.Е. Роль правового регулирования в формировании устойчивого развития крестьянского (фермерского) хозяйства / С. Е. Кудашев // Образование и право. – 2023. – № 8. – С. 196-199.

[7] Лебедева, Т.С. Правовое регулирование льготного кредитования крестьянских (фермерских) хозяйств / Т. С. Лебедева // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 8(176). – С. 86-87.

[8] Митякина, Н.М. Нормативное регулирование правового статуса крестьянских (фермерских) хозяйств / Н. М. Митякина, А. В. Салихова // Проблемы научной мысли. – 2023. – Т. 5, № 4. – С. 47-50.

[9] Симачкова, Н.Н. К проблеме правового регулирования субсидирования крестьянских фермерских хозяйств в Российской Федерации / Н. Н. Симачкова // Наука. Образование. Культура: Материалы Всероссийской национальной научно-практической конференции «Целищевские чтения - 2022», Екатеринбург, 11 февраля 2022 года. Том Выпуск 4. – Екатеринбург: Уральский государственный аграрный университет, 2022. – С. 224-229.

References:

[1] Bitmurat, D.Kh. On the place of peasant (farm) economy in the system of civil law regulation/D. Kh. Bitmurat//Legal world. – 2023. – № 6. - S. 12-16.

[2] Ganiev, M.R. Problems of legal regulation of the activities of peasant (farm) economy/M.R. G. Ganiev, M. Sh. Kadimova//Law and Law. – 2023. – № 3. - S. 125-127.

[3] Demin, E.V. Normative regulation of the legal status of peasant (farm) farms/E.V. Demin//Legal science. – 2022. – № 2. - S. 32-35.

[4] Zachupeiko, M.A. Legal regulation of the creation and activities of peasant (farmer) farms: problems and ways to solve them/M.A. Zachupeiko// State and law: Materials of the 61st International Scientific Student Conference, Novosibirsk, April 17-26, 2023. - Novosibirsk: CPI NSU, Novosibirsk National Research State University, 2023. - S. 45-46.

[5] Ilyenko, D.A. On the history of the development of legal regulation of peasant (farm) economy/D.A. Ilyenko, N.N. Simachkova//Science and modernity: Collection of articles by students, undergraduates and graduate students of the Ural State Agrarian University based on the materials of the round table, Yekaterinburg, September 29, 2021. - Yekaterinburg: Ural State Agrarian University, 2021. - S. 121-125.

[6] Kudashev, S.E. The role of legal regulation in the formation of sustainable development of peasant (farm) economy/S.E. Kudashev//Education and law. – 2023. – № 8. - S. 196-199.

[7] Lebedeva, T.S. Legal regulation of preferential lending to peasant (farm) farms/T.S. Lebedeva// Law and state: theory and practice. – 2019. – № 8(176). - S. 86-87.

[8] Mityakina, N.M. Normative regulation of the legal status of peasant (farm) farms/N.M. Mityakina, A.V. Salikhova//Problems of scientific thought. – 2023. - T. 5, NO. 4. - S. 47-50.

[9] Simachkova, N.N. On the problem of legal regulation of subsidizing peasant farms in the Russian Federation/N.N. Simachkova//Science. Education. Culture: Materials of the All-Russian National Scientific and Practical Conference "Tselishchevsky Readings - 2022," Yekaterinburg, February 11, 2022. Volume Issue 4. - Yekaterinburg: Ural State Agrarian University, 2022. - S. 224-229.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-118-121

БЕЛЯВСКИЙ С.В.,
аспирант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (Университет «Синергия»), e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
УСАНОВ В.Е.,
доктор юридических наук, профессор, академик РАО, e-mail: mail@law-books.ru

РЕОРГАНИЗАЦИЯ И ЛИКВИДАЦИЯ ТОВАРИЩЕСТВА НА ВЕРЕ (КОММАНДИТНОГО ТОВАРИЩЕСТВА)

Аннотация. *Реорганизация и ликвидация товарищества на вере (коммандитного товарищества) в гражданском законодательстве России образуют завершающий блок норм, через который наиболее наглядно выявляется правовая природа данной организационно-правовой формы. Для товарищества на вере, однако, не все формы реорганизации имеют одинаковую практическую значимость. Наиболее органичной и прямо предусмотренной для него является форма преобразования, поскольку именно она позволяет изменить юридическую форму товарищества без полного разрыва хозяйственной деятельности.*

Ключевые слова: *товарищество на вере, коммандитное товарищество, Гражданский кодекс, юридическое лицо, имущественный комплекс, вкладчики, товарищи.*

BELYAVSKY S.V.,
post-graduate student, Non-State Educational Private Institution of Higher Education "Moscow Financial and Industrial University "Synergy" (University "Synergy")

Scientific supervisor:
USANOV V.E.,
Doctor of Law, Professor, Academician of RAO

REORGANIZATION AND LIQUIDATION OF A PARTNERSHIP ON FAITH (LIMITED PARTNERSHIP)

Annotation. *Reorganization and liquidation of a partnership on faith (limited partnership) in the civil legislation of Russia form the final block of norms, through which the legal nature of this organizational and legal form is most clearly revealed. For fellowship on faith, however, not all forms of reorganization have the same practical significance. The most organic and directly envisaged for it is the form of transformation, since it is it that allows you to change the legal form of the partnership without completely breaking the economic activity.*

Key words: *faith partnership, limited partnership, Civil Code, legal entity, property complex, depositors, comrades.*

В общей теории гражданского права реорганизация и ликвидация традиционно рассматриваются как самостоятельные формы прекращения либо преобразования правосубъектности юридического лица. Реорганизация означает организационно-правовую трансформацию, при которой права и обязанности переходят к правопреемнику или правопреемникам в

порядке универсального правопреемства; ликвидация же, напротив, предполагает прекращение юридического лица без перехода его прав и обязанностей в порядке универсального правопреемства к другим субъектам [1]. Данное разграничение имеет фундаментальный характер и применительно к товариществу на вере, поскольку именно через него определяется, сохраняется ли в измененном виде предпринимательский проект, лежащий в основе коммандиты, или же он полностью прекращается.

Если на стадии учреждения и текущей деятельности коммандиты в центре внимания находятся учредительный договор, складочный капитал, статус полных товарищей и вкладчиков, то на стадии трансформации или прекращения юридического лица правовое регулирование вынуждено отвечать на принципиально иной вопрос: каким образом сохранить либо прекратить правовую оболочку организации, основанной на сочетании личного предпринимательского участия и пассивного инвестиционного участия [2].

Именно поэтому анализ реорганизации и ликвидации товарищества на вере не может ограничиваться пересказом статей 86 ГК РФ и общих правил о прекращении юридических лиц. Данный параграф требует рассмотрения по меньшей мере в трех взаимосвязанных аспектах: во-первых, через общую теорию реорганизации и ликвидации юридических лиц; во-вторых, через специальные положения о полном и коммандитном товариществах; в-третьих, через доктринальные представления о личном элементе хозяйственных товариществ и его влиянии на судьбу организации при изменении ее персональной и имущественной структуры [3].

Е. А. Суханов, раскрывая правовую сущность хозяйственных товариществ, подчеркивает, что они значительно в большей степени, чем хозяйственные общества, представляют собой объединения лиц, а не объединения капиталов [4]. Этот тезис имеет прямое значение для темы настоящего параграфа. Если юридическое лицо в большей степени строится вокруг капитала, то его реорганизация обычно может быть описана как изменение внешней организационной оболочки имущественного комплекса. Однако если в основе организации лежит личное, фидуциарное соединение конкретных участников, то реорганизация и ликвидация неизбежно затрагивают не только имущество и корпоративную форму, но и саму структуру взаимного доверия, на которой покоится товарищество [5].

Г. Ф. Шершеневич, анализируя товарищеские формы в торговом праве, исходил из того, что товарищество как союз строится не только на имущественном интересе, но и на личном доверии между участниками, а потому прекращение или изменение состава товарищества воздействует на него качественно сильнее, чем это происходит в капиталистических корпорациях [6]. Коммандитное товарищество в этом отношении занимает промежуточное положение. С одной стороны, оно наследует личную природу полного товарищества; с другой — допускает участие вкладчиков, чье положение ближе к капиталистической модели инвестора [6]. Следовательно, реорганизация и ликвидация коммандиты всегда связаны с необходимостью заново определить баланс между личным элементом и элементом капитала.

Нормативную основу рассматриваемого вопроса образуют прежде всего статьи 57–64.2, 68, 81 и 86 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также положения Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [7]. Статья 86 ГК РФ закрепляет специальные правила ликвидации товарищества на вере, однако они не являются самодостаточными: их применение возможно только в системе с общими нормами о ликвидации юридических лиц и со специальными нормами о полном товариществе, к которым законодатель прямо отсылает [8]. Уже эта нормативная конструкция показывает, что правовой режим прекращения коммандиты носит производный и многослойный характер.

Согласно пункту 1 статьи 57 ГК РФ реорганизация юридического лица может быть осуществлена в формах слияния, присоединения, разделения, выделения и преобразования [8]. Данное общее правило в полной мере распространяется и на хозяйственные товарищества, если иное не вытекает из специального законодательства или существа конкретной организационно-правовой формы. Для товарищества на вере, однако, не все формы реорганизации имеют одинаковую практическую значимость. Наиболее органичной и прямо предусмотренной для него является форма преобразования, поскольку именно она позволяет изменить юридическую форму товарищества без полного разрыва хозяйственной деятельности [9]. Вопрос о слиянии, присоединении, разделении и выделении также теоретически допустим, но в силу персонализированной природы товарищества и сравнительно редкого использования этой формы в российском обороте такие случаи выглядят менее типичными [10].

Особое значение для коммандиты имеет статья 68 ГК РФ, закрепляющая, что хозяйственные товарищества и общества одного вида могут преобразовываться в хозяйственные товарищества и общества другого вида или в производственные кооперативы по решению общего

собрания участников в порядке, установленном законом [11]. Применительно к товариществу на вере указанная норма подтверждает, что коммандита не является «закрытой» формой, обреченной на ликвидацию при всяком серьезном структурном изменении. Напротив, закон допускает сохранение хозяйственного проекта путем смены организационно-правовой оболочки, если прежняя форма уже не соответствует составу участников, масштабам деятельности или экономическим потребностям [12].

Однако именно в случае коммандитного товарищества преобразование выступает не просто факультативной возможностью, а в некоторых ситуациях — юридически предпочтительной альтернативой ликвидации. Это прямо следует из пункта 1 статьи 86 ГК РФ, согласно которому при выбытии всех вкладчиков товарищество на вере ликвидируется, однако полные товарищи вправе вместо ликвидации преобразовать его в полное товарищество [13]. Данная норма чрезвычайно показательна в теоретическом плане. Она означает, что законодатель связывает видовую самостоятельность товарищества на вере с наличием обеих категорий участников: полных товарищей и вкладчиков. Когда вкладчики исчезают, коммандита теряет специфический «коммандитный» признак и, следовательно, либо прекращает существование, либо преобразуется в форму, отвечающую фактическому персональному составу [14].

Т. В. Мельникова в исследованиях полного и коммандитного товариществ обращает внимание на то, что правовая природа коммандиты определяется не простым сосуществованием двух групп участников, а нормативным признанием их функциональной разнородности [14]. Именно поэтому выбытие всех вкладчиков для товарищества на вере имеет гораздо более серьезное значение, чем, например, обычное выбытие одного из полных товарищей. В последнем случае изменяется лишь персональная конфигурация товарищеского ядра; в первом же — исчезает один из обязательных структурных элементов самой организационно-правовой формы [15]. Ликвидация или преобразование в полное товарищество в такой ситуации выступает не санкцией, а логическим следствием утраты видового признака.

Нужно подчеркнуть, что пункт 1 статьи 86 ГК РФ не навязывает полным товарищам исключительно ликвидационное решение. Закон предлагает им альтернативу — преобразование в полное товарищество. Тем самым российское гражданское право проявляет принцип организационной экономии: если в товариществе продолжает существовать предпринимательское объединение полных товарищей, нет необходимости механически разрушать его только потому, что прекратилось участие вкладчиков [16]. В этом проявляется общая идея гражданско-правовой рациональности: приоритет должен отдаваться сохранению жизнеспособного хозяйственного организма, если для этого существует допустимая правовая форма.

Список литературы:

[1] См.: Белов В. А. Гражданское право : в 4 т. Т. II. Общая часть : в 2 кн. Кн. II.1. Лица, блага. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2015. С. 200–209; Нода Е. В. Ликвидация юридических лиц по законодательству Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2005. С. 21–39.

[2] См.: Суханов Е. А. Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. 1 : Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2023. С. 286–296; Шиткина И. С. Корпоративное право в таблицах и схемах : учеб.-метод. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2025. С. 141–149.

[3] См.: Попондопуло В. Ф. Коммерческое (предпринимательское) право : учебник : в 2 т. / под ред. В. Ф. Попондопуло. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. Т. 1. С. 129–133; Овод И. В. Товарищества по гражданскому праву : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03. Самара, 2006. С. 41–88.

[4] Суханов Е. А. Указ. соч. С. 286–296.

[5] См.: Овод И. В. Указ. соч. С. 41–58.

[6] Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права / сост. В. А. Белов. М. : Юрайт, 2019. С. 125–131.

[7] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : федер. закон от 08 авг. 2001 г. № 129-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.

[8] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) … Ст. 81, 86.

[9] См.: Попондопуло В. Ф. Указ. соч. С. 129–133.

[10] См.: Шиткина И. С. Указ. соч. С. 147–149.

[11] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) … Ст. 68.

[12] См.: Суханов Е. А. Указ. соч. С. 292–296.

[13] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) … Ст. 86.

[14] См.: Мельникова Т. В. Полное и коммандитное товарищества в России и Соединенных Штатах Америки: сравнительно-правовой аспект : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03. Иркутск, 2012. С. 94–101.

[15] См.: Овод И. В. Указ. соч. С. 74–88.

[16] См.: Суханов Е. А. Указ. соч. С. 294–296.

References:

[1] See: Belov V. A. Civil law: in 4 vols. T. II. General part: in 2 books. Kn. II.1. Faces, blessings. 2nd ed., Revised and add. M.: Yurayt, 2015. C. 200-209; Noda E.V. Liquidation of legal entities under the legislation of the Russian Federation: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.03. M., 2005. S. 21-39.

[2] See: Sukhanov E. A. Civil law: textbook: in 4 vols. T. 1: General part. 3rd ed., Revised and add. M.: Statute, 2023. S. 286-296; Shitkina I. S. Corporate law in tables and diagrams: textbook-method. allowance. 4th ed., Revised and add. M.: Justicinform, 2025. S. 141-149.

[3] See: Popondopulo V.F. Commercial (entrepreneurial) law: textbook: in 2 volumes/ed. V.F. Popondopulo. 5th ed., Revised and add. M.: Prospect, 2017. VOL. 1. S. 129-133; Gadfly I.V. Civil Law Partnerships: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.03. Samara, 2006. S. 41-88.

[4] Sukhanov E. A. Decree. Op. S. 286-296.

[5] See: Gadfly I.V. Decree. Op. S. 41-58.

[6] Shershenevich G.F. Textbook of commercial law/comp. V. A. Belov. M.: Yurayt, 2019. S. 125-131.

[7] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30. 1994 No. 51-FZ//Sobr. legislation Ros. Federations. 1994. № 32. Art. 3301; On state registration of legal entities and individual entrepreneurs: feder. Law No. 129-FZ dated August 08, 2001//Sobr. legislation Ros. Federations. 2001. No. 33 (part I). Art. 3431.

[8] Civil Code of the Russian Federation (Part One)... Art. 81, 86.

[9] See: Popondopulo V.F. Decree. Op. S. 129-133.

[10] See: Shitkina I.S. Decree. Op. S. 147-149.

[11] Civil Code of the Russian Federation (Part One)... Art. 68.

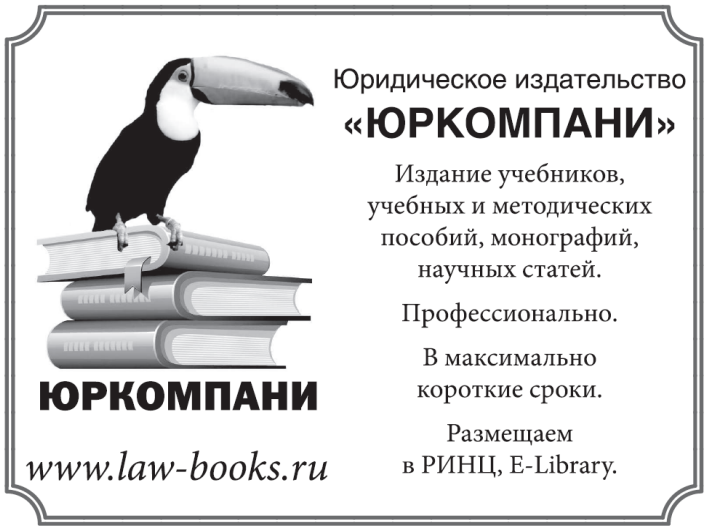
[12] See: Sukhanov E. A. Decree. Op. S. 292-296.

[13] Civil Code of the Russian Federation (Part One)... Art. 86.

[14] See: T.V. Melnikova Full and limited partnerships in Russia and the United States of America: comparative legal aspect: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.03. Irkutsk, 2012. S. 94-101.

[15] See: Gadfly I.V. Decree. Op. S. 74-88.

[16] See: Sukhanov E. A. Decree. Op. S. 294-296.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-122-132

КАНЦЕР Юрий Александрович,
к.ю.н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО
«РАНХиГС при Президенте РФ»,
e-mail: yurikantser@mail.ru.

ЛОГВИНОВА София Максимовна,
студентка 4 курса Юридического факультета
Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО
«РАНХиГС при Президенте РФ»,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСПАРИВАНИЕ СДЕЛОК ДОЛЖНИКА КАК МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ КРЕДИТОРОВ ПО ДЕЛАМ О БАНКРОТСТВЕ

Аннотация. *Оспаривание сделок является важным инструментом защиты прав кредиторов в рамках процедур банкротства и гражданских дел. В условиях финансовых трудностей должника, такие сделки могут быть направлены на сокрытие активов или уклонение от обязательств перед кредиторами. В данной работе рассматриваются основные правовые механизмы, делает уклон на нормативно-правовую базу, особенности её применения, а также модели регулирования процедуры оспаривания сделок, подозрительные и преференциальные сделки. Также анализируется влияние оспаривания сделок на восстановление прав кредиторов и возможность их удовлетворения в рамках конкурсного производства.*

Ключевые слова: *кредитор, должник, сделка, модель, объективные и субъективные критерии, справедливость, оспаривание, гражданский оборот.*

KANTSER Yury Aleksandrovich,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law disciplines
of the Volgograd Institute of Management - a branch of the Federal State
Budgetary Educational Institution of Higher Education
«RANEPA under the President of the Russian Federation»,
Director of the law firm LLC «Regional Legal Company»

LOGVINOVA Sofia Maksimovna,
a 4th–year student of the Law Faculty
of the Volgograd Institute of Management,
a branch of the RANEPA Presidential Academy
of Sciences of the Russian Federation

CONTESTING DEBTOR'S TRANSACTIONS AS A MECHANISM FOR PROTECTING THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF CREDITORS IN BANKRUPTCY CASES

Annotation. *Contesting transactions is an important tool for protecting creditors' rights in bankruptcy and civil cases. In conditions of financial difficulties of the debtor, such transactions may be aimed at hiding assets or evading obligations to creditors. This paper examines the main legal mechanisms, focuses on the regulatory framework, the specifics of its application, as well as models for regulating the procedure for challenging transactions, suspicious and preferential transactions. The impact of contesting transactions on the restoration of creditors' rights and the possibility of satisfying them in bankruptcy proceedings is also analyzed.*

Key words: *creditor, debtor, transaction, model, objective and subjective criteria, justice, challenge, civil turnover.*

В условиях современного экономического оборота вопрос оспаривания сделок как меры защиты правового положения кредитора становится особенно актуальным. С ростом числа случаев банкротства и финансовых затруднений у должников, кредиторы сталкиваются с необходимостью защищать свои интересы и минимизировать возможные потери. Однако, несмотря на очевидные преимущества этой меры, она также вызывает множество правовых споров и дискуссий, связанных с ее применением и последствиями для добросовестных контрагентов. Важно учитывать баланс между защитой интересов кредиторов и стабильностью гражданского оборота, что делает данную тему особенно значимой для юристов, предпринимателей и всех участников экономических отношений. В условиях неопределённости и нестабильности рынка понимание механизмов оспаривания сделок и их влияния на правовое положение кредиторов приобретает первостепенное значение [4].

При проведении исследований в области банкротства невозможно обойти вниманием многогранные аспекты этого сложного явления. С одной стороны, банкротство представляет собой неспособность должника исполнять свои финансовые обязательства перед кредиторами, что зачастую выражается в нарушении договорных условий и уклонении от выполнения обязательств. Эта сторона проблемы очевидна для кредиторов, которые рассматривают банкротство как инструмент давления на должника, направленный на восстановление справедливости и привлечение его к ответственности за негативные последствия своих действий. С другой стороны, банкротство может выполнять конструктивную роль, служа механизмом преодоления кризисов и исправления допущенных ошибок, что позволяет повторно интегрировать важные ресурсы, включая человеческий капитал, в экономическую деятельность, тем самым осуществляя свою реабилитационную функцию и способствуя восстановлению устойчивости экономики.

Вопрос о моделях регулирования отношений в сфере несостоятельности (банкротства) действительно является предметом активных научных дискуссий. Основные подходы к классификации этих моделей - продолжниковская и прокредиторская, отражающие различные приоритеты в защите интересов участников процесса. [1]

Рассмотрим их подробнее:

1. Продолжниковская: ориентирована на защиту интересов должника, который находится в состоянии финансовой несостоятельности, основной целью процедуры банкротства является не только удовлетворение требований кредиторов, но и возможность восстановления платежеспособности должника. Она имеет свои преимущества - помогает сохранить рабочие места и производственные мощности, что важно для экономики в целом, защита должника позволяет избежать чрезмерного давления со стороны кредиторов и способствует более гуманному подходу к решению финансовых проблем; [7]
2. прокредиторская модель: акцентирует внимание на защите интересов кредиторов, удовлетворению требований в максимально короткие сроки и с минимальными затратами, реабилитационная функция не присуща. Сущность заключаются в следующем - кредиторы, предоставившие средства имеют возможность вернуть свои инвестиции, что способствует доверию к финансовым системам, более ответственному поведению должников, так как они понимают, что за неисполнение обязательств последуют серьезные последствия [7].

В рамках каждой из этих моделей существуют умеренные и радикальные подходы [3]. Умеренные предполагают более сбалансированный подход, где интересы обеих сторон учитываются в определённой степени. Радикальные, наоборот, склоняются к крайним мерам либо полному игнорированию интересов одной стороны, либо их абсолютной защите. Различия между моделями также проявляются в механизмах, предлагаемых законодателем для реализации прав заинтересованных сторон, например: в продолжниковских моделях могут быть предусмотрены механизмы реабилитации должника, такие как реструктуризация долгов или предоставление временной защиты от кредиторов, а в прокредиторских моделях акцент может делаться на быструю ликвидацию активов должника, «очищение» юридического лица и пропорциональное соразмерное, согласно очерёдности, распределение средств, среди кредиторов.

Таким образом, выбор той или иной модели регулирования отношений в сфере несостоятельности зависит от приоритетов. Каждая из моделей имеет свои плюсы и минусы, и их применение должно быть обосновано конкретными экономическими и социальными условиями.

Оспаривание сделок в контексте банкротства, действительно, представляет собой сложный и многогранный процесс, который требует учета интересов, как кредиторов, так и контрагентов должника [9]. Важность конкурсного оспаривания заключается в его функциях, имеющих некоторые особенности, например:

1. Восстановление прав кредиторов: позволяет вернуть активы, которые были отчуждены должнику перед объявлением бан-

кротства, что особенно важно для кредиторов, которые могут потерять свои средства из-за недобросовестных действий должника;

2. баланс интересов: оспаривание может негативно сказаться на интересах контрагентов должника - это создает необходимость в поиске баланса между защитой прав кредиторов и защитой добросовестных приобретателей активов, поддержания стабильности, здесь как раз работаю модели регулирования;
3. недобросовестное использование механизмов: манипулирование процессом ради личной выгоды, способным подорвать доверие к институту банкротства и привести к негативным последствиям для всех участников гражданского оборота;
4. гармонизация норм: необходимость упорядочивания и структуризации норм конкурсного права с общегражданскими нормами становится все более актуальной, с целью избежания злоупотреблений и обеспечения стабильности гражданского оборота.

Конкурсное оспаривание сделок является важным инструментом в области банкротства, но его применение должно быть сбалансированным и направленным на защиту интересов всех сторон.

Стоит отметить, что в российской правовой системе существуют деликтная или квазиделиктная теория, которые объясняют недействительные сделки как правонарушения должника, которые могут причинить вред кредиторам.

Деликтная теория предполагает, что действия должника могут быть квалифицированы как правонарушение, в то время как квазиделиктная теория рассматривает действия, которые не являются прямыми правонарушениями, но создающие риск создания неблагоприятных последствий.

Судебная практика в России смещается в сторону оценки добросовестности контрагентов по сделкам, совершенным должником, что суды все больше учитывают намерения и поведение сторон при заключении сделок. Такой подход позволяет участникам лучше прогнозировать последствия своих действий, что способствует большей стабильности и предсказуемости в правовых отношениях.

Наравне с ними, выделяют легальную теорию и кондикционную [10]. Проанализируем каждую:

1. Легальная: акцентирует внимание на соблюдении буквы закона, ответчик должен доказать, что сделка соответствовала всем правовым нормам, должен ссылаться на отсутствие нарушений конкретных правовых норм, регулирующих её, доказательство того, что была оформлена в соответствии с требованиями законодательства (например, наличие всех необходимых документов, соблюдение процедуры);
2. кондикционная: касается случаев, когда одна сторона получает выгоду за счет другой без законных оснований. Важным аспектом защиты будет доказательство отсутствия обогащения ответчика в результате оспариваемой сделки.

Таким образом, каждая из теорий предлагает уникальный подход к оценке, совершённой сделки и правовым последствиям, что в совокупности создает комплексную и сбалансированную систему правового регулирования.

Термины «конкурсное оспаривание» и «внеконкурсное оспаривание» имеют значение в контексте законодательства о банкротстве и защиты прав кредиторов. Конкурсное оспаривание - процесс оспаривания сделок и других юридически значимых действий в рамках дела о банкротстве, где основное внимание уделяется сделкам, которые были совершены должником до начала процедур банкротства и которые могут повредить интересам кредиторов. Внеконкурсное оспаривание - оспаривание вне рамок дела о банкротстве, которое может происходить до введения процедур банкротства, направленное на защиту прав кредиторов, чьи интересы могли быть нарушены.

Хельмут Коциоль, известный австрийский цивилист, объединяет конкурсное и внеконкурсное оспаривание под общим термином «кредиторское оспаривание», что подчеркивает их общую направленность на защиту прав кредиторов и восстановление справедливости в отношении их требований. При оспаривании различают несколько видов сделок - подозрительные и преференциальные. [5]

Обратимся к каждой из них.

Подозрительными признаются сделки, которые имеют неравноценное встречное исполнение или привели к причинению имущественного вреда правам кредиторов

В то время как преференциальная - сделки, влекущие преимущественное удовлетворение одних кредиторов перед другими.

Подозрительные отличаются от преференциальных отсутствием встречного положительного эффекта, которые направлены против интересов кредиторов, предполагающие компенсацию вывода активов прекращением обязательств должника перед отдельным кредитором, которому оказано предпочтение [11]. Такие сделки наносят меньший вред интересам кредиторов, и по этой причине возможность их оспаривания действующее законодательство ограничивает

меньшими, чем для фраудаторных сделок, периодами подозрительности. Существенным для практики представляется вопрос о возможности квалификации сделок по преимущественному удовлетворению требований кредиторов в качестве подозрительных (фраудаторных) сделок: например, по передаче должником имущества в залог по ранее возникшим своим обязательствам либо по передаче отступного, проведению зачета.

Как показывает практика, сделки, которые могут быть признаны недействительными, связаны с тем, что ухудшают финансовое положение должника (например, продажа имущества по заниженной цене, вытекающие мнимые и притворные сделки). В данном случае не ухудшает имущественное положение, поскольку: имущественная масса не уменьшается (продолжает владеть имуществом), если оно передается в обмен на уменьшение долга, то это уменьшает обязательства, чистые активы остаются неизменными, так как уменьшение активов компенсируется уменьшением обязательств.

Таким образом, такие сделки направлены на обеспечение интересов кредитора, но не ухудшают финансовое положение должника, а наоборот - могут улучшить его, так как уменьшают общую задолженность.

Судебная практика зачастую придерживается подхода, согласно которому сделка по передаче имущества в залог, в том числе по обязательствам самого должника, может быть квалифицирована как преференциальная сделка или сделка, причиняющая вред. Данный подход основывается на п. 8 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением гл. 3.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту - Постановление). В этом документе указано, что в соответствии с положениями п. 1 ст. 61.2 Постановления могут оспариваться исключительно те сделки, которые предполагают встречное исполнение в принципе или обычно. В то же время сделки, которые не включают встречное исполнение (например, договор дарения), или которые обычно не предполагают его (как, например, договор поручительства или залога), не подлежат оспариванию на основании п. 1 ст. 61.2 , вместо этого они могут быть оспорены на основании п. 2 этой же статьи. [3]

При проведении исследований в области банкротства необходимо учитывать его многогранные аспекты, включая правовые, экономические и социально-политические элементы. Банкротство, с одной стороны, представляет собой неспособность должника исполнять свои финансовые обязательства перед кредиторами, что часто приводит к нарушению договорных условий и уклонению от выполнения обязательств. Эта сторона проблемы очевидна для кредиторов, которые воспринимают банкротство как инструмент давления на должника. Они стремятся восстановить справедливость и привлечь его к ответственности за негативные последствия своих действий, с другой стороны, банкротство может выполнять конструктивную роль, действуя как механизм преодоления кризисов и исправления допущенных ошибок. Этот процесс позволяет повторно интегрировать важные ресурсы, включая человеческий капитал, в экономическую деятельность. Таким образом, банкротство осуществляет свою реабилитационную функцию и способствует восстановлению устойчивости экономики. Важно рассматривать банкротство не только как негативное явление, но и как возможность для обновления и улучшения экономической среды.

Ссылка на п. 9.1 Постановления представляется более верной, так как в ней четко указано, что сделка с предпочтением, осуществленная за пределами шестимесячного периода подозрительности, может быть оспорена исключительно на основании, предусмотренном п. 2 ст. 61.2 Закона, как я указывала ранее. Согласно данной норме, может быть признана недействительной, если была совершена должником с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов. Для признания такой сделки недействительной необходимо соблюдение следующих обязательных условий:

1. Факт её совершения в течение трех лет до даты подачи арбитражным судом заявления о признании должника банкротом;
2. наличие направленности на причинение вреда имущественным правам кредиторов;
3. осведомленность другой стороны сделки (ответчика) о наличии у сделки цели причинения вреда кредиторам.

Эти условия формируют четкие критерии для оценки законности проведённых операций, что способствует защите интересов кредиторов в рамках процедуры банкротства.

При рассмотрении дела установливаются следующие обстоятельства:

1. Кредитору должника передано отступное в счет погашения обязательства: сложный и многогранный процесс, который требует внимательного анализа условий и последствий такого действия. Отступное, как форма исполнения обязательств, подразумевает передачу имущества или других активов кредитору вместо денежных средств, что может быть как стратегическим шагом должника, так и вынужденной мерой в условиях финансового кризиса. Во-первых, стоит отметить, что отступное

может служить эффективным инструментом для предотвращения банкротства. В ситуациях, когда должник сталкивается с ликвидностью, передача активов позволяет ему сохранить часть ресурсов и избежать полной утраты контроля над своим бизнесом. Это может быть особенно важно для малых и средних предприятий, которые играют ключевую роль в экономике, обеспечивая рабочие места и поддерживая местные сообщества. Во-вторых, условия, при которых осуществляется передача отступного, имеют критическое значение. Если передача активов происходит в рамках прозрачной и обоснованной сделки, это может укрепить доверие между должником и кредитором. Кредитор, получая отступное, может оценить его стоимость и потенциальную прибыльность, что способствует более конструктивному взаимодействию сторон. Кроме того, необходимо учитывать правовые аспекты передачи отступного. Законодательство различных стран может иметь свои особенности регулирования таких сделок. Важно, чтобы процесс был оформлен в соответствии с действующими нормами права, что обеспечит защиту интересов обеих сторон;

2. на момент предоставления отступного должник находился в состоянии, соответствующем признакам несостоятельности. Это обстоятельство указывает на наличие серьезных финансовых трудностей, препятствующих выполнению обязательств перед кредиторами. Должник, как правило, сталкивается с неплатежеспособностью, что выражается в значительных задолженностях, отсутствии ликвидных активов и других явных признаках финансовых проблем. Несостоятельность должника не является лишь временным затруднением; она может быть следствием систематических ошибок в управлении, неблагоприятной экономической конъюнктуры или внезапных внешних факторов, таких как кризисы или изменения в законодательстве. В этом контексте отсутствие ликвидных активов становится критическим индикатором: если компания не располагает средствами, достаточными для покрытия своих обязательств, это создает риск неисполнения долговых обязательств и ставит под угрозу стабильность всей финансовой системы;
3. если кредитор был осведомлен о финансовых трудностях должника в момент получения отступного, это может свидетельствовать о недобросовестности сделки. Наличие признаков несостоятельности у должника, известных кредитору, ставит под сомнение честность и законность осуществленной сделки;
4. кредитор аффилирован по отношению к должнику (или стоимость отступного превышает 20% процентов балансовой стоимости). Аффилированные лица - это те, которые имеют особые отношения (например, родственники, партнеры или участники одной компании). Если кредитор аффилирован с должником, это может означать, что сделка была проведена не на рыночных условиях и могла быть направлена на уклонение от обязательств перед другими кредиторами, а стоимость отступного превышает 20% балансовой стоимости активов должника, это также может указывать на невыгодные условия для остальных кредиторов.

Сделка по передаче имущества в залог, если она соответствует обычной хозяйственной, не может быть признана недействительной согласно ст. 61., что подчеркивает принцип защиты добросовестных сделок, которые не наносят ущерба кредиторам. П. 3 ст. 61.4 указывает, что сделки должника, которые направлены на исполнение обязательств с равноценным встречным исполнением, могут оспариваться только на основании п. 2 ст. 61.2, однако, это создает правовую неопределенность, поскольку необходимо тщательно разграничивать ситуации, когда сделка может быть оспорена, а применение п. 2 ст. 61.2 и ст. 61.3 вызывает сложности в интерпретации норм, например, если сделка соответствует обычной, но при этом затрагивает интересы других кредиторов, возникает вопрос о том, как правильно оценить ее законность.

Сделка с предпочтением может рассматриваться как частный случай сделки с причинением вреда другим кредиторам. Если стоимость залога превышает 20% балансовой стоимости активов, это может служить основанием для оспаривания, в этом контексте важно учитывать, что даже если кредитор утверждает, что без залога кредит не был выдан, это не освобождает сделку от возможного оспаривания.

Таким образом, Закон о банкротстве вмешивается в обычные гражданские правоотношения, требуя от участников заранее учитывать возможные последствия своих сделок в случае банкротства контрагентов.

Рассмотрим каждую сделку на конкретном примере:

1. Подозрительная: ООО «Альфа», являющееся должником по ряду обязательств перед несколькими кредиторами, в условиях явного ухудшения финансового положения (ликвидность компании близка к нулю,

задолженность по налогам и заработной плате не погашена более двух месяцев) 15.02.2025 г. заключает с аффилированным лицом - ИП Сидоровым О.Ю. сделку купли-продажи складского помещения, находящегося на балансе компании. Стоимость объекта по данным бухгалтерской отчётности составляет 50 млн. руб., рыночная оценка - около 48 млн. руб. Однако по договору объект передаётся за 15 млн. руб., то есть по цене, значительно ниже рыночной и балансовой стоимости. При этом ООО «Альфа» не получает никаких иных встречных обязательств или компенсаций от ИП Сидорова О.Ю., кроме указанной суммы. Сделка оформлена надлежащим образом, переход права собственности зарегистрирован в ЕГРН. Уже 01.04.2025 г. арбитражный управляющий, назначенный в деле о банкротстве ООО «Альфа», обращается в суд с иском о признании данной сделки недействительной как подозрительной (фраудаторной) в соответствии с п. 2 ст. 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Данная сделка подпадает под признаки подозрительной (фраудаторной) сделки, поскольку: отсутствует равноценное встречное исполнение, а передача имущества стоимостью почти 50 млн. руб. за 15 млн. руб. представляет собой явное неравноценное встречное удовлетворение. Разница в цене (35 млн. руб.) фактически эквивалентна безвозмездной передаче части активов, что существенно уменьшает имущественную массу должника. При этом компания не получает эквивалентной компенсации, которая могла бы восполнить убытки или снизить обязательства в той же пропорции, причиняет имущественный вред кредиторам. В результате имущественная масса должника уменьшается без соответствующего снижения обязательств, что напрямую ухудшает положение остальных кредиторов, чьи требования теперь не могут быть удовлетворены в прежнем объёме. Таким образом, сделка носит вредоносный характер, направленный на вывод активов из активов должника.

Сделка совершена в пределах трёхлетнего периода подозрительности. Согласно п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, сделки, направленные на причинение вреда имущественным правам кредиторов, могут оспариваться, если они совершены в течение трёх лет до даты подачи заявления о признании должника банкротом. В рассматриваемом случае сделка совершена менее чем за год до возбуждения дела - условие соблюдено. ИП Сидоров О.Ю. является аффилированным лицом по отношению к ООО «Альфа» (например, бывший директор компании или близкий родственник основного участника). Судебная практика (в частности, п. 9.1 Постановления Пленума ВАС РФ № 63 от 23.12.2010 г.) исходит из презумпции осведомлённости аффилированного лица о финансовом положении должника и целях совершаемой сделки, как я указала выше. Отсутствие рыночной цены, совпадение временных рамок с признаками неплатёжеспособности, а также связь сторон подтверждают добросовестное знание контрагента о том, что сделка наносит ущерб другим кредиторам.

Сделка не улучшает финансовое положение должника. В отличие от ситуаций, где передача имущества (например, в виде отступного или залога) сопровождается уменьшением обязательств и не приводит к ухудшению чистых активов, рассматриваемая сделка не предусматривает погашения долга или иного обязательства перед ИП Сидоровым О.Ю. Следовательно, актив уходит, а обязательства остаются - имущественная масса уменьшается, что приводит к прямому ухудшению финансового состояния.

Сделка не является преференциальной (поскольку не направлена на преимущественное исполнение конкретного обязательства, например, через залог или отступное), а представляет собой классический пример фраудаторной сделки, целью которой является вывод активов из состава имущественной массы должника. Она не обеспечивает интересы кредитора, не уменьшает долговую нагрузку и не способствует финансовому оздоровлению компании. Напротив, ведёт к непропорциональному обеднению активов, что прямо нарушает принцип равноправия, заложенный в законодательстве о банкротстве;

2. Преференциальная: ООО «Бета» испытывает серьезные финансовые трудности: задолженность перед несколькими кредиторами превышает 80 млн. руб., текущие обязательства не исполняются более трёх месяцев, ликвидность фактически отсутствует. Тем не менее, 10.10.2024 г. компания заключает с одним из своих кредиторов - АО «Гамма» - соглашение о предоставлении залога на нежилое здание (балансовая стоимость - 25 млн. руб., рыночная - около 27 млн. руб.) в обеспечение ранее возникшего обязательства по договору поставки от марта 2024 г. на сумму 22 млн. руб. На момент заключения залогового соглашения обязательство ещё не было просрочено, однако у ООО «Бета» отсутствовала возможность исполнить его в установленный срок, о чём АО «Гамма» было осведомлено (например, из переписки или предыдущих запросов о реструктуризации долга).

Уже 20.03.2025 г. арбитражный суд возбуждает в отношении ООО «Бета» дело о банкротстве. Арбитражный управляющий устанавливает, что залоговое соглашение с АО «Гамма» было заключено за 5 месяцев до подачи заявления о банкротстве, и обращается в суд с требованием о признании этой сделки недействительной как преференциальной в соответствии со ст. 61.3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Согласно данной статье, преференциальной признаётся сделка, которая влечёт преимущественное удовлетворение требований одного кредитора перед другими. В данном случае залоговое соглашение существенно улучшает положение АО «Гамма»: в процедуре банкротства оно получает статус залогового кредитора и, согласно ст. 138 Закона о банкротстве, имеет право на удовлетворение своего требования за счёт продажи предмета залога в первую очередь, вне зависимости от очередности. Это ставит АО «Гамма» в привилегированное положение по сравнению с другими необеспеченными кредиторами, чьи требования окажутся полностью или частично неудовлетворёнными.

Преференциальные сделки оспариваются, если они совершены в течение шести месяцев до даты подачи заявления о признании должника банкротом (п. 1 ст. 61.3). В рассматриваемом случае залог предоставлен 10.10.2024 г., а заявление подано 20.03.2025 г. - то есть в пределах 161 дня, что укладывается в шестимесячный «период подозрительности» для преференций.

Ключевым условием применения ст. 61.3 является доказанность того, что на момент совершения сделки должник соответствовал признакам неплатёжеспособности (п. 2 ст. 61.3) или имущества должника было недостаточно для полного удовлетворения требований всех кредиторов (п. 3 ст. 61.3). В нашем случае: ООО «Бета» не исполняло другие обязательства в течение нескольких месяцев; у компании отсутствовали денежные средства для погашения текущей задолженности; балансовая стоимость активов (включая здание) была сопоставима с общей суммой долгов, но ликвидные средства отсутствовали.

Судебная практика (например, Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 02.04.2013 г. № ВАС-2451/13 и Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 63, п. 9.1) указывает, что фактическая неспособность должника исполнять обязательства в срок может свидетельствовать о наличии признаков неплатёжеспособности даже при формальном отсутствии просрочки по конкретному обязательству.

Важно подчеркнуть: залог предоставлён в обеспечение уже существующего обязательства, а не в рамках новой сделки. То есть должник ничего не получил взамен: активы не пополнились, обязательства не уменьшились, инвестиции не привлечены. Следовательно, сделка не приносит должнику экономической выгоды, но одновременно существенно усиливает позиции одного кредитора - это классический признак преференции.

П. 9.1 Постановления Пленума № 63 указывает, что особое внимание следует уделять случаям, когда стоимость имущества, переданного в обеспечение, превышает 20% балансовой стоимости активов должника. В нашем случае здание составляет около 25 млн. руб. при общей балансовой стоимости активов, например, 100 млн. руб. - то есть ровно 25%, что превышает установленный ориентир.

Данная сделка не ухудшает имущественное положение должника в бухгалтерском смысле (актив остаётся на балансе, обязательства не растут), и именно поэтому она не является подозрительной (фраудаторной) в понимании п. 2 ст. 61.2, но она также прямо нарушает принцип равенства кредиторов, заложенный в законодательстве о банкротстве, и создаёт необоснованное преимущество для одного из них.

Именно поэтому такая операция классифицируется как преференциальная, а не фраудаторная. Законодатель в ст. 61.3 специально ограничил срок оспаривания таких сделок шестью месяцами, учитывая, что они не выводят активы из имущественной массы, а лишь перераспределяют очередность удовлетворения требований. Такой подход отражает баланс между защитой интересов кредиторов и допустимостью добросовестных мер по обеспечению обязательств в обычной хозяйственной деятельности.

Вопрос о недействительности сделок с неравноценным встречным исполнением в контексте конкурсного оспаривания является важным аспектом правоприменительной практики, особенно в сфере банкротства. Проанализируем подробнее правовую позицию, связанную с этим вопросом.

Согласно законодательству, сделка может быть признана недействительной, если она была совершена в течение одного года до возбуждения дела о банкротстве или после этой даты, и если встречное исполнение сторон является неравноценным. В этом контексте неравноценность выступает как объективный критерий, который позволяет суду установить факт, влияющий на законность сделки.

В контексте фраудаторных сделок (сделок, направленных на уклонение от удовлетворения требований кредиторов) важно понимать, что: объективные критерии являются основополагаю-

щими для признания сделки недействительной, а субъективные могут быть важны для установления дополнительных обстоятельств дела, но они не являются необходимыми для признания сделки недействительной.

Специальные основания для оспаривания сделок в контексте банкротства отличаются от общих правил, установленных Гражданским кодексом Российской Федерации. Общие основания для оспаривания сделок, указанные в нём, имеют свои цели, отличные от целей конкурсного оспаривания в рамках банкротства. Эти общие основания направлены на отмену юридической силы сделок, которые нарушают законодательство, являются фиктивными или имеют другие недостатки, такие как порок воли или нарушения в субъекте сделки, однако в Законе о банкротстве также предусмотрена возможность оспаривания сделок на основании норм Гражданского кодекса. Это означает, что даже если существуют специальные основания для оспаривания сделок в рамках банкротства, суд может все равно квалифицировать сделку как ничтожную, если в ней было допущено злоупотребление правом. Таким образом, суд может применять как специальные, так и общие нормы при оценке сделок в контексте банкротства.

Ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает важные принципы, касающиеся осуществления гражданских прав. Она подчеркивает, что гражданские права должны осуществляться добросовестно и разумно. Вот основные аспекты:

1. Запрет на причинение вреда: граждане и юридические лица не могут использовать свои права с намерением причинить вред другим. Это значит, что даже если у вас есть законное право на какое-то действие, вы не можете использовать его для того, чтобы навредить другому человеку;
2. запрет на обход закона: запрещается осуществление действий, которые направлены на уклонение от закона или имеют противоправную цель. Это означает, что нельзя использовать юридические конструкции для обхода норм законодательства с целью получения выгоды, которая была бы недоступна в рамках закона;
3. злоупотребление правом: если лицо осуществляет свои права заведомо недобросовестно, это также считается злоупотреблением правом.

Ст. 168 этого же нормативно-правового акта дополняет, устанавливая, что сделки, которые противоречат закону или иному правовому акту, являются недействительными, то есть, если сделка нарушает нормы права (например, заключена с целью обмана или нарушения прав третьих лиц), она не будет иметь юридической силы и не будет защищена законом.

Таким образом, обе статьи работают в связке, обеспечивая защиту прав и законных интересов сторон и предотвращая злоупотребления в гражданских правоотношениях.

Вопрос о соотношении объективных и субъективных оснований является ключевым при оспаривании как преференциальных, так и фраудаторных сделок. [8] Объективная сторона преференциальной сделки заключается в том, что один кредитор получает преимущество перед другими. Для того чтобы установить наличие этого преимущества, достаточно определить два факта: во-первых, должник удовлетворяет обязательство перед конкретным кредитором или создает условия для такого удовлетворения, например, передавая имущество в залог; во-вторых, существуют другие кредиторы, требования которых остаются неудовлетворенными. Субъективная сторона преференциальной сделки связана с осведомленностью стороны сделки о ее недобросовестном характере. Что касается фраудаторных сделок, то здесь субъективная составляющая включает в себя осведомленность стороны о том, что сделка может причинить вред имущественным правам кредиторов. Например, сторона должна понимать, что имущество продается по заниженной цене с намерением исключить других кредиторов из процесса удовлетворения своих требований. В этом случае сторона фраудаторной сделки фактически пытается получить чужое имущество в условиях недобросовестности, что ставит под сомнение ее добросовестность.

При преференциальных сделках сторона получает исполнение обязательства, и для того чтобы такая сделка была признана недобросовестной, необходимо учитывать стандарты добросовестного поведения сторон в аналогичных условиях.

В контексте конкурсного права принцип равенства всех кредиторов является основополагающим, поскольку он обеспечивает справедливое распределение активов должника между всеми его кредиторами. Этот принцип подразумевает, что ни один кредитор не должен получать преимущество перед другими в процессе удовлетворения своих требований, но в ситуации, когда один из кредиторов получает исполнение своих обязательств в ущерб другим, возникает возможность оспаривания преференциальных сделок [12].

Недобросовестность кредитора, который извлекает выгоду в момент, когда ему известно о том, что его действия ставят его в более выгод-

ное положение по сравнению с другими кредиторами, является явным нарушением основополагающего принципа справедливости. Кредитор, осознающий, что его поступки способствуют ухудшению ситуации для остальных кредиторов, фактически идет вразрез с базовыми принципами конкурсного права. [4]

Законодательство о банкротстве учитывает эту недобросовестность и устанавливает ряд правил, направленных на защиту интересов всех кредиторов. Согласно п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве, срок подозрительности преференциальной сделки увеличивается с одного до шести месяцев в случае, если кредитор был осведомлен о признаках неплатежеспособности должника. Это правило подчеркивает значимость информированности кредиторов о финансовом состоянии должника и их ответственность за свои действия, но такой подход не всегда соответствует изначальной концепции оспаривания преференциальных сделок.

В итоге, важно найти баланс между защитой принципа равенства кредиторов и обеспечением справедливости в отношении тех кредиторов, которые действуют добросовестно. Это требует тщательного анализа обстоятельств каждой конкретной сделки и учета всех факторов, влияющих на ее законность и добросовестность.

Цель защиты сделок, совершенных в рамках обычной хозяйственной деятельности, от конкурсного оспаривания заключается в обеспечении стабильности гражданского оборота, как я отмечала ранее. Если бы такой защиты не было, в случае банкротства крупных компаний можно было бы оспаривать множество сделок, которые не оказали бы существенного влияния на финансовое состояние должника, так как эти сделки происходят в период, установленный законом как подозрительный, они могут быть формально признаны недействительными. [6]

Основная задача введения нормы, запрещающей оспаривание сделок, осуществленных в рамках обычной хозяйственной деятельности, заключается в защите добросовестных контрагентов должника. Данная норма направлена на поддержание стабильности и предсказуемости в деловых отношениях, обеспечивая уверенность участников рынка в том, что их законные сделки не будут подвергаться сомнению в случае банкротства одной из сторон, что особенно важно для поддержания доверия в экономической среде, где добросовестные контрагенты, действующие честно и в рамках закона, не должны нести последствия за действия других участников.

Также, мною были выделены следующие особенности оспаривания сделок:

В соответствии с п. 1 ст. 213.1 Закона о банкротстве, отношения, связанные с банкротством граждан, регулируются различными главами закона, включая гл. 1-3.1, 7, 8, пар. 7 гл. 9 и пар. 2 гл. 11. Это положение подчеркивает, что нормы гл. 3.1 применяются к делам о банкротстве граждан факультативно и лишь в той части, которая не охватывается нормами гл.10. Можно сделать вывод, что законодатель ограничил применение некоторых положений, чтобы избежать дублирования и обеспечить более целенаправленное регулирование. Законодатель стремится к тому, чтобы регулирование было эффективным и учитывало интересы как должников, так и кредиторов, что особенно важно в контексте банкротства граждан;

1. ст. 213.32 Закона о банкротстве вводит специальные нормы оспаривания сделок в делах о банкротстве граждан. Буквальное содержание этой статьи указывает на то, что сделки гражданина могут быть оспорены только по основаниям, указанным в ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве, также допускается оспаривание сделок, совершенных супругом гражданина-должника в отношении совместного имущества на основании семейного законодательства. Это ограничение подчеркивает намерение законодателя сосредоточиться на специфических основаниях для оспаривания, исключая возможность применения более широких норм гражданского законодательства. Таким образом, возможность оспаривания сделок гражданина в рамках процедуры банкротства по основаниям гражданского законодательства не предусмотрена, что подтверждается абз. 2 п. 7 ст. 213.9, который четко указывает, что право финансового управляющего оспаривать сделки гражданина ограничивается специальными основаниями из статей 61.2 и 61.3. Данное положение служит дополнительным аргументом в пользу того, что законодателем была выбрана узкая специализация норм оспаривания сделок в контексте банкротства, что позволяет избежать неопределенности и избыточности правоприменительной практики;
2. в п. 13 ст. 14 Закона № 154-ФЗ заключается важное исключение из общего правила оспаривания сделок в рамках банкротства. Сделки, совершенные должником до 1 октября 2015 года, могут быть оспорены на основании признаков злоупотребления правом, как это предусмотрено в п. 3-5 ст. 213.32 Постановления. Это означает, что даже если такие сделки не подпадают под

специальные основания, установленные для оспаривания в рамках банкротства, они могут быть оспорены, если суд выявит признаки злоупотребления правом в соответствии со ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации. Данное положение имеет значительное значение для правоприменительной практики. Оно создает возможность для суда рассматривать дела о банкротстве более гибко, учитывая различные обстоятельства, которые могли иметь место при совершении сделок до указанной даты. Суд может установить, что должник использовал свои права не в добросовестных целях, что и является основанием для оспаривания сделки;

3. одной из ключевых особенностей данного процесса является применение положений п. 2 ст. 61.4 Постановления, касающегося защиты сделок, совершенных в рамках обычной хозяйственной деятельности. Это положение позволяет исключить из конкурсного оспаривания платежи, которые не превышают установленный лимит в один процент от балансовой стоимости имущества должника, следует отметить, что для граждан, как физических лиц, этот критерий не может быть применен напрямую - это связано с тем, что у граждан нет обязательства вести бухгалтерский учет, что делает определение балансовой стоимости их имущества затруднительным.

Оспаривание сделок в банкротстве, также известное как конкурсное оспаривание, представляет собой ключевую защитную процедуру конкурсного права. Этот процесс служит важным инструментом для восстановления прав и законных интересов кредиторов, позволяя вернуть в конкурсную массу активы должника, которые были отчуждены во вред интересам кредиторов.

Кроме того, сосредоточение на защите прав кредиторов иногда приводит к злоупотреблениям механизмами конкурсного оспаривания, когда они используются в недобросовестных или даже противоправных целях. Это создает риски для стабильности гражданского оборота и ставит под сомнение взаимодействие между институтами банкротства и гражданского права, что может фактически отменить действие некоторых норм гражданского законодательства.

Таким образом, правоприменитель сталкивается с задачей поиска справедливого решения, которое обеспечивало бы баланс интересов всех вовлеченных сторон, что включает в себя необходимость корректного толкования закона и выбора подходящих объектов правовой защиты в процессе конкурсного оспаривания. В связи с этим возникают постоянные противоречия и сложности, что подчеркивает необходимость глубокого научного анализа существующего механизма конкурсного оспаривания сделок.

Список литературы:

[1] Белых В. С., Богданов В. М., Запорощенко В. А. Банкротство граждан. С. 21; Попондопуло В. Ф. Банкротство. Правовое регулирование: науч.-практ. пособие. М., 2013. С. 12-15;

[2] Вайпан В. А. Реализация принципа социальной справедливости в институте несостоятельности (банкротства) // Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: моногр. / под ред. С. А. Карелиной, И. В. Фролова. - М.: Юстицинформ, 2020. - 364 с.;

[3] Витрянский В. В. Реформа законодательства о несостоятельности (банкротстве) // Вестн. ВАС РФ. 1998. Спец. прил. № 2. С. 80-81; Belykh V. S. Conceptual Foundation of the 2002 Russian Insolvency Law // Russian Law: Theory and Practice. 2007. № 2. P. 164-165;

[4] Карелина С. А. Принципы правового регулирования отношений, возникающих в связи с несостоятельностью (банкротством) должника // Предпринимательское право. 2008. № 2. С. 2-9;

[5] Колиниченко Е. А. Защита интересов неплатежеспособного должника при банкротстве: сравнительно-правовой анализ. - М.: Статут, 2001. - 208 с.;

[6] Кациоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам (начало) // Вестн. гражданского права. - 2017. - № 3. - Т. 17;

[7] Кукин А. В., Плешакова О. П. Продолжниковская модель банкротства: проблема распределения рисков // Реформирование института несостоятельности (банкротства) в современной России: проблемы правовой эффективности: моногр. / под ред. С. А. Карелиной, И. В. Фролова. М., 2020;

[8] Перина М. В. Оспаривание подозрительных сделок должника-гражданина в процедуре несостоятельности (банкротства) // Экономика и право. 2017. № 4. С. 123-125; Шестов А. В. Неравноценные сделки несостоятельного должника // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 8

[9] Шершеневич Г.Ф. Ученье о несостоятельности. Казань, 1890. С. 8.

[10] Конкурсное право / [соч.] Г. Ф. Шершеневича. - 2-е изд. - Казань : Тип. имп. ун-та, 1898. - [4], VI, 498, [1] с. - Лит., пост. указ. : с. 491-498.

[11] Брагинский М. И., Витрянский В. В., Договорное право. Общие положения. С. 419.

[12] Гонгало Б.М. Объективное и субъективное в правовой доктрине. // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4 (53). С. 42-46.

References:

[1] Belykh V. S., Bogdanov V. M., Zaporoshchenko V. A. Bankruptcy of citizens. S. 21; Popondopulo V.F. Bankruptcy. Legal regulation: scientific-practical. allowance. M., 2013. S. 12-15;

[2] Vaipan V. A. Implementation of the principle of social justice in the institution of insolvency (bankruptcy)//Institute of insolvency (bankruptcy) in the legal system of Russia and foreign countries: theory and practice of law enforcement: monogroup ./Ed. S. A. Karelina, I. V. Frolova. - M.: Justicinform, 2020. - 364 p.;

[3] Vitryansky V.V. Reform of insolvency (bankruptcy) legislation//Vestn. VAS RF. 1998. Special. Appendix No. 2. S. 80-81; Belykh V. S. Conceptual Foundation of the 2002 Russian Insolvency Law // Russian Law: Theory and Practice. 2007. № 2. R. 164-165;

[4] Karelina S. A. Principles of legal regulation of relations arising in connection with the insolvency (bankruptcy) of the debtor//Business law. 2008. № 2. S. 2-9;

[5] Kolinichenko E. A. Protection of the interests of the insolvent debtor in bankruptcy: comparative legal analysis. - M.: Statute, 2001. - 208 s.;

[6] Kotsiol H. Fundamentals and controversial issues of challenging the actions of the debtor committed to the detriment of its creditors (beginning)// Vestn. civil law. - 2017. - № 3. - T. 17;

[7] Kukin A.V., Pleshakova O.P. Prezhnikovskaya bankruptcy model: the problem of risk distribution// Reforming the institution of insolvency (bankruptcy) in modern Russia: problems of legal effectiveness: monogr ./Ed. S. A. Karelina, I. V. Frolova. M., 2020;

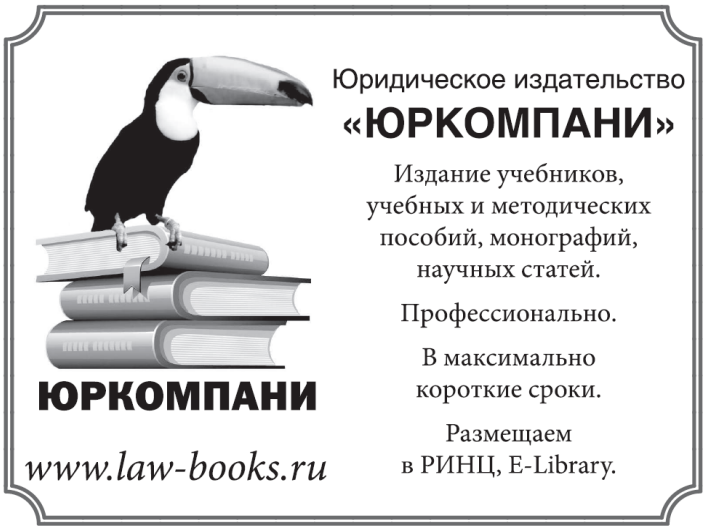
[8] Perina M.V. Challenging suspicious transactions of a citizen debtor in insolvency (bankruptcy) proceedings//Economics and law. 2017. № 4. S. 123-125; Shestov A. V. Unequal transactions of an insolvent debtor//Arbitration and civil proceedings. 2016. № 8

[9] Shershenevich G.F. The study of insolvency. Kazan, 1890. P. 8.

[10] Bankruptcy Law/[Op.] G. F. Shershenevich. - 2nd ed. - Kazan: Type. imp. University, 1898. - [4], VI, 498, [1] p. - Lit., post. decree.: p. 491-498.

[11] Braginsky M.I., Vitryansky V.V., Contract Law. General provisions. S. 419.

[12] Gongalo B.M. Objective and subjective in legal doctrine .//Actual problems of Russian law. 2015. № 4 (53). S. 42-46.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-133-137

ВАСИЛЕНКО Дмитрий Анатольевич,
ДЮУН24-1М Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации Магистратура/юриспруденция/юрист в сфере управления недвижимости, e-mail: mail@law-books.ru

БЕЛОУСОВ Андрей Леонидович,
к.э.н., доцент Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. *Работа сосредоточена на комплексном изучении нормативно-правовых затруднений, с которыми сталкивается строительный сектор России. Трансформация экономической среды и изменения в законодательстве создают множество препятствий. Исследование выявляет существенные лакуны в правовом регулировании. Особое внимание уделяется дисфункциям саморегулируемых организаций, несовершенству процедур лицензирования и выдачи допусков, а также институциональным ограничениям, сдерживающим отраслевой прогресс. Данные барьеры — будь то нормативные или административные — существенно замедляют развитие сектора.*

Ключевые слова: *строительная отрасль, правовое регулирование, саморегулируемые организации, лицензирование, административные барьеры, Градостроительный кодекс, технические регламенты.*

VASILENKO Dmitry Anatolyevich,
DUUN24-1M Financial University under the Government of the Russian Federation Magistracy/jurisprudence/lawyer in the field of real estate management

BELOUSOV Andrey Leonidovich,
Ph.D., Associate Professor, Faculty of Law, Financial University at Government of the Russian Federation

PROBLEMS OF REGULATION OF THE CONSTRUCTION INDUSTRY IN MODERN CONDITIONS

Annotation. *The work focuses on a comprehensive study of the regulatory challenges facing the Russian construction sector. The transformation of the economic environment and changes in legislation are creating numerous obstacles. The study identifies significant gaps in legal regulation. Particular attention is paid to the dysfunction of self-regulatory organizations, imperfect licensing and permitting procedures, and institutional constraints that hinder industry progress. These barriers—whether regulatory or administrative—significantly slow down the sector's development.*

Key words: *construction industry, legal regulation, self-regulatory organizations, licensing, administrative barriers, Urban Development Code, technical regulations, digitalization of construction.*

Основной текст.

Актуальность исследования вытекает из глубоких противоречий в правовом оформлении строительной деятельности. Нормативно-правовой массив содержит существенные лакуны. Эти пробелы — систематические и структурные — затрудняют функционирование участников строительного рынка. Качество надзора за строительными процессами остаётся недостаточным. Следовательно, совершенствование законода-

тельства и механизмов контроля представляется не просто желательным, но необходимым условием для стабилизации отрасли.

Строительная отрасль России переживает период системного кризиса, обусловленный множеством взаимосвязанных факторов. Законодательство изобилует противоречиями и лакунами, генерирующими неопределённость для хозяйствующих субъектов. Саморегулируемые организации, вопреки своему предназначению, не обеспечивают надлежащий контроль качества и применение санкций. Лицензионные процедуры и выдача допусков остаются обременительными и непрозрачными — барьеры эти препятствуют добросовестным участникам. При этом фрагментированность стандартов и рассогласованность требований органов власти обусловливают задержки проектной реализации и удорожание работ не обращая внимание на требования Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 29.12.2025), Сводов правил Минстроя России, Постановлений Правительства и иных нормативных актов в сфере строительства.

Предметом исследования выступает комплекс проблем государственного и общественного регулирования строительного сектора. Ставится задача: выявить законодательные несоответствия; оценить эффективность саморегулируемых организаций и лицензионной системы; идентифицировать административные препятствия; рассмотреть зарубежные подходы к регулированию; предложить механизмы совершенствования нормативного регулирования. Полученные результаты ориентированы на использование при формировании стратегических инициатив развития отрасли и оптимизации её контрольно-надзорного аппарата в соответствии с требованиями пункта 8, ст. 53 «Строительный контроль», Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред от 29.12.2025) и Постановлением Правительства Российской Федерации от 21.06.2010 №468 (ред. от 06.06.2024) «О порядке проведения строительного контроля при осуществлении строительства, реконструкции и капитального ремонта объектов капитального строительства».

Действующий правовой режим в строительной сфере характеризуется множественными законодательными пробелами, порождающими неопределённость хозяйственной деятельности [5]. Градостроительный кодекс Российской Федерации — кодифицированный нормативный правовой акт — содержит внутренние противоречия и недостаточно отражает актуальные реалии. Критической остаётся проблема размытого распределения полномочий органов власти при согласовании проектных решений. Это ведёт к дублированию процедур, удлинению сроков реализации, затратам дополнительным. Более того, нормативная база не располагает адекватными инструментами для урегулирования противоречий между интересами застройщиков, подрядных организаций и муниципальных органов власти — факт, обусловливающий судебные споры и строительные задержки.

Механизм саморегулирования в строительной сфере, учреждённый с целью обеспечить качество работ и защитить интересы потребителей, обнаруживает серьёзные дисфункции [2]. За 2024 год реестр лишился 147 организаций. Из них 62 исключены вследствие невыполнения обязательств перед компенсационными фондами — дефицит превысил 10 миллионов рублей. Требование Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред от 29.12.2025) устанавливает минимум в 50 тысяч рублей на один допуск, однако практическая реализация выявила иное: значительная часть субъектов не способна поддерживать установленный финансовый уровень. Ситуация усугубляется слабостью государственного надзора и фрагментированностью взаимодействия между строительными объединениями. В результате добросовестные участники несут избыточные издержки, тогда как недобросовестные остаются безнаказанными длительное время.

Лицензионно-разрешительный механизм в строительстве остаётся одним из узких мест государственного регулирования [6]. На 2025 год отклонено 18 процентов заявок на получение допусков — причина: несоответствие квалификационным стандартам, предполагающим наличие в штате минимум трёх специалистов с высшим образованием, стажем свыше десяти лет и иных требований. Регламентированный срок в соответствии с требованиями ст 55.2. «Приобретение статуса саморегулируемой организации», Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29.12.2004 №190-ФЗ (ред. от 29.12.2025), составляет 30 дней. Санкция за деятельность без надлежащего разрешения варьируется от 500 тысяч рублей до 1 миллиона рублей или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток — угроза, существенная для любого хозяйствующего субъекта. Вместе с тем требования к стажу нередко дисгармоничны рыночным реалиям. Инновационные фирмы, располагающие передовыми технологиями, оказываются отсечены от доступа именно по этому критерию — отсутствие многолетней истории деятельности становится непреодолимым препятствием.

Технические регламенты и нормативная база требуют постоянной адаптации к технологи-

ческому прогрессу и климатическим сдвигам [7]. СП 50.13330.2018 фиксирует коэффициент теплопередачи: стены — не менее 3,2 м²·К/Вт, кровельные конструкции — не менее 4,7 м²·К/Вт. Нарушение влечёт штраф в размере одного процента от сметной стоимости. ГОСТ 27751-2014 определяет коэффициент надёжности для бетона в пределах 1,1–1,4. Между тем статистика аварийности говорит иное: порядка 12 процентов инцидентов на объектах коррелирует именно с игнорированием этих норм. Суть проблемы в ином: многие, особенно малые строительные компании, располагают ограниченными возможностями для полного соответствия комплексу технических требований. Следствие — деградация качественных параметров работ, возрастание рисков для конечного потребителя.

Административные преграды, сдерживающие динамику строительного сектора, по-прежнему составляют серьёзное препятствие, хотя Государство предпринимает попытки их минимизации [8]. Согласование проектной документации распределяется между множеством ведомств. Процедуры дублируют друг друга. Одинаковые бумаги требуются в разные инстанции — явление, которое, по всей видимости, коренится в отсутствии координационных механизмов. Данные Минстроя России свидетельствуют о показательном факте: в 2025 году пятая часть споров, касающихся документации по планировке территорий, спровоцирована отсутствием электронной подписи — требования, вступившего в силу в 2024 году Постановление Правительства Российской Федерации от 02.02.2024 г. №112. Одновременно фрагментированность информационных систем между государственными структурами и участниками строительного рынка порождает задержки согласовательных процессов и возрастание расходов на административное обслуживание. Особенно уязвимы перед лицом этих барьеров малые и средние подрядчики, лишённые специализированных подразделений для взаимодействия с органами власти.

Практика зарубежных стран указывает на возможность качественно иных механизмов регулирования строительной деятельности [1]. Европейский союз выстроил систему профессионального саморегулирования на основе повышенных стандартов финансовой надёжности и открытости операций строительных организаций. Цифровизация процедур согласования и контроля качества получила здесь широкое распространение — инструмент, доказавший свою результативность. Лицензионные режимы в этих юрисдикциях опираются на взаимное признание профессиональных компетенций, что стимулирует конкурентное развитие и повышение уровня предоставляемых услуг. Проведённое исследование международных подходов раскрывает существенный вывод: действенное управление строительным комплексом предполагает синтез государственного надзора и профессиональной саморегуляции, дополненный интенсивным внедрением новейших информационных решений.

На основе проведённого исследования выделяются несколько направлений трансформации регуляторной базы строительной отрасли [9]. Прежде всего необходимо провести комплексный пересмотр Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 29.12.2025) — операция, направленная на разрешение противоречий и уточнение компетенций органов власти. Второе направление связано с усилением надзора над саморегулируемыми организациями и ужесточением стандартов резервных фондов. Третье — упрощение лицензионных и допусковых процедур путём сокращения временных рамок и смягчения требований к профессиональному стажу для компаний инновационной направленности. Четвёртое, пожалуй наиболее значимое, предусматривает создание единой цифровой экосистемы взаимодействия государственных ведомств и хозяйствующих субъектов строительного сектора — решение, способное кардинально снизить административную нагрузку и обеспечить транспарентность регуляторных процессов. Реализация этого комплекса мер в синергии с адаптацией международного опыта открывает перспективы существенного улучшения инвестиционного климата в строительной отрасли и повышения качественных характеристик строительной продукции.

Вывод

Проведённое исследование обнаружило множество взаимосвязанных дисфункций в механизме регулирования строительного сектора Российской Федерации. Требуют срочного вмешательства. Законодательные лакуны Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 29.12.2025), хроническое недофинансирование саморегулируемых организаций (в 2024 году исключены 147 СРО), дефектность лицензионной системы (каждая пятая заявка отклонена в 2025-м), административное давление — совокупность этих факторов препятствует развитию отрасли и деградирует качественные параметры строительных работ.

Преодоление выявленных дисбалансов предполагает многоуровневую стратегию. Критически важна глубокая трансформация нормативно-правовой архитектуры, нацеленная на разрешение противоречий и уточнение компетенций органов власти. Одновременно необходимо интенсифицировать надзорные функции за СРО, установив более жёсткие критерии финансовой

состоятельности компенсационных фондов. Оптимизация лицензионных процедур — сокращение периода выдачи допусков, переосмысление требований к стажу для инновационных структур — представляет собой отдельный приоритет. Внедрение интегрированной электронной платформы взаимодействия между государственными структурами и хозяйствующими субъектами способно существенно минимизировать административные издержки и обеспечить открытость операционных процессов.

Вектор развития институциональной системы ориентирован на адаптацию передовых практик, в особенности из стран ЕС, где функционируют более совершенные модели саморегулирования и информатизации. Внедрение предложенных мер, по всей видимости, создаст условия для динамичного роста строительного комплекса, модернизирует качественные показатели работ и обеспечит защиту интересов всех участников рынка. Данный подход, вероятно, позволит переломить текущие тенденции.

Список литературы:

[1] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 30.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – N 1 (часть 1). – Ст. 16.

[2] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ. Статья 53. Строительный контроль // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/article/53/ (дата обращения: 04.02.2026).

[3] СП 48.13330.2019 Организация строительства. СНиП 12-01-2004 (с Изменением N 1) // Минстрой России. – М., 2019.

[4] Navigating the challenges of regulatory compliance in construction – Letsbuild // Letsbuild : [сайт]. – 2026. – URL: https://www.letsbuild.com/blog/navigating-the-challenges-of-regulatory-compliance-in-construction (дата обращения: 02.02.2026).

[5] Актуальные проблемы строительной отрасли в Российской Федерации Omega science // Os-Russia : [сайт]. – 2026. – URL: https://os-russia.com/actual-problems-of-the-construction-industry-in-the-russian-federation (дата обращения: 02.02.2026).

[6] Анализ строительной отрасли в России в 2020-2024 гг, прогноз на 2025-2029 гг :: РБК Магазин исследований // РБК. – 2020. – URL: https://marketing.rbc.ru/research/52500/ (дата обращения: 02.02.2026).

[7] Белоусов, А. Л. Права инвесторов: поиск баланса интересов государства и бизнеса / А. Л. Белоусов // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : Материалы международного круглого стола, Минск, 24 октября 2023 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2023. – С. 13-17.

[8] Исследование: цифровизация строительства в России усилилась на 34% за последние 7 лет - CNews // Corp Cnews : [сайт]. – 2024. – URL: https://corp.cnews.ru/news/line/2024-04-25_issledovanie_tsifrovizatsiya (дата обращения: 02.02.2026).

[9] К вопросу о проблемах правового регулирования строительной деятельности в России // Moluch : [сайт]. – 2026. – URL: https://moluch.ru/archive/491/107313 (дата обращения: 02.02.2026).

[10] Нормативное регулирование в сфере строительства // Moluch : [сайт]. – 2026. – URL: https://moluch.ru/archive/468/103151 (дата обращения: 02.02.2026).

[11] Правовые аспекты регулирования строительной отрасли // Na-Journal : [сайт]. – 2023. – URL: https://na-journal.ru/6-2023-pravo/5751-pravovye-aspekty-regulirovaniya-stroitelnoi-otrasli (дата обращения: 02.02.2026).

[12] Проблемы государственного регулирования строительной отрасли // Moluch : [сайт]. – 2026. – URL: https://moluch.ru/archive/383/84466/ (дата обращения: 02.02.2026).

[13] Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации // Static Government : [сайт]. – 2026. – URL: http://static.government.ru/media/files/AdmXczBBUGfGNM8tz16r7RkQcsgP3LAm.pdf (дата обращения: 02.02.2026).

[14] Строительство в российских регионах: итоги 2024 года // Sherpagroup : [сайт]. – 2024. – URL: https://sherpagroup.ru/analytics/gv6bq48 (дата обращения: 02.02.2026).

References:

[1] Town Planning Code of the Russian Federation of 29.12.2004 N 190-FZ (as amended on 30.12.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2005. - N 1 (part 1). - Art. 16.

[2] Town Planning Code of the Russian Federation dated 29.12.2004 N 190-FZ. Article 53. Construction supervision//ConsultantPlus: [site]. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/article/53/ (access date: 04.02.2026).

[3] SP 48.13330.2019 Construction Management. SNiP 12-01-2004 (with Amendment No. 1)// Ministry of Construction of Russia. - M., 2019.

[4] Navigating the challenges of regulatory compliance in construction – Letsbuild // Letsbuild : [сайт]. – 2026. – URL: https://www.letsbuild.com/blog/navigating-the-challenges-of-regulatory-compliance-in-construction (дата обращения: 02.02.2026).

[5] Actual problems of the construction industry in the Russian Federation Omega science// Os-Russia: [website]. – 2026. – URL: https://os-russia.com/actual-problems-of-the-construction-industry-in-the-russian-federation (дата обращения: 02.02.2026).

[6] Analysis of the construction industry in Russia in 2020-2024, forecast for 2025-2029:: RBC Research Store//RBC. – 2020. - URL: https://marketing.rbc.ru/research/52500/ (access date: 02.02.2026).

[7] Belousov, A. L. Investors' rights: finding a balance of interests of the state and business/A. L. Belousov//Theoretical and applied prospects for legal support of economic development: Materials of the international round table, Minsk, October 24, 2023. - Minsk: Belarusian State University, 2023. - S. 13-17.

[8] Research: digitalization of construction in Russia has increased by 34% over the past 7 years - CNews//Corp Cnews: [website]. – 2024. - URL: https://corp.cnews.ru/news/line/2024-04-25_issledovanie_tsifrovizatsiya (access date: 02.02.2026).

[9] On the issue of legal regulation of construction activities in Russia//Moluch: [website]. – 2026. - URL: https://moluch.ru/archive/491/107313 (access date: 02.02.2026).

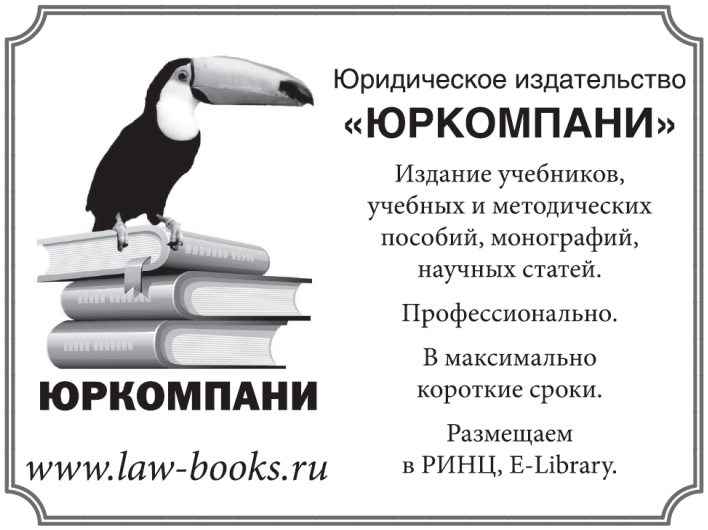
[10] Regulatory regulation in the field of construction//Moluch: [site]. – 2026. - URL: https://moluch.ru/archive/468/103151 (access date: 02.02.2026).

[11] Legal aspects of regulation of the construction industry//Na-Journal: [website]. – 2023. – URL: https://na-journal.ru/6-2023-pravo/5751-pravovye-aspekty-regulirovaniya-stroitelnoi-otrasli (дата обращения: 02.02.2026).

[12] Problems of government regulation of the construction industry//Moluch: [website]. – 2026. - URL: https://moluch.ru/archive/383/84466/ (access date: 02.02.2026).

[13] Strategy for the development of the construction industry and housing and communal services of the Russian Federation//Static Government: [website]. – 2026. – URL: http://static.government.ru/media/files/AdmXczBBUGfGNM8tz16r7RkQcsgP3LAm.pdf (дата обращения: 02.02.2026).

[14] Construction in Russian regions: results of 2024//Sherpagroup: [website]. – 2024. - URL: https://sherpagroup.ru/analytics/gv6bq48 (access date: 02.02.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-138-143

ИСЛЮКОВ Дмитрий Владимирович,
аспирант, Учреждение высшего образования
«Университет управления «ТИСБИ»,
e-mail: islukov@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО СПОСОБА ПРОДАЖИ ТОВАРОВ

Аннотация. *В настоящей научной статье автор рассматривает особенности действующего правового регулирования дистанционного способа продажи товаров. Автор анализирует актуальный в начале 2000-х гг. законопроект «Об электронной торговле», впоследствии так и не принятый, а также точечное правовое регулирование данных правоотношений. Отмечается, что отсутствие единого профильного нормативно-правового акта – ключевая проблема в правовом регулировании, разрешение которой сегодня представляется крайне актуальным. Кроме того, автор также исследует и другие актуальные тенденции, связанные, например, с публично-правовыми аспектами или санкционной политикой иностранных государств. В заключении научной работы автор обращает внимание, что законодатель, очевидно, в скором времени вернется к изучению данного проблемного вопроса. Объектом исследования являются особенности действующего правового регулирования дистанционного способа продажи товаров. Целью исследования является комплексный, последовательный анализ особенностей действующего правового регулирования дистанционного способа продажи товаров. Методы исследования: это формально-юридический, компаративистский, сравнительный анализ, диалектический, статистический, математический, обобщение, конкретизация, систематизация, дедукция, иные методы теоретического и практического уровней научного познания. Научная новизна исследования заключается в подготовке комплексного исследования, формировании авторских выводов относительно особенностей действующего правового регулирования дистанционного способа продажи товаров. Данная научная статья, таким образом, будет полезна теоретикам, практикам, обучающимся и профессорско-преподавательскому составу гуманитарных и иных направлений подготовки, а также более широкому кругу читателей, интересующихся особенностями действующего правового регулирования дистанционного способа продажи товаров в контексте изучения проблем правоприменения в целом.*

Ключевые слова: *правовое регулирование, дистанционный способ продажи, гражданское право, электронная торговля, гражданский оборот, договор купли-продажи, актуальные тенденции.*

ISLYUKOV Dmitry Vladimirovich,
graduate student, Higher Education Institution
“University of Management “TISBI”

CURRENT TRENDS IN LEGAL REGULATION OF REMOTE SALES OF GOODS

Annotation. *In this scientific article, the author examines the features of the current legal regulation of the remote method of selling goods. The author analyzes the draft law “On Electronic Commerce”, which was relevant in the early 2000s, but was never adopted, as well as specific legal regulation of these legal relations. It is noted that the lack of a single specialized regulatory legal act is a key problem in legal regulation, the resolution of which today seems extremely urgent. In addition, the author also examines other current trends related, for example, to public law aspects or the sanctions policy of foreign states. In the conclusion of the scientific work, the author draws attention to the fact that the legislator will obviously soon return to the study of this problematic issue. The object of this scientific study is the features of the current legal regulation of the remote method of selling goods. The purpose of this scientific study is a comprehensive, consistent analysis of the features of the current legal regulation of the remote method of selling goods. The methods of this*

scientific research are formal-legal, comparative, comparative analysis, dialectical, statistical, mathematical, generalization, specification, systematization, deduction, and other methods of theoretical and practical levels of scientific knowledge. The scientific novelty of this scientific research lies in the preparation of a comprehensive study, the formation of the author's conclusions regarding the features of the current legal regulation of the remote method of selling goods. This scientific article will therefore be useful to theorists, practitioners, students and faculty of humanitarian and other areas of training, as well as a wider range of readers interested in the features of the current legal regulation of the remote method of selling goods in the context of studying the problems of law enforcement in general.

Key words: *legal regulation, remote method of sale, civil law, electronic commerce, civil turnover, sale and purchase agreement, current trends.*

Гражданский оборот – одна из сфер экономической деятельности, где влияние процессов цифровизации ощущается наиболее значительно. Это касается практически любых правоотношений, где цифровая трансформация прослеживается в большей или меньшей степени. В свою очередь, внедрение ИКТ-инструментов оказывает свое влияние на любые бизнес-процессы, происходящие в данной области. Одним из таковых выступают договорные отношения, где сегодня широко распространено заключение договоров в электронном виде [3].

Интернет-торговля, по оценкам экспертов, в современных российских реалиях действительно развивается масштабными темпами. Так, если анализировать статистические данные, то можно наблюдать, как общие показатели Интернет-рынка в 2023 г. составили порядка 8 трлн рублей, более 5 млрд заказов, и темпы роста в рассматриваемом сегменте по итогам года составили в итоге 78 %, объем рынка в целом вырос, соответственно, на 44 %. Аналогично высокие показатели наблюдались и в 2022 г., и в 2024 г., что, в конечном итоге, свидетельствует о крайне динамичном и скоростном росте рынка продаж с использованием сети Интернет, что, в свою очередь, приводит и структурным изменениям в самих продажах в целом.

Сегодня торговля через сеть Интернет действительно получила среди потребителей крайне высокую востребованность. Если еще лет 10 назад таким способом купли-продажи пользовались в своем большинстве представители более молодого поколения, то сегодня и возрастной, и имущественный цензы явно перестали играть ключевую роль – Интернет-продажи актуальны буквально для любого современного потребителя [8]. Это свидетельствует о существенном росте доверия населения к дистанционным продажам, серьезное усовершенствование непосредственно механизма Интернет-торговли в целом, а также автоматически формирует значительную конкуренцию между продавцами и производителями. Как отмечают психологи и социологи, сегодня потребителю удобнее произвести заказ нужного товара в Интернет-магазине, даже если аналогичная продукция есть в наличии в магазине, расположенном буквально по соседству с местом проживания потребителя. Поэтому значительная трансформация современного рынка связана, главным образом, с тем, что продавцы и покупатели в большей степени отдают предпочтение именно дистанционному способу продажи товаров, в меньшем количестве используя стандартные офлайн-инструменты продаж [4].

В общем и целом, изложенное свидетельствует о высокой востребованности электронной коммерции в современном российском государстве, а также о том, что подобная тенденция выступает достаточно стабильной, устойчивой, продолжит оставаться на таком уровне как минимум в обозримом будущем. Данный факт, в свою очередь, привлек внимание и законодателя, старающегося делать правовое регулирование отечественного гражданского оборота максимально соответствующим существующим в стране общественным отношениям.

В зарубежных странах онлайн-торговля также имеет крайне широкую востребованность, что аналогично привело к серьезным корректировкам и правового регулирования, и даже государственного строя. Так, например, в США сегодня активно действуют органы государственной власти, уполномоченные на рассмотрение вопросов электронной торговли непосредственно. В компетенцию данных органов также включены, например, вопросы размещения онлайн-рекламы, защита прав потребителей дистанционных услуг, разработка профильных стандартов, а также ряд иных направлений, актуальных для применения именно в онлайн-среде [9].

Впервые для российской правовой системы вопросы регламентации онлайн-торговли на международном актуализировались в 2013 г., когда в рамках 8 международного форума по налоговому управлению Организации экономического сотрудничества государствами-участницами, в числе которых и Россия, было инициировано подписание Соглашения о начале работы по разработке единых стандартов обмена информацией о движении финансовых потоков. Приблизительно

в данный период серьезную работу в этом направлении начал также и Таможенный союз, участником которого является и Россия тоже.

Если говорить непосредственно о правовом регулировании на национальном уровне, то здесь, по оценкам многих экспертов, наиболее эффективным инструментом стало бы принятие профильного федерального закона, ведь в настоящее время дистанционный способ продажи товаров, в общем и целом, регламентируется теми же правовыми источниками, что и традиционный вариант. Безусловно, существуют точечные нормы, которые позволяют в той или иной степени регулировать рассматриваемые правоотношения, однако необходимость разработки единого, комплексного документа с каждым днем актуализируется все больше [2].

Отметим, что в отечественной правовой практике подобная попытка уже предпринималась. Так, в 2000 г. на рассмотрение в Государственную Думу РФ был внесен законопроект, касающийся формирования правовой базы функционирования в России электронной торговли [5]. Законопроект, в частности, предусматривал следующие актуальные положения:

– понятийный аппарат (к примеру, это термины «электронная торговля», «электронный документ», «лицо, осуществляющее электронную торговлю» и другие);
– принципы организации и реализации электронной торговли;
– правовой режим электронных документов в электронной торговле;
– правовой статус информационных посредников и других участников рассматриваемых правоотношений;
– особенности заключения договоров в электронном виде;
– иное [5].

Получив согласование в двух чтениях, положительное решение профильного комитета Государственной Думы РФ, тем не менее, в 2004 г. законопроект был отклонен и впоследствии снят с дальнейшего рассмотрения. На сегодня это единственная системная и комплексная попытка отечественного законодателя регламентировать электронную торговлю, определить ее правовые основы [5].

Таким образом, в настоящее время правовое регулирование дистанционного способа продажи товаров осуществляется преимущественно нормами части второй ГК РФ, законодательством о защите прав потребителей, а также иными положениями, одновременно касающимися и традиционной формы договорных правоотношений.

Проанализируем некоторые примеры более детально.

В частности, это нормы ГК РФ. Например, это ст. 493 ГК РФ, устанавливающая возможность заключения договора розничной купли-продажи посредством электронного документа, и этот статус фактически приравнивается к другим формам заключения договора. Или, например, положения ст. 846 ГК РФ, которые определяют особенности использования банковского счета в качестве электронного средства платежа. Ст. 465 ГК РФ и другие нормы о существенных условиях договора купли-продажи предусматривают возможность согласования этих условий через электронную переписку между сторонами договора. Ст. 497 ГК РФ, соответственно, посвящена непосредственно дистанционному способу продажи товаров, кроме нее, ГК РФ содержит также и ряд других норм, прямо или косвенно регулирующих данные правоотношения [2].

Высокую практическую значимость в данной области имеет Закон РФ «О защите прав потребителей» – собственно, ключевой правовой источник, регламентирующий любые формы реализации потребительских правоотношений. Обратимся непосредственно к интересующим нас нормам. В частности, это положения ст. 26.1., устанавливающей особенности дистанционного способа продажи товаров, ст. 16, закрепляющие недопустимые для включения в договор условия, которые не могут быть составной частью в т.ч. и договора, заключаемого в электронной форме, а также ряд других положений документа.

Как уже отмечалось выше, данные правовые источники – это документы общего профиля, касающиеся регулирования договорных правоотношений в целом, точечно включающие нормы непосредственно об электронной торговле. Однако в отечественном правовом поле также действуют и источники, предметом регулирования которых выступают именно договорные правоотношения, реализуемые в дистанционном варианте, в т.ч. по продаже товаров [6].

Например, это касается продажи лекарственных препаратов, регламентация которых производится профильным Постановлением Правительства РФ от 22.02.2023 г. № 292. Так, указанным подзаконным актом определяется, что расчеты в таких правоотношениях могут производиться как наличным, так и безналичным способом по выбору потребителя, субъектами продажи выступают аптечные организации, имеющие специальную лицензию и соответствующие установленным требованиям (прежде всего, материально-технического характера), информационным посредником при заключении таких договоров могут выступать владельцы агрегатора (по инициативе аптечной организации), и т.д. Указываются особые положения, не применимые для продажи лекарственных препаратов тради-

ционным способом, – например, это принятие аптечной организацией решения о прекращении дистанционной продажи, что выступает основанием для прекращения действия соответствующего разрешения, а также ряд других положений. Установлено, что уполномоченным субъектом в таких правоотношениях является Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор). Кроме того, комплексно урегулированы и некоторые другие актуальные вопросы [8].

В качестве примеров приведем также некоторые иные правовые источники разного уровня регулирования, предметом которых является дистанционный способ продажи товаров:

1. Постановлением Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи…»;
2. Письмом Роспотребнадзора от 07.10.2016 « 01/13541-16-29 «О правовых основах регулирования дистанционной торговли»;
3. ГОСТ Р 57489-2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Руководство по добросовестной практике продажи товаров дистанционным способом с использованием сети Интернет;
4. иные.

Таким образом, основной тенденцией современного российского правового регулирования дистанционного способа продажи товаров выступает отсутствие единого профильного документа, регламентирующего правоотношения данной категории. Поэтому правовое регулирование, во-первых, сосредоточено на базе все тех же источников, которыми регламентируются традиционные формы договорных правоотношений, во-вторых, представлено точечно, фрагментарно, осуществляется, главным образом, на основе соответствующих подзаконных и ведомственных документов [3].

Безусловно, данная проблема на практике выступает довольно существенной, нередко приводит к противоречиям в судебной практике. Несмотря на то, что и экспертами, и учеными давно поднимается вопрос о необходимости разработки и принятия единого профильного нормативно-правового акта, тем не менее, в настоящее время проблема остается по-прежнему неразрешенной.

Рассмотрим далее также некоторые иные актуальные тенденции в правовом регулировании.

Во-первых, это необходимость корректировки гражданского законодательства, где сегодня урегулированы далеко не все актуальные вопросы, широко распространенные в практике заключения договоров купли-продажи дистанционным способом. Вообще правовое регулирование в данной области отличается коллизионным, пробельным характером, и наилучшим способом разрешения возникшей проблемы действительно могла бы стать разработка единого документа. Это же касается и законодательства о защите прав потребителей. К примеру, если анализировать судебную практику судов общей юрисдикции, то можно наблюдать следующие наиболее важные для уточнения вопросы: особенности компенсации морального вреда при неисполнении такого договора, специфика информирования потребителя о свойствах товара, а также иные. Сегодня судебная практика по защите прав потребителей содержит довольно много гражданских дел именно по дистанционным договорам купли-продажи, а это явно свидетельствует о наличии существенных проблем в правовом регулировании [11].

Во-вторых, в период 2022-2023 гг. актуальной выступала проблема, возникшая из-за введения в отношении отечественных продавцов и производителей разного рода ограничительных мер со стороны западных стран. Например, в судебной практике можно наблюдать ситуации, когда продавец из-за этого фактически находился в условиях невозможности исполнения обязанности по доставке товара, и суд признавал эту причину существенной для расторжения договора в одностороннем порядке. Однако к настоящему времени и продавцы, и производители уже разработали некоторые гарантийные меры, позволяющие им сохранять свою дееспособность в подобной ситуации, тем самым избегая каких-либо потерь, в т.ч. репутационных [7].

В-третьих, необходимо говорить, что сегодня дистанционный способ продажи товаров по-прежнему проблемен не только в частноправовом, но и в публично-правовом аспектах. К примеру, серьезной проблемой для любых правоотношений, реализуемых в Интернет-среде, остаются вопросы защиты персональных данных. Так, на практике довольно часто встречаются ситуации, когда базы данных того или иного производителя или продавца оказываются предоставленными в широкий доступ злоумышленниками, что, безусловно, не только серьезно нарушает права потребителя, но также создает существенные риски для совершения с этой информацией разного рода неправомерных действий.

К проблемам именно публично-правового характера специалисты также относят, к примеру, вопросы обеспечения финансовой безопасности, проблемы в правовом регулировании статуса ряда субъектов (например, маркетплейсов), использование виртуальных валют и криптова-

люты, отмывание средств, полученных преступным путем, и финансирование терроризма, а также иное [4; 7].

Собственно, большинство изложенных, а также не перечисленных в настоящем исследовании, но широко встречающихся в судебной практике правовых проблем вполне эффективно может быть разрешено за счет разработки и принятия профильного федерального закона, посвященного исключительно электронной торговле. Полагаем, за основу в данной ситуации можно было бы взять проанализированный выше законопроект, который, как уже отмечалось, впоследствии так и не был принят. Безусловно, законопроект нуждается в переосмыслении, обновлении и корректировке, но его разработка и принятие сегодня выступают крайне необходимым.

На это, в частности, обращалось внимание и в профильном комитете Государственной Думы РФ. Полагаем, учитывая высокую степень практической, социальной важности в скором времени отечественный законодатель вернется к исследованию данного вопроса [2]. В т.ч. для его разрешения можно использовать и успешный опыт зарубежных государств, в т.ч. приведенный в настоящей научной статье.

Кратко обозначим ключевые выводы по материалам представленного научного исследования.

Так, предметом изучения в работе стали особенности современного правового регулирования дистанционного способа продажи товаров через сеть Интернет.

Основной и наиболее болезненной для всех участников правоотношений данной категории представляется отсутствие единого профильного нормативно-правового акта, которым бы правовое регулирование осуществлялось системно и комплексно. В работе исследуется законопроект «Об электронной торговле», который уже находился на рассмотрении в Государственной Думе РФ на рубеже веков, однако впоследствии был отклонен. В настоящее время вопрос о стратегической важности разработки и принятия такого документа, на наш взгляд, становится все более актуальным.

Кроме того, в работе отмечены и некоторые иные актуальные тенденции правового регулирования:

- проблемы не только в частноправовом, но и в публично-правовом аспектах;
- негативное влияние ограничительных мер зарубежных государств, когда продавец из-за этого фактически находится в условиях невозможности исполнения обязанностей по договору;
- необходимость корректировки гражданского законодательства в данной области, где сегодня наблюдается большое число разного рода пробелов и коллизий;
- иное.

Таким образом, сегодня правовое регулирование дистанционного способа продажи товаров находится далеко не в идеальном состоянии, хотя определенное внимание со стороны законодателя к данному вопросу все же наблюдается. Принимаются подзаконные, ведомственные источники, фрагментарно корректируется и федеральное законодательство в целом, однако таких мер явно недостаточно, чтобы правовое регулирование стало качественным и эффективным.

Полагаем, в обозримом будущем законодатель все же вернется к рассмотрению данного вопроса.

Список литературы:

[1] Белов В.А. Смарт-торговля (цифровая торговля): основные положения о цифровизации договорных отношений с участием потребителей // Вестник арбитражной практики. 2022. № 3. – С. 17 - 23.

[2] Бурова А.Ю. О разрешении потребительских споров на российских онлайн-платформах // Юрист. 2024. № 8. – С. 25 - 30.

[3] Гутников О.В., Чагина Е.М. Защита интересов потребителей при регулировании электронной торговли // Право и бизнес. 2023. № 4. – С. 8 - 15.

[4] Ерохина М.Г. Дистанционная купля-продажа недвижимости и ее правовое регулирование // Современное право. 2024. № 4. – С. 87 - 90.

[5] Законопроект № 11081-З «Об электронной торговле» [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/11081-3

[6] Кириллова Е.А., Вражнов А.С. К вопросу классификации договора розничной купли-продажи в России // Юрист. 2022. № 10. – С. 36 - 41.

[7] Крюкова Е.С. Дистанционный способ продажи товаров в аспекте защиты прав потребителей // Гражданское право. 2023. № 1. – С. 20 - 23.

[8] Лаптев В.А., Соловяненко Н.И. Дистанционная сделка и электронная подпись: правовая конструкция и форма заключения // Юрист. 2022. № 12. – С. 16 - 22.

[9] Левушкин А.Н., Морозов С.Ю. Цифровой торговый оборот и дистанционный способ продажи товаров в парадигме теории и правоприменительной практике // Вестник арбитражной практики. 2024. № 5. – С. 3 - 10.

[10] Маслова А. Проблема определения предмета дистанционной купли-продажи товаров, или Чем можно торговать дистанционно в розницу // Юстиция. 2019. № 1. – С. 36 - 45.

[11] Самойлова А.К. Понятие договора, опосредующего правоотношения, возникающие с использованием площадок - агрегаторов информации // Цивилист. 2024. № 6. – С. 23 - 28.

References:

[1] Belov V.A. Smart trade (digital trade): the main provisions on digitalization of contractual relations with the participation of consumers//Bulletin of arbitration practice. 2022. № 3. - S. 17-23.

[2] Burova A.Yu. On the resolution of consumer disputes on Russian online platforms//Lawyer. 2024. № 8. - S. 25-30.

[3] Gutnikov O.V., Chagina E.M. Protection of consumer interests in the regulation of electronic commerce//Law and business. 2023. № 4. - S. 8-15.

[4] Erokhina M.G. Remote purchase and sale of real estate and its legal regulation//Modern law. 2024. № 4. - S. 87-90.

[5] Bill No. 11081-Z on Electronic Commerce [Electronic Resource] Access Mode: URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/11081-3

[6] E.A. Kirillova, A.S. Vrazhnov. On the classification of a retail sales contract in Russia//Lawyer. 2022. № 10. - S. 36 - 41.

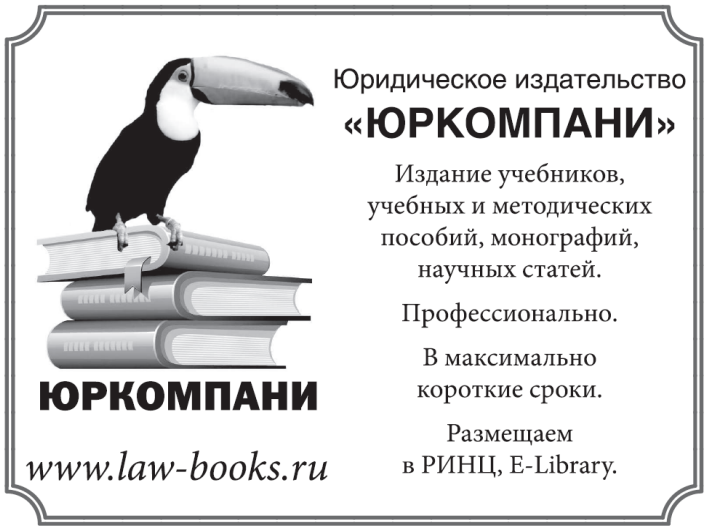
[7] Kryukova E.S. Remote method of selling goods in terms of consumer protection//Civil law. 2023. № 1. - S. 20-23.

[8] Laptev V.A., Solovyanenko N.I. Remote transaction and electronic signature: legal structure and form of conclusion//Lawyer. 2022. № 12. - S. 16-22.

[9] Levushkin A.N., Morozov S.Yu. Digital trade turnover and remote method of selling goods in the paradigm of theory and law enforcement practice// Bulletin of arbitration practice. 2024. № 5. - S. 3-10.

[10] Maslova A. The problem of determining the subject of remote purchase and sale of goods, or What can be traded remotely at retail//Justice. 2019. № 1. - S. 36-45.

[11] Samoilova A.K. The concept of a contract mediating legal relations arising from the use of sites - information aggregators//Civilist. 2024. № 6. - S. 23-28.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-144-146

ЗАХАРОВ Константин Алексеевич,
аспирант департамента права
Московского городского педагогического университета,
e-mail: K.zaharov76@bk.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТА КАК НЕПОИМЕНОВАННОГО СПОСОБА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ПОДРЯДНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Аннотация. *В данной статье рассмотрено понятие смарт-контракта и возможное использования смарт-контракта как способа обеспечения подрядного обязательства, а также системное понимание природы смарт-контрактов, его место среди классических институтов гражданского права и особенности его применения.*

Ключевые слова: *смарт-контракт, договор подряда, способ обеспечения исполнения обязательства.*

ZAKHAROV Konstantin Alekseevich,
Postgraduate student at the Department of Law
of Moscow City Pedagogical University

PROSPECTS FOR THE APPLICATION OF SMART CONTRACTS AS AN UNSPECIFIED METHOD OF ENSURING THE FULFILLMENT OF CONTRACTUAL OBLIGATIONS

Annotation. *His article examines the concept of a smart contract and the possible use of a smart contract as a means of securing a contractual obligation. It also provides a systematic understanding of the nature of smart contracts, their place among classical institutions of civil law, and the specifics of their application.*

Key words: *smart contract, contract agreement, a way to ensure the fulfillment of obligations.*

Конструкция смарт-контрактов является наиболее инновационной новеллой современной цивилистики и результатом конвергенции достижений технических и юридических наук. Понятие смарт-контракта может быть истолковано как в техническом, так и в юридическом понимании: смарт-контракт как код на языке программирования и смарт-контракт как юридически значимое соглашение. Смарт-контрактом является имеющее юридическую силу соглашение, реализованное в форме компьютерного кода с функцией автоматического исполнения [1].

Одной из ключевых догматических проблем, связанных с смарт-контрактами, является вопрос определения места смарт-контракта в системе институтов гражданского права. Наиболее широко в литературе представлены точки зрения, что смарт-контракт является (а) формой сделки, т.е. формой выражения и фиксации волеизъявления; (б) способом исполнения обязательства; (в) способом обеспечения исполнения обязательства; (г) отдельным видом гражданско-правового договора; (д) типовой (специальной) договорной конструкцией; (е) институтом особого рода.

На наш взгляд, наиболее обоснованным является рассмотрение смарт-контракта в качестве способа исполнения обязательства, подразумевающей его заключение в цифровой среде и запрограммированное автоматическое исполнение подрядного обязательства при наступлении факторов, инициирующих алгоритм. Будучи способом исполнения, смарт-контракт может охватывать любые подходящие по характеристикам

консенсуальные виды договоров, не предполагающие существенного усмотрения сторон в ходе исполнения и не требующие государственной регистрации самого договора или перехода титула (договоры купли-продажи, оказания услуг, кредитования и т.д.).

Конструкция смарт-контракта позволяет сторонам воспользоваться рядом существенных преимуществ. В их числе (а) снижение транзакционных издержек на оплату услуг посредников, бумажный документооборот, транспортные и командировочные расходы; (б) ускорение процесса обмена данными и исполнения соглашения; (в) укоренение правовой определенности и безопасности в связи с затруднительностью какого-либо одностороннего влияния со стороны контрагента или третьих лиц на содержание смарт-контракта в блокчейне после его формирования; (г) автоматизация исполнения, а значит существенное снижение рисков оппортунистического поведения контрагента, а также уменьшение риска сговора или угроз в адрес правоприменителя, создания подложных доказательств и так далее; (д) ясность и лаконичность содержания договора, выраженного на языке программирования, снижение двусмысленности и простая форма изложения, что уменьшает вероятность споров о толковании смарт-контракта; (е) в ряде случаев – анонимность смарт-контрактов, отсутствие у какой-либо из сторон большей переговорной власти, доверие к контрагенту заменяется на доверие к коду; (ё) способствование становлению и развитию новых бизнес-проектов в цифровой среде.

Основными квалифицирующими признаками смарт-контракта как института гражданского права являются цифровое воплощение; составление на одном из языков программирования; применимость к нему конструкции договора присоединения, а также положений об обусловленном исполнении обязательств; повышенный уровень правовой определенности в связи со строгой формальностью семантики языков программирования; направленность исполнения на активные действия (распоряжение активом), а не на запрет определенного поведения; автоматическая исполнимость без дополнительного волеизъявления сторон [2].

«Функционал смарт-контрактов, позволяет данной конструкции применяться к широкому кругу договорных правоотношений том числе и к договору подряда. Кроме того, он отвечает существующему среди участников гражданского оборота запросу на цифровизацию и диджитализацию, внедрение инновационных подходов в коммерческую деятельность. Инструментарий смарт-контракта как типовой конструкции позволяет опосредовать практически любой из поименованных в гражданском законодательстве договоров и может применятся как один из способов обеспечения исполнения обязательства» [1].

Во-первых, договор должен быть консенсуальным, т.е. он должен считаться заключённым с момента согласования всех существенных условий, а не с момента начала исполнения. Это связано с тем, что смарт-контракт предполагает сначала составление обязательного для сторон кода, затем мониторинг наступления инициирующих событий. Реальные договоры, в свою очередь, не нуждаются в данных неизбежных для смарт-контракта этапах.

Во-вторых, договор должен содержать фиксированные, заранее определенные условия, не допускающие существенного усмотрения сторон в ходе исполнения.

В-третьих, смарт-контракт в рамках текущего регулирования не может опосредовать договорные отношения, требующие государственной регистрации самого договора или перехода права, поскольку для этого отсутствует правовая и техническая база [3].

Исполнение смарт-контракта в наиболее общем виде проходит следующие стадии: активация кода сторонами, мониторинг инициирующих факторов, автоматическое произведение исполнения в случае их обнаружения. Исполнение смарт-контрактов отличается гарантированностью и неизбежностью, сторонам доступна лишь корректировка исполнения ex post вне рамок смарт-контракта.

Наиболее оптимально конструкция смарт-контрактов подходит для опосредования сделок с неовеществленными активами в связи с меньшими транзакционными издержками на исполнение. В то же время, с развитием технологий и удешевлением инструментария, необходимого для исполнения (датчиков, оборудования и т.д.) применение смарт-контрактов возможно и в сфере подрядных обязательств.

Более того, помимо традиционных сфер наблюдается тенденция на возникновение все более амбициозных проектов, связанных с обращением к смарт-контрактам. Отмечается, что компания JP Morgan запустила пилотный проект «блокчейн в космос». На данном этапе смарт-контракты в его рамках используются для простых транзакций - тестовой передачи токенов между спутниками без «земного» вмешательства и контроля. При этом в дальнейшем, как предполагается, данный инструментарий будет использован для оказания взаимных услуг между спутниками, таких как передача изображений, данных об угрозах и так далее. Таким образом, предпринимаются попытки внедрить смарт-контракты в малодоступные для традиционных договорных конструкций сферы, например, для совершения

сделок по передаче информации между спутниками различных стран, и, потенциально, между частными и государственными спутниками.

Опциональный этап развития правоотношения – привлечение к ответственности за нарушение обязательства – встречается в смарт-контрактах реже, чем в традиционных институтах гражданского права в связи с неизбежностью исполнения. В то же время, не исключены требования, вытекающие из осуществления ненадлежащего исполнения и из причинения вреда в ходе исполнения. На основании принципа обеспечения восстановления нарушенных прав, подобные нарушения в том числе в рамках смарт-контрактов должны влечь имущественную ответственность. Кроме того, поскольку кодовое выражение смарт-контракта зачастую разрабатывается по заказу внешними специалистами, возможно привлечение к договорной и деликтной ответственности также разработчиков кода в случае обнаружения ошибок в алгоритме.

Особое внимание необходимо уделять анализу двух практико-ориентированных проблем, связанных с обращением к смарт-контракту: во-первых, сложности интерпретации кода смарт-контракта, во-вторых, риски, возникающие в связи с заключением смарт-контракта потребителем.

Таким образом, смарт-контракты предлагают участником подрядных обязательств ряд неоспоримых преимуществ, однако сопровождают их некоторыми рисками. При общей полезности и эффективности данной конструкции, сторонам следует в каждом конкретном случае в зависимости от их нужд и ожиданий определять, когда следует обратиться к ней, а когда к классическим способам исполнения обязательств.

Список литературы:

[1] Захаров, К. А. Смарт-контракт как одна из обеспечительных мер в договоре строительного подряда / К. А. Захаров // Право виртуальных миров: вчера, сегодня, завтра: сборник материалов II Межвузовской научно-практической конференции, Москва, 18 октября 2025 года. – Саратов: Саратовский источник, 2025. – С. 45-48. – EDN HYEGEZ.

[2] Патлаенко, А.П. Правовые механизмы реализации технологии смарт-контрактов в гражданском обороте / А.П. Патлаенко. - М.: Юстицинформ, 2023. С248

[3] Чурилов, А.Ю. К проблеме понятия и правовой природы смарт-контракта / А.Ю. Чурилов – Текст: непосредственный // Юрист. - 2020. - № 7. – С.130-135

[4] Klass G. How to Interpret a Vending Machine: Smart Contracts and Contract Law (2023). Georgetown Law Faculty Publications and Other Works. 2433. P. 131-132. RL: https://scholarship.law.georgetown.edu/facpub/2433 (дата обращения: 21.02.2026).

[5] Longe O. Future of Law – Increasing Access to Justice through Technology. Technology, Innovation and Access to Justice: Dialogues on the Future of Law, edited by Siddharth Peter de Souza and Maximilian Spohr, Edinburgh University Press, 2021, pp. 54–68. URL: http://www.jstor.org/stable/10.3366/j.ctv1c29sj0.12. (дата обращения: 16.02.2026).

References:

[1] Zakharov, K. A. Smart contract as one of the interim measures in the construction contract/K. A. Zakharov//The right of virtual worlds: yesterday, today, tomorrow: collection of materials from the II Interuniversity Scientific and Practical Conference, Moscow, October 18, 2025. - Saratov: Saratov source, 2025. - S. 45-48. – EDN HYEGEZ.

[2] Patlaenko, A.P. Legal mechanisms for the implementation of smart contract technology in civil circulation/A.P. Patlaenko. - M.: Justicinform, 2023. S248

[3] Churilov, A.Yu. To the problem of the concept and legal nature of a smart contract/A.Yu. Churilov - Text: direct//Lawyer. - 2020. - № 7. - P.130-135

[4] Klass G. How to Interpret a Vending Machine: Smart Contracts and Contract Law (2023). Georgetown Law Faculty Publications and Other Works. 2433. P. 131-132. RL: https://scholarship.law.georgetown.edu/facpub/2433 (accessed on: 21.02.2026).

[5] Longe O. Future of Law – Increasing Access to Justice through Technology. Technology, Innovation and Access to Justice: Dialogues on the Future of Law, edited by Siddharth Peter de Souza and Maximilian Spohr, Edinburgh University Press, 2021, pp. 54–68. URL: http://www.jstor.org/stable/10.3366/j.ctv1c29sj0.12. (accessed on: 16.02.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-147-152

БЫСТРОВ Иван Юрьевич,
студент ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,
e-mail: bystrov.ivan05@gmail.com

ДЕЙСТВИЯ В ЧУЖОМ ИНТЕРЕСЕ БЕЗ ПОРУЧЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ СО СМЕЖНЫМИ ИНСТИТУТАМИ

Аннотация. *Предметом исследования выступают обязательства, возникающие из действий в чужом интересе без поручения, а также проблемы их квалификации и отграничения от смежных гражданско-правовых институтов – неосновательного обогащения, отношений долевой собственности и договорных конструкций. Анализируются критерии, выработанные судебной практикой, и их соотношение с классическими доктринальными подходами. Особое внимание уделяется процедурным требованиям (уведомление, одобрение) и исключениям, предусмотренным п. 2 ст. 980 ГК РФ, а также специальным случаям, выявляющим пробелы в правовом регулировании.*

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специально-юридических методов познания. Применение формально-юридического метода позволило провести систематизацию нормативного массива, включающего положения главы 50 ГК РФ и смежных институтов. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления доктринальных позиций и подходов судов. Эмпирико-аналитический метод применён при изучении материалов судебной практики, что позволило выявить устойчивые правоприменительные подходы и зафиксировать случаи ошибочного применения или игнорирования норм главы 50 ГК РФ.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе современной судебной практики (включая решения 2025 года) в её соотношении с классической доктриной и в выявлении системных проблем, возникающих при квалификации действий в чужом интересе. Впервые обосновано, что критерий «исключительно чужого интереса», выработанный Верховным Судом РФ, не является универсальным и в чрезвычайных ситуациях (природные и техногенные катастрофы) может приводить к отсутствию у гестора права на компенсацию. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и судебной практики: уточнение редакции п. 2 ст. 981 ГК РФ (учёт состояния заинтересованного лица), введение субсидиарной ответственности государства за вред, причинённый при спасании имущества, имеющего публичное значение, дополнение ст. 987 ГК РФ указанием на возможность применения правил о неосновательном обогащении в случаях сбережения имущества путём предотвращения вреда, а также необходимость разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам разграничения собственного и чужого интереса и применения процедурных норм в экстренных ситуациях.

Результаты исследования могут быть использованы в законотворческой деятельности при совершенствовании главы 50 ГК РФ, в правоприменительной практике для обеспечения единообразия подходов судов, а также в учебном процессе при преподавании курса гражданского права.

Ключевые слова: *действия в чужом интересе без поручения, судебная практика, решения Верховного суда Российской Федерации, неосновательное обогащение, правовая определенность.*

BYSTROV Ivan Yuryevich,
student of FSBEI HE «Southwestern State University»

ACTIONS IN ANOTHER PERSON'S INTEREST WITHOUT A WRITTEN AUTHORITY: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT AND DIFFERENTIATION FROM RELATED INSTITUTIONS

Annotation. *The subject of this study is the obligations arising from actions in someone else's interest without a mandate, as well as the problems of their qualification and differentiation from related civil law institutions, such as unjust enrichment, shared ownership, and contractual structures. The article analyzes the*

criteria developed by judicial practice and their relationship to classical doctrinal approaches. Special attention is paid to procedural requirements (notification, approval) and the exceptions provided for in Article 980 of the Civil Code of the Russian Federation, as well as special cases that reveal gaps in legal regulation.

The methodological basis of the study is a complex of general scientific and special legal methods of cognition. The use of the formal-legal method allowed for the systematization of the regulatory array, which includes the provisions of Chapter 50 of the Civil Code of the Russian Federation and related institutions. The comparative legal method was used to compare doctrinal positions and court approaches. The empirical-analytical method was applied in the study of court practice materials, which allowed for the identification of stable law enforcement approaches and the recording of cases of erroneous application or disregard of the provisions of Chapter 50 of the Civil Code of the Russian Federation.

The scientific novelty of the study lies in the comprehensive analysis of modern judicial practice (including decisions made in 2025) in relation to the classical doctrine, as well as in identifying systemic problems that arise when actions are qualified as being in someone else's interest. For the first time, it is argued that the "solely in someone else's interest" criterion developed by the Supreme Court of the Russian Federation is not universal and, in emergency situations (natural and man-made disasters), may result in the gestor's lack of right to compensation. Proposals have been formulated to improve legislation and judicial practice: clarification of the wording of paragraph 2 of Article 981 of the Civil Code of the Russian Federation (taking into account the state of the person concerned), introduction of subsidiary liability of the state for damage caused during the rescue of property of public importance, addition of Article 987 of the Civil Code of the Russian Federation with an indication of the possibility of applying the rules on unjust enrichment in cases of saving property by preventing damage, as well as the need for clarifications from the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the delineation of one's own and another's interest and the application of procedural norms in emergency situations.

The research results can be used in legislative activities to improve Chapter 50 of the Civil Code of the Russian Federation, in law enforcement practice to ensure uniformity of court approaches, and in the educational process when teaching civil law.

Key words: *actions in someone else's interest without a commission, judicial practice, decisions of the Supreme Court of the Russian Federation, unjust enrichment, and legal certainty.*

Введение

Институт действий в чужом интересе без поручения (negotiorum gestio) берёт своё начало в римском частном праве и на протяжении столетий сохраняет значение одного из способов защиты имущественных и личных интересов в ситуациях, когда лицо не может самостоятельно позаботиться о себе либо своём имуществе. Социальная сущность данного института заключается в поощрении и защите правомерной инициативы, направленной на предотвращение вреда личности или имуществу другого лица, исполнение его обязательств либо осуществление иных действий в его непротивоправных интересах. В основе «negotiorum gestio» лежат альтруистические мотивы, побуждающие лицо действовать на пользу другому лицу в ситуациях, когда последнее не может выразить свою волю или оперативно вмешаться в силу объективных обстоятельств. Тем самым институт выполняет важную социальную функцию, стимулируя взаимопомощь участников гражданского оборота.

В российском законодательстве нормы о действиях в чужом интересе впервые получили развёрнутое закрепление в главе 50 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ)[1]. Однако, несмотря на наличие специального правового регулирования, правоприменительная практика сталкивается с устойчивыми сложностями при квалификации соответствующих отношений. Ключевая проблема заключается в отграничении действий в чужом интересе от смежных гражданско-правовых институтов – неосновательного обогащения, обязательств участников долевой собственности, договорных конструкций, а также в определении критериев, позволяющих установить, действовало ли лицо именно в чужом интересе либо преследовало собственную выгоду. Судебная практика последних лет демонстрирует различные подходы к разрешению этих вопросов, что создаёт правовую неопределённость и требует глубокого анализа.

Целью настоящего исследования является выявление и анализ проблем квалификации действий в чужом интересе без поручения, а также определение критериев отграничения данного института от смежных гражданско-правовых институтов на основе доктринальных источников и материалов судебной практики. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть понятие и правовую природу обязательства из действий в чужом интересе без поручения, проанализировать судебную практику по делам, связанным с раз-

граничением «negotiorum gestio» и иных обязательств, выявить ключевые критерии, используемые судами при квалификации, сформулировать выводы и предложения по совершенствованию правоприменительной практики и законодательства. Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специально-юридических методов познания.

Обсуждения и результаты

Проведённый анализ судебной практики и доктринальных источников позволил выявить ряд системных проблем, возникающих при квалификации действий в чужом интересе без поручения. Ключевой из них остаётся определение направленности воли гестора и разграничение его интереса с интересом доминуса, особенно в ситуациях, осложнённых чрезвычайным характером обстоятельств, а также при необходимости отграничения данного института от смежных гражданско-правовых конструкций – неосновательного обогащения, долевой собственности и отношений, осложнённых публичным элементом.

Руководящее значение для судебной практики имеет правовая позиция, сформулированная в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.03.2018 № 11-КГ17-37 (далее – определение ВС РФ № 11-КГ17-37), согласно которой лицо, совершающее действия в чужом интересе без поручения, должно осознавать, что действует в интересах другого лица, а его основной целью должно являться улучшение положения этого лица, а не собственного[2]. Если же у гестора имеется собственный интерес, нормы «negotiorum gestio» неприменимы, даже если действия объективно пошли на пользу другим участникам общей собственности.

Данный подход согласуется с классической доктриной. Так, О.С. Иоффе, рассматривая место обязательств из ведения чужих дел без поручения в системе гражданско-правовых обязательств, относил их к особой группе, возникающей из односторонних правомерных действий. Он подчёркивал, что, несмотря на возможное совпадение конечного результата с договорными конструкциями, специфика основания (односторонние действия) предопределяет особый правовой режим таких обязательств [6, с. 396].М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, квалифицируя данные обязательства как квазидоговорные, также отмечали, что гестор, действуя без поручения, не приобретает полномочий выступать от имени доминуса, что подчёркивает его самостоятельное положение в правоотношении и необходимость учёта его собственной воли [5, с. 214].

Из изложенного следует, что применение главы 50 ГК РФ исключается в тех случаях, когда действия, объективно приносящие пользу другому лицу, совершаются субъектом, имеющим самостоятельный интерес в соответствующем имуществе или правоотношении. Данный вывод имеет особое значение для отношений долевой собственности. В соответствии с пунктом 1 статьи 247 Гражданского кодекса Российской Федерации владение и пользование имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляются по соглашению всех её участников, а при недостижении согласия – в порядке, устанавливаемом судом. Следовательно, действия одного из собственников по улучшению общего имущества, даже будучи объективно полезными, не могут быть квалифицированы по правилам главы 50 ГК РФ, поскольку их совершение охватывается особым правовым режимом, требующим согласования с другими участниками. Указанный подход последовательно реализован в определении ВС РФ № 11-КГ17-37, где суд исключил возможность применения норм о действиях в чужом интересе к отношениям бывших супругов-сособственников по ремонту квартиры.

Сформулированный в определении ВС РФ подход о недопустимости применения главы 50 ГК РФ при наличии у гестора собственного интереса последовательно реализуется в практике нижестоящих судов. Так, Кузьминский районный суд г. Москвы в решении от 03.12.2025 г. по делу № 02-4850/2025 рассмотрел требование о взыскании неосновательного обогащения, возникшего в связи со строительством жилого дома на земельном участке, принадлежащем ответчице[3]. Истец, не имея письменного договора, возвёл дом и впоследствии требовал компенсации, ссылаясь на устную договорённость о будущей оплате.

Суд, применив положения главы 50 ГК РФ, установил, что истец действовал в собственном интересе: он вселился в построенный дом с семьей, пользовался им, не уведомлял ответчицу о планируемых действиях и их предполагаемой стоимости, а также не представил доказательств того, что его действия были направлены исключительно на улучшение положения ответчицы. При таких обстоятельствах суд пришёл к выводу об отсутствии оснований для применения норм о действиях в чужом интересе без поручения.

Кроме того, суд рассмотрел возможность квалификации заявленных требований по правилам о неосновательном обогащении. Отказывая в удовлетворении иска, он указал, что кондикционное обязательство возникает лишь при наличии факта обогащения одного лица за счёт другого при отсутствии к тому правовых оснований. В данном случае ответчица не давала согласия на строительство, не одобряла его и не пользовалась результатами работ в объёме, позволяющем

констатировать её неосновательное обогащение. Напротив, истец создал для себя имущественное благо – жилой дом, которым он сам же и пользовался.

Таким образом, при разграничении действий в чужом интересе и неосновательного обогащения ключевое значение имеет цель действий: если лицо стремилось предотвратить вред или улучшить положение другого, применяется глава 50 ГК РФ; если же оно действовало в своём интересе – подлежат применению нормы о неосновательном обогащении [7, с. 526]. В рассмотренном деле истец не доказал наличия цели действовать в чужом интересе, что предопределило отказ в иске.

Сформулированный в определении ВС РФ № 11-КГ17-37 подход о необходимости оценки направленности воли гестора дополняется требованиями к соблюдению процедурных условий, установленных главой 50 ГК РФ. Показательным в этом отношении является решение Нагатинского районного суда г. Москвы от 17.09.2025 г. по делу № 02-5221/2025, в котором суд отказал во взыскании расходов на завершение строительства, указав на два самостоятельных обстоятельства, исключающих применение правил о действиях в чужом интересе без поручения[4].

Истец – застройщик, которому в процедуре банкротства были переданы права на достройку жилого комплекса, – обратился с требованием к ответчику – дольщику, обладавшему признанным судом правом на долю в объекте незавершённого строительства. Истец просил взыскать компенсацию затрат, понесённых при завершении строительства, полагая, что действовал в интересах ответчика, поскольку без окончания строительства последний не мог получить помещение в собственность.

Судом установлено, что истец знал о наличии у ответчика прав на помещение ещё до начала работ. Однако, вопреки требованию ст. 981 ГК РФ, не уведомил ответчика о планируемых действиях и их предполагаемой стоимости. Уведомление было направлено лишь после ввода дома в эксплуатацию, когда ответчик уже не мог повлиять на объём и характер работ. Отказывая в иске, суд указал, что несоблюдение обязанности по уведомлению лишает гестора права на возмещение расходов, поскольку заинтересованное лицо должно иметь возможность своевременно одобрить или не одобрить действия, что является необходимым условием возникновения обязательства из действий в чужом интересе (ст. 981, 983 ГК РФ).

Кроме того, суд применил п. 2 ст. 980 ГК РФ, согласно которому правила главы 50 не распространяются на действия, совершаемые государственными органами, органами местного самоуправления или в публичных интересах. В данном случае достройка велась за счёт бюджета г. Москвы в рамках Адресной инвестиционной программы, а истец, единственным акционером которого является город, выполнял публичную функцию. Взыскание с ответчика средств, уже выделенных из бюджета, привело бы к неосновательному обогащению истца. Таким образом, наличие публичного финансирования исключило возможность квалификации действий истца по нормам главы 50 ГК РФ.

Рассмотренное дело иллюстрирует два самостоятельных препятствия для применения института действий в чужом интересе: несоблюдение процедуры уведомления, лишающее гестора права на возмещение, и осуществление действий в публичных интересах, что выводит отношения за пределы сферы действия главы 50 ГК РФ. Оба подхода последовательно согласуются с доктринальным пониманием данного института, в рамках которого подчёркивается, что действия в чужом интересе не должны подменять собой публично-правовые механизмы финансирования [9,с. 147].

Сформулированный ВС РФ подход, исключающий применение норм о действиях в чужом интересе при наличии у гестора собственного интереса, в целом обеспечивает защиту доминуса от нежелательного вмешательства. Однако в ситуациях, носящих чрезвычайный характер, данный критерий может приводить к правовой неопределённости и отсутствию механизмов компенсации для лиц, действовавших в условиях общей опасности.

Так, при возникновении природной или техногенной катастрофы, например, масштабного пожара, лицо, принимая меры по защите своего имущества – локализуя огонь на собственном участке, объективно препятствует распространению разрушений на соседние объекты и тем самым спасает чужое имущество. Формально у такого лица имеется собственный интерес, доминирующий над чужим, что, согласно позиции ВС РФ, исключает применение главы 50 ГК РФ. Следовательно, он не вправе требовать от соседей возмещения понесённых расходов, даже если его действия были не только полезны, но и необходимы для предотвращения более масштабного ущерба.

Особую остроту проблема приобретает в ситуациях, когда предотвращение катастрофы имеет публичное значение – например, при угрозе гибели сельскохозяйственных животных, уничтожения посевов, лесных массивов, загрязнения окружающей среды. В таких случаях действия частных лиц, защищающих своё имущество, одновременно приносят пользу неопределённому кругу лиц и государству в целом. Однако

действующее законодательство не предусматривает механизмов компенсации затрат таких лиц за счёт публичных средств, если они не могут быть отнесены к категории спасателей [8, с.451].

Выявленная правовая неопределённость в квалификации действий, одновременно защищающих собственный и чужой интерес в чрезвычайных ситуациях, создаёт существенные риски для правоприменения. Отсутствие чётких критериев разграничения норм глав 50 и 60 ГК РФ в подобных случаях приводит к неодинаковому толкованию тождественных обстоятельств судами, что подрывает принцип правовой определённости. Устранение указанного пробела требует комплексного подхода, который позволил бы, с одной стороны, сохранить последовательность судебной практики, а с другой – обеспечить справедливый баланс интересов участников гражданского оборота.

Представляется, что устранение указанного пробела требует выработки высшей судебной инстанцией четких ориентиров для квалификации отношений, возникающих в условиях чрезвычайных ситуаций, когда действия гестора одновременно направлены на защиту собственного и чужого интереса. В рамках разъяснений Пленума ВС РФ целесообразно определить, какая из глав — 50 или 60 ГК РФ — подлежит применению в подобных случаях, а также установить критерии, позволяющие судам учитывать чрезвычайный характер обстоятельств и фактическую пользу для заинтересованного лица.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о возможности компенсации необходимых расходов со стороны государства, когда объектом спасения выступает имущество, находящееся в публичной собственности (государственной или муниципальной). Поскольку действующее регулирование (п. 2 ст. 980 ГК РФ) исключает применение главы 50 ГК РФ к действиям в публичных интересах, а нормы главы 60 ГК РФ не рассчитаны на компенсацию расходов при спасении чужого имущества в чрезвычайных ситуациях, возникает необходимость в разработке самостоятельного механизма возмещения соответствующих затрат за счет средств публично-правового образования. Отсутствие такого механизма в настоящее время означает, что лицо, фактически сохранившее государственное или муниципальное имущество в условиях чрезвычайной ситуации, не имеет легальной возможности компенсировать понесенные им необходимые расходы. Полагаем, что решение данного вопроса на законодательном уровне позволило бы восполнить выявленный пробел и обеспечить справедливую защиту имущественных интересов граждан, действующих в чужом интересе при спасании публично значимого имущества[8, с.456].

Заключение

Проведённое исследование подтверждает, что институт действий в чужом интересе без поручения сохраняет свою социальную значимость как механизм защиты прав и законных интересов в ситуациях, требующих оперативного вмешательства. Вместе с тем анализ судебной практики выявляет устойчивые проблемы правоприменения, связанные с разграничением собственного и чужого интереса, соблюдением процедуры уведомления и одобрения, а также с определением соотношения норм главы 50 ГК РФ со смежными институтами – неосновательным обогащением и отношениями долевой собственности. Наиболее остро эти вопросы проявляются в чрезвычайных ситуациях, когда действия, продиктованные необходимостью защиты собственного имущества, объективно приносят пользу другим лицам и государству, однако действующее регулирование не предусматривает механизмов компенсации понесённых затрат.

С учётом выявленных проблем представляется обоснованным дальнейшее совершенствование как законодательства, так и судебной практики. Целесообразна подготовка разъяснений Пленума ВС РФ, конкретизирующих критерии разграничения собственного и чужого интереса, а также порядок применения процедурных норм в экстренных ситуациях.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.04.2023). – М.: Проспект, 2025.-784 с.

[2] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.03.2018 № 11-КГ17-37 URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-13032018-n-11-kg17-37/ (дата обращения: 20.02.2026).

[3] Решение Кузьминского районного суда г. Москвы № 02-4850/2025 2-4850/2025 от 3 декабря 2025 г. по делу № 02-4850/2025 URL: https://sudact.ru/regular/doc/8Be2GP1Zm8lp/ (дата обращения: 20.02.2026).

[4] Решение Нагатинского районного суда г. Москвы № 02-5221/2025 М-1029/2025 М-12258/2024 от 17 сентября 2025 г. по делу № 02-5221/2025 URL: https://sudact.ru/regular/doc/doBdXo93C4Wx/ (дата обращения: 20.02.2026).

[5] Брагинский, М.И. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг (книга 3)[Текст]/ М.И. Брагинский, В.В. Витрянский.-М.: Статут, 2002. – 598 с.

[6] Иоффе, О. С. Обязательственное право [Текст] / О. С. Иоффе. – М.: Юридическая литература,1975. – 880с.

[7] Маринина, Е.И. Действие в чужом интересе без поручения или исполнение несуществующего обязательства?[Текст]/Е.И. Маринина // Вестник Тюменского государственного университета. Серия «Право». – 2022. – № 4. – С.522-527.

[8] Некрасова, Е. В. Действия в чужом интересе без поручения: некоторые аспекты возмещения вреда / Е. В. Некрасова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2025. – Т. 11, № 4. – С. 450-456.

[9] Шевченко, Г.Н. Обязательства, возникающие из действий в чужих интересах без поручения: понятие, юридическая природа, практика применения [Текст] / Г.Н. Шевченко // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2021. – № 3. – С. 140-152.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (part two) dated 26.01.1996 No. 14-FZ (as amended 28.04.2023). - M.: Prospect, 2025.-784 p.

[2] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 13.03.2018 No. 11-KG17-37 URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-13032018-n-11-kg17-37/ (date of appeal: 20.02.2026).

[3] Decision of the Kuzminsky District Court of Moscow No. 02-4850/2025 2-4850/2025 of December 3, 2025 in case No. 02-4850/2025 URL: https://sudact.ru/regular/doc/8Be2GP1Zm8lp/ (date of appeal: 20.02.2026).

[4] Decision of the Nagatinsky District Court of Moscow No. 02-5221/2025 M-1029/2025 M-12258/2024 of September 17, 2025 in case No. 02-5221/2025 URL: https://sudact.ru/regular/doc/doBdXo93C4Wx/ (date of appeal: 20.02.2026).

[5] Braginsky, M.I. Contract Law. Contracts for the performance of work and the provision of services (book 3) [Text]/M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. - M.: Statute, 2002. - 598 p.

[6] Ioffe, O.S. Law of Obligations [Text]/O.S. Ioffe. - M.: Legal literature, 1975. - 880s.

[7] Marinina, E.I. Action in someone else's interest without assignment or fulfillment of a non-existent obligation? [Text]/E.I. Marinina//Bulletin of Tyumen State University. "Right" series. – 2022. – № 4. - P.522-527.

[8] Nekrasov, E.V. Actions in someone else's interest without instructions: some aspects of compensation for harm/E.V. Nekrasov//Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. – 2025. - T. 11, NO. 4. - S. 450-456.

[9] Shevchenko, G.N. Obligations arising from actions in other people's interests without instructions: concept, legal nature, practice of application [Text]/G.N. Shevchenko//Asia-Pacific region: economics, politics, law. – 2021. – № 3. - S. 140-152.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-153-158

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: ПРАВОВОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *Целью исследования явились правовые и психологические вопросы профессионального образования и профессионального обучения осужденных к лишению свободы. В процессе ее реализации использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых изучались основы профессионального образования и профессионального обучения осужденных к лишению свободы, нашедшие отражение в национальном уголовно-исполнительном законе, законодательстве Российской Федерации, ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России. Профессиональное образование и профессиональное обучение являются актуальными категориями пенитенциарной психологии и педагогики, практики исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. Профессиональное образование осужденных к лишению свободы можно рассматривать как социальную систему получения ими знаний, умений и навыков для выполнения трудовой оплачиваемой общественно-полезной деятельности в порядке статьи 103 УИК РФ в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы. Профессиональное обучение осужденных к лишению свободы является процессом приобретения ими знаний, навыков и компетенций необходимых для выполнения работы, получения новой профессии или повышения квалификации. Различные вопросы организации профессионального образования и профессионального обучения осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных учреждениях закреплены в статье 108 УИК РФ. Законодатель подчеркивает значение профессионального обучения и образования осужденных к лишению свободы не только для их исправления, ресоциализации, социальной адаптации, но и социальной реабилитации. Уголовно-исполнительный закон дифференцирует различные категории осужденных, получающих профессиональное образование в условиях ИУ. Отношение осужденных к профессиональному образованию и профессиональному обучению учитывается при определении степени их исправления, возможности применения к ним в дальнейшем условно-досрочного освобождения, замены не отбытой части наказания более мягким наказанием. Профессиональное обучение осужденных к лишению свободы активно используется сотрудниками и администрацией ИУ вместе с таким основным средством исправления как воспитательная работа. Способствующая не только исправлению осужденных, но и профилактики их противоправного поведения, нарушений установленного порядка отбывания наказания. В настоящее время перспективным является использование цифровой среды в профессиональном обучении отбывающих наказание в местах лишения свободы. Реализация цифровой трансформации в профессиональное обучение осужденных к лишению свободы. Активное внедрение в пенитенциарную практику современных цифровых и информационных технологий, позволяющих купировать и устранять информационные вызовы, стоящие перед УИС.*

Ключевые слова: *профессиональное образование, профессиональное обучение, осужденные, лишение свободы, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система, психолого-педагогическое воздействие, средства исправления.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law,
Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

VOCATIONAL EDUCATION AND VOCATIONAL TRAINING OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT: A LEGAL AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

Annotation. *The purpose of the study was the legal and psychological issues of vocational education and vocational training of persons sentenced to imprisonment. In the process of its implementation, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific) were used: analysis, synthesis, comparison, analogy, generalization, sociological survey, observation, with the help of which the basics of vocational education and vocational training of prisoners were studied, reflected in the national penal enforcement law, legislation Of the Russian Federation, departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia. Vocational education and training are relevant categories of penitentiary psychology and pedagogy, as well as the practice of executing criminal penalties in the form of imprisonment. Vocational education of persons sentenced to imprisonment can be considered as a social system for obtaining knowledge, skills and abilities for performing paid socially useful work in accordance with Article 103 of the Criminal Code of the Russian Federation in correctional institutions of the penal system. Vocational training of persons sentenced to imprisonment is the process of acquiring the knowledge, skills and competencies necessary for them to perform a job, acquire a new profession or improve their skills. Various issues of the organization of vocational education and vocational training for convicts serving their sentences in correctional institutions are fixed in article 108 of the Criminal Code of the Russian Federation. The legislator emphasizes the importance of vocational training and education of persons sentenced to imprisonment not only for their correction, re-socialization, social adaptation, but also for social rehabilitation. The Penal Enforcement Law differentiates the various categories of convicts who receive vocational education in conditions of detention. The attitude of convicted persons to vocational education and training is taken into account when determining the degree of their correction, the possibility of applying parole to them in the future, and replacing the part of the sentence not served with a more lenient punishment. Vocational training of persons sentenced to imprisonment is actively used by the staff and administration of the Educational Institution together with such a basic means of correction as educational work. Contributing not only to the correction of convicts, but also to the prevention of their illegal behavior, violations of the established procedure for serving sentences. Currently, the use of the digital environment in professional training of those serving sentences in places of deprivation of liberty is promising. Implementation of digital transformation in vocational training of prisoners. The active introduction of modern digital and information technologies into penitentiary practice, which make it possible to stop and eliminate the information challenges facing the penitentiary system.*

Key words: *vocational education, vocational training, convicts, imprisonment, correctional institutions, penal enforcement system, psychological and pedagogical impact, means of correction.*

Введение. Профессиональное образование и профессиональное обучение являются актуальными категориями пенитенциарной психологии и педагогики, практики исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. Это подтверждает отнесение уголовно-исполнительным законом (в статье 9 УИК РФ) профессионального обучения к основным средствам исправления осужденных [1, с.144-150].

Профессиональное образование осужденных к лишению свободы можно рассматривать как социальную систему получения ими знаний, умений и навыков для выполнения трудовой оплачиваемой общественно-полезной деятельности в порядке статьи 103 УИК РФ в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее ИУ УИС) [2, с. 79-84].

Профессиональное обучение осужденных к лишению свободы является процессом приобретения ими знаний, навыков и компетенций необходимых для выполнения работы в центрах трудовой адаптации и производственных мастерских ИУ, в федеральных государственных унитарных предприятиях УИС, в организациях иных организационно-правовых форм, расположенных на территориях ИУ и вне их, при условии обеспече-

ния надлежащей охраны и изоляции осужденных. Получения новой профессии или повышения квалификации [3, с. 95-98].

Таким образом, в настоящее время существуют объективные потребности междисциплинарного изучения правовых и психолого-педагогических вопросов профессионального образования и профессионального обучения осужденных к лишению свободы.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых и психологических вопросов профессионального образования и профессионального обучения осужденных к лишению свободы использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых изучались основы профессионального образования и профессионального обучения осужденных к лишению свободы, нашедшие отражение в национальном уголовно-исполнительном законе, законодательстве Российской Федерации, ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России.

Основные результаты. Различные вопросы организации профессионального образования и профессионального обучения осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных учреждениях закреплены в статье 108 УИК РФ, первая часть которой указывает обязательность профессионального обучения или среднего профессионального образования по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих осужденных к лишению свободы, не имеющих профессии (специальности) по которой осужденный может работать в ИУ и после освобождения из него. Тем самым законодатель подчеркивает значение профессионального обучения и образования осужденных к лишению свободы не только для их исправления, ресоциализации, социальной адаптации, но и социальной реабилитации [4, с. 300-305].

Анализируемая норма уголовно-исполнительного закона дифференцирует различные категории осужденных, получающих профессиональное образование в условиях ИУ. Так, при отсутствии медицинских противопоказаний следующие осужденные могут по их желанию пройти соответствующее профессиональное обучение, получить среднее профессиональное образование по программам подготовки квалифицированных рабочих в соответствии с законодательством Российской Федерации об образовании, а также о социальной защите инвалидов [5]:

– являющиеся инвалидами первой или второй группы [6, с. 19];
– больные, страдающими хроническими заболеваниями;
– достигшие возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости в соответствии с законодательством Российской Федерации [7].

При этом, перечень хронических заболеваний и медицинских противопоказаний, препятствующий профессиональному обучению по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих и порядок проведения медицинских осмотров осужденных определяется совместным нормативным правовым актом ФСИН и Минздрава России [8].

Подчеркивая значимость и востребованность профессионального образования и профессионального обучения для практики исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, уголовно-исполнительный закон в третьей части статьи 108 УИК РФ указывает, что отношение к ним осужденных учитывается при определении степени их исправления [9]. Возможности применения к ним в дальнейшем условно-досрочного освобождения, замены не отбытой части наказания более мягким наказанием, в соответствии со статьями 79 и 80 УК РФ [10].

Анализ сложившейся в отечественных пенитенциарных учреждениях практики организации профессионального обучения осужденных к лишению свободы, позволяет констатировать, что активно используется сотрудниками и администрацией ИУ вместе с таким основным средством исправления как воспитательная работа. Способствующая не только исправлению осужденных, но и профилактики их противоправного поведения, нарушений установленного порядка отбывания лишения свободы [11, с. 160-167]. Успешному решению задач ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных.

Таким образом, профессиональное образование и профессиональное обучение направлено не только на обретение осужденными специальных профессиональных умений, навыков и компетенций, но и формирование их личности. Развитие положительных психологических характеристик, преодолению деформации правосознания и правовой культуры [12, с. 407-411].

В рассматриваемом контексте в настоящее время перспективным является использование цифровой среды в профессиональном обучении отбывающих наказание в местах лишения свободы [13, с. 96-99]. Реализация цифровой трансформации в профессиональное обучение осужденных к лишению свободы [14, с.13-17]. Активное внедрение в пенитенциарную практику современных цифровых и информационных тех-

нологий, позволяющих купировать и устранять информационные вызовы, стоящие перед УИС [15, с. 19-24].

Важными правовыми нюансами нормативного регулирования профессионального образования и профессионального обучения осужденных к лишению свободы является наделение законодателем администрации ИУ обязанностью оказывать им содействие в получении высшего образования, что подтверждает реализацию гуманистического подхода в современной уголовно-исполнительной политике. Даже осужденные, отбывающие пожизненное лишение свободы, согласно части пятой статьи 108 УИК РФ могут проходить профессиональное обучение непосредственно на производстве [16].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

- VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;
- XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
- Межрегиональном научно-практическом семинаре «Правовые основы и практика реализации законодательства о пробации», состоявшемся в Санкт-Петербургском университете ФСИН России 7 февраля 2024 года. Доклад на тему: «Особенности прокурорского надзора за исполнением Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»;
- Всероссийской научно-практической конференции «Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы», посвященной 145-летию создания уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ВЮИ ФСИН России 28 февраля 2024 года. Доклад на тему «Значение прокурорского надзора в реализации законодательства о пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации»;
- Всероссийской научно-практической конференции «Советская и российская криминалистика: традиции и современные векторы», которая состоится в Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева 29.02. 2024 г. Доклад на тему «К вопросу взаимодействия правоохранительных органов в противодействии пенитенциарной преступности».

Заключение. Профессиональное образование и профессиональное обучение являются актуальными категориями пенитенциарной психологии и педагогики, практики исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. Это подтверждает отнесение уголовно-исполнительным законом (в статье 9 УИК РФ) профессионального обучения к основным средствам исправления осужденных.

Профессиональное образование осужденных к лишению свободы можно рассматривать как социальную систему получения ими знаний, умений и навыков для выполнения трудовой оплачиваемой общественно-полезной деятельности в порядке статьи 103 УИК РФ в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Профессиональное обучение осужденных к лишению свободы является процессом приобретения ими знаний, навыков и компетенций необходимых для выполнения работы в центрах трудовой адаптации и производственных мастерских ИУ, в федеральных государственных унитарных предприятиях УИС, в организациях иных организационно-правовых форм, расположенных на территориях ИУ и вне их, при условии обеспечения надлежащей охраны и изоляции осужденных. Получения новой профессии или повышения квалификации.

Различные вопросы организации профессионального образования и профессионального обучения осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных учреждениях закреплены в статье 108 УИК РФ. Законодатель подчеркивает значение профессионального обучения и образования осужденных к лишению свободы не только для их исправления, ресоциализации, социальной адаптации, но и социальной

реабилитации. Уголовно-исполнительный закон дифференцирует различные категории осужденных, получающих профессиональное образование в условиях ИУ.

Отношение осужденных к профессиональному образованию и профессиональному обучению учитывается при определении степени их исправления, возможности применения к ним в дальнейшем условно-досрочного освобождения, замены не отбытой части наказания более мягким наказанием, в соответствии со статьями 79 и 80 УК РФ.

Профессиональное обучение осужденных к лишению свободы активно используется сотрудниками и администрацией ИУ вместе с таким основным средством исправления как воспитательная работа. Способствующая не только исправлению осужденных, но и профилактики их противоправного поведения, нарушений установленного порядка отбывания наказания.

В настоящее время перспективным является использование цифровой среды в профессиональном обучении отбывающих наказание в местах лишения свободы. Реализация цифровой трансформации в профессиональное обучение осужденных к лишению свободы. Активное внедрение в пенитенциарную практику современных цифровых и информационных технологий, позволяющих купировать и устранять информационные вызовы, стоящие перед УИС.

Список литературы:

[1] Голубовский В.Ю., Кунц Е.В. Профессиональное обучение как средство исправления осужденных // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2020. С 144-150.

[2] Ковалев О.Г., Ковтуненко Л.В. Учебная деятельность и профессиональная подготовка в исправлении осужденных // В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Тверь, 2025. С. 79-84.

[3] Гусева Е.В. Профессиональное обучение осужденных в местах лишения свободы // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2023. № 7 (221). С. 95-98.

[4] Ковалев О.Г. Правовые и психологические основы социальной реабилитации осужденных // Право и управление. 2024. № 10. С. 300-305.

[5] Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 31.072025) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации // Consultant.ru (дата обращения 22.12.2025).

[6] Ковалев О.Г., Маркова Т.А. Формирование мотивационно-смысловой сферы осужденных-инвалидов в процессе психокоррекционной работы с ними в местах лишения свободы // Столыпинский вестник. 2021. Т. 3. № 1. С. 19.

[7] Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // Consultant.ru (дата обращения 22.12.2025).

[8] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[9] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.

[10] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник // Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007. 374 с.

[11] Ковалев О.Г., Иконников Д.С., Семенова Н.В. Проблемы организации воспитательной работы в исправительных учреждениях в процессе профилактики противоправного поведения осужденных // Перспективы науки. 2024. № 3 (174). С. 160-167.

[12] Ковалев О.Г. Пути преодоления деформации правосознания осужденных молодежного возраста, в отношении которых применяется пенитенциарная пробация // Образование и право. 2025 № 1. С. 407-411.

[13] Кузнецов М.И. Использование цифровой среды в профессиональном обучении отбывающих наказание в местах лишения свободы // В сборнике: Профессиональный рост педагогов специального и инклюзивного образования в условиях цифровой трансформации современного образования. Сборник материалов 2 Международной научно-практической конференции. Киров, 2023. С. 96-99.

[14] Ковалев О.Г., Багнычев М.Ю. Особенности реализации цифровой трансформации в уголовно-исполнительной системе на современном этапе ее развития // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 4. С. 13-17.

[15] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Информационные вызовы современного государства и общества и пути их преодоления уголовно-исполнительной системой России // Вестник Владимирского юридического института. 2025. № 3 (76). С. 19-24.

[16] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев

С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

References:

[1] Golubovsky V.Yu., Kunts E.V. Vocational training as a means of correcting convicts // In the collection: Scientific Papers of the Federal State Budgetary Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2020. From 144-150.

[2] Kovalev O.G., Kovtunenko L.V. Educational activity and professional training in the correction of convicts // In the collection: Spiritual and moral education of the individual in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Tver, 2025. pp. 79-84.

[3] Guseva E.V. Vocational training of convicts in places of deprivation of liberty // Scientific notes of the P.F. Lesgaft University. 2023. No. 7 (221). pp. 95-98.

[4] Kovalev O.G. Legal and psychological foundations of social rehabilitation of convicts // Law and management. 2024. No. 10. pp. 300-305.

[5] Federal Law No. 181-FZ of 11/24/1995 (as amended on 07/31/2025) "On Social Protection of Persons with Disabilities in the Russian Federation // Consultant.ru (accessed 22.12.2025).

[6] Kovalev O.G., Markova T.A. Formation of the motivational and semantic sphere of convicts with disabilities in the process of psychocorrective work with them in places of deprivation of liberty // Stolypinsky Bulletin. 2021. Vol. 3. No. 1. p. 19.

[7] Federal Law No. 400-FZ dated December 28, 2013 "On Insurance Pensions" // Consultant.ru (accessed 22.12.2025).

[8] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[9] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A. Moscow, 2006. 148 p.

[10] Russian criminal law. Special part: Textbook // Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007. 374 p.

[11] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S., Semenova N.V. Problems of organizing educational work in correctional institutions in the process of preventing illegal behavior of convicts. Perspektivy nauki. 2024. No. 3 (174). pp. 160-167.

[12] Kovalev O.G. Ways to overcome the deformation of the legal consciousness of convicts of youth age, in respect of whom penitentiary probation is applied // Education and Law. 2025 No. 1. pp. 407-411.

[13] Kuznetsov M.I. The use of the digital environment in professional training of those serving sentences in places of deprivation of liberty. // In the collection: Professional growth of teachers of special and inclusive education in the context of the digital transformation of modern education. Collection of materials of the 2nd International Scientific and Practical Conference. Kirov, 2023. pp. 96-99.

[14] Kovalev O.G., Bagnychev M.Yu. Features of the implementation of digital transformation in the penal enforcement system at the present stage of its development // Penal enforcement system: law, economics, management. 2023. No. 4. pp. 13-17.

[15] Kovalev O.G., Melnikova O.V. Information challenges of the modern state and society and ways to overcome them by the Russian penal system // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2025. No. 3 (76). pp. 19-24.

[16] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-159-163

ПЕЧЕРСКАЯ Анастасия Юрьевна,
Студентка 2 курса магистратуры,
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, г. Москва,
e-mail: cherry_stu@mail.ru

СТУЧЕНКОВА Олеся Сергеевна,
Студентка 2 курса магистратуры,
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, г. Москва,
e-mail: Olesa.stu@gmail.com

ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И DIGITAL ART: ВЫЗОВЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. *Расширение цифровых практик производства и распространения визуального контента привело к формированию обширного сегмента digital art, отличающегося нестабильной материальностью и высокой степенью технологической зависимости. Традиционные механизмы охраны интеллектуальной собственности, ориентированные на материальные носители и чёткие границы авторства, вступают в противоречие с цифровой средой, где произведение может существовать только в виде кода, алгоритма или сетевого процесса. В работе рассматриваются особенности формообразования цифровых объектов, проблемы квалификации авторства в условиях алгоритмического участия, а также трудности защиты прав при децентрализованном распространении цифровых артефактов. Анализ показывает, что существующие правовые конструкции нуждаются в пересмотре, поскольку они не учитывают гибридный характер digital art и его зависимость от инфраструктуры цифровых платформ.*

Ключевые слова: *интеллектуальная собственность, digital art, авторское право, цифровая среда, алгоритмическое творчество.*

PECHERSKAYA Anastasia Yurievna,
2nd year Master's student Financial University
under the Government of the Russian Federation Moscow

STUCHENKOVA Olesya Sergeevna,
2nd year Master's student Financial University
under the Government of the Russian Federation Moscow

TRADITIONAL INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS AND DIGITAL ART: CHALLENGES OF RIGHTS PROTECTION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Annotation. *The expansion of digital practices in producing and distributing visual content has generated a distinct field of digital art characterized by unstable materiality and a high degree of technological dependence. Traditional mechanisms of intellectual property protection, which rely on material carriers and clearly defined authorship, conflict with the digital environment where an artwork may exist solely as code, an algorithm, or a network process. The paper examines the structural features of digital objects, the problem of*

authorship qualification under algorithmic participation, and the difficulties of protecting rights in decentralized systems of distribution. The analysis demonstrates the need to revise existing legal frameworks, which insufficiently account for the hybrid nature of digital art and its dependence on digital platforms.

Key words: *intellectual property, digital art, copyright, digital environment, algorithmic creativity.*

Появление цифровых технологий создало условия для формирования нового типа художественных объектов, структура которых отличается от привычных произведений изобразительного искусства. В отличие от материальных форматов, цифровые произведения существуют в виде данных, поддающихся модификации, копированию и автоматизированному преобразованию. Это смещает фокус правовой охраны с объекта как материальной вещи на объект как информационную конструкцию, функционирующую внутри определённой технологической среды.

Традиционные категории интеллектуальной собственности строятся на предположении о наличии стабильного произведения, обладающего конкретным автором и фиксированными границами использования. В цифровых практиках эти признаки оказываются нестабильными. Произведение может включать элементы, созданные с участием алгоритмов, внешних библиотек данных или программных модулей, что затрудняет определение долей творческого вклада. Особенно заметно это в генеративных системах, где итоговый визуальный результат зависит от параметров, случайности и обучающих массивов, а не только от единоличного решения автора.

Нарушение привычного соотношения между автором и произведением приводит к пересмотру ключевых понятий. Если в классических правовых моделях автор обладает исключительными правами на произведение с момента его создания, то в цифровой среде момент «создания» становится расплывчатым. Произведение может существовать как множество вариантов, генерируемых системой по запросу, а исходный файл выступает не конечным продуктом, а матрицей для потенциально бесконечного ряда визуальных форм.

Отдельную сложность представляет отсутствие материальности. Юридическая практика долгое время опиралась на различение оригинала и экземпляра произведения, что позволяло оценивать его оборот и способы отчуждения. Цифровой объект не имеет признаков уникальности, если она не создаётся искусственно — например, через применение NFT-токена или особой системы метаданных. Без таких инструментов произведение легко воспроизводится неограниченное число раз, что затрудняет контроль за оборотом и делает традиционные механизмы распределения прав малоприменимыми.

Кроме проблем авторства и материальности, цифровая среда предъявляет новые требования к определению границ правовой охраны. Распространение digital art нередко происходит на платформах, где пользовательские соглашения устанавливают собственные правила владения и передачи контента. Это усиливает зависимость правового режима произведения от инфраструктуры, на которой оно размещено. В некоторых случаях платформа может фактически ограничивать или расширять объём прав пользователя, создавая параллельную нормативность, не совпадающую с государственными правовыми нормами.

Платформенная специфика становится ключевым фактором в определении масштаба правомочий, поскольку именно она задаёт технические пределы использования цифрового объекта. Наличие или отсутствие возможности скачивания, экспорта, передачи третьим лицам или включения произведения в сторонние сервисы формирует фактический режим владения, который не совпадает с юридическими категориями. В этом проявляется структурное отличие digital art от традиционных произведений, чья правовая судьба не зависит от функционала конкретной среды.

Дискуссия о цифровом авторстве особенно обострилась с распространением алгоритмических систем генерации контента. Формально большинство правовых режимов по-прежнему требуют наличия человеческого творческого вклада. Однако на практике возникает значительный диапазон ситуаций, когда итоговый результат формируется на стыке нескольких уровней: намерений автора, вычислительных процедур, технических ограничений и обучающих массивов данных. Сложность здесь заключается не только в распределении долей участия, но и в определении момента возникновения объекта авторского права. В традиционной модели произведение «возникает» при фактическом воплощении замысла. В цифровой среде воплощение осуществляется многократно, а итоговые визуальные формы могут отличаться даже при использовании идентичного алгоритма.

Ситуация осложняется и тем, что часть цифровых произведений существует в режимах, исключающих фиксированность результата: интерактивные объекты, произведения, изменяемые в реальном времени, визуализации потоков данных. Для таких форм правовой подход, рассчитанный на неизменность произведения, ока-

зывается непригодным. Возникает вопрос о том, какое состояние объекта подлежит охране — базовая структура, код, набор параметров или каждый вариант визуализации. От ответа на этот вопрос зависит возможность включения произведения в оборот: без определения охраняемого результата невозможно определить объект лицензионного договора.

Проблема уникальности цифровых объектов стала особенно заметной с появлением NFT-технологий. Попытка придать цифровому артефакту признак единственности через токенизацию создала механизм, который фактически отделяет экономическую ценность от самого произведения. Правовой режим NFT строится не вокруг характеристики объекта, а вокруг записи в блокчейне. Такая конструкция позволяет формировать оборотоспособность, но не решает вопроса о правах на произведение. Токен не устанавливает никаких исключительных полномочий в отношении содержательной части объекта; он фиксирует лишь последовательность транзакций и принадлежность идентификатора, не совпадающего с самим цифровым файлом. В результате у покупателя может возникнуть уверенность в обладании произведением, хотя юридически он приобретает только маркер, связанный с ним.

Децентрализованный характер цифровой среды порождает иные риски: невозможность полностью контролировать копирование и распространение файлов делает традиционные способы защиты малоприменимыми. Снятие произведения с платформы не гарантирует прекращения его оборота; достаточно сохранить файл локально или внести его в распределённую сеть. Кроме того, даже удаление оригинального размещения не препятствует появлению производных изображений, созданных через переработку или алгоритмическую трансформацию. Разграничение прав в таких случаях требует установления степени участия первоначального произведения, что зачастую затруднено из-за отсутствия метаданных или применения алгоритмов, стирающих следы исходной структуры.

Правоприменительная практика сталкивается с ещё одним затруднением — доказательством авторства в условиях изменяемости цифровых процессов. Если произведение постоянно обновляется, изменяется или существует в форме генеративной модели, традиционные способы фиксации (депонирование, нотариальное заверение, передача оригинального носителя) теряют эффективность. Фактическое подтверждение принадлежности кода или датирования его создания возможно, но не даёт полного ответа на вопрос о том, какой именно результат охраняется. Возникает необходимость в моделях фиксации не конечного произведения, а структуры, которая порождает множество вариантов. Такой подход требует пересмотра всей логики авторского права, поскольку в качестве объекта охраны будет рассматриваться не визуальная форма, а механизм генерации.

В контексте цифровой среды важным оказывается вопрос об оборотоспособности произведений. В традиционной модели оборот строился вокруг объекта, имеющего физическую форму и поддающегося контролируемой передаче. В цифровом пространстве оборот осуществляется иначе: единицей обмена становится не файл, а право доступа, определяемое платформой. Ограничение доступа может восприниматься как эквивалент исключительного права, хотя юридически оно таким не является. Возникает особый режим, где экономические операции опираются не на авторское право, а на условия сервиса. Такое смещение делает регулирование фрагментарным: часть правоотношений остаётся в юридическом поле, часть — передаётся операторам цифровых платформ.

Коллизия между авторским правом и платформенными режимами проявляется в том, что юридическая конструкция исключительных прав предполагает устойчивый, независимо существующий объект, тогда как цифровые сервисы оперируют моделями доступа, которые могут полностью изменить смысл владения. Правообладатель может обладать всем комплексом исключительных полномочий, но его возможности фактически оказываются уже, чем у оператора платформы, который контролирует алгоритм выдачи, видимость материала, условия демонстрации и механизм монетизации. В результате возникает ситуация, когда юридическое владение не совпадает с экономическим: рычаги влияния смещаются к субъектам, которые формально не являются участниками авторско-правовых отношений. Такая асимметрия особенно заметна в сегменте digital art, где видимость произведения и его оборот напрямую зависят от алгоритмов рекомендательных систем.

Проблема ответственности в децентрализованных сетях имеет иной характер. Блокчейн-структуры, распределённые хранилища и пиринговые сети формируют среду, в которой отсутствует единый адресат для предъявления требований. Юридическая логика, построенная на идентифицируемом нарушителе и фиксируемом факте противоправного использования, вступает в противоречие с архитектурой систем, где данные распространяются автоматически и сохраняются независимо от воли участников. Попытки переложить ответственность на разра-

ботчиков протоколов сталкиваются с тем, что они не контролируют действия пользователей. Попытки привлечь самих пользователей наталкиваются на техническую невозможность выявить субъектов обработки данных. В результате правоприменение превращается в точечные действия против отдельных площадок, которые лишь частично влияют на оборот произведений и редко ведут к реальному прекращению нарушения.

Особого внимания требуют производные цифровые объекты. Традиционный критерий оригинальности, применяемый в авторском праве, плохо работает в среде, где границы между исходным и переработанным материалом размываются. Алгоритмическая трансформация способна создавать результаты, которые сохраняют структурные связи с исходным произведением, но визуально не выглядят его продолжением. Напротив, незначительная модификация может восприниматься как новая творческая форма, хотя юридически остаётся зависимым произведением. Неопределённость усиливается, когда в переработку вовлечены нейросетевые модели, обученные на обширных массивах изображений: установить роль конкретного источника становится практически невозможно. Для некоторых юрисдикций уже встаёт вопрос о том, нужно ли сохранять классическое понимание производности или требуются новые критерии, основанные на степени алгоритмической зависимости.

Цифровые объекты также демонстрируют нестабильность в части принадлежности. Пользователь, создавший изображение посредством генеративной модели, может не иметь авторских прав, если вклад системы считается доминирующим. Компания-разработчик может претендовать на часть прав, но при этом не участвует в творческом процессе. Платформа генерирует файл, но передаёт доступ по пользовательской лицензии, оставляя себе возможность удалить контент. В такой трёхсторонней связке трудно определить, кто является правообладателем и кому принадлежит объект оборота. Это приводит к неоднозначности при заключении лицензионных договоров и снижает предсказуемость правового режима.

Вопрос фиксации цифровых произведений становится центральным для любой модели регулирования. Если объект постоянно изменяется — будь то интерактивная визуализация, генеративный арт или параметрически управляемая структура, — юридическое закрепление одного состояния не отражает всей природы произведения. Варианты фиксации «механизма» (кода, набора параметров, архитектуры модели) выглядят логичными, но поднимают новый пласт вопросов: может ли механизм считаться самостоятельным произведением? следует ли охранять все результаты, которые он генерирует? не превращает ли охрана механизма авторское право в разновидность патентной модели? Эти вопросы показывают, что классическая юридическая система формировалась для иной медийной среды и плохо справляется с объектами, где форма неразрывна от процесса.

Наконец, стоит учитывать, что цифровые произведения существуют в условиях высокой скорости обращения. Оборотоспособность определяется не только лицензиями, но и самим устройством платформ: возможность репоста, копирования, экспорта, встраивания в сторонние среды фактически создаёт параллельный оборот, который не контролируется правом. Сеть живёт быстрее юридических процедур: пока фиксируется нарушение, объект уже изменён, распространён или преобразован. Это приводит к постепенному смещению акцента с контроля на управление рисками — авторы и правообладатели вынуждены выбирать, какие проявления нарушения критичны, а какие лучше игнорировать, чтобы не тратить ресурсы на бесперспективные процедуры.

Завершая блок, можно выделить ключевой вектор: цифровая среда постепенно размывает традиционные границы авторско-правовых категорий. Объект, автор, носитель, способ использования, момент создания — все эти элементы приобретают новые формы, которые требуют не косметических правок законодательства, а переосмысления самой логики регулирования. В следующем разделе можно перейти к анализу моделей адаптации права и тех направлений, где уже появляются первые признаки устойчивой доктрины.

Список литературы:

[1] Карташкин В. А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М.: Норма, 2023. 288 с.

[2] Лукашева Е. А. Права человека: учебник. 3-е изд. М.: Норма, 2023. 512 с.

[3] Рассолов И. М. Информационное право: учебник для магистров. М.: Проспект, 2023. 352 с.

[4] Антопольский А. А. Права человека и Интернет: практика Европейского суда по правам человека // Труды Института государства и права РАН. 2023. № 4. С. 159–171.

[5] Бондарь Н. С. Информационно-цифровое право в контексте измерений из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 25–42.

[6] Варламова Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2023. № 4. С. 9–46.

[7] Грачева М. А. Защита персональных данных в эпоху цифровизации // Закон. 2023. № 2. С. 123–135.

[8] Жарова А. К. Правовая защита интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Юрист. 2023. № 3. С. 34–42.

[9] Полякова Т. А. Трансформация системы информационного права в условиях цифровизации // Государство и право. 2023. № 5. С. 69–79.

[10] Талапина Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН. 2023. № 3. С. 122–146.

[11] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data (General Data Protection Regulation). Official Journal of the European Union, L 119, 04.05.2016. P. 1–88.

References:

[1] V. Kartashkin. Human rights: international protection in the context of globalization. M.: Norma, 2023. 288 pp.

[2] Lukasheva E. A. Human rights: textbook. 3rd ed. M.: Norma, 2023. 512 s.

[3] Brine I. M. Information law: textbook for masters. M.: Prospect, 2023. 352 pp.

[4] Antopolsky A. A. Human Rights and the Internet: Practice of the European Court of Human Rights//Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2023. № 4. S. 159-171.

[5] Bondar N. S. Information and digital law in the context of measurements from the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation// Journal of Russian Law. 2023. № 1. S. 25-42.

[6] Varlamova N.V. Digital rights - a new generation of human rights ?//Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2023. № 4. S. 9-46.

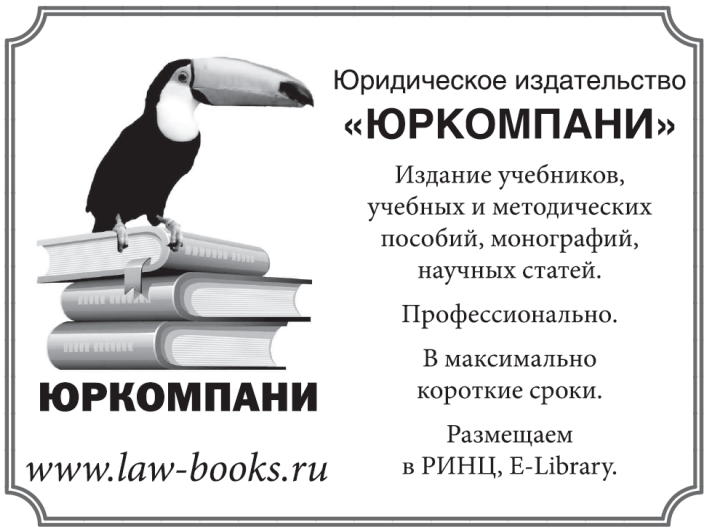
[7] Gracheva M. A. Protection of personal data in the era of digitalization//Law. 2023. № 2. S. 123-135.

[8] Zharova A.K. Legal protection of intellectual property in the digital age//Lawyer. 2023. № 3. S. 34-42.

[9] Polyakova T. A. Transformation of the information law system in the context of digitalization// State and law. 2023. № 5. S. 69-79.

[10] Talapina E.V. Evolution of human rights in the digital age//Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2023. № 3. S. 122-146.

[11] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data (General Data Protection Regulation). Official Journal of the European Union, L 119, 04.05.2016. P. 1–88.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-164-169

МИРОНОВ Денис Владимирович,
аспирант, Московский Финансово-Промышленный университет «Синергия»,
e-mail: mironovdenis18@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ АВТОРОВ И ПРАВООБЛАДАТЕЛЕЙ БАЗ ДАННЫХ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *В эпоху стремительной цифровизации и экспоненциального роста объемов информации защита прав авторов и правообладателей баз данных приобретает особую значимость. Базы данных, как структурированные массивы данных, являются ценным активом, требующим юридической охраны. Законодательство об авторском праве, изначально ориентированное на охрану произведений литературы, науки и искусства, эволюционировало, чтобы охватить и такие специфические объекты, как базы данных. Важно понимать, что охрана баз данных осуществляется посредством двух независимых режимов: авторско-правового и специального права sui generis. Каждый из них направлен на защиту различных аспектов создания и использования баз данных, предоставляя авторам и правообладателям комплексные механизмы защиты их интеллектуальной собственности.*

Авторско-правовая охрана баз данных распространяется на сами базы как на объекты авторского права, при условии, что они представляют собой результат творческого труда составителя, выраженный в выборе, расположении или оформлении материалов. Иными словами, если структура, порядок расположения данных и их оформление отражают интеллектуальную деятельность автора, база данных может быть признана объектом авторского права. Это означает, что любое использование такой базы, включая ее копирование, распространение, перевод или переработка, требует согласия автора.

Цель настоящей публикации – рассмотреть особенности защиты прав авторов и правообладателей баз данных на современном этапе развития общества.

Методы: анализ нормативно-правового регулирования, формально-юридический, сравнительно-правовой.

Результаты: рассмотрены особенности защиты прав авторов баз данных; проанализированы правовые основы защиты правообладателей баз данных; определены основные проблемы защиты прав авторов и правообладателей баз данных.

Ключевые слова: *база данных, авторское право, suigeneris, охраноспособность, изготовитель базы данных, нетворческая база данных, смежное право, правообладатель.*

MIRONOV Denis Vladimirovich,
postgraduate student,
Moscow Financial and Industrial University «SYNERGY»

PROBLEMS OF PROTECTING THE RIGHTS OF AUTHORS AND DATABASE OWNERS AND THEIR SOLUTIONS

Annotation. *In the era of rapid digitalization and exponential growth of information volumes, the protection of the rights of authors and database owners has become particularly important. Databases, as structured data arrays, are valuable assets that require legal protection. Copyright law, which was originally focused on protecting works of literature, science, and art, has evolved to include specific objects such as databases. It is important to understand that databases are protected through two independent regimes: copyright law and special sui generis law. Each of these regimes aims to protect different aspects of the creation and use of databases, providing authors and rights holders with comprehensive mechanisms to safeguard their intellectual property.*

Copyright protection for databases extends to the databases themselves as objects of copyright, provided that they represent the result of the compiler's creative work, as expressed in the selection,

arrangement, or presentation of the materials. In other words, if the structure, arrangement, and presentation of the data reflect the author's intellectual effort, the database may be considered an object of copyright. This means that any use of the database, including copying, distribution, translation, or modification, requires the author's consent.

The purpose of this article is to explore the current challenges in protecting the rights of authors and database owners.

Methods: analysis of regulatory regulation, formal legal, comparative legal.

Results: the specifics of protecting the rights of database authors are considered; the legal basis for protecting database copyright holders has been analyzed; the main problems of protecting the rights of database authors and copyright holders have been identified.

Key words: *database, copyright, sui generis, related rights, protectability, database manufacturer, non-creative database, related right, copyright holder.*

Введение. Актуальность защиты прав в этой сфере обусловлена рядом факторов.

Во-первых, стремительный рост объемов информации и развитие технологий копирования и распространения данных создают новые вызовы для правообладателей. Легкость несанкционированного доступа и использования баз данных ставит под угрозу инвестиции в их создание и поддержание.

Во-вторых, базы данных являются основой для многих современных бизнес-процессов и научных исследований. Они используются в аналитике, маркетинге, финансах, медицине и многих других областях. Защита прав на базы данных стимулирует развитие этих отраслей, обеспечивая инновации и конкурентоспособность.

В-третьих, правовая охрана баз данных способствует созданию благоприятной среды для авторов и разработчиков. Она позволяет им контролировать использование своих произведений, предотвращать несанкционированное копирование и распространение, а также получать справедливое вознаграждение за свой труд.

Итак, защита прав авторов и правообладателей баз данных – это не просто юридическая формальность, а необходимый элемент для стимулирования инноваций, защиты инвестиций и обеспечения справедливого баланса интересов в цифровой экономике.

Особенности защиты прав авторов баз данных. Законодательство о защите прав авторов баз данных направлено на стимулирование создания и развития этих ценных информационных ресурсов. Особую актуальность эта тема приобрела в эпоху цифровых технологий и взрывного роста объемов данных.

Существуют два основных подхода к защите баз данных: авторское право и особое право suigeneris. Авторское право защищает творческий аспект базы данных, а именно способ организации и представления данных, если он является результатом интеллектуального труда автора. При этом сами данные, как правило, не подлежат авторской защите.

Право suigeneris, введенное в европейском законодательстве и адаптированное в некоторых других странах, предоставляет защиту значительным инвестициям, вложенным в создание и поддержку базы данных. Оно защищает от несанкционированного извлечения и повторного использования существенной части содержимого базы данных, даже если организация этих данных сама по себе не является творческой. Для возникновения такого права требуется доказать существенные инвестиции, финансовые, трудовые и временные затраты на создание базы данных [9].

Целью законодательства является баланс: с одной стороны, защита интересов создателей баз данных и стимулирование инвестиций в эту сферу, а с другой – обеспечение доступа к информации и предотвращение монополизации данных, что может препятствовать инновациям и развитию экономики. Важно отметить, что законодательство в этой области все еще находится в процессе развития и гармонизации на международном уровне, и существуют различия в подходах между различными юрисдикциями. Например, в США защита баз данных в основном осуществляется через договорное право и законодательство о недобросовестной конкуренции.

Гражданский кодекс РФ (ГК РФ) предоставляет многоуровневую защиту прав создателей баз данных, сочетая элементы авторского и исключительного права.

Глава 70 ГК РФ [1] (Авторское право) признает базы данных составными произведениями, охраняемыми как объекты авторского права. Ключевым условием является творческий характер отбора или расположения материалов. Защищается структура базы данных, логика организации, а не сами данные. Автор структуры имеет право на имя, авторство, неприкосновенность произведения, а также имущественные права на использование базы данных (воспроизведение, распространение, переработка и т. д.)

Статья 1260 ГК РФ [2] вводит понятие «изготовитель базы данных» и предоставляет ему осо-

бое исключительное право. Это право возникает при условии существенных финансовых, организационных или иных затрат на создание базы данных. Оно защищает от неправомерного извлечения и повторного использования существенной части содержания базы данных. Данная защита применима даже если база данных не является результатом творческого труда в аспекте авторского права.

Важно отметить, что исключительное право изготовителя базы данных, согласно ГК РФ, действует в течение 15 лет с момента её создания или первого обнародования. Одновременная защита авторским правом и исключительным правом позволяет обеспечить более комплексную охрану баз данных, стимулируя инвестиции и инновации в данной сфере.

Гражданский кодекс Российской Федерации, в статьях 1333-1336 [2], предусматривает специфическую защиту баз данных, рассматривая их как объекты, связанные с авторским правом. Эта защита активируется, если на создание базы данных были направлены значительные объемы финансовых, ресурсных и организационных усилий, вне зависимости от наличия в ней «творческой составляющей».

Кроме того, в определенных ситуациях, архитектура базы данных может быть защищена согласно статьям 1465-1471 ГК РФ [2]. В данном случае, она рассматривается как коммерчески ценная информация, которая охраняется владельцем при соблюдении условий конфиденциальности.

Примечательно, что структура правовых положений, закрепленных в части четвертой Гражданского кодекса РФ, отражает принципы, представленные в Директиве № 96/9/ЕС Европейского парламента и Совета [10], датированной 11 марта 1996 года и посвященной правовой охране баз данных. Одним из ключевых отличий российского законодательства от европейской директивы является разное толкование прав, предоставляемых создателю базы данных. В директиве ЕС эти права рассматриваются как особое право «suigeneris», в то время как в российской правовой системе они классифицируются как разновидность смежных прав. Такое сходство между европейской директивой и частью четвертой ГК РФ дало основания для утверждения в юридической науке о том, что смежное право создателя характерно для баз данных, не обладающих творческим характером, и что деятельность таких создателей можно считать организационно-технической. Однако, как справедливо отмечают исследователи Е.А. Войниканис и В.О. Калятин [5], такой подход может быть не совсем точным, поскольку для реализации права создателя базы данных не требуется подтверждение ее творческой составляющей. Следовательно, это право действует в равной мере для баз данных как «нетворческого», так и «творческого» типа.

Существуют различные научные точки зрения на вопрос защиты прав создателей баз данных. Одна из них предполагает, что база данных как объект смежных прав не обязательно должна быть творческой, поскольку ее формирование часто осуществляется по заданному алгоритму, что характеризует «нетворческую базу данных». При этом допускается возможность творческого подхода в отборе и организации материалов. Согласно другой точке зрения, любая база данных содержит элемент творчества и может быть защищена как авторским, так и смежным правом.

И.А. Зенин [6] утверждает, что деятельность по созданию базы данных, включая сбор, обработку и систематизацию информации, является творческой, а ее результат представляет собой «организационное творчество».

О.В. Калятин [7] подчеркивает, что правовая защита базы данных как объекта авторского права возможна только в случае, если творческий вклад автора проявляется в подборе материалов и/или структуре базы данных.

В судебной практике при рассмотрении споров о нарушении исключительного права создателя базы данных устанавливается факт признания базы данных объектом смежных прав. Примером может служить Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 июня 2023 года по делу № А58-42408/2023, которое оставило в силе решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 26.02.2023 по делу № А58-43507/2023. В данном деле ООО «Автотех» обратилось в суд с иском к ООО «Крэвинс» о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на произведение «База данных по моделям и указанием стоимости транспортных средств». В ходе рассмотрения дела, судом было установлено соответствие базы данных критериям охраноспособности как объекта смежных прав: «На основании доказательств, представленных сторонами дела, суд пришел к выводу о наличии у истца исключительных прав на базу данных как на результат интеллектуальной деятельности, попадающий под действие двух правовых режимов - авторских прав и смежных прав. «База данных по моделям и указанием стоимости транспортных средств» соответствует критериям охраноспособности как объект авторских прав, так и как объект смежных прав. Поскольку не представлено доказательств иного, база данных признается объектом смежных прав так как количество

самостоятельных информационных элементов «Базы данных по моделям и указанием стоимости транспортных средств» составляет 69 421 элемента (в версии без учета специализированной техники) и 80 938 элементов (в версии с учетом специализированной техники)» [4].

Подобно автору, производитель также обладает правом распоряжения исключительным правом. Существенно отметить, что исключительное право, принадлежащее производителю базы данных, признаётся и остаётся в силе, независимо от существования и действия авторских или иных исключительных прав этого производителя или других лиц на элементы, составляющие базу данных. Это также относится к базе данных в целом, рассматриваемой как сложное произведение.

Правовые основы защиты правообладателей баз данных. Российское законодательство проводит разграничение: авторское право защищает «оригинальные» базы данных, а смежные права охраняют инвестиции в их создание.

Защита прав на базы данных является важным элементом правовой системы, стимулирующим инновации и инвестиции в область обработки и хранения информации. Правовые основы защиты баз данных регулируются как международными соглашениями, так и национальным законодательством.

Международные договоры в сфере защиты правообладателей баз данных:

1. Соглашение ТРИПС (TRIPS) [3]: устанавливает минимальные стандарты защиты авторских прав, применимые и к базам данных, если они являются результатом интеллектуального творчества.
2. Директива ЕС о правовой охране баз данных [10]: предоставляет два уровня защиты: авторское право на структуру базы данных и suigeneris право (особое право) на содержание базы данных, если оно свидетельствует о существенных инвестициях. Однако для России данный документ не действует.

Национальное законодательство:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ): статья 1260 ГК РФ [2] регулирует авторские права на базы данных, признавая их составными произведениями, охраняемыми авторским правом, если подбор или расположение материалов является результатом творческого труда.
2. Особое право (suigeneris): статья 1334 ГК РФ [2] вводит особое право изготовителя базы данных, защищающее от несанкционированного извлечения или повторного использования существенной части содержания базы данных, если на создание базы данных были затрачены существенные финансовые, материальные, организационные или иные ресурсы.

В 2021 году Н.Е. Сосипатрова [8] в своей работе указала на возможность правовой охраны баз данных в двух формах: как объекты авторского права (так называемые «креативные» базы данных, представляющие собой составные произведения, где отбор или расположение информации отражает творческий вклад) и как объекты смежных прав («инвестиционные» базы данных, защита которых обусловлена значительными финансовыми, организационными и другими инвестициями в их разработку).

Существует два противоположных подхода к определению творческого характера баз данных.

Первый подход заключается в том, что база данных, охраняемая смежными правами, не всегда является результатом творческой деятельности, поскольку ее формирование нередко следует установленному алгоритму. Такие базы данных классифицируются как «нетворческие».

Второй подход, напротив, предполагает наличие элемента творчества в любой базе данных, независимо от того, защищается ли она авторским или смежным правом. И.А. Зенин [6] утверждает, что организационные усилия по созданию базы данных, включая сбор, обработку и структурирование составляющих ее материалов, следует рассматривать как творческую деятельность, а содержание базы данных - как результат «организационного творчества» (подлежащий охране смежным правом).

Правообладатели баз данных могут использовать различные механизмы для защиты своих прав, включая:

- авторское право: предотвращает копирование структуры базы данных;
- suigeneris право: препятствует несанкционированному извлечению и повторному использованию содержания;
- технические средства защиты: шифрование, водяные знаки и системы контроля доступа;
- юридические меры: предъявление исков о нарушении авторских прав и suigeneris прав.

Эффективная защита прав на базы данных является ключевым фактором для развития цифровой экономики, стимулируя создание и распространение ценной информации.

Заключение. Охрана прав авторов и правообладателей баз данных в России – сложная и многогранная задача, требующая комплексного подхода, учитывающего как юридические аспекты, так и практическую реализацию норм законодательства. Анализ текущего состояния дел позволяет сделать ряд важных выводов.

Во-первых, законодательная база, включающая Гражданский кодекс РФ, является достаточной для защиты авторских прав на базу данных как составное произведение, а также для защиты исключительных прав изготовителя базы данных (suigeneris). Однако эффективность применения этих норм осложняется сложностью доказывания факта нарушения прав, особенно в условиях цифровой среды.

Во-вторых, необходимо усилить контроль за соблюдением авторских прав в сети Интернет, расширить практику привлечения к ответственности за незаконное копирование и распространение баз данных, а также повысить правовую грамотность пользователей.

В-третьих, важным направлением является совершенствование судебной практики по рассмотрению споров, связанных с нарушением прав на базы данных. Суды должны более активно применять положения законодательства об ответственности интернет-провайдеров за нарушение авторских прав.

В-четвертых, необходимо стимулировать добровольную регистрацию баз данных, что позволит правообладателям более эффективно защищать свои права. Следует рассмотреть возможность введения упрощенной процедуры регистрации.

Таким образом, защита прав авторов и правообладателей баз данных – ключевой фактор для развития информационного общества и стимулирования инноваций. Требуется комплексное решение, включающее совершенствование законодательства, усиление контроля за соблюдением авторских прав и повышение правовой культуры общества.

Основные направления совершенствования законодательства в сфере защиты прав авторов и правообладателей баз данных:

Уточнение понятийного аппарата: необходимо четко определить понятия «база данных», «автор», «правообладатель», «исключительное право», «использование базы данных» и другие ключевые термины.

Расширение сферы действия законодательства: необходимо предусмотреть защиту авторских прав в отношении новых видов баз данных и способов их использования, в том числе с применением технологий искусственного интеллекта и машинного обучения.

Усиление ответственности за нарушение авторских прав: необходимо установить эффективные механизмы защиты прав правообладателей, включая возможность взыскания компенсации за нарушение авторских прав в значительном размере.

Совершенствование механизмов защиты авторских прав в сети Интернет: необходимо разработать механизмы, позволяющие эффективно бороться с пиратством и нелегальным распространением баз данных в сети Интернет.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ // Российская газета. – 2024. – №2.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18 декабря 2006 г. №230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2024. – №3.

[3] Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров, 15 апреля 1994 г.) // Справочная правовая система «Гарант»: НПП «Гарант-Сервис». - 2020.

[4] Постановление от 15 июня 2023 г. по делу М А58-42408/2023 Тринадцатого арбитражного апелляционного суда // СПС «Консультант Плюс». – 2023.

[5] Войниканис Е.А. База данных как объект правового регулирования: учеб. пособие / Е.А. Войниканис, В.О. Калятин. - Москва: Статут, 2011. - 174 с.

[6] Зенин И.А. Право интеллектуальной собственности: учебник / И.А. Зенин. - Москва: Юрайт, 2025. – 430 с.

[7] Калятин В.О. Право интеллектуальной собственности. Правовое регулирование баз данных: учеб. пособие / В.О. Калятин. - Москва: Юрайт, 2023. - 186 с.

[8] Сосипатрова Н.Е. Авторское право и смежные права (с практикумом): учебник / Н.Е. Сосипатрова, Н.Л. Малахова. - Москва: КноРус, 2021. - 280 с.

[9] Степанов Е.А. Информационная безопасность и защита информации: учеб. пособие / Е.А. Степанов, И.К. Корнеев. - Москва: ИНФРА-М, 2020. - 304 с.

[10] Directive 96/9/EC of the European Parliament and of the Council of 11 March 1996 on the legal protection of databases, (Directive 96/9/EC, amended up to Directive (EU) 2019/790) // Официальный Журнал. – 2009.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation. Part One dated November 30, 1994 No. 51-FZ//Rossiyskaya Gazeta. – 2024. – №2.

[2] Civil Code of the Russian Federation. Part Four dated January 18, 2006 No. 230-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2024. – №3.

[3] Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS) (WTO, Uruguay Round of Multilateral Trade Negotiations, April 15, 1994)//Reference Legal System “Guarantor”: NPP “Guarantor-Service.” - 2020.

[4] Judgment dated June 15, 2023 in case M A58-42408/2023 of the Trinadian Arbitration Court of Appeal//SPS “Consultant Plus.” – 2023.

[5] Voynikanis E.A. Database as an object of legal regulation: textbook/E.A. Voynikanis, V.O. Kalyatin. - Moscow: Statute, 2011. - 174 c.

[6] Zenin I.A. Intellectual property law: textbook/I.A. Zenin. - Moscow: Yurayt, 2025. - 430 s.

[7] V.O. Kalyatin Intellectual Property Law. Legal regulation of databases: tutory. manual/V.O. Kalyatin. - Moscow: Yurayt, 2023. - 186 s.

[8] Sosipatrova N.E. Copyright and related rights (with workshop): textbook/N.E. Sosipatrova, N.L. Malakhova. - Moscow: KnoRus, 2021. - 280 s.

[9] Stepanov E.A. Information security and information protection: study. manual/E.A. Stepanov, I.K. Korneev. - Moscow: INFRA-M, 2020. - 304 c.

[10] Directive 96/9/EC of the European Parliament and of the Council of 11 March 1996 on the legal protection of databases, (Directive 96/9/EC, amended up to Directive (EU) 2019/790) // Официальный Журнал. – 2009.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-170-174

СИЛКИН Вячеслав Петрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-исполнительного права и
организации воспитательной работы с осуждёнными,
Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
e-mail: silkin.viacheslaw@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ КОРРУПЦИИ НА ЭКОНОМИКУ

Аннотация. *В статье исследованы вопросы, каким образом коррупция влияет на российскую экономику, какие экономические последствия порождает, эти последствия систематизированы, в подтверждение приведены мнения учёных, статистические данные. Приведены факты и аргументы о том, что коррупция порождает следующие экономические последствия: нарушаются механизмы нормальной конкуренции; неэффективно и не по целевому назначению используются бюджетные средства; создаются препятствия к свободе осуществления предпринимательской деятельности; нарушается право собственности; страдает конкурентноспособность России и российской экономики на международной арене; коррупция тесно связана с организованной преступностью и поощряется ею; фактически стимулирует теневую (по разным причинам неучтённую) экономику; руководство государства получает недостоверную информацию о состоянии экономики; в государственных и муниципальных органах власти неквалифицированные работники занимают должности, вследствие чего проблемы усугубляются; растут уровень инфляции, цены, количество населения, находящегося за чертой бедности, в конечном итоге – социальное недовольство людей и утрата веры в социальную справедливость.*

Ключевые слова: *коррупция, экономика, взаимосвязь коррупции и экономики, экономические последствия коррупции.*

SILKIN Vyacheslav Petrovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Penal
Enforcement Law and Organization of Educational Work with Convicts,
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal
Penitentiary Service of Russia

THE IMPACT OF CORRUPTION ON THE ECONOMY

Annotation. *The article examines the issues of how corruption affects the Russian economy, what economic consequences it generates, these consequences are systematized, and the opinions of scientists and statistical data are provided in support. The facts and arguments that corruption generates the following economic consequences are presented: the mechanisms of normal competition are violated; budget funds are used inefficiently and not for their intended purpose; obstacles to the freedom of entrepreneurial activity are created; property rights are violated; the competitiveness of Russia and the Russian economy in the international arena is suffering; corruption is closely linked to organized crime and is encouraged by it; in fact, it stimulates the shadow (for various reasons unaccounted for) economy; the government receives unreliable information about the state of the economy; unskilled workers occupy positions in state and municipal authorities, as a result of which the problems worsen; The inflation rate, prices, and the number of people below the poverty line are increasing, resulting in social discontent and loss of faith in social justice.*

Key words: *corruption, economics, interrelation of corruption and economics, economic consequences of corruption.*

Введение

Время от времени в общественный дискурс вбрасывается мнение, что коррупция была и присутствует сейчас в любой стране мира и в любой исторический период времени, поэтому встаёт вопрос: «Можно ли и нужно ли с ней бороться?»

Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, однозначен: с коррупцией и можно и нужно бороться. Здесь уместным представляется сравнение с медициной – если сахарный диабет, гипертония и многие другие болезни являются неизлечимыми, это не значит, что с ними не нужно ничего делать. Такие болезни, как и количество, например, волков в лесу, необходимо держать в приемлемых рамках. Также следует относиться и к коррупции: поскольку её нельзя искоренить полностью, нужно сделать всё возможное, чтобы максимально ограничить это позорное явление.

В ряде случаев оппонентами выдвигается следующий, на первый взгляд, логичный вывод: «Раз коррупция непобедима, и кроме того, выполняет определённые социальные функции (например, помогает предпринимателю выполнить порой бессмысленные бюрократические требования многочисленных нормативных правовых актов), не является ли она полезной для общества и государства?».

Ответ на второй вопрос также дадим категоричный: коррупция приносит обществу и государству не пользу, а колоссальный вред. Будучи ограничены заявленной темой, попытаемся рассмотреть некоторые отрицательные последствия коррупции для экономики, не затрагивая других сфер общественной жизни.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили нормативно-правовые акты, статистические данные, характеризующие состояние коррупционной преступности и экономики, отечественные и зарубежные научные публикации по теме, а также публикации в средствах массовой информации, в т.ч. на Интернет-ресурсах, о выявленных фактах коррупции.

В ходе исследования использованы такие методы, как анализ, синтез, дедукция и индукция, а также формально-логический, сравнительно-правовой и статистический методы.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате исследования установлено, что коррупция приводит к следующим отрицательным последствиям для экономики.

Во-первых, в результате коррупции, посредством получения взяток (которые в определённых кругах стыдливо называют «откатами»), например, за получение государственного контракта, нарушаются механизмы нормальной конкуренции в экономике. Следовательно, крайне неэффективно расходуются бюджетные денежные средства. Государство приобретает товары, работы, услуги за цену, большую, чем могло бы приобрести, либо вообще ненадлежащего качества.

Так, руководитель Центра экономических исследований Института глобализации и социальных движений В. Колташов в интервью приводил пример того, как в цене строительства автодорог в России «коррупционные издержки» составляют не менее 25% - это и «откаты» за дорожный подряд, и экономия на материалах, и ненадлежащий приём построенных объектов за взятки. Конкурсы на выполнение работ носят формальный характер [1, с.56].

Экономисты Галлямова Д.Х. и Яковлев А.А. приводили данные о том, что издержки на согласования и разрешения в строительной сфере составляют до 40% от стоимости объекта, более 2/3 от указанной суммы составляют внелегальные издержки (иным словом – взятки) [2, с.65].

По данным А.П. Вербицкой и С.Л. Мельниковой, коррупция непосредственно влияет на инфляцию, т. к. провоцирует рост цен из-за завышения стоимости госзакупок. Завышение может достигать 15%, а в некоторых отраслях – до 60 % от реальной стоимости [3, с.36].

Во-вторых, в результате коррупции путём злоупотребления должностными полномочиями, либо хищений бюджетных средств с использованием служебного положения, опять-таки неэффективно и не по целевому назначению используются бюджетные средства, которых в результате не хватает для нужд экономики и социальной сферы.

Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры России, прокурорами только за 12 месяцев 2022 года (более свежей статистики на сайте нет) направлено в суды более 4 тысяч исков о возмещении ущерба, причинённого актами коррупции, на сумму свыше 300 млрд. рублей. При этом надо иметь в виду высокий уровень латентности преступлений коррупционной направленности, доходящий по оценкам криминологов, до 90%. Иными словами, реальный ущерб от преступлений данной категории во много раз превышает указанную сумму установленного ущерба.

Например, только один осуждённый в 2025 году заместитель министра обороны России Т. Иванов в результате злоупотребления должностными полномочиями причинил государству ущерб, измеряемый миллиардами рублей. Такими же огромными суммами измеряется ущерб в громких коррупционных делах «Оборонсервиса», при строительстве космодрома «Восточный» в

Амурской области, стадиона «Зенит Арена» в г. Санкт-Петербурге и во многих других случаях.

Как справедливо отмечает Лемешонок О.Б., «Мы платим «коррупционные налоги» практически за каждый продукт или услугу. Даже время стояния в очереди можно измерить потерями наших и государственных средств. Только по пяти наиболее массовым госуслугам и только в очередях население теряет около 1,925 миллиарда рублей ежегодно, а потери ВВП составляют свыше 2,620 миллиарда рублей» [4, с.141], [5].

В-третьих, создаются препятствия к свободе осуществления предпринимательской деятельности, поскольку потенциальный предприниматель, принимая решение о создании легального бизнеса, просчитывает возможную рентабельность предприятия, при этом вероятные суммы взяток чиновникам из различных проверяющих структур, сама необходимость их дачи и ведения «переговоров» с чиновниками, затягивающими бюрократические процедуры, сложность ведения бизнеса в условиях недобросовестной конкуренции, на деле зачастую «перевешивают» положительные моменты от создания бизнеса и склоняют предприимчивого человека к решению либо отказаться от реализации идеи, либо уйти в теневой сектор экономики.

Так, Михалина Л.М. и Голованов Е.Б. указывают, что величина взяток, которые вынуждены давать субъекты малого предпринимательства, составляет от 5 до 50% оборота денежных средств предпринимателя или до 200 % годовой чистой прибыли от вложенных инвестиций после реализации бизнес-проекта, при таких условиях реализация бизнес-идеи часто становится нерентабельной [6].

По данным экспертов МВД России, размер крупной взятки – более 900 тыс. руб.; средней – 27 тыс. руб.; по этим же данным, ежегодный расход предпринимателей на взятки чиновникам – 33 млрд. долларов США. Это те средства, которые при благоприятных условиях могли быть инвестированы в различные бизнес-проекты. Расходы на взятки чиновникам предприниматели вынуждены легально или нелегально включать в издержки производства товаров или услуг и, следовательно, в конечную их цену, раскручивая инфляционную спираль [7. с.247]. Следует иметь в виду, что за последние десять лет, прошедшие с момента этого исследования указанные размеры взяток, учитывая инфляцию, только возросли.

В-четвёртых, нарушается право собственности, когда коррумпированные чиновники, в том числе, с участием организованных преступных групп, осуществляют отъём бизнеса путём его рейдерских захватов у законопослушных предпринимателей. Коррупцию называет одной из основных причин рейдерских захватов, например, Прожерина А.Н. [8].

В-пятых, страдает конкурентноспособность России и российской экономики на международной арене. По оценкам экспертов, уровень коррупции является главным, или одним из главных факторов для принятия потенциальными инвесторами решения об инвестировании средств в реальный сектор экономики.

Так, по данным экспертов Всемирного экономического форума, в рейтинге препятствий развитию инвестиционной деятельности коррупция занимает первое место, второе место – налоги [7. с.246].

На этом фоне растёт теневая экономика, снижается приток иностранных инвестиций в российскую экономику и одновременно сохраняется высокий уровень оттока капитала за рубеж. Деньги, полученные от взяток, во многом становятся частью теневой экономики и выводятся из России в другие страны, где оседают на счетах иностранных банков.

В-шестых, коррупция тесно связана с организованной преступностью и поощряется ею. Организованные преступные сообщества, находясь в сговоре с коррумпированными чиновниками, переводят государственное имущество в коммерческие структуры, получают из бюджета незаконные кредиты и субсидии, занижают реальную стоимость приватизируемой государственной собственности, присваивают валютную выручку от реализации за рубежом сырьевых ресурсов. Кроме того, они принуждают должностных лиц осуществлять действия, направленные на предоставление различных необоснованных или незаконных льгот, лоббирование выгодных криминальным структурам политических, законодательных и экономических решений. По разным оценкам, на подкуп представителей государственного аппарата криминальные и коммерческие структуры тратят от 20 до 50% своей прибыли. Эти средства также наполняют капиталы теневой экономики [9. с.37].

В-седьмых, перечисленные действия фактически стимулируют теневую (по разным причинам неучтённую) экономику, поскольку только она может обеспечить финансирование коррумпированных чиновников. Тесная взаимосвязь теневой экономики и коррупции проявляется в следующем:

- коррупция является неотъемлемой составляющей теневой экономики (по разным оценкам, составляет от 30 до 50% ВВП), которая может существовать и развиваться в значительных масштабах лишь в условиях коррумпированности органов государственной власти;
- теневая экономика формирует коррупционные отношения во всех тех сферах политики и экономики, от которых зависит ее благополучное существование;

– коррупция вынуждает теневую экономику оставаться в тени и вести нелегальный бизнес;
– коррупция создает основу для формирования новых сфер и видов теневой экономики;
– теневая экономика является финансовой основой коррупции, а коррупция — финансовой основой теневой экономики [10, с.2], [11].

Не случайно исследователи делают вывод о том, что взаимосвязь коррупции с теневой экономикой и ее влияние на экономику приобрели системный характер [12, с.8], [13], а теневую экономику в России называют государством в государстве [14, с.32].

В-восьмых, неэффективные меры государственной политики возникают вследствие незаинтересованности коррумпированных структур в улучшении экономического положения в стране, поэтому они предоставляют заведомо ложную информацию руководству государства, их интересы направлены только на достижение собственных намеченных целей и соблюдение личных интересов. Вследствие этого проблемы в экономике усугубляются.

В-девятых, в государственных и муниципальных органах власти неквалифицированные работники занимают должности, из-за того, что широко распространен так называемый непотизм (кумовство), что часто препятствует квалифицированным кадрам устроиться на работу в органы власти и продвигаться по карьерной лестнице. Неквалифицированные работники соответственно принимают неквалифицированные решения в сфере экономики [15, с.117-118].

В-десятых, по причинам коррумпированности власти и неэффективности экономики, растут уровень инфляции, цены, количество населения, находящегося за чертой бедности, в конечном итоге – социальное недовольство людей и утрата веры в социальную справедливость, что чревато самыми серьёзными последствиями.

Аксакова Н.Е. приводит данные о том, что чем ниже уровень коррупции, тем выше ВВП, эффективнее экономика, более конкурентноспособны предприятия, что подтверждается сопоставлением индекса восприятия коррупции и индекса конкурентноспособности стран мира [9].

Заключение

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что коррупция, разрушая экономику государства, является одной из основных угроз национальной безопасности Российской Федерации, поскольку без принятия кардинальных мер по её «обузданию» невозможно развитие ни экономики, ни государства в целом. К аналогичным выводам приходят исследователи и в зарубежных дружественных государствах – Казахстане [16] и Кыргызской Республике [17].

Таким образом, основным, или одним из основных, способов повышения эффективности экономики России, по нашему мнению, является решительная, последовательная, бескомпромиссная борьба с коррупцией в органах власти. Без этого экономику можно сравнить с дырявым карманом, в который сколько ни положи денег, он всё равно будет пуст.

Список литературы:

[1] Транспорт России: застой и деградация // Дайджест-финансы. 2011. № 8. – С.55-59.

[2] Галлямова Д.Х., Яковлев А.А. Управление издержками в инвестиционно-строительной сфере // Экономика и управление. 2012. № 1 (75). – С.61-66.

[3] Вербицкая А.П., Мельникова С.Л. Коррупция на рынке товаров и услуг национальной экономики, предупреждение и пути снижения негативных последствий / В сб.: Актуальные проблемы защиты прав и свобод граждан: историко-теоретические и правовые аспекты. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Тула, 2024. – С.34-40.

[4] Лемешонок О.Б. Коррупция как сдерживающий фактор на пути реиндустриализации экономики России // Экономическое возрождение России. 2015. № 1 (43). – С.140-145.

[5] Лемешонок О.Б. Коррупция как фактор, противодействующий социализации экономики // Экономическое возрождение России. 2020. № 4 (66). – С.112-119.

[6] Михалина Л.М., Голованов Е.Б. Изменение активности субъектов малого бизнеса в условиях коррупционной среды // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2014. Т.8. № 3. – С.41 – 47.

[7] Бузин Р.В., Золотарев И.И., Золотарева Н.А. Коррупция как внутренняя угроза экономической безопасности национальной экономики России // Вестник Воронежского аграрного университета. 2016. № 1 (48). – С.244 – 250.

[8] Прожерина А.Н. Криминологическое изучение и предупреждение преступлений, связанных с противоправным поглощением юридических лиц (рейдерством): Автореф… дис. к. ю. н. 12.00.08. Москва, 2010. – 23 с.

[9] Аксакова Н.Е. Влияние коррупции на экономику России / В сборнике: Экономическая безопасность: стратегические риски и угрозы. III Межвузовская научно-практическая конференция с международным участием: сборник статей / Под. ред. Т.И. Безденежных, Р.В. Дронова, В.В. Шапкина. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 36 – 39.

[10] Гамза В.А. Теневая экономика и коррупция: происхождение и противодействие // Финансы и кредит. 2007. № 35 (275). – С.2 – 7.

[11] Кулик Ю.П. Теневая экономика и коррупция как угрозы экономической безопасности

государства // В сб.: Российская экономика: взгляд в будущее. Сборник материалов II Международной научно-практической (заочной) конференции. – Тамбов, 2016. – С.699-708.

[12] Буров В.Ю. Теоретические аспекты исследования коррупции и её взаимосвязь с теневой экономикой // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2014. № 2. – С.5 – 11.

[13] Павлова К.А., Графов А.А. Взаимозависимость коррупции и теневой экономики // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2023. Т.8. № 3. – С.890-895.

[14] Кириленко В.П., Дронов Р.В. Коррупция и её связь с теневой экономикой // Управленческое консультирование. 2012. № 3 (47). – С.28 – 36.

[15] Брянцева А.В. Коррупция: подходы к изучению в экономике / В сборнике: перспективы развития российского государства и общества в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции магистрантов. – Саратов. 2015. – С.117 – 118.

[16] Журсимбаев С.К. Коррупция и теневая экономика – главная угроза национальной безопасности // Narxoz Law and Public Policy. 2021. № 1 (5). – С.2-8.

[17] Базиева А.М., Балтабаев А.Г., Камчыев Б.А., Карабаев М.П. Влияние коррупции на экономику Кыргызской Республики // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2016. № 8-2. – С.86-94.

References:

[1] Transport of Russia: stagnation and degradation//Digest finance. 2011. № 8. - S.55-59.

[2] Gallyamova D.Kh., Yakovlev A.A. Cost Management in the Investment and Construction Sector//Economics and Management. 2012. № 1 (75). - S.61-66.

[3] Verbitskaya A.P., Melnikova S.L. Corruption in the market of goods and services of the national economy, prevention and ways to reduce negative consequences/Sat: Actual problems of protecting the rights and freedoms of citizens: historical, theoretical and legal aspects. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. - Tula, 2024. - S.34-40.

[4] Lemeshonok O.B. Corruption as a deterrent to the reindustrialization of the Russian economy// Economic revival of Russia. 2015. № 1 (43). - P.140-145.

[5] Lemeshonok O.B. Corruption as a factor opposing the socialization of the economy//Economic revival of Russia. 2020. № 4 (66). - P.112-119.

[6] Mikhalina L.M., Golovanov E.B. Change in the activity of small businesses in a corrupt environment//Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management. 2014. T.8. № 3. - S.41 - 47.

[7] Buzin R.V., Zolotarev I.I., Zolotareva N.A. Corruption as an internal threat to the economic security of the national economy of Russia//Bulletin of the Voronezh Agrarian University. 2016. № 1 (48). - S.244 - 250.

[8] Prozerina A.N. Criminological study and prevention of crimes related to illegal takeover of legal entities (raiding): Author... dis. K. Yu. N. 12.00.08. Moscow, 2010. - 23 s.

[9] N.E. Aksakova. Impact of corruption on the Russian economy/In the collection: Economic security: strategic risks and threats. III Interuniversity Scientific and Practical Conference with International Participation: Collection of Articles/Under. ed. T.I. Bezdenezhnykh, R.V. Dronova, V.V. Shapkina. - St. Petersburg, 2016. - S. 36-39.

[10] Gamza V.A. Shadow Economics and Corruption: Origins and Countermeasures//Finance and Credit. 2007. № 35 (275). - S.2 - 7.

[11] Kulik Yu.P. Shadow economy and corruption as threats to the economic security of the state// Sat: Russian economy: a look into the future. Collection of materials of the II International Scientific and Practical (Correspondence) Conference. - Tambov, 2016. - P.699-708.

[12] Burov V.Yu. Theoretical aspects of the study of corruption and its relationship with the shadow economy//Bulletin of Buryat State University. Economics and management. 2014. № 2. - S.5 - 11.

[13] Pavlova K.A., Grafov A.A. The interdependence of corruption and the shadow economy// Health is the basis of human potential: problems and ways to solve them. 2023. T.8. № 3. - C.890-895.

[14] Kirilenko V.P., Dronov R.V. Corruption and its connection with the shadow economy//Management consulting. 2012. № 3 (47). - S.28 - 36.

[15] Bryantseva A.V. Corruption: approaches to study in economics/In the collection: prospects for the development of the Russian state and society in modern conditions. Materials of the international scientific and practical conference of undergraduates. - Saratov. 2015. - S.117 - 118.

[16] Zhursimbayev S.K. Corruption and the shadow economy are the main threat to national security//Narxoz Law and Public Policy. 2021. № 1 (5). - S.2-8.

[17] Bazieva A.M., Baltabaev A.G., Kamchyev B.A., Karabaev M.P. The impact of corruption on the economy of the Kyrgyz Republic//News of universities in Kyrgyzstan. 2016. № 8-2. - S.86-94.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-175-178

ОРЫНБЕКОВ А.С.,
аспирант ФГОБУВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
e-mail: mail@law-books.ru

ФИЛИАЛЫ ИНОСТРАННЫХ БАНКОВ В БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОТ ЗАПРЕТА К ОГРАНИЧЕННОМУ ДОПУСКУ

Аннотация. *Статья посвящена анализу правового режима филиалов иностранных банков в банковской системе Российской Федерации. Рассматривается эволюция правового регулирования от фактического запрета их деятельности в 2013 году к восстановлению возможности функционирования на основании Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» N 275-ФЗ в 2024 году. Обосновывается, что современная модель допуска филиалов иностранных банков основана на принципе ограниченно допустимого присутствия при усиленном надзорном контроле со стороны Банка России. Отмечается, что потенциал нового правового механизма на практике пока остается в значительной степени нереализованным и требует дальнейшего анализа правоприменительной практики.*

Ключевые слова: *банковская система Российской Федерации; филиалы иностранных банков; иностранные банки; банковское право; Банк России; допуск на финансовый рынок; правовой режим; финансовая безопасность.*

ORYNBEKOV A.S.,
graduate student of the Federal State Budgetary Educational Institution "Financial University under the Government of the Russian Federation"

BRANCHES OF FOREIGN BANKS IN THE BANKING SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: FROM PROHIBITION TO LIMITED ADMISSION

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the legal regime of branches of foreign banks in the banking system of the Russian Federation. The evolution of legal regulation from the actual prohibition of their activities in 2013 to the restoration of the possibility of functioning on the basis of the Federal Law "On Amendments to the Federal Law "On Banks and Banking Activities" and certain legislative acts of the Russian Federation" N 275-FZ in 2024 is being considered. It is justified that the modern model for admitting branches of foreign banks is based on the principle of limited permissible presence with increased supervisory control by the Bank of Russia. It is noted that the potential of the new legal mechanism in practice remains largely unrealized and requires further analysis of law enforcement practice.*

Key words: *banking system of the Russian Federation; branches of foreign banks; foreign banks; banking law; Bank of Russia; admission to the financial market; legal regime; financial security.*

Традиционно банковская система рассматривается в узком и широком смысле. В узком понимании она представляет собой совокупность ее основных элементов, закреплённых в законодательстве. Базовым нормативным актом в данной сфере является Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»[1], устанавливающий исчерпывающий перечень участников банковской системы.

К числу таких субъектов относятся Банк России, кредитные организации, а также филиалы и представительства иностранных банков. При этом верхний уровень банковской системы занимает Центральный банк Российской Федерации, осуществляющий общее руководство и регу-

лирование, тогда как нижний уровень образуют кредитные организации и структурные подразделения иностранных банков.

В широком смысле банковская система выступает как сложная, динамично развивающаяся и взаимосвязанная структура, функционирующая в качестве составной части финансово-экономической системы государства.

Особый научный и практический интерес в современных условиях представляет правовое положение филиалов иностранных банков, которое получило новое нормативное развитие в 2024 году в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 N 275-ФЗ (далее — Закон № 275-ФЗ)[2]. Указанный закон внёс существенные изменения в действующее банковское законодательство, фактически восстановив возможность создания и осуществления деятельности филиалов иностранных банков на территории Российской Федерации, тем самым пересмотрев правовой подход, доминировавший в отечественном праве на протяжении более десяти лет.

Историко-правовой анализ функционирования института филиалов иностранных банков в Российской Федерации позволяет проследить основные этапы его становления, ограничения и последующего нормативного переосмысления в контексте развития национальной банковской системы. На первоначальном этапе развития российского банковского законодательства допускалась возможность присутствия иностранных банков на территории РФ как в форме дочерних кредитных организаций, так и в форме филиалов, что соответствовало курсу на либерализацию финансового рынка и интеграцию в мировое экономическое пространство.

Существенный поворот в правовом регулировании произошёл в 2013 году, когда был принят Федеральный закон от 14 марта 2013 г. № 29-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Его положения фактически запретили деятельность филиалов иностранных банков на территории Российской Федерации, закрепив ориентацию на модель присутствия иностранных банков исключительно через создание дочерних кредитных организаций – российских юридических лиц. Данный подход был обусловлен совокупностью правовых, финансово-экономических и регуляторных факторов, к числу которых относятся:

– сложности осуществления надзорных функций Банком России в отношении иностранных банков, обусловленные трансграничным характером их деятельности и ограниченным доступом к информации о финансовом состоянии головных организаций;
– наличие у иностранных субъектов конкурентных преимуществ, выражающихся в обладании более значительными объёмами капитала, а также существенным опытом функционирования в условиях развитой рыночной экономики[3];
– а также риски для финансовой и экономической безопасности государства, связанные с возможностью неконтролируемого движения капитала, зависимостью от внешних финансовых центров и потенциальными угрозами в сфере валютного регулирования и противодействия легализации доходов и финансированию терроризма.

При этом ещё до законодательных изменений 2013 года в доктрине обращалось внимание на противоречивость сложившегося правового регулирования. Так, В.Ю. Варламов и К.Д. Гасников отмечали, что включение филиалов и представительств иностранных банков в число элементов банковской системы РФ в Законе «О банках и банковской деятельности» свидетельствовало о нормативном признании допустимости их существования. По их мнению, в российском законодательстве уже содержался необходимый комплекс норм для функционирования филиалов иностранных банков, а отсутствие прямого запрета сочеталось с фактической практикой Банка России, выражавшейся в отказе от выдачи лицензий, что формировало ситуацию «негласного запрета». Авторы указывали, что такая модель противоречит принципам правовой определённости, свободе экономической деятельности и поддержке конкуренции, а потому проблема филиалов иностранных банков носит преимущественно нормативно-правовой характер и требует чёткого законодательного разрешения: либо через прямой запрет, либо через установление прозрачного механизма допуска на финансовый рынок[4].

Указанная модель правового регулирования сохранялась на протяжении более чем десятилетия и определяла ограничительный характер допуска иностранных банков на российский финансовый рынок. Однако в 2024 году был осуществлён пересмотр сложившейся концепции. Принятие Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 275-ФЗ ознаменовало новый этап в развитии института филиалов иностранных банков, восстановив возможность их создания и осуществления деятельности на территории Российской Федерации на принципиально новых правовых основаниях.

Тем самым был осуществлён переход от фактически запретительной модели к модели ограниченно допустимого функционирования филиалов иностранных банков при усиленном надзорном и регуляторном контроле со стороны Банка России. Такая эволюция законодательства свидетельствует о стремлении законодателя обеспечить баланс между необходимостью привлечения иностранного банковского капитала, развитием конкуренции на финансовом рынке и задачами по обеспечению устойчивости и безопасности национальной банковской системы.

Условия допуска филиалов иностранных банков к осуществлению деятельности на территории Российской Федерации в новой редакции Закона о банках и банковской деятельности формируют особый правовой режим, ориентированный на усиление превентивного надзора и минимизацию системных рисков. Такой режим предполагает сочетание разрешительного порядка, специальных требований к иностранному банку и повышенных регуляторных стандартов.

Прежде всего, деятельность филиала иностранного банка возможна только при получении иностранным банком лицензии Банка России и последующей аккредитации самого филиала на территории РФ.

Указанная процедура носит разрешительный характер и предполагает предварительную оценку соответствия иностранного банка установленным требованиям, включая его финансовое положение, деловую репутацию и прозрачность структуры собственности.

К числу ключевых требований к иностранному банку относится наличие соглашения об обмене надзорной информацией между Банком России и надзорным органом государства происхождения, что обеспечивает возможность эффективного трансграничного банковского надзора и контроля

Дополнительно требуется подтверждение финансовой устойчивости и платежеспособности иностранного банка со стороны национального регулятора государства его регистрации.

Законодательство устанавливает также требования к правовому статусу и деловой репутации руководящих органов иностранного банка и его собственников. Иностранный банк обязан раскрывать Банку России информацию о лицах, под контролем или значительным влиянием которых он находится, в порядке, аналогичном установленному для российских кредитных организаций.

При этом должны отсутствовать дисквалификация, неснятая или непогашенная судимость, а также причастность к экстремистской деятельности и терроризму у соответствующих лиц.

Существенным условием допуска является наличие у иностранного банка не менее трёх лет фактической банковской деятельности и права на осуществление операций в иностранной валюте.

Кроме того, требуется согласие национального регулятора государства происхождения на открытие филиала в Российской Федерации, если такое согласие предусмотрено законодательством соответствующего государства.

Дополнительно законодатель вводит принцип взаимности: в государстве происхождения иностранного банка не должно существовать запрета на открытие филиалов российских кредитных организаций.

Тем самым обеспечивается баланс интересов и равенство условий доступа на финансовые рынки.

Отдельное значение имеет требование о наличии официального сайта филиала иностранного банка в российской национальной доменной зоне и ведении деятельности на русском языке, что направлено на повышение прозрачности и доступности информации для регулятора и участников финансового рынка.

В совокупности данные условия допуска и требования к иностранному банку подтверждают, что восстановление института филиалов иностранных банков в 2024 году сопровождается установлением более жёсткой, по сравнению с предыдущими периодами, модели правового регулирования. Она ориентирована не на либерализацию в чистом виде, а на формирование режима «ограниченно допустимого присутствия», основанного на принципах финансовой стабильности, транспарентности, международного надзорного взаимодействия и приоритета интересов национальной банковской системы.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что в современных условиях филиал иностранного банка рассматривается как особый, институционально обособленный элемент банковской системы Российской Федерации, деятельность которого осуществляется в строго регламентированных рамках и в ограниченном объёме банковских операций на основании лицензии, выданной Банком России иностранному банку. Введение данной формы присутствия иностранных банков направлено на расширение инструментов трансграничного финансового взаимодействия, повышение гибкости международных расчётов и развитие конкурентной среды при одновременном сохранении высокого уровня регуляторного контроля. Вместе с тем определённую научную и практическую настороженность вызывает тот факт, что, несмотря на вступление в силу положений Закона № 275-ФЗ уже с сентября 2024 года,

в открытых источниках отсутствует информация о фактической аккредитации и начале деятельности какого-либо иностранного банка через свой филиал на территории Российской Федерации. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что потенциал введённого правового механизма на настоящий момент остаётся в значительной степени нереализованным, что обуславливает необходимость дальнейшего мониторинга правоприменительной практики, а также комплексного анализа причин, препятствующих его практической реализации.

Список литературы:

[1] О банках и банковской деятельности : федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (редакция от 28.11.2025) – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842 (дата обращения:16.01.2026)

[2] О внесении изменений в Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от от 08.08.2024 N 275-ФЗ (ред. от 28.12.2024) – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482531/ (дата обращения:16.01.2026)

[3] Ручкина Г.Ф. Филиалы иностранных банков: перспективы коммерческого присутствия на финансовом рынке Российской Федерации // Банковское право. – 2023. – № 3.-С.7-14.

[4] Варламов В.Ю. Быть или не быть в России филиалам иностранных кредитных организаций?/ В. Ю. Варламов, К.Д. Гасников // Право и экономика. 2008. № 1.

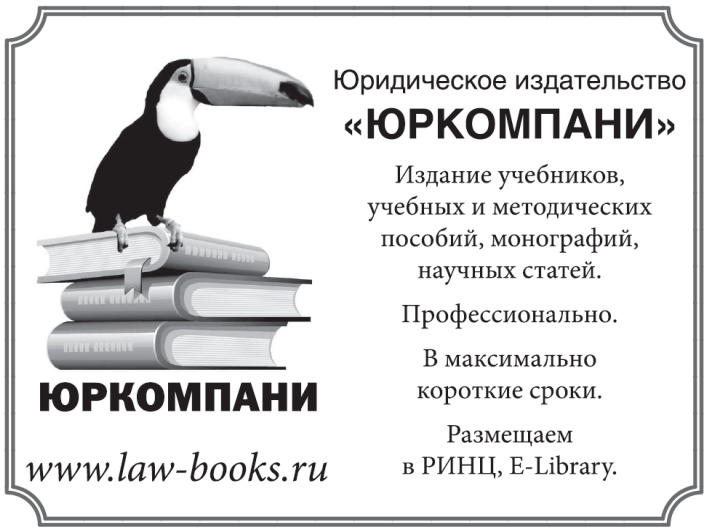
References:

[1] On Banks and Banking Activities: Federal Law No. 395-1 dated 02.12.1990 (revision dated 28.11.2025) - Consultant Plus Reference and Legal System. - Text: electronic. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842 (accessed on: 16.01.2026)

[2] On Amendments to the Federal Law “On Banks and Banking Activities” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law dated 08.08.2024 N 275-FZ (as amended on 28.12.2024) - Consultant Plus Reference and Legal System. - Text: electronic. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482531/ (accessed on: 16.01.2026)

[3] Ruchkina G.F. Branches of foreign banks: prospects for commercial presence in the financial market of the Russian Federation//Banking law. – 2023. - NO. 3.-P.7-14.

[4] Varlamov V.Yu. To be or not to be in Russia branches of foreign credit organizations ?/V. Yu. Varlamov, K.D. Gasnikov//Law and Economics. 2008. № 1.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-179-183

БЛИНКОВА Елена Викторовна,
Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права и процесса,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний, г. Рязань, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

БАГИРОВ Роман Ясарович,
Студент Школы права и управления
Тюменский государственный университет,
г. Тюмень, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ЗАКОННЫЙ И ДОГОВОРНОЙ РЕЖИМЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию правового регулирования имущественных отношений супругов в российском семейном праве с учетом действия законного и договорного режимов собственности. Рассматриваются правовая природа каждого режима, основания их применения, особенности формирования и реализации имущественных прав супругов в период брака и при его расторжении. Особое внимание уделено содержанию и пределам брачного договора, судебным механизмам защиты прав сторон, а также проблемам правоприменения, возникающим при разделе имущества и взаимодействии супругов с кредиторами. На основе анализа действующего законодательства и практики его применения обосновывается значение осознанного выбора режима имущества супругов для обеспечения баланса частных интересов, правовой определенности и устойчивости семейных имущественных отношений.*

Ключевые слова: *Имущество супругов, законный режим, договорный режим, брачный договор, семейное право, совместная собственность, раздел имущества, имущественные права супругов.*

BLINKOVA Elena Viktorovna,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service,
Ryazan, Russia

BAGIROV Roman Yasarovich,
Student of the School of Law and Management
Tyumen State University, Tyumen, Russia

STATUTORY AND CONTRACTUAL REGIMES OF SPOUSES' PROPERTY RELATIONS

Annotation. *The article examines the legal regulation of spouses' property relations in Russian family law, taking into account the operation of the statutory and contractual property regimes. The legal nature of each regime, the grounds for their application, and the specific features of the formation and exercise of spouses' property rights during marriage and upon its dissolution are analyzed. Particular attention is paid to the content and limits of marital agreements, judicial mechanisms for the protection of the parties' rights, as well as law-enforcement issues arising in the division of property and in relations between spouses and*

creditors. Based on an analysis of current legislation and its application in practice, the article substantiates the importance of an informed choice of the property regime of spouses to ensure a balance of private interests, legal certainty, and the stability of family property relations.

Key words: *Spouses' property, statutory regime, contractual regime, marital agreement, family law, joint property, division of property, spouses' property rights.*

Вопросы правового регулирования имущественных отношений супругов относятся к числу ключевых институтов семейного права и обладают выраженной практической направленностью. Практически каждый гражданин, вступающий в брак, в той или иной степени сталкивается с необходимостью разрешения имущественных вопросов: приобретения жилых и нежилых объектов, участия в кредитных обязательствах, распоряжения денежными средствами, а также определения судьбы имущества на случай прекращения брака или смерти одного из супругов. От корректного понимания правового режима имущества напрямую зависит стабильность семейных отношений и уровень правовой защищенности сторон при возникновении конфликтных ситуаций, в том числе при взаимодействии с кредиторами и иными третьими лицами.

Актуальность исследования данной темы определяется совокупностью взаимосвязанных факторов. Прежде всего, существенное значение имеет подвижность нормативного регулирования: нормы семейного и гражданского законодательства регулярно уточняются, что отражается на порядке владения, пользования и распоряжения имуществом супругов и требует внимательного анализа правоприменительной практики. Дополнительным обстоятельством является устойчивый рост количества судебных споров, связанных с разделом совместно нажитого имущества, оспариванием сделок, определением правового режима отдельных объектов и установлением долей супругов. Данные категории дел занимают значительный объем в судах общей юрисдикции и отличаются высокой сложностью доказывания.

Не менее значимым фактором выступает усложнение самих имущественных отношений. Современные экономические условия предполагают вовлечение супругов в оборот новых видов активов, включая цифровые права, доли в коммерческих организациях, инвестиционные инструменты, а также имущество, находящееся за пределами Российской Федерации. Это обстоятельство требует адаптации традиционных правовых подходов к реалиям современной экономики. Наконец, в последние годы наблюдается устойчивый интерес к договорным формам регулирования имущественных отношений, прежде всего к заключению брачных договоров. Вместе с тем практика показывает, что условия таких соглашений нередко формулируются без учета императивных требований закона, что впоследствии становится основанием для их частичного или полного признания

Законный режим имущества супругов представляет собой установленный законом порядок правового регулирования имущественных отношений между супругами, при котором имущество признается их совместной собственностью. Данный режим применяется по общему правилу и действует в случае, если иное не предусмотрено брачным договором. Его нормативное закрепление содержится в главе 7 Семейного кодекса Российской Федерации (ст.ст. 33-39 СК РФ) [1].

В рамках законного режима к совместной собственности относится имущество, нажитое супругами в период брака. К таким объектам, в частности, относятся доходы каждого из супругов от трудовой и предпринимательской деятельности, а также результаты использования исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. Совместным признаются пенсии, пособия и иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения. В состав общего имущества включаются движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в уставном капитале организаций и иные имущественные права, если они приобретены за счет общих доходов супругов. Правовой режим совместной собственности сохраняется независимо от того, на имя кого из супругов оформлено имущество или кем именно были внесены денежные средства [3, с. 458].

Право на общее имущество принадлежит также супругу, который в период брака не имел самостоятельного дохода по уважительным причинам, связанным с ведением домашнего хозяйства, уходом за детьми либо иными обстоятельствами, признаваемыми социально значимыми. Такое положение направлено на обеспечение равенства прав супругов и предотвращение дискриминации по признаку участия в трудовой деятельности.

Закон предусматривает ряд исключений из режима совместной собственности. К личному имуществу каждого из супругов относится имущество, принадлежавшее ему до вступления в брак, а также имущество, полученное во время брака по безвозмездным сделкам, включая дарение и наследование. Не включаются в состав

общего имущества вещи индивидуального пользования, за исключением драгоценностей и предметов роскоши, даже если они были приобретены за счет общих средств супругов.

Владение, пользование и распоряжение общим имуществом осуществляется по взаимному согласию супругов. При совершении одним из супругов сделки предполагается наличие согласия другого, если не доказано иное. Оспаривание такой сделки возможно только по требованию супруга, чье согласие отсутствовало, и при условии установления того, что другая сторона сделки знала или должна была знать о несогласии. Для распоряжения недвижимым имуществом, а также для сделок, подлежащих нотариальному удостоверению или государственной регистрации, требуется нотариально удостоверенное согласие второго супруга.

Имущество, принадлежавшее одному из супругов, может быть признано совместной собственностью, если в период брака за счет общего имущества либо труда другого супруга были произведены вложения, существенно увеличившие его стоимость, включая капитальный ремонт, реконструкцию или переоборудование. Данное правило направлено на учет реального вклада каждого из супругов в сохранение и приумножение имущества [6, с. 231].

Раздел общего имущества допускается как в период брака, так и после его расторжения. Основанием для раздела может служить требование одного из супругов либо обращение кредитора, заявляющего требования к доле должника. Раздел может быть осуществлен по соглашению сторон, которое при желании супругов подлежит нотариальному удостоверению. При наличии спора вопрос о разделе имущества и определении долей разрешается судом. При передаче одному из супругов имущества, превышающего его долю, другому супругу присуждается соответствующая компенсация. Суд также вправе признать раздельной собственностью имущество, нажитое супругами в период их фактического раздельного проживания при прекращении семейных отношений. К требованиям о разделе имущества после расторжения брака применяется трехлетний срок исковой давности.

Законный режим имущества супругов обеспечивает равенство их прав на совместно нажитое имущество и предполагает коллективный характер распоряжения им. Вместе с тем действующее законодательство допускает изменение данного режима путем заключения брачного договора, который позволяет установить долевой или раздельный режим собственности как в отношении всего имущества, так и его отдельных видов, с учетом интересов супругов и требований закона [10, с. 14].

Договорный режим имущества супругов представляет собой особый порядок регулирования имущественных отношений, который устанавливается на основании брачного договора. Его правовая природа заключается в предоставлении супругам возможности самостоятельно определить объем имущественных прав и обязанностей как в период брака, так и на случай его расторжения. Посредством брачного договора допускается отступление от законного режима совместной собственности, предусмотренного Семейным кодексом Российской Федерации, и установление иного режима – совместного, долевого либо раздельного – в отношении всего имущества супругов или отдельных его объектов [9, с. 64].

Субъектами брачного договора могут выступать как лица, намеревающиеся вступить в брак, так и супруги, уже состоящие в зарегистрированных брачных отношениях. В случае заключения договора до государственной регистрации брака он приобретает юридическую силу исключительно с момента регистрации брака в органах записи актов гражданского состояния. Договор, заключенный между супругами в период брака, действует с момента его нотариального удостоверения, если иное не предусмотрено его условиями.

Брачный договор подлежит обязательному нотариальному удостоверению и должен быть оформлен в письменной форме. Несоблюдение данного требования влечет его недействительность. При удостоверении договора нотариус разъясняет сторонам правовые последствия принимаемых обязательств, проверяет добровольность волеизъявления, правоустанавливающие документы на имущество, а также наличие либо отсутствие обременений. Нотариальная форма служит дополнительной гарантией защиты прав супругов и снижает риск последующего оспаривания договора [8, с. 94].

Содержание брачного договора ограничивается исключительно имущественными отношениями. В нем может быть определен режим собственности на имущество, уже имеющееся у супругов, а также на имущество, которое будет приобретено в будущем. Допускается закрепление принадлежности конкретных объектов имущества за одним из супругов, установление порядка компенсации вложений, существенно увеличивающих стоимость имущества, а также распределение доходов и участие в семейных расходах. Кроме того, договор может содержать условия о взаимном содержании супругов, включая порядок и размер материальной поддержки в случаях, предусмотренных законом. В договоре допустимо использование отлагательных и отменительных условий, при которых возникновение

или прекращение имущественных прав и обязанностей ставится в зависимость от наступления определенных обстоятельств [7, с. 17].

Вместе с тем законодательство устанавливает ряд императивных ограничений содержания брачного договора. Он не может регулировать личные неимущественные отношения супругов, определять их права и обязанности в отношении детей, ограничивать правоспособность или дееспособность сторон, а также право на судебную защиту. Недопустимы условия, противоречащие основным началам семейного законодательства, а также положения, которые ставят одного из супругов в явно неблагоприятное положение или нарушают права и законные интересы третьих лиц.

Изменение или расторжение брачного договора возможно по соглашению сторон, а также по основаниям, предусмотренным самим договором или законом. Любые изменения оформляются в той же форме, что и первоначальный договор, и подлежат нотариальному удостоверению. Судебное вмешательство допускается в случаях существенного изменения обстоятельств либо при нарушении баланса интересов супругов.

Действие брачного договора, как правило, прекращается с момента прекращения брака. Исключение составляют положения, которые прямо предусмотрены на случай расторжения брака, в частности условия о разделе имущества или взаимном содержании после развода [5, с. 93].

Брачный договор может быть признан недействительным полностью или частично. Основаниями для этого служат как общие положения гражданского законодательства о недействительности сделок, так и специальные основания, предусмотренные семейным правом. В частности, суд вправе признать договор недействительным по требованию одного из супругов, если его условия ставят данное лицо в крайне неблагоприятное положение. Оценка таких обстоятельств осуществляется судом индивидуально с учетом конкретных фактических данных. Срок исковой давности по требованиям о признании брачного договора недействительным составляет один год и исчисляется с момента, когда супруг узнал или должен был узнать о нарушении своих прав [4, с. 108].

На практике договорный режим имущества требует от супругов повышенной осмотрительности. Установление раздельного режима собственности при регистрации имущества на одного из супругов может привести к утрате имущественной защиты другим супругом после расторжения брака, что нередко становится основанием для судебного оспаривания договора. Кроме того, при заключении брачного договора супруги обязаны уведомить своих кредиторов, поскольку неисполнение данной обязанности может повлечь сохранение солидарной ответственности по обязательствам, независимо от распределения долгов в договоре. Брачный договор также не может предусматривать передачу имущества третьим лицам, поскольку это выходит за рамки его правовой природы.

Договорный режим имущества супругов является гибким инструментом правового регулирования, позволяющим учитывать индивидуальные интересы сторон. Вместе с тем его применение требует строгого соблюдения требований законодательства и внимательного подхода к формированию условий, поскольку допущенные нарушения могут повлечь признание договора недействительным в судебном порядке [2, с. 68].

Законный режим отличается простотой применения, доступностью и предсказуемостью правовых последствий, однако характеризуется ограниченной адаптивностью и не всегда учитывает индивидуальные особенности имущественного положения супругов. Договорный режим, напротив, предоставляет широкие возможности для индивидуализации имущественных отношений и защиты значимых активов, но требует высокой правовой культуры, дополнительных затрат и сопряжен с риском последующего оспаривания.

Выбор между законным и договорным режимами имущества супругов определяется конкретными жизненными обстоятельствами, характером имущества и степенью готовности супругов к юридическому оформлению своих договоренностей. При этом договорный режим не отменяет базовых гарантий, установленных семейным законодательством, а лишь дополняет их, позволяя более точно соотнести правовое регулирование с фактическими интересами сторон.

Таким образом, регулирование имущественных отношений супругов в российском семейном праве строится на сочетании законного и договорного режимов, каждый из которых выполняет самостоятельную функцию и ориентирован на разные жизненные ситуации. Законный режим, действующий автоматически с момента заключения брака, обеспечивает базовую правовую определенность, равенство супругов и минимальный уровень имущественной защиты без необходимости дополнительных юридических действий, однако отличается ограниченной адаптивностью и не учитывает индивидуальные особенности конкретной семьи. Договорный режим, напротив, предполагает активное волеизъявление супругов и позволяет гибко выстроить имущественные отношения с учетом структуры активов, источников доходов и возможных рисков, включая расторжение брака, при этом

его применение связано с повышенными требованиями к форме, содержанию и юридической корректности условий, а также с риском судебного контроля и оспаривания. Оба режима функционируют в рамках установленных законом ограничений, не затрагивая личные неимущественные отношения и интересы детей, что позволяет рассматривать их не как взаимоисключающие, а как альтернативные правовые инструменты, выбор между которыми должен основываться на реальных имущественных обстоятельствах, уровне доверия между супругами и готовности к правовому оформлению договоренностей.

Список литературы:

[1] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223 ФЗ: по сост. на 23 ноября 2024 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 48. Ст. 6962.

[2] Алиев Т. Т. Проблемы соотношения законного и договорного режима имущества супругов / Т. Т. Алиев, Н. А. Воробьева // Современное право. 2025. №2. С. 68-71.

[3] Безуглова Е. А. Проблемы имущественных правоотношений супругов. Раздел имущества супругов / Е. А. Безуглова // Вестник науки. 2025. №6 (87), том 2. С. 458-466.

[4] Жижин П. А. Некоторые проблемы защиты личного имущества супругов в законном и договорном режиме / П. А. Жижин // Цифровое право. 2025. №4. С. 108-112.

[5] Кудрявцева Л. В. Актуальные проблемы договорного режима имущества супругов / Л. В. Кудрявцева, Д. А. Утов // Юридический вестник ДГУ. 2024. Т. 52, №4 (72). С. 92-98.

[6] Петрова Е. С. Правовой режим совместной собственности супругов: ключевые вопросы и векторы развития / Е. С. Петрова // Аграрное и земельное право. 2025. №3. С. 231-233.

[7] Рузакова О. А. Вопросы правового режима доли в общем имуществе супругов / О. А. Рузакова // Семейное и жилищное право. 2025. №1. С. 16-18.

[8] Тимкин А. А. Институт брачного договора в России: проблемы практики применения / А. А. Тимкин // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. №4. С. 94-99.

[9] Чашкова С. Ю. О тенденциях развития договорного регулирования семейных имущественных отношений супругов с учетом развития законодательства и судебной практики / С. Ю. Чашкова // Lex russica. 2021. Т. 74, №5. С. 63-73.

[10] Чашкова С. Ю. Правовые режимы имущества супругов: вопросы теории и практики / С. Ю. Чашкова // Семейное и жилищное право. 2023. №6. С. 13-17.

References:

[1] Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223 FZ: comp. as of November 23, 2024//Collection of legislation of the Russian Federation. 2024. № 48. Art. 6962.

[2] Aliyev T. T. Problems of the ratio of the legal and contractual regime of property of spouses/T. T. Aliyev, N. A. Vorobyova//Modern law. 2025. №2. S. 68-71.

[3] E. Bezuglova. Problems of property relations of spouses. Property section of spouses/E. A. Bezuglova//Bulletin of Science. 2025. No. 6 (87), Volume 2. S. 458-466.

[4] Zhizhin P. A. Some problems of protecting the personal property of spouses in legal and contractual mode/P. A. Zhizhin//Digital law. 2025. №4. S. 108-112.

[5] Kudryavtseva L.V. Actual problems of the contractual regime of property of spouses/L.V. Kudryavtseva, D.A. Utov//Legal Bulletin of DSU. 2024. T. 52, NO. 4 (72). S. 92-98.

[6] Petrova E. S. Legal regime of joint property of spouses: key issues and vectors of development/E. S. Petrova//Agrarian and land law. 2025. №3. S. 231-233.

[7] Ruzakova O. A. Issues of the legal regime of the share in the common property of spouses/O. A. Ruzakova//Family and housing law. 2025. №1. S. 16-18.

[8] Timkin A. A. Institute of Marriage Contract in Russia: Problems of Application Practice/A. A. Timkin//Property Relations in the Russian Federation. 2024. №4. S. 94-99.

[9] Chashkova S. Yu. On trends in the development of contractual regulation of family property relations of spouses, taking into account the development of legislation and judicial practice/S. Yu. Chashkova//Lex russica. 2021. T. 74, NO. 5. S. 63-73.

[10] Chashkova S. Yu. Legal regimes of property of spouses: questions of theory and practice/S. Yu. Chashkova//Family and housing law. 2023. №6. S. 13-17.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-184-187

ПЕШКОВ М.А.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры правового обеспечения законности и
контрольно-надзорной деятельности факультета
«Высшая школа правосудия и правоохранительной деятельности»
Института правоведения Российского государственного
гуманитарного университета (РГГУ),
e-mail: mail@law-books.ru

ЦИФРОВОЕ ПРАВОСУДИЕ: ЮСТИЦИЯ НОВОГО ФОРМАТА И ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. *Статья рассматривает эволюцию судебных форм, начиная с древних времен и заканчивая современностью, выделяя ключевые стадии развития судопроизводства. Особое внимание уделено современным тенденциям цифровизации, таким как электронное ведение дел, дистанционные заседания и применение алгоритмов принятия решений. Приводятся примеры успешного внедрения цифровых технологий в Европе, Америке и Восточной Азии, подчеркивая особенности каждого региона. Анализируется опыт России, которая реализует проект ГАС «Правосудие», направленный на повышение прозрачности и доступности судебной системы. Отмечены успехи и существующие проблемы, связанные с низкой компьютерной грамотностью населения и техническими ограничениями.*

Ключевые слова: *модернизация правового пространства, информационно-коммуникационные технологии в правосудии, цифровой и виртуальный уголовный процесс, искусственный интеллект в правосудии, правовые риски и этические вопросы использования AI в суде, сравнение с зарубежным опытом, проблемы и перспективы.*

PESHKOV M.A.,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Legal Support of Legality and Control and Supervisory Activities
of the Faculty of the Higher School of Justice and Law Enforcement
of the Institute Law Studies at the Russian State University
for the Humanities (RSUH)

DIGITAL JUSTICE: A NEW FORMAT OF JUSTICE AND THE EVOLUTION OF LEGAL CULTURE

Annotation. *The article examines the evolution of judicial forms, starting from ancient times and ending with the present, highlighting the key stages of the development of judicial proceedings. Special attention is paid to modern trends in digitalization, such as electronic business management, remote meetings and the use of decision-making algorithms. Examples of successful implementation of digital technologies in Europe, America and East Asia are given, emphasizing the peculiarities of each region. The article analyzes the experience of Russia, which implements the GAS "Justice" project aimed at increasing the transparency and accessibility of the judicial system. The successes and existing problems related to the low computer literacy of the population and technical limitations were noted*.

Key words: *modernization of the legal space, information and communication technologies in justice, digital and virtual criminal proceedings, artificial intelligence in justice, legal risks and ethical issues of using AI in court, comparison with foreign experience, problems and prospects.*

Процесс модернизации правового пространства является важнейшей частью глобального технологического прогресса. Развитие информационно-коммуникационных технологий значительно меняет формы взаимодействия государства и гражданина, включая область правосудия. Сегодня внедрение цифровых инструментов оказывает существенное влияние на функционирование судебных органов многих стран, способствуя повышению доступности правосудия и ускорению рассмотрения дел. Однако наряду с преимуществами появляются новые вызовы и трудности, обусловленные необходимостью соблюдения принципов справедливости, законности и защиты частной жизни участников процесса.

История формирования институтов правосудия охватывает тысячелетия, начиная с архаичных форм разрешения конфликтов путем примирительных процедур и заканчивая современными судами, использующими цифровые технологии. Рассмотрим основные этапы эволюции судебных форм: 1) античность - возникают первые публичные институты, основанные на принципе состязательности сторон. В Древней Греции судьи назначались народом, процедура была устной и гласной. Римское право положило начало формированию письменных документов и строгого порядка процессуальной регламентации; 2) средневековье - появляются королевские суды и судебная иерархия. Расцветают инквизиционная форма расследования и процесс следствия, сопровождающийся пытками и жесткими наказаниями. Судьи начинают пользоваться нормами обычного права и церковного канона. Постепенно формируются принципы независимости судей и разделения властей; 3) новое время - период революций и демократического преобразования европейских обществ привел к появлению конституционного принципа равноправия перед законом и неприкосновенности собственности. Судебные органы становятся инструментом поддержания правопорядка и гарантиями гражданских свобод. Устанавливаются четкие правила доказывания и оценки обстоятельств дела [1].

Переход к современной эпохе характеризуется увеличением нагрузки на традиционные суды и развитием теории социального конфликта, в результате которой судебное разрешение споров становится массовым институтом.

Сегодня человечество вступает в новую фазу своего существования, характеризуемую бурным ростом цифровых технологий. Они оказывают серьезное воздействие на всю сферу общественных отношений, в том числе на деятельность государственных учреждений, включая судебные инстанции. Среди наиболее значимых инноваций выделяются: 1) электронные дела. Во многих странах электронные носители заменяют бумажные архивы, позволяя быстро находить нужную информацию и снижать административные издержки. Например, электронный документооборот широко применяется в Нидерландах, Швеции и Финляндии; 2) дистанционные заседания. Проведение заседаний через Интернет позволяет сократить расходы на транспортировку свидетелей и участников процесса, повысить доступность правосудия даже для удалённых регионов. Такой механизм активно используется в Канаде, Австралии и некоторых штатах США; 3) алгоритмы принятия решений. Искусственный интеллект помогает судьям анализировать большие объемы данных, выявлять закономерности и предсказывать исходы дел. Подобные программы внедряются в Китае, Индии и Израиле. Тем не менее возникают этические вопросы относительно надежности и объективности таких систем [2].

Таким образом, современные технологические изменения требуют переосмысления классических подходов к отправлению правосудия и разработки новых юридических конструкций, обеспечивающих справедливость и эффективность судебного производства.

Различные государства решают задачу внедрения цифровых технологий в свою судебную практику по-разному. Рассмотрим некоторые характерные примеры.

Страны Европейского Союза реализуют общую политику гармонизации правовых норм и поощрения цифровизации государственных услуг, включая судебную власть. Несмотря на общие усилия, каждая страна сохраняет определенную специфику в развитии цифровых сервисов.

Великобритания одной из первых ввела электронную подачу исков и материалов через портал Her Majesty's Courts and Tribunals Service (HMCTS). Активно используются мобильные приложения для информирования сторон о ходе дела. Высок уровень автоматизации внутренних процессов в суде [3].

Немецкая юридическая культура традиционно консервативна, однако постепенное развитие идёт в сторону расширения использования телекоммуникационных средств связи. Особенность немецкой модели состоит в высоком уровне доверия населения к государственным структурам и низком риске злоупотреблений [4].

Французская судебная система испытывает серьезные перегрузки, что стимулирует развитие инновационных решений. Так, французские суды предлагают участникам бесплатные услуги по консультированию и урегулированию споров в режиме онлайн. Кроме того, планируется расширение возможностей подачи исковых заявлений через Интернет [5].

США являются одним из лидеров в области технологических инноваций, поэтому неудиви-

тельно, что именно здесь появились многие инициативы по цифровизации судебной системы. В первую очередь американские суды используют методы big data и машинного обучения для оптимизации распределения ресурсов и повышения качества принимаемых решений. Например, Калифорния стала первой американской юрисдикцией, внедрившей программу автоматизированного назначения наказаний. Она основана на обработке большого объема статистической информации о предыдущих делах аналогичных категорий. Подобная технология призвана снизить вероятность предвзятых решений и обеспечить единообразие приговоров [6].

Однако подобные эксперименты вызывают серьёзные дискуссии среди юристов и правозащитников. Критики указывают на недостаточную прозрачность используемых алгоритмов и возможное нарушение базовых прав подсудимых.

Восточноазиатские страны также демонстрируют значительный прогресс в создании масштабируемых решений для цифровой юридической среды.

Китай: здесь реализуется концепция «судебной информатизации», предусматривающая полную автоматизацию всех этапов судебного процесса. Специальные роботы-помощники помогают гражданам составлять исковые заявления, проводить консультации и даже оценивать перспективы выигрыша дела. Это создаёт условия для ускорения рассмотрения простых споров и снижения давления на традиционные суды [7].

Япония: страна известна своим высоким уровнем проникновения высоких технологий практически во все сферы жизни. Японские суды применяют интеллектуальные системы поддержки принятия решений, позволяющие эффективно обрабатывать сложные дела. Большое внимание уделяется вопросам кибербезопасности и защите личной информации пользователей [8].

Южная Корея: корейцы пошли ещё дальше, создав специализированные интернет-суды, занимающиеся исключительно рассмотрением дел, возникающих в сети. Эти структуры работают круглосуточно и обеспечивают высокую скорость разрешения споров. Важной особенностью корейской модели является доступ граждан к квалифицированной помощи адвоката прямо через мобильное приложение [9].

Российская Федерация находится на этапе активного реформирования своей судебной системы, стремясь сделать её более прозрачной и доступной для граждан. Одним из важнейших проектов стал запуск Государственной автоматизированной системы «Правосудие» (ГАС). Система предусматривает создание единого портала для подачи документов и мониторинга хода дела, а также организацию телемедицинского сопровождения процессов в отдалённых регионах. Хотя пока далеко не все граждане освоили использование ресурса, позитивные эффекты очевидны: снижается нагрузка на аппарат судей, сокращается количество ошибок и бюрократических проволочек. Вместе с тем существуют определённые препятствия, связанные с низким уровнем компьютерной грамотности части населения, проблемами совместимости программного обеспечения и уязвимостью сетевых каналов передачи данных. Дальнейшее развитие требует улучшения технической оснащённости и роста уровня подготовки сотрудников судов [10].

Создание универсальных правил и стандартов цифровой юриспруденции остаётся важной задачей, поскольку отсутствие согласованных подходов создает дополнительные барьеры для эффективного взаимодействия судов разных стран. Основные проблемы связаны с защитой персональной информации, соблюдением конфиденциальности и обеспечением безопасности данных.

Одним из главных препятствий является различие национальных подходов к регулированию вопросов приватности. Некоторые страны придают большое значение праву на анонимность, тогда как другие считают необходимым обеспечивать максимальный контроль над действиями граждан в Интернете. Такая ситуация затрудняет выработку единой стратегии управления цифровыми ресурсами.

Для преодоления существующих трудностей необходимы эффективные механизмы согласования позиций заинтересованных сторон. К ним относятся: создание специальных комиссий и рабочих групп, занимающихся разработкой рекомендаций по унификации законов; регулярное проведение конференций и семинаров для обмена опытом и лучшими практиками; подписание двусторонних соглашений о взаимном признании решений, принятых в электронном формате.

Особую роль играет международное сотрудничество в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием компьютерных сетей. Необходимо создать эффективную инфраструктуру обмена информацией между правоохранительными органами разных стран, позволяющую оперативно реагировать на угрозы киберпреступности.

Несмотря на значительные преимущества, цифровая революция порождает ряд серьезных угроз и ограничений, влияющих на качество правосудия.

Наиболее распространенными источниками риска являются взломы баз данных и кража конфиденциальной информации. Современные атаки становятся всё сложнее и разнообразнее, делая защиту серверов сложной задачей даже для хорошо подготовленных команд профессионалов.

Другая проблема связана с несовершенством самого оборудования и программного обеспечения. Многие программы содержат скрытые дефекты и баги, способные привести к ошибкам в принятии решений или утечке данных. Такие ситуации особенно опасны в случаях массовых правонарушений или крупных экономических преступлений.

Применение искусственного интеллекта открывает широкие перспективы для упрощения рутинных операций, но одновременно ставит острые вопросы ответственности. Кто должен нести ответственность за неверные решения, вынесенные алгоритмом?

Некоторые эксперты предлагают ввести обязательную сертификацию разработчиков программных продуктов, используемых в судебной практике. Другие полагают, что необходима специальная комиссия, состоящая из представителей общественности и профессиональных юристов, которая бы рассматривала жалобы на несправедливые вердикты, выданные компьютерными системами.

Таким образом, анализ текущего состояния цифровой революции в области правосудия показывает, что этот процесс имеет ярко выраженный характер, отражающийся в разных моделях, применяемых странами Европы, Азии и Америки. Каждая из них обладает своими уникальными особенностями, определяющими пути и темпы внедрения цифровых технологий.

Среди общих положительных моментов следует отметить повышение доступности правосудия для граждан, сокращение сроков рассмотрения дел и снижение административных расходов. Вместе с тем остаются нерешёнными важные вопросы защиты личных данных, предотвращения злоупотребления технологиями и установления ответственности за ошибки алгоритмов.

Дальнейшие шаги должны включать углубленное изучение зарубежного опыта, разработку эффективных мер защиты от угроз кибератак и формирование чётких критериев выбора оптимальных технических решений. Важно учитывать культурные различия и национальные приоритеты каждой страны, формируя таким образом гибкую стратегию, соответствующую интересам всех субъектов правоотношений.

Список литературы:

[1] Иванов, Б.А. Новое время и судебный процесс // Правоведение. – 1996. – № 2. – С. 15–22.

[2] Canadian Bar Association. The Future of Legal Practice in Canada // Report on the future of legal practice. – Ottawa, 2017. – Pp. 25–32.

[3] Ministry of Justice UK. Digital Transformation of Courts // Annual report. – London, 2019. – Pp. 45–55.

[4] Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. Digitale Gerichtsbarkeit in Deutschland // Pressemitteilung. – Berlin, 2020. – S. 1–6.

[5] Ministère de la justice français. La modernisation des procédures judiciaires en France // Rapport annuel sur l'état du système judiciaire. – Paris, 2021. – Pp. 11–18.

[6] California Supreme Court. Automated Sentencing Guidelines System: Final Evaluation Report // Sacramento, CA, 2022. – Pp. 1–15.

[7] Cao Liangping et al. Judicial AI Systems in China: An Overview of Current Practices and Challenges // Journal of Law and Information Science. – Vol. 31. – No. 2. – 2020. – Pp. 155–178.

[8] Japan Supreme Court. ICT Implementation Plan for Japanese Courts // Tokyo, 2023. – Pp. 1–10.

[9] Korea Internet & Security Agency. Cybersecurity Measures for South Korean Courts // Seoul, 2024. – Pp. 1–8.

[10] Верховный Суд Российской Федерации. Государственная автоматизированная система «Правосудие»: отчет о работе за 2023 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2024. – № 1. – С. 3–10.

References:

[1] Ivanov, B.A. New time and trial//Jurisprudence. – 1996. – № 2. - S. 15-22.

[2] Canadian Bar Association. The Future of Legal Practice in Canada // Report on the future of legal practice. – Ottawa, 2017. – Pp. 25–32.

[3] Ministry of Justice UK. Digital Transformation of Courts // Annual report. – London, 2019. – Pp. 45–55.

[4] Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. Digitale Gerichtsbarkeit in Deutschland // Pressemitteilung. – Berlin, 2020. – S. 1–6.

[5] Ministère de la justice français. La modernisation des procédures judiciaires en France // Rapport annuel sur l'état du système judiciaire. – Paris, 2021. – Pp. 11–18.

[6] California Supreme Court. Automated Sentencing Guidelines System: Final Evaluation Report // Sacramento, CA, 2022. – Pp. 1–15.

[7] Cao Liangping et al. Judicial AI Systems in China: An Overview of Current Practices and Challenges // Journal of Law and Information Science. – Vol. 31. – No. 2. – 2020. – Pp. 155–178.

[8] Japan Supreme Court. ICT Implementation Plan for Japanese Courts // Tokyo, 2023. – Pp. 1–10.

[9] Korea Internet & Security Agency. Cybersecurity Measures for South Korean Courts // Seoul, 2024. – Pp. 1–8.

[10] Supreme Court of the Russian Federation. State automated system "Justice": report on the work for 2023//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2024. – № 1. - S. 3-10.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-188-194

ЛЕБЕДЕВ Игорь Владимирович,
кандидат юридических наук,
Россия, г. Москва,
e-mail: ig170297@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, УСТАНОВЛЕННЫХ ВСТУПИВШИМ В ЗАКОННУЮ СИЛУ ПРИГОВОРОМ, ДЛЯ ПРИГОВОРА, ПОСТАНАВЛИВАЕМОГО НА ОСНОВЕ ВЕРДИКТА КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена рассмотрению характера взаимосвязи, существующей между вердиктом и постанавливаемым на его основе приговором, а также значению для присяжных и председательствующего судьи обстоятельств, которые ранее были установлены вступившим в законную силу приговором суда. Специфика уголовно-процессуальной формы рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей обуславливает невозможность исследования в присутствии присяжных заседателей вступившего в законную силу приговора, ранее вынесенного в отношении иных соучастников преступления, что в совокупности с преюдициальным характером связи, существующей между вердиктом и приговором, может повлечь за собой возникновение конфликта между обстоятельствами, установленными вердиктом, и обстоятельствами, установленными приговором, ранее вынесенным в отношении иных соучастников преступления. По результатам исследования автор приходит к выводу о том, что обстоятельства, установленные присяжными в постановленном ими вердикте, имеют преюдициальное значение для выносимого судом приговора, даже если они не соотносятся или противоречат обстоятельствам, которые ранее были установлены вступившим в законную силу приговором. При этом такой приговор может быть исследован на этапе обсуждений последствий вердикта и установленные им обстоятельства могут быть учтены судом при разрешении вопроса о юридической квалификации действий подсудимого.*

Ключевые слова: *приговор, судопроизводство с участием присяжных заседателей, вердикт коллегии присяжных заседателей, доказывание, преюдиция.*

LEBEDEV Igor Vladimirovich,
PhD in Law Russia, Moscow

THE SIGNIFICANCE OF CIRCUMSTANCES ESTABLISHED BY A FINAL JUDGMENT FOR A SENTENCE BASED ON A JURY VERDICT

Annotation. *This article examines the nature of the relationship between a verdict and a suspended sentence on its basis, as well as the significance for the jury and the presiding judge of the circumstances that were previously established by a court verdict that entered into legal force. The specificity of the criminal procedural form of consideration of a criminal case with the participation of jurors makes it impossible to examine the sentence that has entered into legal force in the presence of jurors, previously made in relation to other accomplices of the crime, which, together with the prejudicial nature of the connection, existing between the verdict and the verdict may entail a conflict between the circumstances, established by the verdict, and the circumstances established by the verdict previously imposed on other accomplices in the crime. According to the results of the study, the author concludes that the circumstances established by the jury in their verdict are of preliminary importance for the verdict passed by the court, even if they do not correlate or contradict the circumstances that were previously established by the verdict that entered into legal force. At the same time, such a verdict can be investigated at the stage of discussion of the consequences of the verdict, and the circumstances established by it can be taken into account by the court when resolving the issue of the legal qualification of the defendant's actions.*

Key words: *conviction, trial by jury, verdict of the jury panel, proving, prejudice.*

Вердикт коллегии присяжных заседателей, будучи особым судебным решением, которым разрешается ряд основных вопросов уголовного судопроизводства, находится в тесной и неразрывной связи с приговором, с постановкой которого непосредственно оканчивается рассмотрение и разрешение уголовного дела в рамках усложненной уголовно-процессуальной формы, предполагающей привлечение к отправлению правосудия представителей от народа. В этой связи именно характер взаимосвязи вердикта и приговора рассматривается многими авторами как его особое свойство, определяющее его место в системе судебных актов.

Так, С.А. Насонов обращает внимание на то, что председательствующий судья, по общему правилу, при постановке приговора по итогам рассмотрения дела с участием присяжных заседателей «не может усомниться в выводах присяжных заседателей относительно доказанности установленных ими обстоятельств» [1, С.613]. Схожая позиция представлена в работах Т.В. Зеленской, которая отмечает, что «взаимосвязь вердикта и приговора неразрывна и легитимна, а значит любой вид приговора является результатом установления объективной истины присяжными заседателями» [2, С.26].

Наиболее явственно демонстрирующей значение вердикта для приговора представляется позиция Т.А. Владыкиной, которая указывает на преюдициальный характер взаимосвязи, существующей между вердиктом и приговором, поскольку обстоятельства, устанавливаемые присяжными, в силу положений ст.ст.347, 348 и 351 УПК РФ приобретают для председательствующего судьи обязательный характер, не могут быть им опровергнуты путем приведения в приговоре самостоятельной и отличной от ранее данной присяжными оценки исследованных доказательств, и именно с опорой на них осуществляется квалификация действий подсудимого, а также определяется размер и вид назначаемого наказания [3, С.214-216].

Вместе с тем важно учитывать специфику взаимосвязи, существующей между приговором и вердиктом, в зависимости от вида последнего.

Так, в силу положений ч.1 ст.346 и ч.1 ст.348 УПК РФ оправдательный вердикт является безусловно обязательным для председательствующего судьи, который обязан его основе постановить лишь оправдательный приговор. При этом следует отметить, что приведение в приговоре оснований для оправдания, отличных от выводов присяжных, содержащихся в постановленном ими вердикте, выступает основанием для его отмены с направлением дела на повторное рассмотрение в суд первой инстанции с этапа провозглашения вердикта [4].

Обвинительный вердикт в силу ст.348 и ст.351 УПК РФ также является обязательным для председательствующего судьи, который обязан постановить приговор, привести в нем юридическую квалификацию деяния и назначить подсудимому наказание именно в соответствии с постановленным вердиктом. В то же время из указанного общего правила существуют изъятия, предусмотренные ч.4 и ч.5 ст.348 УПК РФ, позволяющие председательствующему судье в особых случаях постановить оправдательный приговор при обвинительном вердикте или распустить коллегию присяжных заседателей и направить дело на новое рассмотрение [5, С.52]. Не углубляясь в вопросы, связанные с основаниями и условиями реализации председательствующим судьей данных полномочий, тем не менее полагаем необходимым отметить, что при постановке оправдательного приговора на основании обвинительного вердикта преюдициальная связь вердикта и приговора не нивелируется, поскольку из содержания положений ч.4 ст.348 УПК РФ и правовой позиции Верховного Суда РФ прямо следует, что постановка оправдательного приговора в названном случае оказывается возможной только в том случае, если обстоятельства, установленные присяжными, свидетельствуют об отсутствии в действиях подсудимого признаков преступления (т.е. об отсутствии общественной опасности и противоправности, а также производных от них виновности и наказуемости) [6, С.263], а право председательствующего судьи на роспуск коллегии присяжных, в случае его несогласия с выводами присяжных о наличии события преступления или об участии подсудимого в нем, свидетельствует именно о прямом законодательном ограничении полномочий профессионального судьи и о невозможности преодоления им обязательной силы обвинительного вердикта, путем вынесения замещающего его оправдательного приговора, содержащего собственную оценку доказанности фактических обстоятельств, установление которых отнесено к компетенции коллегии присяжных заседателей.

Вместе с тем в правоприменительной практике встречаются ситуации, когда обстоятельства события преступления, установленные присяжными заседателями в постановленном ими обвинительном вердикте, не соотносятся или противоречат обстоятельствам того же события преступления, которые ранее были установлены вступившим в законную силу приговором, постановленным в общем порядке, в связи с чем возникает определенная конкуренция между данными судебными актами.

Положения ст.90 УПК РФ, с учетом правовой позиции, сформированной Конституционным Судом РФ, предусматривают, что для суда, рас-

сматривающего уголовное дело по существу, имеют преюдициальное значение (т.е. не подлежат дополнительной проверке) такие фактические обстоятельства, которые ранее были предметом доказывания по уголовному делу и были установлены вступившим в законную силу приговором. В то же время приговор, вступивший в законную силу, не может предрешать выводы суда о виновности лица, которое не являлось участником уголовного судопроизводства, по итогам которого был постановлен такой приговор, а также не может определять юридическую квалификацию совершенного лицом деяния [7].

Как справедливо отмечает Г.В. Стародубова, «законодатель говорит о преюдициальности обстоятельств, установленных приговором. Использование в таком качестве отдельных сведений об этих обстоятельствах (отдельных доказательств) недопустимо, поскольку разрешение уголовного дела по существу предполагает оценку всей совокупности доказательств» [8, С.266]. При этом такие обстоятельства признаются соответствующими действительности и не подлежащими дополнительной проверке, в том числе и со стороны суда, что исключает возможность формирования правоприменителями иных выводов об их доказанности и доброкачественности, а также объективно препятствует вынесению процессуальных решений «с противоречивыми выводами относительно одних и тех же фактических обстоятельств» [9, С.66].

В этой связи может возникнуть закономерный вопрос: как поступить председательствующему судье, если выводы присяжных о доказанности некоторых фактических обстоятельств совершения подсудимым преступления в соучастии находятся в противоречии с обстоятельствами совершения данного преступления другими соучастниками, которые были установлены ранее вступившим в законную силу приговором, постановленным в общем порядке?

Обращаясь к судебной практике можно выделить следующие ситуации, с которыми сталкиваются правоприменители: 1) несоответствие фактических обстоятельств, признанных присяжными установленными в постановленном ими вердикте, фактическим обстоятельствам, установленным приговором, постановленном в общем порядке и вступившим в законную силу; 2) несоответствие юридической квалификации действий лиц, совершивших преступление в соучастии, отраженной во вступившем в законную силу приговоре, вынесенном в отношении одного или нескольких соучастников, юридической квалификации действий остальных соучастников, приведенной в приговоре, постановленном на основании вердикта коллегии присяжных заседателей.

Приступая к их рассмотрению следует обратить внимание на правовую позицию, сформированную Верховным Судом РФ, согласно которой отсутствие указания на иных соучастников преступления в ранее вынесенном приговоре не свидетельствует о его преюдициальном характере для присяжных и суда: «из материалов дела видно, что вопросы виновности Я. и П. в руководстве бандой, Я. - в совершаемых ею нападениях и в разбойном нападении на обоих - в незаконном обороте оружия и боеприпасов, по приговору не затрагивались и не предрешались. Обстоятельства совершения осужденными указанных преступлений, как это установлено вердиктом присяжных заседателей и приговором суда, не противоречат обстоятельствам, выявленным в отношении иных лиц. В связи с этим доводы осужденных о нарушении требований ст.90 УПК РФ нельзя признать основанными на законе. Не свидетельствуют об этом и те обстоятельства, что в приговоре от 15 июля 2008 года фамилии Я. и П., как руководителей банды, не указывались, что ранее об этом не показывали С, И, О и У не упоминалось также и об иных лицах» [10].

Приведенный подход получил свое развитие и в современной правоприменительной практике. Так, Красноярский краевой суд, оставляя без изменения приговор Свердловского районного суда г. Красноярска от 07.09.2021 года №1-268/2021, которым подсудимый на основании вердикта коллегии присяжных заседателей был признан виновным в организации убийства двух потерпевших, совершенном группой лиц по предварительному сговору, т.е. в совершении преступления, предусмотренного по ст.17, п.п. «з», «н» ст.102 УК РСФСР, в принятом апелляционном определении указал на несостоятельность доводов стороны защиты о преюдициальном характере приговора Красноярского краевого суда от 13.07.2012 года, которым ранее к уголовной ответственности за организацию данного преступления (убийства) были привлечены иные лица, и сослался в обоснование своей позиции на следующее: «действия Б. квалифицированы председательствующим в соответствии с установленными вердиктом коллегии присяжных заседателей фактическими обстоятельствами. В связи с этим ссылка в апелляционной жалобе на несоответствие некоторых обстоятельств, связанных с действиями С. и установленных по настоящему делу, с обстоятельствами, указанными в приговоре суда от 13.07.2012 г. в отношении С., не являлись основанием для постановления в отношении Б.. оправдательного приговора, так как в приговоре суд первой инстанции указал о том, что преюдициальное значение имеют действия С. во вступившему в законную силу приговоре (приговор

от 13.07.2012 г.)» [11]. Суд кассационной инстанции поддержал приведенные выше выводы краевого суда [12].

Приговором Верховного суда Республики Татарстан от 07.12.2023 года №2-13/2023 подсудимый на основании вердикта коллегии присяжных заседателей был признан виновным в совершении убийства в составе банды, в связи с чем его действия были квалифицированы по ч.2 ст.209 УК РФ, п.п. «в», «ж», «з», «к» ч.2 ст.105 УК РФ. Отказывая в признании преюдициального значения обстоятельств, установленных приговором Верховного Суда Республики Татарстан от 14.02.2014 года, вынесенного в отношении остальных соучастников данного преступления, действия которых не были квалифицированы судом по п.«ж» ч.2 ст.105 УК РФ, суд первой инстанции в обоснование своего вывода сослался на следующее: «названный приговор, устанавливая обстоятельства, вместе с тем не может предрешать выводы суда о наличии либо отсутствии квалифицирующих признаков преступления во вмененных подсудимому противоправных деяниях и влиять на юридическую оценку им содеянного. В частности, суд при квалификации действий М. основывается на обвинительном вердикте коллегии присяжных заседателей, вынесенном по итогам всей совокупности исследованных доказательств, которая может быть опровергнута только посредством процедур, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, и только в рамках уголовного судопроизводства по делу» [13]. Суды апелляционной и кассационной инстанций поддержали выводы суда первой инстанции и, отклоняя доводы стороны защиты о нарушении требований ст.90 УПК РФ, указали следующее: «судебная коллегия находит верным вывод суда первой инстанции о том, что приговор Верховного Суда Республики Татарстан от 14 февраля 2014 г. не имеет преюдициального значения для суда при рассмотрении уголовного дела в отношении М. в части квалификации действий последнего, которая дана судом на основании вердикта коллегии присяжных заседателей» [14]; «правильными являются и изложенные в апелляционном определении выводы об отсутствии преюдициального значения приговора в отношении С. для квалификации действий М.» [15].

Приведенная позиция правоприменителей представляется верной, поскольку, с одной стороны, соответствует положениям ст.90 УПК РФ и отраженным выше разъяснениям Конституционного Суда РФ, который неоднократно указывал на наличие определенных пределов преюдициального значения вступившего в законную силу приговора и отмечал, что разрешение вопросов, связанных с наличием события преступления, с участием и виновностью в нем подсудимого, а также с юридической оценкой действий подсудимого, не может предопределяться исключительно ранее вступившим в законную силу судебным решением, в том числе и приговором, а с другой стороны, соотносится с ранее описанным характером взаимосвязи, существующей между вердиктом и приговором, обуславливающим обязательное и неопровержимое значение установленных присяжными обстоятельств для председательствующего судьи.

Таким образом, обстоятельства, установленные присяжными заседателями в постановленном ими вердикте, а также их выводы о виновности подсудимого, имеют исключительное преюдициальное значение для приговора, постанавливаемого на его основе, и не могут быть опровергнуты или нивелированы ссылкой на ранее вступивший в законную силу приговор, содержащий иное описание события преступления или иные выводы о наличии или отсутствии обстоятельств, устанавливаемых присяжными.

В то же время необходимо учитывать, что приговор, ранее вступивший в законную силу в отношении одного или нескольких соучастников одного преступления, не должен полностью игнорироваться председательствующим судьей, а должен приниматься во внимание вместе постановленным присяжными вердиктом.

Так, Верховный Суд РФ со ссылкой на положения ст.90 УПК РФ изменил Приговор Ленинградского областного суда от 23.07.2013 года, которым подсудимый был осужден по ч.4 ст.33, п.п.«г»,«з» ч.2 ст.105 УК РФ, т.е. за совершение подстрекательства к убийству по найму и из корыстных побуждений потерпевшей, заведомо находящейся для него в состоянии беременности. Изменяя приговор и исключая из квалификации действий подсудимого указание на ч.4 ст.33, п.«г» ч.2 ст.105 УК РФ (т.е. указание на виновность подсудимого в совершении подстрекательства к убийству потерпевшей, заведомо находящейся для него в состоянии беременности), высшая судебная инстанция сослалась на то, что вердиктом коллегии присяжных заседателей не было установлено, что организатор преступления сообщал исполнителю о беременности потерпевшей, хотя и был осведомлен об этом, а ранее вступившим в законную силу приговором Ленинградского областного суда от 21.05.2013 года непосредственный исполнитель убийства был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.«з» ч.2 ст.105 УК РФ, т.е. в убийстве потерпевшей по найму за вознаграждение, поскольку не был осведомлен о ее беременности. Верховный Суд РФ также отметил, что «в силу ст. 90 УПК РФ установленные вступившим в законную силу приговором в отношении испол-

нителя убийства квалифицирующие признаки преступления имеют преюдициальное значение при решении вопроса о квалификации действий Ведерникова, являющегося подстрекателем убийства, и должны были учитываться судом наряду с вердиктом коллегии присяжных заседателей» [16].

Приведенная позиция, с учетом описанного выше правила, свидетельствует о возможности и даже необходимости принятия во внимание председательствующим судьей в качестве преюдициальных обстоятельств, установленных вступившим в законную силу приговором, вынесенным в отношении одного из соучастников преступления, если они не противоречат обстоятельствам, признанным присяжным доказанными в постановленном ими вердикте.

Вместе с тем остается открытым вопрос о порядке исследования такого приговора при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей, поскольку в силу положений ст.74 УПК РФ, ст.ст.334 и 335 УПК РФ, а также разъяснений, данных Верховным Судом РФ в п.21 Постановлении Пленума от 22.11.2005 года №23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» приговор, вынесенный в отношении иных соучастников преступления, не может исследоваться в присутствии присяжных заседателей, в связи с чем может быть изучен судом лишь на этапе обсуждения последствий вердикта, где уже запрещается ставить под сомнение доказанность обстоятельств, признанных присяжными установленными [17, С.46].

В этой связи представляется довольно интересным подход к разрешению данного вопроса, продемонстрированный в апелляционном определении Третьего апелляционного суда общей юрисдикции, где суд апелляционной инстанции согласился с позицией суда первой инстанции о законности включения в вопросный лист вопросов, формулировки которых изначально содержали указания на то, что осужденные совершали инкриминированные им преступления в составе устойчивой вооруженной группы (банды), так как ранее вступившим в законную силу приговором Ростовского областного суда от 05.12.2017 года осужденные были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ст.209 УК РФ, что, по мнению судов, имеет преюдициальный характер: «факт совершения преступлений осужденными в составе банды признан судом без дополнительной проверки, поскольку за совершение данного преступления они осуждены приговором Ростовского областного суда от 05 декабря 2017 года, вступившим в законную силу, что в силу ст. 90 УПК РФ имеет преюдициальный характер. Поэтому указание в вердикте в формулировке вопросов в отношении осужденных в приговоре о совершении преступлений в составе устойчивой группы не нарушает требований ст. 252 УПК РФ о пределах судебного разбирательства» [18].

В то же время такой подход может быть подвергнут критике с позиций ст.338 УПК РФ и п.26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 года №23, которые предусматривают, что вопросы перед присяжными заседателями формируются именно по итогам судебного следствия и прений сторон, в рамках которых, как было указано выше, такой приговор не может быть исследован, а, следовательно, обстоятельства, установленными им, не могут быть приняты во внимание при формировании вопросного листа.

Резюмируя вышеизложенное, следует заключить, что характер взаимосвязи, существующей между вердиктом и постанавливаемым на его основе приговором имеет определяющее значение для разрешении вопроса о преюдициальном значении обстоятельств, установленных ранее вступившим в законную силу приговором, в связи с чем председательствующий судья, постанавливая приговор на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, не может игнорировать обстоятельства, установленные присяжными, даже если они не соотносятся или противоречат обстоятельствам, которые ранее были установлены вступившим в законную силу приговором. В то же время такой приговор полностью не утрачивает своего преюдициального значения для председательствующего судьи, поскольку установленные ими обстоятельства могут учитываться при формировании вопросного листа или могут быть приняты во внимание при разрешении вопроса о юридической квалификации действий подсудимого, в том числе о наличии или отсутствии некоторых квалифицирующих признаков.

Список литературы:

[1] Насонов С.А. Вердикт присяжных заседателей в контексте учения П.А. Лупинской о решениях в уголовном судопроизводстве // Lex Russia. 2010. № 3. С.609–620.

[2] Зеленская Т.В. Некоторые вопросы, связанные с отменой приговора, постановленного на основе вердикта присяжных заседателей // Сибирские уголовно-процессуальные и криминальные чтения. 2022. №2(36). С.18–28.

[3] Владыкина Т.А. Теоретическая модель производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей: дис. ... док. юрид. наук. 12.00.09 / Владыкина Татьяна Анатольевна. – Екатеринбург, 2018. 442 с.

[4] Апелляционное определение Московского городского суда от 22.11.2021 года №10-18138/2021 // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[5] Костенко Р.В. Оценка достаточности доказательств судьей при постановлении приговоров по итогам рассмотрения дела с участием присяжных заседателей // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. №2. С.47-57.

[6] Насонов С.А. Концептуальные основы производства в суде с участием присяжных заседателей: дис. ... док. юрид. наук. 12.00.09 / Насонов Сергей Александрович. – Москва, 2022. 517 с.

[7] Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2019 года №85-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Викуловой Елены Геннадьевны на нарушение ее конституционных прав статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[8] Стародубова Г.В. Преюдиция в уголовном процессе – объективное правило, субъективно применяемое (анализ практики судов первой и вышестоящих инстанций) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. №1(44). С.257-267.

[9] Чащина И.В. Преюдиции в уголовном процессе: понятие и значение // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. №5(13). 2009. С.64-67.

[10] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.09.2010 года №66-О10-94СП // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[11] Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 23.03.2022 года №22-1677/2022 // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[12] Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 31.08.2022 года №77-3922/2022 // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[13] Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 13.05.2024 года №55-259/2024 // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[14] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30.01.2025 года №11-УД24-28сп-А4 // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[15] Приговор Верховного суда Республики Татарстан от 07.12.2023 года №2-13/2023 // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

[16] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.11.2013 года №33-АПУ13-18СП // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[17] Чащина И.В. Проблемы применения преюдиции в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2017. №2. С.44-47.

[18] Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 15.12.2023 года №55-506/2023 // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] Nasonov S.A. Jury verdict in the context of the teachings of P.A. Lupinskaya on decisions in criminal proceedings//Lex Russia. 2010. № 3. P.609-620.

[2] Zelenskaya T.V. Some issues related to the cancellation of a sentence decided on the basis of a jury verdict//Siberian criminal procedure and criminal readings. 2022. №2(36). S.18-28.

[3] Vladykina T.A. Theoretical model of proceedings in criminal cases considered by a court with the participation of jurors: dis.... doc. jurid. sciences. 12.00.09/Vladykina Tatyana Anatolyevna. - Yekaterinburg, 2018. 442 p.

[4] Appeal ruling of the Moscow City Court of 22.11.2021 No. 10-18138/2021//The document was not officially published. Access from SPS “ConsultantPlus.”

[5] Kostenko R.V. Assessment of the sufficiency of evidence by a judge when deciding sentences based on the results of a jury trial//Legal Bulletin of Kuban State University. 2022. №2. S.47-57.

[6] Nasonov S.A. Conceptual foundations of trial by jury: dis.... doc. jurid. sciences. 12.00.09/ Nasonov Sergey Alexandrovich. - Moscow, 2022. 517 p.

[7] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 29.01.2019 No. 85-O’On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Vikulova Elena Gennadievna about violation of her constitutional rights by Article 90 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation “//The document was not officially published. Access from SPS “ConsultantPlus.”

[8] Starodubova G.V. Prejudice in criminal proceedings is an objective rule subjectively applied (analysis of the practice of courts of first and higher instances)//Bulletin of Voronezh State University. Series: Right. 2021. №1(44). P.257-267.

[9] Chashchina I.V. Prejudice in criminal proceedings: concept and meaning//Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. №5(13). 2009. S.64-67.

[10] Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.09.2010 No. 66-O10-94SP// The document was not officially published. Access from SPS "ConsultantPlus."

[11] Appeal ruling of the Krasnoyarsk Regional Court of 23.03.2022 No. 22-1677/2022//The document has not been officially published. Access from SPS "ConsultantPlus."

[12] Cassation ruling of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction of 31.08.2022 No. 77-3922/2022//The document has not been officially published. Access from SPS "ConsultantPlus."

[13] 13.05.2024 Fourth General Court of Appeals Appellate Ruling No. 55-259/2024//The document has not been officially published. Access from SPS "ConsultantPlus."

[14] Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.01.2025 No. 11-UD24-28sp-A4//The document has not been officially published. Access from SPS "ConsultantPlus."

[15] Verdict of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan of 07.12.2023 No. 2-13/2023//The document has not been officially published. Access from ConsultantPlus ATP

[16] Appellate ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.11.2013 No. 33-APU13-18SP// The document was not officially published. Access from SPS "ConsultantPlus."

[17] Chashchina I.V. Problems of the application of prejudice in criminal proceedings//Gaps in Russian legislation. 2017. №2. S.44-47.

[18] 15.12.2023 Third General Court of Appeal Appellate Ruling No. 55-506/2023//The document has not been officially published. Access from SPS «ConsultantPlus.»

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-195-198

АНТИПИНА Анастасия Алексеевна,
студент,
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: nast3713@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ПОРТРЕТНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ПОРТРЕТНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА, ПОДВЕРГШИХСЯ ВОЗРАСТНЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РЕДАКЦИОННЫХ ПРОГРАММ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕШЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ЗАДАЧ

Аннотация. *В данной статье показано значение судебной портретной экспертизы в целом, и в частности исследования портретных изображений человека, подвергшихся возрастным изменениям, при расследовании преступлений. Приведены проблемы правового регулирования производства судебных портретных экспертиз в отношении портретных изображений человека, подвергшихся возрастным изменениям с использованием редакционных программ, создающих определённые сложности при проведении портретных экспертиз, идентификации человека по его изображению и оценке результатов таких исследований в суде. Отмечено, что редакционные программы, созданные для обработки портретных изображений в противоправных целях, затрудняет работу экспертам по достижению необходимой точности и надёжности идентификации. Охарактеризованы следующие проблемы, возникающие у эксперта при проведении подобных исследований: сложность определения степени достоверности исходных данных; недостаточная разработка новых методик исследования и последующего их внедрения; сложность интерпретации результатов судебной портретной экспертизы. Названы и рассмотрены перспективы решения идентификационных задач с использованием подобных изображений: международное сотрудничество в области обмена опытом и методиками проведения исследований; разработка и внедрение автоматизированных алгоритмов обработки изображений; создание специализированных программных продуктов. Указано, что такие проблемы по идентификационным задачам связаны с развитием информационных технологий и разработкой новых методик исследования портретных изображений. Предложены меры совершенствования правовой базы в сфере производства подобных экспертиз, которые должны улучшить качество идентификационных исследований, повысить эффективность и точность применения портретной экспертизы в судебной практике и в конечном итоге в целом укрепить систему правосудия.*

Ключевые слова: *судебная портретная экспертиза, портретное изображение человека, правовое регулирование, программные редакторы.*

ANTIPINA Anastasia Alekseevna,
student, O.E. Kutafin University (MGUA)

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE PRODUCTION OF FORENSIC PORTRAIT EXAMINATIONS FOR THE STUDY OF PORTRAIT IMAGES OF A PERSON WHO HAS UNDERGONE AGE-RELATED CHANGES USING EDITORIAL PROGRAMS: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR SOLVING IDENTIFICATION PROBLEMS

Annotation. *This article shows the importance of forensic portrait examination in general, and in particular, the study of portrait images of a person who has undergone age-related changes in the investigation of crimes. The article presents the problems of legal regulation of the production of judicial portrait examinations*

in relation to portrait images of a person who have undergone age-related changes using editorial programs that create certain difficulties in conducting portrait examinations, identifying a person by his image and evaluating the results of such studies in court. It is noted that editorial programs designed to process portrait images for illegal purposes make it difficult for experts to achieve the necessary accuracy and reliability of identification. The following problems that an expert has when conducting such studies are characterized: the difficulty of determining the degree of reliability of the initial data; insufficient development of new research methods and their subsequent implementation; the difficulty of interpreting the results of forensic portrait examination. The prospects of solving identification problems using such images are named and considered: international cooperation in the field of exchange of experience and research methods; development and implementation of automated image processing algorithms; creation of specialized software products. It is indicated that such problems in identification tasks are related to the development of information technology and the development of new methods for studying portrait images. Measures have been proposed to improve the legal framework in the field of such examinations, which should improve the quality of identification research, increase the effectiveness and accuracy of portrait examination in judicial practice, and ultimately strengthen the justice system as a whole.

Key words: *forensic portrait examination, portrait image of a person, legal regulation, software editors.*

В настоящее время развитие информационных технологий приводит к появлению новых вызовов в области правового регулирования различных родов и видов судебных экспертиз. При производстве судебной портретной экспертизы это наиболее заметно в контексте исследования портретных изображений человека, подвергшихся возрастным изменениям.

Судебная портретная экспертиза проводится «… в целях установления тождества человека по признакам его внешнего облика, зафиксированным на объективных отображениях, и выполняемых с помощью специализированных методов исследования» [3, с. 97]. Судебная портретная экспертиза имеет важное, а часто и определяющее значение при расследовании преступлений. Данная экспертиза помогает следствию установить, принадлежит ли паспорт лицу, предъявляющему его; является ли этот человек тем лицом, которое совершило преступление и было зафиксировано камерами видеонаблюдения и многое другое. «Отчасти, решение задачи, связанной с идентификацией человека по внешнему облику, может быть упрощено за счет применения специализированных программных продуктов, позволяющих оптимизировать процесс производства портретной экспертизы и, тем самым, повысить объективность ее результатов» [4, с. 143]. Тем не менее такие редакционные программы используют не только в экспертной деятельности в системе правосудия, но и в повседневной жизни. Отредактированная фотография усложняет работу по причине изменения черт лица. Даже из-за незначительного преображения формы носа или увеличения губ становится сложно узнать человека на фотоснимке. Используя ретушь, можно убрать или изменить рельеф лба, морщины, складки под глазами, контуры края подбородка и углов нижней челюсти, степень выступания скул, положение углов рта. Нужно отметить, что с помощью обработки удаляются бородавки, родинки, шрамы и другие особые приметы. Всё вышеперечисленное является таким обстоятельством, которое затрудняет идентификацию человека по его изображению. «Отсутствие информации о ретуши поступившего изображения и степени ее влияния на признаки внешности может непосредственно при производстве портретных экспертиз приводить к экспертным ошибкам» [2, с. 54].

Исходя из всего вышеперечисленного становится очевидным, что правовое регулирование этой области требует детальной проработки и уточнения. На сегодняшний день в законодательстве Российской Федерации отсутствуют специальные нормы, регулирующие использование графических редакторов при получении портретных изображений участниками гражданского оборота (фотоателье и иными организациями). Зачастую в ателье мы можем попросить фотографа «омолодить» нашу внешность, удалить родинку с фотографии или другой дефект возрастного изменения кожного покрова лица. Подобная деятельность создаёт определённые сложности при проведении портретных экспертиз и оценке их результатов в суде.

Еще одной трудностью производства таких экспертиз является то, что возрастные изменения внешности человека могут существенно влиять на результаты судебной портретной экспертизы. На данный момент существует ряд редакционных программ для обработки портретных изображений, но их использование в противоправных целях впоследствии затрудняет работу экспертам по достижению необходимой точности и надёжности идентификации. В связи с этим возникает ряд проблем, требующих своего решения.

Первая проблема связана со сложностью определения степени достоверности исходных данных. Редакционные программы могут вносить искажения в изображение, что оказывает существенное влияние на результаты экспертизы. Решение этой проблемы видится в разработке методики оценки степени достоверности исходных данных и учёта возможных искажений при проведении судебной портретной экспертизы.

Вторая проблема касается недостаточной разработки новых методик исследования и последующего их внедрения. Возрастные изменения внешности могут приводить к появлению новых признаков, которые необходимо учитывать при проведении экспертизы. Для решения этой проблемы необходимо разработать и внедрить новые методики исследования, которые позволят повысить точность и надёжность идентификации.

Третья проблема вызвана сложностью интерпретации результатов судебной портретной экспертизы. Для того, чтобы такие результаты были понятны и доступны для понимания всеми участниками процесса (экспертами, судьями, адвокатами и др.) нужно разработать единые стандарты интерпретации результатов экспертизы.

Разрешение вышеизложенных проблем по идентификационным задачам связано с развитием информационных технологий и разработкой новых методик исследования портретных изображений. Среди перспективных направлений можно выделить следующие:

1) Международное сотрудничество в области обмена опытом и методиками. Такое взаимодействие между специалистами в области судебной портретной экспертизы существенно ускорит процесс разработки и внедрения новых подходов и методик.
2) Разработка и внедрение автоматизированных алгоритмов обработки изображений. Использование алгоритмов машинного обучения и искусственного интеллекта позволит повысить точность и надёжность идентификации, а также ускорить процесс проведения судебной портретной экспертизы.
3) Создание специализированных программных продуктов. Разработка таких продуктов для проведения судебной портретной экспертизы поможет унифицировать практику проведения экспертиз и обеспечить высокую точность результатов.

Таким образом, современная экспертная практика, в том числе и при проведении исследований портретных изображений человека, подвергшихся возрастным изменениям с использованием редакционных программ, должна развиваться в сторону синтеза операционных информационных технологий для своевременной обработки исходных данных и технологий искусственного интеллекта, генерирующего алгоритмы исследования и прогнозирующего выводы эксперта с учетом потенциального получения дополнительной информации [5, с. 99]. Именно поэтому нужно применять различные программные средства, разрабатывать и внедрять новые стандарты, методики.

Современные редакционные программы имеют большое количество инструментов для работы с изображениями. Значительное преимущество редакторов заключается в возможности создания индивидуальных алгоритмов обработки цифровых изображений, в способности проводить измерения и вести журнал их регистрации, а также в возможности протоколирования процедуры обработки изображений исследуемых объектов [1].

В заключение следует отметить, что судебная портретная экспертиза внешности человека с выявленными возрастными изменениями играет ключевую роль в процессе сбора доказательств при расследовании противоправных действий. Несмотря на стремительное развитие технологий, идентификационная экспертиза по портретным изображениям сохраняет свою значимость, адаптируясь к новым техническим возможностям.

В текущих обстоятельствах крайне важно совершенствовать правовую базу в этой сфере. Необходимо:

1) разработать специализированные законодательные нормы, регламентирующие процедуру проведения экспертиз;
2) создать инновационные методики исследования материалов;
3) внедрить современные алгоритмы обработки визуальной информации.

Реализация этих мер существенно улучшит качество идентификационных исследований и повысит эффективность применения портретной экспертизы в судебной практике, что в конечном итоге укрепит систему правосудия в целом.

Список литературы:

[1] Газизов В.А. К вопросу об исполнении требований законодательства при производстве портретных экспертиз. URL: https://proexpertizu.ru (дата обращения: 27.09.2025).

[2] Давыдов Е.В., Финогенов В.Ф. Криминалистическая оценка признаков внешности лиц, запечатлённых на фотоизображениях, подвергшихся цифровой ретуши // Судебная экспертиза: Научно-практический журнал. – 2015. – № 2 (42). С. 54-62.

[3] Зинин А.М. Габитоскопия и портретная экспертиза: учебник / А.М. Зинин, И.Н. Подволоцкий; ред. Е.Р. Россинская; Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА). - М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2016. - 288 с.

[4] Купин А.Ф. Автоматизация решения задач судебной портретной экспертизы с помощью программного обеспечения «Visosoft» / Вестник Московского университета МВД России 2022.- № 3. С. 142-146.

[5] Подволоцкий И.Н. Организация портретной экспертизы в цифровой сфере / журнал «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», № 6, июнь 2020 г. С. 89-100.

References:

[1] Gazizov V.A. On the issue of compliance with the requirements of legislation in the production of portrait examinations. URL: https://proexpertizu.ru (access date: 27.09.2025).

[2] Davydov E.V., Finogenov V.F. Forensic assessment of signs of appearance of persons captured on photographic images subjected to digital retouching//Forensic examination: Scientific and practical journal. – 2015. – № 2 (42). S. 54-62.

[3] Zinin A.M. Habitoscopy and portrait examination: textbook/A.M. Zinin, I.N. Podvolotsky; ed. E.R. Rossinskaya; Mosk. state. jurid. University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy). - M.: NORMA: INFRA-M, 2016. - 288 p.

[4] Kupin A.F. Automation of solving the problems of forensic portrait examination using the software “Visosoft “/Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2022.- No. 3. S. 142-146.

[5] Podvolotsky I.N. Organization of portrait expertise in the digital sphere/journal “Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law Academy),” No. 6, June 2020 p. 89-100.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-199-203

ОМЕЛИН Виктор Николаевич,
Главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: v.omelin@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ДЕЛАМ ОПЕРАТИВНОГО УЧЕТА В УСЛОВИЯХ НЕОБХОДИМОСТИ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВИЛ КОНСПИРАЦИИ

Аннотация. *Автор на основе обобщения практики и нормативно-правовых источников рассматривает вопросы реализации оперативно-розыскной информации по делам оперативного учета в условиях необходимости соблюдения правил конспирации, формулируются рекомендации для принятия решения о реализации оперативных данных по делам оперативного учета и применению тактических приемов, обеспечивающих зашифровку оперативных источников информации*.

Ключевые слова: *Оперативно-розыскные мероприятия, реализация оперативно-розыскной информации, результаты оперативно-розыскной деятельности, дела оперативного учета, конспирация, тактические приемы.*

OMELIN Victor Nikolaevich,
Chief research scientist of the Scientific research institute
of the Federal service for execution of punishment of Russia,
Doctor of low, Professor

IMPLEMENTATION OF OPERATIONAL AND SEARCH INFORMATION IN OPERATIONAL ACCOUNTING CASES IN CONDITIONS OF THE NEED TO OBSERVE THE RULES OF CONSPIRACY

Annotation. *Based on the generalization of practice and legal sources, the author examines the implementation of operational and investigative information in operational records in the context of the need to comply with the rules of secrecy. The article formulates recommendations for making decisions on the implementation of operational data in operational records and the use of tactical methods that ensure the encryption of operational sources of information.*

Key words: *Operational and investigative activities, implementation of operational and investigative information, results of operational and investigative activities, operational records, secrecy, and tactical methods.*

Вопросы получения и реализации оперативно-розыскной информации по делам оперативного учета (далее – ДОУ) не новы, они существовали всегда и достаточно активно исследуются в литературе [1, С. 415-428]. Отдельные стороны этого вопроса нашли также отражение в ведомственных нормативных правовых актах правоохранительных органов [2].

Исходя из анализа научной литературы, ведомственных нормативных правовых актов, практического опыта по данному вопросу, под реализацией оперативно-розыскной информации по ДОУ следует понимать использование добытых в процессе оперативно-розыскных мероприятий фактических данных, подтверждающих преступную деятельность фигурантов (раз-

рабатываемых), на завершающем этапе ведения ДОУ посредством осуществления оперативно-розыскных и процессуальных мер (путем возбуждения уголовного дела; разобщения группы, сформировавшейся с преступными целями и т.п.).

Из содержания приведенного определения следует, что субъектами реализуемой по ДОУ оперативно-розыскной информации выступают оперативные сотрудники и следователи как совместно, так и в отдельности; данные, полученные в ходе ведения ДОУ, могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, быть использованы для подготовки и осуществления как следственных действий, так и проведения оперативно-розыскных мероприятий.

На завершающем этапе ведения ДОУ, как ни в какой другой стадии оперативно-розыскного процесса, важен временной фактор. Действительно, как промедление с реализацией фактических данных, так и ее преждевременное начало могут привести к целому ряду негативных последствий. К примеру, неоправданно раннее начало использования оперативных сведений (когда не выявлены все участники преступной группы) может привести к временному прекращению фигурантами (разрабатываемыми) противоправной деятельности, уничтожению улик преступления и т.п. С другой стороны, промедление с реализацией чревато возможностью утраты с течением времени ценной информации, могущей иметь доказательственное значение, перехода фигурантов на нелегальное положение, сокрытия похищенного имущества и др.

Относительно выбора момента реализации оперативных материалов в теории и практике ОРД имеются определенные рекомендации. В частности, при решении вопроса о начале реализации необходимо исходить из следующих ситуаций:

- преступная деятельность разрабатываемых выявлена и задокументирована достаточно полно;
- преступная деятельность разрабатываемой криминальной структуры в основном выявлена и имеется возможность задержания ее участников с поличным при подготовке либо совершении преступления;
- задокументирована преступная деятельность части разрабатываемых лиц и проведение в отношении их следственных действий, а также избрание меры пресечения не помешает изобличению других участников преступной группировки;
- получены достоверные оперативные данные о том, что разрабатываемые намереваются уничтожить улики, изобличающие их. При этом в процессе документирования собраны материалы, достаточные для возбуждения уголовного дела;
- есть основания полагать, что разрабатываемые участники преступной группы намереваются совершить тяжкое или особо тяжкое преступление, предотвращение которого без реализации собранных оперативных данных не представляется возможным.

По сути в данных правилах изложены основания оценки складывающейся оперативно-розыскной ситуации для принятия решения о реализации оперативных данных по ДОУ.

Широкое использование оперативно-розыскной информации, реализуемой по ДОУ, базируется на единых научно обоснованных требованиях: эффективность использования всей собранной информации; интенсивность использования информации; обеспечение длительного использования информации; активность использования информации; обеспечение конспирации, зашифровка источников информации [1, С.409-412].

По поводу последнего требования следует отметить, что принцип конспирации - один из основополагающих принципов всей оперативно-розыскной деятельности (ст. 3 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности) и имеет особое значение при использовании оперативно-розыскной информации в ходе и по завершении ДОУ. Можно отметить следующие требования, предъявляемые к реализации оперативно-розыскной информации по завершении ДОУ:

- использование оперативных данных гласным путем допускается только в случае надлежащей зашифровки истинного источника оперативной информации, средств и методов ее получения;
- предание гласности сведений о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также о лицах, оказывающих или оказывавших им содействие на конфиденциальной основе, допускается лишь с их согласия в письменной форме и в случаях, предусмотренных федеральными законами (ч. 2 ст. 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»;
- в случаях необходимости привлечения к участию в производстве процессуальных действий лиц, внедренных (внедрявшихся) в организованные преступные группы, преступные сообщества (преступные организации), штатных негласных сотрудников органов, осуществляющих ОРД, а также лиц, оказывающих или оказывавших этим органам содействие на конфиденциальной основе, обеспечение их безопасности в условиях конспирации и конфиденциально-

сти осуществляется в порядке, определяемом законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов, осуществляющих ОРД [2, пункт 5];
- представление результатов ОРД, содержащих сведения об организации и тактике проведения оперативно-поисковых и оперативно-технических мероприятий, используемых при их проведении технических средствах, о штатных негласных сотрудниках оперативно-технических и оперативно-поисковых подразделений, должно в обязательном порядке согласовываться с исполнителями соответствующих мероприятий и осуществляться в соответствии с требованиями, предъявляемыми к обращению со сведениями, составляющими государственную тайну[2, пункт 13];
- вынесение руководителем органа, осуществляющего ОРД (начальником или его заместителем), постановления о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей при необходимости рассекречивания сведений, содержащихся в материалах, отражающих результаты ОРД [2, пункт 14].

Исходя из анализа научной литературы, нормативных правовых актов, практического опыта, обеспечение конспирации, зашифровки оперативных источников информации при реализации материалов ДОУ достигается применением следующих тактических приемов.

Процессуальное задержание второстепенного участника преступной группы либо одного из них, чья преступная деятельность задокументирована достаточно полно.

Наибольший эффект от указанного тактического приема достигается по многоэпизодным делам при условии соблюдения требований конспирации, исключения утечки информации о факте планируемого задержания.

Во-первых, решающее значение имеет правильно организованное и под правдоподобным предлогом осуществленное задержание. Во-вторых, тщательно продумывается тактика допросов. Задержанные второстепенные участники преступной группы, зная о нахождении ее лидера, а также активных участников «на воле», как правило, опасаются уголовной ответственности в одиночку за все действия преступной группы. В свою очередь оперативный сотрудник может ориентировать конфидента на возбуждение у других участников преступной группы сомнения по поводу того, что задержанный на допросах в силу психологических особенностей личности может дать признательные показания о противоправных действиях сообщников.

Задержание второстепенных участников преступной группы либо одного из них может быть как зашифрованным, так и тайным.

Зашифрованное задержание практикуется, например, при наличии в действиях кого-либо из соучастников преступления состава противоправного деяния, не связанного с теми преступлениями, которое объединяет всех подозреваемых в преступную группу. Тайное задержание применяется, если противоправная деятельность одного из них задокументирована достаточно полно. В соответствии с ч. 4 ст. 96 УПК РФ при необходимости сохранения в интересах предварительного расследования в тайне факта задержания уведомление кого-либо из близких родственников задержанного с согласия прокурора может не производиться, за исключением случаев, когда подозреваемый является несовершеннолетним.

Тайное или зашифрованное задержание одного из разрабатываемых позволяет решить ряд задач:
- изолировать подозреваемого, работа с которым после задержания перспективна с точки зрения заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ);
- обеспечить зашифровку негласных источников информации;
- осуществить оперативно-розыскные мероприятия в изоляторе временного содержания или следственном изоляторе правоохранительных органов в отношении указанного объекта ОРД.

Помимо этого подобная последовательность задержания создает предпосылки для возможности использования оперативно-розыскной информации о неприязненных отношениях внутри преступной группы, часть которой задержана, а другая - на свободе. Кроме того, первичное задержание второстепенного участника преступной группы и последующие следственные действия обеспечивают изобличение организатора и активных участников преступной деятельности.

Склонение одного из участников преступной группы к явке с повинной или добровольному отказу от преступления.

В оперативной разработке участников преступных формирований должны активно использоваться оперативные возможности. Попытки приобретать источники информации среди «авторитетов», лидеров преступной среды, родственников, их криминальных связей довольно часто «не срабатывают», так как нередко среди них появляются двурушники, которые фактически не облегчают, а усложняют выявление и изобличение участников организованных преступных формирований.

Учитывая это обстоятельство, одним из тактических приемов реализации материалов ДОУ может стать склонение одного из участников преступной группы, попавшего в ее состав в силу случайного стечения обстоятельств или стремящегося уклониться от активного участия в преступлении, к явке с повинной (ст. 142 УПК РФ). На подобного рода поведения могут указывать соответствующие внешние признаки, которые могут быть выявлены агентурным методом. Далее определяется, кто будет субъектом данного оперативного мероприятия и как ему воздействовать на указанное лицо, чтобы склонить его к явке с повинной.

Использование этого приема позволяет более оперативно получить фактические данные о преступных действиях объектов ДОУ, надежно зашифровать проводимые оперативно-розыскные мероприятия, в том числе проводимые конфидентом, более эффективно раскрыть совершенное преступление.

В создании условий, способствующих явке с повинной, важную роль могут играть конфиденты или близкие родственники разрабатываемых, пользующиеся у них авторитетом и доверием.

Представляется целесообразным обратить внимание на добровольный отказ от преступления – один из наиболее значимых институтов уголовного права, позволяющий использовать оперативно-розыскные средства и методы для предупреждения и раскрытия преступлений.

Исходя из законодательно закрепленных позиции о понятия добровольного отказа от преступления (ч. 1 ст. 31 УК РФ), оперативному сотруднику необходимо уяснить: признаки добровольного отказа, особенности добровольного отказа соучастников преступления, отграничение добровольного отказа от вынужденного прекращения преступления и деятельного раскаяния, можно ли в целях предотвращения совершения преступления склонить лицо оперативно-розыскными средствами к добровольному отказу от преступления.

Теория оперативно-розыскной деятельности допускает активную и наступательную тактику действий в отношении лиц, подготавливающих или покушающихся на преступление [3, С. 102-105]. Общепризнано, что использование в оперативно-розыскной деятельности института добровольного отказа имеет ряд преимуществ по сравнению с пресечением преступлений, когда процесс совершения преступления останавливается внешним (открытым) воздействием (например, задержанием с поличным).

Отказ от преступления предполагает его осуществление добровольно, без принуждения со стороны других лиц и при отсутствии препятствий для доведения преступления до конца. Вместе с тем инициатива в принятии лицом решения об отказе от продолжения преступления может исходить не только от него самого, но и от членов семьи, родственников, иных близких или любых других лиц, включая лиц, оказывающих содействие оперативно-розыскным органам на конфиденциальной основе.

Использование иных средств и методов.

Использование материалов архивных уголовных дел, а также «мнимых источников», отвлекающих внимание разрабатываемых от конфидента и служащих «завесой» скрывающей его деятельность

При зашифровке истинных источников информации существенную роль играет использование материалов архивных уголовных дел, оформление сообщений, якобы поступающих от администрации исправительных учреждений, из оперативно-розыскных органов по прежнему месту жительства разрабатываемых лиц. Важно использовать конкретную ситуацию, чтобы предлог для запроса в исправительное учреждение или оперативно-розыскному органу или «инициативное» поступление соответствующих сведений были реальны и оправданы логической последовательностью действий инициатора ведения ДОУ.

Наряду с этим оптимальны приемы, где в качестве отвлекающего момента выступают оперативно-технические средства. Например, конфидентом выявлены тайники и иные места хранения предметов и иных объектов, представляющих оперативный интерес и могущих иметь доказательственное значение, которые могут подлежать изъятию в порядке ч. 1 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В этих случаях легендой их обнаружения и изъятия при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий служит применение соответствующих поисковых приборов.

Для зашифровки конфидента могут применяться розыскные собаки. При их помощи можно имитировать отработку следа на месте происшествия; инициировать выявление подозреваемого, представленного для опознания в числе других лиц по запаху, изъятому с места происшествия; легендировать обнаружение различных предметов и иных объектов, полученных при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Для отдельных ситуаций оптимальные приемы, заключающиеся в создании легенд, и подкрепляющих их аргументов, которые заставляют объектов ОРД поверить в то, что разоблачение является либо результатом собственной неосмотрительности либо простой случайности. Например, в этой ситуации легендой может служить «бдительность граждан». С помощью этого приема у разрабатываемых создается впечатление, что они разоблачены на основе сообщения (ано-

нимного письма, телефонного сообщения), поступившего в оперативное подразделение от проявивших бдительность граждан или иным правдоподобным путем.

Список литературы:

[1] Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. – 4-е изд., перераб. и доп. - М.: ИНФРА-М, 2018. С. 409-412; 415-428.

[2] Приказ ФТС РФ, МВД РФ, Минобороны РФ, ФСБ РФ, ФСО РФ, СВР РФ, ФСИН РФ, ФСКН РФ, СК РФ от 27 сентября 2013 года N 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

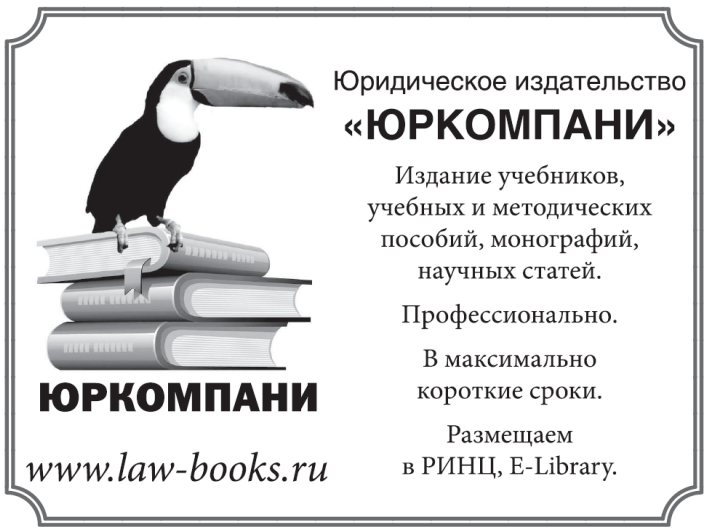
[3] Иванов С.И. О тактических способах действий оперативно-розыскной тактики и оперативно-розыскных операций // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 102-105.

References:

[1] Theory of operational-search activity: textbook/ed. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinsky. - 4th ed., Revised. and add. - M.: INFRA-M, 2018. C. 409-412; 415-428.

[2] Order of the Federal Customs Service of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Ministry of Defense of the Russian Federation, the Federal Security Service of the Russian Federation, the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Federal Security Service of the Russian Federation of September 27, 2013 No. 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 “On Approval of the Instructions on the Procedure submission of the results of operational-search activities to the inquiry body, investigator or court.”

[3] Ivanov S.I. On tactical methods of actions of operational-search tactics and operational-search operations//Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2. S. 102-105.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-204-208

КАРАВАЕВ Евгений Сергеевич,
заместитель начальника кафедры специальных дисциплин
Волгодонского филиала Ростовского юридического
института МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: evgkaravaev@yandex.ru..

ТАРАНИН Михаил Александрович,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России,
майор полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru.
ЧЕНЧИКОВСКИЙ Александр Дмитриевич,
старший преподаватель кафедры физической подготовки
Волгоградской академии МВД России,
e-mail: alzmche@yandex.ru.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛИЦИИ И НАСЕЛЕНИЯ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ И ПОРЯДКА НА МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ

Аннотация. *Статья посвящена анализу взаимодействия органов полиции и гражданского общества в процессе обеспечения общественного порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий. Рассмотрены правовые основы сотрудничества, механизмы реализации совместной деятельности и ее эффективность. Особое внимание уделено роли информационного взаимодействия, воспитательной работе и профилактическим мерам. Выявлены основные проблемы во взаимодействии органов правопорядка и населения, предложены пути их преодоления. Исследование опирается на анализ федерального законодательства, практики деятельности правоохранительных органов и результатов социологических исследований. Результаты работы имеют значение для совершенствования системы взаимодействия правоохранительных органов с общественностью на территории Российской Федерации и повышения качества обслуживания граждан.*

Ключевые слова: *полиция, население, порядок, безопасность, мероприятия, взаимодействие, общественность, профилактика, сотрудничество, правоохрана.*

KARAVAEV Evgeny Sergeevich,
Deputy Head of the Department of Specialized Disciplines
at the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel

TARANIN Mikhail Aleksandrovich,
lecturer of the Department of Special Disciplines
of the Crimean branch of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
police major

CHENCHIKOVSKY Alexander Dmitrievich,
senior lecturer of the Department of Physical Training
of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

INTERACTION BETWEEN THE POLICE AND THE POPULATION IN ENSURING SECURITY AND ORDER AT MASS EVENTS

Annotation. *This article analyzes the interaction between police and civil society in ensuring public order and security during mass events. It examines the legal framework for cooperation, mechanisms for implementing joint activities, and their effectiveness. Particular attention is paid to the role of information exchange, educational work, and preventive measures. The main problems in the interaction between law enforcement agencies and the public are identified, and ways to overcome them are proposed. The study is based on an analysis of federal legislation, law enforcement practices, and the results of sociological research. The results of this work have implications for improving the system of interaction between law enforcement agencies and the public in the Russian Federation and enhancing the quality of public service.*

Key words: *police, population, order, security, events, interaction, public, prevention, cooperation, law enforcement.*

Обеспечение общественного порядка и безопасности граждан при проведении массовых мероприятий является одной из ключевых функций современного государства и его органов внутренних дел, поскольку в условиях развития демократического общества и возрастания роли гражданской активности взаимодействие полиции с населением становится не просто желательным, но необходимым условием эффективного функционирования системы правоохраны. Организация массовых событий, охватывающих спортивные состязания, творческие фестивали, гражданско-политические движения и публичные собрания, предполагает построение сложноорганизованной системы управления, которая базируется на открытости информации и конструктивном взаимодействии государства и граждан.

Избранная тема исследования актуальна по нескольким причинам. Во-первых, процесс демократизации общественной жизни в России сопровождается расширением числа и видов инициатив граждан, требующих безопасного и упорядоченного проведения. Во-вторых, на повестку дня выходят новые вызовы безопасности — международный терроризм, кибернетические преступления, трансграничная преступная деятельность, — которые диктуют необходимость пересмотра стратегии взаимодействия органов правоохраны с обществом. В-третьих, эмпирическая практика убедительно свидетельствует о том, что успех в обеспечении общественного порядка напрямую связан с уровнем социального доверия к полиции и с активностью граждан в содействии предупреждению и пресечению противоправных деяний. В связи с чем, как справедливо отмечает В.В. Шанько, особенности организации действий сотрудников органов внутренних дел при массовых беспорядках требуют комплексного подхода [1].

Правовой фундамент взаимодействия полиции и населения в Российской Федерации базируется на конституционных принципах и нормативно-правовых актах различного уровня. Конституция Российской Федерации, которая является основным законом, признает право граждан на участие в управлении делами государства и подчеркивает обязанность государственных органов уважать и защищать права и свободы человека. В свою очередь Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 года [2] определяет полицию как систему государственных органов исполнительной власти, созданную в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, поддержания общественного порядка и безопасности. Он устанавливает принципы деятельности полиции, включая открытость и взаимодействие с общественностью, что создает правовую основу для развития конструктивного диалога между органами правоохраны и гражданским обществом.

Между тем, механизмы взаимодействия полиции и населения при организации массовых мероприятий включают несколько направлений, таких как предварительное взаимодействие с организаторами мероприятий, которое предусматривает согласование плана безопасности, определение необходимого количества полицейских нарядов, установление маршрутов эвакуации и процедур экстренного реагирования. Организаторы, в свою очередь, несут ответственность за информирование участников о требованиях безопасности и формирование правовой культуры, направленной на предотвращение правонарушений, поскольку создание систем предварительного оповещения граждан о возможных рисках и рекомендациях по безопасному поведению, использование современных средств коммуникации, включая мобильные приложения, социальные сети и традиционные СМИ, позволяет органам полиции оперативно донести до населения важную информацию о чрезвычайных ситуациях или угрозах безопасности. Здесь необходимо отметить, что информационное взаимодействие представляет собой критически важный компонент эффективного обеспечения порядка, поскольку предоставление полицией оперативной информации о развитии ситуации, возможных инцидентах и действиях, которые следует предпринять, повышает уровень осведомленно-

сти граждан и способствует их конструктивному участию в обеспечении собственной безопасности.

Современная полиция все чаще использует инновационные способы взаимодействия с общественностью, таких как, к примеру, создание информационных центров на местах проведения мероприятий, прямые трансляции в социальных сетях и интерактивные платформы для приема информации от граждан, поскольку такие инструменты позволяют не только распространять информацию в одностороннем направлении, но и создавать двусторонний канал коммуникации, через который жители могут сообщать о возникающих проблемах в режиме реального времени.

Еще одним важным направлением взаимодействия полиции и общества при проведении массовых мероприятия несомненно является профилактическая работа и просвещение граждан [3]. В целях профилактики, полиция, совместно с образовательными учреждениями, общественными организациями и структурами гражданского общества, проводит кампании, направленные на формирование уважения к закону и повышение правовой грамотности, специализированные программы обучения волонтеров, которые могут помогать органам полиции при проведении массовых мероприятий, способствуют расширению кадрового потенциала и укреплению доверия между полицией и общественностью. Волонтеры, в свою очередь, являясь членами местного сообщества, могут служить мостом между официальными органами власти и жителями, облегчая коммуникацию и повышая легитимность действий правоохранительных органов в глазах граждан [4].

Другой важный аспект взаимодействия связан с участием общественных организаций и правозащитных объединений в мониторинге действий полиции и защите прав граждан при проведении массовых мероприятий, поскольку присутствие наблюдателей от независимых организаций способствует прозрачности деятельности правоохранительных органов, предотвращает потенциальные злоупотребления и повышает общественное доверие. Здесь необходимо отметить, что организация совместных советов безопасности, на которых представители полиции, органов местного самоуправления, бизнеса и гражданского общества обсуждают стратегию и тактику обеспечения порядка, позволяет учесть интересы различных сторон и выработать согласованный подход.

Однако практика показывает, что существует ряд проблем и вызовов, которые затрудняют эффективное взаимодействие полиции и общества при проведении массовых мероприятий. Первая проблема связана с недостаточным уровнем доверия части населения к органам полиции, что может быть следствием как объективных причин, так и предвзятых представлений, поскольку исторические события, отдельные случаи неправомерного поведения сотрудников и медийное освещение конфликтов между полицией и гражданами создают негативный образ правоохранительных органов в общественном сознании. Вторая проблема заключается в неравномерном распределении информации и различиях в информационной грамотности граждан, что так же может привести к недопониманию и неправильной интерпретации действий полиции. И, наконец, координация деятельности различных структур органов внутренних дел, других правоохранительных органов и органов местного самоуправления, отсутствие которой может привести к дублированию функций или, напротив, к брешам в системе безопасности [5].

Проблема также касается обучения и подготовки полицейских кадров к работе с населением, поскольку недостаточное количество специализированных программ обучения коммуникативным навыкам, психологии конфликта и методам ненасильственного разрешения споров может привести к эскалации конфликтов и ухудшению отношений между полицией и гражданами. Нельзя забывать и про высокий уровень стресса и психологического давления, которому подвергаются сотрудники полиции, находясь на охране общественного порядка на массовых мероприятиях, что может негативно сказаться на качестве их коммуникации с гражданами.

Успешные же примеры взаимодействия полиции и населения наоборот демонстрируют, что комплексный подход, включающий в себя правовую базу, кадровые ресурсы, информационные технологии и социальные программы, может привести к существенному повышению эффективности обеспечения порядка [6]. Муниципалитеты, которые активно развивают диалог между полицией и сообществом, внедряют инновационные технологии и уделяют внимание профилактической работе, демонстрируют сокращение числа правонарушений при массовых мероприятиях и повышение уровня удовлетворенности граждан работой полиции. Укрепление взаимодействия так же требует систематических инвестиций в развитие материально-технической базы органов полиции, повышение заработной платы и социальной защиты сотрудников, а также создание стимулов для высокопрофессиональной работы. Еще отметим, что помимо прочего необходимо развивать базы данных и системы аналитики, позволяющие полиции прогнозировать потенциальные угрозы и принимать упре-

ждающие меры, создавать механизмы обратной связи, через которые граждане могут в доступной форме сообщать о проблемах, высказывать предложения и оценивать качество работы полиции.

Очевидно, что роль технологических инноваций в развитии взаимодействия полиции и общества постоянно возрастает, использование видеонаблюдения, дронов, систем распознавания лиц и анализа видеоданных в режиме реального времени позволяет полиции более эффективно мониторить ситуацию при массовых мероприятиях и быстро реагировать на потенциальные угрозы. Однако нельзя забывать, что внедрение таких технологий требует четкого правового регулирования и обеспечения соответствия требованиям защиты приватности граждан и предполагает тесное взаимодействие с общественностью и правозащитными организациями.

Для улучшения взаимодействия между полицией и обществом так же немаловажно развивать нормативно-правовую базу. По нашему мнению надлежит принять или обновить акты, определяющие порядок сотрудничества правоохранительных органов с гражданами во время массовых мероприятий, поскольку в этих документах необходимо четко закрепить права и обязанности участников, установить механизмы урегулирования конфликтных ситуаций и меры ответственности за допущенные нарушения. Особое внимание здесь требуется уделить обеспечению защиты прав уязвимых категорий граждан — детей, людей с инвалидностью и пожилых лиц — в процессе организации и проведения таких мероприятий.

Международный опыт свидетельствует о том, что эффективное взаимодействие полиции и населения требует культурного сдвига в сознании как полицейского сообщества, так и общественности. Переход от модели, основанной преимущественно на принуждении и реактивных мерах, к модели, в центре которой находится профилактика, партнерство и общая ответственность, является длительным процессом, требующим политической воли и устойчивых инвестиций [7].

Таким образом, мы считаем, что для устранения недочетов в работе правоохранительных органов и повышения эффективности их взаимодействия с населением необходимы следующие направления действий и способы совершенствования:

1. Проведение обучающих программ для сотрудников правоохранительных органов по взаимодействию с населением, включая тренинги по коммуникационным навыкам и разрешению конфликтов.
2. Развитие информационно-просветительской работы среди населения о правилах и порядке проведения массовых мероприятий, а также о роли и функциях правоохранительных органов.
3. Внедрение современных технологий (например, видеонаблюдение, системы распознавания лиц, БПЛА) для обеспечения безопасности на массовых мероприятиях.
4. Установление партнерских отношений между правоохранительными органами и общественными организациями, чтобы совместными усилиями обеспечивать безопасность и порядок на публичных мероприятиях.

Иными словами, можно сделать вывод, что взаимодействие полиции и граждан при обеспечении общественной безопасности на массовых мероприятиях является сложным и многоаспектным процессом, его эффективность определяется рядом факторов — состоянием правового регулирования, уровнем профессиональной подготовки сотрудников, техническим обеспечением и степенью доверия общества к правоохранительным органам. Повышение качества такого взаимодействия требует целостного подхода и согласованных действий государственных институтов и общественных организаций, поскольку достичь устойчивого общественного порядка при сохранении прав и свобод граждан возможно лишь при взаимной ответственности сторон, готовности к открытому диалогу, компромиссам и постоянному совершенствованию форм сотрудничества. Вот почему реализация обозначенных мер будет способствовать росту результативности деятельности полиции, укреплению правовой культуры и развитию партнерских отношений между государством и гражданским обществом.

Список литературы:

[1] Шанько, В. В. Особенности организации действий сотрудников органов внутренних дел при массовых беспорядках / В. В. Шанько, А. С. Курочкин, В. В. Шабаев. – Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – 48 с.

[2] Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Российская газета. 2011. № 25 (8 февр.), № 28 (10 февр.); Парламентская газета. 2011. № 7 (11 февр.); Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

[3] Приказ МВД России от 28 июня 2021 г. № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России» / [Электронный ресурс] / Сайт справочно-правовой системы

ГАРАНТ. – Режим доступа: https://internet.garant.ru/#/document/410618382/.

[4] Ташева Г. Р. Взаимодействие правоохранительных органов с населением в вопросах обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых и иных публичных мероприятий // Право и управление. 2024. №2.

[5] Хажироков В. А. Роль положительного образа сотрудника полиции в обеспечении охраны общественного порядка // Международный научный вестник. 2024. №9.

[6] Ташева Г. Р. Формирование положительного образа сотрудников подразделений, обеспечивающих охрану общественного порядка при проведении публичных и массовых мероприятий // Журнал прикладных исследований. 2024. №3.

[7] Мальцев А. И., Толстых О. В. Особенности обеспечения общественной безопасности при проведении мероприятий, связанных с массовым пребыванием людей // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. №2.

References:

[1] Shanko, V.V. Peculiarities of organizing the actions of employees of the internal affairs bodies during riots/V.V. Shanko, A.S. Kurochkin, V.V. Shabaev. - Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. - 48 s.

[2] Federal Law “On Police” of 07.02.2011 No. 3-FZ//Rossiyskaya Gazeta. 2011. No. 25 (February 8), No. 28 (February 10); Parliamentary newspaper. 2011. No. 7 (February 11); Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. No. 7, Art. 900.

[3] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 28, 2021 No. 495 “On approval of the Instruction on the organization of the official activities of the combat units of the patrol and guard service of the police of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia “/[Electronic resource]/Website of the GARANT reference and legal system. - Access mode: https://internet.garant.ru/ #/document/ 410618382/.

[4] Tasheva G. R. Interaction of law enforcement agencies with the population in matters of ensuring public order and public safety during mass and other public events//Law and management. 2024. №2.

[5] Khazhirokov V. A. The role of a positive image of a police officer in ensuring the protection of public order//International Scientific Bulletin. 2024. №9.

[6] G.R. Tasheva. Formation of a positive image of employees of units ensuring the protection of public order during public and mass events//Journal of Applied Research. 2024. №3.

[7] Maltsev A.I., Tolstykh O.V. Features of ensuring public safety during events related to the mass stay of people//Education. Science. Scientific cadres. 2022. №2.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-209-212

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
кандидат юридических наук,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
доцент кафедры уголовно-процессуального
права и криминалистики юридического факультета
Владимирского юридического института ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: krim33@mail.ru

О СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНА «РАСКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ» В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. *В статье речь идет о содержании термина «раскрытие преступлений». Единое понимание сущности и содержания деятельности по раскрытию преступлений имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Во многом это связано с четким определением круга субъектов, на которые возлагается названная задача, и установлением их компетенции, а также с совершенствованием системы учета и оценки деятельности соответствующих правоохранительных органов.*

Ключевые слова: *раскрытие преступлений, государство, уголовно-процессуальный закон, досудебное производство.*

BAZHANOV Sergey Andreevich
leading researcher,
Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Legal Sciences

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure Law and Criminalistics
of the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE CONTENT OF THE TERM "DISCLOSURE OF CRIMES" IN THE ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

Annotation. *The article deals with the content of the term "disclosure of crimes." A unified understanding of the essence and content of crime detection activities is not only theoretical, but also of great practical importance. This is largely due to a clear definition of the range of subjects assigned to the task and the establishment of their competence, as well as to the improvement of the system of accounting and evaluation of the activities of the relevant law enforcement agencies.*

Key words: *disclosure of crimes, state, criminal procedure law, pre-trial proceedings.*

Названная в заголовке статьи проблема привлекала к себе внимание ученых и практиков с незапамятных времен. Различные аспекты раскрытия преступлений рассматривались в рамках многих отраслей права (уголовное, уголовно-процессуальное право, криминалистика, криминология и др.). Основные положения указанной проблемы нашли отражение в работах В.М. Атмажитова, Р.С. Белкина, В.Г. Боброва, Э.И. Бордиловского, И.И. Карпеца, В.П. Лаврова, А.Г. Лекаря, В.А. Лукашова, А.Ф. Майдыкова, В.А. Михайлова и других авторов [1]. Несмотря на зна-

чительный объем работ в данном направлении, по некоторым вопросам позиции ученых различаются. Так, в частности, не выработано единого понимания термина «раскрытие преступлений», его сущности и содержания. Не рассматривая суждения названных и иных авторов по данной проблеме, отметим, что необходимость приведения всех точек зрения к «общему знаменателю» вызвана рядом причин, в числе которых определяющими являются причины правового характера.

1. Раскрытие преступлений является одной из важнейших задач правоохранительных органов государства. Статистические данные свидетельствуют о том, что ведущая роль в выполнении названной задачи принадлежит органам внутренних дел. Задача «раскрытие преступлений» сформулирована в ряде нормативных правовых актов законодательного уровня, регламентирующих деятельность указанных органов, однако ни в одном из них не раскрывается его содержание.

Одним из основных направлений (считай задачей) деятельности полиции является, в том числе раскрытие преступлений (п. 3 ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О полиции»). В соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст. 2) раскрытие преступлений также является одной из задач органов, уполномоченных государством на осуществление оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Задача «раскрытие преступлений» была также закреплена в Законе РФ «О милиции» (ст. 2). Такая задача включала в себя установление, обнаружение лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших [2, с. 14]. Вместе с тем раскрытие преступлений представляет собой многоплановую задачу, которую в структуре органов внутренних дел призваны решать не только оперативно-розыскные подразделения, но и другие органы и должностные лица, осуществляющие досудебное производство по уголовным делам. Так, не случайно в ранее действовавшем уголовно-процессуальном законе (ст. 3 УПК РСФСР) обязанность раскрытия преступлений была возложена наравне с органами дознания (в систему которых входят и органы, уполномоченные на осуществление ОРД) на прокурора и следователя. В упомянутой статье было указано, что суд, прокурор, следователь и орган дознания обязаны в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию (курсив наш. – Г.Р.).

В связи с этим существовавшее среди отдельных практических работников из числа прокуроров и следователей мнение о том, что раскрытие преступлений – есть обязанность только оперативных работников, является несостоятельным. В равной мере эта задача решалась и другими должностными лицами правоохранительных органов [3, с. 13].

Также в ст. 2 УПК РСФСР было закреплено крайне важное, на наш взгляд, для теории и практики положение, касающееся задач уголовного судопроизводства. Такими задачами в числе других являлись «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден» (курсив наш. – Г.Р.).

В действующем УПК РФ формулировка задач уголовного судопроизводства видоизменена. Обращает на себя внимание тот факт, что сам термин «быстрое и полное раскрытие преступлений» в УПК РФ отсутствует вообще. На наш взгляд, такая позиция законодателя не обеспечивает потребность совершенствования правового обеспечения борьбы с преступностью и не определяет важнейшую функцию органов внутренних дел. В связи с этим заслуживает одобрение предложение некоторых авторов о необходимости дополнения УПК РФ статьей, определяющей содержание понятия «раскрытия преступлений» [4, с. 24].

Поскольку раскрытие преступлений имеет в своей основе не только оперативно-розыскной, но и процессуальный характер, определенный интерес в этом плане представляет содержание ст. 21 УПК РФ. В ч. 1 названной статьи указано, что уголовное преследование от имени государства осуществляют прокурор, а также следователь и дознаватель. В ч. 2 ст. 21 УПК РФ закреплено положение, в соответствии с которым прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления (курсив наш. – Г.Р.). Сравнение изложенных предписаний позволяет заключить, что в число субъектов, осуществляющих уголовное преследование (ч. 2), помимо перечисленных в ч. 1, включены органы дознания [5].

Однако по смыслу УПК РФ (пп. 8, 24 ст. 5) дознание - форма предварительного расследования, осуществляемого дознавателем; органы дознания - государственные органы и должностные лица, уполномоченные осуществлять дознание и другие процессуальные полномочия. Вместе с тем в соответствии со ст. 40 УПК РФ органы

внутренних дел, как органы дознания, наделены полномочиями по осуществлению ОРД. Следовательно, можно сделать вывод о том, что в ст. 21 УПК РФ:

– в числе субъектов, реализующих функцию уголовного преследования, не значатся органы, осуществляющие ОРД;
– отсутствует важнейшие функциональные обязанности должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, по обнаружению самих признаков преступления и установлению лиц, их совершивших, что, по нашему мнению, является основным содержательным элементом в деятельности по раскрытию преступления.

2. Изучение ведомственных нормативных правовых актов МВД России в разрезе обозначенной проблемы показывает, что ни в одном из них, даже в названии которых используется термин «раскрытие» [6], а также регулирующих вопросы учета, в том числе раскрытых преступлений [7], и оценки деятельности органов внутренних дел [8], нет определения понятия «раскрытие преступления». Справедливости ради отметим, что в одном из них (приказ МВД России от 29 декабря 2005 г. № 1070) есть понятие нераскрытого преступления, под которым понимается преступление, производство по уголовному делу, о котором приостановлено по пп. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Однако такая формулировка не вносит ясности в содержание рассматриваемого термина.

Такое положение существовало не всегда. В этом контексте уместно обратиться к опыту прошлых лет и упомянуть «самый продвинутый», по мнению опытных оперативных сотрудников, нормативный документ по вопросам раскрытия преступлений – Положение об основах организации раскрытия преступлений органами внутренних дел [9], в котором давалось определение понятию «раскрытие преступления». Под этим понималась деятельность, направленная на выявление и изобличение преступников, установления всех обстоятельств совершенных преступлений, выявления свидетелей, обнаружение и закрепление доказательств, обеспечение возмещения материального ущерба, выявления обстоятельств, способствующих совершению преступления, в максимально короткий срок с момента обнаружения общественно опасных деяний. Многие положения упомянутого документа не потеряли своей актуальности и в настоящее время. Представляется, что с учетом положительного опыта, в части определения деятельности по раскрытию преступлений, названное определение необходимо взять за основу для разработки современной формулировки рассматриваемого в статье понятия.

В заключении отметим, что вопрос о едином понимании сущности и содержания деятельности по раскрытию преступлений имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Во многом это связано с четким определением круга субъектов, на которые возлагается названная задача, и установлением их компетенции, а также с совершенствованием системы учета и оценки деятельности соответствующих правоохранительных органов.

Список литературы:

[1] Атмажитов В.М. Проблемы взаимодействия аппаратов уголовного розыска с другими службами горрайорганов внутренних дел при раскрытии преступлений: Учеб. пособие. - М.: Академия МВД СССР, 1981; Бордиловский Э.И. Теоретическая основа и организационно-тактические проблемы деятельности органов внутренних дел по выявлению и раскрытию преступлений: Моногр. – М.: Академия управления МВД России, 2008; Лекарь А.Г. Основы организации и тактики раскрытия преступлений аппарата уголовного розыска: Учеб. пособие – Киев, КВШ МВД СССР, 1981; Лукашов В.А. Организация первоначальных оперативно-розыскных мер раскрытия преступлений: Учеб. пособие. - Киев, КВШ МВД СССР, 1981; Лавров В.П., Сидоров В.Е. Расследование преступлений по горячим следам: Учеб. пособие. – М., 1989; Майдыков А.Ф. Организация начальником горрайоргана внутренних дел работы по предупреждению и раскрытию преступлений: Лекция. - М.: Академия МВД СССР, 1987; Михайлов В.А. Организация раскрытия и расследования преступлений // Труды Академии МВД России, 1995. С. 5-19 и др.

[2] Кондрашов Б.П., Соловей Ю.П., Черников В.В. Комментарий к Закону Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-I «О милиции». - 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009.

[3] Научно-практический комментарий к УПК РСФСР / Под ред. В.М. Лебедева, В.П. Божьева. Изд. 2-е – М.: «Спарк», 1997.

[4] Сидоров А.С. К вопросу о понятии и содержании «раскрытия» преступлений // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып.2. - М.: Издательство «Спарк», 2011.

[5] О соотношении оперативно-розыскных и процессуальных аспектов дознания см. подробнее: Морева О.С. Дознание как форма предварительного расследования в современном уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М.: Академия управления МВД России, 2008.

[6] Напр.: приказ Генпрокуратуры РФ, МВД России, ФСБ России и ГТК РФ от 4 ноября 1997 г. № 69/777/425/700 «Об утверждении Инструкции по взаимодействию правоохранительных орга-

нов Российской Федерации при расследовании и раскрытии преступлений, связанных с посягательствами на культурные ценности России», приказ МЧС России и МВД России от 31 марта 2003 г. № 163/208 «О порядке взаимодействия органов управления и подразделений Государственной противопожарной службы МЧС России с органами внутренних дел РФ при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с пожарами», приказ МВД России от 29 апреля 2015 г. № 495 «Об утверждении Инструкции по организации совместной оперативно- служебной деятельности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел» и др.

[7] Напр.: приказ Генпрокуратуры РФ, МВД РФ, МЧС РФ, Минюста РФ, ФСБ РФ, Минэкономики РФ, ФСКН РФ от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений».

[8] В качестве одного из показателей в системе оценки деятельности органов внутренних дел выступает «выявление и раскрытие преступлений» (см. приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов внутренних дел РФ»).

[9] Утверждено приказом МВД СССР от 13 февраля 1979 г. «О мерах по дальнейшему улучшению организации работы органов внутренних дел по раскрытию преступлений».

References:

[1] Atmazhitov V.M. Problems of interaction of the criminal investigation apparatus with other services of the city authorities of internal affairs when solving crimes: Tutorial. - M.: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1981; Bordilovsky E.I. Theoretical basis and organizational and tactical problems of the activities of the internal affairs bodies to identify and solve crimes: Monogr. - M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008; Doctor A.G. Fundamentals of the organization and tactics of solving crimes of the criminal investigation apparatus: Study. Manual - Kyiv, KVSH Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1981; Lukashov V.A. Organization of initial operational-search measures for solving crimes: Study. manual. - Kyiv, KVSH Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1981; Lavrov V.P., Sidorov V.E. Investigation of crimes in hot pursuit: Study. manual. - M., 1989; Maidykov A.F. Organization of work on the prevention and disclosure of crimes by the head of the city administration of internal affairs: Lecture. - M.: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1987; Mikhailov V.A. Organization of disclosure and investigation of crimes//Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1995. S. 5-19, etc.

[2] Kondrashov B.P., Solovey Yu.P., Chernikov V.V. Commentary on the Law of the Russian Federation of April 18, 1991 No. 1026-I “On the Police.” - 6th ed., Revised. and add. - M.: Prospect, 2009.

[3] Scientific and practical commentary on the Code of Criminal Procedure of the RSFSR/Ed. V.M. Lebedeva, V.P. Bozhieva. Ed. 2nd - M.: Spark, 1997.

[4] Sidorov A.S. To the question of the concept and content of “disclosure” of crimes//Bulletin of Criminalistics/Rev. ed. A.G. Filippov. Issue 2. - M.: Spark Publishing House, 2011.

[5] On the correlation of operational-search and procedural aspects of the inquiry, see more details: Moreva O.S. Inquiry as a form of preliminary investigation in modern criminal proceedings: Author. dis.... cand. jurid. sciences. - M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008.

[6] For example: Order of the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of Russia, the FSB of Russia and the State Customs Committee of the Russian Federation of November 4, 1997 No. 69/777/425/700 “On approval of the Instructions for the interaction of law enforcement agencies of the Russian Federation in the investigation and disclosure of crimes, related to encroachments on the cultural values of Russia,” Order of the Ministry of Emergency Situations of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 31, 2003 No. 163/208 “On the procedure for interaction of management bodies and units of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia with the internal affairs bodies of the Russian Federation in the disclosure and investigation of crimes, related to fires,” order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated April 29, 2015 No. 495 “On approval of the Instructions for organizing joint operational and official activities of units of the internal affairs bodies of the Russian Federation in solving crimes and investigating criminal cases,” etc.

[7] For example: Order of the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation, the Ministry of Justice of the Russian Federation, the Ministry of Economy of the Russian Federation, dated December 29, 2005 No. 39/1070/1021/253/780/353/399 “On Unified Accounting of Crimes.”

[8] One of the indicators in the system for assessing the activities of internal affairs bodies is “detection and disclosure of crimes” (see order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated December 31, 2013 No. 1040 “Issues of assessing the activities of territorial internal affairs bodies of the Russian Federation”).

[9] Approved by order of the USSR Ministry of Internal Affairs of February 13, 1979 “On measures to further improve the organization of the work of the internal affairs bodies to solve crimes.”

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-213-216

ОМЕЛИН Виктор Николаевич,
Главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: v.omelin@mail.ru

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ (ЦЕЛИ) ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *В статье проведен анализ назначении (цели) оперативно-розыскной деятельности. Автор отметил противоречия действующей редакции данного термина закрепленного в статье 1 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». На основе проведенного анализа автором предлагается внести изменения в данную норму.*

Ключевые слова: *Оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, назначение (цель) оперативно-розыскной деятельности, обеспечение безопасности.*

OMELIN Victor Nikolaevich,
Chief research scientist of the Scientific research institute
of the Federal service for execution of punishment of Russia,
Doctor of low, Professor

TO THE ISSUE OF APPOINTMENT (PURPOSE) OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

Annotation. *The article analyzes the purpose (goal) of operational investigative activities. The author notes the contradictions in the current version of this term, which is enshrined in Article 1 of Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995, "On Operational Investigative Activities." Based on this analysis, the author proposes changes to this norm.*

Key words: *Operational investigative activities, operational investigative measures, purpose (goal) of operational investigative activities, and ensuring security.*

Согласно толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, синонимом слова «назначение» является понятие «цель» [1, С. 373].

В юридической литературе цель оперативно-розыскной деятельности определяется как осознанный образ прогнозируемого результата, на достижение которого направлено действие (действия) оперативного сотрудника, конфидента и других лиц, участников оперативно-розыскной деятельности [2, С. 11] .

Цели и задачи оперативно-розыскной деятельности выступают важнейшими ориентирами, которые являются установкой для оперативно-розыскных органов и их должностных лиц, направляющей их действия. Достигнутый при этом результат позволяет определить эффективность оперативно-розыскной деятельности.

Цель оперативно-розыскной деятельности нормативно определена в ст. 1 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 04.01.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД), которая содержит так называемую норму-дефиницию, т.е. предписание, направленное на закрепление в обобщающем виде признаков оперативно-розыскной деятельности. Из приведенной дефиниции следует, что целью оперативно-розыскной деятельности как одного из видов государственной правоохранительной деятельности является защита от преступных посягательств таких объектов: а) жизнь, здоровье, прав и свобод человека и гражданина; б) собственность; в) обеспечение безопасности общества и государства. В Законе об ОРД особо подчеркивается, что не допускается осуществление оперативно-розыскной деятельности (ч. 2 ст. 5).

Направляя оперативно-розыскную деятельность на достижение социально полезных целей, законодатель особо выделил жизнь, здоровье, права и свободы человека и гражданина, поставив их на первое место в перечне объектов защиты, что напрямую вытекает из требования статьи 2 Конституции Российской Федерации,

согласно которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью», а также из других статей Конституции (ч. 1 ст. 20; ч. 3 ст. 41; ч. 1 ст. 45).

Под защитой жизни, здоровья человека и гражданина от преступных посягательств следует понимать создание условий, обеспечивающих их неприкосновенность от преступных посягательств и препятствующих совершению любых преступлений против жизни и здоровья человека, а под защитой прав, свобод— создание условий, обеспечивающих охрану прав и свобод личности, предусмотренных Конституцией Российской Федерации и охраняемых законом. Например, за нарушение права на тайну переписки телефонных переговоров почтовых телеграфных и иных сообщений, гарантированного ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации установлена уголовная ответственность по ст. 138 УК РФ; за преступления против свободы установлена уголовная ответственность за похищения человека (ст. 126 УК РФ), торговлю людьми (ст. 127.1 УК РФ).

Защита собственности от преступных посягательств как цель оперативно-розыскной деятельности предполагает обеспечение неприкосновенности собственности, а также создание условий по возмещению материального ущерба, причиненного в результате преступного посягательства на собственность. При этом не имеет значения форма собственности: частная, государственная, муниципальная или иная, поскольку оперативно-розыскной деятельности в одинаковой степени призвана защищать любую из них.

Обеспечение безопасности общества и государства как цель оперативно-розыскной деятельности в свою очередь предполагает необходимость осуществления оперативно-розыскной деятельности для предотвращения внешних и внутренних угроз жизненно важным интересам общества и государства, защиту его конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации.

Вместе с тем представляется, что действующая редакция цели оперативно-розыскной деятельности не в полной мере адекватна сути оперативно-розыскной деятельности как вида деятельности, осуществляемого гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов. Полагаем, что в данном контексте цель оперативно-розыскной деятельности нуждается в определенной корректировке для обретения определенной балансированности и непротиворечивости.

Аргументами в пользу выдвинутого тезиса служат следующие рассуждения. Согласно ч. 2 ст. 7 закона об ОРД законодатель допускает проведение оперативно-розыскных мероприятий в ходе оперативно-проверочной работы, например, для принятия решений о допуске к сведениям, составляющим государственную тайну; допуске к работам, связанным с эксплуатацией объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей, а также для окружающей среды; об установлении или о поддержании с лицом отношений сотрудничества при подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий; по обеспечению безопасности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и др.

Важно подчеркнуть, что объектами оперативно-розыскных мероприятий в данном случае не являются лица, подготавливающие, совершающие или совершившие преступления. Цель проводимых при этом (не всех, а ограниченного круга) оперативно-розыскных мероприятий заключается в гипотетической возможности проверяемых лиц действовать вопреки государственным, служебным и профессиональным интересам, что предполагает повышенные к ним требования.

Часть 3 ст. 7 Закона ОРД допускает проведение оперативно-розыскных мероприятий при наличии соответствующего запроса в области противодействия коррупции, о достоверности и полноте сведений, представляемых лицами, претендующими на замещение определенных в данной норме должностей, соблюдении данными лицами ограничений и запретов, установленных законом.

Кроме того, статья 8.1 Закона об ОРД предусматривает проведение оперативно-розыскных мероприятий в целях определения факта установления иностранным инвестором или группой лиц, в которую входит иностранный инвестор, контроля над хозяйственным обществом, имеющим стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства, а также факта наличия между иностранным инвестором и третьими лицами соглашения и (или) их согласованных действий, направленных на установление такого контроля, которые могут и не носить криминального характера, а преследовать лишь коммерческие интересы.

Из сказанного видно, что оперативно-розыскная деятельность не ограничивается исключительно выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений розыском, а также розыском лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания. В названных нормах Закона об ОРД речь не идет о совершении указанными лицами каких-либо преступных действий.

Хотелось бы обратить внимание еще на одно обстоятельство. Анализ законодательной формулировки цели ОРД показывает, что в один

ряд поставлены такие термины как «защита» и «обеспечение безопасности», что, по нашему мнению, приводит к смешению двух различных (хотя и связанных) видов деятельности. При этом термин «защита» касается физического лица (защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина). Соответственно словосочетание «обеспечение безопасности» отнесено к обществу и государству.

Представляется, что такая позиция нормодателя вызывает определенные сомнения. В соответствии с предписаниями ст. 1 Закона Российской Федерации от 05.03.1992 № 2446-1 (ред. от 26.06.2008) «О безопасности» под безопасностью понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Буквальное толкование этой нормы приводит к мысли, что защищенность (или защита) – это существенный признак понятия безопасности.

Отмечая многозначность термина «безопасность» и анализируя ряд имеющихся в юриспруденции понятий, которые отражают многосторонность феномена безопасности, А.Ю. Епихин дает общее определение безопасности как «конечного состояния», которое «является целью и должно быть результатом защиты» (от любого противоправного посягательства). Продолжая свою мысль, А.Ю. Епихин рассматривает «защиту» как один из способов обеспечения безопасности в различных его видах [3, с. 47]. Представляется, что с приведенной точкой зрения есть все основания согласиться. По нашему мнению, соотношение терминов «защита» и «обеспечение безопасности» можно рассматривать как часть и целое.

В контексте обсуждаемой проблемы следует обратить внимание, что термин «безопасность» вполне правомерно использовать, когда речь идет о безопасности личности. Так, А.С. Прудников определяет безопасность личности как систему внутренних и внешних условий юридического, экономического и иного характера, предотвращающих угрозу неопределенному кругу лиц в целях защиты их жизни и здоровья, прав и свобод, чести и достоинства, неприкосновенности, осуществляемой органами государственной власти и местного самоуправления во взаимодействии с общественными объединениями; его взаимосвязь с правопорядком общественным порядком и общественной безопасностью [4, С. 8].

Дополнительным аргументом в пользу указанного мнения можно отметить положения п. 6 ст. 14 Закона ОРД, который обязывает оперативно-розыскные органы содействовать обеспечению безопасности «своих сотрудников, лиц, оказывающих содействие указанным органам, участников уголовного судопроизводства, а также членов семей и близких указанных лиц от преступных посягательств». Содействие обеспечению безопасности перечисленных лиц заключается в применении всего арсенала оперативно-розыскных средств, направленных на решение этих задач.

Положения анализируемой нормы Закона об ОРД корреспондируются с положениями Федерального закона от 20.04.1995 № 45-ФЗ (ред. от 01.07.2025) «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и Федерального закона от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», которые устанавливают порядок защиты указанной категорий лиц.

Детализация объектов обеспечения безопасности отдельных лиц применительно к оперативно-розыскным органам содержится в законах, закрепляющих правовой статус последних, а также в ведомственных нормативных правовых актах указанных органов. Показательной в данном контексте служит ч. 1 ст. 84 УИК РФ, которая закрепляет задачи оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях: «обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц; …».

Единого подхода к определению личной безопасности осужденных не выработано. Так, А.Г. Упоров определяет обеспечение личной безопасности осужденных как комплекс правовых, управленческих, оперативно-розыскных, тактических и специально-превентивных мероприятий, направленных на предупреждение возможной и устранение явной опасности, угрожающей спокойствию, жизни, здоровью, чести и достоинства лиц, отбывающих уголовные наказания в местах лишения свободы [5, С.46-54].

В юридической литературе по поводу назначения оперативно-розыскной деятельности высказаны различные подходы. Одна из точек зрения сводится к тому, что оперативно–розыскная деятельность осуществляется для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности, для обеспечения государственной, военной, экономической, информационной, экологической и общественной безопасности (ст. 6 проекта Оперативно-разыскного кодекса Российской Федерации) [6].

На наш взгляд, кроме положительных оценок, данное определение назначения оператив-

но-розыскной деятельности имеет дискуссионные моменты. Во-первых, при формулировании данного понятия авторами используются многозначные термины: «защита жизни, здоровья, прав и свобод», «противодействие преступности», «охрана общественного порядка, собственности», «обеспечение …безопасности». Такой подход затрудняет четко определить назначения оперативно-розыскной деятельности, так как отдельные термины, например, противодействие преступности в законодательстве Российской Федерации отсутствует.

Во-вторых, даваемые в литературе толкования указанных терминов (например, защита прав, охрана собственности) не дают оснований для их четкого разграничения и представляют, по мнению отдельных авторов, различные юридические категории [7, С. 123-125; 8, С. 35-39].

В плане сравнительного анализа отметим, что назначение уголовного судопроизводства достигается путем защиты прав и законных интересов, как потерпевших, так и лиц, незаконно и необоснованно обвиненных в совершении преступления (ч. 1ст. 6 УПК РФ). Как видно, законодатель использует только один обобщающий термин «защита» прав и законных интересов указанных участников уголовного судопроизводства.

С учетом сказанного полагаем, что в ст. 1 Закона об ОРД можно предложить трактовку цели оперативно-розыскной деятельности в следующей редакции: «оперативно-розыскная деятельность – вид деятельности, осуществляемый гласно и негласно … в целях обеспечения безопасности личности, общества и государства от преступных посягательств и в иных, предусмотренных законом целях» (курсивом выделены предлагаемые изменения).

О позиции автора по поводу обеспечения безопасности личности, общества и государства говорилось выше. При этом термин «личность» в предлагаемой норме используется как объединяющий понятие «человек» и «гражданин» во взаимосвязи с правами и свободами и не несет какой-либо специалъной понятийной нагрузки.

Как представляется, предлагаемый вариант редакции ст. 1 Закона об ОРД позволяет уйти от отмеченных противоречий существующего текста и более четко определить назначение (цель) оперативно-розыскной деятельности.

Список литературы:

[1] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994. С. 373).

[2] Шумилов А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: Учебник для вузов. – 2-е изд. доп. и перераб. - М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2007. С 11.

[3] Епихин А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004, С. 47.

[4] Прудников А.С. Безопасность личности и ее обеспечение органами внутренних дел (теоретико-правовое исследование): автореф. дис… докт. юрид. наук. М.: ЮИ МВД России. 1999. С. 8.

[5] Упоров А.Г. Правовое обеспечение безопасности осужденных в исправительных учреждениях и особенности его правового регулирования // Вестник Кузбасского института. 2011. С. 46-54.

[6] Луговик В. Ф., Лихарев В. В. Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации: проект / под общ. ред. А. А. Агеева. — Москва : Проспект, 2015.

[7] Смирнов А.П. Соотношение понятий «охрана прав» и «защита прав» // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 123-125.

[8] Герус В.И. Соотношение понятий «охрана» и «защита» права собственности // Современная гуманитарная академия, г. Южно-Сахалинск. № 11. 2014. С. 35-39.

References:

[1] Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. M., 1994. S. 373).

[2] A.Yu. Shumilov. Course of fundamentals of operational-search activity: Textbook for universities. - 2nd ed. add. and revised. - M.: Publishing house Shumilova I.I., 2007. FROM 11.

[3] Epikhin A.Yu. Ensuring personal safety in criminal proceedings. St. Petersburg: Publishing House R. Aslanov “Legal Center Press,” 2004, p. 47.

[4] A. S. Prudnikov. Personal security and its provision by the internal affairs bodies (theoretical and legal study): author’s review. dis... doc. jurid. sciences. M.: YuI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1999. P. 8.

[5] Uporov A.G. Legal support for the safety of convicts in correctional institutions and the specifics of its legal regulation//Bulletin of the Kuzbass Institute. 2011. S. 46-54.

[6] Lugovik V.F., Likharev V.V. Operational Search Code of the Russian Federation: draft/under the general. ed. A. A. Ageeva. - Moscow: Prospect, 2015.

[7] Smirnov A.P. Correlation of the concepts of “protection of rights” and “protection of rights “//Bulletin of Tomsk State University. 2010. № 331. S. 123-125.

[8] Gerus V.I. The relationship between the concepts of “protection” and “protection” of property rights//Modern Humanitarian Academy, Yuzhno-Sakhalinsk. № 11. 2014. S. 35-39.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-217-220

МАСЛОВ Сергей Николаевич,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Волгодонского филиала Ростовского юридического
института МВД России,
e -mail: masliha1@mail.ru

ЩЕРБАКОВА Ирина Владимировна,
кандидат технических наук, доцент,
заведующий кафедрой автоматизации производственных процессов
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический
университет имени Г.Ф. Морозова»,
e-mail: shcherbakovaiv@vglta.vrn.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ В РОССИИ КАК ВАЖНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы формирования имиджа сотрудника полиции в современных условиях. Авторами акцентировано внимание на связи имиджа и профессиональной деятельности сотрудника полиции, а также актуализирована проблема поиска эффективных направлений его формирования и постоянного улучшения.*

Ключевые слова: *имидж, сотрудник полиции, этическое поведение, внешний вид, профессиональная коммуникация, профессиональная компетентность.*

MASLOV Sergey Nikolaevich,
Lecturer at the Department of Tactical and Special Training
of the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

SHCHERBAKOVA Irina Vladimirovna,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Industrial Process Automation,
Voronezh State Forestry Engineering University
named after G.F. Morozov

CURRENT ISSUES OF FORMING THE IMAGE OF A POLICE OFFICER IN RUSSIA AS AN IMPORTANT COMPONENT OF HIS PROFESSIONAL ACTIVITY

Annotation. *The article discusses some topical issues of forming the image of a police officer in modern conditions. The authors focus on the relationship between the image and the professional activities of a police officer, as well as the problem of finding effective ways to form and continuously improve it.*

Key words: *image, police officer, ethical behavior, appearance, professional communication, professional competence.*

Сегодня вряд ли найдется человек в современном обществе, который бы по тому или иному поводу не имел отношения с сотрудниками полиции. Выполняя множество различных задач, полиция круглосуточно находится в постоянном диалоге с гражданами, в связи с чем, она является, безусловно, наиболее социально доступной государственной организацией. Во время реализации реформы МВД в России неоднократно предпринимались попытки сформировать положительный, отвечающий требованиям государства и общества, образ современного полицейского. Особенно наглядно можно проследить результаты работы по форми-

рованию положительного имиджа сотрудника полиции в тех подразделениях, которые непосредственно контактируют с населением. В первую очередь речь идет об участковых уполномоченных полиции и сотрудников патрульно-постовой службы. Следует отметить, что, исходя из анализа многочисленных социологических опросов и публикаций в СМИ, уровень доверия населения к сотрудникам этих подразделений всегда выше, чем к их коллегам из других служб. Поэтому, имидж современного сотрудника полиции является не только визитной карточкой всего МВД, но и значимой составляющей его профессиональной деятельности, от которой зависит безопасность населения страны.

На сегодняшний день имидж сотрудника полиции в значительной степени определяет уровень доверия населения к полиции, а значит и отношение к ней. У населения стран постсоветского пространства, особенно среднего и пожилого возраста произошел частичный перенос стереотипа, который складывался десятилетиями по отношению к сотрудникам милиции на полицейских. Важно подчеркнуть, что перенос положительных тенденций и богатейшего опыта советской милиции, а также его интегрирование в современный облик сотрудника полиции безоговорочно приветствуется и поощряется российским народом, а значит, будет использоваться и в дальнейшем. Правда, следует заметить, что в советском обществе по отношению к милиции присутствовали и элементы определенной идеализации [1], которые, впрочем, были характерны и для других сфер жизни того времени. Существовали и негативные моменты, и устойчивые клише, преодоление которых до сих пор является постоянной, каждодневной задачей сотрудников полиции. После развала СССР произошли определенные изменения имиджа сотрудника милиции, а стремительное развитие российского общества потребовало нового взгляда на указанное явление с учетом современных реалий.

Для достижения целей нашей работы необходимо, в первую очередь определить содержание понятия «имидж сотрудника полиции», выделить его составляющие, а также установить связь между имиджем и профессиональной деятельностью сотрудника полиции современной России. Кроме того, необходимо рассмотреть действенные, по нашему мнению, направления формирования положительного имиджа сотрудника полиции.

Большинство авторов придерживаются мнения, что образ является эквивалентом английского слова «имидж», означающего «образ, представление, изображение». Различные словари и авторы трактует понятие «имидж» как общественное мнение, представление о ком-то, о чем-то; репутацию, образ; а также как образ лица (в частности, его вид и манеру поведения), направленный на формирование общественного мнения или представления о нем [2]. По нашему мнению, имидж стоит рассматривать как целостный, конкретный образ субъекта, который четко воспроизводится в общественном сознании.

Внешний вид (одежда, прическа, аксессуары и атрибуты) является первым фактором, по которому люди создают свое впечатление о личности, в том числе и о сотруднике полиции. Сотрудник полиции при исполнении служебных обязанностей должен иметь опрятный внешний вид, быть в установленной форме одежды. Отсутствие возможности разнообразить свой внешний вид, обоснованное обязанностью ношения форменной одежды и соблюдением установленных нормативно-правовыми актами правил и ограничений, играет свою положительную роль. Форменная одежда вызывает у граждан серьезное отношение к личности сотрудника полиции и совершаемым им действиям, а также уважительное отношение к нему, как к представителю власти. Отсутствие форменной одежды, ее плохое состояние, неаккуратное либо небрежное ношение играют прямо противоположную роль – происходит нарушение восприятия сотрудника полиции как субъекта властных полномочий, накладывается образ обычного гражданина, что, как правило, негативно влияет на выполнение профессиональных функций. Конечно, исключением является выполнение полицейскими оперативных задач, требующих слияния с разными слоями общества и не предусматривает раскрытия личности сотрудника, но, в таком случае, граждане, в большинстве случаев, не идентифицируют его в качестве правоохранителя. Современным трендом, особенно после реформы МВД, стало ношение полицейскими усов и бороды, а также наличие на видимых участках тела татуировок. Учитывая требования сегодняшнего дня, указанные нами и другие особенности внешности прямо не запрещены нормативно-правовыми документами, но все же, воспринимаются населением неоднозначно. К ношению бороды и усов предъявляется требование опрятности и аккуратности.

Следующей важнейшей составляющей имиджа сотрудника полиции является его этическое поведение. Необходимо отметить, что в правовом демократическом государстве этические нормы являются важным регулятором общественной жизни и требовать их исполнения является также одной из функций правоохранительных органов. Исходя из этого, сотрудники полиции сами должны быть образцом этического поведения на службе и в быту. Общие принципы этического поведения сотрудников полиции в РФ

определены в Кодексе этики и служебного поведения сотрудников ОВД [3]. Кодекс является обобщенным собранием профессионально-этических требований относительно правил поведения сотрудников полиции и направлен на формирование высокоморальной личности правоохранителя. Нарушение определенных этических норм является тем первым звеном, за которым могут последовать и более серьезные проступки, включая правонарушения и даже преступления. Актуальной проблемой не только для полиции, но всей системы государственных органов является отсутствие эффективных технологий оценки кадров, на основании которых можно было бы определить этический уровень претендента. Введение высоких стандартов этического поведения среди сотрудников полиции и неукоснительное следование им в служебной деятельности является важным элементом их позитивного имиджа.

Коммуникативность, а точнее, профессиональная коммуникация сотрудника полиции также является неотъемлемой составляющей его имиджа, так как осуществление его служебной деятельности невозможно без общения с гражданами, работниками различных организаций и учреждений и пр. Чтобы сотрудник полиции действовал эффективно в любой ситуации, связанной с общением, он должен обладать целым набором специфических компетенций, включая умение устанавливать психологический контакт с различными категориями граждан, устанавливать с ними доверительные отношения, владеть навыками саморегуляции и соблюдать культуру речи. «Успешность деятельности правоохранителя зависит от многих факторов, одним из которых является умение грамотно и профессионально общаться с окружающими» [4]. Под коммуникативностью обычно понимают свойство личности, как правило, врожденную возможность свободно общаться с людьми, а профессиональную коммуникацию возможно и нужно развивать каждому сотруднику полиции, независимо от его личностных особенностей и характеристик. В настоящее время для этой цели успешно используются разнообразные методики, деловые игры, тренинги, обучающие программы. Профессиональная коммуникативная культура сотрудника полиции является одновременно условием и основанием для его эффективной профессиональной деятельности, показателем профессиональной компетентности и профессионального самосовершенствования. Таким образом, приобретение профессиональных коммуникативных знаний, умений и навыков является обязательным элементом формирования положительного имиджа сотрудника полиции, так как именно в процессе делового общения полицейского и гражданина, последний и создает его образ.

Важнейшим элементом имиджа сотрудника полиции является его профессионализм, который следует рассматривать как сложное, многогранное явление, включающее в себя, прежде всего, соответствие полученной профессиональной подготовки приобретенным компетенциям. «Профессиональная компетентность определяется, прежде всего, как качественная характеристика степени овладения правоохранителем своими профессиональными обязанностями» [5 , с. 257]. Кроме того, большую роль играет внутреннее отношение самого сотрудника полиции к делу, которому он служит.

Исследователи выделяют несколько подходов к профессиональному развитию сотрудников полиции: формальный, то есть нормативно-определенный (профессиональная подготовка, повышение квалификации, специализация, профессиональная служебная и морально-психологическая подготовка по месту службы и т.д.) и неформальный, т.е. нормативно не определенный, например, обмен опытом (как в пределах одного подразделения, так и между подразделениями), саморазвитие в различных формах, участие в различных государственных программах, акциях и т.д. Формирование положительного имиджа сотрудника полиции в российском общественном сознании, на наш взгляд, может быть реализовано с помощью трех основных направлений: информирование, убеждение и изменение поведения.

В связи с тем, что общественное мнение является одними из основных критериев оценки деятельности полиции, необходимо размещать достоверную и правдивую информацию о результатах ее деятельности в средствах массовой информации, при этом следует занимать наступательную позицию в отношении слухов, фейков и иного сфабрикованного негатива, которые, к сожалению, еще имеют место в отечественном информационном пространстве. Открытая информационная политика позволяет информировать профессионально и объективно. Систематическая и планомерная работа в этом направлении определенно приведет к положительному результату, а также будет способствовать улучшению отношений между полицией и обществом, а также формированию положительного имиджа сотрудника полиции.

Убеждение, как направление формирования положительного имиджа полиции, проявляется в действиях сотрудников во время общения с гражданами, проведения разъяснительных и профилактических бесед, выступлений в средствах массовых информации. Граждане во время непосредственного общения с сотрудниками полиции должны быть убеждены в их компетентности и справедливости, готовности в любой

ситуации прийти к ним на помощь. При реализации указанного направления необходимо делать акцент на социальной значимости полиции как правоохранительного органа. И, конечно, формирование положительного имиджа сотрудника полиции невозможно без изменения самосознания и поведения самих полицейских. Достижение такого результата зависит, в первую очередь, от качественного отбора кандидатов при приеме на службу и последующего их сопровождения на всем ее протяжении. Строгое соблюдение требований профессиональной этики и нормативно-определенных стандартов поведения сотрудников полиции, воспитание сотрудников на лучших традициях ОВД и российского патриотизма, примерах мужества и героизма, безусловно, поможет им осознать всю ответственность и важность поставленных перед ними задач, гордиться своей службой, а значит, формировать и улучшать реальный положительный имидж сотрудника полиции в современных условиях.

Таким образом, имидж сотрудника полиции – это комплексное динамическое явление, требующее постоянного развития и совершенствования и необходимое для повышения социального доверия, гармонизации отношений между государством и обществом.

Список литературы:

[1] Погоний А.М. Образ советского милиционера в общественном сознании граждан СССР // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): материалы Международной научно-теоретической конференции молодых исследователей: в 2 т. СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России. 2017. С.137-139.

[2] Панасюк А.Ю. Имидж. Энциклопедический словарь. М.: РИПОЛ классик, 2007. 768 с.

[3] Приказ МВД России от 26.06.2020 № 460 (ред. от 02.05.2023) «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации».

[4] Шувалов А. П. Актуальные вопросы формирования коммуникативной компетентности сотрудников полиции в современных условиях / А. П. Шувалов, С. А. Гречаный, А. В. Фасхутдинова // Закон и право. – 2024. – № 7. – С. 230-234.

[5] Шувалов А. П. Актуальные вопросы формирования психологической компетентности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации в современных условиях / А. П. Шувалов, А. В. Сидоров, А. В. Фасхутдинова // Закон и право. – 2024. – № 4. – С. 255-260.

References:

[1] Pogoniy A.M. Image of a Soviet policeman in the public consciousness of citizens of the USSR// State and law: evolution, current state, development prospects (towards the 300th anniversary of the Russian police): materials of the International Scientific and Theoretical Conference of Young Researchers: in 2 volumes St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. P.137-139.

[2] Panasyuk A.Yu. Image. Encyclopedic Dictionary. M.: RIPOL classic, 2007. 768 p.

[3] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 460 dated 26.06.2020 (as amended 02.05.2023) " On approval of the Code of Ethics and Official Conduct of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation."

[4] Shuvalov A.P. Topical issues of the formation of communicative competence of police officers in modern conditions/A.P. Shuvalov, S.A. Grechany, A.V. Faskhutdinova//Law and Law. – 2024. – № 7. - S. 230-234.

[5] Shuvalov A.P. Topical issues of the formation of psychological competence of an employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation in modern conditions/A.P. Shuvalov, A.V. Sidorov, A.V. Faskhutdinova//Law and Law. – 2024. – № 4. - S. 255-260.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-221-226

БЫКОВА Елена Анатольевна,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Волгодонского филиала Ростовского
юридического института МВД России,
старший лейтенант полиции,
e-mail: alena-bykova-1987@mail.ru

МЕТЛИЦКАЯ Ирина Александровна,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: metelica2011@yandex.ru

МГЕРЯН Давид Мгерович,
старший преподаватель кафедры физической подготовки
Волгоградской академии МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: mgdavid@yandex.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ УГРОЗ

Аннотация. *В статье рассматриваются правовые механизмы формирования информационно-психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в контексте возрастающих киберугроз. Анализируются нормативные основы морально-психологического обеспечения, институционально-правовые инструменты защиты от деструктивного информационно-психологического воздействия и направления совершенствования правового регулирования психологической подготовки в системе МВД России.*

Ключевые слова: *устойчивость, сотрудники, полиция, угрозы, киберпреступность, подготовка, безопасность, право, психология, регулирование.*

BYKOVA Elena Anatolyevna,
Senior Police Lieutenant,
Lecturer in the Specialized Disciplines Department
at the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

METLITSKAYA Irina Aleksandrovna,
Lecturer in the Specialized Disciplines Department
at the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel

MGERYAN David Mgerovich,
Senior Lecturer in the Physical Fitness Department
at the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel

LEGAL BASIS FOR THE FORMATION OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL RESILIENCE OF EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF MODERN INFORMATION THREATS

Annotation. *The article examines legal mechanisms for developing the information and psychological resilience of employees of the internal affairs agencies of the Russian Federation in the context of growing cyber threats. It analyzes the regulatory framework for moral and psychological support, institutional and legal instruments for protection against destructive information and psychological influence, and areas for improving the legal regulation of psychological training in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia*.

Key words: *Resilience, employees, police, threats, cybercrime, training, security, law, psychology, regulation.*

Современный этап развития российской правоохранительной системы характеризуется масштабной трансформацией информационного пространства, определяющей новые вызовы для деятельности органов внутренних дел, поскольку стремительная цифровизация общественных отношений, интенсификация информационных потоков и активизация киберпреступности обусловливают необходимость формирования у сотрудников полиции специфических компетенций, позволяющих эффективно противостоять негативному информационно-психологическому воздействию. Согласно статистике МВД России, количество преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий демонстрирует устойчивую тенденцию к росту, что актуализирует проблему психологической готовности личного состава к выполнению оперативно-служебных задач в условиях информационных угроз [1].

Информационно-психологическая устойчивость сотрудников органов внутренних дел представляет собой интегративное качество личности, обеспечивающее способность противостоять деструктивному воздействию негативной информации, сохранять профессиональную работоспособность и принимать адекватные решения в условиях информационного давления [2]. Формирование данного качества невозможно без прочной юридической базы, определяющей цели, задачи, принципы и механизмы морально-психологического обеспечения деятельности правоохранительных органов. Вот почему правовое регулирование данной сферы осуществляется на различных уровнях нормативной иерархии и включает как общие положения о национальной безопасности, так и специализированные нормы, регламентирующие психологическую подготовку сотрудников МВД России.

Актуальность исследования юридических основ формирования информационно-психологической устойчивости определяется несколькими факторами. Во-первых, современные информационные угрозы приобретают трансграничный характер и требуют адекватного правового ответа со стороны государства. Во-вторых, недостаточная правовая регламентация механизмов психологической защиты сотрудников правоохранительных органов создает пробелы в системе обеспечения их профессиональной безопасности. В-третьих, динамичное развитие информационных технологий опережает темпы совершенствования нормативной базы, что обусловливает необходимость научного осмысления существующих правовых механизмов и выработки предложений по их модернизации.

Нормативно-правовую базу морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации образует система правовых актов различной юридической силы. Базовым документом стратегического планирования здесь выступает Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, которая определяет национальные интересы и стратегические приоритеты в сфере обеспечения безопасности государства [3]. Документ закрепляет необходимость защиты от информационно-психологических угроз и формирования устойчивости личности к деструктивному информационному воздействию как одного из направлений государственной политики в области национальной безопасности.

Важнейшим элементом правовой основы информационной безопасности является Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646, которая представляет собой систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности в информационной сфере [4]. Она идентифицирует основные угрозы информационной безопасности, включая информационно-психологическое воздействие на граждан и должностных лиц, направленное на дестабилизацию общественно-политической ситуации и манипулирование

общественным сознанием. Применительно же к деятельности правоохранительных органов Доктрина актуализирует необходимость обеспечения защищенности информационных ресурсов и психологической готовности сотрудников к противодействию информационным угрозам.

На уровне федерального законодательства правовой статус сотрудников полиции и общие требования к их профессиональной подготовке определяются Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», который закрепляет принципы деятельности полиции, права и обязанности сотрудников, требования к морально-деловым качествам и профессиональной подготовке личного состава. Статья 12 Закона в частности устанавливает обязанность сотрудника полиции совершенствовать свою профессиональную подготовку, что включает в себя формирование психологической устойчивости к стрессовым факторам и негативным информационным воздействиям служебной деятельности.

Специализированное правовое регулирование морально-психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел осуществляется на уровне ведомственных нормативных актов, где ключевым документом до недавнего времени являлся Приказ МВД России от 10.08.2012 № 777 «Об организации морально-психологической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации», который определял цели, порядок организации и критерии оценки морально-психологической подготовки [5]. Согласно данному нормативному акту, морально-психологическая подготовка проводится в целях формирования у сотрудников моральной установки на верность Присяге, личной убежденности в приоритете защиты прав и свобод человека и гражданина, морально-психологической готовности к выполнению оперативно-служебных задач.

Существенное обновление нормативной базы произошло с принятием Приказа МВД России от 27.08.2024 № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» [6], который еще более уточняет понятийный аппарат, определяя морально-психологическое обеспечение как согласованный по целям, задачам и времени процесс формирования у сотрудников профессионально значимых морально-политических, нравственных и психологических качеств, а также достижения и поддержания морально-психологического состояния на уровне, позволяющем успешно выполнять оперативно-служебные задачи в любых условиях обстановки. Положение так же устанавливает систему субъектов морально-психологического обеспечения, включающую руководителей подразделений, психологические службы и специализированные подразделения по работе с личным составом.

Таким образом, анализ действующего законодательства позволяет выделить несколько правовых механизмов формирования информационно-психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел. Первый механизм связан с системой профессионального отбора и психологического тестирования кандидатов на службу в полиции. Правовые нормы здесь устанавливают обязательность проведения психологического обследования на этапе поступления на службу, которое позволяет выявить лиц с недостаточным уровнем стрессоустойчивости и психологической стабильности. Поэтому данный механизм реализует превентивную функцию, обеспечивая первичный барьер против попадания в правоохранительные органы лиц, неспособных противостоять информационно-психологическому давлению.

Второй механизм представлен системой морально-психологической подготовки, осуществляемой в форме плановых занятий, тренингов, практических упражнений и психологического консультирования. Правовое регулирование данного направления определяет обязательность морально-психологической подготовки для всех категорий сотрудников, устанавливает минимальные требования к содержанию и объему подготовки, закрепляет ответственность руководителей за организацию соответствующих мероприятий. Нормативные акты МВД России предусматривают тематику занятий, включающую психологическую подготовку к действиям в экстремальных условиях, формирование навыков саморегуляции эмоционального состояния, развитие критического мышления и способности противостоять информационным манипуляциям.

Третий механизм связан с системой психологического сопровождения оперативно-служебной деятельности, которая включает психологическую диагностику, коррекционно-развивающую работу, психопрофилактику и психологическую реабилитацию. Правовые нормы здесь закрепляют институт психологических служб в структуре органов внутренних дел, определяют их компетенцию, права и обязанности, поскольку их деятельность направлена на мониторинг психологического состояния личного состава, выявление признаков профессиональной деформации и эмоционального выгорания, оказание своевременной психологической помощи сотрудникам, подвергшимся информационно-психологическому воздействию.

Четвертый механизм представлен правовыми средствами защиты информации и информационных систем органов внутренних дел от

несанкционированного доступа и кибератак. Нормативное регулирование информационной безопасности ОВД устанавливает требования к защите служебной информации, определяет режимы допуска к конфиденциальным сведениям, закрепляет ответственность за разглашение служебной тайны [7]. Поскольку обеспечение технической и организационной защиты информации создает объективные условия для формирования психологической уверенности сотрудников в безопасности выполняемой деятельности и снижает риски информационно-психологических атак через компрометацию служебных данных.

Особое значение в контексте формирования информационно-психологической устойчивости приобретает правовое регулирование реагирования на инциденты информационной безопасности и психологической реабилитации сотрудников, пострадавших от деструктивного информационного воздействия. Мы видим, что действующие нормативные акты предусматривают порядок служебного расследования фактов утечки информации, процедуры психологической помощи сотрудникам, подвергшимся информационным атакам или шантажу, механизмы восстановления профессиональной работоспособности после психотравмирующих ситуаций. То есть, очевидно, что данное направление правового регулирования обеспечивает не только превентивную, но и компенсационную функцию правовой защиты психологической устойчивости личного состава.

Совершенствование юридических основ формирования информационно-психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел требует комплексного подхода и реализации мер на различных уровнях правового регулирования. На стратегическом уровне целесообразно разработать и утвердить ведомственную концепцию обеспечения информационно-психологической безопасности сотрудников МВД России, которая определит приоритеты, цели, задачи и механизмы формирования психологической устойчивости личного состава к информационным угрозам. Данная концепция должна учитывать международный опыт, результаты научных исследований и прогнозируемые тенденции развития информационной среды.

На уровне нормативных правовых актов необходимо законодательное закрепление понятия «информационно-психологическая устойчивость сотрудника органов внутренних дел», установление измеримых критериев ее оценки, определение минимальных стандартов психологической подготовки применительно к различным категориям должностей. Представляется целесообразным разработка профессиональных стандартов, включающих требования к уровню информационно-психологической устойчивости для различных направлений оперативно-служебной деятельности с учетом специфики информационных рисков.

Важным направлением совершенствования правового регулирования является усиление правовой защиты сотрудников от информационно-психологических атак путем введения специализированных составов правонарушений и преступлений, предусматривающих ответственность за целенаправленное информационное воздействие на сотрудников правоохранительных органов с целью их психологической дестабилизации, шантажа или склонения к противоправным действиям. Криминализация данных деяний усилит превентивный эффект правовых норм и обеспечит дополнительные гарантии психологической безопасности личного состава.

Необходимо также совершенствование правового регулирования деятельности психологических служб органов внутренних дел, включая установление нормативов штатной численности психологов с учетом количества обслуживаемого личного состава, закрепление социальных гарантий и мер материального стимулирования специалистов-психологов, определение требований к квалификации и обязательному повышению квалификации психологов в области противодействия информационным угрозам. Повышение статуса и улучшение условий деятельности психологических служб будет способствовать привлечению высококвалифицированных специалистов и повышению качества психологического сопровождения сотрудников.

Перспективным направлением является интеграция механизмов формирования информационно-психологической устойчивости в систему профессионального образования сотрудников органов внутренних дел. Правовое регулирование образовательной деятельности в ведомственных образовательных организациях МВД России должно предусматривать обязательное включение в образовательные программы дисциплин и модулей, направленных на формирование компетенций противодействия информационным угрозам, развитие критического мышления, навыков информационной гигиены и цифровой безопасности. Введение соответствующих требований в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования по специальностям правоохранительной направленности обеспечит системность подготовки будущих сотрудников к профессиональной деятельности в условиях информационных угроз.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Юридические основы формирования информацион-

но-психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации представляют собой систему нормативных правовых актов различного уровня, определяющих цели, принципы, механизмы и субъекты морально-психологического обеспечения деятельности правоохранительных органов. Правовое регулирование данной сферы осуществляется на стратегическом уровне (Стратегия национальной безопасности, Доктрина информационной безопасности), уровне федерального законодательства (Федеральный закон «О полиции») и ведомственного нормотворчества (приказы МВД России).

Действующее законодательство устанавливает комплекс правовых механизмов формирования информационно-психологической устойчивости, включающих профессиональный отбор с психологическим тестированием, систему морально-психологической подготовки, психологическое сопровождение оперативно-служебной деятельности и правовую защиту информационных ресурсов. Данные механизмы реализуют превентивную, компенсационную и защитную функции правового обеспечения психологической устойчивости личного состава к информационным угрозам.

Вместе с тем, современное состояние правового регулирования характеризуется рядом проблем, включая недостаточную конкретизацию понятийного аппарата, отставание нормативных предписаний от темпов развития информационных технологий, дефицит ресурсного обеспечения психологических служб, отсутствие специализированных норм об ответственности за информационно-психологические атаки на сотрудников правоохранительных органов. Устранение выявленных недостатков требует комплексной модернизации правовой базы, включающей разработку ведомственной концепции информационно-психологической безопасности, законодательное закрепление стандартов психологической устойчивости, криминализацию деяний, связанных с информационно-психологическим воздействием на сотрудников ОВД, совершенствование правового статуса психологических служб и интеграцию соответствующих компетенций в образовательные программы.

Формирование информационно-психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел является стратегической задачей обеспечения национальной безопасности в условиях возрастающих информационных угроз. Совершенствование юридических основ данного процесса будет способствовать повышению профессиональной защищенности личного состава правоохранительных органов, укреплению правопорядка и обеспечению прав и законных интересов граждан Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Шевченко А. М. Киберпреступность в России: новый вызов для правоохранительных органов // State, Politics and Society. 2021. № 1. С. 24–39.

[2] Шувалов А. В., Васильева О. С. Информационно-психологическая устойчивость сотрудников полиции: определение понятия и концептуально-методологические подходы исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (95). С. 207–215.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 09.02.2026).

[4] Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41460 (дата обращения: 09.02.2026).

[5] Приказ МВД России от 10.08.2012 № 777 «Об организации морально-психологической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» (с изменениями на 29 ноября 2016 года) // Система ГАРАНТ. URL: https://docs.cntd.ru/document/499085564 (дата обращения: 09.02.2026).

[6] Приказ МВД России от 27.08.2024 № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410317459/ (дата обращения: 09.02.2026).

[7] Жамкова К. К. К вопросу о средствах преодоления дезорганизующего воздействия информационных угроз на служебную деятельность сотрудников ОВД // Журнал о ЗОЖ. 2025. № 12. С. 621–627.

[8] Шлома Е. С. Психологическая устойчивость как элемент безопасности личности сотрудника органов внутренних дел // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (71). С. 142–145..

[9] Шевченко А. М., Тимофеев Ю. А. Проблема киберпреступности в России: актуальное состояние и перспективы противодействия // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 12. С. 616–629.

[10] Михайлов Н. В. Особенности морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел // Научный портал МВД России. 2019. № 4 (48). С. 131–136.

References:

[1] Shevchenko A.M. Cybercrime in Russia: a new challenge for law enforcement agencies//State, Politics and Society. 2021. № 1. S. 24-39.

[2] Shuvalov A.V., Vasilyeva O.S. Information and psychological stability of police officers: definition of the concept and conceptual and methodological approaches of research//Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 3 (95). S. 207-215.

[3] Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation "//Official Internet portal of legal information. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/47046 (access date: 09.02.2026).

[4] Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 No. 646 "On approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation "//Official Internet portal of legal information. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41460 (access date: 09.02.2026).

[5] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 10.08.2012 No. 777 "On the organization of moral and psychological training in the internal affairs bodies of the Russian Federation" (as amended on November 29, 2016)//GARANT system. URL: https://docs.cntd.ru/document/499085564 (access date: 09.02.2026).

[6] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 27.08.2024 No. 500 "On approval of the Regulation on the procedure for organizing the moral and psychological support of the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation "// Official Internet portal of legal information. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410317459/ (access date: 09.02.2026).

[7] K. K. Zhamkova On the question of means of overcoming the disorganizing impact of information threats on the official activities of police officers// Magazine on healthy lifestyle. 2025. № 12. S. 621-627.

[8] Shloma E. S. Psychological stability as an element of personal security of an employee of the internal affairs bodies//Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 1 (71). S. 142-145..

[9] Shevchenko A.M., Timofeev Yu. A. The problem of cybercrime in Russia: the current state and prospects for counteraction//Economy, entrepreneurship and law. 2023. T. 13. № 12. PP. 616-629.

[10] Mikhailov N.V. Peculiarities of moral and psychological support of the activities of the internal affairs bodies//Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 4 (48). S. 131-136.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-227-230

ВИГО Светлана Васильевна,
студентка 2 курса магистерской программы
«Юрист в сфере уголовного судопроизводства»,
ВСФ РГУП им. В.М. Лебедева,
e-mail: Svet.nadto4ij@mail.ru

КАЧУРОВА Елизавета Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
ВСФ РГУП им. В.М. Лебедева,
e-mail: kachurova_ls@mail.ru

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. *Защита прав и законных интересов несовершеннолетних является не только конституционно закреплённой обязанностью государства, поскольку несовершеннолетние являются уязвимой социальной группой без соответствующего жизненного опыта, с возрастными особенностями, способными повлиять на когнитивные функции, в том числе при реализации защиты от криминальных факторов. Особенности формирования личности в подростковом возрасте, влияние окружающей среды с различными криминогенными факторами, в которой развивается несовершеннолетний, и другие внешние факторы обуславливают поведенческий аспект подростка, который, в свою очередь, влияет на уровень виктимизации несовершеннолетних, что приводит к тому, что данная социальная группа становится жертвой преступлений.*

В статье проводится комплексный анализ виктимологической характеристики несовершеннолетних жертв преступлений. Особое внимание уделяется социально-психологическим факторам, повышающим риск виктимизации: семейной дисфункции, вовлеченности в асоциальные группы. Исследуется корреляция между предпосылками подростковой виктимизации подростков и последующим виктиным поведением, обуславливающим статус жертвы преступлений.

Методологическую основу исследования составляют статистический анализ данных МВД, а также позиции современных ученых относительно причин виктимизации подростков и основных теоретических подходов определения виктимологической характеристики несовершеннолетних жертв преступлений. Выявлены ключевые виктимогенные детерминанты: низкая правовая грамотность, доверчивость, стремление к рискованному поведению, невозможность противостоять авторитету взрослых граждан.

Практическая значимость работы заключается в разработке структурных элементов виктимологической характеристики несовершеннолетних жертв преступлений, позволяющих разработать механизм профилактики виктимизации – совершенствованию школьных образовательных программ, повышению квалификации педагогов и сотрудников правоохранительных органов, а также созданию условий выявления виктимных симптомов у подростков с целью их ликвидации.

Ключевые слова: *несовершеннолетние жертвы преступлений, виктимизация, виктимологическая характеристика, криминогенные факторы, поведенческий аспект, профилактика виктимизации, преступность, корреляция виктимного поведения.*

VIGO Svetlana Vasilievna,
2nd year student of the master's program
"Lawyer in the field of criminal proceedings",
All-Russian State Unitary Enterprise named after V.M. Lebedev

KACHUROVA Elizaveta Sergeevna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
V.M. Lebedev

ON THE DEFINITION OF VICTIMOLOGICAL CHARACTERISTICS OF JUVENILE VICTIMS OF CRIME

Annotation. *The protection of the rights and legitimate interests of minors is not only a constitutionally enshrined obligation of the state, since minors are a vulnerable social group without relevant life experience, with age characteristics that can affect cognitive functions, including when implementing protection against criminal factors. The characteristics of personality formation in adolescence, the influence of the environment with various criminogenic factors in which the minor develops, and other external factors determine the behavioral aspect of the teenager, which, in turn, affects the level of victimization of minors, which leads to the fact that this social group becomes a victim of crimes.*

The article provides a comprehensive analysis of the victimological characteristics of juvenile victims of crime. Particular attention is paid to socio-psychological factors that increase the risk of victimization: family dysfunction, involvement in asocial groups. The correlation between the prerequisites for adolescent victimization and subsequent victimization behavior, which determines the status of the victim of crimes, is investigated.

The methodological basis of the study is the statistical analysis of the data of the Ministry of Internal Affairs, as well as the positions of modern scientists regarding the causes of victimization of adolescents and the main theoretical approaches to determining the victimological characteristics of juvenile victims of crime. Key victimogenic determinants have been identified: low legal literacy, gullibility, the desire for risky behavior, the inability to resist the authority of adult citizens.

The practical significance of the work lies in the development of structural elements of the victimological characteristics of juvenile victims of crime, which make it possible to develop a mechanism for the prevention of victimization - improving school educational programs, improving the qualifications of teachers and law enforcement officers, as well as creating conditions for detecting victimized symptoms in adolescents in order to eliminate them.

Key words: *juvenile victims of crime, victimization, victimological characterization, criminogenic factors, behavioral aspect, prevention of victimization, crime, correlation of victimization behavior.*

Значение виктимологической характеристики несовершеннолетних жертв преступлений связано, прежде всего, с увеличением числа посягательств в отношении подростков, так, по данным статистики в 2024 году МВД РФ зарегистрировало более 95,8 тысячи преступлений, которые были совершены в отношении несовершеннолетних. При этом наибольшее число зарегистрированных преступлений в отношении несовершеннолетних зафиксировано в 2024 году в Приволжском федеральном округе – более 21 тысячи, в Центральном федеральном округе – 17,2 тысячи, а также в Сибирском федеральном округе – 16 тысяч. За 11 месяцев 2025 года совершено 89,6 тыс. преступлений в отношении несовершеннолетних, что на 1,4% ниже уровня 2024 года. Целью статьи является определение структуры и содержания виктимологической характеристики несовершеннолетних, в связи с чем необходимо рассмотреть, какие научные позиции относительно виктимности подростков есть в современной науке. Стоит отметить, что вопросам виктимности подростков уделяется достаточно большое внимание, однако, мнения относительно предпосылок и последствий виктимизации не имеют единообразия.

Виктимность, в целом, представляет собой потенциальную способность человека стать жертвой преступного посягательства в силу собственных физических и моральных личных качеств [1, с. 14]. Являясь уязвимой социальной группой, несовершеннолетние априори обладают высокой виктимностью, однако, в контексте индивидуальных особенностей, виктимность несовершеннолетних имеет специфические.

Здесь стоит отметить, что понятие «жертва» не используется в рамках уголовного права и уголовного процесса. Вместе с тем, как отмечают С.С. Босхолов и Е.С. Качурова, «понятие «жертвы» преступлений шире уголовно-правового и уголовно-процессуального определения «потерпевший», но использование в рамках изучения виктимологии обоих терминов, не препятствует полноценному исследованию виктимологической характеристики преступности и может употребляться как синонимы» [1, с. 28]. Таким образом,

жертвой следует считать человека, который понес физический, моральный или имущественный ущерб не только от действий других лиц, но и, нередко, от собственного поведения.

Представляется, что виктимность несовершеннолетних заключается не только в том, что преступное посягательство совершается непосредственно в отношении несовершеннолетних. Высокая виктимность отражается в вовлечении несовершеннолетних в совершении преступлений и антиобщественную деятельность.

Вовлечение несовершеннолетнего в антиправовые действия предполагает совершение действий, направленных на формирование у несовершеннолетнего желания совершить преступления или иные действия, негативно влияющие на несовершеннолетнего. Например, алкогольная зависимость, наркомания и другие вредные привычки становятся следствием вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественные действия. Общественная опасность такого вовлечения заключается в том, что фактически действия, которые образуют вовлечение, представляют собой изменение взглядов, мировоззрения и в целом личности подростка. В таких уголовных дела несовершеннолетний является потерпевшим, поэтому, можно утверждать, что при совершении несовершеннолетним противоправных и антиобщественных действий, подросток является жертвой.

Причина статуса жертвы среди несовершеннолетних – не до конца сформировавшиеся психические и личностные особенности, влияющие на способность противостоять незаконным, противоправным действиям в отношении них и с их участием. Любая личность формируется индивидуально, не существует определенных критериев времени и конкретных черт, которые обуславливают развитие психики и становление личности. Вместе с тем, на такое развитие оказывают влияние семья, социум, аспекты воспитания, окружение.

Воспитательный процесс детей – объемное понятие, предполагающее участие не только семьи, но и образовательных учреждений в процессе воспитания ребенка. Как правило, любое образовательное учреждение проводит различные профилактические мероприятия, нацеленные на формирование социально-активного правомерного поведения.

Значение виктимологии несовершеннолетних заключается в том, что виктмология данной социальной группы отражает перспективу виктимности общества. Рост виктимности несовершеннолетних свидетельствует о неблагоприятных виктимогенных социальных процессах, происходящих в обществе.

Итак, структуру виктимологической характеристики несовершеннолетних можно определить следующим образом:

1. Социально-демографические критерии (пол, возраст, семья, образование, место жительства).
2. Нравственно-психологические (уровень интеллектуального развития, подверженность внешнему влиянию, волевые и эмоциональные свойства, моральные и нравственные принципы, состояние психического здоровья, ценности).

Как отмечает К.В. Вишневецкий, «в генезисе виктимного поведения несовершеннолетних существенную роль играет неадекватное реагирование воспитателей на предвиктимные отклонения. К симптомам виктимизации подростка относятся: курение, употребление спиртного, прогул школьных занятий и уход из школы вовсе, употребление наркотических средств, дружеские взаимоотношения с нарушителями правопорядка, ранние половые связи, уход из дома, бродяжничество» [2, с. 94]. Перечисленные автором симптомы виктимизации, как представляется, являются не только предвиктимным отклонением, но и фактическими признаками антиобщественной деятельности несовершеннолетнего. Иными словами, такие признаки виктимизации отражают действующий процесс изменения личности подростка в сторону антиобщественного поведения.

В этой связи важно определить предпосылки к статусу жертвы у несовершеннолетних. Такими предпосылками являются как черты характера, так и определенный жизненный опыт подростка. Вместе с тем, представляется, что наибольшее значение в виктимологических особенностях несовершеннолетнего занимает психика. Индивидуальные психические особенности формируют поведенческий аспект подростка, а также его реакцию на противоправное поведение в целом.

Наиболее активно выраженными психофизиологическими особенностями возраста несовершеннолетия являются излишняя доверчивость. Подросток, находясь в среде авторитетности взрослых, не всегда способен определить правомерность действий взрослого, а также не способен в силу физических особенностей противостоять взрослому. Здесь также следует учитывать физиологические особенности подростка, в силу которых он не способен противостоять более сильному взрослому.

М.В. Талан и А.Д. Идиятуллов отмечают, что «к факторам, способствующим повышенной виктимности потерпевшего следует отнести подверженность постороннему влиянию, неосмотрительность, заниженную самооценку, неумение

правильно оценить жизненную ситуацию, недостаточное осмысление происходящего, отсутствие адекватного видения ситуации, пренебрежительное отношение к собственной безопасности, низкий уровень правосознания, неспособность своевременно принять должные меры по нейтрализации конфликтной внутрисемейной обстановки» [4, с. 355]. Как видно, авторы акцентируют на внутрисемейные обстановки несовершеннолетнего, и, здесь нельзя не согласиться, поскольку семья определяет отношение подростка к окружающему миру. Например, если в неблагополучной семье нормализованы вредные привычки (употребление алкоголя, запрещенных веществ, курение), физическое насилие, отсутствуют традиционные ценности, то и подросток воспринимает такие факторы как свою реальность, в связи с чем высока вероятность, что подобные антиобщественные факторы не вызовут у подростка отрицательной реакции. Не найдя понимания в кругу семьи, подростки убегают из дома, оказываются на улице, где их быстро привлекают в криминальный мир.

Как отмечает Ю.В. Зырянова, «причинами насилия в семье в отношении несовершеннолетних на групповом уровне являются деформации нравственного сознания в сфере семейно-бытовых, досуговых и межличностных отношений, самооценки и самосознания, деформации правосознания, проявляющиеся в сочетании определенных антисоциальных убеждений, установок, стереотипов, на базе которых формируется криминогенная (в данном случае агрессивно-насильственная) мотивация» [3, с. 26]. Нездоровые семейные отношения в целом представляют собой проблему комплексного характера, в которой жертвами также зачастую выступают женщины. Нередки случаи и перехода, и женщин, и детей из позиции жертвы в позицию преступника.

Таким образом, виктимологическая характеристика несовершеннолетних включает в себя возрастные и психологические особенности – тотальное доверие взрослым, их авторитетность для несовершеннолетнего; эмоциональная незрелость; любопытство; беспомощность; физическая несостоятельность по отношению к взрослым. Также имеют место психические расстройства и низкий уровень интеллектуального развития. Не менее важным элементом виктимологической характеристики несовершеннолетних является семейная обстановка – безнадзорность, низкий уровень эмоционального интеллекта внутри семьи; конфликты между родителями; асоциальный образ родителей; жестокость. Кроме того, при виктимологической характеристике несовершеннолетних следует учитывать социальную обстановку – низкий уровень образования; снижение значения общечеловеческих ценностей; экономическая и политическая нестабильность; некачественное образование и воспитание; доступность противоправной и антиобщественной информации; неблагополучное окружение.

Кроме того, в виктимологической характеристике подростка особое значение играют предпосылки к его виктимизации, которые при своевременном обнаружении возможно устранить. Вместе с тем, такие предпосылки выступают в качестве проявления низко нравственного поведения подростка. Это – курение, употребление алкоголя и запрещенных веществ; ранние половые связи; пренебрежительное отношение к образованию и семье; интерес к культуре криминального мира.

Список литературы:

[1] Босхолов С.С., Качурова Е.С. Основы криминологической виктимологии: учебное пособие / С.С. Босхолова, Е.С. Качурова. – Иркутск: Иркут. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. – 78 с.

[2] Вишневецкий К.В. Виктимологическая характеристика несовершеннолетних / К.В. Вишневецкий // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 21. – 93-95.

[3] Зырянова Ю.В. Криминологическая характеристика насилия в отношении несовершеннолетних членов семьи и его предупреждение (по материалам Южно-Сибирского региона): автореф. дисс. канд. юрид. наук: 12.00.08: уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Ю.В. Зырянова. – Абакан, 2017. – 35 с.

[4] Талан М.В., Идиятуллов А.Д. Виктимологическая характеристика и предупреждение криминального суицида несовершеннолетнего / М.В. Талан, А.Д. Идиятуллов // Виктимология. – 2023. – № 10 (3). – 348-361.

References:

[1] Boskholov S.S., Kachurova E.S. Fundamentals of criminological victimology: a textbook/S.S. Boskholova, E.S. Kachurova. - Irkutsk: Irkut. Institute (branch) of VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2019. - 78 s.

[2] Vishnevetsky K.V. Victimological characteristics of minors/K.V. Vishnevetsky//Theory and practice of social development. – 2015. – № 21. – 93-95.

[3] Yu.V. Zyryanova. Criminological characterization of violence against underage family members and its prevention (based on materials from the South Siberian region): abstract. diss. cand. jurid. Sciences: 12.00.08: criminal law and criminology; penal law/ Yu.V. Zyryanova. - Abakan, 2017. - 35 s.

[4] Talan M.V., Idiyatullov A.D. Victimological characterization and prevention of criminal suicide of a minor/M.V. Talan, A.D. Idiyatullov//Victimology. – 2023. – № 10 (3). – 348-361.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-231-234

КУНЦ Елена Владимировна,
главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, e-mail: 73kuntc@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ПОДГОТОВКИ ОСВОБОЖДАЕМЫХ

Аннотация. *Изучение осужденных проводится на протяжении всего периода пребывания в исправительном учреждении для того, чтобы понять, как идет процесс их развития, исправления. Данные знания позволяют определить направления подготовительной работы к их освобождению. В этом процессе, особая роль отводится правовой подготовке освобождаемых, что было положено в основу настоящей статьи.*

Ключевые слова: *исправительное учреждение, освобождаемый, осужденный, правовая подготовка, наказание, судимость, трудоустройство*.

KUNTS Elena Vladimirovna,
Chief Researcher, Department for the Development of Methodologies for the Execution of Sentences Involving Deprivation of Liberty and the Study of Penitentiary Crime, Center for the Study of Security in Institutions of the Penitentiary System, Federal State Budgetary Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor

SOME ASPECTS OF LEGAL TRAINING OF RELEASED PERSONS

Annotation. *Convicts are studied throughout their entire stay in a correctional facility to understand their development and rehabilitation. This knowledge allows us to determine the areas of preparatory work for their release. In this process, the legal training of those released plays a special role, which forms the basis of this article.*

Key words: *correctional facility, releasee, convict, legal training, punishment, criminal record, employment.*

Закрепленная в действующем уголовно законе цель уголовного наказания – исправление осужденного лица являет собой определенную взаимосвязь с аналогичной целью, которая закреплена в действующем УИК РФ, иными словами, является ее системным фундаментом [1, с. 214].

С. Х. Шамсунов подчеркивает нравственно-духовные основы осуществления воспитания осужденных лиц, по его мнению, именно им отведена ведущая роль в достижении цели исправления осужденного [2, с. 29].

Не важно, достигнута или нет цель уголовного наказания, осужденные, освобождаясь из исправительных учреждений по отбытии срока наказания или условно-досрочно, оказываются в условиях полной свободы выбора поведения. Совершение преступления является следствием неблагоприятных жизненных условий и недостаточного развития конкретного преступника [3, с. 140].

В той ситуации, освобожденное лицо, сталкивается с различного рода сложностями. С целью облегчения осужденному перейти к жизни после освобождения, необходимо постепенно готовить как к самому факту освобождения, так и к решению тех вопросов, с которыми придется встречаться после освобождения.

Повышение качества, результативность находятся в прямой зависимости от того,

насколько глубоко каждый сотрудник учреждения уголовно-исполнительной системы осознает существо стоящих перед ним задач, путей и методов их осуществления [4, с. 136].

Правовая подготовка осужденных к освобождению, формирование в их сознании готовности к решению необходимых жизненных вопросов, еще не дает полной гарантии в том, что они после освобождения они смогут сами решать эти вопросы. Им необходима определенная помощь, которая должна быть оказана помощь в социализации, ибо эти проблемы создают наибольшие трудности в закреплении результатов исправительного воздействия, освобожденных из мест лишения свободы.

На основе результатов анализа и обобщения практического опыта исправления строится организация и система работы с осужденными [5, с. 140].

Как показывает практика исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы, в период подготовки осужденного к освобождению, выясняется, какие он имеет производственные специальности, где их приобрел и стаж работы по этим специальностям, чем планирует заниматься после освобождения, есть ли уверенность в поступлении на эту работу, постоянное место жительства и сохранились ли родственные связи.

В настоящее время в учреждениях уголовно-исполнительной системы термин «правовая подготовка осужденных к освобождению» практически не употребляется, эта работа проводится начальниками отрядов в числе других мероприятий по подготовке осужденных, подлежащих в ближайшее время освобождению.

Результаты анкетного опроса, осужденных лиц мужского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях общего режима, выявили, что у 10% осужденных после освобождения могут возникнуть трудности с наличием жилья после освобождения (*таб. №1*).

Таблица №1. Наличие жилья для проживания после освобождения (Здесь и далее данные ФСИН России на 01.01.2023)

да	90,31%
нет	3,97%
нет сведений	5,72%

Во время отбывания наказания начальниками отрядов проводятся мероприятий и по подготовке к трудовому, жилищному и бытовому устройству лиц, подлежащих в ближайшее время освобождению. Результаты анкетирования также выявили не вполне радужные показатели (*таб. №2*).

Таблица №2. Возможность появления трудностей в трудоустройстве

да	16,25%
нет	63,50%
затрудняется ответить	20,25%

Таблица №3. Пользовался ли правом подачи (направления) жалоб в 2022 году

Нет	88,64%
да, подавал (направлял) жалобу один раз	5,63%
два раза	1,90%
три раза и более	3,82%

Таким образом, подготовка осужденных к освобождению ведется с определенными сложностями, хотя следует отметить, что начальниками отрядов исправительных учреждений накоплен солидный опыт, который может быть использован в отношении других категорий осужденных.

В настоящее время выработан ряд рекомендаций по процедуре освобождения осужденных из исправительного учреждения. Одной из них является рекомендация о необходимости проведения начальником исправительного учреждения беседы с освобождающимся из него. Перед освобождением из исправительного учреждения начальник исправительного учреждения беседует с каждым осуждённым [6, с. 32].

Отдельным направлением работы должна стать правовая подготовка к освобождению, которая возникает вследствие необходимости решения многих вопросов, которые не были столь важны для осужденного во время пребывания в исправительном учреждении.

Правовые знания освобожденными установленного законом порядка разрешения важных вопросов, позволит избежать возможность, их разрешения незаконным способом, гарантировать требуемое поведние и способствовать закреплению полученных положительных результатов их исправления.

Правовая подготовка должна быть направлена на получение осужденными знаний, необходимых при решении вопросов трудового и бытового устройства. Освобождаемые должны знать правовые последствия судимости и связанные с нею ограничения, порядок погашения и снятия судимости и порядок снятия указанных ограничений; порядок получения документа, удостоверяющего личность и регистрации; порядок поступления на работу и иные социальные права.

Особо тщательно должны проводиться индивидуальные и групповые беседы с осужденными, не имеющими ясных жизненных планов. При проведении бесед следует указывать отдельным освобождаемым, на имеющиеся проблемы у осужденного, формулировать рекомендации для их устранения.

Хороший исправительный результат наступает тогда, когда осужденные являются не пассивными слушателями, а активными участниками обсуждения вопросов предстоящей жизни после освобождения из мест лишения свободы. Здесь можно определить характер намерений осужденного о том, с чем он встретится после отбытия наказания, умение правильно ориентироваться в сложных жизненных ситуациях, принимать основанные на законе решения.

С этой целью, необходимо проведение занятий с освобождаемыми занятий по правовой тематике, учитывающей различные аспекты применения нормативно-правовых актов, с которыми сталкиваются освобожденные с первых дней пребывания на свободе; проведение среди осужденных в отрядах бесед, в ходе которых сотрудники правоохранительных органов помогут осужденным, готовящихся к освобождению; использовать информацию о возможности трудоустройства; помощь в подборе соответствующей справочной и юридической литературы с целью предоставления возможности для самостоятельных занятий в первую очередь лицам, готовящимся к освобождению.

Таким образом, правовая подготовка осужденного к освобождению представляет собой сложный творческий процесс. Успех этой работы во многом зависит от всестороннего знания начальником отряда личности осужденного, следовательно, при проведении такой работы с осужденными, он должен знать особенности каждого осужденного.

Список литературы:

[1] Зубкова В. И. Исправление осужденных: реальность и ожидание перемен // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития : сб. материалов круглого стола, посвященного памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации О. В. Филимонова. М. : ИД «Юриспруденция», 2014. С. 124–128.

[2] Шамсунов С. Х. Теоретические аспекты проблемы социализации личности осужденного к лишению свободы на современном этапе развития российской пенитенциарной системы // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики. М., 2004. С. 29–33.

[3] Кунц Е. В. Цели ресоциализации осужденных: взгляд в XXI веке // Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы : Сборник научных трудов международной научно-практической конференции, Владимир, 05–06 июня 2025 года. – Владимир: Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2025. – С. 140-144.

[4] Кунц Е. В. Исправление осужденных как условие предупреждения рецидива // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации : Сборник материалов международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Вологда, 05–06 декабря 2024 года. – Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2025. – С. 135-139.

[5] Голубовский В. Ю. Методы воздействия на осужденных // XI педагогические чтения, посвященные памяти профессора С.И. Злобина : Сборник материалов, Пермь, 01–03 октября 2025 года. – Пермь: Пермский институт ФСИН России, 2025. – С. 140-142. – EDN TOWLJU. С. 140.

[6] Голубовский В. Ю. Повышение эффективности взаимодействия исправительного учреждения и органов внутренних дел // Актуальные проблемы организации деятельности органов и учреждений УИС : Межвузовская научно-практическая конференция, посвященная памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А.И. Зубкова и Дню российской науки, Рязань, 07 февраля 2025 года. – Рязань: Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2025. – С. 32-36.

References:

[1] Zubkova V.I. Correction of convicts: reality and expectation of changes//Criminal executive policy, legislation and law: current state and development prospects: Sat. materials of a round table dedicated to the memory of O. V. Filimonov, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation. M.: Publishing House “Jurisprudence,” 2014. S. 124-128.

[2] Shamsunov S. Kh. Theoretical aspects of the problem of socialization of the personality of a convict to imprisonment at the current stage of development of the Russian penitentiary system// Actual problems of penitentiary science and practice. M., 2004. S. 29-33.

[3] Kunts E.V. The goals of resocialization of convicts: a view in the 21st century//Penitentiary and post-penitentiary resocialization of convicts: problems and prospects: Collection of scientific works of an international scientific and practical conference, Vladimir, June 05-06, 2025. - Vladimir: Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2025. - S. 140-144.

[4] Kunts E.V. Correction of convicts as a condition for preventing relapse//The penitentiary system of Russia in the modern conditions of the development of society: from the paradigm of punishment to correction and resocialization: Collection of materials of the international scientific and practical conference. In 2 parts, Vologda, December 05-06, 2024. - Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2025. - S. 135-139.

[5] Golubovsky V. Yu. Methods of influencing convicts//XI pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S.I. Zlobin: Collection of materials, Perm, October 01-03, 2025. - Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2025. - S. 140-142. – EDN TOWLJU. S. 140.

[6] Golubovsky V. Yu. Increasing the efficiency of interaction between the correctional institution and the internal affairs bodies//Actual problems of organizing the activities of bodies and institutions of the penal system: Interuniversity scientific and practical conference dedicated to the memory of Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Law, Professor A.I. Zubkov and the Day of Russian Science, Ryazan, February 07, 2025. - Ryazan: Federal State Educational Institution of Higher Education Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2025. - S. 32-36.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-235-241

КАШКИНА Екатерина Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и
правоохранительной деятельности Юридического института
РУТ (МИИТ),
e-mail: 000049@bk.ru

ПСИХОЛОГИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДЕ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема межличностных отношений в среде осужденных. Деформация общения осужденных возникает под влиянием изоляции, стереотипизации восприятия лиц, обладающих криминальным профессионализмом. Криминогенное общение в среде осужденных - это особый вид их общения, который возникает в результате проявления деформации этого явления в местах лишения свободы.*

Ключевые слова: *межличностные отношения, осужденные, конфликт, исправительное учреждение, криминализация.*

KASHKINA Ekaterina Valeryevna,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor Leading researcher
of the Federal Scientific Research Institute
of the Federal Penal Correction Service of Russia
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure, and Law Enforcement
at the Law Institute of RUT (MIIT)

PSYCHOLOGY OF INTERPERSONAL RELATIONS AMONG CONVICTS

Annotation. *The article examines the problem of interpersonal relationships among convicts. The deformation of communication between convicts occurs under the influence of isolation, stereotyping the perception of persons with criminal professionalism. Criminogenic communication among convicts is a special type of their communication, which arises as a result of the manifestation of the deformation of this phenomenon in places of deprivation of liberty.*

Key words: *interpersonal relations, convicts, conflict, correctional institution, criminalization.*

Межличностные отношения в среде осужденных представляет собой определенную сформировавшуюся субкультуру. Субкультура связана не просто с особенностями общения преступников, а с самостоятельным его видом, качественно отличающимся от всех других видов, – криминогенным.

Деформация общения осужденных возникает под влиянием изоляции, стереотипизации восприятия лиц, обладающих криминальным профессионализмом. Криминогенное общение, обусловленное преступной деятельностью, – это особый вид общения, который возникает в результате проявления деформации общения в местах лишения свободы. Оно характеризуется повышенной стрессогенностью, конфликтностью, жесткой ролевой заданностью и конспиративностью, используется для установления недозволенных связей, обмена преступным опытом, создания предпосылок, подготовки, маскировки умышленных преступлений посредством психического (информационного) насилия, а также для снятия эмоционального напряжения путем интерагрессии и аутоагрессии (А.Н. Сухов, 1993).

Криминогенное общение – результат социально-психологической адаптации к условиям исправительных учреждений и субкультуре, существующей в них («другой жизни»), тюремным

традициям и обычаям. Результаты проведенных А.Н. Суховым исследований криминогенного общения позволили выделить разновидности деформации общения осужденных:

- изоляционную, возникающую в связи с фрустрацией, режимными ограничениями, проявляющуюся в стрессогенности общения, агрессивности и криминогенности;
- нравственную, являющуюся следствием негативных стереотипов восприятия, из-за чего взаимодействие между осужденными приобретает характер отчуждения;
- криминальную, образующуюся вследствие преступной деятельности лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, обмена преступным опытом.

Деформация общения в среде осужденных затрагивает изменение всех его компонентов: информационного, перцептивного, интеракционного.

Критериальные признаки криминогенного общения осужденных следующие: антиобщественная направленность недозволенных связей и содержания сообщений; сфера действий; стрессогенность; повышенная конфликтность; жесткий нормативно-ролевой характер; организующая роль в приготовлении групповых преступлений; специфика приемов изучения членов групп и каналов связи, конспиративность; использование условных речевых и неречевых средств - связи; эмоциональность (экспрессия психологического воздействия) и др. Возникновение криминогенного общения в среде осужденных во многом связано с деформацией должностного общения работников колоний с осужденными. В связи с этим возникает необходимость формирования профессионально грамотного общения сотрудников исправительно-трудовых учреждений с осужденными. Однако криминогенное общение в среде осужденных так и не стало предметом специального исследования.

Концептуальная не разработанность данной проблемы, её практическая значимость для обоснования путей перестройки деятельности исправительно-трудовых учреждений обусловили выбор темы диссертационного исследования.

В качестве объекта исследования выступает система общения в среде осужденных мужского пола, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Что же касается предмета изучения, то им в данном случае является криминогенное проявление деформации межличностного, группового и массового общения осужденных мужского, отбывающих наказание в исправительно-трудовых учреждениях всех видов режима, за исключением колоний, где отбывают наказание несовершеннолетние и совершившие преступления по неосторожности.

Криминогенное общение используется для обмена преступным опытом, создания предпосылок, приготовления, маскировки и совершения преступлений с помощью психологического воздействия. Криминогенное общение осужденных есть проявление деформации этого социально-психологического явления в особых условиях отбывания наказания в местах лишения свободы. Деформация общения осужденных возникает под влиянием изоляции, стереотипизации восприятия лиц, обладающих криминальным профессионализмом, нарушений должностного общения сотрудников учреждений ФСИН России. Между криминогенным общением и преступной деятельностью существует взаимосвязь.

В процессе психофизиологической адаптации осужденных к условиям отбывания уголовного наказания может возникать изоляционная деформация их общения, что приводит к его стрессогенности и проявляется в интер или аутоагрессии.

Нравственная деформация общения осужденных возникает в силу негативного содержания их стереотипов восприятия я находит выражение в насилии. Криминальная деформация общения определяется необходимостью маскировка преступной деятельности, страхом и боязнью разоблачения, попыткой субъекта уйти от ответственности.

Криминальные конфликты могут возникать в процессе социально-психологической адаптации осужденных к среде в силу деформации их общения. Между ролевые конфликты неизбежны между активистами и нарушителями режима, а также в процессе самоутверждения новичков среди отрицательной части и в ходе их принудительной адаптации к малым отрицательным группам осужденных.

Межличностные конфликты - наиболее существенный признак криминогенного общения осужденных. Они могут возникать под влиянием должностной деформации общения сотрудников учреждений ФСИН России, изоляционной, нравственной деформации общения лиц, отбывающих наказания в местах лишения свободы.

Слухи могут использоваться для разрешения конфликтов, приводя к криминогенным ситуациям в учреждениях ФСИН России. Информационный способ совершения преступлений является наиболее изощренным, т.к. в данном случае используются не физические действия, а психическое воздействие, что позволяет нередко субъектам слухов уйти от уголовной ответственности.

Групповое общение используется для приготовления, совершения и маскировки преступлений. С помощью общения устанавливаются недозволенные связи, готовится план, принимаются решения о распределении ролей, месте, времени, способах совершения преступлений, а также их маскировки.

Массовое общение осужденных влияет на возникновение, развитие и исход групповых эксцессов в учреждениях ФСИН России. Под воздействием общения, локальные конфликты, переходят, на более опасный уровень развития криминогенных ситуаций, вплоть до эксцессов.

Исход групповых эксцессов также зависит от состояния общения осужденных: его стрессогенности возникновения слухов.

Эффективность использования возможностей психологического воздействия общения в целях предотвращения и пресечения криминогенных ситуаций в учреждениях ФСИН России, зависит от психологической подготовленности сотрудников ФСИН оказывать психологическое воздействие на криминогенное общение осужденных.

Впервые определены социально-психологические причины криминогенного общения в среде лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, связанные с: а) проявлением изоляционной деформации в период психофизиологической адаптации осужденных к условиям учреждениях ФСИН России;

Динамика криминогенных конфликтов между осужденными, которая включает в себя три основных стадии: предконфликтную ситуацию, осознание, анализ и разрешение конфликтов; исход; доказано, что большинство преступлений является результатом конфликтов; в качестве средств их разрешения используется информационное, психическое насилие - слухи, угроза, приводящие к телесным повреждениям и убийствам; выявлена роль группового общения осужденных я распределении ролей, выработке плана, места, времени, способов маскировки преступлений, а также в формировании решимости их совершить, установлении недозволенных связей о представителями организованной преступности.

Определены основные стадия и механизм воздействия массового общения осужденных на развитие групповых эксцессов в исправительно-трудовых учреждениях. Установлено, что массовое общение осужденных играет большую роль в формировании больших групп, их единых целей, решимости совершить преступление.

Проанализирована практика психологического воздействия сотрудников ФСИН на криминогенное общение осужденных и намечены конкретные пути повышения ее эффективности, связанные с ресоциализацией лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, и формированием профессионально грамотного общения работников колоний.

Адекватное объяснение причин и механизма преступлений в учреждениях ФСИН России, возможно на основе обращения к сущностным характеристикам уголовного наказания, социальной изоляции. Одной из таких характеристик является общение лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Социальная изоляция выражается в деформации объема и содержания общения осужденных, выступающей нередко в качестве механизма их вторичной личностной деформации и приводящей к криминогенным последствиям. Деформация общения осужденных выступает мотивообразующим фактором. Криминальная мотивация осужденных определяется не просто индивидуально-психологическими особенностями, а их соответствием нормам, стереотипам восприятия. Это толкает осужденных на создание «ореола» личности, соответствующего представлениям о той или иной роли. Происходит все это в процессе общения лиц, отбивающих наказание в местах лишения свободы.

Критериальные признаки криминогенного общения осужденных представляют собой: антиобщественную направленность недозволенных связей и содержания сообщений. Сфера действий (передача преступного опыта, установление недозволенных связей, приготовление, совершение и маскировка преступлений); специфика причин возникновения (проявления изоляционной, нравственной и криминальной деформации); стрессогенность общения; повышенная конфликтное; жесткий нормативно-ролевой характер, атрибутивность; использование условных средств связи; организующая роль в приготовлении групповых преступлений: конспиративность, своеобразие механизма психического воздействия.

Криминогенное общение в среде осужденных - это особый вид их общения, который возникает в результате проявления деформации этого явления в местах лишения свобода, характеризуется повышенной стрессогенностью, конфликтностью, жесткой ролевой заданностью и конспиративностью, используется для установления недозволенных связей, обмена преступным опытом, создания предпосылок, выработки плана, решимости, распределения ролей, определения места, времени и способов, т.е. приготовления, маскировки, умышленного совершения преступлений посредством психического (информационного) насилия, а также снятия эмоционального напряжения путем интер и ауто-агрессии.

Функция криминогенного общения осужденных: коммуникативно-атрибутивная функция. В процессе криминогенного общения происходит вторичная деформация личности осужденных, обмен антиобщественной информацией, ее передача и прием, установление недозволенных связей. В качестве условных средств общения осужденные используют вербальные и невербальные средства. Выявлены также и другие функции: обмена опытом преступности; познавательная (диагностическая); организующая; аффективно-побудительная; компенсаторная.

Исследование криминогенного общения осужденных связано с различными трудностями, что предъявляет особые требования к методике исследования данного феномена. Исследование носило ретроспективный характер. Для исследования криминогенного общения осужденных разработаны специальные показатели, которые затем были заложены в конкретные методики. Надежность данных обеспечивалась за счет использования районированной выборки; тщательного соблюдения процедурных моментов; применения комплекса взаимопроверяющих и взаимодополняющих; количественного анализа типичных ситуаций; репрезентативности данных. В ходе исследования использовались как апробированные, традиционные, так и оригинальные, специально созданные методики. Разработаны этические и правовые ограничения, регламентирующие применение ряда методов исследования криминогенного общения в среде осужденных.

В качестве причин криминогенного общения в среде осужденных, выступают проявления изоляционной деформации, которая искажает все компоненты общения (информационный, перцептивный, интерактивный); нравственной, в основе которой лежит негативная стереотипизация восприятия осужденных; криминальной, являющейся инструментом криминального профессионализма.

Степень нравственной и криминальной деформации общения в среде осужденных во многом зависит от деформации должностного общения сотрудников ФСИН, их стереотипизации восприятия, установления недозволенных связей с лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы.

Полученные результаты показывают, что почти абсолютное большинство преступлений связано с конфликтами среди осужденных.

Общение играет большую роль в образовании группировок осужденных, а также в приготовлении и совершении групповых преступлений. Члены таких группировок поддерживают устойчивые незаконные связи с лицами, отбывающими наказание в других учреждениях ФСИН, и представителями организованной преступности, находящимися на свободе.

Массовое общение обладает свойством психологического воздействия, влияет на возникновение, развитие и исход групповых эксцессов в учреждениях ФСИН. Выделено три стадии массового общения осужденных в условиях групповых эксцессов.

Воздействие на криминогенное общение осужденных основывается на устранении различных видов его деформации путем использования теории и практики ресоциализации. Результаты анализа практики психологического воздействия на криминогенное общение осужденных позволили наметить пути ее совершенствования, организовать специальную психологическую подготовку по формирование профессионально грамотного общения сотрудников ФСИН.

Но роль криминогенного общения в приготовлении и совершении преступлений можно признать лишь в том случае, если оно связано с деятельностью, т.к. преступление – есть не что иное, как уголовно наказуемое деяние.

Необходимость маскировки преступной деятельности, страх и боязнь разоблачения, стремление правонарушителей при этом уйти от ответственности приводят к созданию специальной системы общения, его криминальной деформации.

Но общение само воздействует не деятельность. Криминогенное общение обслуживает сферу преступности, обеспечивая ее приготовление и маскировку.

Выделенные критерии позволили сформулировать определение, виды деформации данного социально-психологического феномена и обосновать пути воздействия на него.

Критерии криминогенного общения осужденных выделяют следующие: антиобщественная направленность недозволенных связей и содержания сообщений; сфера действий (передача преступного опыта, установление недозволенных связей, приготовление, совершение и маскировка преступлений); специфика причин возникновения (проявления изоляционной, нравственной и криминальной деформации); стрессогенность общения; конфликтность; жесткий нормативно-ролевой характер, атрибутивность; использование условных средств связи; организующая роль в приготовлении групповых преступлений: конспиративность, своеобразие механизма психического воздействия.

Криминогенное общение в среде осужденных – такой вид общения, который возникает в результате проявления деформации в местах лишения свободы и характеризуется повышен-

ной стрессогенностью, конфликтностью, жесткой ролевой заданностью и конспиративностью, используется для установления недозволенных связей, обмена преступным опытом, создания предпосылок, выработки плана, решимости, распределения ролей, определения места, времени и способов, т.е. приготовления, маскировки, умышленного совершения преступлений посредством психического (информационного) насилия, а также снятия эмоционального напряжения путем интер - аутоагрессии.

Функция криминогенного общения осужденных – коммуникативно-атрибутивная функция. В процессе криминогенного общения происходит вторичная деформация личности осужденных, обмен антиобщественной информацией, ее передача и прием, установление недозволенных связей. В качестве условных средств общения осужденные используют вербальные и невербальные средства. Выявлены также и другие функции: обмена опытом преступности; познавательная (диагностическая); организующая; аффективно-побудительная; компенсаторная.

Межличностные отношения представляют собой своеобразную сеть непосредственных личностных взаимосвязей, которые проявляются в поведенческих актах, способах взаимовлияния, особенностях внутри- и межгруппового общения. Исследования и повседневная практика показывают, что эффективность коллективной деятельности во многом зависит от качества взаимоотношений, от того, в какой мере они соответствуют требованиям этических аспектов субкультуры.

Основной психологический компонент в структуре межличностных отношений - это позиция человека по отношению к каждому из своих товарищей. Она представляет собой комплекс чувств и оценочных суждений, которые называются поступками и качествами личности другого человека, всем тем, что один из них знает о своем товарище. Знакомясь с другими людьми, оценивая их поступки, знания, осужденный проникает уважением к ним, готовностью к совместным действиям. Позиция имеет, следовательно, и определенную действенную сторону - готовность, стремление к соответствующим действиям по отношению к своим товарищам. В случае, когда позиции людей характеризуются взаимностью, между ними образуется прочная двусторонняя социально-психологическая связь.

Положение осужденного в сети межличностных отношений характеризуется также определенной мерой влияния, возможностью оказывать эффективное воздействие на поведение своих товарищей. Это положение личности в коллективе получило название авторитета.

Бывают случаи, когда межличностные отношения складываются стихийно, без направляющего воздействия начальника отряда, активистов, под влиянием нравственно незрелых людей и микрогрупп, вследствие чего нарушается взаимность в отношениях. Авторитеты опираются тогда на чуждые нашей морали нормы. Товарищеские отношения подменяются попытками ущемления личного достоинства осужденных. Гармония взаимоотношений сменяется стремлением к превосходству, навязыванию своей воли более слабым, другими нарушениями дисциплинарных норм. Отсюда понятно, что начальники отрядов должны хорошо знать взаимоотношения в коллективе, положение каждого осужденного в социально-психологической структуре отряда.

Как отмечалось выше основными характеристиками взаимоотношений являются: степень адаптации личности, стиль межличностного общения, уровень психологической совместимости, сплоченность коллектива.

Сплоченность – интегральная характеристика коллектива, отражающая прочность, единство и устойчивость межличностных взаимоотношений и взаимоотношений.

Исследования в этой области позволили квалифицировать следующие виды сплоченности в коллективе: учебная, хозяйственная, спортивная, социальная.

Имея, естественно, свои специфические черты каждый из вышеперечисленных видов сплоченности, в свою очередь, выделяет и общие моменты воздействия начальника службы на достижение сплоченности конкретного коллектива отряда. В качестве таких факторов, влияющих на сплоченность можно назвать: расстановка кадров, движение информации, перемещение осужденных, совместная деятельность, процесс руководства.

Успех здесь напрямую будет зависеть от педагогического мастерства офицера-руководителя.

Причем важно помнить, что особенно тесные отношения наблюдаются в малых группах. Микрогруппы возникают на основе потребности в достижении совместной цели, в совместном проведении свободного времени, а иногда на основе отрицательного отношения к соблюдению дисциплины, к начальнику отряда. В последнем случае, с такой микрогруппой надо провести воспитательную работу, показать коллективу вред ее направленности, а лидера при необходимости перевести в другой более подготовленный коллектив. Для налаживания взаимоотношений начальнику отряда важно создавать условия для самоутверждения, завоевания положительного авторитета в коллективе каждым осужденным.

И последнее, коллектив характеризуется свойственным ему социально-психологическим климатом. Под социально-психологическим кли-

матом (атмосферой, микроклиматом, нравственным климатом) понимают совокупность его качеств и состояний, которые определяют самочувствия каждого его члена, степень удовлетворения им своих социальных потребностей (в общении, признании, уважении, дружбе, раскрытии своих способностей и других) и преобладающие коллективные настроения. Необходимым условием благоприятного климата в коллективе является хорошая, стабильная структура коллектива, высокая психологическая совместимость всех членов, а его результатом - привлекательность коллектива для всех его членов, стремление внести максимальный личный вклад в результат общей деятельности.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях //Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[2] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[3] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Подготовка кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе/ Антропогогика. 2025. № 3(19). С. 8-16.

[4] Фадеева С. А., Вилкова А. В. Уголовно-исполнительная система и пенитенциарная пробация: профессиональная готовность // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 147-154.

[5] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Трудности подготовки научно-педагогических кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе // в сборнике: XI педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина. Сборник материалов. Пермь. 2025. С. 14-22.

[6] Мешкова Л. В., Вилкова А. В. К вопросу о развитии социальной активности будущих сотрудников ФСИН в процессе социально-психологического тренинга // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 3(25). С. 212-218.

[7] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[8] Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Лукашенко Д. В. Программа подготовки педагогических кадров: структурно-содержательная модель обучения взрослых / Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 89-2. С. 68-71.

[9] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

[10] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[11] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[12] Лукашенко Д. В. Содержание и структура плана внеурочной деятельности для воспитанников воспитательных колоний / А. В. Вилкова, Д. В. Лукашенко // Антропогогика. 2024. № 3(15). С.5-16.

[13] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[14] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[15] Смородинскова И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Смородинскова, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

References:

[1] Vilkova A.V., Antipov A.N., Strogovich Yu.N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[2] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[3] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Training of the highest category in the penal system/Anthropology. 2025. № 3(19). S. 8-16.

[4] Fadeeva S. A., Vilkova A. V. Criminal executive system and penitentiary probation: professional readiness//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 147-154.

[5] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Difficulties in training scientific and pedagogical personnel of the highest category in the penal system//in the collection: XI pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S. I. Zlobin. Collection of materials. Perm. 2025. S. 14-22.

[6] Meshkova L.V., Vilkova A.V. On the development of social activity of future employees of the Federal Penitentiary Service in the process of social and psychological training//Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2025. № 3(25). S. 212-218.

[7] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[8] Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Lukashenko D. V. Teacher training program: structural-content model of adult education/Problems of modern pedagogical education. 2025. № 89-2. S. 68-71.

[9] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379.

[10] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures "Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[11] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[12] Lukashenko D.V. Content and structure of the plan of extracurricular activities for pupils of educational colonies/A.V. Vilkov, D.V. Lukashenko// Anthropology. 2024. № 3(15). S.5-16.

[13] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[14] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[15] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.02.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-242-245
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.

КОЛЕСНИК Никита Витальевич,
аспирант кафедры государственного и административного права
Самарского университета
e-mail: 00nk@bk.ru

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ МЕР

Аннотация. *Современный терроризм носит транснациональный, сетевой и гибридный характер. Ни одно государство не способно в одиночку противостоять таким вызовам, что делает международное сотрудничество и унификацию правовых подходов критически важными. Исследование механизмов имплементации международных норм в национальные правовые системы позволяет оценить эффективность глобального антитеррористического режима. Цель исследования – проанализировать соотношение международного права и национального законодательства в контексте антитеррористических мер. Во-первых, мы рассмотрели модели соотношения международного права и национального законодательства. Во-вторых, мы выявили ключевые проблемы и коллизии, возникающие в процессе гармонизации правовых норм. В-третьих, нами проанализированы основополагающие принципы, выработанные международными судами при решении споров о применении норм международного и национального законодательства. Методы исследования: теоретический анализ методической литературы, эмпирические методы, методы многомерного статистического анализа. В результате исследования мы пришли к выводам, что соотношение международного права и национального законодательства в сфере борьбы с терроризмом представляет собой динамичный и противоречивый процесс взаимодействия; дальнейшее совершенствование механизма взаимодействия международного права и национального законодательства требует продолжения работы над универсальным определением терроризма, усиления мониторинга за соблюдением прав человека в рамках антитеррористической деятельности и развития диалога между государствами. Перспективы исследования видятся в установлении единого механизма применения норм, направленных на реализацию антитеррористических мер, с учетом специфики национального законодательства.*

Ключевые слова: *международное право, национальное законодательство, терроризм, антитеррористические меры, имплементация, гармонизация.*

KOLESNIK Nikita Vital'evich,
Post-graduate student of modern state and administrative law,
Samara University

THE RELATIONSHIP BETWEEN INTERNATIONAL LAW AND NATIONAL LEGISLATION IN THE CONTEXT OF ANTI-TERRORISM MEASURES

Annotation. *Modern terrorism has a transnational, networked, and hybrid character. No single state is capable of countering such challenges alone, making international cooperation and the unification of legal approaches critically important. Researching the mechanisms of implementing international norms into national legal systems allows for assessing the effectiveness of the global anti-terrorism regime. The purpose of the study is to analyze the relationship between international law and national legislation in the context of anti-terrorism measures. First, we examined models of the relationship between international law and national legislation. Second, we identified key problems and conflicts arising in the process of harmonizing legal norms. Third, we analyzed the fundamental principles developed by international courts in resolving disputes regarding*

the application of international and national legal norms. Research methods: theoretical analysis of methodological literature, empirical methods, and multidimensional statistical analysis methods. As a result of the study, we concluded that the relationship between international law and national legislation in the fight against terrorism represents a dynamic and contradictory process of interaction; further improvement of the mechanism of interaction between international law and national legislation requires continued work on a universal definition of terrorism, strengthening monitoring of human rights compliance within anti-terrorism activities, and developing dialogue between states. Research prospects are seen in establishing a unified mechanism for applying norms aimed at implementing anti-terrorism measures, taking into account the specifics of national legislation.

Key words: *international law, national legislation, terrorism, anti-terrorism measures, implementation, harmonization.*

Борьба с терроризмом представляет собой одну из наиболее сложных и актуальных задач современного мирового сообщества. Транснациональный характер угрозы, её прямая направленность на основы конституционного строя, права человека и международную безопасность обусловили формирование разветвлённой системы международно-правовых норм в этой сфере. Однако реализация данных норм происходит в правовом поле отдельных государств. В этой связи ключевой вопрос эффективности антитеррористической деятельности лежит в плоскости взаимодействия и соотношения международного права и национального законодательства.

В теории и практике существуют две основные модели соотношения международного и национального права: монистическая (международное право автоматически считается частью правовой системы страны) и дуалистическая (международные нормы требуют специальной трансформации в национальный закон). В антитеррористической сфере, независимо от доминирующей модели, реализуется смешанный подход, сочетающий элементы обоих. Большинство государств, включая Российскую Федерацию, формально следуют дуалистической модели (часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации устанавливает приоритет международного договора, но для его применения требуется имплементация [1]). Ключевым процессом является имплементация – перевод международных обязательств в конкретные нормы национального законодательства. Как правило, это выражается в принятии специализированных законов (например, Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ), внесении изменений в уголовные кодексы (статьи о терроризме, содействии террористической деятельности, финансировании терроризма), а также в подзаконных актах, регламентирующих деятельность правоохранительных и финансовых органов [6].

Процесс гармонизации сталкивается с рядом серьёзных проблем и коллизий.

Первая группа проблем связана с дефинициями. Универсального определения терроризма на международном уровне до сих пор не выработано, в то время как национальные законодательства содержат свои формулировки. Данная проблема создаёт правовые пробелы и осложняет международное сотрудничество, например, при выдаче лиц или выполнении запросов о правовой помощи.

Вторая группа проблем касается соотношения безопасности и прав человека. Международные органы, включая Комитет по правам человека ООН и Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), неоднократно указывали, что антитеррористические меры не должны нарушать фундаментальные права: на справедливый суд, свободу от пыток, право на уважение частной и семейной жизни, свободу выражения мнений. Чрезмерно широкие формулировки в национальных законах, массовый сбор данных, продлённые сроки задержания без предъявления обвинения часто становятся предметом судебных разбирательств и критики со стороны международных мониторинговых органов.

Третья проблема – фрагментарность и селективность имплементации. Государства могут быстро имплементировать меры, усиливающие полномочия силовых структур, но медлить с принятием норм, требующих сложных институциональных изменений (например, в сфере противодействия финансированию терроризма на уровне неправительственных организаций). Кроме того, политическая конъюнктура иногда приводит к двойным стандартам в квалификации террористических организаций [4].

Несмотря на проблемы, национальное законодательство выступает не просто пассивным реципиентом, но и активным инструментом адаптации международных норм к местным реалиям. Оно может конкретизировать общие стандарты, устанавливая детальные процедуры замораживания счетов, порядок включения организаций в национальные списки террористических организаций, регламенты взаимодействия спецслужб. Национальный законодатель также восполняет

пробелы международного права, регулируя, например, вопросы реабилитации и реинтеграции лиц, участвовавших в террористической деятельности, или порядок возмещения вреда жертвам терроризма. Наконец, передовые национальные практики (например, в области контроля над интернет-ресурсами, пропагандирующими терроризм, или использования финансовой разведки) могут со временем оказывать обратное влияние на формирование новых международных стандартов через обмен опытом на площадках ФАТФ (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег) или в рамках ООН [5].

Таким образом, соотношение международного права и национального законодательства в сфере борьбы с терроризмом представляет собой динамичный и противоречивый процесс взаимодействия. С одной стороны, международное право задаёт единые минимальные стандарты и создаёт рамки для глобального сотрудничества, обладая мощным механизмом принуждения. С другой стороны, национальное законодательство остаётся основным инструментом практической реализации этих стандартов, неизбежно преломляя их через призму государственного суверенитета, правовых традиций и конкретных условий. Ключевым моментом к эффективному противодействию терроризму является поиск устойчивого баланса между двумя императивами: необходимостью решительных мер по обеспечению безопасности и неуклонным соблюдением прав человека и верховенства права. Дальнейшее совершенствование этого взаимодействия требует продолжения работы над универсальным определением терроризма, усиления мониторинга за соблюдением прав человека в рамках антитеррористической деятельности и развития диалога между государствами для обмена лучшими законодательными практиками, что в конечном итоге укрепит как национальную, так и международную безопасность.

Вопросы соотношения международного права и национального законодательства в сфере антитеррористических мер активно решаются в судебной практике как на национальном, так и на международном уровне. Суды выступают ключевыми арбитрами в разрешении возникающих коллизий, формируя правовые подходы, которые балансируют между императивом безопасности и обязательством соблюдать права человека и верховенство закона [8].

В Российской Федерации судебная практика строится на конституционной норме о приоритете международных договоров, но с существенной оговоркой, выработанной Конституционным Судом Российской Федерации. Так, Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 14.06.2015 № 21-П определил, что верховенство международного договора действует только при условии его соответствия Конституции Российской Федерации [3]. Таким образом, ни один договор не может нарушать суверенитет, основы конституционного строя или неотчуждаемые права человека. На практике это приводит к тому, что суды общей юрисдикции, рассматривая дела о терроризме, прямо ссылаются на международные конвенции как на правовое обоснование норм. Однако в случае гипотетического конфликта между трактовкой международной нормы и конституционными принципами последние имеют безусловный приоритет.

Кроме того, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» предписывает судам учитывать правовые позиции международных органов, включая ЕСПЧ, при толковании национальных законов [2]. Это так называемое «гармонизирующее толкование», целью которого является избежать конфликта между правовыми системами, обеспечив защиту прав, общих для Конституции Российской Федерации и международных стандартов, таких как право на справедливый суд. Вместе с тем после конституционных поправок 2020 года, если Конституционный Суд Российской Федерации установит невозможность исполнения решения межгосударственного органа из-за его противоречия основам публичного правопорядка России, такое решение не подлежит исполнению.

Международные суды, прежде всего ЕСПЧ, рассматривая дела, где антитеррористические меры государств оспариваются как нарушающие права человека, выработали несколько ключевых принципов.

Во-первых, суд признает за государствами «свободу усмотрения» в выборе конкретных мер борьбы с терроризмом, учитывая их непосредственное взаимодействие с угрозой, однако данная свобода не является безграничной. Например, ЕСПЧ проверяет, были ли меры необходимыми в демократическом обществе и пропорциональными преследуемой законной цели.

Во-вторых, ЕСПЧ устанавливает абсолютные границы для антитеррористической деятельности. В частности, запрет пыток и бесчеловечного обращения не подлежит никаким ограничениям, что напрямую влияет на практику экстрадиции. Суды подтверждают, что условия содержания под стражей не должны достигать достигли уровня бесчеловечного обращения. Более того, если есть реальные основания полагать, что лицо, выдаваемое другому государству,

может там подвергнуться пыткам, государство-ответчик обязано отказать в экстрадиции, даже если запрос связан с терроризмом.

В-третьих, в контексте права на жизнь при проведении антитеррористических операций от государства требуется не только минимизация риска для жизни, но и проведение эффективного, независимого и публичного расследования в случае гибели людей, что обеспечивает подотчетность силовых структур даже в высокорискованных операциях [7].

Таким образом, судебная практика демонстрирует, что соотношение международного и национального права в антитеррористической сфере – это не механическое подчинение одного другому, а сложный диалог. Суды, выступая гарантами правовых принципов, ограничивают свободу действий государства, требуя, чтобы даже самые жесткие меры безопасности были закреплены в законодательства, а также были необходимы, пропорциональны и не нарушали абсолютных стандартов человеческого достоинства.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 04.07.2020.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. – 17.02.2012. – № 35.

[3] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.06.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений …» // Собрание законодательства. – 27.07.2015. – № 30. – Ст. 4658.

[4] Абжалиев, А. А. О научной проблематике: соотношения норм международного и национального права / А. А. Абжалиев // Вестник Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики. – 2022. – № 29. – С. 140-143.

[5] Алымов, Д. В. Основные направления противодействия экстремизму и терроризму в современных условиях / Д. В. Алымов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2022. – № 1. – С. 14-17.

[6] Лазуткин, В. О некоторых теоретических аспектах соотношения источников международного и национального законодательства на современном этапе развития права / В. Лазуткин // Сравнительное правоведение в условиях интернационализации науки и образования. – Москва, 2022. – С. 66-70.

[7] Лобач, Д. В. Борьба с терроризмом в условиях осложнения международных отношений / Д. В. Лобач // Роль юридических наук в развитии правовой культуры российского общества. – Владивосток, 2024. – С. 17-20.

[8] Магденко, А. Д. Соотношение международного и внутригосударственного права: процессуально-правовые проблемы / А. Д. Магденко, А. Ю. Томилов // Правосудие. – 2021. – Т. 3, № 3. – С. 189-205.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation// Rossiyskaya Gazeta. – 04.07.2020.

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.02.2012 No. 1 “On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes “//Rossiyskaya Gazeta. – 17.02.2012. – № 35.

[3] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.06.2015 No. 21-P “In the case of checking the constitutionality of the provisions... “//Collection of legislation. – 27.07.2015. – № 30. - Art. 4658.

[4] Abzhaliev, A. A. On scientific problems: the ratio of norms of international and national law/A. A. Abzhaliev//Bulletin of the Academy of Public Administration under the President of the Kyrgyz Republic. – 2022. – № 29. - S. 140-143.

[5] Alymov, D. V. The main directions of countering extremism and terrorism in modern conditions/D. V. Alymov//Criminal executive system: law, economics, management. – 2022. – № 1. - S. 14-17.

[6] Lazutkin, V. On some theoretical aspects of the correlation of sources of international and national legislation at the current stage of development of law/V. Lazutkin//Comparative jurisprudence in the context of the internationalization of science and education. - Moscow, 2022. - S. 66-70.

[7] Lobach, D.V. The fight against terrorism in the context of the complication of international relations/D.V. Lobach//The role of legal sciences in the development of the legal culture of Russian society. - Vladivostok, 2024. - S. 17-20.

[8] Magdenko, A. D. Ratio of international and domestic law: procedural and legal problems/A. D. Magdenko, A. Yu. Tomilov//Justice. – 2021. - T. 3, NO. 3. - S. 189-205.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-246-249

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры криминалистики Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации
имени А.Я. Сухарева,
e-mail: viktor_shestak@mail.ru

ЗАГУРСКИЙ Ян Дмитриевич,
военнослужащий,
Министерство обороны Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В ХОДЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются возможности применения беспилотных летательных аппаратов для проведения такого важного следственного действия как осмотр места происшествия, с учётом опыта работы следователей в зоне проведения специальной военной операции. Изучаются правовые рамки организации полётов и движения беспилотных летательных аппаратов как в боевой обстановки, так и в мирное время.*

Ключевые слова: *осмотр места происшествия, БПЛА, специальная военная операция, воздушное пространство, уголовный процесс.*

SHESTAK V.A.,
Doctor of Juridical Science, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminalistics,
A.Ya. Sukharev Moscow Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation

ZAGURSKY Ja.D.,
Military personnel,
The Ministry of Defense of the Russian Federation.

PRACTICAL ASPECTS OF USING UNMANNED AERIAL VEHICLES DURING AN ACCIDENT SCENE INSPECTION

Annotation. *The article discusses the possibilities of using unmanned aerial vehicles for conducting such an important investigative action as a scene of an incident, taking into account the experience of military investigators in the area of a special military operation. The legal framework for organizing flights and movement of unmanned aerial vehicles is also considered, both in combat conditions and in peacetime.*

Key words: *scene investigation, unmanned aerial vehicles, special military operation, airspace, criminal procedure.*

В современных условиях беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА) получили широкое распространение, в том числе и в ходе проведения специальной военной операции. Их использование позволяет решать ряд важных задач, таких как разведка местности,

корректировка огня, а также огневое поражение сил противника. Несомненно, данное нововведение находит своё применение и в других сферах жизнедеятельности человека. Так, в частности, ведутся разработки, связанные с использованием БПЛА в сфере строительства и сельского хозяйства.

Активно внедряются БПЛА и в деятельность следственных органов. Они применяются в качестве технических средств при проведении такого следственного действия, как осмотр места происшествия [5]. С их помощью создаются ориентирующие, обзорные и узловые фотоснимки, что позволяет оперативно запечатлевать значительные по площади территории (например, крупные здания, сооружения, полигоны), существенно экономя время. При этом согласно требованиям ч. 5 ст. 166 УПК РФ [3] в протоколе должны быть указаны технические средства, применённые при производстве следственного действия, условия и порядок их использования, объекты, к которым эти средства были применены, и полученные результаты [6]. Легитимность применения БПЛА в уголовном судопроизводстве обеспечивается, в том числе, обязательным предварительным уведомлением всех участвующих лиц об использовании технических средств.

Все многообразие условий применения БПЛА в ходе предварительного расследования, в том числе в ходе проведения специальной военной операции, полагаем возможным разделить на две группы. Во-первых, это ситуации, при которых отсутствует угроза для их использования, и условия непосредственной близости к зоне проведения боевых действий. Рассматривая реалии проведения специальной военной операции, важно отметить, что одной из ключевых задач следственного осмотра является обеспечение безопасности всех его участников. В связи с этим, перед применением БПЛА в таких условиях необходимо согласовывать вопросы их полета с подразделениями радиоэлектронной борьбы (РЭБ) и противовоздушной обороны (ПВО). Данная мера направлена на недопущение утраты как самого аппарата, так и полученных с него данных, поскольку нередки случаи перехвата управления малогабаритными БПЛА силами РЭБ. Кроме того, несогласованное использование дрона может выдать местоположение следственной группы и привести к её огневому поражению, что делает согласовательные процедуры критически важным элементом подготовки.

Во-вторых, это ситуации, когда применение БПЛА полностью безопасно и не связано с боевыми действиями. В таких условиях на первый план выходят вопросы соблюдения воздушного законодательства. В современных условиях Воздушным кодексом Российской Федерации закреплены такие понятия, как внешний пилот и командир беспилотного воздушного судна, однако квалификационные требования к указанным лицам пока отсутствуют [1]. В соответствии с Федеральными правилами использования воздушного пространства Российской Федерации, утверждёнными постановлением Правительства РФ от 11.03.2010 № 138 (далее – Федеральные правила) [4], структура воздушного пространства включает в себя множество элементов, среди которых особый интерес для следователя представляют запретные зоны и зоны ограничения полётов.

В этой связи, требует внимания вопрос применения БПЛА именно в запретных зонах и зонах ограничения полётов, что особенно актуально при полётах над населёнными пунктами. Воздушное пространство над практически каждым крупным населённым пунктом является запретной зоной, установленной, как правило, администрацией этих городов (к примеру, воздушное пространство над г. Москвой на всём протяжении). Кроме того, подобные зоны могут вводиться в районах полётов военной авиации, пусков ракет или проведения взрывных работ. В соответствии с п. 39 Федеральных правил, использование воздушного пространства в запретных зонах и зонах ограничения полётов допускается при выполнении оперативных заданий в интересах государства. Однако такому использованию должно обязательно предшествовать согласование (в том числе по телефонной связи) с теми лицами (организациями), в чьих интересах эти зоны были введены. В зоне проведения специальной военной операции такие вопросы необходимо согласовывать с оперативным дежурным в районе ответственности соответствующего соединения [8]. Для установления факта наличия на той или иной территории специальных зон можно воспользоваться онлайн-сервисами, сообщениями NOTAM или сборниками аэронавигационной информации.

Согласно п. 115 Федеральных правил лицо, принявшее решение об использовании воздушного пространства, обязано немедленно уведомить об этом органы организации воздушного движения и органы противовоздушной обороны, а также принять все необходимые меры для обеспечения безопасности полётов БПЛА. Данная норма имеет особое значение при проведении осмотра места происшествия, поскольку оперативное уведомление позволяет интегрировать полёт дрона в общую воздушную обстановку и предупредить конфликт с другими воздушными судами. В условиях специальной военной опера-

ции такое уведомление становится критически важным, так как органы ПВО должны в режиме реального времени идентифицировать БПЛА как «свой» для исключения его поражения [7]. На практике уведомление часто осуществляется путём срочной подачи плана полёта (флайт-плана) в соответствующий центр Единой системы организации воздушного движения (ЕС ОрВД). Несоблюдение этого требования не только создаёт угрозу безопасности полётов и может повлечь административную ответственность, предусмотренную ст. 11.4 КоАП РФ [2], а в боевой обстановке способно привести к потере дорогостоящего аппарата и раскрытию позиций следственной группы. В этой связи процедура уведомления становится ключевым элементом обеспечения законности, безопасности и эффективности применения БПЛА в ходе проведения следственных действий.

Таким образом, полагаем возможным сделать следующие выводы по применению правил полётов БПЛА при производстве следственных действий. Во-первых, БПЛА могут применяться в запретных зонах и зонах ограничений полётов, но только после соответствующего согласования с лицом (организацией), в чьих интересах установлена соответствующая зона. Во-вторых, использование БПЛА допускается в воздушном пространстве любого класса при обязательном уведомлении органов организации воздушного движения, которое может осуществляться путем подачи плана полёта. В зоне проведения специальной операции вопросы использования БПЛА требуют дополнительного обязательного согласования с подразделениями РЭБ и ПВО, дислоцированными в районе проведения следственных действий. В-третьих, использование БПЛА позволяет в сжатые сроки зафиксировать обстановку в высоком качестве и масштабе. Внедрение этих технологий, в том числе в условиях проведения специальной военной операции является объективной необходимостью, продиктованной требованиями безопасности и потребностью в качественном собирании доказательств. При этом соблюдение установленных законодателем разрешительных и согласовательных процедур является обязательным условием, обеспечивающим как юридическую силу полученных результатов, так и безопасность участников следственно-оперативной группы.

Список литературы:

[1] Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 28.11.2025). – Электронный ресурс.. – URL: (дата обращения: 15.02.2026).

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026). – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 15.02.2026).

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.08.2024) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.11.2024). – Электронный ресурс. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16.02.2026).

[4] Федеральные правила использования воздушного пространства Российской Федерации: утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 11.03.2010 № 138 (ред. от 31.03.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 12. – Ст. 1340; 2023. – № 15. – Ст. 2592.

[5] Дмитриев Е.Г., Корпусов В.К. Криминалистические особенности осмотра места происшествия, связанного с применением артиллерии, в условиях вооруженного конфликта // Криминалистика в международном измерении: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Москва, 21 апреля 2023 г.). – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. – С. 145–158.

[6] Криминалистика: учебник / под ред. А.Г. Филиппова. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2014. – 464 с. – (Высшее образование). – С. 211–234.

[7] Маликов С.В., Савенков А.Н. Руководство по военно-полевой криминалистике. – М.: 2011. – 656 с.

[8] Разумов А.Н., Крюков Г.А., Кузнецов А.Н. Живу, сражаюсь, побеждаю. Правила жизни на войне. – М.: 2023. – 63 с.

References:

[1] Air Code of the Russian Federation No. 19.03.1997 dated 60-FZ (as amended 28.11.2025). - Electronic resource.. - URL: (access date: 15.02.2026).

[2] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ (rev. dated 29.12.2025) (as amended and supplemented, entry by virtue of 09.01.2026). - Electronic resource. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (access date: 15.02.2026).

[3] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended 24.08.2024) (as amended and supplemented, effective from 01.11.2024). - Electronic resource. - URL: https://www.pravo.gov.ru (access date: 16.02.2026).

[4] Federal rules for the use of airspace of the Russian Federation: approved by Decree of the Government of the Russian Federation of 11.03.2010 No. 138 (as amended on 31.03.2023) //Collection of legislation of the Russian Federation. – 2010. – № 12. - Art. 1340; 2023. – № 15. - Art. 2592.

[5] Dmitriev E.G., Corpus V.K. Forensic features of the inspection of the scene associated with the use of artillery in an armed conflict//Forensics in the international dimension: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (Moscow, April 21, 2023). - M.: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2023. - S. 145-158.

[6] Forensics: textbook/ed. A.G. Filippova. - M.: Law firm "CONTRACT": INFRA-M, 2014. - 464 p. - (Higher education). - S. 211-234.

[7] Malikov S.V., Savenkov A.N. Guide to field forensics. - M.: 2011. - 656 p.

[8] Razumov A.N., Kryukov G.A., Kuznetsov A.N. I live, I fight, I win. Rules of life in war. - M.: 2023. - 63 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-250-252

ТРУХИН Никита Николаевич,
Аспирант,
Уральский институт управления
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
e-mail: ui@ranepa.ru

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ: ОСОБЕННОСТИ ДАННОГО ЯВЛЕНИЯ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается феномен биологического терроризма как одной из современных угроз безопасности в эпоху активного развития мирового сообщества. Анализ основных методов и инструментов, используемых террористами в биологических угрозах, включая агротерроризм, распространение микроорганизмов, патогенов, и вирусов, манипуляция общественным настроением и использование биологических агентов для дестабилизации обстановки приводит к предложению возможных мер противодействия, включая укрепление международного сотрудничества, развития межведомственных контактов и повышения осведомленности населения.*

Исследование подчеркивает необходимость комплексного подхода к борьбе с биологическим терроризмом в целях повышения производственных мощностей и продовольственной безопасности государства.

Ключевые слова: *терроризм, Уголовный кодекс, меры противодействия, проблемы, законодательство, угроза, микроорганизмы, вирусы, государство*.

TRUKHIN Nikita Nikolaevich,
Postgraduate Ural Institute of Management,
Branch Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration

BIOLOGICAL TERRORISM: FEATURES OF THIS PHENOMENON AND COUNTERACTION MEASURES

Annotation. *The article examines the phenomenon of biological terrorism as one of the modern threats to security in the era of active development of the world community. An analysis of the main methods and tools used by terrorists in biological threats, including agroterrorism, the spread of microorganisms, pathogens, and viruses, manipulation of public sentiment, and the use of biological agents to destabilize the situation leads to a proposal for possible countermeasures, including strengthening international cooperation, developing interagency contacts, and raising public awareness. The study highlights the need for an integrated approach to combating biological terrorism in order to increase the production capacity and food security of the state.*

Key words: *terrorism, Criminal Code, counteraction measures, problems, legislation, threat, microorganisms, viruses, the state.*

С каждым годом терроризм распространяет свое влияние по всему миру в больших масштабах, в связи с чем появляется все больше и больше новых видов его проявления. Расширение использования терроризма в качестве возможности устрашения приводит к тому, что воздействие на различные социально-политические институты, процессы и даже суверенитеты государств усиливается и приводит к деструктивному разрушению системы.

Одной из наиболее опасных и непредсказуемых угроз современной цивилизации является биологический терроризм. Как правило, терроризм направлен на уничтожение большого количества людей и способы для этого выбираются самый разные. Биологический терроризм характеризуется и отличается тем, что направлен против человечества с использованием биологических средств, которые наносят существенный вред обществу и целому государству. Многие

ученые в своих трудах рассматривали биологический терроризм и как отметила Ю. Лобзина, что данный вид рассматривается как одна из разновидностей такого явления, направленная на преднамеренное, сознательное и целенаправленное применение патогенных микроорганизмов. В условиях глобализации и бурного развития биотехнологий этот феномен приобретает новые формы, требующие глубокого анализа и выработки адекватных мер противодействия [4].

Для более подробного разбора, стоит сказать, что под биологическим терроризмом понимается специфическая форма террористической деятельности, заключающаяся в преднамеренном использовании патогенных биологических агентов (микроорганизмов, вирусов, токсинов) для поражения людей, животных или сельскохозяйственных растений [1]. Основной целью таких актов является не только физическое уничтожение объектов, но и устрашение населения, оказание давления на органы власти для принятия определенных решений, а также дезорганизация экономической и социальной жизни общества.

В отличие от полномасштабной биологической войны, которая преследует стратегические военные цели, акты биологического терроризма чаще направлены против отдельных лиц или групп людей и преследуют цели шантажа и создания атмосферы паники [2].

Современный биотерроризм обладает рядом уникальных характеристик, выделяющих его среди других видов угроз:

- скрытность и латентность: на ранних стадиях биологическую атаку крайне сложно отличить от естественной вспышки инфекции, что позволяет террористам выиграть время и скрыться до обнаружения факта нападения. Кроме того, биологические агенты не имеют цвета, запаха и вкуса, в связи с этим появляется проблема их обнаружение органами чувств. [3]. Поражающее действие проявляется не сразу, а спустя инкубационный период (обычно 2–5 суток), соответственно это позволяет террористам скрыться до начала эпидемии;
- высокий психологический эффект: угроза невидимой смерти вызывает массовый страх и панические настроения, значительно превосходящие эффект от традиционных взрывов;
- доступность и дешевизна: производство многих патогенов сравнительно дешево и может быть организовано на базе фармацевтических мощностей или лабораторий двойного назначения;
- генетические модификации: в связи с активными темпами развития генной инженерии и синтетической биологии появляются возможности их использование для создания штаммов с повышенным распространением вируса, устойчивостью к антибиотикам или способностью обходить иммунную защиту организма человека;
- агротерроризм: такое названием получило одно из направлений, которое заключается в поражении сельскохозяйственных ресурсов в целях снижения производственных мощностей и продовольственной безопасности государства. [5].

Несмотря на все особенности данного явления, система защиты от биотерроризма должна постоянно совершенствоваться и соответственно носить комплексный и междисциплинарный характер, поэтому необходимо применять следующие меры противодействия:

- правовое регулирование: необходимо разработать и внести в стать. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ отдельный пункт предусматривающий состав и санкцию за совершение актов биотерроризма.
- мониторинг и диагностика: необходимость создания единого центра мониторинга инфекционных заболеваний для оперативного выявления вспышек.
- международное сотрудничество: проведение мероприятий в целях укрепление связей в противодействии преступлений с использованием биологического оружия и создание международного органа контроля за соблюдением данного направления.
- межведомственные учения: регулярное проведение учений с участием Министерства здравоохранения, Министерства обороны, Министерства внутренних дел, Министерства чрезвычайных ситуаций и иных специализированных органов в целях отработки координации при отражении атак подобного рода.

Таким образом, готовность к предотвращению биологических угроз требует не только технологического совершенствования, но и системной государственной политики, направленной на интеграцию усилий науки, медицины и силовых структур. Кроме того, можно сказать, что биологический терроризм разносторонен и преследует достаточно много целей, поэтому является не менее опасным, чем иные виды терроризма.

Международно-правовая база в области противодействия биологическому терроризму должна быть основой постоянного сотрудничества и взаимодействия профильных ведомств и структур государства при угрозе и в случаях целенаправленного применения патогенных биологических агентов.

Список литературы:

[1] Бураева Л.А., Дадова З.И. Биологический терроризм: понятие, сущность, проявления // Пробелы в российском законодательстве. — 2020. — №. 2. — С. 134-136.

[2] Лобзин Ю.В., Лукин Е.П., Лукин П.Е., Усков А.Н. Биотерроризм в ряду биологических угроз: прошлое и настоящее // Медицина экстремальных ситуаций. — 2018. — С. 8-21.

[3] Коновалов П.П., Арсентьев О.В., Буянов А.Л., Бекмурзов С.М. Применение биологического оружия – реалии современного мира // Сибирское медицинское обозрение. — 2015. — №. 4. — С. 79-84.

[4] Кобец П.Н. Особенности феномена биотерроризма в условиях XXI столетия и меры противодействия // Научный портал МВД России. — 2021. — №. 1 (53). — С. 25-33.

[5] Кобец П.Н. Генезис опасной разновидности террористической угрозы – биологического терроризма и меры по его профилактике // Правопорядок: история, теория, практика — 2021. — №. 1 (28). — С. 72-78.

References:

[1] Buraeva L.A., Dadova Z.I. Biological terrorism: concept, essence, manifestations// Gaps in Russian legislation. — 2020. — №. 2. - S. 134-136.

[2] Lobzin Yu.V., Lukin EP, Lukin PE, Uskov A.N. Bioterrorism in a number of biological threats: past and present//Medicine of extreme situations. — 2018. - S. 8-21.

[3] Konovalov P.P., Arsentiev O.V., Buyanov A.L., Bekmurzov S.M. The use of biological weapons - the realities of the modern world//Siberian Medical Review. — 2015. — №. 4. - S. 79-84.

[4] Kobets P.N. Features of the phenomenon of bioterrorism in the conditions of the XXI century and countermeasures//Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2021. — №. 1 (53). - S. 25-33.

[5] Kobets P.N. Genesis of a dangerous type of terrorist threat - biological terrorism and measures to prevent it//Law and order: history, theory, practice - 2021. — №. 1 (28). - S. 72-78.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-253-256

ВОЗНЮК Денис Николаевич,
аспирант Высшей школы права
Югорского государственного университета,
e-mail: voznyuk.den@bk.ru

Научный руководитель:
АНИСИМОВ Валерий Филиппович,
Доктор юридических наук, профессор,
Профессор Высшей школы права
Югорского государственного университета,
e-mail: mail@law-books.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КРАЖУ ИЗ НЕФТЕПРОВОДА И НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НЕФТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И КАЗАХСТАНА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД

Аннотация. *В данной статье проанализированы уголовно-правовые нормы, устанавливающие уголовную ответственность за тайное хищение из нефтепровода, а также незаконный оборот нефти по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан. На основании проведенного исследования сделаны предложения по внесению изменений в нормы российского законодательства об уголовной ответственности за кражу из нефтепровода и незаконный оборот нефти.*

Ключевые слова: *кража из нефтепровода, криминальная врезка, нефтепровод, незаконный оборот нефти, уголовная ответственность, конфискация имущества.*

VOZNYUK Denis Nikolaevich,
Postgraduate Student of the Higher School of Law
of Yugra State University

Scientific supervisor:
ANISIMOV Valery Filippovich,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Higher School of Law
of Yugra State University

CRIMINAL LIABILITY FOR THEFT FROM AN OIL PIPELINE AND ILLEGAL OIL TRAFFICKING UNDER THE LAWS OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN: A COMPARATIVE LEGAL VIEW

Annotation. *This article analyzes the criminal law norms that establish criminal liability for secret theft from an oil pipeline, as well as illegal oil trafficking under the laws of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. Based on the conducted research, proposals have been made to amend the norms of Russian legislation on criminal liability for theft from an oil pipeline and illegal oil trafficking.*

Key words: *theft from an oil pipeline, criminal tie-in, oil pipeline, illegal oil trafficking, criminal liability, confiscation of property.*

Введение

Актуальность исследования обусловлена фундаментальной значимостью общественных отношений в сфере собственности на нефтяные энергоресурсы и поиском наиболее эффективных способов применения уголовного закона для борьбы с кражей из нефтепровода и незаконного оборота нефти. Выбор сравнительного анализа с законодательством Республики Казахстан связан с тем, что Казахстан и Россия ранее входили в состав единого государства – СССР, уровень правовой культуры и социально-экономические

показатели данных стран позволяют сравнивать уголовно-правовые нормы в целях изучения положительного законодательного и правоприменительного опыта. Кроме того, на территории данных государств расположены крупнейшие нефтяные магистрали, безопасность которых является приоритетным направлением в энергетической сфере, вследствие чего они должны особо охраняться нормами уголовного законодательства.

Необходимо исходить из того, что хищения в нефтяной сфере с производственной точки зрения представляет собой довольно длительный и многоэтапный процесс, включающий в себя не только установление криминальной врезки в тело нефтепровода с последующей кражей из него, но и перевозку похищенной нефти, её сбыт либо переработку с дальнейшим сбытом уже переработанной нефти с целью получения незаконной прибыли.

Принимая во внимание вышеуказанный тезис, наше исследование проведено по следующему алгоритму:

– сравнение уголовно-правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за кражу из нефтепровода по законодательству России и Казахстана, и предусмотренных санкции за данный вид преступлений;
– анализ составов преступлений в сфере незаконного оборота нефти.

В Российской Федерации норма за кражу нефти предусмотрена п. «б» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) [4], максимальное наказание - лишение свободы на срок до шести лет с дополнительными наказаниями в виде штрафа и ограничения свободы или без таковых.

В Республике Казахстан аналогичная правовая норма закреплена в п. 2 ч. 4 ст. 188 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее - УК РК) [5], максимальное наказание - в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества». Законодатель в Казахстане объединил понятия «нефтепровод», «нефтепродуктовод» и «газопровод» в «нефтегазопровод».

В УК РК состав преступления в виде кражи из нефтегазопровода включён в часть 4 наряду с такими квалифицированными составами как кража, совершенная «преступной группой» и «в особо крупном размере». В УК РФ состав кражи из нефтепровода включён в часть 3 ст. 158 и максимальное наказание является более мягким по сравнению с УК РК. В качестве дополнительного наказания за тайное хищение из нефтегазопровода в соответствии с УК РК предусмотрена конфискация имущества.

В Российской Федерации конфискация имущества является иной мерой уголовно-правового характера, и, кроме того, согласно ст. 104.1 УК РФ в перечне конфискационных преступлений, преступления, предусмотренные главой 21 («Преступления против собственности»), не включены. Соответственно, к лицам, осужденным за кражу из нефтепровода, конфискацию имущества как иную меру уголовно-правового характера, применить невозможно.

Далее отметим, что в составах преступлений, предусмотренных ст. 161 УК РФ («Грабёж»), ст. 162 УК РФ «Разбой», и в аналогичных статьях УК РК (ст. 191 «Грабёж», ст. 192 «Разбой») такого квалифицирующего признака как «из нефтепровода» по УК РФ или из «нефтегазопровода» по УК РК, не имеется.

Теперь обратимся к уголовно-правовым нормам, устанавливающим уголовную ответственность за незаконный оборот нефти.

П. «б» ч. 2 ст. 175 УК РФ и п. 1 ч. 3 ст. 196 УК РК предусмотрена уголовная ответственность за заранее не обещанные приобретение или сбыт в отношении нефти и продуктов ее переработки, добытых преступным путём. Данные составы преступлений являются идентичными по своей конструкции. Дополнительное наказание за приобретение и сбыт похищенной нефти по п. 1 ч. 3 ст. 186 УК РК в виде конфискации имущества также предусмотрено.

Для борьбы с незаконным оборотом нефти законодатель Республики Казахстан ввёл специальную уголовно-правовую норму, устанавливающую уголовную ответственность за транспортировку, приобретение, реализацию, хранение нефти и нефтепродуктов, а также переработку нефти, приобретенных без документов, подтверждающих законность их происхождения, закрепленную в ст. 233-1 УК РК (ранее ст. 197 УК РФ).

Данная статья проходила проверку на предмет конституционности. Высший судебный органа конституционного контроля Казахстана, признавая статью конституционной, отметил, что введение уголовной ответственности за вышеуказанные действия «обусловлено необходимостью противодействия увеличивающемуся объему теневой экономики и незаконному обороту нефти и нефтепродуктов» [6].

Для рассмотрения вопроса эффективности данной уголовно-правовой нормы обратимся к статистике её применения. Так, «согласно отчету № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» зарегистрированы досудебные расследования по ст. 197 УК РК: за 2020 год – 45, 2021 – 58, 2022 – 28, 2023 – 26, 2024 – 23… По стране выявлено 480 фактов реализации этой

продукции (нефти и нефтепродуктов) без необходимых документов. Решениями судов у участников схем конфисковано дохода более чем на полмиллиарда тенге и начислено 25 млн. тенге штрафов» [2].

Таким образом, статистические данные показывают положительный законодательный опыт Казахстана по регулированию уголовной ответственности в сфере незаконного оборота нефти.

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет сделать вывод, что в Российской Федерации и Республики Казахстан имеется как схожесть уголовно-правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за кражу из нефтепровода и незаконного оборота нефти, так и определённые различия.

Состав кражи из нефтепровода в УК РФ, в отличие от УК РК, включён, как указывалось выше, в часть 3, а не в часть 4.

С одной стороны, действия преступников в России, осуществивших кражу из нефтепровода, с учётом причинения особо крупного ущерба потерпевшей стороне квалифицируются по п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ. Поэтому можно сказать, что нахождение состава преступления в виде кражи из нефтепровода в части 3 статьи 158 УК РФ принципиальной разницы, в случае наступления общественно опасных последствий в виде особо крупного ущерба, не несёт.

С другой стороны, представляется не совсем логичным, что в УК РФ в составах преступления в виде грабежа и разбой вообще отсутствует квалифицирующий признак «из нефтепровода». Так, законодатель, понимая важность нефтепроводов, выделяет данный квалифицирующий признак, после чего в п. «б» части 3 ст. 158 УК РФ появляется особо квалифицированный состав преступления в виде «кражи из нефтепровода», который влечёт более жесткое наказание по сравнению с такими квалифицирующими признаками как «с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилищ» поскольку они содержатся в части 2 данной статьи. При этом законодатель не выделяет квалифицирующий признак «из нефтепровода» в отдельный состав преступления в ст.ст. 161-162 УК РФ, поэтому деяния в виде грабежа и разбоя из нефтепровода квалифицируются по «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ как грабеж из «иного хранилища» и аналогично по ч. 3 ст. 162 УК РФ как разбой также из «иного хранилища».

Мы полагаем, что для эффективности уголовного закона было бы правильным включить квалифицирующий признак «из нефтепровода» в часть 4 ст. 158 УК РФ, добавив пункт «в», то есть аналогично ст. 188 УК РК. Также для более логичной дифференциации уголовной ответственности ввести данный признак в ч. 3 ст. 161 УК РФ и ч. 4 ст. 162 УК РФ. Данные изменения в действующее российское законодательство отвечали бы той логике, из-за которой вводился такой квалифицирующий признак как кража, совершенная из нефтепровода.

Существует точка зрения, что с «учётом повышенной общественной опасности хищений из магистральных трубопроводов необходимо внести изменения в статью ст. 158 УК РФ, и ввести уголовную ответственность за кражу из магистрального нефтепровода, включив данный состав преступления в часть 4» [3].

Данная позиция вызывает сомнения. Так, объектом преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ и в целом главы 21 УК РФ, являются отношения в сфере права собственности. Предметом преступления по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ является всё же нефть, поэтому принципиальной разницы, из-за которой можно сделать вывод о том, почему нефть из обычного нефтепровода, который может принадлежат частному лицу, представляет наименьшую ценность в отличие от нефти из магистрального нефтепровода, который, как правило, принадлежит государству, мы не усматриваем, в силу чего считаем, что усиление уголовной ответственности за кражу только лишь из магистральных нефтепроводов приведёт к дисбалансу прав собственников и нарушит Конституцию РФ, которая в ч. 2 ст. 8 «гарантирует равную защиту частной, государственной, муниципальной и иной формы собственности» [Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)]. Аналогичная позиция выражена Багаутдиновым Ф.Н. и Гумаровым И.А. [1].

Кроме того, исследование показало широкое применение по УК РК в нормах об уголовной ответственности за кражу из нефтегазопровода и незаконный оборот нефти дополнительного наказания в виде конфискации имущества, которое н наш взгляд, положительным образом сказывается в плане формирования понимание бессмысленности повышения материального благополучия преступным путём, поскольку лишает мотивации злоумышленников незаконно обогатиться и оставить незаконную прибыль от кражи из нефтепровода в своём распоряжении. Необходимо понимать, что преступники могут использовать не одну криминальную врезу в нефтепровод, а несколько, но могут при этом признать вину только по тем эпизодам, которые им инкриминируют, а о тех преступлениях, которые не известны правоохранительным органом, просто промолчать. Необходимо понимать высокие интеллекту-

альные данные лиц, занимающихся данной преступной деятельностью, и пресекать их главную корыстную цель – обогатиться за счёт кражи нефтяных энергоресурсов. Поэтому внесение изменений в УК РФ в части возможности применения конфискации имущества за кражу из нефтепровода, на наш взгляд, положительным образом отразилось бы на правоприменительной практике, поскольку лишало бы мотивации злоумышленников незаконно обогатиться и оставить незаконную прибыль от тайного хищения нефти в своём распоряжении.

Также необходимо отметить положительный опыт Казахстана в борьбе с теневой экономикой и незаконным оборотом нефти уголовно-правовой нормы, закреплённой в статьи 233-1 УК РК. В УК РФ есть нормы, устанавливающие уголовную ответственность на незаконный оборот янтаря (ст. 191 УК РФ) и древесины (ст. 191.1 УК РФ). Полагаем, что с учётом важности нефти как углеводорода и её невосполнимости, российскому законодателю необходимо ввести уголовную ответственность в УК РФ, аналогичную ст. 233-1 УК РК. С нашей точки зрения принятие данной уголовно-правовой нормы повысит эффективность уголовного закона в пресечении преступной деятельности в сфере незаконного оборота нефти, что в конечном итоге положительно отразится на пресечении преступной деятельности, связанной с кражей из нефтепровода.

Список литературы:

[1] Багаутдинов Ф.Н., Гумаров И.А. «Уголовная ответственность за хищение из магистральных трубопроводов» - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-hischenie-iz-magistralnyh-truboprovodov?ysclid=mlc38b0kl1428021379 (дата обращения: 03.02.2026).

[2] Жантурина Г.А. Криминологические проблемы противодействия незаконному обороту нефтепродуктов. - URL: https://academy-rep.kz/uploads/1190-0b2650f22919b08eed2295b04c5b3e53.pdf?ysclid=mlc35en4u3112349057 (дата обращения: 03.02.2026).

[3] Туманов А.С. «Уголовная ответственность за кражу, совершенную из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода». автореферат дис. канд. юрид. наук: 12.00.08/ Туманов Александр Сергеевич - Москва, 2022. — 14 с. - URL: https://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-otvetstvennost-za-krazhu-sovershennuyu-iz-nefteprovoda-nefteproduktoprovoda-gazop?ysclid=mlc3h8lgdg102913045/read/pdf (дата обращения: 03.02.2026).

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.08.2025).

[5] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями на 19.05.2025) - URL:https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&ysclid=mdwt7fj5vc965394606 (дата обращения:03.08.2025).

[6] Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 18 мая 2023 года № 14-НП «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан статьи 197 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 года» - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2300000014 (дата обращения: 03.02.2026).

References:

[1] Bagautdinov F.N., Gumarov I.A. “Criminal liability for theft from trunk pipelines” - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-hischenie-iz-magistralnyh-truboprovodov?ysclid=mlc38b0kl1428021379 (date of appeal: 03.02.2026).

[2] Zhanturina G.A. Criminological problems of countering the illegal circulation of petroleum products. - URL: https://academy-rep.kz/uploads/1190-0b2650f22919b08eed2295b04c5b3e53.pdf?ysclid=mlc35en4u3112349057 (access date: 03.02.2026).

[3] Tumanov A.S. “Criminal liability for theft committed from an oil pipeline, oil product pipeline, gas pipeline.” abstract dis. cand. jurid. Sciences: 12.00.08/Tumanov Alexander Sergeevich - Moscow, 2022. — 14 c. - URL: https://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-otvetstvennost-za-krazhu-sovershennuyu-iz-nefteprovoda-nefteproduktoprovoda-gazop?ysclid=mlc3h8lgdg102913045/read/pdf (дата обращения: 03.02.2026).

[4] Criminal Code of the Russian Federation. “Criminal Code of the Russian Federation” dated 13.06.1996 No. 63-FZ (ed. 23.07.2025) (as amended and supplemented, entry by virtue of 03.08.2025).

[5] Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 No. 226-V (as amended on 19.05.2025) - URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&ysclid=mdwt-7fj5vc965394606 (accessed on: 03.08.2025).

[6] Normative decision of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan dated May 18, 2023 No. 14-NP “On consideration for compliance with the Constitution of the Republic of Kazakhstan of Article 197 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014” - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2300000014 (date of appeal: 03.02.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-257-261

ПУЗАРИН Роман Олегович,
аспирант кафедры
Правоохранительная деятельность,
Пензенский государственный университет,
e-mail: puzarin@list.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО 138.1 УК РФ

Аннотация. *Статья посвящена криминологическому анализу преступлений, предусмотренных ст. 138.1 УК РФ (незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации). Актуальность исследования обусловлена стремительным проникновением высоких технологий в повседневную жизнь, расширением рынка электронных устройств и сопутствующим ростом числа фактов незаконного вторжения в частную жизнь при одновременном отсутствии целостной системы предупреждения данного вида преступлений.*

Цель работы — выявление криминологически значимых признаков личности преступника, детерминант противоправной деятельности и разработка на этой основе научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию профилактической деятельности. Методологическую основу составили диалектический метод познания, статистический анализ, формально-юридический и системно-структурный методы.

В статье на основе эмпирических данных установлены основные закономерности совершения рассматриваемых деяний: преобладание корыстной мотивации, наибольшая криминальная активность в возрастных группах 21–27 лет и 40–55 лет, низкий уровень материального достатка виновных, а также отсутствие у подавляющего большинства ранее имевшейся судимости. Особое внимание уделено специфике способов совершения преступлений — преимущественно через интернет-площадки, что обусловливает сложность выявления и высокую латентность.

Обоснован вывод об опосредованном, условном характере фигуры потерпевшего в контексте состава ст. 138.1 УК РФ, что исключает возможность эффективного противодействия исключительно уголовно-правовыми средствами. С учётом выявленных детерминант (правовой нигилизм, доступность специальных технических средств, развитие интернет-торговли, использование «шпионской» техники в профессиональной деятельности) предложена трехуровневая система профилактики, включающая общесоциальные, специально-криминологические и индивидуальные меры. Сформулированы конкретные рекомендации по маркировке товаров, мониторингу интернет-ресурсов, блокировке противоправного контента, правовому просвещению и адресной социальной поддержке групп риска.

Ключевые слова: *специальные технические средства, негласное получение информации, криминологическая характеристика, личность преступника, детерминанты преступности, профилактика преступлений, незаконный оборот, интернет-торговля, правовая грамотность.*

PUZARIN Roman Olegovich,
Postgraduate Student
of the Department of Law Enforcement,
Penza State University

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS AND PREVENTION OF THE CRIME UNDER ARTICLE 138.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article is devoted to the criminological analysis of crimes under Article 138.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (illegal trafficking of special technical means intended for secret obtaining of information). The relevance of the research is determined by the rapid penetration of high*

technologies into everyday life, the expansion of the electronic devices market, and the concomitant increase in the number of illegal invasions of privacy, combined with the lack of a comprehensive system for preventing this type of crime.

The purpose of the work is to identify criminologically significant features of the offender's personality, determinants of illegal activity, and to develop scientifically based recommendations for improving preventive measures. The methodological basis includes the dialectical method of cognition, statistical analysis, formal legal and system-structural methods.

Based on empirical data, the article establishes the main patterns of the crimes under consideration: predominance of mercenary motivation, highest criminal activity in the age groups of 21–27 and 40–55 years, low income level of offenders, and the absence of previous criminal records in the vast majority of cases. Special attention is paid to the specific methods of committing crimes — primarily via Internet platforms, which causes difficulties in detection and high latency.

The conclusion is substantiated that the victim's role in the context of Article 138.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is conditional and indirect, which excludes the possibility of effective counteraction exclusively by criminal law means. Taking into account the identified determinants (legal nihilism, availability of special technical means, development of Internet commerce, use of "spy" equipment in professional activities), a three-level prevention system is proposed, including general social, special criminological and individual measures. Specific recommendations are formulated on product labeling, monitoring of Internet resources, blocking illegal content, legal education and targeted social support for risk groups.

Key words: *special technical means, secret obtaining of information, criminological characteristics, criminal personality, determinants of crime, crime prevention, illegal trafficking, Internet commerce, legal literacy.*

Статья 138.1 УК РФ, устанавливающая ответственность за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (далее — СТС НПИ), является относительно новым элементом в системе уголовного законодательства России. Стремительное проникновение высоких технологий во все сферы общественной жизни обусловливает высокую актуальность вопросов предупреждения данного вида преступлений, что закономерно привлекает к ним пристальное внимание законодателя. [1]

Прогресс в сфере высоких технологий имеет двойственную природу: с одной стороны, он стимулирует общественное развитие, с другой — создаёт предпосылки для дестабилизации охраняемых законом общественных отношений. В частности, отсутствие должного контроля за оборотом СТС НПИ напрямую коррелирует с увеличением количества эпизодов незаконного вторжения в частную жизнь, нарушения тайны переписки и телефонных переговоров. Противодействие указанным преступным посягательствам невозможно без глубокого понимания закономерностей, которым подчиняются общественные отношения в рассматриваемой сфере на всех этапах их формирования и развития.

Преобладающей формой совершения рассматриваемых преступлений выступают приобретение или сбыт, которые по своим внешним признакам фактически тождественны гражданско-правовым сделкам. В силу этого обстоятельства незаконный оборот СТС НПИ, как правило, осуществляется в общественных местах. Временной интервал совершения преступлений преимущественно приходится на период с 09:00 до 21:00, что совпадает со временем совершения большинства легальных гражданско-правовых сделок. Более чем в половине случаев взаимодействие между продавцом и покупателем инициируется посредством сети Интернет, через различные сайты объявлений. При приобретении СТС НПИ онлайн местом совершения преступления признается точка фиксации выхода пользователя в интернет в момент оформления заказа.

Обращаясь к криминологической характеристике рассматриваемого вида преступлений, необходимо остановиться на личности преступника. В криминологической доктрине под личностью преступника понимается совокупность социально значимых свойств индивида, умышленно или по неосторожности совершившего деяние, запрещённое уголовным законом. Именно эти свойства во взаимодействии с объективными внешними факторами (конкретной ситуацией) детерминируют преступное поведение. Методологическую основу для изучения личности преступника закладывает философия, формирующая наиболее общие, универсальные подходы к познанию данного феномена, которые впоследствии конкретизируются отраслевыми юридическими и иными гуманитарными науками. [4]

Проведённый анализ возрастных характеристик преступников, совершающих деяния, предусмотренные ст. 138.1 УК РФ, позволяет

выделить наиболее криминогенно активную группу — лица в возрасте от 21 до 27 лет. Вторую по численности категорию составляют правонарушители в возрасте 40–55 лет. Наименьшая криминальная активность наблюдается в возрастной группе 30–37 лет.

К числу отличительных криминологических признаков личности рассматриваемого преступника относятся: во-первых, невысокий уровень материального достатка; во-вторых, наличие корыстной мотивации (фиксируется более чем в половине случаев); в-третьих, обладание специальными техническими познаниями либо выраженный интерес к технике в сочетании с устойчивыми навыками пользователя сети Интернет. При этом корреляция между уровнем образования виновного и склонностью к совершению данного преступления не прослеживается.

Принципиальной особенностью рассматриваемой категории преступлений является отсутствие у подавляющего большинства виновных лиц ранее имевшейся судимости, что существенно отличает их от контингента лиц, совершающих иные виды общественно опасных деяний.

Преступления, предусмотренные ст. 138.1 УК РФ, обладают выраженной социально-экономической обусловленностью: они наиболее распространены в среде лиц с низким и ниже среднего уровнем доходов. Данное обстоятельство, по нашему мнению, во многом объясняет выявленную возрастную динамику. Наименее криминогенно активная группа 30–37 лет приходится на период наибольшей экономической занятости и финансовой стабильности, тогда как более уязвимые в материальном отношении категории — молодёжь (21–27 лет) и лица предпенсионного возраста (40–55 лет) — демонстрируют существенно более высокие показатели преступности.

Рассматриваемая категория уголовных дел относится к делам публичного обвинения, что обусловливает факультативный характер участия потерпевшего на стадии возбуждения уголовного дела. Более того, даже в случаях, когда незаконный оборот СТС НПИ повлёк нарушение конституционных прав граждан (например, при последующем использовании указанных средств для негласного получения информации), фигура потерпевшего в контексте состава ст. 138.1 УК РФ носит условный, опосредованный характер. [3]

Причинно-следственная связь между оборотом СТС НПИ и нарушением конституционных прав граждан не поглощается составом ст. 138.1 УК РФ: содеянное требует дополнительной квалификации по ст. 137 УК РФ. Таким образом, потерпевший выступает значимой фигурой прежде всего в рамках криминологической характеристики преступлений против частной жизни, а не применительно к незаконному обороту специальных технических средств.

Изготовление СТС НПИ технически осуществимо при наличии соответствующего оборудования, что обусловливает выбор преступником места совершения преступления — собственное жилище либо иные доступные помещения (гараж, офис, рабочее место). Производственный процесс не привязан ко времени суток, поэтому деяния данной категории могут совершаться не только в дневные, но и в вечерние и ночные часы.

Переходя к анализу детерминант рассматриваемых преступлений, следует выделить комплекс факторов, обусловливающих их совершение:

– низкий уровень правовой осведомлённости населения относительно противоправности деяния (согласно анализу показаний обвиняемых по ст. 138.1 УК РФ, более половины из них не осознавали уголовно-правового запрета на оборот соответствующих технических средств);
– удобство использования СТС НПИ для целей сбора компрометирующей информации (фиксация противоправных действий, получение сведений, составляющих личную тайну, и т.п.);
– широкое распространение интернет-магазинов, предлагающих приобретение соответствующих товаров дистанционно по ценам, существенно ниже розничных;
– развитие рынка детективных услуг, предполагающих использование специальных технических средств;
– активное применение «шпионской» техники представителями средств массовой информации при подготовке материалов, а также в случаях, когда использование открытой видеозаписи ограничено.

Указанные обстоятельства формируют благоприятную среду, создающую условия для реализации причин преступности данного вида.

Обращаясь к фундаментальным исследованиям причин преступности, Н.Ф. Кузнецова и В.В. Лунеев среди ключевых детерминант выделяют корыстолюбие, стяжательство, правовой нигилизм и пренебрежительное отношение к социальным нормам. Проведённый анализ показывает, что подавляющее большинство преступлений, предусмотренных ст. 138.1 УК РФ, совершается именно из корыстных побуждений, что позволяет сделать вывод о доминировании материального фактора в структуре мотивации данного вида противоправных деяний. Стремление к получению экономической выгоды выступает, таким

образом, основной причиной, детерминирующей незаконный оборот специальных технических средств для негласного получения информации. [2]

Проведённый анализ криминологической характеристики и детерминант незаконного оборота СТС НПИ позволяет сформулировать комплекс мер предупредительного воздействия. Учитывая, что подавляющее большинство виновных ранее не привлекались к уголовной ответственности и зачастую не осознают противоправность своих действий, система профилактики должна строиться дифференцированно, на трёх уровнях: общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном.

Общесоциальные меры призваны устранить объективные условия, способствующие совершению рассматриваемых преступлений. В первую очередь необходима государственная политика, направленная на повышение уровня правовой грамотности населения. Установленный в ходе настоящего исследования факт: более половины обвиняемых по ст. 138.1 УК РФ не осознавали уголовно-правового запрета, — свидетельствует о наличии серьёзного дефицита знаний в сфере оборота технических средств. Целесообразна разработка специализированных информационных кампаний, включающих размещение разъяснительных материалов на интернет-площадках, наиболее часто используемых для совершения соответствующих сделок (сайты объявлений, тематические форумы). Распространение информации о юридической ответственности должно сопровождаться демонстрацией конкретных примеров из судебной практики.

Кроме того, требуется корректировка механизмов маркировки и сертификации продукции, обладающей признаками СТС НПИ. В настоящее время отсутствие чётких и доступных для потребителя критериев отнесения технического устройства к категории «специальных средств» нередко служит основанием для ссылки на добросовестное заблуждение. Представляется обоснованным введение обязательной графической маркировки товаров, свободный оборот которых запрещён либо ограничен, по аналогии с предупредительными надписями на табачной и алкогольной продукции.

Специально-криминологические меры ориентированы на непосредственное устранение факторов, детерминирующих незаконный оборот СТС НПИ. Учитывая, что инициирование преступных связей в более чем половине случаев происходит посредством сети Интернет, приоритетным направлением является мониторинг и блокировка интернет-ресурсов, предлагающих приобретение «шпионской» техники. Взаимодействие органов внутренних дел с администрациями крупных торговых интернет-площадок (маркетплейсов) должно приобрести системный характер. Целесообразно внедрение механизмов автоматического выявления объявлений, содержащих ключевые слова и изображения, характерные для СТС НПИ (например, «микро-камера», «закладное устройство», «жучок», «диктофон в ручке»), с последующей модерацией и передачей сведений в правоохранительные органы.

Особого внимания заслуживает проблема использования специальных технических средств в рамках детективной и журналистской деятельности. В отсутствие лицензионного контроля за оборотом данных устройств для профессиональных субъектов следует рассмотреть вопрос о разработке ведомственных разъяснительных писем (например, Министерства цифрового развития, Роскомнадзора), определяющих границы допустимого использования записывающей техники при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, частного сыска и сбора информации для средств массовой информации.

Индивидуальная профилактика должна строиться с учётом выявленных криминологических особенностей личности преступника. Установлено, что наиболее криминогенно активными являются две возрастные группы: лица 21–27 лет и 40–55 лет. Мотивация в данных группах различна: для первой характерно стремление к лёгкому заработку в сочетании с технической компетентностью, для второй — материальная нестабильность предпенсионного периода. В отношении молодёжи эффективными представляются меры воспитательного характера, реализуемые через систему среднего профессионального и высшего образования. В учебные курсы технических специальностей и специальностей в сфере информационной безопасности следует включить модули, посвящённые правовым последствиям незаконного оборота СТС НПИ.

В отношении лиц предпенсионного возраста целесообразно смещение акцента на социальную поддержку и альтернативную занятость. Практика показывает, что совершение преступлений данной категории зачастую обусловлено отсутствием стабильного легального дохода. Развитие программ переобучения и содействия самозанятости способно снизить криминальную активность указанной группы.

Необходимо отметить, что в силу высокой латентности рассматриваемых деяний и отсутствия непосредственного потерпевшего в момент совершения преступления, рассчитывать исключительно на репрессивные меры (ужесточение наказания) неэффективно. Ключевым направлением предупреждения должно стать не столько устрашение, сколько устранение условий, при которых совершение преступления становится

более выгодным и безопасным с точки зрения субъективного восприятия правонарушителя, чем правомерное поведение.

Проведённое исследование позволяет утверждать, что преступления, предусмотренные ст. 138.1 УК РФ, представляют собой специфический сегмент уголовно наказуемых деяний, детерминированный комплексом социально-экономических, технических и правовых факторов. Несмотря на относительную новизну данного состава в системе уголовного законодательства, масштабы распространения специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, и доступность их приобретения свидетельствуют о высокой степени общественной опасности рассматриваемого явления.

Криминологический анализ позволил выявить устойчивые закономерности: доминирование корыстной мотивации, концентрацию преступности в двух возрастных группах (21–27 лет и 40–55 лет), преимущественно онлайн-способ совершения сделок, а также низкий уровень правовой осведомлённости виновных лиц. Полученные данные опровергают стереотип о «профессиональном шпионаже» как основе данных преступлений: в подавляющем большинстве случаев мы имеем дело с ситуативными преступниками, движимыми материальной нуждой либо неверно оценивающими юридическую природу своих действий.

Принципиальной особенностью исследуемого состава выступает условный, опосредованный характер фигуры потерпевшего, что существенно затрудняет выявление преступлений и формирует высокий уровень латентности. В этой связи ключевая роль в противодействии незаконному обороту СТС НПИ должна принадлежать не столько мерам уголовной репрессии, сколько системной, научно обоснованной профилактике.

Разработанные в настоящей статье рекомендации базируются на трёхуровневом подходе. Общесоциальные меры ориентированы на повышение правовой грамотности и создание прозрачных правил оборота технических устройств. Специально-криминологические меры предполагают блокирование каналов распространения СТС НПИ в сети Интернет и упорядочение профессиональной деятельности частных детективов и журналистов. Индивидуальная профилактика должна учитывать возрастные и социально-психологические характеристики правонарушителей, акцентируя воспитательное воздействие на молодёжь и адресные социальные программы для лиц предпенсионного возраста.

Таким образом, эффективное предупреждение преступлений, предусмотренных ст. 138.1 УК РФ, возможно лишь при условии перехода от преимущественно карательной модели к модели управления рисками, предполагающей устранение объективных условий криминализации оборота технических средств. Дальнейшие научные изыскания в данной области должны быть направлены на разработку ведомственных и межведомственных программ профилактики, а также на совершенствование механизмов административно-правового регулирования рынка электроники и специальной техники.

Список литературы:

[1] Асанова И. П. Современное состояние российского уголовного законодательства о незаконном обороте специальных технических средств / И. П. Асанова // Вестник экономики, права и социологии. — 2016. — № 1. — С. 102–104.

[2] Криминология : учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. — М. : Волтерс Клувер, 2004. — 629 с.

[3] Усов Е. Г. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, связанных с незаконным оборотом специальных технических средств для негласного получения информации (региональный аспект) / Е. Г. Усов // Baikal Research Journal. — 2018. — Т. 9, № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-i-preduprezhdenie-prestupleniy-svyazannyh-s-nezakonnym-oborotom-spetsialnyh-tehnicheskih-sredstv (дата обращения: 13.02.2026).

[4] Чикишева Н. А. Криминологическая характеристика личности женщины-мошенницы / Н. А. Чикишева // Власть. — 2009. — № 5. — С. 89–92.

References:

[1] Asanova I.P. The current state of Russian criminal legislation on the illicit trafficking of special technical means/I.P. Asanova//Bulletin of Economics, Law and Sociology. — 2016. — № 1. - S. 102-104.

[2] Criminology: textbook/ed. N.F. Kuznetsova, V.V. Luneeva. - M.: Wolters Kluver, 2004. - 629 s.

[3] Usov E. G. Criminological characterization and prevention of crimes related to the illicit trafficking of special technical means for secretly obtaining information (regional aspect)/E. G. Usov//Baikal Research Journal. — 2018. - T. 9, NO. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-i-preduprezhdenie-prestupleniy-svyazannyh-s-nezakonnym-oborotom-spetsialnyh-tehnicheskih-sredstv (дата обращения: 13.02.2026).

[4] Chikisheva N. A. Criminological characteristics of the personality of a female fraudster/N. A. Chikisheva//Power. — 2009. — № 5. — C. 89–92.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-262-266

АРХИПОВ Сергей Николаевич,
доцент кафедры огневой подготовки
Тюменского института повышения квалификации
сотрудников МВД России, полковник полиции,
e-mail: as.master13@mail.ru

ЧЕРНОВ Сергей Анатольевич,
старший преподаватель кафедры
специальной тактики и огневой подготовки
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я.Кикотя,
e-mail: serzh.chernov.65@bk.ru

ТАКТИКО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ ПРИМЕНЕНИЯ ОРУЖИЯ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОЙ ВИДИМОСТИ/СКУЧЕННОСТИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПОСЛЕДСТВИЙ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу тактико-правовых рисков применения оружия в условиях ограниченной видимости и скученности людей, а также уголовно-правовой оценке последствий причинения вреда в подобных ситуациях. Рассматриваются нормативные основания правомерности применения оружия, закреплённые в уголовном законодательстве Российской Федерации и специальных федеральных законах, регламентирующих порядок его использования. Особое внимание уделяется проблемам соразмерности защиты, превышения пределов необходимой обороны, фактической ошибки и форм вины при причинении вреда третьим лицам. Анализируются особенности квалификации деяний при наличии косвенного умысла и неосторожности, а также значение соблюдения специальных процедурных требований сотрудниками правоохранительных органов. Делается вывод о необходимости комплексного учёта объективных условий обстановки и субъективного восприятия ситуации лицом, применившим оружие, при уголовно-правовой оценке последствий.*

Ключевые слова: *применение оружия; необходимая оборона; превышение пределов обороны; ограниченная видимость; скученность людей; причинение вреда; уголовно-правовая оценка; косвенный умысел; неосторожность; правомерность причинения вреда.*

ARKHIPOV Sergey Nikolaevich,
Associate Professor, Department of Firearms Training,
Tyumen Institute for Advanced Training of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Police Colonel

CHERNOV Sergey Anatolyevich,
Senior Lecturer,
Department of Special Tactics and Firearms Training,
Ryazan Branch, Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

TACTICAL AND LEGAL RISKS OF USING WEAPONS IN LIMITED VISIBILITY/CROWDED CONDITIONS: CRIMINAL LAW ASSESSMENT OF CONSEQUENCES

Annotation. *The article provides a comprehensive analysis of tactical and legal risks associated with the use of weapons in conditions of limited visibility and crowd density, as well as the criminal law assessment of the consequences of harm caused in such situations. The study examines the legal grounds for the lawful*

use of weapons established by the Criminal Code of the Russian Federation and special federal legislation regulating their application. Particular attention is paid to the issues of proportionality of defense, exceeding the limits of necessary defense, mistake of fact, and forms of guilt in cases involving harm to third parties. The paper also analyzes the qualification of acts committed with indirect intent or negligence and emphasizes the importance of compliance with special procedural requirements by law enforcement officers. It is concluded that criminal law assessment of such cases requires a comprehensive consideration of objective situational factors and the subjective perception of the person who used the weapon.

Key words: *use of weapons; necessary defense; exceeding the limits of defense; limited visibility; crowd density; causing harm; criminal law assessment; indirect intent; negligence; lawfulness of harm.*

Современные условия обеспечения общественной безопасности характеризуются усложнением криминогенной обстановки, ростом числа ситуаций, требующих оперативного реагирования с применением оружия, а также повышенными требованиями к правомерности действий субъектов, наделённых соответствующими полномочиями. При этом особую сложность представляют случаи применения оружия в условиях ограниченной видимости (ночное время, задымление, неблагоприятные погодные условия, замкнутые пространства) либо в условиях скученности людей. В подобных обстоятельствах существенно возрастают тактические и правовые риски, связанные с возможностью причинения вреда третьим лицам, ошибочной идентификацией цели и выходом за пределы необходимой обороны или иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, поэтому уголовно-правовая оценка последствий таких действий осуществляется с учётом совокупности положений Уголовного кодекса Российской Федерации [1], законодательства об оружии [2] и специальных нормативных актов, регламентирующих деятельность правоохранительных органов [3].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа взаимодействия тактических факторов и уголовно-правовых последствий при применении оружия в сложной обстановке. Целью настоящей статьи является выявление и систематизация тактико-правовых рисков, а также формулирование критериев их уголовно-правовой оценки.

Как мы уже отметили выше, правовой режим применения оружия в Российской Федерации базируется на нормах уголовного, административного и специального законодательства, формирующих комплексную систему правового регулирования, направленную на обеспечение баланса между защитой общественной безопасности и охраной прав и свобод человека. В соответствии со статьями 37–39 УК РФ [1] причинение вреда при необходимой обороне, задержании лица, совершившего преступление, либо в состоянии крайней необходимости не является преступлением при соблюдении установленных законом условий, поскольку указанные нормы закрепляют материально-правовые основания правомерности причинения вреда, определяют пределы допустимой защиты и критерии соразмерности применяемых мер характеру и степени общественной опасности посягательства. Существенное значение имеет и положение о том, что лицо не подлежит уголовной ответственности при отсутствии превышения пределов необходимой обороны, а также при отсутствии явного несоответствия между защитой и посягательством, что требует оценки конкретной обстановки дела.

Одновременно Федеральный закон «Об оружии» определяет общие принципы оборота и использования оружия [2], включая условия его приобретения, хранения, ношения и применения, а также устанавливает обязанности владельцев по обеспечению безопасности при обращении с ним. Данный закон закрепляет презумпцию повышенной опасности оружия как источника потенциального вреда и, следовательно, повышенные требования к осмотрительности при его использовании. В свою очередь, Федеральный закон «О полиции» устанавливает основания и порядок применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции [3], детализируя случаи допустимого использования, требования предварительного предупреждения, минимизации вреда и запреты, связанные с защитой жизни и здоровья третьих лиц. Кроме того, специальные нормы предусматривают обязанность сотрудника оценивать обстановку и выбирать такие способы воздействия, которые в наименьшей степени создают угрозу для окружающих.

Иными словами, совокупность уголовно-правовых и специальных норм образует нормативную основу для оценки правомерности действий в экстремальных ситуациях, их системное толкование предполагает учёт как формальных критериев законности применения оружия, так и фактических обстоятельств конкретного случая, включая интенсивность посягательства, характер угрозы, возможность альтернативных средств защиты и риск причинения сопутствующего вреда.

Тактические же риски применения оружия в условиях ограниченной видимости обусловлены снижением способности субъекта адекватно воспринимать обстановку, поскольку ошибка в идентификации объекта посягательства может повлечь причинение вреда лицу, не участвующему в противоправных действиях. В теории уголовного права подобные ситуации анализируются через призму фактической ошибки, в том числе ошибки в личности потерпевшего, поскольку при наличии добросовестного заблуждения относительно характера посягательства вопрос о вине решается с учётом формы и степени психического отношения лица к наступившим последствиям [6]. Если же субъект объективно не мог правильно оценить ситуацию, но действовал в состоянии необходимой обороны, уголовная ответственность исключается, в то время как при превышении пределов необходимой обороны, выраженном в явном несоответствии защиты характеру и опасности посягательства, наступает ответственность по специальным нормам УК РФ [1].

В условиях скученности людей так же существенно возрастает риск причинения вреда третьим лицам, поскольку тактическая необходимость нейтрализации источника опасности может вступать в противоречие с принципом минимизации вреда, применение оружия в толпе требует особой оценки с точки зрения предвидения последствий. Как справедливо отмечается в научно-практическом пособии Шанько В.В., посвящённом действиям сотрудников органов внутренних дел при массовых беспорядках, «принятие решения о применении силы в условиях плотного скопления граждан должно основываться на оценке реальной угрозы, характера агрессии и потенциальных последствий для лиц, не участвующих в противоправных действиях» [7].

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, при решении вопроса о наличии либо отсутствии превышения пределов необходимой обороны судам надлежит учитывать конкретную обстановку совершения деяния, включая количество посягающих, их физические данные, степень агрессивности поведения, наличие у них оружия или предметов, используемых в качестве оружия, а также число иных лиц, находящихся в зоне потенциального поражения [4]. Существенное значение здесь придаётся внезапности нападения, интенсивности и продолжительности посягательства, реальности угрозы жизни и здоровью обороняющегося либо третьих лиц, а также объективной возможности обратиться за помощью или использовать менее опасные способы защиты. В условиях скученности людей дополнительным критерием становится прогнозируемость побочных последствий применения оружия: суд оценивает, мог ли обороняющийся предвидеть вероятность причинения вреда случайным лицам и располагал ли он альтернативными средствами нейтрализации угрозы, например, отступлением, использованием укрытия либо применением специальных средств, не создающих столь высокого риска для окружающих. Следовательно, сама по себе обстановка значительного скопления граждан не исключает правомерности обороны, поскольку закон не связывает допустимость защиты с отсутствием третьих лиц. Однако такая обстановка объективно повышает требования к оценке соразмерности и необходимости применённых мер, а также к тщательности установления субъективного восприятия ситуации обороняющимся. То есть, отсюда следует, что чем выше вероятность причинения вреда посторонним, тем более взвешенным должно быть решение о применении оружия; при этом правовая оценка должна основываться не на абстрактной модели поведения, а на анализе конкретной динамики событий и психологического состояния лица в момент отражения посягательства. Отдельного внимания здесь заслуживает проблема косвенного умысла и неосторожности при причинении вреда третьим лицам, так как, если субъект, осознавая вероятность причинения вреда посторонним, сознательно допускает такие последствия либо относится к ним безразлично, содеянное может квалифицироваться как преступление с косвенным умыслом. В то же время в случаях, когда лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть наступление вреда, возможна квалификация по неосторожным составам, включая причинение смерти по неосторожности или причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, при этом правовая оценка зависит от установления причинной связи между действиями и наступившими последствиями, а также от анализа объективной возможности избежать вреда [1].

Применительно к деятельности сотрудников правоохранительных органов дополнительное значение имеет соблюдение специальных процедурных требований, поскольку закон «О полиции» предусматривает обязанность предупреждения о намерении применить оружие, если позволяет обстановка, а также запрет его использования при значительном скоплении граждан, когда могут пострадать случайные лица, за исключением случаев отражения вооружённого нападения [3]. Несоблюдение указанных требований может свидетельствовать о нарушении служебных обязанностей и повлечь как уголовную,

так и дисциплинарную ответственность. Здесь отметим, что и пленум Верховного Суда Российской Федерации обращает внимание на необходимость оценки законности действий должностных лиц с учётом их специальных полномочий и обязанностей [5]. Особую сложность представляет квалификация последствий в ситуациях, когда первоначально правомерные действия по отражению посягательства трансформируются в преступные вследствие изменения обстановки. К примеру, прекращение посягательства и продолжение применения оружия может свидетельствовать о выходе за пределы обороны. В подобных случаях решающее значение имеет момент окончания общественно опасного посягательства и субъективное восприятие этого момента обороняющимся, судебная практика исходит из необходимости индивидуальной оценки каждой ситуации с учётом интенсивности нападения, поведения сторон и иных обстоятельств [4].

Таким образом, мы видим, что тактико-правовые риски применения оружия в условиях ограниченной видимости и скученности проявляются в вероятности ошибочной оценки обстановки, причинения вреда третьим лицам, превышения пределов необходимой обороны и нарушении специальных правил применения оружия, их уголовно-правовая оценка основывается на установлении формы вины, характера причинной связи, соразмерности защиты и соблюдения нормативных требований. Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что применение оружия в условиях ограниченной видимости и скученности является зоной повышенного тактико-правового риска, уголовно-правовая оценка последствий таких действий требует комплексного учёта объективных условий обстановки и субъективного восприятия ситуации лицом, применившим оружие. Ключевыми критериями здесь выступают наличие реального посягательства, соразмерность защиты, возможность использования менее опасных средств, соблюдение специальных процедур и форма вины в отношении наступивших последствий. Минимизация рисков возможна посредством совершенствования нормативного регулирования, развития практико-ориентированной подготовки субъектов, наделённых правом применения оружия, и формирования единообразной судебной практики, комплексный подход к оценке подобных ситуаций способствует обеспечению баланса между защитой общественной безопасности и соблюдением прав и свобод человека [8].

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. действующая). URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 02.03.2026).

[2] Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. действующая). URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 02.03.2026).

[3] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. действующая). URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 02.03.2026).

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/ (дата обращения: 02.03.2026).

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/ (дата обращения: 02.03.2026).

[6] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Лебедева. 15-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. URL: https://urait.ru (дата обращения: 02.03.2026).

[7] Шанько, В. В. Особенности организации действий сотрудников органов внутренних дел при массовых беспорядках / В. В. Шанько, А. С. Курочкин, В. В. Шабаев. – Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – 48 с. – ISBN 978-5-89288-429-7. – EDN ARBDVX.

[8] Бурчикаускас, В. А. Порядок, условия и основания применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции: проблемы правового регулирования и уголовно-правовой оценки последствий его применения // Научный портал МВД России. 2023. №3 (63).

References:

[1] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended). URL: http://pravo.gov.ru (access date: 02.03.2026).

[2] Federal Law of 13.12.1996 No. 150-FZ “On Weapons” (as amended). URL: http://pravo.gov.ru (access date: 02.03.2026).

[3] Federal Law No. 07.02.2011 of 3-FZ “On Police” (as amended). URL: http://pravo.gov.ru (access date: 02.03.2026).

[4] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.09.2012 No. 19 “On the application by the courts of legislation on the necessary defense and causing harm during the detention of a person who has committed a crime.” URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/ (access date: 02.03.2026).

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.12.2015 No. 58 “On the Practice of Imposing Criminal Penalties by the Courts of the Russian Federation.” URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/ (access date: 02.03.2026).

[6] Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation/ed. V.M. Lebedev. 15th ed., Revised and add. M.: Yurayt, 2022. URL: https://urait.ru (access date: 02.03.2026).

[7] Shanko, V.V. Peculiarities of organizing the actions of employees of the internal affairs bodies during riots/V.V. Shanko, A.S. Kurochkin, V.V. Shabaev. - Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. - 48 p. - ISBN 978-5-89288-429-7. – EDN ARBDVX.

[8] Burchikauskas, V. A. Procedure, conditions and grounds for the use of firearms by police officers: problems of legal regulation and criminal law assessment of the consequences of its use//Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. №3 (63).

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-267-270

БОЛТ Юлия Александровна,
Старший научный сотрудник
научно-исследовательского центра №3
Всероссийского научно-исследовательского института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
e-mail: yulya.bolt@mail.ru

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОБРАЩЕНИЕМ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ И МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ

Аннотация. *В представленной статье рассмотрено нормативно-правовое регулирование обращения лекарственных средств и медицинских изделий в России. Представлена криминологическая характеристика преступлений, связанных с обращением лекарственных средств и медицинских изделий.*

Ключевые слова: *обращение лекарственных средств, обращение медицинских изделий.*

BOLT Yuliya Aleksandrovna,
Senior Researcher at Research Center No. 3
All-Russian Research Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation

METHODS OF COMMITTING CRIMES RELATED TO THE CIRCULATION OF MEDICINES AND MEDICAL DEVICES

Annotation. *This article examines the legal framework governing the circulation of medicines and medical devices in Russia. It also provides a criminological analysis of crimes related to the circulation of medicines and medical devices.*

Key words: *circulation of medicines, circulation of medical devices.*

Динамичное развитие фармацевтического рынка в условиях глобализации привело к усложнению цепочек поставок лекарственных средств и медицинских изделий, что создало благоприятную среду для криминализации данной сферы через внедрение незаконных схем распределения и сбыта. Особую опасность представляют транснациональные преступные сети, использующие правовые пробелы в международном регулировании для организации противоправной деятельности. Статистические данные Росздравнадзора подтверждают устойчивую тенденцию роста фальсифицированной фармацевтической продукции. Такая динамика свидетельствует о системных недостатках в механизмах контроля за оборотом медикаментов, что требует углубленного криминологического анализа современных способов совершения преступлений в этой области, чем и обусловлена актуальность темы исследования.

Целью настоящего исследования является изучение способов совершения преступлений, связанных с обращением лекарственных средств и медицинских изделий.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция) и специально-юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, системный).

В целом, преступления, связанные с обращением лекарственных средств и медицинских изделий, можно определить, как контрафакцию, отражающую не только низкое качество и потребительские характеристики товара, но и нарушения исключительных прав правообладателей [2].

Основу правового регулирования обращения лекарственных средств в Российской Федерации составляет Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств». Данный нормативный акт устанав-

ливает комплексные требования ко всем этапам жизненного цикла фармацевтической продукции, включая доклинические и клинические исследования, государственную регистрацию, производство и реализацию.

Основой фармацевтического уголовного права РФ являются статьи УК РФ, нацеленные на защиту здоровья населения через контроль оборота лекарств, а именно: ст. 238.1 (фальсификат/недоброкачественные средства), ст. 235 (незаконная фармацевтическая деятельность), ст. 235.1 (незаконное производство), ст. 228.1-234 (наркотические/сильнодействующие вещества), ст. 327.2 (устанавливает уголовную ответственность за подделку документов (сертификатов удостоверений) и упаковки лекарственных средств или медицинских изделий) [1].

Расследованием преступлений в фармацевтической сфере в РФ занимаются МВД РФ (Управление экономической безопасности и противодействия коррупции), Следственный комитет Российской Федерации, Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения, Федеральная таможенная служба.

Высокая латентность преступлений в сфере обращения лекарственных средств и медицинских изделий обусловлена объективными трудностями их выявления. Сложность идентификации фальсифицированной продукции связана с её визуальной схожестью с оригинальными препаратами, а также с использованием профессионального оборудования при производстве подделок. Организованный характер деятельности преступных групп проявляется в создании разветвлённых сетей распространения, охватывающих несколько регионов. Данные обстоятельства существенно затрудняют оперативное выявление и документирование противоправных действий.

Ключевыми объектами преступных посягательств в рассматриваемой сфере выступают три взаимосвязанных элемента. Первичным объектом является здоровье населения, поскольку использование недоброкачественных лекарств создаёт прямую угрозу жизни и безопасности потребителей. Второй составляющей выступают экономические интересы государства, нарушаемые вследствие недополучения налоговых платежей и необходимости финансирования мероприятий по ликвидации последствий преступлений. Третий элемент — система регулирования фармацевтического рынка, чья эффективность подрывается созданием параллельных нелегальных каналов обращения медицинской продукции.

В практике фальсификации лекарственных средств и медицинских изделий технологические приемы включают подделку маркировки, изменение состава препаратов и воспроизведение защитных элементов упаковки. Подделка маркировки реализуется посредством тиражирования этикеток, штрих-кодов и информационных вкладышей, что затрудняет визуальную дифференциацию подлинной и контрафактной продукции. Изменение состава препаратов часто сводится к замене активных веществ аналогами низкой эффективности или включению вредных примесей, что создает объективную угрозу для здоровья потребителей. Воспроизведение защитных элементов упаковки производится с использованием современных полиграфических и печатных технологий, включая имитацию голограмм и специальных пломб, что повышает сложность идентификации подделки при первичном осмотре [3].

Основные каналы сбыта контрафактной продукции охватывают неконтролируемые розничные сети и онлайн-платформы с использованием фиктивных документов, что обеспечивает широкий доступ к потенциальным покупателям. Неконтролируемые розничные точки и нелегальные рынки эксплуатируют слабый надзор, а интернет-торговля предоставляет анонимность и возможность быстрого распространения товаров на большие территории. Использование фиктивных документов и подставных контрагентов создает видимость легитимности поставок и затрудняет прослеживаемость цепочек продажи.

Маскировка подлинности осуществляется через подделку сертификатов соответствия и внедрение в легальные цепочки поставок посредством подложной документации и злоупотреблений при сертификации. Поддельные сертификаты используются для прохождения контролей и получения доступа к оптовым каналам, что облегчает дальнейшее распределение контрафактной продукции среди торговых посредников. Внедрение в легальные цепочки достигается через схемы перераспределения, перепродаж и возможное соучастие сотрудников логистических и складских структур, что требует усиления механизмов прозрачности и контроля движения товаров.

Контрабанда лекарственных средств преимущественно осуществляется путём перемещения товаров через государственную границу вне установленных пунктов пропуска. Преступники активно используют подложные таможенные декларации с заниженной стоимостью или неверным указанием наименований товаров. Коррупционные схемы с участием должностных лиц таможенных органов позволяют беспрепятственно провозить крупные партии фармацевтической продукции. Данные действия направлены на уклонение от уплаты таможенных платежей и обход запретительных мер. Современные контрабандисты применяют сложные маршруты

транзита через третьи страны для маскировки происхождения товаров. Особую опасность представляет использование дипломатических каналов и международных почтовых отправлений для перевозки запрещённых препаратов. Анализ уголовных дел показывает систематическое использование поддельных сертификатов соответствия и фиктивных документов о назначении лекарств. Указанные методы осложняют процедуру таможенного контроля и способствуют легализации незаконно ввезённой продукции.

Обход регуляторных требований достигается путём производства и реализации незарегистрированных лекарственных средств под видом биологически активных добавок или ветеринарных препаратов. Производители сознательно искажают информацию о составе продукции, чтобы избежать процедуры государственной регистрации. Отсутствие обязательных клинических исследований такой продукции создаёт прямую угрозу жизни и здоровью потребителей. Данная схема эксплуатирует правовые пробелы в регулировании смежных категорий товаров.

Организационное обеспечение преступной деятельности осуществляется через создание сети фиктивных юридических лиц, осуществляющих формальные операции с фармацевтической продукцией. Трансграничные логистические цепочки выстраиваются с использованием подставных транспортных компаний и складских терминалов. Следственная практика фиксирует случаи многократной переуступки прав требования между участниками схемы для затруднения установления конечных бенефициаров. Такая структура позволяет маскировать происхождение товаров и распределять ответственность между участниками преступной группы.

Существенные сложности в правоприменительной практике возникают при разграничении составов преступлений, связанных с незаконным оборотом фальсифицированных и недоброкачественных лекарственных средств. Фальсификация предполагает умышленное изменение характеристик препарата, тогда как недоброкачественность может быть следствием производственных дефектов или нарушений правил хранения. Отсутствие чётких критериев разграничения этих понятий в законодательстве приводит к противоречивой судебной практике. Особую сложность представляет квалификация случаев, когда недоброкачественное средство было умышленно введено в оборот. Дополнительные трудности возникают при разграничении статей 238.1 и 327 УК РФ, поскольку фальсификация лекарств часто сопровождается подделкой документов. Проблема усугубляется отсутствием единообразного подхода к оценке степени общественной опасности данных деяний. Некоторые суды квалифицируют такие действия по совокупности преступлений, другие применяют конкуренцию норм. Это создаёт риски как необоснованного ужесточения наказания, так и пробелов в уголовной ответственности.

Неоднозначность квалификации наблюдается при незаконном импорте контрафактных медицинских изделий, что связано с конкуренцией норм о контрабанде (ст. 226.1 УК РФ) и незаконном обороте (ст. 238.1 УК РФ). Отсутствие чётких критериев разграничения этих составов приводит к разночтениям в судебных решениях. Дополнительную сложность создаёт необходимость доказывания размера ущерба и степени опасности для жизни или здоровья потребителей. Ситуация требует законодательного закрепления приоритетов квалификации при пересечении указанных составов преступлений.

Актуальным направлением совершенствования уголовного законодательства является введение специальных норм, предусматривающих ответственность за оборот контрафактных медицинских изделий. Отсутствие в действующем УК РФ дифференциации ответственности за подобные деяния не учитывает их повышенную общественную опасность. Специфика медицинских изделий как объектов уголовно-правовой охраны требует отдельной регламентации ввиду непосредственного воздействия на жизнь и здоровье населения. Введение специального квалифицирующего признака позволит адекватно оценивать степень общественной опасности данных преступлений.

Целесообразным представляется дифференцировать ответственность за фальсификацию лекарственных средств в зависимости от наступивших последствий для здоровья населения. Действующая редакция ст. 238.1 УК РФ не предусматривает градации санкций при причинении тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности. Введение квалифицированных составов с усилением наказания за указанные последствия соответствует принципу справедливости. Подобная мера будет способствовать более точной юридической оценке общественной опасности конкретного деяния.

Считаем, что совершенствование системы профилактической работы с участниками фармацевтического рынка должно быть в первую очередь направлено на снижение преступной активности за счет повышения комплаенса и контроля качества. В рамках профилактики целесообразно внедрять обязательные программы повышения квалификации для сотрудников производителей и аптечных сетей, а также регулярные аудиты соблюдения требований сертификации и марки-

ровки. Меры превентивного характера должны включать обмен информацией о выявленных нарушениях между регуляторами и правоохранительными органами для оперативного реагирования.

Таким образом, рост фармацевтического рынка и усложнение логистических цепочек привели к значительной диверсификации способов совершения преступлений в сфере обращения лекарственных средств и медицинских изделий. Наблюдается устойчивая тенденция к использованию сложных трансграничных схем и цифровых платформ для распространения фальсифицированной продукции. Данные факторы формируют системную угрозу общественному здоровью, требующую пересмотра традиционных подходов к уголовно-правовой защите.

Для противодействия выявленным угрозам предложено усиление механизмов прослеживаемости продукции, что позволит улучшить систему защиты общественного здоровья в условиях эволюции преступных практик.

Список литературы:

[1] Евлоев Р.М-С. Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок: уголовно-правовое содержание состава // Инновационная наука. - 2022. - № 6-2. - С. 67 - 72.

[2] Танцюра В.С., Ласточкин А.Н. Технико-юридический анализ норм законодательства в сфере обращения лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок // Журнал прикладных исследований. - 2024. - № 12. - С. 185 - 190.

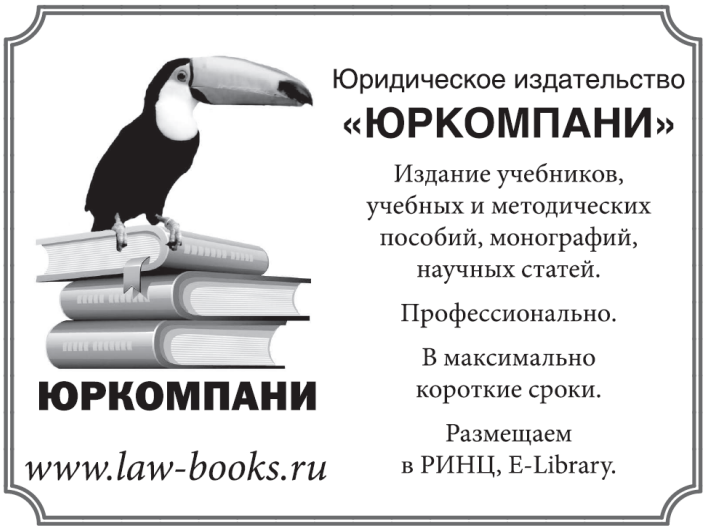
[3] Шведова И.Д. Незаконный оборот лекарственных средств в России: состояние в современный период // Право и управление. - 2022. - № 10. - С. 155 - 161.

References:

[1] Evloyev R.M-S. Circulation of falsified, substandard and unregistered medicines, medical devices and circulation of falsified biologically active additives: criminal-legal content of the composition// Innovative science. - 2022. - № 6-2. - S. 67-72.

[2] Tantsyura V.S., Lastochkin A.N. Technical and legal analysis of legislation in the field of circulation of medicines, medical devices and dietary supplements//Journal of Applied Research. - 2024. - № 12. - S. 185-190.

[3] I.D. Shvedova. Illegal circulation of medicines in Russia: the state in the modern period//Law and management. - 2022. - № 10. - S. 155-161.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-271-276

ОЛЕЩЕНКО Илья Александрович,
аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета,
г. Краснодар, Россия,
e-mail: oleshchenko_I@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНЫМ СООБЩЕСТВАМ

Аннотация. *Автор обратился к анализу дискуссионного вопроса для отечественной уголовно-правовой науки – поиск оптимальной модели формализации в законе юридических признаков преступного сообщества. На основе компаративистского метода, обративших к первому опыту регламентации уголовной ответственности за участие в преступном сообществе в российском законодательстве середины XIX в. (ст. 264 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.), в статье осуществлена его экстраполяция к законодательству XXI в. Выводы о направлениях совершенствования анализируемого понятия в статье так же основываются на анализе положений международного права. Исследовав практику Нюрнбергского трибунала и положения Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. автор раскрывает специфику становления современных подходов к дефиниции преступного сообщества и определяет общие и отличительные признаки международного и российского законодательства в исследуемой части.*

Ключевые слова: *преступное сообщество, формы соучастия, преступная организация, легальная дефиниция, структурно оформленная группа, устойчивость, сплоченность.*

OLESHCHENKO Ilya Alexandrovich,
Postgraduate Student,
Department of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University, Krasnodar, Russia

INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR COMBATING CRIMINAL ORGANIZATIONS

Annotation. *The author of the article turned to the analysis of a controversial issue for Russian criminal law science - the search for an optimal model for formalizing the legal characteristics of a criminal community in law. Based on the comparative method, referring to the first experience of regulating criminal liability for participation in a criminal community in Russian legislation of the mid-19th century (Article 264 of the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845), the article extrapolates it to the legislation of the 21st century. Conclusions on the directions for improving the analyzed concept in the article are also based on the analysis of the provisions of international law. Having studied the practice of the Nuremberg Tribunal and the provisions of the UN Convention against Transnational Organized Crime of November 15, 2000, the author reveals the specifics of the formation of modern approaches to the definition of a criminal community and determines the common and distinctive features of international and Russian legislation in the studied part.*

Key words: *criminal community, forms of complicity, criminal organization, legal definition, structurally formed group, stability, cohesion.*

Введение

Наиболее опасной формой преступного объединения, согласно уголовному законодательству РФ, является преступное сообщество (ч. 4

ст. 35 УК РФ). Для отечественного уголовного права подобный подход является традиционным, поскольку уже в ст. 264 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [16] упоминалось о преступном сообществе. Ответственность за участие в таковом, созданном для совершения преступления, предусматривалась и в ст. 52 Уголовного уложения 1903 г. [11] В ст. 6 Указа Правительствующего Сената от 4 марта 1906 г. устанавливался запрет на создание и деятельность «сообщества, преследующего цели,

противные общественной нравственности, или воспрещенные уголовным законом, или же угрожающие общественному спокойствию и безопасности» [5].

Между тем, отечественной уголовно-правовой науке свойственна дискуссия относительно обоснованности выделения указанной формы соучастия. Наиболее радикальную точку зрения занимает В. В. Лунеев, по мнению которого в научный и законодательный оборот следует ввести категорию «организованные преступные формирования», которая вберет в себя все формы преступной консолидации с признаками организованности [10, с. 17]. Автор также убежден, что не следует устанавливать различия между организованными преступными группами [10, с. 17].

По мнению Ю.М. Антоняна, нецелесообразно устанавливать различное содержание для понятий «преступное сообщество» и «преступная организация» [1, с. 284]. На отсутствие уголовно-правовых отличий таковых указывают в своих исследованиях и другие авторы [2, с. 26-29; 6, с. 110].

Однако, как полагает М.Г. Козловская, существуют криминологические различия [6, с. 110]. Криминологическую дефиницию преступного сообщества разработал коллектив авторов проекта Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью» (ч. 6 ст. 2 законопроекта) [3]. Данное определение отличается от уголовно-правового, закрепленного в действующей редакции УК РФ. На взгляд криминологов, преступное сообщество может объединять: 1) организаторов; 2) руководителей; 3) иных участников преступных организаций. Причем, по мнению авторов рассматриваемой дефиниции, формами преступной консолидации являются: преступные организации; организованные группы; банды. В качестве целей создания преступного сообщества называются такие, как совместная разработка, реализация мер по координации, поддержанию, развитию преступной деятельности, по созданию благоприятных условий для преступной деятельности, организация совершения тяжких преступлений. Таким образом, в отличие от УК РФ, в проекте Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью» преступное сообщество и преступная организация не отождествляются. Кроме того, значительно шире определены цели соответствующего криминального объединения.

Материалы и методы исследований

В основе исследования лежит компаративистский метод, позволяющий раскрыть специфику подходов к закреплению юридических признаков преступного сообщества в международном законодательстве и Уголовном кодексе Российской Федерации, установить их общие и отличительные признаки, в аспекте решения вопроса о поиске оптимальной модели конструирования легальной дефиниции преступного сообщества. В статье так же на основе монографического метода осуществлен анализ взглядов отечественных авторов на обозначенную проблематику.

Результаты и обсуждение

В контексте рассматриваемого вопроса интерес представляет международное законодательство. Однако и здесь отсутствует четкая позиция относительно правовой природы и сути категории «преступное сообщество». Первый опыт дифференциации уголовной ответственности за участие в преступной организации был осуществлен в Уставе Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси [17]. В ст. 9 Устава Нюрнбергского трибунала отмечается, что «при рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации Трибунал может (в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено) признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией» [17]. Однако из-за отсутствия четких критериев определения юридических признаков преступной организации деятельность Международного военного трибунала зашла в тупик. Всего в отдельное производство было выделено шесть дел об организациях: руководящем составе НСДАП, гестапо и СД, СС, СА, Имперском кабинете министров и Генеральном штабе. На заседании 12 января 1946 г. судьи запросили у обвинения обоснования критериев, на основании которых прокуратура устанавливала «преступное членство». На трёх открытых заседаниях от 28 февраля и 1–2 марта шесть адвокатов выступили против самой концепции обвинения организаций в уголовных преступлениях: их главный довод заключался в том, что – какие бы процедуры, гарантии и исключения не были бы сделаны трибуналом – огромное количество невиновных людей окажется осуждёнными [19, p. 512-516]. Однако, по мнению прокурора Р. Джексона, давать определение «преступной организации» не требовалось [19, p. 512-516]. Его позицию поддержал прокурор от СССР Р.А. Руденко [18, p. 347]. Ему принадлежат следующие слова: «Для осуществления задуманных ими злодеяний главари фашистского заговора создали систему преступных организаций» [4, с. 960-961]. Адвокаты стремились доказать, что организации не были сплоченными коллективами и что преступная деятельность нескольких отдельных членов была секретом от остальных участников [19, p.

516-520]. Таким образом, в рамках Нюрнбергского трибунала вопрос о юридических признаках преступной организации решался через признак членства в ней.

Вопрос ответственности участников преступных организаций вновь стал объектом пристального внимания мирового сообщества лишь спустя 55 лет при принятии Конвенции Организации Объединенных Наций (далее – ООН) против транснациональной организованной преступности [8]. Т.е. организованной преступности, выходящей за пределы границ одного государства [14, с. 185]. В международно-правовом акте отсутствует непосредственное упоминание о преступном сообществе, а содержится указание на «организованную преступную группу» (п. «а» ст. 2 Конвенции) и «структурно оформленную группу» (п. «с» ст. 2 Конвенции) [8]. Ни одна из них, исходя из закрепленных юридических признаков, не подпадает в полной мере под выработанную в национальном законодательстве России категорию «преступное сообщество». Подобная ситуация дает отечественным ученым основание для вывода о том, что в международном уголовном праве понятие «преступное сообщество» отсутствует [13].

Однако в документах официального толкования указанной Конвенции обращено внимание, что в ней используется два различных подхода к криминализации участия в организованной преступной группе, а также сочетание обоих подходов. Один из них базируется на концепции вступления в сговор (концепция, которая широко используется в странах общего права), другой – на концепции преступного сообщества (концепция, которая сформировалась в странах системы гражданского права) [12]. Именно в рамках первой концепции «организованная преступная группа» определяется как структурно оформленная группа в составе трех или более лиц, существующая в течение определенного периода времени и действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду (ст. 2 (a)). Конвенция акцентирует внимание на разграничении организованных и не организованных преступных объединений. Другими словами, перечисленные признаки характерны для каждого организованного преступного объединения (группы, сообщества, организации и т. п.) независимо от разновидности. А.В. Наумов уверен, что «создание организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) требует не только подбора соучастников, но и разработки структуры любого из этих преступных объединений, придания ему устойчивости, определения направления преступной деятельности, в необходимых случаях – обеспечения оружием, боеприпасами, транспортными средствами, документами, средствам связи» [7, с. 56].

Под преступным сообществом предлагается понимать лишь деяния, охватываемые подпунктом 1 a) ii) ст. 5 Конвенции следующим образом: деяния какого-либо лица, которое с осознанием либо цели и общей преступной деятельности организованной преступной группы, либо ее намерения совершить соответствующие преступления принимает активное участие в: a) преступной деятельности организованной преступной группы; b) других видах деятельности организованной преступной группы с осознанием того, что его участие будет содействовать достижению вышеуказанной преступной цели [12]. К числу криминализуемых деяний Конвенция относит исключительно оказание намеренного содействия организованным преступным группам, причем широко понимаемого, поскольку включает в себя не только активное участие в преступной деятельности, но и «другую деятельность», которая хотя сама по себе и не является преступлением, но может выполнять вспомогательную функцию в отношении деятельности и целей преступной группы. При этом международное законодательство выводит за рамки понятия «преступное сообщество» реализацию заранее составленного плана или сговора. Обращает на себя внимание, что авторы «Осуществления Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: инструментарий оценки потребностей» особо оговаривают, что определение активного участия соответствующим лицом является вопросом факта, и в различных правовых системах могут по-разному определяться условия, при которых для установления данного элемента достаточно более пассивного участия.

Следует заметить, что для целей Конвенции «структурно оформленная группа» определяется в отрицательном контексте и означает «группу, которая не была случайно образована для немедленного совершения преступления и в которой не обязательно формально определены роли ее членов, оговорен непрерывный характер членства или создана развитая структура» (ст. 2 (c)) [9].

В других рекомендациях ООН «Типовых законодательных положениях против организованной преступности» выделена самостоятельная статья «Преступное сообщество» (ст. 7). Однако в ней речь ведется об уголовной ответственности отдельных лиц при условии их: 1) активного участия в деятельности организованной преступной группы; 2) совершения преступления в составе указанной группы; 3) активного участия в другой деятельности организованной

преступной группы. Обязательным условием является умышленная форма вины и цель – совершение преступлений, а для третьего вида сообщества – и осознание, что действия или бездействие лица будут способствовать достижению преступной цели [15].

Приведенные положения международного законодательства дают основание для вывода о том, что в нем преступное сообщество выступает не формой соучастия, а относится к видам соучастников, исходя из принятого в отечественном уголовном законе и правовой доктрине подхода. Здесь основанием криминализации выступает присоединение путем активного участия отдельного лица к уже существующей криминальной консолидации в форме организованной преступной группы. Многие авторы указывают и на особенности перевода на английский язык категории «преступное сообщество», обращая внимание, что при понимании его в международном праве в качестве формы преступной организации перевод бы имел следующее звучание – «criminal community». Именно подобное выражение присутствует в англоязычном переводе ч. 4 ст. 35 УК РФ. Однако нормах международного уголовного права употребляется термин «criminal association», что переводится как «преступная ассоциация, преступное объединение» [13].

Выводы

Подводя итог осуществленному исследованию, можно сформулировать ряд выводов:

во-первых, международные правовые источники, хотя и упоминают категорию «преступное сообщество», вместе с тем не раскрывают четко его юридические признаки;

во-вторых, в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности используются два различных подхода к криминализации участия в организованной преступной группе, а также сочетание обоих подходов: первый основан на концепции вступления в сговор; второй – на концепции преступного сообщества;

в-третьих, в источниках толкования Конвенции 2000 г. раскрывается подход, согласно которому под преступным сообществом признается умышленное участие в преступной организации в широком понимании, т.е. непосредственно в совершаемых преступлениях либо в деятельности, направленной на поддержание ее функционирования, что дает основание для вывода о том, что преступное сообщество рассматривается не как форма преступной организации, а как соучастие в виде присоединения к организованной преступной группе;

в-четвертых, отечественный законодатель осуществил значительно более детальную регламентацию, нежели международные источники уголовного права, форм преступной консолидации, выделяя в ст. 35 УК РФ четыре общих формы соучастия (группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация)), а также ряд специальных форм преступных организаций (террористическое сообщество (ст. 2054 УК РФ), террористическая организация (2055 УК РФ); незаконное вооруженное формирование (ст. 208 УК РФ); банда (ст. 209 УК РФ); диверсионное сообщество (ст. 281^{3} УК РФ); экстремистское сообщество (ст. 282^{1} УК РФ); экстремистская организация (ст. 282^{2} УК РФ).

Список литературы:

[1] Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М.: Щит-М, 1998. – С. 284.

[2] Глазкова Л.В. Понятие и виды организованных преступных групп: системный анализ // Мониторинг правоприменения. 2016. № 1. – С. 26-29.

[3] Законопроект № 96700359–2 «О борьбе с организованной преступностью» (в архиве) // СОЗД ГАС «Законотворчество». – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/96700359-2 (дата обращения: 02.02.2026).

[4] Звягинцев А.Г. Нюрнбергский набат: репортаж из прошлого, обращение к будущему. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2006. – С. 960-961.

[5] Именной высочайший Указ Правительствующего Сената о временных правилах об обществах и союзах // Российской законодательство X-XX веков. Т. 9 / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1994. – С. 206.

[6] Козловская М.Г. Преступное сообщество: криминологический подход // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 3. – С. 110.

[7] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.И. Радченко, А.С. Михлина. – М.: Проспект, 2008. – С. 56.

[8] Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 02.02.2026).

[9] Конференция участников Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Distr.: General 12 May 2020. Russian Original: English. Рабочая группа правительственных экспертов по технической помощи. Вена, 9 и 10 июля 2020 г. Пункт 3 предварительной повестки дня: Применение Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организо-

ванной преступности в национальной судебной практике // Официальный сайт ООН. –URL: https://www.unodc.org/documents/treaties/WG_TA_2020/WG_TA_website/CTOC_COP_WG_2_2020_2/CTOCCOPWG.220202_R.pdf. (дата обращения: 02.02.2026).

[10] Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. – М.: Норма, 1997. – С. 17.

[11] Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г.: Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. С прил. предм. алф. указ. Неофиц. изд. Санкт-Петербург: кн. маг. В.П. Анисимова, 1903 // Национальная электронная библиотека. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003714958/ (дата обращения: 02.02.2026).

[12] Осуществление Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: инструментарий оценки потребностей // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/tools_and_publications/16-02940_R_ebook.pdf (дата обращения: 02.02.2026).

[13] Попов В.А. Компаративистское исследование моделей уголовно-правового регулирования ответственности за организацию преступного сообщества и некоторые пути решения общих проблем // Universum juris. 2017. № 2. – URL: https://universum-juris.org/?q=ru/node/38 (дата обращения: 02.02.2026).

[14] Рыжов В.Б. Международная преступность: понятие, доктринальное и правовое обоснование методов противодействия ей на современном этапе // Образование и право. 2018. № 4. – С. 183-192.

[15] Типовые законодательные положения против организованной преступности // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/Model_Legislative_Provisions_UNTOC_Ebook_R.pdf. (дата обращения: 02.02.2026).

[16] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб.: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. [4], IV, 898, XVII с. // Национальная электронная библиотека. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_002889696?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 02.02.2026).

[17] Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси // Национальная электронная библиотека. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000755446_237327/ (дата обращения: 02.02.2026).

[18] Hirsch Francine. Soviet judgment at Nuremberg: a new history of the international military tribunal after World War II. – New York: Oxford University Press, 2020. – P. 347.

[19] Tusa Ann, Tusa John. The Nuremberg Trial / new foreword by Ann Tusa and John Tusa; partially based on two draft chapters by John Wheeler-Bennett; ebook to pdf, 635 p. – New York: Skyhorse Pub, 2010. – P. 512-516.

References:

[1] Antonyan Y.M. Terrorism. Criminological and criminal law research. - M.: Shield-M, 1998. - S. 284.

[2] Glazkova L.V. Concept and types of organized criminal groups: system analysis//Monitoring of law enforcement. 2016. № 1. - S. 26-29.

[3] Bill No. 96700359-2 “On Combating Organized Crime” (archived)//SOZD GAS “Lawmaking.” - URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/96700359-2 (access date: 02.02.2026).

[4] Zvyagintsev A.G. Nuremberg alarm: report from the past, appeal to the future. - M.: OLMA Media Group, 2006. - S. 960-961.

[5] Named highest Decree of the Governing Senate on temporary rules on societies and unions// Russian legislation of the X-XX centuries. T. 9/under the general. ed. O.I. Chistyakova. - M.: Legal literature, 1994. - S. 206.

[6] Kozlovskaya M.G. Criminal community: criminological approach//Law enforcement. 2020. VOL. 4. № 3. - S. 110.

[7] Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation/ed. V.I. Radchenko, A.S. Mikhlin. - M.: Prospect, 2008. - S. 56.

[8] UN Convention against Transnational Organized Crime. Adopted by General Assembly resolution 55/25 of November 15, 2000//UN Official Website. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 02.02.2026).

[9] Conference of the Parties to the United Nations Convention against Transnational Organized Crime. Distr.: General 12 May 2020. Russian Original: English. Working Group of Governmental Experts on Technical Assistance. Vienna, 9 and 10 July 2020 Item 3 of the provisional agenda: Application of the United Nations Convention against Transnational Organized Crime in national judicial practice//Official website of the United Nations. –URL: https://www.unodc.org/documents/treaties/WG_TA_2020/WG_TA_website/CTOC_COP_WG_2_2020_2/CTOC-COPWG.220202_R.pdf. (accessed on: 02.02.2026).

[10] Luneev V.V. Crime of the XX century. World criminological analysis. - M.: Norma, 1997. - S. 17.

[11] New criminal code, high. approved by March 22, 1903: New Criminal Code, the highest approved March 22, 1903. alph. decree. Neofitz. ed.

St. Petersburg: Prince magician. V.P. Anisimova, 1903//National Electronic Library. - URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003714958/ (access date: 02.02.2026).

[12] Implementation of the United Nations Convention against Transnational Organized Crime: Needs Assessment Toolkit//UN Official Website. – URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/tools_and_publications/16-02940_R_ebook.pdf (дата обращения: 02.02.2026).

[13] Popov V.A. Comparative study of models of criminal law regulation of responsibility for organizing a criminal community and some ways to solve common problems//Universum juris. 2017. № 2. - URL: https://universum-juris.org/?q = ru/node/38 (access date: 02.02.2026).

[14] Ryzhov V.B. International crime: the concept, doctrinal and legal justification of methods of countering it at the present stage//Education and law. 2018. № 4. - S. 183-192.

[15] Model Legislative Provisions against Organized Crime//UN Official Website. – URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/Model_Legislative_Provisions_UNTOC_Ebook_R.pdf. (accessed on: 02.02.2026).

[16] Penal and Correctional Code. - St. Petersburg: Type. 2 properties. e. and. c. Chancellery, 1845. [4], IV, 898, XVII p .//National Electronic Library. - URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_002889696?page=1&rotate=0&theme=white (access date: 02.02.2026).

[17] Charter of the International Military Tribunal for the Trial and Punishment of the Main War Criminals of the European Axis Countries//National Electronic Library. - URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000755446_237327/ (access date: 02.02.2026).

[18] Hirsch Francine. Soviet judgment at Nuremberg: a new history of the international military tribunal after World War II. – New York: Oxford University Press, 2020. – P. 347.

[19] Tusa Ann, Tusa John. The Nuremberg Trial / new foreword by Ann Tusa and John Tusa; partially based on two draft chapters by John Wheeler-Bennett; ebook to pdf, 635 p. – New York: Skyhorse Pub, 2010. – P. 512-516.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-277-282

ПОСАШКОВ Антон Сергеевич,
заместитель командира взвода
факультета подготовки дознавателей
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилин,
e-mail: posashkov04@internet.ru

РУДОВ Денис Николаевич,
кандидат юридических наук,
доцент заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина,
e-mail: Den.rudov2013@yandex.ru

ПШЕНИЧНЫХ Сергей Николаевич,
научный сотрудник НИО Белгородского юридического
института МВД России имени И.Д. Путилина,
e-mail: pshenichnyx86@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ В ДОКАЗЫВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация. *В научной статье исследуются ключевые аспекты использования цифровых следов и электронных доказательств в расследовании экономических преступлений. На основе анализа статистических данных сайта МВД России (за 2025 год сотрудники органов внутренних дел выявили почти 25 000 ИТТ-преступлений в сфере экономики) обосновывается актуальность темы. Всего за январь-июль 2025 года зарегистрировано 424 900 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Практически все преступления данного вида (98,2%) выявляются органами внутренних дел РФ. Больше половины ИТТ-преступлений (51,8%) относится к категориям тяжких и особо тяжких. Примечательно, что доля тяжких и особо тяжких преступлений в сфере ИТТ-преступлений продолжает увеличиваться, что требует разработки новых подходов к собиранию доказательств.*

Основные проблемы: отсутствие единого подхода к пониманию экономических преступлений (наличие узкого и широкого подходов); соотношение терминов «компьютерная информация», «цифровой след» и «электронное доказательство»; определение основных квалификаций цифровых следов, имеющих значение для доказывания субъективной стороны преступления. Неоднозначность терминологии создает трудности в правоприменительной практике, особенно по экономическим делам.

Ключевые результаты исследования: сформирована иерархия определений; «компьютерная информация – исходное сырье», «цифровой след – криминалистически значимая информация» и «электронное доказательство – процессуальная форма оформления криминалистически значимой информации»; предложено дополнить статью 5 УПК РФ авторскими определениями пунктом 21.1 (носитель цифровых следов) и 58.1 (цифровой след) соответственно; проанализированы существующие классификации цифровых следов (по способу создания, местонахождению, степени опосредованности пользователя), в том числе классификация А.Г. Себякина (непосредственные и опосредованные следы); выявлена специфика цифровых следов в доказывании экономических преступлений.

Системный подход к пониманию природы и видов цифровых следов – необходимое условие эффективного расследования современных экономических преступлений. Предложенные определения и классификации могут стать основой для совершенствования уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: *цифровые следы, электронное доказательство, экономические преступления, расследование преступлений, УПК РФ, носитель цифровых следов, компьютерная информация, информационно-телекоммуникационные технологии.*

POSASHKOV Anton Sergeevich,
Deputy Platoon Commander,
Investigator Training Department Belgorod Law Institute
The Ministry of Internal Affairs of Russia
named after I.D. Putilin

RUDOV Denis Nikolaevich,
Candidate of Law, Associate Professor Deputy
Head of the Criminal Procedure Department
Belgorod Law Institute I.D. Putilin Ministry
of Internal Affairs of Russia

PSHENICHNYKH Sergey Nikolaevich,
Research Fellow, Research Institute,
Belgorod Law Institute, I.D. Putilin Ministry
of Internal Affairs of Russia

DIGITAL TRACES IN PROVIDING ECONOMIC CRIMES

Annotation. *This research article examines key aspects of using digital traces and electronic evidence in investigating economic crimes. The relevance of this topic is substantiated by an analysis of statistical data from the Russian Ministry of Internal Affairs website (in 2025, law enforcement officers identified nearly 25,000 ICT crimes in the economic sphere). A total of 424,900 crimes committed using information and telecommunications technologies or in the field of computer information were registered from January to July 2025. Almost all crimes of this type (98.2%) are detected by law enforcement agencies of the Russian Federation. More than half of ICT crimes (51.8%) are classified as serious and especially serious. It is noteworthy that the share of serious and especially serious ICT crimes continues to increase, requiring the development of new approaches to evidence collection.*

Key challenges: the lack of a unified approach to understanding economic crimes (the presence of narrow and broad approaches); The relationship between the terms "computer information," "digital trace," and "electronic evidence" is explored; the key qualifications of digital traces relevant to proving the subjective aspect of a crime are defined. The ambiguity of terminology creates difficulties in law enforcement practice, particularly in economic cases.

Key findings of the study: a hierarchy of definitions has been established: "computer information is the raw material," "digital trace is forensically significant information," and "electronic evidence is a procedural form for recording forensically significant information." A proposal has been made to supplement Article 5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with the author's definitions, including paragraphs 21.1 (digital trace carrier) and 58.1 (digital trace), respectively. Existing classifications of digital traces (by method of creation, location, and degree of user indirection) are analyzed, including A.G. Sebyakin's classification (direct and indirect traces). The specific nature of digital traces in proving economic crimes is identified.

A systematic approach to understanding the nature and types of digital traces is essential for the effective investigation of modern economic crimes. The proposed definitions and classifications can serve as a basis for improving criminal procedure legislation and its application.

Key words: *digital traces, electronic evidence, economic crimes, crime investigation, Criminal Procedure Code of the Russian Federation (CPC RF), digital trace carrier, computer information, information and telecommunication technologies (ICT).*

Руководствуясь статистическими данными МВД России, ущерб от ИТТ-преступлений в 2025 году за семь месяцев увеличился на 16 % - с 100,5 млрд рублей до 119,6 млрд рублей. Всего за январь-июль 2025 года зарегистрировано 424 900 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Практически все преступления данного вида (98,2%) выявляются органами внутренних дел РФ. Больше половины ИТТ-преступлений (51,8%) относится к категориям тяжких и особо тяжких.

В юридической науке отсутствует единое определение составов преступлений, которое можно отнести к экономической направленности.

Ученые выделяют два подхода к понимаю данного термина: узкий (Бойцов А.И., Ларченко В.Д.) – только преступления главы 22 УК РФ, широки (Колесников В.В., Немытина М.В.) – весь раздел 8 УК РФ.

Ведомственная классификация определяется Указанием Генпрокуратуры №35/11, МВД России №1 от 24.01.2020 [2]. В соответствии с ним выделяется три группы преступлений экономической направленности:

1) Безусловные составы (ст. 145.1,146,147 и др.)
2) Преступления с дополнительными условиями (ч. 3 ст. 158, ч.2 ст. 159 и др.)
3) Налоговые преступления (ст. 198-199.4 и др.)

Наше мнение склоняется к признанию широкого подхода, так как он охватывает все экономические отношения. Ключевые признаки данного вида преступлений: специальный субъект, использование законных экономических инструментов, крупный ущерб, угроза экономической безопасности.

Для большего понимания значения понятий «цифровые следы» и «электронное доказательство» нам нужно изучить, в какой взаимосвязи находятся данные понятия. Соотношение «компьютерная информация» с вышеупомянутыми терминами, а также смысловое и процессуальное содержание каждого из них. Их корректное и смысловое разграничение имеет неоценимое значение для правоприменительной практики правоохранительных органов.

Понятие «компьютерная информация» является исходным, наиболее широким, которое лежит в основе всех остальных. Компьютерная информация – совокупность данных, сведений, представленных в форме, пригодной для автоматической обработки компьютерными средствами. Данное определение является самостоятельным и находит свое отражение в статье 272 УК РФ (под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи). Сама информация в данном виде представляет собой массив данных, а её правовой статус представляет собой «сырье», потенциальный носитель следов и информации, имеющей значение для дела (объем данных на жестком диске, сообщения на электронной почте и в мессенджерах, логфайл сервера за определенный период).

Само понятие «цифровой след» является следующей ступенью конкретизации. Цифровой след – это криминалистически значимая информация, зафиксированная в электронной форме и отражающая факты совершения экономических операций, действий пользователей в информационных системах, процессы обработки, хранения и передачи данных.

Приговор №1-180/2025 от 28 апреля 2025 г. по делу № 1-180/2025 Тосненским городским судом Ленинградской области в отношении ФИО1, обвиняемого в совершении преступлений предусмотренных ч. 3 ст. 160 УК РФ, ч. 1 ст. 160 УК РФ. Ярким примером использования цифрового следа является изъятый цифровой носитель – DVD-диск с записями камер видеонаблюдения, который в установленном законом порядке был осмотрен и признан вещественным доказательством, протокол осмотра предмета был приобщен к материалам уголовного дела.

Е.Р. Россинская и И.А. Рядовский определяют цифровой след как криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи [1]. Данное понятие использует узкое определение «компьютерной информации», но имеет указание на процессуальный аспект.

А.В. Ростовцев рассматривает цифровой след как значимую информацию, оставленную в виртуальном пространстве и на электронно-цифровых устройствах, которая представлена в форме электрических сигналов и обнаружена с помощью программно-технических устройств [2]. Точным является акцент на выраженность посредством сигналов, но привязка к виртуальномупространству чрезмерно сужает данное определение.

Согласно позиции А. М.Багмета, цифровой (виртуальный) след –любая криминалистически значимая компьютерная информация, т.е. сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи[3]. Вводится в определение динамический аспект (электрические сигналы), но акцент сводится к криминалистической значимости, что может сужать применение понятия в других правовых сферах.

По мнению А.А. Бессонова цифровые следы – информация, содержащаяся в электронно-вычислительных машинах и иных цифровых устройствах, а также в средствах подвижной радиотелефонной связи и на различных носителях цифровой информации, зафиксированная в цифровом формате. Данное определение отличается современностью и широтой охвата, правильно перечисляя источники и носители, но не объясняет причину криминалистической значимости [4].

Электронное доказательство представляет собой процессуальную форму, в которую в кото-

рую верифицируется цифровой след и разновидность иных документов или вещественных доказательств, закрепленных на материальном носителе. По намешу мнению электронное доказательство – это цифровой след, который прошел процедуру легализации в рамках уголовного процесса, гарантирующую его неизменность и достоверность.

В рамках расследования дел в сфере экономики наиболее распространены следующие виды цифровых следов: электронные бухгалтерские и финансовые документы (файлы баз данных систем автоматизированного учета, 1Cv8/KDN в 1С:Бухгалтерия); данные о цифровых финансовых активах (переводы через криптовалютные кошельки, международные переводы и транзакции); данные интернет-ресурсов (скриншоты переписок, информация о регистрации домена, информация с сайтов в файлах); сведения из социальных сетей и мессенджеров (история переписок, контакты в мессенджерах, аккаунты в социальных сетях); информация с устройств фиксации (запись видеорегистраторов, камер наблюдения, диктофонов); метаданные файлов (время создания, изменения, авторство), журналы событий и систем (история, фиксирующая действия пользователей).

Приговор № 1-11/2024, 1-29/2023, 1-300/2022, 1-8/2025, от 10 апреля 2025 г. по делу № 1-11/2024по ч. 4 статьи 159 УК РФ, где доказательством послужил протокол осмотра и фототаблицы, содержащие данные базы С1 (компания с запросом на коммерческое предложение о покупке светильников не обращалась, но денежные средства на освещение участка дорожного полотна на счет ООО «Стройпремьер» поступили в размере 4 819 274,10 по гос. контракту).

Знание классификации цифровых следов – это не теория, а необходимость для сотрудников органа предварительного расследования и оперативных подразделений. Она позволяет выстраивать эффективную и экономную по временным показателям методику расследования, грамотно проводить и планировать следственные действия, не допускать роковых ошибок при обыске, изъятии предметов и выемке, обеспечивать допустимость доказательств, полученных при помощи осмотра цифровых следов, воссоздать полную картину и последовательность совершения преступного деяния.

Способы классификации цифровых следов, наиболее релевантные для практики расследования и раскрытия преступлений:

1) По способу создания:

– файлы, которые пользователь создал самостоятельно и намеренно сохранил на устройстве (файлы docx, xlsx, zip);
– файлы, сформированные автоматически операционной системой или приложениями без прямого участия человека (журналы событий, файлы кэша, файлы точек восстановления системы);
– файлы, содержимое которых генерируется устройством на основе заданных пользователем команд или сценариев (VBA-скрипт, . MDB, .bat, .ps1).

2) По местонахождению цифровых следов [5]:

– на электронных устройствах потерпевшего или свидетеля;
– на электронных устройствах подозреваемого;
– на оборудовании операторов связи и иных промежуточных серверах.

3) При совершении мошенничества с использованием средств сотовой связи:

4. Цифровые следы, возникающие в мобильных средствах телекоммуникации:
– сведения об оборудовании и абонентах;
– пространственно-временные данные;
– метаданные мультимедийного контента;
– специализированные приложения и программы.
5. Цифровые следы, связанные с использованием банковской карты или счета;
6. Аудиофонограммы.
7. Цифровые следы, связанные с подготовкой, совершением и сокрытием преступного деяния, находящиеся на электронном устройстве преступника.

Классификация предложенная к.ю.н. А.Г. Себякиным в своей диссертации, является одной из фундаментальных и практически полезных, так как основана она на критически важном для расследования критерии – степени опосредованности воздействия пользователя на компьютерную систему.

Классификация цифровых следов по А.Г. Себякину[6]:

1. Непосредственные следы возникают в результате прямого воздействия на компьютерную систему (переписка, публикации, сознательно размещенный продолжительное время определенный вид контента, ряд однотипных транзакций и другое.)
2. Опосредованные следы образуются без прямого участия пользователя, но инициируются его действиями (метаданные, ip-адреса, данные о местоположении, факт перехода по рекламной ссылке, журналы системных событий, файлы cookie и другое).

Таким образом, непосредственные следы прямо свидетельствуют о намерениях, мыслях и

действиях человека. Они являются прямым источником информации о намеренных действиях (переписка о планировании преступления).

Опосредованные следы зачастую служат косвенной информацией, которая подтверждает факт нахождения устройства в определенном месте в определенное время или совершения им конкретных действий, даже если пользователь противодействовал расследованию преступления и пытался скрыть имеющуюся на носителе информацию.

Таким образом, классификация Себякина А.Г. не просто является теоретической квалификацией цифровых следов, а предоставляет следователю методическую разработку и четкий инструмент для оценки, систематизации и использования цифровых следов для собирания доказательств и доказывания субъективной стороны преступления.

На основе проведенного исследования можно сделать вывод:

1) Сформирована четкая терминологическая иерархия. Ключевые понятия «компьютерная информация», «цифровой след» и «электронное доказательство» соотносятся как последовательные стадии преобразования информации в доказательство. «Компьютерная информация» является исходным сырьем, «цифровой след» криминалистически значимой частью информации, а «электронное доказательство» - её процессуально оформленной формой, пригодной для использования в суде.
2) Предложено легальное определение. В целях унификации правоприменительной практики обоснована необходимость закрепления в статье 5 УПК РФ легальных дефиниций «цифровой след» и «носитель цифровых следов», что позволит четко регламентировать действия следствия и исключит разночтения.
3) Классификации носят практико-ориентированный характер.Рассмотренные классификации (по способу создания, местонахождению, степени осознанности) не являются абстрактными, а служат конкретным целям:

– помогают выстроить эффективную стратегию расследования, определяя приоритеты в изъятии и исследовании следов (например, сначала зафиксировать неустойчивые пассивные следы).
– позволяют грамотно планировать следственные действия (обыск, выемку) и определять круг источников доказательств.
– способствуют правильной оценке доказательственного значения: непосредственные следы прямо свидетельствуют о намерениях лица, а опосредованные подтверждают обстоятельства дела.

4) Выявлена специфика следов в экономических преступлениях. Для данной категории дел наиболее релевантны цифровые следы из систем бухгалтерского учета, данные о финансовых транзакциях (включая криптовалютные), метаданные документов и переписка в мессенджерах, что требует от следователя узкоспециализированных знаний и компетенций.

Таким образом, системный подход к пониманию природы, видов и процессуального оформления цифровых следов является необходимым условием для успешного расследования и раскрытия современных экономических преступлений.

На основании изученных определений, мы предлагаем дополнить статью 5 УПК РФ пунктом 21.1 (носитель цифровых следов) и 58.1 (цифровой след) соответственно:

– цифровой след – криминалистически значимая информация о событии или действии, зафиксированная в цифровой форме на материальном носителе либо в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в результате функционирования цифрового устройства, системы или сети;
– носитель цифровых следов – материальный объект, на котором информация, составляющая цифровой след, находит свое отображение в виде электрических, магнитных, электромагнитных, оптических или иных физических полей и сигналов (жесткие диски, микросхемы памяти, сервера и т.д.).

Список литературы:

[1] Е. Р. Россинская, А. И. Семикаленова, И. А. Рядовский, Т. А. Сааков.Теория информационно компьютерного обеспечения криминалистической деятельности //Проспект. 2023. - 352 с.

[2] Ростовцев А. В. Особенности судебно экспертного исследования цифровых следов // Вестник криминалистики. 2019. № 2 (70). С. 67–72.

[3] Багмет А. М., Бычков В. В., Скобелин С. Ю., Ильин Н. Н. Цифровые следы преступлений: монография / Проспект, 2021. - 168 с.

[4] Бессонов А. А. Цифровые следы как объекты криминалистического исследования : монография / А. А. Бессонов. — Москва :Юрлитинформ, 2019. — 240 с

[5] Колычева, А. Н. Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет :дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / А. Н. Колычева. — М., 2019. — 200 с.

[6] Себякин, А. Г. Тактика использования знаний в области компьютерной техники в целях получения криминалистически значимой информации :дис. … канд. юрид. наук : 12.00.12 / А. Г. Себякин ; Моск. гос. юрид. ун т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). — Москва, 2021. — 234 с.

References:

[1] E. R. Rossinskaya, A. I. Semikalenova, I. A. Ryadovsky, T. A. Saakov. Theory of information computer support of forensic activities//Prospect. 2023. - 352 s.

[2] Rostovtsev A. V. Features of forensic research of digital traces//Bulletin of Criminalistics. 2019. № 2 (70). S. 67-72.

[3] Bagmet A.M., Bychkov V.V., Skobelin S. Yu., Ilyin N. N. Digital traces of crimes: monograph/Prospect, 2021. - 168 s.

[4] Bessonov A. A. Digital traces as objects of forensic research: monograph/A. A. Bessonov. - Moscow: Yurlitinform, 2019. - 240 s

[5] Kolycheva, A. N. Recording of evidentiary information stored on the Internet resources: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.12/A. N. Kolycheva. - M., 2019. - 200 s.

[6] Sebyakin, A. G. Tactics of using knowledge in the field of computer technology in order to obtain criminally significant information: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.12/A. G. Sebyakin; Mosk. state. jurid. un t them. O. E. Kutafina (Moscow State Law Academy). - Moscow, 2021. - 234 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-283-288

ПИНКЕВИЧ Татьяна Валентиновна,
доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовной политики
Академия управления МВД России,
e-mail: pinkevich@yandex.ru

НЕБОГАТИКОВА Екатерина Ивановна,
адъюнкт, Академия управления МВД России,
e-mail: swesda_1@mail.ru

ЭТНОАНКЛАВИЗАЦИЯ КАК ПРИЧИНА ПРИЧИННОГО КОМПЛЕКСА ПРЕСТУПНОСТИ НАТУРАЛИЗОВАННЫХ ГРАЖДАН

Аннотация. *Статья посвящена результатам исследования этноанклавизации как ключевого элемента причинного комплекса преступности натурализованных граждан. На основе анализа общей теории причинности и существующих криминологических моделей причинного комплекса в работе представлена авторская структура причинного комплекса, акцентирующая важность постнатурализационного периода. Представлен анализ криминологических признаков этноанклава и механизмы его влияния на криминализацию натурализованных граждан, включая субадаптацию, формирование криминогенных миграционных сетей и блокировку правовых регуляторов. В заключении авторами предложен комплекс мер по предупреждению этноанклавизации.*

Ключевые слова: *этноанклавизация, причинный комплекс, преступность, натурализованные граждане, интеграция.*

Вклад авторов: *Пинкевич Т.В. — научное руководство, выработка концепции исследования, развитие методологии, сбор материала, формулирование итоговых выводов, доработка текста; Небогатикова Е.И. — подбор материала, социологическое исследование, сбор и обработка статистических данных, написание исходного текста.*

PINKEVICH Tatyana Valentinovna,
Doctor of Law, Professor of the Department
of Criminal Policy Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

NEBOGATIKOVA Ekaterina Ivanovna,
is an associate professor at the Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ETHNO-ENCLAVIZATION AS A CAUSE OF THE CRIMINAL COMPLEX OF NATURALIZED CITIZENS

Annotation. *The article is devoted to the results of a study of ethno-enclavization as a key element of the causal complex of crime among naturalized citizens. Based on an analysis of the general theory of causation and existing criminological models of the causal complex, the article presents the author's structure of the causal complex, emphasizing the importance of the post-naturalization period. The article provides an analysis of the criminological characteristics of ethno-enclaves and the mechanisms of their influence on the criminalization of naturalized citizens, including sub-adaptation, the formation of criminogenic migration networks, and the blocking of legal regulators. In conclusion, the authors propose a set of measures to prevent ethno-enclavization.*

Key words: *ethno-enclavization, causal complex, crime, naturalized citizens, integration.*

Введение

Предупреждение преступности натурализованных граждан невозможно без исследования ее причинного комплекса (далее-причины преступности), поскольку полученные результаты являются основой подготовки мер предупредительного характера названному виду преступности [12, 539]. В криминологической науке исследованию причин преступности уделялось особое внимание. Более убедительным, на наш взгляд является понятие данное В.Н. Кудрявцевым и В.Е. Эминовым, по мнению которых причинный комплекс представляет собой совокупность взаимосвязанных негативных социальных явлений, которые имеют общую этиологию и уязвимые зоны, формирующие благоприятную среду для совершения преступлений [8, 55].

В соответствии с их позицией, одним из элементов данного комплекса являются криминогенные обстоятельства, проявляющиеся в социально-политической сфере. Одной из значимых составляющих данного блока причинного комплекса преступности натурализованных граждан сегодня является этноанклавизация и ее влияние на уровень криминогенности. Опасность данного явления заключается в формировании устойчивых этнических сообществ, где поведение и образ жизни подчинены обычаям, верованиям и культурным традициям своего этноса, которые могут привести к серьезным проблемам в обществе, в том числе к изменениям социокультурной среды общества, утрате национальной идентичности и созданию угроз национальной безопасности.

Учитывая данные риски, необходима разработка и реализация профилактических мер, направленных на устранение влияния этноанклавизации на граждан, прибывающих на территорию России, в том числе и на их натурализованную часть.

Материал и методы

Материалами исследования послужили: результаты анализа фундаментальных работ по общей теории причинности в криминологии (В.Н. Кудрявцев, А.И. Долгова, В.Е. Эминов и др.), а также результаты исследований преступности мигрантов (М.М. Бабаев, Э.Б. Магомедов и др.), монографии, аналитические обзоры и научные статьи, посвященные социологии этнических анклавов, натурализации и интеграции мигрантов.

В качестве методологического инструментария выступили общенаучные методы: анализ научной литературы для выявления ключевых позиций авторов по вопросам причинности, интеграции и феномена этнических анклавов; синтез использовался для интеграции полученных данных в новое системное знание, научно-аналитический метод для построения авторской теоретической модели причинного комплекса, а также социологический метод - опрос осужденных натурализованных граждан Российской Федерации.

Описание исследования

Изучение причинного комплекса преступности как объективной связи между социальными условиями и криминальным следствием является важным аспектом любого криминологического исследования, поскольку причина, действуя в совокупности с условиями, порождает следствие, которое, в свою очередь, не может быть сведено обратно к причине. Преступность натурализованных граждан как следствие имеет свои специфические причины, коренящиеся в противоречиях процесса их интеграции в принимающее общество.

Предполагая исследовать причины преступности натурализованных граждан РФ целесообразно обратиться к научным точкам зрения авторов криминологических исследований, которые фокусировали внимание на преступности мигрантов-иностранцев. Это обусловлено тем, что натурализованные граждане, это бывшие мигранты-иностранцы, получившие статус гражданина РФ в процессе натурализации.

В результате анализа научных источников установлено, что в криминологической литературе существует определенный консенсус относительно структуры причин преступности мигрантов-иностранцев. Так, ряд исследователей выделяют три группы причин преступности данной социальной группы:

1) состояние жизнедеятельности мигрантов до возникновения проблемной ситуации, вызвавшей переезд;
2) причины и условия, возникающие в проблемной жизненной ситуации, определившие факт и цель перемещения;
3) ситуации, оказывающие влияние на мигрантов после их приезда на новое место [13, 21; 7, 823].

Другие авторы предлагают рассматривать структуру причинного комплекса, разграничивая причины, действующие до выезда из страны и комплекс обстоятельств, формирующих криминогенную ситуацию после приезда [1, 79; 9, 6; 4, 97].

Результаты проведенного анализа мнений о структуре причинного комплекса преступности натурализованных граждан свидетельствует о необходимости использовать более соответствующую проводимому исследованию структуру натурализованных граждан. Таковой является структура предложенная М.М. Бабаевым и Э.Б.

Магомедовым. Именно она должна стать основой причинного комплекса, позволяющей расширить научную позицию авторов, дополнив ее теми факторами, которые возникают после приобретения российского гражданства. Такой научный подход обоснован тем, что ранее имеющиеся причины, способствующие совершению преступлений, совершенных мигрантами, не фиксируют ключевой социально-правовой рубеж, в том числе не учитывает разнородность условий пребывания мигранта-иностранца в стране от нелегального статуса до полноправного участия в общественной жизни в новой стране. Именно это обуславливает необходимость дополнения существующего причинного комплекса с учетом специфики постнатурализационного периода.

Таким образом, в причинном комплексе преступности натурализованных граждан следует рассматривать три группы причин:

1) причины, влияющие на формирование личности до переезда, а также обстоятельства, побудившие к переезду или натурализации: во многом это определяется проблемной жизненной ситуацией, связанной со страхом за свою жизнь, жизнь своей семьи и т.д.;
2) причины, возникающие на территории государства-пребывания (в связи с социальными и экономическими проблемами) до процесса натурализации;
3) причины, возникающие после натурализации (социально-экономические, социально-политические, организационно-управленческие, культурно-воспитательные и идеологические).

В том случае, если у мигранта-иностранца мотив к натурализации возник еще на территории своего прежнего места жительства (в стране исхода), то вторая группа причинного комплекса будет отсутствовать, и он будет состоять из двух групп.

Раскрывая особенности причинного комплекса преступности натурализованных граждан следует остановиться социально-политической сферы. Именно социально-политические процессы, происходящие в обществе достаточно динамичны, и их изменения напрямую отражаются и на росте преступности в стране [11, 203]. Одним из таких процессов выступает этноанклавизация, которая в условиях интенсификации миграционных процессов в Российской Федерации, приобретает особую актуальность. Эти процессы способствуют формированию замкнутых этнических сообществ, которые могут стать источником социальных, экономических и политических рисков для принимающего государства, поскольку изменение баланса этнического состава населения страны может привести к изменению социокультурной среды российского общества, создавая при этом реальные угрозы национальной безопасности [15, 10].

Особую тревогу вызывает тот факт, что на процесс натурализации в стране пребывания влияние оказывает этноанклавизация [15, 11]. Именно воздействие теневых, чаще всего нелегально действующих, закрытых этнических сообществ, прочно удерживающих поведение и образ жизни иммигранта в формате чуждой страны, субкультуры и, соответственно, теневых (неправовых) регуляторов препятствуют им в интеграции в российское общество.

Этноанклав как сложное социальное образование представляет собой не только компактное проживание лиц одной этничности, ему характерны признаки, имеющее прямую криминологическую значимость:

– сохранение языка, обычаев, религиозных практик и других элементов культуры, отличных от доминирующей в обществе страны пребывания. Эти культурные отличия тесно сочетаются с социальным проблемами, практиками возможной дискриминации. На фоне обостренного чувства угрозы своей индивидуальности складывается эмоционально-психологическая солидарность «своих» против «чужих». Часто под «чужими» мигрантами понимается категория «все», «местные» [3, 340]. Это ведет к росту напряженности в обществе, которая выливается в ответную ксенофобию со стороны коренного населения и зачастую к формированию этнической организованной преступности.
– специфический экономический уклад, исключающий процессы ассимиляции новых граждан [14, 27]. Натурализованные граждане, сталкиваясь с барьерами при трудоустройстве на открытом рынке труда, вынуждены ориентироваться на предприятия внутри этноанклава, где преобладают неформальные трудовые отношения и осуществляется в самых непрозрачных сферах экономической деятельности [2, 67]. Это вовлекает новых граждан России в теневой сектор, что уже является формой правонарушения и создает предпосылки для последующих противоправных нарушений.
– четкая внутренняя упорядоченность, высокая организованность, мобильность членов данных этноанклавов [10, 6] и наличие механизмов координации их деятельности, повышает их жизнеспособность, но также может использоваться криминалом и служить основой для создания организованных преступных групп;

– исключение или затруднение процессов ассимиляции в общество [14, 62]. Анклав создаёт условия, которые препятствуют социально-правовой интеграции, оставляя натурализованного гражданина в правовом поле России, но вне её социокультурного контекста;
– активно распространяется национальная неформальная юрисдикция [6, 63]. Внутри сообщества действуют собственные, часто неправовые механизмы разрешения споров и регуляции поведения, которые подменяют собой официальные правовые институты.

Этнические анклавы могут стать источником социальных рисков: роста социальной исключенности, напряжённости и влияния на криминогенную ситуацию в регионе, что способствует маргинализации, криминализации созданного сообщества и осуществлению деструктивной деятельности.

Влияние данных анклавов на криминализацию натурализованных граждан осуществляется через несколько взаимосвязанных механизмов:

Во-первых, «этнический анклав» не «усложняет адаптацию мигрантов в российском обществе, что вызывает значительное влияние на межэтнические отношения» [5, 130], а имеет место своего рода субадаптация, т.е. приобщение иммигранта к своему этносу на данной территории, предприятии. В этом случае данные анклавы выполняют эндогенную функцию приобщения натурализованного гражданина к своему этносу, блокируя действие экзогенных факторов интеграции в российское социокультурное пространство, что приводит к формированию альтернативной системы социальных норм, которая может вступать в противоречие с правовыми стандартами Российской Федерации. Это подтверждают и респонденты. Так, каждый третий респондент – осужденный натурализованный гражданин (29,3 %) указал на полное отсутствие друзей или знакомых среди коренного населения России до осуждения. Опрошенные испытывали постоянный или частичный дискомфорт из- за культурных различий (,29,3 %), не чувствовали себя частью российского общества (24,1 %). Полученные результаты социологического исследования свидетельствуют о субадаптации – приобщении не к нормам принимающего общества, а к правилам этнического анклава.

Во-вторых, анклавизация может способствовать формированию миграционных сетей – устойчивых межличностных связей, основанных на родстве, дружбе и общем социальном происхождении [15, 9]. С одной стороны это может облегчать адаптацию натурализованных граждан, а с другой создают инфраструктуру для теневой экономической деятельности, включая нелегальную занятость и коррупционные схемы, а также незаконный оборот наркотиков, деятельность экстремисткой направленности или действия террористического характера и др. Такие анклавы становятся не только социальным, но и криминальным «инкубатором». Более 43 % опрошенных респондентов указали на «очень сильную» или «достаточную» поддержку со стороны близких, друзей или диаспоры, что подтверждает существование миграционных сетей. При этом экономические связи замыкаются внутри данных миграционных сетей, поскольку около 30 % из них не имели друзей среди коренных россиян.

В-третьих, замкнутость этнических сообществ снижает эффективность правовых регуляторов. Этноанклавизация блокирует или существенно ослабляет осуществление мер по предупреждению преступности, становится все более затруднительными и малоэффективными [4, 100], вследствие чего осложняется раскрываемость преступлений, что способствует увеличению уровня ее латентности. Проведенное социологическое исследование подтверждает факт недоверия натурализованных граждан к правоохранительным органам и правовой системе в целом. Более половины респондентов (57,4 %) не обращались за помощью к официальным институтам, почти треть опрошенных (27,6 %) прямо подтверждает наличие у них страха перед взаимодействием с правоохранительными органами, а еще 24,1 % находятся в состоянии неопределенности, что также снижает вероятность их обращения за помощью в государственные органы. Таким образом формируется барьер между натурализованными гражданами и правоохранительной системой, осложняя предупреждение и раскрытие преступлений.

В-четвёртых, изолированный и неблагосклонный характер взаимодействия [5, 134] между новыми гражданами страны и ее коренным население. Данный характер по мнению Е.А. Гринченко складывается из-за конкуренции за рабочие места и социальные ресурсы, культурных различий и негативного медийного образа новых граждан, что усиливает недоверие и социальную напряженность [5, 134]. Это создаёт почву для межэтнических конфликтов, которые, в свою очередь, могут провоцировать как бытовую преступность, так и организованные формы противоправной деятельности со стороны членов анклава. В ходе проведения исследования был проведен контент-анализ 47 публикаций и 571 комментариев из социальных сетей за два года (январь 2024 - декабрь 2025 гг.) затрагивающих тему, связанную с поведением, жизненными устоями натурализованных граждан. В новостях о

преступлениях, совершенных натурализованными гражданами, доля негативных высказываний составила 78 %. Среди негативных высказываний значимая часть (28 %) содержала дискурсивный маркер противопоставления социальных групп «мы - они». Данный показатель отражает формирование дихотомии «свой – чужой» в отношении натурализованных граждан, что способствует социальной напряженности.

В-пятых, закрытость и высокая сплоченность этнических анклавов затрудняет своевременное выявление ранних стадий формирования преступных группировок и препятствуют оперативному реагированию правоохранительных органов на складывающуюся криминогенную обстановку.

Выводы и заключение

Проведенное исследование позволяет сделать выводу о том, что этноанклавизация не является чем-то изолированным, а выступает элементом причинного комплекса преступности натурализованных граждан, относящимся к социально-политическому блоку причин. Она блокирует социально-правовую интеграцию натурализованного гражданина, создавая замкнутые сообщества с альтернативными нормативными системами. Влияние этноанклавов реализуется посредством конкретных криминогенных механизмов: субадаптацию, создание инфраструктуры теневой экономики, снижение эффективности правоохранительного контроля, рост межэтнической напряженности и пр.. Складывающиеся обстоятельства способствуют формированию группа граждан, формально обладающих правами и обязанностями гражданина РФ (натурализованные граждане), но фактически не разделяющих ценностно нормативных основ российского общества.

Существующие государственные меры, направленные на интеграцию натурализованных граждан в российское гражданство, оказываются неэффективными на фоне влияния этноанклавизации, что требует комплексного подхода к решению данной проблемы, включающего:

1) осуществление мониторинга этноанклавов и их особенностей создания на территории РФ с использование современных геоинформационных и аналитических систем;
2) правовое регулирование социально-правовой интеграции, в частности введение постнатурализационного сопровождения и социального патронажа для новых граждан;
3) реализацию политики деэтноанклавизации в жилищной и социальной сфере, направленной на предотвращение формирования моноэтнических кварталов;
4) повышение уровня профилактической работы и правового просвещения непосредственно с натурализованными гражданами, направленными на формирование правовой культуры и лояльности;
5) внедрение цифровых технологий и алгоритмов ИИ для адресного информирования, дистанционного правового консультирования и создания адаптационных онлайн-платформ и прогнозной аналитики криминогенных рисков.

Список литературы:

[1] Бабаев, М.М. Преступность приезжих в столичном городе: учеб. пособие / М.М. Бабаев, М.В. Королева. М.: Акад. МВД СССР, 1990. 78 с.

[2] Бажан, Т.А. Этнический анклав как социально-экономическое явление современной России / Т.А. Бажан // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. 2025. №2. С. 61-78.

[3] Бразевич С.С. Этносоциальные аспекты процессов адаптации и интеграции этнических миграционных сообществ / С.С. Бразевич // ТРУДЫ СПБГИК. 2015. №. С. 340.

[4] Букалерова, Л.А., Кашапов, Р.М. Этнические анклавы как источник миграционной преступности: сравнительный анализ методов противодействия России и Дании / Л.А. Букалерова, Р.М. Кашапов // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 10А. С. 97 -107.

[5] Гринченко, Е.А. Социальные риски формирования этнических анклавов // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12. № 3. С. 122 - 139.

[6] Кононов, Л. А. Развитие теоретических положений о противодействии анклавному образу жизни мигрантов в Российской Федерации / Л.А. Кононов // Вопросы этнополитики. 2020. № 3. С. 59 - 69.

[7] Криминология: учебник / С.В. Ванюшкин [и др.]; под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма. 2005. 899 с.

[8] Кудрявцев, В.Н., Эминов, В.Е. Причины преступности в России: криминологический анализ. М.: Норма, 2006. 110 с.

[9] Магомедов, Э.Б. Криминологическая характеристика преступности мигрантов-иностранцев в республиках Северо-Кавказского федерального округа и её предупреждение: дис. … канд. юр. наук: 12.00.08 / Магомедов Эльдар Балабекович. Грозный. 2020. 276 с.

[10] Муштук, О.З. Этническое предпринимательство, теневая экономика и криминалитет / О.З. Миштук // Обозреватель. 2021. № 1 (372). С. 102-113.

[11] Пещеров, Г.И. Взаимосвязь преступности и социально-политических условий в обществе: российский опыт / Г.И. Пещеров // Власть. 2022. №1. С. 203 – 209.

[12] Пинкевич, Т. В. Цифровое неравенство как фактор преступности // Виктимология. 2024. №4. С. 539 – 545.

[13] Самойлюк, Н.В. Криминологическая характеристика личности преступника - внешнего эмигранта (на примере Дальневосточного федерального округа) / Н.В. Самойлюк // Российский следователь. 2009. № 13. С. 21 – 24.

[14] Ульянов, М.В. К вопросу о сущности понятия «этнический анклав» / М.В. Ульянов // Вопросы безопасности. 2023. №4. С. 27- 38.

[15] Червонюк, В.И. Фактор этноанклавизации в сфере миграции и его связь с натурализацией в современной России (на материалах конкретно-социологического исследования) / В.И. Червонюк // Миграционное право № 04/2024. С.9 - 14.

References:

[1] Babaev, M.M. Crime of visitors in the capital city: study. allowance/M.M. Babaev, M.V. Queen. M.: Acad. USSR MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS, 1990. 78 pp.

[2] Bazhan, T.A. Ethnic enclave as a socio-economic phenomenon of modern Russia/T.A. Bazhan// Bulletin of the REA named after G.V. Plekhanov. 2025. №2. S. 61-78.

[3] Brazevich S.S. Ethnosocial aspects of the processes of adaptation and integration of ethnic migration communities/S.S. Brazevich//WORKS SPBGIC. 2015. №. S. 340.

[4] Bukalerova, L.A., Kashapov, R.M. Ethnic enclaves as a source of migration crime: a comparative analysis of methods of countering Russia and Denmark/L.A. Bukalerova, R.M. Kashapov//Issues of Russian and international law. 2023. Volume 13. No. 10A. S. 97 -107.

[5] Grinchenko, E.A. Social risks of the formation of ethnic enclaves//Humanitarian of the South of Russia. 2023. VOL. 12. № 3. S. 122-139.

[6] Kononov, L. A. Development of theoretical provisions on countering the enclave lifestyle of migrants in the Russian Federation/L.A. Kononov// Issues of ethnopolitics. 2020. № 3. S. 59-69.

[7] Criminology: textbook/S.V. Vanyushkin [et al.]; under the general. ed. A.I. Dolgova. 3rd ed., Revised and add. M.: Norm. 2005. 899 p.

[8] Kudryavtsev, V.N., Eminov, V.E. Causes of crime in Russia: criminological analysis. M.: Norma, 2006. 110 s.

[9] Magomedov, E.B. Criminological characterization of the crime of foreign migrants in the republics of the North Caucasus Federal District and its warning: dis.... cand. jur. Sciences: 12.00.08/ Magomedov Eldar Balabekovich. Grozny. 2020. 276 pp.

[10] Mushtuk, O.Z. Ethnic entrepreneurship, shadow economy and criminality/O.Z. Mishtuk// Observer. 2021. № 1 (372). S. 102-113.

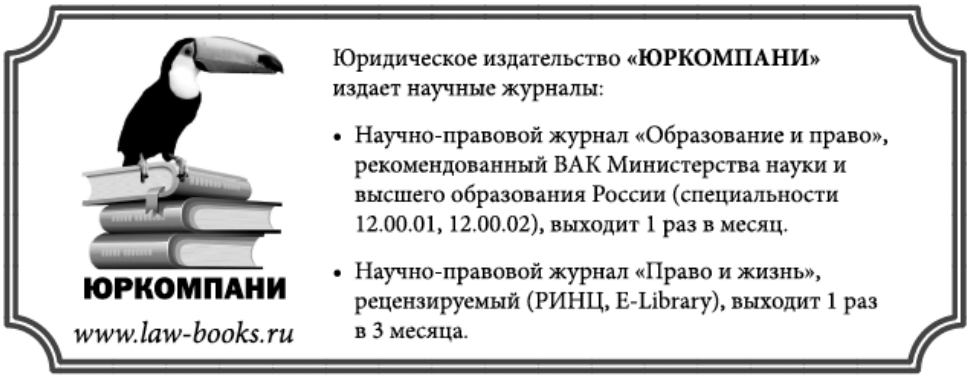
[11] Caves, G.I. The relationship between crime and socio-political conditions in society: Russian experience/G.I. Caves//Power. 2022. №1. S. 203-209.

[12] Pinkevich, T. V. Digital inequality as a crime factor//Victimology. 2024. №4. S. 539-545.

[13] Samoilyuk, N.V. Criminological characteristics of the identity of the criminal - an external emigrant (on the example of the Far Eastern Federal District)/N.V. Samoilyuk//Russian investigator. 2009. № 13. S. 21-24.

[14] Ulyanov, M.V. On the essence of the concept of “ethnic enclave “/M.V. Ulyanov//Security issues. 2023. №4. S. 27-38.

[15] Chervonyuk, V.I. The factor of ethnoanclavization in the field of migration and its connection with naturalization in modern Russia (based on materials of a concrete sociological study) / V.I. Chervonyuk//Migration Law No. 04/2024. S. 9 - 14.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-289-295

МАРКОВ Роман Станиславович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
e-mail: rsm-94@yandex.ru

ЧЕПРАСОВА Юлия Владимировна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
e-mail: cheylia@mail.ru

ЗОЛОТАРЕВА Анастасия Викторовна,
студент Института истории, права и общественных наук,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
e-mail: zolotarva.nastena@list.ru

МУБАРАКОВА Анастасия Александровна,
студент Института истории, права и общественных наук,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
e-mail: anastasia.mubarakova@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы квалификации оскорбления представителя власти (ст. 319 Уголовного кодекса РФ) в условиях цифровой коммуникации. Анализируется трансформация признака публичности в сети Интернет, включая зависимость от технических настроек интернет-площадок и различия между открытыми и закрытыми каналами коммуникации. Особое внимание уделяется отдельным аспектам доказывания (фиксация цифровых следов, идентификация потерпевшего, лингвистическая оценка материалов) и дискуссии о дифференциации ответственности за размещение публикаций в сети Интернет. Сделан вывод, что публичность должна определяться объективной доступностью высказывания третьим лицам, а не самим фактом использования цифровой среды.*

Ключевые слова: *представитель власти, оскорбление, публичность, цифровая коммуникация, сеть Интернет, квалификация преступлений.*

MARKOV Roman Stanislavovich,
PhD in Law, Associate Professor
of Department of State and Legal Disciplines,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

CHEPRASOVA Yuliya Vladimirovna,
PhD in Law, Associate Professor
of Department of State and Legal Disciplines,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

ZOLOTAREVA Anastasiya Viktorovna,
Student of Institute of History, Law and Social Sciences,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

MUBARAKOVA Anastasiya Aleksandrovna,
Student of Institute of History, Law and Social Sciences,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

FEATURES OF THE LEGAL QUALIFICATION OF OFFENCES AGAINST THE HONOUR AND DIGNITY OF A REPRESENTATIVE OF AUTHORITY IN THE CONTEXT OF DIGITAL COMMUNICATION

Annotation. *This article examines issues in the legal qualification of insulting a representative of authority (Article 319 of the Criminal Code of the Russian Federation) in the context of digital communication. It analyses how the element of publicity is transformed online, including its dependence on the settings of online platforms and the distinction between open and closed communication channels. Particular attention is paid to evidentiary matters (preservation and procedural authentication of digital traces, identification of the victim, and linguistic assessment of materials), as well as to the scholarly debate on differentiating criminal liability for online dissemination. The article concludes that publicity should be determined by the objective accessibility of a statement to third parties, rather than by the mere use of a digital medium.*

Key words: *representative of authority, insult, publicity, digital communication, Internet, legal qualification of offences.*

Уголовно-правовая охрана чести и достоинства представителя власти относится к сфере правового регулирования, в которой соприкасаются частные и публичные интересы. С одной стороны, она основана на признании личности самостоятельной правовой ценностью и на гарантии уважения достоинства, включая защиту от унижающего обращения. С другой стороны, такие посягательства затрагивают публичную сферу, поскольку связаны с осуществлением властных полномочий и требуют определения допустимых пределов конфликтного высказывания и критики. В делах о вербальных посягательствах поведение виновного затрагивает личную сферу потерпевшего и одновременно предполагает правовую оценку соразмерности ограничения свободы выражения мнения.

Достоинство личности в конституционно-правовом регулировании закреплено как охраняемая государством ценность и не подлежит умалению, в т.ч. при осуществлении публичной власти. В научной литературе отмечается, что данное положение носит императивный характер и ориентирует отраслевое законодательство на формирование механизмов, предотвращающих унижающее обращение и иные формы публичного унижения. Подчеркивается, что «гарантированность конституционных положений предполагает такую их обеспеченность в отраслевом законодательстве, которой достаточно для результативной реализации» [1]. Уголовно-правовая охрана не является универсальным средством разрешения конфликтов, связанных с защитой чести, достоинства и деловой репутации, и применяется к наиболее общественно опасным формам посягательства. К ним относятся случаи, когда унижение носит публичный характер, совершается с прямым умыслом на унижение личности либо связано с воспрепятствованием осуществлению публично значимой функции потерпевшего.

Современный этап развития общества, связанный с повсеместной цифровизацией, обусловил перенос значительной части социального взаимодействия и процессов самопрезентации личности в цифровую среду. Такое нематериальное благо, как человеческое достоинство, в этих условиях все чаще оказывается уязвимым в сети Интернет. Учетные записи в социальных сетях, персональные профили и формируемая на их основе репутация образуют цифровое представление личности, которое становится объектом как самовыражения, так и противоправных посягательств.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена цифровой трансформацией публично-правовой сферы: значительная часть конфликтных коммуникаций переместилась в сеть Интернет, где публичность определяется режимом доступа, перепубликациями и алгоритмами распространения, а унижение все чаще выражается сочетанием изображения и текста, смысл которого раскрывается в контексте. Традиционное понимание публичности как признака состава преступления, предусмотренного ст. 319 Уголовного кодекса РФ «Оскорбление представителя власти», в доцифровую эпоху опиралось на относительно устойчивые критерии – наличие свидетелей, открытый характер места совершения деяния и непосредственное восприятие происходящего неопределенным кругом лиц, вследствие чего высказывание было доступно третьим лицам в момент его произнесения.

Однако развитие информационно-телекоммуникационных сетей привело к тому, что категория публичности перестала быть однородной. Если ранее правоприменитель, как правило, решал вопрос о наличии либо отсутствии публичного характера высказывания в рамках сравнительно устойчивых фактических моделей, то в цифровой среде требуется устанавливать конкретные параметры распространения – формат доведения высказывания до аудитории, круг лиц, имевших к нему доступ, и потенциальный охват восприятия. В результате возникает необходимость решать новые квалификационные задачи, поскольку публичность как конструктивный признак состава преступления, предусмотренного ст. 319 Уголовного кодекса РФ, реализуется через различные технико-организационные модели коммуникации.

В связи с этим неоднородность цифрового пространства – от открытых профилей до закрытых чатов – требует выработки критериев оценки, позволяющих отграничить публичное унижение от приватного конфликта, а уголовно наказуемое деяние – от административного правонарушения.

Кроме того, цифровая коммуникация изменила не только масштаб распространения высказываний, но и характер доказывания по делам об оскорблении представителя власти. В конфликтах, происходящих вне цифровой среды, публичность и адресность, как правило, устанавливаются на основе свидетельских показаний и непосредственного восприятия происходящего. В сети Интернет публичность обусловлена техническими и организационными параметрами интернет-площадки, на которой размещены материалы, включая настройки доступа, режим распространения, повторного размещения и сохранение публикаций, наличие и сохранность цифровых следов. В результате правоприменитель, сталкиваясь с реализацией формально единого признака публичности в различных фактических моделях, должен исходить из единых критериев оценки, позволяющих установить, были ли материалы объективно доступны неопределенному кругу лиц, кто мог их воспринимать и в какой мере способ распространения обеспечивал публичный характер унижающего высказывания.

Действующая редакция ст. 319 Уголовного кодекса РФ содержит единую диспозицию и не подразделяется на части, поэтому в рамках данной нормы отсутствуют квалифицированные и особо квалифицированные составы. В связи с этим обсуждение возможных квалифицирующих признаков в научной литературе носит преимущественно теоретико-нормотворческий характер и сводится к вопросу о том, оправдано ли выделение квалифицированного состава за оскорбление, совершенное с использованием средств массовой информации либо сети Интернет, по аналогии с рядом иных преступлений, где распространение через публичные каналы рассматривается как фактор повышенной общественной опасности. Так, А.Ф. Муксинова и Е.А. Кинчина предлагают рассматривать модернизацию ст. 319 Уголовного кодекса РФ с учетом интернет-публичности и связанных с ней доказательственных трудностей, включая возможность законодательного уточнения признака публичности и способов распространения унижающих высказываний [2]. Их позиция основывается на том, что размещение публикации в цифровой среде способно обеспечить значительно более широкий охват аудитории по сравнению с высказыванием, сделанным в локальном конфликте, вследствие чего фактическая интенсивность посягательства на авторитет публичной власти и достоинство потерпевшего может возрастать.

В современной доктрине публичность как оценочная категория объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 319 Уголовного кодекса РФ, рассматривается в двух плоскостях.

Первая позиция, преобладающая в доктрине и соответствующая действующему нормативному подходу, рассматривает публичность как конститутивный признак состава. При отсутствии публичности состав рассматриваемого преступления отсутствует, и правовая оценка, как правило, осуществляется в рамках административной ответственности (прежде всего по ст. 5.61 КоАП РФ) либо по иным нормам при наличии соответствующих признаков. Такая логика следует из диспозиции уголовного закона и соответствует разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ [3].

Вторая позиция исходит из того, что публичность может проявляться в различной степени и потому способна выступать основанием для дифференциации ответственности в возможной новой редакции нормы. В рамках такой модели базовый состав мог бы охватывать оскорбление представителя власти при исполнении либо в связи с исполнением полномочий и без признака публичности, а квалифицированный состав – публичные формы, прежде всего связанные с распространением через публичные каналы, включая цифровую среду [4]. Обращение к данной идее обусловлено тем, что в фактических конфликтах унижение представителя власти нередко совершается без свидетелей (например, в служебном помещении), при этом воздействие на порядок управления и служебную дисциплину может восприниматься как существенное. Вместе с тем такая реконструкция нормы потребовала бы пересмотра пределов уголовно-правовой охраны и более четкого разграничения с

административной ответственностью. Она объективно повысила бы риск криминализации конфликтных высказываний в ситуациях, где в настоящее время достаточно административно-правовой реакции или дисциплинарного воздействия, поскольку отказ от публичности как обязательного признака способен привести к необоснованному расширению сферы уголовно-правового запрета, что противоречит принципу экономии уголовно-правового воздействия.

С позиции действующего правового регулирования более оправданным представляется сохранение публичности в качестве конститутивного признака состава. Конституционный Суд РФ в определении от 25 апреля 2024 г. № 889-О признал допустимой повышенную уголовно-правовую охрану достоинства представителей публичной власти, увязав применение ст. 319 Уголовного кодекса РФ с унижением, выраженным в неприличной либо иной форме, унижающей честь и достоинство, и с оценкой содержания, формы и способа распространения соответствующих высказываний. Следовательно, публичность выполняет функцию ключевого ограничителя уголовной ответственности, а исключение данного признака из базового состава неизбежно привело бы к существенному расширению сферы уголовно-правового запрета.

Интернет-коммуникация не образует единой модели публичности, что существенно осложняет квалификацию по ст. 319 Уголовного кодекса РФ. Размещение материалов в открытом профиле социальной сети, на публичной странице, в комментариях к новостному материалу или на видеохостинге по своей природе ориентировано на восприятие неопределенным кругом лиц и потому, как правило, позволяет обосновывать публичный характер распространения. Иная ситуация складывается при распространении сообщений в закрытых каналах коммуникации, включая чаты мессенджеров, закрытые группы и иные форматы доступа, ограниченные кругом участников, а равно при направлении личного сообщения непосредственно представителю власти. В таких случаях публичность не может презюмироваться и требует установления конкретных параметров доступа и фактической аудитории, включая выяснение того, имелась ли объективная возможность восприятия содержания третьими лицами либо сообщение было рассчитано исключительно на адресата.

Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ связывают признак публичности, в частности, с размещением унижающих материалов в сети Интернет при их объективной доступности неопределенному кругу лиц [3]. Вместе с тем при коммуникации в закрытых цифровых пространствах сохраняется квалификационная неопределенность: следует ли признавать публичность при доведении высказывания до ограниченной группы лиц, доступ к которой обусловлен членством или настройками приватности, либо для уголовно-правовой оценки требуется открытая доступность материала неопределенному кругу лиц.

В научной литературе обращается внимание на то, что формула публичности, используемая в разъяснениях, может толковаться расширительно. В этой связи предлагается более строгий подход, увязывающий публичность с наличием аудитории, способной воспринять высказывание, причем не в единичном числе [5]. Применительно к цифровой среде публичность целесообразно выводить не из формального статуса интернет-площадки, а из объективной доступности материалов третьим лицам и предполагаемого масштаба распространения, который мог предвидеть субъект.

Практика по делам об административных правонарушениях, связанных с оскорблением (ст. 5.61 КоАП РФ), может служить дополнительным ориентиром при оценке цифровой публичности. В обзорах судебной практики Верховного Суда РФ отмечалось, что размещение унижающих выражений в социальных сетях, а в отдельных случаях и в групповых чатах мессенджеров, может рассматриваться как публичное оскорбление для целей КоАП РФ, если сведения доступны другим участникам и фактически доведены до аудитории. Вместе с тем прямое перенесение этого подхода на ст. 319 Уголовного кодекса РФ требует осторожности ввиду различий между уголовной и административной ответственностью, а также различий в требованиях к доказыванию [6]. Таким образом, в цифровой среде решающее значение приобретают характеристики аудитории и объективная доступность материалов третьим лицам, позволяющие установить публичный способ распространения высказывания.

Учитывая, что публичность в сети Интернет неоднородна (открытые профили и закрытые чаты), целесообразно закрепить критерии публичности в цифровой среде в примечании к ст. 319 Уголовного кодекса РФ либо в постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Возможная формулировка может быть следующей: «Под публичным распространением сведений в сети Интернет понимается размещение информации, обеспечивающее доступ к ней неопределенного круга лиц, включая открытые учетные записи, публичные страницы, группы и чаты, доступные для просмотра без ограничений либо при таких ограничениях, которые не препятствуют доведе-

нию информации до множества лиц. Направление личных сообщений, доступных только отправителю и адресату, признака публичности не образует».

Оскорбительное личное сообщение, направленное представителю власти при отсутствии доступа третьих лиц, как правило, не содержит признака публичности и, следовательно, не образует состав преступления, предусмотренного ст. 319 Уголовного кодекса РФ. В таких случаях правовая оценка обычно производится по ст. 5.61 КоАП РФ при доказанности унижения чести и достоинства, выраженного в неприличной либо иной унижающей форме, либо по иным нормам при наличии дополнительных признаков (в частности, угрозы).

Сложности квалификации возникают при последующей публикации сообщения адресатом или третьими лицами. В таких случаях недостаточно самого факта перепубликации. Оценке подлежат два обстоятельства: мог ли отправитель обоснованно предполагать последующее публичное распространение сообщения и какова была исходная направленность его поведения. Если сообщение направлялось в условиях, при которых объективно предполагалось последующее доведение до аудитории (например, в официальную учетную запись органа власти, предназначенную для публичных обращений), вопрос о публичности подлежит разрешению с учетом способа коммуникации и режима доступа.

Как уже отмечалось, цифровая среда изменяет механизм доказывания публичности и содержания высказывания. С одной стороны, она сохраняет значительный массив цифровых следов (скриншоты, ссылки, метаданные, журналы событий, записи трансляций), с другой – такие следы легко утрачиваются, изменяются и оспариваются, что повышает требования к их процессуальному закреплению. В этой связи особое значение приобретают надлежащие способы фиксации, включая осмотр интернет-страницы с участием специалиста, указание URL-адреса, времени доступа и режима приватности, отражение идентификационных данных учетной записи, сбор сведений о доступности и распространении материалов, в т.ч. о просмотрах, комментариях и репостах. Отдельного внимания требует оценка оскорбительности, адресности и контекста в цифровой коммуникации. В литературе подчеркивается значение лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз, особенно при анализе иллюстраций, визуального монтажа и иных комбинированных форм передачи смысла [7]. В цифровой среде унижение, выраженное в неприличной либо иной форме, унижающей честь и достоинство, может проявляться не только в обсценной лексике, но и в изображениях, коллажах, видеоматериалах, унижающих подписях, а также в сочетании текста с аудиорядом, формирующим унизительный смысл в совокупности.

Для квалификации по ст. 319 Уголовного кодекса РФ необходимо установить адресность унижения конкретному представителю власти, а не лишь выражение негативного отношения к публичной власти в целом. В цифровой среде широко распространены обобщенные высказывания, которые могут носить резко отрицательный характер, однако без идентификации конкретного лица – адресата они не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 319 Уголовного кодекса РФ. Напротив, указание фамилии, должности, места службы, обстоятельств конкретного служебного эпизода (например, задержания), а равно публикация фото- или видеоматериалов, позволяющих идентифицировать потерпевшего, как правило, свидетельствуют об адресности высказывания. В литературе отмечается, что отсутствие надлежащей идентификации потерпевшего является одной из типичных причин прекращения уголовного преследования либо отказа в возбуждении уголовного дела с последующей квалификацией содеянного как административного правонарушения [8].

Учитывая, что цифровая коммуникация нередко носит трансграничный характер, актуальной является проблема определения места совершения деяния и, как следствие, применимого законодательства. Для квалификации по ст. 319 Уголовного кодекса РФ практическое значение имеют не столько международно-правовые конструкции, сколько прикладные критерии привязки интернет-деяния к месту совершения действий по размещению материалов, месту нахождения лица, осуществившего публикацию, месту фактического доступа к материалам и месту проявления общественно значимого эффекта, выраженного в публичной доступности унижающей информации. В сравнительно-правовой литературе обращается внимание на различия подходов к квалификации рассматриваемого деяния в разных странах. При этом в большинстве из них ключевыми остаются два элемента: объективная доступность материалов аудитории на территории государства и наличие достаточной территориальной связи, позволяющей применить законодательство соответствующего государства [9].

Подводя итог настоящему исследованию, следует отметить, что вопрос о корректировке действующей нормы ст. 319 Уголовного кодекса РФ регулярно обсуждается в научной литературе и правоприменительной практике. Высказываются разнонаправленные предложения – от уси-

ления ответственности за оскорбление представителя власти, совершенное с использованием сети Интернет, до переноса соответствующих деяний в сферу административных правонарушений [10]. Сам факт появления таких предложений отражает восприятие цифрового способа распространения как обстоятельства, способного расширять аудиторию унижающего высказывания и усиливать конфликтный потенциал, тогда как действующая конструкция ст. 319 Уголовного кодекса РФ не предусматривает дифференциации ответственности по способу совершения. По нашему мнению, выбор направления возможных изменений должен опираться не на оценочную реакцию на содержание высказываний, а на требования правовой определенности и соразмерности. Уголовно-правовой запрет не должен использоваться как универсальный инструмент реагирования на агрессивные формы коммуникации при отсутствии оснований для криминализации, вытекающих из характера и степени общественной опасности деяния.

Таким образом, публичность по ст. 319 Уголовного кодекса РФ при распространении высказывания в сети Интернет должна устанавливаться исходя из объективной доступности содержания третьим лицам и способа распространения, а не из самого факта использования цифровой среды. Оскорбительные высказывания, направленные в личные сообщения при отсутствии доступа третьих лиц, как правило, не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 319 Уголовного кодекса РФ, и подлежат оценке в рамках административной ответственности. Ключевые вопросы доказывания связаны с надлежащей фиксацией цифровых следов, идентификацией потерпевшего, разграничением утверждений о фактах и оценочных суждений, а также с установлением неприличной либо иной формы, унижающей честь и достоинство, как признака, позволяющего отграничить уголовно наказуемое унижение от допустимой критики.

Проведенный анализ позволяет заключить, что развитие цифровых коммуникаций не отменило классические принципы уголовного права, но потребовало уточнения их содержания применительно к новым формам информационного обмена. Публичность как обязательный признак состава преступления, предусмотренного ст. 319 Уголовного кодекса РФ, в сети Интернет перестала быть однородной. Ключевой вывод исследования состоит в том, что сам по себе факт использования цифровой среды не может автоматически приравниваться к публичному оскорблению. Решающее значение имеют объективные параметры, к которым относятся настройки доступа, количественные и качественные характеристики аудитории, фактическая возможность восприятия информации неопределенным кругом лиц и предвидение такого восприятия субъектом. Действующая редакция ст. 319 Уголовного кодекса РФ, не предусматривающая квалифицированных составов, сохраняет потенциал адаптации, поскольку единая диспозиция позволяет охватывать различные формы цифровой публичности при условии надлежащего толкования закона и учета разъяснений высшей судебной инстанции.

Список литературы:

[1] Кленова Т.В. Трудный путь института уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство личности, или проблемы целеполагания // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 2. С. 48–56. DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-2-48-56.

[2] Муксинова А.Ф., Кинчина Е.А. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти (статья 319 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 8. № 1. С. 53–57.

[3] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 14 // Российская газета. 2023. 9 июня.

[4] Аведян А.А. Виктимологическое предупреждение насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.4. Краснодар, 2022. 248 с.

[5] Маталаев Ш.З. Признак публичности и некоторые вопросы квалификации преступлений // Образование и право. 2017. № 4. С. 240–244.

[6] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2021): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 июня 2021 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 10.

[7] Токарчук Р.Е. Проблемы безответственности лиц, непублично оскорбляющих представителей власти в связи с выполнением ими своих служебных задач // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2025. Т. 11. № 2. С. 390–397.

[8] Ермакова О.В. Квалификация преступлений против государственной власти: анализ и оценка следственно-судебной практики // Демидовский юридический журнал. 2024. Т. 14. № 4. С. 418–425. DOI: 10.18255/2949-3439-2024-4-418-425.

[9] Тишук С.П. Подготовка к совершению оскорбления представителя власти с применением средств телекоммуникации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. № 2. С. 67–74.

[10] Декриминализовать 319 статью Уголовного кодекса Российской Федерации / Российская общественная инициатива. URL: http://www.roi.ru/28445/ (дата обращения: 10.02.2026).

References:

[1] Klenova T.V. The Difficult Path of the Criminal Liability Institution for Encroachments on Personal Honor and Dignity, or Problems of Goal-Setting. Legal Bulletin of Samara University. 2021. Vol. 7. No. 2. P. 48–56. DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-2-48-56.

[2] Muksinova A.F., Kinchina E.A. Criminal Liability for Insulting a Government Official (Article 319 of the Criminal Code of the Russian Federation). Scholarly Notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 8. No. 1. P. 53–57.

[3] On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases on Offences Provided for by Articles 317, 318, 319 of the Criminal Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 1 June 2023 No. 14. Rossiyskaya Gazeta. 9 June 2023.

[4] Avedyan A.A. Victimological Prevention of Violent Crimes Committed against Employees of Internal Affairs Bodies: PhD (Law) Dissertation. 5.1.4. Krasnodar, 2022. 248 p.

[5] Matalaev Sh.Z. The Element of Publicity and Certain Issues of Qualification of Crimes. Education and Law. 2017. No. 4. P. 240–244.

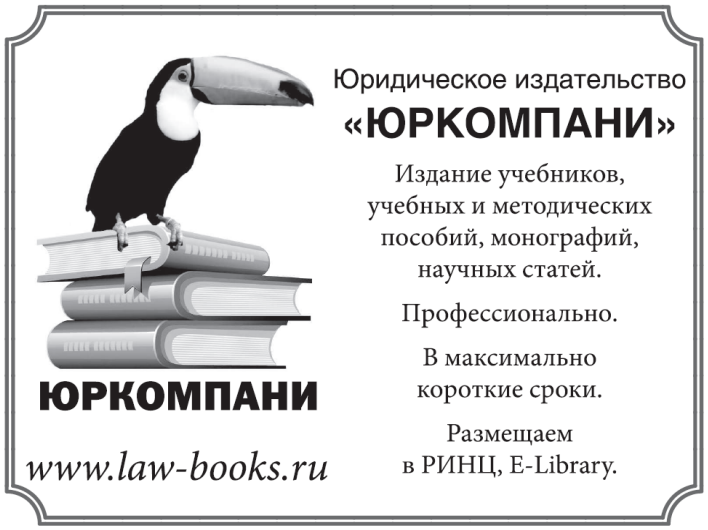
[6] Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2021): Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 30 June 2021. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2021. No. 10.

[7] Tokarchuk R.E. Problems of Non-Liability of Persons Who Non-Publicly Insult Representatives of Authority in Connection with the Performance of Their Official Duties. Scholarly Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences. 2025. Vol. 11. No. 2. P. 390–397.

[8] Ermakova O.V. Qualification of Crimes against State Authority: Analysis and Assessment of Investigative and Judicial Practice. Demidov Law Journal. 2024. Vol. 14. No. 4. P. 418–425. DOI: 10.18255/2949-3439-2024-4-418-425.

[9] Tishuk S.P. Preparation to Commit an Insult to a Representative of Authority Using Telecommunications Means. Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 2. P. 67–74.

[10] Decriminalize Article 319 of the Criminal Code of the Russian Federation. Russian Public Initiative. URL: http://www.roi.ru/28445/ (accessed: 10 February 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-296-301

ПИСАРЕВСКАЯ Елена Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права Северо-западного филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»,
e-mail: liorev@mail.ru

ДВОРЖИЦКАЯ Марина Андреевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Северо-западного филиала ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»,
e-mail: dvorzhickaya91@mail.ru

«ВООРУЖЕННОЕ» ХУЛИГАНСТВО (Ч.2 СТ.213 УК РФ): РЕГЛАМЕНТАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *В настоящей статье отмечается, что при всей кажущейся простоте законодательной регламентации привлечение к уголовной ответственности за «вооруженное» хулиганство по-прежнему вызывает вопросы в правоприменительной практике. Авторы указывают, что в ходе ее анализа была выявлена правоприменительная неопределенность в отношении необходимости установления признаков основного состава при квалификации хулиганства с применением оружием или предметов, используемых в качестве оружия. Судебная практика в этом вопросе не характеризуется однородностью подхода. Прямая рекомендация со стороны высшей судебной инстанции о необходимости установления признака основного состава в виде применения насилия к гражданам или угрозы его применения отсутствует. В статье отмечается, что подобная широкая трактовка возможна лишь в случае «возвращения» «применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия» в ч.1 ст.213 УК РФ. Однако авторы полагают, что законодатель, поместив данное обстоятельство в ч.2 ст.213 УК РФ, преследовал цель усиления уголовной ответственности, отмечая при этом необходимость конкретизации позиции Пленума Верховного Суда РФ по анализируемому вопросу.*

Ключевые слова: *хулиганство, квалифицирующий признак, основной состав, оружие, предметы, используемые в качестве оружия.*

PISAREVSKAIA Elena Anatolevna,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law
at the North-Western Branch of the Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev

DVORZHITSKAYA Marina Andreevna,
PhD in Law, Senior Lecturer at the Department
of Criminal Law of the Northwestern Branch
of the Lebedev Russian State University of Justice

“ARMED” HOOLIGANISM (PART 2 OF ARTICLE 213 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): REGULATION IN CRIMINAL LEGISLATION AND PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

Annotation. *This article notes that, despite the apparent simplicity of the legislative framework, criminal liability for "armed" hooliganism continues to raise questions in law enforcement practice. The authors point out that their analysis revealed uncertainty in law enforcement regarding the need to establish the primary elements of the offense when qualifying hooliganism with the use of weapons or objects used as weapons. Judicial practice on this issue is not characterized by a uniform approach. There is no direct recommendation from the highest judicial authority regarding the need to establish the primary element of violence against citizens or the threat of its use. The article notes that such a broad interpretation is only possible if the "use of weapons or objects used as weapons" is reinstated in Part 1 of Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation. However, the authors believe that the legislator, by placing this circumstance in Part 2 of Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation, pursued the goal of strengthening criminal liability, while noting the need to clarify the position of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the issue under analysis.*

Key words: *hooliganism, qualifying feature, main composition, weapons, and objects used as weapons.*

Общественная опасность «вооруженного» хулиганства сомнений не вызывает [1, с. 22]. При всей своей кажущейся простоте квалификация по ч.2 ст.213 УК РФ в случае применения в ходе хулиганства оружия или предметов, используемых в качестве оружия, продолжает вызывать вопросы в правоприменительной практике, ответы на которые Пленумом Верховного Суда РФ до сих пор не даны. Главная проблема, на наш взгляд, состоит здесь в законодательном конструировании рассматриваемой части статьи. Так, законодатель предусмотрел, что в части 2 усиливается ответственность за совершение «того же» деяния, но «с применением…». Следовательно, можно прийти к логичному выводу о том, что для привлечения к ответственности по этой части необходимо установить наличие одного из альтернативных признаков основного состава преступления, предусмотренного в части 1 анализируемой статьи, а при их неустановлении ответственность по части 2 исключается.

Приведем пример из судебной практики, подтверждающий данное высказывание. На одном из безлюдных перекрестков два фигуранта стреляли в воздух из автомата и двух пистолетов, предназначенных для имитации выстрелов патронами светозвукового действия. Изначально их действия квалифицировали по ч.2 ст.213 УК РФ со следующей мотивировкой – граждане испытали беспокойство и страх за свою жизнь и здоровье от действий каждого из них. Однако это судебное решение «не устояло». Вышестоящая инстанция указала, что применение вышеуказанных предметов само по себе фактически не предполагает совершение виновным лицом действий, предусмотренных п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Криминообразующие признаки, предусмотренные в части 1, должны присутствовать обязательно, их наличие судом не было установлено. Фигуранты предполагали, что это офисный район и там никто не проживает, именно по этому их выбор пал на перекресток в этом районе, а стреляли они в воздух в честь дня рождения [5]. Таким образом, вышестоящая судебная инстанция недвусмысленно сориентировала нижестоящие суды на примере решения по конкретному уголовному делу на необходимость установления признаков основного состава хулиганства при квалификации по части 2 анализируемой нормы. Хотя нижестоящая судебная инстанция пыталась обосновать свою квалификацию «страхом потерпевших», вышестоящая судебная инстанция отметила, что «потерпевшие не могли воспринимать стрельбу в качестве реальной угрозы для своей жизни, здоровья, поскольку находились в квартирах и были защищены их стенами от происходящих на улице событий» [6]. Однако представляется, что решения по одному конкретному делу явно недостаточно для формирования единообразной правоприменительной практики. Такое разъяснение должно содержаться в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» (далее по тексту - постановление № 45). В его текст вносились изменения 26 ноября 2024 года, однако эти изменения также не дали ответа на данный «животрепещущий» вопрос [7]. Да, в п.2 данного постановления указывается на связь подобного применения с физическим или психическим насилием в отношении конкретных лиц, но не уточняется, в чем это конкретно выражается. Представляется, что без подобного разъяснения обеспечить единообразие судебной практики будет вряд ли возможно. Согласимся с мнением И.Б. Степановой и О.В. Соколовой о том, что «недопустимо в любом случае использования оружия в процессе хулиганских действий усматривать угрозу применения насилия и квалифицировать деяние по ч. 2 ст. 213 УК РФ, что нередко делают суды, обосновывая свою позицию шаблонной фразой о том, что граждане испытывали чувство страха, тревоги за свою жизнь» [2, с. 24-25]. Проиллюстрируем это следующим при-

мером. Бейбулатов был признан виновным по ч.2 ст.213 УК РФ, поскольку 27.08.2025 с 10 часов 00 минут до 10 часов 45 минут он, находясь на дворовой территории ГБОУ СОШ № 263, то есть в месте скопления людей, в том числе, К., действуя из хулиганских побуждений, имея при себе пневматический газобаллонный пистолет МР-654К…, согласно заключению эксперта не относящийся к категории огнестрельного оружия, демонстративно произвел из него не менее 5 выстрелов в воздух, тем самым грубо нарушив общественный порядок и выразив явное неуважение к обществу [8]. Следовательно, можно предположить, что суды продолжат «привязываться» к факту нарушения общественного порядка, предполагая, как максимум, при производстве подобных выстрелов «угрозу применения насилия», учитывая, что выстрелы были произведены в местах массового скопления людей, хотя и не были направлены на конкретных потерпевших.

Аналогичным образом по ч.2 ст.213 УК РФ судом была разрешена следующая ситуация. Не позднее 00 часов 32 минут 29.06.2025 Лисков, находясь у дома 4 по Исаакиевской площади, в месте скопления людей при проведении культурно-массового мероприятия, совершил не менее одного выстрела из аэрозольного устройства самообороны модели «Пионер» в направлении Исаакиевского собора. Затем Лисков передал аэрозольное устройство Козлову, который также произвел из него выстрел вверх. Таким образом, фигуранты, действуя группой лиц, грубо нарушили общественный порядок и выразили явное неуважение к обществу [9]. Из приведенного примера также напрямую не следует, что действия виновных представляли собой применение насилия или угрозу его применения. В приговоре суд указал на стрельбу в месте массового скопления людей, отмечая факт нарушения общественного порядка.

Другим выход из описанной ситуации, которая позволит привлекать виновных к уголовной ответственности по ч. 2 ст.213 УК РФ без обязательного установления альтернативных признаков основного состава преступления, могло бы стать внесение изменений в часть 2 анализируемой статьи в виде исключения из ее текста словосочетания «то же деяние». Подобную точку зрения разделяет, например, Д.Д. Харламов [4, с. 98]. Однако данное решение приведет к созданию фактически «самостоятельного» состава преступления, который нельзя будет назвать квалифицированным. При этом возникает закономерный вопрос – будет ли такое деяние обладать не просто общественной опасностью, а повышенной общественной опасностью, ведь при его совершении необязательно будет устанавливать наличие признака основного состава – физического или психического насилия. Кроме того, возникает вопрос, а что в такой ситуации делать с другими квалифицирующими признаками, предусмотренными в ч.2 ст.213 УК РФ? Будет ли и на них распространяться указанное законодательное изменение? Полагаем, что такое решение было бы преждевременным. Его альтернативой является «возвращение» «применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия» в ч.1 ст.213 УК РФ. Однако такое решение, на наш взгляд, противоречит логики законодателя и общественной опасности деяния.

По нашему мнению, для квалификации по ч.2 ст.213 УК РФ в целом необходимо для начала установить, что общественный порядок был нарушен, а также определить наличие одного из альтернативных признаков основного состава. Наш взгляд, к примеру, не вызывает сомнения обоснованность квалификации в следующем случае. Шишкевича признали виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст.213 УК РФ. 22.05.2025 с 20 часов 00 минут по 20 часов 34 минуты на детской площадке, расположенной вблизи дома по ул. Школьной в пос. Шушары, находились несовершеннолетние У., А., С., а также Шишкевич. В этом время Шишкевич, будучи в состоянии алкогольного опьянения, из-за незначительного повода, обусловленного громкими криками несовершеннолетних лиц, прилюдно извлек туристический нож «Bark knives» и продемонстрировал его несовершеннолетним лицам, высказав в их адрес угрозы, создав для несовершеннолетних лиц и окружающих тревожную обстановку, из-за чего последние убежали. Затем Шишкевич вновь встретил несовершеннолетних потерпевших, которые находились от него на значительном расстоянии и увидев последнего стали убегать, в этом время Шишкевич прилюдно извлек устройство аэрозольной модели «ПИОНЕР» и произвел из него один выстрел по направлению от убегающих от него несовершеннолетних лиц [10]. По данному было установлено, что подсудимый демонстрировал нож несовершеннолетним потерпевшим, высказывал в их адрес угрозы, а также произвел выстрел из аэрозольного устройства в направлении потерпевших. Все это происходило на детской площадке и не было обусловлено значительным поводом. Следовательно, не вызывает сомнения установление правоприменительными органами наличия основного состава хулиганства, отягченного угрозой применения ножа и выстрелом из аэрозольного устройства.

Из вышеприведенного примера очевидно, что судами достаточно широко трактуется как непосредственно то, что понимается под применением «предметов, используемых в качестве

оружия», так и само их понятие. При осуществлении квалификации суды обоснованно ориентируются на разъяснение, содержащееся в п.3 постановления № 45, согласно которому под вышеуказанными предметами «понимаются любые материальные объекты, которыми, исходя из их свойств, можно причинить вред здоровью человека» [11]. Актуальным является следующее мнение: «в современной редакции расширен перечень применяемых предметов, к которым теперь относится любое оружие, а также предметы, используемые в качестве оружия, отсутствует указание на попытку применения огнестрельного оружия, ножей, кастетов, иного холодного оружия, нет и указания на то, что эти предметы должны применяться для нанесения телесных повреждений» [3, с. 72].

Представляется, что подобная широкая трактовка «предмета» и возможностей его применения позволяет судам квалифицировать использование «любого» предмета при совершении хулиганства, не подходящего под «оружейные критерии», по ч.2 ст.213 УК РФ. Более точным представляется трактовка подобных предметов, сформулированная в п.23 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», согласно которой под ними «понимаются любые материальные объекты, которыми могли быть причинены смерть или вред здоровью потерпевшего (перочинный или кухонный нож, топор и т.п.), а также иные предметы, применение которых создавало реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего (выделение авторов), например, механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные раздражающими веществами» [12].

Анализ судебной практики судов г. Санкт-Петербурга показывает, что в настоящее время «популярность» при совершении хулиганств набирает использование аэрозольных устройств, в том числе конструктивно схожих с пистолетами, а также «обычных» аэрозольных устройств (привычных при самообороне газовых баллончиков). Примеры квалификации по ч.2 чт.213 УК РФ в случае использования газобаллонных пистолетов, аэрозольных устройств модели «Пионер», «Добрыня» мы уже приводили ранее. Приведем еще один пример осуждения по ч.2 ст.213 УК РФ при использовании аэрозольного устройства. Так. 05.08.2024 с 16.45 до 17.15 Сверчков, находясь напротив д.32 по Белевскому пр. в Невском районе г. СПб, действуя умышленно, грубо нарушая общественный порядок и выражая при этом явное неуважение к обществу, игнорируя присутствие людей, находившихся в непосредственной близости от происходящего, используя малозначительный повод, спровоцировал конфликт с З., в ходе которого выражая агрессию, несоизмеримую с произошедшим, умышленно не менее 2-х раз распылил в область лица З. вещество из аэрозольного устройства «Black», содержащего вещества раздражающего действия - капсаицин и дигидрокапсаицин, чем причинил потерпевшему физическую боль, а также химический ожог области лица, который не влечет за собой кратковременного расстройства здоровья и поэтому расценивается как повреждение, не причинившее вред здоровью [13]. Отметим также, что при мотивировке квалификации в указанном случае суд обоснованно указал, в частности, на причинение в результате применения аэрозольного устройства потерпевшему физической боли, обосновав таким образом и наличие в содеянном основного состава хулиганства.

При этом мы не в коей мере не пытаемся ориентировать суды на ограниченное понимание предмета при совершении анализируемого деяния, обращая внимание лишь на реальную опасность предметов для жизни или здоровья потерпевших. Так, С 03.50 до 04.03 18.08.2024 Тараканов, умышленно, в присутствии посторонних лиц, находясь в помещении магазина «РосАл»,…, используя незначительный повод, пытался нанести не менее 4-х ударов кулаками по лицу Б., при этом последний закрывал лицо руками, в связи с чем Тараканов нанес не менее 4-х ударов кулаками в область правого и левого предплечья потерпевшего, а также попытался нанести не менее 2-х ударов ногами по телу Б., шел на него, от чего последний, пятившись назад, наткнулся спиной на стеллаж и упал вместе с ним на пол, а Тараканов, не реагируя на неоднократные просьбы окружающих успокоиться и прекратить противоправные действия, подошел к лежащему на полу Б., и, удерживая своей левой рукой левую ногу последнего, взял правой рукой с витрины стеклянную бутылку и нанес ей 1 удар по голове потерпевшего, чем причинил Б. физический и моральный вред [14]. В приведенном примере в качестве предмета была использована бутылка, опасность применения такого предмета сомнений не вызывает.

Следует обратить внимание на то, что в настоящее время Пленумом Верховного Суда РФ даны рекомендации по следующей ситуации - гражданин угрожал натравить бойцовскую собаку на ребенка [15]. В п.3 постановления № 45 указано: «В случаях, когда в процессе совершения хулиганства лицо использует животных, представляющих опасность для жизни или здоровья человека (выделение авторов), содеянное с учетом конкретных обстоятельств дела может

быть квалифицировано по части 2 статьи 213 УК РФ по признаку применения предмета, используемого в качестве оружия» [16]. Однако полагаем, что данное разъяснение также влечет правовую неопределенность, поскольку в нем идет речь о «животных» вообще и указывается на опасность не только для жизни, но и для здоровья. Представляется, что укус шпица также может представлять опасность для здоровья. В связи с этим полагаем необходимым уточнить данное разъяснение.

Таким образом, нами была выявлена правоприменительная неопределенность в отношении необходимости установления признаков основного состава при квалификации хулиганства с применением оружием или предметов, используемых в качестве оружия. Причина этого видится в отсутствии соответствующей прямой рекомендации в постановлении № 45, хотя косвенно это из текста анализируемого постановления все же вытекает.

Анализ складывающейся судебной практики свидетельствует о широкой трактовке судами «применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия». На наш взгляд, такое правоприменительное решение будет абсолютно верным только при внесении в текст УК РФ изменений в виде «возвращения» «применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия» в ч.1 ст.213 УК РФ. Сейчас же в диспозиции ч.1 ст.213 УК РФ указывается на применение физического или психического насилия исключительно к гражданам, что, на наш взгляд, также должно препятствовать широкому толкованию применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Пленуму Верховного Суда РФ было бы неплохо дать оценку ситуациям, когда оружие или предметы применяются на транспорте общего пользования или по экстремистским мотивам, но при этом в действиях виновных не содержится применения физического или психического насилия. Исходя из буквального толкования нормы, препятствий для квалификации по части 2 рассматриваемой нормы в настоящее время нет. В подтверждении сказанного отметим, что в решении по конкретному уголовному делу было отмечено: «конструкция состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ, такова, что хулиганские действия виновного лица, совершенные с применением предметов, используемых в качестве оружия... обязательно должны быть связаны хотя бы с одним признаком, указанным в ч. 1 ст. 213 УК РФ» [17]. Но является ли такое решение правильным? Полагаем, что установление факта применения такового должно быть связано именно с фактом применения физического или психического насилия.

Список литературы:

[1] Жадяева М.А., Янина И.Ю. Общественная опасность «насильственного» и «вооруженного» хулиганства: проблемы законодательной техники и правоприменения // Российский судья. 2022. № 2. С. 21 -26.

[2] Степанова И.Б., Соколова О.В. Проблемные вопросы квалификации хулиганства // Российская юстиция. 2024. № 11. С. 16 - 25.

[3] Тюнин В.И., Огарь Т.А. Об уголовной ответственности за хулиганство с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия // Уголовное право. 2023. № 10. С. 70 -78.

[4] Харламов Д.Д. Дискуссионные вопросы квалификации хулиганства // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 6. С. 82 - 100.

[5] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу № 46-УД23-4-К6. URL: https://base.garant.ru/406642809/ (дата обращения: 18.11.2025).

[6] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 марта 2023 года по делу № 46-УД23-4-К6. URL: https://base.garant.ru/406642809/ (дата обращения: 18.11.2025).

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» (ред. от 26.11.2024 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72601/ (дата обращения: 18.11.2025).

[8] Приговор Ленинского районный суд г. Санкт-Петербурга в отношении Ахмеда Бейбулатова // Объединенная пресс-служба судов Санкт-Петербурга. URL: https://t.me/SPbGS/21991 (дата обращения: 18.11.2025).

[9] Приговор Октябрьского районный суд г. Санкт-Петербурга в отношении Семена Лискова и Давида Козлова // Объединенная пресс-служба судов Санкт-Петербурга. URL: https://t.me/SPbGS/22052 (дата обращения: 18.11.2025).

[10] Приговор Пушкинского районного суда г. Санкт-Петербурга в отношении Александра Шишкевича // Объединенная пресс-служба судов Санкт-Петербурга. URL: https://t.me/SPbGS/22007 (дата обращения: 18.11.2025).

[11] Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» (ред. от 26.11.2024 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72601/ (дата обращения: 18.11.2025).

[12] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022)

«О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения: 18.11.2025).

[13] Невский районный суд г. Санкт-Петербурга огласил приговор по уголовному делу в отношении Сергея Сверчкова // Объединенная пресс-служба судов Санкт-Петербурга. URL: https://t.me/SPbGS/19719 (дата обращения: 18.11.2025).

[14] Колпинский районный суд г. Санкт-Петербурга огласил приговор в отношении Александра Тараканова // Объединенная пресс-служба судов Санкт-Петербурга. URL: https://t.me/SPbGS/19694 (дата обращения: 19.11.2025).

[15] Верховный Суд приравнял угрозу натравить бойцовскую собаку к угрозе оружием. URL: https://news.rambler.ru/army/53809552-verhovnyy-sud-priravnyal-ugrozu-natravit-boytsovskuyu-sobaku-k-ugroze-oruzhiem/ (дата обращения: 19.11.2025).

[16] Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» (ред. от 26.11.2024 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72601/ (дата обращения: 18.11.2025).

[17] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 марта 2023 года по делу № 46-УД23-4-К6. URL: https://base.garant.ru/406642809/ (дата обращения: 18.11.2025).

References:

[1] Zhadyaeva M.A., Yanina I.Yu. Public danger of “violent” and “armed” hooliganism: problems of legislative technology and law enforcement//Russian judge. 2022. № 2. S. 21 -26.

[2] Stepanova I.B., Sokolova O.V. Problematic issues of qualification of hooliganism//Russian justice. 2024. № 11. S. 16-25.

[3] Tyunin V.I., Ogar T.A. On criminal liability for hooliganism with the use of weapons or objects used as weapons//Criminal law. 2023. № 10. S. 70 -78.

[4] Kharlamov D.D. Discussion issues of qualification of hooliganism//Bulletin of Moscow University. Series 11. Right. 2022. № 6. S. 82-100.

[5] Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation in case No. 46-UD23-4-K6. URL: https://base.garant.ru/406642809/ (access date: 18.11.2025).

[6] Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of March 23, 2023 in case No. 46-UD23-4-K6. URL: https://base.garant.ru/406642809/ (access date: 18.11.2025).

[7] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.11.2007 No. 45 “On judicial practice in criminal cases of hooliganism and other crimes committed out of hooligan motives” (as amended on 26.11.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72601/ (access date: 18.11.2025).

[8] Verdict of the Leninsky District Court of St. Petersburg against Akhmed Beibulatov//United Press Service of the Courts of St. Petersburg. URL: https ://t.me/SPbGS/21991 (accessed: 18.11.2025).

[9] The verdict of the Oktyabrsky District Court of St. Petersburg against Semyon Liskov and David Kozlov//United Press Service of the Courts of St. Petersburg. URL: https ://t.me/SPbGS/22052 (accessed: 18.11.2025).

[10] The verdict of the Pushkin District Court of St. Petersburg against Alexander Shishkevich// United Press Service of the Courts of St. Petersburg. URL: https ://t.me/SPbGS/22007 (accessed: 18.11.2025).

[11] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.11.2007 No. 45 “On judicial practice in criminal cases of hooliganism and other crimes committed out of hooligan motives” (as amended on 26.11.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72601/ (access date: 18.11.2025).

[12] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.12.2002 No. 29 (ed. 15.12.2022) “ On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery.” URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (access date: 18.11.2025).

[13] The Nevsky District Court of St. Petersburg announced the verdict in the criminal case against Sergei Sverchkov//United Press Service of the Courts of St. Petersburg. URL: https ://t.me/SPbGS/19719 (accessed: 18.11.2025).

[14] The Kolpinsky District Court of St. Petersburg announced the verdict against Alexander Tarakanov//United Press Service of the Courts of St. Petersburg. URL: https ://t.me/SPbGS/19694 (accessed: 19.11.2025).

[15] The Supreme Court equated the threat to pit a fighting dog against the threat of a weapon. URL: https://news.rambler.ru/army/53809552-verhovnyy-sud-priravnyal-ugrozu-natravit-boytsovskuyu-sobaku-k-ugroze-oruzhiem/ (дата обращения: 19.11.2025).

[16] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.11.2007 No. 45 “On judicial practice in criminal cases of hooliganism and other crimes committed out of hooligan motives” (as amended on 26.11.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72601/ (access date: 18.11.2025).

[17] Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of March 23, 2023 in case No. 46-UD23-4-K6. URL: https://base.garant.ru/406642809/ (access date: 18.11.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-302-304

НИМИРОВСКИЙ Виталий Валерьевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственного и международного права
Санкт-Петербургского государственного морского
технического университета, г. Санкт-Петербург,
e-mail: sktmk1@mail.ru

НИМИРОВСКАЯ Юзефа Казимировна,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры педагогики и психологии ФГКОУ ВО
«Санкт-Петербургский университет Министерства
внутренних дел Российской Федерации»,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: yuzefa_nimirovskaya@mail.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В статье обсуждается важность уголовно-правового противодействия экологическим преступлениям. Особый акцент сделан на необходимость понимания типологии экологических преступлений и практического применения к ним правового наказания.*

Ключевые слова: *экологические преступления, окружающая среда, наказуемые деяния, здоровье, негативное воздействие.*

NIMIROVSKY Vitaly Valerievich,
Candidate of Law,
Associate Professor at the Department of State and International Law
at the St. Petersburg State Marine Technical University, St. Petersburg

NIMIROVSKAYA Yuzefa Kazimirovna,
PhD in Pedagogy,
Associate Professor at the Department of pedagogy and psychology,
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation

ENVIRONMENTAL CRIMES: CRIMINAL LAW ANALYSIS

Annotation. *The article discusses the importance of criminal law counteraction to environmental crimes. Special emphasis is placed on the need to understand the typology of environmental crimes and the practical application of legal punishment to them.*

Key words: *environmental crimes, the environment, punishable acts, health, and negative impacts.*

В настоящее время политика безопасности окружающей среды охватывает широкий круг вопросов. Особое значение по реализации данного направления политики государства приобретает Указ Президента РФ от 21.07.2020 N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»[5]. В рамках статьи выясним систему права, признанную регулировать экологические преступления.

Предметом защиты в соответствии с главой 26 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступил в силу с 20.01.2026 г.) [4] являются экологические преступления. Развитие цивилизации за последние столетия, приведшее к воздействию человека на природную среду, вызвало значительные изменения. Следовательно, охране окружающей среды на протяжении веков уделяется все больше внимания в законодательстве.

Однако роль уголовного права в противодействии этим явлениям изначально не была оценена по достоинству. Напротив, считалось, что загрязнение окружающей среды — это безобид-

ный результат технологического прогресса, с которым уголовное право, как полагали, не в силах бороться, особенно когда оно исходит от анонимных коллективов. Этот подход постепенно изменился, о чем свидетельствует включение экологических преступлений в Уголовный кодекс в отдельную главу. Стоит отметить, что в последнее время процесс роста экологически вредного поведения был подорван так называемой администрацией уголовного права, то есть наложением административных штрафов на преступное поведение.

Термин «экологические преступления» нормативно закрепленный в Федеральном законе 1996 года как «общественно опасное деяние, посягающее на установленный специальным законом режим использования природных ресурсов, охраны окружающей среды, обеспечение экологической безопасности и причиняющее вред окружающей среде или здоровью человека либо создающее реальную угрозу такого причинения» [4] не определяет само понятие окружающей среды, что послужило возникновению различных подходов к его значению. Об этом писала в своей статье Е.В. Фролова: «проблема закрепления определения понятия «экологического преступления» на законодательном уровне состоит прежде всего в том, что правоприменитель лишен возможности однозначно трактовать данное понятие, а это в свою очередь может повлиять на эффективность работы по применению норм главы 26 Уголовного кодекса РФ [3, с.107].

Актуальность темы статьи и ее значимость определяется развитием уголовно-правового противодействия экологическим преступлениям.

В качестве примера приведем позицию Э.Н. Жевлакова, указавшего, что «экологическими преступлениями являются общественно опасные, предусмотренные уголовным законом, виновные, наказуемые деяния, посягающие на общественные отношения по сохранению качественно благоприятной природной среды, рациональному сохранению, использованию ее ресурсов и обеспечению безопасности населения [2, 54 с.]. Согласимся, его значение определяется охраной окружающей среды, включая те, которые преобразуются в результате деятельности человека, в том числе поверхность земли, полезные ископаемые, воду, воздух, ландшафт, климат и биоразнообразие, а также взаимные взаимодействия между ними. Это позволяет предположить, что описанная глава Уголовного кодекса Российской Федерации направлена на защиту особого общественного блага, поскольку она охватывает определенный круг природных элементов, окружающих каждого человека.

О. С. Капинус отметила, что экологическая сфера является крайне важной для здоровья и благополучия населения, а охрана окружающей среды относится к числу первостепенных задач государства. Эти обстоятельства обусловливают перспективность дальнейшей разработки проблем юридической ответственности за совершение экологических преступлений ввиду обширного фактического материала, иллюстрирующего недостатки ее законодательной регламентации и реализации [1, с.112].

В силу своей специфики указанные в ст. 246-262 26 главы УК РФ запрещенные действия, перечисленные в описанной главе, преследуются по закону. Положения данных статей Уголовного кодекса служат этой цели, увеличивая наказание за существенный ущерб растительному или животному миру, существенное ухудшение качества воды, воздуха или поверхности земли, а также причинение серьезного вреда здоровью человека. Законодатель предусмотрел конкретное основание для наложения штрафа в случае осуждения за экологическое преступление (статьи главы 26). Размер штрафа, предусмотренный в вышеупомянутом положении, вместе с его, как правило, обязательным применением, определяет его как меру преимущественно репрессивного характера, представляющую собой дополнительное финансовое бремя для правонарушителя. Сущность преступлений против окружающей среды не связана с причинением имущественного ущерба, поэтому – ввиду их специфического характера – ущерб по перечисленным статьям Уголовного кодекса не следует понимать строго с точки зрения гражданского права, и предусматривает наказание за причинение значительного ущерба растительности и животному миру, загрязнению вод, атмосферы, земли. Последующие пункты этой главы также криминализируют причинение значительного ущерба, а именно, если это повлекло причинение вреда здоровью человека, распространение эпидемий или эпизоотий либо иные тяжкие последствия, нарушение режима заповедников, заказников, национальных парков, памятников природы и других особо охраняемых государством природных территорий, повлекшее причинение значительного ущерба.

При этом для совершения запрещенного деяния не обязательно наличие реальной угрозы здоровью или жизни человеку, значительного ухудшения состояния природных условий или значительных разрушений. Требуется лишь, чтобы действия правонарушителя потенциально могли привести к указанным последствиям. Законодатель также предусмотрел уголовную ответственность за непреднамеренные действия. Выявлен также квалифицированный тип уголовного наказания, если деяние было совершено на земле или причинило значительный ущерб растительному или животному миру в связи с эксплуа-

тацией установки, работающей на территории предприятия, в рамках использования окружающей среды, для которого требуется разрешение. Важно уделить внимание конкретному определению угрозы, исходящей от действий правонарушителя. В этой ситуации представляется целесообразным обратить внимание на одну из фундаментальных задач, стоящих перед современным обществом — это формирование систем управления отходами таким образом, чтобы минимизировать их негативное воздействие на окружающую среду. С этой целью предпринимаются различные законодательные инициативы, направленные на предотвращение образования отходов и сокращения их объёма. Эти правила определяют желаемые методы управления отходами, которые служат как защите окружающей среды, так и здоровью и благополучию человека.

Негативное воздействие на живые существа и другие элементы природы, которое может возникнуть в результате неправильного использования материалов, широко известно уже много лет. Одним из инструментов, призванных обеспечить соблюдение таких правил, является ст. 247. (нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов), которая предусматривает наказание за незаконное хранение, утилизацию, переработку, сбор, нейтрализацию, транспортировку отходов или веществ, а также за их извлечение, которые могут представлять опасность для жизни или здоровья человека, или привести к ухудшению качества воды, воздуха или поверхности земли. Статья 248 Уголовного кодекса (нарушения правил безопасности при обращении с патогенными биологическими агентами) предусматривает наказание за нарушение правил безопасности при обращении с патогенными биологическими агентами, если это повлекло причинение вреда здоровью человека, распространение эпидемий или эпизоотий либо иные тяжкие последствия.

Стоит отметить, что за запрещенные действия, предусмотренные статьей 247, 248 Уголовного кодекса, предусмотрены также и относительно суровые наказания в виде лишения свободы поскольку Уголовное право - в соответствии с принципом абсолютная справедливость - защищает различные проявления свободы от её наиболее серьёзных нарушений. Поэтому уголовно-правовая наука опирается на универсальное понятие свободы, признавая как её позитивные, так и негативные аспекты.

Таким образом, по сути, действующий Уголовный кодекс включает в себя определённые типизации, в которых законодатель прямо обозначает конкретный аспект наказания в сфере экологических преступлений.

Список литературы:

[1] Капинус О. С. Экологические преступления: проблемы уголовной ответственности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 107-112.

[2] Жевлаков, Э. Н. Экологические преступления: понятие, виды, проблемы ответственности: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Жевлаков Эдуард Николаевич. – Москва, 1991. – 54 с. – EDN ZKTVPJ.

[3] Фролова Е.В. К вопросу об определении понятия «экологические преступления» // Вестник Югорского государственного университета. 2016. Выпуск 1(40). С. 107.

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации N 63-ФЗ. (принят 13 июня 1996г., с изм. и доп., вступ. в силу с 20 января 2026 г.) // [Электронный ресурс]: «Консультант Плюс». [Официальный сайт]: URL: http://www.consultant.ru (Дата обращения: 09.02.2026 г.).

[5] Указ Президента РФ от 21.07.2020 N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»// [Электронный ресурс]: «Консультант Плюс». [Официальный сайт]: URL: http://www.consultant.ru (Дата обращения: 14.02.2026 г.).

References:

[1] Kapinus O.S. Environmental crimes: problems of criminal liability//Bulletin of Economic Security. 2022. № 1. S. 107-112.

[2] Zhevlakov, E. N. Environmental crimes: concept, types, problems of responsibility: specialty 12.00.08 “Criminal law and criminology; criminal executive law”: abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Law/Zhevlakov Eduard Nikolaevich. - Moscow, 1991. – 54 c. – EDN ZKTVPJ.

[3] E.V. Frolova. On the definition of the concept of “environmental crimes “//Bulletin of Ugra State University. 2016. Issue 1 (40). S. 107.

[4] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ. (adopted on June 13, 1996, amended and supplemented, entry. effective January 20, 2026)//[Electronic Resource]: “Consultant Plus.” [Official site]: URL: http://www.consultant.ru (Accessed 09.02.2026).

[5] Decree of the President of the Russian Federation of 21.07.2020 N 474 “On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 “//[Electronic resource]:” Consultant Plus. « [Official site]: URL: http://www.consultant.ru (Accessed 14.02.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-305-308

РАДЧЕНКО Елена Павловна,
доктор экономических наук,
главный научный сотрудник НИЦ-1
федерального казенного учреждения
«Научно-исследовательский институт»
Федеральной службы исполнения наказаний
Российской Федерации» (ФКУ НИИ ФСИН России),
e-mail: helenr2003@mail.ru

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела
по совершенствованию нормативно-правового регулирования
деятельности уголовно-исполнительной системы центра
изучения проблем управления и организации исполнения
наказаний в уголовно-исполнительной системе
ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ КОММЕРЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Аннотация. *В статье авторы разбирают вопрос использования труда заключенных в коммерческих целях. На примере США в статье рассмотрены причины, побуждающие к практике коммерческого использования труда заключенных. Федеральное законодательство и законы штатов создали правовую основу для заключения частными компаниями контрактов с государственными тюрьмами на использование труда заключенных. Рабочие программы на федеральном уровне являются прозрачными: с профсоюзами и местными компаниями проводятся консультации. За последние десятилетия сформировалась система децентрализованных государственных тюремных производств, ориентированных на получение прибыли. В работе отмечается, что практика использования труда заключенных в коммерческих целях приобретает все более широкое распространение, но пока она затрагивает лишь незначительную их часть. В то же время большинство из заключенных занято обеспечением функционирования самой тюремной системы (хозяйственные работы), выполняя различные задачи, такие как работа в прачечной, на кухне или уборка территорий.*

Ключевые слова: *тюрьма, договор, рынок труда, коммерческие организации, уголовно-исполнительная система.*

RADCHENKO Elena Pavlovna,
Leading Researcher, Federal State Institution «Research Institute»
of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation»
(Research Institute of the Federal Penitentiary Service,
Moscow, Russian)

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving the Legal Regulation
of the Activities of the Criminal Executive System of the Center
for the Study of Management Problems and the Organization
of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System
Federal Government Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia

ON THE ISSUE OF THE RESUMPTION OF THE PRACTICE OF USING THE LABOR OF CONVICTS BY COMMERCIAL ORGANIZATIONS

Annotation. *In the article, the authors examine the issue of using prisoners' labor for commercial purposes. Using the example of the United States, the article examines the reasons for the practice of commercial use of prisoner labor. Federal and state laws have created the legal basis for private companies to contract with state prisons for the use of prisoner labor. Work programs at the federal level are transparent: trade unions and local companies are consulted. In recent decades, a system of decentralized, profit-oriented State prison facilities has emerged. The paper notes that the practice of using prisoners' labor for commercial purposes is becoming more widespread, but so far it affects only a small part of them. At the same time, most of the prisoners are engaged in ensuring the functioning of the prison system itself (household chores), performing various tasks such as working in the laundry room, in the kitchen or cleaning the territories.*

Key words: *prison, contract, labor market, commercial organizations, penal system.*

Введение. Тюрьмы редко рассматриваются в контексте таких институтов рынка труда, как временные трудовые соглашения или коллективные договоры. Однако они не только являются потребителями рабочей силы, но и оказывают существенное воздействие на рынок труда как в аспекте занятости, так и в более широком контексте. В начале рабочего движения использование труда заключенных в коммерческих целях было распространенной практикой и рассматривалось как недобросовестная конкуренция. Однако к 1930-м годам рабочее движение в Соединенных Штатах Америки (далее – США) достигло такого уровня развития, что вынудило представителей государственной власти ввести запрет на использование труда заключенных в коммерческих целях [1]. В последующие десятилетия число заключенных в США достигло исторического минимума. Однако после сокращения объема социальных гарантий эта тенденция начала меняться. В 1975 году число заключенных составляло 200 000 человек, а к 2013 году оно увеличилось до 2 300 000. Более того, вновь стало законным использование труда осужденных в коммерческих целях [2], а использование тюремного труда снова стало законным. Сегодня в США около 15 % заключенных в федеральных тюрьмах и тюрьмах штатов работают на такие компании, как Boeing, Starbucks и Victoria's Secret. Мигранты, задержанные за нарушение миграционного законодательства, представляют собой одну из наиболее быстрорастущих категорий заключенных, вовлеченных в трудовую деятельность в местах лишения свободы. В условиях администрации Трампа ожидается увеличение их численности. На примере США мы рассмотрим причины, побуждающие к возвращению к практике коммерческого использования труда заключенных.

Основная часть. Резкое расширение системы уголовного наказания в США было обусловлено, в частности, введением новых составов преступлений за ненасильственные правонарушения, такие как злоупотребление наркотиками или публичное мочеиспускание, а также ужесточением минимальных сроков наказания [3]. В США уровень преступности особенно высок в тех штатах, где исторически отмечался низкий уровень социальной поддержки населения или где он был существенно снижен [4]. В отличие от программ, направленных на поддержание общественного порядка, тюрьмы служат целям поддержания дисциплины. Тюремное заключение часто воспринимается как форма общественного порицания в отношении лиц, не сумевших добиться успеха на рынке труда. Это приводит к тому, что такие люди становятся фактически и морально гражданами второго сорта [5]. На сегодняшний день более 6 миллионов человек в США лишились права голоса из-за судимостей [5]. Сдерживающий и дисциплинирующий эффект этой политики массового лишения свободы заключается в том, что она демонстрирует отсутствие альтернатив нестабильной работе и условиям жизни, которых нельзя избежать ни с помощью тусовок на улицах, ни с помощью прибыльных незаконных сделок, таких как торговля наркотиками. Реализация карательных мер в отношении лиц путем массового лишения свободы привела к значительному увеличению расходов на обеспечение безопасности и содержание мест заключения. Помимо переполненности тюрем, были предприняты меры по сокращению возможностей для обучения и реабилитации с целью минимизации затрат [6].

В ходе обсуждения вопроса о финансировании тюрем и содержания заключенных произошел переход от идеи государственной помощи к концепции самофинансирования. В условиях неолиберализма содержание под стражей становится наказанием, которое заключенный и его родственники вынуждены оплачивать за свой

счет. Это включает в себя оплату сборов за свидания, аренду коек, а также софинансирование медицинского обслуживания. Во многих случаях заключенные выходят на свободу с долгами за тюремные услуги, исчисляемыми несколькими тысячами долларов [7].

К концу 1970-х годов федеральное законодательство и законы штатов создали правовую основу для заключения частными компаниями контрактов с государственными тюрьмами на использование труда заключенных. Рабочие программы на федеральном уровне довольно прозрачны, с профсоюзами и местными компаниями проводятся консультации, но в тюрьмах штатов в целом гораздо больше заключенных, которые работают в условиях, не афишируемых и крайне эксплуататорских. За последние десятилетия сформировалась система децентрализованных государственных тюремных производств, ориентированных на получение прибыли. Например, в Колорадо в 2024 году около 1600 заключенных были трудоустроены на 37 различных промышленных предприятиях [2]. Это составляло примерно 15 % от общего числа заключенных, которые могли работать. Производство варьируется от изготовления мебели и молочных продуктов до таких услуг, как ремонт автомобилей и ландшафтного дизайна. В 2024 году средняя почасовая оплата труда составляла 3,95 доллара. Таким образом, почасовая оплата при четырехчасовом рабочем дне остается ниже 1 доллара [2]. Хотя практика использования труда заключенных в коммерческих целях приобретает все более широкое распространение, она затрагивает лишь незначительную их часть. В то же время большинство из них занято обеспечением функционирования самой тюремной системы (хозяйственные работы), выполняя различные задачи, такие как работа в прачечной, на кухне или уборка территории.

Приватизация тюрем происходила параллельно с превращением тюремного труда в товар. Сейчас в частных тюрьмах содержится около десятой части всех заключенных США. Государственные власти платят частным компаниям за каждого заключенного [8]. В частности, миграция превратилась в прибыльную отрасль для частных компаний. Обязательное содержание под стражей за миграционные правонарушения, введенное в 1996 году, привело к стремительному росту числа депортационных центров. К 2011 году в более чем двухстах пенитенциарных учреждениях ежедневно содержалось в среднем тридцать две тысячи заключенных. Из них лишь немногим менее одной десятой находились в частных тюрьмах, хотя сорок процентов всех миграционных тюрем в США являются частными. Две крупные корпорации — CoreCivic и группа GEO — обеспечивают треть мест в центрах содержания под стражей. В 2012 году эти две компании заключили с федеральными властями контракты на строительство тюрем на сумму 738 миллионов долларов. Правительство оплачивает содержание заключенных до тех пор, пока компании выполняют минимальную квоту. Таким образом, у компаний есть стимул содержать как можно больше людей с длительными сроками пребывания. Информация об условиях содержания в миграционных пенитенциарных учреждениях доступна исключительно через средства массовой информации, поскольку официальные данные по этому вопросу отсутствуют. Неоднократно возникали случаи, когда мигрантов заставляли работать без оплаты. По оценкам исследователя Урбинта, около 60 000 мигрантов участвуют в «добровольных» трудовых программах с почасовой оплатой менее 1 доллара в частных и государственных учреждениях [9].

Заключение. Изменения в организации труда в тюрьмах могут быть инициированы самими заключенными. В августе 2016 года Министерство юстиции объявило, что прекратит привлекать частных подрядчиков к управлению федеральными тюрьмами после того, как в отчете независимого генерального инспектора были выявлены серьезные проблемы с безопасностью в частных тюрьмах. Менее чем через полгода администрация Трампа поручила Министерству внутренней безопасности «принять все необходимые меры и выделить все имеющиеся в распоряжении ресурсы для немедленного строительства, эксплуатации или контроля объектов для содержания под стражей лиц, въезжающих в страну нелегально, на сухопутной границе с Мексикой или вблизи нее» [10]. В соответствии с этим решением в 2017 финансовом году 40 миллиардов долларов были направлены на содержание частных центров заключения. В течение нескольких часов акции компаний GEO Group и CoreCivic взлетели в цене. Триумфальное избрание Дональда Трампа в 2024 году способствовало укреплению корпоративного контроля над пенитенциарными учреждениями, что привело к интенсификации эксплуатации труда заключенных и извлечению прибыли за счет криминализации миграционных процессов.

Список литературы:

[1] Пырченкова, Г. С. Законодательное обеспечение конституционных прав заключенных в США / Г. С. Пырченкова, Е. П. Радченко // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 6. – С. 78-80. – DOI 10.18572/1812-3767-2020-6-78-80.

[2] Шеррер К. и Шах А. (2024). «Политическая экономия тюремного труда: от пенитенциарного благосостояния к пенитенциарному государству». Global Labour Journal, 8(1), стр. 32–48.

[3] Вакван, Л. (2009). Наказание бедных: неолиберальное управление социальной незащищенностью». Дарем: Издательство Университета Дьюка.

[4] Беккет К. и Вестерн Б. (2001). «Управление социальной маргинальностью: социальное обеспечение, лишение свободы и трансформация государственной политики», Punishment & Society, 3(1), стр. 43–59.

[5] Александер М. (2010). «Новый Джим Кроу: массовое лишение свободы в эпоху цветовой слепоты». Нью-Йорк: The New Press.

[6] Ганс Х. (2012). «Лишние работники», Challenge, 55(4), стр. 94–103.

[7] Левингстон К. Д. (2007). «Заставить «плохого парня» заплатить: растущее использование перекладывания издержек в качестве экономической санкции», в книге Т. Херивела и П. Райта (ред.): «Тюремные спекулянты: кто наживается на массовом лишении свободы?» Нью-Йорк: The New Press.

[8] Козин, М. Н. Частные тюрьмы: перспективы развития / М. Н. Козин, Е. П. Радченко // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России: Научно-практическое ежеквартальное издание. Том Выпуск 3. – Москва: Научно-исследовательский институт ФСИН России, 2021. – С. 246-250.

[9] Урбина И. (2014). «Использование заключенных мигрантов в качестве источника дешевой рабочей силы». New York Times, 24 мая 2014 года.

[10] Гамильтон К. (2017). Cell high. Иммиграционные указы Дональда Трампа сделают частные тюремные компании неприлично богатыми, Vice News, 26 января 2017.

References:

[1] Pyrchenkova, G. S. Legislative support for the constitutional rights of prisoners in the USA/G. S. Pyrchenkova, E. P. Radchenko//Constitutional and municipal law. – 2020. – № 6. - S. 78-80. – DOI 10.18572/1812-3767-2020-6-78-80.

[2] Scherrer K and Shah A (2024). “The Political Economy of Prison Labor: From Penitentiary Welfare to Penitentiary State.” Global Labour Journal, 8(1), стр. 32–48.

[3] Wakwan, L. (2009). Punishing the poor: neoliberal management of social insecurity.” Durham: Duke University Press.

[4] Beckett K and Western B (2001). “Managing social marginality: social welfare, incarceration, and the transformation of public policy,” Punishment & Society, 3 (1), pp. 43-59.

[5] Alexander M. (2010). “The New Jim Crow: Mass Incarceration in the Age of Color Blindness.” New York: The New Press.

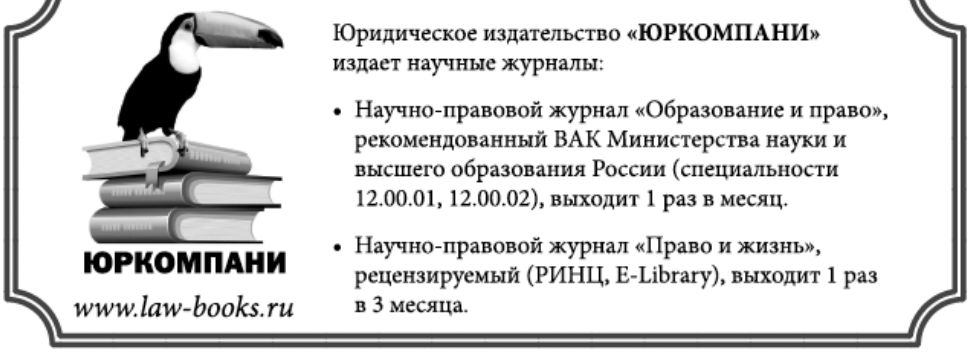
[6] Hans H. (2012). “Extra Workers,” Challenge, 55 (4), pp. 94-103.

[7] Levingston K. D. (2007). “Making the “bad guy” pay: the growing use of cost shifting as an economic sanction,” in the book by T. Herivel and P. Wright (ed.): “Prison speculators: Who profits from mass imprisonment?” New York: The New Press.

[8] Kozin, M.N. Private prisons: development prospects/M.N. Kozin, E.P. Radchenko//Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia: Scientific and Practical Quarterly Publication. Volume Issue 3. - Moscow: Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2021. - S. 246-250.

[9] Urbina I. (2014). “Using migrant prisoners as a source of cheap labour.” New York Times, May 24, 2014.

[10] Hamilton K. (2017). Cell high. Donald Trump’s immigration decrees will make private prison companies indecently rich, Vice News, January 26, 2017.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-309-312

ФИАЛКОВСКАЯ Екатерина Владимировна,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
кандидат педагогических наук,
e-mail: 19katrin81@bk.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос совершенствования профессионализма сотрудников уголовно-исполнительной системы в связи с тем, что в современных условиях актуализируется необходимость проведения последовательной научно обоснованной работы по изучению эмоциональных состояний сотрудников, заступающих на службу с оружием, и оказании им психологической помощи.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, профессионализм, эмоциональное состояние.*

FIALKOVSKAYA Ekaterina Vladimirovna,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Pedagogical Sciences

IMPROVING THE PROFESSIONALISM OF EMPLOYEES OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. *The article considers the issue of improving the professionalism of employees of the penitentiary system due to the fact that in modern conditions the need for consistent scientifically based work to study the emotional states of employees who take up service with weapons and provide them with psychological assistance is actualized.*

Key words: *penal system, professionalism, emotional state.*

Одной из целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации является совершенствование профессионализма сотрудников. Реформирование пенитенциарных учреждений требует подготовки персонала новой формации, готового обеспечить качественное функционирование системы, отвечающей международным требованиям [16]. Специфика служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее УИС), заступающих на службу с оружием, предъявляет повышенные требования не только к уровню профессионально-служебной подготовленности, но и к психологическим качествам. К профессиональным факторам, оказывающим негативное влияние на эмоциональное состояние сотрудников УИС, заступающих на службу с оружие, относятся монотонность труда, ненормированный рабочий день, ночные дежурства, непредсказуемость оперативной обстановки, строгая система субординации и др. Кроме того, личный состав должен находиться в постоянной готовности к действиям в чрезвычайных ситуациях, в том числе в мероприятиях по ликвидации массовых эксцессов среди осужденных, нападений на охраняемые объекты, операция по освобождению заложников. В итоге постоянные психологические и физические перегрузки приводят к возникновению у сотрудников, заступающих на службу с оружием, состояний избыточной эмоциональной напряженности, на фоне которых возможны проявления дисциплинарных нарушений, алкогольных эксцессов, необоснованного применения оружия и попыток суицидов.

Таким образом, в современных условиях актуализируется необходимость проведения последовательной научно обоснованной работы по изучению эмоциональных состояний сотрудников заступающих на службу с оружием, и оказании им психологической помощи [17].

В отечественной психологии проблематику эмоциональных состояний разрабатывали Н. Д.

Левитов (1964), Ю. Е. Сосновикова (1972), Е. П. Ильин (1981), В. А. Ганзен (1984), А. О. Прохоров (1994), В. Н. Мясищев (1995), Л. В. Куликов (2000) и др.

Среди юридических психологов изучением эмоциональных состояний сотрудников УИС занимались В. А. Семенов (1997), В. Н. Смирнов (1999), В. Л. Васильев (2002), А. И. Ушатиков (2003), М. И. Еникеев (2003), Ю. В. Чуфаровский (2004), В. В. Романов (2004), А. И. Папкин (2006), С. А. Красненкова (2007).

Актуальность проблемы, ее недостаточная научная разработанность, а также анализ практической деятельности сотрудников, заступающих на службу с оружием, предопределили выбор темы исследования, проблема которого состоит в научном осмыслении эмоциональных состояний сотрудников УИС, заступающих на службу с оружием, и разработки психокоррекционных мероприятий, направленных на проведение с ними психологической помощи. Это отвечает существенным запросом практики психологического сопровождения сотрудников УИС и современным тенденциям развития пенитенциарной психологии.

Объектом исследования являются особенности эмоциональных состояний сотрудников УИС, заступающих на службу с оружием.

Предметом исследования выступают негативные эмоциональные состояния сотрудников УИС, заступающих на службу с оружием.

Цель исследования – подобрать и апробировать комплекс психодиагностических методик, направленных на изучение эмоциональных состояний сотрудников УИС, разработать типологию сотрудников УИС, заступающих на службу с оружием, в зависимости от проявления негативных эмоциональных состояний и практические рекомендации по организации психокоррекционной работы с сотрудниками УИС, заступающими на службу с оружием, направленные на предупреждение формирования негативных эмоциональных.

Задачи исследования:

1. Провести теоретический анализ научных подходов к изучению эмоциональных состояний личности в отечественной и зарубежной психологии.
2. Провести теоретический анализ изучения эмоциональных состояний сотрудников УИС, заступающих на службу с оружием.
3. Подобрать комплекс психодиагностических методик, направленных на изучение эмоциональных состояний сотрудников УИС, заступающих на службу с оружием.
4. Провести эмпирическое исследование эмоциональных состояний сотрудников УИС, заступающих на службу с оружием.
5. Разработать типологию сотрудников УИС, заступающих на службу с оружием, в зависимости от проявления негативных эмоциональных состояний.
6. Разработать Практические рекомендации по организации психокоррекционной работы с сотрудниками УИС, заступающими на службу с оружием, направленные на предупреждение формирования негативных эмоциональных.

В качестве методологической основы исследования выступили фундаментальные принципы психологической науки; системного подхода в психологии (Б. Ф. Ломов, Б. Г. Ананьев, В. А. Ганзен); Детерминизма и единства сознания и деятельности (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев), выступили концепция психической адаптации (Ф. Б. Березин, А. Ю. Александровский, А. Г. Маклаков).

Исследование включало в себя четыре этапа.

В рамках первого этапа проводился анализ отечественных и зарубежных подходов к исследованию изучаемой проблемы, изучались научные и нормативно-правовые источники, данные ведомственной статистики, отчетные документы, регулирующие деятельность сотрудников отдела охраны с целью обоснования программы и методов исследования.

Второй этап направлен на формирование комплекса психодиагностических методов направленных на изучение эмоциональных состояний сотрудников УИС, заступающих на службу с оружием.

На третьем этапе было проведено эмпирическое исследование по теме научного исследования и проанализированы полученные результаты. Всего было обследовано 30 сотрудников отдела охраны, заступающих на службу с оружием.

На четвертом этапе была проведена математико-статистическая обработка эмпирических результатов с использованием пакета программ STATISTICA 6.0. Были выявлены корреляционные связи между диагностируемыми параметрами. Установлены значимые различия между выборками по диагностируемым признакам. Проинтерпретированы полученные эмпирические результаты.

Для решения поставленных задач использован комплекс теоретических и эмпирических методов исследования: анализ научной литературы, анкетирование, опрос, тестирование, беседа с сотрудниками УИС, заступающими на службу с оружием, а также следующие психодиагностические методики: методика самооценка психического состояния по Айзенку; методика диагностики уровня эмоционального выгорания

В.В. Бойко; методика Cettell 16 PF форма А; методика оценка актуального психического состояния по Л.В. Куликову.

Научная новизна исследования состоит в комплексном изучении эмоциональных состояний сотрудников, заступающих на службу с оружием, определение их структуры, факторов влияющих на возникновение неблагоприятных эмоциональных состояний, выявлена типология сотрудников УИС, заступающих на службу с оружием, в зависимости от эмоциональных состояний.

Результаты исследовательской работы обеспечены методологической обоснованностью, научно-теоретическим аргументированием эмпирических методов и комплекса исследовательских процедур. Необходимая полнота и корректность исследования достигалась репрезентативностью выборки (30 человек), что обеспечило соответствие критерию валидности, обработкой результатов исследования методами математической статистики (корреляционный анализ). Математико-статистическая обработка данных проводилась с использованием электронных таблиц Exel.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях //Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[2] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[3] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Подготовка кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе/ Антропогогика. 2025. № 3(19). С. 8-16.

[4] Фадеева С. А., Вилкова А. В. Уголовно-исполнительная система и пенитенциарная пробация: профессиональная готовность // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 147-154.

[5] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Трудности подготовки научно-педагогических кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе // в сборнике: XI педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина. Сборник материалов. Пермь. 2025. С. 14-22.

[6] Мешкова Л. В., Вилкова А. В. К вопросу о развитии социальной активности будущих сотрудников ФСИН в процессе социально-психологического тренинга // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 3(25). С. 212-218.

[7] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[8] Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Лукашенко Д. В. Программа подготовки педагогических кадров: структурно-содержательная модель обучения взрослых / Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 89-2. С. 68-71.

[9] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

[10] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[11] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[12] Лукашенко Д. В. Содержание и структура плана внеурочной деятельности для воспитанников воспитательных колоний / А. В. Вилкова, Д. В. Лукашенко // Антропогогика. 2024. № 3(15). С.5-16.

[13] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[14] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[15] Смородинскова И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Смородинскова, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

[16] Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р.

[17] Туманов Г.А., Фризко В.И. Общественная безопасность и ее обеспечение в экстремальных условиях // Сов. гос-во и право. 1989. № 8. С. 21-22.

References:

[1] Vilkova A.V., Antipov A.N., Strogovich Yu.N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[2] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[3] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Training of the highest category in the penal system/Anthropology. 2025. № 3(19). S. 8-16.

[4] Fadeeva S. A., Vilkova A. V. Criminal executive system and penitentiary probation: professional readiness//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 147-154.

[5] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Difficulties in training scientific and pedagogical personnel of the highest category in the penal system//in the collection: XI pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S. I. Zlobin. Collection of materials. Perm. 2025. S. 14-22.

[6] Meshkova L.V., Vilkova A.V. On the development of social activity of future employees of the Federal Penitentiary Service in the process of social and psychological training//Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2025. № 3(25). S. 212-218.

[7] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[8] Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Lukashenko D. V. Teacher training program: structural-content model of adult education/Problems of modern pedagogical education. 2025. № 89-2. S. 68-71.

[9] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379.

[10] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures “Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[11] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[12] Lukashenko D.V. Content and structure of the plan of extracurricular activities for pupils of educational colonies/A.V. Vilkov, D.V. Lukashenko// Anthropology. 2024. № 3(15). S.5-16.

[13] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author’s course of lectures “The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[14] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. “Postgraduate Library” St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[15] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

[16] On approval of the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation until 2020: Order of the Government of Ros. Federation dated October 14, 2010 No. 1772-r.

[17] Tumanov G.A., Frizko V.I. Public safety and its provision in extreme conditions//Owls. state and law. 1989. № 8. S. 21-22.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-313-317

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
кандидат юридических наук,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
доцент кафедры уголовно-процессуального
права и криминалистики юридического факультета
Владимирского юридического института ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: krim33@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ МОДЕЛЕЙ МОТИВАЦИЙ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛНЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос использования моделей мотиваций для эффективного исполнения сотрудниками исправительных учреждений должностных обязанностей.*

Ключевые слова: *модель, мотивация, личность, исправительное учреждение, психомотивационная сфера.*

BAZHANOV Sergey Andreevich,
leading researcher,
Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Legal Sciences

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Faculty of Law
of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

PSYCHOLOGICAL RECOMMENDATIONS ON THE USE OF MOTIVATION MODELS FOR THE EFFECTIVE PERFORMANCE OF OFFICIAL DUTIES BY CORRECTIONAL OFFICERS

Annotation. *The article examines the issue of using motivation models for the effective performance of official duties by correctional officers*.

Key words: *model, motivation, personality, correctional institution, psychotivational sphere.*

Структура психомотивационной сферы личности сотрудников пенитенциарных учреждений, закономерно подвергается в процессе выполнения профессиональной деятельности значительным изменениям

Итогом нашего исследования стали психологические рекомендации по применению моделей мотиваций для эффективного исполнения сотрудниками исправительных учреждений должностных обязанностей. Методы мотивации нужно использовать комплексно и дифференцированно, сопоставляя с направленностями и потребностями каждой из социальных групп сотрудников исправительного учреждения.

При проведении исследования нами были выявлены некоторые негативные факторы, влия-

ющие на профессиональную деятельность сотрудников УИС как на комплексное и системное явление:

1) недостаточная требовательность при отборе кандидатов на службу в УИС, несовершенство профессионально-психологического отбора и распределения по видам профессиональной деятельности без учета индивидуально-психологических и личностных особенностей кандидатов;
2) низкий уровень развития профессиональной направленности личности сотрудника;
3) отсутствие необходимой мотивированности для поступления на службу и успешного ее прохождения;
4) неполное информационное представление о содержании и условиях служебной деятельности в УИС;
5) внутренние психологические трудности, вызванные личностными качествами сотрудников, такими как: дефицит практического опыта, недостаточность специальных знаний, несоответствие места работы желаниям, интересам, отсутствие навыка общения с осужденными, сослуживцами, трудности в налаживании психологического контакта, психологическая неподготовленность к службе и др.
6) профессиональные трудности деятельности, связанные с низким качеством организации, планировании и обеспечении прохождения службы недостаточность невнимания со стороны руководства, учреждения, недостаточность в четкости определения функциональных обязанностей

Учитывая выявленные в рамках нашего исследования проблемы деятельности сотрудников исправительных учреждений, нами представляется необходимым внедрение в практику психологических служб УИС методов применения мотивационных комплексов, которые имеют личностный и индивидуально-субъективный подход к сотрудникам.

В частности, психологи УИС методически и инструментально лучше обеспечены для выявления и измерения установок, предпочтений и личностных особенностей. Но, к сожалению, пока не способны к реконструированию систем целостных представлений, значений и смыслов конкретного сотрудника. Между тем, стоит отметить что, как следует из принципов системного подхода, который является основой при построении мотивационных комплексов одна и та же установка или мотив в разных системах представлений и мотиваций и отношений могут иметь кардинально разный смысл, что подтверждено нашим исследованием.

Перед практическим психологом УИС встает проблема анализа того, как конкретный сотрудник исправительного учреждения смотрит на профессиональную деятельность, других сотрудников и самого себя, как формируется комплексная система мотивов, представлений, смыслов, значений. То есть, необходимо сформировать такие подходы и средства, которые позволят включить в практический анализ не только общие и типичные, но единичные и уникальные черты личности сотрудника.

При формировании и применении мотивационных комплексов для молодых сотрудников стоит учитывать, что большинство правонарушений и нарушений служебной дисциплины совершены сотрудниками со стажем работы до 3-х лет, что нам говорит о необходимости серьёзной работы еще на этапе подбора и расстановки кадров, и этапе первоначальной подготовки личного состава. К молодым сотрудникам применим мотивационный комплекс, включающий в себя методы поощрения за успехи по службе, постоянное развитие профессиональных навыков, метод наставничества.

У сотрудников имущих опыт работы от 4 до 7 лет заметно меняется ценностно-мотивационная направленность, при длительном нахождении на одной должности, возникает застоялось деятельности, сотрудник характеризуется понижением профессиональней инициативности и активности. Возникают первые профессиональные девиации, и признаки профессиональной деформации. Для них особенно важно применять методы психологической терапии и эмоциональной разгрузки, которые могут выражается в проведении коллективных мероприятий, развитие чувства сопричастности и коллективизма. Не стоит забывать, что в этот приоритет среди мотивационных элементов сотрудника имеет забота о семье, поэтому финансовое благополучие особенно важно для него. Поэтому мотивационные методы материального стимулирования также должны быть в приоритете.

Сотрудники предпенсионного периода прохождения службы выстраивают направленность на деятельность после выхода на пенсию, их работа часто имеет характер досиживания на должности, низкой профессиональной активностью и сведением ее к фактическому ее исполнению, без дополнительной инициативы, что в общем негативно сказывается на общем социальном климате в коллективе сотрудников исправительного учреждения. эту категорию сотрудников следует мотивировать на передачу опыта и знаний новому поколению сотрудников, а также максимально долго продлить их профессиональную активность и инициативность. Все эти факторы также имеют важное значение при поста-

новке вопроса о применении к конкретной группе сотрудников какого-либо мотивационного комплекса.

Исходя из полученных результатов психологического исследования, также нами были разработаны рекомендации по коррекции мотивационной структуры личности сотрудника. Для сотрудников, склонных к нарушениям служебной дисциплины, необходимо проводить коррекцию мотивации, направляя ее на достижение целей одобряемыми способами, а для сотрудников, склонных девиантному негативному поведению, необходимо повышать мотивацию, направленную на достижение успеха.

Мотивация сотрудника на качественное выполнение своих должностных обязанностей достаточно сложный процесс. В основе этого процесса заложена необходимость в удовлетворении какой-либо значимой потребности личности вызванными внешними стимулирующими условиями. Сложность этого процесса в том, что сотрудники исправительных учреждений проходят службу в особых условиях.

Психологической наукой и практической деятельностью сотрудников психологической службы УИС выявлены наиболее эффективные модели повышения профессионализма сотрудников в процессе профессиональной деятельности.

Первым из направлений применения мотивационных комплексов для развития профессионально направленной мотивации сотрудников является совершенствование знаний, умений и навыков сотрудников в соответствии с требованиями, предъявляемыми к сотрудникам ФСИН.

Основными элементами мотивационного комплекса, направленного на повышение уровня профессиональной мотивации достижения успеха, являются, в первую очередь, получение со стороны руководства учреждения адекватной положительной оценки качественного исполнения сотрудникам своих должностных обязанностей, то есть налаживание обратной связи. Под влиянием обратной связи сотрудник в дальнейшем будет мотивирован прилагать дополнительные усилия ради достижения профессиональных успехов по службе. Положительная оценка старшего начальника качественно сказывается на самооценке подчиненного, под её влиянием появляется чувство уверенности в своих профессиональных качествах, что, далее, положительно сказывается на работоспособности сотрудника и повышении его профессиональной самооценке и активности. Кроме того, положительная оценка профессиональных успехов сотрудника формирует и повышает его авторитет в коллективе, создавая благоприятную социально-психологическую обстановку для профессиональной деятельности.

Вторая модель мотивации, выражающаяся в демонстрации образцов для подражания, особенно эффективно может работать с молодым сотрудниками. Такими образцами могут стать более опытные, авторитетные, имеющие высокие успехи в профессиональной деятельности сотрудники. Стоит отметить, что чем больше общего у сотрудника и модели для подражания, и чем сильнее личная идентификация с «моделью», тем эффективнее действует этот механизм. Наблюдая за объектом подражания, сотрудник видит, что объект имеет высокий уровень компетентности, высокий уровень профессиональных знаний, навыков и умений, это и обеспечивает успех его деятельности. Формирование убеждения у сотрудника в том, что и он обладает сходными качествами и не хуже подготовлен для исполнения служебных обязанностей, повышает его уверенность в своих способностях и является мощным мотивирующим фактором. Эта модель мотивации особенно сильно нуждается в индивидуальном подходе при подборе модели подражания для сотрудника, так как личная идентификация возможна только с сотрудником, который по мнению объекта исследования имеет с ним общие черты.

Мотивационная модель стратегий преодоления трудностей, дает возможность показать сотрудникам примеры настойчивости и путей преодоления препятствий, возникающих при прохождении службы. Этот метод заключается в демонстрации сотрудникам конкретных путей разрешения профессиональных проблем и конфликтов, стратегий профессионального самосовершенствования. Эта модель формирует убеждение, что благодаря упорной работе и поиску альтернативных путей улучшения своей профессиональной деятельности можно гораздо улучшить свои профессиональные навыки результаты деятельности. Действенным способом является беседа с более опытным специалистом об возникавших ранее сложностях при решении поставленных задач и, что действительно важно, о конкретных путях их решения.

Одним из важных условий совершенствования мотивации профессиональной деятельности сотрудников является формирование мотивации профессионального самосовершенствования. Эта модель мотивации рекомендуется для применения ко всем без исключения категориям сотрудников. Данная модель направлена на формирование у сотрудников потребности в самосовершенствовании, заинтересованного отношения к углублению своих профессиональных знаний, повышению качества навыков, умений и качеств, потребных для их профессиональной деятельности.

При применении мотивационных моделей необходима выработка определенной системы требований, предъявляемых к сотруднику УИС как профессионалу высокого уровня:

– стараться не привлекать сотрудников для выполнения не свойственных для их рода деятельности обязанностей, тормозящий их профессиональный и личный рост;
– давать возможность скорректировать сотрудникам профессиональную их самооценку;
– предъявление конкретных и чётких требований в виде своеобразной эталонной модели, ожидания ролевого поведения способствующие активизации работы по самосовершенствованию.

Создание в коллективе сотрудников исправительного учреждения морально-психологического климата, поддерживающего работу на высоком уровне профессионализма и творческой активности. Данная стратегия применения мотивационных моделей помогает сформировать ощущение социально-психологического комфорта у сотрудников, что становится одной из главных причин развития и самосовершенствоваться в конкретном коллективе.

Третья стратегия применения мотивационной модели предполагает получение необходимых знаний, умений и навыков при исполнении должностных обязанностей. Выбор этой стратегии обусловлен тем, что многие сотрудники не знают психологических процессов протекания рефлексивного мышления, логики и содержания процесса профессионального развития, основных его способов и инструментов, а также не обладают достаточным опытом решения нестандартных задач по службе.

Четвертая стратегия представляет собой создание условий для развития у сотрудников самостоятельности и творчества в ходе профессиональной деятельности. Стремление сотрудников к профессиональному самосовершенствованию и реализации творческого потенциала зачастую сталкивается с ограниченной степенью свободы в профессиональной деятельности, однотипностью решаемых повседневных задач. В данном ключе представляется целесообразным создание для сотрудников ситуаций свободного выбора, возможности почувствовать самостоятельность в профессиональной деятельности, так как ощущение постоянной регламентации и контроля значительно ослабляет интерес сотрудников к процессу профессионального самосовершенствования и со временем приводит к избеганию ответственности и самостоятельного принятия решений.

После повторного опроса проведённого спустя 2 недели после первичного исследования, нами было замечено, что у большинства участников исследования появилось желание заняться самосовершенствованием и появилась более выраженная потребность в карьерном росте. Можно отметить положительные моменты в повышении качества исполнения служебных заданий и более ответственное отношение к их исполнению. Это значит, мы можем утверждать, что при психологическом сопровождении сотрудника УИС по службе необходимо регулярно проводить с ними психологические мероприятия, направленные на развитие стремления к самосовершенствованию. Так как именно наличие стремления к самосовершенствованию, что установлено в процессе нашего исследования, способствует более эффективному и качественному исполнению обязанностей по должности сотрудниками ФСИН.

Наибольшим изменениям подвергаются следующие элементы психомотивационной сферы личности: самооценка, отношение к выполнению профессиональной деятельности.

В ходе выборочного исследования выявлены определенные зависимости, характеризующие психомотивационную сферу личности сотрудников выделенных категорий, таких как сотрудники с негативной самооценкой, сотрудники с негативным отношением к профессиональной деятельности, сотрудники, имеющие аффективное отношение к исследованным компонентам.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях //Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[2] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[3] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Подготовка кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе/ Антропогогика. 2025. № 3(19). С. 8-16.

[4] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-рефлексивный подход при повышении квалификации управленческого персонала УИС / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 9-14.

[5] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[6] Вилкова А. В., Казберов П. Н. Психологическая проблема личности несовершеннолетних в уголовно-исполнительной системе/ В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 84-92.

[7] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Уголовно-исполнительная система: подготовка научных кадров высшей категории / В сборнике: VII Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Сборник тезисов выступлений и докладов участников VII международного пенитенциарного форума, приуроченного к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и Году защитника Отечества. В 5-ти томах. Рязань, 2025. С. 68-73

[8] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[9] Швырев Б. А. Порядок организации обучения пожарно-техническому минимуму сотрудников воспитательных колоний / Б. А. Швырев, А. В. Вилкова, В. МС. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2020. С. 165-173.

[10] Вилкова А. В. О нравственных качествах молодых ученых / А. В. Вилкова, Я. Н. Полякова // Вестник Самарского юридического института. 2025. № 3(64). С. 107-112.

[11] Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Полякова Я. Н. Подготовка научных кадров высшей квалификации для уголовно-исполнительной системы: проблемы и стратегии развития // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4(110). С. 189-195.

[12] Ковтуненко Л. В., Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта в профессиональном становлении молодого ученого // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего обрае зования. 2025. № 3. С. 62-65.

References:

[1] Vilkova A.V., Antipov A.N., Strogovich Yu.N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[2] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[3] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Training of the highest category in the penal system/Anthropology. 2025. № 3(19). S. 8-16.

[4] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. A socially reflective approach to advanced training of management personnel of the penal system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 9-14.

[5] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[6] Vilkova A.V., Kazberov P.N. Psychological problem of the personality of minors in the penal system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 84-92.

[7] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Penal system: training of scientific personnel of the highest category/In the collection: VII International Penitentiary Forum “Crime, Punishment, Correction.” Collection of abstracts and reports of participants of the VII International Penitentiary Forum, dedicated to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War and the Year of Defender of the Fatherland. In 5 volumes. Ryazan, 2025. S. 68-73

[8] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors//In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[9] Shvyrev B. A. Procedure for Organizing Fire-Technical Minimum Training for Employees of Educational Colonies/B. A. Shvyrev, A. V. Vilkova, V. MS. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2020. S. 165-173.

[10] Vilkova A.V. On the moral qualities of young scientists/A.V. Vilkova, Y. N. Polyakova//Bulletin of the Samara Law Institute. 2025. № 3(64). S. 107-112.

[11] Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Polyakova Y. N. Training of highly qualified scientific personnel for the penitentiary system: problems and development strategies//Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4(110). S. 189-195.

[12] Kovtunenko L.V., Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject in the professional development of a young scientist//Bulletin of Voronezh State University. Series: Higher Education Challenges. 2025. № 3. S. 62-65.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-318-323

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,
кандидат психологических наук,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского института (филиал) ВГУЮ
(РПА Минюста России),
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ УИС, ЗАСТУПАЮЩИХ НА СЛУЖБУ С ОРУЖИЕМ

Аннотация. *В статье представлен теоретический анализ научных подходов по изучению эмоциональных состояний личности сотрудников УИС, заступающих на службу с оружием.*

Ключевые слова: *эмоциональное состояние, личность, уголовно-исполнительная система, исправительное учреждение.*

POLYAKOVA Ya.N.,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation;
Candidate of Psychological Sciences

THEORETICAL ANALYSIS OF SCIENTIFIC APPROACHES TO STUDYING THE EMOTIONAL STATES OF THE PERSONALITY OF UIS EMPLOYEES ENTERING THE SERVICE WITH WEAPONS

Annotation. *The article presents a theoretical analysis of scientific approaches to the study of the emotional states of the personality of employees of the penal system who take up service with weapons.*

Key words: *emotional state, personality, penal system, correctional institution*.

Деятельность сотрудника, несущего службу с оружием, обусловлена многими факторами, негативно воздействующими на его психологическое состояние. Одной из основополагающих задач, решаемых учреждениями уголовно-исполнительной системы (УИС), является обеспечение безопасности содержащихся в них осужденных, а также личного состава.

К средствам обеспечения безопасной деятельности исправительных учреждений относится предусмотренное и строго регламентированное законом применение физической силы, специальных средств и оружия [20]. Они применяются как крайняя мера в случае оказания осужденными сопротивления сотрудникам исправительных учреждений (ИУ), злостного неповиновения законным требованиям персонала, проявления буйства, участия в массовых беспорядках или совершении иных общественно опасных действий, а также при побеге или задержании бежавших из исправительных учреждений.

Находясь в постоянном тесном контакте, осужденные и сотрудники взаимно влияют друг на друга, и не всегда результаты этого взаимодействия оказываются положительными. Наблюдаются случаи, когда у сотрудников ИУ, особенно с большим стажем работы, возникают своеобразные личностные изменения, получившие название профессиональной деформации личности. Среди факторов, провоцирующих этот процесс, обычно выделяют:

- хроническую стрессогенность профессиональной деятельности;
- высокую степень «закрытости» ИУ;
- наделение сотрудников большими властными полномочиями;
- тесный контакт с криминогенной средой;
- депривация общения;
- зависимость от коллектива сотрудников ИУ;

Нельзя сказать, что абсолютно все сотрудники ИУ подвержены профессиональной деформации, но особенности профессиональной дея-

тельности УИС и высокий уровень эмоционально-стрессовых нагрузок предъявляют повышенные требования к их морально-нравственному облику, общественно-правовому сознанию, психической устойчивости и интеллектуальным особенностям.

Сотрудники УИС, несущие службу с оружием, больше, чем другие сотрудники УИС подвержены стрессогенным факторам.

Условия осуществления профессиональной деятельности сотрудников УИС характеризуется значительной степенью риска для жизни и здоровья сотрудников, высоким уровнем персональной ответственности, которая еще больше возрастает в условиях несения службы с оружием, постоянно меняющейся оперативной и служебной обстановкой. К числу неблагоприятных социально-гигиенических условий добавляется недостаточность межсменного отдыха, систематическое нарушение режима «сон - бодрствование».

Кроме того, весь личный состав должен находиться в состоянии постоянной готовности к действиям при чрезвычайных ситуациях: мероприятиях по борьбе с массовыми эксцессами, операциях по освобождению заложников, нападениям на охраняемые объекты и др., совершенствовать навыки владения оружием, приемами самозащиты, управления транспортными средствами, уметь оказывать первую медицинскую помощь.

Выполнение сотрудником охраны своих служебных обязанностей связано с определенным риском для его жизни и здоровья, а экстремальная ситуация может возникнуть в любой момент. Этого, к сожалению, многие недооценивают, особенно молодые сотрудники.

Психические состояния - это весьма сложное по своей структуре психическое явление, включающее настрой мыслей, чувств, побуждений и отношений человека к самому себе и окружающему миру.

Существуют различные классификационные системы психических состояний.

Ситуативные состояния выражают особенности ситуации, которая вызывает у человека не характерные для него реакции, и исчезает с ее изменением.

В практических целях важно выявить состояния, влияющие позитивно и негативно на развитие личности и продуктивность ее жизнедеятельности. С этой точки зрения выделяют:

Оптимальные психические состояния. К оптимальным относятся психические состояния, которые позитивно влияют на развитие личности и при которых деятельность человека наиболее активна и продуктивна.

Менее продуктивно влияет на личность и ее деятельность стрессовое (перевозбужденное) состояние, при котором из-за сильного напряжения может ослабляться самоконтроль. Некоторые виды деятельности, требующие боевого азарта, трудового энтузиазма, глубокой страсти, не обходятся без стрессовых состояний. Однако чаще стрессы возникают в ситуациях, опасных для жизни, здоровья и социального благополучия личности. В качестве стрессора (раздражителя, вызывающего стресс) может выступать сам факт лишения свободы.

Негативно влияют на развитие личности и ее деятельность депрессивные состояния, представляющие собой длинный ряд последовательно снижающихся настроений, выражающихся в вялости, апатичности, пассивности и безразличии к окружающему миру и самому себе. Завершается этот ряд пограничными депрессивными состояниями или депрессией, свидетельствующем о патологическом развитии личности. Характерной особенностью людей, находящихся в депрессивном состоянии, является то, что они дают неадекватные реакции на те или иные раздражители. Например, на воздействие малозначимого для личности фактора человек реагирует так же как на весьма значимый фактор. Этим можно объяснить явления, когда сотрудник дает бурную вспышку на незначительное замечание руководителя и остается равнодушным к какому-либо наказанию.

Психические состояния, как и другие психические явления, причинно обусловлены, хотя человек не всегда осознает это. Все причины, вызывающие психические состояния, можно условно разделить на три группы: влияние внутренней среды организма (от здоровья и деятельности организма человека, во многом зависят его психические состояния). Разного рода расстройства и болезни организма могут существенно снижать психические состояния. Особенно сильно дезорганизует психику человека, вызывая у него депрессивные психические состояния или эйфорию, употребление алкоголя и других возбуждающих средств.

Подчеркивая зависимость психических состояний от здоровья человека, функционального состояния его организма, нужно видеть и обратную связь: переживаемые психические состояния существенно влияют на состояние здоровья человека [21];

Психические состояния в значительной мере объясняются личностными особенностями людей. Так, противоречия различного рода убеждениях, пессимистические взгляды на жизнь служат источником пониженных и даже депрессивных состояний. Психические состояния органически связаны с потребностями личности. Темперамент, также может влиять на наличие того или иного состояния. Обычно это люди с холери-

ческими и меланхолическими чертами темперамента. Также важно учитывать предшествующие состояния;

Влияние внешней среды и сложившейся ситуации (морально-психологический климат в коллективе, стиль взаимоотношений, традиции, групповые настроения и т.д.)

Психические состояния вносят существенные корректировки в восприятие личности. Так, в состоянии ожидания искажается восприятие времени вызывают чувства раздражения и отчаяния.

Причинная обусловленность психических состояний сотрудников открывает перед психологами перспективу управления этими состояниями: возможность предотвращать, снимать, нейтрализовать отрицательно влияющие и вызывать, поддерживать и закреплять положительно влияющие на личность состояния. Важно предупредить возникновение полного отчаяния, не допустить перерастания глубоких внутренних конфликтов в психические срывы [22].

Снятию отрицательных и формированию положительных психических состояний способствует предупреждение и предотвращение всевозможных нарушений взаимоотношений между сотрудниками колонии и лицами, лишенными свободы, умелое разрешение конфликтов в среде осужденных. Практика показывает, что в тех колониях, где коллектив сотрудников недостаточно сплочен и господствуют негативные отношения, формируются состояния незащищенности или ложной психологической защищенности.

С.П. Безносов связывает задачи организации психологической подготовки в пенитенциарной системе с формированием психологической устойчивости сотрудников к действиям в экстремальных ситуациях посредством формирования эмоционально-волевых качеств.

Следовательно, эмоциональная устойчивость является одним из основополагающих факторов, оказывающих непосредственное влияние на осуществление эффективной служебной деятельности сотрудников УИС.

Эмоциональная устойчивость не дается человеку от рождения, она развивается в результате воспитания и самовоспитания. Оценка эмоциональной устойчивости как средства формирования интеллектуальных способностей воспринимается курсантами адекватно, так как многие из них столкнулись в учебной деятельности с дезорганизующей функцией эмоций.

Следует отметить, что психодиагностика, включающая все виды предложенных методик, является начальной. Для диагностики внимания можно использовать и другие методики, например, таблицы Шульте.

Однако основным методом диагностики все же является наблюдение, причем, основными настораживающими фактором, могущими указать на неадекватное психическое состояние, начало профессионального выгорания, будет являться резкое изменение поведения, настроения, высказываний. Причем, изменения могут быть как положительного, так и отрицательного полюса. Повторим, что главный фактор возможных нарушений психологических состояний – изменения без объяснимых очевидных причин.

Таким образом, можно говорить о том, что, в первую очередь, психолог во взаимодействии с сотрудниками, несущими службу с оружием должен учитывать наличие и динамику таких психологических состояний, как:

- эмоциональная устойчивость
- низкий (умеренный) уровень личной тревожности
- низкий уровень ситуативной тревожности
- высокие показатели всех видов внимания
- достаточный уровень интеллекта, обеспечивающий возможность самостоятельно, быстро и верно оценить обстановку и принять решение.

Сотрудники, обладающие такими качествами, уверены в своих силах и возможностях, без излишней самоуверенности (что чаще всего является скрытой тревожностью), способны преодолеть в острых и хронических ситуациях воздействие на психику негативных факторов внешней среды, сохранять ментальную адекватность, и, соответственно, принять в экстремальной ситуации верное решение, в том числе связанное с применением оружия на поражение. Кроме того, сотрудники, обладающие такими качествами, способны восстановится после неизбежного стресса, принять ситуацию, успешно продолжать службу в дальнейшем [23].

Психологи учреждений, где есть сотрудники, несущие службу с оружием обязаны:

- после проведения начального и текущего мониторингов давать рекомендации о целесообразности использования сотрудников в данном отделе;
- систематически информировать руководство о психоэмоциональном состоянии сотрудников, несущих службу с оружием перед началом их профессиональной деятельности.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-рефлексивный подход при повышении квалификации управленческого персонала УИС / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 9-14.

[2] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[3] Вилкова А. В., Казберов П. Н. Психологическая проблема личности несовершеннолетних в уголовно-исполнительной системе/ В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 84-92.

[4] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Уголовно-исполнительная система: подготовка научных кадров высшей категории / В сборнике: VII Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Сборник тезисов выступлений и докладов участников VII международного пенитенциарного форума, приуроченного к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и Году защитника Отечества. В 5-ти томах. Рязань, 2025. С. 68-73

[5] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[6] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Самооценка личности несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практтика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимоноа. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 87-93.

[7] Швырев Б. А. Порядок организации обучения пожарно-техническому минимуму сотрудников воспитательных колоний / Б. А. Швырев, А. В. Вилкова, В. МС. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2020. С. 165-173.

[8] Вилкова А. В. О нравственных качествах молодых ученых / А. В. Вилкова, Я. Н. Полякова // Вестник Самарского юридического института. 2025. № 3(64). С. 107-112.

[9] Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Полякова Я. Н. Подготовка научных кадров высшей квалификации для уголовно-исполнительной системы: проблемы и стратегии развития // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4(110). С. 189-195.

[10] Ковтуненко Л. В., Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта в профессиональном становлении молодого ученого // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2025. № 3. С. 62-65.

[11] Вилкова А. В., Дмитриев Г. Г. Коллектив сотрудников в уголовно-исполнительной системе / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. ежеквартальное научно-практическое издание. Москва, 2025. С. 67-71.

[12] Вилкова А. В., Фадеева С. А., Полякова Я. Н. Дополнительное профессиональное образование сотрудников уголовно-исполнительной системы // В сборнике: Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Владимир. 2025. С. 38-44.

[13] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Делинквентность несовершеннолетних социально-педагогическая запущенность / В сборнике 3 года вместе: закон, порядок, справедливость. Сборник научных статей Международного форума, посвященного Дню воссоединения ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей с Российской Федерацией. Луганск, 2025. С. 36-38.

[14] Казберов П.Н., Вилкова А. В. Системное планирование профессиональной подготовки пенитенциарных психологов к работе с лицами, осужденными за террористические и экстремистские преступления / В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 26-33.

[15] Вилкова А. В., Лещенко С. А. Неблагополучная семья как фактор дисгармоничного развития нравственного сознания личности / В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 105-111.

[16] Вилкова А. В., Кашкина Е. В. Самоутверждение несовершеннолетних правонарушителей: пути и средства / Международный научный вестник, № 8. 2025 С. 90-94.

[17] Вилкова А. В. Хайрутдинова И. В., Якупов Ф. А. Русский жестовый язык – средство коммуникации или лингвистическая система? // Современное педагогическое образование. 2025. № 5. С. 60-64.

[18] Фадеева С. А., Мухин М. И., Угрюмов Ю. М., Чопик О. А. Государственно-политическое, духовно-нравственное и патриотическое воспитание работников УИС молодежного возраста. Тверь, 2025.

[19] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Основные трудности, ожидающие молодых ученых // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 3(25). С. 92-101.

[20] Беляев Н. А. Общественный контроль за деятельностью исправительно-трудовых учреждений и воспитательных колоний. — М.: Госюриздат, 1962. — 1954. — 20 с.

[21] Бамдас Б. С. Астенические состояния. — М., 1961.

[22] Свядощ А. М. Неврозы и их лечение. — 2-е изд. — М., 1971

[23] Сыроваткин А. Н. Пенитенциарная сектология. Учебно-практическое пособие. Москва, НИИ УИС Минюста России, 2004—121 с.

References:

[1] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. A socially reflective approach to advanced training of management personnel of the penal system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 9-14.

[2] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[3] Vilkova A.V., Kazberov P.N. Psychological problem of the personality of minors in the penal system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 84-92.

[4] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Penal system: training of scientific personnel of the highest category/In the collection: VII International Penitentiary Forum “Crime, Punishment, Correction.” Collection of abstracts and reports of participants of the VII International Penitentiary Forum, dedicated to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War and the Year of Defender of the Fatherland. In 5 volumes. Ryazan, 2025. S. 68-73

[5] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors//In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[6] Vilkova A. V., Lukashenko D. V. Self-assessment of the personality of juvenile convicts/In the collection: The penal system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonoa. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 87-93.

[7] Shvyrev B. A. Procedure for Organizing Fire-Technical Minimum Training for Employees of Educational Colonies/B. A. Shvyrev, A. V. Vilkova, V. MS. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2020. S. 165-173.

[8] Vilkova A.V. On the moral qualities of young scientists/A.V. Vilkova, Y. N. Polyakova//Bulletin of the Samara Law Institute. 2025. № 3(64). S. 107-112.

[9] Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Polyakova Y. N. Training of highly qualified scientific personnel for the penitentiary system: problems and development strategies//Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4(110). S. 189-195.

[10] Kovtunenko L.V., Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject in the professional development of a young scientist//Bulletin of Voronezh State University. Series: Higher Education Challenges. 2025. № 3. S. 62-65.

[11] Vilkova A. V., Dmitriev G. G. Collective of employees in the penitentiary system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. quarterly scientific and practical publication. Moscow, 2025. S. 67-71.

[12] Vilkova A. V., Fadeeva S. A., Polyakova Y. N. Additional professional education of employees of the penitentiary system//In the collection: Penitentiary and post-penitentiary resocialization of convicts: problems and prospects. Collection of scientific works of the international scientific-practical conference. Vladimir. 2025. S. 38-44.

[13] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Delinquency of minors social and pedagogical neglect/In the collection 3 years together: law, order, justice. Collection of scientific articles of the International Forum dedicated to the Day of reunification of the DPR, LPR, Zaporizhzhya and Kherson regions with the Russian Federation. Lugansk, 2025. S. 36-38.

[14] Kazberov P.N., Vilkova A.V. Systematic planning of professional training of penitentiary psychologists to work with persons convicted of terrorist

and extremist crimes/In the collection: Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising studies. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 26-33.

[15] Vilkova A. V., Leshchenko S. A. Dysfunctional family as a factor in the disharmonious development of moral consciousness of the individual/In the collection: Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising research. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 105-111.

[16] Vilkova A. V., Kashkina E. V. Self-affirmation of juvenile offenders: ways and means/International Scientific Bulletin, No. 8. 2025 S. 90-94.

[17] Vilkova A.V. Khairutdinova I.V., Yakupov F.A. Russian sign language - a means of communication or a linguistic system ?//Modern pedagogical education. 2025. № 5. S. 60-64.

[18] Fadeeva S. A., Mukhin M. I., Ugryumov Yu. M., Chopik O. A. State-political, spiritual, moral and patriotic education of employees of the penal system of youth age. Tver, 2025.

[19] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The main difficulties awaiting young scientists//Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2025. № 3(25). S. 92-101.

[20] N. A. Belyaev. Public control over the activities of correctional labor institutions and educational colonies. - M.: Gosyurizdat, 1962. — 1954. - 20 s.

[21] Bamdas B. S. Asthenic states. - M., 1961.

[22] Svyadoshch A.M. Neurosis and their treatment. - 2nd ed. - M., 1971

[23] Syrovatkin A.N. Penitentiary sectology. Practical training manual. Moscow, Research Institute of UIS of the Ministry of Justice of Russia, 2004 - 121 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-324-327

КУНЦ Елена Владимировна,
главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор,
e-mail: 73kuntc@mail.ru

К ВОПРОСУ О НАРУШЕНИИ РЕЖИМА ОСУЖДЕННЫМИ ЖЕНЩИНАМИ

Аннотация. *Вопросы, связанные с предупреждением правонарушений и ответственности осужденных в местах лишения свободы, всегда вызывали и продолжают вызывать интерес у исследователей, поскольку фактически исправление осужденных лиц в таких условиях является крайне сложным процессом. В целях проведения анализа состояния дисциплины в исправительных колониях, где отбывают наказание в виде лишения свободы женщины, необходимо проследить характер проступков, допускаемых осужденными женщинами, что позволит закрепить фундамент процесса исправления осужденных.*

Ключевые слова: *наказание, осужденная, ответственность, правонарушение, правоотношения, режим.*

KUNTS Elena Vladimirovna,
Chief Researcher, Department for the Development of Methodologies for the Execution of Sentences Involving Deprivation of Liberty and the Study of Penitentiary Crime, Center for the Study of Security in Institutions of the Penitentiary System, Federal State Budgetary Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor

ON THE ISSUE OF VIOLATIONS OF THE REGULATION BY WOMEN CONVICTED

Annotation. *Issues related to the prevention of offenses and the responsibility of convicts in places of detention have always aroused and continue to arouse the interest of researchers, as the actual rehabilitation of convicts in such conditions is an extremely complex process. In order to analyze the state of discipline in penal colonies where women serve prison sentences, it is necessary to track the nature of offenses committed by female convicts, which will help to establish the foundation for the rehabilitation process.*

Key words: *punishment, convict, responsibility, offense, legal relations, regime.*

Организация системы воздействия на преступность, обеспечение наиболее оптимального режима функционирования и развития этой системы, правильное определение путей ее совершенствования невозможны без комплексного подхода [1, с. 25]. Особое значение в этой связи приобретает специфика нарушения режима, совершаемых осужденными женщинами.

Режим в исправительном учреждении направлен на организацию процесса отбывания уголовного наказания. Необходимо отметить, что международные акты не содержат понятия режима в исправительном учреждении, обозначаются только его содержательные аспекты [2, с. 64]. При этом, как следует из содержания правовой нормы, закрепленной в ч. 2 ст. 1 УИК РФ, одной из центральных задач уголовно-исполни-

тельного права является урегулирование условий и порядка отбывания уголовных наказаний, в том числе в исправительных учреждениях [3].

Институт наказания исторически использовался государством как инструмент социального контроля и общего предупреждения преступности [4, с. 17].

Режим в исправительных учреждениях представляет собой специфическую форму осуществления государственного принуждения, которая применяется к виновному в совершении преступления лицу за доказанный факт совершения им преступления [5, с. 43].

Режим отбывания уголовного наказания представляет собой особый порядок исполнения в отношении осужденного лица уголовного наказания, который регламентируется рядом нормативных правовых актов и условия которого будут существенным образом влиять на правовой статус осужденного лица [6, с. 39].

Между осужденными женщинами и администрацией исправительной колонии, выступающими в качестве субъектов уголовно-исполнительных правоотношений, существуют отношения подчиненности, которые характеризуют специфику правового положения лиц, отбывающих наказание в исправительной колонии.

В силу специфического правового положения осужденных женщин, совершаемые ими нарушения режима, по своей правовой природе являются дисциплинарными проступками. Поскольку отбывающие наказание находятся в непосредственном подчинении у администрации исправительного учреждения, то и ответственность за совершаемые нарушения режима, осужденные женщины несут в дисциплинарном порядке.

К нарушениям режима следует относить проступки, которые характерны в целом для исправительного учреждения, так и проступки, которые выявляются в результате организации трудового использования осужденных или в процессе их получения образования. Нарушениями режима могут быть и правонарушения, которые вне исправительного учреждения считаются административным правонарушением.

Отдельное нарушение режима, рассматриваемое в качестве правонарушения, должно соответствовать определенным признакам: 1) объект правонарушения - установленный в исправительном учреждении правопорядок, охраняемый нормами уголовно-исполнительного права; 2) объективная сторона нарушения режима, выражающаяся в опасном деянии, посягающем на установленный в исправительном учреждении правопорядок, которое выражается в невыполнении осужденной своих обязанностей или несоблюдении им правил поведения в период отбывания наказания. Между действием или бездействием осужденной и наступившими последствиями должна быть причинно-следственная связь; 3) субъективная сторона нарушения режима – умышленная или неосторожная форма вины, выражающаяся психическим отношением осужденной к последствиям своего деяния. Важным при применении мер является установление мотивов и цель совершения правонарушения; 4) субъект нарушения режима, то есть лицо, подлежащее ответственности по нормам уголовно-исполнительного права, которым может быть только осужденная.

Личная безопасность осужденного лица, его права и обязанности, свободы и законные интересы — все это входит в предмет режима исправительного учреждения [7, с. 159].

Анализ исследования, осужденных лиц женского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях, выявил положительный результат, что у 76,4% осужденных отсутствуют взыскания (*таб. №1*).

Таблица №1. Число взысканий в 2022 году (Данные ФСИН России на 01.01.2023)

1	12,95%
2	4,61%
3	1,98%
4	1,04%
5	0,72%
6	0,71%
7	0,27%
8	0,36%
9	0,14%

10	0,13%
11	0,09%
12	0,08%
13	0,09%
14	0,06%
15	0,03%
16	0,00%
17	0,00%
0	76,40%

Как показывает современная практика, она подтверждается и результатами ранее проведенных исследований, одним из наиболее распространенных нарушений режима в исправительных учреждениях, где отбывают наказание осужденные женщины, является отказ от работы [8, с. 53].

Требования режима могут нарушаться не только отбывающими наказание осужденными, но и представителями администрации и отдельными гражданами. Однако по нормам уголовно-исполнительного права эти лица ответственности не несут. В случае нарушения требований режима представители администрации несут ответственность в специально установленном порядке, а граждане, если в их действиях есть признаки административного нарушения, в соответствии с нормами административного права [9].

Нарушение режима будет лишь в том случае, когда в действиях лица установлено наличие всех перечисленных выше признаков. При отсутствии хотя бы одного из них к осужденной не могут быть применены меры взыскания. Так, нельзя привлечь к дисциплинарной ответственности отбывающую наказание за отказ от участия в просветительно-познавательных, досуговых и иных мероприятиях воспитательного характера, ибо такое участие не является ее обязанностью.

Меры взыскания должны применяться, когда нарушение режима причиняет определенный вред, представляет известную опасность для общества. Если совершенный проступок никакого вреда не причинил, то за его совершение рекомендуется применять не дисциплинарные взыскания, а меры воспитательного характера. С другой стороны, если совершенное деяние достигает такой степени общественной опасности, что образует признаки предусматриваемого уголовным законом преступления, то оно должно влечь за собой уголовную ответственность.

Таким образом, нарушение режима – это противоправное, виновное деяние (действие или бездействие) осужденной, посягающее на установленный в исправительных учреждениях правопорядок и выражающееся в невыполнении своих обязанностей или несоблюдении правил поведения. За совершение нарушения режима к виновной могут применяться меры взыскания в соответствии с УИК РФ [2].

Определяющее значение имеет разграничение нарушений режима и преступлений, так как от этого зависит правильность применения к каждому конкретному случаю совершения правонарушения уголовного закона либо норм, устанавливающих основания и порядок применения мер взыскания.

Список литературы:

[1] Голубовский В. Ю. Ущерб от преступности личности, осужденному, обществу // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях, Томск, 24–25 апреля 2025 года. – Томск: Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, 2025. – С. 25-28.

[2] Кунц Е. В. Влияние режима на исправление осужденного // Актуальные вопросы обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы : сборник материалов круглого стола с международным участием, Псков, 03 декабря 2021 года. – Псков: Псковский филиал Академии ФСИН России, 2021. – С. 63-68.

[3] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 17.12.2025)//СПС КонсультанПлюс.

[4] Денисенко М.В. Предупреждение новых преступлений как цель уголовного наказания// Научные исследования преступления и наказания. No 4. 2025. С. 14–20.

[5] Кунц Е. В. Режим и воспитательная работа как средства исправления осужденных // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2021. – № 1(40). – С. 41-45.

[6] Голубовский В. Ю. Влияние средств исправления осужденных на безопасность в уголовно-исполнительной системе // Актуальные вопросы обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы : Материалы круглого стола с международным участием, Псков, 04 декабря 2020 года. – Псков: Псковский филиал Академии ФСИН России, 2020. – С. 36-41.

[7] Уголовно-исполнительное право : Учебник / В. Ю. Голубовский, С. И. Захарцев, М. Ф. Костюк, Е. В. Кунц. – Москва : Научно-исследовательский институт ФСИН России, 2022. – 272 с.

[8] Журавлев М.П., Аванесов Г.А., Квашис В.Е., Новиков А.А. правонарушения осужденных к лишению свободы и меры дисциплинарной ответственности. М., 1970. – 144 с.

[9] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026)// СПС КонсультанПлюс.

References:

[1] Golubovsky V. Yu. Damage from personality crime, convict, society//Criminal executive system: pedagogy, psychology and law: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. In 2 parts, Tomsk, April 24-25, 2025. - Tomsk: Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2025. - S. 25-28.

[2] Kunts E.V. The influence of the regime on the correction of the convict//Topical issues of ensuring the safety of the penal system: a collection of materials from the round table with international participation, Pskov, December 03, 2021. - Pskov: Pskov branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2021. - S. 63-68.

[3] The Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 N 1-FZ (as amended by 31.07.2025, as amended by 17.12.2025) //SPS ConsultantPlus.

[4] Denisenko M.V. Prevention of new crimes as a goal of criminal punishment//Scientific research on crime and punishment. No 4. 2025. S. 14-20.

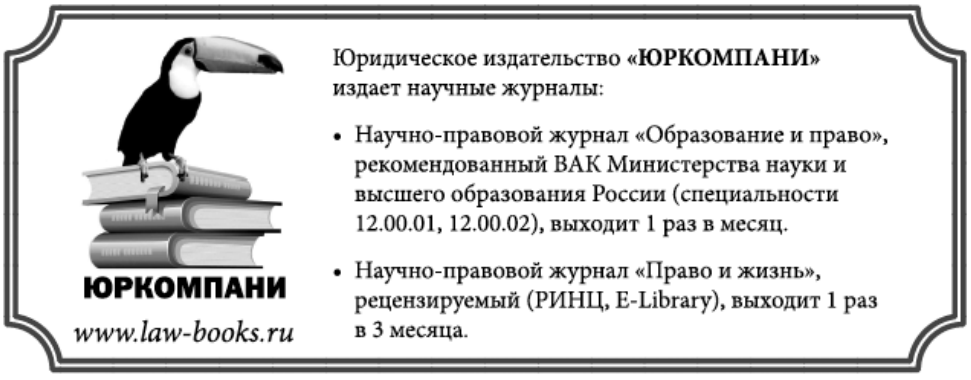
[5] Kunts E.V. Regime and educational work as a means of correcting convicts//Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2021. – № 1(40). - S. 41-45.

[6] Golubovsky V. Yu. Impact of the means of correction of convicts on security in the penal system//Current issues of ensuring the security of the penal system: Materials of the round table with international participation, Pskov, December 04, 2020. - Pskov: Pskov branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2020. - S. 36-41.

[7] Penal law: Textbook/V. Yu. Golubovsky, S. I. Zakhartsev, M. F. Kostyuk, E. V. Kunts. - Moscow: Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. - 272 p.

[8] Zhuravlev M.P., Avanesov G.A., Kvashis V.E., Novikov A.A. offenses of those sentenced to imprisonment and disciplinary measures. M., 1970. - 144 s.

[9] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation dated 30.12.2001 N 195-FZ (rev. dated 29.12.2025) (as amended and supplemented, entry by virtue of 09.01.2026) //SPS ConsultantPlus.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-328-330

ЗОРИНА Наталья Сергеевна,
старший научный сотрудник отдела
по совершенствованию нормативно-правового регулирования
деятельности уголовно-исполнительной системы центра
изучения проблем управления и организации исполнения наказаний
в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: Natalya.natka2010@yandex.ru.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. *В статье рассматривается комплекс психологических причин, детерминирующих отклоняющееся (делинквентное) поведение у несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом и осужденных. Исследование строится на анализе отечественных и зарубежных научных подходов, выделяющих многоуровневую природу девиаций. Особое внимание уделяется взаимовлиянию индивидуально-личностных, семейных и социально-средовых факторов, формирующих устойчивые дезадаптивные паттерны поведения. Целью статьи является систематизация ключевых психологических детерминант для разработки более эффективных программ психокоррекции и ресоциализации данной категории подростков.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние осужденные, отклоняющееся поведение, делинквентность, психологические причины, семейная дезадаптация, психокоррекция, уголовно-исполнительная система, ФСИН России.*

ZORINA Natalia Sergeevna,
senior Researcher of the Department for Improving Legal Regulation
of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management
and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System
of the Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

PSYCHOLOGICAL REASONS FOR THE DEVIANT BEHAVIOR OF JUVENILE CONVICTS

Annotation. *The article examines a set of psychological causes that determine deviant (delinquent) behavior in minors who have come into conflict with the law and convicted. The research is based on the analysis of domestic and foreign scientific approaches that highlight the multilevel nature of deviations. Special attention is paid to the mutual influence of individual, personal, family, and socio-environmental factors that form stable maladaptive patterns of behavior. The purpose of the article is to systematize the key psychological determinants for the development of more effective programs of psychocorrection and resocialization of this category of adolescents.*

Key words: *juvenile convicts, deviant behavior, delinquency, psychological causes, family maladjustment, psychocorrection, penal enforcement system, Federal Penitentiary Service of Russia.*

Проблема отклоняющегося поведения несовершеннолетних остается одной из наиболее острых в современном обществе. Особую категорию составляют подростки, чье поведение привело к совершению правонарушений и применению уголовного наказания. Криминальный акт выступает вершиной айсберга, под которым скрывается сложный комплекс взаимосвязанных психологических причин [1].

Пребывание в исправительных учреждениях является тяжелой жизненной ситуацией для несовершеннолетних осужденных. Они ограничены в общении, досуге и развитии в общем понимании этого слова. Пока подростки находятся в исправительном учреждении, они должны подчиняться установленному режиму дня, слушаться выполнять требования воспитателей и других сотрудников исправительного учреждения [2].

Необходимо сказать прежде всего про индивидуально-психологические и личностные факторы. На данном уровне причины делинквентного поведения связаны с особенностями психического развития и структуры личности подростка. Одним из самых главных фактором является нарушения в эмоционально-волевой и ценностно-нормативной сфере: у большинства несовершеннолетних осужденных наблюдается эмоциональная неустойчивость, импульсивность, низкий порог фрустрационной толерантности. Доминируют реакции протеста, агрессии, негативизма. Характерна несформированность волевого контроля, неспособность к отсрочке удовлетворения потребностей [3]. Ценностно-нормативная сфера отличается деформацией: правовые и моральные нормы воспринимаются как чуждые или игнорируются. Доминируют ценности материального благополучия, власти, «крутой» имидж, часто в гипертрофированной форме [1].

Немаловажным необходимо выделить когнитивные искажения. Присутствуют такие деформации мышления, как экстернальный локус контроля (вину за происходящее возлагают на окружающих, обстоятельства), негативистическая оценка социального мира как враждебного, что оправдывает агрессию. Наблюдается недостаточное развитие прогностических функций, неспособность адекватно оценить последствия своих действий [4].

Специфические акцентуации характера и расстройства: В клинической картине часто преобладают неустойчивый, эпилептоидный, гипертимный и шизоидный типы акцентуаций, которые в условиях неблагоприятной среды легко становятся почвой для дезадаптации [5].

Семья является первичным агентом социализации, и ее дисфункция — один из наиболее мощных предикторов отклоняющегося поведения [6]. Большинство несовершеннолетних осужденных выросли в неблагополучных семьях, для которых были характерны проявление насилия, алкогольная или наркотическая зависимость, низкий уровень дохода и недостаток родительского внимания к детям. Такие условия способствуют развитию у подростков чувства отверженности и недоверия к миру, что в дальнейшем проявляется в нарушении социальных норм и принятии законов.

Жизнь в семье, где нормой являются насилие, алкоголизация, криминальные образцы поведения, приводит к прямому усвоению девиантных паттернов. Подросток воспринимает такое поведение как естественное и единственно возможное [7].

Социально-психологические и средовые факторы, являются немаловажными. Ведь влияние девиантной референтной группы для подростка с неустойчивой самооценкой и проблемами в семье группа сверстников становится основным источником идентичности. Попадание в асоциальную или криминальную группу обеспечивает социальное одобрение делинквентных поступков, распределяет ответственность («эффект толпы»), предоставляет криминальный «опыт» и субкультурные нормы [8].

Школьная дезадаптация также является одним из важных факторов. Именно неудачи в учебной деятельности, конфликты с учителями и сверстниками, ощущение себя изгоем в школьной системе ведут к поиску альтернативных способов самоутверждения, часто – в девиантной сфере. Формируется «клеймо» трудного подростка, что усиливает негативный жизненный сценарий [6].

Таким образом, психологические причины отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных представляют собой многоуровневую систему, в которой индивидуальные личностные особенности (эмоционально-волевые нарушения, когнитивные искажения) взаимодействуют с глубокой семейной дезадаптацией (нарушение привязанности, насилие, асоциальные образцы) и подкрепляются влиянием девиантной социальной среды (группа, школьные проблемы).

Психокоррекционная работа с несовершеннолетними осужденными не может ограничиваться лишь воздействием на их правосознание. Она должна носить комплексный характер, включая:

1. Диагностику и коррекцию эмоционально-волевых и когнитивных нарушений.
2. Психотерапевтическую работу с последствиями травм и насилия.
3. Восстановление или формирование конструктивных семейных отношений (где это возможно).
4. Развитие социальных компетенций и навыков просоциального взаимодействия.
5. Формирование позитивной Я-концепции и жизненных перспектив, альтернативных криминальному пути [3].

Только такой системный подход, учитывающий всю глубину психологических причин, может способствовать подлинной ресоциализации несовершеннолетних осужденных и снижению риска рецидивной преступности.

Список литературы:

[1] Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. – М.: ТЦ Сфера, 2001. – 160 с.

[2] Зорина Н.С. К вопросу о педагогической работе по воспитанию несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях / Н. С. Зорина // Пенитенциарная система России в

современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации : Сборник материалов международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Вологда, 05–06 декабря 2024 года. – Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2025. – С. 35-39.

[3] Ошевский Д.С. Психическое развитие у подростков с делинквентным поведением: монография. – М.: МГППУ, 2008. – 172 с.

[4] Walters G.D. The criminal lifestyle: Patterns of serious criminal conduct. – Newbury Park, CA: Sage Publications, 1990. – 214 p.

[5] Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. – Л.: Медицина, 1983. – 256 с.

[6] Беличева С.А. Основы превентивной психологии. – М.: Социальное здоровье России, 1994. – 221 с.

[7] Moffitt T.E. Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy // Psychological Review. 1993. Vol. 100(4). P. 674–701.

[8] Выготский Л.С. Педология подростка // Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. – М.: Педагогика, 1984. – С. 5-242.

References:

[1] Kleiberg J.A. Psychology of deviant behavior. - M.: Shopping center Sphere, 2001. - 160 s.

[2] Zorina N.S. On the issue of pedagogical work on the education of juvenile convicts in educational colonies/N.S. Zorina//The penitentiary system of Russia in the modern conditions of the development of society: from the paradigm of punishment to correction and resocialization: Collection of materials of an international scientific and practical conference. In 2 parts, Vologda, December 05-06, 2024. - Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2025. - S. 35-39.

[3] Oshevsky D.S. Mental development in adolescents with delinquent behavior: monograph. - M.: MGPPU, 2008. - 172 s.

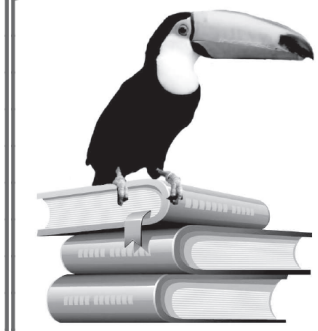
[4] Walters G.D. The criminal lifestyle: Patterns of serious criminal conduct. – Newbury Park, CA: Sage Publications, 1990. – 214 p.

[5] A.E. Lichko. Psychopathies and character accentuations in adolescents. - L.: Medicine, 1983. - 256 s.

[6] Belicheva S.A. Fundamentals of preventive psychology. - M.: Social Health of Russia, 1994. - 221 s.

[7] Moffitt T.E. Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy // Psychological Review. 1993. Vol. 100(4). P. 674–701.

[8] Vygotsky L.S. Pedology of a teenager//Collected Works: In 6 vols. T. 4. - M.: Pedagogy, 1984. - S. 5-242.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-331-336

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский
институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ БОЛЕЗНЬЮ

Аннотация. *Целью исследования явились правовые и организационные вопросы освобождения от отбывания наказания в связи с болезнью. Для ее реализации использовались принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации по вопросам освобождения от отбывания наказания (прохождения медицинского освидетельствования, определения тяжести болезни осужденных, их психического расстройства, подачи в суд ходатайства осужденным и его законным представителем). Важным правовым институтом, являющимся гарантом соблюдения прав и свобод осужденных, их психического и физического здоровья, сочетания кары и неотвратимости наказания с возможностью осужденных отбывать уголовные наказания, является освобождение от наказания в связи с болезнью, а также порядок обращения с ходатайством и направления представления в суд об освобождении от наказания, закрепленный в уголовном и уголовно-исполнительных законах РФ. УК РФ выделил два основания для освобождения от наказания лиц, совершивших преступления, а также дальнейшего его отбывания после вступления приговора суда в законную силу – психическое расстройство осужденных и их тяжелую болезнь, закрепленные в статье 81 УК РФ, статье 175 УИК РФ, Постановлении Правительства РФ 2004 № 54 и Приказе Минюста России 2021 № 19. В то же время, законодатель предусмотрел привлечение указанных лиц к уголовной ответственности и наказанию в случае их выздоровления, если не истекли сроки давности, предусмотренные статьями 78 и 83 УК РФ. Уголовно-исполнительный закон определил порядок и процедуру подачи осужденным или его законным представителем ходатайства об освобождении от отбывания наказания в связи с наступлением психического расстройства или тяжелой болезни. В обоих случаях оно подается через администрацию учреждения или органа, исполняющего наказание. При невозможности самостоятельного обращения осужденного или его законного представителя в суд, представление об освобождении от дальнейшего отбывания наказания в связи с психическим расстройством или тяжелой болезнью подается в суд начальником учреждения или органа, исполняющего наказание. Одновременно с указанным ходатайством или представлением в суд направляются заключение медицинской комиссии или учреждения медико-социальной экспертизы и личное дело осужденного. Закон определил порядок направления на медицинское освидетельствование осужденных, чьи заболевания подпадают под Перечень, утвержденный Постановлением Правительства 2004 № 54. Существует особый порядок освобождения от дальнейшего отбывания наказания осужденных к обязательным, исправительным и принудительным работам, признанных инвалидами первой и второй группы.*

Ключевые слова: *освобождение от отбывания наказания, тяжелая болезнь осужденных, ходатайство, психическое расстройство, законный представитель, представление, суд, перечень заболеваний, медицинское освидетельствование, учреждения уголовно-исполнительной системы.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

CURRENT ISSUES OF RELEASE FROM SERVING A SENTENCE DUE TO ILLNESS

Annotation. *The purpose of the study was the legal and organizational issues of release from serving a sentence due to illness. To implement it, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were used. The legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, as well as scientific publications on issues of release from serving sentences (passing a medical examination, determining the severity of convicts' illness, their mental disorder, and filing petitions with the court by the convicted person and his legal representative) were analyzed. An important legal institution that guarantees the observance of the rights and freedoms of convicts, their mental and physical health, the combination of punishment and the inevitability of punishment with the possibility of convicts serving criminal sentences, is release from punishment due to illness, as well as the procedure for filing a petition and submitting a submission to the court for release from punishment, enshrined in criminal and criminal law.-executive laws of the Russian Federation. The Criminal Code of the Russian Federation has identified two grounds for the release from punishment of persons who have committed crimes, as well as their further serving after the court verdict enters into force – the mental disorder of the convicts and their serious illness, enshrined in Article 81 of the Criminal Code, Article 175 of the Criminal Code of the Russian Federation, Decree of the Government of the Russian Federation 2004 No. 54 and Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation 2021 No. 19. At the same time, the legislator provided for bringing these persons to criminal responsibility and punishment in case of their recovery, if the statute of limitations provided for in Articles 78 and 83 of the Criminal Code of the Russian Federation has not expired. The Penal Enforcement Law defines the procedure and procedure for filing a petition by a convicted person or his legal representative for release from serving a sentence due to the onset of a mental disorder or serious illness. In both cases, it is submitted through the administration of the institution or body executing the punishment. If it is impossible for the convicted person or his legal representative to apply to the court independently, a request for release from further serving of the sentence due to a mental disorder or serious illness is submitted to the court by the head of the institution or body executing the punishment. Simultaneously with the said petition or submission, the conclusion of the medical commission or the institution of medical and social expertise and the personal file of the convicted person are sent to the court. The Law defines the procedure for referral for medical examination of convicts whose diseases fall under the List approved by Government Resolution 2004 No. 54. There is a special procedure for the release from further punishment of those sentenced to compulsory, correctional and forced labor, recognized as disabled persons of the first and second groups.*

Key words: *release from serving a sentence, serious illness of convicts, petition, mental disorder, legal representative, representation, court, list of diseases, medical examination, institutions of the penal system.*

Введение. В национальном уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве, директивных документах развития уголовно-исполнительной системы (далее УИС) Российской Федерации уделяется серьезное внимание не только модернизации исполнения уголовных наказаний, но и соблюдению прав и свобод осужденных, их отбывающих [1]. Обращение к личности осужденных, их психическому и физическому состоянию, психологическим, уголовно-правовым и криминологическим характеристикам является обязательным атрибутом современной уголовной и уголовно-исполнительной политики [2, с. 70-77].

Ярким подтверждением этому служит правовой институт освобождения от наказания в связи с болезнью, а также порядок обращения с ходатайством и направления представления в суд об освобождении от наказания, закрепленный в уголовном и уголовно-исполнительных законах РФ. В теории уголовного права весьма подробно изучены различные аспекты применения освобождения по болезни. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в части первой статьи 81 указал на то, что лицо, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, лишающее его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, освобождается от наказания, а лицо, отбывающее наказание, освобождается от дальнейшего его отбывания. Таким лицам суд может назначить принудительные меры медицинского характера [3].

Таким образом, первым основанием, выделенным законодателем для применения освобождения от наказания является наступление психического расстройства подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, а также осужденного, отбывающего назначенное судом наказание.

Вторым правовым основанием закон указал заболевание лицом после совершения преступления иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания. Учитывая особенности и значимость рассматриваемого правового института для подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, законодатель прописал его

основы также в уголовно-процессуальном законе (статьях 397 и 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) [4]. Также в Постановлении Правительства Российской Федерации от 06.02.2004 № 54 «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью». Данный законодательный акт утвердил Перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, среди которых выделены 14 групп болезней (инфекционные; новообразования; крови; эндокринной системы; психические расстройства; нервной системы; глаза; системы кровообращения; органов дыхания; органов пищеварения; мочеполовой системы; костно-мышечной системы; врожденные пороки развития, травмы и другие следствия внешних причин [5].

Кроме того, законодатель предусмотрел в части четвертой анализируемой правовой нормы привлечение указанных лиц к уголовной ответственности и наказанию в случае их выздоровления, если не истекли сроки давности, предусмотренные статьями 78 и 83 УК РФ.

Таким образом, актуальность темы для уголовного и уголовно-исполнительного права, практики исполнения уголовных наказаний, предопределила проведение междисциплинарного теоретико-правового исследования актуальных вопросов рассматриваемого института освобождения от наказания и его дальнейшего отбывания в связи с болезней.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых и организационных вопросов освобождения от отбывания наказания в связи с болезнью использовались принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации по вопросам освобождения от отбывания наказания (прохождения медицинского освидетельствования, определения тяжести болезни осужденных, их психического расстройства, подачи в суд ходатайства осужденным и его законным представителем).

Основные результаты. Порядок обращения с ходатайством и направлении представления об освобождении от отбывания наказания по болезни сформулирован в статье 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. По аналогии с уголовным законом (статьей 81 УК РФ), законодатель выделили два основания освобождения осужденных по болезни (психическое расстройство и тяжелую болезнь). Так, в части пятой данной правовой нормы указано, что осужденный, у которого наступило психическое расстройство, препятствующее отбыванию наказания, либо его законный представитель вправе обратиться в суд с ходатайством об освобождении осужденного от дальнейшего отбывания наказания в соответствии со статьей 81 УК РФ.

Уголовно-исполнительный закон также предусмотрел порядок и процедуру подачи осужденным или его законным представителем ходатайства об освобождении от отбывания наказания в связи с наступлением психического расстройства или тяжелой болезни. В обоих случаях оно подается через администрацию учреждения или органа, исполняющего наказание. При невозможности самостоятельного обращения осужденного или его законного представителя в суд, представление об освобождении от дальнейшего отбывания наказания в связи с психическим расстройством или тяжелой болезнью подается в суд начальником учреждения или органа, исполняющего наказание. Одновременно с указанным ходатайством или представлением в суд направляются заключение медицинской комиссии или учреждения медико-социальной экспертизы и личное дело осужденного [6].

Помимо перечисленных оснований освобождения от дальнейшего отбывания наказания осужденных по болезни, существует норма, регламентирующая прекращение отбывания наказания осужденными, признанными в установленном порядке инвалидами первой и второй группы [7, с. 43-48]. В данном контексте речь идет о таких видах уголовного наказания, отбываемыми осужденными как обязательные, исправительные и принудительные работы. В случаях признания осужденного к обязательным работам или исправительным работам инвалидом первой группы, а осужденного к принудительным работам инвалидом первой или второй группы, он вправе обратиться в суд с ходатайством о досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания [8].

Порядок освобождения осужденных от дальнейшего отбывания наказания по болезни опирается (как и в случае применения статьи 81 УК РФ) на Перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, включающий 14 групп болезней, утвержденный Постановлением Правительства Российской Федерации от 06.02.2004 № 54 «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью». Кроме того, в части восьмой статьи 175 УИК РФ законодатель предусмотрел направление на медицинское освидетельствование осужденных, ходатайствующих об освобождении (представляемых к освобождению) от отбывания наказания в связи с болезнью. Указанное направление осуществляется в порядке, установленным ведомственным правовым актом – Приказом Минюста России от 15.02.2021 № 19 «Об утверждении форм направ-

ления на медицинское освидетельствование осужденного, ходатайствующего об освобождении (представленного к освобождению) от отбывания наказания в связи с болезнью, заключения врачебной комиссии медицинской организации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации о наличии или отсутствии у осужденного заболевания, препятствующего отбыванию наказания, и журнала регистрации медицинских освидетельствований осужденных, ходатайствующих об освобождении (представляемых к освобождению) от отбывания наказания в связи с болезнью» [9].

Своеобразным видом отсрочки от отбывания наказания и отпуска по беременности и родам, в рассматриваемом контексте физического состояния осужденных можно рассматривать осужденных беременных женщин. В соответствии с частью девятой статьи 175 УИК РФ, в случае наступления беременности женщина, осужденная к обязательным, исправительным и принудительным работам, вправе обратиться в суд с ходатайством об отсрочке ей отбывания наказания со дня предоставления отпуска по беременности и родам [10]. Женщина, осужденная к ограничению свободы, - со дня предоставления отпуска по беременности и родам либо со дня, когда ей, в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации мог бы быть предоставлен отпуск по беременности и родам [11].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

- VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;
- V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий)., состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;
- XXIII Всероссийская научно-практическая конференция «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк), с докладом на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
- Международная научно-практическая конференция «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России, с докладом на тему «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
- Международной научно-практической конференции «Проблемы правового регулирования применения различных видов наказаний: уголовно-правовой, криминологический и уголовно-исполнительный аспекты», посвященной 145-летию создания уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и 30-летию со дня образования учебного заведения, состоявшейся в Самарском юридическом институте ФСИН России 11 января 2024 года. Доклад на пленарном заседании на тему: «Современные подходы организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества: проблемы и перспективы»;
- Всероссийской научно-практической конференции «Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы», посвященной 145-летию создания уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ВЮИ ФСИН России 28 февраля 2024 года. Доклад на тему «Значение прокурорского надзора в реализации законодательства о пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации»;
- Всероссийской научно-практической конференции «Советская и российская криминалистика: традиции и современные векторы», состоявшейся в Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева 29 февраля 2024 года. Доклад на пленарном заседании тему: «К вопросу взаимодействия правоохранительных органов в противодействии пенитенциарной преступности».

Заключение. Важным правовым институтом, являющимся гарантом соблюдения прав и свобод осужденных, их психического и физического здоровья, сочетания кары и неотвратимости наказания с возможностью осужденных отбывать уголовные наказания, является освобождение от наказания в связи с болезнью, а также порядок обращения с ходатайством и направления представления в суд об освобождении от наказания, закрепленный в уголовном и уголовно-исполнительных законах РФ.

УК РФ выделил два основания для освобождения от наказания лиц, совершивших преступления, а также дальнейшего его отбывания после вступления приговора суда в законную силу – психическое расстройство осужденных и их тяжелую болезнь, закрепленные в статье 81 УК РФ, статье 175 УИК РФ, Постановлении Правительства РФ 2004 № 54 и Приказе Минюста России 2021 № 19.

В то же время, законодатель предусмотрел привлечение указанных лиц к уголовной ответственности и наказанию в случае их выздоровления, если не истекли сроки давности, предусмотренные статьями 78 и 83 УК РФ.

Уголовно-исполнительный закон определил порядок и процедуру подачи осужденным или его законным представителем ходатайства об освобождении от отбывания наказания в связи с наступлением психического расстройства или тяжелой болезни. В обоих случаях оно подается через администрацию учреждения или органа, исполняющего наказание. При невозможности самостоятельного обращения осужденного или его законного представителя в суд, представление об освобождении от дальнейшего отбывания наказания в связи с психическим расстройством или тяжелой болезнью подается в суд начальником учреждения или органа, исполняющего наказание. Одновременно с указанным ходатайством или представлением в суд направляются заключение медицинской комиссии или учреждения медико-социальной экспертизы и личное дело осужденного.

Существует особый порядок освобождения от дальнейшего отбывания наказания осужденных к обязательным, исправительным и принудительным работам, признанных инвалидами первой и второй группы.

Также отсрочки от отбывания наказания и отпуска по беременности и родам осужденных беременных женщин к обязательным, исправительным и принудительным работам, которые вправе обратиться в суд с ходатайством об отсрочке наказания со дня предоставления отпуска по беременности и родам в соответствии с трудовым и уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // Consultant.ru (дата обращения 15.01.2026).

[2] Ковалев О.Г., Зайцева С.И. Современная уголовно-правовая политика и ее воздействие на пенитенциарную преступность в местах лишения свободы // Эпомен: юридические науки. 2023. № 2. С. 70-77.

[3] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник // Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007. 374 с.

[4] Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. Дашков и К. 2005. 21 с.

[5] Постановление Правительства Российской Федерации от 06.02.2004 № 54 (ред. от 05.12.2025) «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью» // Consultant.ru (дата обращения 15.01.2026).

[6] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А.Москва, 2006. 148 с.

[7] Ковалев О.Г. Правовые и психологические механизмы соблюдения прав инвалидов, содержащихся в учреждениях УИС // Международный научный вестник. 2025. № 1. С. 43-48.

[8] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[9] Приказ Минюста России от 15.02.2021 № 19 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении форм направления на медицинское освидетельствование осужденного, ходатайствующего об освобождении (представленного к освобождению) от отбывания наказания в связи с болезнью, заключения врачебной комиссии медицинской организации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации о наличии или отсутствии у осужденного заболевания, препятствующего отбыванию наказания, и журнала регистрации медицинских освидетельствований осужденных, ходатайствующих об освобождении (представляемых к освобождению) от отбывания наказания в связи с болезнью» // Consultant.ru (дата обращения 14.01.2026).

[10] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[11] Комментарий к трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / Шевченко О.А., Сулейманова Ф.О, Шония Г.В., Кудряшова С.Н. (Издание шестое) Москва, 2024.

References:

[1] Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r "On approval of the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030" // Consultant.ru (accessed 15.01.2026).

[2] Kovalev O.G., Zaitseva S.I. Modern criminal law policy and its impact on penitentiary crime in Russia places of imprisonment // Epomen: legal sciences. 2023. No. 2. pp. 70-77.

[3] Russian criminal law. Special part: Textbook // Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007. 374 p.

[4] Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article). M. Dashkov and K. 2005. 21 p.

[5] Decree of the Government of the Russian Federation of 02/06/2004 No. 54 (as amended on 12/05/2025) "On the medical examination of convicts who are being released from serving their sentences due to illness" // Consultant.ru (accessed 15.01.2026).

[6] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A.Moscow, 2006. 148 p.

[7] Kovalev O.G. Legal and psychological mechanisms for observing the rights of persons with disabilities held in correctional institutions // International Scientific Bulletin. 2025. No. 1. pp. 43-48.

[8] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[9] Order of the Ministry of Justice of Russia dated 02/15/2021 No. 19 (ed. dated 08/09/2023) "On approval of the forms of referral for a medical examination of a convicted person applying for release (submitted for release) from serving a sentence due to illness, the conclusion of the medical commission of the medical organization of the penitentiary system of the Russian Federation on the presence or absence of a disease in the convict that prevents serving a sentence, and the journal of registration of medical examinations of convicts, petitioners for release (submitted for release) from serving their sentences due to illness" // Consultant.ru (accessed 14.01.2026).

[10] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[11] Commentary to the Labor Code of the Russian Federation (article-by-article) / Shevchenko O.A., Suleymanova F.Oh, Shonia G.V., Kudryashova S.N. (Sixth edition) Moscow, 2024.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-337-339

ВОРОПАЕВ Никита Алексеевич,
аспирант кафедры уголовного права и криминологии
ОмГУ им Ф.М. Достоевского,
e–mail: nikita.voropaev.99@mail.ru

Научный руководитель:
СТЕПАШИН Виталий Михайлович,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
ОмГУ им Ф.М. Достоевского, д.ю.н.,
e-mail: mail@law-books.ru

СООТНОШЕНИЕ МОРАЛЬНЫХ НОРМ С ПРИНЦИПОМ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЙ ПО СОВОКУПНОСТИ ПРИГОВОРОВ МЕТОДОМ ЧАСТИЧНОГО СЛОЖЕНИЯ.

Аннотация. *Моральные нормы играют важную роль в формировании правовой системы любого государства. Правовые институты ориентируются на принципы справедливости, гуманизма и равенства перед законом, закрепленные в Конституции и законодательстве. Нормы морали способствуют формированию позитивного отношения населения к закону и снижают уровень правового нигилизма. В настоящей статье рассматривается вопрос влияния моральных норм на специальные правила назначения наказаний, приводится и трактуется определение моральных норм. Выявляется роль моральных норм в системе права отдельно взятого государства и общества. Особое внимание в настоящей статье уделяется проблемам, возникающим при назначении наказаний, связи преступного деяния с законодательными инструментами назначения наказаний, а также с необходимостью соблюдения баланса соответствия наказания преступному деянию и целям назначения уголовного наказания в понимании обывателя.*

Ключевые слова: *назначение наказаний, назначение наказаний по совокупности приговоров, частичное сложение наказаний, специальные правила назначения наказания.*

VOROPAEV Nikita Alekseevich,
Postgraduate student at Omsk State University
named after F.M. Dostoevsky

Scientific supervisor:
STEPASHIN Vitaly Mikhailovich,
Professor, Department of Criminal Law and Criminology,
Omsk State University F.M. Dostoevsky, Doctor of Law

CORRELATION OF MORAL NORMS WITH THE PRINCIPLE OF APPLYING PUNISHMENTS IN COMBINATION WITH OTHER PUNISHMENTS.

Annotation. *Moral norms play an important role in shaping the legal system of any State. Legal institutions are guided by the principles of justice, humanism and equality before the law, enshrined in the Constitution and legislation. The norms of morality contribute to the formation of a positive attitude of the population towards the law and reduce the level of legal nihilism. This article examines the issue of the influence of moral norms on special rules for the appointment of punishments, provides and interprets the definition of moral norms. The role of moral norms in the legal system of a particular state and society is revealed. This article focuses on the problems that arise when imposing punishments, the relationship between criminal acts and the legal instruments for imposing punishments, as well as the need to strike a balance between the severity of the punishment and the goals of criminal punishment as perceived by the general public.*

Key words: *imposing punishments, imposing punishments in combination.*

Принцип частичного сложения приговоров – это не просто юридическая техника, а инструмент, который напрямую влияет на судьбы людей и восприятие справедливости в обществе. Он позволяет судам учитывать множественность преступлений, но одновременно поднимает важные моральные вопросы о цели наказания. Насколько такой подход соответствует представлениям обывателей о возмездии, исправлении и защите общества?

В данной статье мы проанализируем сложное взаимодействие принципа частичного сложения приговоров с моральными аспектами назначения наказания, стремясь выявить его этические основания и последствия непосредственно для лица, привлекаемого к уголовной ответственности, а также для общества, чьи охраняемые законом интересы напрямую нарушаются противоправными посягательствами.

Рассматривая соотношение норм морали с уголовно-правовыми механизмами назначения наказаний, следует дать дефиницию такому явлению, а также установить связи и влияние общепринятых норм на систему права в целом.

В своей научной работе Е.Н. Тонгузаева обозначает моральные нормы как систему разнообразных правил, регулировавших жизнь общества на доправовом этапе, наряду с религиозными догмами, дающие понимание о добре, зле и справедливости, в свою очередь организующую разрешенные обществом модели поведения, вызывающие одобрение либо неодобрение поведения индивида.[1]

Таким образом, моральные нормы представляются основой для правовой системы любого развитого демократического государства, как основа общественного регулятора на уровне индивида и общества, формируя набор ценностей, регламентирующих правила поведения отдельных личностей и групп общества в определенных моральными нормами рамках.

При подобной трактовке понятия моральных норм, представляется логичным применение последних не только для определения правомерного поведения, но и для назначения рамок ответственности за нарушение правил, а в дальнейшем, при историческом развитии общества и законодательства, норм законов, принятых в отдельном государстве, исходя из принципа гуманизма, равенства индивидов в обществе по праву рождения.

Однако, достижение равновесия между правом на воздаяние за нарушение интересов индивида или государства и достаточным, но не избыточным, возмездием за такое нарушение представляется серьезным испытанием для государственного аппарата, формирующего и задающего тенденции права во всех отраслях права.

Данный тезис подтверждается исследованием научного коллектива под руководством Э.Ю. Латыповой.[2]

Более того, вышепоименованный коллектив выделяет объективный и субъективный характер проблем соотношения норм морали и уголовно-правовых норм.

Моральные нормы играют важную роль в уголовном праве, особенно при назначении наказания. Они формируют представления общества о справедливости, гуманности и пропорциональности наказания, помогая судам принимать обоснованные решения.

Уголовное право не может существовать в отрыве от общества и государства — оно отражает ценности общества. Моральные нормы, такие как уважение к человеческой жизни, справедливость и милосердие, влияют на законодательство. Например, в большинстве стран убийство считается одним из самых тяжких преступлений, потому что оно нарушает фундаментальную моральную норму — право на жизнь.

Несомненно, принципы талиона, то есть воздаяния равным за содеянное представляется простым и справедливым возмездием, а также явно достаточным воздаянием за содеянное, однако же, каждое конкретное уголовное дело – уникально по-своему и требует детального изучения побуждений, мотивов и обстоятельств совершения противоправного деяния.

В подтверждение вышеприведенного тезиса можно предложить ситуацию, разрешение которой невозможно применением наказания равного содеянному, например, кража скота или иного чужого имущества.

Сам по себе возврат имущества не позволит восстановить справедливость, поскольку преступник не понес никакого наказания, в связи с чем появляется потребность в своде законодательных актов, регламентирующих ответственность за отдельные категории деяний.

Вышеописанные обстоятельства, в свою очередь, могут быть использованы для определения той необходимой степени ответственности, на которую можно ограничить право человека, преступившего закон, на жизнь, свободу перемещения и иных прав человека, с учетом исторического развития общества на конкретной территории. Иной подход к пониманию демократических прав и свобод человека немыслим при современной стадии развития общества.

Таким образом, выявлена проблема определения соразмерного наказания для преступного деяния. Перед правоприменителем и законодателем стоит сложнейшая задача формирования нормативной базы, обеспечивающей справедливое и достаточное наказание, а также его справедливого назначения и исполнения.

В отечественном законодательстве данная проблема формально решена путем формирования в УПК РФ статьи 6, регламентирующей назначение уголовного судопроизводства – защиту прав и законных интересов лиц и организаций,

потерпевших от преступлений, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, а также справедливость наказания за совершение преступлений.

Несмотря на столь удачную формулировку, однако же, судопроизводство по уголовным делам осуществляется только судом и, несмотря на требования действующего законодательства о всестороннем, полном рассмотрении дела по существу, изучении личности преступника, его поведения в ходе следствия, непосредственно в ходе совершения преступления, в современной уголовно-правовой науке жива и достаточно активно обсуждается тема исследования судейского усмотрения в уголовном процессе.

Вышепоименованная категория, несмотря на явное, недвусмысленное влияние на уголовный процесс никак не регламентирована в современном уголовном законодательстве, что может существенно препятствовать прозрачному механизму назначения справедливого наказания.

Вышеприведенные проблемы, по нашему мнению, являются базой для формулирования проблем назначения наказаний по совокупности приговоров методом частичного сложения.

К первой проблеме можно отнести несовершенство юридической техники принципам и целям назначения наказания в условиях множественности преступлений.

Так, действующий уголовный закон статьей 70 УК РФ закрепляет принцип присоединения неотбытой части наказаний по предыдущему приговору к новому по совокупности приговоров.

Данная статья в своем содержании имеет регламентацию нижнего и высшего предела назначения исчислимых наказаний, за исключением случаев учета приговоров за совершение преступлений террористической направленности.

Сам по себе факт наличия верхнего предела назначения наказаний по совокупности приговоров методом частичного сложения представляется дискуссионным.

Наличие множества приговоров, исполнение наказания по которым еще не произведено и достижение по результатам частичного сложения максимально возможного предела наказаний не может свидетельствовать о достижении целей справедливого назначения наказаний за преступные деяния просто самим фактом достижения такого предела, в условиях, при которых суд вправе назначать наказания в рамках от минимального до максимального по каждой конкретной статье уголовного закона.

Данный тезис представляется нам вполне правомерным в условиях непрозрачности механизма применения судейского усмотрения при назначении наказаний, отсутствии четких критериев снижения либо отягчения мер ответственности с помощью смягчающих и отягчающих обстоятельств, тем не менее влияющих на практике на объем санкций, применяемых к лицу, привлекаемому к уголовной ответственности.

Текущее положение дел в правоприменительной и нормотворческой среде, таким образом, не позволяют заявить о несомненном достижении целей уголовного наказания, выражающейся в достижении справедливости при назначении наказания, ввиду наличия максимального потолка назначения наказаний частичным сложением по совокупности приговоров, после которого назначить еще более строгую санкцию в рамках одного вида наказания просто невозможно ввиду законодательного ограничения, при возможном наличии оснований для такого применения.

Таким образом, наблюдается существенный отход от моральных норм в текущем уголовно-правовом законодательстве.

На основании вышеизложенного, представляется необходимым внесение систематических изменений в уголовный кодекс в части судейского усмотрения и пересмотр целесообразности использования метода частичного сложения по совокупности приговоров, ввиду теоретической возможности использования такого механизма в целях смягчения наказаний, в то время как данный институт в первую очередь призван ужесточить ответственность лица, совершившего ряд преступлений, что, вероятно приблизит законодателя к достижению конечной цели по восстановлению справедливого положения в общественных отношениях, которое несомненно нарушается при совершении противоправных преступных деяниях.

Список литературы:

[1] Тонгузаева Е.Н. Нормы морали, права, религии как регуляторы поведения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право., № 2. – 2007. – С. 46.

[2] Латыпова Э.Ю., Гильманов Э.М., Абдуллина А.Е. Влияние нравственно-моральных норм на содержание уголовно-правовых норм в уголовном кодексе России // Вестник экономики, права и социологии., №1. – 2022. – С. 94.

References:

[1] Tonguzaeva E.N. Norms of morality, law, religion as regulators of behavior//Izvestia Saratov University. New series. Economics series. Management. Right., No. 2. – 2007. - S. 46.

[2] E.Yu. Latypova, E.M. Gilmanov, A.E. Abdullina. The influence of moral and moral norms on the content of criminal law in the criminal code of Russia//Bulletin of Economics, Law and Sociology, No. 1. – 2022. - S. 94.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-340-343

АСАТУРОВ Эдуард Робертович,
старший преподаватель кафедры административной деятельности Тверского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ЕФИМОВ Александр Александрович,
доцент кафедры административного права и административной деятельности Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент, полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ЮШКЕВИЧ Владимир Сергеевич,
преподаватель кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России, старший лейтенант полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРИНЦИПЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ, ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ, ТАКТИЧЕСКИЕ

Аннотация. *В статье раскрывается содержание принципов деятельности сотрудников полиции при осуществлении ими своих служебных обязанностей. Приведена их классификация с разделением по основным признакам. Исследовано групповое назначение принципов административной деятельности полиции и их особенности.*

Ключевые слова: *государственный орган, полиция, принципы, административная деятельность, общественный порядок, гражданин, права.*

ASATUROV Eduard Robertovich,
Senior lecturer at the Department of Administrative Activities of the Tver Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Police Colonel.

EFIMOV Alexander Alexandrovich,
Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Police Colonel.

YUSHKEVICH Vladimir Sergeevich,
lecturer at the Department of Fire Training at the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Senior police Lieutenant.

PRINCIPLES OF POLICE ADMINISTRATIVE ACTIVITY: SOCIO-LEGAL, ORGANIZATIONAL, TACTICAL

Annotation. *The article reveals the content of the principles of the activities of police officers in the exercise of their official duties. Their classification is given, divided according to the main features. The group purpose of the principles of administrative activity of the police and their features are investigated*.

Key words: *government agency, police, principles, administrative activity, public order, citizen, rights.*

Полиция, являясь частью системы государственной власти, государственного управления, занимающаяся охраной общественного порядка и борьбой с правонарушениями, в качестве основ, отражающих приоритетные направления деятельности, устанавливает ряд принципов. Они определяют предназначение полиции, ее место и роль в обществе, а также сущность службы в органах внутренних дел (далее – ОВД).

Принципы деятельности полиции представляют собой результат отражения объективно действующих закономерностей, присущих им общих черт, которые становятся общим началом административной деятельности ОВД в целом. Принципы административной деятельности полиции охватывают разные стороны службы. К ним относятся и правовые и организационные стороны. Некоторые из них устанавливают характер деятельности сотрудников при несении службы по обеспечению защиты прав и свобод человека и гражданина, противодействия преступности, охраны общественного порядка и собственности, обеспечения общественной безопасности, другие определяют качество правового регулирования служебных отношений.

Принципы административной деятельности полиции условно можно разделить на три основные группы, каждая из которых отражает разные аспекты ее организации и осуществления.

В первую группу входят социально-правовые принципы, закрепленные в статьях 5-12 Федерального закона «О полиции» [1], отражающие общепризнанные ценности, моральные устои и требования законодательства. Вторая группа состоит из организационных принципов, регулирующих внутреннее устройство и функционирование системы. В число третьей группы входят тактические принципы, определяющие непосредственные приемы и методы работы «на месте».

Остановимся на каждой из групп более детально. Принципы, входящие в состав социально-правовых, составляют фундаментальную основу и включают:

1. Соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности, требующий от сотрудников полиции в равной мере соблюдения прав всех лиц, включая граждан РФ, иностранцев и лиц без гражданства. Принцип содержит запрет на унижение их чести и достоинства, применение насилия. В случаях необходимости ограничения прав гражданина, сотрудник полиции обязан разъяснить причину и основания конкретной ограничительной меры, а также разъяснить возникающие в сложившейся ситуации права лица, в отношении которого она применяется.
2. Законность — строгое следование нормам Конституции РФ, федеральных законов и подзаконных актов. Любые действия сотрудников полиции, связанные с ограничением прав граждан, могут быть предприняты лишь на основании и в порядке, предусмотренных законом. Действия сотрудников ОВД, идущие в разрез требованиям норм действующего российского законодательства, влекут применение в отношении последних соответствующих мер и видов ответственности.
3. Беспристрастность и равенство всех перед законом независимо от пола, расы, национальности, социального положения. Обязывает полицейских вне зависимости от собственных убеждений либо иных личных обстоятельств, уважительно относится к гражданам, проявляя уважение и толерантность к национальным обычаям и традициям, а также принимать меры к устранению возникающих разногласий между нациями и конфессиями.
4. Открытость и публичность деятельности (гласность), за исключением случаев, связанных с государственной или иной охраняемой законом тайной. В разрезе этого принципа следует дифференцировано понимать доступность к получению сведений о деятельности сотрудников ОВД, в связи с существующими ограничениями в личных законных интересах граждан, а также государственных сведениях, не подлежащих разглашению.
5. Общественное доверие и поддержка граждан, предполагающие взаимодействие с населением, учет общественного мнения и информирование общества о работе полиции. Под указанным принципом понимаются обоснованные рамками закона и служебной необходимостью действия сотрудников полиции, доступные к пониманию гражданами. В рамках мониторинга, получаются сведения об уровне доверия населения и общественном мнении о деятельности полиции.

Вторая группа, обобщающая организационные принципы включает в себя:

1. Единоначалие и строгую субординацию, обеспечивающие четкую вертикаль управления. Этот принцип обусловлен природой органов внутренних дел и призван обеспечить беспрекословное приведение в жизнь принятых решений. Значение этого принципа состоит также в наделении всей полнотой в пределах своих полномочий начальников по отношению к подчиненным [2]. Однако единоначалие состоит не только в отдаче приказов и распоряжений, а также и принятии соответствующих действий и решений, способствующих их выполнению. При этом обязательными к выполнению являются приказы, распоряжения, указания, не противоречащие закону и отданные надлежащим образом с реальными сроками их выполнения.
2. Плановость — работу по заранее утвержденным планам, графикам единой дислокации, комплексным мероприятиям. Принцип плановости в деятельности полиции означает научно обоснованное планирование, которое направлено на достижение поставленных целей путём установления последовательности и сроков решения определённых задач, обеспечения оптимальности и равномерности использования кадровых, финансовых, материально-технических и иных ресурсов. Он присутствует во всех сферах деятельности полиции, в том числе в оперативно-розыскной работе. Грамотный подход к планированию, основанный на предшествующим ему анализу, позволяет сконцентрировать усилия оперативных служб на наиболее приоритетных направлениях деятельности, к которым следует отнести борьбу с преступностью, а также определить пути наиболее эффективного использования имеющихся сил и средств.
3. Территориально-отраслевой принцип — деление территории на участки, зоны ответственности, сочетание территориального и функционального подходов (участковые уполномоченные, ППС, ГИБДД и др.). Внедрение указанного принципа производится с учетом особенностей регионов, городов, районов (численность населения, географическая среда, оперативная обстановка, а также вида деятельности и обеспечением ее специализации, что в качестве результата выдает повышение эффективности деятельности сотрудников, а также развивает их профессиональные качества.

Третья группа, состоящая из тактических принципов, включает в себя следующие:

1. Внезапность — для эффективного пресечения правонарушений и задержания нарушителей. Принцип означает, что выполнение сотрудниками полиции определенных действий производится в такой момент, когда правонарушитель либо их группа не готовы к сопротивлению законных требований полицейских или не в состоянии его оказать. Это обеспечивает успех процессуального действия, например, задержания. Даже если подозреваемый ожидает задержания, обычно можно на какое-то время отвлечь его внимание, усыпить бдительность и провести операцию по физическому задержанию быстро и эффективно [3].
2. Непрерывность — круглосуточное несение службы. Принцип непрерывности несения службы полицией заключается в способности сотрудников адаптироваться к меняющейся обстановке и вести работу без перерывов. Служебные обязанности должны выполняться без самовольного отказа от них, если эти обязанности предусмотрены контрактом о прохождении службы в органах внутренних дел, должностным регламентом (должностной инструкцией) и для их выполнения приняты необходимые меры безопасности.
3. Взаимодействие и координация — оперативный обмен информацией между подразделениями (дежурная часть, ППС, ГИБДД, участковые), совместные мероприятия и взаимная поддержка. Взаимодействие представляет собой процесс сотрудничества, то есть совместной или согласованной по целям, месту и времени деятельности, между участниками (подразделениями, сотрудниками), выражающейся в выполнении общих мероприятий, обменом информацией и необходимыми сведениями, предоставлением дополнительных сил и средств для достижения общих целей. По видам выделяют вертикальное, горизонтальное, диагональное и внешнее сотрудничество.

Все рассмотренные принципы взаимосвязаны и образуют систему, обеспечивающую эффективное выполнение полицией своих задач по охране общественного порядка, обеспечению безопасности и борьбе с правонарушениями. Полное или частичное уклонение от выполнения какого-либо из принципов оказывает негативное влияние на состояние борьбы с преступностью и представляет угрозу достаточно качественного обеспечения общественной безопасности и общественного порядка.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

[2] Сосновская Юлия Николаевна, Маркина Элеонора Викторовна Особенности организации государственной службы в территориальных органах МВД России на современном этапе. Единоначалие и субординация (подчиненность) на службе в органах внутренних дел // Вестник экономической безопасности. 2020. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-gosudarstvennoy-sluzhby-v-territorialnyh-organah-mvd-rossii-na-sovremennom-etape-edinonachalie-i (дата обращения: 03.02.2026).

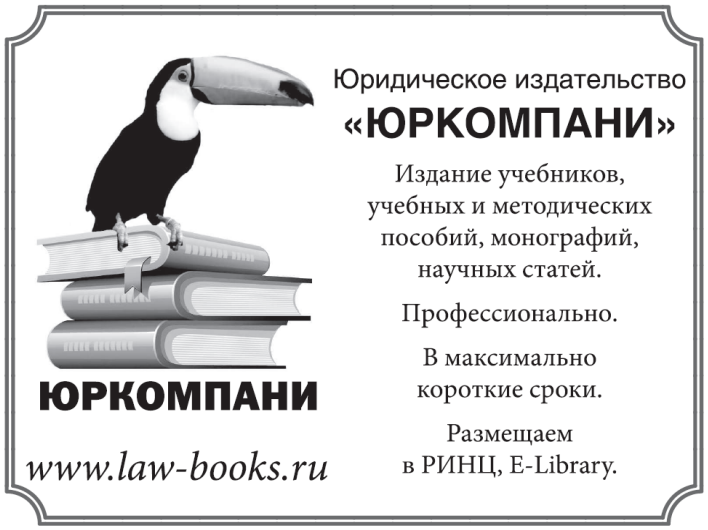
[3] Смушкин, Александр Борисович. Задержание в структуре тактической операции при расследовании преступлений : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09. - Саратов, 2005. - 243 с.

References:

[1] Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ “On the Police “//NW RF. 2011. № 7. Art. 900.

[2] Sosnovskaya Yulia Nikolaevna, Markina Eleonora Viktorovna Features of the organization of public service in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the present stage. One-man management and subordination (subordination) in the service of the internal affairs bodies// Bulletin of Economic Security. 2020. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-gosudarstvennoy-sluzhby-v-territorialnyh-organah-mvd-rossii-na-sovremennom-etape-edinonachalie-i (дата обращения: 03.02.2026).

[3] Smushkin, Alexander Borisovich. Detention in the structure of a tactical operation in the investigation of crimes: dissertation... Candidate of Law: 12.00.09. - Saratov, 2005. - 243 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-344-348

ГЛУХОВ Сергей Владимирович,
Преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки
Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: sergeygluhov.dnr@mail.ru

ЛАЗАРЕВ Алексей Владимирович,
преподаватель кафедры огневой и физической подготовки
Волгодонского филиала Ростовского юридического
института МВД России,
e-mail: cool.kostya1984@gmail.com

МАРТЫНЮК Сергей Николаевич,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России,
майор полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ И ОГРАНИЧЕНИЯ: АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 20.3.3 КОАП РФ

Аннотация. *В статье рассматриваются конституционные гарантии и ограничения свободы выражения мнений в контексте практики применения статьи 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Анализируется баланс между фундаментальным правом граждан на свободу слова и необходимостью защиты национальной безопасности государства. На основе судебной практики и решений Конституционного Суда РФ выявляются ключевые аспекты применения нормы, выявляются проблемы её правоприменения в условиях современных социально-политических вызовов и предлагаются пути совершенствования защиты конституционных гарантий.*

Ключевые слова: *конституционные гарантии, свобода выражения мнений, статья 20.3.3 КоАП РФ, дискредитация Вооружённых Сил, национальная безопасность, судебная практика, Конституционный Суд РФ, соразмерность ограничений, оценочные понятия.*

GLUKHOV Sergey Vladimirovich,
Lecturer, Department of Firearms and Tactical-Special Training,
Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

LAZAREV Aleksey Vladimirovich,
Lecturer, Department of Firearms and Physical Training,
Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

MARTYNYUK Sergey Nikolaevich,
Lecturer, Department of Special Disciplines,
Crimean Branch of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Major

CONSTITUTIONAL GUARANTEES AND RESTRICTIONS: ANALYSIS OF THE PRACTICAL APPLICATION OF ARTICLE 20.3.3 OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article examines constitutional guarantees and restrictions on freedom of expression in the context of the practical application of Article 20.3.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. It analyzes the balance between citizens' fundamental right to freedom of speech and the need to protect the state's national security. Based on judicial practice and decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, key aspects of the norm's application are identified, challenges to its enforcement in the context of contemporary socio-political challenges are revealed, and ways to improve the protection of constitutional guarantees are proposed.*

Key words: *constitutional guarantees, freedom of expression, Article 20.3.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, discrediting the Armed Forces, national security, judicial practice, Constitutional Court of the Russian Federation, proportionality of restrictions, evaluative concepts*.

Соотношение конституционных прав и ограничений в современной правовой системе Российской Федерации представляет собой одну из центральных проблем конституционно-правовой науки и практики правоприменения. Свобода выражения мнений как фундаментальное право граждан закреплена в статье 29 Конституции РФ и нацелена на обеспечение открытого и демократического общественного диалога, функционирования правового государства и развития гражданского общества. Вместе с тем реализация данного права неизбежно сталкивается с необходимостью введения определённых ограничений, связанных с охраной государственных интересов, национальной безопасности, территориальной целостности и общественного порядка [2]. Конституция Российской Федерации в статье 55 прямо предусматривает возможность ограничения прав и свобод федеральным законом лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционных основ, нравственности, здоровья населения, прав и законных интересов других лиц, а также обеспечения обороны и безопасности государства [3].

Статья 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, введённая в результате законодательных изменений и неоднократно редактировавшаяся (последние изменения датированы 2023 годом), устанавливает административную ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации и добровольческих формирований [4]. Эта норма занимает особое место на пересечении двух фундаментальных принципов: защиты конституционного права на свободу слова и охраны государственных интересов в области национальной безопасности. С одной стороны, статья 20.3.3 защищает государственные институты от недобросовестной дезинформации и манипуляций, способных подорвать обороноспособность страны, подорвать авторитет и доверие граждан к вооружённым силам. С другой стороны, она ставит перед обществом и правоприменителями задачу чётко определить границы допустимой критики и свободы мнений, не допуская произвольного и чрезмерного сужения конституционных свобод, что является необходимым условием демократического общества [5].

Актуальность исследования обусловлена сравнительной новизной данной нормы (в её актуальной редакции), возрастающим значением вопросов национальной безопасности и необходимостью обеспечения баланса между защитой государственных интересов и соблюдением конституционных гарантий. Как отмечает Шанько В.В. обсуждение актуальных проблемы правопонимания, существующих сегодня на концептуальном и законодательном уровнях, включает в себя проблему толкования правопонимания и дифференциацию определений правопонимания, что на наш взгляд напрямую относится к неоднозначностям в квалификации правонарушений по ст. 20.3.3 КоАП РФ, где размытость составов приводит к спорам в практике [1]. Поэтому практика применения статьи 20.3.3 КоАП РФ требует внимательного анализа с точки зрения соответствия конституционным гарантиям и общепризнанным критериям правомерного ограничения прав, включая принципы необходимости и соразмерности. Цель настоящей статьи состоит в выявлении основных тенденций судебной практики применения исследуемой нормы, анализе правовых механизмов, обеспечивающих баланс между свободой выражения и охраной общественных интересов, а также в определении проблемных аспектов, требующих внимания со стороны юридической науки и законодательной власти.

Свобода мысли и слова является одной из ключевых основ конституционного строя Российской Федерации, закреплённых в статье 29 Конституции РФ. Эта норма гарантирует каждому гражданину право свободно мыслить и выражать свои мысли устно, письменно или иными способами, а также право свободно искать, получать, передавать и распространять информацию законным путём [3]. Конституционный смысл свободы мысли предполагает невмешательство государства в процесс формирования собственных мнений и убеждений человека, защиту его от идеологического диктата и контроля над личностью [8]. Вместе с тем Конституция прямо устанавли-

вает запреты на пропаганду, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть, и на установление обязательной государственной идеологии, что подчеркивает необходимый баланс между свободой слова и защитой общественного порядка и безопасности [3].

Принцип ограничения прав и свобод в целях защиты общественных интересов имеет глубокие корни в конституционной теории и практике. Статья 55 Конституции РФ, как было отмечено выше, устанавливает легальные основания для введения ограничений: защита конституционных основ, нравственность, здоровье населения, права и законные интересы других лиц, оборона и безопасность государства. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, ратифицированная Россией, в статье 10 подчеркивает этот баланс, устанавливая права на свободу выражения и одновременно возможность законных ограничений в целях защиты интересов государственной безопасности [6]. Правоприменители при квалификации действий граждан как нарушающих конституционные гарантии должны применять критерии необходимости (ограничение должно преследовать законную цель) и соразмерности (ограничение не должно быть чрезмерным и дискриминационным).

Статья 20.3.3 КоАП РФ в её действующей редакции устанавливает административную ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооружённых Сил РФ в целях защиты интересов страны, её граждан, а также поддержания международного мира и безопасности [4]. Под дискредитацией в контексте данной нормы понимаются умышленные действия, направленные на подрыв авторитета, имиджа и доверия граждан к Вооружённым Силам и государственным органам, выполняющим соответствующие функции [8]. Важно отметить, что закон охватывает не только распространение заведомо ложной информации, но и иные действия, создающие негативное восприятие, способное снизить эффективность деятельности ВС и деморализовать лиц, участвующих в исполнении воинского или служебного долга. Однако при этом следует различать между критикой деятельности вооружённых сил, основанной на достоверной информации, и дискредитацией как специальной формой противоправного поведения.

Правовая природа нормы, содержащейся в статье 20.3.3 КоАП РФ, тесно связана с её целевой функцией обеспечения национальной безопасности и поддержания общественного порядка. Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно подчеркивал, что статья 20.3.3 КоАП не направлена на ограничение свободы выражения мнений как таковой, а устанавливает административную ответственность именно за публичные действия определённого характера с направленностью на дискредитацию [5]. При этом Конституционный Суд разъяснил, что понятия «публичный характер» и «дискредитация» имеют оценочный характер, что требует внимания и осторожности при правоприменении, учитывая многообразие форм таких действий в условиях развития цифровых технологий и социальных сетей [7]. Важным элементом статьи является то, что она не нарушает право личности придерживаться и выражать свои убеждения в пределах, не связанных с совершением правонарушений. Законодательство допускает критику и выражение мнений о деятельности Вооружённых Сил и соответствующих органов, если она не носит противоправный характер, не основывается на произвольном отрицании характера, целей и задач указанных действий и базируется на достоверной, а не заведомо ложной информации, что создаёт необходимые рамки для баланса между конституционной свободой слова и требованиями безопасности государства.

Административная ответственность по статье 20.3.3 КоАП РФ предусматривает наложение штрафов, которые варьируются в зависимости от категории нарушителя. Согласно актуальной редакции нормы (в соответствии с Федеральным законом от 25.12.2023 № 640-ФЗ), наложение административного штрафа на граждан составляет от 30 000 до 50 000 рублей за первое нарушение; на должностных лиц от 100 000 до 200 000 рублей; на юридических лиц от 300 000 до 500 000 рублей [4]. При повторном совершении деяния в течение года размеры штрафов увеличиваются и могут достигать 50 000-100 000 рублей для граждан, 200 000-300 000 для должностных лиц и 500 000-1 000 000 рублей для юридических лиц. Действия, квалифицируемые как дискредитация, также могут при повторном совершении привлечь к уголовной ответственности по статье 280.3 Уголовного кодекса РФ, которая предусматривает уголовное наказание за публичные действия, направленные на дискредитацию Вооружённых Сил [4]. Таким образом, статья 20.3.3 КоАП РФ является частью комплексной системы правовых мер, направленных на охрану обороноспособности и государственной безопасности в условиях современных вызовов.

Анализ судебной практики применения статьи 20.3.3 КоАП РФ позволяет выявить ряд характерных черт правоприменения. В материалах судебной практики 2024-2025 годов прослеживается тенденция расширения толкования понятия «публичные действия» в контексте использования социальных сетей и интернет-платформ [9]. Суды признают публичным характером распро-

странение информации в сети Интернет, включая публикации в социальных сетях, блогах, мессенджерах, если такие действия совершаются с использованием функций, обеспечивающих распространение информации потенциально неограниченному кругу лиц [9]. Это отражает реалии информационного общества и возрастание роли цифровых технологий в формировании общественного мнения. Вместе с тем судебная практика демонстрирует повышенное внимание правоприменителей к соблюдению принципа соразмерности при квалификации действий в качестве дискредитации, особенно в случаях, когда граница между критикой и дискредитацией может быть не вполне чёткой.

Дальнейшее развитие практики применения статьи 20.3.3 КоАП РФ в контексте обеспечения конституционных гарантий требует особого внимания к ряду проблемных аспектов. Во-первых, необходимо обсудить вопрос определения границ между допустимой критикой деятельности Вооружённых Сил и деяниями, квалифицируемыми как дискредитация. Оценочный характер понятия «дискредитация» создаёт риск различных толкований у разных правоприменителей и может привести к излишне широкому пониманию данного конструкта [7]. В условиях функционирования информационного пространства, насыщенного различными точками зрения и оценками, правоприменители должны проявлять высокий уровень осторожности, чтобы не перейти от защиты государственных интересов к подавлению легитимной критики и выражения несогласия.

Во-вторых, возникает вопрос о необходимости уточнения критериев различия между составом, предусмотренным статьёй 20.3.3 КоАП РФ, и уголовно наказуемым деянием, указанным в статье 280.3 Уголовного кодекса РФ. Граница между административным правонарушением и уголовным преступлением должна быть достаточно чёткой и предсказуемой для граждан, чтобы обеспечить верховенство закона и защиту от произвольного применения норм [5]. Необходимо развитие прецедентного толкования через решения кассационных и апелляционных судов, которые выработают более стабильные и единообразные подходы к квалификации.

В-третьих, следует обсудить соотношение конституционной свободы выражения мнений с необходимостью защиты государственных интересов в условиях информационной войны и пропаганды. Статья 20.3.3 КоАП РФ была введена в контексте возрастания угроз национальной безопасности, и её применение необходимо рассматривать в этом контексте [8]. Однако механизмы защиты должны быть конструированы таким образом, чтобы не становиться инструментом подавления законной оппозиции и свободного обмена мнениями в гражданском обществе. Правовое государство должно быть способно защищать свои интересы, не жертвуя при этом фундаментальными принципами демократии и верховенства закона.

В-четвёртых, важно отметить растущее значение судебной практики Конституционного Суда РФ в выработке конституционно-совместимого толкования статьи 20.3.3 КоАП РФ. Решения Конституционного Суда, касающиеся баланса между свободой слова и защитой государственных интересов, имеют высочайшую юридическую силу и служат ориентиром для всех правоприменителей [5]. Развитие практики Конституционного Суда в направлении более чёткого определения критериев допустимости ограничений и механизмов защиты конституционных гарантий является одной из наиболее важных задач на современном этапе.

В заключение, можно сказать, что статья 20.3.3 КоАП РФ представляет собой сложный правовой механизм, призванный обеспечить баланс между фундаментальным конституционным правом на свободу выражения мнений и необходимостью защиты государственных интересов в сфере национальной безопасности. Анализ правовой природы нормы, её нормативного содержания и практики применения показывает, что правоприменители постепенно выработали более-менее устойчивые подходы к квалификации публичных действий как дискредитации. Вместе с тем ряд вопросов требует дальнейшего развития как в юридической науке, так и в судебной практике.

Список литературы:

[1] Шанько, В. В. Понятийные и методологические подходы к проблемам современного правопонимания / В. В. Шанько Е. Г., Светличный, // Философия права. – 2021. – № 3(98). – С. 64-67.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учётом поправок) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 1. Ст. 1; 2020. № 31. Ст. 4398.

[3] Статья 29, Статья 55 Конституции Российской Федерации // Консультант Плюс: [электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 12.12.2025).

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023 № 640-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1. Ст. 20.3.3.

[5] Решение Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу соответствия конституционным гарантиям норм об ограниче-

нии свободы выражения в целях защиты национальной безопасности // Справочная система правовых актов. 2023-2024 гг.

[6] Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (ратифицирована Российской Федерацией) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

[7] Обзор судебной практики применения статьи 20.3.3 КоАП РФ // Верховный Суд Российской Федерации. 2024-2025. Доступ через СУДРФ.

[8] Прокуратура Московской области. Ответственность за дискредитацию Вооружённых Сил Российской Федерации: методические рекомендации // Портал органов власти Московской области. 2023. URL: https://almosk-r07.gosweb.gosuslugi.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/prokuratura/prokuror-razyasnyaet/novosti_131.html (дата обращения: 12.12.2025).

[9] Центр мониторинга общественного мнения и исследования судебной практики (СОВА-Центр). Административные дела по ст. 20.3.3 КоАП РФ: анализ судебной практики 2024-2025 годов // Портал СОВА. Январь 2025. URL: https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2025/01/d50878/ (дата обращение: 12.12.2025).

References:

[1] Shanko, V.V. Conceptual and methodological approaches to the problems of modern legal understanding/V.V. Shanko E.G., Svetlichny ,//Philosophy of law. – 2021. – № 3(98). - S. 64-67.

[2] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993, subject to amendments)//Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. № 1. Art. 1; 2020. № 31. Art. 4398.

[3] Article 29, Article 55 of the Constitution of the Russian Federation//Consultant Plus: [electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru (access date: 12.12.2025).

[4] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 25.12.2023 No. 640-FZ)//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). Art. 1. Art. 20.3.3.

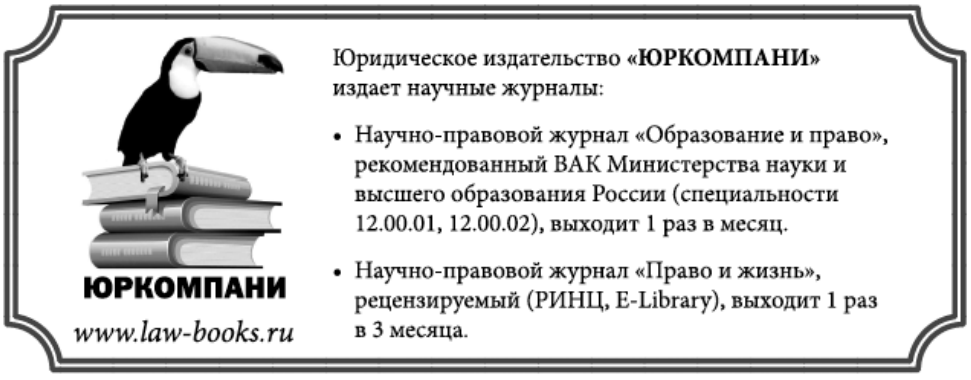
[5] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation on the issue of compliance with constitutional guarantees of norms on restricting freedom of expression in order to protect national security//Reference system of legal acts. 2023-2024

[6] European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Rome, November 4, 1950) (ratified by the Russian Federation)//Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. № 2. Art. 163.

[7] Review of judicial practice of the application of Article 20.3.3 of the Administrative Code of the Russian Federation//Supreme Court of the Russian Federation. 2024-2025. Access via SUDRF.

[8] Prosecutor's Office of the Moscow Region. Responsibility for discrediting the Armed Forces of the Russian Federation: guidelines//Portal of authorities of the Moscow region. 2023. URL: https://almosk-r07.gosweb.gosuslugi.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/prokuratura/prokuror-razyasnyaet/novosti_131.html (дата обращения: 12.12.2025).

[9] Center for Public Opinion Monitoring and Judicial Practice Research (SOVA-Center). Administrative cases under Art. 20.3.3 of the Administrative Code of the Russian Federation: analysis of judicial practice 2024-2025//SOVA Portal. January 2025. URL: https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2025/01/d50878/ (accessed on: 12.12.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-349-352

РОДЧЕНКОВА Оксана Алексеевна,
начальник кафедры административной деятельности
Тверского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат экономических наук,
доцент, полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

КРАСНОПОЛЬСКИЙ Алексей Владимирович,
старший преподаватель кафедры административного права и
административной деятельности в органах внутренних дел
Омской академии МВД России,
полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

РАСТОРГУЕВ Андрей Юрьевич,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Краснодарского университета МВД России,
майор полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются деятельности полиции, как составного элемента федеральных органов исполнительной власти, тнепосредственно отвечающей за состояние правопорядка. Административная деятельность имея очень тесную связь с другими направлениями деятельности полиции, такими как, уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная имеет свои характерные черты перечень основных из которых исследован авторами.*

Ключевые слова: *полиция, административная деятельность, государство, власть, полномочия, принуждение, противоправность, профилактика.*

RODCHENKOVA Oksana Alekseevna,
Head of the Department of Administrative Activities
at the Tver Branch of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Economics,
Associate Professor, Police Colonel

KRASNOPOLSKY Alexey Vladimirovich,
Senior Lecturer at the Department of Administrative
Law and Administrative Activities in the Internal Affairs Bodies
of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel

RASTORGUEV Andrey Yuryevich,
lecturer at the Department of Tactical and Special Training
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
police Major

THE CONCEPT AND MAIN FEATURES OF THE ADMINISTRATIVE ACTIVITY OF THE POLICE

Annotation. *The article examines the activities of the police as an integral element of the federal executive authorities directly responsible for the state of law and order. Administrative activity, having a very close connection with other areas of police activity, such as criminal procedure and operational investigative, has its own characteristic features, the list of the main of which is studied by the authors*.

Key words: *police, administrative activity, state, authority, authority, coercion, illegality, prevention.*

Административная деятельность полиции представляет собой исполнительно-распорядительную деятельность органов внутренних дел Российской Федерации, направленную на охрану общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, предупреждение, пресечение и выявление административных правонарушений, а также на защиту прав и свобод граждан, законных интересов организаций с использованием методов и средств административного права. Эта деятельность осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции»)[1] и иными нормативными актами, определяющими полномочия полиции как органа исполнительной власти.

Административная деятельность полиции, как разновидность государственной службы, имеет свои основные черты. Они отличают административную деятельность от других видов государственной деятельности, например, оперативно-розыскной или уголовно-процессуальной.

Главной из них является ее государственно-властный характер. Должностные лица органов внутренних дел (далее – ОВД), выполняя свои служебные обязанности, наделены такими полномочиями от имени государства. Осуществляя возложенные на сотрудников ОВД полномочия, они правомочны и зачастую обязаны в целях реализации норм российского законодательства, давать юридическую оценку действиям людей, осуществлять контроль над их поведением. При этом сотрудниками ОВД выполняется анализ правомерности действий граждан и в необходимых случаях реагирование на правонарушения с применением конкретных норм закона, сопровождающееся предъявлением в пределах своей компетенции требований, обязательных правонарушителем к исполнению.

Следующей из черт характера административной деятельности полиции является ее организующий характер, носящий в целом положительную направленность, выражающийся в формировании и дальнейшем развитии внутриведомственных и внешних отношений. Внутриведомственные отношения определены достижением следующих целей:

- обеспечение слаженной и согласованной работы служб и подразделений ОВД как в целом, так и отдельных сотрудников с учетом специфики их работы;
- анализ эффективности деятельности служб, подразделений, отделений, отделов, управлений на различных уровнях;
- прогнозирование и планирование деятельности служб, подразделений, отделений, отделов, управлений на различных уровнях с учетом анализа эффективности их деятельности в обеспечение выполнения обязанностей, возложенных на полицию;
- ведение криминалистических и иных видов учетов, необходимых для достижения положительных результатов деятельности;
- формирование кадрового аппарата, обеспечение профессиональной пригодности сотрудников, в том числе посредствам обучения и внедрения передового опыта работы;
- контроль и проверка исполнения требований нормативной правовой базы, законности и обоснованности процессуальных решений;
- соответствия поведения сотрудников требованиям морально-делового характера и т.п.

Вневедомственный характер выражается в реализации полицией государственно-властных полномочий организующего характера в отношении не подчиненных ей граждан и организаций, а не только внутри системы МВД.

Таким образом, организующий характер административной деятельности полиции заключается в том, что она направлена на управление работой органов внутренних дел, на обеспечение их функционирования и слаженной работы сотрудников.

Сочетание централизованного руководства с оперативным (непосредственным) управлением является следующей значимой чертой характерной для административной деятельности полиции. Централизованное руководство характеризуется обозначением общих, основных и наиболее значимых направлений деятельности, не содержащих конкретики относительно специфики отдельных видов деятельности, территориальных особенностей и иных аспектов, не являющихся едиными правилами, нормативами для ОВД на всех уровнях.

Для оперативного или, иначе говоря, непосредственного управления свойственно наличие прямых связей между субъектом и объектом управления, что позволяет существенно увели-

чить скорость постановки служебных задач и получения соответствующих результатов. Такой вид управления может наличествовать между субъектами и объектами управления любых уровней в зависимости от особенностей задачи, подлежащей выполнению.

Преимущественно гласный и открытый характер административной деятельности полиции является еще одной из основных ее черт. Свое проявление она находит в публичности действий сотрудников полиции при выполнении возложенных на них обязанностей в ходе патрулирования, контроля за соблюдением правил дорожного движения, проверки документов, составления протоколов, применения мер обеспечения производства и др. Все эти действия ведутся публично и подлежат контролю со стороны общества, за исключением сведений, составляющих государственную тайну, информации об оперативно-розыскной деятельности и т.п. Полиция проводит регулярные отчеты перед населением, законодательными органами субъектов Российской Федерации. О деятельности полиции общество также получает информацию в средствах массовой информации, через интернет. Кроме этого, информация предоставляется по официальным запросам, в ходе пресс-конференций по отдельным вопросам, публикуются аналитические и статистические материалы.

Следующей одной из наиболее важных основ административной деятельности полиции выступает принудительность. Полиция наделена правом законного применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в случаях и порядке, установленных законом. Они способствуют обеспечению соблюдения законодательства, поддержанию общественного порядка и защите интересов общества [2]. Перечисленные меры принуждения, являются строго регламентированными, носят исключительно властный характер и применяются от имени государства против воли лица, ввиду его противоправного поведения и невыполнения законных требований сотрудников полиции. Они могут быть применены в крайних случаях, когда исчерпаны возможные меры убеждения. Указанный перечень принудительных мер является далеко не исчерпывающим.

В неразрывной связи с применением принуждения в отношении субъектов административной деятельности, является подзаконность. Действия сотрудников должны основываться на законе и подзаконных нормативных актах, содействовать наиболее точному их исполнению, проходить в пределах и в порядке, определённых законодательством.

Существенным фактором в данном аспекте является обеспечение надлежащего уровня профессиональной подготовки сотрудников. Поддержание знаний норм действующего российского законодательства, своевременная и полная их актуализация должны быть неотъемлемым составляющим в квалификационных требованиях к полицейским. При этом круг знаний сотрудника МВД должен включать в себя как ведомственные нормативные правовые акты, так и нормы права по отраслям административного, уголовного и других, необходимых для избежания ошибок в принимаемых решениях.

Значимым фундаментом является базовое образование сотрудника, его умение и навык работы с нормами права и их трактование, способность восприятия разницы между, на первый взгляд, сходными понятиями и действиями. Таким примером может быть задержание, выражающееся в применении меры государственного принуждения, состоящей в ограничении свободы передвижения по своему усмотрению лица на определенный срок. В зависимости от вида и характера противоправного поведения лица, возникают основания его задержания. В большинстве случаев задержаний их можно отнести либо к уголовным, выполняемым в соответствии со статьями 91-96 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, либо к административным, выполняемым в соответствии со статьей 27.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Однако статья 14 ФЗ «О полиции» содержащая в качестве оснований и подозрение в совершении преступления, и привлечение лица к административной ответственности, включает в себя и ряд иных, не связанных с противоправной деятельностью, направленной против других лиц. К примеру, пресечение попытки самоубийства. Таким образом, недостаточность понимания юридической терминологии может привести к негативным правовым последствиям и существенным нарушениям прав граждан. В свою очередь подзаконный характер административной деятельности обеспечивает строгое ограничение всех действий сотрудников ОВД рамками закона, исключает как непреднамеренные ошибки, так и произвол.

Правоприменительная форма административной деятельности полиции относится к подвиду профессиональной юридической деятельности, так как она требует специальной профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, владение определенными навыками и умением их применять на практике при выполнении возложенных на правоохранительную деятельность целей и задач [3].

Еще одной характерной чертой административной деятельности полиции является ее профилактическая направленность. Такая деятельность носит преимущественно профилактический и

превентивный характер, направлена на поддержание правопорядка в повседневной жизни и отличается от других видов полицейской работы своей ориентацией на массовые, повседневные отношения с населением.

Рассмотренный перечень основных черт, характеризующих административную деятельность полиции, не является исчерпывающим. Административная деятельность подразделений полиции охватывает организационную сферу внутри подразделений и властную сферу внешней деятельности ОВД. Административная деятельность полиции имеет отличительные черты, которые характеризуют ее как подконтрольную государственным органам, осуществляемую от имени государства (т.е. носящую государственно-властный характер), подзаконную, организационную и имеющую профилактическую направленность деятельность.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

[2] Ефимов, А. А. Общая характеристика мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях / А. А. Ефимов, Ю. В. Барбей, С. В. Гончарова // Право и управление. – 2025. – № 3. – С. 294-297.

[3] Маркушия А. Г., Морозов О. Л. Основы управления в органах внутренних дел: учебник для вузов / А. Г. Маркушия, О. Л. Морозов. - М.: Юрайт, 2023. - С. 37-48.

References:

[1] Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 “On Police” // Federal Law of the Russian Federation. 2011. No. 7. St. 900.

[2] Efimov, A. A. General characteristics of measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses / A. A. Efimov, Yu. V. Barbey, S. V. Goncharova // Law and management. – 2025. – No. 3. – pp. 294-297.

[3] Markushia A. G., Morozov O. L. Fundamentals of management in law enforcement agencies: a textbook for universities / A. G. Markushia, O. L. Morozov. - M.: Yurayt, 2023. - pp. 37-48.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-353-358

БОНДАРЕВ Артем Сергеевич,
преподаватель кафедры огневой и физической подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России, подполковник полиции,
e-mail: Jameson-61@yandex.ru

ВИКТОРОВ Антон Юрьевич,
преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России, майор полиции,
e-mail: Viktorovanton@ayndex.ru

НАГОРНЫЙ Александр Петрович,
старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru

ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу современного состояния производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации в условиях цифровой трансформации. Исследование охватывает актуальные вызовы, стоящие перед системой административного правосудия, включая проблемы доказывания, роль прокурорского надзора, процедурные особенности и влияние цифровизации на эффективность правоприменения. На основе анализа нормативных актов, судебной практики и научных работ выявлены основные тенденции развития административного производства и предложены рекомендации по повышению качества защиты прав участников процесса.*

Ключевые слова: *административные правонарушения, административный процесс, правоприменение, цифровизация, надзор, электронный документооборот, упрощённое производство, процессуальные гарантии.*

BONDAREV Artem Sergeevich,
Lecturer in the Department of Firearms and Physical Training at the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel.

VIKTOROV Anton Yuryevich,
Lecturer in the Department of Firearms and Tactical-Special Training at the Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

NAGORNY Aleksandr Petrovich,
Senior Lecturer in the Department of Special Disciplines at the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE OFFENSES: MODERN CHALLENGES AND PRACTICE OF APPLICATION

Annotation. *This article provides a comprehensive analysis of the current state of administrative proceedings in the Russian Federation in the context of digital transformation. The study covers current challenges facing the administrative justice system, including evidentiary issues, the role of prosecutorial oversight, procedural aspects, and the impact of digitalization on the effectiveness of law enforcement. Based on an analysis of regulations, judicial practice, and academic papers, the study identifies key trends in the development of administrative proceedings and offers recommendations for improving the protection of the rights of legal participants.*

Key words: *Administrative offenses, administrative process, law enforcement, digitalization, supervision, electronic document management, simplified proceedings, procedural guarantees.*

Производство по делам об административных правонарушениях представляет собой одну из наиболее динамично развивающихся сфер российского права, находящуюся в центре взаимодействия государственных органов, граждан и организаций [1]. Административно-процессуальное законодательство Российской Федерации, основу которого составляет Кодекс об административных правонарушениях (Далее КоАП), претерпевает значительные трансформации с целью адаптации к меняющимся социально-экономическим условиям и технологическим новшествам современного общества [2]. В последние годы, особенно в 2024-2025 годах, произошли существенные изменения в регулировании административного производства, направленные на повышение его оперативности, справедливости и доступности для широкого круга лиц [3].

Ключевой особенностью современного этапа развития административного права является его двойственная функция: с одной стороны, административное право служит инструментом пресечения нарушений установленного законом порядка, а с другой стороны, оно выполняет защитную функцию, оберегая граждан и организации от неправомерных действий органов государственной власти и должностных лиц. Такая функциональная дихотомия требует тонкого баланса между эффективностью пресечения правонарушений и обеспечением полного объема конституционных гарантий всем участникам административного процесса. Данная работа направлена на выявление основных современных вызовов и проблем в производстве по делам об административных правонарушениях и обоснование направлений совершенствования административно-процессуальных механизмов, поскольку как отражает в своих трудах Шанько В.В. актуальные проблемы правопонимания, существующие сегодня на концептуальном и законодательном уровнях, включают в себя помимо прочих проблемы интерпретации и дифференциации правопонимания [4].

Как мы уже отразили выше, современное административное производство в России регулируется комплексной системой нормативных актов, в числе которых центральное место занимает КоАП РФ, устанавливающий правовые нормы, процедуры рассмотрения дел, виды наказаний и права участников процесса. Основополагающие принципы административного производства включают законность, справедливость, процессуальную гласность, оперативность, доступность правосудия и равенство всех участников перед законом. Принцип законности по нашему мнению служит верховным критерием, обеспечивающим соответствие всех действий органов, участвующих в производстве, действующему законодательству и исключающим произвол при рассмотрении административных дел. В тоже время справедливость и гласность процесса гарантируют открытость разбирательств, что способствует укреплению доверия общества к системе административной юстиции и предотвращает сокрытие нарушений при рассмотрении дел [5].

Одной из ключевых процедурных особенностей современного административного производства является введение упрощённого (письменного) порядка рассмотрения дел, предусмотренного статьёй 292 Кодекса административного судопроизводства РФ (Далее КАС) [6]. Упрощённое производство позволяет судам рассматривать типовые и малозначительные дела исключительно на основе письменных доказательств без проведения устного разбирательства, что существенно сокращает сроки рассмотрения и снижает нагрузку на судебную систему. При этом суд обязан надлежащим образом уведомить ответчика о применении упрощённого порядка и предоставить ему возможность возразить против такого способа рассмотрения. Если же ответчик выразит желание участвовать в устном разбирательстве или если суд выявит необходимость в дополнительных доказательствах, дело переводится на рассмотрение в общем порядке [7]. Такая процедура демонстри-

рует стремление законодателя к гибкости и рационализации административного судопроизводства.

Формирование доказательственной базы в административном производстве представляет собой сложный и многоэтапный процесс, требующий скрупулёзного анализа фактических данных и юридических факторов, поэтому как органы, осуществляющие производство, так и суды обязаны беспристрастно оценивать все представленные доказательства, независимо от их источника, и выносить решение на основе полной и объективной оценки обстоятельств дела. Важное значение здесь играют презумпции, в том числе презумпция невиновности лица, привлекаемого к административной ответственности, которая требует от органов, ведущих производство, доказывания вины привлекаемого лица по стандартам, соответствующим степени серьёзности нарушения. Судебная практика показывает, что проблемы с доказыванием часто возникают при оценке косвенных доказательств и при использовании показаний свидетелей в условиях отсутствия объективных данных [8].

Прокурорский надзор тоже играет немаловажную роль в обеспечении законности и справедливости административного производства. В соответствии со ст. 24.6 КоАП и ст. 39 КАС РФ, прокуроры осуществляют надзор за соблюдением законов при производстве по делам об административных правонарушениях, участвуют в рассмотрении дел в качестве стороны, представляют интересы государства и общества, выступают с обвинением в определённых категориях дел. Полномочия прокурора при производстве по административным правонарушениям весьма обширны: они могут возбуждать производство, подавать протесты на незаконные постановления, требовать документы и объяснения от должностных лиц органов, рассматривающих дела об административных правонарушениях, инициировать проверки и требовать устранения выявленных нарушений законности [7]. Право прокурора на возбуждение производства регулируется ст. 28.4 КоАП и распространяется на случаи выявления фактов нарушения законодательства в ходе проверок и расследований. Следует отметить, что существует перечень дел, относящихся к исключительной компетенции органов прокуратуры, что подчеркивает их значимость в системе контроля за законностью обращения с административными делами и предотвращением злоупотреблений.

Цифровизация административного производства, инициированная на федеральном уровне в 2024-2025 годах, представляет собой комплексное преобразование всех аспектов взаимодействия между участниками производства и государственными органами. Согласно Федеральному закону № 59-ФЗ от 7 апреля 2025 года и принятым в его развитие подзаконным актам, участники административного производства получили право подавать процессуальные документы в электронной форме через портал государственных услуг (Госуслуги) и специализированные системы электронного документооборота [5, 9]. Такое нововведение охватило подачу исков, жалоб, возражений, ходатайств, доказательств и иных документов, необходимых для надлежащего участия в деле. Использование усиленной квалифицированной электронной подписи, автоматизированной системы идентификации через Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА) и Единую биометрическую систему (ЕБС) обеспечивает высокий уровень безопасности и достоверности передаваемых данных [7].

Еще одним из наиболее значимых преимуществ цифровизации является возможность дистанционного участия лиц в судебных заседаниях через веб-конференцсвязь и видеосвязь. Такое решение на наш взгляд, существенно расширяет доступ к правосудию для граждан и организаций, находящихся на значительном расстоянии от судебных органов, снижает транспортные издержки и временные затраты на участие в заседаниях, а также повышает оперативность рассмотрения дел, поскольку электронный документооборот способствует также сокращению объёма бумажной работы, оптимизации процессов управления документами в судебных органах и улучшению взаимодействия между различными инстанциями.

Но, несмотря на явные преимущества цифровизации, её внедрение в практику административного производства сталкивается с серьёзными практическими и организационными вызовами, которые требуют пристального анализа и комплексного решения. Первостепенной проблемой является техническая неготовность части судебной системы, особенно в регионах, к полному переходу на электронный формат обработки документов и проведения заседаний, многие районные и городские суды, расположенные в небольших муниципальных образованиях, не обладают достаточным оборудованием, современным программным обеспечением, стабильным и высокоскоростным интернет-каналом, необходимыми для обеспечения качественной видеоконференцсвязи и безопасного хранения электронных документов, что, в свою очередь, создаёт практическую невозможность полного использования новых цифровых механизмов и порождает неравномерность в доступе к правосудию между населением мегаполисов и жителями малонаселённых пунктов.

Второй важной проблемой на наш взгляд, является недостаточная цифровая грамотность значительной части участников административного производства, включая рядовых граждан, работников мелких и средних организаций, а также некоторых должностных лиц органов, осуществляющих производство, поскольку многие люди испытывают затруднения при работе с электронными сервисами, с использованием электронной подписи, с навигацией по порталу государственных услуг, что может привести к невозможности надлежащего участия в судебном процессе и нарушению их процессуальных прав. Такая проблема требует масштабных инициатив по обучению и повышению компетентности населения в области использования цифровых сервисов, что требует значительных финансовых и организационных ресурсов [9].

Третья группа вызовов связана с обеспечением защиты персональных данных и безопасности информации, передаваемой в электронном виде через портал государственных услуг и системы электронного документооборота. Хранение и обработка сведений об административных правонарушениях, персональных данных участников производства, фотографий и видеоматериалов в электронном виде требует надёжных механизмов защиты от несанкционированного доступа, утечек информации и взлома систем, поскольку несмотря на использование шифрования и двухфакторной аутентификации, всегда существует риск нарушения конфиденциальности, что может привести к нанесению вреда правам и законным интересам лиц.

И, наконец, последней проблемой, на которую нам бы хотелось обратить внимание, является обеспечение возможности надлежащего обжалования электронных постановлений и развитие механизмов судебного контроля над автоматизированными решениями, принятыми информационными системами без непосредственного участия человека. Ведь в некоторых случаях системы автоматического анализа документов или определения размера штрафа могут допустить ошибки или применить норму закона неправильно, и выявление и исправление таких ошибок может быть затруднено. Поэтому необходима разработка специальных механизмов, позволяющих участникам процесса эффективно оспаривать решения, принятые с участием искусственного интеллекта или автоматизированных систем.

Вместе с тем необходимо отметить, что сторонники цифровизации правомерно указывают на её значительный потенциал. При правильном внедрении электронный документооборот и дистанционное участие в судебных заседаниях действительно способны существенно сократить сроки рассмотрения дел, снизить издержки как для государства, так и для участников процесса, повысить прозрачность судебных процедур и улучшить качество правосудия. Практика применения новых механизмов в передовых судебных учреждениях свидетельствует об эффективности электронного документооборота и возможности стабильного функционирования видеоконференцсвязи при надлежащем техническом обеспечении. Важным фактором успеха является разработка и утверждение федеральным и региональными уровнями власти комплексных программ развития судебной инфраструктуры, подготовки и переподготовки судей и сотрудников судебных аппаратов, стандартизация процедур работы с электронными системами. Такие инициативы уже реализуются в некоторых регионах и демонстрируют положительные результаты в виде ускорения рассмотрения дел и повышения удовлетворённости граждан качеством правосудия [9].

Таким образом, мы видим, что производство по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации находится на этапе динамичной трансформации, обусловленной необходимостью адаптации к современным технологическим и социальным изменениям. Анализ актуального состояния административного производства показывает, что основные вызовы, стоящие перед системой, связаны с внедрением цифровых технологий, обеспечением надлежащей защиты прав участников процесса и гармонизацией между эффективностью и справедливостью судопроизводства. Несмотря на серьёзные практические трудности, цифровизация административного производства остаётся стратегической целью и требует системного подхода, включающего не только техническое оснащение судов и развитие информационной инфраструктуры, но и изменение организационной культуры судебной системы, подготовку кадров и разработку единообразных стандартов. Второй, сделанный нами вывод, касается необходимости расширения поддержки и обучения населения в области использования электронных сервисов и цифровых платформ для участия в административном производстве, поскольку цифровизация не должна приводить к ограничению доступа к правосудию [9]. А так же важно подчеркнуть необходимость усиления прокурорского надзора в условиях внедрения новых технологий, поскольку прокурор остаётся гарантом законности и объективности производства.

На основе проведённого исследования могут быть предложены следующие рекоменда-

ции. Во-первых, необходимо ускорить разработку и принятие подробных методических указаний и рекомендаций, регламентирующих использование информационных систем в производстве по делам об административных правонарушениях, с целью обеспечения единообразного применения норм закона на всей территории Российской Федерации. Во-вторых, следует осуществить масштабную программу повышения технической оснащённости судебных органов, особенно в регионах, с выделением достаточных финансовых ресурсов на закупку оборудования и внедрение современного программного обеспечения. В-третьих, целесообразно организовать систематическое обучение и переподготовку судей, работников судебных аппаратов, представителей органов прокуратуры и органов, осуществляющих производство по административным правонарушениям, с целью повышения их компетентности в использовании цифровых технологий. В-четвёртых, необходимо разработать и реализовать программы просвещения и информирования населения и организаций о возможностях электронного документооборота и дистанционного участия в судебном процессе, преодолевая барьеры цифровой неграмотности. В-пятых, следует уделить особое внимание совершенствованию механизмов защиты персональных данных и обеспечению возможности эффективного обжалования решений, принятых с использованием автоматизированных систем.

Надлежащее внедрение этих рекомендаций позволит, на наш взгляд, сделать цифровизацию административного производства полноценным инструментом повышения качества, справедливости и доступности административного судопроизводства в Российской Федерации, обеспечивая баланс между инновациями и защитой конституционных прав всех участников процесса.

Список литературы:

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1. – Доступно: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/

[2] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : федер. закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391. – Доступно: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/

[3] Федеральный закон от 07.04.2025 № 59-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации в части электронного документооборота» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 15. – Доступно: https://www.consultant.ru/

[4] В. В. Шанько, Понятийные и методологические подходы к проблемам современного правопонимания / Е. Г. Светличный, // Философия права. – 2021. – № 3(98). – С. 64-67. – EDN UQHBBU.

[5] Должиков, А. В. Система общих принципов административного права: отечественные традиции и сравнительные подходы / А. В. Должиков // Административное право и процесс. – 2025. – № 3. – С. 21–28.

[6] Ковалишина К. В., Евсикова Е. В. Проблемы осуществления производства по делам об административных правонарушениях в условиях цифровизации // Образование и право. 2023. №1.

[7] Джейранова З. Р., Мартиросян Г. Е. Внедрение электронного документооборота в органах прокуратуры низового звена: история, достижения, проблемы и перспективы // СП. 2020. №2.

[8] Цифровизации КоАП не хватило организационного фундамента / Емельяненко А. А. // Независимая газета. – 2025. – 19 окт. – С. 8. – Доступно: https://www.ng.ru/politics/2025-10-19/3_9362_polit2.html

[9] На ПМЮФ-2025 поднимут вопрос о цифровизации судебной системы и развитии административного правосудия / Юридический портал «Право.РУ» // Право.РУ : информ. портал. – 2025. – 15 авг. – Доступно: https://pravo.ru/lf/news/258608/

References:

[1] Code of Administrative Offences of the Russian Federation: feder. Law of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended by 31.07.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. - No. 1 (part 1). - Art. 1. – Доступно: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/

[2] Code of Administrative Procedure of the Russian Federation: feder. Law of 08.03.2015 No. 21-FZ (as amended by 30.12.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2015. – № 10. - Art. 1391. – Доступно: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/

[3] Federal Law of 07.04.2025 No. 59-FZ “On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in terms of electronic document management “//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2025. – № 15. – Доступно: https://www.consultant.ru/

[4] V.V. Shanko, Conceptual and methodological approaches to the problems of modern legal understanding/E. G. Svetlichny ,//Philosophy of law. – 2021. – № 3(98). - S. 64-67. – EDN UQHBBU.

[5] Dolzhikov, A. V. System of general principles of administrative law: domestic traditions and com-

parative approaches/A. V. Dolzhikov//Administrative law and process. – 2025. – № 3. - S. 21-28.

[6] Kovalishina K.V., Evsikova E.V. Problems of carrying out proceedings on cases of administrative offenses in the context of digitalization//Education and law. 2023. №1.

[7] Z. R. Jeyranova, G. E. Martirosyan. Introduction of electronic document management in the lower level prosecution authorities: history, achievements, problems and prospects//SP. 2020. №2.

[8] Digitalization of the Administrative Code lacked an organizational foundation/A. Emelianenko// Nezavisimaya Gazeta. – 2025. - October 19 - S. 8. - Available: https://www.ng.ru/politics/2025-10-19/3_9362_polit2.html

[9] The issue of digitalization of the judicial system and the development of administrative justice will be raised at PMYUF-2025/Legal portal "Право. РУ "// Право.РУ: inform. portal. – 2025. - Aug 15 - Available: https://pravo.ru/lf/news/258608/

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-359-363

РЯПУХИНА Ирина Анатольевна.
профессор кафедры административно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: v.shanko@mail.ru

СОПИГА Вячеслав Анатольевич,
доцент кафедры информационного
обеспечения органов внутренних дел
Уральского юридического института МВД России,
младший лейтенант полиции,
кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент,
e-mail: a44a33@mail.ru

ШАНЬКО Виктор Викторович,
Заместитель начальника кафедры специальных дисциплин
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России,
Кандидат педагогических наук, доцент,
полковник полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru

КОНТРОЛЬ И НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретико-правовые и организационные основы контроля и надзора за соблюдением прав человека в административной деятельности полиции Российской Федерации. Анализируются особенности реализации полицейских полномочий, сопряжённых с возможностью ограничения конституционных прав и свобод граждан, а также исследуются основные формы внутриведомственного и внешнего контроля. Особое внимание уделяется прокурорскому надзору, судебному контролю, деятельности Уполномоченного по правам человека и механизмам общественного контроля. Раскрывается значение международно-правовых стандартов в формировании национальной практики защиты прав личности. Делается вывод о комплексном характере системы гарантий законности в административной деятельности полиции и необходимости её дальнейшего совершенствования в целях повышения эффективности защиты прав и свобод человека.*

Ключевые слова: *права человека, полиция, административная деятельность, контроль, надзор, прокурорский надзор, судебная защита, общественный контроль, законность, правовое государство.*

RYAPUKHINA Irina Anatolyevna,
professor, Department of Administrative and Legal Disciplines,
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after I.D. Putilin,
Candidate of Law, Associate Professor

SOPIGA Vyacheslav Anatolyevich,
associate Professor,
Department of Information Support
for Internal Affairs Bodies, Ural Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Junior
Police Lieutenant, Candidate of Agricultural Sciences,
Associate Professor

SHANKO Viktor Viktorovich,
deputy Head of the Department of Special Disciplines,
Crimean Branch of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor, Police Colonel

CONTROL AND SUPERVISION OF HUMAN RIGHTS IN POLICE ADMINISTRATIVE ACTIVITIES

Annotation. *The article examines the theoretical, legal and organizational foundations of control and supervision over the observance of human rights in the administrative activities of the police in the Russian Federation. The study analyzes the specific features of police powers that may involve restrictions of constitutional rights and freedoms, as well as the main forms of internal and external oversight. Particular attention is paid to prosecutorial supervision, judicial review, the activities of the Commissioner for Human Rights, and mechanisms of public control. The role of international legal standards in shaping national human rights protection practices is also highlighted. The author concludes that the system of guarantees of legality in police administrative activities has a comprehensive character and requires further improvement to enhance the effectiveness of human rights protection.*

Key words: *human rights, police, administrative activity, control, supervision, prosecutorial oversight, judicial protection, public control, legality, rule of law.*

Проблематика обеспечения и защиты прав человека в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации сохраняет устойчивую актуальность в условиях развития правового государства и совершенствования механизмов публичного управления. Полиция, осуществляя административную деятельность, наделена значительным объемом публично-властных полномочий, сопряжённых с возможностью ограничения конституционных прав и свобод граждан. В этой связи особое значение приобретает формирование эффективной системы контроля и надзора за соблюдением прав человека в административной деятельности полиции как гарантии законности, справедливости и соразмерности вмешательства государства в сферу частных интересов. Конституция Российской Федерации закрепляет приоритет прав и свобод человека и гражданина, их непосредственное действие и обязанность государства обеспечивать их защиту [1]. Соответственно, вся административная деятельность полиции должна осуществляться с учетом конституционных принципов законности, равенства, гуманизма и уважения достоинства личности.

Административная деятельность полиции представляет собой совокупность управленческих, профилактических и юрисдикционных действий, направленных на охрану общественного порядка, обеспечение общественной безопасности и предупреждение правонарушений, она включает в себя реализацию контрольно-надзорных полномочий, применение мер административного пресечения, производство по делам об административных правонарушениях, а также осуществление разрешительной и регистрационной деятельности. Федеральный закон «О полиции» определяет основные направления деятельности полиции и прямо устанавливает обязанность сотрудников уважать и соблюдать права и свободы человека и гражданина, исходить из принципов законности, гуманизма и соразмерности вмешательства в сферу частных интересов [2]. Более того, законодатель подчеркивает приоритет прав и свобод личности при осуществлении любых полицейских полномочий, что предполагает необходимость строгого соблюдения процессуальных гарантий, предусмотренных административным и конституционным законодательством.

При этом реализация таких полномочий, как проверка документов, доставление, административное задержание, личный досмотр, применение физической силы, специальных средств и иных мер административного принуждения, объективно создает риск чрезмерного или неправомерного ограничения прав личности, включая право на свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни и достоинство личности, поскольку специфика административной деятельности полиции заключается в оперативности принимаемых решений и значительном объеме дискреционных полномочий, что при отсутствии должного контроля может привести к произвольному толкованию норм права и злоупотреблению властью. Именно поэтому институты контроля и надзора выступают необходимым элементом механизма обеспечения прав человека, обеспечивая баланс публичных и частных интересов, формируя систему правовых

гарантий от необоснованного вмешательства государства и способствуя укреплению принципа ответственности органов внутренних дел перед обществом и законом.

Контроль в сфере деятельности полиции носит многоуровневый характер и реализуется посредством совокупности организационных и правовых механизмов, обеспечивающих соблюдение требований законодательства и служебной дисциплины. При этом внутриведомственный контроль осуществляется руководителями органов внутренних дел различных уровней, подразделениями собственной безопасности, кадровыми и инспекционными службами, а также иными специализированными структурами, уполномоченными на проведение служебных проверок и оценку законности действий сотрудников и направлен на предупреждение нарушений дисциплины и законности, анализ правоприменительной практики, оценку обоснованности применения мер административного принуждения, соблюдение процессуальных сроков и порядка оформления процессуальных документов. Существенное значение имеет также контроль за рассмотрением обращений граждан, анализ жалоб и заявлений, выявление типичных нарушений и разработка мер по их устранению.

Внутриведомственный контроль включает в себя плановые и внеплановые проверки, служебные расследования, аттестационные процедуры, а также оценку профессиональной подготовки сотрудников с точки зрения знания ими правовых стандартов защиты прав человека, поскольку он выполняет не только карательную, но и превентивную функцию, способствуя формированию устойчивых навыков правомерного поведения, повышению уровня правовой культуры и служебной ответственности, он выполняет не только карательную, но и превентивную функцию, способствуя формированию устойчивых навыков правомерного поведения. Как справедливо отмечает В. В. Шанько эффективное управление подразделениями органов внутренних дел невозможно без чёткой регламентации полномочий и организации постоянного контроля за законностью принимаемых решений [3], что подчёркивает неразрывную связь управленческих процедур и гарантий соблюдения прав человека. Вместе с тем внутренняя система контроля, будучи элементом организационной структуры МВД России, не может рассматриваться как единственная и самодостаточная гарантия соблюдения прав человека, поскольку предполагает институциональную подчиненность проверяющих подразделений общему управленческому центру и наличие ведомственной корпоративности. В условиях административной иерархии сохраняется риск формального подхода к оценке нарушений либо смещения акцентов с защиты прав граждан на поддержание показателей служебной эффективности. Данное обстоятельство объективно обусловливает необходимость сочетания внутриведомственных механизмов с независимыми формами внешнего контроля и надзора, обеспечивающими дополнительную степень объективности и публичности оценки деятельности полиции.

Внешний государственный контроль реализуется через парламентские механизмы, судебный контроль и прокурорский надзор, где особое значение имеет прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и административное производство. В соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» органы прокуратуры осуществляют надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина федеральными органами исполнительной власти, включая органы внутренних дел [4]. Прокурор вправе вносить представления, приносить протесты, возбуждать дела об административных правонарушениях и обращаться в суд в защиту прав граждан. Данный механизм обеспечивает независимую оценку законности действий полиции.

Судебный контроль является ключевым элементом защиты прав человека в административной сфере, поскольку кодекс административного судопроизводства Российской Федерации закрепляет право граждан обжаловать действия (бездействие) органов государственной власти и их должностных лиц, если они нарушают права, свободы и законные интересы [5]. Судебное рассмотрение жалоб на незаконные действия сотрудников полиции способствует формированию единообразной практики и укреплению принципа ответственности государства перед гражданином. В правоприменительной практике судов общей юрисдикции значительное место занимают дела, связанные с оспариванием постановлений по делам об административных правонарушениях, признанием незаконными задержаний и применением физической силы.

Дополнительным институтом контроля выступает деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, статус, компетенция и гарантии независимости которого закреплены федеральным конституционным законом [6]. Институт омбудсмена призван обеспечивать дополнительные вневедомственные гарантии защиты прав и свобод личности во взаимоотношениях с органами публичной власти, уполномоченный рассматривает жалобы граждан на решения и действия (бездействие) государственных органов и должностных лиц, включая сотрудников полиции, вправе запрашивать необходимые документы и сведения, посещать

органы и учреждения без специального разрешения, направлять заключения и рекомендации по устранению выявленных нарушений. Существенное значение имеет и аналитическая функция данного института, выражающаяся в подготовке ежегодных докладов о состоянии соблюдения прав человека, в которых нередко отражаются проблемы административной практики органов внутренних дел. Несмотря на отсутствие властных полномочий по привлечению виновных лиц к юридической ответственности, деятельность Уполномоченного способствует публичности и транспарентности административной практики, формированию общественной оценки действий полиции и выработке предложений по совершенствованию законодательства и правоприменения. Тем самым данный институт усиливает превентивный компонент системы контроля, ориентированный на предупреждение повторных нарушений и развитие стандартов правомерного поведения должностных лиц.

Международно-правовые стандарты также оказывают существенное влияние на формирование и развитие системы контроля за деятельностью полиции, определяя минимальные гарантии защиты прав личности при осуществлении публично-властных полномочий. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод закрепляет обязанность государства обеспечивать каждому эффективные средства правовой защиты в случае нарушения его прав, а также устанавливает требования к законности и обоснованности ограничения права на свободу и личную неприкосновенность [7]. Практика Европейского суда по правам человека сформировала устойчивые подходы к оценке правомерности применения физической силы и специальных средств, длительности и условий административного задержания, обеспечению процессуальных гарантий при рассмотрении дел об административных правонарушениях. В решениях Суда подчеркивается необходимость строгой пропорциональности вмешательства публичной власти, обязательность эффективного расследования жалоб на жестокое или унижающее достоинство обращение, а также недопустимость произвольного ограничения свободы. Указанные стандарты, будучи частью международных обязательств Российской Федерации, учитываются национальными судами и органами прокуратуры при рассмотрении соответствующих дел, способствуют унификации правоприменительной практики и ориентируют органы внутренних дел на соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права.

Еще одним значимым направлением развития современной системы гарантий выступает общественный контроль, реализуемый посредством деятельности общественных советов при органах внутренних дел, институтов гражданского общества, правозащитных объединений, а также средств массовой информации. При этом отметим, что данный вид контроля основан на принципах гласности, прозрачности и подотчётности публичной власти обществу, поскольку законодательство Российской Федерации закрепляет требования открытости информации о деятельности полиции, за исключением сведений ограниченного доступа, тем самым обеспечивает возможность общественной оценки правоприменительной практики. Общественные советы участвуют в обсуждении проектов нормативных правовых актов, анализируют обращения граждан, содействуют выработке рекомендаций по совершенствованию служебной деятельности, а правозащитные организации и журналистское сообщество, выявляя случаи возможных нарушений, способствуют привлечению внимания к проблемным аспектам реализации административных полномочий. Но, при этом общественный контроль не заменяет государственные формы надзора и не обладает властно-принудительными средствами воздействия, однако он усиливает их превентивный и корректирующий потенциал, формируя атмосферу публичной ответственности и стимулируя соблюдение правовых стандартов.

Мы видим, что комплексный анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет утверждать, что система контроля и надзора за соблюдением прав человека в административной деятельности полиции строится на сочетании внутриведомственных, межведомственных и внешних механизмов правовой защиты. Эффективность данной системы во многом обусловлена наличием чётко регламентированных процессуальных гарантий, включающих обязанность должностных лиц мотивировать принимаемые решения, разъяснять гражданам их права и порядок их обжалования, обеспечивать доступ к квалифицированной юридической помощи и судебной защите. Существенное значение здесь имеет и соблюдение принципа соразмерности при применении мер административного принуждения, а также фиксация действий сотрудников полиции с использованием современных технических средств. В то же время сохраняется объективная необходимость дальнейшего совершенствования нормативного регулирования, унификации процедур, повышения прозрачности административных процессов и расширения использования цифровых инструментов контроля, способных обеспечить дополнительную защиту прав граждан и повысить доказательственную определённость при рассмотрении жалоб.

Таким образом, очевидно, что контроль и надзор за соблюдением прав человека в административной деятельности полиции следует рассматривать как сложную, многоуровневую систему правовых и организационных средств, ориентированную на обеспечение законности, предупреждение злоупотреблений и восстановление нарушенных прав, где внутриведомственный контроль, прокурорский надзор, судебная защита, деятельность Уполномоченного по правам человека и механизмы общественного участия образуют взаимодополняющие элементы единого гарантийного механизма, функционирование которого направлено на поддержание баланса публичных и частных интересов. Их согласованное и последовательное применение способствует укреплению принципов правового государства, формированию устойчивых стандартов правоприменения, повышению уровня доверия граждан к органам внутренних дел и обеспечению реальной, а не декларативной защиты конституционных прав и свобод личности.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм. и доп.). URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 26.02.2026).

[2] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. действующая). URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 26.02.2026).

[3] Шанько, В. В. Варианты управления подразделениями органов внутренних дел, привлекаемыми к выполнению оперативно-служебных задач, в рамках обеспечения общественного порядка: Учебно-методическое пособие / В. В. Шанько, В. В. Хорольский, В. В. Шабаев. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – 48 с.

[4] Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. действующая). URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 26.02.2026).

[5] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. действующая). URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 26.02.2026).

[6] Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (ред. действующая). URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 26.02.2026).

[7] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04.11.1950). URL: https://www.echr.coe.int (дата обращения: 26.02.2026).

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments and additions). URL: http://publication.pravo.gov.ru (access date: 26.02.2026).

[2] Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ “On the Police” (as amended). URL: http://publication.pravo.gov.ru (access date: 26.02.2026).

[3] Shanko, V.V. Management options for units of internal affairs bodies involved in the performance of operational and official tasks, as part of ensuring public order: Educational and methodological manual/V.V. Shanko, V.V. Khorolsky, V.V. Shabaev. - Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. - 48 s.

[4] Federal Law of 17.01.1992 No. 2202-1 “On the Prosecutor’s Office of the Russian Federation” (as amended). URL: http://publication.pravo.gov.ru (access date: 26.02.2026).

[5] Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated 08.03.2015 No. 21-FZ (as amended). URL: http://publication.pravo.gov.ru (access date: 26.02.2026).

[6] Federal Constitutional Law of 26.02.1997 No. 1-FKZ “On the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation” (as amended). URL: http://publication.pravo.gov.ru (access date: 26.02.2026).

[7] Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Rome, 04.11.1950). URL: https://www.echr.coe.int (access date: 26.02.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-364-368

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат юридических наук,
e-mail: yutish@list.ru

ПРОФИЛАКТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ, ЗАСТУПАЮЩИХ НА СЛУЖБУ С ОРУЖИЕМ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос профилактики деятельности сотрудников, заступающих на службу с оружием. Предлагаются следующие психокоррекционные мероприятия, направленные на предупреждение формирования негативных эмоциональных состояний у сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС), заступающих на службу с оружием.*

Ключевые слова: *психокоррекция, уголовно-исполнительная система, оружие профилактика, эмоциональное состояние.*

TISHCHENKO Yuri Yurievich,
leading researcher,
Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Legal Sciences

PREVENTION OF ACTIVITIES OF EMPLOYEES WHO TAKE UP SERVICE WITH WEAPONS

Annotation. *The article discusses the issue of prevention of activities of employees who take up service with weapons. The following psychocorrectional activities are proposed, aimed at preventing the formation of negative emotional states in employees of the penal system (US,) who take up service with weapons.*

Key words: *psychocorrection, penal system, weapon prevention, emotional state.*

В результате проведенного исследования было выявлены негативные эмоциональные состояния у сотрудников УИС, заступающих с оружием, которые снижают качество исполнения ими обязанностей по должности.

Именно поэтому, мы предлагаем следующие психокоррекционные мероприятия, направленные на предупреждение формирования этих негативных эмоциональных состояний у сотрудников УИС, заступающих на службу с оружием

Упражнения, рекомендуемые для использования в групповых тренингах по обучению сотрудников навыкам психологической саморегуляции.

В настоящее время служба в уголовно-исполнительной системе характеризуется резким возрастанием информационных и эмоциональных нагрузок, усложнением межличностных отношений, которые предъявляют повышенные требования к сотрудникам всех звеньев систем правоохранительных органов. Эти требования приобретают особое значение, поскольку деятельность работников уголовно-исполнительной системы протекает в жестких условиях реализации властных полномочий, столкновения с теневыми сторонами жизни, связана с применением оружия. В экстремальных ситуациях сотруднику необходимо мгновенно оценить ситуацию, принять правильное решение и при этом иметь адекватное поведение. И, в современных условиях социальной напряженности, характерной для всего общества в целом, поддержание высокой степени боеготовности и работоспособности личного состава достигается ценой значительного нервно-эмоционального напряжения, которое приводит к развитию профессиональной патологии, росту хронической общесоматической патологии.

В связи с этим, возникла необходимость обучения сотрудников навыкам психологической саморегуляции, трансформации негативных переживаний, в положительные эмоциональные состояния.

С этой целью разработана специальная программа приемов аутотренинга, медитацион-

ных и релаксационных техник, которая была апробирована на сотрудниках, проходивших подготовку в исправительном учреждении. Регулярное выполнение предложенных техник и упражнений позволит сотрудникам оценить свое психоэмоциональное состояние, скорректировать его, выработать навыки адекватного поведения в стрессовых ситуациях, обрести уверенность в себе. Преимущество данных методов снятия психоэмоционального напряжения в их доступности, возможности применения в обычных условиях, а также в том, что сотрудники сами могут отслеживать результаты.

Обучение сотрудников упражнениям, возможно при проведении занятий по профессионально-психологической подготовке, или на специальных занятиях, как в группе, так и индивидуально.

Важным условием проведения занятий является спокойная обстановка, исключающая яркий свет, шумы, дефицит времени. Для усиления эффекта упражнений желательно использовать спокойную, мягкую музыку. Во время одного занятия использовать не более двух упражнений.

Кроме того, для контроля за правильностью применения сотрудниками психологических приемов, рекомендуется обучить их оценивать и описывать свое психоэмоциональное состояние до выполнения ими упражнения и после (устно или письменно).

Аутотренинговые упражнения.

«Сеанс психофизической настройки».

Цель: расслабление, оздоровление, нервно-психическое равновесие, через дыхание активизация функций внутренних органов.

Продолжительность: 10—12 мин.

Процедура:

– Устройтесь удобно, расслабьте все мышцы. Вам хочется отдохнуть, Вы устали... Выдох-удлиняется... После выдоха несколько секунд не дышите. Во время удлиненного выдоха тихая, медленная волна перекатывается внутри вас, освобождая от внутреннего напряжения...
– Мышцы расслаблены, веки опущены... Вам приятно находиться в состоянии покоя. Мозг отдыхает, нервы успокаиваются, силы восстанавливаются...
– Ваше сознание, как мягкое облачко над лучезарным морем... Море красиво, волны катятся, бьются о берег... Солнечный луч радостно бежит по брызгам волн... Белая чайка в небе спокойно кружит... Пахнет свежестью и морем...
– Вы – птица... Ваши крылья – это вера в себя, силу мозга, уверенность и жизнерадостность.
– Ваше сердце мерно стучит... Вам легко дышится... Медленно повторяйте следующие фразы: «Я могу легко отвлекаться от тревожных мыслей... Энергия восстанавливается с избытком... Мне становится все лучше и лучше... Я могу быть со всеми приветливым, терпеливым, добрым... Я бодр и творчески настроен... Я отдохнул... Я полон энергии, я уверен в своих силах и призвании...»

Сеанс подходит к концу:

«Я считаю с трех до одного... «Три» – сонливость проходит, «два» – я потягиваюсь, «один» – я бодр и полон сил!»

Потянитесь. Глубже подышите... Улыбнитесь! Встаньте.

«Приятный сон».

Цель: снятие психомышечного напряжения, отдых, восстановление сил, мобилизация.

Продолжительность: 10 мин.

Процедура: Примите удобную позу, закройте глаза, успокойтесь. Медленно мысленно произнесите словесные формулы:

– Я спокоен. Мои мышцы расслаблены... Я отдыхаю...
– Дышу спокойно. Мое сердце успокаивается... Оно бьется легко и ровно... Я совершенно спокоен.
– Моя правая рука расслаблена... Моя левая рука расслаблена... Руки расслаблены... Плечи расслаблены и опущены...
– Моя правая рука теплая... Моя левая рука теплая... Чувствую приятное тепло в руках...
– Моя правая рука тяжелая... Моя левая рука тяжелая.,. Чувствую тяжесть рук...
– Расслаблены мышцы правой ноги... Расслаблены мышцы левой ноги... Мои ноги расслаблены...
– Мои ноги теплые... Приятное тепло ощущаю в ногах... Я отдыхаю...
– Мое тело расслаблено... Расслаблены мышцы спины... Расслаблены мышцы живота... Чувствую приятное тепло во всем теле... Мне легко и приятно... Я отдыхаю...
– Веки опущены... Расслаблены мышцы рта... Мой лоб прохладен... Я отдыхаю... Я спокоен...
– Чувствую себя отдохнувшим... Дышу глубоко... Потягиваюсь... Открываю глаза. Чувствую свежесть и прилив сил... Я бодр и свеж.

«Мобилизация».

Цель: восстановление сил, общая готовность к продолжению ранее выполняемой работы.

Необходимое время: 5 мин.

Процедура:

Сделайте глубокий вдох – выдох. Повторите 5 раз. Мысленно повторите следующие словесные формулы:

– «Я хорошо отдохнул...»
– «Мои силы восстановились...»
– «Во всем теле ощущаю прилив энергии...»
– «Мысли четкие, ясные...»
– «Мышцы наполняются жизненной силой...»
– «Я готов действовать... Я словно принял освежительный душ...»
– «По всему телу пробегает приятный озноб и прохлада...»
– «Делаю глубокий вдох... Резкий выдох... Прохлада...»
– «Поднимаю голову (или встаю) ... Открываю глаза...

Медитативные техники.

«Концентрация на медитативном дыхании» (дыхательная техника).

Цель: Полное расслабление, ритмизация дыхательного процесса, повышение внутренней стабильности, достижение гармонии эмоциональных реакций.

Необходимое время: 3-5 мин.

Процедура:

Примите удобную позу. Расслабьте тело. Внимание направьте на дыхание. Постарайтесь не менять естественный тип дыхания, а только следите за ним. Говорите себе: «Я чувствую свой вдох... чувствую выдох...»

После регулярных тренировок периоды рассеянности сокращаются, а периоды концентрации увеличиваются.

Примечание: несмотря на элементарность, это упражнение является одной из самых эффективных дыхательных техник

«Высокая энергия» (зрительная техника).

Цель: заряд краткосрочной энергии и ее оптимальное использование.

Необходимое время: 3 мин.

Процедура:

Представьте себе яркое ночное небо. Выберите себе самую яркую звезду. А теперь… проглотите ее... Она взрывается в Вас, наполняя весь организм энергией. Энергия проникает во все клетки Вашего организма, наполняя его жаждой что-то сделать, изменить, поправить. Смелее, не ждите, действуйте!

«Целительные воспоминания» (зрительная техника).

Цель: актуализация положительных эмоций, восстановление внутренних ресурсов, выведение из депрессивного состояния на уровень позитивного мышления.

Необходимое время: 5 мин.

Процедура: Сядьте удобно или лягте. Сделайте глубокий вдох, задержите дыхание на 10 секунд, затем выдохните. Повторите упражнение 3 раза. Возобновите естественный темп дыхания. С каждым вдохом чувствуйте, как расслабляются Ваше тело и сознание... Уплывают шум, звуки, лица, проблемы... Все дальше и дальше...

В прошлом с Вами произошло много приятных событий. Вы давно о них не вспоминали. Одни были значительные, другие – не очень. Но все они радовали, приносили счастье. Вспомните сейчас свой радостный день, верните к жизни шедшие часы, минуты, когда вы были счастливы, любимы, необходимы кому-то, довольны, веселы... Когда были окрылены успехом, достигнутой целью, были на вершине удачи. Переживите заново это счастливое прошлое, увидьте, слышьте, ощутите и почувствуйте. Не повторяйтесь, не торопитесь, дайте каждому образу возможность появиться вновь.

По окончании сеанса сосчитайте до пяти и медленно возвращайтесь к окружающей реальности.

«Избавление от тревог» (зрительная техника).

Цель: снятие тревоги, беспокойства, подготовка к ожидаемой стрессовой ситуации.

Необходимое время: 5-10 мин.

Процедура:

Расслабьтесь и представьте, что Вы сидите на чудесной зеленой лужайке в ясный солнечный день... Небо озарено радугой и частица этого сияния принадлежит Вам... Оно ярче тысяч солнц... Его лучи мягко и ласково пригревают Вашу голову, проникают в тело, разливаются по нему, все оно заполняется очищающим целительным светом, в котором растворяются Ваши огорчения и тревоги, все отрицательные мысли и чувства, страхи и предположения. Все нездоровые частицы покидают Ваше тело, превратившись в темный дым, который быстро рассеивает нежный ветер. Вы избавлены от тревог, Вы очищены, Вам светло и радостно!

«Хрустальное путешествие» (зрительная техника).

Цель: эмоциональный отдых, осознание своих проблем, их преодоление, получение положительных эмоций.

Необходимое время: индивидуально.

Процедура: Сядьте удобно, расслабьтесь, закройте глаза. Представьте себе следующее. Вы входите в весенний яблоневый сад, медленно идете по аллее, вдыхая запах нежных бело-розовых цветов и наслаждаясь им. По узкой тропинке вы подходи к калитке, открываете ее и попадаете на душистый зеленый луг. Мягкая трава качается, приятно жужжат насекомые, ветерок ласкает Ваше лицо, волосы... Перед Вами озеро…. Вода прозрачна и серебриста, гоняются друг за другом солнечные зайчики. Вы медленно идете к острову, идете к берегу вдоль озорного ручейка и подхо-

дите к водопаду... Вы входите в него, и сияющие струи очищают вас, наполняя силой и энергией... За водопадом – грот, тихий, уютный нем Вы остаетесь один на один с собой. А теперь пора возвращаться. Мысленно проделайте весь свой путь в обратном направлении, выйдите из яблоневого сада и только тог откройте глаза.

«Да - да - да» (голосовая техника).

Цель: трансформация негативных переживаний в положительные, настройка всего организма на благоприятное восприятие предстоящего события.

Необходимое время: 5-10 мин.

Процедура: В течении 5-10 мин постарайтесь ни на что не отвлекаться и проговаривать «да-да-да» с различными интервалами, интонацией и громкостью.

III. Релаксационные техники.

«Релаксация по «Бенсону».

Цель: расслабление, отдых, снятие напряжения.

Необходимое время: 5 мин.

Процедура: Сядьте удобно, закройте глаза, расслабьте руки, ноги, тело, лицо. Дышите через нос. Осознайте свое дыхание. После выдоха говорите про себя слово «один».

Например: вдох ... выдох – «один»; вдох ... выдох – «один»; и т.д. в течение 5 мин. Дышите легко и естественно.

Сохраните принятую позу. Через 5 мин откройте глаз медленно встаньте.

Примечание: Применять эту технику можно 1-2 раза в сутки в любое время, но не ранее чем через 2 ч после еды.

«Гора с плеч».

Цель: сброс психомышечного напряжения в области плевого пояса и спины, контроль за осанкой и уверенностью себе.

Необходимое время: 3 с.

Процедура: Выполняется стоя, можно на ходу. Максимально резко поднять плечи, широко развести их назад и опустить. Такой должна быть постоянно ваша осанка.

«Антистрессин».

Цель: расслабленное состояние.

Необходимое время: 15 мин.

Процедура: Примите удобное положение. Глубоко вдохнув, задержите ненадолго дыхание. Выдохните. Снова глубоко вдохните … задержите дыхание. Дышите нормально, сосредоточьте на этом внимание. При вдохе говорите себе: «Я», при выдохе – «расслаблен». Повторите упражнение 5 раз. В течение дня вы расходуете огромное количество энергии. Дайте возможность каждой мышце, каждой клеточке вдохнуть. Почувствуйте, как замедляется сознание, нет спешки, нет суеты. Вам никуда не надо идти, ничего не надо делать... Напряжение и огорчения постепенно покидают вас. При каждом вдохе воображайте, что вбираете с себя прелесть расслабления, а каждый выдох представьте себе как избавление от напряжения, усталости, тревоги... Вас окутывает ощущение умиротворения и покоя... Все так тихо, и спокойно. Тишина рождает чувство тепла, уверенности... вы раскованы, вы в полном согласии с самим собой и всем окружающим миром...

Техники лучше использовать в групповой работе под контролем психолога. Частота пульса после упражнений будет немного уменьшаться.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Дмитриев Г. Г. Коллектив сотрудников в уголовно-исполнительной системе / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. ежеквартальное научно-практическое издание. Москва, 2025. С. 67-71.

[2] Вилкова А. В., Фадеева С. А., Полякова Я. Н. Дополнительное профессиональное образование сотрудников уголовно-исполнительной системы // В сборнике: Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Владимир. 2025. С. 38-44.

[3] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Делинквентность несовершеннолетних социально-педагогическая запущенность / В сборнике 3 года вместе: закон, порядок, справедливость. Сборник научных статей Международного форума, посвященного Дню воссоединения ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей с Российской Федерацией. Луганск, 2025. С. 36-38.

[4] Казберов П.Н., Вилкова А. В. Системное планирование профессиональной подготовки пенитенциарных психологов к работе с лицами, осужденными за террористические и экстремистские преступления / В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 26-33.

[5] Вилкова А. В., Лещенко С. А. Неблагополучная семья как фактор дисгармоничного развития нравственного сознания личности / В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 105-111.

[6] Вилкова А. В., Кашкина Е. В. Самоутверждение несовершеннолетних правонарушителей: пути и средства / Международный научный вестник, № 8. 2025 С. 90-94.

[7] Мудрецы России под ред. Сапунов В. Б., Ермилова М. В., Колесов В. И. (2-е издание). Санкт-Петербург, 2023.

[8] Вилкова А. В. Хайрутдинова И. В., Якупов Ф. А. Русский жестовый язык – средство коммуникации или лингвистическая система? // Современное педагогическое образование. 2025. № 5. С. 60-64.

[9] Фадеева С. А., Мухин М. И., Угрюмов Ю. М., Чопик О. А. Государственно-политическое, духовно-нравственное и патриотическое воспитание работников УИС молодежного возраста. Тверь, 2025.

[10] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Основные трудности, ожидающие молодых ученых // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 3(25). С. 92-101.

[11] Vilkova A. Prerequisites, conditions and grounds for the removal of the criminal record: the prospects for the legislative improvement of the institute / A. V/ Vilkova // Military Law Review. 2018. № 1. C. 204.

References:

[1] Vilkova A. V., Dmitriev G. G. Collective of employees in the penitentiary system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. quarterly scientific and practical publication. Moscow, 2025. S. 67-71.

[2] Vilkova A. V., Fadeeva S. A., Polyakova Y. N. Additional professional education of employees of the penitentiary system//In the collection: Penitentiary and post-penitentiary resocialization of convicts: problems and prospects. Collection of scientific works of the international scientific-practical conference. Vladimir. 2025. S. 38-44.

[3] Vilkova A.V., Tishchenko Yu. Yu. Delinquency of minors social and pedagogical neglect/In the collection 3 years together: law, order, justice. Collection of scientific articles of the International Forum dedicated to the Day of reunification of the DPR, LPR, Zaporizhzhya and Kherson regions with the Russian Federation. Lugansk, 2025. S. 36-38.

[4] Kazberov P.N., Vilkova A.V. Systematic planning of professional training of penitentiary psychologists to work with persons convicted of terrorist and extremist crimes/In the collection: Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising studies. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 26-33.

[5] Vilkova A. V., Leshchenko S. A. Dysfunctional family as a factor in the disharmonious development of moral consciousness of the individual/In the collection: Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising research. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 105-111.

[6] Vilkova A. V., Kashkina E. V. Self-affirmation of juvenile offenders: ways and means/International Scientific Bulletin, No. 8. 2025 S. 90-94.

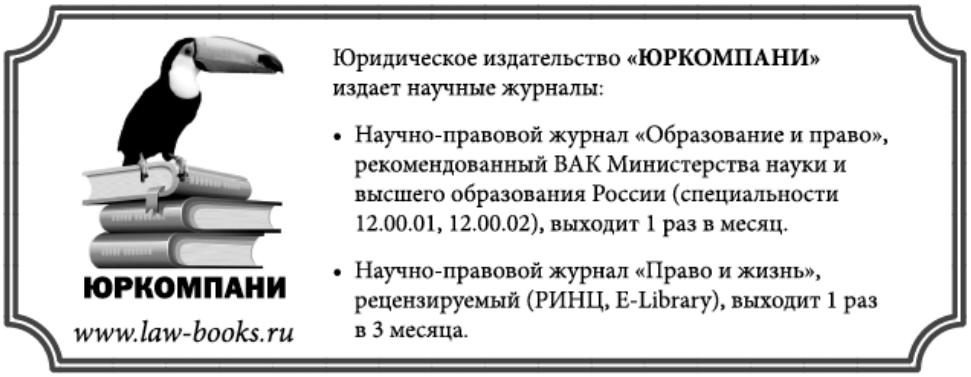
[7] Sages of Russia ed. Sapunov V. B., Ermilova M. V., Kolesov V. I. (2nd edition). St. Petersburg, 2023.

[8] Vilkova A.V. Khairutdinova I.V., Yakupov F.A. Russian sign language - a means of communication or a linguistic system ?//Modern pedagogical education. 2025. № 5. S. 60-64.

[9] Fadeeva S. A., Mukhin M. I., Ugryumov Yu. M., Chopik O. A. State-political, spiritual, moral and patriotic education of employees of the penal system of youth age. Tver, 2025.

[10] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The main difficulties awaiting young scientists//Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2025. № 3(25). S. 92-101.

[11] Vilkova A. Prerequisites, conditions and grounds for the removal of the criminal record: the prospects for the legislative improvement of the institute / A. V/ Vilkova // Military Law Review. 2018. № 1. C. 204.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-369-372

МАРКОВ Андрей Владимирович,
старший преподаватель кафедры
административной деятельности
Тверского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

СТРУКОВ Владислав Андреевич,
старший преподаватель кафедры
административной деятельности органов внутренних дел
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, майор полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

АРХИПОВА Оксана Анатольевна,
преподаватель кафедры административного
права и административной деятельности
Ставропольского филиала ФГКОУ ВО КрУ МВД России,
г. Ставрополь,
подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ВИДЫ, СТРУКТУРА, ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Аннотация. *В статье авторами рассмотрены понятие, особенности структуры законодательства об административных правонарушениях, ее место в системе российского права. В качестве основного объекта исследования выступают законы субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях, их виды, структура. Рассмотрены особенности содержания и применения законов субъектов РФ об административных правонарушениях в аспекте разграничения компетенции между федеральным и региональным уровнями, обозначена необходимость ее строгого соблюдения.*

Ключевые слова: *законодательство, право, структура, система, субъект, административное правонарушение, ответственность.*

MARKOV Andrey Vladimirovich,
Senior Lecturer at the Department of Administrative Activities
of the Tver Branch of the Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
Police Lieutenant Colonel

STRUKOV Vladislav Andreevich,
Senior Lecturer at the Department of Administrative Activities
of the Internal Affairs Bodies of the St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Law, Police Major

ARKHIPOVA Oksana,
Lecturer at the Department of Administrative
Law and Administrative Activities of the Stavropol Branch
of the Federal State Budgetary Educational Institution
of the Interior Ministry of the Russian Federation, Stavropol,
Police Lieutenant Colonel

TYPES, STRUCTURE, CONTENT, AND APPLICATION OF REGIONAL LAWS ON ADMINISTRATIVE OFFENSES

Annotation. *In the article, the authors consider the concept, the features of the structure of legislation on administrative offenses, its place in the system of Russian law. The main object of the study is the laws of the subjects of the Russian Federation on administrative offenses, their types, and structure. The features of the content and application of the laws of the subjects of the Russian Federation on administrative offenses in the aspect of the division of competence between the federal and regional levels are considered, and the need for its strict observance is outlined.*

Key words: *legislation, law, structure, system, subject, administrative offense, responsibility.*

Законодательство об административных правонарушениях представляет собой систему нормативных правовых актов, регулирующих основания и порядок привлечения к административной ответственности. Уникальной особенностью данного законодательства выступает его двухуровневая структура, которая отражает федеративное устройство Российского государства и позволяет сочетать единство правовых подходов с учетом региональной специфики.

На федеральном уровне центральное место занимает Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, принятый в 2001 году и вступивший в силу с 1 июля 2002 года. Он устанавливает общие положения и принципы административной ответственности, определяет систему административных наказаний и порядок их назначения, закрепляет процессуальные правила производства по делам об административных правонарушениях. Кодекс содержит обширный перечень составов административных правонарушений, посягающих на федеральные интересы и требующих единообразного регулирования на всей территории страны. Особенная часть КоАП охватывает нарушения в самых разных сферах: посягательства на права граждан, нарушения санитарно-эпидемиологических требований, правил дорожного движения, экологического законодательства, требований в области предпринимательской деятельности, таможенных правил, миграционного законодательства и многих других областей общественных отношений.

Региональный уровень законодательства об административных правонарушениях формируется законами субъектов Российской Федерации. Каждый регион вправе принять собственный закон или даже кодекс об административных правонарушениях, устанавливающий ответственность за деяния, не охваченные федеральным регулированием. Например, в Москве действует Закон города Москвы от 21 ноября 2007 года № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях», в Санкт-Петербурге принят Закон Санкт-Петербурга от 12 мая 2010 года №273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге», многие области и республики имеют собственные кодифицированные акты в этой сфере. Региональное законодательство позволяет оперативно реагировать на местные проблемы и особенности территории, устанавливать ответственность за нарушения, специфичные для конкретного субъекта Федерации.

Разграничение полномочий между федеральным и региональным уровнями основано на конституционном распределении предметов ведения. Установление общих принципов административной ответственности, определение видов наказаний, закрепление процедуры привлечения к ответственности относится исключительно к компетенции Федерации. Федеральный законодатель устанавливает ответственность за нарушение правил и норм, имеющих общегосударственное значение. Так, все нарушения Правил дорожного движения регулируются исключительно КоАП РФ, поскольку эти правила едины для всей страны и их соблюдение обеспечивает безопасность дорожного движения в масштабах государства. Аналогично федеральный законодатель устанавливает ответственность за нарушения в области охраны окружающей среды, санитарно-эпидемиологического благополучия, защиты прав потребителей, миграционного законодательства.

Субъекты Федерации получают право устанавливать административную ответственность в сферах, связанных с вопросами местного значения и охраной региональных интересов. Типичными примерами региональных правонарушений выступают нарушение правил благоустройства территории, когда речь идет о парковке транспортных средств на газонах, клумбах и других озелененных участках, порча зеленых насаждений, засорение территории бытовым мусором. Регионы устанавливают ответственность за нарушение тишины и покоя граждан в ночное время, когда определяют конкретные часы, в течение которых запрещено производить шумные работы или включать громкую музыку, например, в Ростове-на-Дону и Ростовской области действует областной закон от 25 октября 2002 года №273-

ЗС «Об административных правонарушениях», который регулирует вопросы тишины и покоя граждан. Многие субъекты вводят наказания за безбилетный проезд в общественном транспорте, появление в общественных местах в состоянии опьянения, нарушение правил торговли на рынках и в других местах, несанкционированное размещение рекламных конструкций. Региональное законодательство может устанавливать ответственность за нарушение правил содержания домашних животных, выгула собак, за разведение костров в неустановленных местах и другие деяния, затрагивающие интересы жителей конкретного региона.

Законы субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях представляют собой региональный уровень правового регулирования административной ответственности. Конституция РФ и КоАП РФ предоставляют субъектам Федерации право устанавливать административную ответственность за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъектов, нормативных правовых актов органов местного самоуправления. Эта компетенция позволяет регионам оперативно реагировать на местные проблемы и учитывать специфику территории при установлении административных запретов и санкций.

Компетенция субъектов Федерации в области установления административной ответственности четко ограничена федеральным законодательством. Регионы не могут вводить ответственность за деяния, которые уже предусмотрены КоАП РФ. Субъекты вправе устанавливать ответственность только в тех сферах, которые не урегулированы федеральным законодателем. Типичными сферами регионального регулирования выступают вопросы благоустройства территории, содержания объектов внешнего благоустройства, озеленения, охраны зеленых насаждений. Многие регионы устанавливают ответственность за нарушение тишины и покоя граждан в ночное время, определяя конкретные временные промежутки, в течение которых запрещается производить ремонтные работы, использовать звуковоспроизводящие устройства, устраивать шумные мероприятия. Распространенным объектом регионального регулирования является безбилетный проезд в общественном транспорте, когда субъект устанавливает размер штрафа за проезд без оплаты или по недействительному билету.

Нарушение правил торговли также часто регулируется региональным законодательством. Регионы устанавливают ответственность за торговлю в неустановленных местах, за нарушение санитарных требований на рынках, за несоблюдение правил организации ярмарок и выставок-продаж. Содержание домашних животных, выгул собак, нарушение правил обращения с животными в городской среде регулируются законами субъектов, которые определяют требования к владельцам животных и устанавливают штрафы за нарушение этих требований. Размещение рекламы, установка рекламных конструкций без разрешения, нарушение требований к внешнему виду зданий и сооружений также могут быть предметом регионального регулирования. Некоторые регионы вводят ответственность за появление в общественных местах в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, за распитие алкогольной продукции в запрещенных местах, за курение в неположенных местах на территории региона.

Структура региональных законов об административных правонарушениях может существенно различаться в зависимости от субъекта Федерации. Некоторые регионы принимают объемные кодексы, построенные по образцу федерального КоАП и содержащие как общую, так и особенную части. Общая часть таких кодексов обычно содержит отсылку к федеральному законодательству в части общих положений, принципов, видов наказаний и процедуры их применения. Особенная часть включает перечень конкретных составов правонарушений, сгруппированных по объектам посягательства. Другие субъекты ограничиваются принятием компактных законов, содержащих только перечень правонарушений и размеры санкций, полностью отсылая к КоАП РФ в части процедуры привлечения к ответственности.

Обязательным элементом структуры регионального закона выступает указание на органы и должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных региональным законодательством. Многие субъекты создают специальные административные комиссии, которым подведомственно рассмотрение большинства дел о региональных правонарушениях. Комиссии формируются при органах местного самоуправления или при администрациях субъектов Федерации и включают представителей различных ведомств. Отдельные категории дел могут рассматриваться мировыми судьями, должностными лицами органов исполнительной власти субъектов Федерации, должностными лицами органов местного самоуправления в зависимости от характера правонарушения и размера санкции.

Особенности применения законов субъектов РФ об административных правонарушениях связаны с необходимостью строгого соблюдения разграничения компетенции между федеральным и региональным уровнями. Региональные законы не могут противоречить КоАП РФ. Они лишь

дополняют федеральное регулирование в тех областях, которые отданы на усмотрение субъектов. Если региональный закон устанавливает ответственность за деяние, уже предусмотренное КоАП РФ, или вводит виды наказаний, не предусмотренные федеральным законодательством, такие положения признаются недействующими. Субъекты обязаны применять процессуальные нормы, установленные КоАП РФ, при производстве по делам о региональных правонарушениях. Они не могут вводить собственные процедуры, отличающиеся от федеральных требований к порядку возбуждения дел, сбору доказательств, рассмотрению дел и обжалованию постановлений.

Региональное законодательство играет важную роль в обеспечении правопорядка на местах и позволяет гибко реагировать на локальные проблемы без необходимости внесения изменений в федеральное законодательство. Вместе с тем множественность региональных актов создает определенные сложности для граждан и организаций, осуществляющих деятельность в разных субъектах Федерации, поскольку требует знания особенностей законодательства каждого региона. Эта проблема частично решается публикацией региональных законов в открытом доступе и информированием населения о введении новых административных запретов и санкций.

Список литературы:

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026) // Собрание законодательства РФ. - 2002 - № 1 (ч. 1). ст.1.

References:

[1] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001 (as amended 29.12.2025) (as amended and supplemented, entry by virtue of 09.01.2026) //Collection of legislation of the Russian Federation. - 2002 - No. 1 (part 1). Article 1.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-373-377

ХАРЧЕНКО Борис Владимирович,
студент магистратуры,
Владивостокский государственный университет
(г. Владивосток),
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЕЁ НАРУШЕНИЯ

Аннотация. *В статье автор исследует вопросы административно-процессуальной ответственности в контексте КАС РФ, который вступил в силу в 2015 году. Обсуждаются изменения, внесенные КАС РФ в процессуальное законодательство, а также необходимость выделения административно-процессуальной ответственности как отдельного вида юридической ответственности. Автор также рассматривает основные признаки административно-процессуальной ответственности, проблемы, связанные с процессуальной формой в административном праве, и предлагает пути её совершенствования, включая унификацию норм КАС РФ и КоАП РФ, внедрение медиации и четкое разграничение контрольно-надзорной деятельности.*

Ключевые слова: *процессуальная форма, административное право, административное судопроизводство, ответственность.*

KHARCHENKO Boris Vladimirovich,
Master's degree student,
Vladivostok State University (Vladivostok)

PROCEDURAL FORM IN ADMINISTRATIVE LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION AND LIABILITY FOR ITS VIOLATIONS

Annotation. *In the article, the author explores issues of administrative and procedural responsibility in the context of the CAS of the Russian Federation, which entered into force in 2015. The amendments made by the CAS of the Russian Federation to the procedural legislation are discussed, as well as the need to highlight administrative and procedural responsibility as a separate type of legal liability. The author also considers the main signs of administrative and procedural responsibility, problems associated with the procedural form in administrative law, and proposes ways to improve it, including the unification of the norms of the CAS of the Russian Federation and the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, the introduction of mediation and a clear distinction between control and supervisory activities.*

Key words: *procedural form, administrative law, administrative proceedings, responsibility.*

Принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), вступившего в силу в 2015 году, стало важным событием в сфере правоприменения и процессуального законодательства. КАС РФ не только установил новые правила для административного судопроизводства, но и инициировал активные дискуссии о том, следует ли рассматривать административно-процессуальную ответственность как отдельный вид юридической ответственности [2].

Стоит обратить внимание на исследования Н.В. Витрука [1, с. 115], который подчёркивает, что дела, связанные с административными правонарушениями, а также споры, возникающие из административных отношений, рассматриваются в соответствии с нормами Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК РФ) и Арбитражного процессуального кодекса (далее – АПК РФ). Однако с принятием КАС РФ акцент на административно-процессуальную ответственность стал более выраженным, что сделало данный вопрос актуальным для правоведов и практиков.

Так, Р.О. Опалев утверждает, что наличие процессуальной ответственности как отдельной категории юридической ответственности может быть обосновано с точки зрения правовой доктрины [7, с. 5]. Мнение автора имеет свои основа-

ния, особенно учитывая, что в арбитражном и гражданском процессуальном законодательстве вопросам процессуальной ответственности уделяется недостаточное внимание. В отличие от них, КАС РФ выделяет отдельную главу, посвященную мерам процессуальной ответственности.

Ю.И. Попугаев также отмечает, что для повышения эффективности административно-процессуальной деятельности была введена ответственность за неисполнение процессуальных обязанностей [8, с. 6]. Данный факт касается не только участников процесса, но и таких лиц, как свидетели, эксперты, специалисты и переводчики, которые могут быть привлечены к ответственности за дачу заведомо ложных показаний, заключений или переводов.

При этом, следует отметить, что административно-процессуальная ответственность, предусмотренная КАС РФ, отличается от ответственности, установленной Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [3]. Например, если судья применяет штрафные санкции за неуважение к суду, это будет расцениваться как ответственность по КоАП РФ. В то же время, если судья принимает решение о удалении нарушителя из зала заседания, это уже будет считаться мерой ответственности в рамках КАС РФ.

Для минимизации возможных ошибок в терминологии и недопустимого использования взаимосвязанных правовых понятий, а также соответствующего законодательства, необходимо выделить основные признаки, которые определяют административно-процессуальную ответственность. В данном случае стоит обратить внимание на исследования, проведённые учеными Д.А. Липинским и Е.В. Чукловой, которые выделили ряд признаков, позволяющих чётко определить, что ответственность относится к категории административно-процессуальной [4, с. 48].

Во-первых, правонарушение, служащее основанием для применения мер административно-процессуальной ответственности, должно быть совершено исключительно в рамках судебного разбирательства по конкретному административному делу. Отсюда следует, что действия, за которые может быть наложено наказание, должны происходить в процессе рассмотрения дел в суде, а не за его пределами.

Во-вторых, основным видом наказания в рамках данной ответственности является административный штраф. При этом именно финансовые санкции являются наиболее распространенной мерой воздействия на правонарушителей по смыслу административного судопроизводства.

Также важным признаком является то, что субъектом административно-процессуальной ответственности может быть только физическое лицо. При этом юридические лица не могут быть привлечены к данной ответственности в рамках административного процесса, что также подчёркивает специфику данного вида юридической ответственности.

Следует также отметить, что административные наказания, связанные с административно-процессуальной ответственностью, накладываются до вынесения окончательного решения по делу об административном правонарушении.

На сегодняшний день в отечественном законодательстве отсутствует чёткое и однозначное определение понятия административно-процессуальной ответственности. Однако существуют постановления высших судебных инстанций, подтверждающие, что данный вид ответственности является самостоятельной категорией юридической ответственности. Например, в пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.06.2017 № 21 «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел» [6].

В главе 11 КАС РФ также представлен перечень и определение мер процессуального принуждения [2]. Данные меры применяются к лицам, нарушающим установленные в суде правила и тем самым препятствующим осуществлению административного судопроизводства.

Приведённые примеры подчеркивают необходимость четкого разграничения для судов, как правоприменителей, так и участников административного процесса, между процессуальной ответственностью, применяемой в соответствии с КАС РФ, и ответственностью за административное правонарушение, регулируемую КоАП РФ.

Процессуальные нарушения представляют собой несоблюдение норм процессуального законодательства в ходе рассмотрения дел в судебных инстанциях, органах дознания или следствия. Данные нарушения могут касаться различных видов судопроизводства, таких как гражданское, арбитражное, уголовное и административное.

Выделим основные проблемы процессуальной формы в административном праве Российской Федерации:

1. Отсутствие единства в определении процессуальной формы. Так, в административном праве России наблюдается разнородность подходов к интерпретации процессуальной формы и её соотношению с юридическим процессом. Данный фактор создаёт неопределённости в правоприменительной практике.
2. Сложности в определении границ спорных материально-правовых отношений. Определение границ спорных материально-правовых отношений, а также соответствую-

щих процессуальных форм защиты в рамках гражданских и административных споров представляет собой значительную проблему, что также затрудняет правоприменение.

3. Многочисленные поправки к нормам КоАП РФ. Частые изменения и дополнения в действующий КоАП РФ создают трудности в его практическом применении.

Предложениями по совершенствованию процессуальной формы в административном праве Российской Федерации выступает:

1. Унификация норм КАС РФ и КоАП РФ. Необходима гармонизация норм, регулирующих административное судопроизводство и административные правонарушения, что позволит создать более понятную правовую систему.
2. Введение процедур медиации и примирения. Внедрение механизмов медиации и примирения в административный процесс может способствовать более эффективному разрешению споров и снижению нагрузки на судебные органы.
3. Отделение контрольно-надзорной деятельности от производства по делам об административных правонарушениях. Необходимо чёткое разграничение процедур, связанных с контрольно-надзорной деятельностью, и производства по делам об административных правонарушениях.

Процессуальная форма представляет собой строго установленную законом структуру и порядок действий в делах об административных правонарушениях. Она регламентируется КоАП РФ в главах 24-30, содержащих основные процессуальные нормы.

Основные особенности процессуальной формы:

1. Документы. Протоколы, постановления, определения и решения должны быть оформлены на бумажных носителях или в электронном виде с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи (далее – ЭЦП) в соответствии со статьей 24.9 КоАП РФ. Установлены утвержденные формы, например, определение о возбуждении дела по статье 28.7 КоАП РФ.
2. Сроки и порядок. Установлены фиксированные сроки для оформления документов, например, протокол должен быть составлен не позднее чем через 2-3 суток после фиксации административного правонарушения (статья 28.5 КоАП РФ). Обязательны подписи уполномоченных лиц и разъяснение прав участникам процесса (статьи 28.2, 28.7 КоАП РФ).
3. Участники. В процессе участвуют уполномоченные лица (инспекторы, судьи), понятые, которые обязательны в случаях, предусмотренных статьей 25.7 КоАП РФ, а также все участники процесса должны быть проинформированы о своих правах (статьи 24.2-24.4, 25.1 КоАП РФ).
4. Электронный оборот. С 2025 года процесс электронного документооборота был значительно усилен через платформы Госуслуг, личные кабинеты и межведомственные системы (статьи 24.8 КоАП РФ, 24.9 КоАП РФ).

Таким образом, нарушение установленной процессуальной формы делает документ недействительным и недопустимым в качестве доказательства (статья 26.2, часть 3 КоАП РФ).

Принцип законности закреплен в статье 1.6 КоАП РФ, а статьи 26.1-26.11 регламентируют порядок оценки доказательств.

В случае нарушения процессуальной формы предусмотрена ответственность для различных категорий участников:

1. Для должностных лиц. Возможны дисциплинарные меры (выговор, увольнение) или административная ответственность (статьи 17.7-17.9 КоАП РФ за умышленные нарушения). Протокол, составленный неуполномоченным лицом, признается недействительным, и дело может быть прекращено.
2. Для органов. Суд может отменить акты по жалобе (статьи 30.1-30.9 КоАП РФ). Не существенно значимые недостатки, такие как мелкие ошибки в протоколе, не влекут за собой отмену, если они не повлияли на права участников (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях») [5].

Практика показывает, что в случае грубых нарушений (например, отсутствие подписи, значительное пропуск срока) суд признает протокол недопустимым. По общим тенденциям суды все чаще признают нарушения, если отсутствуют видео или понятые в случаях, когда это обязательно.

Раскроем недопустимость доказательств в КоАП РФ.

В отличие от УПК РФ, в КоАП РФ отсутствует прямой аналог статьи 75 УПК, в которой содержится четкий перечень недопустимых доказательств. Вместо этого используется статья 26.2, часть 3 КоАП РФ, которая гласит, что «не допускается использование доказательств, если они получены с нарушением закона», включая результаты проверок при государственном контроле.

Недопустимыми доказательствами признаются:

1. Получение с нарушением процедуры. Отсутствие понятых или видео (статья 25.7 КоАП РФ), составление протокола неуполномоченным лицом, отсутствие разъяснения прав.
2. Нарушение сроков/формы. Протокол не подписан, не был вручён в установленный срок (статья 28.2 КоАП РФ), электронный документ без ЭЦП.
3. Результаты проверок. Проведение внеплановых проверок без оснований (Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008 г. № 294-ФЗ, часть 3 статьи 26.2).
4. Производные нарушения. Оглашение доказательства без оригинала (статья 29.7 КоАП РФ).
5. Фальсификация, использование слухов вместо фактов (аналогично УПК РФ, но с меньшей строгостью).

При этом недопустимые доказательства могут попасть в дело случайно, когда инспектор фиксирует их в протоколе и передает в суд, или судья принимает их из-за «несущественности».

Суд при недопустимости доказательств принимает следующие меры:

1. Участник процесса (или его защитник) может подать письменное ходатайство об исключении недопустимых доказательств на любом этапе (статья 24.8 КоАП РФ). В ходатайстве указывается конкретное нарушение, например, «протокол без понятых, статья 25.7 КоАП РФ».
2. Суд проверяет ходатайство по существу (статья 26.11 КоАП РФ - свобода оценки, но с учетом части 3 статьи 26.2 КоАП РФ). Бремя доказывания нарушения лежит на заявителе.
3. В случае подтверждения нарушения суд исключает доказательство и может прекратить дело (статьи 29.9, 30.7 КоАП РФ). Если нарушение несущественно, доказательство остается в деле.
4. Решение суда может быть обжаловано в вышестоящую инстанцию в срок 10 суток (статья 30.3 КоАП РФ).

Важно отметить, что в КоАП РФ акцент делается на существенности нарушения, и не каждое мелкое нарушение ведет к исключению доказательства, в отличие от УПК РФ. С 2024 по 2025 годы наблюдается тенденция к более строгому контролю со стороны судов в отношении проверок.

Таким образом, в российском законодательстве остаются неясности и проблемы, такие как отсутствие единого определения процессуальной формы, сложности в определении границ спорных материально-правовых отношений и частые изменения в КоАП РФ.

Для улучшения правоприменительной практики предлагается унификация норм КАС РФ и КоАП РФ, внедрение медиации и четкое разграничение контрольно-надзорной деятельности от производства по делам об административных правонарушениях. Уточнение понятий и правил в этой области критически важно для защиты прав граждан и повышения эффективности административного судопроизводства.

Список литературы:

[1] Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности : монография / Н.В. Витрук. – Москва : ИНФРА-М, 2023. – 432 с.

[2] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения : 18.12.2025).

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения : 18.12.2025).

[4] Липинский Д.А. Процессуальная ответственность : монография / Д.А. Липинский, Е.В. Чуклова. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 183 с.

[5] О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 // СПС «КонсультантПлюс». – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52681/#dst100033 (дата обращения : 27.12.2025).

[6] О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.06.2017 № 21 // СПС «КонсультантПлюс». – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218034/ (дата обращения : 18.12.2025).

[7] Опалев Р.О. Процессуальное принуждение при рассмотрении административных дел / Р.О. Опалев // Журнал административного судопроизводства. – 2021. – № 2. – С. 5-12.

[8] Попугаев Ю.И. О некоторых аспектах совершенствования административно-деликтного законодательства / Ю.И. Попугаев // Административное право и процесс. – 2017. – № 10. – С. 5-8.

References:

[1] Vitruk N.V. General theory of legal responsibility: monograph/N.V. Vitruk. - Moscow: INFRA-M, 2023. - 432 s.

[2] Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated 08.03.2015 No. 21-FZ// SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (access date: 18.12.2025).

[3] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ//SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (access date: 18.12.2025).

[4] Lipinsky D.A. Procedural responsibility: monograph/D.A. Lipinsky, E.V. Chuklova. - Moscow: Yurlitinform, 2013. - 183 s.

[5] On some issues arising from the courts when applying the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.03.2005 No. 5//SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_ doc _ LAW _ 52681/# dst100033 (accessed on: 27.12.2025).

[6] On the use of procedural coercive measures by the courts in the consideration of administrative cases: Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 13.06.2017 No. 21//SPS "ConsultantPlus." - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218034/ (access date: 18.12.2025).

[7] Opalev R.O. Procedural coercion in the consideration of administrative cases/R.O. Opalev// Journal of Administrative Proceedings. – 2021. – № 2. - S. 5-12.

[8] Parrots Yu.I. On some aspects of improving administrative and tort legislation/Yu.I. Parrots// Administrative law and process. – 2017. – № 10. - S. 5-8.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-378-383

ТЕМИРКАЯЕВА Ленура Наримановна,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России,
майор полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru

УШАКИНА Юлия Сергеевна,
старший преподаватель кафедры
управления и административной деятельности органов внутренних дел
Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина,
кандидат юридических наук, подполковник полиции,
e-mail: nikjulijas@mail.ru.

ЯБЛОНСКИЙ Константин Анатольевич,
старший преподаватель кафедры
огневой и физической подготовки Волгодонского филиала
Ростовского юридического института МВД России,
e-mail: cool.kostya1984@gmail.com.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ: АДМИНИСТРАТИВНЫЕ МЕРЫ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Аннотация. *В статье рассматриваются правовые основы деятельности органов внутренних дел при проведении массовых мероприятий, а также административные меры и практика правоприменения в данной сфере. Анализируется нормативно-правовая база, регулирующая права, обязанности и полномочия полиции по обеспечению общественного порядка и безопасности участников массовых акций. Особое внимание уделяется функциям и задачам правоохранительных органов, взаимодействию с организаторами мероприятий и другими государственными структурами. Работа содержит рекомендации по совершенствованию организационных и правоприменительных механизмов, способствующих эффективной охране общественного порядка в условиях массовых мероприятий.*

Ключевые слова: *органов внутренних дел, массовые мероприятия, общественный порядок, административные меры, правоприменение, полиция, безопасность, взаимодействие, правовые основы.*

TEMIRKAYEVA Lenura Narimanovna,
Lecturer in the Department of Specialized Disciplines
at the Crimean Branch of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Major

USHAKINA Yulia Sergeevna,
Senior Lecturer in the Department of Management
and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies
at the I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
PhD in Law, Police Lieutenant Colonel

YABLONSKY Konstantin Anatolyevich,
Senior Lecturer in the Department
of Firearms and Physical Training
at the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

LEGAL BASIS FOR THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES DURING MASS EVENTS: ADMINISTRATIVE MEASURES AND LAW ENFORCEMENT

Annotation. *The article explores the legal foundations of the activities of the internal affairs bodies during mass events, as well as administrative measures and law enforcement practices in this area. The normative and legal framework regulating the rights, duties, and powers of the police for ensuring public order and safety of participants in mass actions is analyzed. Special attention is paid to the functions and tasks of law enforcement agencies, their interaction with event organizers and other government structures. The work provides recommendations for improving organizational and law enforcement mechanisms that contribute to effective public order protection during mass events.*

Key words: *internal affairs bodies, mass events, public order, administrative measures, law enforcement, police, safety, interaction, legal foundations.*

Проведение массовых мероприятий в современном обществе является важной формой реализации конституционных прав граждан на свободу собраний, выражение мнений и общественную активность. Обеспечение общественного порядка и безопасности во время таких мероприятий возлагается на органы внутренних дел (Далее - ОВД), которые действуют в строгом соответствии с правовыми нормами, регулирующими организацию и проведение массовых мероприятий. Правовые основы их деятельности включают в себя конституционные положения, федеральные законы, подзаконные акты и внутренние приказы МВД, обеспечивающие законность, права участников, а также установление административных мер воздействия в случае нарушений.

Деятельность ОВД при проведении массовых мероприятий базируется на комплексном своде нормативных правовых актов, которые регулируют все этапы организации, проведения и обеспечения общественного порядка в ходе таких событий. Одним из ключевых законодательных документов является Федеральный закон от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», определяющий основные права и обязанности участников и организаторов публичных мероприятий, а также полномочия органов власти и полиции в обеспечении законности и безопасности. Он регламентирует порядок уведомления о проведении мероприятия, устанавливает правила поведения участников и предусматривает меры ответственности за нарушение установленного порядка [1].

Наряду с указанным законом, важную роль в правовом регулировании играет Конституция Российской Федерации, закрепляющая право граждан на свободу собраний и публичную деятельность, а также закрепляющая принципы законности и защиты прав человека. В рамках реализации этих норм ОВД руководствуются Уголовным кодексом Российской Федерации и Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, которые конкретизируют виды ответственности за совершение правонарушений и преступлений в рамках массовых мероприятий [2, 3, 4].

Дополнительным слоем правового регулирования служат специальные подзаконные акты, постановления Правительства Российской Федерации и приказы МВД, регулирующие организационные и технические меры безопасности на массовых мероприятиях. К примеру, в последние годы законодатели предлагают уточнить и дополнить правовое регулирование, вводя понятия «место проведения зрелищного мероприятия» и «организатор зрелищного мероприятия», закрепляя обязанности организаторов по обеспечению общественного порядка совместно с администрацией мест проведения и органами внутренних дел. Такая инициатива направлена на повышение ответственности всех участников процесса и формализацию взаимодействия заинтересованных сторон для эффективного предупреждения правонарушений и обеспечения безопасности граждан [5].

Важным нормативным аспектом деятельности полиции при массовых мероприятиях является регулирование порядка взаимодействия с организаторами, суть которого закреплена в положениях, регулирующих уведомительную процедуру, порядок согласования места и времени проведения, а также контроль за соблюдением норм по численности участников и безопасности. ОВД наделены правом проведения пропускного режима, проверки документов, досмотра личных вещей и транспортных средств в целях предотвращения проноса запрещённых предметов и деструктивных действий, поскольку это закреплено в приказах МВД и регулируется внутренними инструкциями, согласованными с федеральным законодательством [6]

Деятельность ОВД при проведении массовых мероприятий строится на четко определённых функциях и задачах, направленных на обеспечение общественного порядка и безопасности участников, основной из которых является создание условий для нормального и законного проведения мероприятий, включая обеспечение личной безопасности граждан, защиту их прав и свобод, а также предупреждение и пресечение возможных преступлений и административных правонарушений [7]. А также сюда можно отнести и организацию комплексной безопасности территории проведения массового мероприятия, включающую в себя координацию сил и средств, взаимодействие с органами местного самоуправления, общественными объединениями и другими субъектами, задействованными в охране порядка. При этом особое внимание уделяется контролю за соблюдением установленного порядка поведения участников, обеспечению безопасности дорожного движения, а также предотвращению ослабления охраны на прилегающих к месту проведения территориях, что несомненно требует грамотной расстановки мобильных патрулей и организационных постов [8].

Мы видим, что в рамках своей компетенции сотрудники ОВД обладают широкими полномочиями для оперативного реагирования на нарушения, они вправе требовать от организаторов соблюдения порядка проведения, приостанавливать или прекращать мероприятие при возникновении угроз безопасности, проводить досмотр лиц и вещей с целью предупреждения проноса запрещённых предметов, а также удалять лиц, нарушающих закон или создающих угрозу общественной безопасности. А, в случае обострения оперативной обстановки, подключаются специальные подразделения полиции и национальной гвардии, которые применяют меры принуждения в соответствии с законодательством [9]. Значимым элементом здесь является системное взаимодействие с организаторами и другими государственными и общественными структурами для обеспечения слаженных действий и эффективного реагирования на возникающие риски. Планирование мероприятий безопасности включает в себя анализ возможных угроз, прогнозирование поведения участников и принятие превентивных мер, что в свою очередь требует высокой профессиональной подготовки личного состава и использования современных средств мониторинга и связи [10].

Административные меры, применяемые органами внутренних дел при массовых мероприятиях, являются важным инструментом обеспечения общественного порядка и предотвращения правонарушений. Согласно действующему законодательству, лица, нарушающие установленный порядок организации и проведения публичных и массовых мероприятий, могут привлекаться к административной ответственности по ст. 20.2 КоАП РФ, что влечет наложение штрафов на организаторов и участников, а также может сопровождаться административным арестом. Отметим, что цель таких мер не только наказание, но и предупреждение повторных нарушений, а также охрана законных прав граждан и государства [11]. Порядок применения административных мер в значительной степени регулируется ведомственными инструкциями и приказами МВД России, которые четко закрепляют права и обязанности сотрудников полиции по выявлению, документированию и пресечению административных правонарушений в ходе массовых мероприятий. Как мы уже отмечали выше, сотрудники полиции вправе предпринимать необходимые действия в рамках закона, включая составление протоколов об административных правонарушениях, задержание нарушителей, проведение досмотров и изъятие запрещенных предметов. Важным моментом здесь является право полиции требовать от граждан прекращения противоправных действий и покидания места правонарушения для восстановления порядка [12].

Особое внимание законодатель уделяет ответственности за организацию и проведение несанкционированных массовых акций, а также за организацию массового одновременного пребывания или передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественного порядка, предусмотренной статьей 20.2.2 КоАП РФ, поскольку эта норма направлена на регулирование поведения в публичном пространстве, предупреждение массовых беспорядков и обеспечение безопасности граждан. Наказания за такие нарушения могут включать крупные штрафы как для физических, так и для должностных и юридических лиц, что подчеркивает серьезность ответственности при несоблюдении установленных правил.

В части правоприменения необходимо отметить комплексный подход к обеспечению безопасности, где административные меры сочетаются с превентивными действиями, такими как контроль движения транспорта и пешеходов, организация досмотров, установка оцеплений и взаимодействие с организаторами мероприятий. В случае обострения оперативной обстановки подключаются усиленные силы полиции и национальной гвардии с возможностью применения специальных средств и мер физического воздействия, но строго в рамках законодательства. Повсеместное применение административных мер и четкое исполнение полномочий представ-

ляют собой гарантии законности и поддержания общественного порядка в условиях массовых мероприятий [13].

В исследовании Шанько В.В. подчёркивается, что эффективное обеспечение общественного порядка и безопасности при массовых мероприятиях невозможно без слаженного взаимодействия ОВД с организаторами и иными заинтересованными структурами [15]. Одной из приоритетных задач полиции здесь является оказание необходимой поддержки организаторам для создания безопасной и контролируемой среды, что проявляется в совместном планировании мероприятий, согласовании маршрутов, времени и места проведения, а также в обеспечении адекватного контроля за численностью участников и соблюдением нормативов безопасности. В рамках законодательных требований сотрудники полиции имеют право предъявлять требования к организаторам для поддержания порядка, а при необходимости – оперативно реагировать на нарушения, вплоть до приостановления или прекращения мероприятий [7].

Особое значение имеет обмен информацией между органами внутренних дел, органами местного самоуправления, службами спасения, медицинскими учреждениями и другими ведомствами, участвующими в охране общественного порядка, поскольку координация позволяет своевременно выявлять и нейтрализовать потенциальные риски, оптимизировать задействованные ресурсы и обеспечить комплексный подход к предотвращению конфликтных ситуаций. В частности, полиция совместно с организаторами проводит анализ возможных сценариев развития событий, соблюдение требований по технической безопасности, проверку разрешительной документации, а также организацию пропускных режимов и осмотров.

Законодательные акты и ведомственные нормативы обязывают органы внутренних дел обеспечивать не только контроль за соблюдением правопорядка, но и активное сотрудничество с организаторами массовых мероприятий, поскольку это способствует созданию конструктивного диалога, гибкости в принятии решений и возможности своевременно корректировать план действий в зависимости от оперативной обстановки, что в свою очередь значительно снижает вероятность возникновения правонарушений и обеспечивает баланс интересов всех участников процесса. Из практики взаимодействия видно, что она предусматривает регулярные совещания, обмен оперативными данными и совместную работу по профилактике преступлений и административных правонарушений [14].

То есть, мы видим, что комплексное взаимодействие органов внутренних дел с организаторами и другими государственными и общественными структурами выступает фундаментом успешного проведения массовых мероприятий, поскольку оно поддерживает гармонию между обеспечением конституционного права граждан на свободу собраний и необходимостью поддержания общественной безопасности, что в современных условиях актуализирует задачи профессионализма и ответственности всех участников охраны порядка.

Подводя итоги нашего исследования мы видим, что правовые основы деятельности органов внутренних дел при проведении массовых мероприятий обеспечивают баланс между защитой конституционных прав граждан и необходимостью поддержания общественного порядка и безопасности. Административные меры и правоприменение, закрепленные в законодательстве, позволяют органам внутренних дел эффективно реагировать на возникающие правонарушения, предотвращать угрозы и обеспечивать успешное проведение массовых мероприятий согласно установленным нормативным требованиям.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»: текст закона // Официальный сайт Президента Российской Федерации. — 2004. — URL: https://letters.kremlin.ru/info-service/acts/23 (дата обращения: 22.09.2025).

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) / [Электронный ресурс] / Сайт справочно-правовой системы ГАРАНТ. – Режим доступа: https://internet.garant.ru/#/document/10103000/.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Текст Кодекса опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954, в «Российской газете» от 18 (ст.ст. 1-96), 19 (ст.ст. 97-200), 20 (ст.ст. 201-265), 25 (ст.ст. 266-360) июня 1996 г. № 113, 114, 115, 118.

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256 (31 дек.); Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (часть I), ст. 1 (7 янв.); Парламентская газета. 2002. № 2-5 (5 янв.).

[5] Глава VIII. Охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности при проведении массовых мероприятий и чрезвычайных ситуациях // КонсультантПлюс. — 2024. —

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_24062/d0c6efd362ed32f2f57cc9cc87cf38eb96fec32c/ (дата обращения: 22.09.2025).

[6] Порядок проведения в РФ публичных и массовых мероприятий // Интерфакс. — 2024. — URL: https://www.interfax.ru/russia/957543 (дата обращения: 22.09.2025).

[7] О порядке организации и проведения массовых культурно-зрелищных, спортивных и иных массовых мероприятий // Официальный интернет-портал правовой информации. — 2024. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=152029373&backlink=1&nd=152027479&rdk=0 (дата обращения: 22.09.2025).

[8] Замураева Е. А. Охрана общественного порядка при проведении массовых мероприятий // Научный Лидер. 2023. № 31 (129).

[9] Административная деятельность полиции: учебное пособие / под ред. В.В. Гордиенко. — М.: Эксмо, 2018. — 463 с.

[10] Статья 14. Права и обязанности уполномоченного представителя органа внутренних дел при обеспечении общественного порядка // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48103/876ec1e1728dfabc3d390a40644195a22c9bc46f/ (дата обращения: 22.09.2025).

[11] А.В. Иванов, Е.С. Петров, Задачи, выполняемые органами внутренних дел во время массовых мероприятий / А.В. Иванов, Е.С. Петров // КиберЛенинка. 2020.

[12] Деятельность сотрудников полиции по предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений в период проведения публичных и массовых мероприятий // Официальный сайт ОМВД России по Кизильскому району. URL: https://kizil74.ru/pravovaya-politika/omvd-rossii-po-kizilskomu-raionu/novosti/novosti-2017-god/deyatelnost-sotrudnikov-policii-po-preduprezhdeniyu-vyyavleniyu-i-presecheniyu-pravonarushenii-v-period-provedeniya-publichnyh-i-massovyh-meropriyatii (дата обращения: 22.09.2025).

[13] Обеспечение общественного порядка: учебное пособие / под ред. В.В. Гордиенко. — Москва: Эксмо, 2018. — 463 с.

[14] Е.В. Замураева, Действия сотрудников полиции на массовых мероприятиях / Е.В. Замураева // КиберЛенинка. 2020. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/deystviya-sotrudnikov-politsii-na-massovyh-meropriyatiyah (дата обращения: 22.09.2025).

[15] Шанько, В. В. Особенности организации действий сотрудников органов внутренних дел при массовых беспорядках / В. В. Шанько, А. С. Курочкин, В. В. Шабаев. – Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – 48 с. – ISBN 978-5-89288-429-7. – EDN ARBDVX.

References:

[1] Federal Law of June 19, 2004 No. 54-FZ “On Meetings, Rallies, Demonstrations, Processions and Picketing”: the text of the law//Official website of the President of the Russian Federation. — 2004. - URL: https://letters.kremlin.ru/info-service/acts/23 (access date: 22.09.2025).

[2] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993)/[Electronic resource]/Website of the GARANT reference and legal system. - Access mode: https://internet.garant.ru/ #/document/10103000/.

[3] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996. The text of the Code was published in the Collection of Legislation of the Russian Federation of June 17, 1996 No. 25, Article 2954, in Rossiyskaya Gazeta of 18 (Art. 1-96), 19 (Art. 97-200), 20 (Art. 201-265), 25 (Art. 266-360) of June 1996 No. 113, 114, 115, 118.

[4] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ//Rossiyskaya Gazeta. 2001. No. 256 (Dec 31); Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part I), Art. 1 (January 7); Parliamentary newspaper. 2002. Nos. 2-5 (Jan. 5).

[5] Chapter VIII. Protection of public order and ensuring public safety during mass events and emergency situations//ConsultantPlus. — 2024. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_24062/d0c6efd362ed32f2f57cc9cc87cf38eb96fec32c/ (access date: 22.09.2025).

[6] The procedure for holding public and mass events in the Russian Federation//Interfax. — 2024. - URL: https://www.interfax.ru/russia/957543 (access date: 22.09.2025).

[7] On the procedure for organizing and holding mass cultural, entertainment, sports and other mass events//Official Internet portal of legal information. — 2024. - URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=152029373&backlink=1&nd=152027479&rdk=0 (access date: 22.09.2025).

[8] Zamuraeva E. A. Protection of public order during mass events//Scientific Leader. 2023. № 31 (129).

[9] Police administrative activities: training manual/ed. V.V. Gordienko. - M.: Eksmo, 2018. - 463 s.

[10] Article 14. Rights and obligations of the authorized representative of the internal affairs body in ensuring public order//ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48103/876ec1e1728dfabc3d390a40644195a22c9bc46f/ (access date: 22.09.2025).

[11] A.V. Ivanov, E.S. Petrov, Tasks performed by the internal affairs bodies during mass events/A.V. Ivanov, E.S. Petrov//CyberLeninka. 2020.

[12] Activities of police officers to prevent, identify and suppress offenses during public and mass events//Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kizilsky district. URL: https://kizil74.ru/pravovaya-politika/omvd-rossii-po-kizilskomu-raionu/novosti/novosti-2017-god/deyatelnost-sotrudnikov-policii-po-preduprezhdeniyu-vyyavleniyu-i-presecheniyu-pravonarushenii-v-period-provedeniya-publichnyh-i-massovyh-meropriyatii (дата обращения: 22.09.2025).

[13] Ensuring public order: textbook/ed. V.V. Gordienko. - Moscow: Eksmo, 2018. - 463 s.

[14] E.V. Zamuraeva, Actions of police officers at mass events/E.V. Zamuraeva//CyberLeninka. 2020. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/deystviya-sotrudnikov-politsii-na-massovyh-meropriyatiyah (дата обращения: 22.09.2025).

[15] Shanko, V.V. Peculiarities of organizing the actions of employees of the internal affairs bodies during riots/V.V. Shanko, A.S. Kurochkin, V.V. Shabaev. - Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. - 48 p. - ISBN 978-5-89288-429-7. – EDN ARBDVX.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-384-387

ЖИКРИВЕЦКАЯ Юлия Владимировна,
доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ставропольского филиала ФГКОУ ВО КрУ МВД России, доцент, кандидат философских наук, полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

КУБИЯСОВА Анна Михайловна,
старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России, подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОНЯТИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА, ЕГО ПРЕДМЕТ, МЕТОДЫ И ИСТОЧНИКИ

Аннотация. *В нынешних условиях административные правоотношения становятся всё более сложными и многоуровневыми. Авторы статьи в современном контексте рассматривают предмет, методы и источники административного права. Определяется роль административного законодательства в системе российского права. Проводится исследование некоторых тенденции развития законодательства в сфере административного права на современном этапе.*

Ключевые слова: *административное право, законодательство, правоотношения, метод, предмет, государство, власть.*

ZHIKRIVETSKAYA Yulia Vladimirovna,
Associate Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines of the Stavropol Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor, Candidate of Philosophical Sciences, Police Colonel

KUBIYASOVA Anna Mikhailovna,
Senior Lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

THE CONCEPT OF ADMINISTRATIVE LAW, ITS SUBJECT, METHODS AND SOURCES

Annotation. *In the current conditions, administrative legal relations are becoming more complex and multilevel. The authors of the article consider the subject, methods and sources of administrative law in a modern context. The role of administrative legislation in the system of Russian law is determined. Some trends in the development of legislation in the field of administrative law at the present stage are being studied.*

Key words: *administrative law, legislation, legal relations, method, subject, state, government.*

Административное право в системе российского законодательства, являясь самостоятельной отраслью, занимает особое место в упорядочении большого спектра публич-

ных отношений, на постоянной основе одной из сторон, в которых выступает сторона, реализующая данные ей государством властные полномочия.

Образующийся в области государственного управления массив общественных отношений и является предметом административного права. Центральное место здесь занимают отношения, возникающие внутри системы органов исполнительной власти, где действует строгая иерархическая подчиненность. Вышестоящие органы издают обязательные указания для нижестоящих, координируют их деятельность и осуществляют контроль за исполнением возложенных функций. Не менее важную часть предмета составляют отношения между органами власти и гражданами, организациями. Здесь государство реализует свои полномочия по регулированию различных сфер жизни общества, выдает лицензии и разрешения, проводит проверки, применяет меры ответственности. Особое значение приобретает деятельность по предоставлению государственных и муниципальных услуг, когда граждане обращаются за получением документов, пособий, регистрацией прав и совершением иных юридически значимых действий.

Метод правового регулирования в административном праве отражает специфику властных отношений. Доминирующую роль играет императивный метод, основанный на властных предписаниях и обязательных указаниях. Органы исполнительной власти действуют в рамках компетенции, установленной законом, и их решения обязательны для исполнения теми субъектами, которым они адресованы. Метод предполагает неравенство сторон правоотношения, где одна сторона наделена правом давать обязательные указания, а другая обязана их выполнять. Вместе с тем современное административное право постепенно включает элементы диспозитивности, что проявляется в заключении административных договоров, например, между различными уровнями власти при распределении полномочий или между государством и частными структурами при реализации совместных проектов. Важным инструментом регулирования выступают запреты и дозволения. Законодатель устанавливает четкие границы действий должностных лиц, определяя, что им запрещено делать и в каких пределах они могут действовать по собственному усмотрению при принятии управленческих решений.

Функции административного права раскрывают его социальное назначение и роль в механизме государственного регулирования. Правоисполнительная функция обеспечивает претворение в жизнь законодательных предписаний. Органы исполнительной власти конкретизируют общие нормы законов, разрабатывают механизмы их реализации и осуществляют практические действия по достижению целей, определенных законодателем. Правотворческая функция проявляется в издании подзаконных нормативных актов, регламентов, инструкций, которые детализируют порядок применения законов и заполняют пробелы в регулировании. Координационная функция направлена на согласование деятельности многочисленных органов власти, устранение дублирования полномочий и обеспечение их эффективного взаимодействия при решении комплексных задач управления. Охранительная функция имеет двойственный характер: с одной стороны, она защищает права и законные интересы граждан от неправомерных действий чиновников, предоставляя механизмы обжалования решений органов власти, с другой стороны, обеспечивает применение мер административной ответственности к лицам, нарушающим установленные правила поведения в различных сферах общественной жизни.

Принципы административного права образуют фундамент отрасли и определяют содержание всех ее норм. Принцип законности требует, чтобы органы исполнительной власти и их должностные лица действовали исключительно на основании закона и в пределах предоставленных им полномочий. Любое превышение компетенции или нарушение процедуры влечет признание решения незаконным. Принцип приоритета прав человека означает, что при осуществлении управленческой деятельности государство обязано соблюдать и защищать конституционные права и свободы граждан, а ограничения этих прав возможны только в случаях и порядке, прямо предусмотренных законом. Принцип федерализма отражает государственное устройство России и предполагает разграничение предметов ведения и полномочий между федеральными органами власти и органами субъектов Федерации. Принцип гласности обеспечивает открытость деятельности органов власти, доступность информации о принимаемых решениях и возможность общественного контроля за действиями чиновников.

Система административного права как отрасли традиционно включает две основные части. Общая часть содержит институты и нормы, применимые ко всем сферам государственного управления. Здесь закрепляются основные понятия, правовой статус субъектов административных правоотношений, формы и методы управленческой деятельности, порядок обжалования действий органов власти, основания и процедура привлечения к административной ответственности. Особенная часть посвящена регулированию отдельных отраслей и сфер управления. Она охватывает нормы, определяющие специфику управления в области экономики, промышленно-

сти, сельского хозяйства, социально-культурной сферы, обороны и безопасности, внутренних дел, юстиции и других направлений государственной деятельности. Каждая из этих сфер имеет свои особенности организации, компетенции органов и применяемых методов управления.

Источники административного права представляют собой внешние формы выражения административно-правовых норм. Особенностью отрасли является отсутствие единого кодифицированного акта, который охватывал бы все сферы административно-правового регулирования. Нормы административного права содержатся во множестве разноуровневых нормативных правовых актов (далее – НПА), образующих сложную иерархическую систему.

Вершину этой системы занимает Конституция Российской Федерации [1], закрепляющая основы организации публичной власти, разграничение предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами РФ (ст. 71–73), систему федеральных органов государственной власти, а также основные права и свободы человека и гражданина в отношениях с государством (глава 2). Конституционные положения обладают высшей юридической силой и служат непосредственным базисом для всего административного законодательства.

Международные договоры Российской Федерации также входят в систему источников административного права. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью её правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора (при условии его официального опубликования).

Основной массив законодательного регулирования составляют федеральные конституционные законы и федеральные законы. К ключевым относятся:

- Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (в ред. на 2025–2026 гг.);
- Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»;
- Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» и др.

Особое место занимает Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [2] (далее – КоАП РФ) — основной кодифицированный акт в сфере административной ответственности. Он регулирует материальное и процессуальное административное право: составы административных правонарушений (Особенная часть), виды и размеры административных наказаний (ст. 3.2–3.13), порядок производства по делам об административных правонарушениях (разделы IV–V), полномочия органов и должностных лиц по рассмотрению дел (глава 23). КоАП РФ регулярно обновляется.

Важнейшими источниками подзаконного регулирования являются Указы Президента Российской Федерации — по вопросам структуры федеральных органов исполнительной власти (например, Указ Президента РФ от 11.05.2024 № 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» и последующие изменения), утверждения положений о министерствах и ведомствах (Указ Президента РФ от 21.12.2016 N 699 (ред. от 26.09.2025) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации»; Постановления Правительства Российской Федерации — утверждение административных регламентов предоставления государственных и муниципальных услуг, правил в сферах контрольно-надзорной деятельности, технического регулирования и др.

Ведомственные нормативные правовые акты издаются федеральными министерствами, службами и агентствами в пределах компетенции (приказы министров, директивы руководителей служб). Они конкретизируют применение законов и постановлений Правительства, устанавливают формы документов, технические регламенты, процедуры контроля и предоставления услуг (например, Приказ МВД РФ «Об утверждении Административного регламента по выдаче и замене паспорта гражданина РФ»).

Законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации регулируют вопросы, отнесённые к ведению субъектов РФ или к совместному ведению (ст. 72 Конституции РФ). Это региональные законы об административных правонарушениях в сферах, не урегулированных КоАП РФ (например, благоустройство, тишина, парковка), законы об организации исполнительной власти субъекта, об особенностях региональной государственной службы, о предоставлении региональных государственных услуг.

Система источников административного права отличается высокой динамичностью. Административное законодательство изменяется значительно быстрее норм других отраслей права, поскольку непосредственно реагирует на трансформации в системе и структуре органов государственной власти, на изменения приоритетов государственной политики, на появление новых технологий и форм общественных отношений. Реформирование государственного аппарата, создание новых органов или упразднение существующих, перераспределение полномочий между различными уровнями власти неизбежно влекут принятие новых и отмену устаревших нормативных актов. Эта подвижность законодательства требует от правоприменителей постоянного отслеживания изменений и обновления своих знаний о действующем правовом регулировании в сфере государственного управления.

Список литературы:

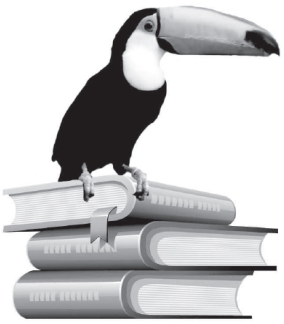
[1] Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/ Document/ View /00012 02007040001 (дата обращения: 16.02.2026).

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026) // Собрание законодательства РФ. - 2002 - № 1 (ч. 1). ст.1.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation : [adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 01, 2020] // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document / View /00012 02007040001 (date of reference: 02/16/2026).

[2] Code of Administrative Offences of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on 12/29/2025) (as amended and supplemented, intro. effective from 09.01.2026) // Collection of legislation of the Russian Federation. - 2002 - No. 1 (part 1). art. 1.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-388-391

МЕЛЬНИКОВА Алина Сергеевна,
старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России,
e-mail: alya.melnikova79@mail.ru.

ШАРЛОВА Марина Николаевна,
подполковник полиции, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
e-mail: charlova2017@yandex.ru

РОЗЫСК И ВЫЯВЛЕНИЕ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ ПОД АДМИНИСТРАТИВНЫМ НАДЗОРОМ, СОТРУДНИКАМИ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу особенностей розыска и выявления лиц, находящихся под административным надзором, сотрудниками патрульно-постовой службы полиции. Рассматриваются правовые основания деятельности наряда патрульно-постовой службы, специфика выявления поднадзорных лиц при проведении рейдов и повседневного дежурства, а также организационные и практические трудности реализации контрольных функций. Особое внимание уделяется отсутствию в нормативно-правовой базе четких регламентов взаимодействия между патрульно-постовыми нарядами и инспекторами по надзору, недостаточной информационной поддержке и проблемам идентификации поднадзорных лиц. Предложены меры по совершенствованию деятельности патрульно-постовой службы в аспекте контроля за лицами, находящимися под административным надзором.*

Ключевые слова: *розыск, административный надзор, патрульно-постовая служба, полиция, поднадзорные лица, выявление, контроль, уголовно-исполнительная система, правоприменение, информационное обеспечение.*

MELNIKOVA Alina Sergeevna,
senior lecturer of the department of general legal disciplines of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

SHARLOVA Marina Nikolaevna,
police lieutenant colonel, senior lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Directorate of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

SEARCH AND IDENTIFICATION OF PERSONS UNDER ADMINISTRATIVE SUPERVISION BY POLICE PATROL AND POST SERVICE OFFICERS

Annotation. *This article analyzes the specifics of searching for and identifying individuals under administrative supervision by patrol police officers. It examines the legal basis for patrol police operations, the specifics of identifying individuals under supervision during raids and routine duty, and the organizational and practical difficulties of implementing control functions. Particular attention is paid to the lack of clear regulations*

for interaction between patrol police units and supervision inspectors in the regulatory framework, insufficient information support, and problems with identifying individuals under supervision. Measures are proposed to improve the patrol police's activities in terms of monitoring individuals under administrative supervision.

Key words: *search, administrative supervision, patrol and post service, police, supervised persons, detection, control, penal system, law enforcement, information support.*

Патрульно-постовая служба полиции (Далее ППС) является основным элементом системы охраны общественного порядка в Российской Федерации и на протяжении многих лет среди прочих выполняет функции, связанные с контролем за лицами, отбывшими уголовное наказание. С введением в действие Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре» [1] перед патрульно-постовыми нарядами поставлена дополнительная задача по выявлению и розыску лиц, находящихся под административным надзором, что требует совершенствования организационных подходов и методического обеспечения их работы. Специфика деятельности ППС предполагает наличие возможности выявления уклонившихся от надзора лиц при проведении профилактических рейдов по местам возможного пребывания, патрулирования улиц и во время проверки документов, однако на практике эта работа часто ограничивается формальным выполнением обязанностей. Актуальность исследования проблем розыска и выявления поднадзорных лиц сотрудниками ППС обусловлена необходимостью повышения эффективности системы административного надзора и предупреждения рецидива преступлений.

Правовая база деятельности патрульно-постовых нарядов по выявлению и розыску лиц, находящихся под административным надзором, определяется положениями Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [2], Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [3], а также приказами МВД России, в частности Приказом МВД России от 29 марта 2019 г. № 226 «Об утверждении Инструкции о порядке организации розыскной деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации» [4]. Согласно нормативным положениям, сотрудники ППС при несении службы обязаны устанавливать местонахождение поднадзорных лиц, проверять соблюдение ими установленных судом ограничений и в случае выявления фактов нарушения незамедлительно информировать инспекторов по надзору.

Однако следует отметить, что в действующем законодательстве отсутствуют специальные положения, регламентирующие порядок действий сотрудников ППС при выявлении лиц, находящихся под административным надзором. Наставление по деятельности ППС предусматривает лишь общие обязанности по контролю за соблюдением общественного порядка и профилактике преступлений [4]. Из чего можно сделать вывод, что сотрудники ППС действуют в значительной мере фактически произвольно, руководствуясь указаниями начальства, что приводит к неединообразной практике выявления поднадзорных лиц в различных регионах.

Одной из главных практических проблем на наш взгляд является недостаточное информационное обеспечение нарядов ППС сведениями о лицах, находящихся под административным надзором. Сотрудники ППС часто не располагают актуальными списками поднадзорных лиц, закрепленных за соответствующим подразделением. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2024 году информация о местонахождении поднадзорных лиц поступала в органы внутренних дел в 65% случаев, тогда как в 35% случаев инспекторы по надзору самостоятельно осуществляли поиск уклонившихся лиц без участия ППС [5], что свидетельствует о низком уровне взаимодействия между структурами.

Еще одной существенной проблемой является отсутствие единого алгоритма взаимодействия между патрульно-постовыми нарядами и инспекторами по надзору. На большей части территории Российской Федерации отсутствуют письменные договоры о взаимодействии между ППС и надзорными структурами, что приводит к несогласованности действий при выявлении поднадзорных лиц. Исследования показывают, что в регионах, где была разработана методика взаимодействия, эффективность выявления уклонившихся лиц возросла на 45% [6]. Некоторые органы внутренних дел используют специальные информационные системы для передачи сведений о поднадзорных лицах нарядам ППС через мобильные приложения, однако такая практика остается исключением, а не правилом.

Практическая деятельность ППС по выявлению и розыску поднадзорных лиц предполагает использование традиционных методов: проверка документов при остановке граждан, опрос соседей и знакомых, проверка мест возможного пребывания (жилище, работа, места скопления молодежи). Однако эффективность этих методов в современных условиях резко снизилась в связи с высокой миграционной активностью населения и возможностью быстрого перемещения на дальние расстояния [7]. Кроме того, сотрудники ППС

часто не располагают информацией об особых приметах и отличительных знаках внешности поднадзорных лиц, что несомненно затрудняет их идентификацию.

Значительным препятствием является также психологический фактор: некоторые сотрудники ППС рассматривают выявление поднадзорных лиц как дополнительную нагрузку, отвлекающую от основной деятельности по охране порядка, и относятся к этим функциям формально. Отсутствие четких критериев оценки эффективности работы ППС в сфере контроля над поднадзорными лицами приводит к тому, что данное направление деятельности часто остается без должного внимания со стороны руководства нарядов.

Практика применения современных технологий в деятельности ППС также оставляет желать лучшего. Несмотря на внедрение систем видеонаблюдения и распознавания лиц в крупных городах (Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге), большинство регионов не имеют доступа к таким технологиям [8]. Использование электронных браслетов для мониторинга местонахождения поднадзорных лиц остается ограниченным, что связано как с отсутствием соответствующего оборудования, так и с неопределенностью правовой базы применения таких средств контроля.

Совершенствование деятельности ППС в области выявления и розыска поднадзорных лиц требует разработки проведения целого комплекса мер. Прежде всего, необходимо разработать специальное положение о порядке взаимодействия между патрульно-постовыми нарядами и инспекторами по надзору, которое устранило бы существующие организационные пробелы. Во-вторых, целесообразно создание единой информационной системы, обеспечивающей оперативное доведение информации о поднадзорных лицах до каждого наряда ППС с указанием их фотографий, примет внешности, особых знаков. В-третьих, необходимо повышение квалификации сотрудников ППС в области методики выявления и розыска поднадзорных лиц, что может быть обеспечено путем включения соответствующих тем в программы подготовки и переподготовки личного состава полиции.

Таким образом, мы видим, что деятельность патрульно-постовой службы полиции по выявлению и розыску лиц, находящихся под административным надзором, представляет собой важное направление работы по предупреждению рецидива преступлений и укреплению правопорядка. Однако в настоящее время эта деятельность существенно затруднена отсутствием четкого нормативного регулирования, недостаточным информационным обеспечением, низким уровнем взаимодействия между ППС и надзорными структурами, а также отставанием в применении современных технологий. Основными направлениями совершенствования должны стать: разработка специального положения о взаимодействии ППС и инспекторов по надзору; создание единой информационно-аналитической системы с оперативной передачей сведений о поднадзорных лицах; расширение использования технических средств контроля, включая системы видеонаблюдения и электронные браслеты; повышение уровня профессиональной подготовки сотрудников ППС; установление четких критериев оценки эффективности работы в этой сфере. Реализация предложенных мер позволит существенно повысить эффективность функционирования системы административного надзора и обеспечить более надежный контроль за лицами, представляющими потенциальную опасность для общества.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2038. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112702/ (дата обращения: 20.01.2026).

[2] Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110990/ (дата обращения: 20.01.2026).

[3] Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7281/ (дата обращения: 20.01.2026).

[4] Приказ МВД России от 28 июня 2021 г. № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России» / [Электронный ресурс] / Сайт справочно-правовой системы ГАРАНТ. – Режим доступа: https://internet.garant.ru/#/document/410618382/.

[5] О докладе Генерального прокурора Российской Федерации о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации и о проделанной работе по их укреплению за 2024 год. URL: http://council.gov.ru/activity/legislation/decisions/165890/ (дата обращения: 20.01.2026).

[6] Сидоров А.В. Организационные и правовые проблемы розыска лиц, уклоняющихся от административного надзора / А.В. Сидоров // SciNetwork. 2024.

[7] Смирнов И. А., Андреев П. Г., Литвинов А. В. Научный обзор методов и средств противодей-

ствия административным правонарушениям, связанным с управлением транспортным средством в состоянии опьянения // Научный вестник ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова. 2025. №1 (102).

[8] Кравцова Е. А. Информационные технологии в деятельности правоохранительных органов: современное состояние и перспективы // Вестник БелЮИ МВД России. 2025. №2.

References:

[1] Federal Law of April 6, 2011 No. 64-FZ "On Administrative Supervision "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 15. Art. 2038. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112702/ (access date: 20.01.2026).

[2] Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ "On the Police "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 7. Art. 900. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110990/ (access date: 20.01.2026).

[3] Federal Law of August 12, 1995 No. 144-FZ "On Operational-Search Activities "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. № 33. Art. 3349. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7281/ (access date: 20.01.2026).

[4] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 28, 2021 No. 495 "On approval of the Instruction on the organization of the official activities of the combat units of the patrol and guard service of the police of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia "/[Electronic resource]/Website of the GARANT reference and legal system. - Access mode: https://internet.garant.ru/ #/document/ 410618382/.

[5] On the report of the Prosecutor General of the Russian Federation on the state of law and order in the Russian Federation and on the work done to strengthen them for 2024. URL: http://council.gov.ru/activity/legislation/decisions/165890/ (access date: 20.01.2026).

[6] Sidorov A.V. Organizational and legal problems of the search for persons evading administrative supervision/A.V. Sidorov//SciNetwork. 2024.

[7] Smirnov I.A., Andreev P.G., Litvinov A.V. Scientific review of methods and means of countering administrative offenses related to driving while intoxicated//Scientific Bulletin of OrYuI of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. №1 (102).

[8] Kravtsova E. A. Information technologies in the activities of law enforcement agencies: current state and prospects//Bulletin of BelYuI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. №2.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-392-395

КРЫЖЕВСКАЯ Наталья Николаевна,
доцент кафедры социально-экономических и г
уманитарных дисциплин Ставропольского филиала
ФГКОУ ВО КрУ МВД России,
доцент, кандидат философских наук,
полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ЯКОВЛЕВ Александр Алексеевич,
старший преподаватель кафедры
тактико-специальной, огневой и физической подготовки
Тверского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВАЯ ОСНОВА, СТАДИИ, СУБЪЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО ПРИМЕНЕНИЮ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Аннотация. *В статье авторами раскрывается понятие и содержание мер административного предупреждения, их назначение. Рассматривается их характер и перечень, а также основания и порядок применения. Предложена последовательность действий сотрудника полиции при реализации мер административного предупреждения с разграничением их на стадии.*

Ключевые слова: *административное принуждение, предупреждение, профилактика, правонарушение, полиция, административная ответственность.*

KRYZHEVSKAYA Natalia Nikolaevna,
Associate Professor of the Department
of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines
of the Stavropol Branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Associate Professor,
Candidate of Philosophical Sciences, Police Colonel

YAKOVLEV Alexander Alekseevich,
senior lecturer at the Department of Tactical,
Special, Fire and Physical Training
of the Tver Branch of the Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikot, police Colonel

LEGAL BASIS, STAGES, SUBJECTS OF PROCEEDINGS ON THE APPLICATION OF ADMINISTRATIVE WARNING MEASURES

Annotation. *The authors of the article reveal the concept and content of administrative prevention measures and their purpose. Their nature and list are considered, as well as the grounds and procedure for their application. The sequence of actions of a police officer in the implementation of administrative warning measures is proposed, with their differentiation at the stage*.

Key words: *administrative coercion, prevention, prevention, offense, police, administrative responsibility.*

Одной из составляющих в системе мер административно-правового предупреждения, являются меры административного предупреждения, отличительной чертой которых

является отсутствие прямой связи с совершением правонарушения. Они носят превентивный характер и применяются в целях предотвращения возможных противоправных деяний, относящихся как к административным правонарушениям, так и к преступлениям, несущим угрозу общественному порядку, общественной безопасности, жизни и здоровью граждан.

Понятие мер административного предупреждения охватывает совокупность принудительных действий, осуществляемых сотрудниками органов внутренних дел в профилактических целях при наличии объективных обстоятельств, свидетельствующих о возможной угрозе правопорядку, безопасности граждан или государственным интересам. Меры не являются наказанием и не влекут судимости или иных негативных правовых последствий для лица, к которому они применяются. Их целью выступает не кара за уже содеянное, а создание условий, исключающих возможность наступления вредных последствий в будущем.

Виды мер административного предупреждения разнообразны и охватывают широкий спектр полномочий сотрудников полиции. Проверка документов, удостоверяющих личность, представляет собой одну из наиболее распространенных предупредительных мер. Сотрудник полиции вправе требовать от граждан предъявления паспорта или иного документа при наличии данных, дающих основания подозревать их в совершении преступления, или при обстоятельствах, свидетельствующих о нахождении лица в розыске, а также для составления протокола об административном правонарушении при невозможности установления личности иным способом. Проверка документов осуществляется также при проведении специальных мероприятий по обеспечению безопасности на охраняемых объектах, в зонах проведения контртеррористических операций, во время массовых мероприятий.

Оцепление и блокирование участков местности применяется в ситуациях, требующих изоляции определенной территории от доступа посторонних лиц. Такая мера используется при обнаружении взрывоопасных предметов, когда необходимо обеспечить безопасность граждан на время проведения работ по обезвреживанию или транспортировке опасного объекта. Оцепление осуществляется при проведении контртеррористических операций, когда требуется локализовать зону возможных действий преступников и предотвратить проникновение на оцепленную территорию лиц, не участвующих в операции. Блокирование территории может применяться при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера, когда нахождение граждан в определенной зоне создает угрозу их жизни и здоровью.

Вхождение в жилые и иные помещения граждан представляет собой исключительную меру, применяемую только в строго определенных законом случаях. Федеральный закон о полиции допускает такое вхождение при преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступлений, если промедление может создать угрозу жизни и здоровью граждан или повлечь иные тяжкие последствия. Беспрепятственное вхождение допускается для пресечения преступления, для установления обстоятельств несчастного случая, для оказания помощи лицам, нуждающимся в неотложной медицинской помощи или находящимся в опасности. Реализация этой меры требует особой осторожности, поскольку затрагивает конституционное право на неприкосновенность жилища.

Временное ограничение или запрещение движения транспортных средств и пешеходов применяется для обеспечения безопасности дорожного движения, общественного порядка и общественной безопасности. Сотрудники полиции вправе ограничить или запретить движение на отдельных участках дорог при возникновении угрозы безопасности движения, при проведении публичных и массовых мероприятий, при преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступлений, при транспортировке опасных грузов. Такие ограничения вводятся на время, необходимое для устранения причин, вызвавших необходимость их применения.

Порядок реализации мер административного предупреждения определяется характером конкретной меры и обстоятельствами ее применения. Основанием для применения предупредительных мер служат не действия самого лица, а объективная обстановка, требующая вмешательства полиции. При стихийных бедствиях, крупных авариях, катастрофах сотрудники полиции действуют в рамках планов реагирования на чрезвычайные ситуации и применяют необходимые меры для эвакуации населения, оцепления опасных зон, организации объездных путей. При подозрении лица в совершении преступления основанием для проверки документов или досмотра служат конкретные данные, указывающие на возможную причастность проверяемого к противоправной деятельности. Во время проведения массовых мероприятий предупредительные меры применяются для обеспечения общественного порядка и безопасности участников мероприятия [1].

Важной особенностью применения мер предупреждения является требование соразмер-

ности. Сотрудник полиции обязан выбирать ту меру, которая при данных обстоятельствах является достаточной для достижения цели и причиняет минимальное ограничение прав граждан. Если цель может быть достигнута устным предупреждением, применение более жестких мер недопустимо. После устранения обстоятельств, вызвавших применение предупредительной меры, ее действие прекращается, и лицо освобождается от установленных ограничений.

Правовую основу применения мер административного предупреждения образует система нормативных правовых актов различного уровня. Центральное место в этой системе занимает Федеральный закон от 7 февраля 2011 №3 «О полиции»[2], который детально регламентирует полномочия сотрудников полиции по применению различных мер принуждения. Главы 3, 4 и 5 данного закона содержат исчерпывающий перечень обязанностей и прав полиции, условия и пределы применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Закон устанавливает, как общие принципы деятельности полиции, так и конкретные правила применения отдельных мер воздействия.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [3] (далее – КоАП РФ) регулирует меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, многие из которых носят превентивный характер. Так, доставление регламентировано статьёй 27.2, административное задержание — статьёй 27.3, личный досмотр, досмотр вещей и транспортных средств — статьёй 27.7, изъятие вещей и документов — статьёй 27.10 КоАП РФ. Указанные нормы устанавливают основания и пределы применения соответствующих мер, требования к их процессуальному оформлению, а также гарантии прав лиц, в отношении которых они применяются.

Федеральные законы о противодействии терроризму, о безопасности, о чрезвычайном положении, о военном положении содержат специальные нормы, расширяющие полномочия органов внутренних дел при возникновении особых условий, угрожающих национальной безопасности. Эти законы устанавливают дополнительные основания для применения предупредительных мер и особый порядок их реализации в условиях чрезвычайных ситуаций.

Ведомственные нормативные акты Министерства внутренних дел Российской Федерации детализируют процедуры применения мер предупреждения. Приказы МВД России утверждают инструкции, наставления, регламенты, которыми руководствуются сотрудники полиции при осуществлении своих полномочий. Эти акты определяют организационные аспекты деятельности полиции, порядок взаимодействия различных подразделений, формы документов, сроки их составления и направления.

Субъектами применения мер административного предупреждения выступают должностные лица органов внутренних дел, наделенные соответствующими полномочиями. Объем полномочий зависит от должности сотрудника и характера выполняемых им обязанностей. Рядовые сотрудники патрульно-постовой службы полиции вправе требовать от граждан предъявления документов, удостоверяющих личность, осуществлять проверку при наличии установленных законом оснований, применять физическую силу и некоторые специальные средства в пределах, определенных законом. Участковые уполномоченные полиции реализуют полномочия по предупреждению правонарушений на обслуживаемой территории, проводят профилактические беседы с лицами, состоящими на учете, осуществляют проверки соблюдения правил регистрационного учета.

Руководители территориальных органов внутренних дел, их заместители обладают более широкими полномочиями по принятию решений об оцеплении участков местности, о введении усиленного варианта несения службы, об организации специальных операций. Начальник территориального органа МВД России принимает решение об использовании водометов, бронемашин, средств разрушения преград при проведении контртеррористических операций или пресечении массовых беспорядков. Отдельные меры предупреждения могут применяться только по решению вышестоящего руководства и требуют согласования с прокуратурой или судом.

Важным требованием к субъектам применения мер предупреждения является наличие специальной подготовки и знания законодательства. Участие сотрудника полиции как субъекта данного рода правоотношений требуют от него ясного понимания пределов своих полномочий и способности к правильному оцениванию сложившейся ситуации, для применения соразмерной меры воздействия на вторую сторону таких правоотношений.

Применение мер административного предупреждения, исходя из последовательности их применения от момента возникновения основания для принятия такого решения до завершения действий сотрудника полиции, можно условно разграничить на стадии.

Так, первая стадия связана с анализом ситуации и выявлением оснований для применения предупредительной меры. Сотрудник оценивает обстановку, определяет наличие угрозы правопорядку или безопасности, устанавливает необходимость своего вмешательства. На этой стадии

важно правильно квалифицировать ситуацию и определить, какая именно мера должна быть применена.

Вторая стадия состоит в принятии решения и выборе конкретной меры предупреждения в сложившейся ситуации. Сотрудник выбирает наиболее подходящую меру с учетом принципа соразмерности, определяет порядок ее реализации, при необходимости согласовывает свои действия с руководством или другими службами. Если применение меры требует санкции вышестоящего начальника или судебного решения, сотрудник докладывает о ситуации и получает соответствующее разрешение.

Третья стадия включает доведение до сведения граждан информации о применяемой мере. Сотрудник полиции обязан представиться, назвать свою должность, предъявить служебное удостоверение по требованию гражданина, разъяснить причину и цель своих действий. При оцеплении территории выставляются предупредительные знаки, организуется оповещение граждан о необходимости покинуть опасную зону или об ограничении движения. При проверке документов сотрудник сообщает гражданину основания для проверки и порядок ее проведения.

Четвертая стадия представляет собой фактическую реализацию выбранной меры предупреждения, путем непосредственного выполнения какого-либо действия. Таковым может быть проверка документов, оцепление территории, ограничение движения, вхождение в помещения или иные действия, в выполнении которых возникает необходимость в рамках реализации применяемой меры. При этом полицейскому надлежит обратить особое внимание на соблюдение законности и вежливого и уважительного обращения к участникам проводимой процедуры.

И заключительная пятая стадия связана с документированием выполненного действия в виде применения определенной меры предупреждения. Следует отметить, что форма документа, составляемого сотрудником полиции по факту реализации своих полномочий, может быть различного вида, к примеру рапорт, акт или иной процессуальный документ установленного образца, содержащий сведения о месте, времени, основаниях и сущности примененной им меры. Отсутствие документальной фиксации действий сотрудника полиции влечет собой нарушение последним своих должностных обязанностей, а также прав иных участников.

Надлежащий уровень профессиональной подготовленности к выполнению служебных задач сотрудниками полиции, и достаточные знания алгоритмов действия в определенных ситуациях, в частности реализации ими мер административного предупреждения, являются гарантом минимизации фактов нарушений прав граждан и организаций.

Список литературы:

[1] Манышев, В. В. Оперативно-служебная деятельность полиции. Тактико-специальная подготовка : учебное пособие / В. В. Манышев. — Москва : КноРус, 2024. — 288 с. — ISBN 978-5-406-13056-8. — URL: https://book.ru/book/953508 (дата обращения: 16.02.2026). — Текст : электронный.

[2] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»: [Электронный ресурс] - электрон. данные. - Информационно-правовой портал Гарант (дата обращения: 15.02.2026).

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026) // Собрание законодательства РФ. - 2002 - № 1 (ч. 1). ст.1.

References:

[1] Manyshev, V.V. Operational and official activities of the police. Tactical and special training: training manual/V.V. Manyshev. - Moscow: KnoRus, 2024. - 288 p. - ISBN 978-5-406-13056-8. - URL: https://book.ru/book/953508 (access date: 16.02.2026). - Text: electronic.

[2] Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ “On the Police”: [Electronic Resource] - electron. data. - Information and legal portal Guarantor (accessed on: 15.02.2026).

[3] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001 (as amended 29.12.2025) (as amended and supplemented, entry by virtue of 09.01.2026) //Collection of legislation of the Russian Federation. - 2002 - No. 1 (part 1). Article 1.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-396-401

ПЕЧНИКОВ Геннадий Алексеевич,
профессор кафедры уголовного процесса
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: mail@law-books.ru

СМОЛЬЯКОВ Пётр Павлович,
доцент кафедры «Право и социальные дисциплины»
ФГБОУ ВО Волгоградский ГАУ,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ТИМЧЕНКО Павел Андреевич,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России,
e-mail: kakapa@mail.ru

ДИАЛЕКТИКА К.МАРКСА О РАЗЛИЧИИ УГОЛОВНО – ПРАВОВЫХ И УГОЛОВНО – ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. *В статье критикуется теоретическая позиция, определяющая уголовный процесс формой уголовного права, что представляется диалектически неверным утверждением, поскольку как у уголовно-правовых, так и уголовно-процессуальных правоотношений есть только своя форма и свое содержание, диалектически взаимосвязанные. При этом уголовно-процессуальная форма существенна, содержательна, так как обусловлена своим уголовно-процессуальным содержанием, а не уголовно-правовым, или каким-либо иным правовым содержанием. Диалектике формы и содержания в разных правоотношениях посвящена работа К.Маркса «Дебаты по поводу закона о краже леса». В статье также показана состязательная сущность действующего УПК РФ, в котором состязательная процессуальная форма имеет приоритет над фактическим содержанием, поэтому по уголовному делу устанавливается формально- юридическая истина, а не объективная истина. Названные истины взаимоисключают друг друга, сосуществование их вместе, в рамках состязательного уголовного процесса, по мнению автора, невозможно. Для объективной истины необходим свой объективно истинный вид (модель) процесса, несовместимый с состязательным процессом. В статье подчеркивается, что в действующем УПК РФ состязательность (а это только средство) самодостаточна, она самоцель. Этим стирается необходимое диалектическое различие между целью и средствами, что неизбежно ведет к тавтологии: «средства для средств», «состязание для состязания» — победа за сильнейшим. Вместо выяснения истины по делу — выяснение силы сторон, вместо диалектики — тавтология. Между тем, для состязательного УПК РФ отказ от научной диалектики и объективной истины, как оказывается это просто норма.*

Ключевые слова: *диалектика, уголовно-правовые отношения, уголовно-процессуальные отношения, форма, содержание, частный интерес, обвиняемый, виновный, правоприменительный процесс, единый феномен, эклектизм, состязательный уголовный процесс, УПК РФ, объективно- истинный уголовный процесс, формально-юридическая истина, тавтология, объективная истина.*

PECHNIKOV Gennady Alekseevich,
Professor of the Department of Criminal Procedure
UNC on PS in the Department of Internal Affairs
of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs
of Russia Doctor of Law, Professor

SMOLYAKOV Petr Pavlovich,
Associate Professor of the Department of Law and Social Sciences
FGBOU VO Volgograd State Agrarian University,
Candidate of Law, Associate Professor

TIMCHENKO Pavel Andreevich,
Senior Lecturer of the Department of Criminal
Procedure UNC on PS in the Department of Internal Affairs
of the Volgograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

THE DIALECTIC OF K. MARX ON THE DIFFERENCE IN CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURAL RELATIONS

Annotation. *The article criticizes the theoretical position that defines criminal procedure as a form of criminal law, which seems to be a dialectically incorrect statement, since both criminal law and criminal procedure legal relations have only their own form and content, dialectically interrelated. At the same time, the criminal procedural form is essential and meaningful, as it is determined by its criminal procedural content, and not by criminal law or any other legal content. K. Marx's work "Debates on the Law on Forest Theft" is devoted to the dialectic of form and content in various legal relations. The article also shows the adversarial nature of the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, in which the adversarial procedural form takes precedence over the factual content, therefore, the formal legal truth is established in a criminal case, rather than the objective truth. These truths are mutually exclusive, and their coexistence together, in the framework of an adversarial criminal process, is impossible, according to the author. Objective truth requires its own objectively true view (model) of the process, incompatible with the adversarial process. The article emphasizes that in the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, competition (and this is only a means) is self-sufficient, it is an end in itself. This erases the necessary dialectical distinction between the goal and the means, which inevitably leads to a tautology: "means for means", "competition for competition" — victory for the strongest. Instead of clarifying the truth of the case, it is clarifying the strength of the parties, instead of dialectics, it is tautology. Meanwhile, for the adversarial Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the rejection of scientific dialectics and objective truth, as it turns out, is simply the norm.*

Key words: *dialectics, criminal law relations, criminal procedure relations, form, content, private interest, accused, guilty, law enforcement process, unified phenomenon, eclecticism, adversarial criminal process, CPC RF, objectively true criminal process, formal legal truth, tautology, objective truth.*

Несмотря на безусловную тесную взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений встает вопрос: допустимо ли стирать различия между данными правоотношениями и мыслить их как единый «правоприменительный процесс», когда, по сути, сложно отличить уголовно-процессуальные отношения от уголовно-правовых, когда все мешается в одну кучу.

С позиции материалистической диалектики как объективной закономерности, требованиями которой, с нашей точки зрения, пренебрегать нельзя, не следует указанные правоотношения объединять в единый «правоприменительный процесс». Наоборот, эти правоотношения как диалектические противоположности необходимо четко оттенять, различать, доводить до остроты антиномий. Ведь у каждого из рассматриваемых правоотношений своя миссия, свое предназначение и нельзя назначение одного правоотношения делать назначением другого.

Нельзя уголовно-процессуальные отношения подменять уголовно-правовыми. Нельзя в рамках уголовного процесса обвиняемого (подозреваемого) рассматривать как лицо виновное в преступлении, как преступника в нарушении презумпции невиновности. Имеется своя форма и свое содержание как у уголовно-правовых так и уголовно-процессуальных отношений. Это означает, что нельзя уголовно-процессуальную форму делать формой уголовно-правовых отношений.

Не редко правоведы мысль К. Маркса из его статьи «Дебаты по поводу закона о краже леса»: «Процесс есть только форма жизни закона» [1, с.158] трактует в том смысле, что уголовный процесс — это только форма уголовно-правовых отношений.

Например, И.Н.Кондрат пишет: «Необходимость реализации материально-правовых отношений уголовной ответственности помимо воли и желания правонарушителя влечет за собой в качестве компонента уголовного процессуальной

формы наличие арсенала средств процессуального принуждения. Характер таких средств зависит от особенностей самих материально-правовых отношений, являющихся предметом правоприменительной деятельности [2,с.117].

Под общим понятием «правоприменительная деятельность» И.Н.Кондрат фактически сливает вместе уголовно-правовое содержание уголовной ответственности с уголовно-процессуальной формой, тем самым, неизбежно стирается всякое различие между обвиняемым и виновным, преступником.

В этом плане весьма показательно и наименование диссертационного исследования другого автора К.В. Муравьева «Оптимизация уголовного процесса как форма применения уголовного закона», в котором он, в частности, утверждает: «Мера пресечения, а также отдельные иные меры процессуального принуждения должны рассматриваться в качестве особого средства государственного воздействия на лиц, обоснованно подозреваемых, обвиняемых в совершении преступления, в связи с высокой вероятностью назначения наказания этому лицу по приговору суда. Принятие принудительных мер в ходе уголовного процесса вплоть до решения его свободы можно оправдать лишь тем, что существует право на наказание действительно виновника преступления, которое составляет предмет дела, и имеются достаточное основание предполагать, что обвиняемый и есть преступник. Со времени обнаружения преступления право на наказание находится в динамическом состоянии, так как его сила отраженно сказывается в уголовном процессе на отношениях, которые обусловлены не только уголовно-процессуальной, но и уголовно-правовой нормой[3,с.18-19].

Отсюда, логически исходят из производности, вторичности уголовно-процессуальных отношений от материально-правовых, и, тем самым, как представляется, лишают уголовный процесс своей собственной свободы, ценности, самодостаточности, и делают его пустым придатком уголовного права.

Когда форма уголовно-процессуальная, а содержание уголовно-правовое, тогда неминуемо получается, что «обвиняемый и есть преступник», что «право на наказание находится в динамическом состоянии», то есть наступает не после реализации уголовного-процессуальных правоотношений, не с момента вступления приговора суда в законную силу, а гораздо раньше, еще в рамках и во время действия уголовно-процессуальных отношений, что неизбежно ведёт к стиранию различий между уголовно-процессуальными и уголовно-правовыми отношениями, между обвиняемым и виновным, когда начинают исходить из того, что меры пресечения в уголовном процессе имеют тот же характер и цель, что и меры уголовного наказания.

Конечно, диалектически количество переходит в качество, и по мере накопления доказательственных улик наличие уголовно-правового отношения в конкретном случае становится всё более очевидным, отчётливым.

Тем не менее, важен формальный момент, присущий вообще любым правоотношениям, который требуется неукоснительно соблюдать, ведь «форма существенна». Пока приговор суда не вступит в законную силу (а это формальный момент) лицо считается невиновным не наступают уголовно-правовые отношения уголовной ответственности к виновным.

«Многие исследователи,— отмечает К.В. Муравьев,— определяют (определяли) уголовный процесс формой уголовного права, т.е. отношение между процессом и статутным правом рассматривают как связь формы и содержания единого феномена»[4,с.10].

Итак, форма — уголовно-процессуальная, а содержание уголовно-правовое и это рассматривается как «единый феномен». Да, диалектические противоположности действительно сходятся в единстве («едином феномене»), однако, при этом следует учитывать, что эти противоположности должны быть по-настоящему диалектическими, системными, а не производными, не внешними, не эклектическими, не кажущимися и т.п. Противоположности эти должны быть строго своими, коренными, чтобы они давали действительный эффект «существенной формы и формированной сущности», в отличие когда форма берется от одного правоотношения, а содержание — от другого. Тогда выходит одна мешанина.

Отсюда мы считаем, что соединение вместе, в качестве «единого феномена», уголовно-процессуальной формы с уголовно-правовым содержанием — это не диалектическое , а эклектическое соединение.

Истинно же диалектическая взаимосвязь противоположностей, с нашей точки зрения, действительно существует между уголовным правом и уголовным процессом вообще в целом, а также между уголовно-правовыми формой и содержанием и между уголовно-процессуальными формой и содержанием.

Названные противоположности находятся в диалектическом единстве (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними), когда данные противоположности могут перетекать друг в друга — в этом состоит их диалектика. Так, уголовно-процессуальные правоотношения могут преобразовываться в уголовно-правовые, но не

иначе как, исчерпав до конца, до своего предела все свои возможности, когда уголовно-процессуальные отношения доведены до nec plus ultra (самой крайней степени), до тех пор, пока судебный приговор, признающий обвиняемого виновным, не вступит в законную силу. Только с этого момента должны начинать свое действие уголовно-правовые отношения. Но никак не раньше, не в период реализации уголовно-процессуальных отношений. В противном случае, в нарушении презумпции невиновности, обвиняемый — это уже виновный, преступник, обязанный нести уголовное наказание за содеянное. Итак, в целом уголовно-правовые правовые и уголовно-процессуальные отношения диалектически взаимосвязаны. Отсюда, в каждой из этих диалектических противоположностей можно обнаружить элементы, частицы противоположных правоотношений.

То есть, в уголовно-процессуальных правоотношениях неизбежно существуют элементы уголовно-правовых отношений. Например, в виде конкретной статьи уголовного кодекса, по которой возбуждается уголовное дело и осуществляется уголовное преследование подозреваемого, обвиняемого. И, наоборот, в уголовно-правовых отношениях имеются элементы, примесь уголовно-процессуальных правоотношений. Так, принцип презумпции невиновности проявляет себя и в уголовном праве, не позволяя обвиняемого отождествлять виновным. И судебный приговор, вступивший в законную силу, одинаково значим как для уголовного процесса, так и для уголовного права.

Наличие примеси противоположных начал в рассматриваемых правоотношениях фактически оттеняют их принципиальное отличие друг от друга. Ведь, уголовное право есть уголовное право, уголовный процесс — это уголовный процесс. И таковыми они остаются в своем неизменном виде до тех пор пока, не исчерпаны до конца, до предела их собственные правовые возможности. А дальше, как отмечено выше, они диалектически перетекают друг в друга. Уголовно-процессуальные правоотношения преобразуются в уголовно-правовые. Точно также как, например, запредельно белое становится черным, и, наоборот, соответственно. В этом диалектика противоположностей, их диалектическая взаимозависимость, диалектические взаимопереходы противоположностей, целостность противоположностей.

К. Маркса в своей статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» наглядно показывает диалектическую взаимосвязь между уголовно-процессуальным содержанием уголовно-процессуальной формой, которая стала твердой преградой на пути алчному частному интересу лесовладельцев, попытавшихся своим частным интересом подменить форму и содержание уголовного процесса. Диалектика в том, что процессуальная форма не «пустая формальность», а форма, неразрывно связанна со своим содержанием. Ведь «форма содержательна, а содержание оформлено». По Марксу: «Форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания» [1,с.159]. Не случайно К.Маркс отмечает: «Если судебный процесс сводится к одной только бессодержательной форме, то такая пустая формальность не имеет никакой самостоятельной ценности. С этой точки зрения китайское право (речь идёт об уголовно-процессуальном праве, его уголовно-процессуальным содержание — пояснение авторов) стало бы французским, если бы его втиснули в форму французской процедуры; материальное право (т. е. содержательная сторона уголовно-процессуального права пояснение авторов), однако, имеет свои необходимые,присущие ему процессуальной формы.» [1,с.158].

Как видим, К. Маркс подчеркивает неразрывную диалектическую взаимосвязь, диалектическое единство формы и содержания уголовного процесса. «…Гласный, свободный судебный процесс, — продолжает К. Маркс, — составляет необходимую принадлежность гласного по своей природе содержания, продиктованного свободой, а не частным интересом» [1, с. 158]. Тем самым, К. Маркс ясно показывает, что содержательная (а не пустая) процессуальная форма составляет необходимую принадлежность своего определенного уголовно-процессуального содержания. Здесь нет места «частному интересу», поскольку процессуальная форма не бессодержательна. В этом ценность процессуальной формы.

Из данной статьи К. Маркса следуют такие важные выводы:

- во-первых, диалектика как объективная всеобщая и универсальная закономерность, как единство и борьба противоположностей, как источник движения (самодвижения), изменения и жизненности проявляет себя буквально во всем. Если есть белое, то есть и черное, есть добро и есть зло, есть действие и противодействие, тайное и явное, причина и следствие, теория и практика, относительное и абсолютное и т.д. Применительно к правоотношениям, то каждое из них, как отмечалась, имеет только свои форму и содержание, неразрывно связанные;
- во-вторых, между противоположностями существует диалектическая взаимосвязь, т. е. противоположности не сами по себе, не оторваны друг от друга, а взаимозависимы.

Так, известная форма требует своего определенного содержания, своей сущности и наоборот, соответственно. Отсюда, китайское право нельзя втискивать в форму французской процедуры, а стало быть, и содержание уголовного права или оперативно- розыскного права не следует внедрять в уголовно-процессуальную форму, ведь форма лишена всякой ценности, если она не есть форма своего содержания;

– в-третьих, диалектическую взаимосвязь между формой и содержанием в уголовном процессе нельзя нарушать. Однако, как представляется, это происходит в современном состязательном уголовном процессе РФ, в котором форма (процедура) имеет явный приоритет над задачей установления фактических обстоятельств дела. Поэтому по уголовному делу устанавливается формально-юридическая истина как прямое следствие нарушения диалектической гармонии между формой содержанием в состязательным уголовном процессе (УПК РФ). В нем процессуальная состязательная форма «подминает» под себя фактическое содержание, т. е. объективно-истинное содержание, и за основу берется сама форма. Отсюда принцип состязательного процесса: что по форме правильно, то и «истинно» (формально истинно).

В состязательном процессе форма (процедура) выше искомой истины по делу. Объективная же истина есть результат подлинной диалектической взаимосвязи формы и содержания. Но такое в состязательном уголовном процессе (УПК РФ) невозможно просто по определению. Для системной диалектической взаимосвязи формы и содержания в уголовном процессе необходим иной, другой процесс, кардинально отличный от состязательного (выигрышно-проигрышного) процесса, а именно объективно-истинный тип (модель) уголовного процесса, который в наше время, к сожалению, остается невостребованным, но который, с нашей точки зрения, являет собой более высокий вид уголовного судопроизводства, по сравнению с состязательным процессом, в котором стороны состязаются исключительно для выигрыша дела в свою пользу, а кто сильнее — тот и прав, хотя как при этом позиция победителя может не соответствовать действительности.

Объективную истину можно назвать фактической истиной, в отличие от формально-юридической, правовой, вероятно истины. Состязательный вид уголовного процесса — это процесс осостязательствованной процессуальной формы, которая самоценна, самодостаточна, важна сама по себе и, стало быть, оторвана от фактического содержания. Но, ведь, согласно диалектике, как показал К.Маркс, форма должна быть содержательной, существенной, а не быть самой по себе и для себя, оторванной от фактического содержания. Однако, в состязательном уголовном процессе (УПК РФ) процессуальная форма важна сама по себе.

Выходит, формально-логическая тавтология: «форма для формы», а не диалектика, не объективная истина как цель процесса. Поэтому, прибегая к образному выражению, в лице состязательного уголовного процесса, мы имеем нечто вроде храма, в общем-то, разнообразно украшенного, но без святыни, т. е. без истины, без диалектики.

– в-четвертых, в силу научного диалектического подхода в уголовном процессе всегда должна быть цель, четко отличная от средств. Цель и средства — это диалектические противоположности и стирать различия между ними недопустимо. Однако законодатель в действующем УПК РФ сделал принцип состязательности (состязательных сторон) самодовлеющей вещью. Состязательность в нем не только конкретный принцип уголовного судопроизводства, но и основополагающая концепция всего российского уголовного процесса. Другими словами, в таком процессе все осостязательствовано: и цель и принципы уголовного судопроизводства и правовые институты, включая и институт прав личности, т.к. права и законные интересы личности в состязательном УПК РФ ставится в прямую зависимость от силы сторон.

Но что такое процессуальный принцип? Это только средство по отношению к цели. Но в том-то и суть, что в состязательном УПК РФ состязательность, т. е. средство, стала самоцелью всего процесса. Тем самым цель и средство в состязательном уголовном процессе слились воедино, что противоречит научным требованиям диалектики, требующий четко отделять противоположности, доводить их до остроты антиномий, ведь принцип (средство) — это не цель, а цель — это не принцип (средство). Фактически состязательном УПК РФ нет цели, которая выходила бы за пределы состязательности.

Состязательность как средство подчинила себе цель, осостязательствовала ее. Поэтому вместо диалектики: средства должны быть направлены на достижение цели, в состязательном УПК РФ выходит одна тавтология: «средства для средств», «состязание для состязания», т.е. состязательность в таком процессе замкнута на саму себя. Это недиалектично, но в этом и состоит сущность всего состязательного уголовного процесса (УПК РФ), в котором нет места объективной

истине, поскольку состязательность в нем самодостаточна и она отвергает объективно-истинную цель, т.к. все решается самим поединком сторон —выявляется победитель, отсюда объективная истина не нужна, она излишня. Состязательный уголовный процесс — это процесс на уровне одних средств без цели, или обесцеленных средств.

Выходит, в действующем состязательном УПК РФ произошла «подмена понятия». Вместо достоверного, объективно-истинного раскрытия преступлений (борьба с преступностью) — происходит выяснение силы сторон. Победа за сильнейшим. В либеральном УПК РФ нет принципа неотвратимости ответственности виновных, поскольку действительности виновной может выиграть состязание сторон и остаться безнаказанным, а в действительности невиновной — проиграть. Все зависит от того, кто опытнее, искуснее, убедительнее в споре сторон, у кого группа адвокатов. В результате в состязательном процессе торжествует право и справедливость сильного, но не объективно-истинная справедливость, которая возможна лишь в объективно-истинном уголовном процессе.

Состязательный уголовный процесс — это выигрышно-проигрышный процесс, поскольку, если сторона не выигрывает, то она проигрывает в поединке сторон. Третьего не дано. Отсюда интересы, цели сторон обвинения и защиты в состязательном процессе существенно занижены, ограничены. Сторонами движет исключительно меркантильно-выигрышный интерес, который не выходит за рамки состязательности.

В-пятых, с нашей точки зрения, нельзя в рамках состязательного уголовного процесса соединять вместе формально-юридическую истину с объективной истиной, и тем самым, признавать сосуществование в УПК РФ истины объективной (материальной) т. е. соответствия выводов суда фактам, имевшим место в действительности, и истины юридической (формальной) т.е. соответствия выводов суда сведениям, облеченным в надлежащую процессуальную форму, поскольку это не диалектическое, а, как нам представляется, эклектическое соединение.

Ведь это кардинально разные истины и у каждой из них только свой тип (модель) уголовного судопроизводства, для одной — это состязательный, для другой — объективно-истинной процесс. Это означает, что нельзя стирать различие и между состязательной и объективно-истинной моделями уголовного процесса, т.к. это совершенно разные процессы по своим сущностям и ценностный ориентирам. В состязательном уголовном процессе, как и отмечалось, все осостязательствовано: и цель, и средства, все подчинено состязательной форме. Отсюда формально-юридическая истина. Совсем иное дело объективно-истинная модель уголовного процесса, в которой все объективно-истинно: и средства, и цель. Поэтому, считаем научно неправильно в состязательную форму уголовного процесса пытаться внедрить объективно-истинное содержание, т.к. начинается сплошная мешанина. Этому нас учит статья диалектика К. Маркса «Дебаты по поводу закона о краже леса».

Список литературы:

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т.1, М. «Политиздат» 1955. 698 с.

[2] Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: монография / И.Н.Кондрат. — М: ИД «Форум», 2014. 208 с.

[3] Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона. Автореф. дисс. д-ра юрид. наук. Омск. 2017. 43 с.

[4] Муравьев К.В. Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона: монография. — Москва: Проспект, 2019. 264 с.

References:

[1] Marx K, Engels F. Op. 2nd ed. t.1, M. “Politizdat” 1955. 698 pp.

[2] Kondrat I.N. Criminal policy of the state and regulatory legal regulation of criminal procedural relations: monograph/I.N. Kondrat. - M: Publishing House “Forum,” 2014. 208 pp.

[3] Muravyov K.V. Optimization of the criminal process as a form of application of the criminal law. Autoref. diss. Dr. Jurid. sciences. Omsk. 2017. 43 pp.

[4] Muravyov K.V. Optimization of the procedural form of application of the criminal law: monograph. - Moscow: Prospect, 2019. 264 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-402-405

АРХИПОВ Сергей Николаевич,
доцент кафедры огневой подготовки
Тюменского института повышения квалификации
сотрудников МВД России, полковник полиции,
e-mail: as.master13@mail.ru

КЛИМОВ Иван Александрович,
старший преподаватель кафедры
специальной тактики и огневой подготовки
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я.Кикотя,
майор полиции,
e-mail: ivanklimov999@mail.ru

НЕНАДЛЕЖАЩАЯ ПОДГОТОВКА/ДОПУСК К ОРУЖИЮ КАК ФАКТОР ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА: КВАЛИФИКАЦИЯ И ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Аннотация. *В статье рассматривается ненадлежащая подготовка и допуск к обращению с оружием как значимый фактор причинения вреда жизни и здоровью граждан. Анализируются положения действующего законодательства Российской Федерации, регулирующие оборот и применение оружия, а также организационно-правовые обязанности должностных лиц по обеспечению надлежащей профессиональной подготовки сотрудников. Особое внимание уделяется вопросам уголовно-правовой квалификации деяний, связанных с причинением вреда вследствие недостаточного обучения, формального допуска либо отсутствия должного контроля. Исследуется проблема разграничения ответственности непосредственного исполнителя и руководителя, допустившего нарушения в сфере подготовки и допуска к оружию, а также установления причинно-следственной связи между организационными упущениями и наступившими последствиями. Делается вывод о необходимости совершенствования нормативного регулирования, конкретизации требований к подготовке и усиления превентивной роли ответственности должностных лиц в целях минимизации рисков неправомерного применения оружия.*

Ключевые слова: *оружие; применение огнестрельного оружия; ненадлежащая подготовка; допуск к оружию; причинение вреда; халатность; превышение должностных полномочий; ответственность должностных лиц; квалификация преступлений; правоохранительные органы.*

ARKHIPOV Sergey Nikolaevich,
Associate Professor, Department of Firearms Training,
Tyumen Institute for Advanced Training
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel

KLIMOV Ivan Aleksandrovich,
senior lecturer at the Department
of Special Tactics and Firearms Training
of the Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot,
police major

IMPROPER TRAINING/AUTHORIZATION TO USE WEAPONS AS A FACTOR IN CAUSING HARM: QUALIFICATION AND LIABILITY ISSUES OF OFFICIALS

Annotation. *The article examines inadequate training and improper authorization to handle firearms as a significant factor contributing to harm to life and health. The study analyzes the current legislation of the Russian Federation regulating the circulation and use of weapons, as well as the organizational and legal duties of officials responsible for ensuring proper professional training. Particular attention is paid to the criminal law qualification of acts resulting in harm due to insufficient training, formal authorization procedures, or lack of proper supervision. The paper explores the distinction between the liability of the непосредственный actor and that of a superior who allowed violations in the field of training and authorization, as well as the establishment of a causal link between organizational deficiencies and harmful consequences. The author concludes that there is a need to improve legal regulation, specify mandatory training requirements, and strengthen the preventive role of official liability in order to minimize the risks of unlawful use of firearms.*

Key words: *weapons; use of firearms; inadequate training; authorization to handle weapons; infliction of harm; negligence; abuse of official powers; liability of officials; criminal qualification; law enforcement agencies.*

Современное состояние правового регулирования оборота и применения оружия в Российской Федерации характеризуется повышенным вниманием к вопросам обеспечения законности и безопасности. Особую актуальность здесь приобретает проблема ненадлежащей подготовки сотрудников полиции и иных лиц, допущенных к обращению с оружием, поскольку именно данный фактор нередко становится причиной причинения вреда жизни и здоровью граждан. Недостаточный уровень профессиональной выучки, формальный характер проведения учебных занятий, отсутствие систематической проверки навыков безопасного обращения с оружием, а также игнорирование требований к психологической устойчивости сотрудников существенно повышают вероятность ошибочных решений в стрессовых и экстремальных ситуациях. Практика показывает, что в условиях дефицита времени и высокой динамики оперативной обстановки именно степень предварительной подготовки предопределяет способность лица действовать в строгом соответствии с законом, соразмерно характеру угрозы и с минимизацией возможных негативных последствий.

В условиях расширения задач правоохранительных органов, усиления требований к профессиональной подготовке и служебной дисциплине возрастает значение правовой оценки действий должностных лиц, ответственных за организацию обучения, контроль допуска и соблюдение установленных процедур. Руководители подразделений, уполномоченные на принятие решений о допуске к оружию, обязаны обеспечивать не только формальное соответствие сотрудников установленным критериям, но и реальную готовность к правомерному и обоснованному применению оружия. Нарушение данных обязанностей может выражаться в ненадлежащем контроле за прохождением подготовки, сокрытии сведений о недостаточном уровне квалификации либо состоянии здоровья сотрудника, а также в непринятии мер по отстранению от обращения с оружием при наличии соответствующих оснований. В совокупности такие упущения формируют повышенный риск причинения вреда и обусловливают необходимость комплексной уголовно-правовой и дисциплинарной оценки действий (или бездействия) должностных лиц. Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе ненадлежащей подготовки или допуска к оружию как фактора причинения вреда, а также в определении особенностей квалификации соответствующих деяний и вопросов ответственности должностных лиц.

Правовое регулирование оборота оружия в Российской Федерации основывается на положениях Федерального закона от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» [1], а также специальных нормативных актах, регламентирующих порядок применения огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов. В частности, Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [2] закрепляет основания, условия и пределы применения оружия, устанавливая при этом обязанность обеспечить соответствующую профессиональную подготовку сотрудников, невыполнение которых может повлечь как дисциплинарную, так и уголовную ответственность.

Ненадлежащая же подготовка к применению оружия выражается в формальном прохождении обучения, отсутствии регулярных тренировок, недостаточном контроле уровня знаний и навыков, а также в нарушении порядка проверки пригодности к действиям в экстремальных условиях. В научной литературе подчеркивается, что качественная организация служебной подготовки является ключевым элементом профилактики неправомерного причинения вреда [3]. Так, В.В. Шанько отмечает, что эффективная организация действий сотрудников органов внутренних дел предполагает четкое планирование, практическую отработку алгоритмов поведения и постоянный контроль со стороны руководства [3]. Данный вывод имеет принципиальное значение и применительно к вопросам допуска к оружию,

поскольку отсутствие системности в обучении неизбежно повышает риск ошибочного применения силы. Следует учитывать, что причинение вреда при обращении с оружием может квалифицироваться по различным составам преступлений в зависимости от формы вины и характера последствий. В случаях, когда сотрудник действует с превышением должностных полномочий, возможна квалификация по ст. 286 УК РФ. Если же вред причинен по неосторожности вследствие недостаточной подготовки, вопрос может ставиться о привлечении к ответственности по ст. 293 УК РФ (халатность) в отношении должностных лиц, обязанных организовать обучение и контроль, поэтому как справедливо указывается в научных исследованиях, оценка правомерности применения оружия требует учета совокупности обстоятельств, включая уровень подготовки сотрудника и условия обстановки [4].

Особое внимание необходимо уделить разграничению личной ответственности непосредственного исполнителя и ответственности руководителя, допустившего нарушение порядка подготовки или допуска к оружию. В соответствии с положениями гражданского законодательства вред, причиненный источником повышенной опасности, подлежит возмещению независимо от вины причинителя в случаях, прямо предусмотренных законом [5]. Уголовно-правовая оценка деяний здесь требует установления причинно-следственной связи между ненадлежащей организацией подготовки и наступившими последствиями, поскольку если будет доказано, что отсутствие должного обучения или проверки стало существенным условием причинения вреда, ответственность может быть возложена на соответствующее должностное лицо.

Проблематика квалификации осложняется тем, что нормативные акты зачастую формулируют требования к подготовке в общем виде, не устанавливая четких критериев достаточности обучения. В этой связи правоприменительная практика вынуждена опираться на ведомственные инструкции и стандарты, а также на экспертные заключения. Как отмечают исследователи, пробелы в правовом регулировании создают риск неоднозначной оценки действий сотрудников и их руководителей [4], поэтому представляется целесообразным совершенствование нормативной базы путем конкретизации обязательных элементов подготовки, периодичности проверок и порядка документального подтверждения допуска к оружию. Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о профилактике причинения вреда посредством усиления контроля за психологической пригодностью лиц, допускаемых к обращению с оружием, поскольку именно комплексный подход, включающий правовую, тактическую и психологическую подготовку, способен существенно снизить вероятность неправомерного применения огнестрельного оружия. Ведь именно психологическая устойчивость, способность к самоконтролю, адекватная оценка степени общественной опасности ситуации и прогнозирование последствий собственных действий являются не менее значимыми факторами, чем знание нормативных предписаний и владение тактико-специальными навыками, игнорирование данных аспектов либо формальный характер психодиагностических мероприятий создают риск допуска к оружию лиц, не обладающих необходимыми личностными и эмоционально-волевыми качествами. В этой связи особое значение приобретает регулярность психологических обследований, объективность их проведения, а также учет результатов при принятии управленческих решений о допуске или отстранении сотрудника от обращения с оружием.

При этом необходимо подчеркнуть, что ответственность должностных лиц должна носить не только карательный, но и превентивный характер, стимулируя надлежащее исполнение организационно-распорядительных функций, поэтому привлечение к юридической ответственности за допущенные нарушения в сфере подготовки и контроля должно сопровождаться формированием устойчивой управленческой практики, ориентированной на предупреждение рисков, а не исключительно на реагирование на уже наступившие последствия. Превентивный потенциал ответственности проявляется в установлении четких процедур документирования результатов подготовки, обязательности служебных проверок при выявлении недостатков, а также в персонализации управленческих решений. Таким образом, эффективная система контроля за психологической пригодностью и качеством подготовки в целом выступает не только элементом обеспечения законности применения оружия, но и важнейшим инструментом снижения вероятности причинения вреда и укрепления доверия общества к деятельности правоохранительных органов.

Иными словами, подводя итоги, мы видим, что ненадлежащая подготовка или допуск к оружию выступают значимыми факторами причинения вреда, обусловливающим необходимость комплексной правовой оценки и носят системный характер, поскольку затрагивают не только индивидуальные действия конкретного сотрудника, но и организационно-управленческие решения, принимаемые на уровне подразделения или ведомства в целом. Ошибки в построении системы обучения, формальный подход к проверке знаний и

навыков, несоблюдение требований к медицинскому и психологическому освидетельствованию создают предпосылки для возникновения ситуаций, в которых неправомерное применение оружия становится следствием совокупности управленческих упущений. Квалификация соответствующих деяний зависит от формы вины, характера последствий и установления причинно-следственной связи между нарушениями в организации подготовки и наступившими последствиями. При этом особое значение приобретает доказывание того, что именно дефекты в системе подготовки или допуска находились в прямой причинной связи с наступившим вредом, а не носили формальный или второстепенный характер. То есть в каждом конкретном случае требуется оценка объема обязанностей должностного лица, пределов его компетенции, а также реальной возможности предотвратить наступление общественно опасных последствий, поэтому правоприменительная практика сталкивается с необходимостью комплексного анализа как нормативных предписаний, так и фактических обстоятельств служебной деятельности.

Следовательно, совершенствование нормативного регулирования, конкретизация требований к обучению, периодичности проверок и документальному оформлению допуска к оружию, а также усиление ведомственного и прокурорского контроля со стороны руководства являются необходимыми условиями повышения уровня правовой защищенности граждан и минимизации рисков неправомерного применения оружия, формирование четких стандартов профессиональной подготовки и персонализация ответственности управленческих субъектов позволяют не только обеспечить справедливую юридическую оценку уже совершенных нарушений, но и создать эффективный превентивный механизм, ориентированный на предупреждение причинения вреда в будущем.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. действующая). URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_12679/ (дата обращения: 02.03.2026).

[2] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. действующая). URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 02.03.2026).

[3] Шанько, В. В. Особенности организации действий сотрудников органов внутренних дел при массовых беспорядках / В. В. Шанько, А. С. Курочкин, В. В. Шабаев. – Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – 48 с. – ISBN 978-5-89288-429-7.

[4] Бурчикаускас В. А. Порядок, условия и основания применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции: проблемы правового регулирования и уголовно-правовой оценки последствий его применения // Научный портал МВД России. 2023. №3 (63).

[5] Острикова Л. К. Институт обязательств вследствие причинения вреда: современное состояние и пути совершенствования // Актуальные проблемы российского права. 2019. №10 (107).

References:

[1] Federal Law No. 13.12.1996 of 150-FZ “On Weapons” (as amended). URL: http://www.consultant.ru/document/ cons _ doc _ LAW _ 12679/(access date: 02.03.2026).

[2] Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ “On the Police” (as amended). URL: http://www.consultant.ru/document/ cons _ doc _ LAW _ 110165/(accessed on: 02.03.2026).

[3] Shanko, V.V. Peculiarities of organizing the actions of employees of the internal affairs bodies during riots/V.V. Shanko, A.S. Kurochkin, V.V. Shabaev. - Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. - 48 p. - ISBN 978-5-89288-429-7.

[4] Burchikauskas V. A. Procedure, conditions and grounds for the use of firearms by police officers: problems of legal regulation and criminal law assessment of the consequences of its use//Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. №3 (63).

[5] Ostrikova L.K. Institute of obligations due to harm: current state and ways of improvement//Current problems of Russian law. 2019. №10 (107).

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-406-410

СИЛКИН Вячеслав Петрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-исполнительного права и
организации воспитательной работы с осуждёнными,
Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
e-mail: silkin.viacheslaw@yandex.ru

КУЛЬТУРА РЕЧИ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА

Аннотация. *В работе анализируется состояние культуры речи юристов, выявлены и классифицированы ошибки в их устной и письменной речи, приведены примеры ошибок, даны общие рекомендации по повышению культуры речи юристов. Установлено, что самыми распространёнными ошибками в устной и письменной речи юристов являются следующие: использование жаргонизмов (профессиональных, арго и других); использование варваризмов; безграмотность с точки зрения русского языка; неуважительное отношение к гражданам; использование обсценной лексики; использование в нормативно-правовых актах непонятных, неустоявшихся терминов; юридическая безграмотность процессуальных документов.*

Ключевые слова: *культура речи, профессиональная деятельность юриста*

SILKIN Vyacheslav Petrovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Penal Enforcement
Law and Organization of Educational Work with Convicts,
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal
Penitentiary Service of Russia

THE CULTURE OF SPEECH AS A NECESSARY CONDITION FOR THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF A LAWY

Annotation. *The paper analyzes the state of the speech culture of lawyers, identifies and classifies errors in their oral and written speech, provides examples of errors, and provides general recommendations for improving the speech culture of lawyers. It has been established that the most common mistakes in the oral and written speech of lawyers are the following: the use of jargon (professional, argot, and others); the use of barbarisms; illiteracy from the point of view of the Russian language; disrespectful attitude towards citizens; the use of obscene vocabulary; the use of incomprehensible, unresolved terms in regulatory legal acts; legal illiteracy of procedural documents.*

Key words: *culture of speech, professional activity of a lawyer.*

Введение

Представляется, что тема культуры речи, устной и письменной, является одной из самых важных в деятельности юриста, причём – не только в профессиональной, но и внеслужебной деятельности. Она имеет огромное значение для любого юриста, как теоретика (учёного, преподавателя, представителя законодательной власти), так и практика, будь то следователь, адвокат, прокурор, судья, нотариус. Это вытекает из того, что профессиональная деятельность юриста осуществляется, как правило, в атмосфере открытости и гласности: судебный процесс, проведение следственных действий, личный приём граждан, лекции, выступления в средствах массовой информации и т.п. То есть граждане часто непосредственно наблюдают работу юриста, отмечая и культуру его речи, или напротив, бескультурье. К тому же, и после окончания рабочего дня, в обыденной жизни юрист (особенно судья или прокурор), часто продолжает оставаться в центре человеческого внимания, как образец для подражания или цель для провокаций, что также обязывает его следить за своей речью.

Различные аспекты темы русского языка и культуры речи исследовали такие известные учёные, как Л.С. Бурдин, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, В.Г. Костомаров, А.М. Кузнецов, А.А. Леонтьев, С.И. Ожегов, Д.Н. Ушаков, Н.А. Юшкова и др.

Цель, задачи, методы исследования

Определить состояние культуры речи юристов, при наличии проблем предложить меры по их устранению. Для этого представляется необходимым изучить нормативно-правовые акты, речевую практику юристов, научную литературу, при выявлении проблем в письменной и устной речи юристов, классифицировать их, предложить меры по устранению недостатков в речи юристов.

В процессе исследования использовались такие методы научного познания, как наблюдение, дедукция, анализ и синтез, классификация, системный подход.

Основные результаты

В начале исследования, по нашему мнению, необходимо напомнить некоторые понятия.

Язык (одно из значений) – это «исторически сложившаяся система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе» [1, с.917]. Речь – это и способность говорить, и звучащий язык, а также и разновидность или стиль языка (устная, письменная и другая речь) [1, с.678].

Культура речи, являясь частью общей культуры человека, в свою очередь – это «владение нормами устного и письменного литературного языка (правилами произношения, ударения, словоупотребления, грамматики, стилистики), а также умение использовать выразительные средства языка в различных условиях общения в соответствии с целями и содержанием речи» [2, с.73].

К соблюдению культуры речи юриста обязывают Федеральные законы «О государственной гражданской службе Российской Федерации», «О прокуратуре Российской Федерации», «О статусе судей в Российской Федерации», а также Кодексы этики: прокурорского работника, профессиональной деятельности адвоката, нотариуса, судейской этики, предписывающие, что судья, прокурор, адвокат, нотариус должны следовать высоким стандартам морали и нравственности, избегать всего, что могло бы умалить их честь и достоинство.

Пренебрегающий правилами речи судья, прокурор, следователь, адвокат, нотариус, или юрисконсульт, если он пишет или говорит с различными огрехами, по нашему мнению, умаляет честь и достоинство, не только свои, но и косвенно – всего юридического сообщества, поскольку по одному адвокату или следователю люди могут судить о всех адвокатах или следователях.

Вместе с тем, если обратиться к речевой практике представителей юридической профессии, можно выделить такие, на наш взгляд, основные проблемные моменты в их устной и письменной речи.

1. Различные жаргонизмы, употребляемые «к месту и не к месту». Не так страшно, если они употребляются только устно и в узком кругу юристов, хуже, если при посторонних и в различных официальных документах, что тоже, к сожалению, не редкость. Среди них:

– Профессиональные жаргонизмы. Назовём для примера несколько наиболее употребляемых словосочетаний: «отказник» или «отказной материал» (вместо: материал об отказе в возбуждении уголовного дела), «суд засилил приговор» (вместо: оставил приговор в силе), «ударил рукой в область лица» (вместо: ударил рукой в лицо), «привёл себя в состояние опьянения» (вместо: употребил спиртные напитки) и т.д.

Исследователи отмечают в связи с этим: «Клишированные языковые конструкции, безжизненная речь лишает человека необходимости самому думать» [3, с.273].

– Тюремный жаргон (арго, на языке преступных элементов «феня»). Сотрудники правоохранительных органов, особенно уголовно-исполнительной системы, довольно активно применяют в ежедневной работе такие слова как: «баклан» (хулиган), «перо» (нож), «на тюрьме» (в исправительном учреждении), «промка» (промышленная зону ИУ), «жилка» (жилая зона ИУ) и т.д.

Е.Б. Зверева считает это недопустимым ни для налаживания контакта с преступником, ни с точки зрения воспитательной работы с ним, т.к. воспитатель должен быть в первую очередь сам воспитан, являясь человеком культурным и грамотным [4, с.95].

– Иные жаргонизмы, употребляемые юристами: «откаты», «крыша», «освоить бюджет», «косари», «лямы» (жаргон коррупционера), «трава», «пыхнуть», «колёса», «герыч» и т.д. (жаргон наркомана) и др.

2. В последнее время великий русский язык всё больше замусоривается англицизмами в американском варианте. Чаще всего они являются чужеродными для русской куль-

туры, имеют аналоги в русском языке, поэтому в языковедении именуются варваризмами. Тем не менее, варваризмы усиленно внедряются, в том числе юристами, в ежедневную практику словоупотребления, как в устную речь, так и в письменную. Например: «фейк» (вместо: ложь), «челендж» (состязание, задание), «апгрейд» (обновление, улучшение), «буллинг» (травля), «хайп» (ажиотаж), кэшбэк (возврат денег), «эйчар» (вместо: специалист по кадрам), локация (место) и т.д.

Некоторые иностранные слова заимствуются совершенно бездумно, без учёта их исторического звучания. Например, при государственных университетах, вероятно, по инициативе «сверху», созданы «Дома научной коллаборации». Интересно, авторы этой инициативы подумали о том, что несколько десятков лет после Великой Отечественной войны словом коллаборационисты (или в упрощённом виде – коллаборанты) в нашей стране называли предателей или полицаев, сотрудничавших с фашистами. Впервые термин появился, вероятно, во Франции, где им как раз и обозначали французов, сотрудничавших с оккупационной немецкой армией.

По крайней мере, именно так определяют значение этого слова авторы Словаря иностранных слов современного русского языка: «Коллаборационист, коллаборациониста, м. [франц. collaboration сотрудничество] – человек, который добровольно сотрудничает с захватчиками, оккупировавшими его родную страну» [5, с.330; 1, с.283]. Выходит, при высших учебных заведениях создаётся «Дом научного предательства»? Может быть, лучше было бы назвать эти структуры по-русски, не используя слова с сомнительной коннотацией, например: «Дом научной кооперации» или «Дом научного сотрудничества»?

Отечественный законодатель в 2023 году (Федеральным законом № 52-ФЗ от 28.02.2023) даже вынужден был внести изменения в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», попытавшись усилить законодательный барьер в неоправданном использовании иностранных слов. Хорошее начинание, но этого мало. Каждый должен начать с себя. Юристам необходимо в числе первых активно включиться в этот процесс.

3. Серьёзной проблемой в повседневной устной и письменной речи юристов стала элементарная безграмотность с точки зрения русского языка:

– Неверное написание слов. В процессуальных и иных официальных документах автору статьи доводилось видеть многочисленные грамматические, орфографические и иные ошибки, среди которых: «мудья» (вместо: судья), «эпиляционная коллегия по уголовным делам» (вместо: апелляционная), «ацвальт» (вместо: асфальт), «цветофор» (вместо: светофор) и др.

К этому надо добавить то, что судьи и следователи нередко по невнимательности допускают в процессуальных документах ошибки в написании фамилии, имени и отчества участников процесса, их адресов, взысканных сумм и т.п. Данные факты влекут в последующем повторное обращение сторон в суд, что само по себе нарушает их право на справедливую и скорую судебную защиту.

– Неправильное произнесение слов. От студентов на семинарах и экзаменах автору статьи нередко приходится слышать следующие «открытия»: «правовое ругелирование» (регулирование), пощерительные нормы (поощрительные), континентальный шлейф (шельф), ходательство (ходатайство), смертельная казнь (смертная), хронологические заболевания (хронические) и т.д. Если студента никто не поправит, он затем и работать будет, употребляя такие слова.
– Неправильная постановка ударения: дело возбУждено, человек осУжден, прИвод свидетеля, опЁка, дОговор, ходатАйство, Эксперт, созвОнимся и т.д. Часто практикующие юристы словно бравируют неправильной постановкой ударения в этих словах, возможно, считая это какой-то своеобразной «изюминкой» речи.

4. Неуважительное обращение к гражданам, в т.ч. к коллегам-юристам. В интернет-пространстве достаточно много статей и видео-сюжетов о том, как судьи или сотрудники правоохранительных органов неподобающим образом, грубо общаются не только с обычными гражданами, но и с адвокатами или юрисконсультами.

В.М. Бозров и Е.Р. Ергашев в связи с этим пишут, что судья и прокурор в судебном процессе должны обладать вежливостью, тактичностью, сдержанностью, не допускать не только фамильярности, но и многословия, морализаторства, жестикуляции, неуместных высказываний, реплик, шуток и т.п. [6, с.14].

5. Особенно настораживает употребление юристами нецензурных слов, ненормативной лексики. И если где-то в личном пространстве человек вполголоса «отводит душу» с приятелем или коллегой с помощью мата, считая это для себя допустимым, это, наверное, ещё «полбеды». Но это совершенно недопустимо делать на рабочем месте, тем более громко, во всеуслышание. Автору статьи, например, однажды студентка, вернувшись с практики в одном из

правоохранительных органов, на вопрос, понравилось ли ей, сказала, что в целом понравилось, кроме того, что там сильно ругаются матом, в т.ч женщины. Что преподаватель должен студентке ответить? Что это норма? Или: «Не обращайте внимания и не будьте такой, как они?»

Иногда знакомые рассказывают, как сотрудники правоохранительных органов в форменном обмундировании на обеде в кафе громко, во всеуслышание, разговаривают друг с другом, с применением матерных слов. Не говоря о том, что это нарушение личного пространства людей и кодексов этики, юридически это административное правонарушение – мелкое хулиганство. Помнится не так давно, лет тридцать назад, человеку в форме не только ругаться, но даже курить при посторонних воспрещалось, можно было это делать только в специально отведённом месте. А теперь даже форма не дисциплинирует юристов!

В 2018 году в Краснодарском крае квалификационная коллегия судей лишила полномочий судью арбитражного суда за то, что он накричал на истца, применяя обсценную лексику (мат), прямо во время судебного заседания.

6. В нормативно-правовых актах нередко применяются непонятные, неустоявшиеся термины, допускающие расширительное толкование, что не соответствует не только законодательной технике, но и культуре речи. Например, с недавних пор, мы узнали на практике, что такое «масочный режим», «самоизоляция», «режим повышенной готовности» и т.д. На практике все узнали, однако научного обоснования и толкования таких терминов нет до сих пор. Это что – «новояз», как в романе Дж. Оруэлла «1984»?
7. В процессуальных документах встречается очевидная юридическая безграмотность. С точки зрения материального права, например: применена не та норма, не все признаки преступления указаны в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, а затем в приговоре и т.д. С точки зрения процессуального права: решение не мотивировано, резолютивная часть противоречит описательной и т.п. [7].

Адвокаты и арбитражные управляющие (как знакомые лично автору, так и в интернете) свидетельствуют: судьи нередко копируют в приговор полностью обвинительное заключение (просят, чтобы следователь принёс на так называемой «флешке»), либо копируют в решение доводы истца, также с «карты памяти». При этом судьи иногда даже забывают заменить лицо (как были показания от первого лица, так и остались), допуская в приговоре многочисленные ошибки, включая и нецензурную брань.

Заключение

Таким образом, в устной и письменной речи юристов встречаются разнообразные проблемы и ошибки, что не соответствует культуре речи и высоким требованиям, предъявляемым к данной профессии. Отмеченные проблемы способны повлечь за собой падение авторитета представителей юридического сообщества.

Для выявления причин указанных недостатков в речи юристов (рассмотрены только самые распространённые и грубые из них), разработки подробных рекомендаций о способах избавления от ошибок, необходимо проводить отдельное исследование и писать отдельную большую статью. Автор призывает коллег, как минимум, более внимательно и требовательно подходить к процессу написания и произнесения слов, уважительно относиться к правилам русского языка. Во всяком случае, требуется исключить из речи нецензурную брань, разного рода жаргонизмы и варваризмы. В случае сложностей с постановкой ударений в словах, написанием какого-либо из слов, рекомендуется прибегать к помощи словарей, которых в настоящее время достаточно, как в привычном, печатном виде, так и в электронном виде – в интернете.

Представляется целесообразным закончить статью несколькими цитатами из произведений уважаемых русских классиков: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками... Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса!» [8, с.96]. «Многие русские слова сами по себе излучают поэзию, подобно тому как драгоценные камни излучают таинственный блеск… Русский язык открывается до конца в своих поистине волшебных свойствах и богатстве лишь тому, кто кровно любит и знает «до косточки» свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли» [9]. «Язык – это орудие мышления… Обращаться с языком кое-как – значит, и мыслить кое-как: неточно, приблизительно, неверно» [10].

Список литературы:

[1] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП». 2006. – 938 с.

[2] Бирюкова Е.А. Культура речи как показатель культуры человека // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2016. №17. – С.73-76.

[3] Сердюк Н.В., Власов Б.Е. Культура речи сотрудников органов внутренних дел в контексте

коммуникативной культуры полицейского сообщества // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 10 (803). – С.261-274.

[4] Зверева Е.Б. Культура речи как необходимый компонент общей культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы // Материалы Ивановских чтений. 2022. № 4 (39). – С.94-96.

[5] Словарь иностранных слов современного русского языка. – М.:«Аделант», 2014. – 800 с.

[6] Бозров В.М., Ергашев Е.Р. О культуре процессуальной деятельности суда и прокурора при рассмотрении уголовного дела по существу // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. № 3 (71). – С.10-17.

[7] Волков А.С., Фирсов О.А. Проблемы правовой культуры следователя // Правовая культура. 2019. № 4 (39). – С.64-73.

[8] Тургенев И.С. По поводу «Отцов и детей» / Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 11. – М.: Издательство «Наука», 1983. – С.86-97.

[9] Паустовский К.Г. Золотая роза / Собрание сочинений в девяти томах. – М.: «Художественная литература». 1982. Т.3. – С.228-229.

[10] Толстой А.Н. О драматургии (Доклад Первому съезду писателей) / Собрание сочинений в десяти томах. Москва: «Художественная литература». 1986. Т.10. – С.240.

References:

[1] Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions/Russian Academy of Sciences. Russian Language Institute named after V.V. Vinogradov. - 4th ed., Supplemented. - M.: LLC “A TEMP.” 2006. - 938 p.

[2] Biryukova E.A. Culture of speech as an indicator of human culture//Collections of conferences of the SIC Sociosphere. 2016. №17. - S.73-76.

[3] Serdyuk N.V., Vlasov B.E. Culture of speech of employees of the internal affairs bodies in the context of the communicative culture of the police community//Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2018. No. 10 (803). - P.261-274.

[4] Zvereva E.B. Culture of speech as a necessary component of the general culture of employees of the penitentiary system//Materials of Ivanovo readings. 2022. № 4 (39). - S.94-96.

[5] Dictionary of foreign words of the modern Russian language. - M.: Adelant, 2014. - 800 s.

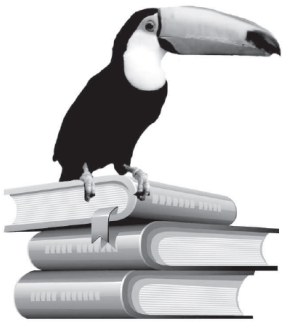
[6] Bozrov V.M., Ergashev E.R. On the culture of the procedural activities of the court and the prosecutor when considering a criminal case on the merits//Bulletin of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, 2019. № 3 (71). - S.10-17.

[7] Volkov A.S., Firsov O.A. Problems of the investigator’s legal culture//Legal culture. 2019. № 4 (39). - S.64-73.

[8] Turgenev I.S. Regarding “Fathers and Children “/Complete works in thirty volumes. T. 11. - M.: Publishing house “Science,” 1983. - S.86-97.

[9] Paustovsky K.G. Golden Rose/Collected Works in nine volumes. - M.: “Fiction.” 1982. T.3. - P.228-229.

[10] Tolstoy A.N. On drama (Report to the First Congress of Writers)/Collected works in ten volumes. Moscow: «Fiction.» 1986. T.10. - S.240.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»
Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.
Профессионально.
В максимально короткие сроки.
Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-411-414

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: krim33@mail.ru

ЛУКАШЕНКО Дмитрий Владимирович,
доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерации,
e-mail: dim-mail-ru@mail.ru

ОСОЗНАНИЕ ВИНЫ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СФОРМИРОВАННОСТИ САМОСОЗНАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос осознание вины, которое является показателем сформированности самосознания и приводит осужденного к пересмотру своих взглядов, установок, изменяет его направленность личности в позитивном отношении.*

Ключевые слова: *осознание вины, самосознание, личность, ценности, исправление, самооценка.*

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute

LUKASHENKO Dmitry Vladimirovich
Chief Researcher of the Research Institute of the Russian Federal Penitentiary Service, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Moscow, Russian Federation

AWARENESS OF GUILT AS AN INDICATOR OF SELF-AWARENESS

Annotation. *The article examines the issue of awareness of guilt, which is an indicator of the formation of self-awareness and leads the convict to reconsider his views, attitudes, and changes his personality orientation in a positive way.*

Key words: *awareness of guilt, self-awareness, personality, values, correction, self-esteem.*

Вину в совершенном преступлении не признают почти половина осуждённых. Вместе с тем признание вины не означает ее осознание в качестве духовно-нравственного критерия исправления.

Опрос воспитателей колонии показал, что если у воспитанников не сформирована духовно-нравственная сфера, то признание вины осуществляется на поверхностном уровне и не затрагивает его ценности. Такое положение приводит к тому, что несовершеннолетний осужденный полностью и твердо не встал на путь исправления, а его поведение детерминируется сиюминутными мотивами. Поэтому именно осознание вины является показателем сформированности самосознания, которое приводит осужденного к пересмотру своих взглядов, установок, изменяет его направленность личности в позитивном отношении.

Осознание вины, как одной из важных ценностей духовно-нравственной сферы, может быть свидетельством положительного отношения личности к другим людям, общественным нормам и требованиям. Оно предполагает развитое нрав-

ственное самосознание и самооценку на основе интериоризированных норм. Осознание вины распространяется и на внутренние побуждения личности. Диалектический взгляд на категорию вины ставит вопрос о личной ответственности как общественном требовании, обращенном подростком к самому себе. Очевидно, таким образом, что осознание осужденными колонии вины в совершенном преступлении является одной из причин осознания ими моральной ответственности перед обществом и государством, а это имеет первостепенное значение для исправления их личности.

Осознание вины в совершенном преступлении, как правило, влечет и осознание справедливости назначенного судом наказания. Если осужденный переживает чувство вины за содеянное, то он в целом признает и правомерность применения к нему наказания. Наказание осужденным может быть признано справедливым только на основе признания совершения преступления. Поэтому признание осужденным справедливости отбываемого наказания можно рассматривать как следствие признания им вины в совершенном преступлении, то есть как более высокий уровень развития его духовно-нравственной сферы.

Довольно широкое распространение среди осужденных отрицание своей вины не может быть объяснено однозначно. Это явление обусловлено как внешними, так и внутренними причинами. Среди внешних причин первая по счету, но не по важности, вызвана ошибками судов при рассмотрении уголовных дел, результатом которых является вынесение несправедливых приговоров. Точное количество таких приговоров установить сложно. Об этом можно лишь косвенно судить по данным, характеризующим количество приговоров судов, отмененным или измененным в кассационном порядке вышестоящими инстанциями. Вынесение несправедливых приговоров неизменно отражается в сознании и психологии осужденных, причем в явно преувеличенных масштабах, что порождает у них представление о несправедливости осуждения и уголовного наказания [5; 8].

Среди внешних причин, влияющих на отрицание осужденными своей вины в совершении преступления, следует назвать непроверенную, необъективную и негативную деятельность правозащитников, правозащитных организаций, иногда и необъективное освещение средств массовой информации.

Осознание вины способствует в большей мере мобилизации духовных сил личности на исправление, что зачастую становится их жизненной перспективой, заглушая чувство отчаяния. Не случайно по этому поводу 86% опрошенных нами воспитателей колонии считают, что исправлению, сравнительно с другими категориями, значительно эффективнее поддаются воспитанники, постоянно осознавшие свою вину в совершенном преступлении.

Среди внутренних причин непризнания вины в совершении преступления довольно широкое распространение среди осужденных следует искать в так называемых механизмах психологической защиты (неадекватная защищенность).

Известно, что идея разработки психологической защиты, как элемента облегчения человеком трудностей, принадлежит З. Фрейду [6]. В общем виде суть психологической защиты сводится к следующему: она выражается обычно сдвигом в системе психологических установок, который происходит у человека в связи с какими-либо постигшими его неудачами или неприятностями. В результате этого меняется субъективное, эмоциональное отношение человека к объективной ситуации либо к самому себе. Такое изменение установок может ослабить отрицательные психологические последствия неприятного события [7]. Особенностью психологической защиты осужденных является то, что она носит неадекватный характер с точки зрения их поведения, совершения ими преступления и осознания вины. В условиях лишения свободы это позволяет им легче выжить, быстрее адаптироваться к отрицательной группе, которая имеет свой «общак» и «защитит», и «обогреет».

Познание сущности осознания вины в формировании духовно- нравственных ценностей воспитанников колонии является познанием его закономерностей, под которыми понимается объективно существующая, повторяющаяся, существенная связь явлений данного процесса, характеризующая его развитие. В данном случае такая связь прослеживается в отношении степени осознания вины людьми, осужденными за различные преступления и к разным срокам лишения свободы, назначенных судом. Так, среди осужденных на срок от 7 до 10 лет лиц, которые полностью осознали свою вину, в четыре с лишним раза меньше тех лиц, которые осуждены на срок до одного года. Такая же закономерность наблюдается между степенью осознания вины и количеством судимостей к лишению свободы: с увеличением их числа уменьшается удельный вес тех осужденных, которые полностью осознают себя виновными в совершении преступления.

Данные наших исследований полностью согласуются с исследованиями В.А. Елеонского. И хотя отрезок времени между этими исследованиями составляет более 40 лет, такая закономерность не нарушается. Значит, воспитательная работа, направленная на формирование такой духовно-нравственной ценности, как осознание

осужденными своей вины за совершенное преступление, с большей интенсивностью должна проводиться в воспитательной колонии с лицами, неоднократно судимыми к лишению свободы и отбывающими длительные сроки наказания.

В нашем исследовании была выявлена и другая закономерность. Установлено, что осужденные за различные преступления по-разному осознают свою вину: не осознают свою вину чаще всего лица, осужденные за преступления, совершение которых сопровождается с применением насилия. Эти преступления совершаются под влиянием алкоголя, наркотиков, в агрессивном состоянии. Основными мотивами такого поведения являются мотивы, связанные с самоутверждением путем психического насилия с применением физической силы, путем угроз, запугивания, бравады, преувеличения своих заслуг.

Именно поэтому, как показало исследование, мотивами совершения преступления этими осужденными являлись: боязнь показаться трусом в глазах компании, поиск развлечений, желание ходить в героях, пренебрежение к правилам общественного порядка, стремление показать свое отрицание положительных норм поведения.

Все эти особенности личности «насильников» и их преступления являются той основой, на которой у них формируется извращенное понимание осознания своей вины в структуре духовно-нравственных ценностей. Довольно длительное бездуховное и безнравственное поведение таких лиц стимулирует у них появление одного из защитных механизмов – в данном случае отношение к наказанию как несправедливому.

При анализе этих данных необходимо обратить внимание на следующее: во-первых, в процессе формирования духовно-нравственных ценностей необходимо учитывать принцип индивидуального подхода к различным категориям осужденных и, во-вторых, эффективное формирование у воспитанников чувства осознания своей вины как одного из элементов духовно-нравственных ценностей в условиях колонии возможно. Это происходит за счет средств, методов и форм воспитательного воздействия. И если среди осужденных на почве различных морально-психологических явлений возникают неправильные представления по поводу своей вины в совершенном преступлении, то это свидетельствует о том, что процесс формирования у воспитанников духовно-нравственных ценностей в условиях колонии осуществляется еще не в полную мер. Очевидно, что педагогическая наука должна оказать персоналу воспитательной колонии незамедлительную помощь в овладении научной методикой реализации эффективности этого процесса.

Список литературы:

[1] Швырев Б. А. Порядок организации обучения пожарно-техническому минимуму сотрудников воспитательных колоний / Б. А. Швырев, А. В. Вилкова, В. МС. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2020. С. 165-173.

[2] Вилкова А. В. О нравственных качествах молодых ученых / А. В. Вилкова, Я. Н. Полякова // Вестник Самарского юридического института. 2025. № 3(64). С. 107-112.

[3] Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Полякова Я. Н. Подготовка научных кадров высшей квалификации для уголовно-исполнительной системы: проблемы и стратегии развития // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4(110). С. 189-195.

[4] Ковтуненко Л. В., Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта в профессиональном становлении молодого ученого // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2025. № 3. С. 62-65.

[5] Вилкова А. В., Дмитриев Г. Г. Коллектив сотрудников в уголовно-исполнительной системе / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. ежеквартальное научно-практическое издание. Москва, 2025. С. 67-71.

[6] Вилкова А. В., Фадеева С. А., Полякова Я. Н. Дополнительное профессиональное образование сотрудников уголовно-исполнительной системы // В сборнике: Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Владимир. 2025. С. 38-44.

[7] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Делинквентность несовершеннолетних социально-педагогическая запущенность / В сборнике 3 года вместе: закон, порядок, справедливость. Сборник научных статей Международного форума, посвященного Дню воссоединения ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей с Российской Федерацией. Луганск, 2025. С. 36-38.

[8] Казберов П.Н., Вилкова А. В. Системное планирование профессиональной подготовки пенитенциарных психологов к работе с лицами, осужденными за террористические и экстремистские преступления / В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 26-33.

[9] Вилкова А. В., Лещенко С. А. Неблагополучная семья как фактор дисгармоничного развития нравственного сознания личности / В сбор-

нике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 105-111.

[10] Вилкова А. В., Кашкина Е. В. Самоутверждение несовершеннолетних правонарушителей: пути и средства / Международный научный вестник, № 8. 2025 С. 90-94.

[11] Мудрецы России под ред. Сапунов В. Б., Ермилова М. В., Колесов В. И. (2-е издание). Санкт-Петербург, 2023.

References:

[1] Shvyrev B. A. Procedure for Organizing Fire-Technical Minimum Training for Employees of Educational Colonies/B. A. Shvyrev, A. V. Vilkova, V. MS. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2020. S. 165-173.

[2] Vilkova A.V. On the moral qualities of young scientists/A.V. Vilkova, Y. N. Polyakova//Bulletin of the Samara Law Institute. 2025. № 3(64). S. 107-112.

[3] Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Polyakova Y. N. Training of highly qualified scientific personnel for the penitentiary system: problems and development strategies//Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4(110). S. 189-195.

[4] Kovtunenko L.V., Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject in the professional development of a young scientist//Bulletin of Voronezh State University. Series: Higher Education Challenges. 2025. № 3. S. 62-65.

[5] Vilkova A. V., Dmitriev G. G. Collective of employees in the penitentiary system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. quarterly scientific and practical publication. Moscow, 2025. S. 67-71.

[6] Vilkova A. V., Fadeeva S. A., Polyakova Y. N. Additional professional education of employees of the penitentiary system//In the collection: Penitentiary and post-penitentiary resocialization of convicts: problems and prospects. Collection of scientific works of the international scientific-practical conference. Vladimir. 2025. S. 38-44.

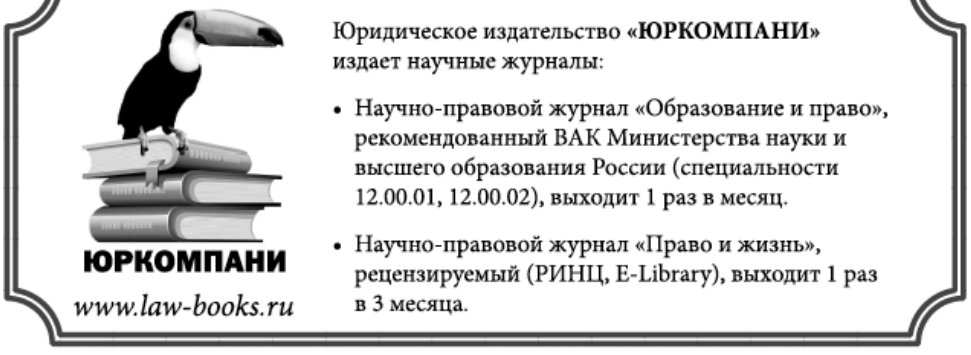
[7] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Delinquency of minors social and pedagogical neglect/In the collection 3 years together: law, order, justice. Collection of scientific articles of the International Forum dedicated to the Day of reunification of the DPR, LPR, Zaporizhzhya and Kherson regions with the Russian Federation. Lugansk, 2025. S. 36-38.

[8] Kazberov P.N., Vilkova A.V. Systematic planning of professional training of penitentiary psychologists to work with persons convicted of terrorist and extremist crimes/In the collection: Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising studies. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 26-33.

[9] Vilkova A. V., Leshchenko S. A. Dysfunctional family as a factor in the disharmonious development of moral consciousness of the individual/In the collection: Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising research. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 105-111.

[10] Vilkova A. V., Kashkina E. V. Self-affirmation of juvenile offenders: ways and means/International Scientific Bulletin, No. 8. 2025 S. 90-94.

[11] Sages of Russia ed. Sapunov V. B., Ermilova M. V., Kolesov V. I. (2nd edition). St. Petersburg, 2023.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-415-419

АКИМОВА Разида Алихановна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Маркетинг и коммерция»
ГАОУ ВО «Дагестанский государственный
университет народного хозяйства»,
e-mail: razida.akimova@gmail.com)

ХАСБУЛАТОВА Барият Меджидовна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Маркетинг и коммерция»
ГАОУ ВО «Дагестанский государственный
университет народного хозяйства»,
г. Махачкала, РД, Россия,
e-mail: bariyat1975@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ТОРГОВЛИ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН И ОЦЕНКА ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Аннотация. *Для успешного функционирования торгового предприятия, необходимо проводить глубокий анализ его коммерческой деятельности в зависимости от постоянно меняющейся рыночной среды, использовать новые подходы к решению экономических проблем с использованием современного маркетинга. Использование маркетинга позволит быстро и качественно оценивать результативность коммерческой работы, своевременно находить факторы, влияющие на деятельность предприятия, находить оптимальные пути решения коммерческих проблем торгового предприятия. Все вышеперечисленное определяет актуальность выбранной темы статьи. В данной статье приводится краткий анализ результатов, проведенного исследования состояния торговых предприятий Республики Дагестан, ориентированных на маркетинг и дана оценка эффективности маркетинговой системы на этих предприятиях.*

Ключевые слова: *торговля, торговое предприятие, оборот розничной торговли, маркетинг в торговле, маркетинговая система, служба маркетинга, стимулирование сбыта, омниканальность, этномаркетинг.*

AKIMOVA Razida Alikhanovna,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department "Marketing and Commerce"
GAOU VO "Dagestan State University of National Economy"

KHASBULATOVA Bariyat Medzhidovna,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of Marketing and
Commerce GAOU VO "Dagestan State University
of National Economy",
Makhachkala, Dagestan, Russia

MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MARKETING ACTIVITIES IN TRADE ENTERPRISES OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN AND ASSESSMENT OF THEIR EFFECTIVENESS

Annotation. *In order for a trading enterprise to function successfully, it is necessary to conduct a thorough analysis of its commercial activities in accordance with the constantly changing market environment,*

and to use new approaches to solving economic problems using modern marketing. The use of marketing will allow you to quickly and qualitatively assess the effectiveness of commercial work, identify the factors that affect the company's activities in a timely manner, and find the best solutions to the commercial problems of a trading company. All of the above determines the relevance of the chosen topic of this article. This article provides a brief analysis of the results of a study conducted on the state of marketing-oriented trading companies in the Republic of Dagestan, and assesses the effectiveness of the marketing system at these companies.

Key words: *trade, trading company, retail turnover, marketing in trade, marketing system, marketing department, sales promotion, omnichannel marketing, ethnomarketing.*

Развитие товарно-денежных отношений в России привело к формированию насыщенного товарами рынка - «рынка покупателя», когда предложение превышает спрос практически по всем товарным группам, причем как по продукции производственного назначения, так и по товарам широкого потребления. В нынешнее время наблюдается жесткая конкуренция и состязательность рыночного процесса.

Торговля является одной из основных сфер экономики и подчиняется закономерностям становления и развития, присущим ряду других отраслей и сфер экономики народного хозяйства [2].

Сфера торговли традиционно занимает доминирующее положение в структуре ВРП Республики Дагестан. Отрасль демонстрирует высокую адаптивность к изменяющимся геополитическим и экономическим условиям. Однако усиление конкуренции со стороны федеральных торговых сетей и стремительное развитие маркетплейсов требуют от региональных предприятий торговли пересмотра подходов к формированию маркетинговых систем.

По данным Росстата, оборот розничной торговли в мае 2025 г. составил 4 964,5 млрд рублей, или 101,8% (в сопоставимых ценах) к соответствующему периоду предыдущего года, в январе-мае 2025 г. - 23 892,7 млрд рублей, или 102,3% [3].

Рисунок 1. Динамика оборота розничной торговли, в% к среднемесячному значению 2022 года

В 2025 году оборот розничной торговли на 96,8% формировался торгующими организациями и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими деятельность вне рынка, доля розничных рынков и ярмарок составила 3,2% (в 2024 г. - 96,4% и 3,6% соответственно). В структуре оборота розничной торговли удельный вес пищевых продуктов, включая напитки, и табачных изделий составил 49,7%, непродовольственных товаров - 50,3% (в 2024 г. - 48,1% и 51,9% соответственно). Индекс предпринимательской уверенности, характеризующий деловой климат в розничной торговле, в 2025 г. по сравнению с предыдущим годом повысился и составил (3%). Так же, увеличение индекса предпринимательской уверенности было отмечено в 50 субъектах Российской Федерации. В 25 субъектах Российской Федерации указанный индекс снизился, в 10 субъектах - остался на том же уровне.

Основными факторами, ограничивающими активность организаций розничной торговли, в 2025 г. по-прежнему остаются недостаточный платежеспособный спрос населения и высокий уровень налогов.

От эффективности организации деятельности торговли, напрямую зависит объем продаж, доля местных товаров и услуг в ассортименте их региональных продаж и, в конечном счете, величина валового регионального продукта.

Основная цель развития торговли удовлетворение спроса населения и бизнеса в потребительских и промышленных товарах через развитие многоформатной инфраструктуры торговли и предпринимательской активности.

Функционирование предприятий торговли в современных условиях хозяйствования обуславливает необходимость усиления рыночной ориентации торговой политики, обеспечивающей совершенствование коммерческой деятельности, активизацию всего комплекса коммерческих отношений в производстве и в торговле. Это, в свою очередь, вызывает необходимость грамотного подхода к решению экономических проблем, на основе применения более совершенных методов коммерческой работы с использованием элементов современного маркетинга.

В России в настоящее время маркетинг находит все более широкое распространение и применение, он становится одной из самых действенных концепций рыночного управления. Концепция маркетинга вошла в повседневную практику деятельности большинства российских фирм.

В целях более глубокого анализа и оценки роли маркетинга в отечественной практике было проведено исследование состояния торговых предприятий РД, ориентированных на маркетинг.

Проведенный анализ, позволил выявить некоторые тенденции, характеризующие развитие практики применения элементов маркетинга на предприятиях торговли РД.

Из 50 опрошенных предприятий торговли на 14 (28%) предприятиях имеется отдел маркетинга, на 10 (20 %) предприятиях, успешно реализующих некоторые элементы маркетинга, такой отдел планируется.

В результате проведенного опроса удалось выяснить, что главным препятствием внедрению отдела маркетинга для большинства крупных и средних предприятий торговли РД является отсутствие квалифицированных специалистов (44,11%). На втором месте по значимости – отсутствие финансовых возможностей (38,23%), следующим по значимости является отсутствие необходимости (29,41%), так считают в основном руководители небольших магазинов повседневного спроса.

Анализ торгового сектора Дагестана в 2024–2025 гг. позволяет так же выделить несколько ключевых тенденций развития маркетинга в республике:

1. Гибридизация каналов продаж (Омниканальность). Крупные региональные игроки (например, сети «Зеленое Яблоко», «Арбуз», «Эконом») окончательно перешли к модели омниканальности, интегрируя офлайн-точки с мобильными приложениями и сервисами быстрой доставки.
2. Этномаркетинг и «Халяль»-индустрия. Учет социокультурных и религиозных особенностей региона стал обязательным элементом маркетинговой стратегии. Позиционирование товаров через призму экологичности, локального производства и соблюдения стандартов «Халяль» повышает лояльность местного потребителя.
3. Развитие жестких дискаунтеров. В условиях коррекции реальных доходов населения маркетинговые стратегии сместились в сторону ценового лидерства и оптимизации маркетинговых бюджетов в пользу BTL-акций (стимулирование сбыта в местах продаж) [5].

В ходе проведенного исследования торговых предприятий РД удалось выявить следующее:

1. Многие предприятия торговли адаптировались к рыночной ситуации.
2. В настоящее время значительная часть розничных предприятий сочетают в себе розничную и оптовую продажу.
3. Необходимо внедрение маркетинговых служб (или хотя бы их основных элементов) на каждом торговом предприятии. Поскольку концепция маркетинга является рыночной концепцией управления коммерческой деятельностью предприятия, то она позволяет наиболее гармонично сочетать в себе рыночные интересы предприятия и потребителя. Практический маркетинг принесет реальную пользу предприятию лишь в том случае, когда его применение будет осуществлено квалифицированными специалистами. На сегодняшний день ощущается нехватка маркетологов-аналитиков и специалистов по управлению данными (Data Scientists), а также большинство торговых работников не имеют специальной подготовки и не обладают необходимыми знаниями.
4. Неразвитость служб маркетинга на предприятиях торговли объясняется частичной недооценкой важности этих служб, отсутствием финансовых возможностей, отсутствием квалифицированных специалистов и методических разработок, адаптированных к местным условиям. Простая трансформация отделов сбыта в отделы маркетинга не приносит заметных результатов, поэтому

для персонала нет наглядных доказательств эффективности и необходимости подобного рода служб.

5. Логистические ограничения. Маркетинговые обещания «быстрой доставки» часто разбиваются о недостаточно развитую дорожную инфраструктуру в горных районах республики.
6. Анализ эффективности маркетинговой деятельности торговых предприятий показал наибольшую результативность ее на крупных предприятиях. Но наиболее приближены к потребителю мелкие магазины повседневного спроса или рынок. Это объясняется тем, что на многие продукты питания цены на оптовых и мелкооптовых продовольственных рынках значительно ниже, чем в магазинах, что немаловажно для большинства малоимущего населения РД. Этот факт и определяет покупательские предпочтения.

Степень эффективности маркетингового управления можно оценить с помощью маркетингового потенциала предприятия, ревизии и аудита маркетинга и т.д.

Наибольшее влияние на эффективность управления маркетингом оказывает уровень управления деятельностью. Она определяется отношением к маркетингу на торговом предприятии, применением его принципов в процессе сбытовой деятельности.

Каким бы профессиональным и эффективным не был руководитель службы маркетинга, если высшее руководство не осознает необходимости направленности деятельности предприятия на потребителя, маркетинг этого предприятия не будет эффективным.

Уровень образования и степень мобильности директоров предприятий напрямую связаны с их новаторским поведением и, соответственно с ориентацией на рынок.

Готовность к риску, когда руководство принимает случайные неудачи как необходимое условие движения вперед, следовательно, и руководители среднего и низшего звена будут действовать более инициативно в поиске новых рыночных возможностей [4].

Огромное значение для предприятия имеет уровень квалификации маркетолога. Эффективность конечного результата будет выше на тех предприятиях, где выше взаимопомощь и понимание между всеми подразделениями организации и там, где четко разделены управленческие группы и группы исполнителей. Большинство отечественных предприятий осознали необходимость использования маркетинга в условиях рыночной экономики. Но в подавляющем большинстве случаев маркетинг используется не как целостная система управления производственно-сбытовой деятельностью, а в виде отдельных маркетинговых мероприятий, направленных на достижение конкретных целей. Это связано с нехваткой специалистов в данной области, дефицитом средств, нехваткой опыта. Поэтому для отечественных предприятий актуален вопрос определения эффективности маркетинговых мероприятий в условиях неопределенности и сильно меняющейся внешней среды.

Для повышения эффективности маркетинговой системы предприятиям торговли РД рекомендуется:

1. Инвестировать в собственные экосистемы данных, уменьшая зависимость от сторонних рекламных платформ.
2. Акцентировать внимание на эмоциональном маркетинге, используя локальную идентичность и ценности семейственности, что является сильным конкурентным преимуществом перед федеральными сетями.
3. Внедрять системы сквозной аналитики для более точного измерения вклада каждого маркетингового канала в итоговую прибыль [1].

Таким образом, маркетинговая система предприятий торговли Республики Дагестан находится в фазе цифровой зрелости, где ключевым фактором успеха становится сочетание глобальных технологических инструментов с глубоким пониманием региональной специфики потребления.

Список литературы:

[1] Гаджиев М. М. Стратегическое управление торговыми предприятиями в условиях цифровизации экономики // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. — 2024. — № 4.

[2] Котлер Ф., Картаджайя Х., Сетиаван И. Маркетинг 6.0: От метавселенных до чат-ботов. — М.: Альпина Паблишер, 2025.

[3] Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан. Социально-экономическое положение РД за 2025 год. Статистический сборник. — Махачкала, 2025.

[4] Шабанова, М. М. Эффективность маркетинговых систем: методика анализа и результаты обследования / М. М. Шабанова, Р. А. Акимова, З. А. Рамазанова // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2011. – № 3. – С. 93-97. – EDN OZYNWL.

[5] Шахпазова Р. Д. Особенности потребительского поведения населения в регионах Северного Кавказа // Экономика и предпринимательство. — 2025 г.

References:

[1] Gadzhiev M. M. Strategic management of trade enterprises in the context of digitalization of the economy//Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences. — 2024. — № 4.

[2] Kotler F, Kartajaya H, Setiawan I. Marketing 6.0: From Metaverse to Chatbots. - M.: Alpina Publisher, 2025.

[3] Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Dagestan. Socio-economic situation of the RD for 2025. Statistical compilation. - Makhachkala, 2025.

[4] Shabanova, M. M. Effectiveness of marketing systems: analysis methodology and survey results/M. M. Shabanova, R. A. Akimova, Z. A. Ramazanova//Management and business administration. – 2011. – № 3. - S. 93-97. – EDN OZYNWL.

[5] R. D. Shakhpazova. Peculiarities of consumer behavior of the population in the regions of the North Caucasus//Economics and Entrepreneurship. - 2025

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-420-424

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,
кандидат психологических наук,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДЕ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос организации и методики исследования межличностных отношений в среде осужденных для выявления экстраверсии-интроверсии и эмоциональной нестабильности обследуемых осужденных.*

Ключевые слова: *методика, осужденные, среда, межличностные отношения, диагностика, опросник.*

POLYAKOVA Ya.N.,
leading researcher,
Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Psychological Sciences

ORGANIZATION AND METHODOLOGY OF RESEARCH OF INTERPERSONAL RELATIONS AMONG CONVICTS

Annotation. *The article discusses the organization and methodology of the study of interpersonal relationships among convicts to identify extraversion-introversion and emotional instability of the examined convicts.*

Key words: *methodology, convicts, environment, interpersonal relations, diagnostics, questionnaire.*

При выборе методов и методик исследования мы учитывали научные данные об их валидности, надежности и дифференцированности для изучения особенностей межличностных отношений осужденных.

В рамках данного исследования использовался комплекс диагностического материала: как наблюдение, беседа, а также тестовые опросники, в частности методики психодиагностики, предназначенных для психологического анализа межличностных отношений осужденных, в частности:

1. Опросник Айзенка (Г.Айзенк),
2. Опросник межличностных отношений (Шутц),
3. Опросник для диагностики межличностных отношений (Т.Лири),
4. Тест тактики поведения в конфликтной ситуации (К. Томас),
5. Цветовой тест Люшера (М.Люшер).

Наблюдение, использовалось для выявления изменений психических состояний осужденных в процессе беседы. Рассматривается как обязательный для всех без исключения научных исследований. Беседа в изучении данной проблематики представляет собой одним из источников получения информации. Именно с помощью беседы мы можем удостовериться в достоверности результатов психодиагностического исследования, а также в исключении вероятности социально желаемых ответов.

Беседа в психологии - эмпирический метод получения информации на основе вербальной (словесной) коммуникации. Этот метод достаточно широко используется в различных сферах психологии: социальной, медицинской, детской и др. В отдельных случаях беседа выступает основным средством получения фактических данных [18]. Анализ данных должен проводиться непосредственно вслед за беседой. Он включает в себя:

1. Сопоставление ответов, полученных на прямые и косвенные вопросы;
2. Сопоставление реакций сотрудника и ответов;
3. Формулирование выводов и рекомендаций [19].

Далее следует отметить целесообразность применения методик, выбранных нами для эмпирического выявления особенностей межличностных отношений осужденных.

Методика «Опросник Айзенка» (Г. Айзенк).

Данная методика использовалась нами для выявления экстраверсии-интроверсии и эмоциональной нестабильности обследуемых осужденных, что в свою очередь поможет нам получить наиболее достоверную картину изучаемого нами вопроса. Опросник содержит 57 вопросов, 24 из которых направлены на выявление экстраверсии-интроверсии, 24 других - на оценку эмоциональной стабильности-нестабильности (нейротизма), остальные 9 составляют контрольную группу вопросов, предназначенную для оценки искренности испытуемого, его отношения к обследованию и достоверности результатов. Представление результатов по шкалам экстраверсии и нейротизма осуществляется при помощи системы координат. Интерпретация полученных результатов проводится на основе психологических характеристик личности, соответствующих тому или иному квадрату координатной модели с учетом степени выраженности индивидуально-психологических свойств и степени достоверности полученных данных.

Привлекая данные из физиологии высшей нервной деятельности, Айзенк высказывает гипотезу о том, что сильный и слабый типы, по Павлову, очень близки к экстравертированному и интровертированному типам личности. Природа интроверсии и экстраверсии усматривается во врожденных свойствах центральной нервной системы, которые обеспечивают уравновешенность процессов возбуждения и торможения.

Таким образом, используя данные обследования по шкалам экстраверсии, интроверсии и нейротизма, можно вывести показатели темперамента личности по классификации Павлова, который описал четыре классических типа: сангвиник (по основным свойствам центральной нервной системы характеризуется как сильный, уравновешенный, подвижный), холерик (сильный, неуравновешенный, подвижный), флегматик (сильный, уравновешенный, инертный), меланхолик (слабый, неуравновешенный, инертный).

Методика «Опросник межличностных отношений» (Шутц).

Данная методика применялась нами для изучения места респондента в межличностных отношениях, поскольку предлагает множество вариантов ответа на вопросы опросника, таких как:

Относится к:

(1) Большинству людей	(4) Нескольким людям
(2) Многим	(5) Одному двум людям
(3) Некоторым людям	(6) Никому

Так же, данный опросник раскрывает следующие потребности респондента:

Потребность включения. Это потребность создавать и поддерживать удовлетворительные отношения с другими людьми, на основе которых возникают взаимодействие и сотрудничество.

Потребность контроля. Эта потребность определяется как потребность создавать и сохранять удовлетворительные отношения с людьми, опираясь на контроль и силу.

Межличностная потребность в аффекте. Она определяется, как потребность создавать и удерживать удовлетворительные отношения с остальными людьми, опираясь на любовь и эмоциональные отношения. Потребность этого типа касается, прежде всего, парных отношений.

Типология межличностного поведения. Отношения между родителями и ребенком внутри каждой области межличностных потребностей могут быть оптимальными или же малоудовлетворительными. Шутц описывает три типа нормального межличностного поведения внутри каждой области, которые соответствуют разным ступеням удовлетворения потребностей. Для каждой области также описано патологическое поведение.

Методика «Опросник для диагностики межличностных отношений» (Т. Лири).

Данная методика разработана в (1954 г.) и предназначена для исследования представлений субъекта о себе и идеальном «Я», а также для изучения взаимоотношений в малых группах. С ее помощью выявляется преобладающий тип отношений к людям в самооценке и взаимооценке. При этом выделяется два фактора: «доминирование-подчинение» и «дружелюбие-агрессивность (враждебность)».

Именно эти факторы определяют общее впечатление о испытуемом в процессах межличностного восприятия.

В зависимости от соответствующих показателей выделяют ряд ориентаций - типов отношения к окружающим. Делаются выводы о выраженности типа, о степени адаптированности поведения - степени соответствия (несоответствия) между целями и достигаемыми в процессе деятельности результатами. Очень большая неадаптивность поведения (при представлении результатов выделяется красным цветом) может свидетельствовать о невротических отклонениях, дисгармониях в сфере принятия решений или являться результатом каких-либо экстремальных ситуаций.

Методика может использоваться как для самооценки, так и для оценки наблюдаемого поведения людей («со стороны»). В последнем случае испытуемый отвечает на вопросы как бы за другого человека, основываясь на своем представлении о нем. Суммируя результаты такого тестирования разных членов группы (например, трудового коллектива) можно составить обобщенный «представленческий» портрет какого-либо ее члена, например, лидера. И делать выводы об отношении к нему других членов группы.

Методика создана Т. Лири, Г. Лефоржем, Р. Сазеком в 1954 г. и предназначена для исследования представлений субъекта о себе и идеальном «Я», а также для изучения взаимоотношений в малых группах. С помощью данной методики выявляется преобладающий тип отношений к людям в самооценке и взаимооценке.

При исследовании межличностных отношений наиболее часто выделяются два фактора: доминирование-подчинение и дружелюбие-агрессивность. Именно эти факторы определяют общее впечатление о человеке в процессах межличностного восприятия. Они названы М. Аргайлом в числе главных компонентов при анализе стиля межличностного поведения и по содержанию могут быть соотнесены с двумя из трех главных осей семантического дифференциала Ч. Осгуда: оценка и сила. В многолетнем исследовании, проводимом американскими психологами под руководством Б. Бейлза, поведение члена группы оценивается по двум переменным, анализ которых осуществляется в трехмерном пространстве, образованном тремя осями: доминирование-подчинение, дружелюбие-агрессивность, эмоциональность-аналитичность.

Методика «Определение способов регулирования конфликтов» (К. Томас).

Данная методика использовалась нами для выявления разрешений конфликтов различными способами поведения, что позволяет изучить один из аспектов межличностного общения.

В своем подходе к изучению конфликтных явлений К. Томас делал акцент на изменении традиционного отношения к конфликтам. На ранних стадиях их изучения в психологии широко использовался термин «разрешение конфликтов».

В приведенном опроснике каждый из пяти перечисленных вариантов (соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание, приспособление) описывается двенадцатью суждениями о поведении человека в конфликтной ситуации. В различных ситуациях они сгруппированы в 30 пар, в каждой из которых испытуемому предлагается выбрать то суждение, которое является наиболее типичным для характеристики его поведения.

Методика «Цветовой тест» (М. Люшер)

Данный тест применялся нами для выявления эмоционального состояния осужденных. Тестовые цвета были подобраны Люшером экспериментальным путем из 4500 цветовых тонов. Автор, специально подчеркивает, что адекватная диагностика с позиций его метода, возможна лишь при использовании стандартного, защищенного авторским патентом, набора цветовых стимулов.

Ядро теоретической концепции М. Люшера составляют два понятия – «структура» и «функция» цвета. Под «структурой» цвета понимается устойчивое, общее для всех людей, независимо от расы, культуры, образовательного уровня, пола и возраста значение этого цвета. «Структуру» можно назвать «объективной» стороной цветового воздействия.

Индивидуальный смысл цвета для конкретного человека выражается в «функции» цвета, то есть в характере отношения человека к цвету. В «функции» человеку открывается лишь определенная область «структуры». Метафорически, можно сказать, что «функция» – «точка соприкосновения» человека и цвета. Она определяется, главным образом, состояниями и свойствами самого человека и поэтому «функция» способна

их отражать. Зная «функцию» цвета для человека, можно узнать и нечто о самом человеке. Главными структурными характеристиками цвета являются «концентричность-эксцентричность» и «автономность – гетерономность». Надо отметить, что концепция «структуры» цвета М. Люшера сложилась, во многом, благодаря влиянию Гете и Кандинского, в частности, и многие из данных характеристик можно найти в их учениях о цвете. «Концентричность – эксцентричность» означает направление «движения цвета».

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Подготовка кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе/ Антропогогика. 2025. № 3(19). С. 8-16.

[2] Фадеева С. А., Вилкова А. В. Уголовно-исполнительная система и пенитенциарная пробация: профессиональная готовность // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 147-154.

[3] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Трудности подготовки научно-педагогических кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе // в сборнике: XI педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина. Сборник материалов. Пермь. 2025. С. 14-22.

[4] Мешкова Л. В., Вилкова А. В. К вопросу о развитии социальной активности будущих сотрудников ФСИН в процессе социально-психологического тренинга // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 3(25). С. 212-218.

[5] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[6] Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Лукашенко Д. В. Программа подготовки педагогических кадров: структурно-содержательная модель обучения взрослых / Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 89-2. С. 68-71.

[7] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник. № 10. С. 374-379.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. № 10. С. 325-328.

[10] Лукашенко Д. В. Содержание и структура плана внеурочной деятельности для воспитанников воспитательных колоний / А. В. Вилкова, Д. В. Лукашенко // Антропогогика. 2024. № 3(15). С.5-16.

[11] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[12] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[13] Смородинскова И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Смородинскова, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

[14] Ковалев О. Г. Криминогенная ситуация в сфере коррупционной преступности, ее детерминанты / А. В. Вилкова, О. Г. Ковалев, А. Ю. Гапонов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 34-35.

[15] Сухарева Е. В. Педагогические и оперативно-розыскные меры профилактики пенитенциарной преступности несовершеннолетних / А. В. Вилкова, Е. В. Сухарева // Вопросы педагогики. 2021. № 7. С. 47-51.

[16] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[17] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[18] Основы психологии: Пидручник / За загал. ред. О.В. Киричука, В.А. Роменця. — К.: Либидь, 1995. — 632 с.

[19] Бабенко И.А. Анкетный опрос как общение социолога с респондентами. – М.: 2001

References:

[1] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Training of the highest category in the penal system/Anthropology. 2025. № 3(19). S. 8-16.

[2] Fadeeva S. A., Vilkova A. V. Criminal executive system and penitentiary probation: professional readiness//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 147-154.

[3] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Difficulties in training scientific and pedagogical personnel of the highest category in the penal system//in the collection: XI pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S. I. Zlobin. Collection of materials. Perm. 2025. S. 14-22.

[4] Meshkova L.V., Vilkova A.V. On the development of social activity of future employees of the Federal Penitentiary Service in the process of social and psychological training//Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2025. № 3(25). S. 212-218.

[5] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[6] Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Lukashenko D. V. Teacher training program: structural-content model of adult education/Problems of modern pedagogical education. 2025. № 89-2. S. 68-71.

[7] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin. № 10. S. 374-379.

[8] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the lecture course "Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. № 10. S. 325-328.

[10] Lukashenko D.V. Content and structure of the plan of extracurricular activities for pupils of educational colonies/A.V. Vilkov, D.V. Lukashenko// Anthropology. 2024. № 3(15). S.5-16.

[11] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[12] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[13] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

[14] Kovalev O. G. Criminogenic situation in the field of corruption crime, its determinants/A. V. Vilkova, O. G. Kovalev, A. Yu. Gaponov//Trends in the development of science and education. 2021. № 76-4. S. 34-35.

[15] Sukhareva E.V. Pedagogical and operational-search measures for the prevention of juvenile penitentiary crime/A.V. Vilkova, E.V. Sukhareva// Questions of pedagogy. 2021. № 7. S. 47-51.

[16] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[17] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[18] Fundamentals of psychology: Pidruchnik/ Behind the corral. ed. O.V. Kirichuk, V.A. Romentsya. - K.: Libid, 1995. - 632 s.

[19] Babenko I.A. Questionnaire survey as sociologist's communication with respondents. - M.: 2001

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-425-430

КАТУНИНА Наталия Павловна,
Декан факультета физической культуры ФГБОУ ВО
доктор биологических наук, доцент Брянского государственного
университета имени академика И.Г. Петровского,
e-mail: mail@law-books.ru

ГАЙДАШ Андрей Иванович,
Старший преподаватель кафедры
физической подготовки и спорта
Ставропольского филиала Краснодарского
университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ХРОМЕНКОВ Сергей Михайлович,
Старший преподаватель кафедры
огневой и тактико-специальной подготовки Брянского филиала
Орловского юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова,
e-mail: mail@law-books.ru

АЛЁШИН Евгений Александрович,
Независимый ученый,
Ставропольский край г. Ставрополь,
e-mail: mail@law-books.ru

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ УПРАВЛЕНИЯ В ФИЗИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ

Аннотация. *В проведенном исследовании рассматривается конвергентный смешанный метод управления для определения влияния преподавательских компетенций и воспринимаемой физической грамотности на содействие достижению целей устойчивого развития в области физического воспитания.*

В ходе качественного исследования, основанного на личном опыте участников, были выделены основные темы: содействие активному образу жизни и здоровью, создание инклюзивной атмосферы, развитие критического мышления и навыков решения проблем.

Одновременно были выделены темы, касающиеся роли опыта в формировании убеждений, взглядов и обязательств.

Проанализированы результаты тестирования, касающиеся физической грамотности, ее конкретики направленной на развитие воспитательного процесса. Раскрывается сущность преподавания и организация комбинированных приемов воздействия во время группового обучения. Особое внимание сосредоточено на условиях правильного достижения целей устойчивого сохранения знаний. В соответствии с этим определена степень значимости педагогических компетенций и их влияние на развитие организма в целом.

Ключевые слова: *физическое воспитание, педагогические компетенции, воспринимаемая физическая грамотность, исследование, принципы, приемы, практический подход.*

KATUNINA Natalia Pavlovna,
Dean of the Faculty of Physical Education,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education,
Doctor of Biological Sciences, Associate Professor,
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

GAIDASH Andrey Ivanovich,
Senior Lecturer,
Department of Physical Fitness and Sports,
Stavropol Branch, Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

KHROMENKOV Sergey Mikhailovich,
Senior Lecturer, Department of Firearms
and Tactical-Special Training, Bryansk Branch,
Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V.V. Lukyanov

ALESHIN Evgeny Aleksandrovich,
Independent Scientist,
Stavropol Region, Stavropol

NEW HORIZONS OF MANAGEMENT IN PHYSICAL EDUCATION

Annotation. *This study examines a convergent, mixed-method design to determine the impact of teaching competencies and perceived physical literacy on promoting the achievement of Sustainable Development Goals in physical education.*

Through a qualitative study based on the participants' personal experiences, key themes emerged: promoting an active lifestyle and health, creating an inclusive atmosphere, and developing critical thinking and problem-solving skills.

Concurrently, themes were identified regarding the role of experience in shaping beliefs, attitudes, and commitments.

Physical literacy test results were analyzed, specifically addressing its specific aspects aimed at developing the educational process. The essence of teaching and the organization of combined interventions during group learning are explored. Particular attention is focused on the conditions for effectively achieving the goals of sustainable knowledge retention. Accordingly, the significance of teaching competencies and their impact on overall development are determined.

Key words: *physical education, teaching competencies, perceived physical literacy, research, principles, techniques, practical approach.*

Формирование целевых этапов устойчивого развития педагогики охватывает ряд значимых моментов связанных с ее становлением с периода зарождения. Непрерывный вклад педагогических деятелей науки активно формировал концепцию развития воспитания, прилагая усилия для достижения целей устойчивого сохранения знаний. Преодолевая неблагоприятные периоды, бедность, гендерное неравенство, а также социальные и экологические препятствия, с которыми педагогическому сообществу часто приходилось, сталкивается.

В настоящее время насчитываются десятки тысяч профессий, которые различаются по отраслям деятельности, по уровню профессиональных качеств, по степени квалификации и т.п. Наибольшую популярность приобрела классификация профессий по предмету труда, особое место в которой отводится профессиям спортивной направленности. Они характеризуются тесными контактами различных категорий людей, многофункциональностью обязанностей, разнообразием социальных отношений [1].

Примером принадлежности к таким профессиям являются специалисты в области физической культуры. Их деятельность отличается рядом особенностей: высокой социальной ответственностью; сложностью профессиональных задач, требующих высокой устойчивости внимания и наблюдательности; наличием ситуаций, при которых большое значение имеют временные ограничения для принятия решений.

Для того что бы воспитать и вооружить нужными знаниями в данной области специалистов нам необходимо всецело погрузиться в преподавание культуры физической, и далее совершенствовать нужные профессиональные качества для реализации полноценного физического воспитания достойной подрастающей смены. Роль педагога в образовательном процессе обладает своей уникальной спецификой и значительным воздействием, поскольку она служит не только интересам учебного заведения, но и охватывает саму суть общества [2].

На сегодняшний день очень остро стоит вопрос о приоритетном выделении физического

воспитания, в образовательном процессе с акцентом на его продуктивную эффективность и доказанную роль в социализации и формировании ценностных установок подрастающего поколения. В образовании все еще встречается некое несоответствие в разработке стратегий обучения. Не согласованность в физическом воспитании, препятствует расширению критического мышления учащихся и их приверженности к продвижению устойчивого развития. Таким образом, этические соображения, моральные реакции и установленные стандарты социально приемлемого поведения педагога имеют ключевую особенность в воспитании обучающихся [3].

Утвержденная программа по физическому воспитанию позволяет интегрировать продвижение целей устойчивого развития, предоставляя множество возможностей профессионального воздействия от традиционных до интерактивных методов. В таком порядке построения программного обеспечения есть единственный просчет, нет долгосрочного и устойчивого фактора сохранения знаний.

Соответственно, физическая грамотность в рамках физического воспитания и устойчивого развития должна реализовывать существенное влияние на эффективность преподавания, ориентированного на устойчивое развитие. В связи с этим крайне важно внедрять стратегии, способствующие физической подготовке и формированию у педагогов чувства профессиональной компетенции, ответственности и ценностного отношения к здоровью.

По этому пути шли многие научные деятели такие как (А.С. Маккаренко 1888-1939) считающие, что преподаватели должны обладать неординарными способностями и компетенциями для подготовки к вызовам образования в плане устойчивого развития. Это свидетельствует о том, что педагогические компетенции представляют собой благоприятное сочетание знаний, навыков и готовности педагога эффективно и ответственно реагировать на меняющиеся ситуации.

Обоюдным решением авторского коллектива стало предопределеннее о проведении исследования доказывающего отличительные принципы развития педагогических работников непосредственно связанных с физическим воспитанием, для того чтобы понять, как физическое воспитание влияет на развитие педагогов, особенно тех, кто работает в этой сфере. Основной целью являлось — доказать, что принципы развития таких специалистов уникальны и напрямую связаны с их профессиональной деятельностью [4].

В рамках проведения исследования по физическому воспитанию рассматривается тот самый фундамент, на котором строится развитие человека. Однако важно не только сохранять эти знания, но и активно развивать физические способности, формировать позитивное отношение к активности и углублять понимание ее значимости. Именно здесь на первый план выходит концепция физической грамотности. Она не только помогает достичь целей устойчивого развития, но и способствует росту уверенности в себе, улучшению физической формы и компетентности. Такой комплексный подход идеально сочетается с задачами по обеспечению качественного образования, благополучия и здоровья.

Ранее уже проводились исследования по физическому воспитанию и устойчивому развитию, но они часто рассматривали отдельные аспекты и использовали качественные методы. Новое исследование призвано восполнить существующий информационный пробел. В нем планируется использовать смешанные методы, включая конвергентный дизайн, чтобы получить более полное представление о работе преподавателей физического воспитания в контексте устойчивого развития. В качестве респондентов в испытании выступили сотрудники профессиональных спортивных учреждений, а также ведущие преподаватели образовательных организаций.

Авторский коллектив уверен, в уникальном потенциале физического воспитания для достижения целей устойчивого развития. Мы видели, как его акцент на здоровье и движение может дополнить другие подходы, создавая гармонию благодаря использованию смешанных методов. Особое внимание мы уделили тому, что исследование проводилось в различных городах, где у каждого свои уникальные региональные особенности и устои. Такой подход позволил нам лучше понять, как эти различия могут влиять на восприятие как устойчивого развития в целом, так и роли физического воспитания в этом процессе [5].

В вопросах проводимого исследования тщательно изучалось влияние педагогических компетенций, оценивались знания, касающиеся физического воспитания среди преподавателей.

Рассмотрим эти вопросы:

– Прежде всего, важно понять, каково текущее состояние педагогических компетенций педагогических работников, их восприятие физической грамотности и, что особенно важно, насколько эффективно они продвигают цели устойчивого развития (ЦУР) в своей практике. Это включает в себя оценку их знаний, навыков и установок в отноше-

нии физического образования, социальной ответственности и экономического благополучия, интегрированных в учебный процесс по ФВ. Насколько педагогические работники готовы и способны не просто обучать двигательным навыкам, но и формировать у учащихся понимание взаимосвязи между физической активностью, здоровьем и благополучием общества?

- Следующий критический вопрос заключался в том, оказывают ли педагогические компетенции на их собственное, а также воспринимаемое ими, понимание физической грамотности существенное влияние на продвижение ЦУР. Иными словами, является ли высокий уровень профессиональной подготовки педагога и его глубокое понимание того, что значит быть физически грамотным, прямым фактором, способствующим более эффективной интеграции и реализации принципов устойчивого развития в преподаваемой дисциплине? Или же существуют другие, более доминирующие факторы?
- Помимо формальных оценок, крайне важно было изучить личный опыт каждого испытуемого, с которым проводилась работа – в отношении продвижения ЦУР в рамках физического воспитания. Какие конкретные инициативы, проекты или повседневные практики они реализуют? С какими трудностями сталкиваются? Какие успехи отмечают? Этот качественный аспект позволяет получить более глубокое понимание реальной динамики и вызовов, связанных с интеграцией ЦУР в ФВ.
- Как этот личный опыт, будь то положительный или отрицательный, формирует убеждения, взгляды и приверженность к идеям устойчивого развития? В какой степени практическое участие в проектах, направленных на ЦУР, меняет их мировоззрение, усиливает чувство ответственности и мотивирует к дальнейшим действиям? Понимание этого процесса формирования ценностей является ключом к разработке более эффективных образовательных стратегий.
- Наконец, для получения всесторонней картины необходимо проанализировать, в какой степени результаты качественных данных (личный опыт, мнения, наблюдения) согласуются с количественными данными (статистические показатели, результаты опросов, оценки компетенций). Есть ли расхождения между тем, что люди говорят и как они действуют? Или же эти два типа данных подтверждают друг друга, создавая целостное и непротиворечивое представление о состоянии и перспективах продвижения ЦУР в физическом воспитании? Сопоставление этих данных позволит выявить сильные и слабые стороны текущих подходов и определить наиболее перспективные направления для дальнейшего развития.

В описании многих заслуженных деятелей педагогической науки, прослеживается мнение, что педагогические компетенции с адекватными навыками способны побуждать обучающихся концентрироваться на соотношении получаемых знаний к их будущей профессиональной деятельности [6].

Сама физическая грамотность в кругах специалистов по физическому воспитанию описана как сочетание знаний о движении и физической подготовки, при этом способствующая вовлечению в различные виды деятельности на протяжении всей жизни. Более того, отечественные деятели культуры физической, обнаружили, что интерпретация и определение физической грамотности в разных странах мира различается по своим понятиям, физическую грамотность определяют как способность использовать силу и уверенность.

Для количественного и качественного результата в исследовании приняли участие 180 ведущие преподаватели по физической культуре из различных образовательных организаций, а также сотрудники, занимающиеся тренерской деятельностью. Фактический размер выборки исследования соответствовал множественной регрессии для аппроксимации оценок с параметрами вопроса, требующий минимального размера выборки не менее 180 и более человек. Для определения потенциальных респондентов в исследовании использовался метод полного перечисления.

После получения необходимых сертификатов и подтверждений, каждого из добровольцев попросили подписать форму информированного согласия перед началом процедуры сбора данных. Это относится как к количественным, так и к качественным данным.

Кроме того, были предоставлены инструкции по использованию и предоставлению информации для их оценки. Помимо уточнения цели исследования и обеспечения конфиденциальности всех ответов, заполненные анкеты были анонимны. Также, благодаря разрешению использования псевдонимов, была защищена конфиденциальность имен. Возможность отказа от участия была обговорена и могла состояться по требованию испытуемого в любое время.

Все испытуемые принявшие участие оценивались по принципу полного перечисления, полное перечисление включало в себя отбор, сбор и количественную оценку в части популяции для получения делегированной выборки на основе определенных критериев. Важным условием для этого исследования являлось отобрать преподавателей, которые имели педагогический стаж работы в сфере физического образования не менее двух лет. Кроме того, преподаватели-респонденты заполнили анкеты, касающиеся педагогических компетенций, воспринимаемой физической грамотности в физическом воспитании и содействия устойчивому развитию в физическом воспитании.

В рамках данного исследования были применены как количественные, так и качественные методы.

Количественный этап включал три направления оценки:

- Оценка уровня педагогических компетенций.
- Оценка воспринимаемой физической грамотности.
- Оценка вклада в достижение целей устойчивого развития.

Качественный этап состоял из проведения индивидуальных интервью с преподавателями высших учебных заведений. На обоих этапах использовались специально разработанные вопросы для сбора информации.

Анализ полученных данных позволил оценить текущее состояние педагогических компетенций и воспринимаемой физической грамотности в сфере физического воспитания. В контексте физического воспитания, степень соответствия целям устойчивого развития определялась с помощью статистических методов. Промежуточные показатели, такие как среднее значение, использовались для оценки общей тенденции. Соотношение верхнего и среднего значений помогло выявить степень вариативности данных.

Проведенная работа наглядно продемонстрировала, как педагогические компетенции и воспринимаемая физическая грамотность (независимые переменные) влияют на продвижение целей устойчивого развития в физическом воспитании (зависимая переменная).

Было установлено, что педагогическая компетентность преподавателей физического воспитания в вузах находится на очень высоком уровне, со средним показателем 3,78%. Это свидетельствует о стабильно высоком качестве преподавания. Стандартное отклонение в 0,33% указывает на то, что большинство оценок сосредоточено вокруг среднего значения, что говорит о единообразии в оценке компетентности. Таким образом, педагогическая компетентность преподавателей физического воспитания в высших учебных заведениях оценивается как очень высокая и демонстрируется стабильно.

Результаты регрессионного анализа показали, что педагогические компетенции оказывают значительное влияние на продвижение целей устойчивого развития в физическом воспитании. Это означает, что такие аспекты, как учебно-воспитательные процессы, основы физического и психомоторного развития, содержание обучения и развитие физических способностей, способствуют передаче знаний, ценностей и формированию приверженности физическому воспитанию, что, в свою очередь, поддерживает достижение целей устойчивого развития.

Однако, отдельно взятая воспринимаемая физическая грамотность преподавателей физического воспитания не показала значимого влияния на продвижение целей устойчивого развития. Это может указывать на то, что преподаватели не в полной мере осознают значение целей устойчивого развития в контексте физического воспитания, или же связывают их преимущественно с общими аспектами устойчивого развития.

В целом, можно заключить, что как педагогические компетенции, так и воспринимаемая физическая грамотность в совокупности способствуют продвижению целей устойчивого развития в физическом воспитании. При этом, именно педагогические компетенции, в сочетании с воспринимаемой физической грамотностью, играют ключевую роль в достижении высокого уровня устойчивого развития в данной области.

Список литературы:

[1] Бальсевич, В.К. Основные параметры прогноза качественных характеристик специалиста отрасли «Физическая культура и спорт» / В.К. Бальсевич, Л.И. Лубышева // Довузовская подготовка как этап развития кадровой инфраструктуры: сб. научн. тр. – М.: СпортАкадем Пресс, 2001. – С. 9.

[2] Бондаревская, Е.В. Воспитание как возрождение человека культуры и нравственности / Е.В. Бондаревская. – Ростов н/Д., 1991. 225 с.

[3] Бондаревский, Е.Я., Данилов Ю.Г., Епифанов С.П. и др. Информативность тестов, используемых для характеристики физической подготовленности человека // Теория и практика физической культуры. - 2010 - № 1 - С. 23-25.

[4] Здравомыслов, А.Г. Потребности, интересы, ценности / А.Г. Здравомыслов. - М. Политиздат, 1986. - 223 с.

[5] Пельменев, В.К. История физической культуры: Учебное пособие / В.К. Пельменев, Е.В. Конеева. Калинингр. ун-т. – Калининград, 2000. – 186 с.

[6] Столяров, В.И. Спортивная культура как элемент культуры // Современность как предмет исследования социальных наук : материалы Всерос. науч. конф. М. : МГАФК, 2012. С. 28-33.

References:

[1] Balsevich, V.K. The main parameters of the forecast of the quality characteristics of a specialist in the industry “Physical Culture and Sports “/V.K. Balsevich, L.I. Lubysheva//Dovuzovskaya training as a stage in the development of personnel infrastructure: Sat. scientific tr. - M.: SportAkadem Press, 2001. - S. 9.

[2] Bondarevskaya, E.V. Education as a revival of a person of culture and morality/E.V. Bondarevskaya. - Rostov n/D., 1991. 225 s.

[3] Bondarevsky, E.Ya., Danilov Y.G., Epifanov S.P. et al. Informativity of tests used to characterize a person’s physical fitness//Theory and practice of physical education. - 2010 - NO. 1 - S. 23-25.

[4] Zdravomyslov, A.G. Needs, interests, values/A.G. Zdravomyslov. - M. Politizdat, 1986. - 223 c.

[5] Pelmenev, V.K. History of physical culture: Textbook/V.K. Pelmenev, E.V. Koneeva. Kaliningr. un-t. - Kaliningrad, 2000. - 186 s.

[6] Stolyarov, V.I. Sports culture as an element of culture//Modernity as a subject of research in the social sciences: materials All-grew. scientific. conf. M.: MGAFK, 2012. S. 28-33.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-431-436

АСТАХОВ Иван Павлович,
преподаватель кафедры иностранных языков
Белгородского юридического института
МВД России имени И. Д. Путилина
e-mail: astakhov7@mail.ru

ДОВГАНЬ Евгений Александрович,
начальник кафедры специальных дисциплин
Волгодонского филиала Ростовского юридического
института МВД России, полковник полиции,
e-mail: dovghan_72@mail.ru

РОДИТЕЛЕВА Яна Николаевна,
старший преподаватель кафедры специальных дисциплин
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: ekaterinatsareva@bk.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МВД РОССИИ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Аннотация. *В статье рассматривается цифровая трансформация Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД России) с акцентом на применение искусственного интеллекта (ИИ) в обеспечении безопасности дорожного движения и общественного порядка. Анализируются теоретические основы модернизации правоохранительной системы, современные технологии ИИ и их практическое внедрение в работу МВД, включая автоматизированные системы контроля, прогнозирования и реагирования. Особое внимание уделено юридическим и организационным аспектам интеграции ИИ, нормативно-правовому обеспечению и подготовке кадров. Обсуждаются перспективы развития технологий и их роль в формировании интеллектуальной и адаптивной системы безопасности. Полученные результаты подчеркивают значимость комплексного подхода к цифровой трансформации МВД и способствуют повышению эффективности правоохранительной деятельности в условиях цифровой экономики.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация, Министерство внутренних дел, искусственный интеллект, безопасность дорожного движения, общественный порядок, правовое регулирование, цифровые технологии, прогнозирование преступлений, автоматизация, подготовка кадров.*

ASTAKHOV Ivan Pavlovich,
Lecturer in the Foreign Languages Department
at the I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

DOVGAN Evgeny Aleksandrovich,
Head of the Specialized Disciplines Department
at the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel

RODITELEVA Yana Nikolaevna,
senior lecturer of the Department of Special Disciplines
of the Crimean branch of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
police lieutenant colonel

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA IN THE CRIMINAL LAW CONTEXT: USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TO ENSURING ROAD SAFETY AND PUBLIC ORDER

Annotation. *This article examines the digital transformation of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (MVD of Russia), focusing on the use of artificial intelligence (AI) in ensuring road safety and public order. It analyzes the theoretical foundations of modernizing the law enforcement system, modern AI technologies, and their practical implementation in the work of the MVD, including automated control, forecasting, and response systems. Particular attention is paid to the legal and organizational aspects of AI integration, regulatory framework, and personnel training. Prospects for the development of technologies and their role in the formation of an intelligent and adaptive security system are discussed. The results obtained emphasize the importance of an integrated approach to the digital transformation of the MVD and contribute to improving the effectiveness of law enforcement in the digital economy.*

Key words: *digital transformation, Ministry of Internal Affairs, artificial intelligence, road safety, public order, legal regulation, digital technologies, crime forecasting, automation, personnel training.*

В последние годы Министерство внутренних дел Российской Федерации (Далее МВД РФ) переживает значительные изменения, связанные с внедрением современных цифровых технологий в сферу правоохранительной деятельности. Цифровая трансформация МВД представляет собой целенаправленный и систематический процесс интеграции инновационных информационно-коммуникационных решений с целью повышения эффективности управления, оперативного реагирования и обеспечения общественной безопасности, поскольку именно в контексте растущей цифровизации всех сфер государственного управления именно цифровая трансформация становится одним из ключевых факторов, определяющих развитие правоохранительной системы и формирование новых стандартов работы сотрудников органов внутренних дел.

Особое значение в данном процессе приобретает использование технологий искусственного интеллекта (Далее ИИ), которые открывают новые горизонты для анализа больших данных, автоматизации рутинных задач и совершенствования механизмов выявления и предотвращения правонарушений в сфере дорожного движения и общественного порядка. Уже сегодня МВД России внедряет интеллектуальные системы видеонаблюдения, распознавания лиц и автоматизированного контроля дорожного движения, способствующие улучшению оперативности, объективности и прозрачности правоохранительной деятельности. Развитие нормативно-правовой базы и ведомственных программ цифровой трансформации создают правовую основу для применения ИИ с учетом защиты прав граждан и обеспечения информационной безопасности [1]. Но при этом процесс цифровой трансформации сталкивается с определенными вызовами, среди которых можно выделить необходимость технической модернизации инфраструктуры, повышение квалификации персонала и адаптацию правоприменительной практики к новым условиям, поэтому внедрение ИИ в правоприменительную деятельность требует комплексного подхода, предусматривающего как технологические, так и юридические и этические аспекты, что делает цифровую трансформацию важным направлением исследований в уголовно-правовой сфере.

Цифровая трансформация МВД России представляет собой не просто внедрение информационных технологий, а комплексный процесс переосмысления и перестройки организационных, управленческих и оперативных механизмов с целью повышения эффективности правоохранительной деятельности. Она предусматривает преобразование, охватывающее все уровни ведомства — от федерального управления до подразделений на местах, и направленное на создание современного цифрового государства в сферах безопасности, правопорядка и предоставления государственных услуг. Главным теоретическим фундаментом таких преобразований служат концепции цифровой экономики, цифрового государства и платформенного управления, которые акцентируют внимание на интеграции

ИТ-решений в структуру органов власти и взаимодействии с гражданами в режиме реального времени [2].

Одним из ключевых документов в данной области является «Концепция научно-технической политики МВД России до 2030 года», описывающая многолетнюю поэтапную программу внедрения и использования передовых IT-технологий, включая искусственный интеллект, робототехнику и большие данные. Реализация этой концепции происходит в три этапа: подготовительный, научно-исследовательский и внедренческий, что отражает системный подход к цифровой трансформации ведомства с учетом технических, организационных и кадровых аспектов. Важным направлением в работе является создание единой информационно-телекоммуникационной системы МВД, обеспечивающей взаимосвязанность всех подразделений, а также переход от бумажной к электронной документации и услугам [9].

Теоретический анализ показывает, что успешная цифровая трансформация невозможна без качественной подготовки кадров, обладающих необходимыми компетенциями в области ИТ и цифровых технологий, поскольку при этом формируется новая структура профессиональных навыков сотрудников МВД, включающая базовые, специальные, профессиональные и организационные уровни, что в свою очередь позволяет обеспечить комплексный подход к развитию человеческого капитала и повышению квалификации персонала. Перспективы применения ИИ в правоохранительной деятельности предполагают оптимизацию оперативных и аналитических процессов, снижение уровня человеческого фактора и повышение точности принятия решений, особенно актуальные для обеспечения общественной безопасности и контроля дорожного движения [2].

Наряду с технологическими и кадровыми вопросами, теоретической основой цифровой трансформации выступает нормативно-правовое регулирование, призванное обеспечить баланс между эффективностью новых цифровых инструментов и защитой прав граждан, включая вопросы обработки персональных данных, кибербезопасности и прозрачности работы правоохранительных органов. Важным этапом является совершенствование законодательства, которое должно идти в ногу с динамикой развития цифровых технологий и обеспечивать законность и правовую ясность при их использовании в уголовно-правовом контексте [3].

То есть мы видим, что теоретические основы цифровой трансформации МВД России формируют базу для системного внедрения инноваций, направленных на повышение профессионализма, технологической оснащенности и правового регулирования деятельности органов внутренних дел, поскольку это обеспечивает переход к более эффективной, прозрачной и современной модели правоохранительной системы, востребованной в условиях цифровой эпохи.

Современная цифровая трансформация МВД России немыслима без активного внедрения технологий ИИ в сферу обеспечения безопасности дорожного движения, поскольку он становится не просто вспомогательным инструментом, а ключевым компонентом комплексных систем контроля и анализа дорожной обстановки. Одним из основных направлений является автоматизированная видеофиксация нарушений ПДД с использованием нейросетевых алгоритмов, способных с высокой точностью распознавать различные виды правонарушений, включая превышение скорости, проезд на запрещающий сигнал светофора, непристегнутый ремень безопасности и использование телефона за рулём. Такой подход обеспечивает объективность фиксации и помогает снизить количество аварий, а также повысить дисциплину участников дорожного движения. Помимо этого ИИ-технологии применяются для прогнозирования аварийных ситуаций на основании анализа больших данных о трафике, погодных условиях и особенностях дорог. Аналитические системы, интегрированные с городскими ситуационными центрами, позволяют выявлять опасные участки и корректировать меры по обеспечению безопасности в режиме реального времени. К ним можно отнести адаптивное управление светофорными объектами, перенаправление потоков и оптимизацию маршрутов патрульных служб, что позволяет повысить оперативность реагирования и снизить заторы в часы пик. Внедрение интеллектуальных систем в патрульные автомобили МВД, в частности «умных балок» с камерами кругового обзора и алгоритмами распознавания потенциально опасных водителей, создаёт дополнительный уровень контроля и предупреждения нарушений [4].

Серьёзным достижением является распространение таких технологий на уровне регионов, где комплексные системы нарушений ПДД интегрированы с централизованными информационными платформами МВД. В рамках национального проекта «Безопасные качественные дороги» и Концепции НТП МВД до 2030 г. внедряются системы ИИ для анализа видеопотоков, распознавания номеров и прогнозирования инцидентов. Как отмечает Шанько В.В., «современные информационные и цифровые технологии позволяют не только автоматизировать рутинные процессы, но и прогнозировать криминальные угрозы, обеспечивая переход от реактивной к проактивной

модели правоохранительной деятельности». К примеру, это внедрениее камер с ИИ в Свердловской области, где впервые в России достигнута оперативная реакция на нарушения. [10] .

Но нельзя не отметить, что использование ИИ в обеспечении безопасности дорожного движения сопровождается и рядом вызовов, таких как гарантированность защиты персональных данных, соответствие технологии действующему законодательству и развитию нормативно-правовой базы, а также обеспечением квалификации специалистов, способных эффективно работать с интеллектуальными системами. По мере совершенствования технологий прогнозируются дальнейшие улучшения в области проактивного мониторинга и предотвращения аварий, что позволит МВД России перейти к модели превентивного управления дорожной безопасностью, значительно снижая количество ДТП и связанных с ними человеческих и материальных потерь [5].

Современные технологии ИИ становятся важнейшим инструментом для МВД России в обеспечении общественного порядка, поскольку их применение позволяет значительно повысить качество и оперативность правоохранительной деятельности, обеспечивая эффективный мониторинг, прогнозирование и реагирование на правонарушения и преступные действия. Одним из ключевых направлений является использование систем ИИ для анализа больших данных, поступающих из видеонаблюдения, социальных сетей и других информационных источников. Такие системы способны автоматически выявлять подозрительное поведение, распознавать лица и прогнозировать потенциальные угрозы, что существенно расширяет возможности правоохранительных органов в превентивной работе и оперативном вмешательстве [6].

Особое значение приобретают инновационные инициативы, реализуемые в рамках концепции предиктивной полицейской деятельности. Такой подход, основанный на использовании ИИ-алгоритмов для прогнозирования криминальной активности до её фактического проявления. Анализируя исторические данные о правонарушениях, географические особенности, социальные и экономические факторы, интеллектуальные системы позволяют выявлять вероятные «горячие точки» преступности и оптимизировать распределение полицейских ресурсов. Такая практика уже апробируется в России и зарубежных странах и доказала свою эффективность в повышении безопасности населения и предупреждении правонарушений. Внедрение ИИ также способствует автоматизации рутинных операций, освобождая сотрудников полиции для выполнения более сложных задач, требующих человеческого вмешательства и профессионального суждения, облегчает анализ инцидентов, обработку больших массивов информации и принятие управленческих решений, что повышает качество работы правоохранителей и снижает вероятность ошибок или субъективного подхода [6].

Но следует заметить, что активное применение ИИ в сфере обеспечения общественного порядка требует взвешенного подхода с точки зрения юридической и этической ответственности, поскольку необходим баланс между эффективностью технологий и защитой прав граждан, включая конфиденциальность персональных данных и прозрачность принимаемых алгоритмических решений. Внедрение ИИ должно сопровождаться разработкой и принятием соответствующих нормативных актов, регламентирующих использование интеллектуальных систем в правоохранительной практике, а также обеспечением контроля над их функционированием. Важнейшим юридическим элементом является формирование нормативно-правовой базы, регулирующей использование ИИ в правоприменении, а также ответственность за неправомерное применение технологий. В феврале 2025 года Президент РФ инициировал разработку законодательных актов, направленных на обеспечение безопасного и эффективного функционирования ИИ, включая уголовную ответственность за преступления с использованием ИИ и правоприменительные стандарты в этой сфере. Законопроект, разрабатываемый Министерством цифрового развития, вводит положения о спасении имущественного или иного вреда, причинённого при использовании ИИ, а также обязательное страхование таких рисков, что усиливает гарантийные механизмы защиты граждан [7] .

Организационно важным является создание специализированных структур и координационных центров по развитию и внедрению ИИ в правоохранительные структуры. В июне 2025 года Правительство России утвердило план по реализации концепции государственной системы развития искусственного интеллекта, предусматривающей создание Центра развития ИИ, который будет координировать работу различных ведомств, включая МВД, и обеспечивать стандартизацию и контроль за внедрением ИИ-решений. Такие меры направлены на повышение прозрачности, эффективности и интегрированности цифровых технологий в процесс обеспечения безопасности общественного порядка и дорожного движения.

Внедрение искусственного ИИ в деятельность МВД России открывает широкие перспективы для повышения эффективности работы правоохранительных органов и качественного улучшения систем безопасности. Одним из ключевых

направлений развития становится создание специализированных ИИ-систем, таких как «Клон» и «Конъюнктура», предназначеннных для выявления подделок видеоизображений, что значительно повысит надежность доказательной базы в уголовных делах, и прогнозирования негативных событий и чрезвычайных ситуаций с моделированием сценариев реагирования, способствующих проактивному управлению кризисами и профилактике правонарушений [7].

Важным элементом перспективного развития является также создание и развитие лабораторий анализа данных и песочниц для безопасного обучения и тестирования нейронных сетей на больших объемах разнообразной информации, что позволит совершенствовать модели ИИ и адаптировать их к актуальным вызовам и задачам МВД, обеспечивая при этом высокую степень безопасности и конфиденциальности обработки данных. Параллельно формируются специализированные подразделения и координационные центры, направленные на интеграцию ИИ-технологий в существующие информационные системы ведомства, способствуя комплексной цифровой трансформации органов внутренних дел.

Кроме технических аспектов развивается и нормативно-правовое регулирование, обеспечивающее легитимность применения ИИ в правоохранительной деятельности. Совместно с нормативным оформлением внедряются стандарты этического использования технологий, предусматривающие защиту прав и свобод граждан, предотвращение злоупотреблений и обеспечение прозрачности алгоритмов принятия решений, поскольку это создает условия для повышения доверия общества к цифровым инструментам и гарантирует соблюдение принципов законности и справедливости в работе МВД [8].

Таким образом, анализируя вышеизложенное, мы видим, что цифровая трансформация МВД России на основе ИИ представляет собой объективную необходимость в условиях современного технологического развития. Исследование выявило основные векторы внедрения: автоматизация видеофиксации, прогнозирование чрезвычайных ситуаций, оптимизация патрулирования и профилактика правонарушений. Такие направления подтверждают как теоретическую обоснованность, так и практическую целесообразность использования цифровых инструментов в правоохранительной сфере. Успешная реализация цифровых инноваций зависит от совокупности факторов: адекватного нормативного регулирования, развития кадрового потенциала и соблюдения баланса между эффективностью технологий и защитой прав граждан. Мы видим, что особое значение приобретает правовое и этическое обеспечение применения ИИ, которое должно повысить общественное доверие к инновационным инструментам безопасности, поскольку развитие прогнозных моделей, совершенствование инфраструктуры тестирования и укрепление международного сотрудничества создают предпосылки для формирования адаптивной системы правопорядка. Иными словами ответственное и целенаправленное развитие ИИ в МВД способно существенно повысить эффективность государственной безопасности и качество защиты интересов общества.

Список литературы:

[1] Современные информационные и цифровые технологии и отдельные направления их использования в правоохранительной деятельности : [электронный ресурс] / Н.В. Щербаков, Е.Д. Меликова // Журнал экономического и правового развития. – 2024.

[2] Шишкин Р. В. Уголовно-правовые риски в условиях цифровой трансформации и противодействие им // Право и государство: теория и практика. 2024. №9 (237).

[3] Лукашов Н. В. Теоретические и организационные основы цифровой трансформации территориальных органов внутренних дел системы МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2023. №3 (67).

[4] Искусственный интеллект на страже дорог: как нейросети меняют правила дорожного движения — новости «AVTOZNAK-DUBLIKAT» : [электронный ресурс]. — Режим доступа: https://avtoznak-dublikat.ru/novosti/76. — Дата обращения: 23.09.2025.

[5] Войтова О. Г., Тарасов Д. А. Применение элементов искусственного интеллекта как один из путей развития информационных систем МВД России // Вестник ВИ МВД России. 2020. №2.

[6] Гришаков А. Г. Искусственный интеллект как инструмент правоохранительной деятельности участкового уполномоченного полиции // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49)

[7] Постановление Правительства Российской Федерации от 09.06.2025 N 861 «О Центре развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Consultant.ru. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_507426/. – Дата обращения: 23.09.2025. – Загл. с экрана.

[8] Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – Нижний Новгород : Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, 2025. – 321 с. – Режим доступа: https://law.unn.ru/wp-content/uploads/sites/18/2025/02/PRII_2025_3.pdf. – Дата обращения: 23.09.2025.

[9] Концепция научно-технической политики МВД России до 2030 года : [электронный ресурс] / МВД России. – Режим доступа: http://nauteh-journal.ru/files/2f5cf863-72fc-4da5-aaf9-ee4aaefd0f77. – Дата обращения: 23.09.2025.

[10] Шанько, В. В. Инновационные специальные средства, применяемые сотрудниками органов внутренних дел для пресечения правонарушений / В. В. Шанько, А. С. Курочкин // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2021. – № 21-2. – С. 219-220.

[11] Российские камеры с ИИ впервые внедрили в Свердловской области : [электронный ресурс] / Анна Миронова // SecuTeck. – 2025. – 09.07. – Режим доступа: https://www.secuteck.ru/news/rossijskie-kamery-s-ii-vpervye-vnedrili-v-sverdlovskoj-oblasti. – Дата обращения: 23.09.2025.

References:

[1] Modern information and digital technologies and certain areas of their use in law enforcement: [electronic resource]/N.V. Shcherbakov, E.D. Melikova//Journal of Economic and Legal Development. – 2024.

[2] Shishkin R.V. Criminal legal risks in the context of digital transformation and countering them// Law and the state: theory and practice. 2024. №9 (237).

[3] Lukashov N.V. Theoretical and organizational foundations of the digital transformation of the territorial bodies of internal affairs of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. №3 (67).

[4] Artificial intelligence on guard of roads: how neural networks change the rules of the road - news "AVTOZNAK-DUBLIKAT": [electronic resource]. — Режим доступа: https://avtoznak-dublikat.ru/novosti/76. - Accessed 23.09.2025.

[5] Voitova O. G., Tarasov D. A. The use of elements of artificial intelligence as one of the ways to develop information systems of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Bulletin of the VI Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. №2.

[6] Grishakov A. G. Artificial intelligence as a tool for law enforcement activities of the district police officer//Altai Legal Bulletin. 2025. № 1 (49)

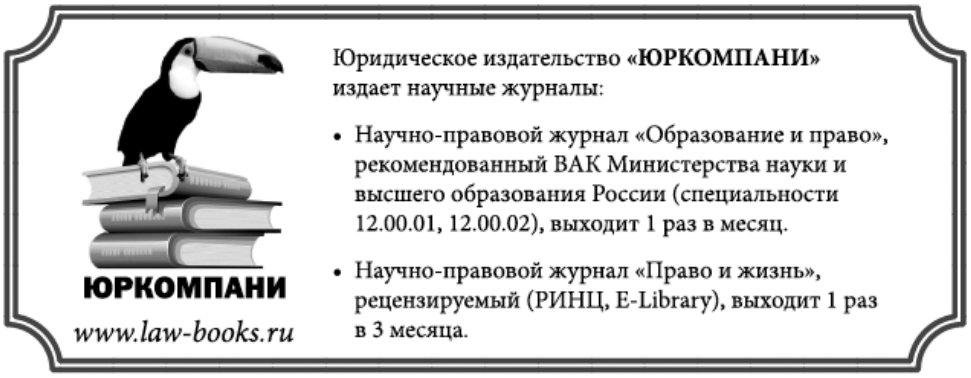
[7] Decree of the Government of the Russian Federation of 09.06.2025 No. 861 "On the Center for the Development of Artificial Intelligence under the Government of the Russian Federation" [Electronic resource]// Consultant.ru. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_507426/. - Accessed on: 23.09.2025. - Closed from the screen.

[8] I.A. Filipova. Legal regulation of artificial intelligence: a textbook. - 3rd ed., Revised and add. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2025. - 321 p. - Access mode: https://law.unn.ru/wp-content/uploads/sites/18/2025/02/PRII_2025_3.pdf. - Accessed 23.09.2025.

[9] The concept of scientific and technical policy of the Ministry of Internal Affairs of Russia until 2030: [electronic resource]/Ministry of Internal Affairs of Russia. - Access mode: http://nauteh-journal.ru/files/2f5cf863-72fc-4da5-aaf9-ee4aaefd0f77. - Accessed 23.09.2025.

[10] Shanko, V.V. Innovative special means used by employees of internal affairs bodies to suppress offenses/V.V. Shanko, A.S. Kurochkin//Actual problems of combating crimes and other offenses. – 2021. – № 21-2. - S. 219-220.

[11] Russian AI cameras were first introduced in the Sverdlovsk region: [electronic resource]/Anna Mironova//SecuTeck. – 2025. – 09.07. – Режим доступа: https://www.secuteck.ru/news/rossijskie-kamery-s-ii-vpervye-vnedrili-v-sverdlovskoj-oblasti. - Accessed 23.09.2025.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-437-442

СИДОРОВ Сергей Сергеевич,
аспирант, Московский Финансово-Промышленный университет «Синергия»,
e-mail: ssidorov971@gmail.com

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СБОРА И ОБРАБОТКИ BIGDATA: СОПОСТАВЛЕНИЕ ОПЫТА НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Аннотация. *Big Data, представляя собой огромные массивы информации, генерируемые из различных источников, обладает колоссальным потенциалом для инноваций, развития бизнеса и улучшения качества жизни. Однако, вместе с этим потенциалом возникают серьезные риски, связанные с защитой персональных данных, информационной безопасностью и соблюдением прав человека.*

Экспоненциальный рост объемов и сложности данных ставит перед обществом новые вызовы. Массовый сбор и хранение информации о каждом аспекте нашей жизни, включая личные предпочтения, привычки и перемещения, открывает широкие возможности для злоупотреблений. Утечки конфиденциальных данных могут привести к финансовому ущербу, репутационным потерям и даже физической угрозе для граждан. Несанкционированный доступ к Big Data способен быть использован для манипуляции общественным мнением, дискриминации и нарушения гражданских свобод.

Ключевым аспектом становится выработка комплексных мер по обеспечению безопасности и этичного использования Big Data. Это подразумевает не только развитие передовых технологий шифрования и защиты информации, но и совершенствование законодательной базы, регулирующей сбор, хранение и обработку данных.

Кроме того, необходимо развивать этические стандарты для специалистов, работающих с Big Data, что включает в себя ответственность за прозрачность алгоритмов, предотвращение предвзятости и обеспечение справедливости при принятии решений на основе данных.

Цель настоящей публикации состоит в сопоставлении опыта национального законодательства отдельных стран в сфере правового регулирования сбора и обработки Big Data.

Методы: сравнительно-правовой, анализ нормативно-правового регулирования, формально-юридический.

Результаты: рассмотрены особенности правового регулирования сбора и обработки Big Data в Российской Федерации; исследованы вопросы правового регулирования сбора и обработки Big Data в США; проанализированы правовые аспекты регулирования сбора и обработки Big Data в Германии.

Ключевые слова: *Big Data, персональные данные, реидентификация, база данных, массивы информации, suigeneris, цифровая экономика, правосубъектность.*

SIDOROV Sergey Sergeevich,
postgraduate student,
Moscow Financial and Industrial University «SYNERGY»

LEGAL REGULATION OF BIG DATA COLLECTION AND PROCESSING: COMPARISON OF NATIONAL LEGISLATION IN SELECTED COUNTRIES

Annotation. *Big Data, which is a vast amount of information generated from various sources, has enormous potential for innovation, business development, and improving the quality of life. However, this potential comes with significant risks related to the protection of personal data, information security, and human rights.*

The exponential growth in the volume and complexity of data poses new challenges for society. The mass collection and storage of information about every aspect of our lives, including personal preferences, habits, and movements, opens up ample opportunities for abuse. The leakage of sensitive data can lead to

financial damage, reputational losses, and even physical threats to citizens. Unauthorized access to Big Data can be used to manipulate public opinion, discriminate against individuals, and violate their civil liberties.

A key aspect is the development of comprehensive measures to ensure the safety and ethical use of Big Data. This involves not only the development of advanced encryption and information protection technologies, but also the improvement of the legal framework governing the collection, storage, and processing of data.

Additionally, it is necessary to develop ethical standards for professionals working with Big Data, which includes the responsibility for the transparency of algorithms, the prevention of bias, and ensuring fairness in data-driven decision-making.

The purpose of this publication is to compare the national legislation of individual countries in terms of legal regulation of the collection and processing of Big Data.

Methods: comparative legal, analysis of regulatory regulation, formal legal.

Results: the legal regulation of Big Data collection and processing in the Russian Federation is discussed; the legal regulation of Big Data collection and processing in the United States has been studied; the legal aspects of regulating the collection and processing of Big Data in Germany have been analyzed.

Key words: *Big Data, personal data, reidentification, database, information arrays, suigeneris, digital economy, legal personality.*

Введение. Актуальность правового регулирования обусловлена стремительным увеличением объемов данных и появлением новых технологий их обработки. Традиционные подходы к защите информации оказываются недостаточными для эффективного контроля над Big Data. Новые методы обработки данных, такие как машинное обучение и искусственный интеллект, позволяют выявлять закономерности и связи, которые ранее были скрыты. Это создает возможности для злоупотреблений, дискриминации и нарушения прав граждан.

Необходимость в правовом регулировании также вызвана тем, что Big Data часто содержит персональные данные, которые требуют особой защиты. Информация о здоровье, финансовом положении, политических взглядах и других аспектах частной жизни может быть использована для неправомерных целей. Отсутствие четких правил сбора и обработки персональных данных может привести к нарушению прав граждан на неприкосновенность частной жизни и самоопределение.

Правовое регулирование сбора и обработки Big Data является актуальной и необходимой мерой для обеспечения баланса между инновациями и защитой прав граждан. Оно должно создавать четкие правила и ограничения, которые гарантируют безопасность и конфиденциальность информации, а также предотвращают злоупотребления и дискриминацию.

Особенности правового регулирования сбора и обработки Big Data в Российской Федерации. В регулировании отношений в сфере больших данных основными в Российской Федерации являются Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152 «О защите персональных данных» [2] и Федеральный закон от 27июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3].

Федеральный закон № 152-ФЗ - ключевой нормативный акт в области защиты персональных данных, определяет порядок обработки любой информации, относящейся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу. В контексте Big Data, применение этого закона вызывает ряд специфических вопросов.

С одной стороны, если Big Data содержит персональные данные, то требования закона о согласии на обработку, обеспечении безопасности и соблюдении принципов обработки должны быть выполнены. С другой стороны, технологии Big Data часто предполагают обработку обезличенных данных, к которым закон о персональных данных не применяется. Однако, риск реидентификации обезличенных данных требует особого внимания к методам и инструментам обезличивания.

В настоящее время, вопрос о том, как именно применять 152-ФЗ к Big Data, остается предметом дискуссий. Необходимо учитывать, что даже при обезличивании данных, могут сохраняться риски нарушения прав субъектов, особенно если данные используются для профилирования или принятия автоматизированных решений.

Федеральный закон № 149-ФЗ [3], являясь базовым в сфере информации и информационных технологий, устанавливает общие принципы обращения с информацией, включая ее поиск, получение, передачу, производство и распространение. В контексте Big Data, значимым является определение информационных технологий и процессов, связанных с обработкой данных. Закон определяет обязанности операторов информации, в том числе при обработке больших массивов данных.

Важно отметить, что 149-ФЗ не содержит прямого регулирования Big Data как таковой.

Однако отдельные положения закона оказывают влияние на деятельность, связанную с Big Data. В частности, это касается вопросов обеспечения конфиденциальности информации, защиты от неправомерного доступа и использования информации, а также ответственности за нарушение законодательства в сфере информации.

Закон также определяет условия использования электронной подписи и электронных документов, что может быть актуально при обработке и обмене большими объемами данных в электронном виде. Кроме того, положения о защите информации, в том числе от вредоносных программ, применимы к инфраструктуре Big Data.

Анализ показывает, что 149-ФЗ создает общую правовую рамку для работы с информацией, в том числе и с Big Data. Однако, специфика Big Data, включающая большие объемы, скорость обработки и разнообразие данных, требует дополнительного регулирования, учитывающего эти особенности.

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод, что российское законодательство также не работает с понятием «Big Data», если и регулирует их, то только как персональные данные.

В Гражданском кодексе РФ [1] понятие, наиболее близкое к большим данным, – это базы данных. Однако это понятие формировалось в период, когда технологии больших данных еще не были широко распространены в России. Изначально предполагалось рассматривать данные как статические информационные единицы в электронных таблицах или базах данных. Но в процессе разработки четвертой части ГК РФ это представление изменилось: под базами данных стали понимать совокупность независимых материалов, таких как статьи, расчеты, нормативные акты, судебные решения и аналогичные материалы (п. 2 ст. 1260) [1]. Исследователи отмечают, что это связано с тем, что разработчики кодекса ориентировались главным образом на справочные правовые системы как пример баз данных.

Представляется, что категория «базы данных» отличается от категории «большие данные». Последняя, скорее, относится к технологиям сбора, обработки и хранения данных, причём под данными понимается своего рода «сырой материал» – необработанная и неосмысленная информация. В базах данных, в том смысле, который закреплен в ГК РФ, информация уже обработана и осознанно структурирована.

По мнению М.А. Рожковой [6], действующие нормы авторского и смежных прав, касающиеся баз данных, оказываются недостаточными для урегулирования вопросов, возникающих при сборе, агрегации, обработке и хранении Big Data. В обоснование этого утверждения можно отметить, что в российском законодательстве база данных определяется как собрание независимых материалов, организованных таким образом, что обеспечивается их поиск и обработка с использованием компьютерной техники (п. 2 ст. 1260 ГК РФ). Важно подчеркнуть, что авторское право защищает не содержание базы данных, а ее структуру и организацию.

Также данный автор, анализируя обозначенную проблему, отмечает, что «база данных может стать объектом авторских прав и получить правовую охрану в соответствии с положениями гл. 70 ГК РФ... если она признается составным произведением...» [6]. Остается открытым вопрос: правомерно ли квалифицировать базу данных, защищенную авторским правом, как составное произведение в соответствии с положениями статьи 1240 Гражданского кодекса РФ? Однозначного решения не существует.

А.Ю. Чурилов пишет: «На неоригинальность базы данных в ЕС распространяется режим suigeneris; отечественный законодатель распространил на такие базы данных режим смежных прав» [7]. Возникает вопрос, можно ли считать неоригинальность, упомянутая автором, основанием для причисления базы данных к объектам смежных прав, согласно пункту 1 статьи 1334 Гражданского кодекса РФ? Данная точка зрения вызывает сомнения.

Законодательная неопределенность привела к тому, что авторы [5] рассматривают базы данных как объекты, подпадающие как под авторское, так и под смежное право. При этом, одни базы данных классифицируются как «творческие» (охраняемые авторским правом), а другие – как «нетворческие», когда речь идет о правах изготовителя базы данных согласно статьям 1333 и 1334 Гражданского кодекса РФ (относящихся к смежным правам).

Таким образом, визуализация больших данных, осуществляемая посредством баз данных, позволяет предположить о возможности:

1) Применения к большим данным правового режима, установленного в ч. IV ГК РФ для баз данных, с устранением ранее выявленных недостатков;
2) Разработки отдельного режима интеллектуальных прав, предназначенного для больших данных.

В российской судебной практике проблемы, возникающие при использовании больших данных, не находят адекватного решения из-за отсутствия соответствующих правовых норм, необходимого теоретического обоснования и интерпретации. Очевидно, что создание единой цифровой инфраструктуры во всех областях экономики

(включая промышленность, сельское хозяйство, строительство, здравоохранение, торговлю, сферу услуг, науку, образование, банковский сектор и другие) в рамках национального проекта «Экономика данных» невозможно без использования больших данных в качестве ключевого и системообразующего элемента цифровой экономики. Эти вопросы нуждаются в глубоком анализе, корректном гражданско-правовом обосновании и толковании.

Итак, в России большие данные как таковые не регулируются напрямую. Вероятно, это связано с тем, что большие данные не являются характеристикой содержания информации, а скорее описывают специфические технологии ее сбора, обработки и хранения, когда информация соответствует критериям большого объема, скорости, разнообразия и изменчивости. Если в состав данных, обрабатываемых с помощью технологий больших данных, входят персональные данные, то на их обработку распространяется законодательство о защите персональных данных. Аналогично, если у другой информации, содержащейся в больших данных, есть особый правовой режим, он также будет применяться к большим данным.

Однако содержание законодательства о защите персональных данных порождает дискуссию о том, могут ли пересекаться понятия «персональные данные» и «большие данные». Часто в массиве информации, обрабатываемой с помощью технологий больших данных, содержатся различные метаданные: данные о местоположении, IP-адрес, история посещений веб-сайтов и т. д. Важно подчеркнуть, что сегодня такая информация уже признается персональными данными в судебной практике. Необходимо привести в соответствие нормативную базу и внести изменения в Федеральный закон «О персональных данных», включив в перечень и эту информацию.

Вопросы правового регулирования сбора и обработки Big Data в США. В Соединенных Штатах отсутствует унифицированная система правового контроля за аккумулированием и применением массивов информации. Правила, определяющие допустимые способы применения этих информационных активов, рассредоточены по различным законодательным документам. На общегосударственном уровне понятие «Big Data» не имеет четкого юридического определения.

Хотя защита личной информации является предметом регулирования, отдельного нормативного акта, посвященного исключительно большим данным, нет, организации, работающие с Big Data, обязаны придерживаться как законов, касающихся конфиденциальности персональных сведений, так и внутренних правил компаний, а также договорных обязательств.

Хотя отдельные штаты в США имеют законодательные акты, контролирующие аккумуляцию и использование крупных массивов данных, на федеральном уровне подобное регулирование отсутствует. В качестве примера можно привести калифорнийский закон COPPA [9], который обязывает собственников онлайн-ресурсов публиковать политику конфиденциальности, детально описывающую методы сбора и дальнейшего применения пользовательских данных.

HIPAA [10] - закон США о переносимости и подотчётности медицинского страхования, принятый 21 августа 1996 года и подписанный президентом Биллом Клинтоном.

Цель закона - защита конфиденциальности медицинской информации и обеспечение безопасности данных пациентов. HIPAA касается всех организаций, которые обрабатывают медицинскую информацию, включая врачей, больницы, страховые компании и других поставщиков медицинских услуг.

CCPA [11] - Закон штата Калифорния о защите персональных данных потребителей в США. Принят в 2018 году, вступил в силу 1 января 2020 года. Направлен на расширение прав потребителей на конфиденциальность и регулирование сбора, использования и продажи личной информации компаниями, работающими в Калифорнии.

Правовые аспекты регулирования сбора и обработки Big Data в Германии. В Германии также отсутствует отдельное законодательство, посвященное сбору и использованию больших данных. Однако в стране функционируют правовые нормы, обеспечивающие охрану личной информации, а также существуют уполномоченные инстанции, контролирующие соблюдение этих норм [4]. Кроме того, в Германии существуют специальные законы для различных отраслей, которые регламентируют порядок обработки информации в конкретных секторах экономики.

Немецкий Федеральный закон о защите данных (BDSG) [8] – это национальный законодательный акт, предназначенный для внедрения норм Общего регламента ЕС по защите данных (GDPR) на территории Германии. BDSG определяет порядок осуществления сбора, обработки и сохранения личной информации граждан как государственными, так и коммерческими структурами.

Закон закрепляет права физических лиц, чьи данные обрабатываются, обязанности организаций, осуществляющих контроль и обработку информации, условия передачи данных, а также порядок надзора со стороны уполномоченных органов.

Существуют также специальные законы, регулирующие отдельные отрасли. В качестве примера можно привести «Закон о защите дан-

ных в сфере телекоммуникаций и телемедиа» (TTDSG) [12], который устанавливает правила защиты информации в соответствующих секторах.

Заключение. Российская Федерация в основном опирается на Федеральный закон «О персональных данных», который устанавливает строгие правила для обработки персональной информации. Однако, применимость этого закона к Big Data остается предметом дискуссий, особенно в контексте анонимизации и псевдоанонимизации данных.

США демонстрируют более фрагментированный подход, где регулирование зависит от сектора экономики и типа данных. Законодательство о защите конфиденциальности детей в интернете (COPPA) и Закон о переносимости и подотчетности медицинского страхования (HIPAA) являются примерами отраслевого регулирования. Калифорнийский закон о защите прав потребителей (CCPA) устанавливает дополнительные требования к компаниям, собирающим персональные данные.

Германия, известная своими строгими стандартами защиты данных, следует Общему регламенту по защите данных (GDPR) Европейского союза. GDPR устанавливает широкие требования к обработке персональных данных, включая принципы законности, справедливости и прозрачности. Применимость GDPR к Big Data требует тщательного анализа, особенно в отношении согласия на обработку и прав субъектов данных.

Таким образом, анализ подходов к регулированию больших данных в различных государствах демонстрирует существенные расхождения. В Германии приоритет отдается защите прав граждан, таких как право на конфиденциальность и доступ к информации. В Соединенных Штатах, напротив, данные воспринимаются, прежде всего, как ценный ресурс, пригодный для коммерческого использования. Германия же применяет комплексный подход, сочетая нормы европейского и национального законодательства, уделяя особое внимание охране личной информации и обеспечению ясности в процедурах ее обработки.

Таким образом, РФ использует регулирование отношений по сбору и обработке Big Data, построенное на формулировании общих норм, тогда как законодательство США и Германии избрали иной подход, у них отсутствуют общие нормы, но разработаны специальные для регулирования отдельных правоотношении. По результатам исследования представляется возможным сделать вывод о необходимости сочетания общих и специальных норм при регулировании отношений по сбору и обработке Big Data, где общие нормы будут регулировать общие вопросы: принципы, признаки объекта, правосубъектность сторон, а специальные установят особенности прав и обязанностей, возникающих в данной сфере правового регулирования.

В частности, общие нормы гражданского законодательства, закрепляющие принципы добросовестности, разумности и справедливости, должны служить ориентиром при определении границ допустимого сбора и обработки данных. Специальные нормы, в свою очередь, должны учитывать специфику Big Data, такую как огромные объемы информации, скорость ее обработки и разнообразие источников. Это позволит избежать ситуаций, когда формальное соблюдение общих норм приводит к нарушению прав и законных интересов субъектов данных.

Одним из ключевых вопросов, требующих специального правового регулирования, является определение правосубъектности сторон в отношениях по сбору и обработке Big Data. Традиционные категории субъектов гражданского права, такие как физические и юридические лица, не всегда адекватно отражают сложность и многогранность отношений, возникающих в этой сфере. Необходимо учитывать роль агрегаторов данных, аналитических компаний и иных посредников, которые осуществляют сбор, обработку и передачу данных.

Специальные нормы также должны устанавливать особенности прав и обязанностей, возникающих при обработке Big Data. В частности, необходимо определить порядок получения согласия на обработку данных, учитывая, что в большинстве случаев невозможно получить информированное согласие от каждого субъекта данных в отдельности. Следует разработать механизмы, обеспечивающие прозрачность и предсказуемость обработки данных, а также возможность для субъектов данных контролировать использование своей информации.

Таким образом, сочетание общих и специальных норм позволит создать сбалансированную систему правового регулирования отношений по сбору и обработке Big Data, учитывающую как общие принципы гражданского права, так и специфику данной сферы. Это позволит обеспечить эффективную защиту прав и законных интересов субъектов данных, а также стимулировать развитие инновационных технологий на основе Big Data.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 №230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2025. - №1.

[2] Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 №152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2024. - №1.

[3] Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 №149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2024. - №3.

[4] Куракин Р.С. Гражданское право Германии / Р.С. Куракин. - Москва: РИОР, 2018. - 219 с.

[5] Петухов С.В. Актуальные вопросы применения Big Data: правовой аспект / С.В. Петухов, Р.А. Амбарцумов, В.С. Лавелина // Проблемы экономики и юридической практики. - 2018. - №6. – С.33.

[6] Рожкова М.А. Что такое большие данные (bigdata), чем они отличаются от обычных данных и в чем состоит проблема правового регулирования bigdata [Электронный ресурс] // Закон.ру. - 2019. - URL: https://zakon.ru/blog/2019/4/22/chto_takoe_bolshie_dannye_big_data_chem_oni_otlichay

[7] Чурилов А.Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы в XXI веке: монография / А.Ю. Чурилов. - М.: Юстицинформ, 2020. - 224 с.

[8] Bundesdatenschutzgesetz (BDSG) (geändertdurch das Gesetzvom 30. Oktober 2017)

[9] Children's Online Privacy Protection Act (COPPA) of 1998, via Federal Trade Commission

[10] United States District Court. September 16, 2010. violation of the Health Information Privacy and Portability Act. («HIPPA»)

[11] The California Consumer Privacy Act. Archived from the original on 2021-09-22. Retrieved 2020-11-11.

[12] Telekommunikation-Telemedien-Datenschutz-Gesetzvom 23 Juni 2021 (BGBl. I S. 1982; 2022 I S. 1045)

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (part four) dated 18.12.2006 No. 230-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2025. - №1.

[2] Federal Law "On Personal Data" dated 27.07.2006 No. 152-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2024. - №1.

[3] Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" dated 27.07.2006 No. 149-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2024. - №3.

[4] Kurakin R.S. German Civil Law/R.S. Kurakin. - Moscow: RIOR, 2018. - 219 c.

[5] Petukhov S.V. Topical issues of Big Data application: legal aspect/S.V. Petukhov, R.A. Ambartsumov, V.S. Lavelina//Problems of economics and legal practice. - 2018. - №6. - S.33.

[6] M.A. Rozhkova. What is big data (bigdata), how it differs from ordinary data and what is the problem of legal regulation of bigdata [Electronic resource]// Закон.ру. - 2019. - URL: https://zakon.ru/blog/2019/4/22/chto_takoe_bolshie_dannye_big_data_chem_oni_otlichay

[7] Churilov A.Yu. Legal regulation of intellectual property and new technologies: challenges in the XXI century: monograph/A.Yu. Churilov. - M.: Justicinform, 2020. - 224 s.

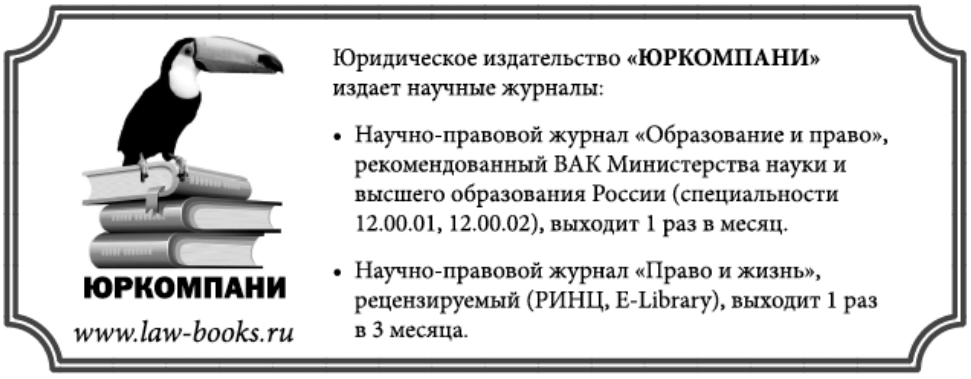
[8] Bundesdatenschutzgesetz (BDSG) (geändertdurch das Gesetzvom 30. Oktober 2017)

[9] Children's Online Privacy Protection Act (COPPA) of 1998, via Federal Trade Commission

[10] United States District Court. September 16, 2010. violation of the Health Information Privacy and Portability Act. («HIPPA»)

[11] The California Consumer Privacy Act. Archived from the original on 2021-09-22. Retrieved 2020-11-11.

[12] Telekommunikation-Telemedien-Datenschutz-Gesetzvom 23 Juni 2021 (BGBl. I S. 1982; 2022 I S. 1045)

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-443-450

ВАСИЯН Роман Иванович,
доцент Департамента гуманитарного и социально-экономического образования ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (Россия, Екатеринбург)
e-mail: R_Vasiyan@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПУТИ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЁЖНЫХ СИСТЕМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы правового регулирования и перспективы развития электронных платёжных систем в Российской Федерации. Автор анализирует нормативно-правовую базу, регламентирующую функционирование национальной платёжной системы, включая Федеральный закон «О национальной платёжной системе» и подзаконные акты Банка России. Особое внимание уделяется институциональной структуре платёжных систем, роли операторов и операционных центров в обеспечении бесперебойности платёжных услуг. Исследуются различные формы электронных платёжных систем, получившие развитие в современной России, включая системы денежных переводов, платёжные карты и инновационные цифровые решения. Автор подчёркивает возрастающую роль цифровых технологий в трансформации платёжной инфраструктуры и необходимость совершенствования правового регулирования в условиях финансовых инноваций. В статье проанализированы признаки платёжной системы как правовой категории, критерии отнесения организаций к операторам платёжных систем, требования к обеспечению бесперебойности и безопасности платёжных операций. Рассматриваются проблемы адаптации законодательства к стремительному развитию финансовых технологий, включая вопросы цифровизации, защиты прав потребителей и надзора со стороны регулирующих органов. Проведён сравнительный анализ различных подходов к определению платёжной системы в отечественной юридической науке и законодательной практике. Исследуются вопросы взаимодействия участников платёжных систем, механизмы урегулирования споров и ответственности операторов за нарушение обязательств. Раскрывается специфика правового статуса операторов услуг платёжной инфраструктуры и операторов по переводу денежных средств. Анализируется практика применения законодательства о национальной платёжной системе. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к модернизации правовой базы электронных платёжных систем с учётом международного опыта и национальных особенностей российской финансовой системы.*

Ключевые слова: *электронные платёжные системы, национальная платёжная система, правовое регулирование, цифровые технологии, платёжные услуги, Банк России, финансовое законодательство, операторы платёжных систем, цифровизация, финансовые инновации.*

VASIYAN Roman Ivanovich,
Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Education, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg),
Deputy General Director for Legal Support and Corporate Management, Uralvagonzavod JSC

LEGAL REGULATION AND DEVELOPMENT PATHS OF ELECTRONIC PAYMENT SYSTEMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines the legal regulation of electronic payment systems in the Russian Federation and identifies ways for their development under conditions of digital transformation of the economy*

and sanctions pressure. The author conducts a comprehensive analysis of the regulatory framework for the functioning of the national payment system, including Federal Law No. 161-FZ "On the National Payment System", Presidential Decrees, Government Resolutions and regulations of the Bank of Russia. Special attention is paid to the role of digital technologies and information systems in organizing payment operations, contractual forms of interaction between payment system subjects, as well as issues of information security. The paper critically reviews existing approaches in Russian and foreign legal literature to defining basic concepts of "national payment system" and "payment system", revealing their conceptual shortcomings and terminological contradictions. The author formulates an original definition of payment system as a specific complex system formation in the financial-digital sphere, provides detailed characteristics of eight essential features of payment system. Types of payment systems, principles of their functioning, peculiarities of legal status of payment system operators and payment infrastructure service operators are comprehensively studied. Specific directions for legislation improvement are proposed: clarification of basic definitions, strengthening protection of payment services users' rights, ensuring technological independence and sovereignty of systemically important payment systems under sanctions regime, expanding the practice of using open APIs, introducing mandatory localization of payment system infrastructure elements on the territory of the Russian Federation.

Key words: *electronic payment systems, national payment system, legal regulation, digital technologies, payment services, Bank of Russia, financial legislation, payment system operators, digitalization, financial innovations.*

В современных условиях в России получают достаточное активное развитие различные формы электронных платёжных систем. Интенсивное развитие, в том числе в сфере цифровых средств и технологий, оказывает достаточно существенное воздействие на процессы организации и функционирования электронных платёжных систем. Реализация электронных услуг по переводу денежных средств как вида платёжных услуг в рамках национальной платёжной системы основывается на широком использовании различных технических инструментов – цифровых средств, программного обеспечения, информационных технологий, в том числе информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», платёжных карт с интегральными микросхемами.

Различные цифровые средства и технологии лежат в основе функционирования как в целом национальной электронной платёжной системы, так и отдельных платёжных систем, а также операторов услуг платёжной инфраструктуры таких систем. Совокупность всех цифровых технологий и средств, обеспечивающих функционирование национальной платёжной системы, образуют инфраструктуру, с помощью которой в настоящее время осуществляются практически все услуги в электронной форме для участников национальной платёжной системы.

Для обеспечения функционирования электронных платёжных систем важное значение имеют также договорные формы – обмен цифровой информацией посредством договорных отношений между Центральным банком (Банком России) и кредитными учреждениями, кредитными учреждениями между собой и с их клиентами (юридическими, физическими лицами), соглашений между филиалами кредитных организаций, между другими их структурными подразделениями.

Электронные платёжные системы выполняют функции, связанные с оказанием различных видов платёжных услуг, и находятся в тесном взаимодействии и взаимном влиянии с финансово-кредитной системой государства.

Интенсивное развитие денежных платежей в России началось в 90-е годы 20 века, начиная с создания расчётно-кассовых центров (РКЦ); затем переход к системе «прямых расчётов» (системе межцентрового обмена – МЦО), на смену которой пришла система прямых межбанковских корреспондентских отношений (корреспондентские счета ЛОРО, НОСТРО); использование международной межбанковской системы передачи информации и совершения платежей SWIFT и российского аналога – системы передачи финансовых сообщений Банка России (СПФС); последующая коренная модернизация платёжной системы, что получило отражение в Стратегии развития платёжной системы России, закреплённой в Указе президента РФ от 9 мая 2017 года № 203 и иных актах законодательства Российской Федерации, – одним из которых выступает Федеральный закон от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе» (далее – Закон о национальной платёжной системе) с изменениями и дополнениями, внесёнными в него в соответствии со статьёй 3 Федерального закона от 23 июля 2025 года № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В соответствии с положением части 1 статьи 2 Закона о национальной платёжной системе законодательство РФ о национальной платёжной

системе основывается на Конституции Российской Федерации, международных договорах Российской Федерации и состоит из настоящего Федерального закона и иных федеральных законов.

В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на два момента.

Во-первых, законодательство Российской Федерации в сфере национальной платёжной системы состоит из двух структурных элементов – положений Закона о национальной платёжной системе и иных федеральных законов. Следовательно, иные нормативные правовые акты (кроме законов), регулирующие отношения в указанной сфере, не охватываются понятием юридической конструкции «законодательство Российской Федерации о национальной платёжной системе», которое здесь интерпретируется в «узком» смысловом значении данной конструкции.

Во-вторых, говоря о международных договорах как одном из оснований законодательства Российской Федерации о национальной платёжной системе, следует иметь ввиду, что такие международные договоры могут применяться на территории России, при условии, что они не противоречат положениям Конституции Российской Федерации.

Правительство Российской Федерации и федеральные органы исполнительной власти в пределах своих полномочий в случаях, предусмотренных Законом о национальной платёжной системе и иными федеральными законами, могут принимать нормативные правовые акты в целях регулирования отношений в сфере национальной платёжной системы.

Безусловно, важное значение в регулировании отношений в сфере национальной платёжной системы имеют нормативные правовые акты Банка России, который в пределах своих полномочий, в случаях, предусмотренных Законом о национальной платёжной системе и иными федеральными законами, может принимать нормативные правовые акты в целях регулирования отношений в указанной сфере. Так, например, Центральным банком Российской Федерации в соответствии с положениями Закона о национальной платёжной системе и нормами ряда иных федеральных законов принято Положение Банка России от 29 июня 2021 года № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств». В частности, согласно абзацу 1.1 главы 1 указанного Положения Банка России перевод электронных денежных средств осуществляется в соответствии с Законом о национальной платёжной системе, договорами между участниками платёжного правоотношения, а также с учётом требований названого Положения.

Вместе с тем в соответствии с Федеральным законом от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (ч. 5 ст. 2) может быть установлено специальное регулирование – нормативное правовое регулирование, отличающееся от общего регулирования (в том числе, касающегося, надо полагать, и правового регулирования отношений национальной платёжной системы) и устанавливаемое в соответствии с настоящим Федеральным законом программой экспериментального правового режима в отношении его участников на определённый срок. Причём, если общее правовое регулирование установлено федеральными законами, то специальное регулирование устанавливается в случаях, предусмотренных соответствующими федеральными законами.

Так, согласно части 4 статьи 2 Закона о национальной платёжной системе может быть установлено специальное регулирование, отличающееся от регулирования, предусмотренного положениями настоящего Федерального закона. Такое специальное регулирование устанавливается программой экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, утверждаемой нормативным актом Банка России в соответствии с Федеральным законом от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ. Причём, в целях осуществления сделок с цифровой валютой положения данной программы могут изменять или исключать действие положений Федерального закона № 258-ФЗ в части использования указанных в Законе о национальной платёжной системе ряда понятий, а также определения требований к деятельности оператора электронной платформы по оказанию услуг расчётов по сделкам, совершённым с использование электронной платформы.

Советом директоров Банка России в 2024 году одобрены «Основные направления развития национальной платёжной системы на период 2025 – 2027 годов», что является важным политико-правовым и финансовым документом, призванным способствовать повышению прозрачности деятельности регулятора и усилению координации действий всех участников отношений национальной платёжной системы с целью наиболее эффективного удовлетворения текущих и перспективных потребностей граждан, субъектов предпринимательства и государства в платёжной сфере, создания благоприятных условий для внедрения в рамках платёжных систем современных, передовых платёжных инструментов для ускорения расчётов, снижения связанных с этим издержек и уменьшения уровня рисков неплатежей.

В соответствии с положением части 1 статьи 3 Закона о национальной платёжной системе последняя определена как: совокупность операторов по переводу денежных средств (включая операторов электронных денежных средств), банковских платёжных агентов (субагентов), платёжных агентов, организаций федеральной почтовой связи при оказании ими платных услуг в соответствии с законодательством Российской Федерации, операторов платёжных систем, операторов услуг платёжной инфраструктуры, операторов услуг информационного обмена, иностранных поставщиков платных услуг, операторов иностранных платёжных систем, поставщиков платных приложений, операторов электронных платформ, оператора платформы цифрового рубля, участников платформы цифрового рубля (субъекты национальной платёжной системы).

Отсюда следует, что в приведённом законоположении национальная платёжная система определена как совокупность операторов по переводу денежных средств, операторов платёжных систем, операторов электронных систем и т. д., банковских платёжных агентов (субагентов), поставщиков платёжных услуг (платёжных приложений) и других организаций, что в целом обозначено собирательным термином – «субъекты национальной платёжной системы». Иначе говоря, здесь понятие национальной платёжной системы идентифицировано как «субъекты национальной платёжной системы».

Аналогично, по мысли Л. Г. Ефимовой [1], «понятие национальной платёжной системы дано в ст. 3 Закона № 161-ФЗ через перечень её субъектов. Под национальной платёжной системой (п. 1 ст. 3 Закона № 161-ФЗ) необходимо понимать совокупность операторов по переводу денежных средств (включая операторов электронных денежных средств), банковских платёжных агентов (субагентов) …».

В документе «Основные направления развития национальной платёжной системы на период 2025 – 2027 годов» отмечено: «Все банки, платёжные системы и иные организации, обеспечивающие проведение платежей в России, образуют национальную платёжную систему (НПС).

Иное содержание в указанное понятие вкладывает И. Хазиева [2]: «Национальная платёжная система (НПС) – это комплекс технической инфраструктуры и правил, благодаря которым происходят расчёты и платежи граждан и юрлиц внутри Российской Федерации без обращения к иностранным посредникам».

Е. Г. Хоменко [3], говоря об электронных платёжных услугах в национальной платёжной системе, отмечает, что они нереализуемы без обязательного использования современных цифровых технологий: информационных, программных: требований к материальным носителям платёжных карт, к обеспечению защиты информации и т. п.. И далее: «Все перечисленные выше цифровые технологии национальной платёжной системы образуют инфраструктуру, на которой базируются все современные услуги банков как субъектов национальной платёжной системы».

Исходя из вышеотмеченного можно предположить, что, по мысли Е. Г. Хоменко [3], в содержание понятия «национальная платёжная система» включаются различные цифровые технологии, образующие её инфраструктуру, а также субъекты, в частности – банки, названной платёжной системы.

Здесь обращает на себя внимание то, что названный автор отождествляет такие понятия, как «цифровые технологии» – элементы платёжной системы и «инфраструктура» – технические, программные организационные и другие инструменты, внутренние правила (требования) платёжной системы с помощью которых обеспечивается реализация указанных технологий.

По мысли Роговой М. И. [4], «национальная платёжная система представляет собой особую конфигурацию учреждений, выстраиваемую на основе узлов инфраструктуры технологических процессов и практик».

Как полагает Д. А. Лушкина [5], «национальная платёжная система» как понятие, шире, нежели «платёжная система», так как деятельность национальной платёжной системы не ограничивается переводами денежных средств, а направлена и на оказание других платных услуг». И далее: «Важное отличие национальной платёжной системы от платёжной системы состоит в том, что на территории Российской Федерации в настоящий момент действует 28 платёжных систем, и их количество может изменяться. В то время как национальная платёжная система едина и состоит как раз таки из платёжных систем, операторов по переводу денежных средств и банковских платёжных агентов».

В связи с выше отмеченным представляется необходимым, прежде всего, на некоторые моменты формально-логического характера.

Такие атрибуты социальной реальности, как «национальная платёжная система» и «платёжная система», соотносятся между собой, соответственно, как родовое и видовое понятия. В родовом понятии – «национальная платёжная система» содержатся существенные признаки, характерные для всего рода охватываемых объёмом этого понятия явлений – родовые признаки. В видовом понятии – «платёжная система» – отражаются существенные признаки, свойственные только

данному виду явлений, охватываемых этим видовым понятием – видовые признаки. Обобщение признаков в родовом понятии – это обратный процесс, обеспечивающий переход от видового понятия к родовому путём «отбрасывания» видообразующих признаков.

Следовательно, «национальная платёжная система» как родовое понятие объективно не может характеризоваться через признаки (субъектный состав и др.), присущие видовому понятию – «платёжная система», что не учитывается в Законе о национальной платёжной системе (ч. 1 ст. 3), и затем недостаточно корректно воспроизводится многими авторами в определениях национальной платёжной системы.

Иначе говоря, категория «национальная платёжная система» выполняет сугубо когнитивные (познавательные) функции и не может восприниматься в качестве некоего практического механизма, регулирующего реальные денежные платёжные отношения между конкретными субъектами в указанной сфере, переводы денежных средств и т. д., что, зачастую, не учитывается исследователями.

С учётом выше отмеченного можно сформулировать следующее определение. Национальная платёжная система – это родовая категория, выражающая типовые (сущностные) признаки всей совокупности видовых явлений (платёжных систем), охватываемых данным родовым понятием, и выполняющая специфические когнитивные (познавательные) функции в сфере оказания платёжных услуг, услуг, связанных с оказанием услуг по переводу денежных средств и т. д., в соответствии с целями и задачами обозначенными в законодательстве Российской Федерации.

Что же касается определения сущности такого явления, как «платёжная система», то среди высказываний по этому поводу авторов можно найти различные суждения.

Так, по мнению А. Пенкальской [6]: «Платёжная система – совокупность правил и процедур, а также обширная техническая инфраструктура».

Иную позицию по этому вопросу занимает Е. Г. Хоменко [3], по мысли которой: «Платёжная система – это связанная договорными отношениями общность юридических лиц, которые объединились с целью осуществления перевода денежных средств и действуют на основании единых Правил платёжной системы, управляемая оператором платёжной системы».

Вряд ли такую идентификацию платёжной системы можно признать достаточно релевантной. Получается, юридические лица на основе взаимных договорных отношений создают коллективное образование – «общность юридических лиц» – с целью осуществления перевода денежных средств по единым Правилам под управлением оператора платёжной системы.

В связи с этим логически возникает вопрос: какова же в таком случае организационно-правовая форма данной «общности юридических лиц» под управлением оператора платёжной системы?

Как представляется, вряд ли здесь вообще можно говорить об указанной «общности юридических лиц», ибо то, что юридические лица (кстати в качестве участников здесь выступают не только юридические лица, но и граждане и другие субъекты) участвуют в соответствующих расчётных и других финансовых правоотношениях на основе использования «единых Правил» платёжной системы – это отнюдь не означает, что все они создают «общность юридических лиц», связанных договорными отношениями о создании платёжной системы.

Безусловно, в основе денежных расчётов между субъектами в форме расчётных правоотношений лежат соответствующие договоры – поставки, строительного подряда, аренды и т. д., – однако такие договоры не направлены на создание платёжной системы; в них преследуются различные цели экономического оборота, связанные с поставкой товаров, оказанием услуг и т. д. Что же касается создания платёжной системы, то последняя формируется в соответствии с установленными правилами (требованиями). Учредитель (создатель) платёжной системы, в качестве которого может выступать соответствующая банковская или небанковская финансовая организация (либо несколько таких организаций), – это эмитент платёжного средства, который выпускает его в оборот платёжных средств.

Следовательно, необходимо чётко различать такие понятия, как учредитель (учредители) платёжной системы и участники платёжной системы – юридические лица, граждане и другие субъекты (поставщики товара, покупатели, услугодатели и т. д.), которые в дальнейшем могут только «присоединиться» к платёжной системе, используя различные механизмы платёжной системы для осуществления расчётов между собой и иных финансовых операций в рамках платёжной системы в соответствии с её правилами.

Что же касается договорных отношений, то посредством них оформляются соответствующие соглашения между учредителями (создателями) платёжной системы, между операторами платёжных систем внутри Российской Федерации, а также между операторами российских платёжных систем и операторами иностранных платёжных систем и т. д.

Платёжная система, по мысли Е. А. Терентьевой [7], – «это институциональное образова-

ние, включающее совокупность правил, договорных отношений, технологий, технических средств, инструментов, внутренних и внешних нормативных актов, которые позволяют производить экономическим агентам финансовые операции и расчёты друг с другом». А перед этим названный автор, ссылаясь на статью С. В. Криворучко [10], замечает, что платёжная система существует независимо от наличия или отсутствия её формальной регламентации, то есть прописанного в законодательстве определения. Главным свидетельством существования национальной платёжной системы является фактическое осуществление платежей и расчётов на территории рассматриваемого государства».

В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на следующее.

Во-первых, автор не разграничивает такие понятия, как «платёжная система» и «институциональная среда» – как специфическое рыночное пространство, в котором функционирует «платёжная система», – когда говорит о структуре «платёжной системы», включая в её состав различные институциональные элементы, в том числе, «продукты рынка платёжных услуг».

Во-вторых, представляется совершенно ошибочным утверждение Е. А. Терентьевой [7] о том, что «платёжная система существует независимо от наличия или отсутствия её формальной регламентации».

Платёжная система, безусловно, должна носить легитимный характер, основываться на действующих правоположениях, установленных, в частности, в Законе о национальной платёжной системе, других законах, нормативных правовых актах Банка России и т. д., ибо, в противном случае, она не подлежит применению (использованию). В положениях статьи 15 Закона о национальной платёжной системе, а также в Указании Банка России от 02.05.2012 № 2814 - У установлен размер значения перевода денежных средств, при превышении которого оператор по переводу денежных средств обязан направить в Банк России заявление о регистрации оператора платёжной системы. Более того, в главе 5 Закона о национальной платёжной системе сосредоточены положения, касающиеся осуществления Банком России функций по надзору и наблюдению в национальной платёжной системе и т. д.

В соответствии с положением пункта 20 статьи 3 Закона о национальной платёжной системе: «платёжная система – совокупность организаций, взаимодействующих по правилам платёжной системы в целях осуществления перевода денежных средств, включая оператора платёжной системы, операторов услуг платёжной инфраструктуры и участников платёжной системы, из которых как минимум три организации являются операторами по переводу денежных средств».

Отсюда следует, что в вышеприведённом законоположении понимание категории «платёжная система» сводится, по сути, к совокупности указанных в нём организаций с особенностью, касающейся того, что из участников платёжной системы как минимум три организации должны быть операторами по переводу денежных средств.

В связи с этим, думается, вряд ли такой подход можно признать достаточно обоснованным. Платёжная система – сложное институциональное образование, включающее в своё содержание помимо операторов платёжной системы, операторов услуг платёжной инфраструктуры, участников платёжной системы, также и ряд других важных компонентов – нормативно-правовая база, цифровые технологии, инфраструктурные средства (технические средства, программное и аппаратное обеспечение и др.), с помощью которых осуществляется реализация указанных технологий.

По нашему мнению, понятие «платёжная система» можно определить как специфическое комплексное системное образование (система) в финансово-цифровой сфере, включающее в своё содержание субъектный состав платёжных правоотношений, нормативные правила (требования) их осуществления, договорные условия, цифровые информационные технологии и средства, а также программные и иные инфраструктурные элементы, обеспечивающие реализацию платёжных операций, призванное (комплексное системное образование) способствовать ускорению и повышению эффективности оказания платёжных и иных связанных с ними финансовых операций для субъектов предпринимательства, граждан и иных лиц, а также усилению защиты частных и публичных национальных интересов Российской Федерации.

Платёжная система характеризуется определёнными признаками, отличающими её от иных аналогичных явлений в финансовой сфере. Т. М. Какабадзе [8] выделяет 3 признака платёжной системы РФ, причём все они связаны с характеристиками операторов по переводу денежных средств, а также значением перевода денежных средств в размере более 1,5 млрд. руб..

Однако, как представляется, признаки платёжности как достаточно сложного явления в финансовой сфере связаны и с рядом других важных моментов, характеризующих платёжную систему Российской Федерации. Исходя из этого, необходимо выделить в рамках характеристики платёжной системы ряд следующих её признаков.

1. Это комплексное институциональное системное образование, включающее в своё содержание круг специфических структурных элементов в финансово-цифровой сфере. По мысли известного исследователя теории систем В. Н. Садовского [9], система – это упорядоченное определённым образом множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство. Как представляется, платёжная система может быть отнесена к типу органических систем, включает в своё содержание комплекс разнородных элементов (субъектный состав, информационные, цифровые технологии, инфраструктурные средства и т. д.) и является сложной.
2. Платёжная система призвана выполнять специфические функции, важнейшими среди которых выступают такие, как: обеспечение перевода денежных средств между плательщиком и получателем; обеспечение динамики, устойчивости платёжной системы; координационно-информационная деятельность, связанная с передачей финансовой информации между участниками платёжной системы, а также проверкой информации о платёжной операции; гарантия обеспечения безопасности и конфиденциальности данных; взаимосвязь и взаимодействие между банками и другими участниками платёжной системы, а также между платёжными системами; контроль со стороны Банка России за выполнением правил расчётов, других финансовых операций; защита информации, а также прав участников платёжной системы в случае совершения в отношении них неправомерных действий.
3. В рамках платёжной системы преследуется достижение специфической цели – осуществление перевода денежных средств от одних субъектов – покупателей к другим – поставщикам (продавцам) товаров, исполнителям работ и т. д., а также совершение иных финансовых операций.
4. Некоторые особенности касаются сущности правового регулирования платёжной системы, нормативную основу которого составляют соответствующие положения Конституции России, международных договоров Российской Федерации, а категория «законодательство» интерпретируется в узком её смысловом значении – как совокупность законодательных актов (законов) в указанной сфере. При этом, безусловно, важное значение в указанной сфере имеют также Указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, а также нормативные акты Банка России.
5. Особенность правового регулирования отношений в сфере платёжной системы выражается также и в том, что здесь достаточно значительна роль нормативных правовых актов Банка России, который может устанавливать специальное правовое регулирование, отличающееся от регулирования, предусмотренного положениями Закона о национальной платёжной системе, посредством принятия программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций.
6. Специфика касается также и совокупности организаций, взаимодействующих по правилам платёжной системы, в том числе квалифицированного состава операторов, в целях осуществления перевода денежных средств, – как минимум три организации из которых должны являться операторами по переводу денежных средств (ст. 15 Закона о платёжной системе).
7. В рассматриваемом контексте можно выделить также признак, характеризующий предмет правового регулирования в рамках платёжной системы, – имущественные отношения, связанные с осуществлением перевода денежных средств в форме безналичных расчётов, использование электронных средств платежа, оказание платёжных услуг, трансграничные переводы денежных средств, а также организационные, «контрольные» и некоторые другие связи в пределах платёжной системы.
8. Отличительные черты характеризуют также порядок организации (создания) и функционирования платёжной системы. Это достаточно сложные процессы, которые требуют тесной интеграции современных информационных, цифровых технологий и средств, инфраструктурных объектов, норм законодательства и других элементов в финансовой сфере. Платёжные системы могут создаваться разными организациями и в зависимости от их типа выделяются:

– Платёжная система Банка России как наиболее значимая в платёжной системе страны, когда используются учреждения Банка России или иного финансового органа для осуществления денежных переводов между контрагентами. Кроме того, Банк России может выступать оператором платёжной системы, с помощью которой оказываются операционные, клиринговые и другие финансовые услуги.

– Частные платёжные системы, которые организуются без прямого участия государственных органов – платёжные системы коммерческих банков, а также внутрибанковские платёжные системы, создаваемые для расчётов между внутренними структурными подразделениями одной кредитной организации.

Своеобразие платёжной системы выражается также в ряде принципов, на которых она базируется, в том числе:

– Принцип обеспечения единства законодательных нормативных и организационных основ национальной платёжной системы Российской Федерации – соответствующие положения Конституции Российской Федерации, международных договоров Российской Федерации, нормы Закона о национальной платёжной системе и других законодательных актов в указанной сфере.
– Принцип публичной доступности Правил платёжной системы, включая тарифы и иные виды платы за услуги в рамках платёжной системы. Исключение составляют случаи, когда оператор платёжной системы вправе не раскрывать информацию о требованиях к защите информации и информацию, доступ к которой ограничен в соответствии с федеральным законодательством (п. 6 ст. 20 Закона о национальной платёжной системе);
– Принцип обеспечения свободы доступа для участников платёжной системы и их клиентов к услугам по переводу денежных средств, в том числе с использованием электронных средств платежа, а также обмену электронными сообщениями.
– Принцип обеспечения надёжности, безопасности и эффективности функционирования платёжной системы.

Принцип соблюдения справедливого подхода к установлению требований к участникам платёжной системы, в частности касающихся обеспечения их соответствия предусмотренным квалификационным критериям.

Список литературы:

[1] Ефимова Л. Г. Банковское право: учебное пособие. – М.: Юрайт, 2020. – 235 с.

[2] Хазиева И. Национальная платёжная система России: проблемы и перспективы развития // Финансовое право. – 2021. – № 3. – С. 45-52.

[3] Хоменко Е. Г. Цифровые технологии в национальной платёжной системе // Банковское дело. – 2022. – № 5. – С. 28-35.

[4] Рогова М. И. Институциональная структура платёжных систем // Экономический вестник. – 2020. – № 12. – С. 67-74.

[5] Лушкина Д. А. Правовое регулирование платёжных систем в России. – М.: Проспект, 2021. – 340 с.

[6] Пенкальская А. Платёжные системы: правовые аспекты // Право и экономика. – 2020. – № 8. – С. 15-22.

[7] Терентьева Е. А. Институциональный анализ платёжных систем // Финансы и кредит. – 2021. – № 6. – С. 88-96.

[8] Какабадзе Т. М. Признаки платёжной системы в российском законодательстве // Юридическая наука. – 2022. – № 4. – С. 112-119.

[9] Садовский В. Н. Основания общей теории систем. – М.: Наука, 1974. – 279 с.

[10] Криворучко С. В. Национальная платёжная система: структура, развитие, регулирование // Деньги и кредит. – 2020. – № 11. – С. 34-42.

References:

[1] Efimova L. G. Banking law: textbook. - M.: Yurayt, 2020. - 235 s.

[2] I. Khazieva National Payment System of Russia: Problems and Development Prospects// Financial Law. – 2021. – № 3. - S. 45-52.

[3] Khomenko E. G. Digital technologies in the national payment system//Banking. – 2022. – № 5. - S. 28-35.

[4] Rogova M.I. Institutional structure of payment systems//Economic Bulletin. – 2020. – № 12. - S. 67-74.

[5] D.A. Lushkina. Legal regulation of payment systems in Russia. - M.: Prospect, 2021. - 340 s.

[6] Penkalskaya A. Payment systems: legal aspects//Law and economics. – 2020. – № 8. - S. 15-22.

[7] Terentyeva E. A. Institutional analysis of payment systems//Finance and credit. – 2021. – № 6. - S. 88-96.

[8] Kakabadze T. M. Signs of the payment system in Russian legislation//Legal science. – 2022. – № 4. - S. 112-119.

[9] Sadovsky V.N. Foundations of the general theory of systems. - M.: Nauka, 1974. - 279 p.

[10] Krivoruchko S.V. National payment system: structure, development, regulation//Money and credit. – 2020. – № 11. - S. 34-42.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-451-457

ЗЕМЦОВА Александра Олеговна,
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена,
магистрант,
e-mail: magisterMA57@gmail.com

Научный руководитель:
ФИЛЯСОВА Юлия Анатольевна,
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена,
кандидат филологических наук, доцент,
e-mail: phill.yield@gmail.com

БЮДЖЕТИРОВАНИЕ В СЕТИ: АНАЛИЗ ЧАСТОТНОСТИ И ТЕМАТИКИ ПОИСКОВЫХ ЗАПРОСОВ

Аннотация. *В статье представлены результаты анализа частотности поисковых запросов в системе Yandex Wordstat по ключевому слову «бюджетирование». Целью исследования является анализ и функциональная классификация частотных словосочетаний с термином «бюджетирование». Методами исследования стали семантическая категоризация и анализ терминологических отношений, отражающих концептуальные связи термина «бюджетирование». На основе полученных данных было выявлено, что поисковые запросы соответствуют основным стадиям бюджетирования и отражают цикличность управленческого процесса, включающего планирование, исполнение, контроль и анализ финансовых результатов. Частотность встречаемости слов и выражений тематического поля «бюджетирование» уменьшается от стадии планирования к стадии контроля исполнения бюджета. Полученные выводы объясняются характером и спецификой бизнес-процессов, отражающихся в поиске информации пользователями. Стадия планирования отличается масштабом вовлеченности, информационной емкостью, сложностью и вариативностью. Однако по мере перехода к последующим этапам реализации финансовых планов повышается степень регламентированности и стандартизации процессов, вследствие этого частотность поисковых запросов заметно сокращается.*

Ключевые слова: *финансовый план, аудит и внутренний контроль, интегрированная отчетность, контролинг, терминоведение, лексическая сочетаемость, концептуальные связи.*

ZEMTSOVA Alexandra Olegovna
A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia,
Master Degree Student

Scientific supervisor:
FILYASOVA Yulia Anatolyevna,
A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia,
PhD in Philology, Associate Professor

ONLINE BUDGETING: SEARCH FREQUENCY AND TOPIC ANALYSIS

Annotation. *The article presents the results of search queries frequency analysis in the Yandex Wordstat system by the keyword "budgeting". The purpose of the study is to analyze and functionally classify frequency phrases with the term "budgeting". Semantic categorization and analysis of terminological relationships, displaying conceptual connections of the term "budgeting", served as research methods. It was found that search queries correspond to the main stages of budgeting and convey the cyclical nature of the management process: planning, execution, control and financial performance evaluation. The frequency of words and expressions related to the thematic field "budgeting" decreases from planning to budget execution control. The findings are explained by the nature and specifics of the business processes, reflected in the search*

queries. The planning stage is characterized by a large scale of engagement, information capacity, complexity and variability. However, moving to the subsequent stages of budget implementation, the degree of process regulation and standardization increases, as a result of which the frequency of the search queries declines significantly.

Key words: *financial plan, audit and internal control, integrated reporting, controlling, terminology, lexical combinability, conceptual connections.*

Введение

Бюджетирование представляет собой процесс управления финансовыми ресурсами организации, планирование, распределение и контроль. Бюджетирование включает составление детализированного плана доходов, расходов и инвестиций на определенный временной отрезок, например, на год, квартал, месяц или иной период, предусмотренный стратегическими целями предприятия и его подразделениями [1]. Бюджетирование способствует согласованию целей – ментальных образов желаемого будущего – с доступными ресурсами, помогая избежать непредусмотренных расходов и повышая общую эффективность бизнеса. Новым направлением является инициативное бюджетирование в контексте международных отношений и крупных национальных проектов [2]. Бюджетирование определяется внешними факторами, такими как рыночные условия, экономическая и политическая среда, а также внутриорганизационными факторами, например, цели, иерархическая структура, ресурсная база, система управления [3]. Ориентированное на будущее, бюджетирование позволяет запланировать необходимые объемы инвестиций, материалов и трудовых ресурсов для достижения определенных результатов и снизить риски посредством сценарного анализа и мониторинга эффективности использования капитала [4]. Различают централизованный вид бюджетирования («сверху вниз», или ориентированный на результат), при котором доходы и расходы планируются руководителями в соответствии с целями организации, и децентрализованный вид бюджетирования («снизу вверх», или ориентированный на процесс), при котором менеджеры нижнего и среднего звена участвуют в планировании операционных бюджетов [5]. Выбор подхода к бюджетированию определяется целями компании, организационной структурой и корпоративной культурой. Актуальность изучения термина «бюджетирование» определяется необходимостью повышения эффективности финансового управления предприятием, оптимизации расходов и доходов, а также минимизации рисков при ограниченности ресурсов.

Материал и методы

Материалом исследования послужили результаты анализа поисковых запросов в Яндексе (Yandex Wordstat) по ключевому слову «бюджетирование», позволяющие определить частотность и семантические связи искомого слова. Методами исследования стали семантическая категоризация и анализ терминологических отношений, отражающих линейные связи термина «бюджетирование». Терминологические и концептуальные связи имеют высокую степень структурного сходства, поскольку терминосистема служит языковым выражением системы понятий определенной области знаний. «Концептуализация, будучи результатом упорядочивания информации об окружающем мире, установлении семантических связей, интериоризации и категоризации знаний, помогает определять основные свойства объектов и явлений и их ценности для социального сообщества» [6, с. 173]. Оба типа связей систематизируют знания, отражают иерархию (родо-видовые отношения), причинно-следственные связи и синонимию, обеспечивая точность и однозначность в профессиональной коммуникации. С точки зрения структурной изоморфности, терминологические связи зеркально отражают концептуальные связи, существующие в сознании специалистов. Терминологические значения конвенциональны и определяются дефинициями, которые закрепляют общепринятые концептуальные связи. Как концепты, так и термины образуют иерархические системы на уровне семантики. С позиции функциональности, оба типа связей направлены на точное описание объектов, явлений и процессов в конкретной предметной области.

Анализ лексической сочетаемости позволяет выявить семантические связи термина и его функциональный потенциал в разных контекстах, например, профессионализация и лидерство [7; 8], человеческий капитал в научном дискурсе [9], функционирование термина «карьера» в медиадискурсе [10], изучение термина «карьера» с точки зрения содержания [11] и контекстного употребления. Изучение контекста помогает разрешить проблему многозначности терминов [12]. Анализ семантических связей и ассоциаций с ценностями [13] позволяет выявить скрытые смыслы, структуру знаний, эмоциональное восприятие объектов и тональность контента на примере таких понятий как perfectionism [14], happiness [15], greed [16]. В целях повышения эффективности деловой коммуникации нередко

используются пословицы и поговорки как носители ценностных смыслов [17], а также как способ повышения персуазивности [18] и создания доверительной атмосферы [19]. Изучение контекстного употребления терминов критически важно для точного понимания и передачи специализированной информации [20; 21]. Контекст идентифицирует значение терминов, например, productivity [22], efficiency [23], устраняет их многозначность, обеспечивает связность научного текста, а также позволяет правильно интерпретировать значения в соответствующих отраслях знаний.

Результаты и обсуждение

Семантический анализ и категоризация полученных данных показали, что в словосочетаниях с синтаксической связью «управление», при которой «бюджетирование» выступает как зависимое слово, поисковые запросы соответствуют основным стадиям бюджетирования и отражают цикличность управленческого процесса, включающего планирование, исполнение, контроль и анализ финансовых ресурсов. Частотность встречаемости слов и выражений убывает от стадии планирования к стадии контроля исполнения бюджета.

Сочетания термина в соответствии с основными этапами бюджетирования:

- разработка бюджета: план, планирование, концепция, стратегия, цель, назначение, суть, сущность, задачи, принципы, разработка системы, составляющие, подходы к, требования к, программа, содержание, положения бюджетирования;
- утверждение бюджета: параметры, основы, теория, аспекты, сценарий, процедура, регламент, законы, правила, образец, стандарт, факторы, преимущества, недостатки бюджетирования;
- исполнение бюджета: операции, ведение, модели, элементы, формулы, виды, классификация, эволюция, история, направления, применение, варианты, термины, компоненты, методы, методика, методология, способы, приемы, алгоритм, функции, построение, схема, технологии, инструменты, автоматизация, оптимизация, сайт, источник, данные, организация процесса, показатели, смета, период, сроки, график, этапы, цикл, шаги, внедрение, реализация, развитие, механизмы, настройка, практика, проект, риски, управление, система, подсистемы, услуги, счета, процесс, участие в, порядок бюджетирования;
- контроль и анализ исполнения бюджета: учет, аудит, контроль, контролинг, оценка, проверка, ошибки, характеристика, анализ процесса, эффективность, опыт бюджетирования.

Составление бюджета. Планирование бюджета – это комплексный процесс, требующий четкого понимания целей организации, анализа рыночной ситуации и прогнозирования будущих доходов и расходов. Суть бюджетирования заключается в распределении ограниченных ресурсов компании для достижения стратегических целей. Концепция разработки бюджета базируется на нескольких ключевых аспектах: цель, определяющая желаемый результат финансовой деятельности организации; назначение бюджета – служить инструментом контроля, координации и мотивации персонала; сущность процесса, заключающаяся в постоянном мониторинге и корректировке бюджета в соответствии с изменяющимися внешними и внутренними условиями. Общая стратегия бюджетирования согласуется с долгосрочной стратегией развития организации [24]. Принципы бюджетирования определяют методологическую основу процесса составления финансовых планов: единство бюджетов, целенаправленность, реалистичность, гибкость, сбалансированность, контролируемость, прозрачность, регулярность.

Компоненты системы бюджетирования включают бюджет продаж, бюджет производства, бюджет затрат на материалы, бюджет оплаты труда, бюджет общепроизводственных и общехозяйственных расходов, бюджет капитальных вложений, финансовый бюджет (бюджет денежных средств, прогнозный баланс и отчет о прибылях и убытках). Для адаптации планирования к конкретным целям различают такие подходы к бюджетированию как традиционное, приростное, пооперационное, скользящее, гибкое, сценарное бюджетирование. Основными требованиями к бюджетированию являются актуальность, достоверность, сопоставимость, комплексность.

Утверждение бюджета как процесс формализации и легитимации финансового плана опирается на ряд ключевых параметров – целевые показатели, прогнозируемые доходы и расходы, допустимые уровни риска и ограничение ресурсов. Процедура утверждения бюджета, как правило, регламентирована внутренними положениями организации и соответствующими законами и правилами. Процедура включает в себя представление проекта бюджета, его рассмотрение ответственными лицами, внесение необходимых корректировок и окончательное утверждение советом директоров или собранием акционеров. В качестве образца для разработки бюджета

могут использоваться общепринятые стандарты и лучшие практики (бенчмаркинг), адаптированные к специфике организации.

Утвержденный бюджет предоставляет организации ряд преимуществ: четкое определение финансовых целей и задач, оптимизация использования ресурсов, повышение финансовой дисциплины и ответственности, создание базы для контроля и оценки эффективности. С другой стороны, процесс бюджетирования и, в частности, стадия утверждения бюджета не лишены недостатков, таких как жесткость рамок бюджета, бюрократические издержки, возможность манипулирования бюджетом, демотивация сотрудников [25] вследствие неадекватных бюджетных ограничений.

Исполнение бюджета. Реализация финансового плана определяет степень достижения поставленных целей и эффективность управления финансовыми ресурсами. Алгоритм исполнения бюджета предполагает последовательность действий и взаимодействие различных подсистем, строго регламентированных нормативными актами. Организация процесса включает подготовку бюджетной сметы, определение сроков и графика финансирования (распределение бюджетных ассигнований, соблюдение лимитов бюджетных обязательств, учет кассовых расходов).

Развитие системы управления бюджетом предполагает постоянное совершенствование методов и технологий, а также расширение функциональности подсистем [26]. Одним из примеров развития системы бюджетирования является интегрированная отчетность (ИО), объединяющая финансовые и нефинансовые показатели для мониторинга создания стоимости компании во времени. ИО фокусируется на использовании и влиянии разных видов капитала: финансовый, производственный, интеллектуальный, человеческий [27], социальный и природный. ИО связывает стратегию, управление и результаты деятельности, будучи ориентированной на инвесторов и стейкхолдеров для повышения прозрачности и доверия.

Практика исполнения бюджета включает в себя широкий спектр услуг, оказываемых финансовыми и бухгалтерскими службами, а также другими структурными подразделениями – центрами ответственности (отделами, проектами, филиалами), руководители которых наделены полномочиями и несут прямую финансовую ответственность за результаты деятельности. Инструменты автоматизированного управления бюджетом позволяют осуществлять оперативный контроль над расходованием средств [28], формировать отчетность и анализировать показатели результативности в соответствии с принципами прозрачности, ответственности и эффективности.

Контроль и анализ исполнения бюджета. Контроль исполнения бюджета представляет собой систему мероприятий, направленных на проверку соответствия фактических результатов деятельности запланированным показателям. Виды контроля над исполнением бюджета включают контроль по времени проведения: предварительный, текущий (оперативный), последующий; по субъектам контроля: внешний, внутренний, независимый (аудит); по направлению деятельности: контроль на соответствие, контроль финансовой отчетности, контроль эффективности; по степени охвата: сплошной, выборочный, тематический, комплексный.

Современный подход к контролю исполнения бюджета предполагает использование инструментов контроллинга. В отличие от традиционного учета, контроллинг ориентирован на анализ отклонений, выявление причин возникновения ошибок и разработку корректирующих мероприятий, интегрируя различные инструменты управления – анализ «затраты-объем-прибыль», стратегический анализ и систему сбалансированных показателей. Контроллинг направлен на детальную оценку причин отклонений фактических показателей от запланированных: количественный (анализ отклонений по затратам, выручке, прибыли) и качественный (оценка эффективности внедренных мероприятий по оптимизации затрат или анализ влияния внешних факторов). Опыт бюджетирования, полученный в результате систематического контроля и анализа исполнения бюджета, является ценным активом организации, который позволяет оптимизировать использование ресурсов и повышать конкурентоспособность организации.

Выводы

Проведенный анализ ключевых слов и словосочетаний в сфере бюджетирования выявил, что уменьшение частотности искомых слов при переходе от стадии планирования к контролю объясняется структурой бизнес-процессов и спецификой поиска информации пользователями вследствие влияния следующих факторов:

– Масштаб вовлеченности. Планирование – это массовый процесс, в который вовлечены руководители всех уровней (при реализации подходов «снизу вверх» и «сверху вниз»). Контроль, напротив, обычно является функцией узких специалистов – финансовых контролеров, бухгалтеров и аудиторов, пользующихся четко заданным программным обеспечением и документацией.
– Сложность и вариативность. На этапе планирования субъекты бюджетирования активно пытаются найти методы, шаблоны, способы автоматизации бюджета, а также

лучшие практики для создания системы финансовых бюджетов с нуля. Контроль исполнения бюджета, напротив, – это регламентированная рутинная операция, которая, чаще всего, уже настроена в учетной системе компании.

– Цикличность. Планирование представляет собой масштабную ежегодную и квартальную кампанию, вовлекающую разные уровни и подразделения организации, в то время как контроль осуществляется непрерывно в фоновом режиме, поэтому он реже становится предметом активного поиска новых решений.
– Информационная емкость. Планирование включает в себя смежные области – стратегические цели (менеджмент), мотивацию персонала (управление человеческими ресурсами) и прогнозирование (планово-экономический отдел); напротив, контроль более ориентирован на учет и анализ отклонений.

Суммируя вышесказанное, высокая частотность запросов ключевых слов и словосочетаний на тему «бюджетирование» на стадии планирования отражает этап поиска решений, в то время как стадия контроля – это этап анализа, требующий меньшего объема внешних источников информации.

Список литературы:

[1] Gulpenko K., Tumashik N., Filiasova Y., Ritman N. Budgeting fundamentals analysis for the purposes of organizational budgetary policy development // MATEC Web of Conferences. V. 106. 2017. P. 08102. DOI: 10.1051/matecconf/201710608102. EDN: ZWGOMF.

[2] Вагин В. В. Инициативное бюджетирование в повестке международных экономических организаций // Проблемы современной экономики. 2016. № 4(60). С. 124-126. EDN: YSDEOB.

[3] Филясова Ю. А. Перспективы модернизации интегрированной отчетности в системе управления персоналом // Современный менеджмент: проблемы и перспективы: сб. ст. XIV междунар. научно-практ. конф., 25–26 апреля 2019 г. СПб., 2019. С. 618-621. EDN: THBTFE.

[4] Котелкин С. В. Финансы международной компании: инвестиции, фондирование, риск-менеджмент // Проблемы современной экономики. 2023. № 4(88). С. 183-186. EDN: MHDKCG.

[5] Gulpenko K., Filyasova Yu. Intellectual capital: a business asset to be accounted // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on social sciences and arts SGEM 2018: Conference proceedings, Vol. 5 (1.6). 2018. P. 447-454. DOI: 10.5593/sgemsocialF2018/1.6/S03.055. EDN: CSLDFW.

[6] Филясова Ю. А. Концептуализация и категория концепта в когнитивной теории Р. Лангакера и Л. Талми: интеграция когнитивных и языковых структур // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Т. 10, № 2. С. 173-190. EDN: TXEYMT.

[7] Андреева Е. М. Лидерство в студенческой среде: роль и функции старосты академической группы университета // Гуманитарный научный журнал. 2026. № 1-1. С. 10-18. DOI: 10.24412/2078-9661-2026-01-1-1. EDN: UQUQFR.

[8] Клементьева М. В., Родонич В. А. Профессия, карьера, призвание: взгляд через призму становления идентичности студентов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. Т. 15, № 2. С. 16-23. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-16-23. EDN: ZGWLIX.

[9] Filyasova Yu. A. The English economic term ‘human capital’ and its semantic field in scientific discourse // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2019. Vol. 10, No. 3. P. 700-713. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-700-713. EDN: HXQSLA.

[10] Ковальчук А. А. Семантическое поле немецкой лексемы «Karriere» в медийных заголовках // Ломоносов - 2021: материалы Международного молодежного научного форума, 12–23 апреля 2021 года. Москва, 2021. EDN: BOAXRH.

[11] Орлова З. Д. Представления студентов о карьере: анализ ассоциативных связей // Гуманитарный научный журнал. 2026. № 1-1. С. 168-176. DOI: 10.24412/2078-9661-2026-01-1-7. EDN: QTNAPW.

[12] Filyasova Yu. A. English career terms synonymy // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2021. Vol. 12, No. 3. P. 669-683. – DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-669-683. EDN: QHRRMZ.

[13] Бутакова Л. О. Слова с ценностной семантикой в языковом сознании представителей поколения Y // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 4. С. 937-955. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-937-955. EDN: TDXAQG.

[14] Filyasova Yu. A. A semantic field of perfectionism as a social and psychological concept in academic discourse // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2022. Vol. 13, No. 2. P. 382-395. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-382-395.EDN: EBBYEC.

[15] Иванова О. Э. Счастье на рабочем месте как ценность для сотрудника и компании // Лидерство и менеджмент. 2022. Т. 9(2). P. 361-376. DOI: 10.18334/lim.9.2.114141. EDN: DDSUYD.

[16] Бочкарев А. И. Актуализация социально ориентированного антиценностного концепта GREED в комическом дискурсе англоязычной

лингвокультуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15, № 3. С. 701-714. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-701-714. EDN: HJMBCP.

[17] Филясова Ю. А., Левин Д. С. Отражение концептов ВРЕМЯ, ДЕНЬГИ, РИСКИ в английских и японских паремиях // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. Т. 15, № 3. С. 55-68. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-55-68. EDN: URAXMN.

[18] Рогач О. В., Фролова Е. В. Социальные аспекты формирования активов домохозяйств как инструмента воспроизводства доверия // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2024. Т. 14, № 5. С. 90-97. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-90-97. EDN: RBGBDY.

[19] Филясова Ю. А., Левин Д. С. Сравнительный анализ пословиц английского и японского языков о труде // Вопросы прикладной лингвистики. 2025. № 59. С. 33-55. DOI: 10.25076/vpl.59.02. EDN: IGLANF.

[20] Схаляхо Е. Н. Структурные и деривационные особенности терминов в сфере делового общения (на материале английского языка) // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 3. С. 71-81. DOI: 10.18384/2949-5075-2025-3-71-81. EDN: VWNQPQ.

[21] Filyasova Yu. A. A linguistic analysis of petroleum-related English research article titles // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2020. Vol. 11, No. 1. P. 120-134. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-120-134. EDN: CKOQGL.

[22] Стожок Е. В., Халевина С. Н. Ассоциации в профессиональной коммуникации (на примере английской экономической терминологии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3-1. С. 74-82. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-74-82. EDN: NEXVTA.

[23] Filyasova Yu. A. Effectiveness vs. efficiency: an analysis of valency and collocability in a technical context // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2019. Vol. 10, No. 1. P. 187-196. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-187-196. EDN: FOKJKB.

[24] Khramchenko D. S. Global tapestry of professional discourse: multidisciplinary explorations in media, politics, and online discourse // Professional Discourse & Communication. 2023. Vol. 5, No. 3. P. 7-10. EDN: IKOJAP.

[25] Филясова Ю. А. Перфекционизм и рационально-эмотивное поведение как мотивационная политика управления персоналом // Управление. 2022. Т. 10, № 1. С. 16-27. EDN: WWRVYP.

[26] Khramchenko D. S., Radyuk A. V. An unconventional turn: a linguosynergetic and diachronic study of evolving English business discourse // Professional Discourse & Communication. 2023. Vol. 5, No. 1. P. 38-51. DOI: 10.24833/2687-0126-2023-5-1-38-51. EDN: CGUELF.

[27] Филясова Ю. А. Включенность перфекционистов в социально-трудовые отношения при разных стилях управления персоналом // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2021. Т. 10, № 1. С. 30-36. DOI: 10.12737/2305-7807-2021-10-1-30-36. EDN: VZUBTK.

[28] Zavrazhnykh O. V. Digital marketing techniques for the autoparts market // Наукосфера. 2025. № 10-1. P. 188-194. DOI: 10.5281/zenodo.17358104. EDN: FJNZRY.

References:

[1] Budgeting fundamentals analysis for the purposes of organizational budgetary policy development / K. Gulpenko, N. Tumashik, Y. Filiasova, Ritman, N.// MATEC Web of Conferences. V. 106. 2017. P. 08102.

[2] Vagin V. V. Initiative Budgeting On The Agenda Of International Economic Organizations (Russia, Moscow) // Problems of Modern Economy. 2016. № 4 (60). P. 124-126.

[3] Filyasova Yu. A. Modernization prospects for integrated reporting in the personnel management system // Contemporary management: problems and prospects: proc. of XIV internat. scientific and pract. conf. SPb., 2019. P. 618-621. EDN: THBTFE.

[4] Kotelkin S. V. Finances of an international company: investments, funding, risk management (Russia, St. Petersburg) // Problems of Modern Economy. 2023. № 4 (88). P. 183-186.

[5] Gulpenko K., Filyasova Yu. Intellectual capital: a business asset to be accounted // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on social sciences and arts SGEM 2018: Conference proceedings, Florence, Italy. V. 5 (1.6). 2018. P. 447-454.

[6] Filyasova Yu. A. Conceptualization and the category of concept in R. Langacker's and L. Talmy's cognitive theory: integration of cognitive and linguistic structures // Theoretical and Applied Linguistics. 2024. V. 10 (2). P. 173-190.

[7] Andreeva E. M. Leadership in the student environment: the role and functions of the headman of the academic group of the university // Humanitarian scientific journal. 2026. № 1-1. P. 10-18.

[8] Klementyeva M. V., Rodonich V. A. Profession & career & vocation: a view through the prism of identity development among students // Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2025. V. 15 (2). P. 16-23.

[9] Filyasova Yu. A. The English economic term ‘human capital’ and its semantic field in scientific discourse // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2019. V. 10 (3). P. 700-713.

[10] Kovalchuk A. A. The semantic field of the German lexeme “Karriere” in media headlines // Lomonosov – 2021: proceedings of the international youth scientific forum. Moscow, 2021.

[11] Orlova Z. D. Student career perceptions: an associative analysis // Humanitarian scientific journal. 2026. № 1-1. P. 168-176.

[12] Filyasova Yu. A. English career terms synonymy // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2021. V. 12, No. 3. P. 669-683.

[13] Butakova L.O. Words with value semantics in the language consciousness of generation “Y” representatives // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2022. V. 13 (4). P. 937-955.

[14] Filyasova Yu. A. A semantic field of perfectionism as a social and psychological concept in academic discourse // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2022. V. 13(2). P. 382-395.

[15] Ivanova O. E. Happiness in the workplace as a value for the employee and the company // Leadership and Management. 2022. V. 9 (2). P. 361-376. DOI: 10.18334/lim.9.2.114141. EDN: DDSUYD.

[16] Bochkarev A. I. Actualization of the socially oriented anti-value concept of greed in humorous discourse of the English linguistic culture // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2024. V. 15 (3). P. 701-714.

[17] Filyasova Yu. A., Levin D. S. Time, money, risk concept representation in English and Japanese paroemias // Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2025. V. 15 (3). P. 55-68.

[18] Rogach O. V., Frolova E. V. Social aspects of the formation of household assets as a tool for the reproduction of trust // Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. – 2024. V. 14 (5). P. 90-97.

[19] Filyasova Yu. A., Levin D. S. A comparative analysis of English and Japanese proverbs about labour // Issues of Applied Linguistics. 2025. № 59. P. 33-55.

[20] Skhalyakho E. N. Structural and derivational features of terms in business sphere (based on the English language) // Key Issues of Contemporary Linguistics. 2025. № 3. P. 71-81.

[21] Filyasova Yu. A. A Linguistic Analysis of Petroleum-Related English Research Article Titles // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2020. Vol. 11, No. 1. P. 120-134.

[22] Stozhock E. V., Khalevina S. N. Associations in professional communication (on the example of English economic terminology) // Key Issues of Contemporary Linguistics. 2022. № 3-1. P. 74-82.

[23] Filyasova Yu. A. Effectiveness vs. efficiency: an analysis of valency and collocability in a technical context // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2019. V. 10(1). P. 187-196.

[24] Khramchenko D. S. Global Tapestry of Professional Discourse: Multidisciplinary Explorations in Media, Politics, and Online Discourse / D. S. Khramchenko // Professional Discourse & Communication. 2023. V. 5(3). P. 7-10.

[25] Filyasova Yu.A. Perfectionism and rational-emotive behaviour as a motivational policy for human resource management // Upravlenie. 2022. V. 10(1). P. 16-27.

[26] Khramchenko D. S., Radyuk A. V. An unconventional turn: a linguosynergetic and diachronic study of evolving English business discourse // Professional Discourse & Communication. 2023. Vol. 5(1). P. 38-51.

[27] Filyasova Yu. Perfectionist involvement in social and labour relations depending on personnel management style // HR and Intellectual Resource Management in Russia. 2021. V. 10(1). P. 30-36.

[28] Zavrazhnykh O. V. Digital marketing techniques for the autoparts market // Naukosfera. 2025. № 10-1. P. 188-194.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-458-461

ПЬЯНЫХ Елена Павловна,
кандидат философских наук,
Уральский государственный университет путей сообщения,
доцент кафедры «Управление персоналом и социология»,
доцент,
e-mail: lena.cogito@yandex.ru

КАПУСТИНА Алена Алексеевна,
эксперт Отдела специальных видов экспертиз
№ 4 Экспертно-криминалистического управления
МВД РФ по Свердловской обл,
e-mail: alena.belka.2014@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ АДАПТАЦИИ КАДРОВ МВД

Аннотация. *Цель статьи – обзор применяемых в кадровой системе МВД России цифровых инструментов адаптации персонала. Традиционные методики адаптации (обучение, стажировки, наставничество) не всегда обеспечивают быстрое и эффективное вхождение сотрудника в новую среду, без особых усилий, стрессовых и конфликтных ситуаций. В современную эпоху особенную роль играют цифровые технологии, позволяющие быстрее и качественнее подготавливать новичков к профессиональной деятельности. К ним относятся цифровые коммуникационные платформы, цифровые базы данных, чат-боты, виртуальные тренажеры. Использование Единой информационной система управления кадровыми процессами (в составе ИСОД) позволяет отслеживать продвижение новичка по этапам адаптации: от результатов первоначальной подготовки до прохождения аттестации. Виртуальный тренажер «CSI VR» – наглядный пример того, как инновационные технологии используются для подготовки сотрудников полиции. Электронные курсы и симуляторы позволяют новым сотрудникам проходить обучение в индивидуальном темпе, возвращаться к сложным темам и сразу проверять усвоение материала через онлайн-тесты. Реализация предложенных мер по совершенствованию – обновление нормативной базы, обучение персонала, модернизация инфраструктуры и интеграция систем – позволит вывести адаптацию новых сотрудников на качественно новый уровень.*

Ключевые слова: *адаптация персонала, цифровые инструменты, цифровой профиль, цифровая трансформация, информационные системы, наставничество.*

PYANYKH Elena,
Cand. in Science (Philosophy), Associate Professor,
Ural State University of Railway Transport,
Head of the HR Management and Sociology Department

KAPUSTINA Alena Alekssevna,
Expert of the Department of Special Types of Expertise No. 4
Forensic Department of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation in the Sverdlovsk region

USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES TO INCREASE THE EFFICIENCY OF ADAPTATION OF MIA PERSONNEL

Annotation. *The purpose of the article is to review the digital staff adaptation tools used in the personnel system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Traditional methods of adaptation (training, internships, mentoring) do not always ensure a quick and effective entry of an employee into a new environment, without much effort, stressful and conflict situations. In the modern era, digital technologies play a special role, making*

it possible to prepare newcomers for professional activity faster and better. These include digital communication platforms, digital databases, chatbots, and virtual simulators. The use of a Unified information System for managing personnel processes (as part of the ISOD) allows you to track the progress of a beginner through the stages of adaptation: from the results of initial training to passing certification. The virtual simulator "CSI VR" is a vivid example of how innovative technologies are used to train police officers. E-courses and simulations allow new employees to study at an individual pace, return to complex topics and immediately check the assimilation of material through online tests. The implementation of the proposed improvement measures – updating the regulatory framework, staff training, infrastructure modernization and system integration – will bring the adaptation of new employees to a qualitatively new level.

Key words: *staff adaptation, digital tools, digital profile, digital transformation, information systems, mentoring.*

Современное государство и общество трудно представить без эффективно работающих цифровых технологий и инструментов. Президент Российской Федерации, выступая на Восточном экономическом форуме в сентябре 2025 года отметил, что «все будущее связано с цифровизацией, с искусственным интеллектом». Цифровая трансформация государственного управления становится одним из приоритетов модернизации: внедрение эффективных цифровых технологий является залогом успешного функционирования как государственных институтов, так и хозяйствующих субъектов.

«Современные возможности цифровой трансформации оперативно-служебной деятельности, ежедневная необходимость использования каждым сотрудником ОВД информационных, информационно-телекоммуникационных технологий, рост количества IT-преступлений ставят перед образовательными организациями и центрами профессиональной подготовки системы МВД России необходимость совершенствования профессиональной подготовки сотрудников ОВД с применением новых технологий, как важнейшего условия повышения эффективности их профессиональной деятельности» [1].

Органы внутренних дел РФ также адаптируют свою деятельность к новым технологическим условиям цифрового государства. Это касается организации различных процессов, в том числе и кадровой работы. В условиях кадрового дефицита, острой высокой конкуренции за молодые и перспективные кадры одной из ключевых проблем остается удержание и долгосрочное закрепление персонала в организации. Важное значение при этом играет организация процесса адаптации, поскольку именно от этого зависит, как быстро и эффективно новый сотрудник освоит свои рабочие обязанности, встроится в коллектив, освоит корпоративные ценности.

Традиционные методы адаптации – наставничество, стажировка, очное обучение – не всегда обеспечивают достаточную эффективность и скорость освоения должностных обязанностей. Одновременно новое поколение сотрудников приходит на службу с высокими цифровыми навыками и ожиданиями использования современных технологий в работе [2]. Это порождает необходимость интеграции цифровых инструментов в систему адаптации кадров МВД с целью ускорения профессионального становления молодых сотрудников и повышения качества их подготовки.

Помимо обучения, цифровые коммуникационные платформы и базы знаний играют важную роль в адаптации. Новые сотрудники могут получать доступ к ведомственным информационным системам сразу при вступлении в должность, используя интернет-порталы, чаты и форумы для общения с наставниками. Интегрированная информационная система обеспечения деятельности МВД (ИСОД) уже стала неотъемлемой частью работы: значительная часть личного состава проводит более 90% служебного времени, взаимодействуя с ее сервисами.

Нормативно-правовая база, регулирующая непосредственно процессы профессиональной подготовки и адаптации сотрудников, также включает приказы МВД, определяющие порядок организации подготовки кадров для замещения должностей. Хотя в этих актах прямо не упоминаются цифровые технологии, они создают рамки, внутри которых возможно внедрение электронных форм обучения.

В законодательстве пока отсутствуют четкие определения таких понятий, как «цифровой профиль сотрудника», «электронная образовательная среда» или применение искусственного интеллекта в обучении, что создает правовую неопределенность. В частности, обеспечение защиты персональных данных сотрудников при использовании цифровых платформ диктуется общими нормами (ФЗ «О персональных данных» и др.), которые развиваются медленнее, чем появляются новые технологии. Учитывая приоритет конфиденциальности и безопасности информации в деятельности органов внутренних дел, любые цифровые нововведения должны строго соответствовать требованиям информационной безопасности. Таким образом, нормативная база

находится в стадии становления: уже закреплены общие ориентиры на цифровизацию кадровой работы, однако требуется дальнейшая детализация внутренних регламентов, учитывающих специфику адаптации новых сотрудников с применением ИТ.

Специфика деятельности сотрудников полиции такова, что в обычных условиях сложно смоделировать ситуации работы на местах происшествий. Такие возможности обеспечивает использование систем виртуальной реальности. Практика показывает успешные кейсы применения ИТ-решений в системе МВД для работы с кадрами. Уже упомянутый виртуальный тренажер «CSI VR» (от англ. Crime Scene Investigation – осмотр места происшествия) – наглядный пример того, как инновационные технологии используются для подготовки сотрудников полиции. С его помощью стажеры могут отработать навыки, которые ранее приобретались только на реальных местах происшествий, что ускоряет их профессиональную адаптацию.

В настоящее время в системе уже созданы и готовы к использованию шесть виртуальных полигонов:

– криминалистическая лаборатория;
– место дорожно-транспортного происшествия;
– место происшествия на железной дороге;
– место авиакатастрофы;
– место падения с высоты;
– место убийства [3].

Система позволяет пользователям создавать любые территории самостоятельно, для этого не нужно обладать специальными познаниями в программировании.

Другой пример – внедрение интерактивных электронных тиров и тренажеров в ряде подразделений для отработки действий в условиях, близких к реальным боевым (модельные ситуации применения оружия, задержания правонарушителей и т.д.). Хотя материально-техническое оснащение учебных центров пока не повсеместно достаточно, локальные проекты демонстрируют высокую эффективность таких средств.

Эффективно использование обучающего модуля с элементами симуляции и геймификации, которая содержала бы интерактивные симуляторы: виртуальные тренажеры для отработки практических навыков (например, симулятор осмотра места происшествия, работы с микроскопом или хроматографом), позволяющий безопасно совершать и анализировать ошибки, а также библиотеку смоделированных экспертных ситуаций, требующих анализа и принятия решений. Пока такой модуль находится в стадии разработки.

Кроме того, в кадровой работе МВД используются централизованные информационные системы. Например, Единая информационная система управления кадровыми процессами (в составе ИСОД) позволяет отслеживать продвижение новичка по этапам адаптации: от результатов первоначальной подготовки до прохождения аттестации. Новые сотрудники регистрируются в электронных базах данных, формируется их цифровой профиль, содержащий информацию об образовании, навыках, результатах тестов и др. Наличие таких данных дает возможность персонализировать дальнейшее обучение: система может рекомендовать курсы для восполнения выявленных пробелов знаний.

Наконец, перспективным направлением является использование аналитических и предиктивных систем для сопровождения новичков. К примеру, на основе больших данных можно отслеживать прогресс сотрудников в адаптационный период и прогнозировать, кто из них испытывает трудности (по результатам учебных тестов, отчетам наставников и др.). Алгоритмы машинного обучения потенциально способны выявлять на ранней стадии признаки профессиональной дезадаптации (например, снижение показателей, негативные отзывы) и сигнализировать руководству о необходимости принять меры. Пока такие системы в МВД находятся в зачаточном состоянии, но в целом мировой тренд свидетельствует об их эффективности. В ведомственной академической среде высказывается ожидание, что широкое внедрение технологий искусственного интеллекта, виртуальной и смешанной реальности в систему адаптации кадров позволит обеспечить быстрое, бесконфликтное вхождение в профессиональную среду.

Использование цифровых инструментов в адаптационном процессе уже дает ряд позитивных эффектов. Во-первых, ускоряется приобретение необходимых знаний и навыков. Электронные курсы и симуляторы позволяют новым сотрудникам проходить обучение в индивидуальном темпе, возвращаться к сложным темам и сразу проверять усвоение материала через онлайн-тесты. Практика показывает, что сочетание очного наставничества с интерактивными электронными занятиями сокращает общий срок вхождения в должность. Во-вторых, повышается качество подготовки: имитационное моделирование и VR-тренажеры обеспечивают близкое к реальному переживание профессиональных ситуаций, что формирует у сотрудников психологическую готовность к ним. Новичок, виртуально «побывавший» на месте сложного происшествия или отработавший действия при чрезвычайной ситуации, гораздо увереннее действует в реальной обстановке.

Для полного раскрытия потенциала цифровых технологий в адаптации кадров МВД необходимо устранить выявленные проблемы и ограничения.

Требуется разработка ведомственной концепции цифровой трансформации кадровой работы. Следует восполнить пробелы правового регулирования, четко определив статус и порядок использования образовательных онлайн-платформ, дистанционных курсов, тестирующих систем в системе служебной подготовки. Целесообразно внести изменения в действующие приказы МВД, регламентирующие профессиональное обучение, включив в них разделы о применении электронных форм обучения и сопровождения новых сотрудников. Одновременно важно актуализировать нормативные акты с учетом появляющихся технологий: законодательно закрепить понятия, связанные с искусственным интеллектом, большими данными и их использованием в деятельности полиции. При этом особое внимание должно быть уделено вопросам информационной безопасности и защите персональных данных. Необходимо разработать отдельные инструкции по эксплуатации цифровых платформ в органах внутренних дел, предусматривающие меры предотвращения несанкционированного доступа к служебной информации и соблюдения права сотрудников на неприкосновенность частной жизни при сборе данных об их обучении и работе.

Ведомство должно поощрять пилотные проекты и обмен лучшими практиками между регионами. Как показывают зарубежные примеры, смелое внедрение новых технологий (роботизированных помощников, систем распознавания лиц, аналитических платформ) приносит ощутимые результаты. Чтобы не отставать от современных требований, МВД России следует активнее перенимать успешный опыт: организовывать стажировки и совместные учения с подразделениями, уже внедрившими передовые решения, проводить конкурсы на лучшие проекты по цифровой адаптации персонала. Важна и поддержка научных исследований в данной области – на стыке юриспруденции, управления и ИТ.

Реализация предложенных мер по совершенствованию – обновление нормативной базы, обучение персонала, модернизация инфраструктуры и интеграция систем – позволит вывести адаптацию новых сотрудников на качественно новый уровень. В перспективе это будет способствовать укреплению кадрового потенциала органов внутренних дел, формированию профессионально компетентного и устойчивого к современным вызовам коллектива МВД, что непосредственно отразится на эффективности выполнения правоохранительными органами своих задач.

Список литературы:

[1] Байдаев М.М. Подготовка кадров для органов внутренних дел Российской Федерации в условиях цифровой трансформации // Прикладная психология и педагогика. 2022. № 4. С. 203–214

[2] Суржикова Д.Ю. Цифровая трансформация органов внутренних дел: барьеры внедрения и пути их преодоления // Молодой учёный. 2025. № 42(593). С. 115-117.

[3] Трущенков И. В. Трёхмерное моделирование обстановки места происшествия с использованием систем виртуальной реальности. // Актуальные проблемы юридической теории и практики: Сборник научных статей. – М.: Граница, 2020.

References:

[1] Baidaev M.M. Training for the internal affairs bodies of the Russian Federation in the context of digital transformation//Applied psychology and pedagogy. 2022. № 4. S. 203-214

[2] Surzhikova D.Yu. Digital transformation of internal affairs bodies: barriers to implementation and ways to overcome them//Young scientist. 2025. № 42(593). S. 115-117.

[3] Slushenkov I.V. Three-dimensional modeling of the scene of the incident using virtual reality systems .//Actual problems of legal theory and practice: Collection of scientific articles. - M.: Border, 2020.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-462-465

ДАВЫДОВ Евгений Васильевич,
доцент кафедры исследования документов,
УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России,
к.ю.н., доцент,
e-mail: e.w.davydov@yandex.ru

СНОГОВСКАЯ Ютта Олеговна,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России,
e-mail:Satskaya1993@mail.ru

ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИИ В ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу этических и правовых аспектов применения искусственного интеллекта в экспертной деятельности. Рассматриваются трансформационные процессы, обусловленные внедрением алгоритмических систем в судебную, управленческую, финансовую и иные виды экспертной практики. Особое внимание уделяется проблемам алгоритмической прозрачности, объяснимости решений, распределения юридической ответственности, защиты персональных данных и предотвращения дискриминационных последствий автоматизированной обработки информации. На основе анализа национальных и международных нормативных актов обосновывается формирование риск-ориентированной модели регулирования ИИ, предполагающей дифференциацию требований к системам в зависимости от уровня потенциального воздействия на права и свободы человека. Делается вывод о необходимости институционализации процедур аудита алгоритмов, развития цифровых компетенций экспертов и совершенствования механизмов правового контроля. Обосновывается, что формирование комплексной системы этико-правовых гарантий является необходимым условием обеспечения доверия к результатам экспертной деятельности и устойчивого развития цифровых технологий в правовой сфере.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект; экспертная деятельность; правовое регулирование; алгоритмическая прозрачность; объяснимость решений; юридическая ответственность; защита персональных данных; риск-ориентированный подход; цифровая трансформация; права человека.*

DAVYDOV Evgeny Vasilyevich,
Associate Professor
of the Department of Document Research,
ESC EKD of the Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
PhD in Law, Associate Professor

SNOGOVSKAYA Yutta Olegovna,
lecturer of the Department of Special Disciplines
of the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

ETHICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE USE OF AI IN EXPERT ACTIVITIES

Annotation. *This article provides a comprehensive analysis of the ethical and legal aspects of using artificial intelligence in expert work. It examines the transformational processes caused by the introduction of algorithmic systems into judicial, managerial, financial, and other types of expert practice. Particular attention is paid to issues of algorithmic transparency, explainability of decisions, distribution of legal liability, protection of personal data, and the prevention of discriminatory consequences of automated information processing. Based on an analysis of national and international regulations, the article substantiates the development of a*

risk-based model for regulating AI, which implies differentiating requirements for systems depending on the level of potential impact on human rights and freedoms. It concludes that it is necessary to institutionalize algorithm audit procedures, develop digital competencies of experts, and improve legal oversight mechanisms. It is argued that the formation of a comprehensive system of ethical and legal guarantees is a prerequisite for ensuring trust in the results of expert work and the sustainable development of digital technologies in the legal sphere.

Key words: *artificial intelligence; expert activity; legal regulation; algorithmic transparency; explainability of decisions; legal liability; personal data protection; risk-based approach; digital transformation; human rights.*

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (Далее - ИИ) оказывает существенное влияние на трансформацию экспертной деятельности в различных сферах — судебной, финансовой, медицинской, технической и управленческой. Алгоритмические системы все чаще используются для анализа больших массивов данных, моделирования сценариев, прогнозирования рисков и формирования экспертных заключений. В то же время внедрение ИИ в процессы принятия решений порождает комплекс этических и правовых вопросов, связанных с обеспечением прозрачности алгоритмов, распределением ответственности, защитой персональных данных и соблюдением принципов недискриминации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью формирования сбалансированной нормативной и этической базы, обеспечивающей безопасное и правомерное использование ИИ в экспертной практике в условиях цифровой трансформации государственного управления и экономики [1].

Экспертная деятельность традиционно основывается на принципах объективности, независимости, научной обоснованности и профессиональной ответственности, поскольку внедрение ИИ трансформирует характер экспертного знания, переводя акцент с индивидуальной компетенции специалиста на алгоритмически опосредованный анализ данных. При этом возникает проблема «черного ящика», когда сложные модели машинного обучения не позволяют в полной мере проследить логику формирования выводов, отсутствие объяснимости алгоритмов затрудняет проверку достоверности экспертных заключений и может вступать в противоречие с требованиями процессуального законодательства о проверяемости доказательств и мотивированности решений.

В российской правовой системе стратегические ориентиры развития ИИ закреплены в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [1], где подчеркивается необходимость обеспечения прав и свобод человека при использовании интеллектуальных технологий. В контексте экспертной деятельности особое значение приобретает вопрос распределения ответственности между разработчиком программного обеспечения, владельцем системы и экспертом, использующим ИИ как инструмент анализа. При этом действующее законодательство пока не содержит специальных норм, прямо регулирующих статус алгоритмических систем как участников правоотношений, что создает правовую неопределенность.

Значимым направлением правового регулирования является защита персональных данных. Федеральный закон «О персональных данных» устанавливает требования к обработке информации, включая автоматизированную обработку [2]. Применение ИИ в экспертной практике, особенно в судебно-экспертной и медицинской сферах, предполагает обработку чувствительных категорий данных, что требует соблюдения принципов законности, минимизации и целевого ограничения, нарушение которых может привести к дискриминационным последствиям и подрыву доверия к экспертным выводам.

На международном уровне формируются подходы к этическому регулированию ИИ. Рекомендация ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта закрепляет принципы уважения прав человека, прозрачности, подотчетности и справедливости [3]. Принципы ОЭСР по ИИ акцентируют внимание на необходимости обеспечения надежности и безопасности алгоритмических систем, а также возможности их аудита [4]. Они формируют универсальные стандарты, которые могут быть интегрированы в национальные правовые системы и применены в экспертной практике.

Особое значение для правоприменения имеет принятый в Европейском союзе Регламент об искусственном интеллекте (EU AI Act), устанавливающий риск-ориентированный подход к классификации систем ИИ [5], согласно которому системы, применяемые в сфере правосудия и правоохранительной деятельности, относятся к категории высокого риска и подлежат строгим требованиям в части качества данных, прозрачности и контроля со стороны человека. Такой подход представляется релевантным и для регулирования экспертной деятельности, поскольку экспертные заключения могут непосредственно влиять на реализацию прав и свобод граждан.

Дополнительным инструментом управления рисками является Рамочная модель управления рисками ИИ, разработанная Национальным институтом стандартов и технологий США (NIST) [6], в которой подчеркивается необходимость системного подхода к оценке рисков, включая этапы идентификации, анализа, смягчения и мониторинга. Применительно к экспертной деятельности это означает необходимость внедрения процедур внутреннего аудита алгоритмов, документирования процессов обучения моделей и обеспечения возможности внешней экспертизы программных решений.

Этические аспекты применения ИИ в экспертной деятельности тесно связаны с проблемой автономии профессионального суждения. С одной стороны, ИИ способен повысить точность анализа и снизить влияние субъективных факторов. С другой стороны, существует риск чрезмерной зависимости эксперта от алгоритмических рекомендаций, что может привести к снижению уровня критической оценки результатов. В этой связи принцип «человекоцентричности», закрепленный в стратегических документах Российской Федерации и международных актах, предполагает сохранение за человеком окончательного контроля над принятием решений [1; 3].

Правовые механизмы экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, предусмотренные Федеральным законом № 258-ФЗ [7], открывают возможности для апробации новых моделей регулирования ИИ в экспертной деятельности. Однако внедрение таких режимов должно сопровождаться разработкой четких критериев оценки эффективности и безопасности технологий, а также механизмов защиты прав участников правоотношений.

Комплексное регулирование применения искусственного интеллекта в экспертной деятельности объективно требует синергии нормативных предписаний, профессиональных стандартов и этических кодексов. При этом речь идет не только о формальном закреплении допустимых границ использования алгоритмических систем, но и о формировании целостной институциональной среды, в которой обеспечивается прозрачность технологических решений, предсказуемость правоприменительной практики и реальная подотчетность субъектов, вовлеченных в разработку и эксплуатацию ИИ. В этой связи особое значение приобретает институционализация процедур алгоритмической прозрачности, включая обязательное документирование логики функционирования моделей, проведение независимого аудита, а также создание механизмов верификации и воспроизводимости полученных результатов.

Не менее важным направлением является и развитие профессиональных компетенций экспертов в области цифровых технологий, поскольку эксперт, использующий ИИ как инструмент анализа, должен обладать достаточным уровнем понимания принципов машинного обучения, ограничений алгоритмов и потенциальных источников систематических ошибок, и отсутствие таких компетенций повышает риск некритичного восприятия алгоритмических выводов и подмены профессионального суждения автоматизированными рекомендациями. Следовательно, модернизация системы подготовки и повышения квалификации экспертов становится неотъемлемым элементом формирования устойчивой модели внедрения ИИ в экспертную практику.

Отдельного внимания заслуживает так же проблема распределения юридической ответственности, поскольку в условиях, когда итоговое экспертное заключение формируется с использованием сложных программных решений, возникает необходимость четкого разграничения ответственности между разработчиком алгоритма, оператором системы и непосредственно экспертом, принимающим окончательное решение, так как отсутствие ясных критериев распределения ответственности может привести к правовой неопределенности и снижению уровня доверия к результатам экспертной деятельности. поэтому только при формировании прозрачных и предсказуемых механизмов ответственности возможно достижение баланса между стимулированием инновационного развития и обеспечением защиты фундаментальных прав и свобод человека.

Применение искусственного интеллекта в экспертной деятельности действительно представляет собой значимый этап цифровой трансформации правовой и управленческой практики, алгоритмические системы позволяют существенно повысить скорость обработки информации, выявлять сложные закономерности и минимизировать влияние субъективных факторов. Однако внедрение таких технологий сопровождается серьезными этическими и правовыми вызовами, связанными с обеспечением прозрачности, подотчетности и справедливости принимаемых решений, где особую остроту приобретают вопросы недискриминации, обеспечения равного доступа к правосудию и недопущения автоматизированных решений, способных затрагивать права граждан без должного человеческого контроля.

Анализ национальных и международных нормативных актов свидетельствует о формировании риск-ориентированной модели регулирования ИИ, ориентированной на дифференциацию

требований в зависимости от потенциальной степени воздействия алгоритмических систем на права и свободы человека. Такой подход предполагает усиленные требования к системам высокого риска, включая обязательную оценку воздействия на права человека, контроль качества данных и внедрение механизмов человеческого надзора. Поэтому перспективы дальнейшего развития правового регулирования связаны с уточнением статуса ИИ как инструмента экспертной деятельности, нормативным закреплением принципов объяснимости и прослеживаемости алгоритмических решений, а также развитием процедур независимой технической и правовой экспертизы цифровых систем.

Формирование комплексной системы этико-правовых гарантий в сфере применения ИИ позволит обеспечить устойчивое доверие к результатам экспертной деятельности и является ключевым условием легитимности решений, принимаемых с использованием алгоритмических инструментов, и основой для дальнейшей интеграции цифровых технологий в правовую и управленческую практику. Вот почему в долгосрочной перспективе гармоничное сочетание инновационного развития и надежных правовых механизмов защиты прав человека будет определять качество цифровой трансформации общества и степень ее соответствия принципам правового государства.

Список литературы:

[1] Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения: 25.02.2026).

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_61801/ (дата обращения: 25.02.2026).

[3] UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence (adopted on 23 November 2021). URL: https://unesdoc. unesco.org/ark:/48223/pf0000381137 (дата обращения: 25.02.2026).

[4] OECD. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence (OECD/LEGAL/0449, 2019). URL: https://legalinstruments.oecd.org/ en/instruments/OECD-LEGAL-0449 (дата обращения: 25.02.2026).

[5] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (дата обращения: 25.02.2026).

[6] NIST. Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0). 2023. URL: https://www.nist.gov/itl/ai-risk-management-framework (дата обращения: 25.02.2026).

[7] Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 25.02.2026).

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 “On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation” (together with the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (access date: 25.02.2026).

[2] Federal Law No. 27.07.2006 of 152-FZ “On Personal Data.” URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW _ 61801/(access date: 25.02.2026).

[3] UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence (adopted on 23 November 2021). URL: https://unesdoc. unesco.org/ark :/48223/pf0000381137 (accessed on: 25.02.2026).

[4] OECD. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence (OECD/LEGAL/0449, 2019). URL: https://legalinstruments.oecd.org/ en/instruments/OECD-LEGAL-0449 (дата обращения: 25.02.2026).

[5] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (access date: 25.02.2026).

[6] NIST. Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0). 2023. URL: https://www.nist.gov/itl/ai-risk-management-framework (дата обращения: 25.02.2026).

[7] Federal Law No. 31.07.2020 of 258-FZ “On Experimental Legal Regimes in the Field of Digital Innovation in the Russian Federation.” URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_ LAW_358738/ (access date: 25.02.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-466-475

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
ORCID -0000-0001-5668-615X,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ В РОССИИ

Аннотация. *В статье исследуются исторические этапы криминализации деяний в России — от древнерусских правовых памятников до современного уголовного законодательства. Показывается, что криминализация на различных этапах развития российской государственности зависела не только от динамики общественной опасности деяний, но и от модели государства, характера политической власти, господствующей идеологии, уровня юридической техники и состояния правоприменения. Обосновывается тезис о том, что российская история уголовного закона демонстрирует одновременно преемственность и разрывы: сохраняется устойчивое стремление законодателя к охране публичного порядка и государственной власти, но меняются критерии признания деяния преступным, соотношение материального и формального признаков преступления, круг охраняемых благ и допустимая мера репрессии. Особое внимание уделяется переходам от обычноправовой и казуистической модели криминализации к кодифицированной, а затем — к современной модели, ориентированной на конституционные ценности, принцип законности и международные стандарты прав человека. Делается вывод о том, что исторический анализ криминализации позволяет точнее определить пределы уголовно-правового запрета в настоящем и избежать как архаической избыточности, так и ситуативной символической криминализации.*

Ключевые слова: *криминализация, декриминализация, история уголовного права России, преступление, уголовный закон, Русская Правда, Соборное уложение, Уложение о наказаниях, Уголовное уложение 1903 года, советское уголовное право, уголовная политика.*

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,
senior researcher of the PKU,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

HISTORICAL ASPECTS OF CRIMINALIZATION OF ACTS IN RUSSIA

Annotation. *This article examines the historical stages of criminalization in Russia—from ancient Russian legal monuments to modern criminal legislation. It is shown that criminalization at various stages of Russian statehood development depended not only on the dynamics of the social danger of the acts but also on the state model, the nature of political power, the dominant ideology, the level of legal technique, and the state of law enforcement. It is argued that the history of Russian criminal law demonstrates both continuity and discontinuities: the legislator's consistent commitment to protecting public order and state authority remains, but the criteria for recognizing an act as criminal, the balance between the material and formal elements of a crime, the range of protected benefits, and the permissible measure of repression have changed. Particular attention is given to the transitions from the common law and casuistic model of criminalization to a codified model, and then to a modern model oriented toward constitutional values, the principle of legality, and international human rights standards. It is concluded that a historical analysis of criminalization allows for a more precise definition of the limits of criminal law prohibitions in the present and avoids both archaic redundancy and situational symbolic criminalization.*

Key words: *criminalization, decriminalization, history of Russian criminal law, crime, criminal law, Russkaya Pravda, Sobornoye Ulozheniye (Catholic Code), Penal Code, Criminal Code of 1903, Soviet criminal law, criminal policy.*

История криминализации деяний в России представляет собой не простую хронологию появления новых запретов, а историю изменения самого понимания того, что именно государство считает настолько опасным, вредным или недопустимым, что на это требуется ответ в форме уголовного наказания. В современном уголовно-правовом дискурсе криминализация обычно рассматривается как процесс выявления общественно опасного поведения, его нормативного описания и закрепления уголовно-правового запрета в законе. [1] Однако в исторической перспективе этот процесс никогда не был исключительно рационально-техническим. За каждым уголовным запретом стояли определённая система ценностей, представление о государственном порядке, религиозные и нравственные установки, а также реальные возможности власти осуществлять контроль и принуждение. [2]

Для российской правовой истории особенно характерно то, что уголовный закон долгое время развивался как часть более широкого комплекса властных регуляторов. На ранних этапах границы между уголовным, процессуальным, сословным и полицейским регулированием были размыты. Преступным признавалось не только деяние, причиняющее вред индивиду, но и поведение, нарушающее «мир», «тихость», «благочиние», установленную иерархию, церковный и государев порядок. Поэтому историческое исследование криминализации требует учёта не только текстов законов, но и характера государственности, статуса личности в праве, целей наказания и способов юридической квалификации. [3]

Актуальность обращения к историческим аспектам криминализации обусловлена и современным состоянием уголовной политики. Российский уголовный закон конца XX — первой четверти XXI века переживает постоянное расширение Особенной части, возникновение новых составов преступлений, усложнение системы квалифицирующих признаков, усиление охраны информационной, финансовой, антикоррупционной и антитеррористической сфер. Эти процессы нередко оцениваются как проявление гиперкриминализации или символической криминализации. Чтобы критически оценить современные тенденции, необходимо понять, как в российской правовой традиции складывались основания уголовного запрета, какие формы избыточной репрессии уже встречались ранее и какие исторические уроки следует учитывать законодателю. [4]

Цель настоящей статьи состоит в выявлении основных исторических закономерностей криминализации деяний в России. Для достижения этой цели необходимо решить несколько задач: определить методологические ориентиры историко-правового анализа криминализации; проследить эволюцию объектов уголовно-правовой охраны и критериев преступности от Древней Руси до современности; показать роль кодификации в изменении техники криминализации; установить, каким образом политические и идеологические переломы влияли на содержание уголовного закона; сформулировать выводы, значимые для современной уголовно-правовой политики.

1. Понятие криминализации и пределы его исторического анализа

В современной науке под криминализацией обычно понимается признание определённого деяния преступным и установление за него уголовной ответственности. Но если переносить это определение на правовые памятники ранних эпох без оговорок, возникает риск анахронизма. В XI–XVII веках законодатель ещё не располагал тем понятийным аппаратом, который характерен для современной Общей части уголовного права: не существовало чёткого разграничения преступлений и иных правонарушений, последовательно разработанных категорий вины, стадий совершения преступления, соучастия, обстоятельств, исключающих преступность деяния. Следовательно, применительно к ранним этапам российской истории криминализацию правильнее понимать шире — как юридическое и политическое выделение круга наиболее опасных деяний, за которые применялись наиболее тяжкие меры государственного или княжеского принуждения. [5]

Исторический анализ криминализации требует различать по меньшей мере четыре уровня. Первый уровень — ценностный: какие интересы и блага признаются достойными особой охраны. Второй — институциональный: какой субъект власти вправе объявлять деяние преступным и каким образом закрепляется запрет. Третий — технический: как описывается запрещённое поведение, насколько оно конкретизировано и допускает ли аналогию. Четвёртый — санкционный: какие меры воздействия используются и какую цель они преследуют — возмездие, устрашение, компенсацию, изоляцию, исправление, политическую нейтрализацию или защиту публичного порядка. [6]

Именно совокупность этих уровней объясняет, почему история криминализации в России не сводится к количественному росту числа преступлений. В разные эпохи правовая система могла одновременно расширять перечень наказуемых деяний и сужать дискрецию правоприменителя, либо, напротив, формально сокращать закон, но позволять широкое усмотрение в силу неопределённых критериев «враждебности»,

«социальной опасности» или «контрреволюционности». Поэтому исторически значима не только формальная криминализация, но и та фактическая уголовно-репрессивная среда, которую создаёт закон.

Наконец, при изучении российской истории важно учитывать, что криминализация долгое время развивалась в тесной связи с конфессиональными и сословными представлениями. Ряд деяний признавался тяжкими не потому, что они причиняли индивидуальный вред в современном смысле, а потому, что нарушали религиозный порядок, подрывали сословную иерархию или ставили под сомнение верховную власть. В этом состоит одно из ключевых отличий исторической криминализации от современной модели, где уголовный закон формально привязан к охране конституционных ценностей, прав и свобод человека и гражданина.

2. Древнерусский период: от обычая к первым уголовно-правовым запретам

Первые этапы криминализации на Руси были тесно связаны с обычаем, княжеской юрисдикцией и задачей прекращения кровной мести. В этом смысле древнерусское право развивалось не от абстрактной идеи преступления, а от необходимости урегулировать конфликт, ограничить частную расправу и встроить возмездие в систему княжеского суда. Именно поэтому ранние памятники права фиксируют прежде всего те посягательства, которые непосредственно нарушали мир внутри общины и подрывали авторитет власти. [7]

Ключевым памятником здесь выступает Русская Правда. Её значение для истории криминализации состоит не только в том, что она содержит древнейший систематизированный перечень противоправных деяний, но и в том, что она отражает переход от родоплеменной модели реагирования на вред к публично организованной реакции. Наиболее характерно это проявляется в ограничении кровной мести и замене её денежными взысканиями — вирой, продажей, уроком. Уже в этом просматривается ранняя государственная монополизация наказания: тяжесть деяния определяется не только вредом потерпевшему, но и тем, в какой мере нарушается установленный порядок. [8]

Важной особенностью Русской Правды является преобладание имущественной компенсации над телесными и устрашающими наказаниями. Это позволяет сделать вывод, что ранняя криминализация была ориентирована прежде всего на восстановление нарушенного мира и на фискально-политические интересы княжеской власти. При этом ряд деяний выделяется как особенно значимый: убийство, телесные повреждения, татьба, поджог, конокрадство. Характерно, что именно конокрадство и поджог довольно рано приобретают повышенную опасность, поскольку в условиях аграрного и военного общества они создавали угрозу не отдельному лицу, а устойчивости хозяйственного и военного уклада. [2]

Русская Правда ещё не знает развитой классификации преступлений, но уже показывает важный исторический принцип: криминализация усиливается там, где вред деяния выходит за пределы частного конфликта и затрагивает коллективную безопасность. Эта закономерность впоследствии будет воспроизводиться многократно — от государственных преступлений Московского царства до современных преступлений террористической и экстремистской направленности.

Значительный шаг в развитии криминализации обнаруживается в Псковской судной грамоте. В ней заметно расширяется круг деяний, охватываемых жёсткими санкциями, усложняется процессуальная организация преследования, усиливается значение суда как публичного института. [9] Псковская судная грамота показывает, что по мере развития городского хозяйства, торговли и судебной организации преступными начинают более отчётливо восприниматься деяния, посягающие на судебный порядок, собственность, договорный оборот и стабильность городского мира.

Для древнерусского периода в целом характерны три особенности криминализации. Во-первых, она носит казуистический и фрагментарный характер: законодатель описывает не общее понятие преступления, а отдельные опасные случаи. Во-вторых, в центре находятся мир, имущество и физическая неприкосновенность, но уже просматривается тенденция к особой охране власти и суда. В-третьих, уголовно-правовой запрет ещё тесно связан с компенсационной логикой: наказание должно не только устрашать, но и возмещать ущерб либо восстанавливать нарушенное равновесие.

3. Период централизации Русского государства: Судебники и Соборное уложение как рубеж в истории криминализации

Образование и укрепление централизованного Русского государства радикально изменили логику криминализации. Если в древнерусском праве уголовный запрет во многом обслуживал прекращение локального конфликта, то с конца XV века он всё в большей степени становится инструментом строительства единой власти. Судебник 1497 года знаменует переход к иной политико-правовой реальности: преступное

поведение начинает восприниматься не только как вред человеку или общине, но как нарушение порядка, установленного великим князем и поддерживаемого централизованным судом. [10]

В Судебнике 1497 года примечательно не столько количество уголовно наказуемых деяний, сколько усиление государственного начала в праве. Расширяется применение смертной казни, укрепляется розыскной процесс, повышается значение преступлений против суда и управления. Одним из исторически важных результатов стало повышение статуса татьбы и разбоя как деяний, требующих не частно-компенсационного, а публично-карательного ответа. Это отражало социальную потребность молодого централизованного государства обеспечить безопасность путей сообщения, фискального оборота и местного управления.

Судебник 1550 года развивает эти тенденции. Он не просто уточняет прежние запреты, но и усиливает идею единого источника права, исходящего от верховной власти. [11] Для истории криминализации особенно важно, что по мере укрепления московского самодержавия возрастает значение преступлений против порядка управления, служебных злоупотреблений и деяний, препятствующих нормальному отправлению суда. Иными словами, государство всё отчётливее криминализует то, что мешает ему функционировать как централизованному аппарату.

Однако наиболее крупным рубежом в истории российской криминализации стало Соборное уложение 1649 года. Оно не только систематизировало значительный массив ранее накопленных норм, но и качественно изменило иерархию охраняемых уголовным правом объектов. [12] Если в Русской Правде на первом плане находились личность и имущество внутри локального сообщества, то в Уложении центральное место заняли религия, царская власть, государственный порядок, служба и сословное устройство общества. Посягательство на «государево дело» стало восприниматься как высшая форма общественной опасности.

Соборное уложение даёт яркий пример того, как криминализация зависит от политической модели государства. Самодержавная власть, пережившая Смутное время и стремившаяся к стабилизации, объективно нуждалась в жёсткой охране веры, престола, служилой дисциплины и административного порядка. Отсюда — развитие составов богохульства, измены, бунта, «скопа и заговора», должностных нарушений, лжесвидетельства, укрывательства преступников. Криминализируется не только причинение непосредственного вреда, но и поведение, символически подрывающее основы власти. [2]

Одновременно наблюдается усиление телесных, позорящих и квалифицированных смертных наказаний. Эта санкционная политика была тесно связана с общей логикой устрашения. В отличие от более ранней компенсационной модели, теперь наказание всё чаще демонстрирует силу государства и должно визуально закреплять иерархию власти. Таким образом, исторически именно XVII век можно рассматривать как этап, на котором российская криминализация приобретает отчетливо публично-политический и репрессивно-символический характер.

При этом Соборное уложение не следует оценивать лишь как акт ужесточения. Оно также знаменовало определённый шаг вперёд в юридической технике: произошла систематизация, появились более устойчивые категории преступных посягательств, усилилась письменная форма закона. Для последующей истории это имело принципиальное значение: криминализация всё теснее связывалась с текстом закона, а не только с обычаем, локальной практикой или произвольным усмотрением.

4. Петровские реформы и становление имперской модели уголовного запрета

Петровская модернизация изменила российскую криминализацию не меньше, чем предшествующая централизация Московского государства. Реформируемое государство нуждалось в новой армии, бюрократии, налоговой системе, дисциплине и управляемости. Соответственно, уголовный закон стал активнее охранять не столько традиционный религиозно-сословный порядок, сколько интересы служилого абсолютистского государства. Наиболее ярко это проявилось в Артикуле воинском 1715 года. [13]

Хотя Артикул воинский по своему непосредственному назначению был воинско-уголовным актом, его влияние на общую историю криминализации в России оказалось гораздо шире. Во-первых, он существенно расширил и конкретизировал перечень наказуемых деяний, включая преступления против службы, дисциплины, порядка командования, веры, личности и собственности. Во-вторых, он задал новую степень детализации состава преступления и санкции. В-третьих, через него в российское право активнее проникали европейские представления о систематизации уголовного закона, хотя санкционная практика при этом оставалась крайне суровой. [3]

Петровская эпоха показывает важную закономерность: модернизация государства не обязательно ведёт к гуманизации криминализации. Напротив, переход к более рациональному управлению может сопровождаться расширением уголовно-правового контроля. Для абсолютистского

государства преступными становятся не только традиционные посягательства на жизнь, имущество или веру, но и многочисленные формы недисциплинированности, неповиновения, халатности, служебной недобросовестности, которые ранее не имели столь разработанного уголовно-правового значения.

В XVIII веке постепенно складывается имперская модель уголовного запрета, для которой характерны три черты. Первая — подчёркнутая связь криминализации с интересами службы и государственного аппарата. Вторая — сочетание европейской правовой техники с сохранением устрашающе-карательной санкционной системы. Третья — расширение полицейского элемента: уголовный запрет начинает пересекаться с задачами общего «благочиния», контроля над населением, пресечения беспорядков, надзора за сословным поведением.

Именно в этот период становится заметным долговременный российский парадокс: чем сложнее и рациональнее становится государственная машина, тем сильнее возрастает соблазн использовать уголовное право как универсальный инструмент управления. Этот парадокс позднее повторится и в советскую эпоху, и в современном законодательстве, хотя в разных идеологических оболочках.

5. XIX век: кодификация, дифференциация и расширение объектов уголовно-правовой охраны

XIX век занимает особое место в истории российской криминализации, поскольку именно в этот период происходит переход от разрозненных и сословно-полицейских запретов к масштабной кодификации уголовного права. Общая систематизация законодательства в Своде законов Российской империи подготовила почву для первого полноценного уголовного кодекса — Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. [14]

Значение Уложения 1845 года для истории криминализации трудно переоценить. Во-первых, оно оформило разделение Общей и Особенной частей, хотя и не в том виде, в каком оно известно современному юристу. Во-вторых, оно закрепило огромный перечень преступлений и проступков, систематизированных по объектам посягательства. В-третьих, оно позволило увидеть, насколько широк круг ценностей, которые имперское государство считает нужным охранять именно уголовно-правовыми средствами. [15]

Для Уложения 1845 года показательно, что на вершине иерархии оставались религия, самодержавная власть, порядок управления и государственная служба. Вместе с тем заметно расширяются разделы, посвящённые преступлениям против личности, собственности, семьи, общественного благоустройства, порядка торговли и финансовых интересов государства. Это отражало усложнение социальной структуры империи, развитие хозяйственного оборота, рост городов, бюрократизации и полицейского управления.

С точки зрения техники криминализации XIX век демонстрирует рост законодательной детализации. Законодатель стремится описать всё более широкий круг конкретных форм поведения, вводит многочисленные квалифицирующие признаки, учитывает статус субъекта, способ совершения деяния, предмет преступления, последствия, форму вины. С одной стороны, такая казуистичность ограничивала произвол, поскольку замещала расплывчатое усмотрение более точным текстом закона. С другой стороны, чрезмерная детализация вела к громоздкости кодекса, затрудняла его применение и поддерживала репрессивный охват всё новых сфер общественной жизни.

Важно и то, что в XIX веке постепенно усиливается доктринальное осмысление оснований криминализации. Развитие университетской науки, рецепция европейской уголовно-правовой мысли, дискуссии о соотношении преступления и проступка, наказания и исправления, вины и опасности личности подготовили почву для более тонкого понимания пределов уголовного запрета. Именно в этот период формируется научный язык, который позднее позволит критиковать как избыточную криминализацию, так и неопределённость состава преступления. [6]

Однако имперская кодификация не преодолела главной исторической особенности российского уголовного закона — его зависимости от политического строя. При всей развитости правовой техники уголовное право по-прежнему оставалось инструментом охраны сословно-монархического порядка. Это означает, что формальная кодификация сама по себе не гарантирует либеральных пределов криминализации. Закон может быть системным и в то же время идеологически жёстким.

6. Уголовное уложение 1903 года: модернизационный проект и незавершённая либерализация

Особое место в истории российской криминализации занимает Уголовное уложение 1903 года. В научной литературе оно традиционно рассматривается как наиболее совершенный дореволюционный уголовный кодекс России и как шаг к более современному пониманию преступления, наказания и законности. [16] Уложение устанавливало, что преступным является деяние, воспрещённое законом под страхом наказания, тем

самым последовательно проводя формально-правовой критерий преступности. Для истории криминализации это принципиально важно: государство стремилось увязать уголовный запрет прежде всего с законом, а не с общими представлениями о вредности или «неблагонадёжности».

Уложение 1903 года также существенно развило Общую часть. В нём более последовательно были урегулированы вопросы вины, возраста, невменяемости, стадий, соучастия, обстоятельств, влияющих на наказуемость. Это означало, что криминализация становилась не только более формальной, но и более юридически структурированной. Пределы уголовной ответственности начинали определяться не одной лишь политической волей, но и системой правовых категорий, ограничивающих применение репрессии.

Вместе с тем не следует идеализировать данный акт. Он сохранял приоритетную охрану монархии, религии и государства, а сам проект модернизации так и не был реализован полностью. Уложение не вступило в силу в полном объёме, а в условиях политического кризиса начала XX века и последующих революционных событий российская криминализация снова стала быстро выходить за рамки классической легальности. [2]

Тем не менее историческое значение Уложения 1903 года состоит в том, что оно показало альтернативную траекторию развития российского уголовного закона. Эта траектория предполагала сочетание развитой юридической техники, формального понимания преступления, ограничения аналогии и более чёткого отделения уголовного права от полиции и административного надзора. В определённом смысле многие идеи Уложения 1903 года опередили своё время и позднее были востребованы уже в постсоветском уголовном праве.

7. Советский период: идеологизация, социальная опасность и маятник криминализации

Революционный перелом 1917 года радикально изменил основания криминализации. Если дореволюционное право исходило, по крайней мере формально, из приоритета закона и определённости состава преступления, то раннесоветская модель поставила в центр классовую целесообразность, интересы революции и категорию социальной опасности. Наиболее отчётливо это выражено в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года. [17]

Для истории криминализации значение Руководящих начал состоит в отказе от чисто формального понимания преступления. Опасным признавалось нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом, а наказание мыслилось не как возмездие за вину, а как мера социальной защиты. Тем самым критерии криминализации становились более политизированными и менее определёнными. Законодатель и правоприменитель получали возможность оценивать не только конкретное деяние, но и фигуру самого лица, его классовую принадлежность, степень опасности для нового строя. [18]

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года стал первым советским кодексом и в значительной мере стремился придать революционной уголовной политике системную форму. [19] Он сохранял идею социальной защиты, но уже сочетал её с более развитой законодательной техникой. Для истории криминализации важно, что в кодекс включались новые группы преступлений, отражавшие хозяйственные и политические потребности раннего советского государства: контрреволюционные деяния, хозяйственные преступления, посягательства на порядок управления, должностные злоупотребления, нарушения правил новой экономической политики.

УК РСФСР редакции 1926 года усилил эти тенденции. [20] Он расширял возможности репрессивного воздействия за счёт широкой трактовки контрреволюционных деяний, допущения аналогии уголовного закона и приоритета социальной защиты над классическими гарантиями законности. Исторически это был один из наиболее опасных моментов в развитии российской криминализации: формально закон кодифицирован, но его понятия достаточно гибки, чтобы обслуживать политическую репрессию. Из этого опыта следует принципиальный вывод: неопределённая криминализация в кодифицированной оболочке способна быть даже более опасной, чем открытый чрезвычайный режим, поскольку придаёт репрессии видимость законности.

В 1930–1950-е годы советская криминализация приобрела ярко выраженный мобилизационный и репрессивный характер. Уголовное право использовалось для охраны государственной собственности, трудовой дисциплины, планового хозяйства, политической лояльности. Многие деяния криминализировались не столько из-за их внутренней общественной опасности, сколько из-за их функциональной несовместимости с задачами мобилизационного государства. Здесь особенно отчётливо проявилась зависимость уголовного закона от идеологии и экономической модели.

После смерти И. В. Сталина начался обратный процесс — частичная гуманизация и ограничение наиболее репрессивных конструкций. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года стали важнейшим рубежом этого поворота. [21] Они отказались от ряда крайних политико-репрессивных

решений предшествующей эпохи, усилили значение вины, законности, возраста уголовной ответственности, вменяемости и судебной процедуры. На этой основе был принят Уголовный кодекс РСФСР 1960 года. [22]

УК РСФСР 1960 года знаменовал относительную стабилизацию советской модели криминализации. С одной стороны, он сохранял приоритетную охрану социалистического государства и собственности, а также идеологически обусловленные составы. С другой стороны, он был заметно более системным, предсказуемым и юридически оформленным, чем нормативные массивы 1920–1930-х годов. Историческое значение этого этапа заключается в том, что советская уголовно-правовая система частично вернулась к классическим гарантиям, не отказавшись при этом от собственной идеологической основы.

Таким образом, советский период демонстрирует маятниковое движение криминализации. В одни периоды приоритет отдавался чрезвычайной целесообразности и расширению уголовной репрессии; в другие — укреплению законности и относительной гуманизации. Но общим оставалось одно: уголовное право неизменно использовалось как ключевой инструмент защиты политической и социально-экономической модели, признаваемой государством обязательной.

8. Постсоветский этап: конституционализация и новые волны расширения уголовного закона

Принятие Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года ознаменовало новый этап в истории криминализации. [23] Постсоветский законодатель стремился дистанцироваться от идеологизированной модели советского уголовного права и выстроить систему, основанную на принципах законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости, гуманизма и приоритета прав и свобод человека. В этом смысле кодекс 1996 года можно рассматривать как попытку соединить дореволюционные достижения юридической техники, советский опыт кодификации и конституционные ориентиры новой России.

Первоначальная концепция УК РФ исходила из необходимости рационального сужения уголовной репрессии и более точного разграничения преступного и непреступного. Это проявлялось в обновлённой системе категорий преступлений, институте малозначительности, уточнении форм вины, развитии оснований освобождения от уголовной ответственности, а также в стремлении выделить в Особенной части реально значимые объекты охраны: личность, собственность, общественную безопасность, конституционный строй, интересы службы, мир и безопасность человечества.

Однако уже последующее развитие кодекса показало, что исторические российские тенденции к расширению криминализации не исчезли. С конца 1990-х годов и особенно в 2000–2020-е годы уголовный закон постоянно пополнялся новыми составами. Усиливалась охрана экономического оборота, рынка ценных бумаг, налоговой системы, противодействия коррупции, миграционного режима, транспортной и информационной безопасности, антитеррористической сферы, порядка оборота цифровой информации, избирательных и финансовых процедур. Появлялись новые составы, связанные с легализацией преступных доходов, финансированием терроризма, неправомерным доступом к компьютерной информации, созданием вредоносных программ, незаконным оборотом средств платежей, нарушениями в сфере персональных данных и цифровых сервисов.

Эта динамика свидетельствует о том, что современная криминализация всё больше реагирует на риски сложного общества. Если в древнерусский период наиболее опасными были поджог, конокрадство и разбой как угрозы непосредственному выживанию сообщества, то сегодня уголовно наказуемыми становятся деяния, способные нарушить функционирование финансовой, цифровой, инфраструктурной и коммуникационной среды. Исторически изменяется не логика криминализации как таковая, а содержание того социального пространства, которое нуждается в охране.

Вместе с тем постсоветский этап обострил старую проблему пределов уголовного запрета. Рост числа составов преступлений не всегда сопровождается достаточной оценкой их необходимости, соразмерности и способности реально снижать общественную опасность. Порой криминализация используется декларативно — как сигнал обществу о значимости той или иной проблемы. Подобную законодательную практику можно охарактеризовать как символическую криминализацию: уголовный запрет вводится или ужесточается не столько ради эффективного правоприменения, сколько ради политико-коммуникативного эффекта.

Кроме того, современная история показывает, что криминализация может протекать одновременно с декриминализацией или переводом части деяний в разряд административных правонарушений. Это особенно заметно в сфере экономических деликтов, отдельных деяний против собственности, правил предпринимательской деятельности. Тем самым постсоветский этап подтверждает: развитие уголовного закона не

носит линейно репрессивного характера; оно представляет собой борьбу разнонаправленных тенденций — расширения, оптимизации, гуманизации и технологизации.

9. Основные исторические закономерности криминализации деяний в России

Проведённый анализ позволяет выделить несколько устойчивых закономерностей, характеризующих российскую историю криминализации.

Во-первых, криминализация всегда зависела от типа государственности. В периоды укрепления централизованной власти и мобилизационного управления резко возрастала роль преступлений против государства, управления, службы, общественного порядка и идеологической лояльности. Это видно на материале Соборного уложения, петровского законодательства, советских кодексов 1920–1930-х годов и ряда современных тенденций, связанных с расширением состава преступлений против общественной безопасности и основ государственного строя.

Во-вторых, исторически прослеживается смещение центра тяжести уголовно-правовой охраны. Древнерусское право преимущественно реагировало на непосредственный вред человеку, миру общины и имуществу. Московское и имперское законодательство усилило охрану религии, самодержавия, сословного и служебного порядка. Советская эпоха поставила в центр охрану социалистического строя и государственной собственности. Современный этап формально ориентирован на личность, права человека и конституционный строй, но фактически сочетает эту ориентацию с интенсивной охраной сложных публичных систем — финансов, данных, инфраструктуры, публичной коммуникации.

В-третьих, российская история подтверждает, что юридическая техника имеет самостоятельное значение для качества криминализации. Чем более неопределённы критерии преступности, тем выше риск политического и произвольного расширения уголовной репрессии. Раннесоветская апелляция к социальной опасности и аналогии закона — наиболее яркое тому подтверждение. Напротив, кодификация, развитие Общей части, отказ от аналогии, точность диспозиции и связь с принципом вины создают более надёжные пределы уголовного запрета, хотя сами по себе не гарантируют справедливой уголовной политики.

В-четвёртых, исторический опыт показывает цикличность сочетания криминализации и гуманизации. Российское право не развивается по прямой линии от жестокости к мягкости. Более рациональные и современные этапы часто сопровождаются новым расширением уголовного контроля, тогда как после периодов репрессивного перенапряжения наступают попытки декриминализации, смягчения санкций и ограничения усмотрения. Следовательно, уголовная политика подвержена маятниковым колебаниям, а не поступательному прогрессу.

В-пятых, на всех этапах сохраняется соблазн использовать уголовный закон как универсальное средство управления. Когда иные регуляторы — гражданско-правовые, административные, организационные, экономические, образовательные — кажутся недостаточно эффективными, государство стремится ответить на проблему новым составом преступления. Исторически такая логика неоднократно приводила к гиперкриминализации, ослаблению авторитета закона и перегрузке правоприменения.

Из этого следует важный для современности вывод: историческое знание о криминализации ценно не само по себе, а как способ определить критерии допустимого расширения уголовного закона. Уголовный запрет должен вводиться лишь тогда, когда деяние действительно причиняет или создаёт существенную угрозу охраняемым благам, когда иные средства правового воздействия недостаточны, когда состав может быть описан достаточно определённо, а санкция — соразмерно. Иначе история повторяет знакомый сценарий: политически привлекательный запрет оказывается юридически громоздким и социально малоэффективным.

Заключение

История криминализации деяний в России демонстрирует сложное переплетение преемственности и разрывов. От Русской Правды до современного Уголовного кодекса сохраняется базовая функция уголовного закона — охрана наиболее значимых для общества и государства благ путём установления особого запрета, обеспеченного наиболее суровыми мерами принуждения. Однако сами основания этой охраны менялись принципиально. В разные эпохи в центре стояли мир общины, княжеский порядок, самодержавная власть, религия, сословная дисциплина, социалистический строй, права и свободы личности, общественная безопасность, цифровая и финансовая инфраструктура.

Исторический путь показывает, что криминализация в России никогда не была чисто юридической процедурой. Она зависела от структуры власти, экономической модели, религиозных и идеологических установок, степени централизации государства, состояния науки и техники законодательства. Поэтому любая современная дискуссия о введении нового состава преступления должна учитывать не только текущую конъюн-

ктуру, но и исторические риски: неопределённость диспозиций, символическое перенасыщение уголовного закона, подмену отраслевого регулирования уголовно-правовым запретом, политизацию критериев общественной опасности.

Наиболее продуктивным итогом исторического анализа является понимание того, что качество криминализации определяется не количеством запретов и не суровостью санкций, а способностью закона точно выделять действительно общественно опасное поведение и проводить границу между преступным и непреступным в соответствии с принципами правового государства. Российская история убедительно свидетельствует: там, где уголовное право превращается в универсальный язык власти, оно неизбежно выходит за свои разумные пределы. И наоборот, там, где оно соединяет определённость, соразмерность, системность и уважение к ценности личности, криминализация приобретает подлинно правовой характер.

Список литературы:

[1] Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении: учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 2002. 624 с.

[2] Исаев И. А. История государства и права России: учебник. 4-е изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 799 с.

[3] Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1: лекции. СПб., 1902. 815 с.

[4] Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: Норма. 276 с.

[5] Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. 2-е изд. М.: Контракт: ИНФРА-М, 2008. 354 с.

[6] Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Т. 1. М.: Наука, 1994. 815 с.

[7] Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. М.: Юридическая литература, 1984. 430 с.

[8] Русская Правда // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. М.: Юридическая литература, 1984. 430 с.

[9] Псковская судная грамота // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. М.: Юридическая литература, 1984. 430 с.

[10] Судебник 1497 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский. М.: Юридическая литература, 1985. 519 с.

[11] Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский. М.: Юридическая литература, 1985. 519 с.

[12] Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986. 511 с.

[13] Артикул воинский 1715 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986. 152 с.

[14] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / отв. ред. О. И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1988. 898 с.

[15] Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / отв. ред. О. И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1988. 431 с.

[16] Уголовное уложение 1903 г.; Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1: лекции. СПб., 1902. 1122 с.

[17] Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. Постановление НКЮ РСФСР от 12 декабря 1919 г. Москва : Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. С. 70 – 73.

[18] Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении: учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 2002. 624 с.

[19] Уголовный кодекс РСФСР : Утв. ВЦИК 24 мая 1922 г. : С предисл. и алф.-постатейным указателем. - Неофиц. изд. - [Москва] : Аврора, 1922.

[20] Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года ВЦИК. Опубл.: 1926. Источник: «СУ РСФСР», 1926, № 80, ст. 600.

[21] Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик». М. : Юридическая литература. 1965.

[22] Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

[23] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

References:

[1] Criminal Law Course. General Part. Vol. 1: Theory of Crime: Textbook for Universities / ed. by N. F. Kuznetsova, I. M. Tyazhkova. Moscow: Zertsalo-M, 2002. 624 pages.

[2] Isaev, I. A. History of the State and Law of Russia: Textbook. 4th ed. Moscow: Norma: INFRA-M, 2020. 799 pages.

[3] Tagantsev, N. S. Russian Criminal Law. General Part. Vol. 1: Lectures. St. Petersburg, 1902. 815 pages.

[4] Naumov, A. V. Russian Criminal Law. General Part: Lecture Course. Moscow: Norma. 276 pages.

[5] Criminal Law. General Part: Textbook / ed. L. V. Inogamova-Khegay, A. I. Raroga, A. I. Chuchaeva. 2nd ed. Moscow: Contract: INFRA-M, 2008. 354 p.

[6] Tagantsev N. S. Russian Criminal Law: Lectures. General Part. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1994. 815 p.

[7] Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 volumes / edited by O. I. Chistyakov. Vol. 1: Legislation of Ancient Rus' / edited by V. L. Yanin. Moscow: Legal Literature, 1984. 430 p.

[8] Russkaya Pravda // Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 volumes / edited by O. I. Chistyakov. Volume 1: Legislation of Ancient Rus' / ed. V. L. Yanin. Moscow: Legal Literature, 1984. 430 pages.

[9] Pskov Judicial Charter // Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 volumes / ed. O. I. Chistyakov. Volume 1: Legislation of Ancient Rus' / ed. V. L. Yanin. Moscow: Legal Literature, 1984. 430 pages.

[10] Code of Laws of 1497 // Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 volumes / ed. O. I. Chistyakov. Volume 2: Legislation of the Period of Formation and Strengthening of the Russian Centralized State / ed. A. D. Gorsky. Moscow: Legal Literature, 1985. 519 pages.

[11] Sudebnik of 1550 // Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes / edited by O. I. Chistyakov. Volume 2: Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state / edited by A. D. Gorsky. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1985. 519 p.

[12] Sobornoye Ulozheniya of 1649 // Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes / edited by O. I. Chistyakov. Volume 4: Legislation of the period of formation of absolutism / edited by A. G. Mankov. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1986. 511 p.

[13] Military Article of 1715 // Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes / edited by A. G. Mankov. O. I. Chistyakova. Vol. 4: Legislation of the Emergence of Absolutism / ed. A. G. Mankov. Moscow: Legal Literature, 1986. 152 p.

[14] Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845 // Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 volumes / ed. O. I. Chistyakov. Vol. 6: Legislation of the First Half of the 19th Century / ed. O. I. Chistyakov. Moscow: Legal Literature, 1988. 898 p.

[15] Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 volumes / ed. O. I. Chistyakov. Vol. 6: Legislation of the First Half of the 19th Century / ed. O. I. Chistyakov. M.: Yuridicheskaya Literatura, 1988. 431 p.

[16] Criminal Code of 1903; Tagantsev N. S. Russian Criminal Law. General Part. Vol. 1: Lectures. St. Petersburg, 1902. 1122 p.

[17] Guidelines for Criminal Law of the RSFSR. Resolution of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR of December 12, 1919. Moscow: Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR, 1940. pp. 70–73.

[18] Course in Criminal Law. General Part. Vol. 1: Theory of Crime: Textbook for Universities / edited by N. F. Kuznetsova, I. M. Tyazhkova. Moscow: Zertsalo-M, 2002. 624 p.

[19] Criminal Code of the RSFSR: Approved. All-Russian Central Executive Committee, May 24, 1922: With preface and alphabetical index of articles. - Unofficial ed. - [Moscow]: Avrora, 1922.

[20] Criminal Code of the RSFSR, 1926 edition. Criminal Code of the RSFSR, 1926, All-Russian Central Executive Committee. Published: 1926. Source: "SU RSFSR", 1926, No. 80, art. 600.

[21] Law of the USSR of December 25, 1958 "On Approval of the Fundamentals of Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics". Moscow: Legal Literature. 1965.

[22] Law of the RSFSR of October 27, 1960 "On Approval of the Criminal Code of the RSFSR" // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. No. 40. Article 591.

[23] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Article 2954.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-476-479

РОДИТЕЛЕВ Дмитрий Викторович,
слушатель 2 курса, заочной формы обучения,
группы 2ГЗ-2420 Академии управления МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: droditelev@mvd.ru.

ТРАДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию традиций государственного управления Киевской Руси в контексте становления отечественных уголовно-правовых институтов. В работе анализируются особенности формирования публичной власти в IX–XIII вв., соотношение обычного права, княжеской юрисдикции и коллективных форм управления, а также их влияние на развитие механизмов уголовной ответственности и судебной практики. Особое внимание уделяется нормам «Русской Правды» как ключевого источника древнерусского права, отражающего переход от института кровной мести к системе публичных денежных взысканий и утверждение монополии княжеской власти на применение санкций. Рассматриваются историографические подходы дореволюционных, советских и современных исследователей к проблеме эволюции государственного управления и уголовной политики Киевской Руси. Делается вывод о том, что традиции княжеской судебной юрисдикции, развитие института виры, ограниченное применение смертной казни и формирование элементов принципа законности заложили основы дальнейшего развития российской уголовно-правовой системы и публично-правовой модели государственного управления.*

Ключевые слова: *Киевская Русь, государственное управление, уголовное право, Русская Правда, княжеская юрисдикция, вира, публичная власть, историография, древнерусское право, судебная система.*

RODITELEV Dmitry Viktorovich,
2nd-year student, correspondence course,
group 2GZ-2420 of the Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
police lieutenant colonel

TRADITIONS OF STATE ADMINISTRATION IN KIEVAN RUS: THE LEGAL ASPECT

Annotation. *This article examines the traditions of public administration in Kievan Rus' in the context of the development of Russian criminal law institutions. It examines the formation of public authority in the 9th–13th centuries, the relationship between customary law, princely jurisdiction, and collective forms of government, and their influence on the development of criminal liability mechanisms and judicial practice. Particular attention is paid to the norms of the Russkaya Pravda (Russian Truth) as a key source of Old Russian law, reflecting the transition from the institution of blood feud to a system of public monetary penalties and the establishment of the princely monopoly on the application of sanctions. The article examines the historiographic approaches of pre-revolutionary, Soviet, and contemporary researchers to the evolution of public administration and criminal policy in Kievan Rus'. It concludes that the traditions of princely judicial jurisdiction, the development of the institution of vira, the limited use of the death penalty, and the formation of elements of the principle of legality laid the foundations for the further development of the Russian criminal law system and the public law model of public administration.*

Key words: *Kievan Rus, public administration, criminal law, Russian Truth, princely jurisdiction, vira, public authority, historiography, Old Russian law, judicial system.*

Проблематика становления и развития традиций государственного управления в Древнерусском государстве представляет собой важное направление историко-правовых исследований в рамках уголовно-правовой науки. Древнерусское право, развивавшееся в условиях перехода от родоплеменных к феодальным отношениям, играло ключевую роль в регулировании социально-экономических и политических институтов. Становление правовых норм происходило на фоне сложных социальных изменений, роста городских общин и принятия христианства, что существенно повлияло на государственные и правовые институты. Законодательная деятельность великих киевских князей (Владимир Святой и Ярослав Мудрый) стала отражением внутреннего политического и социального развития древнерусского государства.

Важным этапом в развитии законодательства стали нормативные правовые акты — уставы, регулирующие различные аспекты общественной жизни и судебные процессы. Важным источником права также оставались обычаи, которые постепенно трансформировались в юридические нормы. Влияние Византии на формирование правовой системы Киевской Руси проявилось в принятии ряда правовых институтов, которые нашли отражение в первых сборниках законов. Обострение социальных противоречий и кризис внешней торговли в конце X — начале XI вв. стимулировали активное развитие законодательства, направленного на поддержание порядка и укрепление княжеской власти [1].

Анализ механизмов публичной власти Киевской Руси позволяет выявить истоки формирования институтов уголовной ответственности, судебной власти, публичного обвинения и системы наказаний, что имеет существенное значение для понимания генезиса отечественной уголовно-правовой традиции. Особую актуальность приобретает исследование соотношения обычного права, княжеской юрисдикции и коллективных форм управления, существовавших в IX–XIII вв., а также их влияния на становление централизованной модели публичной власти. Источниковую основу исследования составляют положения «Русской Правды» [2], летописные своды, прежде всего «Повесть временных лет» [3], а также труды ведущих дореволюционных и современных историков права.

Государственное управление Киевской Руси формировалось в условиях синтеза родоплеменных традиций и раннефеодальных институтов публичной власти. Верховным носителем власти являлся князь, осуществлявший военную, административную и судебную функции. Вместе с тем управление не носило исключительно монархического характера: существенную роль играли коллективные органы — вече и боярская дума. Подобное сочетание персонализированной и коллегиальной власти создавало особую модель публичного управления, в рамках которой складывались основы уголовной юрисдикции.

Княжеская власть, опираясь на дружину, осуществляла охрану общественного порядка, сбор дани, организацию судебных разбирательств. Судебная функция князя и его представителей — тиунов и посадников — являлась важнейшим элементом государственного управления. Именно в судебной практике формировались принципы индивидуализации ответственности и денежной компенсации вреда, закрепленные в «Русской Правде» [2]. Как отмечал С.В. Юшков, нормы данного памятника отражают переход от кровной мести к системе публичного взыскания штрафов в пользу князя, что свидетельствует о становлении публично-правового начала в регулировании преступлений [4].

Отказ от института кровной мести и его постепенное вытеснение денежными взысканиями («вира») следует рассматривать как важнейшую традицию государственного управления, выражающуюся в монополизации права на применение санкций. Переход к денежным штрафам означал не только гуманизацию наказания, но и утверждение верховной власти князя как гаранта правопорядка. Данная тенденция рассматривается Б.Д. Грековым как проявление укрепления государственной организации и формирования централизованного механизма уголовного преследования [5].

Вечевая традиция, несмотря на ограниченность компетенции, также оказывала влияние на реализацию уголовной политики. Вече могло приглашать и изгонять князей, что свидетельствовало о наличии элементов политической ответственности правителя перед общиной. Однако в сфере уголовного судопроизводства ведущая роль принадлежала княжеской администрации. Это подтверждается анализом летописных свидетельств, в частности «Повести временных лет» [3], где неоднократно упоминаются княжеские суды и сбор штрафов.

Особое значение в традиции государственного управления имела система вир и продаж, предусматривавшая дифференциацию ответственности в зависимости от социального статуса потерпевшего. Такой подход отражал сословную структуру общества, но одновременно способствовал унификации санкций и формированию устойчивых правовых процедур. По мнению О.И. Чистякова, нормы «Русской Правды» свидетельствуют о становлении принципа законности, поскольку наказание определялось заранее установленными правилами, а не произвольным усмотрением власти [6].

Следует отметить, что государственное управление Киевской Руси характеризовалось отсутствием четкого разграничения между административными и судебными функциями. Посадники, волостели и тиуны одновременно исполняли управленческие и судебные полномочия. Такая концентрация функций соответствовала уровню развития государственности и отражала раннефеодальный характер власти. Однако именно в этот период закладывались основы институционального разделения публичных функций, что впоследствии привело к формированию самостоятельных судебных органов.

Важной традицией являлось признание имущественного характера ответственности за большинство правонарушений. Преступление рассматривалось преимущественно как причинение материального вреда, подлежащего компенсации. Смертная казнь применялась ограниченно, что отличало древнерусскую уголовную политику от многих западноевропейских правопорядков раннего Средневековья. Данный факт подчеркивается И.Я. Фрояновым, отмечавшим сравнительно мягкий характер санкций и доминирование компенсационных мер [7].

Проблематика становления и развития традиций государственного управления в Древнерусском государстве представляет собой важное направление историко-правовых исследований в рамках уголовно-правовой науки. Древнерусское право, развивавшееся в условиях перехода от родоплеменных к феодальным отношениям, играло ключевую роль в регулировании социально-экономических и политических институтов. Становление правовых норм происходило на фоне сложных социальных изменений, роста городских общин и принятия христианства, что существенно повлияло на государственные и правовые институты. Законодательная деятельность великих киевских князей (Владимир Святой и Ярослав Мудрый) стала отражением внутреннего политического и социального развития древнерусского государства.

Важным этапом в развитии законодательства стали нормативные правовые акты — уставы, регулирующие различные аспекты общественной жизни и судебные процессы. Важным источником права также оставались обычаи, которые постепенно трансформировались в юридические нормы. Влияние Византии на формирование правовой системы Киевской Руси проявилось в принятии ряда правовых институтов, которые нашли отражение в первых сборниках законов. Обострение социальных противоречий и кризис внешней торговли в конце X — начале XI вв. стимулировали активное развитие законодательства, направленного на поддержание порядка и укрепление княжеской власти [1].

Анализ механизмов публичной власти Киевской Руси позволяет выявить истоки формирования институтов уголовной ответственности, судебной власти, публичного обвинения и системы наказаний, что имеет существенное значение для понимания генезиса отечественной уголовно-правовой традиции. Особую актуальность приобретает исследование соотношения обычного права, княжеской юрисдикции и коллективных форм управления, существовавших в IX–XIII вв., а также их влияния на становление централизованной модели публичной власти. Источниковую основу исследования составляют положения «Русской Правды» [2], летописные своды, прежде всего «Повесть временных лет» [3], а также труды ведущих дореволюционных и современных историков права.

Государственное управление Киевской Руси формировалось в условиях синтеза родоплеменных традиций и раннефеодальных институтов публичной власти. Верховным носителем власти являлся князь, осуществлявший военную, административную и судебную функции. Вместе с тем управление не носило исключительно монархического характера: существенную роль играли коллективные органы — вече и боярская дума. Подобное сочетание персонализированной и коллегиальной власти создавало особую модель публичного управления, в рамках которой складывались основы уголовной юрисдикции.

Княжеская власть, опираясь на дружину, осуществляла охрану общественного порядка, сбор дани, организацию судебных разбирательств. Судебная функция князя и его представителей — тиунов и посадников — являлась важнейшим элементом государственного управления. Именно в судебной практике формировались принципы индивидуализации ответственности и денежной компенсации вреда, закрепленные в «Русской Правде» [2]. Как отмечал С.В. Юшков, нормы данного памятника отражают переход от кровной мести к системе публичного взыскания штрафов в пользу князя, что свидетельствует о становлении публично-правового начала в регулировании преступлений [4].

Отказ от института кровной мести и его постепенное вытеснение денежными взысканиями («вира») следует рассматривать как важнейшую традицию государственного управления, выражающуюся в монополизации права на применение санкций. Переход к денежным штрафам означал не только гуманизацию наказания, но и утверждение верховной власти князя как гаранта правопорядка. Данная тенденция рассматривается Б.Д. Грековым как проявление укрепления государственной организации и формирования централизованного механизма уголовного преследования [5].

Вечевая традиция, несмотря на ограниченность компетенции, также оказывала влияние на реализацию уголовной политики. Вече могло приглашать и изгонять князей, что свидетельствовало о наличии элементов политической ответственности правителя перед общиной. Однако в сфере уголовного судопроизводства ведущая роль принадлежала княжеской администрации. Это подтверждается анализом летописных свидетельств, в частности «Повести временных лет» [3], где неоднократно упоминаются княжеские суды и сбор штрафов.

Особое значение в традиции государственного управления имела система вир и продаж, предусматривавшая дифференциацию ответственности в зависимости от социального статуса потерпевшего. Такой подход отражал сословную структуру общества, но одновременно способствовал унификации санкций и формированию устойчивых правовых процедур. По мнению О.И. Чистякова, нормы «Русской Правды» свидетельствуют о становлении принципа законности, поскольку наказание определялось заранее установленными правилами, а не произвольным усмотрением власти [6].

Следует отметить, что государственное управление Киевской Руси характеризовалось отсутствием четкого разграничения между административными и судебными функциями. Посадники, волостели и тиуны одновременно исполняли управленческие и судебные полномочия. Такая концентрация функций соответствовала уровню развития государственности и отражала раннефеодальный характер власти. Однако именно в этот период закладывались основы институционального разделения публичных функций, что впоследствии привело к формированию самостоятельных судебных органов.

Важной традицией являлось признание имущественного характера ответственности за большинство правонарушений. Преступление рассматривалось преимущественно как причинение материального вреда, подлежащего компенсации. Смертная казнь применялась ограниченно, что отличало древнерусскую уголовную политику от многих западноевропейских правопорядков раннего Средневековья. Данный факт подчеркивается И.Я. Фрояновым, отмечавшим сравнительно мягкий характер санкций и доминирование компенсационных мер [7].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что законодательство Киевской Руси представляло собой развивающуюся правовую систему, в которой органично сочетались правовые обычаи, византийские влияния и внутренние социально-политические процессы. Нормативные предписания выполняли не только регулятивную функцию, но и служили инструментом укрепления княжеской власти и централизации управления. Традиции государственного управления Киевской Руси оказали заметное воздействие на формирование отечественной уголовно-правовой системы. Замена кровной мести публичными штрафами, становление княжеской судебной юрисдикции, развитие института виры и ограниченное применение высшей меры наказания свидетельствуют о постепенной институционализации уголовной ответственности и усилении публично-правовых начал. Указанные процессы предопределили дальнейшее развитие русской государственности и эволюцию уголовного законодательства.

Список литературы:

[1] Працко Г. С. Особенности формирования законодательства Киевской Руси // Вестник экономики и права. 2024. №94.

[2] Русская Правда: Тексты, комментарии / Под ред. Б.Д. Грекова. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.

[3] Повесть временных лет / Под ред. Д.С. Лихачёва. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

[4] Юшков С.В. Русское феодальное право. — М.: Госюриздат, 1950.

[5] Греков Б.Д. Киевская Русь. — М.: Госполитиздат, 1949.

[6] Чистяков О.И. История государства и права России. — М.: Юрист, 1998.

[7] Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.

References:

[1] Pratsko G. S. Features of the formation of legislation of Kievan Rus//Bulletin of Economics and Law. 2024. №94.

[2] Russian Truth: Texts, comments/Ed. B.D. Grekov. - M.; L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1940.

[3] A tale of bygone years/Ed. D.S. Likhacheva. - M.; L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950.

[4] Yushkov S.V. Russian feudal law. - M.: Gosyurizdat, 1950.

[5] Grekov B.D. Kievan Rus. - M.: Gospolitidat, 1949.

[6] O.I. Chistyakov. History of the state and law of Russia. - M.: Lawyer, 1998.

[7] Froyanov I.Ya. Kievan Rus: Essays on socio-political history. - L.: Publishing House of Leningrad State University, 1980.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-480-484

НАЛЁТОВ Михаил Андреевич,
Аспирант Московского университета им. С.Ю. Витте,
e-mail: Naletovmisha@gmail.com

Научный руководитель:
СУСЛОВА Светлана Игоревна,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ВИД (ПРОЗОРА) В ПОЗДНЕРИМСКОМ, ВИЗАНТИЙСКОМ И ДРЕВНЕРУССКОМ ПРАВЕ (VI–XVII ВВ.)

Аннотация. *На основе анализа источников права (Кодекс Юстиниана, византийский Прохирон, Шестикнижие Арменопула, древнерусские Кормчие книги) впервые прослеживается преемственность и развитие норм о защите благоприятного вида. Исследование демонстрирует, что конкретные нормы, впервые закрепленные в Кодексе Юстиниана (C. 8.10.12), были детализированы в византийском праве (введением штрафов и новых объектов защиты) и рецепированы в древнерусское право через «Закон градский».*

Ключевые слова: *право на вид, защита вида, римское право, византийское право, закон градский, древнерусское градостроительство, право прозора, право апопсии, Кормчая книга, Прохирон, Кодекс Юстиниана, Шестикнижие Арменопула.*

NALETOV Mikhail Andreevich,
Graduate student,
Moscow University named after S.Yu. Witte

Scientific Supervisor:
SUSLOVA Svetlana Igorevna

LEGAL REGULATION OF THE RIGHT TO A VIEW (PROSPECT) IN LATE ROMAN, BYZANTINE, AND OLD RUSSIAN LAW (6TH–17TH CENTURIES)

Annotation. *Based on an analysis of legal sources (the Codex of Justinian, the Byzantine Prochiron, the Hexabiblos of Armenopoulos, and Old Russian Kormchaya Books), this study for the first time traces the continuity and development of norms protecting a favorable view (prospect). The research demonstrates that specific norms, first established in the Codex of Justinian (C. 8.10.12), were elaborated in Byzantine law (through the introduction of fines and new protected objects) and were received into Old Russian law via the "Zakon Gradskiy" (City Law).*

Key words: *right to a view, protection of a view/prospect, Roman law, Byzantine law, Zakon Gradskiy (City Law), Old Russian urban planning, right to a view (prozor), right of apopsia, Kormchaya Book, Prochiron, Codex of Justinian, Hexabiblos of Armenopoulos.*

Введение

Настоящее исследование направлено на изучение исторического развития норм о защите благоприятного вида - от их возникновения в римском праве в форме сервитута до рецепции и применения в праве Византийской империи и Киевской Руси.

В работе проанализированы ключевые источники права: Кодекс Юстиниана (529 г.), Прохирон (879 г.), Шестикнижие Арменопула (1344–1345 гг.) и Кормчая книга (1653 г.).

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца V века до 1763 года, когда древние нормы были окончательно отменены в

Российской империи. Таким образом, впервые прослеживается полный путь нормы о праве на вид от её законодательного закрепления в V веке до практического применения в русских городах XVII века.

Право на вид в Кодексе Юстиниана I (VI век)

Изданный в 534 г. н. э., Кодекс Юстиниана I объединяет императорские конституции начиная с Адриана до Юстиниана [11].

Нормативное закрепление права на вид содержится в параграфе 8.10.12 Кодекса Юстиниана I [8]. Из заглавия параграфа следует, что нормы взяты из Конституции императора Зенона, адресованной префекту города Адамантий, потому эти нормы могли быть рождены несколько раньше.

Содержащееся в параграфе 8.10.12 Кодекса регулирование представляет собой важное значение, поскольку в нем впервые, исходя из проанализированных источников, нормативно закрепляется правило о защите вида. При этом важна именно нормативность такого закрепления.

Интересующий нас параграф Кодекса 8.10.12 представлен на греческом языке (а не на латинском – языке законов), очевидно, с практической целью – чтобы лица, которым адресован закон, не имели никаких посредников в его восприятии. Это указывает на особое значение, придаваемое императором данным нормам.

Кодекс приводит конкретные расстояния, обеспечивающие защиту вида. Так, застройщики должны были соблюдать расстояние в 12 футов (около 3 метров) зазора между домами (не только от фундамента, но и горизонтально вверх). Защита предоставлялась только от строений, но не от растительности.

Отдельно выделяется защита, по-видимому, наиболее эстетически важного объекта - вида на море. Для обеспечения защиты данного вида застройщикам необходимо было обеспечивать расстояние между строениями в 100 фунтов (около 30 метров). При этом защищался не всякий вид на море, а только прямой вид с участка, и только из основных помещений. Вид на море из вспомогательных помещений, таких как лестницы и проходы не обеспечивался защитой.

Интересно, что защита предоставлялась таким образом, чтобы владелец участка мог пользоваться видом, не прибегая к неестественному положению тела (без наклонов и приседаний).

Важным является указание на право преодолеть нормативные ограничения путем заключения соглашения между соседями. Это положение указывает на диспозитивность нормативного регулирования в праве на вид, а также позволяет предполагать о том, что контроль за сохранением вида осуществлялся в инициативном порядке владельцами вида, которые в случае нарушения нормативных установлений имели возможность подать иск.

Право на вид в «Прохироне» (IX век)

Нормы кодекса Юстиниана I о праве на вид были в значительной степени восприняты в следующем исследуемом источнике права – Прохироне [14].

Согласно господствующей в литературе позиции [10], Прохирон был подготовлен между 870 – 879 г. н. э. по инициативе императоров-соправителей - Василия I Македонянина, Константина Македонянина и Льва VI Мудрого. При этом изначально Прохирон представлял собой не сборник законов, а практическое руководство для судей [9].

Собранные в титуле 38 нормы Прохирона, аналогично Кодексу Юстиниана I, провозглашали защиту вида, которое обозначено как право «прозора». В 12 параграфе 38 титула Прохирона приводится общее правило, согласно которому высота строений не должна препятствовать виду и свету, а в параграфе 8 содержится указание на защиту вида на море от строений, расположенных ближе 100 футов (около 30 метров).

При этом Прохирон содержал и новые положения, которых не было в Кодексе Юстиниана I. Так, отдельно оговорен запрет на строительство стен высотой 15 пядей (около 4,5 метра) без согласия владельца соседнего участка. Также было признано, что сервитут вида может быть установлен по соглашению или по давности.

Новым положением по сравнению с Кодексом Юстиниана I также является введение штрафа за заграждение вида и света в размере 20 номисм. Номисма или солид – основная монета византийской империи [15].

Следовательно, Прохирон углубил нормы Кодекса Юстиниана I с целью борьбы со злоупотреблением права, а также ввел дополнительную ответственность за нарушение вида соседей в 20 номизм (солидов).

Права на вид в Кормчей книге (XIII–XVII вв.)

В славяно-русской юриспруденции Прохирон известен под именем «Закон градский» и входил в состав Кормчих книг XIII–XVII вв. [1]. Развитие права на Руси во многом было предопределено влиянием кормчих книг, выступивших его центральным источником [2].

Кормчая книга впервые издана патриархом Руси Иосифом в 1650 г. и после его смерти дополнена и издана патриархом Никоном в 1653 г. В ее основу была положена Кормчая книга Ростовской фамилии 1274 г [5].

Интересно, что согласно Г.В. Алферовой, Закон градский нашел на Руси широкое применение и использовался в строительной практике в период с 13 по 18 век, вплоть до Указа от 25 июля (5 августа) 1763 года императрицы Екатерины II «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов, по каждой губернии особо», положивший начало градостроительной реформе в Российской империи. [3] Обширное использование Кормчих книг и Закона градского подтверждается и иными историками [13].

Раздел (грань) 38 Закона градского содержал нормы о юридических правах и обязанностях, связанных с владением и пользованием недвижимым имуществом [7], которые также включали положения о защите права на вид (права прозоры).

В Законе Градском имеется отдельная норма о необходимости защиты вида на природу и море. Сохранившееся указание на защиту вида на море, полагаем, указывает на буквальный перевод теста Прохирона. Г.В. Алферова связывает это со стремлением к повторению градостроительного опыта Константинополя, который представлялся как некий идеальный город (Царьград) [3]. Кроме того, появляется новый объект защиты – виды на природу.

Также Закон градский указывал на необходимость соблюдать расстояние между домами в 12 фунтов (около 3 метров) с целью обеспечить защиту вида. Кроме того, имелась общая норма о запрете на строительство во вред соседям, при выявлении которого «его принудят сохранить в прежнем виде и внешний облик, и распорядок старого двора». [4]

Можно сделать вывод, что «видовые» нормы Кормчей книги унаследовали принципы и некоторые требования о расстоянии между домами от Прохирона и Кодекса Юстинана I.

Право на вид в Шестикнижии Арменопула (XIV век)

В развитии права на вид важной вехой является трактат Юлиана Аскалонита «О законах или обычаях Палестины». Составленный в 5 веке, трактат вошел в Шестикнижие Арменопула (1344—1345), которое являлось действующим законодательством в поздней Византии, Молдавии, Валахии, Грузии [12]. Разница во времени составления трактата Юлиана и Шестикнижием составляет почти 9 веков, что указывает на высокую правовую культуру и наличие потребности в защите права на вид, именуемого апопсией [6].

Этот трактат указывает, что существует три разновидности апопсии – это вид на море, вид на сады и на общественные пространства. При этом защита в пределах ста шагов предоставлялась также и виду на горы. Следовательно трактат вводит новые виды защищаемых объектов – вид на горы, сады и общественные пространства.

Трактат конкретизирует требования к защищаемому виду. Защите подлежали не любые виды на любом расстоянии, а только прямые виды. Так, согласно трактату в отношении моря защищать следует только прямые виды из города или села на гавань, залив, стоянку кораблей.

Вид на сады и общественные памятники защищался от нарушения на расстоянии 60 шагов. При этом в тексте имеется интересная отсылка: наблюдатель, претендующий на защиту вида на памятник, должен быть сведущ в его значении. В противном случае вид на памятник Ахилла или Аякса не приносит ему пользы, а значит, и не подлежит защите. То есть право на вид перестает быть исключительно вещным правом, поскольку ставится в зависимость от личности субъекта права.

Следовательно, трактат дифференцирует расстояние защиты в зависимости от объекта: вид на море и горы защищается в пределах 100 шагов, а вид на сады и общественные пространства в пределах 60 шагов.

Также, согласно трактату при нарушении права на вид можно было наложить запрет на строительство.

Выводы:

По итогам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Право на вид впервые получило нормативную защиту в Конституции императора Зенона к префекту города Адамантию, положения которой включены в Кодекс Юстинина I (C. 8.10.12). Защита вида классифицирована в зависимости от объекта:
– обычный вид защищался путем установления расстояния между строениями в 12 футов (около 3,6 м);
– вид на море защищался путем установления расстояния между строениями в 100 футов (около 30 м). При этом для получения защиты вид должен был быть прямым.

Нормы о защите вида предусматривали не только положения объектов вокруг строения, но и усилия субъекта обзора. Так, не допускалось посягающее на вид строительство, если для восприятия вида человеку нужно было принимать неестественное положение тела (приседать, наклоняться).

2. Прохирон (879 г.) углубил защиту как права на вид (право прозора), предупредив возможные злоупотребления правом, а также установив штраф за нарушение права в размере 20 номизм.
3. Нормы о защите вида (право прозора) в «Закон градский», включенный в Кормчую

книгу. Право «прозора» действовало на Руси в период с XIII по XVII вв.

4. В поздней Византии в «Шестикнижии» Арменопула (XIV в.) право на вид именовалось правом апопсии. Произошло расширение и систематизация объектов защиты:

– вид на море и горы защищался на расстоянии 100 футов (около 30 м);
– вид на сады и общественные пространства защищался на расстоянии 60 футов (около 20 метров);

Также впервые сформулировано требование к субъекту права: смотрящий должен быть осведомлен о высоком историческом значении объекта вида (для вида на общественные пространства).

Список литературы:

[1] Азаревич Д.И. История византийского права : в 2 ч. / Д.И. Азаревич. — Ярославль : Тип. Г. В. Фалька, 1876–1877. — 2 ч.

[2] Алексеев К. О. Кормчие книги и рецепция византийского права в Древней Руси / К.О. Алексеев // Вопросы студенческой науки. 2021. № 5 (57). С. 164–167.

[3] Алферова Г.В. Русские города XVI–XVII веков / Г.В. Алферова. — Москва : Стройиздат, 1989. — 131 с.

[4] Алферова Г. В. «Кормчая книга» как ценнейший источник древнерусского градостроительного законодательства: ее влияние на художественный облик и планировку русских городов / Г.В. Алферова. // Византийский временник. 1973. Т. 35. С. 195 – 220.

[5] Белякова Е. В. К вопросу о первом издании Кормчей книги / Е. В. Белякова // Вестник церковной истории. – 2006. – № 1. – С. 131 – 150. – ISSN 1818-6858.

[6] Византийский словарь : в 2 т. / [С. Ю. Акишин и др.] ; составитель и общий редактор К. А. Филатов. — Санкт-Петербург : Амфора, 2011. Т. 1 : А–Л. — 572 с. Т. 2 : М–Я. — 590 с.

[7] Гемпик Е. А. Нормативное правовое регулирование градостроительной деятельности в XVII в.: историко-правовой аспект / Е. А. Гемпик // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 32–39. – DOI: 10.25513/1990-5173.2019.16(3).32-39.

[8] Кодекс Юстиниана (Corpus Iuris Civilis) [Электронный ресурс] : немецкий перевод / пер. Dr. phil. Rudolf Haller ; изд. Opera-Platonis. – 2012–2018. – URL: http://www.opera-platonis.de/Codex.html (дата обращения: 24.01.2026).

[9] Покровский И. А. История римского права / И. А. Покровский. – Москва: Статут: Консультант плюс, 2004. – 538 с. – (Классика российской цивилистики / Кафедра гражданского права Юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова). – URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/25/page_30.html (дата обращения: 24.01.2026).

[10] Прохирон // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – Электрон. дан. – Москва, 2024. – Т. 58. – С. 486-489. – URL: https://www.pravenc.ru/text/2661068.html (дата обращения: 10.01.2026).

[11] Римское частное право : учебник / Дождев Д. В., Нерсесянц В. С. ; под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 1996. – 704с.

[12] Сюзюмов М.Я. О трактате Юлиана Аскалонита / М.Я. Сюзюмов // Византийские этюды. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2002. – С. 38–54. – URL: http://myriobiblion.byzantion.ru/askalon1.htm (дата обращения: 24.01.2026).

[13] Флоря Б. Н. Призвание Рюрика и основание Новгорода / Б.Н. Флоря // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2012. № 5. С. 3–9.

[14] Цибранска-Костова, М. Прохирон / Закон градски (Юридическото наследство на православното славянство) [Электронный текст] / М. Цибранска-Костова. – София : Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“, Българска академия на науките ; Издателство „Валентин Траянов“, 2021. – 1 файл (42 с.). – URL: https://www.academia.edu/45069521 (дата обращения: 10.01.2026).

[15] Шувалов, П. В. СОЛИД / П. В. Шувалов // Большая российская энциклопедия. Электронная версия. – 2017. – URL: https://old.bigenc.ru/archeology/text/3634034?ysclid=mks8aa34dd914648887 (дата обращения: 24.01.2026).

References:

[1] Azarevich D.I. History of Byzantine law: in 2 hours/D.I. Azarevich. - Yaroslavl: Type. G.V. Falka, 1876-1877. - 2 h.

[2] Alekseev K.O. Feeding books and the reception of Byzantine law in Ancient Russia/K.O. Alekseev//Questions of student science. 2021. № 5 (57). S. 164-167.

[3] Alferova G.V. Russian cities of the XVI-XVII centuries/G.V. Alferova. - Moscow: Stroyizdat, 1989. - 131 s.

[4] Alferova G.V. “Fodder Book” as the most valuable source of ancient Russian urban planning legislation: its influence on the artistic appearance and layout of Russian cities/G.V. Alferova .//Byzantine temporary. 1973. VOL. 35. S. 195-220.

[5] Belyakova E.V. On the question of the first edition of Kormchy’s book/E.V. Belyakova//Bulletin of Church History. – 2006. – № 1. - S. 131-150. – ISSN 1818-6858.

[6] Byzantine dictionary: in 2 volumes/[S. Yu. Akishin et al.]; compiled and general editor K. A. Filatov. - St. Petersburg: Amphora, 2011. T. 1: A-L. - 572 p. T. 2: M-Ya. - 590 s.

[7] Gempik E. A. Normative legal regulation of urban planning in the 17th century: historical and legal aspect/E. A. Gempik//Bulletin of Omsk University. "Right" series. – 2019. - T. 16, NO. 3. - S. 32-39. – DOI: 10.25513/1990-5173.2019.16(3).32-39.

[8] Corpus Iuris Civilis [Electronic Resource]: German translation/trans. Dr. phil. Rudolf Haller ; ed. Opera-Platonis. – 2012–2018. - URL: http://www.opera-platonis.de/Codex.html (access date: 24.01.2026).

[9] Pokrovsky I.A. History of Roman Law/I.A. Pokrovsky. - Moscow: Statute: Consultant plus, 2004. - 538 p. - (Classics of Russian Civil Studies/ Department of Civil Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University). - URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/25/page_30.html (access date: 24.01.2026).

[10] Prokhiron//Orthodox Encyclopedia/ed. Patriarch of Moscow and All Russia Kirill. - Electron. dan. - Moscow, 2024. - T. 58. - S. 486-489. - URL: https://www.pravenc.ru/text/2661068.html (access date: 10.01.2026).

[11] Roman private law: textbook/Dozhdev D.V., Nersesyants V.S.; under the general. ed. V. S. Nersesyants. - Moscow: Norma: INFRA-M, 1996. - 704s.

[12] Suzyumov M.Ya. On the treatise of Julian Askalonit/M.Ya. Suzyumov//Byzantine studies. - Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2002. - S. 38-54. - URL: http://myriobiblion.byzantion.ru/askalon1.htm (access date: 24.01.2026).

[13] Florya B.N. The vocation of Rurik and the foundation of Novgorod/B.N. Florya//Bulletin of Moscow University. Series 8: History. 2012. № 5. S. 3-9.

[14] Tsibranska-Kostova, M. Prokhiron/Law of Gradsky (Juridical Inheritance to Orthodox Slavism) [Electronic Text]/M. Tsibranska-Kostova. - Sofia: Institute for Bulgarian Ezik "Prof. Lyubomir Andreichin," Bulgarian Academy on Science; Publishing house "Valentin Trayanov," 2021. - 1 file (42 s.). - URL: https://www.academia.edu/45069521 (access date: 10.01.2026).

[15] Shuvalov, P.V. SOLID/P.V. Shuvalov//Great Russian Encyclopedia. Electronic version. – 2017. - URL: https://old.bigenc.ru/archeology/text/3634034?ysclid=mks8aa34dd914648887 (access date: 24.01.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-485-488

СЕЙТАСАНОВ Арсен Сейтбекирович,
слушатель 2 курса,
заочной формы обучения, группы 2ГЗ-2419
Академии управления МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru

ЛИЧНОСТЬ ЕКАТЕРИНЫ II КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ РЕФОРМ: ЧАСТНОПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. *Статья посвящена анализу личности Екатерины II как значимого фактора развития государственно-правовых реформ во второй половине XVIII века в контексте частноправовой (цивилистической) проблематики. Цель исследования заключается в выявлении взаимосвязи между мировоззренческими установками императрицы, уровнем ее правосознания и направленностью преобразований в сфере имущественных, сословных и судебных отношений. На основе историографических источников и анализа нормативных актов показано, что идеи Просвещения, воспринятые Екатериной II, были адаптированы к российским социально-экономическим условиям и способствовали укреплению принципов рациональности, законности и системности правового регулирования. Обосновывается вывод о том, что личностный фактор в условиях самодержавной монархии оказал существенное влияние на эволюцию частноправовых институтов, институционализацию сословного самоуправления и повышение роли закона в регулировании имущественных отношений.*

Ключевые слова: *Екатерина II; частное право; цивилистика; правовые реформы XVIII века; просвещенный абсолютизм; правовая система Российской империи; сословное самоуправление; кодификация законодательства; правовая культура; самодержавие*.

SEYTASANOV Arsen,
second-year student, correspondence course,
group 2GZ-2419, Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
police lieutenant colonel

THE PERSONALITY OF CATHERINE II AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF STATE AND LEGAL REFORMS: THE PRIVATE LAW ASPECT

Annotation. *The article analyzes the personality of Catherine II as a significant factor in the development of state and legal reforms in the second half of the eighteenth century within the framework of private law studies. The purpose of the research is to identify the relationship between the Empress's worldview, her level of legal consciousness, and the direction of reforms in the sphere of property, estate, and judicial relations. Based on historiographical sources and the analysis of normative legal acts, the study demonstrates that the Enlightenment ideas adopted by Catherine II were adapted to Russian socio-economic conditions and contributed to strengthening the principles of rationality, legality, and systematic regulation. It is argued that, under the conditions of an autocratic monarchy, the personal factor significantly influenced the evolution of private law institutions, the institutionalization of estate self-government, and the enhancement of the role of law in regulating property relations.*

Key words: *Catherine II; private law; civil law studies; legal reforms of the 18th century; enlightened absolutism; legal system of the Russian Empire; estate self-government; codification of legislation; legal culture; autocracy.*

Правление Екатерины II занимает особое место в истории российского государства и права, поскольку именно в этот период были предприняты масштабные преобразования, оказавшие существенное влияние на эволюцию правовой системы Российской империи. Личность императрицы, особенности ее мировоззрения, уровень правосознания и политико-правовой культуры во многом предопределили содержание и направленность проводимых реформ, поэтому особый интерес представляет анализ влияния личностных качеств Екатерины II на формирование и развитие институтов частного права, включая регулирование имущественных отношений, статус сословий, развитие корпоративных форм самоорганизации и судебную реформу.

Актуальность темы обусловлена необходимостью комплексного осмысления взаимосвязи между субъективным фактором — личностью монарха — и объективными процессами развития правовой системы. Как справедливо отмечается в историографии, оценка жизни и деятельности Екатерины II сопряжена с рядом методологических трудностей и противоречий [1]. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть личность императрицы не только в культурно-историческом, но и в правовом измерении, выявив, каким образом ее интеллектуальные установки и ценностные ориентиры повлияли на институциональные изменения в сфере частного права. Она характеризуется как одна из величайших правительниц российского престола. Ее путь от прусской принцессы до российской императрицы изучали многие ученые, историки, удивляясь характеру и темпераменту хрупкой женщины. До принятия православия и помолвки с Петром III ее звали София Августа Фредерика. В юности будущая российская правительница получила отличное домашнее образование, но должной женственностью не отличалась, ее всегда привлекали игры с мальчишками, но, несмотря на это она была воспитана и трудолюбива. Роль Екатерины в судьбе Российской империи является одной из ключевых [2].

После заключения брака с Петром III и принятия православия будущая императрица получила имя Екатерины Алексеевны. В шестнадцатилетнем возрасте она стала супругой наследника российского престола, их семейная жизнь не была гармоничной, однако именно этот союз впоследствии дал России одну из наиболее значимых правительниц XVIII века. С первых лет пребывания в стране Екатерина проявляла искренний интерес к русской культуре: усердно изучала язык, осваивала придворный этикет, знакомилась с традициями и особенностями российского быта, стремясь органично войти в новую для нее среду. После смерти в 1762 году императрицы Елизаветы Петровны престол перешел к Петру III. Однако его краткое правление вызвало широкий общественный резонанс. Воспитанный при немецком дворе и ориентированный на прусские интересы, император не пользовался поддержкой значительной части российского общества. Изданные им многочисленные указы, а также внешнеполитические решения, включая возвращение Пруссии территорий, завоеванных в ходе Семилетней войны, усилили недовольство в среде дворянства и гвардии [2]. Осознавая нарастающий кризис и опираясь на поддержку гвардейских полков, Екатерина Алексеевна в июне 1762 года приняла участие в дворцовом перевороте. 28 июня она была провозглашена императрицей, а 6 июля опубликован манифест о ее воцарении. В тот же день скончался Петр III; обстоятельства его смерти до настоящего времени остаются предметом дискуссий в исторической науке.

Исследователи подчеркивают, что для понимания характера реформ Екатерины II особое значение имеют нормативные правовые акты, а также эпистолярные источники, позволяющие реконструировать ее взгляды на природу власти и права [5]. В частной переписке императрица нередко формулировала свои представления о справедливости, законности и необходимости систематизации законодательства, поскольку именно в этих текстах прослеживается стремление к рационализации правового регулирования, к приданию правопорядку логической стройности и внутренней согласованности.

Психобиографические исследования характеризуют Екатерину II как личность, обладавшую сочетанием сдержанности, решительности и высокой работоспособности [9], поскольку указанные качества имели непосредственное значение для осуществления правовых преобразований, требовали системной и последовательной деятельности по разработке и внедрению нормативных актов. Формирование у императрицы убеждения в том, что правитель должен соответствовать масштабу государства своими деловыми и интеллектуальными качествами, во многом восходит к реформаторской традиции Петра I [3]. В этом контексте образ «царя-труженика», служащего общему благу, был воспринят и переосмыслен Екатериной II применительно к задачам второй половины XVIII века.

Особое значение для развития частного права имело восприятие Екатериной II идей европейского Просвещения. По мнению исследователей, к моменту восшествия на престол она была хорошо знакома с трудами ведущих философов своего времени, что оказало влияние на ее миро-

воззрение [3]. Вместе с тем императрица не стремилась к механическому переносу западных теорий на российскую почву, осознавая специфику отечественного социально-экономического уклада [3]. Такой подход предопределил постепенный и эволюционный характер реформ в сфере имущественных и сословных отношений.

Важнейшим направлением преобразований стало укрепление правового статуса дворянства и городских сословий, что выразилось в предоставлении им определенных корпоративных прав и гарантий. В историографии подчеркивается, что преобразования Екатерины II в области государства и права носили системный характер и способствовали институционализации сословного самоуправления [2]. Формирование органов дворянского и городского самоуправления, закрепление имущественных прав, развитие судебных процедур — все это свидетельствует о стремлении императрицы к созданию более упорядоченной системы частноправового регулирования.

Рационализм и практицизм, свойственные Екатерине II как представителю «человека Нового времени» [3], нашли отражение в попытке кодификации законодательства и упорядочения судебной практики. В рамках Уложенной комиссии была предпринята попытка систематизации действующих норм, что свидетельствовало о понимании необходимости правовой определенности и предсказуемости регулирования частных отношений. Хотя данный проект не завершился созданием нового Уложения, сама инициатива стала важным этапом в развитии отечественной правовой мысли.

Следует отметить, что легитимация власти Екатерины II сопровождалась формированием образа «Матери Отечества», заботящейся о подданных [8]. Данная идеологическая конструкция имела не только политическое, но и правовое значение, поскольку предполагала обязанность монарха обеспечивать защиту прав и интересов различных социальных групп. В условиях отсутствия конституционных ограничений самодержавной власти именно личностные установки правителя во многом определяли степень гарантированности имущественных и личных прав подданных.

По свидетельствам современников, Екатерина II отличалась развитым интеллектом, умением подбирать талантливых государственных деятелей и стремлением к самообразованию [9]. Эти качества способствовали формированию профессионального управленческого аппарата, что, в свою очередь, обеспечивало более квалифицированную подготовку нормативных актов. Взгляд британского дипломата Дж. Гарриса на системность и последовательность управления в первые годы ее царствования подтверждает наличие продуманной стратегии реформирования [4].

В контексте частноправовой науки особого внимания заслуживает проблема соотношения публичной и частной автономии в екатерининскую эпоху. С одной стороны, самодержавный характер власти предполагал доминирование публично-правового начала. С другой — проводимые реформы способствовали расширению сферы частной инициативы, укреплению имущественных прав, развитию корпоративных форм организации. Тем самым создавались предпосылки для постепенного формирования элементов гражданского общества в рамках сословной структуры.

Историографическая традиция обоснованно указывает на то, что Екатерина II выступила своеобразным медиатором между западноевропейской просветительской доктриной и спецификой российской социально-правовой реальности [6]. В плоскости частного права данная посредническая функция выразилась в последовательной адаптации принципов рациональности, юридической определенности, формальной законности и системности нормативного регулирования к условиям крепостнической экономики и жесткой сословной стратификации общества. В связи с чем, несмотря на объективные ограничения, связанные с сохранением самодержавной формы правления и зависимого положения значительной части населения, проведенные преобразования способствовали укреплению правовой культуры, повышению авторитета закона и усилению нормативного начала в регулировании имущественных и корпоративных отношений, тем самым был заложен фундамент для дальнейшего развития частноправовых институтов в XIX столетии.

Следовательно, личность Екатерины II может быть обоснованно признана значимым фактором эволюции российского частного права во второй половине XVIII века, ее мировоззрение, сформированное под влиянием идей Просвещения и европейской правовой мысли, сочеталось с прагматическим осмыслением национальных особенностей государственного и социального устройства. Именно синтез теоретической подготовленности и политико-правового реализма позволил реализовать комплекс мер, направленных на укрепление правового статуса дворянства и городских сословий, развитие элементов судебной системы, институционализацию сословного самоуправления и упорядочение законодательства. Как подчеркивается в современных исследованиях, эпоха ее правления стала одним из ключевых этапов становления отечественной государственно-правовой традиции [7].

Таким образом, Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что субъективный фактор в условиях самодержавной монархии приобретал особую значимость, поскольку именно от уровня правосознания и правопонимания монарха зависела направленность правовой политики. Как отмечает В.В. Шанько, в современной теории права обоснованно подчеркивается, что правопонимание представляет собой не только совокупность знаний о праве, но и систему ценностных установок, влияющих на правотворческую и правоприменительную деятельность [10]. В этом контексте мировоззренческие ориентиры Екатерины II, сформированные под влиянием идей Просвещения, оказали прямое воздействие на характер проводимых преобразований. И как вывод, адаптация западноевропейских правовых концепций к российской действительности не сводилась к их механическому заимствованию; напротив, она предполагала селективное восприятие и трансформацию соответствующих идей с учетом экономических, культурных и институциональных особенностей империи, даже несмотря на сохранение сословных ограничений и крепостнических порядков, преобразования второй половины XVIII века стали важным этапом усложнения и структурирования правовой системы, способствовали формированию более четких механизмов правовой защиты имущественных интересов и укреплению нормативной основы гражданского оборота. Поэтому в этом контексте личность Екатерины II может рассматриваться как один из ключевых детерминантов становления российской цивилистической традиции и постепенного перехода к более системной модели частноправового регулирования.

Список литературы:

[1] Егорова М.В., Коршунова Н.В., Егорова Е.Ю. Взаимоотношения императрицы Екатерины II и французских просветителей: оценки советских историков // Общество: философия, история, культура. 2022. № 10. С. 119–127.

[2] Жуланов А.В., Канкулов А.Х. Царствование Екатерины II, ее преобразования в области государства и права // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 5. С. 58–63.

[3] Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 1999. 575 с.

[4] Лабутина Т.Л. Екатерина II и ее двор глазами британского дипломата Джеймса Гарриса // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 3. С. 11–27.

[5] Мартьянова А.Ю. Личность Екатерины II в трудах современников // Международный научный журнал «Вестник науки». 2023. № 7(64). Т. 3. С. 179–183.

[6] Семина В.С., Крыкова И.В. Великие просветительницы в культурном пространстве России XVIII века (Екатерина II и Екатерина Дашкова) // Аналитика культурологии. 2007. № 2 (8). С. 206–212.

[7] Тимофеева Д.Б., Шатилов С.Ф. Екатерина II: штрихи к историческому портрету // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2025. № 1 (53). С. 116–122.

[8] Фаизова И.В. Утверждение на российском престоле Екатерины II и пиар-кампания 1762–1763 гг. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». С. 6–21.

[9] Финагина Т.С. Екатерина II: психобиографический портрет // Ratio et Natura. 2020. № 1. С. 24.

[10] Шанько, В. В. Понятийные и методологические подходы к проблемам современного правопонимания / В. В. Шанько, Е. Г. Светличный // Философия права. – 2021. – № 3(98). – С. 64-67.

References:

[1] Egorova M.V., Korshunova N.V., Egorova E.Yu. Relationship between Empress Catherine II and French enlighteners: assessments of Soviet historians//Society: philosophy, history, culture. 2022. № 10. S. 119-127.

[2] Zhulanov A.V., Kankulov A.Kh. The reign of Catherine II, her transformations in the field of state and law//Gaps in Russian legislation. 2020. T. 13. № 5. S. 58-63.

[3] Kamensky A.B. From Peter I to Paul I. Reforms in Russia of the XVIII century: the experience of holistic analysis. M.: RSUH, 1999. 575 p.

[4] Labutina T.L. Catherine II and her court through the eyes of British diplomat James Harris// LOCUS: people, society, cultures, meanings. 2019. № 3. S. 11-27.

[5] Martyanova A.Yu. The personality of Catherine II in the works of contemporaries//International scientific journal “Bulletin of Science.” 2023. № 7(64). VOL. 3. S. 179-183.

[6] Semina V.S., Krykova I.V. Great enlighteners in the cultural space of Russia of the XVIII century (Catherine II and Ekaterina Dashkova)//Analytics of cultural studies. 2007. № 2 (8). S. 206-212.

[7] Timofeeva DB, Shatilov S.F. Catherine II: touches on the historical portrait//Modern problems of the humanities and social sciences. 2025. № 1 (53). S. 116-122.

[8] Faizova I.V. Approval on the Russian throne of Catherine II and PR campaign of 1762-1763//Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. “Historical Sciences” series. S. 6-21.

[9] Finagina T.S. Catherine II: psychobiographic portrait//Ratio et Natura. 2020. № 1. P. 24.

[10] Shanko, V.V. Conceptual and methodological approaches to the problems of modern legal understanding/V.V. Shanko, E.G. Svetlichny//Philosophy of Law. – 2021. – № 3(98). - S. 64-67.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-489-494

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
ORCID -0000-0001-5668-615X,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РОССИИ

Аннотация. *В статье исследуется эволюция правового регулирования института смертной казни в России от древнерусских правовых памятников до современного конституционно-правового режима. Показывается, что смертная казнь в отечественной истории никогда не была лишь разновидностью наказания: на разных этапах она выступала также символом верховной власти, инструментом охраны государственного строя, средством устрашения, а в кризисные периоды — механизмом чрезвычайной репрессии. Прослеживается переход от ограниченного и казуистического упоминания высшей меры в раннесредневековых источниках к широкому применению в законодательстве Московского государства, затем — к кодифицированному регулированию в имперский период, его политизации в советскую эпоху и последующему нормативному сужению в постсоветской России. Особое внимание уделяется соотношению уголовно-правовых и конституционных начал: статье 20 Конституции Российской Федерации, статье 59 Уголовного кодекса Российской Федерации, постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П и Определению от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р. Делается вывод, что история смертной казни в России отражает общую траекторию отечественного уголовного права: от сословно-полицейской и чрезвычайной репрессивности к модели, в которой приоритет получает право на жизнь и конституционные гарантии личности.*

Ключевые слова: *смертная казнь, история уголовного права России, Русская Правда, Соборное уложение 1649 года, Артикул воинский, Уложение о наказаниях 1845 года, советское уголовное право, Конституционный Суд РФ, мораторий, право на жизнь.*

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,
senior researcher of the PKU,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

HISTORICAL LEGAL REGULATION OF THE DEATH PENALTY IN RUSSIA

Annotation. *This article examines the evolution of legal regulation of the death penalty in Russia, from ancient Russian legal documents to the modern constitutional and legal regime. It demonstrates that the death penalty in Russian history has never been merely a form of punishment: at various stages, it has also served as a symbol of supreme power, an instrument for protecting the state system, a means of intimidation, and, in times of crisis, as a mechanism of extreme repression. The article traces the transition from limited and casuistic references to capital punishment in early medieval sources to its widespread use in the legislation of the Muscovite state, then to codified regulation in the imperial period, its politicization in the Soviet era, and subsequent regulatory narrowing in post-Soviet Russia. Particular attention is paid to the relationship between criminal law and constitutional principles: Article 20 of the Constitution of the Russian Federation, Article 59 of the Criminal Code of the Russian Federation, Resolution No. 3-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 2, 1999, and Determination No. 1344-O-R of November 19, 2009. It is concluded that the history of the death penalty in Russia reflects the general trajectory of domestic criminal law: from a class-based, police-based, and extremely repressive model to a model that prioritizes the right to life and constitutional guarantees of the individual.*

Key words: *death penalty, history of Russian criminal law, Russkaya Pravda, Sobornoye Ulozhenie of 1649, Military Article, Penal Code of 1845, Soviet criminal law, Constitutional Court of the Russian Federation, moratorium, right to life.*

Введение

Институт смертной казни занимает в истории российского права особое место, поскольку через него наиболее отчетливо проявляется отношение государства к пределам уголовной репрессии, ценности человеческой жизни и допустимости исключительных мер принуждения. История смертной казни в России — это не только история одного вида наказания, но и история изменения самой логики публичной власти: от мести и устрашения к юридической формализации, от полицейско-сословной охраны порядка к конституционной проблематике права на жизнь.

Для историко-правового анализа существенно различать фактическое применение смертной казни и ее нормативное оформление. В одни эпохи высшая мера достаточно редко закреплялась в тексте закона, но широко использовалась в практике чрезвычайной власти; в другие — напротив, оставалась в законе как символ суверенной карательной компетенции, хотя ее реальное применение ограничивалось. Поэтому исследование должно охватывать не только уголовные кодексы и древние памятники права, но и политико-правовой контекст, в котором формировались основания, пределы и процедуры назначения смертной казни.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении основных этапов исторического правового регулирования института смертной казни в России и определении закономерностей его трансформации. Для достижения этой цели необходимо: проследить генезис высшей меры наказания в древнерусском и московском праве; показать особенности ее кодифицированного оформления в имперский период; раскрыть специфику советской модели, сочетавшей нормативное ограничение и чрезвычайную репрессию; определить современный конституционно-правовой статус смертной казни в Российской Федерации.

1. Ранние формы нормативного закрепления смертной казни

В древнерусских источниках вопрос о смертной казни решался существенно иначе, чем в позднейшем централизованном государстве. Русская Правда в ее основных редакциях ориентировалась прежде всего на композиции, денежные взыскания и иные формы возмещения, а не на систематическое применение смертной казни. Это обстоятельство традиционно рассматривается в литературе как показатель сравнительно раннего этапа публичной карательной власти, когда уголовное преследование еще не было полностью монополизировано государством. [1]

Вместе с тем отсутствие развернутой системы смертных казней в Русской Правде не означает их полного отсутствия в реальной практике. Историки права справедливо отмечали, что в раннефеодальном обществе казнь могла применяться по обычаям, княжеской воле, в условиях военной необходимости или в отношении деяний, рассматривавшихся как угроза миру и власти, но далеко не всегда получала исчерпывающее текстуальное закрепление в сохранившихся правовых памятниках. [2]

Более отчетливое движение к государственному использованию смертной казни заметно в памятниках северо-западной Руси и особенно в законодательстве периода формирования централизованного Московского государства. Псковская судная грамота и затем Судебник 1497 года связывали высшую меру уже не только с местью за причиненный вред, но и с охраной публичного порядка, собственности и государственной устойчивости. Именно на этом этапе смертная казнь начинает выступать как инструмент подавления наиболее опасных посягательств, включая измену, поджог и квалифицированные формы татьбы. [3]

Судебник 1550 года продолжил данную тенденцию. Для него характерно не просто сохранение отдельных оснований смертной казни, а укрепление представления о государстве как центральном носителе карательной власти. Чем сильнее становилась централизованная администрация, тем заметнее высшая мера переходила из сферы исключительного возмездия в сферу публичного устрашения. В этом смысле раннее московское право уже предвосхищало последующую логику абсолютистского законодательства.

2. Московское государство и Российская империя: от широкой репрессии к кодифицированной исключительности

Качественный перелом в регулировании смертной казни связан с Соборным уложением 1649 года. Этот акт не просто перечислял отдельные случаи высшей меры, а формировал широкую репрессивную систему, в которой смертная казнь использовалась для охраны религии, государя, порядка управления, военной дисциплины, собственности и семейно-нравственных установлений. Масштаб распространения высшей меры в Уложении показывает, что она стала не эпизодическим, а системообразующим элементом карательной политики Московского государства. [4]

С юридико-технической точки зрения Соборное уложение демонстрирует важную особенность: смертная казнь закрепляется не как абстрактная исключительная мера, а как обыч-

ный, хотя и предельный, инструмент защиты политико-религиозного строя. В логике допетровского права вопрос стоял не о гуманизации наказания, а о сохранении порядка, понимаемого как единство веры, царской власти и сословной иерархии. Поэтому высокий удельный вес смертных казней отражал прежде всего модель государства, а не только уровень преступности.

В петровскую эпоху репрессивный потенциал высшей меры получил дальнейшее развитие. Артикул воинский 1715 года содержал значительное число составов, предусматривавших смертную казнь, и распространял ее логику на сферу военной службы, дисциплины и государственной безопасности. При этом для петровского законодательства характерно соединение европейской юридической техники с максималистским пониманием государственных интересов: смертная казнь выступала средством форсированного преобразования общества и поддержания воинско-бюрократического порядка. [5]

Однако уже во второй половине XVIII века в российской правовой мысли усиливаются ограничительные тенденции. Наказ Екатерины II, создававшийся под влиянием идей европейского Просвещения и, в частности, сочинения Чезаре Беккариа, исходил из того, что чрезмерная жестокость наказаний не является наилучшим средством предупреждения преступлений. Хотя полная и последовательная отмена высшей меры в империи не состоялась, сам факт включения в официальный государственный дискурс аргументов против смертной казни имел принципиальное значение. [6]

В XIX веке регулирование смертной казни приобретает более системный и юридически упорядоченный характер. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года закрепляло высшую меру значительно уже, чем допетровские памятники, связывая ее преимущественно с государственными и некоторыми особо тяжкими преступлениями. Здесь особенно заметен переход от казуистической множественности к кодифицированной иерархии наказаний, в которой смертная казнь сохраняется как вершина репрессивной шкалы, но уже не поглощает значительные массивы уголовно наказуемого поведения. [7]

Уголовное уложение 1903 года продолжило линию на сужение сферы смертной казни и ее превращение в действительно исключительную меру. На рубеже XIX–XX веков российское уголовное право уже воспринимало высшую меру не как универсальное средство охраны порядка, а как наказание, требующее специальных материальных и процессуальных оснований. Вместе с тем революционные потрясения начала XX века показали, насколько легко в условиях политического кризиса кодифицированные ограничения уступают место чрезвычайной репрессии. [8]

3. Советский период: между чрезвычайностью и нормативным ограничением

После 1917 года институт смертной казни приобрел качественно новое значение. Революция и Гражданская война породили правовую среду, в которой высшая мера стала не только уголовным наказанием, но и инструментом революционной защиты нового строя. Нормативные акты о революционных трибуналах, декреты периода красного террора и Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года демонстрируют тесное переплетение уголовно-правовых, политических и чрезвычайных начал. [9]

Советская доктрина нередко описывала смертную казнь как временную, исключительную меру, применяемую до окончательного укрепления социалистического порядка. Однако реальная история показывает, что временный характер неоднократно провозглашался и столь же неоднократно отступал перед политическими задачами государства. Уже Уголовный кодекс РСФСР 1922 года включал расстрел в систему наказаний как высшую меру социальной защиты по наиболее опасным деяниям. [10]

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года сохранил данную конструкцию. Для советского права этого периода характерна особая терминология социальной защиты и классовой опасности, в рамках которой смертная казнь могла обосновываться не только тяжестью конкретного деяния, но и политико-идеологической характеристикой виновного. Поэтому правовое регулирование высшей меры в СССР нельзя оценивать вне контекста расширительных полномочий государства и ослабления классических гарантий уголовной законности. [11]

В послевоенный период советская власть предприняла показательный шаг: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года смертная казнь была отменена в мирное время и заменена длительным лишением свободы. Сам по себе этот акт нередко рассматривается как важный гуманизационный жест, однако уже в 1950 году высшая мера была восстановлена по делам об измене, шпионаже и диверсиях, а в 1954 году — по делам об умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах. Это свидетельствует о нестабильности ограничительных решений, когда государство сохраняет за собой возможность быстрого возврата к предельной репрессии. [12; 13; 14]

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года закрепил смертную казнь как исключительную меру

наказания за строго определенный круг особо тяжких преступлений. Формально законодательная конструкция стала более определенной, а число составов — уже, чем в раннесоветские десятилетия. Но даже в этой модели высшая мера продолжала выполнять не только карательную, но и символико-политическую функцию: она подтверждала предел суверенной силы государства и демонстрировала готовность власти отвечать на наиболее опасные деяния абсолютным наказанием. [15]

4. Постсоветская Россия: конституционное ограничение и нормативный остаток

Новый этап регулирования института смертной казни начался с принятием Конституции Российской Федерации 1993 года. Часть 2 статьи 20 допустила существование смертной казни впредь до ее отмены как исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни, при обязательном предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. Тем самым конституционный текст одновременно признал высшую меру и заложил механизм ее постепенного вытеснения из правовой системы. [16]

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года сохранил смертную казнь в статье 59, но существенно сузил ее сферу по сравнению с прежними эпохами. Законодатель связал высшую меру только с особо тяжкими преступлениями, посягающими на жизнь, и предусмотрел запрет ее назначения женщинам, несовершеннолетним и мужчинам, достигшим к моменту вынесения приговора шестидесятипятилетнего возраста. Таким образом, постсоветское уголовное право формально сохраняло институт смертной казни, но переводило его в режим максимально узкой и исключительной применимости.

Решающую роль в фактическом прекращении применения смертной казни сыграла конституционная юрисдикция. Постановлением от 2 февраля 1999 г. № 3-П Конституционный Суд Российской Федерации признал невозможным вынесение смертных приговоров до введения суда присяжных на всей территории страны. Впоследствии, когда этот организационный барьер должен был быть устранен, Конституционный Суд в Определении от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р указал, что в России сформировался устойчивый конституционно-правовой режим, исключающий назначение смертной казни и ориентированный на ее отмену. [17; 18]

В результате сложилась правовая конструкция, которую можно охарактеризовать как нормативный остаток при фактическом неприменении. Статья 59 УК РФ сохраняется в тексте закона, а глава 23 Уголовно-исполнительного кодекса формально регулирует исполнение смертной казни, однако конституционно-правовой смысл действующего регулирования исключает назначение и приведение в исполнение данного наказания. Эта ситуация представляет значительный теоретический интерес: высшая мера перестает быть действующим карательным инструментом, но остается индикатором незавершенности законодательной декриминализации самого института.

Современное значение исторического опыта состоит в том, что он показывает двойственную природу смертной казни в российском праве. С одной стороны, государство на протяжении веков рассматривало ее как предельное средство защиты суверенитета, порядка и безопасности. С другой стороны, именно развитие юридических гарантий, процессуальных стандартов и конституционного понимания права на жизнь постепенно сделало дальнейшее применение высшей меры несовместимым с базовыми принципами правового государства.

Заключение

История правового регулирования смертной казни в России демонстрирует движение от разрозненных и частично обычноправовых форм применения высшей меры к ее широкой институционализации в эпоху централизованного государства, затем — к кодифицированной исключительности и, наконец, к конституционно обусловленному вытеснению из действующей практики. На каждом этапе изменялись не только перечни преступлений, караемых смертью, но и сама правовая функция данного института.

Для московского и раннеимперского права смертная казнь была частью общего механизма поддержания политико-религиозного и сословного порядка. Для позднеимперского законодательства — крайней, но уже более формализованной мерой государственного принуждения. Для советского периода — одновременно уголовно-правовой санкцией и инструментом чрезвычайной политической мобилизации. Для современного российского права — юридически сохраняемым, но конституционно заблокированным институтом, существующим в режиме переходного правового остатка.

Тем самым историко-правовой анализ показывает: вопрос о смертной казни в России всегда был шире вопроса о наказании как таковом. Через него раскрываются фундаментальные характеристики государства, модели суверенитета, уровень ценности личности в праве и степень доверия законодателя к иным средствам уголовно-правового воздействия. Поэтому история смертной казни — это одновременно история границ публичной власти и история постепенного утверждения идеи приоритета права на жизнь.

Историческая перспектива позволяет также увидеть, что нормативное сужение сферы смертной казни не происходило в России линейно. Напротив, почти каждый этап относительной гуманизации сопровождался риском обратного движения в условиях войны, внутреннего кризиса или смены политического режима. Так было после просветительских дискуссий XVIII века, когда имперское законодательство сохранило высшую меру для государственных преступлений; так было и в советский период, когда декларации о временном и исключительном характере расстрела неоднократно уступали место расширению чрезвычайных полномочий. Эта историческая неустойчивость подтверждает, что для реального отказа от смертной казни недостаточно одной уголовно-правовой формулы: необходимы устойчивые институциональные гарантии, судебная независимость и конституционный консенсус относительно абсолютной ценности человеческой жизни.

С теоретической точки зрения институт смертной казни особенно наглядно демонстрирует различие между формальной действительностью нормы и ее конституционно-правовым смыслом. Российский опыт конца XX — начала XXI века уникален тем, что высшая мера еще сохраняется в тексте уголовного закона, но уже утратила характер реально применимого наказания. Это означает, что современное состояние института определяется не только диспозицией статьи 59 УК РФ, но и совокупностью конституционных положений, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, международно-правовых ориентиров и сложившихся гарантий права на жизнь. В таком контексте история смертной казни завершает эволюцию от карательного символа суверена к проблеме конституционных пределов государственной власти.

Практическое значение данного вывода состоит в том, что дальнейшее обсуждение судьбы смертной казни в российском праве не может быть сведено к аргументам об эффективности устрашения или общественном запросе на более жесткое наказание. Исторический материал убеждает в обратном: периоды усиления высшей меры чаще совпадали не с юридической рациональностью, а с расширением чрезвычайного начала, дефицитом процессуальных гарантий и преобладанием политической целесообразности над правом. Поэтому для современного законодателя важен не возврат к прежним моделям, а окончательное нормативное разрешение сложившегося противоречия между сохраняющимся текстом уголовного закона и фактическим конституционным неприменением смертной казни.

Список литературы:

[1] Русская Правда // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература, 1984. 430 с.

[2] Исаев И. А. История государства и права России: учебник. 4-е изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 799 с.

[3] Судебник 1497 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1985; Судебник 1550 г. // Там же.

[4] Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 4. М.: Юридическая литература, 1986. 78 с.

[5] Артикул воинский 1715 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 4. М.: Юридическая литература, 1986. 255 с.

[6] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: ИНФРА-М, 2010; Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения 1767 г. 182 с.

[7] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.; Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 2. СПб., 1902. 966 с.

[8] Уголовное уложение 1903 г. СПб.: Государственная типография, 1903. CLXXII, 340 с.

[9] Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. Постановление НКЮ РСФСР от 12 декабря 1919 г.; Декреты о суде и революционных трибуналах 1917–1918 гг.

[10] Уголовный кодекс РСФСР 1922 года. « Собрание узаконений РСФСР «, 1922, N 15, ст. 153.

[11] Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года. «Собрание узаконений РСФСР», 1926, №80, ст. 600.

[12] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни». Ведомости Верховного Совета СССР. 1947 г. № 17.

[13] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 г. «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам». Ведомости Верховного Совета СССР. 1960 г. № 3.

[14] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1954 г. «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство». «Ведомости Верховного Совета СССР» 1954 г. № 11.

[15] Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

[16] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[17] Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 6. Ст. 867.

[18] Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 1.

References:

[1] Russkaya Pravda // Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes / edited by O. I. Chistyakov. Volume 1: Legislation of Ancient Rus'. Moscow: Legal Literature, 1984. 430 pages.

[2] Isaev, I. A. History of the State and Law of Russia: textbook. 4th ed. Moscow: Norma: INFRA-M, 2020. 799 pages.

[3] Sudebnik of 1497 // Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes / edited by O. I. Chistyakov. Volume 2. Moscow: Legal Literature, 1985; Sudebnik of 1550 // Ibid.

[4] Cathedral Code of 1649 // Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes / edited by O. I. Chistyakov. Vol. 4. Moscow: Legal Literature, 1986. 78 p.

[5] Military Article of 1715 // Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes / edited by O. I. Chistyakov. Vol. 4. Moscow: Legal Literature, 1986. 255 p.

[6] Beccaria C. On Crimes and Punishments. Moscow: INFRA-M, 2010; Instruction of Catherine II to the Commission on drafting a new Code of 1767. 182 p.

[7] Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845; Tagantsev N. S. Russian Criminal Law. General Part. Vol. 2. St. Petersburg, 1902. 966 p.

[8] Criminal Code of 1903. St. Petersburg: State Printing House, 1903. CLXXII, 340 p.

[9] Guidelines for Criminal Law of the RSFSR. Resolution of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR of December 12, 1919; Decrees on the Court and Revolutionary Tribunals of 1917–1918.

[10] Criminal Code of the RSFSR of 1922. "Collection of Laws of the RSFSR", 1922, No. 15, Art. 153.

[11] Criminal Code of the RSFSR, 1926 edition. "Collection of Laws of the RSFSR", 1926, No. 80, Art. 600.

[12] Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of May 26, 1947, "On the Abolition of the Death Penalty." Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1947, No. 17.

[13] Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of January 12, 1950, "On the Application of the Death Penalty to Traitors to the Motherland, Spies, and Subversives-Saboteurs." Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1960, No. 3.

[14] Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of April 30, 1954, "On Strengthening Criminal Liability for Intentional Murder." "Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR", 1954, No. 11.

[15] Law of the RSFSR of October 27, 1960, "On Approval of the Criminal Code of the RSFSR" // Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. No. 40. Art. 591.

[16] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25; Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

[17] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 2, 1999, No. 3-P // Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 6. Article 867.

[18] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 19, 2009 No. 1344-O-R // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2010. No. 1.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-495-500

АЛЕКСАНОВА Татьяна Викторовна,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета «Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского», e-mail: Aleksanova@yandex.ru

ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫБОРА ЗАЯВИТЕЛЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФОРМ ЗАЩИТЫ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос о соотношении оптимизации гражданского судопроизводства с эффективностью защиты субъективных прав и законных интересов лиц, участвующих в деле. Приводятся плюсы и минусы ускоренных и ординарного производства. Делается акцент на необходимость усиления диспозитивных начал при определении вида производства с учетом расширения в гражданском процессе объема дел, подлежащих рассмотрению в порядке ускоренных процедур. Ставится вопрос об эффективности защиты прав сторон при императивном подходе законодателя к разрешению дел в неординарных видах производств. Предлагается вернуться к закреплению альтернативного выбора процессуальной процедуры защиты прав по волеизъявлению заявителя.*

Ключевые слова: *приказное, упрощенное производство, процессуальная форма и процедура, эффективность защиты права*

ALEKSANOVA T.V.,
senior lecturer of the Department of civil law and process of the law facultyof the N.I. Lobachevsky

THE APPLICANT'S ABILITY TO CHOOSE PROCEDURAL FORMS OF PROTECTION FOR SUBJECTIVE RIGHTS THROUGH THE PRISM OF THE EFFECTIVENESS OF JUDICIAL PROTECTION IN CIVIL PROCEEDINGS

Annotation. *This article examines the relationship between the optimisation of civil proceedings and the effectiveness of the protection of the subjective rights and legitimate interests of the parties involved in the case. The pros and cons of expedited and ordinary proceedings are outlined. Emphasis is placed on the need to strengthen the dispositive principles when determining the type of proceedings, taking into account the expansion in civil proceedings of the scope of cases subject to consideration under expedited procedures. The question is raised regarding the effectiveness of protecting the rights of the parties when the resolution of cases in non-standard types of proceedings is imperatively determined. It is proposed to return to enshrining the alternative choice of procedural method for the protection of rights solely at the discretion of the claimant.*

Key words: *summary proceedings, simplified proceedings, procedural form and procedure, effectiveness of legal protection.*

Одной из задач гражданского судопроизводства является правильное и своевременное разрешение гражданского дела с целью защиты прав лиц. Такая защита должна быть эффективной, то есть в полном объеме способствовать восстановлению нарушенного права. Согласно Н.А. Чечиной эффективность – это, прежде всего, «соотношение между фактическим результатом и теми социальными целями (конституционными задачами), для достижения которых судебные органы созданы» [11, с.30]. Процессуальная процедура ради самой процедуры вряд ли была бы кем-то востребованной. Учитывая особенность гражданских процессуальных правоотношений - их властный характер, порядок рассмотрения и разрешения гражданских дел в судах должен быть с одной стороны детально закреплен в нормах гражданского процессуального законодательства, а с другой - понятен лицам, обратившимся в суд за защитой

своих прав, свобод и законных интересов и способствовать реализации принципа доступности правосудия. Большой объем рассматриваемых гражданских дел в судах первой инстанции подталкивает законодателя к внедрению ускоренных производств с целью оптимизации гражданского процесса. Что означает достижение окончательной цели гражданского судопроизводства с минимальным совершением процессуальных действий. Особое положение, в связи с этим, занимают так называемые ускоренные производства, к которым законодатель, в частности, относит приказное и упрощенное.

Но каков баланс между оптимизацией и эффективностью гражданского судопроизводства. Всегда ли «упрощение» ускоряет процесс, делает его доступным, понятным и способным достичь поставленных целей? Для ответа на этот вопрос необходимо исходить из того, что гражданский процесс является непрофессиональным процессом в отличие от арбитражного, где также имеет место упрощенное производство и треть всех дел рассматривается судом именно по правилам этого производства. Простому обывателю трудно разобраться в «дебрях» процессуальных положений при отсутствии устной коммуникации в суде. На наш взгляд, упрощенное производство облегчает только деятельность суда, а не лиц, участвующих в деле. Стоит согласиться с мнение Т.В. Сахновой, которая считает, что «В любом случае заинтересованным лицам должна быть гарантирована возможность судебной защиты в развернутой процедуре, по всем правилам цивилистической процедуры» [7, с.35].

Небольшой ракурс в историю становления ускоренных процедур поможет показать отношение законодателя к этому вопросу. Приказное производство появилось еще в ГПК РСФСР в 1995 году, затем трансформировалось в ГПК РФ 2002 года. Федеральным законом от 2 марта 2016 года № 45-ФЗ в Гражданский процессуальный кодекс РФ была введена глава 21.1 «Упрощенное производство» [3]. Таким образом, с 1 июня 2016 года в гражданском процессе появилась возможность рассмотрения гражданских дел в порядке упрощенного производства. По крайней мере, несколько причин способствовали принятию указанных изменений в Гражданский процессуальный кодекс РФ. Первая из них – снижение нагрузки судов при рассмотрении гражданских дел, которые не требовали столь развернутого процесса в силу своей малозначительности. Вторая, учет выработанных Рекомендацией Совета Европы от 14 мая 1981 года № R (81) 7 [2] мер по облегчению доступа частных лиц к правосудию. И наконец, третья, связанная с процессом унификации норм гражданского и арбитражного процессов. Одновременно в Арбитражном процессуальном кодексе РФ появилась глава 29.1 «Приказное производство».

С принятием Федерального закона № 451-ФЗ от 28 ноября 2018 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] расширен перечень категорий дел, подлежащий рассмотрению в порядке ускоренных производств, а именно расширен перечень требований, подлежащих рассмотрению в порядке приказного производства. Затем Федеральным законом от 12.06.2024 № 135-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» [1] увеличена цена иска, позволяющая суду без согласия сторон (прежде всего истца) разрешать дела по правилам упрощенного производства. Таким образом, отчетливо наблюдается тенденция к расширению категорий дел, подлежащих рассмотрению в порядке ускоренных производств. Отметим, российское процессуальное законодательство рассматривает приказное производство как в известной степени альтернативную исковому производству процедуру. Так, судья возвращает исковое заявление на основании п.1.1 части 1 статьи 135 ГПК РФ, если заявленные требования подлежат рассмотрению в порядке приказного производства.

На сегодняшний момент ускоренные производства в гражданском процессе обладают рядом свойств, объединяющих их в связи с единством поставленной цели. Так, требования, предъявленные в приказном и упрощенном производстве, рассматриваются без вызова сторон, без назначения и проведения судебного заседания (т.е. и без ведения протокола судебного заседания), судьей единолично. Судебные постановления принимаются лишь на основе документов (письменных доказательств).

Однако имеют место и существенные отличия. Прежде всего, это связано с особенностями действия принципа состязательности. Так, приказное производство является самостоятельным видом гражданского производства, где отсутствует спор о праве (не в материальном смысле, а в смысле бесспорности (доказанности) заявленного требования). Взыскатель должен в полном объеме подтвердить заявленное им требование. При этом аргументы должника при вынесении судебного приказа мировым судьей не учитываются. После отказа в принятии заявления о вынесении судебного приказа или отказа в добровольном его исполнении должником заявитель имеет возможность повторно обратиться в суд с тождественным требованием в порядке искового производства (которое может быть рассмотрено, в том числе и в порядке упрощенного).

Упрощенное же производство – это всего лишь разновидность искового производства, где присутствует спор о праве, что не исключает состязательности гражданского процесса с учетом позиции обеих сторон спора. Стороны могут обмениваться доказательствами и правовыми позициями по делу. Однако стоит заметить, что в упрощенном производстве принцип состязательности и процессуального равенства сторон действует в усеченном порядке, так как стороны состязаются в представлении только лишь письменных доказательств. Представление других видов средств доказывания в ускоренных производствах невозможно. Следует согласиться с мнением Е.В. Медведевой, что «… основным аспектом для выбора между упрощенным и приказным производством … является бесспорность требования заявителя» [8, с 169].

Существенное отличие указанных производств имеется и в самих заявленных требованиях, и в их характерной особенности.

Обращение с заявлением о вынесении судебного приказа возможно, а по сути и необходимо, в случаях, строго определенных законодателем, при цене требования, не превышающей 500 000 рублей, что препятствует первоначальному возбуждению гражданского дела в порядке искового производства. Верно подчеркнуто Е.С. Смагиной, что «…, при наличии «пересекающихся» категорий дел законодатель отдает предпочтение их рассмотрению не в состязательном, пусть и упрощенном, процессе, а в приказном производстве, причем императивно» [10, с. 59]. Рассмотрение дела в порядке упрощенного производства возможно без согласия сторон при цене иска, не превышающей 250 000 рублей, а по желанию сторон и в иных случаях. В приказном производстве не может быть заявлено требование об истребовании недвижимого имущества. Кроме того, в порядке приказного производства не подлежат рассмотрению требования о возмещении убытков, причиненных неисполнением (ненадлежащим исполнением договора), о компенсации морального вреда, о расторжении договора, о признании сделки недействительной.

Также не подлежит рассмотрению требование о неосновательном обогащении. Размер денежных сумм, подлежащих взысканию, должен быть определен в твердой сумме с учетом основных платежей, процентов, неустоек, штрафов и т.д., и не подлежит перерасчету на дату выдачи судебного приказа, а также фактического исполнения денежного обязательства по сравнению с упрощенным производством. Также не могут быть взысканы судебные издержки. Вышеуказанные разъяснения содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62[5]. Таким образом, законодатель делает акцент именно на бесспорность заявленных требований и соответственно обязывает заявителя обратиться изначально в суд с заявлением о выдачи судебного приказа.

Главной целью заявителя при обращении в суд является защита своего нарушенного субъективного права своевременно и в полном объеме. А это достигается не только путем получения положительного судебного акта, вынесенного судом в разумные сроки и в соответствии с законом, но его исполнения. Заранее предполагая отказ должника от добровольного исполнения судебного приказа, учитывая невозможность принятия мер обеспечительного характера, вероятнее всего, заявителю было бы гораздо выгоднее обратиться в суд изначально с исковым заявлением, а не с заявлением о выдачи судебного приказа.

Несмотря на обязательность обращения в суд с требованиями о взыскании денежных средств, указанных в главе 11 ГПК РФ, исключительно в порядке приказного производства, на практике сложилась довольно устойчивая ситуация, при которой заявитель, по сути, может сам определять в каком порядке, и в какой форме ему следует защищать нарушенное право. Главное, чтобы заявленные им требования не отвечали критерию бесспорности. Так, не подлежит возвращению исковое заявление в соответствии со статьей 135 части 1 пункта 1.1 ГПК РФ по требованию о взыскании задолженности, не превышающей 500 000 рублей, а подлежит рассмотрению по существу именно в порядке искового производства (а при цене иска до 250 000 рублей в порядке упрощенного), если истец просит взыскать сумму процентов или пени по момент фактического исполнения обязательств[5]. Или же истец просит взыскать судебные издержки, связанные с оплатой услуг представителя.

Таким образом, на сегодняшний день формулирование заявленных требований заявителем позволяет обращение непосредственно в исковое производство, минуя приказное. То есть, возможность выбора формы защиты права у заявителя все же есть, несмотря на официальное отсутствие таковой альтернативы по нормам ГПК РФ. Данный вывод вытекает из сложившейся еще в 2017 году судебной практики. Верховный Суд РФ, Кассационные суды общей юрисдикции и апелляционные коллегии судов субъектов РФ не раз указывали судам первой инстанции на возможность обращения в суд непосредственно с исковым заявлением минуя этап подачи заявления о вынесении судебного приказа при формулировании требований, не подлежащих рассмотрению в порядке приказного производства.

Примером тому служит Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 22 августа 2017 г. по делу № 33-9635/2017[12]. Однако, при цене иска не превышающим 250 тысяч рублей истец рискует остаться также в ускоренном производстве, только теперь в упрощенном, где также отсутствует устная коммуникация и дело подлежит рассмотрению без вызова лиц, участвующих в дела, на основании лишь письменных представленных доказательств [4].

Кроме того, хотелось бы официального закрепления в ГПК РФ положения, позволяющего заявителю сразу обратиться в суд именно с исковым заявлением о защите своего права. Это положение должно действовать в случаях, когда заявленное им требование изначально является небесспорным, например, по причине отсутствия письменных документов, на 100% подтверждающих заявленное требование, или ввиду необходимости участия свидетелей, назначения судебной экспертизы и т.д. Таким образом, не через обращение к мировому судье с заявлением о вынесении судебного приказа и получение отказа ввиду усмотрения наличия спора о праве на основании пункта 3 части 3 статьи 125 ГПК РФ, а непосредственно через подачу искового заявления без его возвращения по пункту 1.1 части 1 статьи 135 ГПК РФ.

Ускоренные производства имеют и другие отличия. По родовой подсудности: дела о вынесении судебного приказа подсудны только мировым судьям, упрощенного: как мировым судьям, так и районным (городским) судам. Этот момент в дальнейшем может иметь существенное значение при обжаловании судебных актов. Субъектами приказного производства являются взыскатель и должник, упрощенного: истец и ответчик. Однозначно в приказном производстве не допускается привлечение третьих лиц.

Свое обращение в суд взыскатель оформляет заявлением о вынесении судебного приказа, истец – исковым заявлением. Государственная пошлина при подаче заявления - 50% ставки, установленной для исковых заявлений.

В приказном производстве отсутствует возможность совершения мировым судьей таких процессуальных действий как оставление заявления без движения и без рассмотрения, прекращение и приостановление производства. Не допускается применение обеспечительных мер, что в дальнейшем может затруднить исполнение судебного постановления в полном объеме и в разумные сроки.

Срок вынесения судебного приказа – 10 дней с момента подачи заявления взыскателем. Дела в порядке упрощенного производства рассматриваются судом в срок, не превышающий двух месяцев со дня поступления искового заявления в суд. Судебный приказ является исполнительным документом. Для исполнения судебного решения, вынесенного в упрощенном порядке, необходима выдача судом исполнительного листа. Наиболее существенное отличие, на наш взгляд, имеется в порядке обжалования судебных постановлений. Так, судебный приказ не подлежит обжалования в апелляционном порядке. Он может быть обжалован только в порядке кассации, т.е. в суде третьей инстанции. Для обжалования судебного решения, вынесенного в порядке упрощенного производства, предусмотрен, хотя и сокращенный срок, но порядок обжалования в апелляционном порядке. Почти десять лет, как в гражданском процессе действуют нормы, регулирующие порядок рассмотрения гражданских дел в упрощенном порядке. Много возникает вопросов, как у судей, так и у других участников процесса по поводу правильного применения норм ГПК РФ. Отчасти официальные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ разрешили ряд проблемных положений. Однако остаются еще неразрешенные вопросы, например, связанные с участием в упрощенном производстве третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, с возможностью заявления и удовлетворения ходатайств сторонами об истребовании письменных доказательств по делу. Важным является вопрос, поставленный Л.В. Тумановой, гарантирующие справедливое рассмотрение гражданского дела и вынесения законного и обоснованного судебного решения, «… в какое время судье рассматривать дело в порядке упрощенного производства» [13, с.391]. Никто же не снимал с судьи обязанности по правильному определению предмета судебного доказывания, распределению обязанностей по доказыванию между сторонами, по исследованию и оценки доказательств. Каким образом в упрощенном производстве должен разрешаться вопрос об отводе судьи? И самое главное – каким образом реализуется принцип независимости судей и подчинения их только закону? Как соблюдается правило о тайне совещания судей при принятии решения, нарушение которого является безусловным основаниям для отмены судебного решения в апелляционном порядке (ст.330, ч.4, п.7 ГПК РФ)?

Таким образом, при отсутствии процессуальной формы или многочисленных ее элементов в ускоренных производствах особого внимания заслуживает высказывание Н.А. Громошиной: «Давая общую оценку изменениям упрощенных производств, следует заметить, что их можно было бы принять, если бы в диспозитивном судопроизводстве они оставались бы процедурами выбора. Особенно это касается приказного производства. Его расширение до тех масштабов,

что мы видим сегодня, свидетельствует о замене правосудия его суррогатом, об очень опасной тенденции, о которой не принято говорить: тенденции забвения конституционных положений, невыполнение государством его обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина» [7, с.19]. Пока, к сожалению, больше вопросов, чем ответов. Надеемся, что в скорейшем времени судебная практика разрешит все поставленные вопросы. А законодатель не предпримет попыток расширения категорий гражданских дел, подлежащих рассмотрению в порядке ускоренных процедур.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 12.06.2024 N 135-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 25. Ст.3399

[2] Федеральный закон от 28.11.2018 N 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»//Собрание законодательства РФ.2018. № 49 (часть1). Ст. 7523

[3] Федеральный закон от 02.03.2016 № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»//СЗ РФ, 07.03.2016, № 10, Ст.1319.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 N 10 (ред. от 05.04.2022) «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 6, июнь, 2017.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 (ред. от 05.04.2022) «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль, 2017.

[6] Рекомендации R (81) 7 Комитета министров Совета Европы государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию от 14 мая 1981 г.//СПС «КонсультантПлюс».

[7] Громошина Н.А. Очередной шаг в упрощении цивилистического процесса: оценки и перспективы // «Законы России: опыт, анализ, практика». 2019. № 10. С.19.

[8] Медведева Е.В. «Сравнительный анализ упрощенного производства в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации и Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации» //Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 1(50). С.169.

[9] Сахнова Т.В. «Неполные» судебные процедуры в современном цивилистическом процессе // «Вестник гражданского процесса». 2021. № 4. С.35.

[10] Смагина Е.С. Проблемы упрощенного производства в гражданском процессе // «Законы России: опыт, анализ, практика». 2016. № 9. С.59.

[11] Чечина Н.А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. Л. 1987.С.30.

[12] Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 22 августа 2017 г. по делу № 33-9635/2017 // СПС «КонсультантПлюс.

[13] Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) /под общ. ред. Л.В. Тумановой. 2-е изд. перераб. и доп. Москва : Проспект. 2018. С.391

References:

[1] Federal Law of June 12, 2024, No. 135-FZ “On Amendments to the Civil Procedure Code of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 25. Article 3399.

[2] Federal Law of November 28, 2018, No. 451-FZ (as amended on October 17, 2019) “On Amendments to Legislative Acts of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 49 (Part 1). Article 7523.

[3] Federal Law of March 2, 2016 No. 45-FZ “On Amendments to the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation, March 7, 2016, No. 10, Article 1319.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 18, 2017 No. 10 (as amended on April 5, 2022) “On Certain Cases of Application of Judicial Rules of the Provisions of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation on Simplified Proceedings” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 6, June 2017.

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2016 No. 62 (as amended on 05.04.2022) “On certain provisions for the application of judicial provisions of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation on summary proceedings // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 2, February 2017.

[6] Recommendation R (81) 7 of the Ministers of the Council of Europe to member states respectively on ways of facilitating access to justice of 14 May 1981 // SPS “ConsultantPlus”.

[7] Gromoshina N.A. The next step in simplifying the civil procedure: assessments and prospects // “Laws of Russia: experience, analysis, practice”. 2019. No. 10. P. 19.

[8] Medvedeva E.V. “Comparative analysis of simplified proceedings in the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation and the Civil Procedure Code of the Russian Federation” // Bulletin of Omsk University. Series “Law”. 2017. No. 1 (50). P. 169.

[9] Sakhnova T.V. “Incomplete” bobble procedures in modern civil procedure // “Bulletin of the Graphic Process”. 2021. No. 4. P. 35.

[10] Smagina E.S. Problems of simplified proceedings in civil procedure // “Laws of Russia: experience, analysis, practice”. 2016. No. 9. P. 59.

[11] Chechina N.A. Main directions of development of the science of Soviet graphic procedural law. L. 1987. Page 30.

[12] Appellate Ruling of the Nizhny Novgorod Regional Court of August 22, 2017, in Case No. 33-9635/2017 // SPS “ConsultantPlus”.

[13] Commentary on the Civil Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article) / edited by L.V. Tumanova. 2nd revised and enlarged edition. Moscow: Prospect. 2018. Page 391.

Для заметок

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

(№ 2 февраль)
2026 год

Подписано в печать 23.02.2026.
Формат 60x90/8. Печ. л. 62,75. Тираж 100 экз. Заказ № 21.

Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.
г. Орехово-Зуево Московской области, ул. Ленина, д.102.